Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук

На правах рукописи

Мимоход Роман Алексеевич

Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира

Исторические науки:
5.6.3 – археология

диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 1

Москва – 2022

Содержание

ТОМ 1

Введение…….....5

Глава 1. История выделения и изучения посткатакомбных памятников в Нижнем Поволжье, Волго-Уралье и Предкавказье

§ 1. История выделения и изучения посткатакомбных памятников в Предкавказье……...11

§ 2. История выделения и изучения посткатакомбных памятников в Нижнем Поволжье и Волго-Уралье……31

Глава 2. Волго-донская бабинская культура……42

§ 1. Территория……...42

§ 2. Погребальный обряд……43

§ 3. Характеристика погребального инвентаря и сопоставительные материалы……..……77

§ 4. Периодизация и хронология……119

§ 5. Погребения днепро-донской бабинской культуры в ареале волго-донской бабинской культуры…….129

Глава 3. Лолинская культура……..135

§ 1. Территория……..135

§ 2. Погребальный обряд……..137

§ 3. Характеристика погребального инвентаря……...157

§ 4. Периодизация и хронология…….216

Глава 4. Невинномысская культура……..235

§ 1. Территория……..235

§ 2. Погребальный обряд……..236

§ 3. Характеристика погребального инвентаря и сопоставительные

***материалы*……....257**

***§ 4. Локальные варианты*……....314**

***§ 5. Периодизация и хронология*……321**

ТОМ 2

Содержание……2

Глава 5. Волго-уральская культурная группа…….....4

***§ 1. Территория*……4**

***§ 2. Погребальный обряд*……..6**

***§ 3. Характеристика погребального инвентаря и сопоставительные материалы*……..25**

***§ 4. Периодизация и хронология*……..43**

Глава 6. Блок посткатакомбных культурных образований в системе хронологии западной части Старого Света……51

***§ 1. Линии синхронизации*…….....52**

***§ 2. Радиоуглеродная хронология*……...94**

Глава 7. Культурогенез на востоке посткатакомбного мира: не только там и не только об этом……113

***§ 1. Блок посткатакомбных культурных образований (решение проблемы)*……...113**

***§ 2. Культурный круг Бабино и культурный круг Лола: различия в единстве*……122**

***2.1. Культурный круг Бабино*……....123**

***2.2. Культурный круг Лола*……128**

***2.3. Различия в единстве*……132**

***§ 3. Миграции, культурогенез и палеоклимат*……..144**

***3.1. Культурный круг Лола и кавказская миграция*……...147**

***3.2. Культурный круг Бабино и европейская миграция*……157**

3.3. Средневолжская абашевская культура и культура колоколовидных кубков: наброски к семейному портрету….176

3.4. Палеоклимат и миграции в контексте причинно-следственной связи……201

§ 4. Металлопроизводство в конце III – начале II тыс. до н.э., причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве Юга Восточной Европы……....226

§ 5. Очерк о войне в посткатакомбном мире……..….233

5.1. Военные конфликты по материалам погребальных памятников……..234

5.2. Штурм Ливенцовско-Каратевской крепости: война миров или война внутри мира?.....248

5.3. Динамика развития, культурная специфика и хронология военных конфликтов……..261

§ 6. Посткатакомбный мир и культурогенез начала поздней бронзы……...……..272

Заключение……297

ТОМ 3

Содержание……2

Приложение к главе 1……3

Приложение к главе 2……25

Приложение к главе 3……..32

Приложение к главе 4……..37

Приложение к главе 5…….....41

Приложение к главе 6……42

Список сокращений в тексте…….....72

Список сокращений в литературе и архивных материалах……73

Литература……...…75

Архивные материалы……...216

Иллюстрации…….....237

Введение

Финал среднего бронзового века (далее СБВ) на юге Восточной Европы – это время кардинального переоформления культурной ситуации. На огромной территории от Дуная до Урала произошел распад катакомбной культурно-исторической общности, на осколках которой сформировался блок посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005).

Актуальность темы. До относительно недавнего времени пласт памятников этого периода в степном Нижнем Поволжье, Волго-Уралье, Западном и Южном Предкавказье выделен не был. В Северо-западном Прикаспии в финале средней бронзы существовала лолинская культура, которая получила развернутую характеристику (Мимоход, 2013). Данная ситуация также диссонировала с территорией Днепро-Донского междуречья и Северного Причерноморья, где катакомбные древности отделены от позднебронзовых комплексами днепро-донской и днепро-прутской бабинских культур (ДДБК и ДПБК) (Литвиненко, 2009; 2011а). Складывалась парадоксальная ситуация. Понятие «финал средней бронзы» за пределами ареала этих культур и лолинской оказалось не наполнено конкретным материалом, поэтому в литературе существовало мнение о том, что катакомбные культуры не исчезают одновременно, а в Западном Южном Предкавказье, Нижнем Поволжье и Волго-Уралье позднекатакомбные памятники доживают до начала позднего бронзового века. При этом остро ощущалось явное отсутствие прямой генетической связи между катакомбными и позднебронзовыми древностями. Как следствие, одной из наиболее актуальных проблем для археологии бронзового века указанных территорий стало выделение пласта памятников финала СБВ, который занимает хронологическую позицию между катакомбными и позднебронзовыми древностями. Это представляется особенно важным с учетом того, что сейчас все более становится очевидным участие посткатакомбных образований в генезисе культур поздней бронзы, а многие

стандарты инвентарного комплекса и погребальной обрядности таких масштабных культур как срубная, сабатиновская и алакульская, были заложены именно в посткатакомбное время.

За последнее десятилетие установлены четкие критерии вычленения материалов финала СБВ в Нижнем Поволжье, Волго-Уралье и Западном Предкавказье. Здесь были выделены волго-донская бабинская культура (ВДБК) (Мимоход, 2013в; 2014), волго-уральская культурная группа (ВУКГ) (Мимоход, 2010а; 2021а) и невинномысская культура (Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022). Выделение этих культурных образований позволило сформировать структуру посткатакомбного блока и разработать концепцию культурных кругов Бабино и Лола. Так вышло, что именно на востоке посткатакомбного мира в Предкавказье, Нижнем Поволжье и Волго-Уралье древности заключительного периода средней бронзы были выделены позже, чем в доно-прутском регионе, где давно было известно о существовании культуры многоваликовой керамики (ныне Бабино). Восточная часть посткатакомбной ойкумены, которую составляют указанные регионы, оказалась территорией активных культурно-генетических процессов с участием социумов и культурного круга Бабино (ДДБК и ВДБК) и культурного круга Лола (лолинская, невинномысская культуры и ВУКГ). Полная и развернутая характеристика Волго-Донского Бабино, волго-уральской группы и, в особенности, невинномысской культуры пока не были окончательно представлены так же, как до конца не были реконструированы культурно-генетические процессы, которые привели в финале СБВ к появлению новых культур, становлению посткатакомбного блока и оформлению культурного круга Бабино и культурного круга Лола.

Цель и задачи исследования. *Целью* настоящей работы является полная характеристика культурных образований на востоке посткатакомбного мира, разработка концепции их происхождения, реконструкция миграционных процессов в контексте природно-климатических флюктуаций. Для ее достижения необходимо решение следующих *задач*:

1. создание реестра и систематизация всей имеющейся на сегодняшний день источниковой базы посткатакомбных погребений Предкавказья, Нижнего Поволжья и Волго-Уралья;

2. выявление основных черт погребального обряда и материальной культуры ВДБК, ВУКГ, лолинской и невинномысской культур, определение их культурной специфики;

3. разработка периодизации блока посткатакомбных культурных образований, установление относительной и радиоуглеродной хронологий;

4. установление характера и направленности межкультурных связей;

5. раскрытие основных механизмов культурогенеза блока посткатакомбных культурных образований вообще и в восточной ее части, в частности.

Таким образом, **предметом исследования** являются погребальные памятники финала средней бронзы Предкавказья, Нижнего Поволжья и Волго-Уралья: археологические следы погребальных ритуалов, сопроводительный инвентарь, овеществленные проявления хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры населения региона данного периода.

Объект исследования – происхождение, развитие и историческая судьба культурных образований, а также культурно-исторические процессы на указанных территориях и в сопредельных регионах в конце среднего – начале позднего периодов бронзового века.

Географические рамки исследования охватывают Предкавказье, Волго-Донское междуречье, Нижнее и юг Среднего Поволжья и Волго-Уралье. На этих территориях находятся основные ареалы лолинской и невинномысской культур, ВДБК и ВУКГ. Именно эти территории в исследовании обобщенно называются «восточная часть посткатакомбного мира».

Хронологические рамки исследования – это время существования блока посткатакомбных культурных образований в рамках 2200–1800 CalBC. Посткатакомбный блок (ПКБ) прошел в своем развитии три периода: фаза ПКБ I, фаза ПКБ II (2200–2000 CalBC) и фаза ПКБ III (2000–1800 CalBC).

Источниковая база представлена подкурганными и грунтовыми захоронениями ВДБК, ВУКГ, лолинской и невинномысской культур. Их учтенный реестр насчитывает 948 погребений: лолинская культура – 331 захоронения из 115 могильников; невинномысская – 339 из 140; ВДБК – 217 из 123; ВУКГ – 58 из 36. С привлечением сопоставительных материалов из других культурных контекстов источниковая база будет насчитывать не менее 1500 комплексов.

Методы исследования обусловлены поставленными целью и задачами. Помимо общенаучных методических, их основу составляют специальные методы археологических и исторических исследований. К ним относятся типологический, сравнительно-стратиграфический, картографический, корреляционный, комбинаторно-статистический, историко-сравнительный. Особое значение для решения поставленных задач имеет комплексный подход к археологическим источникам, когда наряду с традиционными археологическими процедурами активно применяются методы и данные естественно-научных дисциплин: палеопочвоведения, палеоклиматологии, антропологии, данные химического состава металла, трасологического анализа костяных и роговых изделий, радиоуглеродного датирования, археозоологических и биоморфных определений образцов из посткатакомбных погребений и памятников сопредельных территорий. Комплексное изучение археологических материалов позволяет представить исторические реконструкции принципиально нового уровня.

Научная новизна. Впервые дана обобщающая характеристика посткатакомбных памятников Предкавказья, Нижнего Поволжья и Волго-Уралья и на массовом материале обосновано выделение новых культурных образований: ВДБК, ВУКГ и невинномысской культуры. В исследовании проанализированы и систематизированы все доступные на сегодняшний день комплексы. Разработаны периодизации культур на востоке посткатакомбного мира, установлены их относительная и радиоуглеродная хронологии.

Разработана глобальная восточноевропейская периодизация конца средней – начала поздней бронзы, которая включает три фазы (ПКБ I, II и III). Особую новизну имеет определение места культурного круга Бабино и культурного круга Лола среди древностей этого времени и в системе взаимосвязей степных, кавказских и европейских культур. Впервые на материалах блока посткатакомбных культурных образований удалось раскрыть конкретные механизмы миграций в Восточную Европу с Северо-восточного Кавказа, Центральной Европы и карпато-дунайского региона, которые привели к формированию лолинских и бабинских древностей. Установлено, что эти процессы были обусловлены резкими изменениями климата периода 2200 CalBC. Определен вклад конкретных посткатакомбных культур в культурогенез начала поздней бронзы.

Научная значимость Разработана оригинальная концепция происхождения и развития блока посткатакомбных культурных образований в рамках культурного круга Бабино и культурного круга Лола. Установлены основные механизмы культурогенеза в конексте причинно-следственной связи миграций и климатических флуктуаций, которые привели к становлению новой посткатакомбной эпохи в конце III тыс. до н.э.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при написании обобщающих научных работ по эпохе бронзы Европы и Кавказа, подготовке учебно-методических пособий, спецкурсов по бронзовому веку указанной территории для студентов исторических факультетов ВУЗов, создании сводов и карт археологических памятников Предкавказья, при организации музейно-экспозиционной деятельности.

Апробация результатов диссертации. Основные положения диссертационного исследования были представлены на международных и региональных научных археологических конференциях, которые проходили в гг. Москва (2003 г., 2004 г., 2007 г., 2013 г., 2014 г., 2018 г., 2022 г.), Волгоград (2004 г., 2007 г.), Луганск (2005 г.), Нальчик (2006 г.), Сухум (2006 г., 2011 г.),

Владикавказ (2008 г.), Пересыпь, Краснодарский край (2009 г.), Оренбург (2009 г.), Воронеж (2006 г.), Магас (2010 г.), Суздаль (2011 г.), Старая Русса (2011 г.), Махачкала (2012 г.), Санкт-Петербург (2012 г., 2016 г., 2022 г.), Пущино (2014 г., 2017 г.), Казань (2014 г.), Теберда, Карачаево-Черкессия (2018 г.), Самара (2018 г., 2022 г.), Берн (2019 г.), Тюмень (2020 г.), Ростов-на-Дону (2021 г.) и на заседаниях Отдела археологии бронзового века ИА РАН.

Публикации. Результаты исследований отражены в 101 научных публикациях, в том числе 4 монографиях и 3 коллективных монографиях, вышедших в издательствах России, Украины, Абхазии, Казахстана, Германии, Швейцарии, Великобритании. Из них в базах цитирования ВАК, Scopus, Web of Science опубликованы 24 статьи.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Она состоит из семи глав, введения, заключения, списка литературы и архивных источников, а также приложений, содержащих рисунки, таблицы, графики и данные естественно-научных дисциплин. Во Введении показаны актуальность, научная новизна, цели и задачи работы, определены территориальные и хронологические рамки исследования. Глава 1 посвящена истории выделения и изучения памятников финала среднего бронзового века в Предкавказье, Нижнем Поволжье и Волго-Уралье, глава 2 – характеристике ВДБК, глава 3 – лолинской культуре, глава 4 – невинномысской культуре, глава 5 – ВУКГ, глава 6 – хронологии блока посткатакомбных образований, глава 7 – культурогенезу на востоке посткатакомбного мира. В заключении подведены краткие итоги диссертационного исследования.

Глава 1. История выделения и изучения посткатакомбных памятников в Нижнем Поволжье, Волго-Уралье и Предкавказье

§ 1. История выделения и изучения посткатакомбных памятников в Предкавказье

История полевых исследований памятников культурного круга Лола насчитывает более 95 лет. Ее первые захоронения были раскопаны П.С. Рыковым в мог. Улан-Терге в Центральной Калмыкии [Рыков, 1928][1]. Для удобства и экономии места все данные об археологических раскопках комплексов культурного круга Лола сведены в таблицы, которые показывают процесс накопления источниковой базы посткатакомбных погребений Предкавказья (табл. 1.2, 1.3). Общая история археологического изучения данного региона довольно подробно изложена как в специальных работах (Цуцкин, 1985; Эрдниев, 1981; 1989; Васюткин, 1995; Очир-Горяева, 2008, с. 31–51; 2008а; 2009; 2017), так и в тематических разделах монографий и диссертаций (Сафронов, 1974, с. 24–32; Арапов, 1991, с. 8–13; Державин, 1991, с. 3–5; Шишлина, 2007, с. 12–24), поэтому отдельно на ней останавливаться не имеет смысла. Более целесообразно подробно рассмотреть многолетнюю историю выделения и осмысления памятников финала СБВ в Предкавказье, итогом которой, на сегодняшний день, является вычленение из материалов эпохи бронзы предкавказского региона отдельных лолинской и невинномысской культур (Мимоход, 2013, с. 5–20; Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022, рис. 2, *36–50*, 3, *130–177*).

Уже П.С. Рыковым, который в 1929 г. начал систематические раскопки в Калмыкии и первым исследовал лолинские захоронения, был задан один из векторов культурной атрибуции этого пласта захоронений, который периодически, но все реже и реже, до сих пор используется современными

[1] Далее в тексте в круглых скобках даны ссылки на публикации, рукописи кандидатских и докторских диссертаций, плановые темы, в квадратных – ссылки на отчеты о полевых исследованиях.

исследователями. Погребение 8 кургана 1 мог. Улан-Терге с набором уникальных украшений из белого металла, он отнес к стадии С хвалынской культуры (Рыков, 1936, с. 46, 47), т.е., по сути, к срубным древностям.

И.В. Синицын и У.Э. Эрдниев в своих работах обозначили второе направление в культурной атрибуции лолинских памятников. Отрицая сам факт наличия на территории Калмыкии срубных материалов, подавляющее большинство захоронений они отнесли к местной позднекатакомбной культуре (Синицын, Эрдниев, 1963; 1966; 1971; 1981; Синицын, 1978; Эрдниев, 1979; 1982).

Если рассмотреть суммарно все варианты культурной атрибуции, предлагавшиеся разными авторами для лолинских комплексов на протяжении последних 90 лет, то приблизительно половина из них придется на среднюю бронзу и позднекатакомбную культуру, а треть на поздний бронзовый век и срубную культуру (Мимоход, 2013, приложение 1, табл. 2). Уже само это обстоятельство, когда погребения, близкие по обряду с одинаковыми типами инвентаря, разносятся по разным культурным контекстам, заставляло сомневаться в правильности предложенных определений культурно-хронологической принадлежности. В то же время бросалось в глаза то, что большинство из них находятся в рамках соседствующих периодов бронзового века, явно тяготея к хронологическому отрезку конца средней – начала поздней бронзы. Парадокс подобного распределения вариантов культурно-хронологической атрибуции заключался в том, что при близких хронологических координатах лолинские комплексы разносились по культурам разных эпох: катакомбной и срубной. Данная противоречивая ситуация со временем обострилась, когда стало понятно, что хронологический стык между срубными и катакомбными древностями отсутствует в принципе (Отрощенко, 1990, с. 76–78; 1990а, с. 107–112; 1998, с. 115; 2000а, с. 79, 81; 2001, с. 39, 80; 2001а, с. 39–42). Однако, именно это обстоятельство и наметило выход из создавшегося тупика, особенно на фоне плодотворных разработок в области изучения культуры многоваликовой керамики (Березанская, 1960;

1962; 1979; 1986; 1998; Братченко, 1977; 1985; Отрощенко, 2001, с. 80–112; Тощев, 1982, с. 94–140, 269–294; 2005; 2007, с. 141–171; Писларий, 1982; 1983; Pâslaru, 2006; Дубовская, 1985; Шарафутдинова, 1987; 1989; Савва, 1992; Литвиненко, 2001а; 2002б; 2002в; 2003б; 2006а; и др.), впоследствии культур бабинского круга (Литвиненко, 2009; 2009а; 2011а). Они показали, что между катакомбными и срубными памятниками в Северном Причерноморье и Волго-Донском междуречье располагается мощный пласт древностей финала средней бронзы, которые имеют самостоятельный культурный статус.

Путь к культурному обособлению предкавказских памятников данного периода начался в 70-х гг. прошлого века. Первый опыт объединения части лолинских захоронений в пределах классификационной единицы представлен в работах В.А. Сафронова (1974; 1978; 1979; 1979а; 1980). В его периодизации памятников эпохи бронзы на территории Калмыкии была выделена VI группа погребений (погребенные лежат в катакомбах, руки в положении адорации – признаки раннелолинского времени). В.А. Сафронов относил эти комплексы к пережиточным катакомбным («время утраты катакомбной традиции») (Сафронов, 1974, с. 113; 1979, с. 15) или к таким, «где катакомбные черты … идут в комплексе со срубными чертами» (Сафронов, 1978, с. 27). Подобные определения, казалось, отчасти выводили погребения данной группы на периферию катакомбной атрибуции с акцентом на финальную катакомбную или даже посткатакомбную хронологическую позицию. Мало того, в одной из работ В.А. Сафронов напрямую сопоставил «срубно-катакомбные» погребения Калмыкии с бабинскими (культурой многоваликовой керамики), исходя, правда, из концепции вытеснения в ходе массированной миграции срубным населением катакомбного (Сафронов, 1978, с. 27). Последний тезис сейчас имеет исключительно историографический интерес. Однако, наряду с VI группой, к пережиточным катакомбным (горизонт D2) исследователь отнес и синхронные им на незначительном отрезке погребения V группы (захоронения в ямах и катакомбах в позе «скачущего всадника» с южными ориентировками), которые сейчас относятся к классической

восточноманычской катакомбной культуре (ВМКК). В то же время часть лолинских погребений оказалась включена в состав VII группы, отнесенных к срубной культуре (Сафронов, 1974, с. 111–119). Таким образом, в схеме В.А. Сафронова лолинский пласт, по сути, не получил четкой обособленности и занял на временной шкале интервал позднекатакомбного-срубного времени, однако, направление дальнейших исследований было обозначено.

Приблизительно в это же время была предпринята попытка обособить группу скорченных, преимущественно адоративных, погребений в ямах с поздними стратиграфическими позициями и для территории Западного Предкавказья, которые сейчас рассматриваются в рамках посткатакомбной невинномысской культуры. А.Л. Нечитайло по материалам Суворовского и Усть-Джегутинского могильников наметила небольшую подборку захоронений, которые она предварительно отнесла к третьему (финальному) этапу северокавказской культуры. Причем, исследовательница особо отметила существенные отличия в обряде и инвентаре этой группы от более ранних погребений первых двух групп, которые собственно и относятся к северокавказской культуре средней бронзы с вытянутым трупоположением и архаичными категориями вещей (Нечитайло, 1978, с. 96–103, 105). А.Л. Нечитайло из-за небольшого количества доступного тогда материала предложила рассматривать выделенную серию захоронений «в качестве постановки вопроса, а не решения его» (Нечитайло, 1978, с. 101). Судя по всему, на фоне обозначенных ею резких отличий от северокавказских погребений, речь могла идти о возможном дальнейшем культурном обособлении этой группы памятников.

В 80-х гг. прошлого века археологи касались атрибуции отдельных лолинских погребений, которые попадали в ходе полевых работ в сферу их внимания. Становился понятен переходный характер некоторых захоронений, в том смысле, что их обрядово-инвентарный комплекс органично сочетал черты двух эпох: катакомбной и срубной. Исследователи определяли лолинские погребения как срубные с катакомбным влиянием (Куйбышев,

Черносвистов, 1984, с. 100, 101), катакомбные переходного типа (Пятых, 1983, с. 114, 115), либо как позднекатакомбные, в которых «ощутим качественный сдвиг в сторону утраты катакомбной традиции» (Андреева, Дервиз, 1989, с. 45, 48, 50, 51). При этом в явное противоречие с позднекатакомбной атрибуцией входило присутствие в лолинских комплексах некоторых очень специфичных категорий инвентаря, которые не имеют ни аналогий, ни прототипов в катакомбной среде. Так, М.В. Андреева, публикуя комплекс Чограй VIII 34/1 с фигурной роговой пряжкой (илл. 79, *2*), отдельно обратила внимание на этот факт и вынуждена была сопоставлять лолинскую поясную деталь с фигурными пряжками бабинской культуры (Андреева, 1986, с. 234), посткатакомбный возраст которой в то время уже был установлен.

Значимым этапом на пути культурного обособления лолинских погребений стала статья П.Г. Дервиза, посвященная публикации и анализу захоронений финала СБВ Калиновского могильника (Дервиз, 1989). По сути, это была первая работа, где четко было заявлено о перспективе выделения новой культуры. Серия захоронений со Ставрополья рассматривалась как «самостоятельное культурное образование с неясными пока истоками» и определялась термином «культурно-хронологическая группа» (Дервиз, 1989, с. 263; 1990, с. 45). Здесь довольно показательна «неясность истоков» притом, что позднекатакомбный облик этой группы для автора был очевиден. Эту формулировку, скорее всего, следует рассматривать как некий вектор на выявление второго компонента сложения лолинской культуры при несомненности первого – позднекатакомбного. Сейчас искомый компонент отчетливо опознается как восточнокавказский (Мимоход, 2013).

Важным было и то, что П.Г. Дервиз не стал связывать практику адоративного обряда в захоронениях финала СБВ с влиянием срубной культуры. По его мнению, погребения в позе адорации отражают распространение новой погребальной традиции, которая становится наиболее характерной в эпоху поздней бронзы (Дервиз, 1989, с. 263). Тем самым исследователь ушел от прямой синхронизации срубных древностей Поволжья

с позднекатакомбными памятниками Предкавказья, которая до этого ни у кого не вызывала особых сомнений, а адоративные погребения с катакомбными чертами рассматривались как основное доказательство указанной одновременности и межкультурных контактов (Иерусалимская, 1958, с. 43, 45, 46; Сафронов, 1974, с. 103, 104; 1978, с. 27; 1979, с. 15; Куйбышев, Черносвистов, 1984, с. 100, 101).

Наконец, на основании новых материалов был внесена важная для нашей темы корректировка в хронологическую схему В.А. Сафронова (1974). П.Г. Дервиз по материалам Калиновского могильника сделал обоснованный вывод о том, что разделение погребений выделенной им группы по горизонтам D2 и E только по типу могилы (D2 – катакомбы, E – ямы), предложенное В.А. Сафроновым, неправомерно. К горизонту D2, который, в целом, соответствует времени существования лолинской и невинномысской культур, относятся адоративные погребения и в ямах, и катакомбах (Дервиз, 1989, с. 262), что теперь хорошо прослеживается по материалам раннего и развитого этапов Лолы.

Не потеряла актуальности и синхронизация погребений финала СБВ Ставрополья с сейминским горизонтом, предложенная П.Г. Дервизом (1989, с. 262). К этому времени относится заключительные периоды развития лолинской и невинномысской культур (фаза ПКБ III), которые синхронны блоку колесничных культурных образований.

Значение статьи П.Г. Дервиза сложно переоценить. Она представила конкретную научную перспективу, реализация которой в конечном итоге привела к выделению лолинской культуры, а впоследствии и невинномысской. Однако выборка погребений, которой оперировал исследователь, была крайне ограничена как в количественном, так и в территориальном отношении. В результате неопознанным оказался новый компонент, который придал своеобразие лолинским памятникам, а отчетливо фиксируемая позднекатакомбная составляющая новой культурно-

хронологической группы привела к тому, что она так и не была выведена за пределы катакомбного культурного контекста.

Интересно, что в том же году, публикуя материалы курганного могильника Веселая Роща III полевого сезона 1980 г., В.Л. Державин называет погребения лолинской культуры «срубоидными» и отмечает, что пока нет четких критериев их отделения от позднекатакомбных (Державин, 1989, с. 163). Ранее подобное название для погребений Ставрополья было использовано в диссертационном исследовании И.А. Сорокиной (1987а, с. 107). Само употребление определения «срубоидные» показательно в том смысле, что авторы, видимо, хотели этим термином подчеркнуть принадлежность таких захоронений к поздней бронзе и сходство со срубным погребальным обрядом. В то же время на уровне терминологии исследователи пытались акцентировать внимание на специфике подобных комплексов, в противном случае они назвали бы их просто срубными. Впрочем, В.Л. Державин в монографии, вышедшей вскоре после указанной статьи, уже говорит о лолинских комплексах, как о захоронениях просто «срубного облика», полностью соглашаясь со схемой В.А. Сафронова (Державин, 1991, с.125)[2], и не очень понятной здесь оказывается ссылка на работу П.Г. Дервиза (1989), в которой доказывается как раз несрубность группы адоративных погребений финала СБВ со Ставрополья.

Значительно ближе к позиции П.Г. Дервиза стоят выводы С.В. Арапова, изложенные в диссертации, посвященной катакомбным памятникам Северо-западного Прикаспия (Арапов, 1991; 1992). Лолинские комплексы им были объединены рамках XII и XIII групп погребений эпохи средней бронзы. Однако в его периодизации можно наблюдать те же недостатки, что и в схеме В.А. Сафронова, которая являлась базовой для хронологии региона, да и не потеряла актуальности в большинстве своих звеньев до настоящего времени. Бóльшая часть погребений лолинской культуры была объединена

[2] Не изменилась позиция исследователя и за последующие два десятилетия (Державин, 2010, с. 387).

С.В. Араповым в рамках III позднеманычского этапа, но в то же время в данный период попали и классические комплексы ВМКК. Правда, следует отметить немаловажный нюанс. В отличие от В.А. Сафронова, С.В. Арапов не склонен синхронизировать восточноманычские и лолинские погребения, т.к. последние в его построениях, хотя и относятся к III позднеманычскому периоду, но занимают на этом хронологическом отрезке самые верхние позиции, не пересекаясь во времени с комплексами более ранних (собственно восточноманычских) групп (Арапов, 1991, с. 119–121). Исследователь точно подметил и несколько мелких деталей, которые формируют наглядный образ лолинской культуры, в частности, помещение в могилу лопаток мелкого рогатого скота (МРС) (Арапов, 1991, с. 119–122). В то же время, некоторые раннелолинские захоронения им отнесены к восточноманычской катакомбной культуре, причем, даже не к поздне-, а среднеманычскому времени, а позднелолинские – к срубным древностям (Арапов, 1991, с. 121, 122).

Особое значение для нашей темы имеют разработки С.Н. Кореневского по материалам Центрального Предкавказья, озвученных им на «Крупновских чтениях» в 1986 и 1990 гг. (Кореневский, 2007а; 2007б) и в монографии, посвященной Неженским курганам (Кореневский, 1990). Исследователь отметил наличие двух групп памятников финала СБВ: архонской и аликоновской. Эти группы не относятся к лолинской культуре, но, несомненно, составляют вместе с ней единый посткатакомбный горизонт в Предкавказье. Об этом свидетельствуют данные стратиграфии и некоторые датирующие категории инвентаря, которые находят прямые аналогии в лолинской и невинномысской культурах. Важно и то, что 25 лет назад, имея крайне ограниченные подборки скорченных захоронений, которые перекрывают в курганах северокавказские захоронения и комплексы суворовской катакомбной культуры, С.Н. Кореневский поставил вопрос о культурной самобытности аликоновской группы, указав на то, что она «отражает присутствие на Кавминводах и пограничном высокогорье какой-то иной этнокультурной среды, чем среднебронзовая кавминводская группа

племен с вытянутым обрядом захоронения» (Кореневский, 2007б, с. 378). Причем, генетической преемственности между ними не наблюдается, и появление аликоновской группы связывается с миграционными процессами (Кореневский, 1990, с. 112, 121), что сейчас находит хорошие типологические параллели в механизме генезиса культурного круга Лола.

Правильно были определены и общие линии синхронизации архонской и аликоновской групп с позднегинчинской культурой, с комплексами III этапа верхнекубанской группы по А.Л. Нечитайло, которые сейчас выделены в отдельную суворовскую катакомбную культуру (Клещенко, 2013). Особенно симптоматичным представляется то, что новые группы финала СБВ Центрального Предкавказья были синхронизированы с «посткатакомбными памятниками Ставропольского плато со скорченными на боку костяками в ямах» (Кореневский, 2007а, с. 443; 1990). И хотя соответствующей ссылки в тексте тезисов нет, но очевидно, что речь шла о группе, выделенной П.Г. Дервизом за год до этого (Дервиз, 1989). И серьезным шагом вперед здесь явилось признание лолинских комплексов посткатакомбными, а не позднекатакомбными как у П.Г. Дервиза. По сути, С.Н. Кореневский употребил термин «посткатакомбные» по отношению к Лоле в значении близком тому, в котором он используются сейчас (см. ниже). Правда, в работе 2002 г. на XXII «Крупновских чтениях» С.Н. Кореневский отнес аликоновскую группу к «постсреднебронзовому времени» (Березин, Кореневский, 2007, с. 731). По всей видимости, это означает, что для исследователя определения «посткатакомбный» и «постсреднебронзовый» являются синонимичными и, соответственно, Аликоновка и Архонская относятся им к началу поздней бронзы, а понятие «пост-» имеет исключительно хронологический смысл. Сейчас в термин «посткатакомбный» вкладывается несколько иное содержание (см. ниже).

Следует оговориться, что подобные вариации на уровне терминологии в работах С.Н. Кореневского, скорее всего, были обусловлены тем, что погребения лолинской и невинномысской культур, архонской и аликоновской

групп он всегда рассматривал в качестве переходных от средней к поздней бронзе (Кореневский, 2007б, с. 378; 2006, с. 11; Березин, Кореневский, 2007, с. 731). А в таком чисто условном и мало что объясняющем, кроме хронологии, определении как «переходный», разобраться с культурным контекстом всегда сложно, но, тем не менее, даже при таком подходе, обусловленном характером имеющейся на тот момент источниковой базы, вектор дальнейших исследований был задан, несомненно, верно. Это хорошо подтверждается предложенной С.Н. Кореневским прямой синхронизацией выделенных им групп с культурой Бабино (Кореневский, 2006, с. 9).

Выводы С.Н. Кореневского по своей значимости можно поставить в один ряд с разработками П.Г. Дервиза, так как те и другие по-разному акцентировали внимание на обособленности групп финала СБВ Восточного и Центрального Предкавказья и ставили вопрос об их культурной самостоятельности. Комплексы архонской группы эпонимного могильника были опубликованы и получили развернутую культурно-хронологическую атрибуцию (Кореневский, Мимоход, 2011).

Таким образом, архонская культурная группа финала СБВ в предгорьях Северо-восточного Кавказа, синхронная Лоле и Невинномысску, пока остается в состоянии грамотной «постановки вопроса», но ждет необходимого детального исследования, которое должно привести к уточнению ее культурного статуса, ареала и хронологии. Одно время я рассматривал архонскую группу в составе блока посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2016; 2018д). Дальнейшая работа с группой показала, что этот вывод был преждевременным. Слишком специфический у нее инвентарный комплекс, который сильно отличается от материалов лолинской и невинномысской культур. Весьма вероятно, что в случае с архонской культурной группой мы имеем дело с узко локальным культурным образованием кавказского происхождения. Так ли это, покажут дальнейшие исследования. Однако уже сейчас эти древности справедливо начинают рассматриваться в рамках именно северокавказских культур, которые только

синхронны посткатакомбному блоку, а не находятся с ним в контексте выраженного единства (Райнхольд, Белинский, Атабиев, 2020). В этой связи архонская группа оставлена за скобками настоящей работы. Что касается аликоновской группы С.Н. Кореневского, то ее часть органично вошла в состав новой невинномысской культуры.

Вопрос о наличии на территории Прикубанья пласта памятников досрубного времени, которые в курганах перекрывают позднекатакомбные захоронения, поставила Э.С. Шарафутдинова (1983, с. 34; 1987, с. 28, табл.; 1989а, с. 19; 1991, с. 70–74; 1996а, с. 93, 94). Ею была выделена немногочисленная группа погребений (около 30), которая была отнесена к культуре многоваликовой керамики (ныне культура Бабино). Исследовательница отметила, что в регионе есть только позднейшие бабинские материалы и их очень мало. Инвентарный комплекс этой группы был представлен всего несколькими сосудами бабинского облика и одной пряжкой. В результате было сделано заключение о «сравнительной кратковременности обитания в регионе этого населения, являвшегося, видимо, и малочисленным» (Шарафутдинова, 1991, с. 74). Однако такая постановка вопроса не могла решить проблему конкретного содержания понятия «финала среднего бронзового века» для Западного Предкавказья, особенно с учетом того, что Э.С. Шарафутдинова позднебабинские погребения Прикубанья относила к началу поздней бронзы (Шарафутдинова, 1989а, с. 19; 1991, с. 70). С точки зрения хронологии – это отчасти правомерно, потому что позднебабинские древности синхронны колесничным культурам начального периода позднего бронзового века (ПБВ) (фаза ПКБ III). Однако, какие памятники в Западном Предкавказье располагаются в хронологической нише, синхронной первому и второму этапам Бабино, оставалось вопросом спорным, и, как правило, он решался традиционно – омоложением верхней границы катакомбных памятников. В частности, для Прикубанья речь шла о синхронности бабинским, абашевским и раннесрубным комплексам

батуринской катакомбной культуры (Трифонов, 1991, с. 159; 1991а, с. 111; Шарафутдинова, 1983, с. 34; 1995а, с. 140).

В этой связи интересной представляется позиция И.А. Сорокиной. С одной стороны, она признает наличие серии бабинских захоронений на Кубани (1987а, с. 118; 1995, с. 53, 54; 2001, с. 174), с другой – для нее очевидны существенные различия между классической бабинской погребальной обрядностью и местными погребениями, «переходными» от средней к поздней бронзе. В последних стабильно присутствует восточная ориентировка, не характерная для раннего и развитого Бабино. В результате делается вывод в чем-то схожий с постановками вопросов о наличии новых культурных групп в Центральном и Восточном Предкавказье, озвученных П.Г. Дервизом и С.Н. Кореневским. Применительно к Западному Предкавказью, И.А. Сорокина пишет о возможном наличии пласта погребений более раннего по отношению к прикубанской срубной культуре, «природа которого пока неясна» (Сорокина, 1987а, с. 118; 1995, с. 53). Правда, формулировка эта довольно туманная, а ее возможное позитивное значение сводилось на нет тем, что все адоративные скорченные погребения финала СБВ невинномысской культуры исследовательница безоговорочно отнесла к срубным. И эту неоднородность подборки впоследствии исследователи отмечали неоднократно (Гей, 1995, с. 14; Братченко, 2006, с. 221; Мимоход, 2006, с. 253). Сейчас становится понятным, что те малочисленные свидетельства бабинского присутствия в Прикубанье – это не более, чем следы межкультурных контактов между Бабино и невинномысской культурой и собственно классические бабинские древности в Западном Предкавказье отсутствует.

Важный вклад в понимание культурный принадлежности памятников финала СБВ Западного Предкавказья внесло выделение на ряде закубанских поселений материалов данного периода (Каминская, Шарафутдинова, 1993; 1999; Каминский, Каминская, 1995, с. 24; Черных Ел., 2004, с. 205, 206; 2007; 2009). Некоторые типы поселенческой керамики нашли аналогии в

погребениях невинномысской культуры, что позволило поставить вопрос об их возможном культурном единстве (Мимоход, 2006).

Таким образом, следует отметить, что к началу 90-х гг. прошлого века уже сформировалось представление о том, что в Предкавказье есть серия захоронений финала средней бронзы, имеющих «переходный» характер, в которых фиксируется деградация катакомбных культурных стандартов. В отдельных случаях научная интуиция подсказывала исследователям, что в дальнейшем придется определяться с конкретным культурным статусом подобных памятников (Нечитайло, 1978, с. 101; Дервиз, 1989; Кореневский, 2007а, с. 378; 1990, с. 112, 121).

С середины 1990-х гг. все более вырисовывается тенденция культурного обособления лолинских захоронений. Появляется предположение на основе яркого комплекса Малаи I 4/4 о возможности выделения в дальнейшем особой группы позднекатакомбных захоронений (Гей, 1995, с. 7), отличной от батуринской культуры (Трифонов, 1982, с. 65, 68; 1983; 1991, с. 156–159; 1991а). Позже А.Н. Геем, похоже, именно лолинские захоронения рассматривались как группа «своеобразная «финальнокатакомбная»» (Гей, 1999а, с. 37).

Особую и исключительно важную роль в процессе выделения лолинской культуры сыграла статья С.Н. Братченко, посвященная поясным пряжкам и их северокавказским формам (Братченко, 1995). На основании нескольких погребений из раскопок И.В. Синицына и М.В. Андреевой (ВМЛБ I 1965 30/1, 32/3, 37/2; Чограй VIII 34/1) ученый указал на наличие в Восточном Приманычье горизонта погребений, которые представляют собой «культурное явление, параллельное с культурой Бабино и каменско-ливенцовской группой, но сохранившее связь с местной подосновой» (Братченко, 1995, с. 17, 18). Затем эти выводы были еще раз изложены в монографии по Ливенцовской и Каратаевской крепостям (Братченко, 2006, с. 226–228). Принципиальным отличием от разработок П.Г. Дервиза явилось то, что впервые лолинские погребения были однозначно вынесены за пределы катакомбного культурного

контекста, а внимание акцентировалось только на очевидной генетической связи с предшествующими манычскими памятниками. С выходом этой работы становилось понятным, что выделение новой посткатакомбной культуры в Предкавказье – дело времени, дальнейшего сбора и систематизации материала.

Правда, в работе С.Н. Братченко были и неточности. Так, опираясь на словесные описания И.В. Синицына (1978, с. 39, 40, 43), лолинские поясные подвески типа Элиста-Калиновский (илл. 79, *11–13*) были интерпретированы как бабинские пряжки. Это было немаловажным аргументом в построениях С.Н. Братченко, который позволил ему говорить о синхронности культурогенеза для Днепро-Волжского междуречья и Предкавказья и одновременном возникновении посткатакомбных памятников на этих территориях. В данном случае ошибка оказалась не принципиальной для концепции, а последующие коррективы (Мимоход, 2003, с. 105; Калмыков, Мимоход, 2005, с. 228, 229) представили дополнительные аргументы для обоснования культурной самобытности лолинских памятников на основании типологии поясных деталей.

Первостепенное значение для состыковки хронологических систем степи и Кавказа рубежа средней – поздней бронзы имело выделение кольцевидно-широкопланочных и кольцевидно-узкопланочных типов костяных и роговых пряжек в кавказском регионе и их аналогий в степной – лесостепной зоне (Братченко, 1995). Ранее кавказские узкопланочные пряжки с их средневолжской репликой сопоставлял В.А. Трифонов (1991а, с. 111). Это позволило наметить важные линии синхронизации и вплотную подойти к выявлению восточнокавказского компонента в генезисе лолинской культуры. Заметное сходство между известными на тот момент пряжками из раннелолинского комплекса Чограй VIII 34/1 и Ирганайского могильника гинчинской культуры (илл. 80, *2, 5*), отмеченное С.Н. Братченко, поставило закономерный вопрос о наличии определенной связи между культурами Северо-восточного Кавказа и степного Предкавказья (Братченко, 1995, с. 13–

15), на что при публикации ирганайского изделия обращал внимание и Р.Г. Магомедов (1990; 1998, с. 125).

К выводу о существовании отдельного культурного образования в Восточном Предкавказье, которое хронологические параллельно и близко бабинским древностям, пришел и Р.А. Литвиненко. Ссылаясь на четыре опубликованных лолинских комплекса (Чограй VIII 34/1, Веселая Роща III 25/2, Калиновский 1/7, Лысянский I 2/6), он предлагал при их атрибуции выбирать между терминами «финальнокатакомбные» и «посткатакомбные» (Литвиненко, 1999б, с. 157).

Особенно перспективно выглядело мнение Л.С. Ильюкова, который подметил также на основании четырех комплексов лолинской культуры (Кировский IV 7/2, Лысянский I 2/6, Малаи I 4/4, Новопалестинский II 2/5), что эти «погребения, имеющие ряд специфических черт в инвентаре и обряде, будут выделены в особую группу погребальных памятников, относящуюся к переломному моменту в истории культур степной полосы». Исследователь справедливо отнес их «к посткатакомбному времени, ко времени появления культуры многоваликовой керамики» (Ильюков, 2001, с. 249).

Интересно, что Р.А. Литвиненко и Л.С. Ильюков фактически полностью подтверждали сделанные ранее выводы С.Н. Братченко, но в их работах нет ссылок на его статью 1995 г. Мне кажется, что здесь дело не в невнимательности исследователей, а в том, что посткатакомбные погребения в Предкавказье на тот момент еще не воспринимались как системной явление, да они и не были систематизированы. В результате археологи оперировали единичными показательными комплексами, а полученные выводы не соотносили между собой, хотя все более становилось очевидным, что культурный контекст финала СБВ в Предкавказье является не поздне-, а посткатакомбным. Впрочем, эти новаторские работы воспринимали не все, и ряд археологов в обобщающих трудах по-прежнему с Бабино в Предкавказье синхронизировали позднекатакомбные (батуринские и манычские) памятники

(Гей, 2000, рис. 58; Кияшко, 2001, рис. 7[3]; 2002, рис. 128, с. 211; Трифонов, 2001, табл. 1).

Показательной в этом отношении явилась позиция В.В. Отрощенко. Осознавая, что деструкция катакомбных традиций могла охватывать весь катакомбный мир, а не только ту территорию, на которой формировалось Бабино, он расширил ареал распространения бабинской культуры на Нижнее Поволжье и до предгорий Кавказа, включив в него соответственно и Предкавказье (Отрощенко, 2001, с. 39, 80). Это было шагом вперед, в том смысле, что ставило вопрос о наличии посткатакомбного пласта между катакомбными и позднебронзовыми памятниками на всем катакомбном пространстве. Однако казалось странным, что на основе различных катакомбных культур и на огромной территории одновременно возникла одна культура – бабинская. Искусственность подобного построения была очевидна (Мимоход, 2002, с. 234, 235). Судя по ссылке на работу С.Н. Братченко (1995), отнесение посткатакомбных погребений в долине Восточного Маныча к бабинской культуре основывалось на уже упомянутой ошибке, когда позднелолинские поясные подвески были приняты за бабинские пряжки, ничего общего с ними не имеющих. Для В.В. Отрощенко это стало аргументом в пользу бабинской культурной атрибуции данных погребений, что, соответственно, и привело к расширению ареала. При этом основополагающий вывод С.Н. Братченко о самостоятельном культурном статусе предкавказских посткатакомбных памятников в работе В.В. Отрощенко остался без комментария.

В то же время Р.А. Литвиненко, предметно изучающий культуры бабинского круга, в обобщающей работе по данной проблематике, похоже, разделяет точку зрения С.Н. Братченко и называет комплексы лолинской культуры не бабинскими, а «восточноманычскими посткатакомбными», хотя

[3] Правда, следует заметить, что в таблице данной работы А.В. Кияшко синхронизировал в восточноманычском регионе с Бабино именно те обрядовые группы, которые сейчас представляют наглядный образ лолинской культуры, но он их считал позднеманычскими.

приводит и другие варианты культурной атрибуции разных авторов (Литвиненко, 2001а, табл. 1).

Работа с материалами могильника Островной, который дал серию из 14 лолинских погребений, привела и меня к выводу об их хронологической обособленности в рамках финала средней бронзы. В отсутствии на тот момент собранной источниковой базы мне казалось, что «наиболее продуктивным представляется *предварительная* (курсив мой – *Р.М.*) атрибуция соответствующего пласта погребений Северо-западного Прикаспия как финально-катакомбных» (Мимоход, 2002, с. 236). Но уже тогда был подчеркнут распад катакомбных культурных стереотипов и поставлен вопрос о наличии внутренней хронологии этих памятников (Мимоход, 2002, с. 234, 236).

Отчасти финальнокатакомбная атрибуция была предложена для того, чтобы подчеркнуть «несрубность» посткатакомбных комплексов Островного, т.к. это тогда казалось особенно важным, потому что бóльшая часть лолинских захоронений данного некрополя в том же сборнике авторами раскопок была отнесена именно к погребениям срубной культуры (Шишлина, Матюхин, Цуцкин, 2002, с. 16, 18, 28, 30–32, 35, 39). В этом издании, кажется, последний раз отразилась разительная двойственность культурных определений для лолинских комплексов, которая четко фиксировалась на протяжении последних 90 лет – в рамках единого тома, посвященного изданию и интерпретации материалов одного могильника, одни и те же комплексы разными авторами относятся к финальнокатакомбным и срубным древностям. А ведь за подобным парадоксом стояли конкретные археологические реалии, а исключающие друг друга варианты атрибуции свидетельствовали не столько об ошибках исследователей, сколько о невозможности вписать специфическое археологическое явление в рамки существующих культурных контекстов двух разных, но последовательных во времени эпох. И истина, как это нередко случается, должна была находиться где-то посередине.

Дальнейшие работы все больше акцентировали на этом внимание, а термин «финальнокатакомбные» уверено дрейфовал в сторону предварительного и рабочего названия (Мимоход, 2003, с. 103–107; Мимоход, Шишлина, 2004, с. 124–127)[4]. Особый культурный статус лолинских памятников стал приобретать четкие контуры (Панасюк, Мимоход, 2004, с. 142).

На заседании Отдела бронзового века ИА РАН 19 февраля 2004 г. мною был прочитан доклад «Культурная ситуация в Нижнем Поволжье и Северо-западном Прикаспии на рубеже средней – поздней бронзы», в котором обосновывалось выделение лолинской культуры, очерчивалась ее территория, предлагалась внутренняя трехэтапная периодизация и устанавливалась относительная хронология. Впоследствии основные положения доклада были опубликованы в журнале «Российская археология» (Мимоход, 2007).

Симптоматичным стало и то, что выделение Лолы оказалось только первым звеном в цепочке пересмотра культурной ситуации в финале СБВ на тех территориях катакомбной ойкумены, которые располагались вне ареала Бабино. Последняя имела давнюю историю изучения, и ее посткатакомбный характер был уже доказан. Популярная идея о синхронности бабинской культуре позднекатакомбных памятников за пределами ее границ, равно как и тезис о том, что катакомбные древности не исчезают одновременно, при детальной работе с археологическими материалами были опровергнуты. «Позднекатакомбные форпосты», якобы синхронные Бабино, сдавали свои позиции. В Нижнем Поволжье была выделена криволукская посткатакомбная культурная группа, ныне ВДБК (Мимоход, 2004; 2010), в Западном Предкавказье – кубанская посткатакомбная группа памятников, ныне невинномысская культура (Мимоход, 2006), в Волго-Уралье – волго-уральская культурная группа (Мимоход, 2010а; 2011д).

[4] В текстах тезисов данных конференций, соответственно поданных заранее, еще фигурирует термин «финальнокатакомбные», в докладах погребения финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия определялись уже как посткатакомбные лолинские.

Уже после выделения лолинской культуры и криволукской культурной группы (ВДБК) стало понятно, что распад катакомбного мира происходил фактически одновременно, а на его осколках сформировалась свита культурных образований, которые непосредственно в хронологическом отношении подстилали памятники начала поздней бронзы и выступали для них генетическим субстратом. Как следствие, была поставлена проблема выделения в восточноевропейской степи блока посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005), одной из составляющих которого являлась лолинская культура.

Заметно конкретизировалось и значение определения «посткатакомбный». Если раньше в него вкладывался исключительно хронологический смысл, то теперь значительно важнее стало культурное содержание определения. С конца 70-х гг. прошлого века археологи активно используют этот термин (Цуцкин, 2007а, с. 214; Пряхин, 1982, с. 39, 40, 115, 139; Пятых, 1983, с. 112; 1983а, с. 83, 84, 86–88; Матвеев, 1990, с. 49; Отрощенко, 1997, с. 69; Виноградов Н., 2004, с. 276; 2007, с. 30; Санжаров, 2004а, с. 124, 133; Тощев, 2005, с. 144; Литвиненко, 2006в, с. 93; и др.). Однако зачастую в «пост» вкладывалось только содержание «после», и посткатакомбными объявлялись памятники по времени, следующие за катакомбными: срубные, воронежские, доно-волжские абашевские, покровские и т.д. Сейчас понятие «посткатакомбные» подразумевает не только хронологическую позицию, но и родственную связь таких памятников на уровне главных компонентов генезиса с катакомбными древностями, а круг действительно посткатакомбных культур оказывается строго ограниченным (Мимоход, 2005). Подобный подход больше всего соответствует семантике латинского «Постум», который лежит в основе современного использования данного определения. В Древнем Риме Постумами и Постумиями называли мальчиков и девочек, которые родились после смерти отца (Федорова, 1990, с. 105). В понятие изначально были заложены не только время, но и

родственная связь. Все это как нельзя лучше подходит к ДДБК, ВДБК, ДПБК, лолинской, невинномысской культур и ВУКГ как посткатакомбных[5].

Интересно, что, казалось бы, подобный перспективный подход был уже намечен в ранних работах Г.Г. Пятых (1983, 1983а). Исследователь фактически впервые стал использовать понятие «посткатакомбный» в современном значении, т.е. в том смысле, что он однозначно относил к посткатакомбным культуру многоваликовой керамики (Бабино) и ставил вопрос о наличии «иных посткатакомбных образований», принявших участие в срубном культурогенезе (Пятых, 1983, с. 112; 1983а, с. 84). Причем, характерно, что из этих работ возникает впечатление, что Г.Г. Пятых имел ввиду не просто горизонт памятников, предшествовавший срубной культуре. В обеих статьях исследователь отделял абашевскую культуру от КМК (культура многоваликовой керамики – *Р.М.*) с «иными посткатакомбными образованиями», в то время как в единый предсрубный горизонт на тот момент были уже объединены все культуры с соответствующей хронологической позицией, в том числе абашевская и КМК (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, с. 26–31; Березанская, 1978).

Детальное анализ работ Г.Г. Пятых показал, что сходство с нынешними позициями, в основном, внешнее, видимо, только на уровне выражения. По ссылкам становится понятным, что исследователь под «иными посткатакомбными» все-таки подразумевал комплексы колесничных культур, которые, никак нельзя назвать действительно посткатакомбными. Позже им был довольно четко очерчен предсрубный пласт памятников (Пятых, 2000, с. 71), особо ничем не отличающийся от концепции С.С. Березанской (1978). В нем из посткатакомбных культурных образований присутствует только бабинская культура.

---

[5] Структурно близкую ситуацию можно наблюдать с использованием В.В. Потаповым определения «постсрубные» для памятников финала ПБВ. Исследователь особо обращает внимание на то, что в его содержании лежит момент генетической преемственности финальных комплексов бронзового века Днепро-Волжского междуречья и Предкавказья с предшествующей срубной культурой (Потапов, 2001, с. 227).

Таким образом, понятие «посткатакомбный» стало наполняться конкретным генетическо-хронологическим содержанием только с выделением новых групп, когда стало очевидно, что катакомбные культуры распались фактически одновременно, а бабинская культура является только одной из составляющей нового блока (Мимоход, 2005). Впрочем, и она впоследствии была разделена на три самостоятельные археологические культуры: днепро-донскую и днепро-прутскую (Литвиненко, 2008а, с. 349; 2009; 2009а; 2009г; 2011а) и волго-донскую (Мимоход, 2013в; 2014).

Детальный анализ культурных образований юго-восточной части и восточной периферии посткатакомбного блока позволяют сделать вывод об их культурной близости и сформулировать концепцию культурного круга Лола и структуры всего посткатакомбного блока. Она была развернута мною в докладе «Посткатакомбный период в Восточной Европе», прочитанном 16 октября 2013 г. на международной конференции «Бронзовый век в Европе» по случаю празднования 10-летия Представительства DFG в России и открытия выставки «Бронзовый век – Европа без границ» (15–17 октября 2013 г., ГИМ, г. Москва). Затем ей была посвящены специальные работы (Мимоход, 2016; 2018д; 2022а; Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022). Судя по кратким формулировкам, эту же идею разделяет Р.А. Литвиненко (2013, с. 206; 2014, с. 28). На сегодняшний день, культурный круг Лола включает в себя лолинскую культуру (Мимоход, 2007; 2013), невинномысскую культуру (Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022) и волго-уральскую культурную группу (Мимоход, 2010а; 2021а).

§ 2. История выделения и изучения посткатакомбных памятников в Нижнем Поволжье и Волго-Уралье

История полевых исследования памятников посткатакомбного времени в этих регионах насчитывает более 100 лет (табл. 1.1, 1.4). Так же, как и в Предкавказье, честь открытия первого посткатакомбного погребения (ныне

ВДБК) в Нижнем Поволжье принадлежит П.С. Рыкову. Из раскопок Покровского кургана 1921 г. происходит один комплекс посткатакомбного периода (табл. 1.1) [Рыков, 1921]. Как и в предыдущем параграфе, следует упомянуть обобщающие работы по археологическому изучению нижневолжского и волго-уральского регионов (Малов, 1992а; 1994; 1999; 1983а; 2008; Богданов, 2004, с. 9–135; Евгеньев, 2005; 2011; 2014; 2017; 2019; Моргунова, 2007; Обыденнова, 2007; Ткачев В., 2007, с. 8–15; Очир-Горяева, 2008; Каргин, 2009; Кочкина, Сташенков, 2010; Моргунова, 2014, с. 14–35) и сосредоточиться предметно на процессе выделения и осмысления памятников посткатакомбного периода.

Оценка культурного содержания финала средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья долгое время оставалась неоднозначной. Большинство исследователей считало, что на данной территории заключительный этап среднего бронзового века представлен позднекатакомбными (Мельник, 1984, с. 25, 26; Филипченко, 1994; Малов, Филипченко, 1995, с. 60; Пятых, 2000а, с. 13, 22; Кияшко, 2002, рис. 128) или позднеполтавкинскими памятниками (Качалова, 2000, с. 212, 213; Шарафутдинова, 1995, с. 140; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 61; Трифонов, 2001, табл. 1).

Сразу следует отметить, что процесс вычленения памятников финала средней бронзы в Нижнем Поволжье и Волго-Уралье по пути к культурному обособлению серьезно запаздывал по отношению к территории Предкавказья. В последнем регионе этот процесс начался уже в середине 70-х гг. прошлого век в трудах В.А. Сафронова и А.Л. Нечитайло, а уже на рубеже 80-хх и 90-х гг. в знаковых работах П.Г. Дервиза и С.Н. Кореневского прямо говорится о культурной самостоятельности группы памятников, которые располагаются между катакомбными и позднебронзовыми древностями. В середине 90-х гг. XX в. этот факт становится все более очевидным, что контрастно показал С.Н. Братченко на материалах Восточного Предкавказья.

Ситуация с территорией Нижнего Поволжья и Волго-Уралья кардинально стала меняться только в начале нынешнего века. Первый серьезный шаг в этом отношении сделал В.В. Отрощенко. Он включил территорию Нижнего Поволжья в ареал бабинской культуры (Отрощенко, 2001, с. 39, 80, 83, 84). Это поставило вопрос о наличии в этом регионе пласта посткатакомбных памятников, отделяющего катакомбную культуру от позднебронзовых древностей. Данный горизонт был охарактеризован исследователем на материалах только шести погребений (Барановка I 10/4, 5; Горный 2/4, 3, 7; Жареный Бугор 3/1), отнесенных к бабинской культуре (тогда КМК) (Отрощенко, 2001, с. 83, 84). Однако казалось странным, что на достаточно хорошо изученной территории Нижнего Поволжья посткатакомбные (бабинские по В.В. Отрощенко) памятники единичны. Учитывая это, исследователь сам отметил «временное или эпизодическое пребывание носителей КМК в данном регионе» (Отрощенко, 2001, с. 85), на что обращалось внимание и раньше (Шарафутдинова, 1996, с. 57; Литвиненко, 1999, с. 69). Исходя из этого, напрашивался вывод либо о запустении этой территории в финале средней бронзы, либо все-таки о наличии здесь позднекатакомбных памятников. Оба предположения не вписывались в концепцию В.В. Отрощенко и потому остались без комментария. Выход из создавшейся ситуации мог заключаться в признании того, что основной посткатакомбный пласт захоронений в регионе нуждается в выделении.

Это отчетливо проявилось в работах Э.С. Шарафутдиновой (1999; 2001), где была предпринята первая попытка вычленения серии погребений финала средней бронзы в Нижнем Поволжье. Автор включила в нее 46 комплексов и впервые использовала термин «культурная группа», подчеркнув связь с катакомбной культурой (Шарафутдинова, 2001, с. 148–153). Тем не менее, вопрос о самостоятельном культурном статусе этих памятников окончательно решен не был, и к ним в итоге был применен острожный термин «группа памятников финала (средней бронзы – *Р.М.*) (катакомбный тип)»

(Шарафутдинова, 2001, с. 135, табл. 3), оставляющий возможности для конкретизации его культурного содержания.

Особую роль в обособлении посткатакомбных памятников в нижневолжском регионе сыграла работа А.В. Кияшко (2003). Он на базе 50 комплексов показал особенности погребений этого горизонта. Наличие в их материалах бабинских пряжек заставило также констатировать бабинскую (тогда КМК) атрибуцию этих комплексов (Кияшко, 2003, с. 31). Причем, исследователь явно ощущал специфичность нижневолжских погребений по отношению к тогда уже неплохо изученным бабинским древностям Днепро-Донского междуречья и поэтому предложил рассматривать посткатакомбные погребения Нижнего Поволжья в качестве локального варианта бабинской культуры (Кияшко, 2003, с. 31).

Складывалась противоречивая ситуация. Оперируя одними и теми же комплексами, исследователи включали их в разные культурные контексты. Наиболее четко это проявилось на примере яркого комплекса Жареный Бугор 3/1 (илл. 19, *2*). Его относили к бабинской культуре (Монахов, 1984, с. 241–243; Шарафутдинова, 1987, с. 42; Отрощенко, 2001, с. 84; Кияшко, 2003, с. 31), к финальным стадиям среднедонской катакомбной (Матвеев, 1996, с. 27, 28; Синюк, 1996, с. 168–169, рис. 41, 95; Мимоход, 2002, с. 235), волго-донской катакомбной культур (Малов, Филипченко, 1995, рис. 4, 11, 12, 5, 49) и к финалу средней бронзы (катакомбному типу) (Шарафутдинова, 2001, с. 153). Он именовался одновременно посткатакомбным и финальным среднедонским катакомбным (Литвиненко, 1999, с. 70, 71) или переходным от средней к поздней бронзе (Отрощенко, 1998, с. 115). При этом была заметна инородность данного захоронения в типологических рядах обрядово-инвентарных комплексов как катакомбных, так и днепро-донской бабинской культур (ДДБК). Все это вело к поиску того контекста, где комплексы подобного типа могли бы занять свое место. Пути эти были намечены (Шарафутдинова, 2001, с. 148–153; Кияшко, 2003, с. 30–31), вопрос о посткатакомбном характере и

культурной обособленности погребений подобного типа поставлен (Литвиненко, 2004а, с. 103-105, 108).

Альтернативная позиция была предложена мною. До определения окончательного культурного статуса посткатакомбных древностей региона был предложен рабочий термин «криволукская культурная группа» (Мимоход, 2004; 2005). Причем, внимание было акцентированно на том, что этот термин рабочий (Мимоход, 2004, с. 112). Вызвано это было существенным различием в обрядовом комплексе, а, как потом выяснилось, и в инвентарном, между криволукской культурной группой и ее соседом – ДДБК. Дальнейший сбор и систематизация материала, а также плодотворные разработки Р.А. Литвиненко, который сформулировал концепцию культурного круга Бабино (Литвиненко, 2009; 2011), расставили все на свои места. «Криволукская культурная группа», полностью выполнив свое предназначение в качестве рабочего термина, подчеркивающий культурную специфику нижневолжских памятников финала средней бронзы, стала частью историографии проблемы. Посткатакомбные древности Нижнего Поволжья были объединены в волго-донскую бабинскую культуру (ВДБК) (Мимоход, 2013; 2014).

И как здесь не отметить научное чутье В.В. Отрощенко и А.В. Кияшко, которые еще 20 лет назад, имея на руках ограниченную источниковую базу, включили Нижнее Поволжье в бабинский ареал (Отрощенко, 2001, с. 83, 84; Кияшко, 2003). Несмотря на то, что в конечном итоге это оказалась отдельная культура в рамках культурного круга Бабино, существенно отличающаяся от ДДБК, вклад этих исследователей в то, что криволукская группа была переоформлена в ВДБК, которая заняла свое надлежащее место в структуре посткатакомбного мира, сложно переоценить.

После того, как была выделена криволукская культурная группа (Мимоход, 2004) (ныне ВДБК), пожалуй, чаще всего, помимо меня и

Р.А. Литвиненко, она оказывалась в фокусе исследований В.А. Лопатина[6]. Он практически сразу отметил, что памятникам ВДБК «практически идентичны комплексы первой обрядовой группы Смеловского грунтового могильника» – знакового для Нижнего Поволжья памятника из его раскопок (Жемков, Лопатинн, 2007, с. 109). В дальнейшем эту обрядовую группу (ОГ) исследователь уже рассматривает именно как группу ВДБК и как один из компонентов сложения срубных древностей (Лопатин, 2008, с. 419; 2010, с. 160, 167, 168; Жемков, Лопатин, 2008, с. 175). Особо следует отметить, что В.А. Лопатин совершенно верно оценивал хронологическую позицию ВДБК и ВУКГ, в том числе по стратиграфическим данным (Лопатин, 2009, с. 60). Исследователь определил их место в рамках финала средней бронзы до распространения колесничных памятников и точно подметил специфику культурно-хозяйственного типа посткатакомбных социумов Нижнего Поволжья и Волго-Уралья. В частности, он отмечал, что носители ВДБК и лолинской культуры, в данном случае ВУКГ, о чем В.А. Лопатин писал позже (2014, с. 18), «очевидно более приспособленные к аридным условиям, быстро освоили волго-уральскую степь и к моменту появления здесь носителей покровского культурного типа уверенно ее контролировали. Основы будущего хозяйственно-культурного типа складывались именно в данный период в подвижных скотоводческих системах» (Лопатин, 2010, с. 168).

Сейчас ВДБК сравнительно хорошо изучена. Четко установлена ее территория, определены культурно-значимые признаки обрядового и инвентарного комплекса, установлены относительная и радиоуглеродная хронологии, рассмотрены вопросы генезиса и исторической судьбы, установлены культурные контакты (Мимоход, 2004; 2010; 2013в; 2014; 2018; 2019б; 2019в; 2020; 2021; 2021а; Литвиненко, 2012; 2019; 2020; Мимоход, Загородняя, 2020; Mimokhod, Zagorodnia, 2021).

[6] В дальнейшем мы будем оперировать только термином «волго-донская бабинская культура» для того, чтобы не вносить понятную путаницу, тем более что ВДБК и криволукская культурная группа – это синонимы только на разных смысловых уровнях.

Однако, несмотря на это, до недавнего времени в литературе тиражировался, а, возможно, еще и будет тиражироваться рудиментарный историографический тезис о хронологическом стыке позднекатакомбных древностей и срубной культуры (Дрёмов, 2012; 2015). Оставим в стороне то, что на дворе XXI в. и концепция переходного периода от средней к поздней бронзе, построенная не только по данным стратиграфии и сравнительных культурно-типологических построений, но и снабженная уже более чем представительной базой радиоуглеродных дат, давно оставила позади пройденный этап 70–90-х гг. прошлого столетия. Дело еще и в том, что И.И. Дрёмов, при констатации хронологического стыка катакомбных и срубных древностей придает этому переходному процессу «сверхзвуковое» ускорение. Он пишет: «В то же время накапливается материал, свидетельствующий об очень быстрой смене катакомбных погребений раннесрубными и покровскими. Имеется ряд случаев, когда раннесрубные погребения накладывались точно на могильную яму с погребением катакомбного времени или на входную яму катакомбы» (Дрёмов, 2012, с. 149). Исследователь полагал, что это скоротечная смена культурных контекстов произошла в течении одного-двух поколений (Дрёмов, 1996, с. 117), а, в частности, в степном Поволжье «очень быстро – в течении 20–40 лет» (Дремов, 1997, с. 66). Нельзя не приветствовать того, что И.И. Дрёмов оценивает скоротечность исторических процессов восточноевропейского бронзового века у́же, чем большинство доверительных интервалов AMS-датирования, но и понять это невозможно. Впрочем, спустя 15 лет он все-таки замедлил этот феноменальный процесс до нескольких поколений (Дрёмов, 2012, с. 152), но потом опять его ускорил до нескольких десятилетий (Дремов, 2015, с. 15).

В историографическом обзоре я не мог обойти вниманием работы И.И. Дрёмова по изучению памятников конца средней – начала поздней бронзы степного Поволжья, тем более что автор защитил на эту тему кандидатскую диссертацию в г. Ижевске (Дрёмов, 2011) и издал монографию

в немецком издательстве «Lap Lambert Academic Publishing» (Дрёмов, 2012). Однако, в свете всего вышесказанного, надеюсь, читатель поймет, почему эта концепция после внимательного изучения упомянута, но в рамках настоящего и без того достаточно объемного исследования останется без детального анализа.

Подводя итог, следует отметить, что с выделением Волго-Донского Бабино удалось не только заполнить хронологическую нишу между катакомбными и позднебронзовыми древностями в Нижнем Поволжье в интервале не менее 200 лет, но и продолжить процесс структурирования культурного круга Бабино. На сегодняшний день он включает в себя ДДБК, ВДБК и ДПБК.

Путь идентификации посткатакомбного пласта в Волго-Уралье вне бабинского контекста был еще короче, чем для Волго-Донского Бабино и, по сути, начался в середине нулевых годов текущего столетия. Территория Волго-Уралья является восточной периферией посткатакомбного мира. В процессе выделения древностей финала средней бронзы этот регион оставался последним слабым форпостом защиты тезиса о доживании катакомбной культуры до начала поздней бронзы. Причем, данная территория всегда считалась периферийной для катакомбного мира, а проникновение туда носителей катакомбных традиций оценивалось как спорадическое. В результате даже появилась весьма своеобразная гипотеза о том, что в Южном Приуралье позднеямная культура могла принять участие в сложении Синташты (Зданович Г., 2002, с. 43; Моргунова, 2002, с. 114; Виноградов Н., 2003, с. 259; Малютина, Зданович, 2004, с. 81; 2005 с. 20–21, 29). Отсутствие, а точнее невыделенность, археологических материалов (за исключением немногочисленных абашевских и вольско-лбищенских), которыми можно было бы заполнить период финального среднего бронзового века Приуралья, прямо сказывалась на решении одного из ключевых вопросов для степной бронзы – проблемы происхождения синташтинской культуры.

Только во второй половине первого десятилетия нашего века в выделении пласта памятников, который непосредственной подстилает начало поздней бронзы в Волго-Уралье, был сделан серьезный шаг вперед. В.В. Ткачев собрал подборку комплексов, которые он отнес к позднекатакомбной группе, чье появление в регионе связано с проникновением сюда носителей манычских и волго-донских катакомбных традиций (Ткачев В., 2005; 2006, с. 30–59; 2006а, с. 73, 74; 2006б; 2007, с. 228–257). Несмотря на то, что эти работы, равно как и другие (Дегтярева, 2006, с. 32; Богданов, 2007; 2010), обосновано снимали возможность участия ямной культуры в формировании синташтинских древностей, тем не менее, они в очередной раз реанимировали идею стыка и генетической связи катакомбных и позднебронзовых древностей горизонта щитковых псалиев. Следует отметить, что в подборке В.В. Ткачева наряду с действительно позднекатакомбными комплексами, оказались и отдельные посткатакомбные материалы, т.е. она не являлась однородной, но вектор решения проблемы был задан.

Через несколько лет в материалах Поволжья и Волго-Уралья удалось выделить массивы посткатакомбных памятников. Выяснилось, что здесь представлены два основных культурных образования – это ВДБК, которая занимала территорию от волго-донского междуречья до Заволжья, и волго-уральская культурная группа (ВУКГ), ареал которой и стал для нее эпонимным (Мимоход, 2010а; 2013в; 2014; 2018; 2021б). Эти погребения обоснованно разделил и В.А. Лопатин по материалам уникального грунтового могильника Смеловка, обратив внимание на резкое отличие обрядовых признаков ВДБК и ВУКГ[7] (Лопатин, 2010, с. 112). Как бабинские некоторые комплексы волго-уральской культурной группы финала СБВ (Барановка I 10/4; Восточно-Курайли 1/1, Шумаево II 6/1) рассматривали украинские коллеги (Отрощенко, 2001, с. 84; Василенко, 2008, с. 143). Их

[7] Статья с этим рабочим названием вышла в тот же год (Мимоход, 2010а).

посткатакомбный облик был определен верно, но культурная специфика нуждалась в уточнении.

При наличии уже неоднократно опубликованных работ, где посткатакомбные памятники Поволжья и Волго-Уралья рассматриваются дифференцировано, а речь идет о ВДБК и/или ВУКГ (Мимоход, 2010а; 2013; 2013в; 2014; 2016; 2017; 2018д; 2021а; Литвиненко, 2012; 2015, с. 113; 2016; 2016а, с. 132, 137, 138; 2017, с. 336; 2020; 2021; 2020а; Отрощенко, 2014, с. 9, 10; Багаутдинов, Кузьмина О., Рослякова, 2015, с. 213: Купцова, 2016; 2017; Турецкий, Мимоход, Хохлов, 2020; Купцова, Евгеньев, 2022; Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022; и др.), в недавно вышедшей монографии, посвященной Грачевским курганам в Самарском Заволжье, памятники этих культурных образований оказались вновь смешанными (с использованием моего термина) в рамках «волго-уральской культурной группы». В ней оказались памятники как ВУКГ, так и ВДБК. Таким образом, авторы фактически вернулись на уровень осмысления материала более чем десятилетней давности, с некоторой модернизацией, которая выразилась в замене термина «посткатакомбная» на «постполтавкинскую» (Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018, с. 89–91). При этом уже через два года автор нового последнего термина П.Ф. Кузнецов возвращается к корректному для Волго-Уралья определению памятников как посткатакомбных (2020, рис. 2).

Таким образом, ВУКГ как самостоятельная культурная единица была выделена более 10 лет назад (Мимоход, 2010а). Уже тогда были предложены решения вопросов ее генезиса и дальнейшей исторической судьбы, связанной, в первую очередь, с синташтинской культурой (Мимоход, 2010а; 2013, с. 323–332; 2011д). Волго-уральская группа получила развернутое освещение во втором томе многотомного издания «Археология Волго-Уралья» (Мимоход, 2021а). Впоследствии органично удалось включить в ВУКГ «загадочные» сидячие захоронения Волго-Уралья (Мимоход, 2021б).

Целый ряд признаков этой культурной группы и особенности ее культурогенеза позволяют включить волго-уральскую группу наряду с лолинской и невинномысской культурами в культурный круг Лола.

Разделение блока посткатакомбных образований на культурный круг Бабино и культурный круг Лола – это не механическая классификация материала. За данными дефинициями стоят конкретные исторические реалии, реконструкциям которых и посвящено это диссертационное исследование.

Глава 2. Волго-донская бабинская культура

§ 1. Территория

На сегодняшний день известно 217 захоронений из 123 могильников (илл. 1, табл. 1.1).

Подавляющее большинство погребений ВДБК расположено на территории Нижнего Поволжья (илл. 1). В системе современного административного деления комплексы культуры находятся в Волгоградской, Саратовской, Самарской, Астраханской, Воронежской областях. Единичные захоронения обнаружены на территории Ростовской и Оренбургской областей. Южная граница распространения ВДБК находится на севере Прикаспийской низменности в северной части Ергенинской возвышенности. На территории правобережья Волги памятники расположены в Сарпинской низменности и на Приволжской возвышенности, на левобережье – в Низком Заволжье. Северная граница культуры проходит в лесостепной зоне, севернее Самарской Луки, и маркирована комплексами Ягодное I 3/1, Николаевка 3 2/1, 3/3,4, 5/1; Калиновский I 1/4. Восточный рубеж располагается на границе с глубинными волго-уральскими степями (Сусловский 9/1, Кумыска II 1/2, Красная Деревня 8/4, 15/5). Южная граница находится в южной части южных опустыненных степей и в пограничье с северными пустынями (Никольское I 1/5,9, III 1/8, IV 1/2, Кривая Лука XI 4/1,2, XII 1/7, XIV 15/10, XV 2/12, 3/5, XXI 2/4, XXIII 1/8, 3/3, XXXIII 4/2, XXXIV 2/2, 5/7, Барановка 2/4, Гремячий II 1/3). На западе пограничные комплексы ВДБК обнаружены на правом берегу Дона и в низовьях правобережного его притока р. Медведицы (Зимняцкий 1/2, Евстратовский II 2/3, 4/3, Перекопка од. кург./4,6, Чир II 2/1). Северо-западная граница заходит клином в западную часть Воронежской области, проходя по обоим берегам Дона (Липовка 1 5/3, Павловск II ск. 2/38, Павловский 41/3, Высокая Гора 5/1) и далее на северо-восток в пограничье лесостепи и зоны северных степей (Власовский I 7/1, 14/1, Чурилово 1 3/3, Губари 4/1). Кроме основного ареала в единичных случаях можно наблюдать инфильтрацию носителей волго-донских бабинских традиций сравнительно глубоко на

инокультурные территории. Так, крайней юго-западной и западной точками являются комплексы Репный I 7/13,17 в Ростовской области, Лимаревка 1/13,20 и Нижняя Дуванка 1/3 в Луганской области (Восточная Украина) в ареале Днепро-Донского Бабино, а на северо-востоке – Скворцовка 5/3 на территории волго-уральской культурной группы (илл. 1).

На карте памятников ВДБК заметны «белые пятна» (илл. 1). Одно из них располагается между левобережным притоком Волги р. Малый Иргиз и Самарской Лукой, второе – между средним течением р. Медведица и Средним Доном. Их наличие объясняется недостаточной степенью изученности данных регионов и, скорее всего, они заполнятся памятниками ВДБК с дальнейшим накоплением источниковой базы. Это еще более станет очевидным, если посмотреть на карту распространения памятников ДДБК (Литвиненко, 2006а, рис. 1А; 2009, рис. 3, 3А). Наше второе белое пятно здесь также присутствует (илл. 181), а, соответственно, речь действительно идет о степени изученности этой территории.

§ 2. Погребальный обряд

На сегодняшний день известно 217 захоронений (илл. 1, табл. 1.1). Имеются данные как об одиночных *курганах* ВДБК, так и об отдельных скоплениях насыпей в пределах курганных полей эпохи бронзы (Верхний Балыклей, Дмитриевка, Караман, Линево, Николаевка, Смеловка, Покровск). Скопления эти небольшие – 2 или 3 кургана. По этому показателю ВДБК серьезно отличается от соседних посткатакомбных культур. В ДДБК хорошо известна практика устройства многокурганных могильников (Литвиненко, 2006а, с. 165–168; 2009, с. 56, 57), в Лоле количество насыпей в одном могильнике может достигать 11 (Мимоход, 2013, с. 23). В Нижнем Поволжье пока известен всего один могильник Караман посткатакомбного периода, состоящий из трех курганов, который обособлен от курганных ансамблей предшествующих культур бронзовой эпохи (Жемков, Лопатин, 2007, с. 99–101).

Волго-донские бабинские насыпи небольшие. Как правило, их высота меньше 1 м, диаметр от 10 до 30 м. Известно всего четыре кургана, высота которых от 1,2 до 1,75 м (Вишневка од. кург., Новая Молчановка к. 1, Советское 1 од. кург., Рыбный к. 3). Параметры насыпей ВДБК стоят ближе к лолинской культуре, где также возводили небольшие курганы (Мимоход, 2013, с. 23), чем к ДДБК, в материалах которой известны высокие (больше 3 м) сооружения (Литвиненко, 2006а, рис. 3; 2009, с. 58, рис. 6).

Из *дополнительных курганных конструкций* в ВДБК известны только кольцевые ровики. Они зафиксированы на четырех курганных памятниках (Белокаменка к. 3, Грачевка II к. 10; Бородаевка к. 2, Красноармейское к. 1) (илл. 2, *1–3*) и в грунтовом могильнике Смеловка (илл, 2, *4, 5*). Причем, в Бородаевке и Красноармейском ровики сопровождали сразу по два основных погребения (илл. 2, *1, 3*). В одном случае оба погребения имели по своему рву (илл. 2, *1*), в другом – два захоронения окружал один ровик (илл. 2, *3*). Рвы имели овальную форму. Диаметры сооружений составляли от 5,5 м до 14,5 м. Интересно, что в волго-донских бабинских древностях известно всего 4 кургана, под которыми находились сразу два основных погребений (Бородаевка к. 2, Ворошиловский участок к. 1, Губари к. 4, Красноармейское к. 1) и в двух из них обнаружен такой редкий элемент погребальной обрядности как кольцевой ровик. Скорее всего, между этими фактами есть определенная семантическая связь. Типологически очень близкая ситуация прослежена в лолинской культуре. В ее материалах есть 5 курганов, в которых два погребения были основными (Бияш к. 2, Ореховка к. 7, 8, 9, 10). Здесь в двух последних случаях могилы были окружены кромлехами (Андреева, Дервиз, 1989, с. 41, 42). Кромлехи и ровики в ритуальном отношении могли быть синонимичны, что подтверждается данными лолинской культуры (Мимоход, 2013, с. 24). Впрочем, ровики в Лоле встречены тоже только трижды (Кировский IV к. 7, Айгурский 2 к. 37, Новый к. 130), но связаны они были с одиночными основными погребениями (илл. 57, *2, 3, 5*).

Характерным признаков ровиков ВДБК являются наличие перемычек-входов. Они зафиксированы во всех случаях (илл. 2). В курганах они ориентированы в широтном направлении (илл. 2, *1–3*). В одном случае прослежены две перемычки, направленные на восток и запад (илл. 2, *1*). В грунтовом могильнике Смеловка (п. 112) две перемычки в ровике были направлены на север и восток (илл. 2, *5*). Очень интересные сооружения обнаружены в кургане 3 мог. Белокаменка, которые были связаны с основным бабинским погребением 8. К сожалению, графическая фиксация отсутствует, но есть подробное описание: «После сооружения п. 8 была оставлена площадка подквадратной формы, ориентированная по сторонам света, размерами 5×4,5 м. Площадка окружена земляным валом, диаметром 11–13 м. Земля для вала бралась из траншей. Траншеи образовывали вокруг погребения разомкнутый кольцевой ров. На вершине обваловки горели костры. Насыпь была сооружена после этих действий» [Лукашов, 1987]. Таким образом, в этом кургане в отличие от остальных (илл. 2) ров к тому же еще имел подквадратную форму.

Сооружение ровиков вокруг могил на подкурганных площадках – традиция хорошо известная в Нижнем Поволжье и волго-донском междуречье. Наиболее характерна она для памятников ямной и полтавкинской культур (Васильев, 1979, с. 29, 32; Кузнецов, 1989, с. 16; Матвеев, Цыбин, 2004, с. 21; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000, с. 21, 29, 32; Медведев, 2017), но продолжает использоваться и в катакомбное время, в том числе в позднекатакомбный период, непосредственно предшествующий возникновению ВДБК (Мимоход, 2009, с. 26, илл. 5, 10, 13, 20). Причем, здесь мы имеем дело с ровиками с перемычками, как и в Волго-Донском Бабино. По этому элементу хорошо прослеживается генетическая связь между ВДБК и предшествующим катакомбным генетическим субстратом.

Картографирование волго-донских бабинских курганов показывает, что этот элемент погребального обряда имеет определенную локальную специфику. Они расположены в северной половине ареала в пределах

Саратовского Поволжья и Самарского Заволжья и отсутствуют в южной части (илл. 3). Следует отметить, что курганы среднедонской катакомбной культуры, которая наряду с волго-донской катакомбной культурой, принимали участие в сложении ВДБК, располагаются тоже в пределах Саратовской области (Мимоход, 2009, илл. 1, 2).

Обращает на себя внимание полное отсутствие в ВДБК каменных курганных конструкций. Это особенно показательно на фоне ДДБК, Лолы и невинномысской культуры, в которых на ранних этапах камень активно использовался при возведении курганов (кромлехи, панцири, наброски, крепиды, ограды, каменные курганы) (Писларий, 1991, с. 53, 54; Литвиненко, 2000, с. 12–19; 2006а, с. 168; 2009, с. 62–65; 2010, с. 34; Мимоход, 2013, с. 25). Причем, каменные конструкции характерны только для определенных частей ареалов этих культур. Для ДДБК – это территория Донецкого кряжа, смежного правобережного Подонцовья и Северного Приазовья, а для лолинской и невинномысской культур – среднее течение Калауса, верховья Мокрой Буйволы и Томузловки на Ставропольской возвышенности. Строгая корреляция между наличием выходов камня и использованием его в курганном строительстве не прослеживается. Так, например, в богатых на камень степных районах Поднепровья и Крыма бабинские социумы при возведении курганов этот строительный материал фактически не применяли. Подтверждает это и ситуация с ВДБК. На территории Нижнего Поволжья естественные выходы камня –хорошо известное явление. Однако, носители как предшествующих катакомбных, так и посткатакомбных традиций игнорировали его при курганном строительстве.

Для ВДБК не свойственна традиция устройства в курганах внемогильных комплексов (так называемых «жертвенников») из костей КРС и МРС, иногда в сопровождении отдельных вещей. Эта традиция характерна для катакомбных культур, и хорошо представлена на раннем этапе Днепро-Донского Бабино (Литвиненко, 2006а, с. 168; 2009, с. 65). Для ВДБК из внемогильных комплексов известны только обломки посуды в насыпи и на

погребенной почве (Рунталь к. 1, Гремячий II к. 1, Евстратовский II к. 4, возможно, Бурлук I к. 1). Только один раз на погребенной почве обнаружены кости ног МРС и КРС (Ягодное I 3/1).

На трех памятниках зафиксирован бескурганный обряд захоронения (Белогорское I, Калач, Смеловка).

Из всего массива волго-донских бабинских погребений *основные захоронения* составляли 32,8%, 6,9% могил сопровождались *досыпками*, остальные *впускные*. Интересно сравнить эти показатели с данными соседних посткатакомбных культур. У ВДБК по сравнению с Лолой процент основных погребений и сопровождавшихся досыпками различаются несильно. В лолинской культуре соответствующие показатели составляют 22% и 2% (Мимоход, 2013, с. 26). Более серьезные различия наблюдаются между ВДБК и ДДБК. Последняя культура обладает наиболее развитым курганным строительством из всего посткатакомбного блока. 55% погребений Днепро-Донского Бабино были основными в курганах, сопровождавшиеся досыпками – 24% (Литвиненко, 2006а, с. 165; 2009, с. 56, 57). Очевидно, что ВДБК по указанным показателям занимает промежуточную позицию между Днепро-Донским Бабино и Лолой, располагаясь ближе к последней. Рост курганного строительства – одна из характерных черт посткатакомбного периода (Мимоход, 2005, с. 71; 2013, с. 318; 2010, с. 45). Особенно хорошо резкий рост сооружения собственных курганов по сравнению с позднекатакомбным временем фиксируется на ранней фазе развития блока посткатакомбных культурных образований. Для лолинской и ВДБК основные и погребения с досыпками составляют половину от всех комплексов ранних этапов (Мимоход, 2013, с. 26)[8]. Насыпи и досыпки были возведены над подавляющим большинством раннебабинских захоронений (Писларий, 1983, с. 12, 13; 1988,

[8] ВДБК прошла в своем развитии два этапа, но в силу ряда объективных причин (см. ниже), наполнение их конкретными погребениями вызывает определенные затруднения, особенно для позднего этапа. Сейчас к раннему этапу ВДБК можно отнести не больше 30 захоронений. Именно на этой выборке сделан предварительный вывод о возможном процентном соотношении основных/сопровождавшихся досыпками и впускных захоронений.

с. 13, 14; Литвиненко, 1990, с. 81; 2006а, с. 165). Данный показатель в раннем Днепро-Донском Бабино достигает 90% (Литвиненко, 2006а, с. 165; 2009, с. 57).

Распределение погребений ВДБК по основным *секторам кургана* показывает следующую картину (илл. 4). Как и следовало ожидать, подавляющее большинство основных погребений сосредоточено под центральной частью насыпи. Они составляют 82,3% от всех захоронений, над которыми были возведены первоначальные насыпи. В центральной части концентрируется значительное количество впускных захоронений. Однако количественное соотношение здесь иное. В центре насыпи располагается 39,6% захоронений от всех впускных комплексов. Бóльшая часть таких погребений находится в секторах кургана (илл. 4). Как и следовало ожидать, в полах кургана погребения немногочисленны, и они впускные, в то время как в секторах известны и основные захоронения, и сопровождавшиеся досыпками (илл. 4). Некоторые тенденции в использовании курганного пространства прослеживаются в распределении погребений по секторам. Захоронения представлены на всех участках, примыкающих к центральной части (илл. 4), но количественное соотношение выявляет определенные закономерности. Очевидно, что юго-западный сектор крайне редко использовался для совершения захоронений. Западный, северо-западный, северный, северо-восточный и восточный сектора имеют близкое количество могил (от 6 до 9). Выделяются в этом отношении южный и юго-восточный участки, которые содержат 16 и 17 погребений (илл. 4), т.е. почти в два раза больше. Иными словами, кроме центрального участка, именно южная и юго-восточная части кургана были наиболее востребованы для совершения погребений.

ВДБК на уровне признака «расположение погребений по секторам кургана» демонстрирует вполне определенную культурную специфику. Она выявляется при сравнении наших данных с показателями соседних посткатакомбных культур, для которых проведена соответствующая работа. Речь идет о ДДБК и лолинской культуре. Как уже отмечалось, для носителей

ВДБК, кроме характерной для многих культур центральной части кургана, приоритетными для совершения захоронений были южный и юго-восточный секторы насыпи (илл. 4). В родственной ДДБК ситуация принципиально иная. Здесь для устройства впускных погребений раннего этапа особо значимой зоной была северная часть кургана (Литвиненко, 2006, с. 221, 223, рис. 6; 2006а, с. 168, 169, рис. 5; 2009, с. 166, рис. 17)[9].

При сравнении данных ВДБК и лолинской культуры по всем погребениям тоже прослеживаются определенные различия. Юго-западный сектор кургана в Лоле самый востребованный для устройства погребений (илл. 58) (Мимоход, 2013, илл. 4), в то время как в ВДБК, наоборот, он использовался крайне редко. Носители лолинских традиций в северном секторе кургана фактически не совершали захоронений. В ВДБК этот участок входил в число редко, но стабильно используемых.

Могильные сооружения представлены следующими разновидностями.

Группа А. Могилы ямной конструкции.

Тип 1 – обычная яма. Этот вид конструкции составляет 91,8% от всех погребений с установленной конструкцией могилы[10]. Полное доминирование этого типа наблюдается и у ДДБК. Это отличает первичные бабинские культуры (ДДБК и ВДБК) от культурного круга Лола. В лолинской культуре погребения с ямной конструкцией могил составляют 56% (Мимоход, 2013, с. 27). Заметное место здесь занимают подбойные захоронения.

Чаще всего ямы ВДБК имеют подпрямоугольную форму с округленными углами, овальную, реже прямоугольную, в единичных случаях неправильную. Обычно длина ям составляет 1,3–2 м, ширина – 0,7–1,5 м, средняя глубина – 0,5–1,7 м.

---

[9] В работах Р.А. Литвиненко рассматриваются только ранние впускные погребения ДДБК. Проблема наполнения комплексами этапов ВДБК будет рассмотрена ниже. Для ее раннего этапа удается выделить не больше 30 захоронений, причем, треть из них основные и с досыпками находятся, как обычно, в центральной части насыпи. Впускные волго-донские бабинские погребения, которые совершены не на центральном участке, паритетно представлены в северной и южной частях кургана, т.е. ярко выраженная тенденция тяготения ранних могил ДДБК к северной половине насыпи в ВДБК не прослеживается.

[10] На самом деле процент этот, скорее всего, значительно выше. 1/6 часть погребений ВДБК впущена в насыпь, и могильная яма не была прослежена. Очевидно, что при небольшой глубине и поздней стратиграфической позиции большинства таких комплексов реконструкция ямной могилы для них вполне уместна.

Тип 2 представляет собой яму с заплечиками (илл. 17, *10*, *12, 20,* 18, *8*, *12*, 21, *10, 14*). Это тип сооружения составляет 5,9%. Обычно заплечики располагаются в нижней части ямы. В этой выборке встречаются довольно глубокие ямы 2,2–2,5 м.

Тип 3 объединяет ямы с уступом или со ступенькой (илл. 17, *19*, 18, *10*, 20, *8*). Это редкий тип насчитывает 5 погребений. Как правило, уступы располагались вдоль одной из длинных стенок. В одном случае зафиксированы 2 ступеньки (илл. 20, *1*).

Группа Б. Могилы с подбойной конструкцией составляют 3,7% от всех погребений с установленной конструкцией могил.

Тип 1 – погребения в нормальных катакомбах (илл. 23, *7–10*). Это крайне редкий вид конструкции – всего 5 комплексов (Рыбушка 15/2, Усть-Курдюм 1 6/1, Утевка V 4/1, Кряж I 1/1, Советское 1 од. кург./6). Четыре комплекса были основными в курганах, один сопровождался досыпкой. Столь прочная корреляция между типом могилы и курганным строительством свидетельствует о том, что умершие, погребенные в нормальных катакомбах, обладали повышенным социальным статусом. К тому же все костяки принадлежали взрослым людям.

Катакомбы н-видные, имеют достаточно обширные входные колодцы подпрямоугольной или овальной формы размерами 1,75×1,93–1,15×1,66 м, глубиной 1,7–2 м. Характерной чертой этого вида сооружения является обязательное наличие выраженной ступеньки, иногда двух (высота 0,3–0,6 м) при сопряжении шахты и камеры. Следует отметить одну важную деталь, которая отличает волго-донские бабинские катакомбы от катакомб культурного круга Лола. Во всех могилах ВДБК в плане значительная часть камеры (в двух случаях бóльшая часть) находится в створе входной шахты. В большинстве лолинских катакомб камеры выведены из шахты полностью. В этом отношении погребальные сооружения Лолы выглядят более архаичными по сравнению с конструкциями Волго-Донского Бабино, которые представляют собой нечто среднее между нормальными катакомбами (тип 1 в

лолинской культуре) (Мимоход, 2013, с. 27) и ямами с подбоями (см. ниже). Интересно, что в ДДБК тоже есть крайне немногочисленная серия катакомб и в большей части из них система расположения в плане камеры и шахты, такая же как у ВДБК (Литвиненко, 2009, с. 70, рис. 22).

Тип 2 объединяет ямы с подбоями или редуцированные катакомбы (9 погребений) (илл. 23, *11–16*). Они также имеют н-видную форму. Ямы этого типа заметно меньше катакомб (тип 1). Их размеры 1–1,65×0,44–1,3, глубина 0,6–1,5 м. Форма могилы только овальная. Ступеньки в конструкциях 2-го типа либо отсутствуют (илл. 23, *11–13*), либо едва намечены (илл. 23, *14, 15*). Метрические параметры катакомб и ям с подбоями хорошо иллюстрирует их разнотипность (илл. 5, 6).

Картографирование погребальных конструкций обеих групп показывает следующую картину. Могилы типа 1 группы А (обычная яма) равномерно распределены по всей территории культуры (илл. 7). Погребения в ямах с заплечиками (тип 2) и с уступом (тип 3) отсутствуют в северной части ареала (Самарское Заволжье). Могилы типа 3 сосредоточены в центральной части Нижнего Поволжья и отсутствую в южной, в то время как конструкции типа 2 есть и в центральной, и южной частях территории ВДБК. Причем, бóльшая часть погребений в ямах с заплечиками сосредоточена в последнем регионе (илл. 7), который граничит с территорией лолинской культуры. В ее материалах известны погребения в ямах с заплечиками, которые выделены в отдельную обрядовую группу (III ОГ) (илл. 67) (Мимоход, 2013, с. 47, илл. 30, *6–9*). Группа малочисленна, состоит всего из четырех погребений, три из которых являются экстраординарными захоронениями с могильными ямами глубиной свыше 4–5 м. Все погребения III ОГ относятся в раннелолинскому времени. В этой связи сложно говорить, насколько тенденция тяготения ям с заплечиками ВДБК к южному ареалу связано с контактами с носителями лолинской культуры. Однако не следует забывать, что ямы с заплечиками представлены и в материалах ДДБК на Нижнем Дону (Литвиненко, Зарайская, 2004, с. 217), и в материалах ВУКГ (илл. 153, *8–10*).

Распространение погребений с могильными конструкциями группы Б выявляет четкую тенденцию. Немногочисленные захоронения в катакомбах (тип 1) концентрируются исключительно в северной части ареала, в том числе в Самарском Заволжье. Захоронения в ямах с подбоем представлены по всей территории за исключением последнего региона (илл. 8). Факт концентрации катакомб на севере Нижнего и юге Среднего Поволжья требует отдельного комментария. Дело в том, что в посткатакомбный период единственной культурой, где серийно представлены нормальные катакомбы является лолинская. Небольшая серия подбойно-катакомбных могил известна в ДДБК. Часть из них располагается на Нижнем Дону и там их появление Р.А. Литвиненко логично связывает с влиянием лолинской культуры (Литвиненко, 2000а, с. 70; 2005, с. 76; 2009, с. 70; Мимоход, 2005, с. 72; 2013, с. 321). Объяснить таким влиянием особенности распространения катакомб в ВДБК сложно в силу их территориального удаления от Северо-западного Прикаспия. Можно, например, предположить, что появление катакомб в северной части волго-донского бабинского ареала может быть связано с контактами с волго-уральской культурной группой, которая занимала одноименный регион и являлась северным дериватом Лолы. В ее материалах известны захоронения в подбоях и катакомбах (Мимоход, 2010а, рис. 2, *8, 9*; 2013, с. 234–236, илл. 96, *3, 4, 10*), которые выделены в отдельную обрядовую группу (илл. 154, *22–26*) (Мимоход, 2018, с. 143). Однако, сложно объяснить, почему катакомб нет южнее, где волго-уральская культурная группа также контактировала с ВДБК и почему катакомб нет в пограничье Волго-Донского Бабино и лолинской культуры?

По всей видимости, особенности территориального распространения могил группы Б можно трактовать следующим образом. Немногочисленные подбойно-катакомбные захоронения в ВДБК являются не столько результатом контактов с культурным кругом Лола, сколько рудиментами предшествующего генетического субстрата – волго-донской катакомбной культуры. О рудиментарном характере конструкций группы Б

свидетельствует их малочисленность. Подбойно-катакомбные захоронения составляют всего 6,4% от всех захоронений культуры. В целом, погребения группы Б равномерно распространены по всему ареалу (илл. 8), что свидетельствует о том, что феномен катакомбно-подбойных могил имманентно присущ ВДБК, а не является результатом межкультурных контактов, как, например, в ДДБК. Появление четырех комплексов в нормальных катакомбах в северной части ареала (илл. 8), скорее всего, следует рассматривать в контексте локальной специфики проявления в ВДБК катакомбного наследия. Причем, специфика здесь была не только локальной, но, как уже отмечалось, но и социальной.

При сооружении *внутримогильных конструкций* чаще всего использовали дерево. Погребения с деревянными перекрытиями составляют 10,3% от всех погребений ВДБК. В большинстве случаев зафиксированы остатки рухнувших конструкций в заполнении могил. Только три раза удалось установить, что перекрытия были поперечные и состояли из бревен (так называемые «накатники») (Дмитриевка 2/1, Калмыцкая Гора F 8/2, Новая Молчановка 1/7). Обычно перекрытие сооружалось над могилами ямной конструкции. Два раза деревом были накрыты входные шахты катакомб (Советское 1 од. кург./6, Рыбушка 15/2). В комплексах Высокая Гора 5/1 и Нижняя Дуванка 1/3 обнаружены однотипные столбовые конструкции. Столбовые ямы располагались по углам могилы (илл. 17, *6, 11*). Причем, располагались они на западной периферии культурного ареала (илл. 1). Неординарная конструкция зафиксирована в погребении 16 кургана 3 мог. Рыбный: «В яме находилось деревянное сооружение (косое перекрытие). Вдоль северной стенки стояло несколько столбов, на которые опирались в верхней части ямы деревянные плахи» (илл. 21, *15*) [Скрипкин, 1976]. Скорее всего, речь идет о шалашевидном перекрытии, когда наклонные плахи внизу опирались на дно могилы, а вверху – на верхнюю часть вертикально поставленных столбов.

Показательно, что ни разу в материалах ВДБК не обнаружены деревянные рамы/срубы. В ДДБК эта конструкция одна из характерных черт погребального обряда (Ковалева, 1981, с. 17; Писларий, 1975, с. 89; 1976, с. 19; 1983, с. 7; 1991, с. 54, 55; Литвиненко, 2001; 2007, с. 159; 2009, с. 68, 69). Захоронения с деревянными рамами составляют четверть от всех погребений с установленным типом могилы (Литвиненко, 2006а, с. 170; 2009, с. 68). Особенно характерны эти сооружения для раннего периода Днепро-Донского Бабино. Примечательно, что даже в лолинской культуре известны единичные захоронения в деревянных рамах (илл. 68, *11*) (Мимоход, 2013, с. 30, илл. 30, *6*, 31, *8*). На этом фоне полное отсутствие этого вида внутримогильной конструкции в ВДБК выглядит специфичным.

Картографирование погребений с деревянными перекрытиями показывают, что они располагаются, главным образом, в центральной части ареала (илл. 9). Общеизвестно, что нередко использование строительных материалов обусловлено природно-географическим фактором. В этой связи, показательно, что на южной периферии ВДБК в зоне южных опустыненных степей погребения с деревянными конструкциями неизвестны. Фактически нет их, за исключением комплекса Котлубань II 4/2, в южной части средних сухих степей. Серийно погребения с деревянными перекрытиями начинают встречаться в северной части этой зоны, хорошо представлены в пограничье с северными степями и непосредственно на их территории (илл. 9). Скорее всего, это связано с большей доступностью дерева в этих районах, которые характеризуются менее аридным климатом, по сравнению с южной частью ареала ВДБК[11]. В этом отношении вызывает удивление отсутствие на сегодняшний день погребений с деревянными конструкциями в лесостепной зоне, где нет проблем с этим строительным материалом. Однако следует учесть, что лесостепное Самарское Заволжье – это северная периферия Волго-Донского Бабино. Здесь известно всего 9 погребений, что составляет 4,4% от

[11] Данная закономерность будет подробнее показана ниже на примере костей МРС и КРС в захоронениях ВДБК.

всех комплексов культуры. По всей видимости, именно фактором малочисленности обусловлено отсутствие здесь захоронений с деревянными конструкциями и следует ожидать их появления с дальнейшим накоплением источниковой базы.

Кроме деревянных перекрытий известно еще два погребения, где есть внутримогильные конструкции. В комплексе Верхний Балыклей 4/4 яма была перекрыта кугой. На этом же памятнике в п. 2 к. 2 могильная яма завалена камнями (илл. 9, 22, *1*). Это пока единственный случай использования камня в погребальной обрядности ВДБК. В свете вышесказанного симптоматично расположение могильника Верхний Балыклей. Он находится в аридном Заволжье, в южной части средних сухих степей. Возможно, этим и было вызвано использование в устройстве могил куги и камня при дефиците дерева. Волго-донские бабинские погребения в основном одиночные, но известны и *парные*. Они составляют 5,4% от всех захоронений культуры. Такой же процент (5,5%) парных погребений демонстрирует и лолинская культура (Мимоход, 2013, с. 31). В ДДБК этот показатель меньше и составляет 3,1% (Литвиненко, 2009, с. 70). В отличие от Днепро-Донского Бабино и Лолы в ВДБК отсутствуют тройные погребения. В материалах ДДБК и лолинской культуры их известно по два (Литвиненко, 2009, с. 70; Мимоход, 2013, с. 32). В ВДБК бóльшая часть парных погребений представляют собой захоронение взрослого и ребенка/подростка (6 комплексов). В одном случае взрослый индивид определен как мужчина (Николаевка 3 2/1) (илл. 21, *1*), еще в одном как женщина (Ямки 1/4) (табл. 2.1). Три раза в парных погребениях обнаружены взрослые индивиды, два раз – дети (илл. 17, *19*, 22, *11*). Все парные захоронения совершены по обряду скорченной ингумации.

Исключение составляют комплексы Красная Деревня 8/5 и Высокая Гора 5/1, где один костяк находился в скорченном положении на левом боку, а второй пакетирован. Это единичные погребения ВДБК, где зафиксированы

элементы расчленения или *вторичного погребения*[12]. В материалах соседних посткатакомбных культур «пакетированные» скелеты встречаются значительно чаще. Они известны в материалах днепро-донской и днепро-прутской бабинских культур (Полидович, 1993, рис. 17, *3*; Субботин, Добролюбский, Тощев, 1995, с. 112; Глебов, 2004, с. 99, рис. 30; Санжаров, 2004, с. 249; Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005, рис. 51, *5*, с. 161; Литвиненко, 2006а, с. 172; 2009, с. 71, рис. 23; Усачук, Подобед, Полидович, Цимиданов, 2010, с. 189, рис. 8), а также лолинской и невинномысской культур (илл. 65, *5*, 115, *30*) (Дервиз, 1990, с. 45–48; Мельник, 1991, с. 15; Саликов, 2007, с. 402; Мимоход, 2007, с. 145; 2013, с. 32, 33).

В материалах ВДБК известны три погребения, в которых не обнаружены остатки костяков: Белогорское I ск.1/28, Караман 1/3, Паницкое 6 4/3 (илл. 23, *16, 17*). Возможно, здесь мы имеем дело с кенотафами. Правда, в двух последних случаях в подобной интерпретации есть сомнения. Комплекс Караман 1/3 был нарушен более поздним захоронением срубной культуры (Жемков, Лопатин, 2007, с. 100, рис. 3, *3*), а по центру могильной ямы паницкого захоронения прошла крупная нора (Мимоход, 2009, илл. 19).

Основное положение скелетов в волго-донской бабинской обрядности – *скорченно на левом боку*. Правобочные костяки составляют 3% всех погребений. В лолинской культуре этот процент в два раза выше (7%) (Мимоход, 2013, с. 33). Показатели невысокие, поэтому как для Волго-Донского Бабино, так и для Лолы, положение скелетов на правом боку (илл. 17, *18*, 18, *24*, 22, *4, 17*) можно рассматривать как отклонение от нормы. В ДДБК ситуация иная. Здесь на раннем этапе в обрядности соблюдается принцип бинарной оппозиции, когда мужчин укладывали на левый бок с ориентировкой на запад, а женщины на правый головой на восток. (Дубовская, 1985; Отрощенко, 1992; Литвиненко, 2001а, с. 168; 2006, с. 216–221; 2006а, с. 173, 174; 2007, с. 158; 2009, с. 71; 2012а, с. 262, 263; Грищук, 2016, с. 46).

[12] В археологических материалах при расположении костей без анатомического порядка не всегда без специальных исследований удается идентифицировать тот или иной вид обращения с останками умершего.

Заметную часть правобочные захоронения составляют и в невинномысской культуре лолинского круга (см. главу 4), но здесь в отличие от ранней ДДБК существенной корреляции между полом умершего и положением скелета нет. Однако, правобочное положение костяка в сочетании с восточной ориентировкой – явление в невинномысских посткатакомбных древностях системное (см. главу 4).

Следует отметить важную деталь. В ВДБК эпизодически в погребальном обряде используется принцип бинарной оппозиции для мужчин и женщин. Правда, проявляется он иначе, чем в Днепро-Донском Бабино. Речь идет о кургане 2 мог. Бородаевка. Здесь было два основных погребения, окруженных полукольцевым ровиком (илл. 2, *3*). В одном из погребений похоронена женщина 30 лет на левом боку головой на север (илл. 17, *14*), в другом – мужчина более 30 лет на левом боку головой юго-восток (илл. 23, *5*). В этом кургане выраженная бинарность, дифференцированная по половому признаку, проявляется в противоположных векторах ориентировки скелетов. Еще один памятник, где возможно мы тоже имеем принцип бинарной оппозиции – это курган 7 мог. Репный I. Здесь второй стратиграфический горизонт составляют два волго-донских бабинских погребения, которые были совершены единовременно (илл. 45) и располагались в пяти метрах друг от друга (Глебов, 2004, рис. 16). В одном находился скелет мужчины старше 45 лет на левом боку головой на северо-запад, а во втором – костяк ребенка 6–7 лет на правом боку черепом на северо-восток. Для ребенка такого возраста пол можно определить только с помощью генетического анализа, который не проводился. С учетом выраженной бинарности погребального обряда, который выражается не только в принципе правый/левый бок, но и в векторах ориентировки северо-запад/северо-восток, можно осторожно предположить, что скелет ребенка принадлежал девочке. В целом, следует отметить, что принцип бинарной оппозиции в положении и ориентировках скелетов мужчин и женщин не характерен для погребения ВДБК, в отличие от соседней ДДБК. Однако эпизодическое его проявление в обрядности Волго-Донского Бабино

красноречиво свидетельствует о принадлежности ВДБК к культурному кругу Бабино.

В ВДБК полностью доминирует средняя *скорченность* костяка. Такие погребения составляют 77,5%. Скелеты со слабой скорченностью представлены в 9,3% захоронений, с сильной – в 3%. Если сравнить эти данные с соответствующими материалами лолинской культуры, то налицо существенные различия между ними по признаку «степень скорченности костяка». В Лоле соотношение среднескорченных и сильноскорченных скелетов составляет 43,6% и 36,8%, т.е. их количественное соотношение близко к паритетному (Мимоход, 2013, с. 33)[13]. Это говорит о том, что совершение захоронений в сильноскорченном для носителей лолинских традиций входило в число элементов наглядного образа культуры, чего нельзя сказать о ВДБК, где такая позиция скелета явно была маргинальной. Данные для сравнения по признаку «степень скорченности скелета» с ДДБК пока не опубликованы. Однако, исходя из подборок иллюстраций погребений, которые представлены в докторской диссертации Р.А. Литвиненко (2009, рис. 20–22, 37, *1*, 39–41), сильноскорченные захоронения в Днепро-Донском Бабино явно составляют меньшинство, доминирует здесь среднескорченная позиция, а удельный вес слабоскорченных костяков, выше, чем в ВДБК, особенно на раннем этапе (Литвиненко, 2009, с. 72). Иными словами, по рассматриваемому признаку волго-донская бабинская традиция ближе к ДДБК, чем к Лоле.

Ориентировка погребенных демонстрирует следующие закономерности (илл. 10). Наиболее распространенным было северо-восточное направление. Реже, но стабильно встречается ориентировка на север, восток, юго-восток. Еще реже костяки ориентированы на юг и северо-запад. Известна также единичная ориентировка на юго-запад (Барановка 2/4). Западное направление отсутствует вовсе. Анализ количественного соотношения ориентировок

[13] Слабоскорченных погребений в лолинской культуре меньше (4,2%) в два раза, чем в ВДБК. Вряд ли эти показатели стоит абсолютизировать.

показывает, что ВДБК по этому признаку стоит ближе к лолинской культуре, чем ДДБК. Объединяет их почти полное отсутствие ориентации костяков на запад. Однако, в Лоле, особенно на раннем этапе, хорошо представлено юго-западное направление (Мимоход, 2013, с. 33, 34, илл. 14), которое фактически не использовалось носителями волго-донских бабинских традиций. Сравнение по признаку «ориентировка скелета» с ДДБК показывает серьезные отличия. В Днепро-Донском Бабино западный вектор являлся одним из главных элементов наглядного образа культуры (Литвиненко, 2006а, рис. 9; 2009, рис. 131).

Общеизвестно, что *положение костей рук* скелета в погребениях – один из определяющих хронологических признаков для периодов эпохи бронзы. Для ВДБК было выделено 9 вариантов расположения рук умерших (илл. 11).

1 – левая рука вытянута вдоль туловища к коленам, правая немного согнута в локте, кисть ее располагается на тазе или у кисти левой руки (илл. 11, *1*, 17, *1, 2*, *6, 11–13*, *15–17*, *20*, 18, *1, 2, 5, 12, 13, 18–20, 25*, 19, *1–5, 8, 10, 11, 14, 17, 18, 19, 22*, 20, *1–3, 6–9, 10, 11, 13*, 21, *1, 3–9, 11, 12, 15, 17, 18*, 22*, 8–11, 20, 23*, 23, *7, 8, 11, 16*).

2 – обе руки протянуты к коленям (илл. 11, *2*, 17, *4, 10, 13, 18, 21, 23*, 18, *3, 6, 8, 14,* 19*, 2, 13, 15, 16,* 20, *6, 9, 12*, 21, *10, 11, 16*, 22, *1, 2, 14*, 23, *14, 15*). Это катакомбная позиция, так называемая «поза скачущего всадника».

3 – левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте под прямым углом, кисть ее находится в районе локтевого сустава левой руки (илл. 11, *3*, 17, *14*, 18, *17*, 19, *7*, 22, *5, 7, 19*, 23, *1, 3, 4, 5, 6, 8, 10*).

4 – обе руки согнуты в локтях под острым углом, кисти находятся у лица или груди (илл. 11, *4*, 18, *16*, 22, *15*). Это так называемая «адоративная позиция рук».

5 – обе руки согнуты в локтевых суставах, предплечья параллельны друг другу, находятся на животе (илл. 11, *5*, 19, *12*, 21, *9*, 22, *21*).

6 – одна рука согнута в локте под острым углом, кисть у лица, вторая протянута к коленям (илл. 11, 6, 22, *13*).

Позиции 6–9 насчитываю всего по одному погребению. Расположение рук показано на схеме (илл. 11, *6–9*, 19, *6*, 23, *12*).

Показательно количественное соотношение (илл. 12). Вариант 1 самый распространенный. Погребения с такой позицией рук составляют 40,2%. Именно это положение рук следует считать культурно значимым признаком ВДБК. Катакомбная позиция (вариант 2) зафиксирована в 26,5% погребений. Вариант 3 составляет 14,7%, варианты 4 и 5 – по 1,5%.

Признак «положение рук» хорошо иллюстрирует принадлежность ВДБК к культурному кругу Бабино. На раннем этапе ДДБК доминируют варианты катакомбных позиций рук (варианты 1–3 по нашей классификации) (Литвиненко, 2009, с. 72, 73, табл. 2.4). Такую же тенденцию демонстрирует и ВДБК с той лишь разницей, что в Днепро-Донском Бабино вариант 3 самый распространенный, а катакомбные позиции занимают второе место. Подтверждается сходство между бабинскими культурами и сравнение материалов ВДБК с данными культурного круга Лола. В лолинской культуре одним из диагностичных признаком является поза «адорации», которая встречена в 63% захоронений. Напомню, что в ВДБК этот показатель составляет всего 1,5%. Как уже отмечалось, для Днепро-Донского Бабино, особенно, на раннем этапе культурообразующим был вариант 3. ВДБК он представлен в меньшей степени, но, тем не менее, представляет собой заметную часть, занимая третье место (илл. 12). В лолинской культуре этот вариант представлен только в 3,2% погребений (Мимоход, 2013, илл. 16).

В бронзовом веке, особенно в ранний и средний периоды, немаловажную роль в погребальных обрядах играли *охра, разнообразные подсыпки и подстилки.* Уже давно отмечено, что роль этих элементов заметно ослабевает к финалу средней бронзы. Особенно хорошо это прослеживается на примере использования охры в похоронных ритуалах (Фещенко, 1990, с. 98; Балабина, 1983, с. 191; Мельник, 2009, с. 247). Анализ волго-донских бабинских погребений в целом подтверждает эти наблюдения.

В ВДБК использование *охры* зафиксировано в 11,2% захоронений. Эта цифра близка показателям лолинской культуры (13,6%). В волго-донских бабинских погребениях, в основном, это локальное окрашивание в области черепа, стоп, колен, локтей. Причем, зона черепа использовалась чаще всего. Здесь охра обнаружена в 39,1% от всех погребений, где зафиксирован этот пигмент. Другой особенностью погребального обряда является не только окрашивание, но и помещение в могилу отдельных кусков минерала. Такие погребения составляют 30,4%. Особого внимания заслуживает еще один вариант использования охры, который выглядит достаточно архаичным. Это посыпка ею всего костяка, иногда и дна могилы. В ВДБК есть два таких погребения (Верхний Балыклей 2/2 и Кривая Лука XI 4/1). В ДДБК имеется информация об одном подобном комплексе (Берестнев, 2001, с. 63). Эта деталь обряда более свойственна лолинской культуре. В ее материалах известно одиннадцать захоронений, где весь скелет был покрыт охрой (Мимоход, 2013, с. 37). Интересна локализация таких волго-донских бабинских погребений. Они расположены в южной части ареала, непосредственно в пограничье с Лолой (илл. 1). Не исключено, что появление в ВДБК погребений с окрашенными костяками является результатом контактов с лолинской культурой.

Еще один пигмент-краситель желтого цвета, встреченный в ВДБК – это *сера.* Правда, известно только одно захоронение, в котором содержался этот минерал (Жутово I 80/2). Поиск аналогий в посткатакомбном блоке уверенно указывает на лолинскую культуру. Именно в ее материалах представлена серия из семи погребений с пигментами и кусками минерала желтого цвета, которые определяются как минерализированная сера или ярозит (Калмыков, 2007, с. 129; Мимоход, 2013, с. 37). Как и в случае с полностью окрашенными костяками, комплекс Жутово I 80/2 с минерализированной серой находится на южной периферии ВДБК (илл. 1), непосредственно в контактной зоне с лолинской культурой.

Подстилки в ВДБК в основном органического происхождения и представлены циновками из камыша, тленом коричневого, темно-серого и белесого цвета. В комплексах Симоновка 1/1 и 1/2 дно могилы было выстлано корой (илл. 23, *б*). В ряде случаев (15 комплексов) в отчетах и публикациях указано, что подстилка была меловая. По мнению почвоведов, археологи нередко за меловую подсыпку принимают аккумуляции легкорастворимых солей на полу могильных камер, сформировавшихся естественным путем (Дёмкин, Борисов, Демкина, Хомутова, Алексеев, 2006, с. 382). Возможно, что в наших комплексах с «меловыми подсыпками» мы имеем дело именно с такими случаями. В отчете П.С. Рыкова указано, что костяк «засыпан» известью [Рыков, 1921]. Скорее всего, здесь речь также идет о минерализации органического покрывала, которым был накрыт умерший. Остатки органических подстилок зафиксированы в 21% погребений ВДБК, в Лоле этот показатель составляет 17% (Мимоход, 2013, с. 38).

В могилах ВДБК обнаружены *следы горения* в виде вкраплений угля, скопления золы и сажи. Погребения с воздействиями огня составляют 6,9% от всех погребений культуры. Это существенно больше показателя лолинской культуры (3,1%), но значительно меньше соответствующих данных ВУКГ (14,3%), для которой следы горения в могилах являются одним из второстепенных культурных индикаторов (см. главу 5).

Отдельно следует остановиться на находках в погребениях *костей животных* (КЖ). Как уже отмечалось (см. главу 1), в свое время этот признак сыграл немаловажную роль при выделении ВДБК (Шарафутдинова, 1999, с. 159; 2001, с. 149; Кияшко, 2003, с. 30, рис. 2, 3; Литвиненко, 2004, с. 103; Мимоход, 2004, с. 109; 2013в, с. 169; 2014, с. 103, 105). Он же был одним из определяющим при выделении культурных образований культурного круга Лола (Мимоход, 2003, с. 104; 2006, с. 250, 251; 2007, с. 145; 2007а; Кореневский, Мимоход, 2011, с. 41). Несмотря на то, что упоминания костей МРС в погребениях финала средней бронзы Нижнего Поволжья как культурно-хронологического индикатора насчитывает уже 20 лет, все они

имеют тезисный характер в рамках общей характеристики комплексов данного периода в регионе. Это диссонирует, например, с лолинской посткатакомбной культурой, для которой работа, посвященная обозначенной проблеме, вышла вскоре после выделения культуры и в один год с публикацией развернутого обоснования ее существования (Мимоход, 2007; 2007а). Специальных исследований, предметом, которых был бы анализ признака «кости животных в погребениях» как культурно-хронологического индикатора для эпохи бронзы фактически нет. Исключением является статья О.В. Кузьминой, в которой проведен анализ остатков напутственной пищи в контексте погребального обряда абашевской культуры (Кузьмина О., 2000). Важность этой работы для нашей темы заключается в том, что исследовательницей была проанализирована серия погребений, синхронная первой и второй фазам посткатакомбного блока, которыми и датируется ВДБК.

Анализу признака «кости животных» в погребениях ВДБК уже посвящены специальные работы (Мимоход, 2019б; 2021).

В ВДБК известно 126 комплексов с КЖ, что составляет 57,6% от всех погребений культуры[14] (илл. 15). Подавляющее большинство костей принадлежат МРС и КРС – 97,5% от всех захоронений с КЖ. В двух случаях в источниках было указано, что погребения сопровождались костями животных без уточнений каких[15]. Только в двух комплексах Репный I 7/13 и Николо-Варваринка 5/5 обнаружены коленная чашечка и путовые кости лошади (Глебов, 2004, с. 98; Юдин, Баринов, Павленко, 2019, с. 92).

Комплексы с КЖ были разбиты на типы в зависимости от анатомического и видового состава костей.

---

[14] Из анализа исключены погребения, где встречены только астрагалы МРС. Известная специфика использования этих предметов больше приближает их к категории «артефакт», чем к «КЖ». С учетом комплексов с астрагалами, где нет, костей животных количество погребений возрастет всего до 128, что не принципиально. При выделении типов КЖ в случае обнаружения их в одном комплексе с альчиками (4 комплекса), последние игнорировались, да и лежали они отдельно от остатков напутственной пищи.

[15] Видовая принадлежность и анатомический состав КЖ определены, в основном, авторами раскопок. В публикациях уже есть, но пока единичные определения КЖ из комплексов ВДБК, сделанные археозоологами (Косинцев, Рослякова, 1999, с. 49; 2006, с. 79, 80; Глебов, 2004, с. 63, 98).

Тип 1. Кости ног МРС (илл. 17, *2, 9, 13, 15, 18, 19*, 18, *3, 5–7, 11–16, 25*, 19, *5, 7–9, 11, 13, 15, 17, 18*, *19*, 20, *2, 3, 5, 9, 11*, 21, *1–8, 13, 17, 18*, 22, *1, 3, 6, 7, 11, 20*, 23, *2, 5–7, 12–14, 16*) (табл. 2.2). Чаще всего сопровождают захоронения ВДБК и являются одним из элементов наглядного образа культуры. В видовом отношении подавляющее большинство их, скорее всего, принадлежит овце.

Тип 2. Кости ног КРС (илл. 17, *6, 20*, 17, 18, *1, 9, 17, 20, 21*, 20, *8, 12*, 21, *10*, 23, *8–11*) (табл. 2.2) встречаются реже, но также выступают в качестве хорошо распознаваемого маркера погребального обряда ВДБК.

Тип. 3. Кости ног КРС и МРС (илл. 17, *3*, *10*, 18, *10*, 22, *9*) (табл. 2.2). Сочетаются в одном погребении, причем, зачастую, они лежат вместе, что не оставляет сомнения в их семантической связи.

Тип. 4. Кости ног и таза МРС (илл. 19, *3*, *4,* 22, *8*) (табл. 2.2).

Тип. 5. Ребра и позвонки МРС (илл. 17, *7*, 18, *18, 19*) (табл. 2.2).

Тип. 6. Кости ног и лопатки МРС (илл. 19, *1*, 21, *13*) (табл. 2.2).

Типы 4 и 6 близко стоят к самому распространенному типу 1. Очевидно, что в первом случае в могилу помещались задние кости ног с тазом, во втором – передние с лопатками.

Остальные типы представлены единичными комплексами:

Тип 7. Лопатка МРС (илл. 17, *22*) (табл. 2.2).

Тип 8. Рога и верхняя часть черепа КРС (илл. 17, *6*) (табл. 2.2).

Тип. 9. Челюсть МРС (илл. 19, *6*) (табл. 2.2).

Тип 10. Череп и нога МРС (илл. 19, *13*) (табл. 2.2).

Количественное распределение типов комплексов с КЖ приведено в табл. 2.2.

Для выяснения культурно-хронологической значимости комплексов с КЖ в волго-донской бабинской обрядности необходимо: 1. провести анализ ситуативного расположения типов комплексов в могиле и по отношению к погребенному, и сравнить полученные результаты, а также сами типы комплексов, с соответствующими данными культур диахронного и синхронного плана; 2. выявить, насколько возможно, хронологические

закономерности функционирования выделенных типов в рамках хронологии ВДБК; 3. проследить особенности территориального распространения комплексов с КЖ.

ВДБК демонстрирует четкие принципы размещения КЖ в могиле. Общая тенденция – приуроченность костей к телу умершего. Основная зона размещения – у левой руки (илл. 13, *1, 2*) (табл. 2.3). Здесь находится подавляющее большинство всех типов КЖ (илл. 13, *1, 2*) (табл. 2.3). Причем, в рамках этой зоны выделяются два участка, наиболее насыщенные комплексами. Речь идет о районе локтевого сустава и кисти (илл, 13, *1, 2*).

Если рассмотреть расположение КЖ по типам, то получится следующая картина (табл. 2.3).

Там, где умерших сопровождают только ноги МРС, КРС, МРС/КРС (типы 1–3) они в подавляющем большинстве располагаются в зоне самой высокой встречаемости (у левой руки): 79,7%, 73,3%, 75% соответственно (от количества всех комплексов по каждому типу) (илл. 13, *1, 2*). Еще более показательна ситуация с типом 6 (кости ног и лопатки МРС). Здесь все четыре комплекса находятся перед умершим у левой руки (приложение 2, табл. 4, илл. 13, *2*). Тип 4 (ноги и таз МРС) тоже немногочисленен (табл. 2.3), но тенденцию проявляет такую же, хотя в одном комплексе задние конечности были обнаружены в нестандартной зоне – у головы (илл. 13, *2*)[16]. В свою очередь, больше всего в количественном отношении отклонений от нормы (зона у левой руки) демонстрирует тип 1 (кости ног МРС), хотя в процентном соотношении он проявляет высокую степень стандартизации. Это неудивительно, т.к. он самый многочисленный (табл. 2.2, 2.3). Видимо, поэтому тип 1, а также как и второй по численности тип 2, встречены в зоне, в которой пока не были встречены другие комплексы с КЖ. Речь идет о позиции «в отдалении скелета» (илл. 13, *1, 2*) (табл. 2.3). Причем, в этой зоне находится

[16] В перспективе интересными станут исследования археозоологов. В частности, есть ли какие-либо отличия в расположении задних и передних ног копытных в захоронениях? На примере типов 4 и 6 с КЖ, которые без специального анализа опознаются как передняя и задняя части тела, связанные с конечностями животного, различия прослеживаются.

незначительная, но заметная часть комплексов: 5,1% от типа 1 и 6,6% от типа 2. Остальные типы в могилах ВДБК привязаны исключительно к скелету (илл. 13, *2*).

Таким образом, есть все основания утверждать, что анатомический и видовой состав КЖ в волго-донских бабинских погребениях является культурным индикатором. Своеобразной «визитной карточкой» выступают кости ног МРС. Это самый многочисленный тип, который встречен в 63,2% погребений от всех захоронений с КЖ (табл. 1). Примыкают к ним типы 2 и 3 (кости ног КРС и кости ног КРС и МРС). Их значительно меньше, чем комплексов 1-го типа, они реже, но стабильно встречаются в погребениях ВДБК. Типы 4 и 6, как уже отмечалось, по сути, представляют собой вариации типа 1, но с добавлением к задним конечностям костей таза, а к передним лопатки[17]. Не вызывает сомнения, что у носителей волго-донских бабинских традиций в погребальном ритуале особый семиотический и семантический статус имели именно ноги парнокопытного рогатого скота, с явным доминированием МРС. Если объединить в одну группу типы 1–4, 6 которые и связаны с этим статусом, то они составят 88% от всех захоронений с КЖ.

Тенденция более чем выразительная особенно в сравнении с синхронными посткатакомбными культурами. В лолинской культуре ситуация принципиально иная. Здесь фактически нет костей КРС, а наибольшую значимость в погребальном обряде имеют лопатки МРС, которые составляют 67% от всех лолинских комплексов с КЖ. Комплексы, в которых обнаружены кости конечностей МРС, составляют всего лишь 11,8%, и их появление в лолинской культуре, как показывает картография, большей частью связано с межкультурными контактами между Лолой и ВДБК (Мимоход 2007а, с. 125; 2013, с. 45). Этим же фактором объясняется и наличие одного волго-донского бабинского погребения с чисто лолинским типом КЖ

[17] С точки зрения современного анатомического деления скелета домашних животных, тип 6 представляет собой полный плечевой, а тип 4 – полный тазовый пояса конечностей животных (Хрусталева, Михайлов, Шнейберг, Жеребцов, Слесаренко, Криштофорова, 1994, с. 128).

(тип 7, лопатка МРС). Неудивительно, что этот комплекс Кривая Лука XI 4/5 (илл. 17, *22*) находится на границе ареалов лолинской и волго-донской бабинской культур (илл. 15)[18].

Так же культурная специфика в использовании КЖ в ВДБК хорошо проявляется в сравнении с аналогичным признаком в ДДБК. Здесь есть целая серия погребений с частями позвоночника МРС (Литвиненко, Зарайская, 2004, с. 223; Литвиненко 2006а, с. 178). В Волго-Донском Бабино известен всего один комплекс, в котором упомянуты кости позвоночника (Вертячий 7/24) (илл. 18, *18*). Он находится на левом берегу Нижнего Дона (илл. 15), где располагается одна из главных контактных зон ДДБК и ВДБК (Литвиненко, 2012; 2019, с. 325, 327). Наиболее характерным признаком для погребений Днепро-Донского Бабино является размещение в могилах так называемых «шкур», которые представлены черепами и костями ног КРС, значительно реже МРС и лошади (Ковалева, 1981, с. 43, 44; Писларий, 1991, с. 57; Берестнев, 2001, с. 63; Литвиненко, 2006, с. 224; 2006а с. 182; 2007, с. 160; 2009, с. 83, 84; Грищук, 2019, с. 48). Такие комплексы с КЖ не характерны для ВДБК. В ее материалах известно всего одно захоронение (Смеловка гр. мог. п. 111), где обнаружены кости ног и череп МРС (тип 10) (илл. 19, *13*).

Расположение костей в могилах ВДБК выступает своеобразным культурным и отчасти надкультурным маркером. Дело в том, что эта культура самая восточная в круге Бабино. Именно ее носители чаще всего контактировали с группами культурного круга Лола. ВДБК на юге граничит с лолинской культурой, а на востоке с ВУКГ (Мимоход, 2013, илл. 123). Как уже отмечалось, зона повышенной встречаемости КЖ в волго-донских бабинских погребениях располагается у левой руки, особенно в районе локтевого сустава и кисти (илл. 13, *1, 2*) (табл. 2.3). У культурных образований лолинского круга можно наблюдать ту же приоритетную зону в расположении костей животных

[18] Точно также в контактной зоне лолинской и днепро-донской бабинской культур можно найти единичные случаи обнаружения лолинского типа КЖ (лопатки МРС) в днепро-донской бабинской культуре (Литвиненко, 2005, с. 76), а бабинского (хребет МРС) в лолинской (Мимоход, 2007а, с. 125).

по отношению к погребенному (Мимоход, 2006, с. 250, 251; 2007а; 2013, с. 42; Кореневский, Мимоход, 2011, с. 41). Иными словами, ВДБК по признаку «расположение КЖ по отношению к скелету» демонстрирует бóльшую общность с культурным кругом Лола, чем с Бабино. Это различие еще более станет очевидным, если учесть, что для ДДБК характерна как раз отделенность костей животных от умерших вплоть до помещения их между деревянной рамой и стенкой ямы, а также выносом полностью за пределы захоронения, на внемогильные площадки (Литвиненко, 2006а, с. 182; 2009, с. 83, 84). Тем не менее, несмотря на такие различия, ВДБК – это неотъемлемая часть культурного круга Бабино, о чем свидетельствуют многочисленные другие признаки в обрядово-инвентарном комплексе. И даже на уровне признака «кости животных» эта общность тоже прослеживается. Если месторасположение костей в могилах ВДБК демонстрирует очевидные лолинские традиции, то видовой состав больше близок показателям ДДБК. В Волго-Донском Бабино хорошо представлены кости КРС, фактически неизвестные в материалах лолинской культуры (Мимоход, 2007а, с. 119; 2013, с. 45).

Культурно-хронологическим маркером ВДБК выступает не столько анатомический состав КЖ, сколько расположение их по отношению к умершему. Дело в том, что кости ног МРС начинают использоваться в погребальном обряде на Нижней Волге в предшествующий катакомбный период. В погребениях развитого, а большей частью, позднего этапов средней бронзы, присутствуют кости конечностей МРС, но положение их в могиле прямо противоположное посткатакомбной традиции. Достаточно сравнить аккумулятивные схемы их размещения в катакомбных и посткатакомбных захоронениях нижневолжского региона. В первом случае очевидна отделенность комплексов с КЖ от тела умершего (илл. 13, *3*). Они располагаются по углам могилы, у стенок, во входных шахтах. Только 2 раза в нижневолжских катакомбных захоронениях кости ног МРС встречены в «посткатакомбной» зоне у левой руки. В качестве культурно-хронологических

маркеров показательны процентные соотношения. В катакомбных погребениях кости ног МРС, которые располагаются в «посткатакомбной» позиции составляют всего 6,5% от всех учтенных захоронений с этим типом с КЖ[19]. Аналогичный показатель для ВДБК (тип 1) составляет 80% от всех комплексов с типом 1. Ситуация здесь принципиально сходна с той, которую демонстрируют, например, лолинская и поздняя восточноманычская катакомбная культура (ВМКК). В первом случае большинство лопаток МРС расположены у левой руки, во второй в отдалении от скелета, у стенок, в углах, входной шахте (Мимоход, 2007а, рис. 4, *1–3*; 2013в, илл. 23, *1–3*)[20]. По всей видимости, речь может идти о структурных различиях и сходствах в размещении костей животных в погребениях носителей катакомбных и посткатакомбных традиций в волго-донском регионе и Предкавказье.

Возвращаясь к отличию положения костей ног МРС в захоронениях ВДБК (финал средней бронзы) и комплексах предшествующего этапа (поздний период средней бронзы) следует обратить внимание на еще одно немаловажное культурно-хронологическое отличие. В погребениях волго-донской катакомбной культуры (ВДКК) хорошо выражена тенденция приуроченности ног МРС к сосуду (илл.13, *3*). Количество комплексов, когда КЖ располагаются рядом с посудой или в ней, составляет 35% от всех учтенных погребений с конечностями мелких копытных. В ВДБК из 79 погребений с типом 1 только в двух (Бережновка I 4/3 и Симоновка 1/1) ноги МРС лежали рядом с сосудом, что составляет всего 1,6%. Причем, эти захоронения относятся к раннему этапу Волго-Донского Бабино. Бережновское погребение было совершено в катакомбе (илл. 23, *11*). Этот тип могильной конструкции характерен для начальной фазы ВДБК. Комплекс Симоновка 1/1 сопровождался очень архаичным и редким типом сосуда для

[19] Всего было учтено 31 доступных мне по публикациям погребений волго-донской катакомбной культуры в Нижнем Поволжье, в которых обнаружены кости ног МРС (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, рис. 19, *б*; Дьяченко, 1997, с. 5, рис. 2, *2*, с. 22, рис. 13, *2*; Мамонтов, 1997а, рис. 1; 2001, рис. 3, *7*; Кияшко, Дьяченко, 2002, рис. 4, *1*; Крамарев, Мышкин, Турецкий, 2002, с. 103, рис. 5; Ткачев В., 2007, рис. 71, *II*; Турецкий, Мимоход, Хохлов, 2020, рис. 4) [Дьяченко, 1991, рис. 21, 34, 40, 42].

[20] Такая же структура расположения КЖ, в частности, черепов характерна для западноманычской катакомбной культуры (ЗМКК) (Гей, 1995, рис. 11).

культурного круга Бабино – корчагой (илл. 23, *6*). Такая посуда характерна только для раннего этапа днепро-донской бабинской культуры (Литвиненко, 1999а; 2006а, с. 176, табл. 3; 2016, с. 212; Кияшко, Ларенок, 2019), так же они датируются и в ВДБК. На очень раннюю позицию этих комплексов указывает и само расположение конечностей МРС рядом с сосудом, что как уже отмечалось, является культурно-хронологическим маркером катакомбного времени. При этом следует отметить, что в комплексах Бережновка I 4/3 и Симоновка 1/1 ноги МРС с сосудом не отделены от скелета как в катакомбной традиции (рис. 3, *19, 23*), а приурочены к телу умершего, хотя и находятся в редко встречаемой в ВДБК зоне, у черепа (илл. 23, *6, 11*). Эта зона чаще использовалась для размещения конечностей овцы в катакомбный период (илл. 13, *3*).

Когда мы рассматриваем КЖ в Волго-Донском Бабино в качестве хронологического индикатора, то, без сомнения, он таковым является для всего периода существования культуры. Однако серьезные трудности возникают при соотношении этого признака с внутренней периодизацией ВДБК. На материалах лолинской культуры показано, что в рамках трехэтапной периодизации хорошо прослеживается эволюция использования костей МРС в погребальном обряде от раннего к позднему периодам (Мимоход, 2007а, с. 123, 124, рис. 4, *7–9*; 2013, с. 43, 44, прилож. 2, табл. 2, илл. 23, *6–8*)[21]. Проблема в этом отношении для ВДБК – это проблема самой периодизации культуры. В ее развитии уверенно можно выделить два этапа. Однако, основу этого деления составляют не столько данные стратиграфии, сколько диагностичные черты погребального обряда и узко датирующиеся вещи. Нельзя сказать, что для волго-донских бабинских погребений не хватает стратиграфических данных. Есть многочисленные случаи соотношения захоронений ВДБК с комплексами предшествующего (катакомбного) и

[21] В ДДБК ранний этап маркирован серией комплексов со шкурами (черепа и кости ног КРС, реже МРС и лошади) (Литвиненко, 2006, с. 224; 2006а, с. 182; 2007, с. 160; 2009б, с. 83, 84). Впрочем, для развитого и позднего этапов ДДБК ситуация с признаком «кости КЖ» в погребениях непонятна. Специальных исследований на эту тему пока нет.

последующего (начало поздней бронзы) периодов, которое и определяют время их существования в рамках финала среднего бронзового века (Мимоход, 2010, с. 158; 2013, с. 169; 2014, с. 109, 110). Количество стратиграфических связок между погребениями самой ВДБК насчитывает 11 случаев, но проблемы внутренней периодизации они не решают. Дело в ярко выраженной безынвентарности волго-донских бабинских погребений. Такие комплексы составляют 70,6% от всех захоронений ВДБК. В результате при создании внутренней хронологии приходится привязываться к узко датирующимся артефактам и диагностичным чертам погребального обряда, четкая хронологическая позиция которых зафиксирована благодаря хорошо разработанным периодизациям соседних культур: днепро-донской бабинской и лолинской.

В результате время существования ВДБК можно разделить на два этапа (см. ниже). Однако, их не удается полноценно наполнить комплексами, которые бы охватили представительную часть массива культуры, как это, например, сделано для Днепро-Донского Бабино или Лолы. Достоверно к первому этапу можно отнести 30 погребений, из них кости животных найдены 20 могилах. Ко второму (заключительному) периоду достоверно относятся всего четыре захоронения, три из которых сопровождались костями конечностей МРС. Данных немного, но некоторые тенденции следует отметить. В погребениях раннего этапа ВДБК в пяти комплексах КЖ располагаются в нехарактерных для посткатакомбной традиции зонах: в отдалении от скелета, у черепа, за тазом (илл. 14, *1*). Первые две позиции больше характерны для катакомбных культур (илл. 13, *3*) (Мимоход, 2007а, с. 122; рис. 4, *1–3*; 2013в, с. 42, илл. 23, *1–3*)[22]. КЖ в этих зонах составляют четверть от всех погребений раннего этапа. Это существенный показатель. В свою очередь, в достоверных погребениях второго (заключительного) этапа ВДБК, в трех из которых обнаружены ноги МРС, все они находились в одной

[22] В серии ранних погребений ВДБК есть и захоронения в катакомбах (7 комплексов), но ни разу КЖ не были обнаружены во входных шахтах, что характерно для катакомбной обрядности (илл. 13, *3*).

из самых популярных зон у локтевого сустава левой руки (илл. 14, *2*). В этой связи можно осторожно предположить, что расположение КЖ в нестандартных, в большинстве случаев катакомбных зонах, может свидетельствовать о ранней позиции подобных погребений, в тех случаях, когда других данных для датировки нет. Ситуация здесь опять же находит структурные соответствия в лолинской культуре, периодизация которой аргументирована материалами лучше, чем ВДБК. Именно в ранних захоронениях Лолы лучше всего представлены катакомбные позиции в расположении КЖ (Мимоход, 2007а, с. 123; рис. 4, *7*; 2013, с. 42, 43, илл. 23, *7*). Картографирование типов комплексов с КЖ позволяют сделать ряд наблюдений. Особенно показательно распространение погребений с костями МРС и КРС (илл. 15). Захоронения с костями овцы равномерно представлены по всему ареалу ВДБК, которые охватывает зоны южных опустыненных, средних сухих, северных степей и лесостепь. Примечательно, что носители культуры не стали осваивать зоны северных пустынь и широколиственных лесов. Их хозяйственная скотоводческая модель была ориентирована исключительно на степь и лесостепь. Впрочем, это касается всего посткатакомбного блока. Даже самая южная его культура – лолинская не продвигалась в зону северных пустынь (Борисов, Мимоход, 2017, рис. А), а из культурного круга Бабино на юге широколиственных лесов располагаются только периферийные и в культурном смысле явно маргинальные группы: надднепрянско-припятская, деснянско-сейминская и подольско-волынская. Причем, здесь представлены только поселения и отсутствуют могильники (Литвиненко, 2008; 2009, с. 174–184, рис. 1; 2009а, с. 11, 12; Отрощенко, 2011, с. 160–161; Охріменко, Скляренко, Локайчук, 2012; Охріменко, Скляренко, 2016, с. 219, 220).

Распространение костей животных КРС демонстрирует важные закономерности. Как и кости МРС, они представлены по всему ареалу культуры (илл. 15). Однако процентное соотношение их по природным зонам меняется в меридиональном направлении с юга на север. Погребения с

костями КРС малочисленны в северной части зоны южных опустыненных степей и на юге средних сухих степей, явно тяготея друг к другу. Стабильно они начинают встречаться на границе средних сухих и северных степей и хорошо представлены в последней зоне и в лесостепи. Всего в материалах ВДБК известно 24 захоронения с костями КРС. Во всех обнаружены ноги КРС (типы 2 и 3), только в одном комплексе Высокая Гора 5/1 отдельно от ноги (тип 2) лежали рога с верхней частью черепной коробки (тип 8) (илл. 17, *б*). Из них в южных опустыненных степях располагается 6 комплексов, что составляет четверть от всех погребений с костями КРС, остальные 75% захоронений находятся в зоне северных средних степей, в ее южном пограничье и в лесостепи (илл. 15).

Отдавая себе отчет в том, что погребальный обряд весьма специфически отражает реалии, все же следует предположить, что выявленные закономерности в территориальном распространении КЖ отсылают к определенным чертам хозяйственной модели носителей волго-донских бабинских традиций. Основу стада составлял мелкий рогатый скот. Кости овцы обнаружены в 81,6% захоронений от всех комплексов с КЖ, а кости КРС – в 19,2%[23]. В стаде крупный рогатый скот присутствовал, но он явно занимал подчиненное положение по отношению к овцеводству[24]. Как уже отмечалось, кости КРС встречены на юге ареала ВДБК, но в существенно меньшем количестве по сравнению с остальной территорией. Это может быть связано с более аридным климатом в южных опустыненных и средних сухих степях по сравнению с северными степями и лесостепью. Это еще более станет очевидным, если обратить внимание на два немаловажных факта.

На юге ВДБК граничит с лолинской культурой, основная территория которой находится в Северо-западном Прикаспии и занимает нишу южных

[23] Такое процентное соотношение (в сумме больше 100%) обусловлено тем, что в некоторых комплексах встречены кости МРС и КРС.

[24] Достоверных кости лошади зафиксированы пока только в двух комплексах ВДБК – Репный I 7/13 и Велико-Варваринка 5/5 (Глебов, 2004, с. 98; Юдин, Баринов, Павленко, 2019, с. 92). Эти самые юго-западный и северо-западный комплексы находятся в пограничье с ДДБК (илл. 1), в погребениях которой кости лошади представлены.

опустыненных степей (пустынно-степная зона) (Борисов, Мимоход, 2017, рис. А). Носители лолинских традиций специализировались исключительно на овцеводстве[25], что в условиях аридизации климата было единственным механизмом выживания в такой сухой зоне, который обеспечивался, прежде всего, климатическими показаниями не столько в летний, сколько в зимний период (Борисов, Мимоход, Демкин, 2014, с. 283, 284; Борисов, Мимоход, 2016, с. 10–12; 2017, с. 51–55; 2017а, с. 21–23; Борисов, Ельцов, Удальцов, Бухонов, 2018, с. 58–59; Мимоход, 2019, с. 46–48). Носители волго-донских бабинских традиций в южной части своего ареала, использовали очень близкую лолинской хозяйственную модель скотоводства, с той лишь разницей, что, являясь южной периферией своего культурного пространства, им удавалось, вероятно, содержать немногочисленную часть КРС в стаде и находить ей место в сфере погребального обряда.

Анализ материала позволяет разделить захоронения ВДБК на четыре *обрядовые группы* (ОГ). Общим для всех групп является скорченное, в подавляющем большинстве, левобочное положение скелета и катакомбные позиции рук (варианты 1–3). Основанием для разделения служат признаки: «могильная конструкция» и «ориентировка костяка».

ОГ I представлена погребениями в ямах, костяки ориентированы на С, СВ, СЗ (илл. 16, *1*, 17–20). Это самая многочисленная группа. Ее комплексы составляют 64,2% от всех захоронений ВДБК (илл. 16, *2*).

ОГ II составляют захоронения, совершенные в ямах с ориентировкой на В и ЮВ (23%) (илл. 16, 21, 22).

ОГ III объединяет погребения в ямах с южной ориентировкой костяков (илл. 23, *1–6*). Группа немногочисленна, насчитывает 11 комплексов, что составляет 5,4% (илл. 16, *2*). Правомерность ее выделения, кроме специфической ориентировки подтверждают еще два факта. Первый – это

[25] В захоронениях лолинской культуры встречаются только кости МРС (Мимоход, 2007а). Ее поселения неизвестны и шансы их обнаружения невелики. Эпоха бронзы в пустынно-степной зоне, за исключением финального этапа, представлена курганными памятниками, что свидетельствует о подвижном характере скотоводческого уклада.

четкая корреляция в этой ОГ южной ориентировки с позицией рук варианта 3, когда левая рука протянута вдоль туловища, а правая согнута в локте под прямым углом, а ее кисть находится в районе локтевого сустава левой руки (9 из 11 погребений) (илл. 11, 3, 23, 1, 3, 4, 5, 6). В комплексе Писаревка II 10/2 (илл. 23, 2), сохранилась левая рука, вытянутая к коленям и плечевая кость правой руки, предплечье ее отсутствовало. Не исключено, что и в этом погребении была такая же позиция рук, как и в других девяти захоронениях. Второй признак менее четкий, но вполне опознаваемый – это расположение костяка в могиле. В пяти из одиннадцати случаев (Жутово I 80/2, Бережновка I 5/21, Бородаевка 2/3, Симоновка 1/1, Красная Деревня 8/5) скелеты находились не в центре ямы, а у восточной стенки и так, что между ногами и северной стенкой оставалось пустое пространство (илл. 23, *1, 4–6*). В комплексе Писаревка II 10/2 и Подгорный 6/19 скелет находился в центре могилы, но сохраняется пустое пространство между стопами и северной стенкой (илл. 23, *2, 3*). Подобные взаимосвязи между ориентировкой, положением рук и размещением костяка в могиле не оставляет сомнения, что ОГ III хоть маргинальная и малочисленная, но в то же время вполне самостоятельная обрядовая группа.

ОГ IV объединяет погребения, совершенные в ямах с подбойной конструкцией: нормальные катакомбы (илл. 23, *7–10*) и ямы с подбоем (редуцированные катакомбы – ОГ IVA) (илл. 16, *1*, 23, *11–16*). Она также немногочисленна и составляет 5,9% (илл. 16, *2*). Следует отметить, что эту группу объединяет не только подбойные могилы, но и ориентировка скелетов в северный и северо-восточный секторы. Известен только один комплекс с восточной ориентировкой, который находится в Заволжье (илл. 23, *11*).

Картографирование ОГ демонстрирует следующую картину (илл. 24). Как и следовало ожидать, погребения самой многочисленной ОГ I представлены по всей территории ВДБК. Захоронения ОГ III тяготеют к центральной и южной частям ареала. Их нет на западной и северной периферии культурного пространства Волго-Донского Бабино. Ареал комплексов в подбоях и

катакомбах (ОГ IV) шире территории ОГ III. Они известны по всему ареалу, в том числе в периферийных Среднем Подонье и Самарском Заволжье.

Наиболее интересные закономерности демонстрирует распространение погребений ОГ II (в ямах с восточными и юго-восточными ориентировками) (илл. 24). Их нет в западной части региона, где представлены, главным образом, захоронения ОГ I. Следует отметить, что, в целом комплексы ОГ II территориально явно тяготеют к Волге, но количество их на правобережье и левобережье неравнозначно. Так, в Заволжье располагается 70,2% захоронений от всех комплексов группы. В Приволжье этот показатель составляет соответственно 29,8%. Для сравнения приведем соответствующие данные по другим группам. ОГ I – 39% и 61%, ОГ III – 45,5% и 55,5%, ОГ IV – 50% и 50%. Получается, что ОГ III и ОГ IV не демонстрируют какой-либо региональной специфики по признакам «левобережье и правобережье». Как уже отмечалось, появление погребений с подбойной конструкцией могил (ОГ IV) в ВДБК связано с наследием предшествующих ВДКК и среднедонской катакомбных культур (СДКК), которые являлись генетическим субстратом для Волго-Донского Бабино. В этой связи присутствие подбойных захоронений на обоих берегах Волги и Среднем Подонье выглядит вполне логичным. ОГ III так же, как и ОГ IV, представлена в равном соотношении в Заволжье и Приволжье. Ее реальное существование не вызывает особых сомнений, потому что группа демонстрирует целый комплекс взаимосвязанных признаков: южная ориентировка скелета, специфическая позиция рук и положение в могильной яме. Что обусловило возникновение этой маргинальной обрядовой группы в ВДБК пока остается под вопросом. Есть определенные данные, что она может иметь раннюю хронологическую позицию (см. ниже).

Сравнение количественного соотношения погребений ОГ I и II в лево- и правобережье Волги выявляет вполне конкретные тенденции. Бóльшая часть захоронений первой группы располагается в Приволжье и волго-донском междуречье, и наоборот, значительное количество комплексов ОГ II

находится в Заволжье. Таким образом, обе группы, разделенные по ориентировкам скелетов (ОГ I – С, СЗ и СВ, ОГ II – В и ЮВ) отражают региональные различия. ОГ I преимущественно правобережная и волго-донская, а ОГ II – заволжская. Подобная локализация не случайна, а связана с механизмами культурогенеза, которые привели к возникновению ВДБК. Северные ориентировки ОГ I связаны с наследием СДКК, а также ВДБК, восточные направления ОГ II с последней и позднейшими пережиточными полтавкинскими древностями.

Таким образом, обрядовые группы – это не просто классификационные единицы, в них отражаются механизмы сложения и культурные составляющие ВДБК.

§ 3. Характеристика погребального инвентаря и сопоставительные материалы

Погребальный инвентарь ВДБК представлен керамической и деревянной посудой, металлическими, каменными, костяными орудиями, предметами вооружения, металлическими, фаянсовыми, раковинными украшениями.

Вещи в могилах встречаются нечасто. Выраженная безынвентарность погребений – характерная черта для всех посткатакомбных образований (Березанская, 1979, с. 5; Берестнев, 2001, с. 72; Мимоход, 2005, с. 71, 72; 2013, с. 319). В ВДБК она проявляется сильнее всего в рамках блока посткатакомбных культурных образований. Как уже отмечалось, безынвентарные могилы составляют 70,6% от всех погребений. Видимо, именно по этой причине пласт погребений финала средней бронзы в Нижнем Поволжье так и не был выделен в прошлом веке. Для сравнения, погребения без сопровождающих вещей в Днепро-Донском Бабино составляет 47,7% (Литвиненко, 2006а, с. 175), в лолинской культуре – 38,4% (Мимоход, 2013, с. 56).

Керамический комплекс ВДБК достаточно разнообразен и требует отдельного обсуждения (Мимоход, 2020). Керамика встречается в

погребениях редко, впрочем, как и другой инвентарь. Погребения с посудой составляют 11,7% от всех захоронений ВДБК. Это самый низкий показатель для культурного круга Бабино. Соответствующие значения для ДДБК – 19,1%, для ДПБК – 26,6% (Литвиненко, 2016, табл. 1).

В составе керамического комплекса Волго-Донского Бабино можно выделить три группы сосудов.

Группа 1 представлена керамикой бабинской и общей поскатакомбной традиции. Под последней здесь понимается посуда проходных типов, которая встречается фактически во всех составляющих культурных кругов Бабино и Лола. К ним относятся, прежде всего, банки. В ВДБК их можно разделить на две разновидности: закрытые (илл. 25, *1, 2*) и открытые (илл. 25, *3, 4*). В целом, для посткатакомбной традиции характерны баночные сосуды закрытых форм со стянутым устьем (илл. 25, *1, 2*), у которых диаметр венчика меньше диаметра максимального расширения тулова. В комплексах Вишневка од. кург./5 и Верхний Балыклей 6/5 обнаружены банки открытого типа (илл. 25, *3, 4*). Подобная посуда в посткатакомбных материалах встречается значительно реже, чем закрытые экземпляры. Еще одной особенностью банок из указанных комплексов является слабо намеченная закраина у дна. Эта морфологическая деталь более характерна для посуды позднего бронзового века, но появляется она еще в посткатакомбный период (Мимоход, 2013, с. 62). Из четырех банок ВДБК две закраины у дна не имели (илл. 25, *1, 2*), что соответствует стандартам производства керамики среднего бронзового века. Баночная посуда, аналогичная ВДБК, хорошо представлена как в других культурах круга Бабино (Черняков, Тощев, 1985, с. 25, рис. 5, *41, 42*; Березанская, 1986, рис. 13, *2, 4*; Ванчугов, Субботин, Дзиговский, 1992, с. 65; Савва, 1992, с. 112–115; Pâslaru, 2006, pl. 2, *2*, 16, *2, 3*; 18, *6*; Литвиненко, 2009, рис. 24, *2–21*), так и в культурном круге Лола (Кореневский, 1990, рис. 54, *7*; Воронин Малышев, 2006, рис. 48, *1*; Мимоход, 2013, илл. 45; Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 4, *3*, 14, *2*; Кочерженко, Мимоход, Слонов, Шабанов, 2016, с. 32–42, рис. 5). К общей посткатакомбной традиции относится и горшковидные плавно

профилированные сосуды (илл. 25, *11, 12*). Они также известны в бабинских и лолинских культурных образованиях (Березанская, 1986, рис. 5, *1*; Савва, 1992, рис. 45, 46, *9, 11*; Pâslaru, 2006, pl. 17, *10*; Литвиненко, 2009, рис. 24, *37*; Мимоход, 2013, рис. 46, *8–14*).

К числу выразительных морфологических признаков собственно бабинской традиции относятся горшки с трехчастным профилем с резким переходом от горла к плечикам и выраженным ребром (илл. 25, *8, 9, 13*). Подобная посуда неизвестна в культурных группах лолинского круга, зато хорошо представлена в ДДБК и ДПБК (Савва, 1992, рис. 40, *5*, 42; Литвиненко, 2009, рис. 27). Впрочем, прямые аналогии подобрать сложно, но бабинские традиции в профилировке этих сосудов налицо. К бабинским признакам можно отнести и миниатюрность одного из сосудов (илл. 25, *5*). Несомненно, бабинский облик имеет и сосуд из комплекса Заханата 9/7 (илл. 25, *10*). Его биконичному профилю и нерегулярному резному декору с элементами зигзага и «елки», и орнаментации среза венчика легко найти аналогии в днепро-донских бабинских материалах (Березанская, 1986, рис. 6, *7*; Шарафутдинова, 1995, рис. 2, *2, 5, 8, 9, 12, 13, 15*; Киселев, 1997; Давыденко, Кузин-Лосев, 2001, рис. 1, *3*; Литвиненко, 2009, рис. 24, *31, 33*). Э.С. Шарафутдинова неоднократно рассматривала горшочек из Заханаты в контексте бабинских древностей (Шарафутдинова, 1995, с. 131, рис. 2; 1996, с. 56).

К хорошо опознаваемым чертам керамического комплекса культурного круга Бабино относится многоваликовая орнаментация, которая в свое время стала эпонимной при выделении культуры многоваликовой керамики (ныне культурный круг Бабино) (Березанская, 1960; 1962). Она представлена рядами горизонтальных (илл. 25, *6, 12, 14, 15*) и вертикальных (илл. 25, *6*) валиков, а также рядами наклонных валиков в виде елочной орнаментации (илл. 25, *7, 16*).

Многоваликовая посуда ВДБК имеет черты, отличающие ее от ДДБК. Первый сосуд ВДБК с многоваликовой орнаментацией был обнаружен только в 1978 г. в погребении 1 кургана 3 мог. Жареный Бугор (илл. 25, *6*) (Монахов,

1984). Р.А. Литвиненко отмечал его специфичность по отношению к ДДБК. Исследователь отмечал, что «двухчастностью профиля, невысокой слабовыраженной шейкой и характером валиковой композиции он более близок керамике КМК (ДДБК в сегодняшнем понимании – *Р.М.*), нежели катакомбной, хотя прямые аналогии ему найти довольно сложно» (Литвиненко, 1999, с. 70). Горшок из Царева (илл. 25, *12*), помимо специфической многоваликовой орнаментации, не имеющей прямых аналогий в Днепро-Донском Бабино, украшен елочным узором, выполненным зубчатым штампом. Такой декор вообще неизвестен в древностях ДДБК, а более характерен для ВДКК, которая служит генетическим субстратом для ВДБК. В отличие от других сосудов первой группы многоваликовая керамика обнаружена не только в погребениях (Жареный Бугор 3/1, Царев 66/1) (илл. 25, *6, 12*), но и в насыпях, где она сопровождала волго-донские бабинские погребения (Евстратовский II 4/3, Гремячий II 1/3, Бурлук I к.1[26]) (илл. 25, *14–16*).

Специфика керамического комплекса ВДБК по отношению к соседней ДДБК прослеживается и по такому редкому типу посуды в культурном круге Бабино как корчаги. Известно два волго-донских бабинских погребения с такими сосудами (илл. 25, *17, 18*). Их высота 25–23 см, максимальное расширение тулова – 23–20 см, и они не орнаментированы. Эти признаки полностью соответствуют корчагам ДДБК и ДПБК (Литвиненко, 1999а, с. 83, рис. 1). В данных культурах они выделены в отдельный тип посуды (Ковалева, Волкобой, 1976, с. 17, рис. 10, *17, 18*; Ковалева, 1981, с. 19; Савва, 1992, с. 32; Шарафутдинова, 1995, с. 128, 129; Литвиненко, 1999а; 2009, рис. 28; Ляшко, Попандопуло, Дровосекова, 2004, рис. 72, *4*, 78, *4*). Однако корчаги ДДБК и ВДБК имеют некоторые отличия в морфологии[27]. Корчаги Днепро-Донского Бабино выглядят более массивными и грубыми по сравнению с сосудами

[26] Основное погребение, с которым была связана многоваликовая керамика в к. 1 мог. Бурлук I, оказалось разрушенным. Однако с учетом того, что памятник находится на основной территории ВДБК, она с известной долей условности отнесена именно к этой культуре.

[27] Равно как есть отличия между корчагами ДДБК и ДПБК (Литвиненко, 1999а, с. 84).

ВДБК. У них более сильно выражена биконичность тулова, горло прямое или слегка отогнутое, дно плоское без закраин (Литвиненко, 1999а, рис. 1, 2; 2009, рис. 28). Корчаги Волго-Донского Бабино более грацильные. Они имеют плавное изогнутое горло, у них отсутствует биконичность, а дно оформлено в виде невысокого поддона (илл. 25, *17, 18*). До недавнего времени самая восточная точка обнаружения корчаг ДДБК располагалась в районе г. Донецка в Донбассе (Литвиненко, 1999а, с. 84). Один из двух сосудов ВДБК, находится в Заволжье (илл. 25, *17*), а второй (илл. 25, *18*) в Волго-Донском междуречье (Калининский район Саратовской области). Очевиден большой территориальный разрыв между ареалами корчаг ДДБК и ВДБК. Однако в 2017 г. было найдено сразу две корчаги ДДБК в Аксайском и Красносулинском районах Ростовской области (курганные могильники Веселый и Бургуста 1) (Ларенок, 2018; 2020, с. 123; Кияшко, Ларенок, 2019, с. 3–6, рис. 1, *2–4*). Территориальный разрыв заметно сократился. Вероятно, следует ожидать новых находок корчаг в Волго-Донском междуречье.

Выделение ВДБК и присутствие в ее материалах корчаг позволяет по-новому взглянуть на гипотезу распространения этого типа посуды в культурном круге Бабино. Э.С. Шарафутдинова полагала, что исходным центром появления корчаг было Днепровское Предстепье (1995, с. 129, 131). Р.А. Литвиненко расширяет этот ареал до Нижнего Поднепровья (1999а, с. 84). Обнаружение корчаг в волго-донском междуречье и даже в Заволжье на исконных территориях ВДБК, говорит о том, что этот феномен имманентно присущ культуре и связывать его с влиянием ДДБК не приходится, особенно с учетом того, что обе культуры появились одновременно и их ранние этапы полностью синхронны (см. ниже). Таким образом, корчаги известны во всех трех бабинских культурах, и в каждой имеются свои специфические черты. На уровне признака «корчаги» хорошо аргументируется объединение всех трех культур в культурный круг Бабино. Этот тип посуды неизвестен в лолинских культурных образованиях. Следует заметить, что грацильность и плавная профилировка волго-донских бабинских корчаг, которая отличает их от

сосудов ДДБК, скорее всего, связана с тем, что именно ВДБК находилась в тесном контакте с культурным кругом Лола. Для керамического комплекса последнего как раз характерна не ребристая как в Днепро-Донском Бабино, а округлобокая профилировка сосудов с плавно отогнутым горлом (Мимоход, 2013, илл. 46, *8–14*). Южные черты в морфологии сосуда из Карамана (илл. 25, *17*) исследователи уже отмечали (Жемков, Лопатин, 2007, с. 108, 109).

Группа 2 представлена сосудами с выраженными вольско-лбищенскими чертами (илл. 26, *1–5*)[28]. Они проявляются в морфологии посуды. Горшки высоких и стройных пропорций имеют трехчастный профиль, высокое раструбное горло и зауженное дно (илл. 26, *1–3*). Ярким вольско-лбищенским признаком является скошенный венчик, оформленный в виде воротничка (илл. 26, *1–3*). Не менее показательна и орнаментация сосудов, в которой также прослеживаются вольско-лбищенские традиции. К ним относится елочная орнаментация, геометрический декор в виде треугольников и зигзагов, выполненных оттисками зубчатого штампа и шнура (илл. 26, *1–5*). На одном сосуде (илл. 26, *1*) автор раскопок указал на наличие валика (Баринов, 1996, с. 91). В.А. Лопатин указал, что «эта рельефность связана с манерой нанесения орнамента» (2012, с. 61). Речь, видимо, идет о том, что валик не налепной, а сформованный.

В погребениях ВДБК обнаружены как «чистые» в культурном отношении сосуды (илл. 26, *5*), так и синкретическая посуда, в которой при явном доминировании вольско-лбищенских черт присутствуют и пережиточные катакомбные (илл. 26, *1–4*), что уже неоднократно отмечалось (Дремов, 1996, с. 115; 2012, с. 59; 2015, с. 12; Лопатин, 2012, с. 60–63; 2014, с. 26–30; Мимоход, 2018а, с. 227).

[28] К этой группе следует добавить сосуд из комплекса Бережновка I 5/21. К сожалению, рисунка керамики в публикации нет. В ней указано только, что «вокруг скелета оказались черепки от разбитого большого сосуда андроновского типа» (Синицын, 1959, с. 72). Не удалось найти фото или рисунок этого сосуда и в НА ИА РАН. Скорее всего, их и не было. В 50-х гг. прошлого века вольско-лбищенская культура выделена еще не была. Ее керамику, которая часто украшалась геометрическим орнаментом, выполненным оттисками зубчатого штампа, легко можно было спутать с андроновской посудой, в частности, федоровского облика (Мимоход, 2018а, с. 225, 227).

Группа 3 объединяет сосуды воронежского облика (илл. 26, *6–9*). Здесь так же, как и в предыдущей группе, воронежские черты фиксируются и в морфологии, и в орнаментации. В комплексе Чурилово 1 3/3 сосуд имеет вытянутые пропорции и характерную подтюльпановидную или колоколовидную форму (илл. 26, *8*), а в погребении 1 кургана 4 мог. Губари округлое дно (илл. 26, *9*). Эти морфологические детали являются характерными приметами керамического комплекса воронежской культуры. Не менее показательна защипная орнаментация в виде «галочек» (илл. 26, *7*), елочный декор, выполненный оттисками гладкого штампа (илл. 26, *8*) и вдавления (илл. 26, *9*), нанесенные по всему тулову сосудов (илл. 26, *7–9*). По всем признакам эти сосуды можно уверенно отнести к воронежской культуре. К этой группе, на мой взгляд, следует отнести и сосуд из комплекса Николо-Варваринка 4/8 (илл. 26, *6*). Эта банка требует отдельного комментария. Морфология сосуда вполне вписывается в стандарты среднего бронзового века в целом, и в общую посткатакомбную традицию, в частности. Точные аналогии его орнаментации в виде вертикальных параллельных линий, выполненных короткими горизонтальными отрезками зубчатого штампа, которые покрывают все тулово, подобрать довольно сложно. Однако, зона орнаментации, техника нанесения и композиционное построение хорошо укладывается в стилистку украшения керамики воронежской культуры, особенно с учетом расположения памятника (Бобровский район Воронежской области) (илл. 29). В качестве близких аналогий можно указать на сосуд из п. 1 к. 1 мог. Хохольский, у которого все тулово покрыто хаотичным орнаментом, в котором, тем не менее, можно опознать вертикальные линии, выполненные защипами и зубчатым штампом (Пряхин, Синюк, 1983, с. 197, рис. 2, *2*). При анализе курганных погребений с воронежской керамикой выяснилось, что собственно к воронежской культуре можно осторожно отнести всего три погребения с вытянутым обрядом трупоположения и ориентировкой в южный сектор: Сасовский 1/8, Хохольский 1/1 и Песковка I 2/2 (Синюк, 1983а, с. 106, рис. 6, 1, 2; Пряхин, Синюк, 1983, с. 197, рис. 2, 2;

Дворниченко, Лопан, Мимоход, 2006, рис. 7, *2, 3*). Остальные захоронения, в которых обнаружена посуда с воронежскими чертами, в культурном отношении принадлежат либо к среднедонской катакомбной культуре развитого и позднего этапов (Пряхин, 1982, с. 98, 99, рис. 28; Беседин, 1986, с. 71, 72; 1988, рис. 28, *1*, *7*, 29, *1*; Березуцкий, Кравец, Новиков, 2005, с. 6, 7, рис. 4; Мимоход, 2009, с. 11–13, илл. 5, *7*, 9, *1*) [Демиденко, 2007, с. 43, илл. 120, *2*], либо к культурному кругу Бабино (см. ниже) (Мимоход, 2019а). Кроме того, в материалах поселений воронежской культуры известна посуда, все тулово которой покрыто орнаментом в виде вертикальных параллельных линий, направленных от венчика до дна, выполненных в разной технике (Беседин, 1981, рис. 2, *4*; 1988, рис. 14, *1*; 16, *1, 3, 7*, 25, *5*; Синюк, 1993, рис. 7, *6*; Синюк, Березуцкий, 2001, рис. 35, *15*).

В обряде комплекс Николо-Варваринка 4/8 также демонстрирует синкретические черты (Юдин, Баринов, Павленко, 2019, рис. 5, *1*). Это касается, прежде всего, характера деревянного перекрытия. Как уже отмечалось, в ВДБК там, где его удается зафиксировать, оно обычно поперечное. Примечательно, что такой же тип характерен и для соседней ДДБК, в материалах которой продольное перекрытие встречается крайне редко (Литвиненко, 2006а, с. 170). Во всех трех комплексах с вытянутым трупоположением и ориентировкой в южный сектор, которые предварительно можно отнести собственно к воронежской культуре (Мимоход, 2019, с. 127) были зафиксированы остатки продольных деревянных конструкций (Синюк, 1983, с. 106, рис. 6, *1*; Пряхин, Синюк, 1983, с. 197, рис. 2; Дворниченко, Мимоход, Лопан, 2006, рис. 7, *1*). В комплексе Хохольский 1/1 – это деревянная колода, ближайшие аналогии которой в близкий хронологический период известны в материалах днепро-бугского и днестро-прутского вариантов ДПБК в Среднем Поднепровье и Молдавии (Савва, 1992, с. 26, рис. 28, *2*, 29, *1*; Лысенко, 2000; Литвиненко, 2009, рис. 101; 2009а, с. 9; 2017, с. 338; 2019а, с. 61, 63, 67, рис. 4, *4*, 5, *13*, 6, *19*, 7, *1, 4*; 2020в), а также в материалах межановицкой (Mierzanowice) и унетицкой (Aunjetitz) культур (Enrée, Müller,

Rassmann, 2009, s. 363, 364, abb. 7, 14; Bąbel, 2013, s. 62–68, Podborský, 1993, s. 248, obr. 150, 153, *1*; Šabatova, Parma, 2019, obr. 5, *1*, 6; Литвиненко, 2020в, с. 367–369). В комплексах Сасовский 1/8 и Песковка 2/2 зафиксированы остатки продольных перекрытий, не свойственных культурному кругу Бабино. В этой связи, уместно предположить, что наличие продольно уложенных плах в п. 8 к. 4 мог. Николо-Варваринка (Юдин, Баринов, Павленко, 2019, рис. 5, *1*) в совокупности с воронежским обликом сосуда (илл. 26, *6*), также является свидетельством контактов ВДБК с носителями воронежской культуры. В этом комплексе мы наблюдаем крайне редкие сочетания для Волго-Донского Бабино признаков. Кроме нехарактерного для посткатакомбной традиции перекрытия и сосуда воронежского облика, к ним относятся правобочное положение скелета и позиция рук в позе адорации. Эти черты обряда встречаются в погребениях ВДБК довольно редко, но, тем не менее, они есть (см. выше) (илл. 12), а потому на данном этапе исследования комплекс Николо-Варваринка 4/8, равно как и погребение в соседнем кургане (5/5) (см. ниже), включены в базу данных ВДБК[29].

Таким образом, при единой унифицированной обрядности в погребениях ВДБК встречена разнокультурная керамика, и задача заключается в том, чтобы определить, какая же посуда принадлежит собственно Волго-Донскому Бабино. Эта проблема актуальна еще потому, что может создаться впечатление, что в ВДБК просто механически объединены погребения разных культурных образований, а соответственно культуры как таковой не существует. Действительно, отсутствие у культуры бронзового века собственного диагностичного керамического комплекса снимает вопрос о ее существовании.

Попробуем разобраться, есть ли у ВДБК собственная керамика и почему посуда, обнаруженная в погребениях, состоит из трех охарактеризованных групп?

[29] С такими очень синкретическими захоронениями, которые находятся на границе постктатакомбного и постшнурового миров мы столкнемся и при анализе памятников ВУКГ (см. главу 5).

Сначала нужно определить удельный вес каждой группы в керамическом комплексе. Ситуация показательна. Комплексы с керамикой бабинской и общей посткатакомбной традиции составляет 64% от всех погребений с сосудами и их фрагментами, захоронения с вольско-лбищенской посудой – 20%, с воронежской – 16%. Иными словами, посткатакомбной керамики в погребениях ВДБК более чем в полтора раза больше вольско-лбищенской и воронежской вместе взятых. Это говорит о том, что именно посуда бабинской и общей посткатакомбной традиции составляла основу керамического комплекса ВДБК.

Ситуацию полностью проясняет картографирование погребений с керамикой рассматриваемых трех групп. Захоронения с посудой бабинской и общей посткатакомбной традиций равномерно распределены по всему ареалу ВДБК, за исключением северной периферии (илл. 27). В Самарском Заволжье в немногочисленных волго-донских бабинских захоронениях керамика вообще пока не представлена. Получается, что посуда первой группы не демонстрирует приуроченности к какому-то отдельному району в рамках культурного ареала, а покрывает фактически его весь.

Ситуация с керамикой второй и третьей групп принципиально иная. Погребения с посудой с вольско-лбищенскими чертами (илл. 26, *1–5*) расположены только на севере центральной части ареала, на севере Волгоградской и в Саратовской области. Южнее в захоронениях ВДБК ее уже нет. Показательно, что указанная территория входит в ареал вольско-лбищенской культуры (илл. 28). Таким образом, наличие керамики с вольско-лбищенскими чертами в волго-донских бабинских погребениях следует рассматривать в контексте межкультурных контактов между носителями посткатакомбных (ВДБК) и постшнуровых (Вольск-Лбище) традиций (Мимоход, 2009, с. 278; 2018, с. 230). Этот факт подтверждают и данные другого посткатакомбного культурного образования – волго-уральской культурной группы, которая занимает территорию от Нижней Волги до Самарского Заволжья и Приуралья (илл. 145). В ее материалах имеется

комплекс Светлое Озеро 1/1 (илл. 153, *4*), который сопровождается вольско-лбищенской керамикой. Он примыкает к территории вольско-лбищенской культуры (илл. 28) и также иллюстрирует охарактеризованные взаимосвязи. Иными словами, в контактных зонах керамика с вольско-лбищенскими чертами попадает в посткатакомбные погребения и ее следует рассматривать как инокультурную как для ВДБК, так и ВУКГ.

Так дело обстоит и с воронежской керамикой в волго-донских бабинских погребениях. Захоронения с посудой третьей группы (илл. 26, *6–9*) локализуются исключительно на юго-западной границе ареала другой постшнуровой культуры – воронежской (илл. 29). Попадание таких сосудов в погребения ВДБК нельзя рассматривать иначе, как свидетельства контактов между носителями волго-донской бабинской и воронежской традиций (Мимоход, 2018б; 2019а). Это же подтверждают и материалы Днепро-Донского Бабино – другого посткатакомбного соседа воронежской культуры. В ДДБК известно два комплекса Хохольский 1/3 и Павловский 3/1, совершенных по классической днепро-донской бабинской обрядности скорченно на левом боку с западными ориентировками, которые содержали воронежскую посуду (Пряхин, Синюк, 1983, рис. 3, *2*, 4, *1*; Беседин, 1986, с. 73, рис. 2, *7*; 1988, рис. 28, *6*, 29, *11*). Они, как и в случае с ВДБК, располагаются в южном пограничье с воронежской культурой. Ее контакты с ДДБК и обусловили появление инокультурной воронежской посуды в днепро-донских бабинских погребениях.

Таким образом, из трех групп керамики, которые присутствуют в захоронениях Волго-Донского Бабино (илл. 27, 28), ее собственной посудой и культурным маркером следует признать сосуды группы 1 (илл. 27) – общей посткатакомбной и бабинской традиций, включая характерную морфологию и многоваликовую орнаментацию (илл. 25, *6–10, 12–18*). Посуда групп 2 и 3 является инокультурной по отношению к ВДБК и иллюстрирует межкультурные контакты посткатакомбного и постшнурового миров.

В заключении характеристики керамического комплекса Волго-Донского Бабино рассмотрим еще один немаловажный аргумент в пользу того, что именно посуда первой группы выступает в качестве культурного индикатора. На территории Нижнего Поволжья есть ряд поселений, на которых обнаружена керамика с многоваликовой орнаментацией посткатакомбного облика (илл. 30) (Малов, Филипченко, 1995, рис. 2; Лапшин, 2003, рис. 2, 3; Юдин, 2003, рис. 6, *6*, 7, *1–4*; Малов, Сергеева, 2010, рис. 3, *3*; Лопатин, 2017, с. 75) [Мыськов, 2007, рис. 123, 126, 127]. С учетом их территориальной локализации и данных погребальных памятников (илл. 27) можно утверждать, что эти обломки посуды принадлежали носителям именно волго-донских бабинских традиций[30]. Картографирование таких поселений показывает, что их расположение в целом совпадает со встречаемостью керамики группы 1 в захоронениях (илл. 27). Это еще раз свидетельствует о том, что керамика бабинской (посткатакомбной) традиции имманентно присуща ВДБК и является ее культурнообразующим признаком[31]. В трех погребениях ВДБК обнаружены остатки *деревянной посуды***,** что составляет 1,4% от всех погребений. В комплексе Усть-Курдюм 1 6/1 у колена умершего зафиксирован круглое пятно берестяного тлена (илл. 23, *8*), которое авторы его публикации интерпретировали как возможный туесок (Лопатин, Якубовский, 1993, с. 148). В п. 6 мог. Калмыцкая Гора-2012 рядом с конечностями МРС обнаружены остатки деревянного посуды с бронзовыми

[30] На самом деле разграничить поселения ДДБК и ВДДБК в волго-донском междуречье непросто, ввиду обширной контактной зоны между ними (илл. 29) на этой территории и отсутствии целых форм. Скорее всего, самым восточным поселенческим памятником Днепро-Донского Бабино является пункт Сухой Лог I в Обливском районе Ростовской области (Захариков, 2011), памятники восточнее этой точки правомернее соотносить с ВДБК (илл. 27), т.к. погребения ДДБК здесь единичны.

[31] Отсутствие поселений с многоваликовой керамикой в южной части ареала ВДБК при наличии здесь погребений с посудой группы 1 (илл. 27) не должно удивлять. Как уже отмечалось на примере анализа признака «кости животных в погребениях» (см. выше), это связано с природно-климатическими условиями. Менее аридный климат в северной части средних сухих степей и северных степях Волго-Донского междуречья, скорее всего, обусловили наличие археологически фиксируемых здесь поселенческих памятников ВДБК. По крайне мере, можно уверенно констатировать, что количественное увеличение погребений с костями КРС на этой территории по сравнению с южной частью ареала ВДБК (полупустынные степи и южная часть средних степей) прочно коррелирует с присутствием здесь следов поселений (илл. 15, 27).

скрепками (илл. 18, *6*, 37, *27*), а в п. 3 к. 6 мог. Светлое Озеро кусочки тонкой фольги от обивки деревянного сосуда (Жемков, Лопатин, 2008, с. 164).

Деревянная посуда хорошо представлена и в других бабинских культурах: ДДБК и ДПБК (Вангородская, 1987, с. 45, 46; Литвиненко, 2004б). Причем, около 70% погребений с остатками деревянных емкостей относится к Днепро-Донскому Бабино. Здесь она встречена в 3,2–3,6% от общей выборки (Литвиненко, 2006а, с. 176, 177; Литвиненко, Ляшко, 2018, с. 162). Интересно, что в рамках ДДБК, деревянная посуда неизвестна восточнее низовий Дона и Подонцовья (Литвиненко, 2004б, с. 37, рис. 5; 2006а, рис. 10). Два из трех волго-донских бабинских погребения (Калмыцкая Гора-2012 п. 6 и Светлое Озеро 6/3) находятся в Заволжье, а комплекс Усть-Курдюм 1 6/1 непосредственно на коренном правом берегу Волги (илл. 1). Иными словами, здесь мы имеем принципиально такую же ситуацию, как и в случае с корчагами, т.е. наблюдается серьезный территориальный разрыв между пунктами находок деревянной посуды ВДБК и ДДБК. Объяснение этому следует предложить такое же – феномен деревянной посуды имманентно присущ Волго-Донскому Бабино. Таким образом, емкости из дерева известны во всех бабинских культурах и на уровне этого признака хорошо подтверждает правомерность объединения их в культурный круг Бабино.

Орудия из бронзы встречаются в погребениях ВДБК крайне редко. На сегодняшний день они представлены тремя изделиями: двумя ножами и бронзовым крючком (илл. 31, *1–3*).

Нож из комплекса Верхний Балыклей 4/4 имеет листовидную форму без перекрестья с максимальным расширением у середины клинка (илл. 31, *1*). Это стандартный экземпляр циркумпонтийского производства. Он относится к самому распространенному в посткатакомбном мире типу 1 (по типологии ножей лолинской культуры) (Мимоход, 2013, с. 75–78, илл. 50, *4–6, 8–12*). Известны ножи такого типа в материалах ДДБК и ДПБК (илл. 121, *7–10*) (Попандопуло, 1991, рис. 2, *4*; Полидович, 1993, рис. 26, *3*; Назаров, 2000, рис. 1, *5*; Литвиненко, 2006б, рис. 3, *18*, 5, *3*; 2009, рис. 41, *2*, 107, *9*). Хорошо такие

ножи представлены в культурном круге Лола (илл. 121, *I, 1–5*), а сама форма, по всей видимости, была выработана севернее Большого Кавказа в начале среднего бронзового века. Однако серийно разные вариации клинков этого типа представлены только в посткатакомбных и предшествующих им манычских памятниках Предкавказья (Гак, Мимоход, 2007, с. 90; Мимоход, 2013, с. 77).

В погребении 1 кургана 13 мог. Вербовский I обнаружен своеобразный нож с костяной рукоятью из ребра животного (илл. 31, *2*). Автор раскопок объяснил его своеобразие: «Короткое сильно сточенное лезвие покрыто зеленой патиной, сохранился нервюр. Возможно, это был крупный нож, лезвие которого стачивалось. Тогда его черенок вогнали в изогнутое плоское ребро животного» [Мамонтов, 2009, с. 25]. Действительно, по рисунку и фото из отчета хорошо видно, что нож не однолезвийный, как могло показаться на первый взгляд. У него хорошо читается нервюра, расположенная у левого края клинка (илл. 31, *2*). Как следствие, мы имеем дело с сильно сточенным клинком, ведь первоначально она располагалась посередине изделия. Нервюры у ножей крайне редко встречаются в посткатакомбных материалах. Один такой нож (Быково I 15/2) известен в материалах ВУКГ (илл. 157, *5*). Клинок из Вербовского, скорее всего, относится к тому же типу, что и ножи из Верхнего Балыклея 4/4 и Быково I 15/2, т.е. к типу 1 по лолинской типологии. В этой связи симптоматично, что комплексы Вербовский I 13/1 и Верхний Балыклей 4/4 расположены в южной части ареала ВДБК (илл. 1), в непосредственной близости от лолинской культуры.

Бронзовый крючок (илл. 31, *3*) – вещь для посткатакомбных древностей уникальная. Он имеет свернутую петлю для крепления к лесе и жальце с бородкой. Следует отметить, что на сегодняшний день это единственный известный экземпляр на всем посткатакомбном пространстве. Скорее всего, появление этого изделия в материалах ВДБК связано с контактами с абашевским миром, где имеется серия бронзовых крючков (илл. 34, *7–14*) (Смолин, 1928, рис. 24; Дмитриев, Сальников, 1941, табл. XXII, *2*; Третьяков,

1948, с. 32; Евтюхова, 1965, рис. 2, *4*; Сальников, 1967, рис. 4, *13, 14, 19*; Черных Е., 1970, *31, 32*; Горбунов, 1986, табл. XV, *4*–7; Кузьмина О., 1995, рис. 12, *12*; 2000а, рис. 3, *1, 2*; 2000б, с. 94, 95; Большов, 2003, рис. 18, *7*). Есть бронзовые крючки и в пещере Братьев Греве (илл. 34, *14, 15*) (Васильев, 1975, рис. 2, *2, 3*), материалы из которой рассматриваются как вольско-лбищенские (Васильев, 2003) или как абашевские (Кузьмина О., 2000а), а также в сейминско-турбинских памятниках (Черных Е., 1970, рис. 52, *33*; Черных Е., Кузьминых, 1989, с. 130, рис. 72, *22–24*). Причем, последние экземпляры особенно близки изделию из Красной Деревни, т.к. имеют выраженное жальце и раскованную свернутую петлю (илл. 34, *16, 17*). У абашевских крючков последняя деталь тоже присутствует (илл. 34, *7–11*). Отличает наше изделие от сейминско-турбинских подпрямоугольное (илл. 34, *II*), а не округлое (илл. 34, *16, 17*) сечение прутка. По этому признаку крючок из Красной Деревни близок абашевской серии (илл. 34, *12–15*). В дальнейшем в Волго-Уралье традиция помещения таких предметов в могилы распространяется в синташтинско-потаповских древностях (илл. 34, *18–26*) (Агапов, Васильев, Кузьмина, Семенова, 1983, рис. 6, *18*; Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 79, *14*, 122, *4*, 126, *16, 17*; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 28, *2*, 30, *6*; Костюков, Епимахов, Нелин, 1995, рис. 21, *8*; Епимахов, 1996, рис. 12, *12, 13*; 2005, рис. 20, *12*; Ткачев В., 2007, рис. 55, *10–12*; Куприянова, Зданович Д., 2015, рис. 116, *18*) и сохраняется в срубных и андроновских (Сальников, Новиченко, 1962, с. 131, рис. 5, *4*; Сальников, 1967, рис. 51, *18, 19*; Черных Е., 1970, рис. 52, *30*; Кузьминых, 1981, рис. 6, *1–4*; Агапов, Васильев, Кузьмина О., Семенова, 1983, рис. 9, *13*; Малов, 2007, с. 57).

Крючки финала средней – начала поздней бронзы можно разделить на мелкие (илл. 34, *7–11, 19, 20, 24*) и крупные (илл. 34, *13–18, 21–23, 25, 26*) экземпляры. Наше изделие (илл. 34, *II*) тяготеет к последней группе. В древности, вероятно, в рамках проведения погребального обряда, он намеренно был деформирован. Нижняя часть его была свернута в петлю так, что им нельзя было пользоваться по назначению.

Костяной и роговой инвентарь. Ярким культурно-хронологическим маркером ВДБК выступают *кольцевые костяные и роговые пряжки* (илл. 31, *4–12*). На сегодняшний день известно 9 изделий. Представлены они только в погребениях двух обрядовых групп: ОГ I (илл. 17, *5*, *13*, 18, *11*, 19, *2*, 20, *3*) и ОГ II (илл. 21, *5, 14*, 22, *5, 7*). Следует напомнить, что это основные и самые многочисленные обрядовые группы ВДБК. В маргинальных ОГ III и IV пряжки пока не обнаружены. Исследователи неоднократно обращались к типологии пряжек культурного круга Бабино (Ковалева, 1981, рис. 4; Елисеев, Клюшенцев, 1982; Писларий, 1982, с. 178; 1983, с. 8; Черняков, 1985, с. 88, 89, рис. 41, *11–14*; Шарафутдинова, 1987, с. 32, 34, рис. 4; 1989, с. 133; Братченко, 1995; Савва, 1988; 1992, с. 119–136; Литвиненко, 1996а; 2004; Матвеев, 1996; Pâslaru, 2006, pl. 67). Наиболее разработанной на данный момент является классификация Р.А. Литвиненко (2009, с. 79, 80; 2009б, с. 51, рис. 2; 2016а, рис. 1). Типы пряжек, представленные в ВДБК, полностью соответствуют данным ДДБК и ДПБК. Наши изделия можно разделить на две группы: кольцевые (илл. 31, *4–10*) и кольцевые с бортиком (илл. 31, *11, 12*).

В первой группе по Р.А. Литвиненко выделяется два типа. Тип 1 – это кольцевые с линзовидным (подовально-выпуклым сечением) (илл. 31, *4, 5, 9, 10*), тип 1а составляют пряжки с усечено-коническим сечением (илл. 31, *6, 7*). Оба типа маркируют ранний этап ДДБК, но разные его фазы (Литвиненко, 2009, с. 220, 221; 2016а, рис. 1; 2020, рис. 1). Как уже отмечалось, пряжки ВДБК первой группы (илл. 33, *I*), находят полные соответствия материалах раннего этапа Днепро-Донского Бабино (илл. 33, *1–12*) (Ковалева, 1981, рис. 4, *3–5*; Шарафутдинова, 1987, рис. 5, *3–8*; Полидович, 1993, рис. 26, *2*, 52, *5*; Литвиненко, 1996, рис. 1, *4, 6*; 1998а, табл. XI, рис. 4; 2002, рис. 6; 2009, рис. 46; Парусимов, 1999, рис. 39, *3*; 40, *3*; Братченко, 2003, рис. 38, *4*; 2008, рис. 10, *4*; Глебов, 2004, рис. 20, *2*, 25, *2*; Сергеева, 2011, рис. 7, *1*; и др.)[32]. При всем

[32] В ДПБК кольцевых пряжек рассматриваемых типов нет. Здесь присутствуют единичные кольцевые плоские изделия без бортика (Литвиненко, 2009, рис. 108, *10*; 123, *1–4*), но они отличаются грацильностью и довольно тонким сечением, поэтому Р.А. Литвиненко относит их и, в частности, экземпляр из комплекса Красная Слобода 1/4, к типу 1 под знаком вопроса (Литвиненко, 2009, с. 123).

сходстве пряжек ВДБК и ДДБК следует обратить внимание на одну любопытную деталь. Прямых аналогий пряжкам из комплексов Евстратовский II 2/3 и 4/3 (илл. 31, *9, 10*) в ДДБК найти довольно сложно. Отличает евстратовские изделия очень толстое сечение, которое превосходит стандартные бабинские образцы почти в два раза. В данном случае речь может идти о собственной волго-донской бабинской модификации кольцевых пряжек культурного круга Бабино (Мимоход, 2013в, с. 171; 2014, с. 113).

Кольцевая пряжка раннебабинского времени за пределами культурного круга Бабино известна в погребении шагарской культуры в Центральной Мещере[33] (илл. 33, *13*) (Каверзнева, 1992, рис. 2, *23*; 2003, рис. 1, *1*; Каверзнева, Бобров, Борисов, 2006, рис. 5, *3*). Пряжка из Шагарского (илл, 33, *13*) относится к поздней разновидности раннебабинских кольцевых пряжек с усеченно-коническим сечением (тип 1б по Р.А. Литвиненко) (илл. 31, *6, 7*, 33, *1, 4, 11, 12*). Еще одна пряжка этого же типа найдена в кургане 1 у пос. Праздничный в Прикубанье (илл. 33, *14*) (Марковин, 1960, рис. 5, *2*). Это раскопки Н.И. Веселовского 1903 г. Характер комплекса остается непонятным, но в том, что перед нами раннебабинская пряжка типа 1б не вызывает сомнения. Памятник расположен на территории невинномысской культуры и, скорее всего, пряжка связана именно с этой культурной группой, тем более что в ее материалах представлена целая серия бабинских пряжек (см. главу 4).

Кроме днепро-волжского междуречья, еще одним регионом, где серийно представлены костяные кольцевидые изделия, аналогичные бабинским, являются Западная, Центральная и Южная Европа (илл. 33, *15–26*) (Torbrügge, 1960, abb. 7, *17*, 8, *10*; Kaiser G., 1962, abb. 12, *6, 7*, 29, *10*, 57, *7–11*; Christlein, 1964, abb. 2, *2*, 14; Köster, 1966, taf. 8, *23, 35*, *9*, *6, 9, 24, 29, 40*, 10, *4–6, 8, 9*, 11, *13, 14*; Adler, 1967, Abb. 1–20; Perini, 1971, fig. 32; Bill, 1973, taf. 11, *14*, 18, *3*, 19, 1–10; Gebers, 1978, taf. 28, *21–23*, 50, *1*, 54, *3*, 55, *5, 24*, 56, *4–6*, 68, *8*, 69*, 33,*

[33] В материалах эпонимного памятника известна и фигурная крючково-планочная пряжка бабинского облика (Каверзнева, 2003, рис. 1, *6*).

45–47, 53, 57, 59; Coles, Harding, 1979, fig. 9, *5*; Fasani, 1984, p. 498, *16*; L'Helgouach, 1984, fig. 6, *f*; Becker, Krause, Kromer, 1989, abb. 6, 4–9; Bertemes, 1989, taf. 27, *8–13*, 39, *6*, 46, *12*, 47, *1*, 48, *3–5*, 49, *3*, 53, *3, 4*; Neugabauer C., Neugabauer J.-W., 1997, taf. 447, *6, 7*, 474, *17*, 491, *5*, 492, *5*, 501, *5*, 510, *6*, 517, *4, 5*, 525, *12, 16*, 550, *7*, 557, *9*, 573, 13, 584, *6*, 587, *8*, 598, 5; Salzani, 2002, fig. 11, *16*; Мимоход, 2020а, рис. 1, *20–31*; и др.). Бóльшая часть из них более мелкие, чем бабинские образцы (илл. 33, *23, 24*). Однако целая серия этих костяных и роговых изделий по параметрам и сечению являются точными аналогиями пряжкам ВДБК и ДДБК (илл. 33, *15–22, 25, 26*).

Есть определенные различия и в использовании этих предметов в восточноевропейской степи-лесостепи и в Европе (Мимоход, 2020а; 2022б, min. 00:3:3:25–00:34:03). На территории культурного круга Бабино, как правило, в погребении встречается одна пряжка. В ДДБК изредка в погребении находилось два изделия (3 комплекса), а в одном захоронении три поясные детали (Литвиненко, 2009, с. 79). В Центральной и Южной Европе в погребениях кольцевидные изделия встречаются нередко большими комплектами и входят в состав наборных украшений груди или головы, где, безусловно, являются подвесками (Hundt, 1958, taf. 11, *21–46*; Adler, 1965, abb. 1–20; Perini, 1971, fig. 32; Schröter, 1973, abb. 4; Ruckdeschel, 1978, taf. 14, *2–18*, 23, *6*, 24, 9–11, 26, *1*; Probst, 1996, s. 109; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1997, taf. 491, *5*, 492, *5*, 501, *5*, 573, *13*, 587, *8*; Blesl, 2005, abb. 5, taf. 45, *1*, 47, *19*; Bátora, 2013, fig. 3, *5*; Massy, 2018, taf. 9, *2–50*, 33, *6–17*, 90, *A*, 91, *D*, 101, *31–60*, 111, *C*, 120, *13–87*). Однако это в большей степени касается мелких экземпляров (илл, 33, *24, 25*). Более крупные экземпляры, которые полностью по форме и размерам соответствуют бабинским пряжкам, чаще встречаются в погребении по одному экземпляру или в двух-трех экземплярах (Torbrügge, 1960, abb. 7, *17*, 8, *10*; Kaiser G., 1962, abb. 12, *6, 7*, 29, *10*; Christlein, 1964, abb. 2, *2*; Girić, 1971, tabl. XXII, *1, 2*, LXV; Bill, 1973, taf. 18, *3*; Gebers, 1978, taf. 50, *1*, 54, *3, 20*; 55, *5, 24*, 56, *4–6*, 68, *8*, 69, 33, *33, 45–47*; Krause, 1988, taf. 2, *C, G*, 5, *H, I,* 7, *77*; Bertemes, 1989, taf. 27, *10–13*; 25, *2*; 39, *6*; 42, *19*; 46, *12–14*; 49, *2*;

53, *3, 4*; 68, *1*; Behnert, Engler, 1995, s. 193; Neugabauer C., Neugabauer J.-W., 1997, taf. 474, *17*; 595, *8*; 598, *5*; Hochuli, 1998, abb. 10, *22, 23, 25*; Bálek, Dvořak, Kovárnik, Matějíčková, 1999, tab. 8, *16*; Bátora, 2000, taf. 28, *1*; Rettenbancher, 2004, taf. 48, *10*; Zimmermann, 2007, abb. 50, *5*; Fitzpatrick, 2011, Fig. 29, 40, p. 77, 118, 119; Hudensack, 2018, taf. 34, *11*; Massy, 2018, taf. 21, *F*, 25, *G*, 29, *C*, 34, *B*, 35, *B, D*, 36, *A*, 43, *C*, 71, *B*, 75, *B*, 113, *A, B*, 125, *A*, *D*, 126, *B, C*; Curdy, Ferroni, Pizziolo, Keller, Sarti, Baioni, Vetro, Marongiu, 2022, fig. 4, *5*) и их вполне можно считать гарнитурой одежды, в том числе поясной, потому что располагались они иногда в районе таза. В пользу последнего предположения можно привести пример п. 245 мог. Мокрин культурной группы Mures, в котором найдено одно кольцевидное изделие, и находилось оно у таза. Причем, расположение фаянсовых бус в нижней части туловища умершего однозначно указывает на то, что ими был расшит пояс, который застегивался с помощью костяной пряжки (Girić, 1971, tabl. LXV). В п. 61 того же могильника крупное кольцевое изделие также находилось у таза и, без сомнения являлось поясной пряжкой (Girić, 1971, tabl. XXII). На пояснице находились и костяные кольца в п. 294 мог. Jelšovce в Словакии и п. 1 мог. Schwabmünchen-Mitellstetten в Южной Баварии (Bátora, 2000, s. 153, taf. 28, *1*; Massy, 2018, taf. 129, *A*). Каменный предмет типа 1 из п. 1268 из мог. Amesbury на юге Англии прямо назван автором публикации поясным кольцом, проведен трасологический анализ (Fitzpatrick, 2011, fig. 29, 40, p. 77, 118, 119). Важно еще и то, что некоторые европейские кольцевидные экземпляры иногда имели два отверстия: большое центральное и маленькое дополнительное, а иногда и два дополнительных отверстия (Bertemes, 1989, taf. 27, *12*; 31, *1*; Fischer, 1995, s. 139; Hecker, 1995, taf. 7, *11*; Mäder, 1995, abb. 6, *3*; Neugabauer C., Neugabauer J.-W., 1997, taf. 548, *8*; Hubensack, 2018, abb. 64, *53*; Górski, Jarosz, Tunia, Wilk, Włodarczak, 2013, fig. 5, *8*), что опять же отсылает к системе крепления более поздних бабинских пряжек (Усачук, Литвиненко, 1997, с. 48–50; Усачук, 1998). Следует также отметить, что кольцевидные изделия из Центральной и Южной Европы, как правило, имеют усечено-коническое сечение (илл. 33, *16*–

27), и они соответствуют пряжкам типа 1а культурного круга Бабино (илл. 31, *6, 7*, 33, *1, 4, 11, 12*). Предметы с линзовидным сечением типа 1 встречаются там редко (Bill, 1973, taf. 11, *14*; Krause, 1988, taf. 5, *H, I*; Bátora, 2000, taf. 28, *1*; Rettenbancher, 2004, taf. 48, *10*).

В двух погребениях ВДБК обнаружены костяные пряжки типа 2 по Р.А. Литвиненко (илл. 31, *11, 12*). Это кольцевые изделия с усеченно-конического типа с выраженным бортиком вокруг отверстия. Серия подобных изделий обнаружена в Днепро-Донском Бабино (илл. 33, *27–37*) (Качалова, 1974, табл. 14, *4*; Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974, табл. VI, *9*; Мошкова, Максименко, 1974, табл. XV, *6*; Ковалева, 1981, рис. 4, *2*; Мамонтов, 1981, рис. 3, *7*; Шарафутдинова, 1987, рис. 3, *3, 7, 15*, 15, *9–12, 18, 19*; Усачук, 1998, рис. 1, *1, 2*; Парусимов, 1999, рис. 6, *6*, 23, *6*; Власкин, 2002, рис. 9, *1*; Глебов, 2004, рис. 26, 2; Литвиненко, 1998а, табл. XI, рис. 4; 1996, рис. 1, *12*; 2002, рис. 6; 2009, рис. 47, *1–9*; Посегун, 2009, рис. 12, *2*; Сергеева, 2009, рис. 10, 2; Мимоход, 2018в, илл. 42, *3*; и др.). Реже, но встречаются они и ДПБК (илл. 33, *33–36*) (Чеботаренко, Яровой, Тельнов, 1989, рис. 71, *3*; Яровой, 1990, рис. 72, *2*; Савва, 1992, рис. 29, *3*; 48, *3*; 55, *4*; Агульников, Бубулич, Курчатов, 1997, рис. 3, *5*; Агульников, Бубулич, 1998, рис. 2, *13*; Беспалый, Лукьяшко, 2008, табл. LXV, *8*; Литвиненко, 2014, с. 31; и др.).

В отличие от типа 1б пряжки типа 2 встречаются чаще в инокультурном контексте. Один раз такая пряжка была обнаружена в погребении невинномысской культуры второго этапа (Невинномысский 3 7/19) (илл. 33, *37*, 112, *15*). Впрочем, это неудивительно, потому что отдельные поясные изделия блоков посткатакомбных и колесничных образований известны не только в Предкавказье [Гей, Мелешко, Сатеев, Ульянова, 1987], (Шарафутдинова, 1991, рис. 1, *12*; Мимоход, Шишлина, 2004, с. 126, 127; Калмыков, Мимоход, 2005, с. 229, 230, рис. 15; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, рис. 26, *9*; Брилева, 2009, с. 19; Мимоход, 2013, илл. 99, *7*, 100, *1, 2*), но достигают Северного, и даже Южного Кавказа (Техов, 1980, табл. 19, рис. II, *1*; Марковин,

1997, рис. 96, *7*; Трифонов, 2008). Этой теме посвящены специальные исследования (Мимоход, 2011; 2011а).

В п. 6 Филатовского кургана обнаружены костяная кольцевидная пряжка с бортиком и фрагменты воронежского сосуда (Синюк, Козмирчук, 1995, с. 46, рис. 6, *1, 2*). К сожалению, погребение оказалось разрушенным, положение умершего не устанавливается. С учетом того, что посуда воронежской культуры в зоне контакта попадает в бабинские погребения (см. выше) (Мимоход, 2018б; 2019а) можно предположить, что филатовское захоронение относится к ВДБК или ДДБК тем более, что здесь обнаружена классическая бабинская пряжка типа 2. Однако дело в том, что Филатовский курган, который находится севернее Липецка, расположен в существенном отрыве от самых западных пунктов ВДБК и северо-восточных памятников ДДБК (илл. 29), в глубине ареала воронежской культуры. В этой связи, при точно установленной хронологии вопрос о культурной принадлежности п. 6 из Филатовки с бабинской пряжкой и воронежским сосудом остается открытым, ввиду отсутствия четко зафиксированного положения скелета.

Еще одна кольцевидная пряжка с бортиком происходит из комплекса Селявное 1/1 в Воронежской области (Матвеев, 1996, с. 29). В погребении зафиксирован необычный обряд. Умерший был положен вытянуто на спине головой на запад, ноги слабо скорчены в коленях, кроме пряжки вещей в могиле больше не было. Это и не бабинский, и не абашевский обряд, с которыми сопоставлял погребение из Селявного автор публикации (Матвеев, 1996, с. 29), на что справедливо обращал внимание Р.А. Литвиненко (2002а, с. 80), поэтому и здесь, как и в случае с Филатовкой, при установленной хронологической позиции говорить о четкой культурной атрибуции не приходится.

Как и с пряжками типа 1, серия костяных кольцевых изделий с бортиком представлена в Западной, Центральной и Южной Европе (рис. 33, *38–43*) (Adler, 1965, abb. 1–20; Köster, 1966, taf. 9, *25*; Gebers, 1978, taf. 69, *54*, Florescu A., Florescu M., 1959, fig. 5, *2*; Zaharia, 1973, fig. 2, *7*; Bertemes, 1989,

taf. 47, *2*; Motzoi-Chicideanu, 1995, abb. 4, 1-4; Neugabauer C., Neugabauer J.-W., 1997, taf. 492, *5*, 494, *10*; Blesl, 2005, taf. 47, 19; Bátora, 2013, fig. 3, *5*; Мимоход, 2020a, рис. 1, *45–50*). Здесь также они встречаются наборами, но есть и комплексы с единичными изделиями (Neugabauer C., Neugabauer J.-W., 1997, taf. 584, *6*; Massy, 2018, taf. 29, *B*, 34, *C*, 43, *B*, 121, *C*).

Коллекцию костяных изделий дополняют костяные трубочки (илл. 37, *4, 7*), бляшка округлой формы (илл. 37, *3*), кольцо (илл. 37, *1*) и тупик (илл. 36, *1*).

Костяной *тупик* происходит из комплекса Царев 66/1 (илл. 36, *1*). Изделие изготовлено из тазовой кости крупного копытного. Подобные орудия использовались для мездрения и волососгонки при обработке шкуры (Усачук, 1996, с. 68; Килейников, 2009, с. 101–107). В посткатакомбных культурных образованиях крупные кожевенные орудия в погребениях являются культурно-хронологическим индикатором. Традиция помещать в захоронения тупики и струги был сгенерирована носителями традиций культурного круга Лола в Предкавказье на первой фазе развития посткатакомбного блока (подробнее см. главу 5) (Мимоход, 2013, с. 94).

Каменные орудия представлены пестами, терочниками (илл. 36, *2, 3, 7*), оселком и *выпрямителями для древков стрел* (илл. 36, *4–6*). Наличие последней категории инвентаря в ВДБК симптоматично. Дело в том, что в посткатакомбный период каменные выпрямители характерны именно для ДДБК (Попандопуло, 1991, рис. 1; Литвиненко, 2009, рис. 38, 39, 40, *1, 2*; 2019, рис. 4) [Клепиков, 1990]. Здесь они датируются ранним периодом (Литвиненко, 1997, с. 32, 33). В предшествующий период эти предметы серийно представлены в материалах позднекатакомбных культур (Санжаров, 2008, с. 52, 53). В Центральной, Западной и Южной Европе во второй половине III тыс. до н.э. выпрямители известны в культурах колоколовидных кубков (ККК) и ранней бронзы (Bocksberger, 1976, pl. 32, *43, 72, 75, 76*; Gebers, 1978, taf. 59, *10, 11*, 68, *27, 29*; Harrison, 1980, fig. 26, *7, 8*; Puttkammer, 1994, taf. 5, *6, 7*; Behnert, 1995, taf. 5, *3*; Gramsch, 1995, taf. 8, *9*; Hakelberg, 1995, taf. 7, *10*;

Schlosser, 1995, s. 89, *18*; Stadelbacher, 1995, taf. 7, *13*; Budziszewski, Haduch, Włodorczak, 2003, fig. 9, *8*; Endrődi, 2003, fig. 9, *6*; Moucha, 2003, obr. 4, 8, 9; Peška, 2004, obr. 21, *11*; Turek, 2006, obr. 5, *29, 30*, 18, *7, 8*, 23, *6*; Conrad, 2011, abb. 36, 52, *33, 34*; Novotná, 2013, abb. 7, *11*; Makarowicz, 2015, fig. 3.2; Horváth, 2017, fig. 5; Ryan-Despraz, Nicolas, 2022, fig. 8), причем, в подавляющем большинстве случаев, здесь они так же, как и в катакомбных и посткатакомбных культурных образованиях встречаются парами. Для кавказских культур выпрямители не характерны. Здесь они обнаружены в единичных случаях, и их появление связывается с влиянием степных культур (Атаев, 1987, с. 153–154). В частности, для гинчинской и присулакской культур Северо-восточного Кавказа, за одним исключением (Атаев, Мирзоев, 2012, с. 22–23), не известно случаев обнаружения данных изделий ни в поселенческих, ни в погребальных памятниках. Нет этих изделий и в образованиях культурного круга Лола, тесно своим происхождением связанного с Кавказом (Мимоход, 2013, с. 166).

В ВДБК выпрямители входили в наборы стрелоделов, которые хорошо представлены в катакомбных погребениях и культурном круге Бабино (Санжаров, 2008). В Волго-Донском Бабино известны три погребения, где выпрямители сопровождались кремневым сырьем для изготовления наконечников, их заготовками, раковиной, готовыми экземплярами, роговым отжимником (Петрунино II 5/2, 5/5, Высокая Гора 5/1) (илл. 17, *6*, 18, *22*, 37, *2, 9–12, 20–25*). Такое сочетание производственного инвентаря находит полные аналогии в материалах Днепро-Донского Бабино (Литвиненко, 2015, с. 118–121). Все погребения мастеров-стрелоделов находятся в зоне контакта ВДБК и ДДБК и отражают военную конфронтацию между ними (Литвиненко, 2012, с. 63, 66, 68, рис. 12; 2019, с. 325, 327).

В инвентарном комплексе ВДБК представлен *каменный брусок с двумя перетяжками* (илл. 37, *8*, 38, *1*). Этот предмет имеет серьезное культурно-хронологическое значение. Ближайшие ему аналогии происходят из ДДБК (илл. 38, *1–3*). Здесь известно семь брусков с перетяжками (Литвиненко, 2009,

с. 76). Из них опубликовано четыре (Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров, 1987, с. 20, рис. 6, *11–13*; Ильюков, Казакова, 1980; Ильюков, Казакова, 1988, с. 53, рис. 13, *1–3*; Попандопуло, 1991, рис. 2, *7*; Литвиненко, 1996, рис. 1, *2*; 2007, рис. 1, *45*). Все они обнаружены в погребениях раннего этапа Днепро-Донского Бабино и поэтому являются его четким хронологическим индикатором (Литвиненко, 1997, с. 32)[34]. Комплекс Жутово I 80/2 (илл. 23, *1*) относится к ОГ IV. Эта архаичная группа характерна для первого периода развития ВДБК, который синхронен раннему этапу ДДБК (фаза ПКБ I). Наличие каменного бруска с двумя перетяжками в волго-донских бабинских материалах иллюстрирует принадлежность ВДБК к культурному кругу Бабино, т.к. в лолинских древностях эти изделия неизвестны.

Самый восточный брусок, аналогичный бабинским, обнаружен в Южной Сибири в погребении елунинской культуры (илл. 38, *6*) (Кирюшин, 2002, с. 54, рис. 121, *1*)[35]. Она полностью синхронна бабинским древностям (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010, с. 562)[36].

В функциональном отношении бабинским брускам соответствуют каменные пластины с двумя отверстиями. На Северном Кавказе они известны

---

[34] На территории Нижнего Поднепровья известен еще один комплекс, в котором обнаружен каменный брусок с двумя перетяжками – п. 6 Владимировского кургана (Ванчугов, 1990, с. 124, рис. 40, *3*). Однако его культурно-хронологическая позиция остается дискуссионной. Оно относилось к бабинской (Klochko, 2001, p. 177; Клочко, 2006, с. 147), сабатиновской или бережновско-маевской срубной (Отрощенко, 2001, с. 184; 2011а), белозерской (Ванчугов, 1990, с. 124), черногоровской (Гершкович, Разумов, 2009) культурам. Еще одно такое изделие было найдено в разрушенном погребении на грунтовом могильнике срубной культуры Червоный Шлях в Восточной Украине (Буйнов, 1992, с. 92). Комплекс является открытым и поэтому нельзя достоверно установить его культурно-хронологическую атрибуцию. Из сборов Пятиморской стоянки на берегу Цимлянского моря происходит обломок каменного бруска со скошенной перетяжкой (Мамонтов, 1969, рис. 42, *6*). По этому признаку и параметрам это точная копия верхней части изделия из комплекса Жутово I 80/2 (илл. 38, *1*), который находится в 80 км севернее стоянки. Однако отсутствие в подъемном материале бабинской керамики и фрагментарность изделия не позволяют уверенно атрибутировать этот предмет.

[35] С.П. Грушин предложил рассматривать елунинский брусок (илл. 38, *5*) в качестве символа колесницы. Видимо, на эту мысль исследователя натолкнуло не только расположение изделия рядом с ножом с навершием в виде головы лошади, но и то, что концы изделия были оформлены глубокими желобками, которые сформировали грибовидные выступы. При слишком ассоциативном восприятии они могут отдаленно напоминать колеса. Однако это не так, елунинский брусок, равно как и бабинские, это предметы вполне конкретного функционального назначения (о нем ниже).

[36] Еще один брусок с двумя перетяжками происходит из материалов нуртайской культуры Центрального Казахстана (Ткачев А., 1999, рис. 4, 15). Однако он вряд ли относится к рассматриваемой категории инвентаря. Во-первых, выступы на изделии оформлены крайне небрежно и несимметрично, что создает известные проблемы с жестким креплением предмета к нарукавнику. Во-вторых, длина бруска всего 5 см. При таких размерах его фактически невозможно использовать в качестве защитной накладки.

по находкам в могильнике Саади Катар и кургане на шоссе у Нальчика (илл. 38, *4, 5*) (Багаев, 1986, рис. 3, *21*; Николаева, 2011, рис. 70). Каменные оселки с двумя отверстиями по краям есть и на Ближнем Востоке. В частности, их находки происходят из комплексов Иерихона периода EB–MB (переходный период от ранней к средней бронзе по местной периодизации) и Мегиддо периода MB I (илл. 38, *7–9*) (Guy, 1938, pl. 23, *5*; Kenyon, Holland, 1983, p. 816, fig. 368, *7, 8*), что в хронологическом отношении (XXIII–XIX вв. до н.э., в том числе с опорой на ^{14}C данные) (Kenyon, 1960, p. 2–3; 1965, p. 130; 1981, p. 504) соответствует времени существования европейских и кавказских аналогий. Присутствуют эти изделия и в материалах Трои (Schliemann, 1881, s. 281, nr. 102).

Серийно каменные бруски с отверстиями и перетяжками представлены в Центральной, Западной и Южной Европе. Бóльшая часть из них происходит из памятников культуры колоколовидных кубков, поздняя фаза которых синхронна посткатакомбному блоку (см. главы 6 и 7). Для нее эти предметы являются своеобразной визитной карточкой. Известны бруски и в европейских культурах энеолита и раннебронзового века периода Br A1 (илл. 38, *10–16*). Позже они не датируются и в эгейском регионе, где подобные изделия относятся к раннеэлладскому этапу EH III (Rahmstorf, 2015, p. 161). В этих регионах большинство составляют бруски с двумя отверстиями (илл. 38, *13–15*) (Heurtley, 1939, fig. 65, *p*; Tihelka, 1953, obr. 27, *3*; Lanting, 1973, fig. 11, *a*; Christlein, 1964, abb. 21, *3, 4*; Sangmeister, 1964, abb. 1, *6, 7*; 1974, abb. 8, *F, G*; Köster, 1966, taf. 11, *2, 3, 12*, 18, *3б* 20, *13*, 27, *12*; Machnik, 1967, tabl. XXIX, *11*; 1972, taf. II, *33*; 1987, rys. 18, *1*; Savory, 1968, fig. 57, *d*; Pástor, 1969, tab. XXVII, *I*; 1978, tab. XVI, *5*; Jockenhövel, 1969/70, abb. 4, *6*, 6, *1*; Girić, 1971, tab. LXXXIII, *10*; Barich, 1971, fig. 15, *12*; Müller-Karpe, 1974, taf. 513, *C3*, 516, *F3*, 517, *A6*, 543, *G23–26*, 568, *B49–51*, 572, *C4*, 596, *F9*; Bóna, 1975, taf. 16, *11*, 26, *5*; Gerloff, 1975, pl. 41, *B3, H2*; Harrison, 1977, fig. 69; 1980, fig. 98, *2*; 2007, fig. 3.26, 4.28; Gebers, 1978, taf. 24, *39, 43, 44*, 30, *9*, 37, *8, 9, 11, 13*, 41, *10*, 42, *3*, 48, *9, 10*, 51, *1*, 55, *2, 3*, 56, *25*, 61, *6*, 68, *12*; Burgess, 1980, fig. IVb; Vladár, 1983, s.

22; Novotná, Novotný, 1984, taf. LXXXI, *11*; Schreiber-Kalicz, 1984, taf. XL, LI, *4*; Ondrãček, Šebela, 1985, tab. 18, *9*, 20, *18*, 26, *16*, 28, *17* и др.; Furmánek, Veliačik, Vladár, 1991, obr. 1, *10*; Csányi, Tárnoki, 1992, abb. 402; Neugebauer, 1994, abb. 14, *7*, 18, *3*, 43; Neugebauer-Maresch, 1994, add. 6, *1*; Gramsch, 1995, s. 306, *2, 3, 5–7*; Mäder, 1995, s. 168, *6*; Schlosser, 1995, s. 89, *20*; Probst, 1996, s. 82, 119; Bartelheim, 1997, abb. 1, *A5, B5*; 1998, taf. 48, *X7*; Harrison, Pupérez, López, 1998, fig. 7.5, p. 157; Lichardus, Valdár, 1998, taf. 1, *2*; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1998, abb. 4, *7*, 7, *3*; Heyd, 1998, abb. 2; 2007, fig. 4; Czebreszuk, 1998, fig. 8, *7*; Bende, Lörinczy, 2002, taf. 8, *5*; Lemercier, 2002, fig. 86; Makarowicz, 2003, fig. 5, *7*; Case, 2004, fig. 69, *5, 10, 17*; 2007, fig. 22, *2, 5, 21*, 22, *5, 12*; Peška, 2004, obr. 11; Wiermann, 2004, taf. 10, *5, 14*; Fokkens, Achterkamp, Kuijpers, 2008, fig. 1; Lull, Micó, Herrada, Risch, 2010, abb. 3, *11*). Реже, но тоже довольно часто встречаются предметы с четырьмя парными отверстиями по краям (Christlein, 1964, abb. 21, *2*; Sangmeister, 1974, abb. 2, *2*, 8, *A–E*; Köster, 1966, taf. 10, *20*; 11, *1*; 19, *2, 4*; 20, *2, 7*; 27, *8, 11*; Machnik, 1987, ryc. 18, *4–6, 10, 11*, 25, *11*; 26, *6*; Jockenhövel, 1969/70, abb. 6, *3–7*; Müller-Karpe, 1974, taf. 514, *A8*; 516, *B3*; 517, *C2, E5, J2, H2*; 636, *F1*; Gerloff, 1975, pl. 52, *B2*; Gebers, 1978, taf. 56, *24*; Robertson-Mackay, 1980, fig. 11, *1*; Ondrãček, Šebela, 1985, tab. 45, *9*; Neugebauer, 1994, abb. 38, *4*; Gramsch, 1995, s. 306, *1, 4*; Mäder, 1995, s. 169, *3*; Schlosser, 1995, s. 89, *21, 22*; Heyd, 2007, fig. 14a; Case, 2004, fig. 70, *3, 20*; Case, 2007, fig. 22.4, *4, 25*, 22.5, *16*; Makarowicz, 2003, fig. 10, *1, 2, 6, 7*; Peška, 2004, obr. 17, *9, 10*, 21, *20*4; Wiermann, 2004, taf. 10, *2*, 27, *14*; Kopacz, Přichystal, Šebela, 2009, fig. 5, *17, 19*; Włodarczak, 2010, tab. VI, *5-7*; и др.). Известны случаи, когда на брусках было просверлено шесть отверстий – по три по краям (Müller-Karpe, 1974, taf. 514, *F1*; Gramsch, 1995, s. 305, *3*; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1998, abb. 9, *8*; Endrődi, 2003, fig. 9, *1*; Makarowicz, 2003, fig. 10, *3*, 14, *1*; Peška, 2004, obr. 12). Редко встречаются изделия с тремя отверстиями – два на одном конце и одно на другом (Müller-Karpe, 1974, taf. 515, *J1*; 527, *A2*; Harrison, 1980, fig. 26, *5*; Schlosser, 1995, s. 89, *19*; Heyd, 1998, abb. 2) или пятью – на концах по три и два отверстия

(Włodarczak, 2010, tab. XXXII). Наконец, в какой-то мере уникальным выглядит брусок с восемью отверстиями. Два из них располагались по краям изделия по центральной продольной оси бруска, а под ними еще по ряду из трех отверстий с той и другой стороны (Gramsch, 1995, s. 305, *4, 5*). Также необычен брусок, который имеет тринадцать отверстий – по семь и шесть по краям (Horváth, 2017, fig. 7, *1*)[37]. Известны и богато орнаментированные накладки с отверстиями, сделанные из оленьего рога (Loze, 2003, p. 132, fig. 11).

Как видно, в Европе, на Кавказе и Ближнем Востоке полностью доминируют бруски с отверстиями по краям (илл. 38, *4, 5, 7–9, 13–15*). В культурном круге Бабино известно 7 изделий (6 – ДДБК, 1 – ВДБК), но в этой серии нет предметов с отверстиями, все они с перетяжками (илл. 38, *I, 1–3*). Следует отметить, что в европейской серии присутствуют бруски с желобками, аналогичные бабинским (илл. 38, *10–12, 16*). Они известны в культурах Bell Beaker, Nitra и Unterwölbling (Pittioni, 1954, abb. 188, s. 258; Ondrãček, Šebela, 1985, tab. 6, *9*, 11, *29*; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1997, taf. 513, verb. 393, *4*), но там это явление редкое, т.к. в количественном отношении полностью преобладают изделия с отверстиями по краям. Неудивительно поэтому, что каменные бруски с перетяжками не были включены в известные на сегодняшний день типологии этих изделий, в которых классифицированы только предметы с отверстиями (Clarke, 1970; Sangmeister, 1974; Smith, 2006; Woodward, Hunter, Ixer, Roe, Potts, Webb, Watson, Jones, 2006; Fokkens, Achterkamp, Kuijpers, 2008; Turek, 2015). Тем не менее, они также уверенно атрибутируются в качестве защитных накладок на запястья лучников (Turek, 2015, p. 31).

Очевидно, что функциональное назначение брусков с отверстиями и перетяжками одинаковое. Различается только система креплений. Эти изделия привязывались в одном случае посредством пропуска шнура через отверстия,

[37] Усредненная классификация брусков по количеству отверстий дана в работе венгерского исследователя Т. Хорвата (Horváth, 2017, p. 84).

в другом он обвязывался вокруг желобка. Сейчас назначение таких каменных брусков установлено, но долгое время оно было дискуссионным. Эти изделия, выступающие в качестве атрибутов мужских захоронений, обычно расцениваются как защитные накладки на запястья лучников (bracers или wristguards) (Sangmeister, 1964; 1974; Harrison, 1977, p. 160; 1980, p. 52–55; 2007, p. 105; Fokkens, Achterkamp, Kuijpers, 2008), реже – как точильные камни (Harrison, 1980, p. 53; 2007, p. 155) или предметы полифункционального назначения: накладки и оселки (Healy, Harding J., 2004, p. 185; Harrison, 2007, p. 105; Vitani, Bailly, 2022, p. 138). В последнем случае имеется в виду то, что, являясь по своему прямому назначению защитной накладкой, бруски, сделанные из кристаллических пород, хорошо подходили и для заточки ножей и других режущих инструментов.

В советской, российской и украинской литературе рассматриваемые предметы именовались оселками, точильными брусками, точилами (Ванчугов, 1990, с. 124; Попандопуло, 1991, с. 69; Буйнов, 1992, с. 92; Литвиненко, 1997, с. 32; 2006а, с. 178; 2009, с. 90, 265, 292, 298; 2009а, с. 7; Отрощенко, 2001, с. 184)[38], и только с конца первого десятилетия нынешнего века их стали называть щитком для защиты запястья у лучников (Гершкович, Разумов, 2009, с. 134; Отрощенко, 2011а, с. 16, 17; Мимоход, 2013, с. 250; 2018г, с. 265).

Действительно бруски с перетяжками и отверстиями служили для защиты запястья от удара тетивы лука. Для оселков, которые носились на поясах, достаточно было одной перетяжки или одного отверстия, и таких изделий от эпохи бронзы до средневековья великое множество. Перетяжки или отверстия на двух концах предназначены были для того, чтобы при помощи шнура или ремня жестко фиксировать изделие на поверхности. Ею служила внутренняя часть предплечья руки. Об этом свидетельствуют

[38] Следует отметить, что в одном из первых упоминаний в указанной литературе этой категории инвентаря, термин «оселок» авторами публикаций был взят в кавычки (Ильюков, Казакова, 1980, с. 108; Ильюков, 1983, с. 39). Видимо, тем самым они подчеркивали определенную условность этого названия с точки зрения функционального назначения предмета из Новолакедемоновки (илл. 38, *4*). В итоговой монографии Л.С. Ильюков и Л.М. Казакова указали, что в бабинском погребении найдена каменная «полированная пластинка с двумя перетяжками на концах» (Ильюков, Казакова, 1988, с. 53) без уточнения ее предназначения. Позже Л.С. Ильюков пишет «брусок» (2014, рис. 1).

находки брусков in situ именно в районе или прямо на костях запястья (Fokkens, Achterkamp, Kuijpers, 2008, p. 112–117, fig. 2–10, 14–34; Turek, 2015, p. 37). Правда, в этих работах приведены погребения, в которых находились накладки с отверстиями. Однако есть случаи, когда и бруски с перетяжками находились в районе предплечий (п. 46 и 84 мог. Holešově в Чехии) (Ondrãček, Šebela, 1985, obr. 29, 43). Из четырех опубликованных бабинских погребений с защитными брусками с двумя перетяжками (илл. 38, I, *1–3*) в двух комплексах изделия находились у предплечья руки (Долгая Могила 4/17 и Пологи п. 1) (Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров, 1987, с. 20, рис. 6, *11*; Попандопуло, 1991, с. 69). В комплексе Приволье 11/12 каменная накладка находилась среди предметов, связанных с набором стрелоделов (парные выпрямители древков стрел, кремневые отщепы, заготовки стрел). Иными словами, в этом погребении также прослеживается связь каменного бруска с луком. В п. 2 к. 80 мог. Жутово I накладка лежала в отдалении от скелета напротив плеч вместе с кремневым отщепом (илл. 23, *1*), однако в свете всего вышесказанного в функциональном назначении жутовского предмета сомневаться не приходится.

Следует обратить внимание на еще одну любопытную деталь. В двух погребениях ДДБК (Долгая Могила 4/17 и Новолакедемоновка од. кург./10) бруски с перетяжками были найдены рядом с поясными роговыми крючково-планочными пряжками. Такое сочетание может быть не случайным. И.Ф. Ковалева и соавторы отметили, что брусок и пряжка входили в единый поясной набор (Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров, 1987, с. 20). Эти факты позволяют рассмотреть вопросы закономерностей ситуативного размещения защитных накладок на запястья в погребениях, их повседневного использования и ношения.

Как уже отмечалось, в Европе в погребениях каменные бруски зачастую расположены там, где они находились при использовании по прямому назначению – на предплечьях умерших (Fokkens, Achterkamp, Kuijpers, 2008, p. 112, 113, fig. 2). Причем, прослеживается интересная тенденция. Г. Фоккенс

и соавторы собрали подборку из 30 защитных накладок из Англии, Ирландии и Центральной Европы. В восьми случаях они находились на внутренней стороне предплечья, т.е. там, где они и должны располагаться при стрельбе из лука, а в 17 – на внешней. Исследователи констатируют странность ситуации и сложность ее интерпретации (Fokkens, Achterkamp, Kuijpers, 2008, p.116). Предложенный ими выход оказался не менее парадоксальным, чем сама ситуация. Авторы предлагают считать бруски с отверстиями, которые расположены на внешней стороне предплечья исключительно декоративными[39]. По их мнению, это подтверждает и размеры некоторых экземпляров, которые имеют длину больше 20 см, что якобы делает их непрактичными (Fokkens, Achterkamp, Kuijpers, 2008, p.116–188). Иными словами, бóльшая часть каменных брусков была украшением внешней части предплечья. Так они и расположили накладку на реконструкции оснащения лучника (Fokkens, Achterkamp, Kuijpers, 2008, fig. 10).

Подобная интерпретация вызывает вопросы. Действительно в коллекции накладок есть очень изящно сделанные и орнаментированные, в том числе бронзовыми и золотыми инкрустациями. Однако подавляющее большинство этих изделий представляет собой обычные заполированные бруски с отверстиями. Апеллирование к длине некоторых изделий как нефункциональной неубедительно (см. ниже). Действительно, как такие невзрачные изделия могут служить украшением лучника? И в то же время расположение большинства накладок на внешней стороне предплечья требовало логичного объяснения, и оно нашлось (Мимоход, Усачук, Вербовский, 2021).

Путь к непротиворечивому решению проблемы предложил Я. Турек. Он выделил две позиции в ношении накладок. Первая – это «ready to shoot», подразумевает расположение бруска на запястье во время стрельбы из лука, вторая «presentation» предполагает показывание декоративного бруска на

[39] Также полагает и Т. Хорват (Horváth 2017, p. 89).

внешней стороне предплечья после вращения вокруг руки из первой позиции (Turek, 2015, p. 37). При правильном подходе исследователь все-таки оставил за накладками функцию украшений как одного из главных, и, соответственно, остался актуальным поставленный выше вопрос о невзрачности подавляющего большинства изделий. На мой взгляд, при правильности определения первой позиции «ready to shoot», неправильно названа вторая. Несколько перефразируя Я. Турека, назову позицию накладки во время стрельбы из лука «боевой», вторую «предбоевой». Каменные бруски с отверстиями и перетяжками, скорее всего, крепились на кожаный нарукавник (ср.: Братченко, 1989, с. 75, 76; Fokkens, Achterkamp, Kuijpers, 2008, fig. 10, 12, 13). Он должен был смягчать отдачу от удара тетивы об накладку. Предбоевая позиция означала, что защитная пластина уже располагалась на внешней стороне предплечья, она в скором времени будет использована по назначению, но до этого момента должно пройти какое-то непродолжительное время. В этот период лучник, естественно, передвигается, что-то делает и т.д. Нахождение бруска в это время в боевой позиции на запястье создает определенные неудобства. В частности, при движении он будет цепляться за одежду. Также дискомфортно будет осуществлять и целый ряд других бытовых действий. Когда наступает момент непосредственной стрельбы из лука, нарукавник с накладкой легко и быстро вращается вокруг предплечья и переводится в боевую позицию. Все вышесказанное, конечно, не отменяет того, что в коллекции брусков есть изящные орнаментированные изделия, направленные на эстетическое восприятие, но таких явное меньшинство на фоне основной массы обычных чисто утилитарных защитных накладок. В этой связи, расположение их в предбоевой позиции вызвано не желанием продемонстрировать украшение предплечья (для орнаментированных предметов это явно маргинальная функция), а чисто прагматичным стремлением обеспечить удобство использования в выше охарактеризованной ситуации.

Уже отмечалось, что в двух погребения ДББК (Новолакедемоновка од. кург./10 и Долгая Могила 4/17) бруски сочетались с пряжками и входили в поясные наборы. В таких случаях есть смысл предположить, что могла быть и третья позиция в ношении защитных накладок. Назовем ее «небоевой» или «походной». Речь идет о том, что до использования брусков по прямому назначению должен пройти какой-то более или менее продолжительный промежуток времени, и нет необходимости при передвижении держать его в предбоевой позиции, тем более, что даже ношение на внешней стороне предплечья каменной накладки без необходимости тоже не очень удобно. В этом случае нарукавник с бруском просто снимался и цеплялся на пояс посредством продевания сквозь него конца ремня. Только при такой интерпретации становится понятным совместное нахождение в погребениях поясной пряжки и защиты запястья. Кроме упомянутых уже бабинских комплексов аналогичная ситуация зафиксирована в п. 1268 мог. Amesbury на юге Англии (Fitzpatrik, 2011, fig. 36).

Известны данные трасологии по европейским экземплярам. Они показывают, что защитные накладки очень тщательно изготовлялись. Причем, лучше шлифовалась передняя часть, а часть, которая примыкала к запястью, шлифовалась хуже и сохраняла следы изготовления (Fitzpatrick, 2011, p. 105)[40]. На ряде экземпляров зафиксированы потертости от ремешков вокруг отверстий. У некоторых изделий сломаны угловые отверстия, что свидетельствует об их активном использовании. Следы воздействия тетивы фиксируются редко. Об ее контакте с накладкой свидетельствует участок сильной заполированности, расположенный в центре бруска (Turek, 2015, p. 37). Часть таких накладок вообще не имеют следов использования, либо они незначительные, что предполагает их скорее символическое значение, чем функциональное. В погребальном обряде они подчеркивали особый статус

[40] Результаты трасологического анализа полностью совпадают с наблюдениями Л.С. Ильюкова по каменной накладке из комплекса Новолакедемоновка од. кург/10 (илл. 38, *4*), «одна широкая плоскость которой сильно заполирована» (Ильюков, 1983, с. 39).

лучника. Кроме того, в Англии известны каменные накладки, инкрустированные золотом (Fokkens, Achterkamp, Kuijpers, 2008, p. 541). Те изделия, которые были обработаны трасологически, не выявили следов, связанных с заточкой металлических орудий. В этой связи для этих изделий термин «оселки», который и я часто использовал в качестве общепринятого (Мимоход, 2004, с. 111; 2010, с. 158; 2013, с. 250, 271, 321; 2013в, с. 171, 172; 2014, с. 113; 2018д, с. 36), имеет смысл употреблять только в смысле редкого вторичного использования. Действительно, на единичных экземплярах зафиксированы следы от заточки металлических инструментов, но вторичность такой функции по отношению к основной (wrist-guard) не вызывает сомнения (Harrison, 2007, p. 105, 155, fig. 3.26, 4.28, *392, 393*; Healy, Harding J., 2004, p. 185).

С точки зрения метрических параметров защитные накладки с перетяжками и отверстиями можно разделить на три группы. Первая – это мелкие бруски. Их длина составляет 7–8 см. Вторую группу составляют бруски средних размеров длиной 9–12 см. Третья группа – самые длинные бруски (более 13 см). Если опираться на графики параметров каменных брусков с отверстиями, составленные А. Вудвартом и соавторами для Англии и Я. Туреком для Богемии и Моравии, то в нее входят предметы длиной 13–16 см (Woodward, Hunter, Ixer, Roe, Potts, Webb, Watson, Jones, 2006, fig. 3; Turek, 2015, fig. 4.4). Известны и более крупные экземпляры длиной 20–22 см (илл. 38, *5, 12*). Накладка ВДБК относится к группе мелких изделий (илл. 38, *1*). Такие предметы, как и изделия средних размеров, располагались именно на предплечье, защищая небольшой участок руки наиболее вероятного удара тетивы при стрельбе из лука. Изделия третьей группы покрывали фактически все предплечье. Возможно, разница в длине накладок была обусловлена параметрами и/или конструкцией лука, и крупные бруски были предназначены для стрельбы из разных типов луков.

Важно отметить, что в Европе накладки для защиты запястья являются атрибутом исключительно мужских захоронений, что лишний раз

свидетельствует о том, что эти предметы входили в систему оснащения воина. Подтверждают это и данные ДДБК. Защитные накладки в п. 2 Соколовского кургана у г. Пологи и в комплексе Приволье 11/13 обнаружены в захоронениях мужской обрядовой группы с западными ориентировками (Попандопуло, 1991, рис. 2, *1*; Литвиненко, 2007, рис. 1, *45*). Для комплекса ВДБК Жутово I 80/2 антропологических определений нет. В отчете указано, что это погребение взрослого человека [Мамонтов, 1974]. С учетом вышесказанного, логично предположить, что захоронение тоже мужское. Даже самое восточное погребение с защитной накладкой из южносибирского Елунинского могильника тоже принадлежит мужчине (Грушин, 2011, с. 217).

К предметам вооружения относятся *кремневые наконечники стрел* (илл. 37, *9–15*, 39, *1*). Всего в материалах ВДБК на данный момент известно 8 из 6 погребений наконечников и их заготовок, по которым опознается форма, что составляет 2,8 % от всех захоронений. Для сравнения аналогичный показатель для ДДБК составляет – 2,7%, ДПБК – 0,6% (Литвиненко, 2019, с. 314, 320), в лолинской культуре – 2,1% (Мимоход, 2013, с. 143), в невинномысской – 0,6%. Как и в других бабинских культурах (рис. 39, *1–8, 10–15*) (Литвиненко, 1998б), в ВДБК главным типом наконечника был выемчатый (илл. 39, *б–ж*), который наследуется образованиями культурного круга Бабино от предшествующей катакомбной эпохи.

Классификация волго-донских бабинских наконечников предметно рассмотрена Р.А. Литвиненко (2019, с. 317). Они относятся к вариантам II-С-1, II-Е-3 по С.Н. Братченко (2006, с. 265, рис. 126) или подтипы А-I-1 и А-II-1 по С.Н. Разумову (Razumov, 2011, p. 72, ill. 1). В системе выделенных по данным трасологии и весовым характеристикам трех «калибров» наконечников стрел для стрельбы из лука (Горащук, Кузнецов, 1999), бабинские экземпляры относятся к самому мелкому «калибру» (Разумов, 2006, с. 158).

Р.А. Литвиненко справедливо отметил типологическую специфику наконечников ВДБК. Фактически все завершенные выемчатые изделия, за

исключением одного, относятся к типу II-E-3 по классификации С.Н. Братченко (Литвиненко, 2019, с. 317). К этому следует добавить еще одно наблюдение. При сравнении выемчатых стрел ВДБК с другими культурами круга Бабино можно заметить, что волго-донские бабинские наконечники отретушированы менее тщательно (илл. 39, *в–д, ж*), чем экземпляры ДДБК и ДПБК (илл. 39, 1–9, *10–12*). В этих сериях тоже есть наконечники с такой ретушью (илл. 39, *5, 13–15*), но в количественном отношении они серьезно уступают изящно обработанным изделиям. В этой связи, типу II-E-3 и «небрежная» ретушь на уровне признака «наконечники стрел» может выступать в качестве культурных маркеров ВДБК. Это хорошо подтверждает следующий факт. В волго-донской бабинской серии есть один наконечник, который относится к типу II-C-1 и так же хорошо обработан (илл. 39, *е*), как и экземпляры ДДБК (илл. 39, *1–3, 5, 6*). В комплексе Смеловка 2/3 он находился в непосредственной близости сзади от грудной клетки (илл. 17, *17*). Скорее всего, здесь мы имеем дело не с сопровождающим инвентарем, а результатом ранения, т.е. инокультурным предметом (Mimokhod, Zagorodnia, 2019; 2021; Мимоход, Загородняя, 2020). Наконечники типа II-C-1, которым был ранен индивид из Смеловки, серийно представлены в материалах ДДБК (илл. 39, *2, 3, 5, 8*). Соответственно, этот комплекс может отражать военные конфликты между ДДБК и ВДБК, которые реконструируются по археологическим данным (см. главу 7) (Литвиненко, 2012; 2019, с. 325, 327; Mimokhod, Zagorodnia, 2019; 2021; Мимоход, Загородняя, 2020).

В коллекции волго-донских бабинских наконечников присутствует экземпляр с усеченным основанием (илл. 37, *16*, 39, *а*). Авторы его публикации называют фрагментом (Жемков, Лопатин, 2008, с. 164, 188, рис. 6, *3*). Не оспаривая этого наблюдения, следует отметить, что очень близкая аналогия этому предмету происходит из материалов ДДБК (илл. 39, *9*) (Клименко, 1998, рис. 26, 4; Литвиненко, 1998, 2, *15*), но в культурном круге Бабино – это единичные изделия. В культурном круге Лола также известны два наконечника с усеченным основанием, но иных пропорций (илл. 81, *13–15*)

(см. ниже), но там они были следами убийств и являлись инокультурными (Мимоход, Загородняя, 2020; Mimokhod, Zagorodnia, 2020; 2021). В случае с комплексом Светлое Озеро 6/3 говорить о ранении не приходится, т.к. стрела находилась в 30 см от колен (илл. 21, *13*). У колен находился и наконечник в комплексе ДДБК Новоандреевка 4/1, где он также не был результатом ранения (Клименко, 1998, с. 85, рис. 26, 3).

В комплексе Жутово I 80/2 были обнаружены две *глиняные модели колес* с выраженными ступицами (илл. 37, *26*, 39, *II*). Традиция помещения моделей повозок и колес хорошо представлена в раннекатакомбный период (Belinskij, Kalmykov, 2004). Сохраняется она и в позднекатакомбное время (Клименко, 1997, с. 125, рис. 74, *3, 4*; Чечина, Нечипорук, 2022, с. 61, рис. 5, *4*). Известны они и в фатьяновско-балановских древностях (Смирнов А.П., 1948, рис. 13; Бадер, 1950, с. 73, рис. 5, *10*). В посткатакомбном мире кроме погребения ВДБК модели колес известны еще в трех комплексах. В п. 6 к. 9 мог. Ильичево были найдены 4 глиняных предмета с выраженными ступицами (илл. 39, *18*) (Корпусова, Ляшко, 1999). Погребение относится к периферийной евпаторийской группе культурного круга Бабино. Из позднего комплекса ДДБК Юбилейный V 1/10 происходят пять каменных дисков с центральным отверстием (илл, 39, *19*). Они также интерпретируются в качестве моделей колес (Литвиненко, 2016б, с. 132, рис. 3). Одно глиняное колесико найдено в п. 3 к. 14 мог. Песчаный V раннелолинской культуры (илл. 39, *17*). В синхронный период модели колес известны в карпато-дунайской регионе в культурах Hatvan, Nagyrév (Bondár, 2012, p. 57, 58, tabl. 1) и на Кавказе. Их сводка приведена в работе Р.Г. Магомедова (1998, с. 129, 130). Таким образом, традиция помещения в погребения моделей колес характерна для всего посткатакомбного периода, потому что Жутово и Песчаный датируются ранней фазой посткатакомбного блока, а Юбилейный – поздним.

Отдельного внимания заслуживает гарнитур ***украшений*** ВДБК.

В комплексе Николо-Варваринка 4/8 найдены *спиральные ленточные пронизи* (илл. 37, *35, 36*, 39, *III*). Это редкий тип украшений принадлежит к числу узко датируемых артефактов. Он маркирует раннюю фазу посткатакомбного блока. Прямые аналогии ему известны в материалах ранней ДДБК (илл. 39, *20–22*) (Литвиненко, 1997, с. 32; 2002а, с. 78; Парусимов, 1999, рис. 27, *4*; Литвиненко, Зарайская, 2004, рис. 16, *3*) [Клепиков, 1990]. Хорошо представлены спиралевидные пронизи и в раннелолинской культуре. Здесь известно 8 изделий из пяти комплексов (илл. 39, *23, 24*) (Мимоход, 2013, с. 177, 178).

Витые спиральные пронизи известны по склеповым (Гинчи, Великент, Галгалатли, и др.), грунтовым и курганным (Манас, Гоно, Миатли, Лечинкай, Харсеной и др.) захоронениям СБВ Северного Кавказа (илл. 39, *25, 26*) (Мунчаев, Смирнов, 1956, рис. 3а, *10–12*; 1958, рис. 7, *2, 3, 10, 14*; Канивец, Березанская, 1959, рис. 5, *8*; Котович В.Г., 1961, рис. 18, *6, 7*; Гаджиев М.Г., 1969, рис. 22, *25*; 1986, рис. 4, 5, *13, 16, 17*; Федоров, 1977, табл. I, *7*; Батчаев, 1984, рис. 17, *38*; Мизиев, 1984, рис. 13, *9, 20*; Кореневский, 1984, рис. 16; Гаджиев М.Г., Кореневский, 1984, рис. 7, *38–44*; Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1985, рис. 4, *22–37*; Марковин, 1995, рис. 5, *16*; Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, fig. 54, *321*, 57, *10–12*; Магомедов Р., 1998, рис. 119, *1–24*; 2000, рис. 16, *3, 4, 14*; Воронин, Малашев, 2006, рис. 41, *2*). Иногда такие украшения находят и на поселениях (Гаджиев М.Г., 1983, рис. 9, *9, 10, 12*; 1986, рис. 4, *1–4*). Есть они в дольменах Западного Кавказа (Марковин, 1978, рис. 131, *3–6*).

Следует отметить, что при общей технологии производства кавказские пронизи нередко имеют достаточно крупные размеры длиной до 6–7 см (Магомедов Р., 1998, с. 122), а степные (посткатакомбные) экземпляры обычно мелкие (длина 0,7–2 см). Это вполне объяснимо с учетом дефицита металла в степной зоне, который привел к миниатюризации кавказских типов украшений в посткатакомбной среде.

Второй очаг распространения витых спиральных пронизей в финале СБВ находился на юге Среднего Поволжья и Волго-Уралье и связан с абашевской культурой, которая относится к «постшнуровому» блоку. На отличие посткатакомбных и абашевских пронизей уже указывалось (Мимоход, 2009, с. 134; 2013, с. 179). Абашевские украшения сделаны из проволоки (илл. 39, *27, 28*) (Кузьмина О., 1992, с. 50; 2002, с. 158, 159), а пластинчатые изделия рассматриваются здесь как исключения (Большов, Кузьмина О., 1995, с. 95). Причем, последние в тенденции более поздние (Кузьмина О., 2000б, с. 98). Пронизи нередко встречаются в абашевских погребениях наборами, а не по одной-две, как в посткатакомбных комплексах. Кроме того, абашевские изделия часто изготовлялись из серебра, в то время как этот металл фактически не использовался посткатакомбными мастерами. Бронзовые реплики спиральной проволочной пронизи абашевского типа воспроизводились и позже, в синташтинской культуре (Ткачев В., 2007, с. 197, рис. 58, *19*).

Спиральные пронизки в лолинских и бабинских погребениях входили в составные украшения, состоящие из фаянсового бисера, гешировых, сердоликовых бусин так же, как и в нашем случае, где бронзовые украшения входили в состав ожерелья вместе с фаянсовыми бусами. Это посткатакомбная черта, которая в материалах средневолжской абашевской археологической культуры (СВАК) не фиксируется. Важно отметить еще одну любопытную деталь. Бронзовые спиральные пронизи были обнаружены в хорошо известном комплексе Хохольский 1/1 (Пряхин, Синюк, 1983, с. 197, рис. 2). В этом погребении при вытянутом костяке в деревянной колоде кроме бронзовых украшений находился сосуд воронежской культуры. В мог. Николо-Варваринка рядом с курганом 5, в п. 5 которого были обнаружены пронизи, находился курган 4. В нем захоронение 8 ВДБК совершено по такой же обрядности, что погребение с пронизями (Юдин, Баринов, Павленко, 2019, рис. 5, *1, 2*). Здесь найден сосуд воронежского облика (илл. 26, *6*) (см. выше).

Однако следует заметить, что в Хохольском мы видим классическую постшнуровую традицию. В набор входили только бронзовые украшения, а пронизи были проволочными, как и в СВАК, а в комплексе Николо-Варваринка 5/5 они сочетались с фаянсовыми бусами и сделаны из ленты. Иными словами, это захоронение правомерно следует интерпретировать как волго-донское бабинское.

Подвески в 1,5 оборота в материалах ВДБК представлены двумя экземплярами из одного комплекса. Одна из них бронзовая (илл. 37, *29*), вторая – серебряная (илл. 37, *30*). В целом они сопоставимы с позднекатакомбными (Жемков, Лопатин, 2008, с. 174) и посткатакомбными образцами (илл. 39, *III, 29–32*). От лолинских и бабинских их отличает сечение и более мелкие размеры. По миниатюрности волго-донские бабинские изделия более соответствуют средневолжским абашевским подвескам (илл. 39, *33–35*). Причем, один предмет изготовлен из серебра. Этот металл позднекатакомбные и посткатакомбные мастера почти не использовали (Мимоход, 2009, с. 128). Зато именно серебро повсеместно выступало сырьем для производства ювелирных изделий в среде средневолжской абашевской культуры, в том числе и подвесок в 1,5 оборота (Кузьмина О., 2002а, с. 179). Расположение комплекса Светлое Озеро 6/3 на севере Нижнего Поволжья (илл. 1) в непосредственной близости от ареала СВАК позволяет рассматривать серебряную подвеску в посткатакомбном комплексе в качестве проявлений межкультурных связей.

К ним же отсылает обнаружение в волго-донском бабинском захоронении Бородаевка 2/2 *сурьмяных бус* (илл. 37, *31*). Как и в случае с серебром, это единственная находка украшений из сурьмы в контексте ВДБК. В степной зоне в синхронный период серийное использование сурьмяного литья известно только в лолинской и невинномысской культурах Предкавказья, где оно имело кавказские истоки (см. главы 5 и 7) (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008; Гак, Мимоход, Калмыков, 2012; Мимоход, 2013, с. 187–191). В нашем случае не должна вызывать удивление удаленность

заволжского комплекса из Бородаевки от лолинского ареала (илл. 1). Трансляция сурьмяных бус в среду ВДБК произошла, скорее всего, посредством волго-уральской культурной группы, которая являлась северным дериватом Лолы и занимала степи одноименного региона (Мимоход, 2010а; 2013, илл. 123; 2018, с. 143).

В гарнитуре украшений ВДБК присутствуют *бронзовые бусы* распространенных в эпоху бронзы типов (илл. 37, *32, 33*).

Отдельный интерес представляет собой бронзовое изделие из комплекса Узморье 1/6 (илл. 37, *34*). В отчете оно названо *бронзовой обоймой* из проволоки с округлым щитком, в котором проделано сквозное отверстие [Малов, 1984]. Оно находилось у локтя правой руки. Аналогии этому предмету мне неизвестны.

Завершая характеристику инвентарного комплекса, рассмотрим уникальный для ВДБК гарнитур украшений из комплекса Писаревка II 10/2 (илл. 23, *2*, 37, *28, 38–43*). Кроме обычных для бронзового века *фаянсовых бус* (илл. 37, *40–42*) и *бусины из зуба ската* (илл. 37, *43*) в него входили изделия инокультурного происхождения.

К их числу относится *бронзовый полусферический колпачок* (илл, 37, *28*, 39, *V*). В посткатакомбном мире это пока единственное изделие. Прямые аналогии оно находит в материалах позднего периода средней бронзы Северо-восточного Кавказа. Серия колпачков известна в гинчинских древностях (илл. 39, *36–39*) (Гаджиев М.Г., 1969, рис. 18, *5*; Марковин, 1963, рис. 6, *6–8*; 1994, табл. 100, *50*, 104, *22*; Магомедов, 1998, рис. 119, *47, 48*, 126, *22, 23*). Найдены они и в погребениях присулакской культуры (илл. 39, *40–43*) (Канивец, Березанская, 1959, табл. I, *17, 18*; Костюченко, 1959, рис. 23, *3*). Позже эти украшения серийно представлены в каякентско-хорочоевских материалах (илл. 39, *44, 45*) (Круглов, 1958, рис. 16, *14, 15*, 47, *7, 8*; Марковин, 1969, рис. 5, *9*, 26, 10–12; 1994а, табл. 109, *22*, 110, *1*; Котович В.Г., 1982, рис. 8, 93, 94; Ошаев, 1982, рис. 2, *1*). Известны они и в Закавказье (Орджоникидзе, 1983, рис. 24, *14–16*; Ахундов, 1999, рис. XIV, *3*). Без сомнения, писаревский колпачок

является прямым импортом с Северного Кавказа и служит хорошим основанием для синхронизации кавказских и степных культур.

К южным связям отсылает *лепестковидный бисер* (илл. 37, *38*). В погребении была найдена 21 бусина «из хорошо протертой и обожженной глины» [Мамонтов, 2004]. В профиле бусины имеют характерную изогнутость и напоминают лепестки, поэтому для них предложен термин «лепестковидные» (Мимоход, 2003, с. 105; 2014б)[41]. Он стал использоваться в литературе, в том числе украино- («пелюсткові») (Литвиненко, 2009б, с. 59, 61) и англоязычной («petal») (Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007, tabl. 3, p. 281).

Лепестковидные бусы являются этнографическим маркером предкавказских памятников культурного круга Лола (Мимоход, 2014б). В его материалах известно 14 комплексов с этим типом украшений (илл. 39, *46–51, 55–57*) (см. главу 3). Такие бусы известны еще в четырех культурных образованиях, но там это единичные экземпляры, которые свидетельствуют о межкультурных контактах с Лолой. По разу лепестковидный бисер найден в погребениях ВДБК (илл. 39, *VI*) и ДДБК (илл. 39, *54*) (Прокофьев, 2004, рис. 27, *6–10*), причем, именно в контактных зонах: в Подонцовье в пределах Ростовской области и на юге Нижнего Поволжья в Волгоградской области. Два раза он встречен в погребениях архонской культурной группы (илл. 39, *52, 53*) (Николаева, Сафронов, 1977; Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 7, *3*, 14, *5*), и дважды в комплексах присулакской культуры (илл. 39, *58, 59*) (Березанская, Канивец, 1959, табл. I, *6*, рис. 5, *3*). Архонская группа и присулакская культура – это локальные предгорные культурные образования, находившиеся в непосредственном взаимодействии с лолинской культурой.

[41] До этого в публикациях и отчетах авторы находок даже не пытались четко определить их морфологию, ограничиваясь общей констатацией подтреугольной, продолговатой или неправильной формы в рамках формального описания всех фаянсовых бус, происходящих из погребений (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, с. 120; Дервиз, 1989, с. 259; Прокофьев, 2004, с. 282) [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1981; Андреева, 1985]. Более конкретно морфология лепестковидных бус была рассмотрена при публикации комплексов Миатли II 1/1 и 2/1, где они названы бусиной и подвеской в форме зуба (Канивец, 1959, с. 53; Канивец, Березанская, 1959, с. 64, 70). В.П. Шилов определил подобные украшения из погребения 9 кургана 2 мог. Цаган-Усн VII как «яйцевидные» [Шилов, 1987], а Н.А. Николаева, В.А. Сафронов и С.Н. Кореневский описали бисер из комплексов Чикола II 4/3 и Архонская 88 2/5 как «каплевидный» [Николаева, Сафронов, 1977; Кореневский, 1988].

Присутствие в их материалах единичных комплексов с лепестковидным бисером также можно объяснить трансляцией этого лолинского типа украшений в родственную среду. Причем, в горной части Северного Кавказа лепестковидный бисер уже неизвестен.

Подавляющее большинство лепестковидных бус сделано из фаянса. Для трех из них (Манджикины 1 10/2, Цаган-Усн VII 2/11) есть данные оптико-эмиссионной спектрографии (Шишлина, Егорьков, Шортланд, 2010, табл. 2)[42]. Некоторые образцы имеют коричневый цвет и пористую поверхность. Скорее всего, они сделаны из обожженной глины. Это подтверждается микроскопическими исследованиями бусины из комплекса Миатли II 1/1 (рис. 39, *58*) (Канивец, Березанская, 1959, с. 64). В этой связи и утверждение В.И. Мамонтова о том, что бусина из комплекса ВДБК Писаревка II 10/2 сделана из глины, скорее всего, верно [Мамонтов, 2004].

Керамической исследователь называет и «ромбовидную бусину» (илл. 37, *39*). Соглашаясь и с определением формовочной массы и предложенным термином, следует отметить, что, скорее всего, это изделие все-таки является глиняной репликой хорошо известных на позднем этапе СБВ фаянсовых двурожковых бус. Об этом свидетельствуют явно в морфологическом отношении выделенные отростки и намеченная «втулка» вокруг отверстия (илл. 39, *VII*). Эти элементы выступают непременными атрибутами фаянсовых экземпляров (илл. 39, *60–75*). В последней серии есть и редкие керамические изделия.

Двухрожковые бусы впервые появляются в позднекатакомбное время и только на территории Предкавказья и представлены в материалах ВМКК и батуринской катакомбной культуры (илл. 39, *60–64*) (Синицын, Эрдниев, 1963, рис. 21, *3*; 1966, с. 37, табл. 6, *1*; Державин, 1989, рис. 25, *5*; Гей, 1995а, рис. 4, *4*). Именно этот регион следует рассматривать в качестве очага

[42] В этой работе содержится неточность: авторы к лепестковидным бусам отнесли украшения из комплекса Хар-Зуха I 9/2 (Шишлина, Егорьков, Шортланд, 2010, табл. 2). Как следует из отчета [Очир-Горяева, 1991], в этом захоронении лолинской культуры данного типа украшений не было. В гарнитур входил только кольцевидный и цилиндрический фаянсовый бисер.

зарождения моды на использование фаянсовых бус с двумя выступами, которая позже расцвела в восточной части посткатакомбного мира[43]. Причем, в этот период наблюдается явное смещение эпицентра указанной традиции в сторону днепро-донского междуречья. Наибольшее количество двухрожковых бус (не менее 16 комплексов) известно в ранней ДДБК (илл. 39, *65–70*) (Добровольский, 1957, с. 40–45; Березанская, 1960, рис. 4; Махно, Братченко, 1977, рис. 3, *6*; Вангородская, 1987, рис. 2, *4–6*; Литвиненко, 2009, рис. 52, *1, 6, 17, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 18–20, 22, 23*; Шевченко, 2019, рис. 1, *9*). В памятниках культурного круга Лола, которые расположены на родине двухрожкового бисера, известно всего 6 комплексов (илл. 39, *71–73*) и столько же в архонской культурной группе (илл. 39, *74, 75*).

Таким образом, инвентарный комплекс ВДБК демонстрирует основные стандарты блока посткатакомбных культурных образований. В то же время бóльшая часть аналогий красноречиво свидетельствует, что волго-донские бабинские древности являются неотъемлемой (восточной) частью культурного круга Бабино.

§ 4. Периодизация и хронология

Первостепенное для установления места ВДБК на шкале относительной хронологии (Мимоход, 2021в; 2021г) имеют *данные стратиграфии*.

В курганах волго-донские бабинские погребения следуют за комплексами средней бронзы. В волго-донском междуречье захоронения ВДБК перекрывают горизонты волго-донской и средне-донской катакомбной культур (илл. 40, *1, 3*, 41, 42, *1, 3, 4*). На юге Нижнего Поволжья известны два кургана, где погребения Волго-Донского Бабино следуют за комплексами ВМКК (илл. 40, *2*, 42, *2*), а на Нижнем Дону есть случай перекрывания бабинскими захоронениями (ДДБК и ВДБК) могилы позднедонецкой культуры (илл. 45, *1*). Всего известен 21 курган, где волго-донские бабинские

[43] О тенденциях распространения фаянсовых бус с выступами см. главу 3 и (Мимоход, 2012; 2013, с. 191–195).

комплексы следуют по времени за катакомбными древностями. Случаи обратной стратиграфии не зафиксированы.

В Заволжье пока нет курганов, где было бы прослежено перекрывание захоронениями ВДБК катакомбных могил. Это связано с тем, что катакомбные древности на правобережье Волги представлены слабо, в отличие от полтавкинских, которые также датируются средней бронзой. По этой причине на данной территории серийно представлены стратиграфические связки, где погребения ВДБК следуют за полтавкинскими захоронениями (илл. 43, *2, 3*). Есть такие случаи и на левобережье (илл. 43, *1*).

Таким образом, стратиграфические данные свидетельствует, что ВДБК датируется финалом СБВ. Подтверждают это и ее стратиграфические связки с погребениями начала поздней бронзы, прежде всего, покровскими. На данный момент известно 14 курганов, где покровские погребения перекрывают могилы ВДБК (илл. 44). Причем, в некоторых случаях можно достоверно говорить о раннепокровских комплексах (или доно-волжской абашевской культуры (ДВАК) по другой терминологии) (илл. 44, *3, 5*). В этом отношении показателен к. 6 мог. Линево. Здесь основным погребением было п. 6 позднего этапа ВДБК, что документируется пряжкой с бортиком 2 типа (по Р.А. Литвиненко), а перекрывает его раннепокровское захоронение с миниатюрным сосудиком с крышкой абашевского облика (илл. 44, *3*). Иными словами, в этом кургане мы наблюдаем картину следования погребений двух наиболее близких хронологических этапов: комплекса второго (заключительного) периода ВДБК и наиболее архаичного захоронения начала поздней бронзы (раннепокровского) (фазы ПКБ II и III).

Анализ стратиграфического соотношения катакомбных/полтавкинских-ВДБК-Покровск погребений однозначно указывает на датировку Волго-Донского Бабино в рамках финала средней бронзы. Яркой иллюстрацией этому является ситуация, зафиксированная в к. 8 мог. Линево. Здесь п. 2 ВДБК перекрывало п. 5 среднедонской катакомбной культуры и, в свою очередь, было перекрыто п. 3 покровского времени (илл. 42, *1*). Именно эта

стратиграфическая колонка хорошо отражает следование периодов в регионе: позднекатакомбный – посткатакомбный – начало поздней бронзы (колесничный).

Посткатакомбный возраст ВДБК хорошо подтверждают случаи стратиграфического соотношения погребений разных культурных образований посткатакомбного блока. Так, в к. 1 мог. Гремячий II п. 3 ВДБК и п. 12 раннелолинской культуры составляли единый стратиграфический горизонт и следовали за захоронением ВМКК (илл. 40, *2*). В к. 4 мог. Евстратовский II и в к. 9 мог. Котлубань I погребения ВДБК и ДДБК также представляли единый горизонт, который следовал за катакомбным (илл. 40, *3*, 41, *1*).

Особенно важны для понимания синхронности всех составляющих посткатакомбного блока случаи обратной стратиграфии между разными культурными образованиями. Ключевую роль играет дробная колонка, зафиксированная в к. 7 мог. Репный I (Литвиненко, 2010 с. 42, 43; 2011, рис. 8). Здесь выделено 6 стратиграфических горизонтов, который охватывает позднекатакомбный и посткатакомбный периоды. Начинает ее позднедонецкое захоронение 14. Оно перекрыто горизонтом ВДБК (п. 13 и 17), за которым следуют 4 горизонта ДДБК (п. 10/ 1, 7 / 9, 6 / 15). Причем, в предпоследнем горизонте Днепро-Донского Бабино присутствует и п. 5, которое относится к ВДБК (илл. 45, *1*). Данная колонка свидетельствует о том, что ВДБК и ДДБК являются синхронными посткатакомбными культурами. Этот факт подтверждает и ситуация, прослеженная в к. 1 мог. Бурлук I. Если в Репном мы наблюдаем предшествование горизонта ВДБК горизонту ДДБК, то здесь стратиграфия уже обратная – днепро-донское бабинское п. 4 оказывается более ранним по отношению к комплексу ВДБК (п. 2) (илл. 45, *4*).

Соотношение волго-донских бабинских погребений и захоронений лолинской культуры также демонстрирует случаи обратной взаимной стратиграфии. Так, в к. 5 мог. Кривая Лука XXXIV основным было п. 5 ранней Лолы, а впускными п. 4 и 7 ВДБК (илл. 45, *2*). Такая же ситуация прослежена

и в к. 3 мог. Степная IV, а вот в к. 2 мог. Кривая Лука XXI уже обратная стратиграфия. Здесь п. 6 лолинской культуры перекрыло п. 4 Волго-Донского Бабино (илл. 45, *3*).

Таким образом, отсутствие случаев обратной стратиграфии между посткатакомбными и катакомбными/полтавкинскими древностями, а также между первыми и покровскими уверенно указывает, что ВДБК занимает нишу финала средней бронзы. Наличие же случает обратной стратиграфии между ДДБК, ВДБК и лолинской культурой свидетельствует об их синхронности.

Вопросы ***периодизации*** ВДБК требует отдельного обсуждения. Здесь возникают сложности в силу специфики источников. Основой любой периодизации является стратиграфическое соотношение однокультурных погребений. Всего известно 11 курганов, где зафиксированы связки захоронений ВДБК (илл. 46–48), но они мало что дают для разработки периодизации культуры. В шести случаях это стратиграфическое соотношение между погребениями одной и той же обрядовой группы (илл. 48). Семь раз погребения ОГ I следовали одно за другим (илл, 45, *1*, 46, *1, 5*, 47, *2*, 48) и два раза в такой же ситуации находятся погребения ОГ II (илл. 46, *2*, 48). Подобные связки не играют роли при создании периодизации на основе стратиграфии. Они только косвенно могут свидетельствовать о временной протяженности существования этих обрядовых групп.

Больший интерес вызывает стратиграфическое соотношение погребений разных ОГ. Однако имеется всего четыре таких случая. В к. 4 мог. Верхний Балыклей п. 4 ОГ II, устроенное в большой яме с заплечиками, было основным в кургане, а впускными к нему – п. 1 той же обрядовой группы и п. 3 в подбое ОГ IV (рис. 46, *2*, 48). В к. 7 мог. Вертячий погребение ОГ II в большой яме было более ранним по отношению к захоронению ОГ I (илл. 46, *4*, 48). Аналогичная ситуация зафиксирована в к. 2 мог. Волжский (илл. 47, *3*, 48). Обратная стратиграфия для ОГ I и II прослежена в к. 6 мог. Верхний Балыклей (илл. 46, *3*, 48).

Что дают эти немногочисленные данные? Комплекс Верхний Балыклей 4/4 однозначно относится к раннебабинскому времени (фаза ПКБ I), что документируется пряжкой соответствующего вида и глубокой ямой с заплечиками. Его перекрывает погребение, совершенное не в нормальной катакомбе со ступенькой при сопряжении камеры и шахты (илл. 23, *7–10*), а в редуцированной (илл. 46, *4*). Если опереться на данные соседней лолинской культуры, то можно предположить, что комплекс Верхний Балыклей 4/4 относится к первому этапу ВДБК, а 4/3 ко второму. Дело в том, что редуцированные катакомбы в Лоле датируются именно вторым периодом, чему там есть и стратиграфические подтверждения (Мимоход, 2013, с. 217, илл. 88). Хорошо это иллюстрирует уже рассмотренная связка в к. 5 мог. Кривая Лука XXXIV. Здесь основное раннелолинское погребение 5 перекрыто захоронением 7 ВДБК, которое устроено в подбойной могиле (илл. 45, *2*). Иными словами, и в этом случае редуцированная катакомба представляет второй горизонт. В таком случае погребения в нормальных катакомбах (илл. 23, *7–10*) следует относить к раннему этапу ВДБК. Это хорошо подтверждает, что из представленных четырех комплексов три были основными в курганах (илл. 23, *8–10*), а один сопровождался досыпкой (илл. 23, *7*). Именно на ранней фазе посткатакомбного блока фиксируется наиболее развитое курганное строительство.

Интересно стратиграфическое соотношение погребений ОГ I и II. В к. 20 мог. Западные могилы и в к. 6 мог. Верхний Балыклей захоронения ОГ I предшествовали комплексам ОГ II (илл. 47, *1*, 48), а в к. 2 мог. Волжский и к. 7 мог. Вертячий наоборот, погребения ОГ II были более ранними по отношению к ОГ I (илл. 46, *4*, 47, *3*, 48). Эти факты свидетельствуют о том, что первая и вторая обрядовые группы существовали на всем протяжении ВДБК. Однако можно сделать любопытное наблюдение. В трех из четырех охарактеризованных случаев более ранние могилы по размерам были крупнее более поздних (илл. 46, *4*, 47, *1*, *3*). По всей видимости, во времени эволюционировали не обрядовые группы (положение скелета и

ориентировка), а размеры конструкций. Причем, этот факт зафиксирован для ОГ I, II, IV. У погребений первых двух ОГ от первого ко второму этапу уменьшается площадь могильных ям, а у последней прослеживается процесс редуцирования катакомб.

К сожалению, нет никаких данных по стратиграфическому соотношению погребений ОГ III с комплексами других обрядовых групп. Однако в ее материалах присутствуют узко датирующиеся категории инвентаря, которые находят прямые аналогии в соседних культурах с хорошо разработанной хронологией. Все эти вещи (каменный брусок с перетяжками, лепестковидный и двухрожковый бисер, полусферический колпачок, корчага) датируются фазой ПКБ I. Кроме того, почти половина погребений ОГ III были основными в курганах или сопровождались досыпками. По всей видимости, это самая редкая обрядовая группа существовала только на первом этапе ВДБК.

В качестве еще одного показателя для разработки периодизации культуры может выступать и расположение костей животных в погребении, о чем говорилось выше.

Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют разработать периодизацию ВДБК, которая состоит из двух этапов. Бóльшую часть волго-донских бабинских погребений не удастся разнести по этой шкале ввиду того, что многие погребения не имеют инвентаря, но показать эволюцию обрядово-инвентарного комплекса в пределах двух периодов вполне возможно.

I этап. *Погребальный обряд.* Ранние погребения ВДБК совершены в ямах и нормальных катакомбах (ОГ I–IVA) (илл. 49, *1–10*). Высока доля основных погребений и сопровождавшихся досыпками. В обряде изредка прослеживаются катакомбные черты. К ним относится катакомбная конструкция могилы со ступеньками у погребений ОГ IV. Известен один случай обнаружения пакетированного костяка в парном захоронении (Высокая Гора 5/1). К числу архаичных признаков относится посыпка всего

костяка охрой (Верхний Балыклей 2/2, Кривая Лука XI 4/1). Скелеты ориентированы в северный и восточный секторы. Погребения ОГ III с южной ориентировкой представлены только на раннем этапе. Видимо, именно в этот период в положении костей животных характерна удаленность от костяка (илл. 49, *2, 3*) и расположение их у сосуда (илл. 49, *8*).

Инвентарный комплекс на раннем этапе довольно разнообразен, хотя большинство захоронений сопровождающих вещей не имеет.

В керамическом комплексе присутствуют такие архаичные сосуды как корчаги (илл. 50, *1, 2*) и с пережиточными волго-донскими катакомбными чертами (илл. 50, *6*). Представлены здесь банки (илл. 50, *5*) и посуда с многоваликовой орнаментацией (илл. 50, *3, 4*).

Из металлических орудий в коллекции этого этапа представлен листовидный бронзовый нож (илл. 50, *10*).

Из каменных орудий маркерами первого этапа являются выпрямители стрел (илл. 50, *8, 9*) и каменный брусок (защита предплечья) с двумя перетяжками (илл. 50, *11*). Бóльшая часть кремневых выемчатых стрел тоже относится к данному периоду (илл. 50, *12–15*).

К числу диагностичных признаков первой фазы всего посткатакомбного блока относится костяной тупик (илл. 50, *7*).

Серия костяных и роговых пряжек раннебабинского времени представлена типом 1а (илл. 50, 16–19) и типом 1б (илл. 50, *20, 21*).

Из украшений ранним этапом датируются спиральные бронзовые пронизи (илл. 50, *23, 22*) и полусферический колпачок (илл. 50, *24*), а также глиняный лепестковидный и двухрожковый бисер (илл. 50, *25, 26*).

II этап. Поздние погребения ВДБК совершены в ямах и редуцированных катакомбах (ОГ I, II, IVB) (илл. 49, *11–18*). Скелеты ориентированы в северный и восточный секторы. Исчезают захоронения ОГ III, а соответственно и южная ориентировка. Нормальные катакомбы (ОГ IVA) трансформируются в ямы с подбоем (ОГ IVB). Причем, наблюдается любопытная закономерность, подавляющее большинство скелетов в

погребениях ОГ IVA и ОГ IVB ориентированы в северный сектор (илл. 49, *9, 10, 17, 18*). Среди захоронений этой группы известен только один случай, где костяк ориентирован на восток (илл. 23, *11*).

С *инвентарным комплексом* второго этапа ВДБК возникают определенные проблемы. Если погребальный обряд этого времени опознается благодаря данным стратиграфии, то сказать, что-либо конкретное о подавляющем количестве категорий инвентаря сложно. Прежде всего, дело здесь, как уже не раз отмечалось, в безынвентарности большинства захоронений. Судя по всему, на втором этапе эта тенденция только нарастает. Если в первый период ВДБК есть целый ряд архаичных маркеров в инвентаре, которые находят типологические параллели в ранней ДДБК и Лоле, то на заключительном этапе к ним можно отнести только кольцевые пряжки с бортиком типа 2 (по Р.А. Литвиненко). В результате достоверно в графу инвентаря поздней ВДБК можно поместить только три таких изделия (илл. 50, *27–29*). Это не означает, что данными предметами исчерпывается весь инвентарный комплекс Волго-Донского Бабино. Там наверняка есть и каменные орудия, и керамика, и украшения, но узко они не датируются и достоверно поместить их в графу второго этапа нельзя (илл. 50, *II*).

Линии синхронизации в рамках блока посткатакомбных культурных образований устанавливается достаточно четко[44] (илл. 168). Первый этап ВДБК синхронен раннему этапу *ДДБК*. Об этом свидетельствует наличие в волго-донских бабинских погребениях серии кольцевых пряжек типа 1, спиральных бронзовых пронизей, каменных выпрямителей и бруска с двумя перетяжками, двухрожковой бусины. Все эти предметы в ДДБК известны только в наиболее архаичных захоронениях.

Второй этап ВДБК синхронен развитому этапу ДДБК и раннему этапу ДПБК. Надежным основанием для синхронизации служит наличие в

[44] В главах, в которых характеризуются посткатакомбные культурные образования (главы 2–5), относительная хронология будет определяться в рамках посткатакомбного блока. В рамках отдельной главы будет рассмотрена позиция посткатакомбного мира в рамках хронологии западной части Старого Света.

материалах всех бабинских культур кольцевых пряжек с бортиком. В качестве прямого основания для синхронизации второго этапа ВДБК и развитых этапов лолинской и невинномысской культур служит факт обнаружения в комплексе Невиномысский-3 7/19 пряжки с бортиком (илл. 33, *37*), которая является прямым бабинским импортом в лолинскую среду. Данные изделия маркирует второй период ВДБК.

Прямая синхронизация ВДБК и *ДПБК* устанавливается через такую показательную категорию инвентаря как костяные пряжки. В Днепро-Прутском Бабино отсутствуют наиболее архаичные кольцевидные изделия, которые известны в ранних погребениях ДДБК и ВДБК (илл. 33, *I, 1–12*). В этой связи, следует констатировать, что нижние границы этих синхронных культур древнее, чем начало существования ДПБК. В свою очередь, пряжки типа 2 (по Р.А. Литвиненко), характерные для развитых культур Днепро-Донского и Волго-Донского Бабино (илл. 33, II, *27–32*), присутствуют в материалах ДПБК (илл. 33, *33–37*). Это свидетельствует о том, что второй этап ВДБК синхронен начальному этапу ДПБК по периодизации Р.А. Литвиненко (2009, рис. 159, 180). Последующие этапы развития Днепро-Прутского Бабино (периоды IIБ и III) датируются позже заключительной фазы ВДБК и синхронны поздним этапам днепро-донской бабинской, лолинской и невинномысской культур (илл. 168).

Для установления прямой синхронизации нижних рубежей ВДБК и *лолинской культуры* на уровне категорий вещей есть только один, но очень показательный комплекс. Речь идет о п. 2 к. 10 мог. Писаревка II. Это редкая для ВДБК обрядовая группа (ОГ III) с южной ориентировкой скелета (илл. 23, *2*). В гарнитуре украшений умершего здесь присутствовал лепестковидный бисер (илл. 37, *38*), который является этнографическим маркером культурного круга Лола, где он серийно представлен в погребениях раннего этапа.

Есть прямые основания для синхронизации ВДБК и *невинномысской культуры*. Как уже отмечалось, в материалах последней присутствует пряжка с бортиком типа 2 (илл. 33, *37*), а также лепестковидный бисер. Синхронизация

Волго-Донского Бабино с *волго-уральской культурной группой* может проводится только через лолинские привязки.

Симптоматичным выглядит отсутствие в комплексах ВДБК двудырчатых пряжек, изогнутых в сечении, которые характерны для позднебабинской традиции (илл. 125, *13–24*) и изредка встречаются в покровских комплексах (илл. 242, *33–35*). Есть такие пряжки и в невинномысской культуре (илл. 125, *II*). В лолинской и невинномысской культурах им по времени соответствуют поясные подвески типа Элиста-Калиновский (илл. 79, *10–13*, 124, *11–13*). Надежно установленное предшествование в курганах волго-донских бабинских погребений покровским захоронениям и синхронность последних позднебабинской, позднелолинской и поздненевинномысской культурам, устанавливает верхнюю границу хронологического диапазона ВДБК не позже развитых периодов ДДБК и Лолы, т.е. до начала формирования блока колесничных культурных образований (илл. 168).

Радиоуглеродная хронология. На сегодняшний день известно 21 радиоуглеродная датировка ВДБК (табл. 6.4), полученных в семи лабораториях (Ki, GIN, Ле, АА, ИГАН/IGAN, SPb, PSUAMS). Из них 12 – это LSC-даты (сцинтилляционные) и 9 – AMS-даты. Все они показывают высокую степень сходимости (илл. 51). Суммирование ^{14}C данных (sum_probability OxCal v3.10) дает интервал 2140–1770 BC (68.2%) (илл. 174). Причем, бóльшая часть значений располагается в рамках 2140–1870 BC (60.3%). Этот диапазон хорошо вписывается в систему радиоуглеродной хронологии блока посткатакомбных культурных образований, время существования которого укладывается в XXII–XVIII вв. до н.э. (2200–1800 CalBC) (см. главу 6). Интервал XXII–XX/XIX вв. до н.э., который дают радиоуглеродные даты погребений ВДБК (илл. 174), хорошо соответствует относительной хронологии культуры. Выше уже было показано, что Волго-Донское Бабино в отличие от ДДБК, ДПБК, лолинской и невинномысской культур не имеет этапа, соответствующего фазе ПБК III, который синхронен колесничному

горизонту (илл. 168). Это время XX–XVIII вв. до н.э. Радиоуглеродная датировка ВДБК в пределах XXII–XX вв. до н.э. полностью согласовывается с ее периодизацией.

§ 5. Погребения днепро-донской бабинской культуры в ареале волго-донской бабинской культуры

В ареале ВДБК в волго-донском междуречье присутствуют отдельные погребения Днепро-Донского Бабино. На правобережье их учтено 16[45] (илл. 52) (Сергацков, 1992, рис. 1, *2*; Мамонтов, 2000, рис. 3, *1*; Дворниченко, Лопан, Мимоход, 2006, рис. 7, *4*; Литвиненко, 2007, рис. 3, *12, 17*; 2012, рис. 2, 10, 1–9; Сергацков, Дьяченко, Клепиков, Кривошеев, 2012, рис. 31, *2*, 33, *4*; Мимоход, 2013, илл. 86) [Мамонтов, 1974; 1981; 1989; Клепиков, 1988; Сергацков, 2007; Глухов, 2008], притом, что волго-донских бабинских захоронений здесь насчитывается более 100. Иными словами, речь идет об инфильтрации носителей ДДБК на территорию ВДБК.

Половина учтенных погребений были основными и сопровождались досыпками. Могильные конструкции представлены исключительно ямами подпрямоугольной и овальной форм, среди которых встречаются достаточно крупные (илл. 53, *2, 13*). Характерной бабинской чертой является смещенность погребенного к стенке могилы (илл. 53, *2, 4, 8, 14*). В некоторых погребениях зафиксированы остатки деревянных конструкций. Так, в комплексе Барановка I 10/5 прослежена деревянная рама (илл. 53, *2*). Этот тип сооружения характерен именно для ДДБК (Литвиненко, 2006а, с. 170). Примечательно, что в Волго-Донском Бабино деревянные рамы неизвестны, хотя в единичных случаях они встречаются и в лолинской культуре (Мимоход, 2013, с. 30). В комплексах Песковка 2/3 и Барановка I 10/5 обнаружены фрагменты деревянных плашек от перекрытия. В ряде могил зафиксированы остатки

[45] В эту выборку включены только погребения ДДБК первого и второго этапов развития. Единичные позднебабинские погребения на этой территории присутствуют (Чир II 2/5, Нагавский II 1/4, Крутенький I 3/11), но на фазе ПКБ II волго-донских бабинских памятников уже не было (см. выше).

подстилок растительного происхождения (илл. 53, *1, 2, 9, 12*). Один раз на костях умершего зафиксированы следы охры.

Основное положение костяка – скорченно на левом боку, но есть два случая, когда умершие были уложена на правый бок, один раз с завалом на спину (илл. 53, *10, 15*). Традиции ДДБК хорошо иллюстрируются ориентировками. Бóльшая часть скелетов ориентирована в западный сектор, меньшая – в южный (илл. 55).

В положении рук можно выделить пять вариантов (илл. 54):

1 – позиция «адорации», когда руки согнуты в локтях, а кисти находятся у лица или груди (илл. 53, *3, 5–7, 11, 12, 14*).

2 – одна рука согнута в локте, кисть находится у груди, вторая протянута к коленям (илл. 53, *1, 4*);

3 – руки согнуты в локтях под прямым углом, предплечья параллельны друг другу, находятся на груди (илл. 53, *9, 10*).

4 – левая рука вытянута вдоль туловища к коленам, правая немного согнута в локте, кисть ее располагается на тазе или у кисти левой руки (илл. 53, *2, 13*).

5 – одна рука протянута к коленям, вторая согнута под прямым углом, кисть находится в районе локтевого сустава (илл. 53, *8, 15*).

Из графика хорошо видно, что самой распространенной у погребений ДДБК в ареале ВДБК была поза адорации (илл. 54, *2*). С учетом того, что варианты 2 и 3 являются позициями так называемой «нарушенной адорации», популярность адоративного положения будет еще выше. Этим признаком ДДБК существенно отличается от ВДБК, в которой вариант 1 встречается крайне редко. Выше уже было показано, что вариант 4 был самым востребованным у носителей ВДБК. Неудивительно, что эта позиция представлена в комплексах ДДБК, которые располагаются в ареале Волго-Донского Бабино.

Кости животных найдены только в одном погребении (илл. 53, *8*). Под черепом лежала кость ноги МРС, а рядом с северной стенкой ямы

зафиксирован толстый слой пепла и угля, на котором лежали череп и кости ног КРС [Мамонтов, 1989]. В этом комплексе мы видим сочетание волго-донской и днепро-донской бабинских традиций использования КЖ в погребальном обряде. Как было показано выше, кости ног МРС в захоронениях являются визитной карточкой ВДБК, в то время как череп и ноги КРС (так называемые «шкуры»), помещенные рядом с могилами, характерны для ДДБК (Литвиненко 2006, с. 224; 2006а с. 182; 2007, с. 160; 2009б, с. 83, 84; 2020б, с. 15; Ларенок, 2019, с. 159). Такое смешение традиций выглядит вполне логичным с учетом расположения комплекса.

Погребения ДДБК в ареале ВДБК можно разделить на две обрядовые группы.

ОГ I составляют погребения в ямах, в которых умершие лежат скорчено на левом боку, черепом ориентированы в западный сектор (илл. 53, *1–9, 11, 13*).

ОГ II представлена захоронениями в ямах, в которых умершие лежат в скорченной позиции на левом или правом боку, черепом ориентированы на юг или юг с отклонениями (илл. 53, *10, 12, 14, 15*).

ОГ I наиболее многочисленная. Это неудивительно, т.к. именно она является главной составляющей наглядного образа ДДБК раннего и развитого этапа на всей ее территории. ОГ II тоже хорошо известна в Днепро-Донском Бабино, но в количественном отношении она уступает первой группе, как и в нашем случае. Обращает на себя внимание, что из четырех рассматриваемых погребений ОГ II в двух могилах умершие были уложены на правый бок (илл. 53, *10, 15*). Оба погребения по стратиграфии и пряжке типа 2 относятся ко второму этапу. В ДДБК на раннем этапе хорошо прослеживается в обряде половая дифференциация, и там есть небольшая группа правобочных женских захоронений с южной ориентировкой (Литвиненко, 2007, с. 163; Мимоход, 2018в, с. 109). В нашем случае погребение с пряжкой (илл. 53, *10*) принадлежит мужчине 25–30 лет. На втором этапе ДДБК обрядовая

дифференциация по полу фактически не прослеживается, но правобочное положение сохраняется.

Несложно заметить, что обрядовые характеристики комплексов Горный 2/3 и Шляховский 3/7 (илл. 53, *10, 15*) довольно близки признакам ОГ III ВДБК (илл. 23, *1–6*), но, тем не менее, эти комплексы следует разделять в культурном отношении. Дело в том, что в третьей обрядовой группе Волго-Донского Бабино ни разу не зафиксировано правобочное положение скелета, в то время как в ДДБК эта черта в погребениях с южной ориентировкой редко, но стабильно встречается (Литвиненко, 2007, рис. 2, *40–42*, 3, *12–16*). Еще одним фактом, подтверждающим эту культурную разнородность, является то, что на левобережье Волги нет ни одного комплекса ДДБК, в то время как погребения ОГ III ВДБК на этой территории представлены (Бережновка I 5/21, Бородаевка 2/3) (илл. 23, *5, 6*). Кроме того, в комплексе Симоновка 1/1 представлена волго-донская бабинская корчага. О существенных различиях этого типа сосудов ДДБК и ВДБК говорилось выше. В качестве еще одного аргумента следует добавить некоторые особенности положения костяка в могиле, о которых тоже было сказано.

Инвентарный комплекс погребений ДДБК в ареале ВДБК представлен каменными орудиями, пряжками, украшениями и сосудом. Чуть меньше половины захоронений не имели инвентаря, что характерно для посткатакомбной традиции.

Керамика происходит только из комплекса Остров 5/1. Сосуд имеет открытую баночную форму (илл. 53, *11*), которая представлена во всех посткатакомбных культурных образованиях. В комплексе Ветютнев 2/1 обнаружены каменные выпрямители стрел (илл. 53, *3*). Вместе с ними находились ископаемые раковины, которые тоже иногда входят в наборы стрелоделов (Смирнов Ю., 1983, табл. 1; Санжаров, 2008, с. 41–43). Например, раковины обнаружены вместе с каменными выпрямителями в волго-донском бабинском комплексе Петрунино II 5/2 (илл. 18, *22*). В п. 1 к. 2 мог. Ветютнев были обнаружены спиральные бронзовые пронизи. К сожалению, в отчете нет

рисунков этих предметов, но есть подробное описание в тексте [Клепиков, 1990], которое не оставляет сомнения в определении типа изделий. Самой массовой категорией инвентаря оказались пряжки. В нашей подборке присутствуют шесть изделий Одно изделий относится к типу 1б (илл, 53, *5*), и пять – к типу 2 (илл. 53, *6, 8, 10, 11, 14*).

Рассматриваемая серия бабинских погребений относится к первым двум периодам ДДБК (фазы ПКБ I и II). Раннебабинским временем датируются комплексы Котлубань I 9/3 и Ветютнев 2/1 (илл. 53, *3, 5*). В первом из них найдена кольцевая пряжка, во втором – каменные выпрямители и спиральные пронизи. Все эти предметы надежно маркируют первый этап ДДБК. Погребения, которые содержали кольцевые пряжки с бортиком, датируются вторым этапом.

Анализ карты распространения погребений ДДБК в ареале ВДБК выявляет любопытные закономерности (илл. 52). Носители днепро-донских бабинских традиций системно проникают на территорию ВДБК. Причем, иногда они инфильтрируются достаточно далеко, достигая верховий р. Иловля и среднего течения р. Медведица (илл. 52). Однако, выйти на правый берег Волги им фактически не удается, а уж тем более ее форсировать. Наиболее далеко носители днепро-донских бабинских традиций продвинулись именно на раннем этапе. Это документируется комплексами Котлубань I 9/3, Барановка I 10/5, возможно, Бурлук I 1/4 и Химкомбинат Б 4/9 (илл. 52). Комплексы ДДБК с пряжками второго периода концентрируются западнее на территории междуречья нижнего течения р. Медведица и Дона (илл. 52). Можно сделать вывод, что именно на раннем этапе (фаза ПКБ I) носители ДДБК далеко проникают в ареал ВДБК, а на втором этапе начинается их возвратное движение. Впрочем, территорию Волго-Донского Бабино они так и не покидают. Близкую ситуацию в более развернутом виде реконструировал и Р.А. Литвиненко (2019; 2020). Безусловно, такая инфильтрация сопровождалась и военным противостоянием, чему есть свидетельства (Литвиненко, 2012, с. 57–60, 69; 2019, с. 325–327; 2020, с. 339–341; 2021).

Однако не следует полагать, что проникновение отдельных групп ДДБК в ареал ВДБК приводило к сокращению территории последней (Литвиненко, 2019, с. 325; 2020, с. 339, 350). Как уже отмечалось, речь идет именно об инфильтрации без изменений границ Волго-Донского Бабино (рейды отдельных групп). Об этом свидетельствует очень высокий коэффициент маскулинизации днепро-донских бабинских погребений в ареале ВДБК, на что обращал внимание и сам Р.А. Литвиненко (2012, с. 61–63; 2019, с. 327). Иными словами, эти рейды вглубь волго-донской бабинской территории совершали преимущественно группы взрослых мужчин.

Отчасти этот процесс фиксируется и в обратном направлении. Речь идет о комплексах Репный I 7/5,13,17, Лимаревка 1/13,20 и Нижняя Дуванка 1/3 в бассейне Северского Донца (илл. 52). Эти памятники находятся на значительном расстоянии от основного ареала культуры на территории ДДБК и иллюстрируют те же процессы, которые были охарактеризованы выше. Следует отметить, что пассионарность носителей днепро-донских бабинских традиций была значительно выше, чем у ВДБК, что, видимо, отражает вполне конкретные исторические реалии взаимоотношений двух бабинских культур.

Завершая главу, необходимо обратить внимание, что Волго-Донское Бабино – это самостоятельная археологическая культура, которая обладает специфическим обрядово-инвентарным комплексом, единством хронологии и территории. По целому ряду признаков она сопоставима с ДДБК, поэтому есть все основания включить ВДБК в культурный круг Бабино. Это самая восточная его культура, которая сформировалась одновременно с днепро-донской бабинской. При чертах сходства наблюдаются существенные различия между ВДБК и соседней ДДБК. Достаточно сравнить их обрядовые характеристики (илл. 10–12, 16, 53–55). Есть несомненные различия и в инвентаре. Такой комплекс сходств и различий хорошо иллюстрирует культурную самостоятельность ВДБК в рамках культурного круга Бабино.

Глава 3. Лолинская культура

На сегодняшний день известно 331 погребение лолинской культуры из 115 могильников (табл. 1.2). На момент защиты кандидатской диссертации и издания монографии было учтено 307 погребений из 87 могильников (Мимоход, 2013; 2013а; 2013б). Получается, что за последние 10 лет корпус источников по лолинской культуре вырос всего на 24 комплекса. Это выглядит странным, но имеет простое объяснение. Дело в том, что с выделением невинномысской культуры источниковую базу по Лоле пришлось переформатировать. Стало понятно, что целый ряд памятников на юге Ставропольской возвышенности следует рассматривать в контексте не лолинских, а невинномысских древностей. К последней культуре были отнесены такие крупные могильники как Ореховка, Калиновский, Новый Маяк и др., всего порядка 35 погребений. В свою очередь, источниковая база лолинской культуры пополнилась на 59 погребений[46].

§ 1. Территория

Подавляющее большинство погребений лолинской культуры сосредоточено в Северо-западном Прикаспии, на территории Ергенинской возвышенности и прилегающих районов Сарпинской и Прикаспийской низменностей, в Кумо-Манычской впадине и восточной части Ставропольской возвышенности, в пределах современных административных единиц: север Астраханской области, Республика Калмыкия, Ставропольский край. Масштабные новостроечные работы в долине Восточного Маныча выявили здесь большое количество лолинских захоронений. Кусты памятников обнаружены на левых притоках Кумы р. Томузловка и Мокрая Буйволиха на Ставрополье. Активные раскопки на севере Калмыкии

[46] В связи с тем, что лолинской культуре посвящены диссертация и монография (Мимоход, 2013; 2013а; 2013б), изложение в этой главе будет носить в известной мере конспективный характер, за исключением тех сюжетов, которые не были освещены в предыдущих работах. Это же касается и приложения к главе 3, в которой помещены только новые или обновленные данные, по сравнению с работами 2013 г. Переформатирование источниковой базы также привело к некоторым изменениям в статистических показателях, в иллюстративной и текстовой частях. В рисунках максимально представлены материалы, которые не были опубликованы в монографии (Мимоход, 2013).

позволили выделить и здесь представительную серию погребений. Неравномерность изученности территории Северо-западного Прикаспия прямо отражается на степени концентрации лолинских комплексов на карте данного региона. Тем не менее, можно утверждать, что именно долина Восточного Маныча в территориальном отношении была структурообразующим стержнем Лолы. Здесь обнаружены не только многочисленные, но и наиболее яркие материалы.

Анализ распространения лолинских захоронений позволяет выделить основной ареал культуры и единичные периферийные комплексы за его пределами. Основную территорию на сегодняшний день можно очертить следующим образом. Северная граница проходит по северу Астраханской и южной окраине Волгоградской областей и маркирована комплексами Кривая Лука XIV 8/5, XXI 1/9, 2/6, XXXIV 2/7, 5/5, Степная IV 1/11, 3/3, Цаца 1/1, Аксай I 6/3. Западную границу можно провести к северо-востоку от озера Маныч-Гудило в Ростовской области (Козинка I 7/5, Лысянский I 1/6) и по левобережью среднего течения р. Егорлык (Новопалестинский II 2/5). Южным пределом пока является р. Томузловка в Ставропольском крае и правобережье среднего течения р. Кумы (Веселая Роща I 30/4, Веселая Роща II 1/1, 13/6, Веселая Роща III 13/10, 24/11, 25/2, 26/6, Бияш 1/13, 2/4,5, Буйвола 1 2/2,3, 4/23,7; Зимняя Ставка 1 6/10,11) (илл. 56). Восточную границу определить наиболее затруднительно, ввиду фактической неизученности восточной и юго-восточной частей территории Калмыкии. Наличие лолинских материалов в могильнике Черноземельский 1 поблизости от Каспийского побережья (илл. 56) позволяют поставить вопрос о возможности распространении культуры вплоть до Каспия. В целом, слабая изученность южных, западных и северо-западных районов Ставропольского края, юго-восточных районов Ростовской области, Яшалтинского района и восточных, юго-восточных районов Калмыкии не позволяет пока точно очертить на данных территориях ареал Лолы.

Отдельные погребения лолинской культуры зафиксированы в нижнем течении р. Сал (Кировский IV 7/2, Новый 130/7), р. Западный Маныч (Колдыри 24/3) и даже на правом берегу Нижнего Дона (Аксайский поворот III 2,3/5) в ареале ДДБК, на юге Волгоградского Поволжья (Пичуга I 1/8, Бахтияровка 32/4) на территории ВДБК, на Кубани (Малаи I 4/4), на юго-восточной периферии Ставропольского края (Галюгаевская-85 3/11, 4/5, 6/2,3,3а), на северо-западной границе Чечни (Мекенская 4/4,7,8, 5/5), на севере и востоке Северной Осетии (Черноярская 3/10, Беслан-2012 А/703, 705) (илл. 56) в зоне распространения невинномысской культуры. Интересно, что все они относятся к раннелолинскому времени. Данные комплексы не являются основанием для расширения границ Лолы, а отражают инфильтрацию носителей раннелолинской культуры в инокультурное окружение. Именно на раннем этапе наиболее активные группы раннелолинского населения уходят достаточно далеко от своего ареала, пытаясь закрепиться на новых территориях (см. главу 7). В результате на карте (илл. 56) очень хорошо фиксируется основное ядро культуры и в известной мере оторванные от него пункты, иллюстрирующие далекие проникновения в северную, восточную и южную стороны. Впрочем, эта миграционная активность ограничивается только архаичным этапом Лолы, последующие две фазы развития проходят на основной территории культуры. В чем-то сходная ситуация была зафиксирована по материалам ВДБК и ДДБК (см. главы 2 и 7).

§ 2. Погребальный обряд

На сегодняшний день культура представлена исключительно курганными захоронениями. Стационарные поселения эпохи бронзы в Северо-западном Прикаспии фактически неизвестны (Эрдниев, 1981, с. 19; Шилов, 1982, с. 53; 1985а, с. 27; Шишлина, 2000, с. 60; Otchir-Goriaeva, 2002, p. 133; Кияшко, 2002а, с. 53). Это связано, видимо, с природно-климатическим фактором, прямо влиявшим на культурно-хозяйственный тип. Погребальные комплексы являются пока единственным источником для реконструкции культурных процессов в данном регионе. Поселенческие памятники

бронзового века, в частности, на территории Калмыкии, представлены кратковременным стоянками, из которых происходят немногочисленные сборы керамики. Выраженные стратиграфически культурные слои на них чаще всего отсутствуют, либо едва фиксируются в виде маломощных слабо гумусированных прослоек. Причем, бóльшая часть подобных поселений тяготеет к северным районам региона и относится к финалу бронзовой эпохи (Качалова, 1989, с. 43, рис. 2; 1996, с. 54; Цуцкин, 2007, с. 234; Гольева, Кольцов, Чичагова, 2006, с. 251, 252; Шишлина, Гак, Борисов, 2008, с. 33, 34). Керамика ранней – средней бронзы, как правило, представлена немногочисленными фрагментами [Малов, 1989] (Эрдниев, 1981, с. 19; Кольцов, 1982, с. 105, 107; Шишлина, 2000, с. 60; Шишлина, Булатов, 2000, с. 50; Очир-Горяева, 2008, с. 140, 141; 2015, с. 20–23; Очир-Горяева, Кекеев, 2013; Борисов, Шишлина, Клещенко, Идрисов, 2014, с. 88; Шишлина, Борисов, Клещенко, Идрисов, Чернышева, Й. ван дер Плихт, 2015, с. 253). В центральной и южной Калмыкии, а тем более на Ставрополье, поселений эпохи бронзы с выраженным культурным слоем, подобных тем, которые хорошо известны, например, в Нижнем Поволжье, нет. Ожидать их появления особо не приходится. И дело здесь не в методике поиска (Очир-Горяева, 2008, с. 30, 31), а в характере самих поселенческих источников, фрагментарность, малочисленность и невыразительность которых были обусловлены подвижностью групп, населявших предкавказскую степь в бронзовом веке.

Известны как одиночные лолинские *курганы* в составе более ранних могильников, так и отдельные скопления насыпей, возведенные носителями посткатакомбных традиций, в пределах курганных полей эпохи бронзы (Лола I к. 1–3, 7–12, 14/2, 16/1, Лола II к. 4, 8, 11, 13, Манджикины 1 к. 9, 10, ВМЛБ I 1965 к. 17, 26, 28, 30, 32–35, 37–38, Жуковский I к. 5, 8, Бияш к. 1, 2). Исследованные на сегодняшний день лолинские некрополи насчитывают от 2 до 10 насыпей. Могильники, обособленные от курганных ансамблей предшествующих культур бронзовой эпохи в Лоле, в отличие от родственной невинномысской культуры, фактически неизвестны.

Лолинские насыпи небольшие. Их средняя высота 0,3–0,6 м, диаметр 15–25 м. Из *дополнительных конструкций* характерны подкурганные ровики прямоугольной (илл. 57, *3, 5*) или близкой к ней (илл. 57, *2*) формы. В двух случаях они сориентированы по лини С-Ю, и разрывы-входы на площадку находились с южной стороны (илл. 57, *2, 5*). Следует отметить, что оба этих памятника (Кировский IV и Новый) с очень схожими ровиками и ориентировкой умерших на север располагались за пределами основного ареала лолинской культуры в нижнем течении р. Сал на расстоянии 30 км друг от друга (илл. 56). Ровик в к. 37 мог. Айгурский 2 имел три перемычки, две из них располагались друг напротив друга по линии В-З, еще одна находилась в северной части (илл. 57, *3*). Второй тип лолинских подкурганных конструкций представлен кромлехами прямоугольной (илл. 57, *3, 4*) и округлой (илл. 57, *1*) формы. В к. 2 мог. Ипатово 3 каменная конструкция в северо-восточной, восточной и северо-западной части имела две стенки с возможным проходом между ними (илл. 57, *4*). К. 2 мог. Лола I был возведен над двумя основными погребениями 2 и 3. Круглый кромлех посередине был разделен каменной кладкой, которая разграничила сектор для каждой могилы (илл. 57, *1*).

Лолинской культуре не свойственна традиция активного использования насыпи для сооружения *внемогильных комплексов* (так называемых «жертвенников») из костей крупного и мелкого рогатого скота, иногда в сопровождении отдельных вещей, которая характерна для катакомбных культур, в том числе ВМКК. Лишь изредка в посткатакомбных насыпях встречаются отдельные находки сосудов (Золотаревка 1 к. 24; Манджикины 1 9/1), каменных орудий труда: пестов, зернотерок (Лола I к. 1, 7, 11) и костей животных (Кировский IV к. 7).

Из всех лолинских погребений 18,6% являлись *основными в курганах*, 2,4% сопровождались *досыпками*, остальные *впускные.* Как видно, достраивание существовавших курганов не входило в число отличительных признаков Лолы. Всплеск курганного строительства наблюдается в раннелолинский период. Насыпи и досыпки были сооружены над 40%

захоронений от всех погребений этапа. Это достаточно большой показатель. Для предшествующей ВМКК он существенно ниже (12,1–12,7%) (Андреева, 2008, с. 8; 2009, с. 102), как и для других позднекатакомбных культур (Братченко, 1976, с. 31, 60, 79; Братченко, Шапошникова, 1985, с. 405, 413; Писларий, 1988, с. 13, 14; Смирнов А., 1996, с. 79, 88, 100; Санжаров, 2001, с. 72, 73, 110; Клещенко, 2007, с. 140; Сухорукова, 2008, с. 14). В то же время рост курганного строительства является одним из диагностичных признаков посткатакомбного периода (Мимоход, 2005, с. 71; Литвиненко, 2010, с. 45). Особенно ярко он проявляется в ДДБК, где курганные конструкции возведены над подавляющим большинством захоронений (Писларий 1983, с. 12, 13; 1988, с. 13,14; Литвиненко, 1990, с. 81; 2006а, с. 165).

Ранее при анализе распределения лолинских погребений по основным *секторам кургана* была составлена общая схема по всей культуре (Мимоход, 2013, илл. 4). Эту схему следует разгрузить за счет погребений, которые были совершены в центральной части кургана (таких половина) для выявления более четкой картины приоритетных зон использования курганного пространства. Особенно выразительная картина получается для основных погребений и сопровождавшихся досыпками (илл. 58, *1*). Если они не находились в центральной части, то для их совершения выбиралась исключительно южная половина кургана. В северной части такие погребения пока не известны. В очень размытом виде эта тенденция прослеживается и для впускных захоронений (илл. 58, *2*). 60% от всех впускных погребений совершены в южной половине кургана. Более активно используются южная и юго-западная полы. Приоритетность именно южной части кургана характерна для культурного круга Лола. Эта тенденция прослеживается для ВУКГ и наиболее четко выражена в невинномысской культуре (см. главы 4 и 5).

Могильные сооружения представлены несколькими типами.

Группа А. Могилы ямной конструкции.

Тип 1 – обычная яма. Этот тип сооружения составляет 62,1% от всех погребений, где зафиксирована могильная конструкция. Чаще всего ямы

имеют прямоугольную, подпрямоугольную с округленными углами, либо овальную форму. Очень редко встречаются могилы правильной квадратной или неправильной форм. Обычно длина ям составляет 1,2–2,2 м, ширина – 0,6–1,4 м, средняя глубина 0,5–1,7 м.

Тип 2 – яма с заплечиками. В лолинских материалах это достаточно редкий вид могильного сооружения. Он зафиксирован в 7 комплексах (Бахтияровка 32/4, Шарахалсун 3 5/5, Манджикины 1 9/1, Цаган-Усн VII 2/11, 4/27, Кунаковский 2 1/1, 2/9). Причем, в трех последних случаях это уникальные, самые глубокие лолинские сооружения (4–5 м) (илл. 67, 1*, 2, 4, 5*), что позволило их выделить в отдельную обрядовую группу (ОГ III) (см. ниже).

Группа Б. Могилы с подбойной конструкцией.

Тип 1 – погребения в нормальных катакомбах (илл. 64, 65, 68, *12–14*, 71, *1–4*). Они имеют достаточно обширные входные ямы, как правило, прямоугольной или подпрямоугольной формы, размерами 1,55–2,5×0,95–1,35 м. Глубина достаточно большая, обычно, не меньше 1–1,5 м, порою очень глубокие шахты достигают 4–5 м (Манджикины 1 10/2, Шарахалсун 5 14/1). Другой специфической чертой катакомб первого типа является почти всегда обязательное наличие ступеньки при сопряжении шахты и камеры. Ее высота составляет от 0,1–0,6 м.

Лолинские катакомбы 1-го типа в подавляющем большинстве имеют н-видную форму, т.е. длинная ось входной ямы параллельна длинной оси камеры. Крайне редко встречаются т-катакомбы (ВМЛБ I 1965 32/4, ВМЛБ I 1966 29/6, Шарахалсун 6 6/1, Яшкуль I 1/2). Они составляют 8% от всех могил подбойной конструкции типа 1. Известно, что т-образная форма катакомб является достаточно архаичной и в регионе наиболее характерна для раннекатакомбного времени (Державин, 1989, с. 52; Шишлина, 1997, с. 109; 2007, с. 150, 158, 160, 164). Позже этот вид конструкции спорадически встречается в комплексах ВМКК, в том числе позднего периода (ВМЛБ II 1966 20/4, ВМЛБ I 1966 16/3, Веселая Роща II 1/5, Веселая Роща III 16/5,

Жуковский I 9/8а, Овата V 1/4, Хар-Зуха II 3/10; Островной 3/27) [Романовская, 1978; 1979; Тихонов, Атаев, Амирханов, Державин, Потапов, Старков, Самоторкин, Чернецов, 1977; Арапов, 1992; Очир-Горяева, 1991], (Синицын, Эрдниев, 1982, рис. 5, 9а; Шишлина, Матюхин, Цуцкин, 2002, рис. 30). В лолинской традиции т-образная форма выглядит как реликт более ранней эпохи. Такие остаточные признаки раннекатакомбного времени, как будет показаны ниже, встречаются в обрядово-инвентарном комплексе только раннелолинской культуры.

Финал эволюции подбойных могил СБВ в регионе представляет *тип 2* – редуцированные катакомбы (илл. 66, 69, *1–5*, 71, *5*). Они представляют собой результат деградации катакомб типа 1. Все подбойные могилы 2-го типа имеют только н-видную форму. Заметно уменьшаются их размеры, длина входных ям редко превышает 1 м. Большинство шахт имеют овальную форму, но сохраняется и подпрямоугольная. По сравнению с катакомбами 1-го типа уменьшается глубина, хотя изредка встречаются входные ямы глубиной до 2 м. Отнесение их к редуцированным катакомбам обосновывается незначительными размерами входной ямы и камеры. Ступенька в конструкциях типа 2 часто уже не фиксируется, а если и прослеживается, то высота ее редко превышает 0,2 м.

Необычная форма катакомбы была зафиксирована в комплексе Буденновск 5 1/7 (илл. 69, *3*). Здесь камера по длинной оси была продолжением входной ямы. Аналогии подобной конструкции мне неизвестны.

В оформлении могильных ям лолинских погребений изредка использовались *каменные и деревянные конструкции*. Они зафиксированы в 6,3% погребений. Количественное соотношение их равное.

Основным видом использования дерева являлось сооружение поперечного перекрытия над захоронением (илл. 68, *9*). Обычно они возводились над могилами ямной конструкции. Только однажды следы деревянного перекрытия обнаружены во входной яме катакомбы (Хар-Зуха I

5/3а). Известны случаи запечатывания плашками лаза в погребальную камеру катакомбы (илл. 68, *13*). Значительно реже в лолинских комплексах фиксируются деревянные рамы, установленные на дно погребальной ямы (илл. 67, *1*, 68, *11*). В ряде могил сохранились только фрагменты дерева, по которым достоверно установить характер конструкции невозможно.

Каменные сооружения – это, главным образом, заклады над погребениями. Данный вид конструкции функционально близок деревянным перекрытиям. Он составляет также большинство среди могил, в оформлении которых использовался камень. Заклады сооружались из камней известняка или песчаника средних размеров, уложенных над могилой в один два ряда. В комплексах ВМПБ 1967 11/12 и Горный 1/10 в могилы были установлены ящики, составленные из поставленных на ребро камней, перекрытых плитами. В комплексах Цаган-Эльсин 5/1,2 обнаружены квадратные могильные сооружения, выполненные в технике двух-трехрядной горизонтальной кладки (Шилов, 1985б, с. 24, 25). В катакомбе п. 13 к. 22 мог. Айгурский 2 зафиксирован каменный заклад входа в погребальную камеру.

Лолинские захоронения в основном одиночные, но встречаются и *коллективные.* Они составляют 6,2% от всех погребений культуры[47]. На долю парных погребений приходится 5,5% комплексов. В большинстве случаев они представлены захоронениями взрослого и ребенка или подростка (12 случаев). В парных захоронениях, главным образом, представлены скорченные ингумации (илл. 67, *5*). Исключение составляют два погребения. В одном мужской костяк лежал скорченно, а женский был в вытянутом положении на животе (ВМЛБ I 1966 43/17), в другом один скелет находился в скорченной позиции, другой – пакетирован (Шарахалсун 3 8/2) (илл. 65, *5*). Два лолинских комплекса являются тройными захоронениями (ВМПБ 1965 17/5, Лола II 4/1) (илл. 62, *7*). В первом из них по определению авторов раскопок погребены взрослый, подросток и ребенок, во втором – взрослые индивиды, все в

[47] Для сравнения – в ВМКК известно 60 коллективных погребений, что составляет 9,6% (Андреева, 2005, с. 70, табл. 1).

скорченном положении. Уникальным выглядит комплекс Песчаный V 14/3. В коллективном погребении обнаружены скелеты 7 индивидов (илл. 63, *10*): один взрослый мужчина и шесть детей (прилож. к главе 3, табл. 2). В позвоночном столбе взрослого индивида торчал костяной наконечник стрелы, поэтому это погребение, скорее всего, является своеобразной «братской могилой» (Шишлина, 2013, рис. 1; Мимоход, Загородняя, 2020, рис. 4, 3; Mimokhod, Zagorodnia, 2021, fig. 5. 4).

Особый интерес вызывает обнаружение в погребениях лолинской культуры скелетов *с деформированными черепами и элементами расчленения.*

В Лоле имеется 10 захоронений людей с прижизненной деформацией черепа. Известно, что обряд искусственного изменения формы головы является одной из визитных карточек культур катакомбного круга. Особенно он хорошо представлен в погребениях ВМКК. Примечательно, что подавляющее большинство лолинских погребений (9 из 10) с деформированными черепами относится к раннему периоду. Без сомнения, эти комплексы следует рассматривать как одно из ярких проявлений генетической связи лолинской культуры с предшествующим восточноманычским субстратом.

Эту же связь иллюстрирует и зафиксированный в отдельных лолинских комплексах обряд расчленения или вторичного захоронения. Он встречается крайне редко, известно всего 4 достоверных комплексов. В к. 1 п. 15 мог. Цаган-Усн III у скелета отсутствовали ноги и руки. Это погребение традиционно рассматривается как неординарное с обрядом отчленения конечностей (Мельник, 1991, с. 15; Саликов, 2007, с. 402). В комплексе Цаган-Усн VII 4/27 отчленены и не помещены в могилу нижние конечности (илл. 67, *4*). Кроме того, здесь зафиксировано отчленение головы (Мельник, 1991, с. 15). Наконец, в парном п. 2 к. 8 мог. Шарахалсун 3 один из костяков находился в пакетированном состоянии (илл. 65, *5*). Перечисленные комплексы уверенно можно отнести к раннелолинскому времени. Цаган-Усн III 1/15 и Шарахалсун 3 8/2 – это захоронения в катакомбах типа 1, а

Цаган-Усн VII 4/27 – погребение в глубокой яме с заплечиками. К тому же все они сопровождались архаичными наборами и категориями инвентаря. Сохранение именно на раннем этапе Лолы погребений с деформированными черепами и обрядом расчленения и/или вторичного захоронения свидетельствует о пережиточном характере этих черт в посткатакомбной обрядности. В дальнейшем они полностью изживаются.

Следует отметить, что среди посткатакомбных культурных образований именно в Лоле охарактеризованные выше пережиточные катакомбные черты выражены отчетливее всего. Известны их единичные проявления и в других культурах. Так, изредка обряды расчленения или вторичного захоронения («пакеты») встречаются в погребениях культурного круга Бабино (см. главу 2) и невинномысской культуре (илл. 115, *30*), а захоронение с деформированным черепом известно в древностях ВУКГ (см. главу 5).

Основное положение скелетов в лолинской обрядности – *скорченно на левом боку.* Правобочные костяки составляют 7% от всех погребений.

В некоторых случаях захоронения на правом боку обнаружены в коллективных могилах, причем, в основном, это дети (ВМПБ 1965 17/5, ВМЛБ I 1965 33/1, ВМПБ 1967 11/12). Их положение продиктовано обращенностью в сторону взрослого скелета, который находится в традиционной позе на левом боку (илл. 62, *3*). В остальных случаях правобочное положение зафиксировано в одиночных захоронениях, и его можно рассматривать как отклонение от нормы.

Преобладает средняя (47,8%) и сильная (37,3%) *скорченность* костяка. В последнем случае нередко это очень сильноскорченная поза, колени буквально прижаты к груди. Значительно реже встречается слабоскорченная позиция (4%). Обращает на себя внимание существенное увеличение в посткатакомбное время количества сильноскорченных костяков, что не характерно для предшествующей ВМКК.

Ориентировка погребенных разнообразна. График выявляет определенные тенденции (илл. 59). Доминантной была ориентировка в

северный и северо-восточный сектор. Реже, но стабильно встречаются восточный, юго-восточный и южный векторы. Количество ориентировок в западную половину круга заметно ниже, а западная ориентировка в материалах лолинской культуры зафиксирована только два раза (ВМЛБ I 1965 26/2), причем, в одном случае она с отклонением на северо-запад (Темрта I 2/7). Этот комплекс, в котором была обнаружена раннелолинская пряжка (илл. 79, *1*), находится в зоне непосредственных контактов лолинской и днепро-донской бабинской культур (илл. 56). Нехарактерная для Лолы западная-северо-западная ориентировка костяка здесь, скорее всего, является отражением влияния погребальной традиции ДДБК, где этот вектор является доминирующим для памятников первого и второго этапов.

Анализ ориентировок скелетов демонстрирует закономерности, специфичные для посткатакомбных памятников Восточного Предкавказья. Прежде всего, это проявляется в резком всплеске ориентировок в северную половину круга. В предшествующее время на этой территории в памятниках ВМКК полностью преобладают южные векторы ориентации. Северные направления здесь серийно появляются только в поздних восточноманычских памятниках, где они, наряду с другими обрядовыми и инвентарными признаками, выступают в качестве маркеров второго (позднего) этапа развития ВМКК. Правда, количество комплексов с такой ориентацией скелетов значительно меньше по сравнению с лолинской культурой. Так, восточноманычские погребения с ориентировкой погребенных в северную половину круга составляют всего 5,9% от всех захоронений ВМКК, в то время как в лолинской культуре соответствующий показатель достигает 60%.

Сохранение на раннем этапе Лолы южных ориентировок можно уверенно связать с предшествующим восточноманычским катакомбным субстратом. Именно на раннем этапе южные векторы в количественном отношении являются наиболее представительными и составляют треть от всех комплексов раннелолинского периода.

В *положении костей рук* скелета можно выделить 6 вариантов (илл. 60, *1*).

1 – обе руки согнуты в локтевых суставах под острым углом, кисти находятся перед грудью или лицом. Это так называемая адоративная позиция рук.

2 – левая рука согнута в локтевом суставе под острым углом, кисть находится перед лицом, правая рука согнута под прямым углом так, что кисть находится у локтя левой руки.

3 – обе руки согнуты в локтях под прямым углом, предплечья находятся в районе живота и параллельны друг другу.

4 – обе руки вытянуты вдоль туловища к коленям.

5 – левая рука вытянута вдоль тела к коленям, правая согнута под прямым углом, ее кисть находится в районе локтя левой руки.

6 – одна рука согнута под острым углом, ее кисть находится перед лицом, вторая вытянута вдоль тела.

Как уже отмечено, вариант 1 является позой адорации. Она наиболее характерна для лолинской погребальной обрядности и представляет один из основных элементов наглядного образа культуры. Количество захоронений с такой позицией составляет 66,4% от всех погребений с установленным положением рук. Близки к адоративной позе варианты 2 и 3 (илл. 59), для которых характерна согнутость обеих рук под прямым или острым углом[48]. К «нарушенной адорации» можно отнести и вариант 6. Таким образом, погребения, в которых прослежены адоративные варианты 1, 2, 3, 6 в положении рук, составляют 77% от всех погребений (илл. 60, *2*). Этот яркий признак и частота его встречаемости в лолинской культуре, в частности, и в культурном круге Лола, в общем, выглядит очень специфичной на фоне соответствующих показателей остальных среднебронзовых культур, в том числе финала СБВ. Погребения, совершенные в позе адорации, являются

[48] Иногда эти позиции называют «нарушенной адорацией» (Шилов, 2009, с. 174; Лопатин, 2010, с. 59).

одним из главных определяющих признаков культурного круга Лола (см. главу 7).

Это особенно становится заметным с учетом частоты встречаемости в лолинских материалах классических катакомбных позиций рук (варианты 4 и 5) (илл. 59). В количественном отношении они существенно уступают адоративным позициям и составляют всего 9%. Этот показатель в Лоле разительно отличается от данных поздних памятников ВМКК. Здесь катакомбные позиции рук представлены в 80% погребений. В свою очередь, адоративные комплексы составляют лишь 4,3%. Как видим, количественное распределение классических катакомбных и адоративных позиций в материалах двух последовательных хронологических горизонтов поздней ВМКК и лолинской культуры оказывается прямо противоположным.

В погребальном обряде лолинской культуры использовались *охра, разнообразные подсыпки и подстилки.* Как уже отмечалось, применение охры в посткатакомбное время существенно сокращается по сравнению с предыдущим периодом. Ее присутствие зафиксировано в 13,6% лолинских захоронений. Для ВМКК соответствующий составляет более 20% (Державин, 1991, с. 82; Андреева, 2008, с. 15).

В лолинских погребениях, в основном, встречаются локальные подсыпки охрой. Больше всего их обнаружено в области черепа (8 случаев), реже следы красной краски отмечены в районе таза (3 случая). Также известны случаи окраски других частей тела: предплечий, голеней, рук, ребер и стоп, что характерно и для других посткатакомбных культур. Иногда охра встречается в виде отдельных мелких вкраплений (Лола II 8/4, Островной 6/9) или кусков (Чограй, од. курган/9, Чограй II 15/3, Степная IV 3/2).

Особого внимания заслуживает еще один вариант использования охры, который выглядит достаточно архаичным. Это посыпка ею всего костяка, иногда и дна могилы. Данный элемент является рудиментарным в лолинской погребальной обрядности и входит в набор достаточно ранних признаков. В рамках лолинской культуры окраска всего костяка охрой является

хронологически диагностичным маркером. Всего известно 15 таких комплексов[49]. 10 из них относятся к раннелолинскому времени. Это подтверждается стратиграфической позицией данных захоронений, могильными конструкциями в виде нормальных катакомб (тип 1), ям с заплечиками (Ики-Зегиста 5/1, Цаган-Усн VII 2/9, Бахтияровка 32/4, Типки 3 1/3) и архаичными категориями и наборами инвентаря (Кривая Лука II 1/13, Цаган-Усн VII 2/9, Бияш 1/13, 2/5, Чоградский V 4/3, Айгурский 2 22/16). Столь четкая корреляция охристой посыпки всего костяка с определяющими признаками первого этапа развития культуры, позволяет относить к раннелолинскому времени и погребения с окрашенными костяками без вещей или со сквозными в хронологическом отношении категориями инвентаря (Веселая Роща II 1/1, Жуковский I 1/3, Чоградский V 6/5, Мекенская 5/5, Китаевка 2/1).

Другим специфическим признаком посткатакомбных погребений Северо-западного Прикаспия являются локальные желтые пигменты и куски минерала желтого цвета, которые определяются как *сера* или *ярозит*. Сводка таких захоронений для территории Ставрополья и анализ этого элемента обряда приведены в работе А.А. Калмыкова (2007, с. 129). В моей монографии к этому перечню были добавлены комплексы Цаган-Нур 1/1, Чоград I 2/3, Цаган-Усн VII 4/27, Кривая Лука XXI 2/6 (Мимоход, 2013, с. 34). Сейчас его можно еще расширить за счет комплексов Вавилон 3 8/8, Галюгаевская-85 6/3а, Кунаковский 2 1/1. Таким образом, на данный момент известно всего 10 захоронений, где обнаружены пигменты или куски минерала желтого цвета, что составляет 3% от всех лолинских погребений. Как видно, это достаточно редкий элемент погребального обряда лолинской культуры. Несмотря на это, он является специфической чертой именно лолинской культуры. Этот элемент не получил сколь-нибудь заметного распространения в других посткатакомбных культурных образованиях, хотя встречаются единичные

[49] Для сравнения в ДДБК известен только один такой случай (Берестнев, 2001, с. 63).

случаи его фиксации в ВДБК (см. главу 2) и Невинномысске (см. главу 4). Неизвестен он в предшествующих катакомбных культурах (Калмыков, 2007, с. 129). Позднее серийно сера встречается только в материалах финала бронзы и предскифского времени, причем, в материалах черногоровской культуры (Калмыков, Потапов, 2004, с. 7; Гершкович, Разумов, 2009, с. 135; Потапов, 2010, с. 17). Сходство целого ряда основных обрядовых признаков черногоровских и посткатакомбных памятников отмечалось неоднократно (Гошко, Отрощенко, 1986, с. 175; Литвиненко, 1999б, с. 156–159; Отрощенко, 2001, с. 111; 2004, с. 361; Пыслару, 2009, с. 151, 152).

По сравнению с предшествующим периодом в лолинской культуре сокращается использование в обряде *подстилок*. Последние, в основном, органического происхождения и представлены циновками из камыша, тленом коричневого, темно-серого и белесого цвета. Иногда подстилки могли быть многослойными (Гольева, Калмыков, 2009, с. 166). Обычно они располагаются на дне могилы. В Лоле данный элемент погребального обряда зафиксирован в 17% захоронений.

Изредка в лолинских могилах обнаруживаются *следы горения*, фиксируемые во время раскопок в виде вкраплений угля или отдельных угольков. Этот признак был зафиксирован только в 8 погребениях, что составляет 2,4% комплексов от всего массива захоронений.

Важное значение для лолинской погребальной обрядности имеет такой признак как *«кости животных»*. Он сыграл немаловажную роль при выделении лолинской культуры. Вопросы использования костей животных в лолинском обряде уже были предметно рассмотрены (Мимоход, 2007а; 2013, с. 39–46), поэтому остановимся на общей типологии и основных выводах.

На сегодняшний день известно 84 лолинских комплексов с КЖ, что составляет 1/4 от всех захоронений культуры. Фактически все кости принадлежат особям МРС (овца/баран). Только один раз в погребении обнаружен череп КРС (ВМПБ 65 17/1). Однако есть достоверные определения специалистов-археозоологов, которые свидетельствуют о присутствии в

лолинских комплексах костей других животных. Так, в п. 2 к. 7 мог. Кировский IV обнаружена лопатка свиньи (Ильюков, 2001, с. 242), в п. 16 к. 22 мог. Айгурский 2 – кости ног осла и кость ноги лошади [Бабенко, 2001], в п. 5 к. 3 мог. Кевюды 1 – лопатка сайгака (Калмыков, Матюхин, 2007, с. 78).

Условно комплексы с КЖ МРС были разбиты на типы в зависимости от анатомического состава костей (табл. 3.2).

Тип 1 – лопатка (илл. 62, *5, 6, 9, 10, 12, 15*, *16*, 63, *2, 3, 9*, 64, *2*, 65, *1*, *4*, 66, *4–8*, 67, *2, 4*, 68, *1, 2*, 70, *2, 3, 16*, 71, *10*), тип 2 – лопатка и кость ноги в сочленении (илл. 67, *5*, 71, *7*), тип 3 – кость конечности (илл. 66, *12*, 67, *6*, 69, *1*), тип 4 – кости двух конечностей (илл. 67, *3*), тип 5 – нижние челюсти, тип 6 – череп МРС, тип 7 – «жертвенники», которые представляют собой компактно расположенные комплекты костей, состоящие из лопаток, конечностей и частей черепов (илл. 63, *7*, 69, *6*), тип 8 – часть позвоночника. Количественное распределение типов комплексов см. в табл. 3 прилож. к главе 3.

Очевидно, что самый распространенный в Лоле – тип 1 (табл. 3.2). Он является одним из главных элементов наглядного образа культуры. Затем следуют типы 2–4, которые в том или ином виде связаны с помещением в могилу костей конечностей. Остальные типы встречаются гораздо реже (табл. 3.2). Проведенный раннее анализ анатомического состава и расположения КЖ в лолинских могилах в сравнение с соответствующими показателями поздней ВМКК (Мимоход, 2007а, с. 122, 123, рис. 4; Мимоход, 2013, с. 41, 42, илл. 23) показали, что для катакомбных памятников более характерным является использование в обряде черепов и костей конечностей («жертвенники»). Причем, в половине случаев – это кости КРС, в то время как для лолинской традиции использование в погребальной практике костей крупных копытных зафиксировано только один раз (ВМПБ 1965 17/1), а комплексы с КЖ формируются, главным образом, из строго определенных частей туши, связанных с конечностями МРС (лопатка, кости ног). Для катакомбной традиции характерна отдаленность КЖ от скелета, вплоть до выноса их в шахту катакомбы и даже за пределы могилы. Лолинская

обрядность демонстрирует прямо противоположные черты. Комплексы с КЖ здесь приурочены к телу умершего, а самой часто используемой зоной является район кисти или предплечья руки. Таким образом, прочная корреляция между типами комплексов с КЖ и культурным контекстом Лолы, является одной из специфических черт постакатакомбного периода, отличающей его от предшествующей катакомбной и последующей позднебронзовой эпох.

Анализ материала позволяет разделить лолинские захоронения на 10 *обрядовых групп* (ОГ) (илл. 61). Общим для 9 групп является скорченное, в подавляющем большинстве, левобочное положение скелета. Основанием для разделения являются признаки: «могильная конструкция», «ориентировка костяка» и «положение рук».

ОГ I представлена погребениями в ямах, костяки ориентированы на С, СВ, СЗ (илл. 62, 63). Для рук характерна поза адорации и близкие к ней позиции (варианты 2 и 3). В количественном отношении это наиболее многочисленная группа. Погребения ОГ I составляют 1/3 от всех комплексов культуры. Число ее захоронений увеличивается от раннего к позднему этапам. Это представляется вполне закономерным, т.к. захоронения в позе адорации с северными векторами ориентации, совершенные в ямах, выступают одним из основных структурных элементов наглядного образа погребального обряда Лолы. Наибольший удельный вес комплексы данной ОГ имеют в материалах завершающего этапа развития культуры, когда наблюдается деградация целого ряда основных культурообразующих признаков. Это позволяет рассматривать поздние погребения именно в рамках завершающего этапа эволюции лолинских древностей, т.к. сохраняется и даже возрастает число комплексов ОГ I.

ОГ II составляют захоронения с катакомбной конструкцией могилы, костяки ориентированы на С, СВ, СЗ. Для рук характерны поза адорации или близкие к ней позиции (илл. 64–66). Данную группу можно разделить на два варианта по особенностям могильной конструкции. Для *ОГ IIA* характерны

катакомбы, иногда достаточно глубокие (до 2–3 м), с обширными камерами и перепадом между дном входной ямы и дном камеры до 0,5–0,8 м (подбойные могилы типа 1) (илл. 64, 65). *ОГ IIБ* – это неглубокие редуцированные катакомбы 2-го типа (илл. 66). Перепад между дном входной ямы и дном камеры небольшой (0,1–0,3 м), а часто он отсутствует вовсе. Камера тесная. Нередко частично скелет находится в камере, а частично фактически во входной яме. Объединение данных захоронений в рамках одной ОГ и разделение ее на варианты не случайно. Как будет показано ниже, погребения различных вариантов имеют разную хронологическую позицию, но генетически связаны и отражают развитие обрядовой группы во времени.

ОГ III изредка встречается в материалах лолинской культуры. К ней относятся 6 комплексов. Захоронения совершены в ямах с заплечиками, скелеты находятся в скорченном положении на левом и правом боку, черепом ориентированы в северный сектор (илл. 67). Все комплексы основные в курганах. Характерным признаком конструкции является то, что заплечики размещаются в нижней части могилы на глубине 0,5–1 м от дна могилы. Скорее всего, они могли использоваться для устройства поперечного перекрытия. Об этом свидетельствуют остатки деревянных плашек, зафиксированных на заплечиках могильной ямы комплекса Бахтияровка 32/4 (илл. 67, *3*). Остатки светлого органического тлена зафиксированы на заплечиках комплексов Кунаковский 2 1/1 и 2/9 (илл. 67, *5, 6*). Особенно выразительны погребения в очень глубоких ямах свыше 4–5 м (Манджикины 1 9/1, Цаган-Усн VII 2/11, 4/27) (илл. 67, *1, 2, 4*). На сегодняшний день это самые глубокие могильные сооружения не только лолинской культуры, но и всего блока посткатакомбных культурных образований. Все комплексы в ямах с заплечиками относятся к раннелолинскому времени.

Генетически могильная конструкция ОГ III, скорее всего, восходит к ямам с заплечиками ВМКК. Причем, последние, как правило, имели также большую глубину и содержали неординарный инвентарь (Андреева, 2008,

с. 9). Объединяет лолинские и восточноманычские конструкции и то, что заплечики расположены в нижней части ямы. Особенно близка восточноманычским могила Цаган-Усн VII 4/27 (илл. 67, *4*), которая имела фигурное оформление углов, благодаря чему она похожа на приталенные ямы ВМКК. Однако следует отметить, что столь значительная глубина могил, прослеженная у погребений ОГ III в Калмыкии, для восточноманычских ям с заплечиками не зафиксирована ни разу. Эта ОГ представлена, только с ориентировками в южный сектор, и в материалах северного деривата лолинской культуры – ВУКГ (илл. 153, *8–10*) (см. главу 5).

ОГ IV представлена погребениями в ямах. Умершие ориентированы на С, СВ и СЗ, руки вытянуты к коленям (илл. 68, *1–7*). Это немногочисленная обрядовая группа составляет 5,2% от всех комплексов культуры. Специфической ее чертой является катакомбная позиция рук. Погребения данной группы относятся к первому и второму периодам развития Лолы. На завершающем этапе комплексы ОГ IV уже не известны.

Обрядовые группы I–IV объединяют северные векторы ориентации скелетов. Комплексы с такими ориентировками целесообразно сгруппировать в рамках более высокого таксономического уровня, который условно назовем *«традиция С»* (илл. 61).

В *ОГ V* объединены погребения, совершенные в ямах, в которых скелеты ориентированы черепом на восток, руки согнуты в локтевых суставах под острым углом, кисти находятся перед лицом (илл. 68, *8–11*). Кроме того, встречаются варианты 2 и 3 в положении рук, близкие адоративной позиции. В количественном отношении эта группа также немногочисленная. Она составляет 6,7% от всех комплексов культуры.

ОГ VI представлена захоронениями в могилах катакомбной конструкции. Костяки ориентированы на В, руки находятся в позе адорации, встречен вариант 3 в их расположении (илл. 68, *12–14*, 69, *1–5*). Данная группа разделена на варианты по тем же соображениям, что и остальные группы с подбойной конструкцией могил. *ОГ VIA* составляют захоронения в

нормальных катакомбах (илл. 68, *12–14*), *ОГ VIБ* – в редуцированных (илл. 69, *1–5*). Количество погребений ОГ VI составляет всего 3,8% от всех комплексов культуры.

ОГ V и VI объединяет восточная ориентировка погребенных. Данные комплексы составляют *«традицию В»* лолинской погребальной обрядности (илл. 61).

ОГ VII состоит из захоронений, совершенных в ямах, костяки ориентированы черепами на ЮВ, Ю, ЮЗ. Руки находятся в позе адорации (илл. 69, *6–10*, 70), изредка встречаются также варианты 3, 4, 5, 7. Погребения ОГ VII составляют 18,1% от захоронений культуры. Анализ ее распространения по этапам показывает, что количество погребений заметно сокращается от раннего периода к развитому. Это отражает процесс изживания черт предшествующей ВМКК, где южная ориентировка скелетов была доминирующей.

ОГ VIII представлена захоронениями в могилах катакомбной конструкции. Костяки ориентированы на ЮВ, Ю, ЮЗ. Руки находятся в позе адорации, встречены варианты 3 и 4 (илл. 71, *1–6*). *ОГ VIIIA* – погребения в нормальных катакомбах (илл. 71, *1-4*), *ОГ VIIIБ* – в редуцированных (илл. 71, *5, 6*). Количество погребений ОГ VIII невелико. Они составляют 5,5% от всех комплексов культуры. Как и все остальные захоронения с подбойной конструкцией могилы, комплексы этой обрядовой группы характерны только для первого (ОГ VIIIA) и второго этапов (ОГ VIIIБ) Лолы (прилож. 2, табл. 3).

В *ОГ IX* объединены погребения, совершенные в ямах. Костяки ориентированы на ЮВ. Руки находятся в катакомбной позиции, т.е. вытянуты к коленям (илл. 71, *7–10*). Это также малочисленная группа. Она составляет 2,8% от всех погребений культуры. В силу крайне ограниченного количества комплексов, а также по причине безынвентарности почти половины всех ее погребений, сказать что-либо определенное о развитии этой ОГ во времени сложно. Можно только уверенно констатировать, что ее захоронения не встречаются на позднем этапе развития культуры, где отсутствуют

катакомбные пережитки, в том числе и катакомбная позиция рук, характерная для ОГ IX.

Обрядовые группы VII–IX по характерным векторам ориентировки скелетов сгруппированы в рамках *«традиции Ю»* (илл. 61).

Отдельно в *ОГ X* можно объединить единичные погребения-кенотафы (ВМЛБ II 1965 20/3; Архаринский 20/2, 33/3; Черноземельский 1 4/31). Отнесение этих комплексов именно к лолинской культуре основывается на размерах ямных конструкций и наличии лопаток мелкого рогатого скота в сочетании с каменными орудиями-пестами (Архаринский 20/2, 33/3), либо на присутствии в их инвентаре характерных для Лолы сосудов-ковшей (ВМЛБ II 1965 20/3, Черноземельский 1 4/31).

Подводя итог характеристике погребального обряда лолинской культуры, следует сказать, что он представляет собой вполне самостоятельное культурное явление. Как и любая система признаков, лолинский обрядовый комплекс обладает специфическими чертами, позволяющими его отличить от других систем, которые функционировали в поле с близкими координатами хронологического и территориального характера. Особенно важным представляются существенные отличия, которые демонстрируют на уровне анализа системных признаков лолинские материалы в сравнении с восточноманычскими памятниками. Определение лолинской культуры как посткатакомбной, подразумевает хронологическую позицию Лолы после катакомбной восточноманычской культуры и родственную связь между ними. Известно, что в линиях генетической преемственности нередко бывает сложно определить конечную точку предшествующего культурного явления и начальную последующего. В линии ВМКК-Лола она ясно определяется самобытным раннелолинским обрядовым комплексом. Эту точку удается зафиксировать, благодаря внешнему импульсу, который стимулировал сложение лолинских древностей (см. главу 7). Он является тем индикатором, который четко размежевал в культурном отношении катакомбный и посткатакомбный горизонты Северо-западного Прикаспия и сделал, в

известном смысле, дискретной генетическую линию развития восточноманычского и лолинского культурных комплексов, и это было частным проявлением общей картины резкой смены культурных традиций в Восточной Европе в финале СБВ (см. главу 7).

§ 3. Характеристика погребального инвентаря

Погребальный инвентарь лолинской культуры представлен керамической посудой, металлическими, каменными, костяными орудиями, предметами вооружения и металлическими, фаянсовыми, керамическими, костяными, роговыми, раковинными, каменными украшениями.

Ассортимент вещей достаточно разнообразен. Однако встречается инвентарь в могилах нечасто. Выраженная безынвентарность погребений – характерная черта для всех посткатакомбных образований (Березанская, 1979, с. 5; Берестнев, 2001, с. 72; Мимоход, 2005, с. 71, 72; 2013, с. 319). Хорошо она прослеживается и в материалах лолинской культуры. Погребения без сопровождающих вещей составляют 36,5% от всех захоронений культуры. Причем, развивается культура по пути нарастания удельного веса безынвентарных комплексов. Для сравнения – погребения без заупокойного приданого в поздней ВМКК составляют всего 7,8%.

Чаще всего в погребениях встречается ***керамическая посуда***. Захоронения с керамикой составляют 27% от всех погребений культуры. Как правило, в могилу помещался один сосуд, реже два (Айгурский 2 37/1, ВМЛБ II 1965 15/1, Лола II 8/1, Элистинский 35/3, Улан-Толга 3/2) и три (ВМПБ 1965 22/3, ВМПБ 1967 1/2, КВЧ-37 14/4). Бóльшая часть захоронений с посудой относится к раннелолинскому этапу. Комплексы этого периода составляют 44% от всех погребений с керамикой.

Анализ посуды, происходящей из погребений лолинской культуры, позволяет разработать ее классификацию. Учитывая относительную малочисленность лолинской керамики, следует ограничиться выделением групп сосудов, близких по морфологии, размерам и, видимо, функциональному назначению. Сразу следует отметить, что в материалах

Лолы отсутствуют формы, являющиеся визитными карточками предшествующей ВМКК: курильницы и классические реповидные сосуды. Неизвестны в посткатакомбных материалах Предкавказья также амфорки, воронки и некоторые другие характерные для ВМКК типы посуды.

Группа 1 представлена одним сосудом пережиточной реповидной формы (Айгурский 2 37/1) (илл. 72, *1*). Он имеет раздутое тулово с диаметром, превышающим высоту, высоко поднятые плечики, стянутое горло и широкое дно – признаки, характерные для катакомбной реповидной посуды. Наш экземпляр отличает от классической реповидной посуды выраженная ребристость и асимметричность профиля, отсутствие воротничка на веничке и небольшие размеры (высота 9,5 см). Совершенно не свойственна катакомбной традиции небрежная прочерченная орнаментация айгурского горшка в виде зигзагов и треугольников, а также точечных вдавлений. Аналогии ей в материалах катакомбных культур Предкавказья найти нельзя. Подобная нерегулярная композиция, выполненная небрежным прочерчиванием и вдавлениями, покрывающей большую часть поверхности сосуда, обнаруживается в материалах культурного круга Бабино. Причем, там схожим узором покрывались также небольшие и миниатюрные сосуды, но традиционных бабинских форм (Киселев, 1997; Шарафутдинова, 1995а, рис. 2, *2*, 5, *3*; Давыденко, Кузин-Лосев, 2001, рис. 1, *3*). Наиболее близкая айгурскому горшку по композиции и стилистике орнаментация присутствует на сосуде из комплекса ВДБК Заханата 5/15 (илл. 25, *10*), исследованного на севере Калмыкии (Шнайдштейн, 1985, рис.11, *5*).

Группа 2 состоит из 4-х горшковидных сосудов с раздутым туловом, коротким горлом, переходящим в крутые плечики, и зауженным днищем (илл. 72, *2–5*). Посуда, составляющая эту группу, имеет свои особенности. Так, горшок из комплекса Лола I 14/2 отличается от остальных более приземистыми пропорциями, полученными за счет достаточно широкого горла и низко опущенных плечиков (илл. 72, *4*). Наиболее вытянутые пропорции в группе имеет сосуд из комплекса Чограйский V 2/6 (илл. 72, *5*).

У него присутствует сравнительно высокое цилиндрическое горло и наименьшая из группы степень раздутости тулова. Промежуточное положение между этими двумя экземплярами занимают горшки из комплексов Чограйский V 4/3 и Эвдык I 4/10 (илл. 72, *2, 3*). Следует отметить, что горшки этой группы встречаются только в раннелолинских комплексах.

Группа 3 объединяет двуручные сосуды, которые изредка встречаются в ранних погребениях. В нее входят экземпляры из комплексов Манджикины 2 11/5 (илл. 72, *6*) и Элиста 6/4. Типообразующими здесь является наличие двух петлевидных ручек на тулове сосуда, что отличает их от следующей группы лолинской керамики – кувшинов. Двуручные сосуды, безусловно, восходят к восточноманычскому керамическому комплексу. Подобная посуда объединена М.В. Андреевой в группу «двуручных «амфор»» (Андреева, 2008, с. 10), которая соответствует отделу V группы А, Б, В по классификации С.Н. Братченко (1976, рис. 9).

Группа 4 достаточно представительна в количественном отношении. В нее входят не менее 10 экземпляров. Это плавно профилированные сосуды, на горле и плече которых имеется одна петлевидная ручка (илл. 72, *7–14*). Такая посуда обычно именуется кувшинами (Братченко, 1976, с. 28; Арапов, 1992, с. 10; Андреева, 2008, с. 10). Она соответствует группе «кувшинов и кружек» по классификации М.В. Андреевой или отделу VI, группы А, Б по С.Н. Братченко (Андреева, 2008, с. 10; Братченко, 1976, рис. 9). Как правило, кувшины имеют небольшие размеры. Высота лолинских изделий составляет 16–12 см. Встречаются и миниатюрные кувшинчики высотой до 9 см (илл. 72, *10*). Обращает на себя внимание, что они нередко сделаны из хорошо отмученного теста и имеют довольно качественный обжиг, черепок, как правило, тонкий и звонкий. Поверхность тщательно заглажена, иногда, подлощена. С точки зрения функционального назначения эту группу посуды, скорее всего, следует рассматривать как столовую. Примыкает к этой группе и сосуд из комплекса Чограйский 1 5/11 (илл. 72, *15*) с той лишь разницей, что функцию петельчатой ручки здесь выполняет упор на горле.

Тяготеет к группе 4 сосудик из комплекса Южный VII 1/10 (илл. 72, *16*). А.В. Кияшко и О.П. Ларенок справедливо сопоставляют его с серией кружек гинчинской культуры (Кияшко, Ларенок О., 2020, с. 58). Действительно на Северо-восточном Кавказе есть очень близкая группы посуды, у которых петельчатая ручка крепится верхней частью к венчику, а тулово имеет баночную форму (Магомедов Р., 1998, рис. 66, *1–24*). Это отличает нашу кружку и гинчинскую серию от кувшинов. Однако в сосуде из Южного (илл. 72, *16*) гинчинская традиция явно переработана носителями лолинской культуры. Дело в том, что в Гинчи эти сосуды значительно крупнее и сопоставимы по размерам с типичными лолинскими кувшинами (илл. 72, *4–14*). Второй отличительный признак – это форма тулова. На Северо-восточном Кавказе оно обычно имеет форму открытой банки, в то время как у лолинского экземпляра тулово имеет закрытую баночную форму со стянутым устьем. Такие закрытые банки являются характерным маркером посткатакомбного керамического комплекса, в том числе лолинского (илл. 73, *1–11*). Например, баночный сосудик из комплекса Чографский 1 (илл. 73, *10*): если бы к нему прилепили петельчатую ручку, он стал бы довольно точной копией кружке из Южного (илл. 72, *16*).

Выше охарактеризованные группы лолинской посуды нельзя рассматривать как специфические посткатакомбные. Наоборот, культурная их окраска без сомнения является восточноманычской катакомбной. Однако обнаружение этих типов керамики в погребениях, совершенных по лолинской обрядности и иногда вместе с другим посткатакомбным диагностичным инвентарем, позволяет рассматривать посуду групп 1–4 в качестве индикаторов генетической преемственности между ВМКК и Лолой. Неудивительно, что почти все сосуды пережиточных восточноманычских форм обнаружены в погребениях, которые имеют в обрядовом и инвентарном комплексе характерные признаки раннелолинского времени. Кроме того, посуда групп 1–4 ни разу не встречена в позднелолинских захоронениях. Все это дает основание рассматривать даже те погребения, в которых при

хронологически индифферентном лолинском обряде имеется керамика охарактеризованных выше типов, преимущественно как раннелолинские. И нельзя забывать, что в большинстве случаев, когда мы встречаем восточноманычскую посуду в комплексах ранней Лолы, она имеет признаки деградации катакомбной традиции, которая проявляется в некоторых особенностях морфологии и стилистике орнаментации.

На уровне керамического комплекса посткатакомбный характер лолинской культуры выражает серийное появление в ее материалах новых типов посуды, которые фактически не были известны или не имели сколь-нибудь широкого распространения в предшествующее время. К ним относятся сосуды групп 5–9.

Группа 5 объединяет керамику баночной формы и насчитывает 19 экземпляров (илл. 73). Как видно, для Лолы это довольно многочисленная категория. Банки составляют 19,5% от всех комплексов с посудой. Здесь представлены как довольно крупные изделия высотой 25–15 см (илл. 73, *1, 2, 15*), так и миниатюрные чашечки – 5–7 см (илл. 73, *8–10, 12*).

В морфологическом отношении сосуды этой группы можно разделить на две разновидности. К первой, наиболее многочисленной, относятся банки закрытой формы, которые имеют стянутое устье и, соответственно, диаметр их венчика меньше диаметра максимального расширения тулова (илл. 73, *1–11*). Вторую составляют открытые банки. У них диаметр венчика равен диаметру тулова, либо превышает его (илл. 73, *12–15*). Бóльшая часть баночных сосудов не имеет закраин у дна, что является характерным признаком для керамической посуды среднего бронзового века. В этой связи любопытным оказывается появление у некоторых лолинских изделий данной морфологической детали (илл. 73, *3, 5, 9, 12*), которая в дальнейшем часто встречается на посуде позднего бронзового века.

Еще одна новация керамического комплекса Лолы – это крупные упорядоченные расчесы на поверхности, которые придают своеобразную огрубленность посуде (илл. 73, *2, 74, 8*). Подобная обработка не характерна

для восточноманычских сосудов, которые нередко отличаются тщательностью изготовления и обработки поверхности. Интересно, что расчесы и грубость керамики характерны именно для тех групп посуды, которые выступают в качестве диагностичных для лолинской культуры. Эти признаки не присущи сосудам групп 1–4, которые связаны с восточноманычской традицией.

Подавляющее большинство лолинских банок не имеет орнаментации, что является достаточно характерным для всего керамического комплекса этой культуры. В тех случаях, когда декор на сосудах есть, его стилистика и композиция демонстрируют специфические посткатакомбные стандарты, отличные от ВМКК (илл. 73, *6–8*).

Особняком в коллекции баночной посуды лолинской культуры стоит сосуд из комплекса Эвдык I 9/4 (илл. 73, *15*). Вся поверхность покрыта орнаментом, который явно выпадает из посткатакомбных традиций. Узор можно охарактеризовать как многорядную горизонтальную елку, которая выполнена в прочерченной технике. Полные аналогии этому сосуду происходят из материалов каякентско-хорочоевской культуры (Круглов, 1958, рис. 15, *1–4*; Котович В.Г., 1959, табл. VI, *10*; Марковин, 1969, рис.25, *9–15*; 1994, табл. 106, *13*, 108, *16, 17*).

Баночная посуда является характерной чертой для всех культурных образований посткатакомбного блока (Кочерженко, Мимоход, Слонов, Шабанов, 2016).

Своеобразной визитной карточкой лолинской посуды являются сосуды *группы 6*, которые бытуют на всем протяжении культуры. В нее входят изделия специфической формы в виде небольших плошек с одной ручкой – ковши (илл. 74, *1–7*). На эту группу посуды, как характерную для посткатакомбных памятников Прекавказья, впервые обратил внимание С.Н. Братченко (1995, с. 17). Всего известно 8 захоронений с ковшами, что составляет 9,1% от всех комплексов с посудой. Сосуды этой группы, безусловно, можно отнести к группе столовых. Они небольших размеров. Их

высота составляет 8–5 см, диаметр по венчику – 12–6 см. Плошки в плане имеют, как правило, округлую форму, изредка, подпрямоугольную (илл. 74, *4*). По форме ручек ковши делятся на две разновидности. У первой ручки имеют округлую или прямоугольную форму, иногда фигурно оформленную. Они сделаны в виде короткого горизонтального отростка (упора) (илл. 74, *1–5*). У второй разновидности – это ручки в виде плоских вертикальных налепов – «ушек» (илл. 74, *6, 7*). Скорее всего, ковши использовались в погребальном обряде лолинской культуры значительно чаще, только сделаны они были из дерева и потому археологически не фиксируются. Об этом косвенно свидетельствует обнаружение в погребении невинномысской культуры (Садовый 4/10), близкой Лоле, бронзовой накладки на деревянный ковш первой разновидности с прямоугольной ручкой-упором (илл. 120, *9*) (см. главу 4). Все сосуды 6 группы не имеют орнаментации. Обжиг их, как правило, качественный, поверхность заглажена и однотонного коричневого цвета.

Группа 7 включает сосуды, которые также являются диагностичными для лолинской керамики (илл. 74, 8–*13*). Они обнаружены в пяти погребениях, что составляет 5,7% от всех захоронений с керамикой. Это округлобокие плавно профилированные горшки. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть, либо на середину тулова. У большинства сосудов венчик плавно отогнут, и профиль имеет S-видную форму (илл. 74, *8, 10–12*). У двух изделий горло едва изогнуто, почти прямое (илл. 74, *9, 13*). На одном сосуде фиксируется характерный катакомбный уступчик при переходе плечика в шейку (илл. 74, *10*). Большинство горшков этой группы имеют стройные пропорции, диаметр их тулова равен, либо едва превышает высоту. В погребениях встречены как довольно крупные экземпляры, вероятно, кухонные (илл. 74, *9*), так и маленькие горшочки, скорее всего, столового назначения высотой 10 см (илл. 74, *12, 13*).

Группа 8 представлена двумя сосудами из мог. Золотаревка 1 (илл. 75, *1, 2*). Ранее она описана не была. Это горшки приземистых пропорций с

выраженным ребром, которое находится в верхней трети сосуда. Эти горшки восходят к восточноманычской традиции, но в очень переработанном виде. Их можно в какой-то мере сравнить с отдельными репликами реповидной посуды. Однако явное различие налицо. Выражается оно, прежде всего, в ребре. Эта деталь не характерна для ВМКК, а часто встречается в посткатакомбный период, особенно в культурах бабинского круга. Один сосуд орнаментирован едва намеченным валиком с вертикальными насечками в месте перехода плеча в горло. Эта деталь как раз характерна для реповидной посуды Предкавказья.

Группу 9 составляют округлобокие горшки приземистых пропорций (илл. 75, *4–6*). Она близка группе 7. При желании их можно рассматривать как два варианта единого типа округлобокого плавно профилированного горшка. Изделия группы 9 отличаются только более приземистыми пропорциями и более низким горлом. Среди них отсутствуют экземпляры крупных размеров, как в группе 7, которые можно интерпретировать как кухонные или даже тарные. Два из трех сосудов этой группы орнаментированы (илл. 75, *4, 5*). Это является еще одним отличием от горшков группы 7, для которых украшение посуды не характерно. Как уже отмечалось, узор на лолинской керамике встречается довольно редко и в большинстве случаев демонстрирует стандарты, отличные от катакомбных древностей по композиционному построению и определенную преемственность с ними по отдельным элементам и технике нанесения. Это в полной мере относится и к сосудам из комплексов Дамба-Калаус 1 1/8 и Иджил III 4/1. Здесь в композициях присутствуют горизонтальные зигзаги, которые чаще встречаются на посуде поздней бронзы. Техника нанесения и отдельные элементы орнамента вполне соответствует катакомбным стандартам – это угловой штамп[50], «овы» (илл. 75, *4*) и отпечатки полой трубочки (илл. 75, *5*).

В *группу 10* объединены сосуды с ребристым профилем (илл. 75, *7–10*). В морфологическом отношении они относятся к разным типам.

[50] Этот штамп особенно часто встречается на посуде средней бронзы Ставрополья.

Сосуды из комплексов Беслан-2012 А/703 и ВМЛБ II 1965 15/1 принадлежат к типу остроребериых горшков (илл. 75, *7, 8*). Его форма и пропорции уже очень близки классическим остроребериым сосудам срубной культуры. Два других сосуда, отнесенных к группе 10 (илл. 75, *9, 10*), сходны по морфологии. Они имеют форму, близкую к биконической. От нее их отличает только выделенный и немного отогнутый венчик. На обоих изделиях присутствует ребро. Интересна орнаментация экземпляра из комплекса Жуковский I 8/2. Сосуд украшен небрежными сдвоенными зигзагами, выполненными оттисками гладкого штампа, по срезу венчика нанесены вдавления. Орнамент занимает 2/3 поверхности. Напомню, что стилистически похожим декором украшен еще один лолинский сосуд из комплекса Айгурский 2 37/1 (илл. 72, *1*). И ту, и другую орнаментацию целесообразно сопоставлять, прежде всего, с бабинскими традициями. Выше уже приводились небольшие сосуды из комплексов бабинской культуры с небрежной зигзаговидной орнаментацией. Декорирование среза венчика вдавлениями также часто встречается на керамике культурного круга Бабино (Щепинский, Черепанова, 1969, рис. 15, *6*; Березанская, 1986, рис. 2, *14*, 4, *1*, 5, *3*, 6, *7*, 7, *10*, 8, *3*, 10, *19, 27*, 12, *3*; Шарафутдинова, 1995, рис. 1, *9, 11*, 2, *2 ,4, 7, 11*, 3б, *11, 16*, 4, *11*, 5, *4, 5*, Куштан, 2007, рис. 1; и др.).

В группу 11 объединены фрагментированные сосуды, форма которых полностью не восстанавливается. Таких экземпляров известно 13. Понятно, что далеко не всегда удается установить, помещались ли в погребения только обломки керамики, или фрагменты в могилах и насыпях демонстрируют степень сохранности сосудов. Здесь следует остановиться только на тех случаях, когда с уверенностью можно сказать, что в захоронения изначально были помещены отдельные фрагменты керамики. Речь, прежде всего, идет о нижних частях сосудов, которые нередко именуют жаровнями. Известно четыре таких погребения (илл. 75, *11–13*). Следует обратить внимание, что следов горения, которые бы подтверждали функциональное назначение

данных предметов в качестве жаровен, в комплексах лолинской культуры ни разу не зафиксировано.

Подводя итог характеристике лолинского керамического комплекса, следует отметить, что он имеет все признаки культурной самобытности. Она проявляется, прежде всего, в появлении новых форм сосудов (группы 5–10), которые нехарактерны для предшествующего катакомбного времени. В то же время в посуде лолинской культуры, особенно на раннем этапе, отчетливо прослеживаются пережиточные черты ВМКК (группы 1–4), что свидетельствует о непосредственном участии носителей восточноманычских традиций в формировании лолинской культуры и генетической связи этих культурных образований. Керамический комплекс Лолы не только выступает в качестве индикатора культурной самостоятельности посткатакомбных памятников Северо-западного Прикаспия, но и в ряде случаев отражает межкультурные контакты, прежде всего, с Бабино и культурами Северо-восточного Кавказа.

Металлические орудия (ножи и шилья-стержни) (илл. 76) найдены в 34 погребениях, что составляет 10,3% от всех захоронений культуры. Чаще всего металлические орудия встречаются в погребения раннего этапа. К этому периоду относится 20 захоронений, что составляет 58,8% от всех комплексов с ножами и шильями.

Из металлических предметов с колюще-режущими функциями в погребениях чаще всего встречаются *ножи* (илл. 76, *1–22*). Обычно в могилу клали одно изделие, только в одном случае (Цаган-Усн VII 4/27) в состав погребального инвентаря входили два экземпляра. Подавляющее большинство ножей найдено в мужских захоронениях. Шилья обнаружены в 14 погребениях. В восьми комплексах зафиксирована традиционная для средней бронзы связка «нож+шило». Особенно часто такое сочетание встречается в материалах ВМКК (Андреева, 2004, табл. 2; 2008, с. 11). Причем, совместное нахождение ножа и шила в одной могиле характерно исключительно для раннего этапа лолинской культуры, что позволяет

рассматривать эту связку в качестве хронологического индикатора при разработке периодизации Лолы. Проявляется катакомбное наследие и в морфологии клинков.

Ножи лолинской культуры можно разделить на 6 типов (Гак, Мимоход, 2007, с. 89–91; Мимоход, 2013, с. 75–85).

Тип 1 (илл. 76, *5–7, 9–14*) – листовидные ножи с плавными контурами абриса и максимальным расширением у середины клинка. Большинство ножей этого типа имеют раскованную в плане пятку черенка. Наиболее крупные из клинков могли использоваться в качестве оружия – кинжалов (илл. 76, *5–7*). Назначение других, скорее всего, было полифункциональным. Большинство клинков узколезвийные – удлиненных пропорций. Этот тип ножа с его вариациями самый распространенный в посткатакомбном мире Предкавказья.

Тип 2 (илл. 76, *15–18*) – ромбовидные ножи с плавными контурами абриса до перегиба у середины клинка характерны для раннего и развитого этапа лолинской культуры. Находки морфологически сходных орудий, имеющих в силу разной сточенности лезвий более или менее удлиненные пропорции, концентрируются в волго-донских и предкавказских памятниках СБВ. В материалах ВМКК наш тип соответствует типу V по классификации Е.И. Гака (2002, рис. 3, *7–10*). В целом, тип 2 может рассматриваться как одна из модификаций полифункциональных ножей с коротким треугольным лезвием. Такие ножи в свое время были объединены С.Н. Кореневским в рамках группы 3 (Кореневский, 1978, рис. 6, *13, 17, 19*). Эта модель клинка фактически в неизменном виде наследуется лолинской культурой от ВМКК.

Особенностью формы ножей *типа 3* (илл. 76, *8*) является пятиугольный, расширяющийся к срединной части клинок. Такие изделия характерны, главным образом, для памятников донецкой катакомбной культуры, прежде всего, раннего этапа развития (Братченко, 1976, с. 49, 51, рис. 24, *10–15*; 2001, рис. 72; Смирнов, 1996, с. 33, рис. 12, *1–7*; Кияшко, 1999, с. 82). А.В. Кияшко предложил называть подобные изделия «ножами александровского типа»

(Кияшко А., 2002, с. 25). Характерной чертой данных клинков является наличие кованых фасок от острия до середины лезвия (Гак, 2002а, с. 124).

Тип 4 (илл. 76, 2–*4*) – ножи с клинком, состоящим из сравнительно короткого перехвата и рельефно расширенного по отношению к нему лезвия. Они относятся к группе «пламявидных» ножей, выделенных С.Н. Братченко (1976, с. 95). Обращает на себя внимание, что два экземпляра имеют небольшие размеры (их длина 7 и 9,5 см) и сильно сработаны (илл. 76, *2, 3*). Показательно, что в лолинской культуре совершенно отсутствуют формы ножей, характерные для ВМКК, крупные пиковидные формы и широколезвийные лопатовидные ножи. Изредка встречаются в раннелолинских погребениях только редуцированные формы «пламявидных» ножей нашего 4-го типа. Этот тип клинка встречен только в раннелолинских погребениях.

Нож *типа 5* (илл. 76, *19*) имеет удлиненно-подтреугольной формы клинок с продольной нервюрой, что заставляет отнести его к категории кинжалов. На ноже резкий переход от плечиков к лезвию. Он встречен в комплексе времени развитого этапа Лолы. Сложение этого типа связывается с малоазийско-закавказскими производственными центрами конца РБВ (Кушнарева, Рысин, 2000, с. 78).

Одним экземпляром в выборке посткатакомбного металла Северо-западного Прикаспия представлен раннелолинский нож *типа 6* из южной Калмыкии (илл. 76, *1*). Он имеет длинный черешок и короткий относительно широкий треугольный клинок. Несмотря на сточенность лезвийных кромок, по основным морфологическим параметрам этот нож сопоставим с дротиковидными орудиями по терминологии С.В. Арапова (1991, рис. 45). Подобные ножи ВМКК выделены Е.И. Гаком в тип I (2002, с. 284, рис. 2, *1-6*). Они характерны исключительно для манычской металлообработки позднего этапа СБВ и почти не встречаются за пределами степной зоны Предкавказья (Гак, 2002а, с. 122; Гак, Мимоход, 2007, с. 91).

Из лолинских погребений происходит еще несколько фрагментированных ножей (илл. 76, *20–22*). В силу плохой сохранности уверенно их отнести к какому-либо из выделенных типов затруднительно. Скорее всего, они относятся к самому распространенному в Лоле типу 1. По крайней мере, это наблюдение справедливо для экземпляров из комплексов Золотаревка 3 9/7 и Хар-Зуха 1 5/3а (илл. 76, *20, 21*), которые неплохо сохранились в верхней части, что позволяет предполагать наличие у них узкого листовидного лезвия.

Второй по частоте встречаемости категорией металлических орудий в лолинских захоронениях являются *шилья* (илл. 76, *23–37*). М.В. Андреева для ВМКК предпочитает эту группу изделий называть стержнями, т.к. в ней присутствуют достаточно длинные и массивные экземпляры, которые можно рассматривать как оружие (Андреева, 2008, с.11)[51]. В посткатакомбной выборке таких «стилетов» нет. Самые крупные изделия имеют длину 11–13,5 см (илл. 76, *23, 24*), поэтому лолинские экземпляры, по всей видимости, действительно являлись шильями. Следует также отметить, что в лолинской серии отсутствуют стержни с режущей (стамески, резцы, микрозубильца) и колюще-протягивающей (иглы) функциями, которые представлены в материалах ВМКК (Гак, 2005, с. 13).

В морфологическом отношении стержни-шилья можно разделить на четыре типа.

Тип 1 – обоюдоострые стержни, наибольшее утолщение приходится на середину орудия или несколько смещено к одному из окончаний (илл. 76, *32–35*). Упор у этих изделий не выделен. Сечение стержня квадратное или прямоугольное. Длина шильев составляет 5–3,3 см.

Тип 2 представляет собой стержни с одним приостренным, другим тупым или притупленным окончанием. Наибольшее утолщение находится в

[51] Е.И. Гак называет эту группу «стержни» или «стержни-шилья» (2000, с. 78; 2005, с. 13).

средней части (илл. 76, *25–31*). Сечение стержней чаще квадратное, реже ромбическое или округлое. Длина изделий 5,8–4,1 см.

Тип 3 (2 экз.) – это грацильные самые длинные (11–12 см) изделия из лолинской выборки (илл. 76, *23, 24*). Один конец у них заострен, другой тупой, как у орудий типа 2. Однако от него изделия типа 3 отличает более крупные размеры и то, что наибольшая толщина стержня приходится на притупленную часть изделия. Рабочими у шильев типов 2 и 3 были заостренные части. Это подтверждает факт обнаружения в комплексе Черноярская 3/10 шила с сохранившейся костяной рукоятью, в которую входил именно притупленный конец (илл. 76, *23*). Сечение стержня у предметов типа 3 квадратное.

Тип 4 – это шилья, которые имеют выраженный упор, отделяющий рабочую часть от насада (илл. 76, *36, 37*). Сечение стержня рабочей части квадратное, насада – скругленное.

В рамках эпохи палеометалла стержни-шилья всех типов, обнаруженные в лолинских погребениях, ни культурно, ни хронологически диагностичными не являются. Они часто встречаются в комплексах средней бронзы. Лолинские изделия выполнены в традициях Циркумпонтийской металлургической провинции (Черных, 2007, с. 43; Черных, Авилова, Орловская, Кузьминых, 2002, рис. 6; Černych L., 2003, abb. 8). Можно лишь отметить постепенное увеличение доли стержней с притупленным насадом в предкавказском металлопроизводстве на протяжении СБВ. По материалам посткатакомбных памятников фиксируется дальнейшее усиление этой тенденции (Гак, Мимоход, 2007, с. 91).

Как и следовало ожидать, большинство шильев (11 из 14) происходит из погребений раннелолинского времени, которые, как уже говорилось, являются наиболее металлоемкими. По одному изделию встречено в комплексах, которые можно датировать вторым и третьим этапами.

Особого внимания заслуживает *состав металла* на медной основе, из которого сделаны лолинские орудия (Гак, Мимоход, 2009; Мимоход, 2013, с. 87–91). За последние 10 лет база данных увеличилась в 1,5 раза – с 16-ти

определений (Мимоход, 2013, прилож. 3, табл. 1, *1–16*) до 24-х (табл. 3.3). 12 из них сделаны для ножей, 9 – для стержней-шильев, 1 – для всплеска металла и 2 – для предметов неясного функционального назначения. Использование медно-мышьякового сплава точно установлено в отношении 20 изделий. Мышьяк в меди определен на уровне 0,57–9,41%. Почти во всех случаях этот показатель находится за границами оптимума (4–5%) в плане сочетания ковкости, прочности и твердости сплава (Равич, Рындина, 1984). Небольшие, но устойчивые серии составляют бронзы с пониженными (0,57–1,4%) и повышенными (6,3–9,41%) его значениями. Прочие элементы-примеси в мышьяковых бронзах не существенны, суммарное их содержание всегда меньше 1%.

Медь с незначительной примесью мышьяка (до 0,3% и 0,07%) выявлена у двух ножей с признаками интенсивной проковки лезвий (табл. 3.3, *5, 9*). Изделия с подобной микропримесью мышьяка Е.Н. Черных относит к «смешанной» группе Cu*. Она образовывалась за счет подмешивания при плавке к химически чистой меди небольшого количества лома иного по составу металла (Черных, 2007, с. 66; Черных, Орловская, 2009, с. 75). Для двух предметов металл определен как чистая медь (табл. 3.3, *18, 19*). Несомненная связь Лолы с кавказскими металлургическими центрами доказывается полным доминированием здесь мышьяковых бронз (см. главу 7).

В заключение характеристики металлических орудий лолинской культуры следует еще раз отметить, что ее носители не создали собственных типов орудий. Все они были выработаны раньше и встречаются в комплексах эпохи средней бронзы. Катакомбные стереотипы продолжают использоваться в посткатакомбное время. Однако серьезные изменения претерпевает ассортимент и частота встречаемости типов изделий. Интересно, что в лолинской культуре фактически не известны категории металлического инвентаря, являвшиеся своеобразными визитными карточками предшествующего восточноманычского катакомбного горизонта: крюки, тесла, втульчатые долота, пиковидные и широкие листовидные ножи, крупные

бронзовые стержни («штыковидные орудия»). Характер металлических орудий лолинской культуры хорошо укладывается в основное содержание таких понятий как «финал средней бронзы», «финал Циркумпонтийской металлургической провинции» и «завершающая фаза кавказского очага культурогенеза». В морфологическом отношении лолинские изделия явно связаны с классическим орудийным набором эпохи средней бронзы периода ее расцвета, а на уровне состава металла демонстрируют традиционную связь с Кавказом. Однако налицо черты деградации и упадка.

Изделия из кости и рога представлены орудиями, конусами-дзыгами (волчками), поясными пряжками и подвесками, наконечниками стрел[52].

Из погребений лолинской культуры происходит серия *костяных орудий кожевенного производства* (илл. 77). Четыре изделия представляют собой струги (илл. 77, *14–17*). Они изготовлены из ребер крупных копытных. Рабочими частями здесь являлись широкие концы. То, что это орудия для обработки кожи, подтверждают данные трасологического анализа изделия из комплекса Манджикины 9/1 (Усачук, 2002, с. 269).

Еще одно кожевенное орудие происходит из лолинского погребения 4 кургана 6 могильника Элиста (Рыков, 1936а). Оно изготовлено из нижней челюсти крупного копытного и является тупиком. Подобные орудия использовались для мездрения и волососгонки при обработке шкур (Усачук, 1996, с. 68; Килейников, 2009, с. 101–107). Своеобразное изделие найдено в комплексе Колдыри 24/3 (илл. 77, *13*). Оно сделано из подвздошной кости таза крупного копытного. По мнению А.Н. Усачука это также кожевенное орудие, близкое по функции стругам и тупикам. Все крупные орудия для обработки кожи обнаружены в погребениях раннелолинского времени.

К кожевенным орудиям относятся и проколки (илл. 77, *8, 10–12*). Они изготовлены из расколотых трубчатых костей.

---

[52] К ним относятся также костяные бусы, кольца, подвеска, которые рассматриваются в разделе «украшения».

Факт обнаружения в погребениях лолинской культуры орудий кожевенного производства заслуживает самого пристального внимания. Находки таких изделий в погребениях эпохи бронзы степной-леосостепной зон являются редкими. В первую очередь это касается крупных костяных орудий типа тупиков и стругов. Например, на огромный массив погребальных памятников эпохи бронзы известно всего семь или восемь случаев обнаружения подобных предметов (Мимоход, 2013, с. 92, 93). В лолинской культуре таких изделий шесть. По разу крупные кожевенные орудия встречены в ДДБК, ВДБК (см. главу 2), невинномысской культуре (см. главу 4) и два раза в ВУКГ (см. главу 5). Таким образом, в посткатакомбном контексте таких изделий найдено больше, чем во всех остальных погребениях эпохи бронзы. Сгенерировали традицию помещения в могилы тупиков и стругов носители лолинских традиций. В ее материалах больше всего подобных орудий, а все остальные изделия находятся в ближайшем культурном окружении (см. главу 5).

Другим новшеством лолинского погребального обряда в Предкавказье является помещение в могилу *костяных пряслиц* (илл. 77, *4–6*). Они изготовлены из головок бедренных костей крупных копытных животных. Пряслица можно разделить на два типа. К первому относятся изделия полушарной (илл. 77, *4, 6*), ко второму – дисковидной формы (илл. 77, *5*). Предмет из комплекса Бияш 2/5 орнаментирован по окружности врезной линией зигзага.

Появление данных орудий в погребальном обряде Лолы в Предкавказье тоже может выступать в качестве культурно-хронологического индикатора. Находки этих изделий для погребений катакомбных культур не являются характерными (Післярій, 1982, с. 73; Санжаров, 2001, с. 118). Ситуация оказывается чем-то схожа с костяными кожевенными орудиями. Из всех среднебронзовых культур степной полосы именно в Лоле чаще всего встречаются костяные пряслица, причем, в узкий хронологический промежуток раннего этапа. Однако если обычай помещения в погребения

тупиков и стругов является сугубо местной лолинской новацией, то появление в посткатакомбных погребениях Предкавказья костяных пряслиц, вероятно, следует связывать с погребальными традициями культур эпохи бронзы Кавказа. Именно здесь эти изделия часто встречаются в контексте погребального ритуала (Мимоход, 2013, с. 95, 96).

Специфической категорией инвентаря, характерной для лолинской культуры, являются костяные *конусы-дзыги* (илл. 78). Они изготовлены из проксимальных фаланг копытных и имеют длину 4,7–7,5 см. По центральной продольной оси предметов сделано несквозное отверстие от проксимальной суставной поверхности к заостренному дистальному концу. Всего из материалов лолинской культуры происходит 5 костяных конусов (илл. 78, *1–4, 6*) и одна заготовка (илл. 78, *5*). К этой группе изделий относится и конус, выполненный из глины (илл. 78, *7*). Не вызывает сомнения, что костяные и керамический конусы – предметы одного функционального назначения. Таким образом, мы имеем 6 конусов, происходящих из 5 лолинских захоронений[53].

Конусы являются одним из ярких этнографических маркеров лолинской культуры. За пределами Лолы известно всего четыре случая обнаружения этих изделий в памятниках ДДБК (илл. 123, *8–11*), причем, на территории, примыкающей к Предкавказью, и один происходит из материалов невинномысской культуры (илл. 123, *1*)[54]. Иными словами, именно Лола является тем культурным образованием, где эта традиция использования и помещения в могилы конусов возникла и имела наиболее широкое распространение, на что в литературе уже не раз обращалось внимание

[53] В комплексе Золотаревка 3 9/6 обнаружены вместе конус и заготовка (илл. 78, *5, 6*). В комплексе Цаган-Усн III 6/2 (илл. 78, *2*) заостренный дистальный конец предмета обожжен.

[54] В докладе С.А. Григорьева на VI (XXII) Всероссийском археологическом съезде в Самаре было указано, что костяной конус, аналогичный посткатакомбным, был найден на поселении синташтинской культуры Аркаим (Григорьев, 2022, мин. 00:49:56–00:50:12). На самом деле эта поделка не имеет никакого отношения к конусам-дзыгам (волчкам). Кардинальные отличия в сырье, морфологии и характере втулки даже не создает поля для дискуссии о принадлежности аркаимского предмета к узко датирующимся (фазы ПКБ I и II) конусам культурных кругов Лола и Бабино.

(Мимоход, 2003, с. 107; 2005, с. 72; 2007, с. 152; 2011б; 2013, с. 96–99; Литвиненко, 2004а, с. 106; 2005, с. 76).

Особую дискуссию вызвало функциональное назначение этих загадочных предметов. Исследователи выдвигали предположения, что это футляры (Дервиз, 1989, с. 261) или рукояти (Державин, 1989, с. 140; Горбов, Усачук, 2001, с. 173; 2001а, с. 216). Как орудие со втулкой определил конус из комплекса Цаган-Усн III 6/2 в своем отчете С.В. Арапов [1987]. Это понятные предположения. Действительно, несквозное отверстие, скорее всего, служило для крепления в конусе какой-то дополнительной детали. Понятно также, что эта деталь должна быть сделана из органического не сохраняющегося материала, т.к. ее остатков ни разу не зафиксировано в археологических комплексах. Скорее всего, это было дерево.

Р.А. Литвиненко отмечает, что назначение конусов «необоснованно сводят к функции рукояток» и указывает на то, что эти предметы «приурочены к захоронениям детей-подростков и половина из них находилась в составе игральных наборов из астрагалов животных» (Литвиненко, 2004а, с. 106; 2005, с. 76; 2005а, с. 83). В этих наборах исследователь предлагает рассматривать конусы в качестве фишек (Литвиненко, 2005а, с.83). Мне показалось, что жесткой корреляции между наборами астрагалов и конусами нет (Мимоход, 2011б, с. 41–43; 2013, с. 100–103). В результате, пытаясь предметно разобраться в функциональном назначении этих предметов, пришлось констатировать, что «пространный комментарий в отношении конусов в контексте погребального обряда так и не приблизил нас к пониманию их функционального назначения». Мне пришлось осторожно предположить, что эти изделия могли быть навершиями, «например, жезла или какого-то специфического ритуального предмета» (Мимоход, 2011б, с. 43, 44; 2013, с. 103).

Специальная работа В.Б. Панковского, посвященная лолинским и бабинским конусам, расставила многое по свои местам (Панковський, 2012)[55]. Несомненная ценность этой статьи состоит в том, что для установления функции предметов используется не только традиционные контекстуальный и технико-морфологический подход, но и данные этнографии и даже живой культуры. Надежность выводов обосновывается экспериментальными опытами, при которых были изготовлены реплики конусов и показана, какова могла быть их функция в реальности. Основной вывод автора заключается в том, что действительно есть связь между наборами астрагалов и костяными конусами, как это ранее предполагал Р.А. Литвиненко (2004а, с. 106; 2005, с. 76; 2005а, с. 83), а рассматриваемые изделия являлись дзыгами-волчками, которые использовались при игре с альчиками (Панковський, 2012). В отверстие конуса вставлялась деревянная деталь, как я и предполагал, но она была короткой и выступала из изделия на 2–3 см. С помощью нее волчку придавали вращение, и его движение смещало астрагалы на игральной доске (Панковський, 2012, рис. 4, 5)[56]. Справедливости ради, следует указать, что дискуссия по поводу функционального назначения костяных конусов продолжается. Не так давно лолинско-бабинские дзыги было предложено рассматривать в качестве наконечников стрел (Молодин, Гришин, 2016, с. 259) на пушного зверя (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 51). В качестве аналогий были приведены роговые втульчатые изделия и погребений елунинской и кротовской культур (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, рис. 38, *3*; Молодин, Гришин, 2016, рис. 408). Действительно, эти предметы похожи на лолинские и бабинские, но, тем не менее, есть существенные различия. Во-первых, сибирские экземпляры сделаны из рога, в то время как посткатакомбные – из проксимальных фаланг копытных. Во-вторых, при сходстве в морфологии есть существенное различие. Кротовские и елунинское

[55] На момент защиты диссертации и издания монографии в 2013 г. мне эта работа не была известна.

[56] В этой связи расположение дзыг-волчков на илл. 78 и 123 изменено по сравнению с монографией (Мимоход, 2013, илл. 52). Они помещены заостренным концом вниз, т.е. так, как использовались при игре и так, как это сделано в работе В.Б. Панковского (Панковський, 2012, рис. 1–3).

изделия имеют приземистые пропорции и раздутое тулово, максимальное расширение которого приходится на его середину, затем к втульчатому основанию идет сужение. Их форму можно охарактеризовать как пулевидную. У лолинско-бабинских предметов максимальное расширение также приходится на середину, и оно равно диаметру основания (илл. 78). В этой связи западносибирские изделия следует признать действительно наконечниками стрел. Роговое сырье делает наконечник прочным, а форма, видимо, улучшает аэродинамические качества. То, что это стрелы подтверждает и тот факт, что в п. 491 мог. Сопка 2, было найдены два наконечника, которые лежали вплотную друг к другу, т.е. входили в колчанный набор (Молодин, Гришин, 2016, рис. 332, *1*). Ничего подобного в лолинской, невинномысской культурах и ДДБК нет. Другое сырье, другая форма, большинство из них сопровождали скелеты детей и подростков, и главное, в посткатакомбных материалах они стабильно встречаются в игровых наборах вместе с астрагалами (Мимоход, 2011б, с. 41; 2013, с. 100, 101). Все вышесказанное не позволяет рассматривать лолинско-бабинские конусы в качестве наконечников стрел. Как свидетельствует археологический контекст, трасологические и экспериментальные данные, в посткатакомных погребениях находились волчки-дзыги.

Одна из самых примечательных категорий инвентаря лолинской культуры – *роговые поясные пряжки и костяные поясные подвески.* Данным изделиям уже было посвящено несколько специальных исследований (Андреева, 1986; Братченко, 1995; Калмыков, 2005; Калмыков, Матюхин, 2007; Мимоход, 2018г; 2018е; Ильюков, 2020). Типология и хронология этого инвентаря была рассмотрена в нескольких работах (Мимоход, 2003, с. 105, 104; 2007, с. 150, 151; 2011а; 2013, с. 104–133; Калмыков, Мимоход, 2005).

Всего из погребений лолинской культуры происходят 13 пряжек и поясных подвесок. Из них 9 предметов являются фигурными пряжками, сделанными из рога (илл. 79, *1–9*), а 4 округлыми поясными подвесками, вырезанными из кости (илл. 79, *10–13*). Морфологический облик описанных

роговых и костяных поясных деталей позволяет достаточно уверенно выделить среди них три группы изделий.

Первую группу составляют четыре фигурные роговые пряжки из могильников Чограй VIII, Кевюды 1, Темрта 1, Черноярская которые имеют сложную, вероятно, антропоморфную форму (илл. 79, *1–4*). Эти изделия относятся к кольцевидно-широкопланочным изделиям по С.Н. Братченко (1995, с. 14, 15). Изделия имеют немного выгнутое сечение и сходное декоративное оформление планки и кольца. Их лицевые стороны, за исключением черноярского экземпляра, украшены резным точечным орнаментом (илл. 79, *1–3*). По названию двух могильников, в которых были найдены наиболее яркие изделия этой группы, данному типу пряжек было предложено название *Чограй-Кевюды* (Ч-К) (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 223). О типологическом единстве изделий (илл. 79, *1–3*) свидетельствует и одинаковая система крепления, реконструкцию которой на основе анализа экземпляра из Чограя предложил С.Н. Братченко (1995, с. 13, 14). Она состоит из двух отверстий, расположенных в перпендикулярных друг другу плоскостях. Малое отверстие предназначалось для крепления глухого конца ремня. У кевюдской и чограйской пряжек малые отверстия сквозные, т.е. они проходили через все изделие. У темртинского предмета – это два отверстия в верхней части планки, но благодаря сильно выгнутому сечению пряжки они, безусловно, создают единый сквозной канал, перпендикулярный по плоскости основному кольцу. Иными словами, у пряжек типа Ч-К система крепления глухого конца ремня принципиально едина. Свободный конец ремня захлестывался в основное центральное кольцо, расположенное во фронтальной плоскости.

Ко второй группе поясных деталей могут быть причислены пять роговых пряжек с двумя различными по диаметру отверстиями, сделанными в перпендикулярных друг другу плоскостях – Ильинский 1 1/6, Ипатово 3 2/13, Типки 1 2/4, Кривая Лука XXI 1/9, Родионов 4 5/3 (илл. 79, *5–9*). О последней пока есть только предварительная информация (Ильюков, 2020).

Они так же, как и пряжки группы Ч-К, являются фигурными, но у них отсутствуют многочисленные декоративные детали, присущие первой группе. Основные элементы этих изделий: кольцо с большим отверстием, четко выделенная планка и соединяющая их зауженная (относительно самой планки) перемычка. Этому типу пряжек было дано название *Ипатово-Типки* (И-Т) (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 223). Функциональное назначение пряжек типа И-Т устанавливается по данным трасологического анализа. Эти изделия, за исключением предметов из комплекса Кривая Лука XXI 1/9 и Родионов 4 5/3, были обработаны А.Н. Усачуком, о чем имеется пока только краткая информация (Усачук, 2007, с. 86). Функциональное назначение этих предметов сомнений не вызывает. У изделий И-Т также глухой конец ремня крепился в отверстие на планке, а свободный захлестывался за кольцо.

Все лолинские погребения с фигурными пряжками типов Ч-К и И-Т принадлежали взрослым мужчинам, которые перешагнули 30-летний рубеж и в большинстве своем были даже значительно старше (35–55 лет – Maturus). Приуроченность поясных пряжек к захоронениям мужчин является характерной чертой посткатакомбного времени. Исследователи неоднократно отмечали, что в культурах Бабино костяные и роговые пряжки также в подавляющем большинстве встречаются в мужских погребениях (Савва, 1992, с. 135; Отрощенко, 1998, с. 114; 2001, с. 75; Санжаров, Литвиненко, Черных Е.А., Прынь, 2003, с. 154; Литвиненко, 1999а, с. 85; 2004, с. 274; 2007, с. 160; 2009а, с. 7).

Очень хорошо с половозрастными характеристиками индивидов, похороненных с фигурными пряжками, согласуется их сематника. В монографии был только намечен путь, по которому можно распознать образ, передаваемый изделиями (Мимоход, 2013, с. 112, 116). Сейчас уже можно привести развернутую характеристику этого сюжета (Мимоход, 2018г; 2018е).

Образ хорошо опознается по пряжкам типа Ч-К, которые имеют декоративные детали, позволяющие реконструировать иконографию. Эти детали полностью исчезают на более поздних изделиях типа И-Т.

Первая группа поясной гарнитуры лолинской культуры вместе с гинчинско-присулакскими изделиями (Магомедов, 1990, рис. 1; Ильюков, Магомедов, 2010, рис. 1, 2) были объединены в группу кольцевидно-планочных пряжек кавказской традиции (илл. 80, *I*). Группу пряжек европейской традиции составляют крючково-планочные изделия (Мимоход, 2016, с. 46; 2018г, с. 250–252, рис. 2). Они известны на раннем этапе ДДБК (Городцов, 1907, с. 356–357; Латынин, 1967, с. 30, рис. 26; Шаповалов, Колесник, 1972, с. 69, рис., 4; Братченко, 1985, с. 453, рис. 123, *7, 11*; Гершкович, 1986; Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров, 1987, с. 20, рис. 6, *11–13*; Ильюков, Казакова, 1988, с. 53–55; Привалова, Привалов, 1988, с. 21, рис. 9, *2*; Полидович, 1993, с. 80–81, рис. 49–52; Клименко, 1998, с. 85, рис. 26, *9*; Кульбака, Качур, 2000, с. 51, рис. 9, *1-3*; Цимiданов, Кравченко, Пiдобiд, Полiдович, Спiнов, Усачук**,** 2013, с. 156, рис. 1, *2*; Папанова, Тощев, Голик, 2016, с. 42–43; Литвиненко, Ляшко, 2018, рис. 5) и в европейских культурах Bz A1–A2 по П. Райнеке (Prox, 1941, taf. XXXIII, *1, 2*; Hájek, 1959, s. 285–295, obr. 1–13; Székely, 1962, fig. 4, *7*; Hänsel, 1968, s. 109–111, taf. 2, 30, 12, 9, 12, 50, 2; Müller-Karpe, 1974, taf. 520, *9*; 1980, taf. 293, *F 1-3*, 295, *F 10, 11*; Bóna, 1975, taf. 127, *3, 7*; Machnik, 1978, tabl. IV, *11, 12*, XXIV, *5*, XXV, *34*; 1991, fig. 7, *20, 29*, 21, *14*; Гершкович, 1979, с. 59, 60; 1986, с. 141, 142; Paulík, 1980, abb. 87; Hänsel, Medović, 1994, abb. 6, *2*; Hafner, 1998, abb. 6, *38*; Zimmermann, 2007, abb. 26, *1*).

Семантику лолинских пряжек (илл. 80, *I*, *1–4*) следует устанавливать в контексте всех изделий кавказской традиции, т.е. вместе с гинчинскими и присулакскими экземплярами (илл. 80, *I*, *5–8*). Исследователи неоднократно обращались к расшифровке образа, передаваемого этими изделиями. Чаще всего пряжки кавказской традиции рассматривались как зооантропоморфные (Андреева, 1986; Братченко, 1995; Василенко, 1999; Магомедов, 1990; Кульбака, Качур, 2000, с. 38; Ильюков, Магомедов, 2010; Рогудеев, 2015) или только зооморфные (Рогудеев, 2015).

То, что пряжки обеих традиций имеют облик каких-то фигур, ни у кого особых сомнений не вызывает. Соответственно для установления их первичной семантики необходимо правильно расположить изделие в пространстве так, как фигура воспринимается в реальности. Здесь следует оговориться, что мы имеем дело все-таки с поясными пряжками, а не со скульптурой в чистом виде (ср.: Гершкович, 1986, с. 140). Когда пряжки носились на ремне, их реальное расположение хорошо устанавливается. Оно является горизонтальным в соответствии с креплением к концам ремня. Только в работах С.Н. Братченко на иллюстрациях поясные детали обеих традиций даны в горизонтальном положении (Братченко, 1995, рис. 2, *16, 17*; 2006, рис. 111, *16, 17*)[57]. Во всех остальных публикациях изображения пряжек представлены в вертикальной позиции, и это неспроста. Дело в том, что иногда обоснованно, а иногда и чисто интуитивно, исследователи понимали, что образ лучше опознается именно в вертикальном положении. М.В. Андреева, вертикально разместив чоградскую пряжку (илл. 79, *2*), справедливо отметила, что «предмет был рассчитан на рассматривание его спереди и сбоку» (Андреева, 1986, с. 234). Восприятие образа этого изделия в вертикальной позиции, равно как и других пряжек кавказской традиции, было настолько очевидно, что С.Н. Братченко, который всегда в своих работах помещал пряжки в горизонтальном положении, предположил, что чоградское изделие могло скреплять ремень именно в вертикальном положении при помощи двух дополнительных параллельных узких ремней (Братченко, 1995, с. 14)[58].

Расположив изделие вертикально, необходимо установить, где у него находится верх и низ. Здесь особых проблем не возникает, т.к. хорошо опознаются ноги и глаза (илл. 80, *I, 1–3, 5, 7, 8*). Фактически во всех

[57] В горизонтальной позиции представлена чоградская пряжка кавказской традиции (рис. 1, *12*) и в работе А.И. Василенко (1999, табл. I). Однако, это специальная статья, посвященная исключительно креплению изделия к ремню, и здесь такое расположение на иллюстрации единственно возможное. Также в горизонтальной позиции показаны кольцевидно-планочные пряжки и в докторской диссертации Р.А. Литвиненко (2009, рис. 165, 168, *2, 12–14, 16*).

[58] Впрочем, это предположение не соответствует действительности. Обнаружение ряда кольцевидно-планочных пряжек in situ недвусмысленно указывает на то, что они скрепляли пояс в горизонтальном положении. Пряжки лежали в районе таза перпендикулярно позвоночнику, непосредственно по линии реконструируемого пояса (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 225; Мимоход, 2013, с. 110, илл. 62).

публикациях они расположены правильно с точки зрения распознавания образа[59]. Сразу следует отметить немаловажную деталь, которая отличает лолинскую серию от гинчинско-присулакской. У всех посткатакомбных изделий есть четко оформленный центральный выступ в нижней части кольца (илл. 80, *I, 1–4*). Расположение его между двумя отростками, которые уверенно можно интерпретировать как ноги на кевюдской и чоградской пряжках (илл. 80, *I, 2, 3*), позволяет рассматривать эту деталь как фаллос. Причем, на изделии из Темрты он имеет характерную фигурную форму (илл. 80, *I, 1*). Эта деталь в семантическом отношении настолько важна, что она сохраняется даже на самой стилизованной пряжке из Черноярской (илл. 80, *I, 4*). Из гинчинско-присулакской серии полностью сохранились два изделия (илл. 80, *I, 5, 7*). Оба они лишены характерной фаллической детали, которая отличает пряжки лолинской культуры.

Как уже отмечено, на пряжках кавказской традиции хорошо опознаются глаза. Их роль играли либо функциональные отверстия для крепления глухого конца ремня (илл. 80, *I, 1, 5, 7, 8*), либо чисто декоративные округлые углубления, вырезанные на планке (илл. 80, *I, 2, 3*). Итак, на пряжках кавказской традиции в вертикальной позиции показаны ноги, глаза, а, соответственно, и голова, и в лолинской выборке – фаллос.

Особый интерес с точки зрения семантики вызывают треугольные (или заоваленные) выступы на планке, направленные вершинами к кольцу. Они присутствуют на всех предметах (илл. 80, *I, 2–7*), кроме пряжек из Темрты I 2/7 и Гертмы III 6/3 (илл. 80, *I, 1, 8*). На примере чоградской пряжки (илл. 80,

[59] Исключение здесь является работа В.К. Кульбаки и В. Качура, в которой пряжка из комплекса Чоград VIII 34/1 (илл. 79, *2*) дана вверх ногами, а сами ноги интерпретированы как рога (Кульбака, Качур, 2000, с. 38, рис. 9, *7*). Думаю, нет смысла комментировать ошибочность такого предположения тем более, что само изделие исследователи рассматривают не как элемент ремня, который принадлежал человеку, а как деталь конской упряжи, что противоречит всей сумме имеющихся на данный момент фактов. Еще один вариант интерпретации чоградской пряжки, когда два дуговидных выступа в нижней части кольца рассматриваются как рога, принадлежит А.Р. Канторовичу. Об этой устной гипотезе было упомянуто в работе А.А. Калмыкова и А.Д. Матюхина. По мнению А.Р. Канторовича, «при размещении пряжки в горизонтальном положении роговидными выступами вперед в ней угадывается изображение лежащего быка» (Калмыков, Матюхин, 2007, с. 82). Однако при такой гипотезе объясняется значение только этих выступов. Все остальные детали (центральный выступ в нижней части кольца, треугольные выступы и «глаза» на планке) никак в нее не вписываются.

I, 2) на их значение обратила внимание только М.В. Андреева, но она так и не определилась, что это – крылья или руки? (1986, с. 233, 234). Исходя из уже опознанных деталей на пряжках кавказской традиции, логично предположить, что это именно руки. Но почему они имеют такую странную треугольную форму, в то время как ноги показаны обычными отростками или выступами? Дело в том, что «крыловидную» форму эти детали имеют благодаря тому, что на пряжках стилизованно изображена поза адорации, т. е. руки согнуты в локтях под острым углом, а кисти находятся в районе груди. Иными словами, треугольные выступы – это сильно согнутые в локтевых суставах руки (илл. 80, *I*). Мы легко сможем найти убедительные аналогии подобной «крыловидности» рук в иконографической традиции изображения адорантов Ближнего Востока (илл. 80, *II*) (Frankfort, 1935, fig. 63–73; 1936, fig. 30; 1939, pl. 1, 5, 7–12 и др.; Koşay, 1951, pl. CXCV; Al-Gailani, 1972, pl. XXII–XXIII; Lloyd, 1978, fig. 101, 102; Joukowsky, 1986, fig. 243a; Gods, Goddesses, 1992, fig. 99–98; Moorey, 2003, pl. 7, 10–12; Rice, 2004, fig. 4.5, a; и др.). В качестве серьезного доказательства правильности предложенной интерпретации приведу две каменные фигурки идолов типа Килия, которые представляют собой изображения адорантов из позднеэнеолитического слоя преисторического Афродизиаза в Анатолии (Joukowsky, 1986, fig. 197, 198, 207, 208). Они имеют те же размеры, что и лолинские пряжки, и уверенно интерпретируются специалистами в качестве стилизованных антропоморфных идолов. У анатолийских изделий в верхней части находятся треугольные выступы, аналогичные по форме тем, что присутствуют у пряжек кавказской традиции. Здесь они названы «руками в виде плавника». На одной из энеолитических фигурок руки показаны просто в виде треугольных выступов (илл. 80, *II, 4*) (Joukowsky, 1986, fig. 197, 207), как и в наших случаях (илл. 80, *I, 2–7*), а на второй, аналогичной по форме и происходящей из того же слоя, на выступах линией обозначены предплечья, направленные к груди (илл. 80, *II, 5*), что отметила и автор публикации (Joukowsky, 1986, fig. 198, 208, p. 206). Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и на фигурке из

материалов храма Сина городища Хафаджа в Месопотамии, которая датируется уже второй половиной III тыс. до н.э. Здесь согнутые в локтях руки тоже показаны только линиями (илл. 80, *II, 6*)[60] (Frankfort, 1936, fig. 30, 302). Иконография рук на этой статуэтке чрезвычайно близка пряжкам кавказской традиции. Характерный же для лолинской культуры адоративный обряд погребения, впервые как системное явление распространившийся в степи после майкопской культуры (см. главу 7) – лишнее подтверждение тому, что в случае с посткатакомбными предкавказскими пряжками мы имеем дело со стилизованными изображениями мужчин-адорантов. Адоративный обряд был характерен и для гинчинско-присулакских древностей.

Казалось бы, выбивается из этого ряда пряжка из Темрты (илл. 80, *I*, *1*), у которой нет этих характерных треугольных выступов, которые изображают согнутые в локтях руки, прижатые к груди. Однако, очевидно, что, скорее всего, парные нефункциональные дуговидные прорези в теле пряжки должны быть синонимичны треугольным выступам. Мастер, вырезавший темртинскую пряжку, просто избрал иной прием для того, чтобы показать адоративную позицию фигурки. Парные дуговидные прорези в нижней части планки рельефно и более реалистично показывают руки (компакта рога между отверстиями и по бокам от них), согнутые в локтях и скрещенные кистями чуть ниже груди. Традиция оформления согнутых рук при помощи отверстий в теле фигуры также известна на Ближнем Востоке и Балканах с энеолита (Lloyd, 1978, fig. 45; Gods, Goddesses, 1992, fig. 83, 92; Kadinlary, 2006, fig. 21)[61].

Таким образом, роговые пряжки кавказской традиции (илл. 80, *I*) представляют собой антропоморфные фигурки с согнутыми в локтях руками, кисти которых находятся на груди (фигурки-адоранты). Отдельный интерес вызывает пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 (илл. 80, *III*, *1*). Это вообще

[60] Деталь на голове этой фигурки семантического значения не имеет, т.к. изделие является подвеской, а выступ – петелькой для подвешивания.

[61] У пряжки из комплекса Гертма III 6/3 (илл. 80, *I*, *8*) руки в морфологии пряжки вообще не показаны. Возможно, они намечены нарезными линиями в нижней части планки. Некоторые из этих штрихов можно интерпретировать как адоративную позицию рук, однако, полной уверенности в этом нет.

самое вычурное изделие кавказской традиции. Здесь, кроме глаз, рук[62] и фаллоса, показан собственно сам пояс по обеим сторонам кольца, а также дополнительная деталь сверху головы, фактически аналогичная нижерасположенным глазам. М.В. Андреева назвала ее «полукруглыми рогами» (1986, с. 234). Именно такая интерпретация этого элемента привела ее к мнению зооантропоморфности пряжки, да и остальных исследователей тоже, которые считали, что в фигурке сочетаются черты человека и животного. При этом по форме, размерам округлых вырезок (собственно глаз) и точечной орнаментации вокруг них «рога» очень близки находящейся ниже голове с глазами. Ключ к пониманию значения этой детали также находится в материалах мелкой пластики Ближнего Востока. В этом регионе с позднего халколита распространяются культы глазастых идолов (eye-idols) (Mallowan, 1947, p. 198–200; Douglas van Buren, 1950; 1955). В этих статуэтках нет деталей тела (рук, ног и т.д.), но выражены глаза и иногда головные уборы. Много таких статуэток, по размерам вполне сопоставимых с пряжками, происходит из материалов теля Брак периода Урук III–Джемдет-Наср (Mallowan, 1947, pl. XXVI, LI; Oates, 2005, p. 15, fig. 10). Известны они и на других памятниках, в частности на Тепе Гавра, и позднее – на теле Хазна (Speiser, 1935, pl. XLIV, *c*; Tobler, 1950, pl. XII, *b*; LXXXVI, *a*; CLVI, *60, 61*; CLVII, *62–67*; Мунчаев, Амиров, 2016, с. 316, табл. 11, *848*). Среди этих статуэток для интерпретации чограйской пряжки интерес представляют алебастровые фигурки теля Брак типа 3 (eye-idols: type 3 – multiple idols) по типологии М. Маллоуэна. Это статуэтки, которые имеют не пару глаз, а две или даже три пары глаз (Mallowan, 1947, p. 198). Причем, в ряде случаев они располагаются в вертикальной позиции друг над другом (илл. 80, *III, 2*), как на поясной детали из Чограя (илл. 80, *III, 1)*. Интерпретация подобных изделий с двумя парами глаз связана с семейными (муж и жена) или близнечными культами (Mallowan,

[62] На примере этой пряжки еще раз обратим внимание, насколько важны треугольные выступы на планке (руки) с точки зрения иконографии образа. Здесь они очень мелкие, но, тем не менее, мастер четко их показывает и отделяет от головы с глазами, тем самым давая понять, что это отдельный смысловой элемент в изделии.

1947, p. 198; Douglas van Buren, 1950, p. 141). Известны идолы-адоранты с четырьмя глазами и в более позднее время, в частности, в Месопотамии старовавилонского периода и в материалах теля Умм эль-Марра этого же времени в Западной Сирии (илл. 80, *III, 3*)[63] (Schwartz, Curvers, Dunham, Weber, 2012, fig. 22). В любом случае, для нас актуально то, что, исходя из ближневосточных соответствий и их интерпретаций, можно констатировать, что бóльшая часть основных деталей пряжки из комплекса Чограй VIII 34/1, равно как и остальных изделий этого типа, является антропоморфными.

В выборке кольцевидно-планочных изделий необходимо обратить внимание на некоторые факты, которые вносят смысловую градацию внутри серии пряжек кавказской традиции. Речь идет о различиях между лолинскими (илл. 80, *I, 1–4*) и гинчинско-присулакскими (илл. 80, *I, 5–8*) поясными деталями. В морфологическом отношении заметен более вычурный вид изделий лолинской культуры. Они выглядят более объемными по сравнению с северокавказскими изделиями, которые в основном имеют плоскую форму. Л.С. Ильюков и Р.Г. Магомедов называют их «пластинчатыми» (Ильюков, Магомедов, 2010, с. 48). Эффект объемности у лолинских предметов из Чограя и Кевюд достигается за счет их толщины, а у пряжки из Темрты – благодаря довольно изогнутой в сечении формы.

У гинчинских и присулакских пряжек все морфологические декоративные детали, несущие исключительно семантическую нагрузку, являются более стилизованными. У них нет таких выраженных дугообразных выступов (ног), как у лолинских экземпляров из Чограя VIII 34/1 и Кевюд 1 3/5 (илл. 80, *I, 2, 3*). На гинчинских пряжках эти детали едва намечены небольшими округлыми выступами (илл. 80, *I, 5, 7*). Также редуцированными выглядят треугольные выступы (руки) при переходе кольца в планку (илл. 80, *I, 5–7*). На одной присулакской пряжке они отсутствуют вовсе (илл. 80, *I, 8*)[64].

[63] Фото сделано мною в археологическом музее Алларда Пирсона в Амстердаме.
[64] Кстати, это лишний раз свидетельствует в пользу того, что эти элементы не несли функциональной нагрузки ни у гинчинских, ни у лолинских пряжек.

У лолинских изделий всегда декорирована только внешняя сторона (илл. 80, *I, 1–3*), предметы были рассчитаны на восприятие только спереди. Присулакские пряжки орнаментированы с обеих сторон (илл. 80, *I, 7, 8*), и в этом отношении они ближе к статуарным образам, особенно это касается экземпляра из комплекса Гертма III 5/1 (илл. 80, *I, 7*). Отличается и техника нанесения декора. Лолинские экземпляры украшены только точечным узором (илл. 80, *I, 1–3*), на гинчинско-присулакских изделиях чаще встречается циркульный орнамент, косые насечки, перевернутые углы, а также вертикальная волна (илл. 80, *I, 6–8*).

Особо следует подчеркнуть уже упоминавшееся морфологическое, а соответственно, и семантическое различие. У всех раннелолинских пряжек имеется выступ в центре нижней части кольца (илл. 80, *I, 1–4*), который следует интерпретировать не иначе, как фаллос. Выше уже отмечалось, что подобная деталь является ключевой в распознавании образа, передаваемого этими изделиями, он сохраняется даже на самом стилизованном предмете этой группы (илл. 80, *I, 4*). Из четырех северокавказских пряжек только две сохранили полную форму (илл. 80, *I, 5, 7*), но ни у одной из них нет этой значимой для лолинских изделий детали, хотя стилизованные ноги показаны характерными выступами. Заманчиво было бы предположить, что в таком случае гинчинско-присулакские пряжки передают также антропоморфный образ, т. к. у них присутствует ряд характерных деталей, что и у лолинских, но женский.

Подтвердить подобную трактовку помогает пряжка из к. 5 п. 1 мог. Гертма III (илл. 80, *IV, 1*). У данного предмета, благодаря орнаментации, хорошо опознается передняя и задняя стороны. На лицевой части четко видны глаза, нос, рот, ниже расположены три окружности, выполненные циркульным орнаментом, и перевернутый угол. На обратной стороне нанесены две вертикальные параллельные волны. Итак, перед нами антропоморфная адоративная фигурка. Отсутствие у нее фаллоса уже задает вектор определения половой принадлежности. Ключевыми в этом отношении могут

оказаться окружности и перевернутый угол, расположенные ниже головы. Когда я первый раз анализировал иконографию этого предмета, мне было сложно понять, что они могут означать (Мимоход, 2013, с. 116). Сейчас следует отметить, что в этой (нижней) части композиции присутствуют те же элементы, которые есть на лице фигурки: окружности, выполненные в циркульной технике и угол. Расположение угла здесь между двумя окружностями создает впечатление некой антропоморфности – личины. С двумя личинами и их соответствиями в ближневосточной мелкой пластике мы уже сталкивались на примере пряжки из комплекса Чограй VIII 34/1 (илл. 80, *III*). Однако ситуация с пряжкой из Гертмы принципиально иная. Здесь вторая личина расположена внутри тела человека, а не над головой. Как и в случае с чограйским изделием объяснить эту ситуацию помогают алебастровые статуэтки глазастых идолов из теля Брак. М. Маллоуэн выделяет среди них тип 4 (mother and child idols), когда маленький идол (детский) заключен в теле материнского идола (илл. 80, *IV*, *2*). Эти статуэтки, бесспорно, трактуются как изображения беременных женщин (Mallowan, 1947, p. 199). В таком случае и гертминскую фигурку-пряжку (илл. 80, *IV, 1*) следует рассматривать с такого же ракурса. Отсутствие фаллоса, вторая личина в теле фигурки (беременность) позволяют видеть в гинчинско-присулакских пряжках, по крайней мере, в изделиях их комплексов Ирганайский 1/1 и Гертма III 5/1 (илл. 80, *I, 5, 7*), изображения женщин-адорантов. Это подтверждает и вертикальная волна на задней стороне гертминской поясной детали (илл. 80, *I, 7*). В свете всего вышесказанного весьма вероятно, что здесь показана прическа в виде косы.

Интересны в этом отношении антропологические данные погребений, в которых обнаружены пряжки кавказской традиции. Все изделия типа Чограй-Кевюды лолинской культуры (илл. 80, *I, 1–4*), которые изображают мужчин-адорантов, обнаружены исключительно в мужских захоронениях старше 30 лет, где скелеты лежали в позе адорации (табл. 3.1). Производные от пряжек типа Чограй-Кевюды более поздние модификации без признаков

антропоморфизма изделия типа Ипатово-Типки тоже найдены только в погребениях взрослых мужчин (табл. 3.1) (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 225, рис. 14, *4–5*; Мимоход, 2013, с. 111, илл. 60, *5–8*). Ситуация с фигурными поясными деталями гинчинско-присулакских древностей, которые, возможно, изображали женщин-адорантов, выглядит принципиально иной. О том, кому принадлежала пряжка из комплекса Ирганай 1/1 (илл. 80, *5*), судить сложно. Оно было ограблено, в склепе обнаружены кости двух взрослых индивидов и ребенка без анатомического порядка (Магомедов, 1990, с. 41). В комплексе Гертма III 5/1 пряжка (илл. 80, *I*, *7*) находилась в захоронении подростка 10–12 лет, а в Гертме III 6/3 поясная деталь (илл. 80, *I*, *8*) сопровождала ребенка 4–6 лет (Ильюков, Магомедов, 2010, с. 47, 48).

В мог. Ханлар (Азербайджан) кольцевидно-узкопланочная пряжка, утратившая следы антропоморфизма, найдена в женском погребении (Гуммель, 1940, с. 70, фиг. 30, *15*). Иными словами, в предкавказской степной лолинской культуре фаллические адоративные фигурки обнаружены исключительно в захоронениях мужчин среднего и преклонного возраста, в то время как на Кавказе они встречаются в детских и женском захоронениях. На мой взгляд, это косвенно свидетельствует о том, что гинчинско-присулакские пряжки могли изображать женщин, по крайней мере, те, которые сохранили полную форму.

В заключение характеристики образов, которые передают роговые фигурные поясные детали кавказской традиции, остановимся на еще одном структурном элементе. Как было сказано выше, свободный конец ремня к пряжке крепился путем захлестывания через кольцо (илл. 80, *I*), а в поясных изделиях европейской традиции он пристегивался при помощи крючковидного или запонковидного выступа на щитке. Как это не покажется странным, но данные различия в креплении пояса несут тоже определенную семантическую нагрузку, понять которую можно также обратившись к ближневосточной мелкой пластике. Важным связующим звеном здесь выступает пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 (илл. 79, *2*). На этом изделии

вокруг кольцевого отверстия мастер хорошо показал пояс (Андреева, 1986, с. 234). Его расположение по отношению ко всем остальным антропоморфным элементам фигурки показывает, что при использовании ремень на теле человека находился в районе пояса или пупка, собственно, как он носится и по сей день.

В ближневосточной мифологической традиции, да и не только в ней, образ пупа, как связанный с материнскими и другими разнообразными культами[65], имеет большое значение. Пупок нередко изображался на разного рода скульптурах, в том числе и на предметах мелкой пластики (Frankfort, 1935, fig. 73; Pendlebur*y,* 1963, pl. XII*, 2*; Yakar*,* 1985, fig. XIII, *34*, XIV, *5, 19*; Gods, Goddesses*,* 1992, fig. 84, 92, 93). Значение этого элемента было настолько велико, что в некоторых случаях это был единственный элемент, который показывался на теле, которое венчала вполне реалистичная голова. Нередко пуп представлял собой сквозное отверстие на мелких скульптурах, в том числе и адоративных. Как было показано выше, фактически все антропоморфные элементы поясных деталей кавказской традиции находят структурные соответствия в ближневосточной и восточносредиземноморской пластике. Логично предположить, что при реализации ее стандартов на пряжке именно пуп трансформировался в кольцо, сохранив при этом свое семантическое значение[66].

Таким образом, роговые фигурные пряжки кавказской традиции (илл. 80, *I*) являются, главным образом, антропоморфными. На большинстве из них хорошо опознаются голова, глаза, руки, ноги и пуп. Они передают образ стоящего индивида, руки которого находятся в позе адорации. В среде скотоводческой лолинской культуры пряжки имели ярко выраженную фаллическую символику и, безусловно, передавали мужской образ. В

[65] Ср., например, расхожее «пуп земли» и его значение в различных космологических системах.

[66] Еще раз стоит обратить внимание на очевидные сходства чограйской пряжки (илл. 80, *III, 1*) с мелкой терракотой старовавилонского периода (илл. 80, *III, 3*). У всех изделий показаны ноги, руки в позе адорации, голова с четырьмя глазами и пупок. Только в Месопотамии с ее развитыми земледельческим культами это женские фигурки, а в скотоводческой лолинской культуре – мужская.

гинчинской и присулакской культурах, у которых хорошо фиксируется земледельческо-скотоводческий уклад с соответствующими культами, вероятно, есть пряжки, изображающие адорантов-женщин, и пока не найдены изделия, которые достоверно можно интерпретировать в качестве мужских фигурок.

Установление семантики пряжек европейской традиции показывает, что и они также передают антропоморфные образы, структурные соответствия которым также обнаруживаются в мелкой пластике Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья. Только в отличие от кавказских изделий, которые передают образ «адорантов», европейские пряжки показывают людей, стоящих в позе «оранта», т.е. с поднятыми руками. У пряжек обеих традиций мы наблюдаем очень близкую систему трансформации семантически важных антропоморфных деталей в функциональные элементы крепления свободного конца ремня. У пряжек кавказской традиции пуп трансформировался в кольцо, а у европейских изделий нос в крючок (Мимоход, 2018г, с. 260–264).

Дискуссия вокруг семантики фигурных пряжек кавказской и европейской традиции, конечно, не закончена. Совсем недавно была опубликована статья В.В. Отрощенко, посвященная этой теме (Отрощенко, 2019). Автор не соглашается с рядом моих выводов, настаивая на антропозооморфности образов, передаваемых лолинскими пряжками, и приглашает к продолжению дискуссии. Однако поле для нее оказывается сильно ограниченным по ряду причин. В.В. Отрощенко рассматривает семантику лолинских пряжек в отрыве от гинчинско-присулакских (они не упомянуты вовсе), а ведь это одна традиция (кавказская), и моя аргументация строилась на анализе всей совокупности ее изделий, потому что заключения по одной серии подтверждались выводами по другой. На мой взгляд, вся поясная гарнитура кавказской традиции с помощью разных приемов передает все-таки один образ – стоящую фигурку с чертами антропоморфизма и рукам в позе адорации. Это логично, т.к. они узко датируются и находятся в

родственной культурной среде. У В.В. Отрощенко в верхней части чографской пряжки (илл. 79, *2*) находятся рога, ниже «нагрудная маска с сосками», которая поддерживается руками. Иными словами, поза адорации вроде бы и признается, но она оказывается не столько ритуальной, сколько функциональной. У кевюдского экземпляра (илл. 79, *3*) рога уже оказываются на «нагрудной маске» или немного выше, которые, по мнению В.В. Отрощенко, показаны пуансоном. Причем, никак не комментируются, что означает точно такой же орнамент на чографском изделии. Но самая интересная трансформация происходит с пряжкой из Темрты (илл. 79, *1*). Верхняя ее часть – это рога барана с глазами, дальше она превращается в мировое древо, которое оканчивается фаллосом. В результате из трех выразительных пряжек исследователем глаза были признаны только для одной. Причем, по трактовке В.В. Отрощенко, если темртинская пряжка антропозооморфная то, что, собственно, у нее остается антропоморфного? Фаллос? Вряд ли этот элемент может считаться исключительно антропоморфным признаком, а о ногах, которые есть на пряжке из Темрты, исследователь не пишет. Интересная статья В.В. Отрощенко натолкнула меня на одну примечательную особенность, на которую я раньше не обращал внимания. Оказывается, есть еще одна деталь, кроме фаллоса, которая структурно отличает лолинскую серию от гинчинско-присулакской. Речь идет об оформлении верха головы. В лолинской серии она показана в виде волны с падением посередине (илл. 80, *I*, *1–4*). Этого элемента нет на гинчинско-присулакских изделиях (илл. 80, *I*, *5–7*). Эта деталь оказывается столь же важна для образа, как и фаллос, потому что она показана даже на самой стилизованной лолинской пряжке из Черноярской (илл. 79, *4*). И вот в этом пункте я должен согласиться с оппонентом. Вероятно, действительно таким образом на голове показаны стилизованные рога барана, а образ, который транслируют пряжки лолинской культуры оказывается антропозооморфным. В этой связи актуализируется еще один важный момент. Выше уже были приведены доводы в пользу того, что гинчинско-присулакские поясные детали

передают не мужской образ, как лолинские, а женский. Тот факт, что у кавказских пряжек отсутствует оформление верхней части головы в виде рогов барана (илл. 80, *I*, *5–7*) хорошо ложится в систему этой аргументации.

Таким образом, лолинские пряжки являются антропозооморфными. Они передают мужскую стоящую фигуру, у которой руки находятся в позе адорации, а верхняя часть головы оформлена в виде стилизованных рогов. Гинчинско-присулакские изделия являются все-таки антропоморфными. По крайней мере, ни одной зооморфной черты у них не опознается.

Еще раз обратим внимание, что у меня и В.В. Отрощенко разные критерии идентификации рогов. Исследователь считает, что на кевюдской пряжке (илл. 79, *3*) рога показаны точечным орнаментом (Отрощенко, 2019, с. 10). На самом деле, так украшены все три лолинские пряжки, которые имеют декор (илл. 79, *1–3*), и серьезной семантической нагрузки этот орнамент не имеет. Он, кстати, присутствует на пряжке типа И-Т из Донифарса (илл. 161, *9*) (Уварова, 1900, рис. 177, 178; Мимоход, 2013, илл. 61, *10*), которая уже не имеет никаких реалистических деталей, присущих изделиям типа Ч-К. Здесь им орнаментировано кольцо, т.е. та часть, где рога располагаться не могут, а на темртинском экземпляре он покрывает 2/3 поверхности (илл. 79, *1*). Иными словами, рога на лолинских пряжках показаны не орнаментом, а морфологической деталью в виде волны с падением посередине, которой оформлена верхняя часть планки. Возвращаясь к чограйской пряжке, еще раз обращу внимание, что в моей трактовке образ имеет две головы и четыре глаза, что хорошо подтверждается ближневосточной мелкой пластикой (илл. 80, *III*), а также четверо рогов. Наша «волна» (полукружья) есть как над нижними глазами, так и над верхними (илл. 79, *2*). В интерпретации В.В. Отрощенко у чограйской пряжки, равно как и у кевюдской голов нет вообще, но при этом есть рога, что выглядит довольно странным. «Обезглавливает» исследователь и пряжки европейской традиции, но это отдельная тема для обсуждения.

В заключение обсуждения сюжета о семантике пряжек следует пояснить, почему я указал на то, что поле для дискуссии с В.В. Отрощенко по этому

вопросу сильно ограничено. Наши работы написаны по разным принципам. Мои интерпретации деталей образов, которые транслируют пряжки, сопровождаются подробным иллюстративным рядом, которые свидетельствуют о наличии в хронологически близких иконографиях аналогий структурных соответствий тем элементам и их сочетаний, который мы можем наблюдать на пряжках. Читатель вправе судить, насколько эти аналогии приведены корректно. В.В. Отрощенко оперирует только текстовыми аналогиями, причем, из эпох, отстоящих от хронологии нашей дискуссии на тысячелетия[67]. Например, когда исследователь пишет о «нагрудной маске с сосками» (Отрощенко, 2019, с. 10), хотелось бы увидеть какие-нибудь иллюстрации, подтверждающие их наличие и желательно близкие по хронологии. В другом месте в подтверждении безголовости пряжек европейской и кавказской традиций ученый пишет, что «что у селькупов на шаманский ритуальный плащ цеплялись особенные подвески: антропоморфные изображения «выродков» – безголовых, безруких духов «войско шамана»» (Отрощенко, 2019, с. 13). Даже оставляя за скобками то, что это этнографическая информация, которую очень сложно экстраполировать на археологические данные, стоило бы поместить эти изображения в статью для того, чтобы было понятно, о чем речь и насколько корректна подобная аналогия[68]. Однако, следует признать, что статья В.В. Отрощенко привела к определенной трансформации моих трактовок по поводу семантики лолинских пряжек, а соответственно дискуссию без преувеличения можно назвать плодотворной.

Из материалов Лолы происходит еще один тип поясной детали. Это костяные изогнутые в сечении диски диаметром 4,5–6 см с небольшим отверстием в центре диаметром 0,5–0,9 см. На данный момент в Предкавказье известно шесть таких изделий (Элиста 6/1, ВМЛБ I 1965 30/1, 32/3, 37/2).

[67] В статье приведена только одна сопоставительная иллюстрация идола из Галичского клада, которая, на мой взгляд, к обсуждаемой проблеме имеет весьма отдаленное отношение.
[68] Впрочем, в монографии Т.В. Жеребиной (2009), на которую ссылается В.В. Отрощенко, этих изображений тоже нет.

Четыре из них найдены в лолинских погребениях (илл. 79, *9–12*) (Элиста 6/1, ВМЛБ I 1965 30/1, 32/3, 37/2), три – в захоронениях невинномысской культуры (илл. 124, *11–13*) (Калиновский 2/2, Ульяновский 1 3/5, Николаевский 3 2/6). Эти предметы были выделены в отдельную группу поясных подвесок лолинской культуры *тип Элиста-Калиновский (Э-К)* (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 223).

Нахождение изделий типа Э-К в трех погребениях у костей таза (ВМЛБ I 1965 32/3, 37/2; Калиновский 2/2) (илл. 63, *5*, 112, *3*, 128) позволяет рассматривать эти изделия либо как особую разновидность пряжек, либо как поясные подвески. Вопрос о принадлежности лолинских изделий к деталям крепления ремня остается открытым до проведения их трасологического анализа. В пользу того, что это все-таки подвески свидетельствует их морфология. Слишком мало центральное отверстие, чтобы оно могло использоваться для захлестывания пояса. Кроме того, это подтверждает и сырье, из которого они изготовлены. Все авторы раскопок в один голос утверждают, что предметы сделаны из черепной кости человека (Рыков, 1936а, с. 63; Синицын, 1978, с. 39, 40, 43; Калмыков, Мимоход, 2006, с. 90) [Дервиз, Мирошина, Мишина, 1982, с. 42; Лычагин, 2004]. На возможность использования круглых костяных изделий с центральным отверстием в качестве подвесок и других элементов костюма, а не собственно пряжек, не раз обращали внимание исследователи, опираясь на материалы бабинской культуры и памятников покровского типа (Елисеев, Клюшенцев, 1982, с. 78; Тощев, 1982, с. 117, 118; Петров, 1983, с. 121; Черняков, 1985, с. 89; Савва, 1988, с. 65, 66; 1992, с. 135, 136; Малов, 1992, с. 42, 43; Братченко, 1995, с. 22; Рогудеев, 2001, с. 109; 2001а, с. 410, 411; 2004, с. 192, 193; 2015, с. 64–66, 93; Литвиненко, 2001б, с. 93; 2004, с. 277; 2006а, с. 179; 2009а, с. 8; Лысенко, 2008, с. 177). В некоторых случаях это находит подтверждение и в данных трасологии (Усачук, 1998, с. 134; 1998а, с. 36; 2002а, с. 164).

К сожалению, лолинские погребений с поясными подвесками типа Э-К не имеют квалифицированных антропологических определений. Сложно

понять, сохраняется ли традиция помещения поясных деталей в погребения взрослых мужчин, которая хорошо прослежена для более ранних комплексов с фигурными роговыми пряжками типа Ч-К и И-Т. Здесь можно отметить только следующее. Во всех пяти погребениях с предметами типа Э-К были обнаружены захоронения взрослых людей, т.е. в детские могилы такие вещи по-прежнему не помещались.

Попробую осторожно предположить, что позднелолинские поясные подвески продолжают более раннюю традицию и связаны с мужскими взрослыми захоронениями. Однако так ли это, покажут дальнейшие археологические и антропологические исследования.

Из материалов лолинской культуры происходит два предмета, сделанных из трубчатых костей животных.

Один из них *костяная трубочка*. Ее длина – 9,8 см, диаметр – 0,8–0,9 см (илл. 77, *7*). Подобные изделия не несут ни хронологической, ни культурной нагрузки и нередко встречаются в погребениях всех этапов эпохи бронзы. Довольно подробный список таких предметов приведен в работе А.Н. Усачука (1999, с. 75–79). Функциональное назначение этих предметов дискуссионное (Юдин, Матюхин, 2006, с. 51). Как наиболее вероятные из них – это приспособление для доения коров (Галкин, 1975, с. 187–192; Радзієвська, Шрамко, 1980, с. 107; Потемкина, 1985, с. 64; Иванова, 1990, с. 66, 67), длинные рукояти (Братченко, 1976, с. 116; Лопатин, 1996, с. 147, рис. 4, *29*, 5, *27, 28*; 2002, с. 56, рис. 8, *8*, 9, *13, 14*) и детали одноствольных духовых инструментов (Усачук, 1999, с. 75–80).

Также возникают трудности с установлением функционального назначения второго *орудия из трубчатой кости*, обнаруженного в раннелолинском комплексе Бахтияровка 32/4 (илл. 77, *9*). Показательными морфологическими деталями бахтияровского предмета являются срезанный наискось край и прорезанное в верхней части отверстие.

Среди костяных изделий лолинской культуры уникальными выглядят *наконечники стрел* (илл. 81, *16–18*). Их три и относятся они к разным типам.

Один наконечник происходит из комплекса Черноярская 3/10 (илл. 81, *17*). Он черешковый, имеет листовидную форму. Сечение пера ромбическое, черешок трапециевидный.

Второй костяной наконечник стрелы лолинской культуры найден в раннелолинском комплексе Цаган-Усн VII 4/27 (илл. 81, *18*). Предмет втульчатый с четырехгранным квадратным сечением. Особое своеобразие ему придает косой шип длиной 1,28 см, отходящий от основания пера. Этот наконечник уникален не только для лолинской культуры. Точные аналогии ему не удалось найти ни в комплексах эпохи бронзы степи-лесостепи Восточной Европы, ни в памятниках Кавказа и Закавказья. Отсутствуют они и в европейских материалах.

Охарактеризованные наконечники, несмотря на уникальность, принадлежали носителям лолинской культуры. В комплексе Черноярская 3/10 два кремневых и один костяной наконечники входили лежали вместе за спиной умершего (илл. 81, *11, 12, 17*, 237, *2*). Их можно интерпретировать как колчанный набор (Разумов, 2010, с. 21). Подобное расположение достаточно показательно. По реконструкции С.Н. Братченко за спиной обычно носили колчан лучники энеолита – бронзового века (Братченко, 1989, с. 80; 2006, с. 279) (см. главу 7). В п. 27 к. 4 мог. Цаган-Усн VII найдены две стрелы, правда, лежавшие порознь. Одна из них (кремневая) находилась у черепа, вторая (костяная) в противоположной части могилы вместе с астрагалами (илл. 81, *9, 18*). Несмотря на такое расположение они, видимо, при жизни входили в единый колчанный комплект, т.к. обе были снабжены боковыми шипами и, скорее всего, являлись боевыми.

Иначе дело обстоит с наконечником из комплекса Песчаный V 14/3 (илл. 81, *16*). Это крупное изделие длиной 12 см имеет длинный черешок с круглым сечением. Острие имеет три пера, два из них длинные, одно короткое. Погребение является коллективным (илл. 63, *10*). В могиле находилось семь костяков: один взрослый мужчина и шесть детей (см. прил. к гл. 3). Наконечник находился в спинной части мужского костяка, острием был

направлен к позвоночному столбу. Иными словами, стрела была причиной гибели индивида, а само погребение можно трактовать как «братскую могилу» (Mimokhod, Zagorodnia, 2019; 2021; Мимоход, Загородняя, 2020).

В материалах Лолы это единственный наконечник такого типа, причем, им был убит представитель этой культуры. Логично предположить, что стрела является инокультурной. Круг аналогий этой стреле устанавливается достаточно четко. На рубеже средней – поздней бронзы длинные шипастые черешковые стрелы эксплуатировались носителями двух культурных традиций: гинчинской (илл. 82, *1, 2*) (Гаджиев М.Г., 1969, с. 31, рис. 13; Магомедов Р., 1998, рис. 56) и синташтинско-потаповской (илл. 82, *3–11*) (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 56; Зданович Д., 2002, рис. 33, *2*). Я уже указывал на возможную связь между этими сериями, которая могла осуществляться посредством лолинской культуры (Мимоход, 2013, с. 141, 142) (подробнее см. главу 7). В свою очередь, прототипы таких наконечников находятся в Анатолии (Schmidt K., 2002, taf. 21, s. 154).

Комплекс Песчаный V 14/3 относится к раннелолинскому времени. Его хронологическая позиция уже указывает на то, что, прежде всего, наконечник из этого погребения следует сопоставить с гинчинской серией, синташтинско-потаповские древности датируются более поздним периодом (Мимоход, 2007, рис. 5; 2013, илл. 114). Однако и в типологическом отношении стрела из Песчаного находит убедительные соответствия в материалах Гинчи. Объединяет эти изделия их длина, наличие шипов на острие (илл. 82, *I, 1, 2*). Несмотря на то, что у экземпляра из лолинского погребения отсутствуют шипы на черешке, можно уверенно утверждать, что индивид из комплекса Песчаный V 14/3 был убит гинчинской стрелой[69]. В более поздней синташтинско-потаповской серии чаще встречаются одношипные стрелы (илл. 82, *3–8*), но известны и двухшипные (илл. 82, *9–11*). Видимо, в качестве

[69] Косвенно этот факт подтверждается данными трасологического анализа костяных изделий из комплекса Песчаный V 14/3 (прилож. 3.1). Кроме стрелы здесь были обнаружены кольцевидные костяные подвески. Все изделия за исключением одного резались «людьми без особого опыта обработки кости», в то время как стрела изготовлена тщательно мастером, «имеющим довольно большой опыт в обработке животной кости».

индикатора более позднего возраста стрел Синташты-Потаповки следует рассматривать уменьшение размеров изделий за счет укорачивания черешка.

В этой связи можно поставить окончательную точку в дискуссии по поводу культурно-хронологической атрибуции наконечников стрел с шипами, обнаруженных в гинчинских склепах (илл. 82, *1, 2*). Дело в том, что эти предметы очень схожи со стрелами, так называемыми «площиками», которые известны на Кавказе в комплексах финала поздней бронзы – начала раннего железного века (Крупнов, 1951, рис. 21, *1*; Мунчаев, 1962, рис. 2, *2*; Козенкова, 2001, рис. 89, *12–17*). Например, в регионе такие стрелы обнаружены на поселении Ачису в комплексе с роговидным псалием с тремя отверстиями в одной плоскости и другими поздними датирующими предметами (Давудов, 1985, рис. 5, *3–12, 23*). Известны они в кобяковских, кобанских и позднесрубных материалах (Шарафутдинова, 1980, табл. XXXIII, *1, 2*; Козенкова, 1996, с. 92, рис. 34, *67*; Буйнов, 2001, рис. 1, *1–3*). Как следствие, М.Г. Гаджиев на основании находки костяного наконечника с шипом омолодил верхнюю границу могильника Гинчи до XII в. до н.э. (1969, с. 157), что встретило поддержку В.И. Марковина (1972, с. 289). Это вызвало справедливое удивление, т.к. больше ни одной вещи этого времени в Гинчинском могильнике нет (Магомедов Р., 1998, с. 171). Пытаясь объяснить нахождение наконечника «финала бронзового века» в комплексе среднего бронзового века, Р.Г. Магомедов предложил следующие варианты: «а) черешковые костяные стрелы появляются очень рано; б) перед нами не наконечник стрелы, а самый настоящий гарпун; в) наконечник стрелы попал в склеп в позднее время при его ограблении или же он переместился из верхних горизонтов в средний ярус при рытье в наше время нескольких хозяйственных ям» (Магомедов Р., 1998, с. 172). Последние два варианта вряд ли стоит серьезно обсуждать. То, что это стрела, имеющая многочисленные аналогии на Кавказе, а не гарпун, понятно. Маловероятно попадание наконечника в склеп в результате позднейших нарушений. Изделие находилось в среднем ярусе рядом с целым круглодонным сосудом (Гаджиев М.Г., 1969, с. 31). А в

случае со склепом 5 Ирганайского могильника, это и вовсе исключено, т.к. здесь обнаружена серия двуперых наконечников с длинным черешком (не менее 5 экз.) (илл. 82, *2*).

Ранее на основе типологической преемственности гинчинских стрел (илл. 82, *1, 2*) с синташтинско-потаповскими (илл. 82, *3–11*), а позднее и с покровскими (Збруева, Смирнов А.П., 1939, табл. 1, *11*; Багаутдинов, Скарбовенко, 1978, с. 52; Порохова, 1989, рис. 4, *9*; Рутто, Морозов, 1989, рис. 7, *7*; Иванов, Скарбовенко, 1993, рис. 14, *16, б*) был сделан вывод о правомерности датировки гинчинских стрел с шипами финалом средней бронзы (Мимоход, 2013, с. 138–141). Теперь этот вывод оспорить вряд ли возможно. Обнаружение гинчинской стрелы в закрытом комплексе раннелолинской культуры, где она к тому же была орудием убийства, снимает все сомнения по поводу начала эксплуатации этого типа наконечника.

Изделия из камня. Продолжая рассматривать тему вооружения носителей лолинской культуры, начатую характеристикой костяных стрел, необходимо рассмотреть серию *кремневых наконечников*.

Всего известно шесть лолинских захоронений, из которых происходит 11 наконечников и их заготовок (илл. 81, *5–14*), что составляет 1,8% от всех погребений культуры. Кремневые наконечники стрел, обнаруженные в погребениях лолинской культуры, относятся к трем типам.

Тип 1 – это листовидные наконечники с овальным основанием (илл. 81, *5–11*). По классификации С.Н. Братченко они относятся к стрелам группы V «листовидные с выпуклым основанием». Исследователь особо отметил редкую встречаемость наконечников этого типа в памятниках эпохи бронзы (Братченко, 2006, с. 269).

В лолинской серии листовидных изделий представлены три варианта стрел.

Вариант 1 – листовидные наконечники с овальным широким основанием приземистых пропорций. К нему относятся наконечники и заготовки из комплекса Манджикины 1 9/1 (илл. 82, *5–7*) и стрела из комплекса Степная IV

3/3 (илл. 82, *8*). Это достаточно крупные и тяжелые изделия длиной 4,5–3,3 см. Наибольшее расширение приходится на середину тулова. Соотношение длины предмета к максимальной ширине пера составляет 2:1–1,5. Наконечники обработаны относительно крупной ретушью и выглядят довольно массивными и небрежными.

Вариант 2 представлен листовидными наконечником стройных пропорций с зауженным основанием из комплекса Черноярская 3/10. Изделие является довольно узким и длинным (илл. 81, *11*) и этим отличается от стрел 1-го варианта. К этому же варианту относится и наконечник, обнаруженный в комплексе Ясырев I 8/9 (илл. 81, *10*) (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974, табл. VI, *6*). Это погребение ДДБК. Наконечник находился под коленом умершего, и он справедливо рассматривается исследователями не в качестве сопровождающего инвентаря, а наряду с другими стрелами в костяках бабинских погребений, как результат ранения (Шарафутдинова, 1983, с. 32; 1987, с. 37; Литвиненко, 1998б, с. 49; 2001в, с. 17; 2012, с. 63; 2019; 2020; Разумов, 1999, с. 214; 2006, с. 157; Стеганцева, 2005, с. 32; Мимоход, 2013, с. 149; Мимоход, Загородняя, 2020, с. 140–146). В своей классификации посткатакомбных кремневых стрел Р.А. Литвиненко отметил, что ясыревский наконечник не типичен для вооружения носителей бабинской культуры, и находка изделия такой формы является единичной (Литвиненко, 1998, с. 49). Зато данная стрела хорошо вписывается в типологический ряд листовидных наконечников лолинской культуры.

К варианту 3 относится листовидный кремневый наконечник с боковым шипом посередине пера, найденный в комплексе Цаган-Усн VII 4/27 (илл. 81, *9*). Его форма полностью идентична, например, наконечнику из Ясырева I 8/9 (илл. 81, *10*). Обособление цаганусновского изделия в рамках отдельного варианта типа 1 продиктовано наличием такой специфической детали как выраженный боковой шип. Он делает этот наконечник в определенной мере исключительным, т.к. кремневые стрелы с одним шипом не были характерны для культур средней – поздней бронзы.

Тип 2 в лолинской серии кремневых наконечников представлен изделием с листовидным, близким к подтреугольному, пером и черешком трапециевидной формы (илл. 81, *12*). Обе стороны пера обработаны характерной для кавказской традиции пильчатой ретушью. Заметим, что морфология этой кремневой стрелки фактически такая же, как у костяного наконечника, обнаруженного с ним в одном колчане (илл. 81, *17*). По сути это одна модель черешковой стрелы, реализованная в разных материалах.

Пополнение базы данных позволило выделить еще один тип кремневых наконечников.

Тип 3 составляют три экземпляра. Он представлен изделиями листовидной формы с усеченным основанием (илл. 81, *13–15*). Изделие из комплекса Зимняя Ставка 1 4/1 обработано ретушью с двух сторон (илл. 81, *13*), тыльная сторона наконечника из Кунаковский 2 3/3 не ретушировалась, его края обработаны в технике пильчатой ретуши (илл. 81, *14*). Промежуточное положение в этом отношение занимает наконечник из п. 703 мог. Беслан. Лицевая сторона обработана ретушью, а тыльная отретуширована только по краям, спинка не обработана (илл. 81, *15*).

Несмотря на то, что этот тип наконечника (илл. 82, *II*) по формальным показателям соответствует наконечникам стрел «турбинского» или «покровского» с усеченным основанием (илл. 82, *12–21*), которые получают широкое распространение в колесничных культурах на фазе ПКБ III, он представляет собой самостоятельное явление как в отношении более ранней хронологии по отношению к началу поздней бронзы и заключительному периоду существования посткатакомбного блока, так и по структурным деталям морфологии и изготовления (подробнее см. главу 7).

В заключение характеристики кремневых наконечников стрел лолинской культуры следует отметить довольно любопытный момент. В лолинской серии совершенно не представлены наконечники с выемкой в основании. Этот тип в разных вариациях был самым популярным в эпоху средней бронзы. Он полностью доминирует во всех катакомбных культурах

(Братченко, 2006, с. 251; Клещенко, 2018а, рис. 1, *1–7, 9, 10*), в том числе и ВМКК. Мне не известно больше ни одного катакомбного или посткатакомбного культурного образования, а также культуры эпохи средней бронзы Кавказа и Закавказья, в материалах которых не были бы представлены кремневые стрелы с выемкой. Отсутствие в лолинской культуре выемчатой системы крепления и использование только черешкового (и близкого к нему у листовидных наконечников) способов придает вооружению дальнего боя посткатакомбных памятников Предкавказья вполне конкретную культурную специфику.

К предметам вооружения относится *каменная булава*, обнаруженная в комплексе Золотаревка 3 9/13 (илл. 81, *1*). На сегодняшний день это единственная находка подобного рода в материалах культурного круга Лола. Она относится к булавам с выступами типа «Мариуполь-Бородино» по классификации В.И. Клочко (Klochko, 1994, p. 168; 2002, p. 22, 27, 30; Клочко, 2006, с. 21). Этот хорошо опознающийся тип представлен и в других классификациях каменных булав (Малов, 1991, с. 33; Клоков, 1995, с. 17; Килейников, 2004, с. 140, 141).

Еще одна категория оружия, встреченная в лолинских погребениях, представлена тремя *каменными топорами*.

Один из них обнаружен в комплексе ВМЛБ I 1965 32/4 (илл. 81, *3*). Топор сверленый, сделан из диорита, имеет подромбическую в плане форму, клиновидную лезвийную часть и тупой обушок.

Существует несколько классификаций каменных сверленых топоров эпохи бронзы юга Восточной Европы, которые вполне сопоставимы друг с другом (Санжаров, 1992; Цимиданов, 1993; Сурков, 1996; Чивилев, 2000; Олих, 2004; Новичихин, Федоренко, 2003; Клещенко, 2018). Наш экземпляр относится к усеченно-ромбическим топорам типа 3 по наиболее развернутой типологии С.Н. Санжарова (1992, с. 163–167, рис. 2, *3*, 3, 4).

Топор из комплекса Галюгаевская-88 1/3 (илл. 81, *2*). В своей классификации А.А. Клещенко отнес этот экземпляр к типу I подтип I.1.2

(Клещенко, 2018, рис. 12, *9.5*) и правильно оценил его хронологическую позицию в рамках финала средней бронзы (Клещенко, 2018, с. 184). Впрочем, это заключение строилось не на особенностях морфологии изделия, которая не дает сколь-нибудь значимых хронологических привязок, а, скорее всего, на очевидном посткатакомбном облике самого комплекса, т.к. топоры типа I подтипа I.1.2 «можно считать проходными в целом для эпохи средней бронзы Предкавказья» (Клещенко, 2018, с. 184, 185).

Третий каменный топор происходит из комплекса Первомайский 4 2/3 (илл. 81, *4*). Отнесение этого изделия к категории топоров основано на наличии у него выраженной лезвийной части с намеченной лопастью и граненого брюшка. Орудие явно использовалось, о чем свидетельствуют участки забитости на лезвии и округлом обухе. Однако остается непонятной система крепления. Обычно топоры такой морфологии сверленые. Отверстие для рукояти у нашего экземпляра отсутствует, равно как и морфологические детали, которые позволяли бы его рассматривать в качестве привязного орудия. Вполне возможно, что топор был недоделан и мог использоваться в качестве песта. Это затрудняет отнесение первомайского предмета к какому-либо конкретному известному типу. Однако, очевидно, что он более близок по морфологии топору из Галюгаевской (илл. 81, *2*), чем топору из Восточного Маныча (илл. 81, *3*). Объединяет эти экземпляры наличие граненного брюшка и лопасти на лезвийной части.

В лолинских комплексах периодически встречаются каменные орудия труда. Они представлены *пестами, терочниками, плитками, зернотерками, наковальней* (илл. 83)[70]. На сегодняшний день известно 27 комплексов с каменными орудиями, что составляет 8% от всех погребений культуры. Трижды каменные орудия были обнаружены в насыпи лолинских курганов вне могил (две зернотерки и песты). Причем, все три кургана были

[70] К сожалению, на данный момент ни одно из каменных орудий лолинской культуры не подвергалось трасологическому анализу. Поэтому перечисленные названия предметов, которые выражают их функциональную нагрузку, в определенной мере условны. Здесь даны термины, традиционно употребляющиеся авторами раскопок и публикаций.

исследованы в одном могильнике (Лолинский I к. 1, 7 и 11). В остальных случаях орудия найдены в погребениях и являлись сопровождающим инвентарем.

К числу характерных черт посткатакомбного погребального обряда, в том числе и лолинского, относится помещение в захоронение единичных *отщепов кремня* (илл. 81, *19–21*). В лолинской культуре известно 9 таких комплексов. Не исключено, что часть из этих предметов могла использоваться в качестве скребков и других мелких кремневых орудий (Разумов, 1999, с. 213). Это касается экземпляров, на которых прослеживаются следы ретуши. Для ДДБК предлагаются различные варианты семантики отщепов без следов обработки в погребальном ритуале (Ковалева, 1981, с. 45; Ильюков, Казакова, 1988, с. 79). Если подобные конкретные трактовки символического значения отщепов, естественно, могут вызывать возражения, то предположение о том, что в захоронениях эти предметы несли исключительно ритуальную нагрузку и не связаны с производственными циклами, вполне разумно (Разумов, 2001, с. 29; 2002, с. 94).

Общеизвестно, что ***украшения*** – одна из самых значимых категорий инвентаря с точки зрения определения самобытности того или иного культурного образования. Именно костюм и украшения, как его составная часть, являются важными этнографическими элементами в традиционной культуре. Они не только выступают как средства выражения этнографической самоидентификации, но отражают культурные и этнические связи диахронного и синхронного порядка, что, в свою очередь, тесно связано с вопросами происхождения и эволюции культуры. Значимость вышесказанного для Лолы уже была показана на примере анализа поясных пряжек и подвесок, который можно было бы поместить и в данном разделе, т.к. эти изделия являлись не только деталями крепления пояса, но и элементами традиционного костюма.

Украшения лолинской культуры представлены изделиями из металла, фаянса, кости, керамики и камня.

Украшения из металла включают височные кольца, фигурные подвески, бляшки, пуговицы, пронизи и бусы.

В лолинской культуре известно 9 комплексов с *височными кольцами* (илл. 84, *12–18*). Подавляющее большинство этих предметов сделано из бронзы.

Височные подвески лолинской культуры можно разделить на три типа.

К *типу 1* относятся кольца в 1,5 оборота (илл. 84, *14–18*).

Первый вариант этого типа представляют кольца овальной или округлой в плане формы и округлым сечением прутка. Они обнаружены в раннелолинских комплексах Степная IV 3/3, Чограй III 7/1, Лола II 4/1 (илл. 84, *13, 14*).

Второй вариант – это подвеска округлой формы, свернутая из бронзовой пластины (илл. 84, *16*).

К третьему варианту относится два кольца из комплекса Иджил III 4/1 (илл. 84, *17*). Они имеют округлую в плане форму, выраженное ребро на внешней стороне и приостренные концы. В публикации сказано, что кольца «имеют плоские внутренние и выпуклые внешние стороны» (Васюткин, 1987, с. 113). Судя по рисунку, скорее всего, речь идет о том, что у изделий подтреугольная в сечении форма, и они не являлись желобчатыми подвесками.

К варианту 4 относится подвеска из комплекса Ореховка 3/2 (илл. 84, *15*). Она имеет округлую в плане форму, концы ее не сохранились, скорее всего, это также височное кольцо в 1,5 оборота. Характерной особенностью данного изделия является выраженное желобчатое сечение.

Височные кольца в 1,5 оборота были широко распространены в эпоху бронзы. Особенно это касается прутковых экземпляров. По материалам памятников позднего этапа СБВ отмечается преобладание овальных колец над круглыми, что можно объяснить тенденцией моды (Гак, 2005, с. 15, 16; Гак, Мимоход, 2007, с. 91). Неудивительно поэтому присутствие в лолинской серии овальных подвесок (илл. 84, *13, 14*). К поздним проявлениям в рамках СБВ

можно отнести распространение пластинчатой техники в изготовлении подвесок в 1,5 оборота.

Тип 2 представлен двумя бронзовыми подвесками с несомкнутыми концами (илл. 84, *11, 12*). Изделие 1-го варианта сделано из пластины (илл. 84, *11*), подвеска 2-го – имеет полукруглое сечение (илл. 83, *12*).

Лолинские серьги с несомкнтуыми концами продолжают в посткатакомбное время степную и лесостепную традицию использования этого типа украшений в погребальном убранстве, которая уходит корнями в ранний бронзовый век. Следует отметить, что наиболее древние экземпляры этих сережек находятся в Предкавказье в памятниках майкопской и новотитаровской культур. По всей видимости, именно с посткатакомбными культурами связано распространение данного типа изделий в начале поздней бронзы.

Из раннелолинских погребений происходят две *фигурные подвески* (илл. 84, *19, 20*).

Одна из них, сделанная, по всей видимости, из бронзы, обнаружена в комплексе Новопалестинский II 2/5 (илл. 84, *19*). Ее можно отнести к типу волютообразных изделий (Гак, Мимоход, 2007, с. 92; Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, с. 120; Гак, Мимоход, Калмыков, 2012, с. 189; Мимоход, 2013, с. 174). Она имеет две выраженные волюты и отверстие для подвешивания, расположенное в верхней части изделия. Кавказское происхождение предмета является несомненным. Именно здесь мы находим ближайшие аналогии (Мимоход, 2013, илл. 73, *31–33*).

Второе изделие относится к типу секировидных украшений (илл. 84, *20*). Оно обнаружено в комплексе Золотаревка 3 9/13. Предмет имеет выраженную широкую лопасть и отверстие, расположенное перпендикулярно основной плоскости подвески. Рентгеноспектральный анализ металла показал, что украшение было отлито из сурьмы (табл. 3.4) (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, табл. 1; Гак, Мимоход, Калмыков, 2012, табл. 1; Мимоход, 2013, прил. 3, табл. 2). Связь этого изделия с кавказской традицией также является

очевидной. Кроме характера металла (о нем см. ниже), об этом свидетельствует то, что секировидные украшения встречаются, главным образом, в комплексах эпохи бронзы Кавказа (Мимоход, 2013, илл. 73, *34–37*), а термин «буса-секира» или «секировидная подвеска» были введены и активно используется учеными-кавказоведами (Гуммель, 1940, с. 140; Круглов, 1958, с. 72, 146; Гаджиев М.С., Кудрявцев, 1999, с. 152).

Примечательной деталью раннего лолинского гарнитура украшений являются *спиральные пронизи* (илл. 84, *1–4*). Всего в посткатакомбных погребениях Предкавказья известно 8 экземпляров из 5 комплексов (Гак, Мимоход, 2007, с. 92). По одному изделию найдено в п. 13 к. 1 и п. 5 к. 2 мог. Бияш (илл. 84, *1*), по два в п. 4 к. 4 мог. Малаи I (илл. 84, *2*) и Кунаковский 2 1/1, 2/9 (илл. 84, *3, 4*). Описывая в отчете лолинский комплекс Улан-Терге 1/3, П.С. Рыков указал, что «на берцовых костях, сильно поджатых ног, найдены 9 маленьких бронзовых спиралек и такая же спиралька лежала на правом боку покойника около локтя» [Рыков, 1929]. Возможно, что эти изделия могли являться такими же пронизями, однако полной уверенности в этом нет по причине лаконичности описания и отсутствия в отчетной документации рисунков и фотографий этих украшений. Все лолинские пронизи относятся к спирально-ленточным, т.е. они скручены из узкой пластинки. Среди этой серии есть экземпляры, сделанные из золота (Кунаковский 2 1/1) и электрума (Кунаковский 2 2/9) (см. прилож. 3, табл. 2).

Распространение спирально-ленточных пронизей в посткатакомбных культурах следует связывать с Кавказом, где эти изделия широко бытовали на протяжении всей эпохи средней бронзы и подавляющее большинство из них представлено именно ленточными экземплярами. Все комплексы лолинской культуры со спиральными пронизями обнаружены в южной части ареала, ближе к кавказскому региону (Мимоход, 2013, с. 177–180, илл. 74).

В четырех лолинских комплексах Предкавказья обнаружены бронзовые *скорлупковидные бляшки* с двумя отверстиями по краям, изготовленные из вогнутого листа металла (илл. 84, *7–10*). Бляшки по форме можно разделить

на два варианта. К первому относятся изделия овальной в плане формы (илл. 84, *7–9*), ко второму – подромбической (илл. 84, *10*). Отверстия по краям, скорее всего, служили для пришивания на мягкую основу (ткань, кожа). Изделие второго варианта известно и в невинномысской культуре (илл. 131, *VI*). Прототипы этих украшений в Предкавказье отсутствуют и бляшки с двумя отверстиями появляются здесь только в ранних посткатакомбных памятниках (Гак, Мимоход, 2007, с. 92). Наличие подобного типа украшений на Кавказе в непосредственной близости от ареала лолинской культуры позволяет рассматривать именно их в качестве возможного источника данной инновации в предкавказской степи, тем более что традиция изготовления мелких украшений из металла, в том числе в пластинчатой технике, является характерной для кавказского металлопроизводства.

Еще один вид мелких металлических нашивных украшений лолинской культуры представлен *пуговицей,* обнаруженной в комплексе Кунаковский 2 1/1 (илл. 84, *21*). Изделие литое округлой в плане формы, внешняя сторона немного выпуклая, на внутренней оформлена петля с отверстием для пришивания на мягкую основу. Спектральный анализ показал, что пуговица из Кунаковского отлита из сурьмы (табл. 3.4) (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, табл. 1; Гак, Мимоход, Калмыков, 2012, табл. 1; Мимоход, 2013, прил. 3, табл. 2). Кавказское происхождение данных украшений в лолинской культуре также очевидно (см. главу 4).

Специфическим типом лолинского гарнитура украшений являются крупные, удлиненно цилиндрические изделия с массивным поперечным валиком на корпусе – *колесовидные бусины* (илл. 84, *5, 6*) (Мимоход, 2007, с. 149; Гак, Мимоход, 2007, с. 92; Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, с. 119, 120; Гак, Мимоход, Калмыков, 2012, с. 189; Мимоход, 2013, с. 183–185). Свое условное название они получили, потому что их форма в какой-то степени напоминает колесико с выделенными ступицами. Эти бусы происходят из комплексов Лола I 7/1 и Бияш 2/5 (илл. 84, *5, 6*). Изделия являются литыми. Бусина из Лолы I 7/1 сделана, по всей видимости, из бронзы. В публикации

материалов раскопок могильника Бияш указано, что колесовидная бусина изготовлена из серебра или биллона (Куйбышев, Черносвистов, 1984, с. 99). Спектральный анализ данного предмета не проводился. Видимо, авторы статьи сделали вывод о составе металла, основываясь исключительно на его белом цвете. Однако изделия из серебра или сплавов на его основе не характерны для посткатакомбной традиции (Мимоход, 2009, с. 128). Наличие в лолинской культуре целой серии украшений из сурьмы позволяет с достаточной долей уверенности предполагать, что и экземпляр из могильника Бияш также является сурьмяным. Это подтверждают и материалы невинномысской культуры. В ее материалах присутствуют колесовидные бусы, изготовленные из сурьмы (илл. 120, *46*), что подтверждается и данными спектрального анализа (см. прилож. к главе 4).

В посткатакомбных памятниках Предкавказья известны бусы из металла простых форм: *цилиндрические, дисковидные и бочонковидные* (илл. 84, *18*). Встречаются они, как и вообще металлические украшения, нечасто. Известно всего 5 комплексов. Подобные типы бус были довольно широко распространены в эпоху средней бронзы как в степи, так и на Кавказе. Они не являются ни культурно, ни хронологически диагностичными.

В лолинском гарнитуре украшений чаще всего встречаются ***фаянсовые и керамические бусы.*** Захоронения с этими изделиями (58 комплексов) составляют 17,5% от всех погребений культуры.

Диагностичными в хронологическом отношении являются *бусы с выступами: бородавчатые и рожковые* (илл. 85, *1–15*). Эта категория украшений встречена в 19 комплексах всех этапов развития культуры, что составляет 32,7% от всей серии.

Бусы с выступами можно разделить на четыре типа по количеству выступов.

Тип 1 объединяет изделия с тремя выступами. Это наиболее распространенная форма (17 комплексов). Их можно разделить на два варианта по форме отростков. У варианта 1 выступы округлой или овальной

формы, отсюда происходит их часто употребляемое название «бородавчатые» (илл. 85, *9–14*). Вариант 2 объединяет бусины с конической формой выступов, которые обычно называют «рожковые» (илл. 85, *4–8*). У одной такой бусины рожок имел сегментовидную форму (илл. 85, *8*).

Всего три раза в погребении лолинской культуры обнаружены бусы с двумя выступами (Островной 6/4, Кировский IV 7/2; Вавилон 3 8/8), которые представляют тип 2. У бусин из двух погребений рожки имеют сегментовидную форму (илл. 85, *1, 2*).

Однажды в комплексе раннелолинского времени встречена четырехбородавчатая буса типа 3 (Шарахалсун 3 8/2) (илл. 85, *15*).

Хронология и основные закономерности распространения бус с выступами достаточно подробно рассмотрена в литературе (Братченко, 1976, с. 148; Махно, Братченко, 1977, с. 56–58; Литвиненко, 1999в; 2003, с. 147; 2003а, с. 144; 2005, с.76; 2006в, с. 97, 98; Литвиненко, Зарайская, 2004, с. 229, 230; Litvinenko, 2002, p. 179–181; Мимоход, 2012; 2013, с. 191–199).

Еще одним важным в культурно-хронологическом отношении типом фаянсовых украшений лолинской культуры являются *лепестковидные бусы* (илл. 85, *16–23*) (Мимоход, 2014б). Они имеют подтреугольную, подовальную или неправильную в плане форму с отверстием в центре (илл. 85, *16, 17, 19–21, 23*) или смещенным к верхушке изделия (илл. 85, *18, 22*). В профиле бусины имеют характерную изогнутость и напоминают лепестки. Отсюда и предложенное их название (Мимоход, 2003, с. 105), которое стало использоваться в литературе, в том числе украино- («пелюсткові») (Литвиненко, 2009, с. 262) и англоязычной («petal») (Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007, tabl. 3, p. 281).

Подавляющее большинство находок лепестковидного бисера связано с погребениями культурного круга Лола: лолинская (9 погребений) и невинномысская (4 погребения) культуры. Случаи обнаружения украшений этого типа за пределами Лолы единичны, а комплексы находятся на сопредельных территориях с ее ареалом. Это позволяет сделать обоснованной

вывод о том, что лепестковидные бусы также можно отнести к числу этнографических маркеров культурного круга Лола, выработанных ее носителями, а нахождение этих бус в инокультурных контекстах рассматривать как свидетельства контактов между лолинскими группами и их соседями (Мимоход, 2013, с. 198–200; 2014б).

Эмиссионно-спектральный анализ некоторых экземпляров (илл. 85, *20, 23*) данного типа украшений лолинской культуры показал, что они сделаны из фаянса (Столярова, 2002, табл. 1, 4; Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007, tabl. 3). Однако в ряде случаев авторы раскопок констатируют, что лепестковидные бусы сделаны из обожженной глины [Мамонтов 2004; Калмыков, 2000], т.е. являются керамическими и имеют характерный светло-коричневый цвет. Это подтверждается микроскопическими исследованиями бусины из комплекса Миатли II 1/1 присулакской культуры (Канивец, Березанская, 1959, с. 64).

В гарнитуре фаянсовых украшений лолинской культуры нередко встречаются *сегментовидные бусы и пронизи* (илл. 85, *24–31*). Этот вид изделий довольно широко распространен в эпоху средней – поздней бронзы. Прототипом его могли выступать костяные пронизи с круговой нарезкой, известные с раннего бронзового века. К *бусам* можно отнести изделия, состоящие из двух-трех секций (илл. 85, *24–29*), более длинные экземпляры – к *пронизям* (илл. 85, *30–31*). В тенденции он характерен для памятников позднего СБВ – начала ПБВ, хотя встречается и раньше, и позже (см. главу 4).

Встречаются в лолинских материалах фаянсовые *бусы приплюснутой бочонковидной формы* (илл. 85, *39–43*). К варианту 1 относятся бусины, обнаруженные в мог. Островной (илл. 85, *40, 41*). Они обладают сферическим корпусом и едва намеченным манжетным оформлением тулова в месте отверстий. Вариант 2 представляют бусины, у которых манжетом оформлено только одно входное отверстие, в месте другого изделие имеет ровную поверхность (илл. 85, *39, 42, 43*). Бусы этого типа распространены достаточно широко. Они известны в памятниках средней бронзы степи и Кавказа.

Широкий диапазон бытования (эпоха ранней – поздней бронзы) и разнообразные культурные контексты имеют и остальные типы фаянсовых украшений Лолы. К ним относятся *длинные гладкие пронизи* (илл. 85, *32–37*), *дисковидный* (илл. 85, *46–54*), *цилиндрический бисер* (илл. 85, *55–59*), иногда с косо срезанными краями (илл. 85, *44, 45*).

В 13 погребениях лолинской культуры обнаружены ***каменные украшения***[71]. Обычно они входят в наборы вместе с фаянсовым бисером. Однако есть комплексы, в которых найдена только одна каменная бусина, значительно реже встречаются наборные украшения, полностью состоящие из каменного бисера. Чаще всего в погребениях попадаются изделия из сердолика (илл. 85, *60–73*), реже из гагата и иногда из гешира. Обычно это *дисковидные бусы* с двусторонней сверлиной центрального отверстия (илл. 85, *61–69*). Три раза в погребениях обнаружены каменные *пронизи* (илл. 85, *70–72*) и однажды *бусина удлиненной подовальной формы* с отверстием в верхней части (илл. 85, *73*). Все эти типы каменных изделий нередко встречаются в памятниках эпохи бронзы, и уточнить их культурно-хронологическую позицию вряд ли возможно.

В одиннадцати захоронениях лолинской культуры обнаружены *подвески из зубов животных* с просверленным отверстием в верхней части (илл. 86, *1–8*). В восьми случаях – это клыки (илл. 86, *1–7*). Нередко такие изделия также входили в составные украшения вместе с подвесками из раковин, фаянсовыми, каменными бусами и скорлупковидными бронзовыми бляшками (Лысянский I 2/6, Кировский IV 7/2, Малаи I 4/4, Новопалестинский II 2/5). Встречаются подвески из клыков и самостоятельно. В таких случаях в погребениях они располагаются отдельно от других украшений, либо вообще являются единственной категорией инвентаря (Цаца 1/1, Чограй II 6/1, ВМЛБ II 1965 19/6).

[71] В монографии (Мимоход, 2013, с. 204) указано, что каменные украшения обнаружены в 33 лолинских захоронениях. Это досадная опечатка.

Пять погребений содержали в гарнитуре украшений *подвески из раковин* (илл. 86, *9–12*). Отверстие у них просверлено посередине, диаметр предмета – 1,5–3 см. По соотношению диаметра отверстия к диаметру изделия украшения из раковин близки костяным поясным подвескам типа Э-К, но они меньше их по размеру. Характерно, что в комплексах Лысянский I 2/6 и Кировский IV 7/2 в области живота было найдено по 11 подвесок из раковин (Парусимов, 1997, с. 13, рис. 16, *7*; Ильюков, 2001, с. 243, рис. 2, *1*), которые могли крепиться к ремню (Ильюков, 2001, с. 248). Показательно, что в обоих захоронениях центральное место в наборе занимала одна самая крупная подвеска диаметром 2,5–3,4 см, остальные изделия имели меньшие размеры. Подвесками из раковин пояс украшался в раннелолинское время. Вполне возможно, что они являлись прототипами для костяных подвесок типа Э-К, которые стали носить на поясе в позднелолинский период. Однако это только один из вариантов использования подвесок из раковины. Эти украшения использовались не только в поясной гарнитуре, но могли служить деталями убранства головы и груди.

Особую категорию гарнитура лолинской культуры представляют *украшения из кости.*

В коллективной могиле комплекса Песчаный V 14/3 обнаружены семь *костяных подвесок*. Шесть из них имели округлую или овальную форму с одним отверстием в центре (илл. 86, *13–15*), одна – прямоугольной формы с отверстием в верхней части (илл. 86, *16*). Скорее всего, здесь мы имеем дело с тем же типом украшения, который демонстрируют подвески из раковины, только для их изготовления использовалось другое сырье. На большинстве подвесок из кости отверстие в центре немного больше (илл. 86, *14, 15*), чем у экземпляров из раковины (илл. 86, *9–12*). По всей видимости, это объясняется характером сырья. Раковина является довольно хрупкой, и отверстие изготовлялось путем сверления. Это хорошо видно на рисунках подвесок. Причем, отверстие должно быть маленьким. Его увеличение усиливает риски поломки при изготовлении. В свою очередь, кость достаточно пластичный

материал, отверстия в подвесках не сверлились, а вырезались (прилож. 3.1). Их увеличение не приводило к неминуемой поломке. Характером сырья объясняется и изогнутость большинства подвесок из раковины (илл. 86, *10, 11*), хотя есть и экземпляры с прямым сечением (илл. 86, *9, 12*), как у всех изделий из кости (илл. 86, *13–15*).

О том, что кольцевидные костяные изделия являются украшениями-подвесками свидетельствуют не только данные трасологии (прилож. 3.1), но и расположение их в могиле. В коллективном погребении подвески были связаны с двумя костяками подростков. Два предмета находились в районе шеи и под черепом одного из них, остальные пять под черепом второго. Как было показано выше, комплекты раковинных подвесок в двух случаях использовались для украшения пояса. Комплекты костяных изделий украшали шею и голову умерших. Одна подвеска из раковины также находилась в районе шеи. Можно утверждать, что назначение костяных и раковинных подвесок в известной степени синонимично, тем более что использование их комплектов характерно только для раннелолинского времени.

В трех комплексах обнаружены *костяные кольца* (илл. 77, *1, 2*), которые можно разделить на два типа.

К типу 1 относятся кольца с гладкой поверхностью (илл. 77, *1*). Они найдены в двух погребениях. В комплексе Островной 6/5 колечко (илл. 77, *1*) располагалось под черепом, и его можно рассматривать как костяную реплику височной подвески. В п. 3 к. 34 мог. ВМЛБ I 1965 хорошо заполированное костяное кольцо было надето на мизинец правой руки.

К типу 2 относится кольцо круглой формы, важной морфологической и типообразующей деталью которого являются две продольные параллельные бороздки, которые нанесены на внешнюю поверхность предмета. Это придает изделию характерную рельефность (илл. 77, *2*). В п. 3 к. 2 Чограй I это кольцо находилось у костей таза. По аналогии с покровскими комплексами, где представлена серия подобных изделий, которые в ряде случаев находились в районе тазовых костей (Смирнов К., 1960, с. 224; Ким, Кригер, Малов, 1993,

с. 157, 158) [Копылов, 1980], чоградское кольцо можно рассматривать в качестве поясной подвески (ср. Литвиненко, 2001б, с. 90) (см. главу 4).

Один раз в лолинском комплексе (Степная IV 3/3) была найдена *костяная лопаточка* (илл. 77, *3*). Она имеет удлиненную овальную форму и изогнута в сечении. В верхней части находится отверстие для подвешивания. В погребении предмет располагался в районе груди под предплечьем левой руки. Вероятно, он был привязан к запястью, либо пришит к краю рукава одежды. Убедительные аналогии костяной лопаточке отыскать не удалось, но то, что изделие следует рассматривать в контексте гарнитура украшений, особых сомнений не вызывает. Отчасти ее можно сопоставить с прямоугольной костяной подвеской из комплекса Песчаный V 14/3 (илл. 86, *16*). Роднит оба изделия сырье и то, что отверстия располагались в верхней части предметов.

Таким образом, детальная характеристика инвентарного комплекса Лолы позволяет показать культурную специфику посткатакомбных памятников Восточного Предкавказья и создает необходимые условия для разработки периодизации и хронологии культуры.

§ 4. Периодизация и хронология

Анализ стратиграфических данных, культурно-типологических сопоставлений и радиоуглеродных дат позволяет разработать трехэтапную периодизацию лолинских памятников, определить их относительную хронологию, линии синхронизации в рамках посткатакомбного блока и диапазон существования в системе калиброванных радиокарбонных значений.

Для решения этих вопросов следует рассмотреть ***данные стратиграфии***.

Вначале следует охарактеризовать *внешнюю стратиграфию*, под которой подразумевается соотношение в курганах лолинских захоронений с комплексами ближайших по времени диахронных культур.

С учетом посткатакомбного статуса наших памятников особое значение приобретает стратиграфическая сопряженность в курганах лолинских и

восточноманычских катакомбных погребений. Всего в Восточном Предкавказье насчитывается 57 случаев (48 курганов) стратиграфических связок между захоронениями этих культур. Во всех без исключения курганах лолинские комплексы перекрывали могилы ВМКК (илл. 87, 88). Причем, четыре раза (ВМЛБ II 1965 к. 20, Веселая Роща II к. 1, КВЧ-37 к. 14, Цаган-Усн V к. 2) лолинские погребения следовали за достоверно позднейшими восточноманычскими захоронениями, а в двух последних ситуациях это были еще и могилы раннелолинского времени. Случаев обратной стратиграфии между ВМКК и Лолой не зафиксировано ни разу. Все это однозначно свидетельствует о том, что лолинская культура сменила в Предкавказье восточноманычскую, а отрезка частичного сосуществования, который бы фиксировался по данным стратиграфии, между ними не было.

В семи курганах прослежено стратиграфическое соотношение лолинской и срубной культур (илл. 89). Такое ограниченное количество данных объясняется тем, что число срубных погребений в Северо-западном Прикаспии является относительно небольшим. В пределах Астраханской области и Калмыкии известно около 150 захоронений срубной культуры, а на Ставропольской возвышенности они отсутствуют вовсе (Мимоход, 2014в). Неудивительно поэтому, что большинство случаев стратиграфического соотношения погребений лолинской и срубной культур приходится на север Калмыкии и Астраханскую область (Ики-Зегиста к. 5, Улан-Толга к. 11, Степная IV к. 3; Кривая Лука XXXIV к. 5) (илл. 89). Два раза связки зафиксированы в Центральной Калмыкии (Островной к. 6, Манджикины 1 к. 5) и один в Нижнем Подонье (Колдыри к. 24). Во всех этих ситуациях срубные комплексы в курганах следовали за лолинскими. Случаев обратной стратиграфии между лолинскими и срубными комплексами мы также не имеем.

Таким образом, данные внешней стратиграфии показывают, что отрезок существования лолинской культуры в Северо-западном Прикаспии

расположен между ВМКК позднекатакомбного периода и срубной культурой позднего бронзового века.

Немаловажную роль для установления хронологической позиции лолинской культуры играет стратиграфическое соотношение в курганах погребений различных культур посткатакомбного блока, которое назовем *посткатакомбной стратиграфией*. Случаи обратной стратиграфии между захоронениями ВДБК, ДДБК и лолинской культуры (илл. 45) были охарактеризованы в главе 2. На уровне метода они свидетельствуют о синхронности этих культурных образований.

Наличие *внутренней стратиграфии* в курганах между лолинскими погребениями имеет большое значение для разработки периодизации культуры. На данный момент известно 25 курганов, где зафиксированы такие связки[72]. К сожалению, все колонки здесь двухступенчатые (илл. 90–92). В лолинской культуре нет курганов с тремя и более горизонтами, как, например, в Бабино, которые позволили бы эффективнее использовать стратиграфический метод. Тем не менее, имеющихся данных вполне достаточно. Анализ стратиграфического соотношения погребений разных обрядовых групп (илл. 93) позволяет проследить ряд закономерностей, которые являются базовыми для создания периодизационной схемы.

Хорошо видно, что погребения, совершенные в нормальных катакомбах (ОГ IIA, VIIIA), в стратиграфических колонках почти всегда располагаются внизу, т.е. являются более древними по отношению к другим обрядовым группам. Исключение составляет только ситуация в кургане 2 мог. Лола I. В интерпретации авторов раскопок и публикации здесь погребение 2 ОГ IIA в глубокой катакомбе было впущено в насыпь, сооруженную над захоронением 3 ОГ V, которое было совершено в простой яме (илл. 90) [Синицын, 1961] (Синицын, Эрдниев, 1963).

[72] На илл. 93 показана 21 связка, т.к. в четырех случаях не удалось достоверно определить обрядовые группы из-за разрушенности комплексов.

Таким образом, можно констатировать, что часть погребений в ямах являются синхронными могилам подбойной конструкции нашего первого типа, т.е. с самого начала в лолинской культуре ямный и катакомбный обряд сосуществовали. Правда, следует заметить, что стратиграфическое соотношение лолинских комплексов в кургане 2, установленное И.В. Синицыным и У.Э. Эрдниевым, не является безусловным. С этой насыпью была связана каменная конструкция в виде кромлеха с перемычкой посередине, которая делит его на две равные части, в каждой из которых совершены погребения 2 и 3 (илл. 57, *6*), поэтому не исключено, что обе могилы синхронны и составляют единый погребальный комплекс. Однако при любой интерпретации стратиграфии данного кургана одновременность обеих ОГ остается несомненной.

Очень важным представляется соотношение в курганах погребений, совершенных в нормальных и редуцированных катакомбах (тип 1 и 2 могил с подбойной конструкцией). Мы имеем два таких случая (Кевюды 1 3/5 и 6, Шарахалсун 6 6/1 и 2) (илл. 90, *3*, 93). Здесь более древними являются захоронения в нормальных катакомбах (ОГ IIA и VIIIA), за ними следуют погребения, совершенные в редуцированных катакомбах. В этой связи, особое значение приобретает тот факт, что подбойные могилы 2-го типа никогда не перекрывались погребениями с подбойной конструкцией типа 1. Когда в курганах захоронения в редуцированных катакомбах являлись основными (5 случаев), впускными к ним были только погребения в ямах и насыпи (илл. 91, *1*, 92, *2*, 93).

Приведенные стратиграфические наблюдения позволяют сделать два принципиальных вывода. Во-первых, подбойные могилы 2-го типа занимают промежуточную стратиграфическую позицию между захоронениями в нормальных катакомбах и ямах, представляя таким образом второй горизонт, который следует за горизонтом катакомб 1-го типа. Во-вторых, поздний (третий) горизонт лолинской культуры представляют исключительно захоронения в ямах и насыпи, которые при наличии стратиграфических связок

почти всегда следуют за погребениями в нормальных и редуцированных катакомбах (илл. 90, *4*, 91, *1*, 92, *2*, 93).

Отсюда следует, что стратиграфические данные демонстрируют тенденцию эволюции подбойной погребальной конструкции лолинской культуры. Существование на раннем этапе нормальных катакомб сменяется на втором этапе редуцированными катакомбами. На заключительном этапе развития культуры единственным видом погребального сооружения являются ямы. Это не означает, что ямная конструкция появляется только в позднелолинское время. Захоронения в ямах характерны и для первого, и для второго этапов развития культуры, о чем свидетельствуют и стратиграфические данные (илл. 90, *1*, 93).

Что касается «традиций», выделенных по ориентировкам умерших, то стратиграфические данные показывают их встречаемость во всех трех горизонтах. Хронологическую нагруженность имеют только тенденции изменения их удельного веса от этапа к этапу. Это хорошо иллюстрируется постепенным сокращением обрядовых групп от горизонта к горизонту (илл. 94).

Выделение трех горизонтов для лолинских погребений создает надежный костяк для создания трехэтапной ***периодизации.*** Корреляция стратиграфических данных с характерными обрядовыми чертами и датирующими категориями инвентаря позволяет разнести большую часть массива лолинских комплексов по трехчленной шкале, которая отражает основные изменения обрядово-инвентарного комплекса культуры во времени.

I этап. Раннелолинские захоронения совершены в ямах, нормальных катакомбах, глубоких ямах с заплечиками (ОГ I, IIA, III, IV, V, VIA, VII, VIIIA, IX). Для погребений данного периода фиксируется наиболее высокий показатель собственных насыпей. Он составляет 48% всех захоронений раннего периода.

В *погребальном обряде* отчетливо просматриваются пережиточные черты ВМКК. Спорадически встречаются коллективные и вторичные и/или

расчлененные захоронения. Редко, но фиксируется такой архаический элемент как посыпка всего костяка охрой, относящийся к числу диагностичных для раннелолинского этапа. В ориентировках погребенных доминирует «традиция С», а также «традиция Ю» (илл. 94). Широкое распространение первой – новация погребального обряда. «Традиция Ю» на раннем этапе – пережиточная черта ВМКК, где этот вектор был доминирующим. В количественном отношении уже в рамках раннелолинских памятников она существенно уступает «традиции С». Причем, в захоронениях обеих «традиций» адоративное положение рук, совершенно несвойственное предшествующему субстрату, является господствующим.

Инвентарный комплекс. Тенденция безынвентарности лолинской культуры фиксируется уже на первом этапе. Каждое четвертое раннелолинское захоронение не имеет сопровождающих вещей. В то же время количество и ассортимент инвентаря комплексов первого периода заметно превосходит аналогичные показатели более поздних этапов (илл. 95, 96). Очевидно, это наследие предшествующей ВМКК, на позднем этапе которой безынвентарные погребения составляют только около 10%.

Керамический комплекс раннелолинского времени отличается разнообразием (илл. 95, *1–19*). В нем выражены пережиточные восточноманычские черты. Однако, ассортимент и морфология посуды заметно беднее, и появляются новые типы, нехарактерные для предшествующего субстрата. К числу посуды, генетически восходящий к керамическому комплексу ВМКК, относятся единственная в лолинских материалах реплика реповидного сосуд (группа 1) (илл. 95, *1*), сосуды с раздутым туловом группы 2 (илл. 95, *4, 5*), двуручные сосуды группы 3 (илл. 95, *10*) и кувшины группы 4 (илл. 95, *2, 6–8*). Один раннелолинский сосуд демонстрирует гинчинские черты (илл. 95, *9*), что хорошо отражает культурогенез Лолы (см. главу 7).

Новый тип посуды представляют баночные сосуды (группа 5) (илл. 95, *11–17*), часть из них с выделенной закраиной у дна. Керамическим

маркером лолинской культуры является сосуды-ковши группы 6 (илл. 95, *18, 19*), округлобокие сосуды с плавным профилем (группа 7), нехарактерные для ВМКК. Они появляются на раннем этапе и бытуют на всем протяжении существования лолинской культуры. Новый тип представляют и сосуды группы 8 (илл. 95, *3*), хотя опосредованно они тоже связаны с восточноманычской традицией.

Орнаментация керамики выглядит не только обедненной, но и стилистически иной по сравнению с ВМКК. На подавляющем большинстве сосудов узор отсутствует. Имеющиеся случаи декора демонстрируют явную деградацию катакомбных стандартов (илл. 95, *1, 11*) и новые элементы, мотивы и композиции, получившие развитие в эпоху поздней бронзы (илл. 95, *13, 15*).

Орудия из металла представлены бронзовыми ножами и шильями. Ранний этап является самым металлоемким периодом культуры (илл. 96, *1–12*), что также обусловлено генетической преемственностью с предшествующими восточноманычскими древностями. Данная связь четко прослеживается в морфологии ножей (илл. 96, *1–11*). Они проявляют черты типов катакомбной эпохи. Наиболее распространенными являются листовидные ножи типа 1 (илл. 96, *1, 2, 4–6*). Классические восточноманычские пиковидные и пламевидные клинки в лолинских материалах неизвестны. Лишь изредка фиксируются их редуцированные формы (тип 4 по нашей классификации) (илл. 96, *9–11*), которых нет уже на втором этапе. К раннелолинскому периоду относятся единичные реплики ножа архаичной пятиугольной схемы (илл. 96, *3*) и дротиковидного клинка восточноманычского облика (илл. 96, *8*). Эти типы также не переживают раннюю Лолу. К наследию ВМКК можно отнести и ромбовидные ножи типа 2 (илл. 96, *7*), в отличие от предыдущих эта относительно простая форма продолжает бытовать и в среднелолинский период.

Украшения из металла. Раннелолинское время маркирует целый ряд типов бронзовых украшений. К ним относятся спиральные пронизи (илл. 96, *63*), имеющие аналогии в раннебабинских погребениях и на Кавказе. Этим периодом датируются и специфический вид украшений – колесовидные бусины (илл. 96, *59, 60*). Височные подвески в 1,5 оборота известны в погребениях всех периодов культуры, а ранний тип отличает округлое сечение (Степная IV 3/3; Лола II 4/1) (илл. 96, *64*).

Только в раннелолинских комплексах представлены скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями по краям (илл. 96, *61*), фигурные подвески (илл. 96, *65, 66*) и пуговицы (илл. 96, *62*) кавказского происхождения. Сурьмяное литье возникает в ранний период и существует на всем протяжении развития культуры.

Наиболее многочисленной категорией инвентаря являются фаянсовые бусы. Среди диагностичных типов следует отметить рожковый и бородавчатый бисер. На раннем этапе он представлен, главным образом, трехрожковыми экземплярами (илл. 96, *74, 75*), изредка бусинами с двумя и четырьмя выступами (илл. 96, *76, 78*). Бытуют и сквозные типы сегментовидного (илл. 96, *77*), цилиндрического и дисковидного бисера. Особого внимания заслуживает лепестковидные бусы (илл. 96, *69–73*). Они серийно представлены в материалах раннелолинских погребений, но однажды встречены и в комплексе второго периода (илл. 96, *104*). Из каменных украшений характерными являются сердоликовые, гешировые и гагатовые бусины. В погребальном костюме раннелолинского времени используются подвески из раковины и кости с одним отверстием в центре (илл. 96, *55–58*). Ожерелья из клыков животных бытуют на всем протяжении существования культуры (илл. 96, *52–54, 89, 90, 109*).

Изделия из кости и рога встречаются в погребениях первого этапа довольно часто. Хронологически диагностичными являются массивные кожевенные орудия, сделанные из ребер, половин нижней челюсти и подвздошной кости крупных копытных (илл. 96, *13–17*), а также костяные

пряслица (илл. 96, *26, 30*). Данные типы изделий неизвестны в погребениях последующих этапов лолинской культуры. Костяные орудия представлены также проколками (илл. 96, *27, 28*), предметом неясного назначения (илл. 96, *31*) и трубочкой (илл. 77, *7*). Особой категорий инвентаря являются роговые фигурные кольцевидно-широкопланочные пряжки типа Ч-К, которые выступают ярким культурным маркером (илл. 96, *18–21*). К узко датирующимся категориям инвентаря относятся костяные конусы (волчки-дзыги). Они найдены в погребениях первого и второго этапов развития культуры (илл. 96, *25, 29, 87, 88*). Глиняная реплика встречена в одном комплексе с раннелолинской пряжкой (Чограй VIII 34/1) (илл. 78, *7*). Из других изделий первого периода следует отметить костяные специфические наконечники стрел (илл. 96, *22–24*), один из которых является гинчинским (илл. 96, *24*).

Изделия из камня наиболее многочисленны в материалах раннего этапа. Разнообразен их ассортимент. Только в раннелолинских погребениях обнаружены предметы вооружения: каменные топоры (илл. 96, *40–42*), мраморная булава (илл. 96, *43*), черешковая и листовидные стрелы и их заготовки, а также наконечники с усеченным основанием (илл. 96, *44–51*). Из каменных орудий здесь представлены песты, каменные плитки, абразивы, отщепы (илл. 96, *32–37*). Обращает на себя внимание обнаружение в погребениях первого этапа производственных наборов или их имитаций, состоящих в разных сочетаниях из двух-трех пестообразных орудий, каменных плиток, кремневых отщепов, заготовок наконечников стрел, костяных орудий (Манджикины 1 9/1, 10/2, Лола I 2/3, Цаган-Усн III 1/15, Цаган-Усн VII 4/27, ВМПБ 1967 1/2, Зимняя Ставка 1 6/11). По ассортименту изделий раннелолинские наборы выглядят редуцированными по сравнению с катакомбным, что прослеживается и в материалах первого этапа ДДБК (Литвиненко, 1998, с. 99, 102, 104).

Обрядовый и инвентарный комплекс раннего этапа наиболее важен с точки зрения понимания механизмов сложения посткатакомбных памятников

Восточного Предкавказья. При наследовании отдельных элементов и черт предшествующей ВМКК появление по сути нового ритуала и ранее неизвестных типов и категорий инвентаря демонстрирует основные компоненты и характер генезиса лолинской культуры.

II этап. *Погребальный обряд.* Захоронения второго этапа наиболее четко представляют наглядный образ Лолы. Происходит стандартизация всех основных культурных показателей. Захоронения совершены в ямах и редуцированных катакомбах (могилах подбойного типа) (ОГ I, IIБ, IV, V, VIБ, VII, VIIIБ, IX). Количество подбойных могил составляет 23,6% от всех захоронений этапа. В обряде черты предшествующей ВМКК превращаются в отдельные рудименты. В среднелолинских комплексах уже не фиксируется обряд расчленения и/или вторичного захоронения. Единичны случаи парных погребений (ВМЛБ I 1965 33/1, ВМЛБ I 1966 43/17, Чографский V 6/5). Охра встречается только в качестве локальных подсыпок в области черепа, рук, таза, голеней. «Традиция С» абсолютно доминирует. «Традиция Ю», большей частью связанная с наследием ВМКК, изживается почти полностью. Адоративные и близкие к ней позиции рук по-прежнему составляют подавляющее большинство (илл. 93).

Инвентарный комплекс. Тенденция безынвентарности становится еще более выраженной, происходит сокращение ассортимента и количества изделий по всем основным категориям (илл. 95, 96).

Количество типов посуды уменьшается и происходит определенная унификация керамического комплекса. Исчезают типы, где восточноманычские черты прослеживались отчетливее всего (группы 1–3), но традиция использование кувшинов не пресекается, хотя уже находится на излете (илл. 95, *20*) Продолжает встречаться посуда с небрежной зигзаговидной орнаментацией, представленная в бабинской культуре (илл. 95, *29*). В количественном отношении преобладает тип округлобоких сосудов с плавным профилем стройных пропорций группы 7 (илл. 95, *25–28*), выработанный лолинской традицией. К местным посткатакомбным типам

относятся и ковши (илл. 95, *30, 31*). Продолжает бытовать баночная посуда, появившаяся на первом этапе (илл. 95, *22, 23*). По-прежнему подавляющее большинство керамики не орнаментировано. Характерной деталью обработки поверхности являются крупные расчесы на внутренней стороне (илл. 95, *26*). Исчезают вертикальные композиции, спорадически встречающиеся на раннелолинской посуде. Более характерным становится зональные горизонтальные узоры, подчеркнутые зигзагом (илл. 95, *28, 29*).

Количество орудий из металла существенно сокращается по сравнению с ранним этапом. Они представлены ножами и шильями (илл. 96, *79–82*). Ножи сильно сработаны и фрагментированы, относятся, скорее всего, к узколезвийному листовидному типу 1 (илл. 76, *21*), а также к типу 2 с ромбовидным клинком (илл. 96, *80, 81*). Один экземпляр имеет кинжальную форму (илл. 96, *79*), аналогии которой широко представлены на Кавказе. Среди серии отсутствуют широколезвийные и пережиточные формы пико-, пламявидных ножей, известных на раннем этапе.

Украшения из металла немногочисленны и представлены подвесками и бусинами. Височные кольца второго этапа отличаются от более ранних экземпляров, тем, что они изготовлены из ровной или желобчатой в сечении пластины (илл. 96, *96, 97*). Из фаянсовых изделий используется дисковидный, цилиндрический, сегментовидный, бочонковидный, лепестковидный и рожковый бисер (илл. 96, *98–104*). Иногда в наборах он сочетается с сердоликовыми бусинами. Двухрожковые бусы отличаются от более раннего экземпляра тем, что выступы имеют фигурную форму (илл. 96, *101, 102*).

Орудия кожевенного производства (струги, тупики, проколки и их заготовки) перестают использоваться в погребальной практике.

Из датирующих предметов остаются конусы (волчки-дзыги) (илл. 96, *87–88*) и фигурные пряжки типа И-Т (илл. 96, *83–86*). Поздние конусы несколько крупнее ранней серии. Пряжки второго этапа, относящиеся к типу И-Т, являются производными от раннелолинских изделий. Сохраняется та же система расположения отверстий, а, соответственно, и крепления. Исчезает

вычурность форм и орнаментация, свойственные ранним экземплярам (илл. 96, *83–86*).

Изделия из камня представлены пестами, терочниками, кремневыми отщепами (илл. 96, *93–95*). Почти полностью изживается традиция помещения в могилу наборов производственного инвентаря. Костяные орудия, похоже, вообще исчезают, а из каменных изделий в состав приданного обычно попадает один предмет.

В лолинской культуре второго этапа известно одно погребение, в котором индивид был убит стрелой с кремневым наконечником с усеченным основанием (илл. 96, *91*). Культурная принадлежность его пока не ясна. Второй наконечник принадлежит носителям лолинской культуры (илл. 96, *92*), но являлся результатом ранения и обнаружен в погребении ДДБК с пряжкой второго этапа.

III этап. *Погребальный обряд.* Позднелолинские погребения совершены исключительно в ямах (ОГ I, V, VII) (илл. 94). Могилы становятся по площади небольшими. Фактически полностью исчезает традиция сооружения собственных насыпей. По-прежнему доминирующей остается «традиция С». На позднем этапе наблюдается некоторый всплеск ориентировок в юго-восточный сектор. Он не связан с тем катакомбным наследием, которое прослеживалось в виде стабильного присутствия погребений «традиции Ю» в раннелолинских материалах. Это явление имеет другое происхождение, которое, по-видимому, следует связывать с какими-то общими изменениями в обряде, происходящими на заключительном этапе финала средней бронзы. В этой связи любопытен факт широкого распространения юго-восточных ориентировок в погребениях позднебабинских культур.

В положении рук скелетов в позднелолинских погребениях исчезают катакомбные рудименты. Адоративные и близкие к ней позиции полностью вытесняют катакомбные позы (илл. 94).

Инвентарный комплекс. Прослеживается дальнейшая тенденция количественного уменьшения и обеднения инвентаря (илл. 95, 96).

Сокращается число и ассортимент всех категорий, за исключением костяных изделий, связанных с распространением нового типа поясных подвесок.

Количество типов керамики в позднелолинское время сокращается. Продолжают бытовать ковши (илл. 95, *37, 38*), округлобокие сосуды с плавным профилем (илл. 95*, 32, 33*) и баночные (илл. 95, *34–36*). Большинство посуды не имеют декора. Из орнаментальных композиций исчезают бабинские черты, но продолжают существовать зональные горизонтальные узоры с зигзаговидными элементами (илл. 95, *33*), которые получат дальнейшее развитие в эпоху поздней бронзы.

Орудия из металла представлены только бронзовым шилом. По-видимому, ножи перестали класть в погребения.

В позднелолинской культуре один раз встречены бронзовые височные подвески в 1,5 оборота (илл. 96, *110*), также известен фаянсовый бисер простейших типов – дисковидный и цилиндрический. В позднелолинских погребениях неоднократно встречены сердоликовые и гешировые бусины.

Изделия из кости представлены хронологически диагностичными изделиями – поясными пряжками-подвесками и костяным кольцом. Специфика кольца заключается в тщательности изготовления и наличии на его поверхности двух продольных бороздок (илл. 96, *106*). Кольца с подобным элементом хорошо представлены в комплексах начала ПБВ и являются датирующими предметами. Известны случаи обнаружения в позднелолинских захоронениях обычных костяных колечек (илл. 96, *105*). На заключительном этапе лолинской культуры распространяется новый тип пряжек-подвесок (Э-К) (илл. 96, *107, 108*), генетически не связанный с предшествующими фигурными изделиями. Все предметы происходят из захоронений в ямах и насыпи, которые занимают позднюю стратиграфическую позицию.

Изделия из камня малочисленны и представлены единичными кремневыми отщепами (илл. 96, *111*).

В позднелолинских материалах прослеживается существенное изменение основных стереотипов культуры. Оно проявляется в утрате

курганного строительства, увеличения числа юго-восточных ориентировок, полном исчезновении катакомбных конструкций могил. В погребениях почти не встречаются каменные и металлические орудия труда, характерные для предшествующих периодов. Ярко подобное изменение проявляется в пресечении традиции фигурных пряжек и возникновении нового типа поясных изделий. В то же время пряжки-подвески типа Э-К маркируют только позднелолинскую и невинномысскую культуры, являясь в этом отношении, как и предыдущие фигурные изделия, этнографическим признаком. На позднем этапе своего развития Лола, тем не менее, продолжает сохранять свои основные культурные признаки: северные ориентировки, адоративное положение рук, лопатки МРС, ковши, округлобокую посуду с плавным профилем. Заметное изживание посткатакомбных традиций и своеобразное «осрубнение», фиксирующееся в позднелолинских захоронениях, подчеркивают их завершающий характер в развитии культуры.

Линии синхронизации в рамках блока посткатакомбных культурных хорошо устанавливаются. Как уже было показано, стратиграфические данные свидетельствуют о синхронности ДДБК, ВДБК и лолинской культуры.

Ранний этап лолинской культуры синхронен ранней *днепро-донской бабинской культуре* (илл. 168). Данная синхронизация устанавливается по наличию в материалах этих культурных образований фигурных пряжек. В Бабино – это крючково-планочные изделия, в Лоле – кольцевидно-широкопланочные. Кроме фигурности и, возможно, близкой семантики, которая стоит за передаваемыми ими образами, их сближает, как уже говорилось, наличие у обеих разновидностей широкой планки и характерных треугольных выступов при переходе от планки к кольцу или щитку. К датирующим категориям инвентаря относятся костяные конусы-дзыги, бóльшая часть которых встречена в захоронениях первого этапа Лолы. В материалах ДДБК аналогичное изделие зафиксировано в комплексе раннего этапа в сочетании с кольцевидной пряжкой (Хомуш-Оба 2/8), маркирующей начальный период этой культуры.

Важное значение для синхронизации ранних Лолы и Бабино имеет находка фаянсовой лепестковидной бусины в комплексе Нижнего Подонья Ребриковка II 1/7 (Прокофьев, 2004, с. 282, рис. 27, *8*). Это захоронение по характерному правобочному положение скелета и восточной ориентировке умершего надежно соотносится с наиболее архаичной женской обрядовой группой ДДБК. Следует отметить, что подавляющее большинство находок лепестковидных бус сосредоточено в раннелолинских погребениях. Фаянсовые бусы с тремя выступами характерны для всего периода развития Лолы, но в материалах ДДБК этот тип украшений встречен в достоверно ранних погребениях вместе с двухрожковыми экземплярами (Литвиненко, 2009, рис. 52). Наличие бус с тремя и двумя отростками в раннелолинских комплексах не оставляет сомнения в синхронности начальных периодов обеих культур.

Другой вид украшений, подтверждающий факт одновременности ранних этапов рассматриваемых посткатакомбных культур – это бронзовые ленточные спиральные пронизи. В Днепро-Донском Бабино они маркируют исключительно комплексы первого периода (Парусимов, 1999, рис. 27, *1*; Литвиненко, Зарайская, 2004, рис. 14, *1*). Их датировка аргументируется, как и в случае с лепестковидным бисером, фактом обнаружения этой категории инвентаря в двух захоронениях ранней женской обрядовой группы (Керчик 17/9, Запорожец 1/19) и одном погребении мужской ОГ с левобочным положением костяка и западной ориентировкой (Ветютнев 2/1) (Литвиненко, 2012, рис. 10, *2, 3*). В последнем комплексе к тому же обнаружены каменные выпрямители, которые принадлежат к числу архаичных хронологических индикаторов днепро-донской бабинской культуры (Литвиненко, 1997, с. 32, 33). Отнесение спиральных металлических пронизей к раннему этапу Лолы надежно устанавливается благодаря обнаружению их в погребении ОГ IIA мог. Малаи I (4/4) и в комплексах мог. Бияш, где они сочетаются с таким редким архаичным обрядовым признаком, как посыпка всего костяка охрой и

другими раннелолинскими категориями инвентаря: крупной колесовидной бусиной и костяным пряслицем.

Данных для синхронизации вторых периодов днепро-донской бабинской и лолинской культур немного, но они есть. На подобную линию указывает лолинский наконечник стрелы (илл. 96, *92*), обнаруженный в захоронении ДДБК с кольцевидной пряжкой с бортиком развитого этапа Бабино (илл. 223, *2*).

Не исключено, что к этому же времени относится еще один бабинский комплекс (левобочный костяк в позе адорации с западной ориентировкой) (Юдинский III 2/7), сопровождавшийся костяным конусом. Данный вид изделий продолжает бытовать в Северо-западном Прикаспии и в среднелолинское время.

Синхронность развитых этапов лолинской культуры и ДДБК устанавливается также фактом одновременности поздних памятников этих культурных образований, которую можно доказать на уровне такой узко датирующейся категории инвентаря как поясные подвески типа Э-К (илл. 79, *9–12*). Как уже отмечалось, данные изделия появляются только в позднелолинский период (илл. 96, *107, 108*). Симптоматичным в этом отношении выглядят находки таких пряжек-подвесок в многоваликово-покровском горизонте поселения Ильичевка (илл. 126, *6*) (Панковский, 1999, с. 200, рис. 2, *8*) и на бабинском поселении Ливенцовка I (илл. 126, *7*) (Братченко, 1976, рис. 62, *10*). Особо следует отметить, что на основании находок на бабинских поселениях костяных пряжек изогнутых в сечении с разновеликим отверстиями и их заготовок, которые относятся к позднейшим типам, украинскими исследователями был сделан вывод о том, «что если не все, то большая часть поселений КМК относится к ее позднему этапу» (Усачук, Литвиненко, 2001, с. 112). Обнаружение позднелолинских поясных подвесок в материалах бабинских поселенческих памятников независимо подтверждает данный тезис.

Таким образом, есть все основания констатировать, что ДДБК и лолинская культура полностью синхронны, а их трехэтапные периодизации соответствуют друг другу.

Другая важная линия синхронизации Лолы в рамках посткатакомбного блока – это памятники *волго-донской бабинской культуры* (илл. 168). Одновременность ранних этапов обеих культур была охарактеризована в главе 2. Второй этап лолинской культуры синхронен заключительному периоду ВДБК. Подобная синхронизация обосновывается тем, что второй этап Волго-Донского Бабино одновременен развитому этапу ДДБК (см. главу 2), а последний, как было показано выше, в хронологическом отношении соответствует развитому периоду лолинской культуры. Синхронизация Лолы с *днепро-прутской бабинской культурой* устанавливается только посредством привязок к ДДБК и ДДПК, которые также охарактеризованы в предыдущей главе. В соответствии с ними ранний этап лолинской культуры древнее первого периода ДПБК, вторая фаза Лолы синхронна периодам I и IIA ДПБК, а ее заключительный этап синхронен периоду IIБ Днепро-Прутского Бабино. О синхронизации лолинской культуры с невинномысской и ВУКГ см. главы 4 и 5.

Радиоуглеродная хронология. На сегодняшний день известно 25 радиоуглеродных датировок лолинской культуры (табл. 6.4) (илл. 97), полученных в пяти лабораториях (Ki, ГИН, GrA, KIA, ИГАН/IGAN). Из них 17 – это LSC-даты и 8 – AMS-даты. Даты показывают хорошую степень сходимости (илл. 51) в пределах 2350–1890 CalBC (илл. 174). Этот диапазон вписывается в систему радиоуглеродной хронологии блока посткатакомбных культурных образований (2200–1800 CalBC), включая все три фазы ПКБ (I, II и III). Однако, следует отметить, что нижняя граница результатов суммирования ^{14}C данных лолинской культуры с вероятностью в одну сигму (sum_probability OxCal v3.10) заметно (на 150 лет) древнее указанного диапазона существования посткатакомбных древностей, в то время как верхний рубеж, если и удревнен, то незначительно.

Такая ситуация с нижней границей требует отдельного комментария. Ее можно рассмотреть с двух ракурсов. Во-первых, нельзя не заметить, что в лолинской базе данных доминируют LSC-даты, их в два раза больше, чем высокоточных AMS-датировок. Можно легко убедиться, что большинство самых древних дат дают именно сцинтилляционные определения (табл. 6.1, *3, 7, 12, 15, 19*) (илл. 97, *3, 7, 12, 15, 19*), в то время как таких датировок, полученных на ускорителе, меньше (табл. 6.1, *5, 18, 24*) (илл. 97, *5, 18, 24*). Во-вторых, следует особое внимание обратить на то, что в AMS-серии есть три связки дат, когда определения были сделаны из одного погребения по разным углеродосодержащим материалам, которые дали разные не совпадающие возрастные значения. Так, в комплексах Манджикины 1 9/1 (табл. 6.1, *4, 5*), Островной 3/39 (табл. 6.1, *16–18*) и Песчаный V 14/3 (табл. 6.1, *22, 24*). Даты полученные по костям человека оказались древнее, чем значения по костям травоядных копытных животных, причем, даже без участков наложения. Волне вероятно, что здесь мы имеем дело с хорошо известным «резервуарным эффектом», тем более что изотопное фракционирование действительно показало наличие элементов пресноводной рыбной диеты у индивидов из этих захоронений (Шишлина, 2013, с. 31–34), которая дает «мнимый» (удревненный) возраст для образцов коллагена из костей человека. Еще одна показательная связка LSC-дат из лолинского погребения (дерево и кость человека), на которую справедливо обратила внимание Н.И. Шишлина, происходит из того же комплекса Манджикины 1 9/1 (табл. 6.1, *2, 3*), где были продатированы на ускорительном масспектрометре в другой лаборатории уже упоминавшиеся образец по кости человека и кости коровы (табл. 6.1, *4, 5*). При анализе этого захоронения лучше всего просто процитировать Н.И. Шишлину. Она пишет: «Две даты по кости человека из 14С лабораторий в Киле и ИГРАНе практически совпадают. Им близка дата по древесине. Погребение было совершено в очень глубокой яме с заплечиками, на уровне которых она была перекрыта деревянными досками. Однако две даты, полученные по фрагменту кости ребра коровы, в среднем дают поправку в 140

радиоуглеродных лет: они моложе и кости человека, и древесины. Вероятно, могильная яма могла быть перекрыта бревнами или досками, изготовленными из старого (свыше 100 лет), а не молодого дерева. А вот радиоуглеродный анализ костей человека опять показывает «мнимый» возраст из-за системы питания мужчины 35–40 лет: он употреблял речную и озерную рыбу. По крайней мере, изотопный сигнал в его костях указывает на этот факт его биографии» (Шишлина. 2013, с. 33).

Исходя из вышесказанного, есть смысл просуммировать датировки лолинской культуры без учета «мнимых» дат (табл. 6.1, *2, 3, 5, 18, 24*), чей удревненный возраст доказан перекрестным датированием разных углеродосодержащих образцов и анализом результатов изотопного фракционирования. Применение функции sum_probability OxCal v3.10 к оставшимся 20 датам с вероятностью в одну сигму дает закономерный результат – 2210–1870 CalBC. Этот диапазон как нельзя лучше соответствует радиоуглеродной хронологии блока посткатакомбных культурных образований на всех фазах его развития, которые прошла и лолинская культура[73].

[73] Несмотря на то, что сокращение базы ^{14}C данных лолинской культуры на пять дат, которые дают удревненный возраст (табл. 6.1, *2, 3, 5, 18, 24*), и в результате при суммировании мы получаем интервал, в конечном итоге полностью соответствующий реальному времени существования посткатакомбного блока, все же есть смысл в базе данных оставить все радиокарбонные даты, которые соответствуют критериям относительной достоверности, сформулированных в главе 6. Это позволяет, с одной стороны, учитывать фактически всю проделанную работу по датированию посткатакомбных древностей, а, с другой, оставляет место для критического подхода, если такая необходимость возникнет, к изложенным в данном исследовании радиоуглеродных построений.

Глава 4. Невинномысская культура

Глава посвящена выделению и характеристике новой археологической культуры – невинномысской. Эпонимными для нее памятниками стали курганные могильники, исследованные у г. Невинномысск (Ставропольский край) в 2012 и 2014 гг. (табл. 1.3). Здесь были найдены яркие материалы всех периодов развития культуры. Пути ее выделения были намечены 15 лет назад, когда были опубликованы данные об особой кубанской культурной группе посткатакомбного периода (Мимоход, 2006). Невинномысская культура относится к культурному кругу Лола и демонстрирует целый ряд лолинских признаков. Однако уже при выделении кубанской группы было очевидным, что она демонстрирует целый комплекс структурных признаков, которые отличают ее от лолинской культуры. Мало того, при работе с материалами последней, для меня было очевидным определенное своеобразие памятников на ее южной периферии. Однако отсутствие полной собранной источниковой базы бассейна р. Кубани, прилегающих к нему территорий и степной зоны, примыкающей к предгорьям Северного Кавказа, не позволяло культурно обособить памятники южной периферии Лолы. Сейчас, когда сбор и обработка материала полностью завершены и выделена невинномысская культура, пришлось переформатировать и лолинскую базу данных. Часть памятников в южной части Ставропольского края была отнесена к невинномысским древностям.

На сегодняшний день известно 339 захоронений невинномысской культуры из 140 могильников (табл. 1.3).

§ 1. Территория

Подавляющее большинство погребений находится в бассейнах рек Кубань, Кума и Терек (илл. 98). В системе современного административного деления комплексы находятся на территории Краснодарского и Ставропольского края, Республик Адыгея, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечня. Ареал культуры вытянут с юго-востока на северо-запад, отчасти повторяя ориентацию Северного Кавказа. Он включает

в себя в западной части Приазовскую, Прикубанскую и Закубанскую низменности, а также Азово-Кубанскую равнину. Восточная часть располагается на южных территориях Ставропольской возвышенности, на Терско-Кумской низменности и Прикумской возвышенности. Самые северные памятники находятся в среднем течении рек Егорлык и Калаус (Красногвардейское од. кург./7, Птичье 3 9/2), в верховьях р. Ея (Терновка 2/1, Южный-84 1/1,3,4). Комплекс Ростов-Западный 5/3 следует рассматривать как инфильтрацию носителей невинномысских традиций в ареал ДДБК. Западная граница культуры находится на Таманском полуострове и маркируется соответствующими локальными участками побережий Азовского и Черного морей. Юго-восточный рубеж проходит по среднему течению рек Терек и Сунжа (Мекенская 4/10, Алхан-Кала 10/1). Отдельные комплексы известны в предгорной лесостепной зоне (Бамут-66 2/1, Сунжа-89 2/3, Сунжа-90 4/2/I–III,3–6,10–12).

§ 2. Погребальный обряд

Невинномысская культура не обладает развитым курганным строительством в отличие от Лолы, тем не менее, известны отдельные ***насыпи*** в составе курганных групп Невинномысский 1 и 3, Константиновски 4, Новокорсунская, Петровка I, Птичье 3, Рассвет, Суворовская. Особого внимания заслуживает тот факт, что имеются невинномысские некрополи, состоящие из 3-х и 7-ми курганов (Калиновский, Ореховка). Насыпи небольшие, высотой до 1 м, диаметром до 40 м. Основные и погребения, сопровождавшиеся досыпками, составляли 8,5% от всех захоронений. Интересна локализация невинномысских курганов (илл. 99). В целом, они известны по всему ареалу, однако, фиксируется определенная тенденция. Большинство курганов, в которых невинномысские погребения были основными или сопровождались досыпками, располагаются в центральной части ареала, в пределах Центрального и Западного Ставрополья. Несложно заметить, что эти территории непосредственно примыкают к зоне распространения лолинской культуры, в которой зафиксировано развитое

курганное строительство. В этой связи локализация большинства собственных невинномысских курганов в непосредственной близости от лолинского ареала, скорее всего, обусловлена контактами двух родственных культур.

Из ***дополнительных курганных конструкций*** известны только каменные сооружения (илл. 100). Это отличает Невинномысск от Лолы, в материалах которой бóльшая часть подкурганных сооружений представлена ровиками (илл. 57, *2, 3, 5*). Невинномысские конструкции можно разделить на две разновидности.

Бóльшая часть из них представлена *округлыми или овальными* сооружениями (илл. 100, *1–6*). Это в основном кромлехи (илл. 100, *1–6*) и крепида (илл. 100, *3*). В к. 13 мог. Невинномысский 1 зафиксировано два горизонта каменных курганных конструкций. Первый представлен кромлехом, основу которого составляла однорядная орфостатная кладка, окаймленная постелистой однослойной кладкой[74]. После совершения досыпки над первичным курганом, на ее северной поле была устроена крепида (илл. 100, *3*). В кромлехах, которые сохранились или были достроены полностью, всегда присутствуют разрывы, которые, по всей видимости, являлись входами на погребальные площадки (илл. 100, *1, 3, 6*). В трех случаях зафиксировано по одной перемычке с юго-восточной, северо-западной и северо-восточной сторон (илл. 100, *1, 3, 6*). Один раз кромлех, сооруженный в системе однорядной постелистой кладки, имел два противоположных входа: северный и южный (илл. 100, *2*). Особого внимания заслуживают факты сооружения над невинномысскими погребениями каменных курганчиков, которые были окружены каменными кромлехами округлой формы. В к. 4 мог. Калиновский он был сделан при помощи облицовки камнем небольшого холмика, возведенного над захоронением (илл. 100, *2*). В к. 5 мог. Ореховка курганчик был полностью сложен из камня (илл. 100, *6*). Последняя конструкция находит прямые аналогии в ранней ДДБК Донецкого кряжа и

[74] Терминология дана по (Крыжицкий, 1982, с. 23–25).

сопредельных территорий, где изредка встречаются такие сооружения (Литвиненко, 2000, с. 12; Мимоход, 2018в, с. 106). Как в невинномысской культуре, так и в Днепро-Донском Бабино каменные курганы возведены над основными погребениями.

Оригинальные подкурганные каменные конструкции *прямоугольной и квадратной* формы исследованы в мог. Ореховка (илл. 100, *7–9*). Отдельный некрополь из к. 8–10 представлял собой единственный обособленный могильник невинномысской культуры, состоящий из 3-х курганов (илл. 101). Неординарность памятника подчеркивается не только данным фактом, но и тем, что его сложные подкурганные сооружения фактически не имеют прямых аналогий. Характерными их деталями является наличие двух рядов камней, визуально воспринимающихся как двойной кромлех (илл. 100, *7–9*, 101), а также дополнительные пристройки к основному сооружению (илл. 101). В к. 9 мог. Ореховка конструктивный элемент в юго-восточном углу кромлеха, имеющий, судя по чертежу, элементы орфостатной кладки, можно интерпретировать как вход на погребальную площадку (илл. 100, *7*). Подобные разрывы, скорее всего, также входы, фиксируются и в других конструкциях данного типа (илл. 100, *5, 8*). Однако, без дополнительных элементов оформления, как в случае с к. 9 мог. Ореховка, отнесение этих проемов к числу входов, в известной мере, гипотетично, т.к. их наличие может быть связано с сохранностью конструкции. В том же могильнике, в к. 8, разрывов в конструкции нет (илл. 100, *9*). Однако, в юго-восточном углу сооружения, там же, где находится четко фиксируемый вход в конструкцию в к. 9 (илл. 100, *7*), можно наблюдать пристройку в виде двух параллельных стенок, очень похожих на оформление входа (илл. 100, *9*). Только в отличие от к. 9 вход стыкуется с глухой стеной кромлеха. Не исключено, что в данном случае мы фиксируем обряд запечатывания входа путем возведения участка стены после совершения захоронений внутри сооружения. Вероятно, также следует интерпретировать пристройку в юго-западном углу сооружения к. 9 мог. Ореховка (илл. 100, *7*). К. 8 представляет собой, вероятно, самую

грандиозную каменную конструкцию некрополя (илл. 100, *9*). Она была исследована не до конца. К основному раскопу, где были зафиксированы полностью прямоугольная конструкция и погребения, с юга была прирезана траншея, которая выявила такую же длинную двурядную стенку, примыкающую к юго-восточному углу конструкции основного раскопа (илл. 101).

Следует отметить, что полного представления об уникальном архитектурном комплекс мог. Ореховка невинномысской культуры на сегодняшний день мы не имеем. Дело в том, что кроме раскопов на этом памятнике, проведенных Ставропольской новостроечной экспедицией в 1985 г. [Андреева, 1985], рядом с к. 8–10 было заложено четыре шурфа (илл. 101). В них были выявлены фрагменты каменных конструкций, которые представляли собой двурядную кладку, скорее всего, аналогичную той, что зафиксирована в траншее, прирезанной к к. 8. М.В. Андреева справедливо связала два шурфа с к. 8 и еще два – с к. 9, тем самым подразумевая, что при шурфовке были исследованы конструктивные элементы именно этих курганов. Мало того, исследователь, основываясь на данных траншеи, заложил шурфы так, чтобы выявить эти конструкции. Опираясь на характер каменных кладок в шурфах и конструкцию, исследованную в траншее к. 8 можно уверенно предположить, что к к. 8 и 9 с юга примыкали длинные прямоугольные площадки, ограниченные двурядными стенками (илл. 101). К сожалению, шурфовка вокруг к. 10 не проводилась. С учетом того, что к. 8, 9, 10 располагались рядом и имели прямоугольную и квадратную форму, можно осторожно предположить, что и к к. 10 с юга могла примыкать длинная прямоугольная площадка, ограниченная каменными кладками (илл. 101). Однако прямых данных для такой реконструкции нет. Остается также загадкой

– использовались ли эти площадки для устройства захоронений, или они являлись площадками для совершения иных обрядовых действий[75].

Для невинномысской культуры, как и для других рассматриваемых в работе культур, не характерна традиция устройства в курганах ***внемогильных комплексов***, так называемых «жертвенников». Известно всего три кургана (Калиновский к. 4, Калюжный 1 к. 3, Невинномысский 1 к. 13), где в насыпях обнаружены отдельные сосуды, не связанные с погребениями. Причем, сложно сказать, были ли это «жертвенники», или мы имеем дело с кенотафами с не прослеженными ямами или детскими захоронениями с полностью истлевшими костями.

Из всего массива невинномысских погребений *основные* захоронения составляли всего 7,6%, сопровождались *досыпками* – 0,9%, остальные – впускные. Невинномысская культура демонстрирует самые низкие показатели собственного курганного строительства по сравнению с другими рассматриваемыми в диссертации культурами (см. главы 2, 3 и 5). В определенном смысле Невинномысск выпадает из стандартов посткатакомбного блока, для составляющих которого характерно развитое курганное строительство для фазы ПКБ I. Впрочем, культура по рассматриваемым показателям очень близка еще одной составляющей блока – ДБПК. Так, в ее днепро-днестровском варианте основные погребения составляли 5,6%, а сопровождались досыпками – 3,6%, а в днестровско-прутском варианте соответствующие показатели – 5,9% и 2,5% (Литвиненко, 2009, с. 93, 126).

Распространение невинномысских погребений по *секторам кургана* выявляет достаточно четкие закономерности (илл. 102). Значительная часть погребений как впускных, так и основных, находятся в южной половине кургана. Активно носителями невинномысских традиций использовались и

[75] В качестве прямой аналогии кладок из двух длинных параллельных стенок (илл. 101), ограничивающих ритуальные площадки, связанных с курганами, можно привести святилище эпохи бронзы у с. Сусанино в Крыму (Ольховский, Отрощенко, 1991, рис. 1, *1*, 2).

южные полы кургана. На северную половину насыпи обращали внимание значительно реже. Основных погребений здесь нет вовсе. Этот показатель прямо противоположен ДДБК. Ее погребения сосредоточены в северной части насыпи (Литвиненко, 2006, с. 221, 223, рис. 6; 2006а, с. 168, 169, рис. 5; 2009, с. 166, рис. 17, рис. 129, *1*), но при этом он полностью соответствует данным планиграфии всех вариантов ДПБК (Литвиненко, 2009, рис. 129, *2–4*). Малочисленные погребения, сопровождавшиеся досыпками, располагаются в центральной части насыпи. Если сравнить распределение невинномысских погребений по площади кургана (илл. 102) и соответствующие показатели других культур, которые рассматриваются в диссертации, то станет очевидным, что Невинномысск демонстрирует наиболее четкие тенденции расположения погребений в насыпи, которые, как уже отмечалось, связаны с активной эксплуатацией южной половины кургана. Определенные закономерности есть и в других культурах (см. главы 2, 3, 5), но по сравнению с невинномысской они выглядят размытыми.

Могильные сооружения представлены следующими разновидностями.

Группа А. Могилы ямной конструкции.

Тип 1 – обычная яма: самая распространенная конструкция. Этот тип могильного сооружения составляет 83,3% от всех погребений с прослеженной конструкцией могил. Полное доминирования этого типа наблюдается у бабинских культур ВДБК и ДДБК (см. главу 2). Как обычно, ямы имеют подпрямоугольную или овальную форму. Средние размеры 1,5×0,9 м.

Тип 2 представляет собой яму с заплечиками. В невинномысской культуре известно всего одно такое погребение – Граничная 1/3. Однако, если сравнить эту конструкцию с ямами с заплечиками лолинской культуры, ВУКГ и ВДБК, где ямы с заплечиками довольно глубокие и обширные, то невинномысская конструкция по сравнению с ними выглядит сильно редуцированной.

Группа Б. Могилы с подбойной конструкцией.

В отличие от других рассматриваемых культур в Невинномысске присутствуют только редуцированный катакомбы (илл. 115, *22–28*). Они составляют 6,6% от всех погребений с установленной конструкцией могил. В материалах культуры отсутствуют нормальные катакомбы, когда камера полностью вынесены за пределы шахты, которые известны в Лоле, ВУКГ и ВДБК. В этой связи, следует отметить, что традиция сооружения подбойных могил в невинномысской культуре в рамках культурного круга Лола выглядит малоразвитой и является в определенном смысле маргинальной. Процентное соотношений подбойных могил в Невинномысске значительно ниже, чем в Лоле и ВУКГ, но при этом превышает соответствующие показатели ВДБК и ДДБК. Все редуцированные невинномысские катакомбы имеют н-видную форму (илл. 115, *22–28*). Они неглубокие, в двух случаях фиксируется ступенька, но при этом подбои настолько малы, что скелеты больше, чем наполовину находятся во входных ямах, что как раз и свидетельствует о редуцированности катакомб.

При сооружении ***внутримогильных конструкций*** иногда использовали камень и дерево. Причем, каменные конструкции встречаются чаще. Такие могилы составляют 10,7% от всех погребений, в то время как дерево встречено в 1,8% захоронений.

Интересно распространение погребений с каменными и деревянными конструкциями по ареалу культуры (илл. 103). Захоронения с камнем, равно как подкурганные каменные сооружения, сконцентрированы в восточной части ареала: в Западном и Южном Ставрополье, в предгорьях Кавказа. Эти районы богаты выходами камня, что и обусловило активное его использования в погребальной обрядности. Впрочем, каменные конструкции в регионе можно рассматривать и как культурный посткатакомбный признак, потому что в предшествующий катакомбный период камень в обустройстве погребальных сооружений не использовался. Погребения с деревянными конструкциями есть в восточной части ареала, но большинство их сосредоточено в западной части: в Прикубанье и Закубанье (илл. 103).

Каменные внутримогильные конструкции представлены закладами, забутовками, оградами и выкладками вокруг могил (илл. 112, *9, 13, 14*, 113, *4, 22–24*, 114, *1, 5*). В комплексе Аликоновка 1/1 в яму был установлен ящик из мелких плиток (илл. 115, *21*). В п 12 к. 6 мог. Невинномысский 3 перекрытием служила крупная антропоморфная стела, украшенная елочным орнаментом (илл. 114, *9*). Деревянные перекрытия сохранились плохо, не всегда понятно, какой характер они имели. В комплексах Суворовский 1 1/16 и Новокорсунская 2/1 были устроены поперечные перекрытия (илл. 111, *16, 20*). В п. 3 к. 9 мог. Малаи I в могилу была установлена деревянная рама-сруб (илл. 111, *22*).

Невинномысские погребения в основном одиночные, но известны и *коллективные.* В материалах культуры присутствуют 10 парных захоронений, что составляет 2,9% от всех погребений культуры. В 6-ти случаях это захоронения взрослого и ребенка/подростка (илл. 111, *27*, 113, *25*), в 3-х – двух взрослых (илл. 110, *4*, 115, *29*). Антропологические определения есть для 3-х погребений. В комплексе Медведовский 1 9/3 обнаружены скелеты мужчины и женщины (?) возрастом 25–30 и 35–45 лет (табл. 4.1) (илл. 110, *4*). В п. 2 к. 1 мог. Незлобная VII находился мужчина в возрасте 35–40 лет и ребенок 10–12 лет (табл. 4.1) (илл. 111, *13*). В комплексе Суворовский 1 1/16 также один костяк был мужским 35–55 лет, а второй детский 7–10 лет (илл. 111, *16*). В определенным смысле уникальным выглядит п. 5 к. 13 Невинномысский 1. В захоронении обнаружены скелеты 4-х человек: двое взрослых и двое детей (илл. 115, *30*). Напомню, что самое многочисленное посткатакомбное погребение – это раннелолинский комплекс Песчаный V 14/3 (илл. 63, *10*). Здесь были исследованы шесть детских костяков и один мужской. Причем, комплекс представляет собой захоронение людей, умерших насильственной смертью. Об этом свидетельствует наконечник стрелы в позвоночнике мужского скелета (см. главу 3). Признаков насильственной смерти людей в комплексе Невинномысский 1 13/5 нет, но допустить такую возможность по аналогии с лолинским погребением можно.

Среди погребений невинномысской культуры имеются погребения с элементами *расчленения или вторичного захоронения*. Известно 3 таких погребения, что составляет 0,9% от всех захоронений. В двух погребениях (Ореховка 5/3 и Георгиевская станица 6 1/3) костяки был уложены пакетом (илл. 115, *31, 32*). В двух погребениях зафиксированы манипуляции с черепом. В комплексе Старотитаровская 4960Б 5/19 отсутствовал череп. Автор раскопок в отчете указывает на «следы насильственной смерти» [Яцюк, 2014, с. 90]. Очень интересная ситуация зафиксирована в п. 1 к. 4 мог. Калиновский. Здесь была отсечена левая половина черепа, а «на височной части сохранившейся черепной коробки находится композиция из прочерченных неровных линий, образующих нерегулярные косые клетки» (илл. 114, *2*) [Дервиз, Мирошина, Мишина, 1982, с. 75, 76].

В материалах невинномысской культуры известны и *кенотафы*. Они представлены только в мог. Ореховка: 1/3, 2/3, 7/3, 8/3, 9/1,5, 10/1,2. Выше уже отмечалась уникальность этого некрополя в связи с неординарными каменными курганными конструкциями. Наличие здесь целой серии могил без скелетов еще раз ее подчеркивает.

Только в одном комплексе Бамут-64 2/12 невинномысской культуры зафиксирован случай обнаружения скелета с *деформированным черепом* (0,3%), что свидетельствует о генетической связи с предшествующим катакомбным субстратом. Причем, следует отметить, что в родственной лолинской культуре этот показатель выше в 10 раз (2,9%).

Основное положение умерших в невинномысской обрядности – скорченно *на боку*. Расположение на левом боку доминирует и составляет 78,2% от всех комплексов с установленным положением скелета. Невинномысскую культуру выделяет в посткатакомбном блоке сравнительно высокий показатель правобочных костяков. Он составляет 21,8%. Выше уже отмечалось, что положение скелета на правом боку характерно для ранней ДДБК, где оно маркирует женскую обрядовую группу (см. главу 2). Для того чтобы убедиться, что в невинномысской культуре правобочная позиция

относится к числу культурообразующих признаков, а не отклонением от нормы, достаточно сравнить ее показатели с другими культурами. Так, комплексы с положением скелета на правом боку в ВДБК составляет – 3%, в Лоле – 7%. Более близок невинномысским данным показатель ВУКГ – 16%, в которой правобочная позиция также относится к числу культурных признаков (см. главу 5).

В невинномысской культуре нет четкой корреляции между положением на правом или левом боку и полом умершего, как это хорошо фиксируется для ранней ДДБК, где правый бок и восточная ориентировка – женская обрядовая группа, а левый бок и западная ориентировка – мужская. В Невинномысске вообще не прослеживается какая-либо взаимосвязь между полом умершего и ориентировкой. Однако, если рассмотреть корреляцию признака «пол» и «левый/правый бок», то выявляется любопытная закономерность. Для этой культуры антропологических данных по половой принадлежности немного – всего 42 комплекса (12,4%) (табл. 4.1), тем не менее, эта статистика фиксирует устойчивую тенденцию. Для правобочных скелетов известно 9 определений половой принадлежности, из них 6 принадлежит женщинам и 3 – мужчинам. Погребения, где скелеты находились на левом боку и определен их пол, демонстрируют прямо противоположную картину. В этой выборке насчитывается 33 определения, из которых женщины составляют 11 индивидов, а мужчины – 22. Таким образом, получается, что правобочное положение больше характерно для погребений женщин, а левобочное – для мужчин. В качестве примера можно привести комплекс Медведовский 1 9/3. Это парное захоронение, индивиды обращены друг к другу (илл. 110, *4*). Скелет у западной стенки лежал на левом боку и принадлежал мужчине 25–30 лет. Костяк у восточной стенки был частично смещен при подзахоронении, тем не менее, поза его устанавливается достаточно четко. Он лежал в сильноскорченной позиции на правом боку и принадлежал с большой вероятностью женщине 35–40 лет (табл. 4.1.). Иными словами, в одном

комплексе фиксируется обсуждаемая дихотомия[76], которая в тенденции прослеживается по статистическим данным. Здесь следует отметить два момента. Во-первых, антропологических определений не так много, поэтому дальнейшее накопление источниковой базы может внести определенные коррективы в наши наблюдения. Во-вторых, есть проблема соотнесения погребений с антропологическими данными с трехэтапной периодизацией невинномысской культуры (см. ниже), ввиду отсутствия в них узко датирующихся категорий инвентаря. К раннему этапу с уверенностью можно отнести комплексы Нальчик кург./31 и Медведовский 1 9/3 (скелет у восточной стенки), где правобочные костяки принадлежат женщинам, а также Калиновский 4/1, 5/1, Новокорсунская 2/1, Ореховка 6/1, Медведовский 1 9/3 (скелет у западной стенки), которые содержали погребения мужчин. Осторожно можно предположить, что на раннем этапе невинномысской культуры тенденция корреляции признаков «левый/правый бок» и «пол» могла быть более выраженной, что находит типологические соответствия в ранней ДДБК.

В невинномысской культуре преобладает средняя *скорченность* скелета. Такие погребения составляют 55,2% от всех захоронений с установленной позицией умершего. Костяки с сильной скорченностью представлены в 40,3% погребений, со слабой – 4,5%. Обращает на себя внимание достаточно высокий показатель сильноскорченной позиции. Он близок данным лолинской культуры и ВУКГ – 37,3% и 32%. Для сравнения в ВДБК такие погребения составляют всего 3%, для ДДБК также сильная скорченность не характерна (см. главу 2).

Ориентировка скелетов демонстрирует следующие закономерности (илл. 104). Доминирует восточная и юго-восточная ориентировки скелетов – 51% и 16,4% от всех захоронений. Именно эти направления можно считать культурообразующими признаками. По этому признаку невинномысская

[76] Впрочем, такая ситуация могла быть обусловлена специфическими чертами позы «объятие».

культура серьезно отличается от Лолы, ВУКГ, ВДБК и ДДБК. Близкую картину демонстрирует ДПБК, но там удельный вес северо-восточных и южных векторов выше (Литвиненко, 2009, рис. 131). Значительно реже в Невинномысске встречаются северо-западное (4,3%), северное (6%), северо-восточное (7%), южное (3%), юго-западное (0,6%) направления (илл. 104). Следует отметить, что в культурном круге Лола только в невинномысской культуре изредка встречается западная ориентировка (3,5%).

В *положении рук* можно выделить 6 вариантов (илл. 105).

1 – поза адорации, когда руки согнуты в локтях под острым углом, а кисти находятся у лица или груди.

2 – одна рука согнута в локте под острым углом, кисть расположена у лица, другая согнута в локтевом суставе под прямым углом, кисть находится у локтя первой руки.

3 – обе руки согнуты в локтях под прямым углом, предплечья параллельны друг другу.

4 – обе руки вытянуты к коленям.

5 – одна рука протянута к коленям, вторая рука согнута в локте под прямым углом, ее кисть находится у локтевого сустава первой руки.

6 – одна рука вытянута к коленям, вторая согнута в локтевом составе под острым углом, кисть располагается у лица или груди.

Количественное соотношение разных вариантов демонстрирует следующие закономерности (илл. 106). Самой распространенной является адоративная позиция. Погребения с таким положением рук составляют 47,2%. Близки к адоративной позиции варианты 2, 3 и 6. Это так называемая «нарушенная адорация». Погребения с этими позициями составляют 11%, 5,8% и 5,2% соответственно. Варианты 4 и 5 относятся к катакомбной традиции (3,4% и 5,8%). Видно, что адоративная и близкие к ней позиции полностью доминируют. Общий удельный вес их составляет 69,2%. Этот показатель близок соответствующим данным лолинской культуры и ВУКГ,

что ярко демонстрирует принадлежность невинномысских памятников к культурному кругу Лола.

В погребениях этой культур встречаются *охра, разнообразные подсыпки и подстилки. Охра* встречена в 12% комплексов от всех захоронений (показатель близок соответствующим данным других посткатакомбных культурных образований). Она встречается вкраплениями, кусками, комочками, пятнами. По разу охрой было покрыто дно могилы (Калиновский 3/2) и весь костяк (Николаевский 3 5/6). В пяти погребениях встречен такой рудиментарный катакомбных признак как покрытие охрой стоп умершего. В одном погребении (Чернышевская I 5/81) обнаружены охристые отпечатки стоп, что также однозначно указывает на генетическую связь с катакомбными древностями. Окраска охрой встречается в области черепа, таз, ног и рук. В п. 1 мог. Чишхо найдено изделие из охры подовальной формы.

В одном комплексе (Чернышевская I 5/81) зафиксировано пятно «скопление краски лилового цвета» [Лесков, Габуев, Днепровский, 1985, с. 154]. Видимо, речь идет о пигменте *серы*, которые изредка встречаются в погребениях культурного круга Лола (см. главы 3 и 5).

Подстилки в погребениях органического происхождения. Известны многослойные подстилки. В качестве специфической черты можно рассматривать редкое использование древесной подстилки, скорее всего, из коры (Бамут-66 2/9,11, Колос 2 1/17, Невинномысский 1 13/5, Суворовская 9/3).

В 7 погребениях обнаружены *следы горения* (уголь и зола), что составляет 2% от всех захоронений культуры. Этот показатель близок данным лолинской культуры (см. главу 3).

Особую в погребальном обряде невинномысской культуры играли *кости животных*. Как и в других посткатакомбных культурных образованиях, КЖ выступали в качестве культурного индикатора. Однако, следует отметить, что в Невинномысске этот признак выглядит более размытым по сравнению с другими посткатакомбными культурами. Об этом свидетельствует количество

погребений с КЖ. Такие комплексы составляют всего 7,6% от всех захоронений культуры. Для сравнения в ВДБК этот показатель составляет 61,3%, в Лоле – 25,4%, в ВУКГ – 30,6%. Можно заметить, что традиция помещения КЖ в погребения в невинномысской культуре была развита слабее.

В невинномысских погребениях кости принадлежат особям МРС и КРС. Захоронения с костями мелких копытных составляют 76% от всех захоронений с КЖ, с костями КРС – 20%.

Комплексы с КЖ можно разбить на типы в зависимости от анатомического и видового состава костей. Интересно отметить, что при относительно небольшом количестве комплексов с костями (25 захоронений), в типологическом отношении они очень вариативны, что также свидетельствует о неустойчивости и синкретичности традиции.

Тип 1. Лопатка МРС (илл. 111, *18*, 114, *1, 8*). Самый распространенный тип КЖ (4 комплекса, 16% от всех погребений с костями животных). Выше уже было показано, что этот тип самый многочисленный и в родственной лолинской культуре (см. главу 3).

Тип 2. Лопатка КРС (1 комплекс, 4%). В какой-то мере этот тип синонимичен типу 1, но использование кости крупного копытного, позволяет его обособить. Следует также отметить, что этот тип больше не встречен ни в одной составляющей культурного круга Лола. Обращает также на себя внимание, что комплекс Бамут-66 2/1 с лопаткой КРС является самым южным в посткатакомбном мире и находится фактически на границе предгорной зоны. Видимо, его появление следует связывать с контактами с культурами Северо-восточного Кавказа.

Тип 3. Лопатка и ребра МРС (илл. 111, *20*, 115, *1*) (2 комплекса, 8%). Этот тип представлен только в невинномысской культуре и неизвестен в других посткатакомбных культурах.

Тип 4. Нога и лопатка МРС (илл. 111, *3*, 114, *5*, *13*) (3 комплекса, 12%). В данном случае речь идет о помещении в могилу передней ноги с лопаткой. Такие комплексы известны в ВДБК и Лоле.

Тип 5. Нога и часть таза МРС (1 комплекс, 4%). В семантическом отношении этот тип, видимо, близок к типу 4, с той лишь разницей, что в погребение клали заднюю ногу с частью таза. Этот тип известен и в ВДБК (см. главу 2).

Тип 6. Кости ног МРС (1 комплекс, 4%). Этот единичный тип в невинномысской культуре изредка встречается в Лоле и является самым распространенным в ВДБК и ВУКГ (см. главы 2 и 5).

Тип 7. Кость ноги КРС (илл. 115, *3*) (1 комплекс, 4%) также единичен. В лолинской культуре он отсутствует, зато хорошо представлен в ВДБК и ВУКГ (см. главы 2 и 5).

Тип 8. Крестец КРС (илл. 111, *22*) (1 комплекс, 4%). Известен только один случай. Обратим внимание, что в материалах ДДБК есть серия погребений с частями позвоночника только не КРС, как в нашем случае, а МРС (Литвиненко, Зарайская 2004, с. 223; Литвиненко 2006а, с. 178). Известно такое погребение и в ВДБК (см. главу 2).

Тип 9. Ребра МРС (илл. 115, *24*) (2 комплекса, 8%). Это довольно редкий тип в посткатакомбной обрядности. Он серийно начинает распространяться в эпоху поздней бронзы.

Тип. 10. Ребра, позвонки, крестец МРС (илл. 111, *19*, 112, *7*) (2 комплекса, 8%). Речь идет о помещении в могилы нижней части туловища без конечностей.

Тип 11. Череп МРС (илл. 112, *2*) (2 комплекса, 8%). Этот тип редко встречается не только в невинномысской культуре, но и в Лоле и ВУКГ.

Тип 12. Череп и ноги МРС (илл. 115, *24*) (2 комплекса, 8%). Это так называемые «шкуры». Они известны в ДДБК, ВДБК и Лоле. Последние два типа свидетельствуют о генетической связи с катакомбными древностями, где широко была распространена традиция помещения в могилу черепов и конечностей домашних копытных.

Тип 13. Челюсть КРС (илл. 115, *29*) (1 комплекс, 4%) также характерен для предшествующего катакомбного субстрата и единичен в невинномысской культуре.

Как видно, при наименьшем количестве комплексов с КЖ невинномысская культура демонстрирует наибольшее количество типов по сравнению со всеми остальными культурными образованиями, рассматриваемыми в диссертации. В определенном смысле, это можно оценивать в качестве косвенного культурного маркера. Факт преобладания в количественном отношении, хотя и не доминирования, погребений с лопатками МРС убедительно свидетельствует, что по признаку «кости животных» невинномысская культура демонстрирует стандарты культурного круга Лола.

Анализ расположения комплексов с КЖ в могиле выявляет достаточно показательные закономерности, прослеженные и в других культурных образованиях на востоке посткатакомбного мира. Так как в Невинномысске самое большое количество типов КЖ при наименьшем процентном соотношении при нанесении на аккумулятивную схему типы были объединены в группы по признакам видового и анатомического состава. Группа из типов 1, 3–6, 10 состоит из комплексов с костями МРС, кроме черепов. По аналогии группу из типов 2, 7, 8 составляют погребения с костями КРС, кроме части черепа. Соответственно черепа и их части МРС и КРС в единичном сочетании с костями конечностей были нанесены на схему отдельно (типы 11–13). Выделение последней группы, которая учитывает только анатомический состав без учета видового в качестве критерия объединения, что вроде бы нарушает логику группирования, имеет свое объяснение. Дело в том, что, как уже не раз отмечалось, использование черепов КРС и МРС является характерным для предшествующей катакомбной обрядности, а в посткатакомбной является рудиментарной, поэтому на аккумулятивной схеме их целесообразнее рассмотреть отдельно.

Как и следовало ожидать, комплексы первой и второй групп (типы 1, 3–6, 10 и 2, 7, 8) демонстрируют типичные посткатакомбные, которые хорошо представлены в лолинской культуре, ВДБК и ВУКГ (см. главы 2, 3 и 5). Основная зона расположения КЖ находится в районе кисти предплечья и локтя руки (илл. 107, *1*). Здесь расположено 77,8% всех комплексов обеих групп. Фактически все кости приурочены к скелету. «Намагниченность» скелета как в отношении костей животных, так и вещей – характерная примета на востоке посткатакомбного мира (Мимоход, 2007а, с. 123, рис. 4, *5–7*; 2013, с. 42, 43, 73, 74, 85, илл. 23, *5–9*; 2019б, с. 23–25, рис. 6; 2021, с. 11, рис. 4, *1, 2*). Следует отметить, что в невинномысской культуре фактически не встречаются позиции для посткраниальных частей скелетов МРС и КРС таких, как «за спиной», «у колен», «за тазом», «в отдаление от скелета», которые хоть и редко, но представлены в ВДБК, ВУКГ (илл. 13, *1, 2*, 150) и Лоле (Мимоход, 2013, илл. 23, *5–8*), где они демонстрируют генетическую связь с катакомбными древностями и маркируют ранние этапы культур (см. главы 2 и 5) (Мимоход, 2013, с. 43, 44).

Однако, эта связь прослеживается и для Невинномысска, только фиксируется она по краниальным частям скелета МРС и КРС. Эти типы расположены в катакомбных зонах: во входной яме, за тазом, у стоп (илл. 107, *1*). Только один раз челюсть КРС была расположена в посткатакомбной зоне (илл. 115, *29*). Иными словами, в культуре в расположении КЖ в могиле генетическая связь с катакомбными древностями фиксируется, но, главным образом, по катакомбным типам.

Различия между катакомбной и посткатакомбной традициями хорошо проявляются при сравнении аккумуляционных схем расположения комплексов с КЖ в погребениях Невинномысска и предшествующей ему на территории Кубани батуринской катакомбной культуры (БКК) (илл. 107). Количество невинномысских и батуринских погребений с костями копытных фактически одинаково. Сразу бросается в глаза типологическое различие двух традиций. Погребения с черепами и нижними челюстями, которые

представляют подавляющее большинство в батуринской катакомбной культуре (илл. 107, *2*), в невинномысских материалах оказываются в заметном меньшинстве (илл. 107, *1*), и наоборот, комплексы с костями посткраниального скелета, в частности, с лопатками МРС, полностью преобладают в Невинномысске (илл. 107, *1*) и единичны в БКК (илл. 107, *2*).

Кардинальные различия фиксируются и в местоположении комплексов с КЖ в могилах. Как уже отмечалось, в невинномысской культуре подавляющее большинство костей находится в стандартной посткатакомбной зоне, у предплечья и кисти (илл. 107, *1*). В батуринских материалах известно только одно захоронение (Батуринский II 1/3), в котором череп копытного расположен у кистей рук. Причем, следует заметить, что здесь в посткатакомбной зоне расположен чисто катакомбный тип комплекса. Во всех остальных случаях БКК демонстрирует общекатакомбные стандарты размещения КЖ в могилах. Комплексы, если они приурочены к телу, расположены на тазе и у ступней (илл. 107, *2*). Интересно, что в комплексе Бейсужек 35 6/8 на тазе лежала лопатка МРС [Клещенко, 2017], т.е. здесь уже посткатакомбный тип комплекса находится в катакомбной зоне. То же самое можно сказать и о других лопатках МРС в материалах БКК. Все они помещены в могилы по катакомбным стандартам и находятся в отдалении от скелета и во входных ямах (илл. 107, *2*). Такие же тенденции демонстрируют и катакомбные типы КЖ (илл. 107, 2). Несложно заметить, что ситуация, которая прослеживается при сравнении расположения костей копытных в невинномысских и батуринских древностях (илл. 107), находят выразительные параллели на востоке посткатакомбного мира при сопоставлении обрядности ВДБК и ВДКК (см. главу 2) (илл. 13) или Лолы и ВМКК (Мимоход, 2007а, с. 122, 123, рис. 4; 2013, с. 41–43, илл. 23). Все это свидетельствует о том, что, с одной стороны, по такому признаку как «кости животных» прослеживается несомненная генетическая связь между катакомбными и посткатакомбными древностями, а соответственно устанавливается и их разновременность, а, с другой, выясняется, что это

взаимосвязанные, но принципиально разные как хронологические, так и культурные традиции.

Картографирование типов комплексов с КЖ невинномысской культуры показывает следующую картину. Погребения с костями МРС, равно как и КРС, известны по всему ареалу (илл. 108). Однако, локальные тенденции все же можно проследить для захоронений с костями КРС, если рассмотреть их расположение по природным зонам. Как и носители лолинской культуры, невинномысские социумы не пытались освоить экстремально аридную территорию северных пустынь. Однако невинномысских памятников нет и в зоне южных опустыненных степей в то время, как она входила в основной ареал лолинской культуры (илл. 108). Этот факт объясняется не столько природно-климатическим фактором, т.к. носители невинномысских традиций эксплуатировали хозяйственную модель очень близкую лолинской, основанной на овцеводстве, сколько культурным. Речь идет о том, что эта экологическая ниша уже была занята лолинскими скотоводами. Основной ареал Невинномысска расположен на территории средних сухих и северных степей (илл. 108). Отдельные единичные группы проникают в предгорную лесостепную зону.

Интересно, что захоронения с костями КРС в зоне средних сухих степей отсутствуют, в то время как погребения с костями МРС здесь известны (илл. 108). Стабильно комплексы с остатками крупных копытных представлены на территории северных степей (илл. 108), которая была менее аридной, что и позволяло разводить здесь в ограниченном количестве КРС. Ситуация принципиально схожа с ВДБК. Напомню, что количественное соотношение видов в составе стада у Волго-Донского Бабино и невинномысской культуры одинаковое. У первой из них КРС составлял 19,2%, у второй – 20%. И в том, и в другом случаях основной зоной, где встречаются погребения с костями крупных копытных, являются северные степи и лесостепь (илл. 108). Примечательно, что один невинномысский комплекс Бамут-66 2/1 тоже находится в предгорной лесостепи (илл. 108), что

подтверждает указанные закономерности, с той лишь разницей, что лесостепные районы не входили в основной ареал Невинномысска, видимо, по причине наличия здесь собственно кавказского населения.

Таким образом, мы видим, что хозяйственные модели ВДБК и невинномысской культуры близки, т.к. при доминировании МРС, пятую часть стада составляет КРС. Такая же ситуация характерна и для ВУКГ (см. главу 5). Это отличает их от Лолы, где крупных копытных в захоронениях фактически нет. Связано это с тем, что в ареалах Невинномысска, ВДБК и ВУКГ присутствуют природные зоны, в которых разведение КРС было более целесообразным, чем на аридных территориях лолинской культуры.

Погребения невинномысской культуры можно разделить на шесть *обрядовых групп* (илл. 109). Общим для всех групп является скорченное положение скелета чаще на левом, реже на правом боку, а для подавляющего большинства из них (ОГ I, III–VI) адоративная позиция рук. Основанием для разделения служат признаки: «могильная конструкция» и «ориентировка костяка».

ОГ I представлена погребениями в ямах, костяки в позе адорации ориентированы на С, СВ, СЗ (илл. 110). Она соответствует одноименной группе лолинской культуры (см. главу 3). Однако, если в Лоле это самая многочисленная группа, то в невинномысской культуре погребения ОГ I составляют 15,9% от всех захоронений культуры (илл. 110, *2*).

ОГ II составляют захоронения в ямах с южной и юго-восточной ориентировкой (илл. 111, *1–3*). Она крайне малочисленна – всего 4 комплекса (1,2%) (илл. 110, *2*). Особенностью этой группы является катакомбная позиция рук, когда они протянуты к коленям (вариант 4), и правобочное положение скелета.

ОГ III самая многочисленная в культуре. Ее погребения составляют 68% (илл. 110, *2*). Группа представлена адоративными погребениями в ямах с ориентировками на В и ЮВ (илл. 111, *4–27*, 113, 114, 115, *1–5*). Именно эта ОГ формирует наглядный образ культуры

ОГ IV объединяет захоронения в позе адорации, совершенные в ямах с южной ориентировкой (илл. 115, *6–15*). Ее погребения составляют 3,7% (илл. 110, *2*).

ОГ V представлена погребениями в ямах с ориентировками на З и ЮЗ (илл. 115, *16–21*). Это тоже немногочисленная группа (3,6%) (илл. 110, *2*). Следует отметить, что из всех рассматриваемых в диссертации культурных образований только в невинномысской культуре редко, но стабильно присутствует ориентировка на запад (12 комплексов). Это неслучайное явление и связано с межкультурными контактами (см. ниже).

ОГ VI представлена захоронениями, совершенные в ямах с подбойной конструкцией с ориентировкой скелетов на В и ЮВ (илл. 115, *22–28*). Ее погребения составляют 3% (илл. 110, *2*). Обращает на себя внимание, что в невинномысской культуре представлены только редуцированные катакомбы, в отличие от Лолы и ВДБК, где известны и нормальные конструкции. Два комплекса можно рассматривать как переходные от нормальных к редуцированным катакомбам (илл. 115, *22, 23*). У них фиксируется ступенька, но при этом камера полностью не выведена из входной ямы, а более, чем наполовину находится в ее створе.

Картографирование погребений разных обрядовых групп показывает следующую картину (илл. 116). Комплексы ОГ I–IV распространены по всему ареалу культуры. Определенные закономерности в локализации демонстрируют ОГ V и VI. Захоронения первой из них расположены исключительно на западном фланге, на Кубани и в Юго-восточном Приазовьве (илл. 116), т. е. на территории, которая непосредственно примыкает с юга к ареалу ДДБК. Этим и объясняется то, что в группу объединены погребения с западными и юго-западными ориентировками. Именно эти векторы характерны для Днепро-Донского Бабино и присутствие в материалах невинномысской культуры погребений ОГ V следует связывать с межкультурными контактами с северными соседями. Этому есть и другие свидетельства (см. ниже).

Погребения ОГ VI отсутствуют на восточном фланге и представлены в центральной и западной части ареала (илл. 116). Причем, здесь они явно тяготеют к северной границе. За исключением трех погребений (Колос 2 1/17, Адагум 10 1/8,10), один из которых находится на правом берегу Кубани, два других в низовьях Закубанья (илл. 116). Иными словами, погребения в могилах с подбойной конструкцией тяготеют к лолинскому и бабинскому ареалу.

§ 3. Характеристика погребального инвентаря и сопоставительные материалы

Погребальный инвентарь невинномысской культуры представлен керамической посудой, металлическими, каменными, костяными орудиями, предметами вооружения, металлическими, фаянсовыми, раковинными, керамическими украшениями.

Захоронения без сопровождающего инвентаря составляют половину от всех комплексов. По признаку «безынвентарность» культура занимает промежуточное положение между Лолой, с одной стороны, и ВДБК с ВУКГ, с другой. В целом, невинномысская культура вписывается по данному критерию в стандарты посткатакомбного блока.

Нередко погребения сопровождались ***керамикой***. Такие комплексы составляют 21,6% от всех захоронений. Этот показатель вполне сопоставим с данными лолинской культуры (см. главу 3).

В составе керамического комплекса можно выделить 10 групп керамики.

Группа 1 объединяет сосуды баночной формы (илл. 117, *1–14*). Это одна из самых многочисленных групп в невинномысском керамическом комплексе. Она составляет 30,4% от всей посуды с установленной морфологией. Как и любую баночную серию, ее можно разделить на две группы.

К первой относятся банки закрытого типа, со стянутым устьем (илл. 117, *1–6*), ко второй – сосуды открытого типа, когда диметр венчика равен диаметру тулова или превышает его (илл. 117, *7–14*). Интересно отметить, что количество открытых банок в невинномысской культуре превышает

количество закрытых, в то время как в Лоле, наоборот, закрытые формы преобладают над открытыми. Распределение сосудов с закраинами у дна и без них приблизительно одинаковое. В невинномысской серии орнамент известен только на одном сосуде. Он выполнен прочерчиванием. Композиция представляет фриз сдвоенных треугольников, расположенных вершинами вниз, по центру которых нанесена высотная линия, выходящая за пределы вершины (илл. 117, *10*). По метрическим параметрам бóльшая часть невинномысских банок относятся к группе средних, их высота составляет 15,6–10,7 см (илл. 117, *1–12*). В этой серии есть два достаточно крупных сосуда высотой 26,4–26 см (илл. 117, *13, 14*). Примечательна их форма, которую можно охарактеризовать как «стаканообразную», т.к. они высокие, стройные и относительно узкие[77]. У одного из них закраина у дна отсутствует (илл. 117, *13*), у второго ярко выражена (илл. 117, *14*). Такие высокие «стаканообразные» банки характерны только для невинномысской культуры и неизвестны в других составляющих посткатакомбного блока.

В *группу 2* объединены два сосуда (илл. 117, *15, 16*), один из них миниатюрный, высотой – 5,2 см (илл. 117, *15*). По общей морфологии они относятся к группе баночных, но наличие у обоих экземпляров такой структурной детали как носик-слив, которая свидетельствует о специфике функционального назначения, позволяет их отделить от группы 1. Следует отметить, что оба погребения находятся в восточной части ареала (илл. 98). Примыкает к этой группе сосуд из комплекса Сенгилеевский 7 9/2 (илл. 117, *17*). У него также есть носик-слив, но морфологически он близок посуде группы 3. Венчик, шейка и край дна орнаментированы ногтевыми оттисками и пальцевыми вдавлениями, образующими горизонтальные линии.

Группу 3 составляют сосуды подостроребериой формы (илл. 117, *18–23*). Они имеют трехчастную форму и выраженное или сглаженное ребро. Особого внимания заслуживает горшок из комплекса Курганная группа (2 насыпи) 1/9,

[77] Соотношение высоты и диаметра дна у этих сосудов: 1,5:1, в то время как у других самых стройных сосудов группы 1 (илл. 117, *7, 8*) максимальное соотношение соответствующих показателей 1,2:1.

Приморско-Ахтарский район (илл. 117, *21*). Его форма и орнаментация недвусмысленно отсылает к керамическому комплексу ДДБК. В морфологии показательным в этом отношении является достаточно резкий переход от горла плечу, который формирует на внутренней стороне выраженное ребро. Пропорции сосуда тоже хорошо соответствуют бабинским стандартам так же, как и орнаментация. В этой связи, диагностичным является украшение среза венчика вдавлениями. Этот прием хорошо известен на посуде ДДБК (Березанская, 1986, рис. 6, *7*; Шарафутдинова, 1995, рис. 2, *2, 5, 8, 9, 12, 13, 15*; Киселев, 1997; Давыденко, Кузин-Лосев, 2001, рис. 1, *3*; Литвиненко, 2009, рис. 24, *31, 33*). Из материалов, которые рассматриваются в диссертации, в качестве аналогии можно указать на комплекс ВДБК Заханата 5/15, у которого также срез венчика орнаментирован вдавлениями (илл. 25, *10*). Нерегулярный резной нерегулярный декор знакового характера на невинномысском сосуде (илл. 117, *21*) также характерен для бабинской традиции (см. главу 2). Выпадает из бабинских стандартов только орнаментация закраины сосуда вдавлениями (илл. 117, *21*). Такой способ не характерен для бабинской традиции и, вероятно, является местным. Это подтверждает наличие подобного декора на сосуде из Сенгилеевского 7 (илл. 117, *17*). В целом, можно утверждать, что сосуд, обнаруженный в комплексе Курганная группа (2 насыпи) 1/9, Приморско-Ахтарский район, изготовлен под сильным влиянием бабинской традиции, если не являлся прямым импортом из этой среды. При этом обряд этого погребения невинномысский (илл. 115, *24*) и не находит аналогий в культурном круге Бабино. К бабинским керамическим стандартам отсылает и сосудик из комплекса Хоперская 1/10 (илл. 117, *20*). Он имеет выраженный трехчастный профиль с выраженным ребром и высоким раструбным горлом. Ему также можно подобрать аналогии в керамическом комплексе ДДБК (Литвиненко, 2009, рис. 26, *7, 12, 25*). Также к бабинским традициям изготовления керамики можно отнести еще три горшка (илл. 117, *17, 19, 22*), два из которых орнаментированы валиками (илл. 117, *18, 19*). Следует также отметить, что к. 1 мог. Венцы I, из насыпи которого происходит

сосуд с валиками (илл. 117, *18*), расположен в Закубанье (илл. 98), т.е. на территории достаточно отдаленной от ареала Бабино. В этой связи этот горшок, вероятно, следует рассматривать в контексте поселений типа Гамовской балки (см. ниже).

Третий сосуд по пропорциям и морфологии уже близок срубным (илл. 117, *23*), что характерно для поздних посткатакомбных погребений, при этом обнаружен он в явно невинномысском погребении (илл. 111, *22*). На самом горшке есть элемент, который не характерен для срубной керамики. Речь о длинном горизонтальном налепе на одной из сторон сосуда, который имел декоративный характер. Различные налепы и короткие ручки одна из характерных примет невинномысского керамического комплекса.

Группа 4 состоит из сосудов открытой баночной формы (илл. 118, *1, 2*), но выделены они в отдельную группу, потому что имеют специфические морфологические детали в виде ручек-упоров. В одном случае присутствуют две ручки, приостренные в сечении (илл. 118, *1*), во втором – одна фигурной формы с отверстием в центре (илл. 118, *2*). Эти сосуды в целом близки группе ковшей лолинской культуры (илл. 74, *1–7*), однако, налицо явные различия в пропорциях. Лолинские изделия имеют выраженные приземистые пропорции, а невинномысские сосуды более высокие и стройные. Интересно, что у изделий из комплекса Суворовский 1 5/1 и Лола I 2/3 в ручках имеются отверстия (илл. 74, *2*, 118, *2*). Орнаментация на посуде группы 4 так же, как и на лолинских ковшах, остутствует.

Группа 5 представлена одним сосудом (илл. 118, *3*). У него присутствует ручка-упор, чем он близок изделиям группы 4. Однако специфическая морфология изделия из комплекса Калюжный 1 1/13 позволяет его рассматривать в качестве самостоятельной классификационной единицы. Сосуд имеет высокое цилиндрическое горло, крутые плечики и зауженное дно. Он вызывает вполне устойчивую ассоциацию с катакомбными древностями. В частности, близкая посуда известна в ВМКК (Андреева, 2014, рис. 35, *20*). В типологии М.В. Андреевой посуда этого типа объединена в группу «закрытые

формы без ручек» (Андреева, 2014, с. 26). В нашем случае сосуд позднекатакомбной морфологии имеет ручку-упор (илл. 118, *3*), которая является характерной приметой лолинского и невинномысского керамических комплексов. Данный сосуд демонстрирует генетическую связь между невинномысской культурой и подстилающим катакомбным субстратом. К ней же отсылает и обряд этого комплекса, в котором скелет был ориентирован строго на юг, что входит в число обрядовых признаков ВМКК.

Обратим внимание, что в подборке посуды лолинской культур есть довольно точная аналогия горшку из Калюжного (илл. 118, *3*). Речь идет о сосуде из комплекса Чографский 1 5/11 (илл. 72, *15*). Здесь мы имеем структурное сходство морфологии, отсылающей к катакомбным нормам и наличие ручек-упоров, характерных для предкавказской посткатакомбной традиции. И в том, и в другом случае сосуды не орнаментированы.

Группу 6 составляют округлобокие горшки с коротким цилиндрическим или слегка отогнутым горлом (илл. 118, *4–9*). Эти сосуды можно считать характерным маркером невинномысского керамического комплекса. В лолинской культуре точные аналогии этой группе подобрать сложно. В какой-то мере ей близки сосуды группы 8 (илл. 75, *1, 2*), но ее отличает от невинномысской серии (илл. 118, *4–9*) сильно раздутое тулово и выраженное ребро, что сближает ее с репликами реповидной посуды. На двух горшках группы 6 невинномысской культуры присутствует орнаментация, нанесенная в районе максимального расширения тулова. В одном случае это ряд вдавлений треугольной формы, причем, они опущены вершинами вниз (илл. 118, *4*), во втором прочерченные треугольники без оснований, направленные также вершинами вниз, и косые насечки по закраине у дна (илл. 118, *7*).

Группа 7 представлена сосудами с округлыми плечиками и высоким цилиндрическим горлом (илл. 118, *10–12*). Важной морфологической типообразующей деталью выступает четкое оформление места перехода горла в плечики в виде уступчика. Сосуды этой группы близки по морфологии

горшку группы 5 (илл. 118, *3*), с той лишь разницей, что у последнего есть ручка-упор и не отогнут венчик. Подобные сосуды в памятниках манычского типа С.Н. Братченко относил к отделу III группы Г типу 1, так называемые цилиндрошейные сосуды (Братченко, 1976, с. 89, 91, рис. 47, 6, *8–13*). Один из сосудов имеет орнаментацию (илл. 118, *12*). Она представлена фризом прочерченных свисающих треугольников без оснований, заполненных округлыми вдавлениями, выполненных полой трубочкой. Последний элемент хорошо известен на катакомбной посуде. Очевидно, что происхождение сосудов групп 5 и 7 восходят к восточноманычскому керамическому комплексу. Следует отметить, что в невинномысской культуре значительно меньше сосудов пережиточного катакомбного облика по сравнению с Лолой, где присутствуют реплики постреповидной посуды, чугункообразные сосуды, сосуды с петельчатыми ручками (группы 1–4) (илл. 72).

Группа 8 состоит из сосудов горшковидной округлобокой формы с плавной профилировкой (илл. 118, *13–18*, 119, *1, 2*). У большинства сосудов горло средних размеров и плавно отогнуто (илл. 118, *14–18*, 119, *1, 2*), у одного горло короткое (илл. 118, *13*). Большинство горшков имеет плавный S-видный профиль (илл. 118, *13–15, 18*, 119, *1, 2*), у двух сосудов тулово имеет признаки биконичности (илл. 118, *16, 17*). Группа 8 невинномысской посуды соответствует группе 7 лолинской культуры (илл. 74, *8–14*). Лолинская керамика этой группы не имеет орнамента. Два сосуда из невинномысской серии украшены налепами, по четыре на каждом (илл. 118, *13, 17*), а также насечками и оттисками двойного шнура (илл. 118, *17*).

Группа 9 близка по морфологии группе 8, но представлена она в отличие от последней небольшими горшочками более стройных пропорций высотой 10–12 см (илл. 119, *3–6*). Особняком в этой группе стоит сосуд из комплекса Троицкое 3/9, который имеет зауженное дно и короткое горло (илл. 119, *6*). Посуда этой группы не имеет орнаментации.

Группа 10 состоит из двух сосудов (илл. 119, *7, 8*). Они имеют плавную профилировку с зауженным или слегка отогнутым горлом. Максимальное

расширение тулова приходится на середину сосуда. Сосуды в известном смысле можно назвать «кубковидными». Аналогии этой группе в лолинском керамическом комплексе отсутствуют. Один сосуд орнаментирован треугольниками, опущенными вершинами вниз, выполненных оттисками шнура. Фигуры заполнены оттисками полой трубочки (илл. 119, *7*).

Форма сосуда из комплекса Винсады 4 2/9 достоверно не реконструируется (илл. 119, *9*). Вероятно, у него могла быть ручка, однако то ли она петельчатая, то ли это упор, остается непонятным. Примечателен орнамент на этом изделии. В очередной раз мы сталкиваемся со фризом треугольников, опущенных вершинами вниз, выполненных прочерчиванием (илл. 119, *9*).

Из насыпи к. 8 мог. Ореховка, в котором обнаружены только невинномысские погребения, и в комплексе Калюжный 1 1/6 обнаружены фрагменты керамики (илл. 119, *10, 11*). Ничего о форме сосудов, которым они принадлежали, сказать нельзя. Однако на них есть элементы показательных орнаментов. На обломке из Ореховки присутствует налепной валик, расчлененный овальными вдавлениями (илл. 119, *10*). На фрагменте из Калюжного декор нанесен оттисками тесьмы: одной горизонтальной линией под венчиком и отходящими от нее двумя вертикальными (илл. 119, *11*). Этот орнамент вызывает очень стойкие среднебронзовые ассоциации, причем, не самые поздние. Погребение 6 было впускным в курган 1, в котором есть северокавказские и катакомбные захоронения. Нельзя исключать того, что фрагмент с тесемчатым орнаментом мог попасть в могилу случайно. Автор отчета такую возможность не предполагает и рассматривает фрагмент как инвентарь захоронения [Ляхов, 2008, с. 11]. Впрочем, наличие орнамента в виде оттисков тесьмы в невинномысском керамическом комплексе исключать тоже нельзя.

В коллекции посуды невинномысской культуры иногда встречаются жаровни. Они сделаны из стенок боковин горшков группы 8 (илл. 119, *1, 2*) и придонных частей сосудов, форму которых реконструировать нельзя

(илл. 119, *12, 13*). Это подтверждается, например, тем, что обломок сосуда из комплекса Бураковский 1/6 обнаружен вместе с угольками [Тарабанов, 1983, с. 9]. Хорошо известно, что традиция помещения жаровен в погребения характерна для катакомбных культур, и наличие таких изделий в материалах невинномысской культуры лишний раз свидетельствует о генетической связи катакомбных и посткатакомбных древностей.

Таким образом, керамический комплекс невинномысской культуры обладает вполне конкретными чертами культурной самобытности. Без сомнения, он более близок лолинскому, чем бабинскому. Отдельные черты традиции ДДБК изредка фиксируются, как в орнаментации, так и в морфологии (илл. 117, *18–22*). Это неудивительно с учетом того, что ареал Невинномысска граничит с территорией Днепро-Донского Бабино, что обуславливало активные межкультурные контакты. Особенно ярко они проявились на уровне такой специфической категории инвентаря как костяные поясные пряжки (см. ниже). Следует отметить, что комплексы Хоперская 1/10 и Курганная группа (2 насыпи) 1/9, Приморско-Ахтарский район, откуда происходит посуда с бабинскими чертами, находятся на северо-западной периферии ареала невинномысской культуры в пограничье с ДДБК (илл. 98).

С лолинским керамическим комплексом невинномысскую посуду сближает наличие группы 8 (илл. 119, *1, 2*), которая, как уже отмечалось, соответствует группе 7 лолинской культуры (илл. 74, *8–14*). При этом в Невинномысске фиксируется значительно меньше катакомбных реминисценций, чем в лолинской культуре, где выделяются группы, напрямую связанные с ВМКК. Объединяет лолинскую и невинномысскую керамические серии присутствие в них сосудов с ручками-упорами. При этом классических лолинских ковшей (илл. 74, *1–7*) в невинномысской коллекции нет, а посуда с ручками-упорами демонстрирует культурное своеобразие (илл. 118, *1, 2*). Культурно-диагностичными являются сосуды группы 6 (илл. 118, *4–9*), которые не находят прямых аналогий в Лоле. Сосуды групп 9 и 10 тоже достаточно своеобразны (илл. 119, *3–8*) и неизвестны в лолинской культуре.

Отдельно следует отметить, что некоторые горшки находят довольно точные аналогии в каменской культуре финала средней бронзы. Так, на ближайшем ее памятнике, поселении Балка Хреева III, которое расположено, собственно, на территории самой невинномысской культуры, на Таманском полуострове, есть сосуды, которые имеют соответствия в нашей коллекции. Так, сосуды из комплексов Невинномысский 1 13/р.к.1 и Невинномысский 3 5/4 (илл. 118, *8, 9*) находят хорошие аналогии на Балке Хреевой (Кияшко, Ларенок, 2020а, рис. 2, *14*). Сосуд из комплекса Хоперская 1/10 (илл. 117, *20*), как уже отмечалось, имеет аналогии в ДДБК, но типологически близкая его реплика присутствует и в материалах каменской культуры на поселение Балка Хреева III (Кияшко, Ларенок, 2020а, рис. 2, *8*).

Примечательной особенностью невинномысской керамики является присутствие на сосудах декоративных налепов по четыре на сосуде. Такие элементы неизвестны ни в бабинской, ни в лолинской культурах. Интересно, что на горшке из комплекса Комсомольский 1/1 налепы орнаментированы косыми насечками (илл. 118, *17*). Точная аналогия такому сочетанию (налеп прямоугольной формы и насечки) представлена на посуде из грота Гамовская Балка в предгорьях Северного Кавказа (Каминская, Шарафутдинова, 1999, рис. 8, *1, 2*). Этот памятник относится к тому же культурному кругу, что каменско-ливенцовские древности. Такой же налеп в сочетании с близкой морфологией представлен и на фрагменте сосуда из поселения Госпиталь II в Крыму того же культурно-хронологического контекста (Бейлин, Кислый, Михайлов, Рогудеев, Шарапа, Юрочкин, 2017, рис. 5, *2*). Необычным выглядит длинный узкий декоративный налеп (8,9 см) на ребре горшка из комплекса Малаи I 9/3 (илл. 117, *23*). Прямая аналогия этому орнаментальному приему известна на одном из фрагментов керамического комплекса Гамовской Балки Кавказа (Каминская, Шарафутдинова, 1999, рис. 8, *8*)[78]. Однако, отождествлять керамические комплексы невинномысской и каменско-

[78] Известны такие длинные налепы и на посуде ДПБК (Литвиненко, 2009, рис. 120, *12*).

ливенцовской культуры не следует[79]. Речь идет о сходстве некоторых структурных элементов, которые обусловлены как межкультурными связями, так и, видимо, определенной общностью происхождения, связанной с кавказскими культурами.

Ярким культурным маркером невинномысской посуды является орнаментация. Большинство декорированной посуды украшено фризом свисающих треугольников, выполненных прочерчиванием или оттисками шнура (илл. 117, *10*, 118, *7, 12*, 119, *7*). В двух случаях фигуры заполнены вдавлениями полой трубочки (илл. 118, *12*, 119, *7*). Такая орнаментация свидетельствует о генетической связи невинномысской культуры с предшествующим катакомбным субстратом. Свисающие ряды треугольников хорошо представлены на посуде батуринской и суворовской катакомбных культур (Трифонов, 1991, рис. 20, *36, 37, 40, 41, 45–46*; Гей, 1995, рис. 1, *1, 2*, 2, *2*, 4, *7*; Клещенко, 2013, с. 178, 180, рис. 3, *I, 3, 6–8, II, 2, 9, III, 3, 4*). На катакомбной керамике эта орнаментация выглядит более пышной с большим количеством разнообразных дополнительных элементов. Причем, на невинномысских сосудах фигуры равнобедренные, в то время как на катакомбной кроме них встречаются и прямоугольные треугольники. В целом, невинномысская орнаментация выглядит явно упрощенной по сравнению с батуринской и суворовской. Процесс шел по пути деградации декора от катакомбного к посткатакомбному периоду.

В завершении характеристики невинномысской посуды остановимся на находках в погребениях *деревянных емкостей*. Всего известно 4 комплекса с этими изделиями, что составляет 1,2% от всех погребений культуры. Этот показатель сопоставим с соответствующими данными ДДБК и ВДБК (см. главу 2). Интересно, что в Лоле и ВУКГ находки остатков деревянной посуды неизвестны. В невинномысских захоронениях обнаружены не сами деревянные емкости, которые истлели, а бронзовые детали (илл. 120, *10–13*).

[79] Что касается Гамовской балки, то сейчас поставлен ворос о ее более поззднем возрасте по отношению к посткатакомбной эпохе (Кияшко, 2022а). Так ли это, покажут дальнейшие исследования.

В трех случаях это скобы для скрепления деревянных частей (илл. 120, *11–13*). Особый интерес вызывает бронзовая накладка, обнаруженная в уникальном комплексе Садовый 4/10 (илл. 120, *10*). Это не фрагмент, а законченное изделие, к тому же орнаментированное[80]. Его конфигурация и вогнутость на внутренней стороне, позволяет уверенно утверждать, что предмет является накладкой для ручки-упора деревянного сосуда, которая крепилась к ее нижней части и прилегающей к ней стенки. Иными словами, сама традиция помещения деревянной посуды отсылает к бабинским традициям, но при этом в комплексе из Садового сосуд с ручкой-упором, скорее всего, ковш, представляет собой визитную карточку культурного круга Лола. Это уникальное погребение с повозкой (илл. 110, *9*) содержит еще одну черту ДДБК. Речь идет о костяной пряжке, но при этом в захоронении присутствует бронзовый крюк (илл. 110, *9*, 120, *7*). Изделия этого типа неизвестны в погребениях культурного круга Бабино (см. ниже).

Орудия из бронзы представлены ножами, долотом, крюком и шилом (илл. 120, *1–9*). В погребениях они встречаются редко. Захоронения с бронзовыми орудиями составляют 1,2% от всех комплексов. Для сравнения соответствующий показатель для лолинской культуры составляет 10,4%. Чаще всего в могилы клали ножи (3 комплекса) (илл. 120, *1–6*). В одном погребении (Суворовская 9/2) было найдено сразу два ножа (илл. 120, *4, 5*). В комплексе Усть-Джегутинский 26/3 содержался трехкомпонентный набор орудий, включающий кинжал, втульчатое долото и шило (илл. 120, *6, 7, 9*).

Бронзовые ножи можно разделить на три типа.

Тип 1 представлен клинком с листовидным лезвием с максимальным расширением в верхней части (илл. 120, *1*). Этот тип соответствует типу 1 ножей лолинской культуры (илл. 121, *1–4*), с той лишь разницей, что максимальное расширение клинка в лолинской серии приходится на середину лезвия (илл. 121, *2–4*). Есть в лолинской серии и практически полная аналогия

[80] Накладка была мною осмотрена в фондах Государственного музея Востока. Выражаю искреннюю благодарность О.А. Брилевой за возможность ознакомиться с находкой.

(илл. 121, *1*) ножу из комплекса Малаи II 1/16 (илл. 121, *I*). Листовидные клинки типа 1 по лолинской и невинномысской классификациям хорошо представлены и в культурном круге Бабино (илл. 121, *6–10*). Здесь есть ножи как с максимальным расширением лезвия в средней части (илл. 121, *5–7, 9, 10*), так и в верхней (илл. 121, *8*). Этот тип клинка был самым распространенным в посткатакомбном мире.

Особняком в невинномысской серии ножей типа 1 стоит изделие из насыпи кургана 1 мог. Динская 29 (илл. 120, *2*, 121, *II*). К сожалению, клинок был найден вне комплекса в катакомбной досыпке. Однако такая стратиграфия и характерные детали морфологии позволяют датировать его посткатакомбным периодом и с учетом расположения памятника отнести этот нож к невинномысской культуре. Изделие имеет листовидное лезвие, переходящее в достаточно длинный черешок. Очень специфической чертой последнего является треугольное оформлении его окончания (илл. 120, *2*). Ножи с такими морфологическими деталями (листовидный клинок без перекрестья и треугольная или подромбическая пятка черенка) достаточно редки. Единичные реплики представлены в позднем комплексе ВДКК и СДКК (илл. 121, *11, 12*) (Порохова, 1992, рис. 4, *3*; Синюк, Матвеев, 2007, 83, *4*) и Днепро-Донском Бабино (илл. 121, *15*) (Литвиненко, 2006б, рис.2, *6*).

Два ножа этой разновидности происходят из материалов мог. Илекшар I в Западном Казахстане (илл. 121, *13, 14*) (Ткачев В., 2006, рис. 14, *1, 11*). К сожалению, для этого памятника неизвестен ни обряд, ни керамика, поэтому культурная атрибуция этих ножей вызывает понятные трудности. В.В. Ткачев отнес мог. Илекшар I к позднекатакомбной группе памятников (Ткачев В., 2006; 2006а; 2006б; 2007). Однако, подобные ножи и другой инвентарь этого памятника (тесло, бронзовое копье со свернутой втулкой, кремневые наконечники стрел) (Ткачев В., 2006, рис. 14) свидетельствует о том, что он может датироваться позднекатакомбным, посткатакомбмным периодами или началом поздней бронзы (колесничный горизонт). Как бы то ни было, время листовидных ножей без перекрестья с подромбической пяткой черенка из

Илекшара (илл. 121, *13, 14*), скорее всего, либо совпадает, либо очень близко датировке изделию из Динской (илл. 121, *II*). Состав металла этого ножа показал, что он сделан из низкомышьяковой бронзы (табл. 4.3), т.е. в посткатакомбных и колесничных традициях (Дегтярева, 2009, с. 35; Мимоход, 2013, с. 87–90; Дегтярева, Кузьминых, 2022, с. 151, 163; Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022, с. 31, 32).

Чаще всего тип листовидного клинка без перехвата с треугольной или подромбической пяткой черенка встречается в погребениях культур начала поздней бронзы горизонта щитковых псалиев. Они известны в потаповских и раннепокровских комплексах (илл. 121, *16–20*) (Синюк, Килейников, 1976, рис. 3, *6, 7*; Пряхин, 1977, рис. 21, *45*; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 30, *1, 8*; Зеленеев, Юдин, 2010, рис. 57, *19*; Кузнецов, Мочалов, 2012, рис. 13, *1*; Голотвин, Пряхин, 2016, рис. 19, *2*; Лебедева, Фадеев, 2016, рис. 6, 4). Вероятно, именно этим временем и может датироваться нож из к. 1 мог. Динская 29 (илл. 121, *II*).

К типу 2 относится нож из комплекса Суворовская 9/2 (илл. 120, *5*, 121, *III*). Его отличительной чертой является лезвие пятиугольной схемы. Как уже отмечалось, это достаточно архаичная морфология (см. главу 3), тем не менее, она доживает до посткатакомбного времени. Развернутая аргументация этого положения уже была приведена (Мимоход, 2013, с. 79–82). Еще один нож пятиугольной схемы представлен в раннелолинском комплексе Цаган-Усн VII 4/27 (илл. 121, *21*). Получается, что на весь посткатакомбный мир есть только два ножа такой архаичной морфологии[81], и оба они происходят с территории

[81] В.В. Ткачев в качестве аналогий ножу пятиугольной схемы из мог. у Березовой Горы (илл. 121, *22*) со ссылкой на С.Н. Братченко указывает на изделия из комплексов ДДБК Александровск 1/4 и Острая Могила 1/1 (Ткачев В., 2003, с. 222; 2007, с. 225). На самом деле это не так. Здесь мы имеем дело с другими типами. Александровский нож отнесен к пятиугольным из-за схематичной и не совсем точной прорисовки абриса в монографии С.Н. Братченко, которая является по сути реконструкцией (1976, рис. 72, 5). Лезвие у этого изделия сохранилось не полностью (илл. 121, *15*). Р.А. Литвиненко в своей типологии бабинских ножей относит изделие из комплекса Александровск 1/4 к разряду I (одночастные ножи «клинок которых имеет заточку по всему периметру и таким образом полностью выполняет функцию лезвия»), тип А (узколистные) (Литвиненко, 2006б, с. 39, рис. 6). Что касается ножа из комплекса Острая Могила 1/1 (Братченко, 1976, рис. 72, *13*), он не относится к рассматриваемому типу, т.к. не имеет пятиугольной конфигурации лезвия. В типологии Р.А. Литвиненко он справедливо рассматривается в рамках разряда II (двухчастные клинки) с заточенной нижней частью лезвия и незаточенным перехватом (Литвиненко, 2006б, с. 39, рис. 6). Иными словами, этот нож относится к пламявидным ножам, хорошо представленных в позднекатакомбных

Предкавказья и относятся к культурному кругу Лола фазы ПКБ I. Однако следует отметить, что модифицированные ножи пятиугольной схемы продолжают бытовать и позже. Они известны в материалах колесничных культур начала поздней бронзы (илл. 121, *22, 23*) (Моргунова, Халяпин, 2003, рис. 1, *4*; Юдин, Матюхин, 2006, рис. 8, *2*). Таким образом, время существования ножей этой морфологии довольно продолжительное от раннедонецкого периода до начала поздней бронзы.

Тип 3 представлен двумя ножами, которые в функциональном отношении можно отнести к кинжалам (илл. 120, *3, 4, 6*, 121, *IV*). Ножи имеют подтреугольное узкое лезвие с выраженной нервюрой с обеих сторон. Оба ножа относятся к одному типу, но представляют разные варианты. Нож из комплекса Суворовская 9/2 имеет более широкое лезвие и плечики, соответственно (илл. 120, *4*). Клинок из п. 3 к. 26 мог. Усть-Джегутинский и Пролетарский-86 1/6 более крупные и узкие (илл. 120, *3, 6*). Он по всем параметрам соответствует боевым кинжалам. В посткатакомбном контексте известен этот типа ножа только в лолинской культуре (илл. 121, *24*). Как уже отмечалось, сложение этого типа связывается с малоазийско-закавказскими производственными центрами конца РБВ (Кушнарева, Рысин, 2000, с. 78). Ближайшие аналогии кинжалам этой формы находятся в материалах куро-араксской (Карабудахкент) (Смирнов К., 1952, рис. 35), триалетской (илл. 121, *27, 28*) (Джапаридзе, 1994, табл. 25, *9, 12, 19–21*), дольменной (Эшери) (Рысин, 1990, рис. 1) и гинчинской (илл. 121, *25, 26*) (Марковин, 1963, рис. 9, *2*, 11, *2*; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 12, *4*, 14, *28*) культур. С.М. Магомедов объединил ножи, аналогичные нашему, в VI подтип кавказских клинков и указал, что они довольно часто встречаются на Северном Кавказе (Магомедов С., 1974, с. 70, рис. 19). Только отдельные реплики с начала средней бронзы встречаются севернее, в степной зоне (Березин, Калмыков, 1998, рис. 11). На Северном Кавказе такие кинжалы «переживают» СБВ, о чем

культурах. Финалом их существования является фаза ПКБ I, т.к. они в единичных случаях представлены в ранней ДДБК (Литвиненко, 2006б, рис. 6, *10–12*) и ранней Лоле (илл. 76, *1, 2, 4*).

свидетельствует их присутствие в инвентаре протокобанских (Фаскау, Верхняя Рутха, Тли и др.) (илл. 121, *29*) (Крупнов, 1951, рис. 9, *3–7*; Техов, 2006, рис. 8, *3*) и каякентско-хорочоевских (илл. 121, *30*) (Смирнов К., 1951, рис. 14, *4*; Марковин, 1969, рис. 26, *7*; Котович В.Г., 1982, рис. 8, *6*) памятников. В катакомбных погребениях Предкавказья они не обнаружены (Магомедов С., 1974, рис. 19; Гак, Мимоход, 2007, с. 90).

Как и в ситуации с ножами пятиугольной схемы, клинки-кинжалы представлены только в Предкавказье и только в погребениях культурного круга Лола. Однако, если в первом случае такие ножи в погребениях лолинской традиции представляют собой рудиментарные проявления предшествующей катакомбной эпохи, то во втором, они появляются явно под влиянием кавказской традиции. Следует обратить внимание на то, что в невинномысской серии отсутствуют ножи пережиточных позднекатакомбных форм пламявидных и пиковидных, которые хорошо известны в лолинской культуре (илл. 76, *1–4*) и ДДБК (Литвиненко, 2006б, рис. 6, *10–12*). Это, видимо, нужно рассматривать в контексте того, что в Невинномысске пережиточные катакомбные черты выражены в меньшей степени, чем в Лоле и Днепро-Донском Бабино.

Особый интерес вызывает присутствие в серии орудий со свернутой втулкой: долота и крюка (илл. 120, *7, 8*). Невинномысская культура является единственной в посткатакомбном мире, где представлены изделия, сделанные по такой технологии.

Бронзовый *крюк*, обнаруженный в комплексе Садовый 4/10 (илл. 110, *9*), представляет собой достаточно специфическое изделие. Оно демонстрирует очень редкую систему крепления изделия к древку. На втулке присутствует всего одно отверстие для штифта, расположенное напротив щели сворачивания (илл. 120, *8*, 121, *V*). Дело в том, что на катакомбных крюках крепление обычно проводилось за счет двух отверстий, которые находились по бокам зазора свернутой втулки (илл. 121, *33–35*) (Братченко, 1976, рис. 23, *13*; 2003, рис. 35, *1*; Братченко, Санжаров, 2001, с. 86, рис. 39, *2–9*; Гак, 2007,

рис. 2, *51–54*; Андреева, 2014, с. 31, илл. 43, *21–23*). Мне известно всего два комплекса, в которых обнаружены бронзовые крюки с системой крепления, аналогичной изделию из Садового. Первый – это п. 2 к. 14 Первого Власовского могильника СДКК (илл. 121, *31*) (Синюк, Матвеев, 2007, рис. 16, *2*), второй – синташтинское п. 9 к. 25 Большекараганского могильника (илл. 121, *32*) (Зданович Д., 2002, рис. 21, *7*). Причем, в хронологическом отношении невинномысский и синташтинский крюки происходят из синхронных погребений, которые датируются фазой ПКБ III.

Второе орудие представлено *долотом* со свернутой втулкой (илл. 120, *7*). В блоке посткатакомбных культурных образований это единственное погребение с изделием этого типа. Хорошо известно, что бронзовые долота серийно представлены в катакомбных древностях большей частью привольненского и костромского этапов (Братченко, Санжаров, 2001, с. 66, 67). К сожалению, в отчете дана только фотография усть-джегутинского долота (илл. 120, *7*) [Нечитайло, 1963], а в публикации мелкомасштабная прорисовка, которая, судя по всему, сделана по фото (Нечитайло, 1978, рис. 39, *114*). В результате целый ряд значимых морфологических деталей остается непонятным. Ясно, что втулка свернута внахлест, а само изделие имеет достаточно крупные размеры (длина 11 см) по сравнению с катакомбными долотами, которые мельче и нередко имеют зазоры на свернутой втулке. Возможно, эти признаки могут свидетельствовать о позднем (посткатакомбном) возрасте тесла.

Бронзовое *шило* достаточно крупное среди посткатакомбной серии. Его длина 12,5 см. Оно имеет четырехгранное сечение, притупленный насад, заостренную рабочую часть и максимальное расширение в центральной части (илл. 120, *9*). Форма изделия стандартна. В комплексе Усть-Джегутинский 26/3 кроме шила обнаружены долото и кинжал. Интересно, что долото и шило лежали вместе у головы, а нож отдельно в углу могилы. Вероятно, на уровне расположения в захоронении был подчеркнут производственный характер набора из шила и долота и боевое назначение кинжала.

Изделия из кости представлены кожевенными орудиями, пряслицем, конусом, поясными пряжками и подвесками (илл. 122, 124).

В комплексе Малаи II 1/16 обнаружен набор костяных орудий, состоящий из трех *тупиков* и двух достаточно массивных *проколок* (илл. 122, *1–4*). Орудия для мездрения и волососгонки (тупики) достаточно своеобразны. Они сделаны, скорее всего, из фрагментов нижних челюстей КРС, в том числе и из резцовой части тела челюсти[82]. Прямых аналогий этим изделиям нет. В других посткатакомбных погребениях орудия для кожевенного производства сделаны из нижних челюстей[83], подвздошных костей, лопаток крупных копытных (см. главу 5). Помещение в могилы крупных кожевенных орудий характерна для культур лолинского круга (Мимоход, 2013, с. 91–94).

В комплексе Лебеди I 3/4 найдено костяное *пряслице* (илл. 122, *5*). Оно относится ко второму типу по типологии лолинских пряслиц. Наличие этого изделия в невинномысском погребении закономерно, потому что именно лолинская культура сгенерировала традицию помещения этих изделий в погребения. Подробный анализ традиции использования в погребальном обряде пряслиц на Кавказе и в степи-лесостепи был уже проведен (Мимоход, 2013, с. 94–97).

Интересен случай обнаружения в невинномысском погребении костяных изделий, которые в отчете названы «*проколками*» [Бочкарев, 1986]. Они изготовлены из расколотых трубчатых костей, их верхняя часть оформлена в виде двойных вертикальных головок, а нижняя заострена (илл. 122, *6, 7*). Такие орудия появляются еще в новотитаровской культуре, где они встречаются наборами в мужских захоронениях (Гей, 2000, с. 158, рис. 9, *7–18*). Известны эти орудия в материалах донецкой катакомбной культуры (Карагодин, 1977, с. 230, рис. 3, *13, 14*). Целая серия подобных изделий происходит из погребений ДПБК (Литвиненко, 2009, рис. 75, *2*, 89). Здесь они

[82] Вывод предварительный, сделанный А.Н. Усачуком при обсуждении костяных изделий из этого комплекса.
[83] Даже, если для изготовления тупиков из комплекса Малаи II 1/16 в качестве сырья взяты нижние челюсти КРС, орудия сделаны, скорее всего, по иной технологии в сравнении с типичными тупиками из нижних челюстей крупных копытных (консультация А.Н. Усачука).

тоже представлены в наборах. Эта категория представлена и в материалах поселений Каменка, Планерское I и Госпиталь II каменско-ливенцовской культуры финала СБВ (Рыбалова, 1974, рис. 10, *2*; Тощев, 2007, рис. 83, *12*; Бейлин, Кислый, Михайлов, Рогудеев, Шарапа, Юрочкин, 2017, рис. 12, *4*). В дальнейшем такие наборы встречаются в срубной культуре (Цимиданов, 1995, с. 34; 2004, с. 55, рис. 36, *1*). А.Н. Гей предполагает, что резные головки использовались для привязывания нитей (Гей, 2000, с. 158). В.В. Цимиданов считает, что это могли быть гребни (Цимиданов, 1995, с. 35). Это вполне вероятно, с учетом того, что в ВУКГ также известны случаи помещения в могилы гребней (см. главу 5). В целом, следует отметить, что эта категория инвентаря не относится к числу узко датирующихся. Такие наборы появляются на рубеже ранней-средней бронзы и бытуют до конца эпохи.

В комплексе Калиновский 1/7 обнаружен костяной *конус* (волчок-дзыга) (илл. 122, *8*). В главе 3 эта категория инвентаря была уже рассмотрена. Напомним, что серия аналогичных изделий происходит из материалов лолинской культуры и ДДБК (илл. 123, *1–11*). Причем, очевидно, что именно лолинская среда была генератором помещения этой категории инвентаря в захоронения. Ранее, до выделения невинномысской культуры, комплекс Калиновский 1/7 я относил к Лоле (Мимоход, 2011б, рис. 2, *3*, 3, *2*; 2013, илл. 52, *2*). Причем, это было единственное погребение с южной ориентировкой скелета. Все остальные захоронения демонстрировали северные векторы (Мимоход, 2011б, с. 36, рис. 2, *1, 2, 4*; 2013, илл. 27, *10, 13*, 28, *1*, 31, *4*). Южная ориентировка не является самой распространенной в невинномысской культуре (илл. 104), тем не менее, с переформатированием базы данных и отнесением калиновского погребения к новому культурному образованию разрешилось определенное противоречие с корреляцией таких признаков как «конус-дзыга» и ориентировка скелета, потому что в лолинской культуре эти изделия найдены только в погребениях «традиции С».

Ярким и хронологически емким индикатором в инвентарном комплексе являются костяные *поясные пряжки и подвески* (илл. 124). Эта тема

чрезвычайно важна для понимания характера невинномысской культуры и требует подробного обсуждения. Дело в том, что, как уже не раз отмечалось, она относится к культурному кругу Лола, но большинство пряжек, обнаруженных в ее погребениях, являются в культурном отношении бабинскими (илл. 124, *1, 2, 5–10*). Только на позднем этапе в Невинномысске появляются поясные подвески, известные в Лоле, типа Элиста-Калиновский (илл. 124, *11–13*). Еще раз надо заострить внимание на том, что в невинномысских материалах пока нет случаев обнаружения кольцевидно-планочных пряжек кавказской традиции (типы Чограй-Кевюды и Ипатово-Типки), которые являются визитной карточкой лолинской культуры первого и второго этапов развития (см. главу 3) (илл. 79, *1–9*). Есть подобное изделие и в ВУКГ (см. главу 5) (илл. 157, *15*).

На территории невинномысской культуры представлены все типы пряжек культурного круга Бабино. В к. 1 мог. Праздничный обнаружено костяное изделие (илл. 124, *10*), чрезвычайно похожее на пряжку раннего этапа ДДБК типа 1а по Р.А. Литвиненко (см. главу 2). Этот предмет происходит из слабо документированных работ Н.И. Веселовского 1903 г. (Марковин, 1960, рис. 5, *2*). Характер комплекса остается непонятным, а, соответственно, и вопрос о принадлежности данного изделия к фазе ПКБ I остается в известном смысле открытым.

Классическая бабинская кольцевая пряжка с одним отверстием и бортиком вокруг него типа 2 по классификации Р.А. Литвиненко происходит из комплекса Невинномысский 1 13/6 (илл. 124, *9*). Причем, в культурной атрибуции этого комплекса особых проблем не возникает. Это погребение, равно как и весь курган, относится к невинномысской культуре (илл. 112, *15*), что подтверждается находками в нем характерной посуды (илл. 118, *9*) и украшений лолинских типов (илл. 132, *4, 5, 12, 43–45*). В этом отношении показателен обряд, зафиксированный в комплексе Невинномысский 1 13/6. Скелет в нем ориентирован на восток (илл. 112, *15*). Как уже отмечалось, восточный вектор был самым распространенным в невинномысской культуре

(илл. 104). В ДДБК погребения с пряжками типа 2 (илл. 33, *27–32*) сопровождают захоронения преимущественно с западной, юго-западной или южной ориентировкой. Это настолько стандартная черта Днепро-Донского Бабино фазы ПКБ II (Литвиненко, 2016а, рис. 1; 2018, рис. 21), что она хорошо фиксируется даже в материалах тех погребений, которые являются свидетельствами инфильтрации социумов ДДБК в инокультурное окружение (см. главу 2) (илл. 53, *8, 10, 12, 14*). Тот факт, что пряжка из комплекса Невинномысский 1 13/6 представляет собой поясную пряжку, как и в днепро-донских бабинских погребениях, подтверждает ее расположение в погребении в районе пояса (илл. 112, *15*).

Бóльшую часть пряжек бабинской традиции составляю пряжки типа 2о (Литвиненко, 2009, с. 80). Их отличает от пряжек типа 2 (илл. 124, *5*) наличие дополнительного отверстия для крепления глухого конца ремня (илл. 124, *5–8*). По периодизации Р.А. Литвиненко культурного круга Бабино изделия типа 2о являются более поздними по отношению к изделиям типа 2, но при этом обе разновидности маркируют второй этап бабинских древностей: периоды IIА и IIБ (Литвиненко, 2016а, рис. 1; 2018, рис. 1; 2020, рис. 1). Эти изделия хорошо представлены в ДДБК и ДПБК (илл. 125, *1–12*) (Березанская, 1986, рис. 6, *15*; Тощев, 1998, рис. 2, *5*; Савва, 1992, рис. 56, *3*, 57, *4*, 58, *2*, 59, *3*; Литвиненко, 1996, рис. 1, 18, 17; 2014, рис. 5, *4*; 2016а, рис. 4, *9, 12, 14, 16, 25*, 5, *12*, 6, 2, 6; 2019а, рис. *11*; Самар, Антонов, 1998, рис. 2, *3*; Рогудеев, 2005, рис. 2, *8*; Санжаров, Черных Евг., 2021, рис. 38, *4*; и др.).

Об обряде комплекса Олений I 2/8 с пряжкой (илл. 124, *6*) ничего сказать нельзя, т.к. он был разрушен более поздними захоронениями. П. 17 к. 1 мог. Колос 2 совершено в подбойной могиле с восточной ориентировкой (илл. 115, *24*). Для сопредельной ДДБК захоронения в подбоях для второго этапа не характерны, равно как и восточная ориентировка по сравнению с преобладающими южными, западными и северными векторами (Литвиненко, 2018, рис. 1). Следует отметить любопытную деталь. В комплексе Колос 2 1/17 обнаружена недоделанная пряжка, которая, скорее всего, не использовалась в

повседневной жизни. У нее сверление дополнительного отверстия для крепления глухого ремня было начато с обеих сторон, но не закончено (илл. 124, *7*). Причем, изделие в могиле находилось в районе тазобедренных костей (илл. 115, *24*), т.е. в месте нахождения пояса, где и положено находиться поясной детали. Приблизительно там же находится и пряжка в комплексе Красносельский 9 6/12 (илл. 115, *3*). Скелет в погребении имел юго-восточную ориентировку, которая тоже является на втором этапе ДДБК наименее востребованной, но представляет один из элементов наглядного образа невинномысской культуры (илл. 104). Наконец, комплекс Красносельский 10 2/2 с бабинской пряжкой типа 2о тоже демонстрирует специфические черты в обряде[84]. Скелет был ориентирован головой на запад, что соответствует стандартам ДДБК второго этапа, но при этом костяк находился на правом боку (илл. 115, *19*). Такое сочетание не характерно для ДДБК. В главе 2 было показано, что на раннем этапе Днепро-Донского Бабино правобочные скелеты там характерны для женской обрядовой группы, но с восточной ориентировкой. Как было показано выше, в невинномысской культуре положение скелета на правом боку входит в число культурно определяющих признаков. Известны такие комплексы и с западной ориентировкой, в том числе с невинномысской посудой (илл. 115, *20*). Иными словами, все погребения с пряжками типа 2о, несмотря на то, что в них найдены бабинские поясные детали, принадлежат невинномысской культуре, о чем свидетельствуют не только специфические детали обряда, но и расположение их в соответствующем культурном ареале.

В двух погребениях обнаружены пряжки бабинской традиции типа 3о (илл. 124, *1, 2*) по типологии Р.А. Литвиненко, которые хорошо представлены в ДДБК и ДПБК (илл. 125, *13–24*) (Дергачев, 1973, рис. 7, 10; Березанская, 1986, рис. 5, *1, 2*, 6, *14*; Савва, 1992, рис. 56, *1*, 58, *6*, 59, *4, 6, 7*; Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, рис. 22, 4; Литвиненко, 1996, рис. 1, *20, 22*; 2016а, рис. 3,

[84] Положение пряжки в могиле неизвестно, т.к. предмет был вынесен за пределы захоронения землеройными животными.

12, 4, *19, 27*, 5, 6, *9, 21, 24*, 6, *14, 16*; Ковалева, Марина, Ромашко, Тесленко, Шалобудов, Векленко, 2003, рис. 21, *4*; Литвиненко, 2014, рис. 1, *7*, 2, 9, 3, 7; 2020в, рис. 1, 5, 7, 14, 16; Литвиненко, Андрієнко, 2013, рис. 8, *4*; Черных Л., Дараган, 2014, рис. 137, *2*; Агульников, Попович, 2022, рис. 34, *4*; и др.). Это изделия с двумя отверстиями, только в отличие от типа 2о, пряжки имеют изогнутое, зачастую достаточно сильное, сечение (илл. 124, *13–24*). Такие изделия датируются заключительным периодом ДДБК (Литвиненко, 2016а, рис. 1; 2018, рис. 1; 2020, рис. 1). В комплекс Батуринская I 5/2, кроме пряжки, позднебабинские стандарты демонстрирует и обряд с восточной ориентировкой скелета (илл. 111, *24*). В свое время Э.С. Шарафутдинова это погребение отнесла к КМК (ныне бабинская) (Шарафутдинова, 1991, с. 72, рис. 1, *12*). Однако это погребение правомернее рассматривать все-таки в рамках невинномысской культуры по территориальному принципу. Как уже отмечалось, восточная ориентировка является самой распространенной в Невинномысске (илл. 104), а на фазе ПКБ III она становится характерной для всех посткатакомбных образований как в культурном круге Бабино, так и в культурном круге Лола. В свою очередь, пряжки бабинской традиции как свидетельства межкультурных контактов проникают в невинномысскую среду. Изделие в этом захоронении располагается у локтевого сустава левой руки. В данном случае, скорее всего, речь идет о ситуации, когда руки связывались[85].

Второе изделие типа 3о найдено в комплексе Садовый 4/10 (илл. 124, *2*). Это уникальное посткатакомбное погребение, в котором зафиксированы остатки четырехколесной повозки (илл. 110, *9*). Хорошо известно, что повозки в регионе были одной из характерных черт новотитаровской культуры (Гей, 2000, с. 128–131). Затем традиция помещения транспортных средств в могиле распространяется в среде манычских катакомбных культур (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, с. 109–112; Андреева, 2014, с. 39, 40). В

[85] Подробнее о расположение пояса в могиле не в районе тазобедренных костей см. главу 2.

посткатакомбном мире известны отдельные комплексы с глиняными моделями колес (см. главу 2) (илл. 23, *2*, 63, *10*). Обнаружение остатков деревянной четырехколесной повозки в посткатакомбном погребении – явление уникальное. Кроме Садового, известен еще один такой случай. Это комплекс ДПБК Актовое 7/15 (Фоменко, 2007, с. 191–192, рис. 1). В нем найдена пряжка, идентичная экземпляру из Садового, что позволяет надежно датировать оба захоронения фазой ПКБ III. При этом обряд в обоих комплексах отличается. В погребении ДПБК скелет ориентирован на юго-восток, а в невинномысском – на север-северо-восток. В п. 10 к. 4 мог. Садовый пряжка находится возле кисти правой руки, но в то же время в районе тазобедренных костей. Можно предполагать, что пояс в погребении находился в месте прямого функционального назначения.

В комплексе Невинномысский 3 7/19 обнаружено костяное кольцо (илл. 124, *4*). Оно расположено в области таза (илл. 114, *12*), что позволяет рассматривать изделие в качестве особого типа пряжки, который не учтен в классификации Р.А. Литвиненко. Точная аналогия этому комплексу происходит из п. 3 мог. Кирпичный Бугор (илл. 125, *25*) (Отрощенко, 2001, рис. 22, *10*). Причем, находится кольцо вплотную к тазу (Литвиненко, 2016а, рис. 5, *14–16*). Это погребение датируется третьим периодом ДДБК (фаза ПКБ III), что подтверждается данными стратиграфии (Отрощенко, 2001, рис. 22, *8–11*). По всей видимости, этим же временем датируется невинномысский комплекс. Данный факт хорошо подтверждает и обнаружение полностью аналогичного кольца в покровском комплексе Лисичанск, ЛЖЗ 3/4 (илл. 125, *26*) (Санжаров, Черных, 2021, рис. 11, *8*). Здесь изделие также расположено вплотную к тазу (Санжаров, Черных Евг., 2021, рис. 11, *7*), что позволяет рассматривать и его в качестве поясной гарнитуры. Таким образом, в случае с комплексами Невинномысский 3 7/19, Кирпичный Бугор п. 3 и Лисичанск, ЛЖЗ 3/4 (илл. 125, *III, 25, 26*) мы имеем дело с очень редким, но при этом хронологически емким, типом поясных деталей, которые маркируют фазу ПКБ III.

Своеобразная пряжка была найдена в п. 3 к. 7 мог. Адагум 1 (илл. 124, *3*). Изделие располагалось в районе колен (илл. 113, *13*), и здесь мы опять сталкиваемся с ситуацией, когда поясом могли быть связаны ноги. Пряжка имеет специфическую систему крепления глухого конца ремня. В бабинской традиции основное и дополнительное отверстия находятся в параллельных плоскостях (илл. 125, *I, II, 1–24*). В подавляющем большинстве покровских, потаповских и синташтинских поясных деталей крепление ремня аналогично бабинскому (Петров, 1983, рис. 1, *1, 2, 5*; Литвиненко, 2001б, рис. 2, *1–8, 11–13, 15–19*). Особенность системы адагумской пряжки состоит в том, что дополнительное отверстие не параллельно центральному, а перпендикулярно, т.е. канал малого отверстия направлен в большое (илл. 124, *3*). Такая система встречается крайне редко. Очень близкая аналогия пряжке из Адагума происходит из покровского комплекса Чилгир 3/3 с территории Калмыкии (илл. 125, *27*) (Мимоход, 2011, илл. 2; 2011а, рис. 2, *3*). Еще две поясные детали с перпендикулярной системой крепления найдены в п. 1 к. 1 мог. Федоровский в Среднем Поволжье (илл. 125, *28, 29*) (Петров, 1983, рис. 1, *3, 4*; Литвиненко, 2001б, рис. 2, *9, 10*). В отличие от изделий из Адагума и Чилгира (илл. 125, *IV, 26*) поволжские пряжки имеют ромбовидную форму (илл 125, *27, 28*). Таким образом, можно сделать вывод, что поясная деталь из комплекса Адагум 1 7/3 в определенном смысле для невинномысской культуры тоже является инокультурной. Только в данном случае она относится не к бабинской традиции, как охарактеризованные выше пряжки (илл. 124, *1, 2, 5–10*), а к покровской. Следует отметить, что пряжки 3о культурного круга Бабино (илл. 125, *II, 13–24*) и покровские пряжки, в том числе и с перпендикулярной системой крепления глухого конца ремня (илл. 125, IV, *27–29*), являются синхронными в рамках фазы ПКБ III.

В двух погребениях (Калиновский 2/2 и Николаевский 3 2/6) обнаружены поясные подвески типа Элиста-Калиновский (Э-К). Они имеют округлую форму, изогнутое сечение и маленькое отверстие в центре (илл. 124, *11–13*). С учетом размеров последних (0,6–0,9 см) можно уверенно

утверждать, что здесь мы имеем дело не с собственно пряжками, а с поясными подвесками (Мимоход, 2013, с. 125). Подтверждает этот факт то, что в комплексе Калиновский 2/2 изделие находилось у тазовых костей (илл. 112, *3*). В этой же позиции располагались пряжки типа Э-К в двух погребениях лолинской культуры (илл. 62, *1*, 63, *5*). В п. 7 к. 1 мог. Ульяновский 1 предмет лежал на коленных суставах (илл. 114, *22*). Это еще раз возвращает нас к закономерному предположению о том, что в определенных случаях погребальным ритуалом было предусмотрено связывание ног умершего поясом.

Особый интерес вызывает сырье, из которого изготовлены подвески типа Э-К. Авторы раскопок и публикаций лолинских изделий (илл. 79, *10–13*) утверждают, что они сделаны из черепной крышки человека (Рыков, 1936, с. 63; Синицын, 1978, с. 39, 40, 43). Точно так же определяется сырье и для невинномысских поясных деталей (илл. 124, *11, 12*) [Дервиз, Мирошина, Мишина, 1982, с. 42] (Калмыков, Мимоход, 2006, с. 90).

Поясные пряжки типа Э-К являются ярким этнографическим индикатором культур круга Лола Предкавказья. Однако единичные им аналогии известны и севернее. Одно происходит из сборов Н.П. Милосердова на берегу Цимлянского водохранилища на территории заповедника Кучугуры. Экспонат выставлен в Волгодонском краеведческом музее. Контекст находки неясен. Это фрагмент костяного диска, изогнутого в сечении диаметром 4,9 см. В центре имеется округлое отверстие, диаметром 0,8 см (илл. 126, *5*). Как видно, по параметрам данное изделие полностью соответствует лолинским поясным подвескам типа Э-К. Из этих же сборов происходит и бабинский костяной конус (илл. 123, *9*). Вторая находка, близкая по форме подвескам типа Э-К, обнаружена в материалах бабинско-покровского горизонта пос. Ильичевка на Северском Донце (илл. 126, *6*) (Панковский, 1999, с. 200, рис. 2, *8*). Диаметр центрального отверстия у этого предмета немного больше (1,36 см), чем у экземпляров типа Э-К. Однако сырье, которое специалистом, с большой долей вероятности, определено как фрагмент черепа

(Панковский, 1999, с. 200), свидетельствует о том, что на Ильичевке была найдена именно подвеска типа Э-К, которая является хорошим хронологическим репером фазы ПКБ III и свидетельством контактов поздней ДДБК с посткатакомбными группами Предкавказья (Мимоход, 2013, с. 127).

Еще одно изделие, обнаруженное за пределами ареала лолинской культуры, которое, возможно, также относится к рассматриваемой разновидности подвесок, происходит из позднебабинского поселения Ливенцовка I на Нижнем Дону (илл. 126, *7*) (Братченко, 1969, рис. 8, *5*; 1976, рис. 62, *10*). При публикации материалов оно особо привлекло внимание автора раскопок своей необычной формой. С.Н. Братченко, а вслед за ним А.Н. Усачук и Р.А. Литвиненко, отнесли ливенцовский предмет к заготовкам позднебабинских пряжек (Братченко, 1976, с. 116; Усачук, Литвиненко, 1997, с. 46). На тот момент еще не было четкого представления о подвесках типа Э-К, поэтому исследователи и рассматривали ливенцовский предмет в качестве недоделанного изделия. Скорее всего, здесь мы имеем дело с поясной подвеской, аналогичной невинномысским и лолинских изделиям. Это еще более станет очевидным, если учесть, что пос. Ливенцовка I находится в пограничье культурного круга Лола.

Таким образом, на уровне пряжек и подвесок мы видим, что между Бабино и Лолой происходила взаимная трансляция этих изделий. Причем, бабинские поясные детали проникали в невинномысскую среду фактически на всех фазах ПКБ, в то время как обратный вектор хорошо фиксируется только на фазе ПКБ III[86]. Наличие серии бабинских пряжек в невинномысских комплексах не превращает эту культуру в бабинскую, равно как и присутствие поясных подвесок типа Э-К в материалах ДДБК не делает ее невинномысской или лолинской. В качестве подтверждения своеобразной «мобильности» этой категории инвентаря, причем на дальние дистанции, можно привести находку

[86] Впрочем, собственные пряжки для невинномысской культуры фаз ПКБ I и II, неизвестны, в отличие от родственной лолинской культуры, где эти периоды маркируются изделиями типов Кевюды-Чограй и Ипатово-Типки (см. главу 3).

изделия, аналогичного предметам типа Э-К, на Береговском I поселении южноуральской абашевской культуры (илл. 126, *8*) (Горбунов, 1989, с. 39, рис. 7, *6*) или случаи обнаружения раннебабинских фигурных пряжек европейской традиции в глубинных лесных районах Центральной Мещеры (Каверзнева, 2003, рис. 1, *5, 6*; Каверзнева, Бобров, Борисов, 2006, рис. 5, *3*).

Из комплекса Николаевский 3 2/6 происходит костяной диск с малым центральным отверстием (илл. 124, *13*). По метрическим параметрам (диаметр изделия и диаметр отверстия) он полностью соответствует поясным подвескам типа Э-К (илл. 79, *10–13*, 124, *11, 12*). Отличает его от них прямое, а не изогнутое сечение, и сырье (кость животного). Ранее неоднократно мы отмечали, что николаевское изделие, вероятно, также следует рассматривать в составе группы поясных подвесок типа Э-К (Калмыков, Мимоход, 2006, с. 91; Мимоход, 2013, с. 130). Правда, предмет в погребении находился перед лицом умершего, а не в районе таза, ног или рук (илл. 114, *11*). Однако следует отметить, что в лолинском комплексе Элиста 6/1 классическая поясная подвеска типа Э-К тоже находилась перед лицом умершего рядом с лопаткой МРС (илл. 62, *2*). Выше уже отмечалось, что в могиле пояс мог быть не приурочен к скелету и положен отдельно (см. главу 2).

Ранее николаевский диск/подвеска уже был сопоставлен с костяными предметами округлой формы с малым отверстием в центре, которые происходят из погребений колесничных культур (Мимоход, 2013, с. 129–131). Такие изделия найдены в комплексах Синтшата СМ/19, СI/15, Шкарин 5/2, Потаповка 3/2, Филатовский курган п. 2, Большекараганский 25/10, 25/16, Новые Ключи III 1/1, Бестамак погр. 5, погребение на пос. Малоюлдашево I, Кулевчи VI 4/3 (илл. 126, *9–16*) (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 82, *17*, 152, *2*; Пряхин, Матвеев, 1993, рис. 5, *5*; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 22, рис. 36, *1*, 40, *3*; Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 10, *4*; Зданович Д., 2002, рис. 29, *2*, 39, *1*; Мышкин, Турецкий, 2006, рис. 4, *6*; Калиева, Логвин, 2008, рис. 4, *20*; Евгеньев, Купцова, Мухаметдинов, Рослякова, Усачук, Файзуллин, Хохлов, 2016, рис. 25, *10*; Виноградов Н.,

Берсенева, Алаева, Алентьев, Блинов, Галибин, Епимахов, Илюшина, Китов, Косинцев, Рассомахин, 2020, рис. 1.126, *4*). Появление в лолинской и невинномысской культурах заключительных периодов развития костяных подвесок типа Э-К (илл. 79, *10–13*, 124, *11–13*) и как редкой их разновидности предмета из комплекса Николаевский 3 2/6 (илл. 124, *13*) совпадает по времени с распространением плоских костяных дисков с прямым сечением в синташтинско-потаповских, ранних покровских и ранних алакульских комплексах в рамках фазы ПКБ III. Достоверно установленное их назначение для культурного круга Лола задает вектор поиска функциональной нагрузки для изделий Самарского Заволжья и Южного Урала.

Таким образом, поясные подвески типа Э-К маркируют две культуры лолинской круга: лолинскую (илл. 79, *10–13*) и невинномысскую (илл. 124, *11–13*). В свое время, когда была выделена эта разновидность поясных деталей и им было дано название «тип Элиста-Калиновский», они рассматривались исключительно в контексте лолинской культуры (Калмыков, Мимоход, 2005; 2006, с. 90, 91; Мимоход, 2013, с. 125–132). После сбора полной базы данных посткатакомбных памятников Предкавказья и выделения отдельной невинномысской культуры, как уже отмечалось, произошло переформатирование источниковой базы. В этой связи название, предложенное для этой группы поясной гарнитуры, оказалось удачным и хорошо отражающим археологические реалии. Один из эпонимных комплексов Элиста 6/1 (илл. 62, *2*) относится к лолинской культуре, а второй, Калиновский 2/2 (илл. 112, *3*) – к невинномысской. В результате в названии поясных подвесок типа «Элиста-Калиновский» как нельзя точно отразилось то, что они характерны для обеих родственных культур.

В завершении характеристики поясных пряжек и подвесок невинномысской культуры следует остановится еще раз на размещении их в захоронениях, а также территориальном распределении этих изделий по культурному ареалу.

Аккумуляционная схема показывает, что подавляющее большинство поясных деталей расположены именно в районе той части тела, где должен находится пояс: у таза и в области позвоночника, между ним и грудной клеткой (илл. 128). Из десяти погребений, где нахождение поясной детали четко установлено, в шести случаях изделия находились именно в месте возможного расположения пояса при использовании его в прямом функциональном назначении. Два раза они расположены у колен и один раз у локтей (илл. 128), т.е., скорее всего, в этих погребениях поясом были связаны ноги или руки. Наконец, в одном комплексе поясная подвеска находилась перед черепом (илл. 128), и здесь мы имеем дело с редкой, но стандартной ситуацией, когда ремень помещали в могиле отдельно от тела умершего. Если сравнить аккумуляционные схемы расположения поясных пряжек и подвесок в погребениях невинномысской (илл. 128) и лолинской (Мимоход, 2013, илл. 62) культур, то легко можно заметить фактически полное структурное соответствие всех основных позиций, что не оставляет сомнения в отнесении всех рассмотренных выше изделий к поясной гарнитуре.

Особый интерес вызывает картографирование невинномысских захоронений с поясными пряжками и подвесками (илл. 127). Здесь налицо ярко выраженные тенденции. Подавляющее большинство пряжек бабинско-покровского облика сосредоточены в Нижнем и Среднем Прикубанье и Закубанье. Только одна достаточно ранняя поясная деталь типа 2 (илл. 124, *9*) обнаружена восточнее в верхнем течении р. Кубань (илл. 127). Видно, что основной ареал обнаружения пряжек бабинской традиции с юга непосредственно примыкает к территории ДДБК, а на востоке граничит через Керченский пролив с Крымом, который является частью культурного пространства другой бабинской культуры – ДПБК (илл. 181).

Распространение поясных подвесок типа Э-К (илл. 127) демонстрирует прямо противоположные тенденции. Погребения с этими изделиями расположены достаточно компактно в центральной части ареала в бассейне левобережной Кумы (илл. 127), т.е. в пограничье с лолинскими памятниками.

Иными словами, пряжки бабинской традиции в невинномысской культуре в пространственном отношении тяготеют к своему исконному (бабинскому) ареалу, а поясные подвески типа Э-К к территории стержневой культуры круга Лола. Получается, что невинномысская среда на уровне такой категории вещей как «поясные пряжки и подвески» оказывается чрезвычайно восприимчивой к культурным контактам и трансляции этих изделий в свой культурный контекст. Впрочем, количественное соотношение предметов типа Э-К в Лоле и Невинномысске фактически равное: четыре в первой (илл. 79, *10–13*), и три во второй (илл. 124, *11–13*). Однако в лолинской культуре комплексы с ними расположены в центральной части ареала (Мимоход, 2013, илл. 59), а в невинномысской компактно и только в пограничье с территорией лолинских памятников. Это позволяет сделать вывод о том, что поясные подвески типа Э-К явление общее для двух родственных посткатакомбных культур, но распространение их в невинномысской среде связано в том числе и с межкультурными контактами.

Уникальным для посткатакомбного мира выглядит присутствие в погребении ***орудий бронзолитейного производства***. Они обнаружены в комплексе Невинномысский 3 6/5 (илл. 114, *8*) и представлены керамическими *тиглем-льячкой* (илл. 129, *1*) и *соплом* (илл. 129, *2*). В пользу их функционального назначения свидетельствует не только морфология предметов, но и следы сильных вторичных прокалов на них (Калмыков, Березина, Гресси, Добровольская, Бужилова, 2018, с. 66, 70). Кроме того, химический состав костей умершего показал, что относительное содержание меди может свидетельствовать о кузнечной прижизненной специализации похороненного индивида (Калмыков, Березина, Гресси, Добровольская, Бужилова, 2018, с. 66, 70).

Бронзолитейный инструментарий хорошо представлен в погребениях предшествующих катакомбных культур. Здесь известны как льячки (илл. 130, *1–5*) (Шилов, 1959а, рис. 6, *2, 3*; Шапошникова, 1971, рис. 2; Ильюков, 1986, рис. 3, 4, *1*; Березанская, Кравец, 1989, рис. 3, *2*; Кубышев, Нечитайло, 1991,

рис. 2, *4*, 4, *2*, 5, *3*; Санжаров, Литвиненко, Черных Евг., Прынь, 2003, рис. 18, *5*; Санжаров, 2010, рис. 218, *6*; Батасова, 2021, рис. 12), так и сопла (илл. 130, *6–16*) (Шилов, 1959а, рис. 5, *6–9*; Березанская, Кравец, 1989, рис. 1, *17–19*; Кубышев, Нечитайло, 1991, рис. 2, *2, 5, 6*, 4, *4*, 5, *4*; Смирнов А., 1996, рис. 41, *37*; Братченко, 2001, рис. 32, *2*; Нечитайло, Санжаров, 2003, рис. 4; Матвеев, Маслихова, 2004, рис. 7, *5*; Синюк, Матвеев, 2007, рис. 53, *2*; Санжаров, 2010, рис. 218, *2–3*; Гак, 2011а, рис. 1, *4–6*; Батасова, 2021, рис. 4, 5).

В синхронном невинномысской культуре контексте следует упомянуть находки тиглей и литейной формы в братской могиле Пепкинского кургана средневолжской абашевской культуры (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, табл. VIII, X). Причем, в костях у одного из комплексно исследованных индивидов зафиксировано содержание меди, также свидетельствующее о его прижизненной кузнечной специализации (Добровольская, Медникова, 2011, с. 149), как и в случае с нашим комплексом. В посткатакомбном блоке есть еще одно захоронение, где обнаружен предмет бронзолитейного производства. Речь идет о п. 4 к. 1 мог. Калиновка в Северо-западном Приазовье (Кубышев, Нечитайло, 1991, рис. 4, *5*), который относится к ДПБК. Это глиняное сопло очень приземистых пропорций (илл. 130, *17*) (группа 1 по классификации А.В. Батасовой (2021, с. 89)). Следует отметить, что невинномысский комплекс с изделиями бронзолитейного производства относится ко второму этапу развития культуры (Калмыков, Березина, Гресси, Добровольская, Бужилова, 2018, с. 69), т.е. к фазе ПКБ II. Так же датируется и калиновское захоронение. В синхронное посткатакомбному времени орудия для литья металла представлены и в захоронениях периода Bz A1–A2 в Центральной Европе и карпато-дунайском регионе (Batora, 2006; 2013; Батасова, 2020, рис. 10), а также в погребениях синташтинской культуры Южного Урала (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 195, *6, 7*; Епимахов, 1996, с. 35, рис. 11, *11, 12*; Халяпин, 2001, с. 421, рис. 3, *11*; Стефанов, Епимахов, 2006, с. 267, рис. 2, *1*; Моргунова, Халяпин, 2003, с. 226;

Калиева, Логвин, 2008, с. 43, рис. 10, *2*; Корочкова, 2021, с. 316, 317) и в культурах Западной Сибири (Корочкова, 2022).

Каменные предметы вооружения в невинномысских погребениях представлены только кремневыми *наконечниками стрел* (илл. 129, *3, 4*), в отличие от Лолы, где есть каменные топоры и булава (илл. 81, *1–4*). Находки стрел в захоронениях невинномысской культуры единичны. Их всего два, и происходят они из двух погребений одного могильника. Наконечники относятся к двум разным типам.

Изделие типа 1 с выемкой в основании обнаружено в комплексе Иноземцево 1 7/4 (илл. 129, *4*). Предмет обработан довольно небрежной ретушью, один шип обломан. Подобные изделия хорошо известны в катакомбных и посткатакомбных материалах. Здесь следует отметить один важный момент. Дело в том, что в блоке посткатакомбных культурных образований выемчатые наконечники характерны для культурного круга Бабино (см. главу 2), в лолинской культуре изделия с выемкой до сих пор неизвестны, здесь представлены листовидные стрелы с овальным или прямым основанием и черешковые (см. главу 3). Невинномысская культура относится к культурному кругу Лола, хотя и демонстрирует тесные связи с бабинскими культурами (см. выше). По всей видимости, выемчатую стрелку в невинномысском погребении (илл. 129, *4*) тоже следует рассматривать в контексте межкультурных контактов. Впрочем, выемчатых наконечников хватает и на Северном Кавказе (ссылки см.: Мимоход, 2013, с. 158). Интересно расположение наконечника в могиле. Изделие лежало перед лицевой частью черепа (илл. 112, *1*). Такая позиция исключает возможность рассматривать этот, вероятно, для лолинских древностей инокультурный предмет, в качестве орудия ранения или убийства.

Второй кремневый наконечник, который происходит и п. 2 к. 1 мог. Иноземцево 1, относится к типу 2. Изделие имеет узкую листовидную форму и овальное основание (илл. 129, *3*). Наконечник обработан более аккуратно по сравнению с выемчатым экземпляром (илл. 129, *4*). Характерно, что края

листовидной стрелы в верхней половине, видимо, до места входа в древко, оформлено в пильчатой технике ретуширования (илл. 129, *3*), характерной для кавказского региона. С местоположением стрелы в этом захоронении ситуация обстоит иначе, по сравнению с выше охарактеризованным погребением, в котором была обнаружена выемчатая стрела. В комплексе Иноземцево 1 1/2 листовидный наконечник находился в позвоночном столбе умершего (илл. 113, *22*), что недвусмысленно указывает на то, что изделие являлось причиной смерти индивида. В этой связи следует указать на фактически прямую аналогию листовидной стреле из Иноземцево. Она происходит из комплекса раннелолинской культуры Черноярская 3/10 (илл. 81, *11*). Здесь соответствуют друг другу размеры, пропорции и характер ретуширования поверхности наконечника. Отличие заключается только в наличии пильчатой ретуши по краям на иноземцевском изделии. То, что это наконечники единого типа и одной культурной традиции сомнений не вызывает, поэтому актуальным становится ситуативное расположение изделий в могилах. В п. 10 к. 3 мог. Черноярская рассматриваемый предмет входил в колчанный набор (илл. 237, *2*) вместе с двумя черешковыми стрелами, одна из которых сделана из кости (илл. 81, *17*), а другая из кремня (илл. 81, *12*). Причем, края последней оформлены пильчатой ретушью кавказского происхождения (илл. 81, *12*), как и в случае с экземпляром из Иноземцево (илл. 129, *3*), только менее выраженной. Принадлежность всех трех стрел в Черноярской к единому колчанному набору обосновывается тем, что изделия в могиле лежали вплотную друг к друг за спиной умершего (илл. 237, *2*) (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 208, рис. 5; Ростунов, 2007, рис. 42, *5–12*), т.е. именно там, где и должен располагаться колчан (ср.: Братченко, 1989, с. 80; 2006, с. 279). Иными словами, не возникает особых сомнений в том, что стрелы с узко листовидными наконечниками (илл. 81, *11*, 129, *3*) были составной частью вооружения дальнего боя носителей лолинской культуры. В таком случае стрела этого типа, которая является орудием убийства индивида из комплекса Иноземцево 1 1/2, скорее всего, в культурном отношении была лолинской, и в

очередной раз мы сталкиваемся со свидетельствами военных конфликтов (см. главы 2, 3, 7), в данном случае, между носителями невинномысской и лолинской культур.

Подводя итог характеристике единичных находок наконечников стрел в невинномысских комплексах (илл. 129, *3, 4*), следует отметить, что помещение этих изделий в захоронения явно не было предусмотрено стандартами погребальной обрядности этой культуры. Об этом свидетельствует то, что погребения со стрелами были исследованы в пределах одного памятника, оба наконечника являются инокультурными, а также то, что в невинномысских материалах до сих пор неизвестны колчанные комплекты или ярко выраженные находки, связанные с изготовлением стрел (хорошо опознаваемые заготовки, не доведенные до конца экземпляры, выпрямители древков стрел и т.д.), которые хорошо представлены в соседних ДДБК (Литвиненко, 1998; 2009, рис. *37–40*), ВДБК (илл. 17, *6*, 18, *22*) и лолинской культуре (илл. 67, *1*). Особо следует отметить, что в Невинномысске отсутствуют комплексы с каменными выпрямителями для древков стрел, которые хорошо известны в катакомбных культурах, а затем представлены в культурном круге Бабино фазы ПКБ I (ДДБК и ВДБК). Это достаточно симптоматично для Невинномысска и на уровне данного признака хорошо иллюстрирует его принадлежность к культурному кругу Лола, т.к. в других составляющих этой общности (лолинская культура и ВУКГ) подобные находки также неизвестны.

Каменные орудия представлены пестами, абразивами, наковальней, кремневыми отщепами, растиральников для охры (илл. 129). На сегодняшний день известно 6 комплексов с этими предметами, что составляет 1,8% от всех захоронений культуры. Следует отметить, что в лолинской культуре этот показатель выше, причем в 4 раза (см. главу 3). Очевидно, что каменные орудия не являются культурно-хронологическими индикаторами. Подобные формы были широко распространены во времени и пространстве. Также не имеет смысла составления детальной классификации этих изделий. Во-

первых, потому что нет трасологических данных, а предметы сходной морфологии могут иметь различные функции. Во-вторых, форма большинства изделий довольно стандартна, а зачастую невыразительна, и поэтому сложно добавить что-то к традиционному их разделению на вышеперечисленные категории. Отдельно стоит остановиться на изделии из комплекса Новотитаровская 14 1/12 (илл. 129, *13*). Это цилиндрический предмет длиною 30 см, который автором отчета назван пестом [Карпов, 2020, с. 122]. Фактически аналогичные предметы найдены в двух раннелолинских комплексах Цаган-Усн III 1/15 и Цаган-Усн VII 4/27 (илл. 83, *5, 6*). Причем, эти захоронения имеют выраженные признаки неординарности (илл. 67, *4*), в том числе с элементами расчленения (Мельник, 1991, рис. 1–4; Мимоход, 2013, с. 167). Невинномысский комплекс Новотатировская 14 1/12 такими чертами не обладает: погребение впускное в южной поле кургана без следов манипуляции со скелетом (илл. 110, *10*). Однако наличие в его материалах изделия, аналогичного предметам из Цаган-Усна, позволяет рассматривать это захоронение в одном хронологическом и социальном ряду с указанными лолинскими погребениями. Дело в том, что эти длинные каменные цилиндрические предметы, вероятно, следует интерпретировать в качестве абстрактных стержневидных скипетров или «жезлов». Серия таких изделий есть в комплексах ранней бронзы в Предкавказье и Поволжье (Кореневский, Жеребилов, Парусимов, 2008, с. 204, рис. 3, *1–8*). Анализ расположения этих предметов показал, что они лежали отдельно от орудий явно производственного назначения (Мимоход, 2013, с. 167). В комплексе Новотировская 14 1/12 скипетр или «жезл» располагался в наборе вместе с каменным орудием (илл. 129, *12*), которое названо автором раскопок «гладилкой» и каменным изделием округлой формы, которое интерпретируется как составная часть пращи (илл. 129, *11*) [Карпов, 2020, с. 122, 123, рис. 438]. Последнее изделие действительно, скорее всего, является ядром от пращи, т.е. предметом вооружения. Иными словами, здесь мы сталкиваемся со стандартной ситуацией, когда в наборах сочетаются

предметы разного функционального назначения. В нашем случае сочетание в наборе предмета вооружения (илл. 129, *11*) и длинного каменного цилиндрического изделия (илл. 129, *13*) свидетельствует в пользу того, что последнее действительно следует рассматривать не в качестве песта, а как своеобразную инсигнию.

Украшения невинномысской культуры подчеркивают ее своеобразие.

Изделия из металла представлены подвесками, бусами, бляшками, пуговицей (илл. 120, *14–47*).

Для посткатакомбного мира необычными выглядят *височные подвески в 1,5* оборота, которые изготовлены из округлого в сечении прутка и имеют приостренные концы (илл. 120, *14–25*). Это довольно крупные экземпляры до 2,3 см. В Лоле, ВДБК и ДДБК они мельче, обычно диаметром 1,5–1,7 см (илл. 37, *29, 30*, 84, *14–18*). Невинномысские височные кольца можно разделить на два типа: овально-вытянутые (тип 1) (илл. 120, *14–23*) и округлой (тип 2) (илл. 120, *24–26*) формы. Интересно, что все изделия происходят только из двух могильников Бамут и Сунжа, которые находятся на юго-восточной границе ареала непосредственно в предгорной зоне на расстоянии около 40 км друг от друга (илл. 98). Прямые аналогии этим подвескам подобрать несложно. Такие изделия встречены в комплексе архонской культурной группы (Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 19, *10, 11*) (илл. 131, *20, 21*). Серийно они представлены в материалах гинчинской, присулакской и каякентско-хорочоевских культур Северо-восточного Кавказа (илл. 131, *10–19*, *22–26*) (Канивец, Березанская, 1959, табл. I, *16*, рис. 5, *1*; Марковин, 1963, рис. 4, *3, 4*, 5, *4*, 11, *4, 8* и др.; 1969, рис. 5, *10*, 28, *5–7*; 1995, рис. 3, *16*, 4, *5–7*; Гаджиев М.Г., 1969, рис. 14, *21–24*, 20, *9,10*, 22, *33, 34*, 31, *4–6* и др.), так и типа 2 (Марковин, 1963, рис. 1, *10–15*, 2, *7*, 4, *4*, 20, *2*, 27, *2, 3*, 30, *9, 10*; 1995, рис. 2, *4*, 5, *18*; Гаджиев М.Г., 1969, рис. 14, *20*, 35, *20*). Такие подвески на Кавказе известны с куро-араксского времени (Ростунов, Хашегульгов, 1985). Р.Г. Магомедов, когда рассматривал височные подвески в 1,5 оборота гинчинской культуры, также выделил два типа этих украшений

(Магомедов Р., 1998, с. 120), которые полностью соответствуют типологии невинномысских изделий. Как уже отмечалось, могильники Бамут и Сунжа находятся в пограничье присулакской и гинчинской культур, и наличие в их материалах таких своеобразных подвесок, не характерных для других посткатакомбных культурных образований, является следствием трансляции этого типа изделий в невинномысскую среду с Северо-восточного Кавказа.

В таком же ракурсе следует рассматривать и присутствие в погребениях невинномысской культуры *конусовидных подвесок* из свернутой пластины. Они обнаружены в двух комплексах Нальчик п. 31 и Комсомолец 1 кург./31 (илл. 120, *29–32, 39, 40*). Один из нальчикских предметов имеет пуансонный орнамент (илл. 120, *30*). Таких конусовидных подвесок нет ни в лолинской, ни в бабинских культурах. Невинномысские погребения с этими украшениями расположены в юго-восточной части ареала, тоже в непосредственной близости от Северо-восточного Кавказа (илл. 98). Как и следовало ожидать, именно с этой территории происходят прямые аналогии конусовидным украшениям. Они хорошо представлены в гинчинской культуре (илл. 131, *1–8*) (Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 6, *17–20, 40*, 17, *3–5*; Магомедов Р., 1998, рис. 117, *9*, 123, *8*) и следующей по времени какаякентско-хорочоевской (илл. 131, *9*) (Марковин, 1969, рис. 26, *9*). Некоторые гинчинские экземпляры имеют пуансонный орнамент (илл. 131, *1, 3–5, 8*). В случае с этой категорией инвентаря мы опять сталкиваемся как со свидетельствами с контактов, так и непосредственным участием групп населения Северо-восточного Кавказа в сложении культурного круга Лола. Следует отметить, что, появившись в эпоху средней бронзы, конусовидные подвески существуют достаточно долго и известны в кобанской культуре (Козенкова, 1998, табл. XI, *1, 2*).

Еще одна категория бронзовых украшений, появление которой в невинномысских материалах связано с кавказскими культурами – это *подвеска с обратной (переложной) петлей* (илл. 120, *28*). Происходит она из комплекса Сунжа-90 4/12. Судя по расположению находки на черепе [Козаев, 1990, рис. 59], подобные изделия входили в состав гарнитура украшения головы.

Подтверждает это и обнаружение золотого изделия такого типа у черепа в комплексе Архонская-88 2/2 (Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 8, *1*). Оно изготовлено из трижды изогнутой пластины, с обратной петлей и концами, закрученными в спирали (илл. 131, *30*) (Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 8, *3*). Два идентичных изделия происходят из склепов могильника Эгикал в Ингушетии (илл. 131, *27*) (Марковин, 1970, с. 91, рис. 1, *11*; 1982, с. 29, 3, *10*; Магомедов Р., 1998, рис. 126, *14, 15*). Есть такая подвеска, но без спиральных завитков, в погребении 7 мог. Гатын-Кале (илл. 131, *28*) (Марковин, 1963, с. 63, рис. 9, *4*). Оба типа (с завитками и без них) происходят из материалов дольменов мог. Шушук (илл. 131, *29*) (Резепкин, 2010, с. 305; 2019, рис. 4, *9*, 5, *2, 3*). Отличие невинномысской подвески от гинчинских и архонского, шушукского экземпляров заключается, с одной стороны, в отсутствии спиральных завитков на концах, а с другой, в том, что у сунженской подвески один конец был оформлен в виде своеобразного крючка. Сложно сказать, то ли это часть дизайна, то ли функциональный элемент крепления украшения к основе головного убора. В любом случае, эта деталь в таком виде пока неизвестна в остальной серии подвесок с обратной петлей, но то, что все эти изделия относятся к единому типу, вряд ли вызывает сомнение.

В дальнейшем на Южном Кавказе подвески данного типа известны сначала в Триалети (илл. 131, *31*) (Джапаридзе, 2009, рис. 13, *3*, 17, *8*, с. 231), а затем в материалах культур рубежа средней – поздней бронзы, в частности севано-узерликской и кармирбердской (илл. 131, *32, 33*) (Кушнарева, 1994, табл. 34, *12;* 1994а, табл. 41, *6*; Kushnareva, 1997, fig. 54, *11*, 67, *4*)[87]. Следует отметить, что, появившись в финале СБВ, этот тип украшения продолжает использоваться на Кавказе и в эпоху поздней бронзы. Серия аналогичных изделий происходит из поздней группы погребений Тлийского могильника в Южной Осетии (Техов, 1977, рис. 114, *7,8,14–15,30–31,33–34*; 2006, табл. 1, *20*, 11, *6*, 16, *10*, 48, *2, 3*, 72, *1*, 131, *2*, 139, *3*). Известны они и в материалах мог.

[87] Здесь они свернуты не из раскованной пластины, а из прутка (илл. 131, *31–33*).

Верхнекобанский, Беахни-Купский, Терезе, Чми, Эшкаконский (De Morgan, 1927, fig. 328; Schaeffer, 1948, fig. 301, *14*; Козенкова, 1990, рис. 1, *2, 3*, 2, *2 ,3*, 6, *58*; 1998, табл. IX, *17, 18*; Чшиев, 2007, рис. 3, *2*; Reinhold, 2007, abb. 31, *d2–d6*; Чеишвили, 2010, с. 290).

В культурах балкано-дунайского региона также присутствуют подвески с обратной петлей (Tihelka, 1953, obr. 23, *4*; Zaharia, 1959, abb. 1, *6, 4, 2,* 4–6*, 4,* 6; Berciu, 1961, abb. 16, *2*; Hänsel, 1968, taf. 4, *7–9*; Dušek, 1969, abb. 1, *6*, 2, *11, 12*, 4, *6–8*; Schubert, 1974, taf. 15, *6, 8*, 22, 5, 27, *7*; Bóna, 1975, taf. 163, *5*; 1992, abb. 19; Mozsolics, 1973, taf. 4, *1, 2*, 90, *1, 2*; Petrescu-Dîmboviţa, 1977, pl. 9, *8–10, 11, 13–14*, 74, *14*; Vladár, Bartonek, 1977, abb. 5; Machnik, 1978, tabl. XXXI, *12–14*; Morintz, 1978, fig. 104, *11*; Müller-Karpe, 1980, taf. 283, *A23*, 286, *A3*; Vladár, 1982, abb. 1; Kovács, 1975, tab. 26, *282-1*, 34, *D1*; 1984, taf. LXIX, *10*; Csányi, Tárnoki, 1992, abb. 377; Furmánek, Veliačik, Vladár, 1999, abb. 7, *23*; Gogâltan, 1999, fig. 40, *11-17*; 46, *8–14*; Братченко, 2001, с. 46; Kowiańska-Piaszykowa, 2008, rys. 12, *7*, 27, *7–9*, tabl. VIII, *3–5*; Metzner-Nebelsick, 2010, abb. 2, *2–4*)[88]. Серийное их использование в этом регионе можно очертить в пределах Bz A2–B2, по П. Райнеке, или FD III – MD II-III, по Б. Хёнзелю, хотя отдельные их экземпляры известны и в период Bz A1 (Kalicz, 1968, taf. CXXX, *38*; Ruckdeschel, 1978, abb. 14, *5*; Schalk, 1992, taf. 16, *4, 5*; Neugebauer, 1994, abb. 34, *25–26*; Bertemes, 1989, taf. 29, *9*; Neugebauer K., Neugebauer J.-W., 1997, taf. 545, *verf. 587,5*; Doba bronzova, 2008, obr. 26, *7*). Распространение близких по времени и типу подвесок на Кавказе и в Европе имеет, вероятно, тот же механизм, что и индустрии «вербового листа» (Kadrow, 2000, s. 142; Мимоход, 2009, с. 130–131). Прототипы украшений с переложной петлей можно найти в погребальных комплексах Ура (илл. 131, *34*) (Woolley, 1934, pl. 146, *b*, 219,*7*).

Специфическим маркером культурного круга Лола являются *колесовидные бусины*. Два таких изделия известны в лолинской культуре

[88] Речь идет о подвесках, согнутых из пластины или одинарного прутка, а не из двойного.

(илл. 131, *35, 36*) и два – в невинномысской (илл. 120, *46, 47*, 131, *V*). При этом явно различаются метрические параметры. Лолинские экземпляры более крупные и массивные, а невинномысские мельче и грацильнее. Еще одно существенное различие есть в морфологии. У невинномысских бусин на «ступице» присутствует ярко выраженное ребро (илл. 131, *V*), в то время как у лолинских оно отсутствует (илл. 131, *35, 36*). Напомню, что в лолинской подборке одно изделие отлито из бронзы (илл. 131, *36*), второе, скорее всего, из сурьмы (илл. 131, *35*). Оба невинномысских предмета сделаны из сурьмы. Как видно, колесовидные бусины являются этнографическими маркерами Лолы и Невинномысска, но при этом проявляют культурную специфику, которая выражается в отличиях в морфологии и размерах.

Прямых аналогий этим изделиям за пределами предкавказского посткатакомбного контекста пока нет. С ними можно сопоставить лишь некоторые северокавказские и степные разновидности бронзовых бус преимущественно биконической формы, которые имеют более или менее выраженное утолщение на ребре. Из наиболее близких по форме следует отметить бусины из раннедонецких комплексов Астахово 22/4, Вербовка 5/3, Колесниковка II 3/3 в Подонцовье (илл. 131, *37–39*) (Евдокимов, 1991, рис. 14, *7*; Клименко, 1997, рис. 70, *2*; Берестнев, 2001, рис. 6, *6*), в первом из которых они входили в типичный набор северокавказских украшений, а также изделие из мог. Гатын-Кале на Северо-восточном Кавказе (илл. 131, *40*) (Марковин, 1994, рис. 101, *18*). Однако существенные морфологические отличия этих экземпляров от невинномысских и лолинских вполне очевидны и не требуют отдельного комментария. Из закавказских материалов можно указать на золотые бусины из Триалетского кургана XXXVI с зубчатым ребром и рельефными линиями (илл. 131, *41*) (Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, с. 113, 114, табл. 100, *886, 887*) и бронзовую бусину с шишкообразными выступами в месте максимального расширения тулова из п. 24 мог. Кущи (илл. 131, *42*) (Гуммель, 1940, с. 138, фиг. 4, *32*). Закавказские изделия, в отличие от лолинских образцов, имеют рельефное оформление ребра и тулова, а

триалетские экземпляры к тому же не литые, а сделаны из листа (Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, с. 113), поэтому эти аналогии довольно условные. Другие сопоставительные материалы для лолинских колесовидных бус попросту отсутствуют.

Как бы то ни было, но очевидно, что эта категория украшений возникла в Предкавказье, скорее всего, также под влиянием кавказских традиций, но приобрела особую специфическую форму, подчеркивающую культурное своеобразие посткатакомбного гарнитура. В качестве возможных прототипов подобных бусин в Лоле и Невинномысске можно рассматривать редкие более ранние экземпляры, встречающиеся в наборах украшений, характерных для северокавказской культуры и известных в донецких памятниках, а также близкие по форме изделия культуры Гинчи.

Расположение колесовидных бусин в обоих лолинских и одном невинномысском (Ульяновский 1 3/5) погребениях одинаковое. Они находились в районе шеи погребенных вместе с цилиндрическим фаянсовым бисером. Уверенно можно реконструировать, что они входили в составные ожерелья, которые носились на шее, где, судя по размеру и необычной форме, бусины с валиком занимали центральное место. В невинномысском комплексе Бородыновка 3 3/16 сурьмяная бусина вместе с фаянсовым бисером находились у теменной части черепа. Вероятно, здесь изделия использовались для украшения головы или головного убора.

В комплексе Чернышевская I 5/274 обнаружена бронзовая *скорлупковидная бляшка с двумя отверстиями* (илл. 120, *42*). Небольшая серия таких изделий известна в лолинской культуре (илл. 131, *43–46*). По морфологии в ней выделены два варианта (см. главу 3). Невинномысская бляшка относится ко второму варианту, потому что имеет подромбическую форму (илл. 120, *42*).

Круг аналогий этому типу украшений достаточно широк. Представительная серия скорлупковидных украшений с двумя отверстиями по краям происходит из материалов средневолжской абашевской культуры

(илл. 131, *50, 51*), которая синхронна посткатакомбным памятникам (см. главу 6). Ими расшивался абашевский костюм и в погребениях их нередко находят в большом количестве (Тихонов Б., 1960, с. 84; Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 9, *20*; Халиков, 1961, табл. VII, *11*; Евтюхова, 1965, с. 142, рис. 3, *17, 18*; Кузьмина О., 1992, с. 49; 2002, с.158; Большов, Кузьмина О., 1995, с. 97, рис. 1, 2, *Б*, 10–13; Большов, 2003, с. 33, рис. 21, 48, *5*). Крупные экземпляры происходят из Пещеры Братьев Греве (илл. 131, *49*) и Алексеевского могильника (Васильев, 1975, рис. 3, *2, 3*; Пестрикова, 1979, рис. 3, *7–9*), которые рассматриваются в вольско-лбищенском культурном контексте (Васильев, 1999, с. 67, 68; 2003, с. 107–109; Васильев, Кузнецов, 2000, с. 84). Однако есть существенные отличия. Во-первых, абашевские бляшки имеют округлую форму, реже овальную, но никогда подромбическую. Во-вторых, система использования их в костюме принципиально иная по сравнению с посткатакомбной. Как уже отмечалось, в Абашеве это богатое шитье, когда из пронизей и бляшек образовывались сложные узоры (см. главу 7). Ничего похожего в посткатакомбной традиции использования скорлупковидных украшений нет. Кроме того, абашевскую культуру Средней Волги отделяет от Предкавказья территория Нижнего Поволжья, где в это время такие украшения неизвестны. Их нет в ни в ВДБК, ни в других бабинских культурах. Поэтому эти две синхронные, но удаленные друг от друга культуры вряд ли связаны напрямую.

Можно с уверенностью сказать, что прототипы этих изделий в Предкавказье отсутствуют, и бляшки с двумя отверстиями появляются здесь только в ранних посткатакомбных памятниках (Гак, Мимоход, 2007, с. 92). Показательно в этом отношении, что аналогичная категория украшений известна на рубеже средней – поздней бронзы на Северном Кавказе. Скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями найдены при раскопках могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии (илл. 131, *46*), в коллекции которого присутствуют протокобанские материалы [Мошинский, 1985, рис. 37, *48*]. Есть такие изделия и в Закавказье (илл. 131, *47, 48*) (Гогадзе, 1972,

табл. 17, *22*, 24, *24, 25*; Гамбашидзе, Квижинадзе, Абрамишвили, 1985, табл. XXXVI*, 13, 24*, XXXVII, *4*). Правда, кавказские образцы имеют также чаше всего округлую форму, а подромбические экземпляры здесь мне тоже не известны. Однако наличие подобного типа украшений на Кавказе в непосредственной близости от ареала лолинской и невинномысской культур делает более логичным рассмотрение именно его в качестве возможного источника данной инновации в предкавказской степи, тем более что традиция изготовления мелких украшений из металла, в том числе в пластинчатой технике является характерной для кавказского металлопроизводства.

К нашивным элементам одежды относится бронзовая *пуговица* (илл. 120, *43*). Изделие этого типа только из сурьмы известно в материалах лолинской культуры (илл. 131, *52*). Эти редкие в лолинской культуре украшения находят полные аналогии в материалах протокобанских памятников Дигории, где представлены целые серии таких пуговиц, сделанных из бронзы и сурьмы. Они происходят из могильников Верхняя Рутха и Кари Цагат (илл. 131, *53, 54*) (Козенкова, Мошинский, 1995, рис. 2, *4*; Скаков, 2001, с. 235, рис. 1, *5–7*; 2003, с. 19, рис. 1, *10–13*) [Мошинский, 1986, рис. 23, 64 ,63, 71]. Есть они и на Северо-восточном Кавказе в Хорочоевском могильнике (илл. 131, *55*) (Круглов, 1958, рис. 25, *13*), а также на южном склоне Кавказского хребта в могильнике Квасатали (Джапаридзе, 1955, с. 27; Скаков, 2003, с. 19). Фаянсовые реплики пуговиц известны в гинчинской культуре (Гаджиев М.Г., 1969, рис. 22, *11*).

Интересно, что в невинномысском погребении из Ореховки металлическая пуговица встречена в одном экземпляре, и находилась она у груди умершего (Андреева, Дервиз, 1989, с. 48). В лолинском комплексе Кунаковский 2 1/1 восемь изделий входили в состав наборного запястного браслета [Матюхин, 2005, рис. 95, *5*][89]. Применительно к этой ситуации термин «пуговицы» является в известном смысле условным.

[89] Антропологические определения имеются только для одного комплекса Ореховка 8/5 – женщина, adultus (Андреева, Дервиз, 1989, табл. 1) (табл. 4.1).

Кавказское происхождение этого типа украшений в Лоле и Невинномысске очевидно. Об этом свидетельствует и картографирование комплексов с пуговицами. Могильники Ореховка и Кунаковский 2 расположены в южной части лолинского ареала на сопредельной с Северо-восточным Кавказом территории (Мимоход, 2013, илл. 74).

В комплексе Новокорсунская 2/1 обнаружена бронзовая плоская бляшка с одним отверстием в верхней части (илл. 120, *37*). На культурную атрибуцию этого погребения есть две точки зрения. В.А. Трифонов и С.Н. Кореневский относят его к энеолиту (Трифонов, 1991, рис. 4, 21; Кореневский, 2012, рис. 41, *4, 5*). Очевидно, что такой вывод был сделан только на основании находки бронзовой бляшки с отверстием. Она действительно имеет некоторое сходство с бронзовыми украшениями эпохи энеолита (см. ниже). Я однозначно отнес захоронение из Новокорсунской к посткатакомбному времени (тогда к кубанской культурной группе, ныне невинномысской культуре) (Мимоход, 2013, илл. 98, *7*). Этот комплекс обладает всеми диагностичными чертами данного времени. Погребение основное в кургане, в котором обнаружено всего три погребения, и данные стратиграфии не противоречат отнесению его к невинномысским древностям. Сильно скорченная адоративная позиция, восточная ориентировка, ямная конструкция могилы, поперечное деревянное перекрытие (илл. 111, *20*) – все эти признаки характерны для невинномысской культуры. Например, судя по сводке энеолитических погребений Предкавказья и Волго-Донья, деревянное перекрытие имеет только один комплекс, и это именно Новокорсунская 2/1 (Кореневский, 2012), т.е. он является исключением. В свою очередь, рассматриваемое погребение хорошо вписывается в невинномысский культурный контекст, т.к. деревянные конструкции представлены в этой культуре (илл. 103, 110, *9*, 113, *22*, 111, *16*). Прямых аналогий в энеолитических материалах указанных территорий нет и положению скелета, зато такая позиция является неотъемлемой частью наглядного образа невинномысской культуры. Особенно ярко о посткатакомбном возрасте рассматриваемого погребения свидетельствует

анатомический состав и расположение костей животных в могиле. В комплексе обнаружены лопатка и ребра МРС, которые находились у кистей рук умершего (илл. 111, *20*). Это тип 3 по классификации комплексов с КЖ невинномысской культуры (см. выше). Полностью аналогичные анатомический и видовой состав костей и расположение в могиле зафиксировано в другом классическом невинномысском комплексе Каскадный 2 1/3 (илл. 115, *1*).

Таким образом, получается, что обряде п. 1 к. 2 мог. Новокорсунская нет ни одного энеолитического признака, наоборот, вся совокупность данных свидетельствует в пользу того, что мы имеем дело с хорошо опознаваемым захоронением невинномысской культуры. В свете вышесказанного вернемся к бронзовой бляшке с отверстием. Как уже отмечалось, действительно в погребениях энеолита встречаются бляшки близких размеров с отверстием в верхней части (Rassamakin, 2004, taf. 215, *7*, 247, *7*; Агапов, 2010, 8, *7–9*; Кореневский, 2012, рис. 8, *4*, 59, *13*, 60, *8*). Однако есть существенное морфологическое различие. Все без исключения энеолитические украшения имеют скорлупковидную форму, т.е. они изогнуты в сечении. С.Н. Кореневский специально отметил, что эти «скорлупки из меди были имитацией подвесок – раковин» (Кореневский, 2012, с. 47). Иными словами, в идею этого изделия изначально закладывалась изогнутость сечения, имитирующую форму природного раковинного сырья. Невинномысская бляшка-подвеска имеет ровное сечение, что серьезно отличает ее от энеолитических экземпляров. Также следует заметить, что в комплексах энеолита такие изделия встречаются не по одному как в новокорсунском захоронении, а наборами в составе ожерелий. Получается, невинномысская бляшка не имеет отношения к серии скорлупковидных предметов с одним отверстием эпохи энеолита[90]. Само изделие из комплекса Новокорсунская 2/1

[90] В свою очередь, следует отметить, что в период, синхронный невинномысской культуре, бронзовые бляшки прямые в сечении и с одним отверстием в верхней части, аналогичные новокорсунскому экземпляру, известны в Центральной Европе (Neugabauer C., Neugabauer J.-W., 1997, taf. 552, *8–10*).

достаточно простое по форме и определенное внешнее ее сходство с энеолитической серией не может являться аргументом в пользу столь ранней культурно-хронологической атрибуции, т.к. противоречит всей сумме признаков обрядово-инвентарного комплекса этого захоронения. В качестве еще одного косвенного доказательства можно привести следующую ситуацию. Например, в энеолитических (Rassamakin, 2004, taf. 357, *2–4*; Кореневский, 2012, рис. 10, *5*) и посткатакомбных (илл. 131, *VI, 43–45*) погребениях Предкавказья есть фактически идентичные скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями, но на этом основании вряд ли кто-то станет оспаривать посткатакомбную принадлежность комплексов Чернышевская I 5/274 (илл. 110, *2*, 131, *VI*), Малаи I 4/4 (илл. 131, *45*) (Гей, 1995, рис. 2, *3–10*) или Кировский IV 7/2 (Ильюков, 2001, рис. 2).

Известны в материалах невинномысской культуры и украшения из золота. Речь идет о комплексе Суворовская 9/1. К сожалению, в публикации нет рисунка этих изделий, зато есть текстовое описание: «В могиле найдены… 4 золотые круглые бусины (две литые и две полые из золотого листа)» (Нечитайло, 1979, с. 45). Появление украшений, сделанных из благородных металлов в посткатакомбном Предкавказье, безусловно, следует связывать с кавказскими культурами. В период средней бронзы именно здесь наблюдается всплеск изготовления вещей из драгоценных металлов. Особенно ярко эта традиция выражена в Закавказье, в триалетских и бедено-алазанских памятниках (Japaridze, 1973, p. 43; Джапаридзе, 1994, с. 79). Следует отметить, что полые украшения из золота известны на Кавказе, в частности, в материалах триалетской культуры (Куфтин, 1948, с. 17, табл. XVI; 1949, с. 79; Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, табл. 100, *886, 887*, 101, *884* и др.; Тавадзе, Сакварелидзе, Инанишвили, 1987, с. 48; Археология…, 1994, цв. вкладыш, *2*; Treasures…, 2009, fig. 21, *1*).

В костюме носителей невинномысской культуры, как и лолинской, особое место занимали ***фаянсовые и керамические украшения*** (илл. 132).

Фаянсовые изделия представлены бусами с выступами: *бородавчатые и рожковые* (илл. 132, *1–10*). Такие украшения встречены в 8 комплексах, что составляет 15,4% от всех невинномысских погребений с фаянсовыми бусами.

В основном типология этой категории инвентаря соответствует лолинской классификации (см. главу 3).

Тип 1 составляют бусы с тремя выступами (илл. 132, *2, 3, 8, 9, 10*). Это самая многочисленная группа.

Тип 2 объединяет двухрожковые бусы (илл. 132, *4–7*). Они обнаружены в четырех комплексах (Невинномысский 1 13/5, Невинномысский 4 1/12, Серегинский 1/28, Калюжный 1 1/8).

В невинномысской культуре отсутствуют изделия типа 3 по лолинской типологии – с четырьмя выступами. Зато в ней есть длинная бородавчатая пронизь с 18-ю выступами, сгруппированных в три ряда (илл. 132, *1*), которая и представляет *тип 3* по невинномысской классификации. Это довольно редкий тип пронизей. Он известен в позднекатакомбных древностях (илл. 133, *1–6*) (Братченко, 1976, рис. 72, *II, 3*; 2008, рис. 29, *9–12*; Смирнов А., 1996, рис. 41, *9, 28*, 47, *31*; Парусимов, 2002, с. 23, 24, рис. 56, *15, 16*; Освещая прошлое, 2009, с. 220), в ДДБК (илл. 133, *8*) (Березанская, 1986, рис. 9, *8*), а также на Северном Кавказе (илл. 133, *7*) (Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С., 1980, рис. 5, *7, 8*). Отличает нашу пронизь то, что у нее три ряда выступов, а не четыре, как у остальных.

Давно установлено, что бусы с выступами являются хронологическим маркером позднего этапа среднего бронзового века (Братченко, 1976, с. 148; Махно, Братченко, 1977, с. 56–58). Важно отметить, что они появляются раньше финала СБВ, хотя именно в этот период получают наиболее широкое распространение в посткатакомбных памятниках. Бородавчатый фаянсовый бисер начинает серийно встречаться в степи – лесостепи в материалах позднекатакомбных культур, главным образом, в захоронениях Подонья и Подонцовья (Мошкова, Максименко, 1974, с. 17, 18, табл. VI, *12*; Братченко,

1976, с. 100, рис. 55, *2*, табл. IV, *1*; 2008, рис. 54, *5*, с. 209, 211; Погорелов, 1985, рис. 3, *4*; Парусимов, 1997, рис. 22, *6*; Стеганцева, 1999, с. 102, 107–109).

Значительно больше бородавчатых бус в позднекатакомбных погребениях Предкавказья. Только в материалах ВМКК известно не менее 10 комплексов (илл. 133, *9–12, 25*) (Синицын, Эрдниев, 1961; 1966, с. 37, табл. 6, *1*; Державин, 1989, рис. 26, *5*; 1991, с. 105) [Романовская, 1978; Шилов, 1981; Шилов, Цуцкин, 1983; Лапа, 1987 рис. 67, 84; Шишлина, 1987; Арапов, 1992]. Подобные изделия маркируют исключительно поздний этап восточноманычских памятников. Представлен этот тип украшений и в Западном Предкавказье: в батуринской культуре (илл. 133, *13*) (Гей, 1995, рис. 4, *4*) и памятниках суворовской катакомбной культуры (Нечитайло, 1979, рис. 69, *6*).

Расцвет использования фаянсовых бус с выступами приходится на посткатакомбный период. Кроме Лолы и Невинномысска, они являются характерной составляющей гарнитура украшений ДДБК. В этой культуре чаще встречаются двухрожковые бусы (илл. 133, *16–23*), значительно реже бисер с тремя выступами и в единичном случае длинные бородавчатые пронизи с четырьмя рядами отростков (илл. 133, *8*) (Березанская, 1960, рис. 4; 1986, рис. 9, *8*, 10, *22*, 11, *1*; Махно, Братченко, 1977, рис. 3, *6*; Ковалева, Ромашко, Никулкин, Яремака, 1983, рис. 2, *29*; Луговая, Шилов, 1990, рис. 3, *а*; Парусимов, 1999, рис. 33, *5*; Глебов, 2004, рис. 25, *3 а, г*; Литвиненко, Зарайская, 2004, рис. 14, *2*). Единственная фаянсовая аналогия последнему изделию в посткатакомбном культурном контексте – это пронизь из невинномысского комплекса Уашхиту 1 2/28 в Адыгее (Эрлих, Вальчак, Маслов, 2006, с. 209), которая, как уже отмечалось, имеет не четыре, а три ряда выступов (илл. 132, *1*, 133, *I*).

Фаянсовые бусы с выступами являются визитной карточкой памятников позднего СБВ Кавказа (илл. 133, *26–33*), с которыми и связано распространение данного типа украшений в степи, на что уже давно указано С.Н. Братченко (Братченко, 1977, с. 147, 148; Махно, Братченко, 1977, с. 56,

57). Главным образом здесь встречаются изделия с тремя отростками. Они хорошо представлены в гинчинской культуре (Мунчаев, 1958, рис. 11, *13*; Гаджиев М.Г., 1969, с. 42, рис. 18, *3*; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 6, *28, 29*, 7, *55, 56*, 8, *32*, 12, *48, 49*, 15, *18*, 16, *59*; Магомедов Р., 1998, рис. 120, *59, 60*, 126, *7*), есть в присулакской группе памятников (Канивец, 1959, с. 53; Канивец, Березанская, 1959, рис. 5; Магомедов Р., 1998, рис. 129, *10, 12*), в Манасе и Великенте (Мунчаев, Смирнов К., 1956, рис. 5, *24*; Магомедов Р., 2004). Встречаются фаянсовые бусы с выступами в ранних каякентско-хорочоевских и протокобанских древностях (Крупнов, 1951, с.56, рис. 19, *8, 9*; Мошинский, 1987, с. 179; Марковин, 1969, рис. 33, *20, 21, 23*). Длинные фаянсовые пронизи обнаружены кургане 1 сел. Утамыш (илл. 133, *7*) (Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С., 1980, рис. 5, *7, 8*). Столь же популярны фаянсовые бусы с выступами были и в Закавказье, в частности, в триалетской культуре (илл. 133, *34, 35*) (Джапаридзе, 1964, рис. 10, *6*; 1969, табл. XI, *9, 11*; Гогадзе, 1972, табл. 17, *21*; Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, табл. 51, *440*, 55, *477*; Симонян, 2010, рис. 1, *2*).

В степи бусы с выступами активно используются в начале поздней бронзы в среде колесничных культурных образований. Чаще всего бусины с отростками присутствуют в инвентаре синташтинских погребений (илл. 133, *36–42*) (Потемкина, 1985, рис. 68, *3*; Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 88, *1*, 96, *15*, 153, *6*; Виноградов Н., 2003, с. 239, рис. 64, *9*, 75, *15, 16*, 100, *42-44*; Епимахов, 2005, илл. 78, *4, 7, 9*; Ткачев В., 2006а, с. 50, рис. 69, *I*; 2007, с. 198, 200, рис. 59, *I*), которые маркируют ранний этап развития культуры (Ткачев В., 2001, с. 186). Находки этого типа украшений в покровских комплексах единичны и происходят с территории Поволжья (илл. 133, *43, 44*) (Кочерженко, 1996, рис. 1, *10, 14*; Зудина, Судариков, 2007, с. 60, рис. 1, *1.3*; Жемков, Ким, Кочерженко, Слонов, 2017, рис. 7, *1*). Примечательно, что этой категории украшений нет в потаповской группе памятников и в покровских древностях Подонья и Подонцовья (см. главу 7).

В Западной, Средней и Юго-Восточной Европе также известны случаи обнаружения фаянсовых бус с выступами, в основном рожковых. Они присутствуют в материалах культурных групп Mures, Vatya, Nagyrév, Kisopostag, Perjámos, Unterwölbling, Arbon, Wessex, Food Vessel, Colored Urn полностью или частично синхронных посткатакомбному блоку (Childe, 1927, p. 296; Stone, Thomas, 1956, p. 54, 55, pl. V, *5*; Moucha, 1958, p. 45; Newton, Renfrew, 1970 p. 203; Girić, 1971, tabl. XXVII, *gr.90,1*, XXIX, *gr.97,1*, XXXI, XXXII, *4*, XXXIII, *gr.108,5* и др.; Harding A., 1971, p. 189, p. 190, fig. 1; 1984, p. 98, fig. 25, *9*; 1990, fig. 6, *9*; Selkirk, 1972, p. 244; McKerrel, 1972, p. 292; Гарашанин, 1973, с. 244; Bóna, 1975, taf. 33, *16*; Gerloff, 1975, p. 205, 223; Szathmári, 1983, abb. 47, *33–36*; Schreiber-Kalicz, 1984, taf. LI, *17*; Barnatt, 1994, p. 335; Williams, Wilkinson, Magee, 1994, p. 55; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1997, taf. 459, verf. 139, *3*; Братченко, 2001, с. 47; 2006, с. 224)[91]. Здесь представлены, главным образом, бусы с четырьмя отростками, реже с пятью и более. Бисер с тремя бородавками встречается крайне редко. Мне известен пока один случай обнаружения такой бусины в материалах комплекса «Dolmen de Planaise» во Франции, в бассейне р. Роны (Bill, 1973, taf. 17, *7*). Изделия с двумя выступами в европейских памятниках, равно как и на Кавказе, отсутствуют.

Хронологическое соотношение разных типов бус с выступами в конце средней – начале поздней бронзы уже рассматривалось (Мимоход, 2012; 2013, с. 194–199).

Еще одним маркером костюма посткатакомбного предкавказского костюма являются лепестковидные бусы (Мимоход, 2014б). Они характерны как для лолинской (илл. 133, *45–51*), так и для невинномысской (илл. 132, *11–20*)[92] культур. Случаи обнаружения украшений этого типа за пределами этих

[91] Здесь такие бусы называют как «имеющие форму звезды»: «перле од фајанса звездастог облика» в сербском, «star-shaped fayence» или «star-like», «stellate» в английском языках (Bóna, 1965, p.33,93; Girić, 1971, p.84; Harding, 1971, p.190, fig. 1; Гарашанин, 1973, с.244).

[92] В экспозиции Национального музея Кабардино-Балкарской республики выставлено два ожерелья. Одно из них полностью состояло из лепестковидного бисера (38 изделий), другое включало цилиндрические бусины и одну лепестковидную. Контекст их обнаружения не ясен. В Нальчикском могильнике помимо хорошо известных энеолитических погребений есть серия захоронений финала средней бронзы, которые относятся к

культур единичны, а комплексы находятся на сопредельных территориях с их ареалами. Это позволяет сделать обоснованной вывод о том, что лепестковидные бусы также можно отнести к числу этнографических маркеров лолинской и невинномысской культур, выработанных ее носителями, а нахождение этих бус в инокультурных контекстах следует рассматривать как свидетельства контактов между лолинскими группами и их соседями. Для сравнения в посткатакомбных погребениях Предкаказья известно 16 комплексов с лепестковидными бусами, а вне этого контекста – 6.

Сопоставительные материалы для посткатакомбных фаянсовых лепестковидных бус единичны, но зато это прямые аналогии. Имеется два случая обнаружения их в бабинских захоронениях Нижнего Подонья и Нижнего Поволжья. Одна такая бусина входила в ожерелье в раннем комплексе ДДБК Ребриковка II 1/7 (илл. 133, *57*) (Прокофьев, 2004, с. 282, рис. 27, *8*), низка из лепестковидного бисера (21 шт.) обнаружена в погребении ВДБК – Писаревка II 10/2 (илл. 133, *58*). В последнем комплексе особо ощутимы южные черты, т.к. кроме специфичных предкавказских бус здесь найден полусферический бронзовый колпачок (илл. 39, *V*) – изделие, характерное для комплексов СБВ Северо-восточного Кавказа (илл. 39, *36–45*).

Четыре раза лепестковидные украшения встречены на Северном Кавказе. Дважды они зафиксированы в могильнике Миатли II в кургане 1 погребении 1[93] и кургане 2 погребении 1 (илл. 133, *55, 56*). В первом комплексе находилось более 30 экземпляров этих бус, во втором – одна бусина. Авторы публикации описали бусы как имеющие форму ячменного зерна или зуба с отверстием посередине (Канивец, Березанская, 1959, с. 64, 70, табл. I, *6*, рис. 5, *3*; Канивец, 1959, с. *53*). Два набора из лепестковидных бусин происходят из раскопок Архонского и Чикольского II могильников (илл. 133, *52–54*) [Николаева, Сафронов, 1977] (Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 14, *5*).

невинномысской культуре. В этой связи нет особых сомнений по поводу культурной атрибуции этих украшений.

[93] Кстати, именно здесь присутствует сочетание бронзовых колпачков и лепестковидного бисера, как в комплексе ВДБК Писаревка II 10/2 (илл. 23, *2*).

Эмиссионно-спектральный анализ некоторых экземпляров данного типа украшений лолинской культуры показал, что они сделаны из фаянса (Столярова, 2002, табл. 1, 4; Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007, tabl. 3; Шишлина, Егорьков, Шортланд, 2010, табл. 2). Как пастовую (фаянсовую) определил автор раскопок бусину из погребения ДДБК (Прокофьев, 2004, с. 282). Украшения из Нальчикского могильника, выставленные в экспозиции Национального музея Кабардино-Балкарской республики, имеют белый и голубоватый цвет, т.е., скорее всего, они тоже сделаны из фаянса так же, как и бусы из погребения 31 того же памятника, для которых есть естественно-научные данные по их составу (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, с. 119, 120). Однако микроскопические исследования лепестковидного бисера из комплекса Миатли II 1/1 присулакской группы показали, что он изготовлен из обожженной глины (Канивец, Березанская, 1959, с. 64). В.И. Мамонтов в отчете по Писаревке II 2/10 указал, что бусины были сделаны «из хорошо протертой и обожженной глины» [Мамонтов, 2004]. Изделия из комплекса Невинномысский 1 13/5 названы авторами публикации керамическими (Ильюков, Мячин, 2015, с. 79). Действительно, при визуальном осмотре некоторых лолинских и невинномысских лепестковидных и рожково-бородавчатых бусин коричневатого цвета фиксируется пористая и мажущаяся поверхность. С учетом данных по миатлинским экземплярам можно с известной долей уверенности утверждать, что украшения изготовлялись не только из фаянса, но и из обожженной глины, впрочем, видимо, как и часть бусин других типов, но для точного определения в каждом конкретном случае состава бисера коричневатого цвета, конечно, нужен спектральный анализ[94].

В невинномысской культуре представлен особый тип фаянсовых и керамических бус. Речь идет о специфических изделиях *треугольной формы с отверстием в центре или со смешением к вершине.* Эти украшения происходят из комплексов Невинномысский 1 13/5,6 и Бамут-66 2/7 (илл. 132,

[94] Схожая проблема в определении бус коричневатого цвета существует, например, и для периода энеолита Нижнего Поволжья (Малов, 2008, с. 91).

39–45). Встречаются они в наборах. Л.С. Ильюков и С.В. Мячин, публикуя невинномысские материалы, указывают, что «их отношение к «лепестковидным» бусам – не ясно» (Илькюков, Мячин, 2015, с. 82). Не вызывает сомнения, что данные бусы по форме и сечению отличаются от лепестковидного бисера треугольной формой и плоским сечением. Они представляют собой отдельный специфический вид украшений. На данный момент он представлен только в материалах невинномысской культуры и неизвестен в других посткатакомбных культурах, в том числе и в родственной лолинской. Единичные аналогии этим изделиям есть только в материалах мог. Бельты гинчинской культуры (Виноградов В. Хашегульгов, 1988, рис. 13, *20, 21,* 16, *56*). Дальнейшее накопление источниковой базы покажет, можно ли считать треугольные бусы этнографическим индикатором нового культурного образования.

Специфическими выглядят и *фаянсовые подвески-«медальоны»* из комплекса Георгиевский 3 2/10 (илл. 132, *46–48*). Изделия имеют щиток подовальной или подтреугольной формы и короткую зауженную планку, в которой сделано отверстие для подвешивания, перпендикулярное фронтальному ракурсу щитка. В невинномысской культуре есть и костяные реплики этого вида украшения (см. ниже).

Хорошо представлены в гарнитуре украшений фаянсовые *сегментовидные бусы и пронизи* (илл. 132, *21–38*). Как уже отмечалось, прототипом его могли выступать костяные пронизи с круговой нарезкой, известные с раннего бронзового века. Одна такая костяная пронизь известна и в Невинномысске (илл. 122, *23*). Сегментовидные украшения не обладают такой высокой культурно-хронологической значимостью как бусы с выступами или лепестковидные, а, возможно, и треугольные. В тенденции они характерны для памятников позднего СБВ – начала ПБВ, хотя встречаются и раньше, и позже. Этот тип украшений известен в позднекатакомбных погребениях (Трифонов, 1983, рис. 1, *12*; Державин, 1989, рис. 4, *9*, 17, *5*; Смирнов А., 1996, рис. 41, *5*, 47, *26, 36*; Санжаров, 2005, рис. 2, *18, 19*;

Братченко, 2008, рис. 16, *6*; и др.), представлен в материалах ДДБК (Махно, Братченко, 1977, рис. 3, *5*; Березанская, 1986, рис. 8, *1*, 9, *8*; Прокофьев, 2004, рис. 27, *8*), Лоле (илл. 85, *24–31*) и ВУКГ (илл. 157, *24*) и в комплексах колесничных культурных образований, преимущественно покровских (Ильюков, 1979, рис. 6, *2*, с. 144; Малов, 1992, рис. 5, *1–4*; Кочерженко, 1996, рис. 1, *12, 13*; Памятники срубной культуры…, 1993, табл. 23, *2–4*; Литвиненко, Зарайская, 2004, рис. 10, *3*; Ткачев В., 2007, с. 200, 201, рис. 59, *III*). Иногда они встречаются в памятниках срубной и андроновской культур (Мерперт, 1954, с. 149; Мамонтов, 1981, рис. 3, *11*, с. 25; Литвиненко, Зарайская, 2004, рис. 14, *3*; Дьяченко, Кривошеев, Шинкарь, 2006, рис. 35б; Лопатин, 2010, рис. 15, *4*). Сегментовидные украшения из фаянса известны в Средней Европе в культурах периода Bz A 1–2 (Махно, Братченко, 1977, с. 56; Братченко, 2001, с. 46, 47; Ondrãček, Šebela, 1985, tab. 2, *9*, 3, *14*, 5, *2, 4*, 6, *3*, 12, *15*, 26, *7*, 31, *2*; Kadrow, Machnik, 1997, ryc. 32, *7*, 34, *19*, 39, *22*). Известны они и на Северном Кавказе (Махно, Братченко, 1977, с. 57; Смирнов К., 1951, рис. 13, *3*; Марковин, 1963, с. 66, рис. 9, *17*; 1969, рис. 33, *19, 24*; Ошаев, 1982, с. 33, рис. 1, *14*; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 6, *50*, 12, *31, 32*, 16, *50, 52, 53*; Магомедов Р., 1998, рис. 121, *6*, 125, *23, 24, 35*; Воронин, Малашев, 2006, рис. 36, *6*, 49, *1*). Здесь так же, как и в степи, сегментовидные бусы появляются в начале средней бронзы, но чаще встречаются в памятниках конца СБВ – начала ПБВ).

Известны в невинномысской культуре фаянсовые *бусины приплюснутой бочонковидной формы* (илл. 133, *62, 63*). Они относятся к обоим вариантам по лолинской классификации (см. главу 3). Изделие из комплекса Уашхиту 1 2/28 относится к варианту 1, т.е. обладает сферическим корпусом и едва намеченным манжетным оформлением тулова в месте отверстий (илл. 132, *63*). Бусина из п. 1 к. 2 мог. Калюжный 1 относится к варианту 2, т.к. у нее морфологически оформлен только один входной канал отверстия (илл. 132, *62*). Как уже отмечалось, такие украшения имеют широкое территориальное и хронологическое распространение. Из синхронных культурных образований

можно указать на находки изделий варианта 1 в бабинских и покровских комплексах (Березанская, 1986, рис. 9, *8*; Кочерженко, 1996, рис. 1, *16, 17*; Глебов, 2004, рис. 25, *в*). Эти бусы отчасти напоминают металлические колесовидные бусины, которые известны в лолинской и невинномысской культурах (Мимоход, 2013, с. 203).

Хорошо представлены в гарнитуре невинномысских украшений фаянсовые и керамические *дисковидные, цилиндрические бусы/бисер, длинные гладкие пронизи* (илл. 132, *49–61, 64*, 134, *1–10*). Эти типы украшений характерны для бронзового века и не являются культурно-хронологическими маркерами.

Украшения из кости и зубов животных представлены подвесками, бусами, пронизями (илл. 122, *9–28*).

Керамический и костяные *подвески-«медальоны»* происходят из комплексов Невинномысский 1 13/5,7 (илл. 122, *9–13*)[95]. Выше уже были охарактеризованы фаянсовые реплики этого типа украшений из комплекса Георгиевский 3 2/10 (илл. 132, *46–48*). Размеры костяных экземпляров и фаянсовых приблизительно одинаковые. В качестве аналогий этому типу украшений Л.С. Ильюков и С.В. Мячин приводят каменные подвески и позднекатакомбных погребений Лола I 5/4 и 6/1 (Ильюков, Мячин, 2015, с. 81). Действительно, эти изделия являются каменными репликами фаянсовых, костяных и, возможно, керамического подвесок-«медальонов». Список позднекатакомбных аналогий каменных изделий этого типа можно существенно расширить (илл. 133, *59–67*) (Синицын, 1959, рис. 17, *16*; Синицын, Эрдниев, 1963, рис. 11, *2*, 13, *2*; 1966, табл. 18, *1*; Нечитайло, 1970, рис. 3, *65, 66*; 1978, рис. 41, *5*, 44, *46, 47*; 1979, рис. 14, *5*, 23, *3*, 74, *7*, Сафронов, 1974, рис. 30, *1*, 32, 42, 43; Державин, 1989, рис. 23, *6*; Кияшко, 2002,

[95] Л.С. Ильюков и С.В. Мячин в публикации называют эти подвески керамическими (Ильюков, Мячин, 2015, с. 81). Однако по фотографиям хорошо фиксируется костяное сырье. В отчете почти все изделия этого типа названы костяными, что, видимо, и соответствует действительности [Мячин, 2012, рис. 161, 174, 180]. Возможно, в невинномысской серии керамическим было только одно изделие (илл. 122, *9*), для которого и в отчете указан этот материал [Мячин, 2012, рис. 156].

табл. XXII, *18*). Известны такие подвески-«медальоны» и в кавказских культурах: гинчинской и триалетской (илл. 133, *68–71*) (Гаджиев М.Г., 1969, рис. 22, *3–10*, Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, табл. 73, *610*; Джапаридзе, 1994, табл. 21, 15). Из посткатакомбного контекста аналогии более мелких размеров, чем невинномысские, происходят из материалов ДДБК (илл. 133, *72, 73*) (Березанская, 1986, рис. 8, *1*; Список…, 1988, рис. 9, *12*; Литвиненко, 2007, рис. 2, *13*; 2020г, с. 5).

В комплексе Старомышастовская I 1/20 обнаружена крупная костяная бусина/пронизь с валикообразным утолщением посередине (илл. 122, *28*). По морфологии она соответствует металлическим колесовидным бусинам лолинской и невинномысской культур. Следует отметить, что костяная колесовидная бусина/пронизь, аналогичная нашей, известна в материалах гинчинской культуры (Гаджиев М.Г., 1969, рис. 36, *7*).

Еще две *костяные пронизи* происходят из комплексов Сунжа-90 4/10 и Серегинский 1/14 (илл. 122, *22, 23*). Одна из них гладкая (илл. 122, *22*), вторая имеет кольцевую нарезку (илл. 122, *23*). В последнем комплексе кроме пронизей обнаружены и мелкие *костяные бусы* (илл. 122, *24–27*).

Хорошо представлены в невинномысской культуре *бусы и подвески из зубов животных.* Их можно разделить на три группы. Первую составляют украшения из клыков животных (илл. 122, *19, 20*), вторую – из зубов оленя или их имитаций из кости (илл. 122, *14–18*), третья представлена бусинами из зубов ската (илл. 134, *19*).

Следует отметить любопытную деталь. Клыки животных хорошо представлены в материалах соседней более северной лолинской культуры, однако в ней отсутствуют подвески из зубов оленя, в то время как в Невинномысске эта категория украшений присутствует. Скорее всего, это связано с тем, что ареал невинномысской культуры непосредственно примыкает к лесостепной предгорной зоне, где обитает олень. Это же подтверждают находки подвесок из зубов оленя в ДДБК и ДПБК в

лесостепной и на севере степной зоны (Ковалева, 1988, рис. 3, *1, 2*; Литвиненко, 2009, с. 265, 384; 2019а, рис. 4, *10–12*).

Подвески из зубов и клыков животных являлись довольно распространенным типом украшений во многих культурах бронзового века, поэтому не имеет особого смысла останавливаться на сопоставлениях. Отметим только, что такие украшения на рубеже СБВ-ПБВ регулярно встречаются в памятниках Северного Кавказа и степной, лесостепной и лесной зон. Хорошо представлены они и в европейских памятниках периода Bz A (Machnik, 1967, tabl. VI, *48, 49*; 1987, rys. 29, *32*; Vladár, 1973, tab. XXXIV, *236*; Müller-Karpe, 1974, taf. 529, *1*; Bóna, 1975, taf. 85 и др; Girić, 1984, taf. IX, gr. 235; Bertemes, 1989, taf. 42, *2–17*, 63, *4–9*; Kadrow, 1992, ryc. 44, *7*; Stuchlík, Stuchlíková, 1996, obr. 22, *4*; Bartelheim, 1998, taf. 47, *U7*; Bátora, 1996, s. 64, abb. 2, *1, 2, 5*, 3,2,8; Neugebauer K., Neugebauer J.-W., 1997, taf. 491, *6*, 499, *9* и др.; Furmánek, Kruta, 2002, p. 68; Стефанович, 2006; Doba bronzová, 2008, obr. *15*, 15; и др.).

Особое место в гарнитуре невинномысских украшений занимают *подвески из раковин* (илл. 134, *11–18*). Подавляющее большинство из них имеют округлую форму с маленьким отверстием в центре (илл. 134, *12–18*). Аналогичные подвески представлены в лолинской (илл. 133, *74–77*), гинчинской (илл. 133, *78–81*) и присулакской (илл. 133, *82*) культурах.

Традиция использования в Невинномысске и Лоле украшений из раковин связана с Северо-восточным Кавказом. Для памятников средней бронзы Горного Дагестана и Юго-восточной Чечни находки таких подвесок – явление обычное (Гаджиев М.Г., 1969, рис. 3, *7, 8*, 18, *10, 11*, Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 6, *33–35*, 8, *34*; Магомедов Р., 1998, с. 126, рис. 125, *45, 46, 48–52*). Здесь легко можно найти прямые аналогии по форме и размерам невинномысской серии (илл. 133, *78–81*). Примечательно в этой связи то, что в северных посткатакомбных культурных образованиях (культурный круг Бабино) подвески из раковин с центральным отверстием вообще неизвестны.

В степной зоне все они происходят из предкавказских посткатакомбных памятников.

Неотъемлемой частью гарнитура украшений невинномысской культуры являются *каменные бусы* (илл. 134, *1–10*). Это изделия дисковидной (илл. 134, *1–8*), бочонковидной (илл. 134, *9*), подтреугольной (илл. 134, *10*) форм. Чаще всего для изготовления использовался сердолик, реже гагат и гешир. Как и в лолинской культуре, каменные бусы чаще всего сочетаются с фаянсовыми украшениями.

В целом, гарнитур украшений Невинномысска демонстрирует характерные южные посткатакомбные черты, которые обусловлены связями с кавказскими культурами. При этом в нем же присутствуют и собственные модификации, которые подчеркивают его культурную специфику.

§ 4. Локальные варианты

При достаточно едином облике обрядово-инвентарного комплекса невинномысской культуры, который отличает ее от соседних Лолы и Днепро-Донского Бабино, в его составе можно выделить локальные различия. Как уже было показано, ареал Невинномысска вытянут вдоль Кавказского хребта с юго-востока на северо-запад (илл. 98). Анализ некоторых обрядовых признаков и категорий инвентаря позволяет поставить вопрос о выделении в невинномысской культуре **двух локальных вариантов: юго-восточного и северо-западного**. Приблизительная граница между ними проходит по верхнему течению Кубани с отдельными проникновениями представителей северо-западного варианта на территорию юго-восточного (Чернышевская I 5/274 и Уашхиту 1 2/28) (илл. 98).

Обряд. Для юго-восточного варианта (ЮВВ) характерно более развитое *курганное строительство*. Здесь расположено 79% курганов, где погребения были основными или сопровождались досыпками, в то время как для северо-западного варианта (СЗВ) этот показатель составляет 21% (илл. 99).

Как уже было показано, есть различия в использовании *камня и дерева* при устройстве могильных сооружений. В ЮВВ носители невинномысской

культуры значительно активнее в погребальном обряде использовали камень при сооружении как внутримогильных, так и подкурганных конструкций. В погребальном обряде СЗВ камень вообще не использовался. Здесь значительно чаще, чем в юго-восточном варианте, применяли дерево (илл. 103).

Некоторые различия есть и в использовании *костей животных* в обряде. Так, классический лолинский тип – лопатка МРС и как его вариант лопатка КРС, зафиксирован в пяти невинномысских погребениях. Из них четыре (Калиновский 1/9, Невинномысский 3 6/5, Петровка I 2/1, Бамут-66 2/1) расположены на территории ЮВВ и только один (Общественный I 3/9) в северо-западном ареале (илл. 108). Черепа и их части МРС и КРС обнаружены в пяти комплексах. Ситуация здесь обратная. Четыре комплекса Бураковский 1/6, Курганная группа (2 насыпи) 1/9, Приморско-Ахтарский район, Малаи II 1/16, Челбас 5/3 находятся в СЗВ и только один (Калиновский 1/8) (илл. 108) – в ЮВВ. В целом обрядовые группы Невинномысска достаточно равномерно распределены по ее территории, что свидетельствует о внутреннем единстве культуры. В отношении разделения на локальные варианты очень показательным является локализация ОГ V, которая объединяет погребения в ямах с западной и юго-западной ориентировкой скелетов. Всего известно 13 погребений этой группы. Все без исключения комплексы расположены в ареале СЗВ (илл. 116).

Инвентарь. *Керамическая коллекция* невинномысской культуры выглядит достаточно однородной для обоих вариантов. В ней представлена баночная посуда открытой и закрытой форм (илл. 135, *1–4, 22–25*). В ЮВВ и СЗВ вариантах присутствуют крупные высокие стакановидные банки (илл. 135, *4, 26*). Имеются в керамических комплексах обоих вариантов сосуды с ручками-упорами группы 4 (илл. 135, *8, 27*) характерные для лолинской традиции, но модифицированные в местной среде. Есть в их материалах сосуды группы 6 – округлобокие горшки с коротким цилиндрическим или слегка отогнутым горлом (илл. 135, *14–16, 19, 38, 39*), которые, как было

показано выше, выступают в качестве маркера невинномысского керамического комплекса. Представлены они паритетно как в ЮВВ (илл. 135, *14–16, 19*), так и в СЗВ (илл. 135, *38, 39*). Также характерны для обоих вариантов и сосуды групп 7 и 8. Первая из них объединяет горшки с округлыми плечиками и высоким цилиндрическим горлом (илл. 135, *10, 35, 36*), вторая – сосуды горшковидной округлобокой формы с плавной профилировкой и S-видным профилем (илл. 135, *20, 21, 40–42*). Использовались носителями невинномысской культуры обоих локальных вариантов в погребальном обряде и жаровни (илл. 119, *12, 13*). Следует отметить, что эта традиция была более развита на территории СЗВ.

Таким образом, не вызывает сомнения, что невинномысский керамический комплекс обладает чертами культурного единства. Группы 1, 4, 6–8 являются структурообразующими и представлены в комплексах как ЮВВ, так и СЗВ.

Теперь следует рассмотреть территориальные различия, которые на уровне коллекции посуды, позволяет поставить вопрос о выделении локальных вариантов. В материалах комплексов ЮВВ присутствуют сосуды со сливом группы 2 (илл. 135, *5–7*), которые отсутствуют в погребениях СЗВ. Логичным выглядит наличие в керамической серии в юго-восточной части ареала сосуда с цилиндрическим горлом, крутыми плечиками и зауженным дном с ручкой-упором явно восточноманычского облика (илл. 135, *9*), т.к. именно ВМКК в большей степени была генетическим субстратом для формирования невинномысской культуры ЮВВ. Пока только в материалах рассматриваемого локального варианта известна керамика группы 9, которая включает горшки с укороченным плавно или слегка отогнутым горлом (илл. 135, *11–13, 15*).

В свою очередь, исключительно в комплексах СЗВ представлена специфическая керамическая группа 3, объединяющая сосуды трехчастной формы с выраженным или сглаженным ребром (илл. 135, *28–36*). Очевидно, что четыре горшка из этой группы имеют черты соседней ДДБК (илл. 135, *29–*

33). К ним относятся специфический трехчастный ребристый профиль и выраженное в той или иной мере раструбное горло[96]. Кроме того, имеющаяся орнаментация, в двух случаях многоваликовая (илл. 135, *30, 31*), в одном – характерная прочерченная с вдавлениями по венчику (см. выше) (илл. 135, *29*), также напрямую отсылают к бабинским стандартам. Следует отметить, что посуда с бабинскими чертами обнаружена в погребениях специфических невинномысских обрядовых групп. Так, комплекс Курганная группа (2 насыпи) 1/9 (Приморско-Ахтарский р-н) относится к ОГ VI (яма с подбоем с восточной ориентировкой скелета) (илл. 115, *24*). Эти обрядовые признаки не характерны для Днепро-Донского Бабино, а присущи культурному кругу Лола. В п. 4 к. 1 мог. Белевцы I 1/4 с не прослеженной погребальной конструкцией костяк имел западную ориентировку, что, как и сосуд из этого комплекса (илл. 135, *32*), отсылает к бабинским традициям. Однако скелет лежал не на левом боку, как было принято для бабинских захоронений, а на правом, что характерно для невинномысской культуры. Если оценить удельный вес посуды с выраженными чертами Бабино в керамическом комплексе невинномысской культуры, то он составит 10% от всей керамической серии, куда включены сосуды и их части с установленной морфологией, и локализуются они, как уже отмечалось, только на территории СЗВ. Иными словами, в этой ситуации мы имеем дело с межкультурными контактами носителей невинномысских традиций и соседней северной ДДБК[97]. Только в комплексах СЗВ представлены горшки группы 10, которая объединяет «кубковидные» сосуды плавной профилировки с зауженным или слегка отогнутым горлом с максимальным расширением тулова в середине (илл. 135, *43, 44*).

[96] В свое время сосуд из к. 1 мог. Венцы и комплекс Белевцы I 1/4, Батуринская I 3/2 (илл. 135, *29, 31*) Э.С. Шарафутдинова отнесла к культуре многоваликовой керамики (ныне ДДБК) (Шарафутдинова, 1991, с. 71, рис. 1, *1, 4, 7*).

[97] Выше, на примере керамических комплексов ВДБК и Лолы, уже были рассмотрены ситуации, когда в составе серий оказываются сосуды с чертами соседних культурных образований (см. главы 2 и 3). Невинномысская культура не является исключением, равно как и ВУКГ (см. главу 5).

Определенные тенденции в отношении разделения культуры на локальные варианты выявляет и анализ орнаментации. Общим является присутствие в материалах обоих вариантов единичных сосудов и фрагмента, декорированных тесьмой и шнуром (илл. 135, *18, 41, 44*).

Как уже отмечалось, на керамике СЗВ встречается многоваликовая орнаментация (илл. 135, *30, 31*). Механизм ее появления здесь уже был рассмотрен. Впрочем, следует отметить, что в к. 8 мог. Ореховка, который относится к ЮВВ, тоже обнаружен фрагмент с валиковой орнаментацией (илл. 135, *17*), но сложно сказать, что это была за посуда. Второе важное наблюдение связано с композицией и мотивами орнамента. Здесь выраженной спецификой обладает керамика СЗВ. Для нее характерны одинарные ряды свисающих треугольников, выполненных прочерчиванием или оттисками шнура (илл. 135, *24, 34, 44*). Выше было показано, что подобный декор свидетельствует о генетической связи невинномысской посткатакомбной и батуринской катакомбной культур. В этой связи, неудивительно, что именно в материалах СЗВ присутствует охарактеризованная орнаментация, т.к. эту территорию в предшествующий период занимали носители батуринских традиций.

В целом, следует отметить, что посуда, которая иллюстрирует разделение невинномысской культуры на локальные варианты, составляет не более четверти от всей керамической коллекции, что свидетельствует о ее культурной целостности.

Как и у всех посткатакомбных культурных образований *орудийный металлокомплекс* у Невинномысска скуден, но, тем не менее, и он демонстрирует определенные локальные черты. Так, пока в материалах ЮВВ не представлены листовидные клинки типа 1 по лолинско-невинномысской классификации. Такие экземпляры присутствуют в коллекции СЗВ (илл. 135, *50, 51*). В свою очередь, в комплексах ЮВВ имеются ножи-кинжалы, которые имеют подтреугольное узкое лезвие с выраженной нервюрой с обеих сторон (илл. 135, *45, 47*). Как уже отмечалось, подобные клинки имеют кавказское

происхождение. Такой кинжал есть и в материалах СЗВ (илл. 135, *49*). Один нож пятиугольной схемы типа 2 по невинномысской классификации представлен в коллекции юго-восточного локального варианта (илл. 135, *46*). Следует отметить, что клинок такой морфологии известен в лолинской культуре (илл. 76, *8*). В материалах обоих вариантов присутствуют втульчатые орудия: в СЗВ – это бронзовый крюк (илл. 135, *52*), в ЮВВ – долото (илл 135, *48*). Отдельный интерес вызывает бронзовая накладка для ручки-упора на деревянной емкости из комплекса в северо-западном ареале (илл. 135, *53*). Как уже отмечалось, эта находка, связанная с сосудом чисто лолинской морфологии, отсылает также и к бабинским традициям использования металлических накладок/скреп для оформления деревянной посуды (см. выше).

Особенно ярко различия между локальными вариантами проявляются на примере таких категорий инвентаря *как костяные и роговые пряжки и поясные подвески*. В материалах СЗВ представлены бабинские типы пряжек (илл. 135, *60, 61, 63–67*), которые маркируют все три фазы ПКБ, и одна – покровского облика (илл. 135, *62*). Всего в невинномысской культуре известно 11 пряжек покровско-бабинского облика. Из них десять найдены в комплексах СЗВ (илл. 135, *60–67*) и только одна обнаружена в погребении эпонимного памятника ЮВВ (илл. 135, *59*). Обратная ситуация складывается с локализацией поясных подвесок типа Элиста-Калиновский. Они встречены только в захоронениях ЮВВ (илл. 135, *56–58*) и отсутствуют в комплексах СЗВ. Картографирование поясных пряжек и подвесок хорошо иллюстрирует специфику локальных вариантов (илл. 127).

Также отчетливо локальные различия прослеживаются в гарнитуре *украшений*. Сразу следует отметить, что в количественном и качественном отношении набор ЮВВ (илл. 135, *68–82*) в разы превосходит коллекцию СЗВ (илл. 135, *83–86*). И в том, и другом вариантах присутствуют характерные для посткатакомбных древностей рожковые и бородавчатые бусы (илл. 135, *73, 81, 84*). Симптоматично их распределение. Всего в невинномысской культуре

известно 9 комплексов с этой категорией инвентаря. Из них восемь относятся к ЮВВ (илл. 135, *73, 81*) и только один (Серегинский 1/28) (илл. 135, *84*)[98] – к СЗВ. В материалах обоих вариантов присутствуют фаянсовые сегментовидные бусы (илл. 135, *82, 83*). Целый ряд категорий украшений известен пока только в захоронениях в юго-восточной части ареала. К ним относятся костяные и фаянсовые подвески-медальоны (илл. 135, *68, 75*), фаянсовые треугольные бусы (илл. 135, *80*), бронзовые и сурьмяная колесовидные бусины (илл. 135, *69*)[99], пуговица (илл. 135, *71*), подвески в 1,5 оборота (илл. 135, *76*), скорлупковидная бляшка с двумя отверстиями (илл. 135, *79*), конусовидные подвески (илл. 135, *77*), украшения из раковины (илл. 135, *70*), подвески из клыков и зубов животных (илл. 135, *72, 78*). Заметим, что большинство из вышеперечисленных категорий находят аналогии в соседней лолинской культуре. Однако в комплексах СЗВ присутствуют и самобытные типы (илл. 135, *85, 86*), которые отсутствуют как в Лоле, так и ЮВВ. Есть в последнем варианте украшения (рис. 5, *75, 78, 81*), которых нет ни в СЗВ, ни в лолинской культуре. Следует обратить внимание и на сочетание разнотипных украшений в единых гарнитурах. Так, в захоронениях ЮВВ известны наборы, в которые входят фаянсовые украшения, подвески из клыков и зубов животных, а также украшения из раковин. Подобные сочетания неизвестны в материалах СЗВ, но встречаются в комплексах лолинской культуры. В этой связи, комплексы Чернышевская I 5/274 и Уашхиту 1 2/28 (илл. 110, *2, 3*), которые находятся в ареале СЗВ (илл. 98) и где зафиксированы данные классические гарнитуры, известные в юго-восточном локальном варианте Невинномысска и Лоле, следует рассматривать как инфильтрацию носителей традиций ЮВВ на территорию СЗВ. Это станет еще более очевидным, если учесть, что указанные погребения

[98] К сожалению, в отчете отсутствует рисунок рожкового бисера из этого погребения, но есть подробное описание в тексте: «Каждая бисерина украшена «стеклянной зернью»: по бокам приварены каплевидные ушки глухого серо-зеленого стекла (по 2 на каждой бисерине)» [Лесков, 1984]. Такая характеристика не оставляет сомнения, что здесь мы имеем дело с фаянсовыми бусами с двумя выступами.

[99] Впрочем, костяная реплика этого вида украшений есть в коллекции СЗВ (илл. 135, *86*).

из Чернышевской и Уашхиту (илл. 110, *2, 3*) расположены в Закубанье в непосредственной близости от юго-восточного ареала Невинномысска (илл. 98).

Таким образом, анализ погребального обряда и инвентаря позволяет выделить в достаточно целостной невинномысской культуре два локальных варианта: юго-восточный и северо-западный. Причем, различия между ними, особенно в обрядовом отношении, выражены значительно меньше, чем, например, между локальными вариантами ДПБК (Литвиненко, 2009; 2009а)[100].

Охарактеризованные различия между памятниками невинномысской культуры в юго-восточном и северо-западном ареалах обусловлены двумя основными факторами. Первый из них связан с подстилающим генетическим позднекатакомбным субстратом. Для памятников СЗВ это батуринская и суворовская катакомбные культуры, для ЮВВ – последняя и ВМКК. Прежде всего, это проявляется в отдельных чертах керамического комплекса, о которых говорилось выше. Вторым фактором, более весомым, в формировании локальных различий в невинномысской культуре являются межкультурные контакты. Для ЮВВ – это очевидное влияние, с одной стороны, северо-восточного соседа – лолинской культуры, с другой, кавказских культур. Памятников СЗВ демонстрируют очевидные контакты с северо-западным культурным кругом Бабино. При этом разделение Невинномысска на локальные варианты не стоит абсолютизировать. Культура выглядит достаточно монолитной, а территориальные различия отражают специфические механизмы ее культурогенеза и развития.

§ 5. Периодизация и хронология

Для установления относительной хронологии культуры важную роль играют ***стратиграфические данные.*** По сравнению с остальными образованиями культурного круга Бабино и культурного круга Лола они выглядят явно ограниченными. В курганах невинномысские погребения

[100] В структурообразующих культурах круга Бабино (ДДБК) и круга Лола (лолинская культура) локальные варианты не выделяются.

следуют за катакомбными комплексами. Таких случаев на данный момент известно 23 (илл. 136, 137). Примечательно, что все стратиграфические связки катакомбных и посткатакомбных захоронений расположены на территории ЮВВ. К сожалению, пока нет случаев соотношения в курганах между невинномысскими погребениями и захоронениями батуринской и суворовской катакомбной культур. С учетом локализации стратифицированных курганов в пределах ЮВВ неудивительно, что здесь невинномысские захоронения подстилают погребения ВМКК и родственные ей комплексы ЗМКК (илл. 136, 137), которые, как известно, отражают инфильтрацию западноманычских социумов в восточноманычскую среду в западной части Ставропольской возвышенности.

При определении стратиграфического соотношения невинномысских древностей с погребениями позднего бронзового века, которые представлены в Предкавказье срубной культурой, возникают серьезные проблемы. Дело в том, что на большей части территории ЮВВ срубные погребения отсутствуют (Мимоход, 2014в, с. 613, рис. 1; Борисов, Мимоход, 2017, с. 55; Мимоход, Гак, Борисов, Рябогина, Хомутова, 2020, с. 84). Хозяйственный уклад носителей срубных традиций, основанный на преобладании в стаде крупного рогатого скота, сформировался севернее в период гумидизации климата. Он не соответствовал климатическим условиям полупустынной зоны, хотя в предшествующий посткатакомбный период Северо-западный Прикаспий в условиях сильной аридизации был хорошо освоен носителями лолинской культуры, специализировавшихся на разведении мелкого рогатого скота (Мимоход, 2014в, с. 613; Борисов, Мимоход, 2016, с. 11, 12; 2017, с. 54, 55; 2020, с. 67; Мимоход, Гак, Рябогина, Хомутова, Борисов, 2022, с. 33, 34). На территории СЗВ, природные условия которой существенно отличаются от Северо-западного Прикаспия, т.к. это зона средних сухих и северных степей (илл. 108) с такой крупной водной артерией с развитым бассейном как р. Кубань, памятники срубной культуры представлены (Сорокина, 1985; 1986; 1987; 1987а; 1989; 1995; 2000; 2001; Шарафутдинова, 1989а; 1991, с. 74–79).

Однако, в отношении стратиграфических связок между невинномысскими и срубными комплексами негативным оказывается другой региональный фактор. Как уже отмечалось, для СЗВ, в отличии от ЮВВ, собственное курганное строительство было очень слабо развито. Невинномысские курганы и досыпки здесь единичны. Это же касается и последующей срубной культуры. Как следствие, ввиду фактически тотальной впускной традиции для погребений финала средней – поздней бронзы мы до сих пор не имеем стратиграфических связок между комплексами этих периодов. Тем не менее, опираясь на стратиграфические данные других образований культурного круга Бабино и культурного круга Лола, где нет таких выше охарактеризованных проблем, а также с учетом радиоуглеродных данных (см. ниже) и типологических сопоставлений можно с уверенностью утверждать, что невинномысская культура занимает хронологическую нишу финала средней бронзы. Ее комплексы следуют за позднекатакомбными и, скорее всего, предшествуют позднебронзовым.

Для разработки ***периодизации*** культуры необходимо рассмотреть случаи стратиграфического соотношения между погребениями невинномысской культуры. Всего на сегодняшний день известно 9 курганов, где невинномысские погребения перекрывали друг друга (илл. 138–140).

Особый интерес вызывает соотношение захоронений разных обрядовых групп. Сразу отметим, что пока ни разу в стратиграфические связки не попали погребения ОГ II, IV, V. Это неудивительно, потому что данные группы малочисленные. Зафиксировано соотношение между комплексами ОГ I, III, VI (илл. 140). Из них первые две группы являются самыми многочисленными и формируют наглядный образ невинномысской культуры (см. выше). В четырех курганах зафиксированы стратиграфические связки между захоронениями одной обрядовой группы (илл. 140). Так, в к. 4 мог. Сунжа-90 и к. 3 мог. Калюжный 1 погребения ОГ I следовали друг за другом (илл. 139, 140), а в к. 2 мог. Константиновский 4 и к. 9 мог. Суворовская в такой же ситуации оказываются комплексы ОГ III (илл. 139, 140). Наконец, в. к. 8 мог.

Ореховка захоронения ОГ VI также представляют два стратиграфических горизонта (илл. 139, 140). Это мало что дает для разработки периодизации культуры, можно только констатировать, что существование обрядовых групп имело хронологическую протяженность.

Особое значение имеют соотношение самых многочисленных групп: ОГ I и ОГ III. В трех случаях (к. 1 и к. 3 мог. Калюжный 1, к. 3 мог. Невинномысский 1) погребения первой из них предшествуют захоронениям второй (илл. 138–140) и только в одном случае (к. 9 мог. Суворовская) прослежена обратная ситуация: погребение ОГ III предшествует комплексу ОГ I (илл. 139, 140). Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, погребения обеих групп существовали параллельно, а, с другой, что комплексы ОГ I чаще оказываются более ранними по отношению к захоронениям ОГ III и, возможно, удельный вес первой группы был выше на раннем этапе развития культуры по сравнению с более поздними периодами. Подтверждают этот факт и некоторые инвентарные характеристики (см. ниже): наличие в погребениях «традиции С» (ОГ I) фаянсовой бородавчатой пронизи, двухрожкового бисера, скорлупковидной бляшки с двумя отверстиями (илл. 120, *42*, 132, *1, 6, 7*), которые являются маркерами, перимущественно, фазы ПКБ I.

Отдельный интерес вызывает стратиграфическая позиция захоронений ОГ VI, совершенных в могилах с подбойной конструкцией, особенно с учетом того, что в периодизациях других культурных образований, которые рассматриваются в диссертации, ямы с подбоями (нормальные и редуцированные катакомбы) занимают в стратиграфических колонках ранние позиции, что и обуславливает их расположение в нижних частях периодизационных таблиц (илл. 49, 94). Как было показано выше, ОГ VI в невинномысской культуре является немногочисленной группой (илл. 115, *22–28*) и составляет всего 3% от общего количества погребений. Особенно это бросается в глаза по сравнению с соседней лолинской культурой, где удельный вес могил с подбойной конструкцией составляет четверть от всех

захоронений. Несмотря на ограниченное число комплексов ОГ VI в стратиграфическом отношении погребения этой группы, тем не менее, демонстрируют тенденции, прослеженные по материалам лолинской культуры.

К сожалению, известно пока только два случая, где в стратиграфических связках оказываются захоронения, совершенные в могилах подбойной конструкции. В к. 7 мог. Ореховка захоронение ОГ VI (п. 1) предшествует могиле ямной конструкции (п. 2) (илл. 138). В обоих погребениях скелеты не обнаружены. Принадлежность п. 1 к ОГ VI ввиду специфической конструкции могилы не вызывает сомнения. Могила п. 2 ориентирована в меридиональном направлении, поэтому не исключено, что здесь мы имеем дело с ОГ I. В любом случае в к. 7 мог. Ореховка мы видим предшествование погребения в могиле подбойной конструкции захоронению в яме. В к. 8 того же могильника первый стратиграфический горизонт представлен п. 3 ОГ VI, второй – п. 7 той же обрядовой группы и п. 1, 2, 5 ОГ III (илл. 139, 140). Иными словами, по материалам невинномысской культуры мы видим те же тенденции, что и в лолинской культуре. В стратиграфических связках более архаичный возраст демонстрируют погребения в подбоях по отношению к захоронениям, совершенных в ямах. Однако так же, как и в Лоле, это не означает, что подбойные погребения древнее могил с ямной конструкцией. Нет сомнений, что на ранних фазах развития Невинномысска оба типа погребальных сооружений существовали синхронно, но эволюция шла в сторону утраты катакомбных рудиментов, в том числе и в отношении способов устройства могил. В этой связи, с учетом данных соседней родственной лолинской культуры, есть смыл реконструировать такую же картину эволюции погребальных сооружений и для невинномысских памятников.

В завершении характеристики стратиграфических связок внутри Невинномысска стоит остановиться еще на одной интересной ситуации. Дело в том, что из всех посткатакомбных культурных образований на востоке посткатакомбного мира только невинномысская культура дает

трехступенчатые колонки. Они зафиксированы в к. 13 мог. Невинномысский 1 и к. 5 Невинномысский 3 (илл. 138, 139, 140). К сожалению, их значение для разработки периодизации нивелируется сохранностью комплексов. В к. 13 мог. Невинномысский 1 в первых двух горизонтах хорошо идентифицируются обрядовые группы, но третий горизонт представляет разрушенное захоронение с неустановленной ОГ (илл. 138). Ситуация в к. 5 мог. Невинномысский 3 с сохранностью костяков выглядит еще плачевнее. Здесь из трех горизонтов в первых двух кости скелета переотложены (илл. 139). Можно только очень осторожно по ориентировке ям предположить, что скелеты в них могли быть ориентированы на СЗ и СВ, но доказать это невозможно. Третий горизонт представлен погребением ОГ III с костяком, сохранившем анатомический порядок (илл. 139). Однако охарактеризованные проблемы с составом скелетов, которые не позволяют идентифицировать обрядовые группы в отдельных горизонтах этих двух могильников, не отменяют показательную стратиграфическую раскладку инвентаря (илл. 139), которая позволяет использовать ее при выделении периодов развития невинномысской культуры.

Таким образом, имеющиеся стратиграфические данные и культурно-типологические сопоставления с другими посткатакомбными культурами позволяют разработать трехэтапную ***периодизацию*** невинномысских древностей.

I этап. *Погребальный обряд.* Как и у других посткатакомбных культурных образований (см. главы 2, 3, 5), на стадии формирования у невинномысской культуры наблюдается наибольшая вариативность погребальных традиций. В этот период представлены все обрядовые группы (ОГ I–VI) (илл. 141). Именно к этому этапу относится подавляющее большинство курганов, где невинномысские захоронения были основными. Они сосредоточены, главным образом, на территории юго-восточного локального варианта. Ранние захоронения совершены в ямах и немногочисленных редуцированных катакомбах (илл. 141, *1–17*), т.е. хорошо

прослеживаются рудименты предшествующей эпохи. В ориентировках скелетов присутствуют традиционные для Невинномысска северный и восточный векторы, а также ориентация на юг (ОГ II, IV), которая является архаичной и исчезает уже на втором этапе. В качестве яркого рудимента предшествующей катакомбной эпохи следует рассматривать обнаружение пакетированного скелета в комплексе Ореховка 5/3 (илл. 141, *8*). К числу архаичных признаков можно отнести посыпку всего костяка охрой и стоп (Греки I 2/56,59, Зарево 5 1/1, Николаевский 3 5/6, Украинский 1 8/1, Южный-84 1/3). Особенно четко катакомбное наследие прослеживается в комплексе Чернышевская I 5/81, где на дне могилы недалеко от стоп скелета зафиксированы охристые следы.

Инвентарный комплекс первого этапа очень разнообразен, хотя большинство захоронений сопровождающих вещей не имеет.

В керамической коллекции представлена баночная посуда (илл. 142, *12, 15, 16*), сосуды групп 6–9, составляющие основу невинномысского керамического комплекса (илл. 142, *4–11*). Судя по всему, и сосуды со сливами (илл. 142, *13*) относятся к раннему периоду. На этом же этапе в материалах СЗВ появляется орнаментация в виде свисающих треугольников (илл. 142, *2, 3*), связанных с предшествующим катакомбным субстратом. Присутствует в керамической серии и сосуд с пережиточными восточноманычскими чертами (илл. 142, *1*).

Ранний этап является самым металлоемким как на уровне орудийного комплекса, так и на уровне украшений (илл. 143, *1–20*). В коллекции представлены такие изделия из металла как ножи-кинжалы кавказского происхождения (илл. 143, *1, 3*), листовидный клинок посткатакомбной традиции (илл. 143, *4*) и нож архаичной пятиугольной схемы (илл. 143, *2*). Кроме того, в серии присутствуют втульчатое долото (илл. 143, *5*) и четырехгранной шило (илл. 143, *6*).

Из костяных изделий следует отметить наличие в составе инвентаря крупных кожевенных орудий (илл. 143, *7, 8*), традиция помещения которых в

могилы характерна для фазы ПКБ I. Костяной конус-дзыга (илл. 143, *9*), серия которых представлена в лолинской культуре, также маркирует первый этап Невинномысска, т.к. встречен в ранней обрядовой группе с южной ориентировкой скелета. Из числа поясной гарнитуры к раннему этапу, возможно, относится кольцевидное изделие из к. 1 мог. Праздничный (илл. 143, *10*). Не исключено, что это поясная пряжка бабинской традиции типа 1а по классификации Р.А. Литвиненко, которые также маркируют фазу ПКБ I.

Каменные изделия раннего этапа представлены орудиями типа терочников и пестов (илл. 143, *12*). Кремневые наконечники стрел (илл. 143, *14, 15*), как в лолинской культуре и ДДБК, характерны для первого периода.

Разнообразен и показателен гарнитур украшений начальной фазы. Металлические изделия представлены колесовидными бусинами и их костяной репликой (илл. 143, *11, 21, 22*), коническими подвесками (илл. 143, *16, 17*), подвесками в 1,5 оборота (илл. 143, *23, 24*), фигурной подвеской с обратной петлей (илл. 143, *18*), пуговицей (илл. 143, *20*), скорлупковидной бляшкой с двумя отверстиями (илл. 143, *19*). Последние три категории инвентаря имеют кавказское происхождение. Хорошо представлено на раннем этапе и сурьмяное литье, также связанное с Кавказом. Первый период маркируют костяные и фаянсовые подвески-медальоны (илл. 143, *30–32, 40*), пронизь и фаянсовые бусы с двумя или тремя выступами (илл. 143, *33–39*), а также фаянсовый и керамический лепестковидный (илл. 143, *41–44*) и треугольный бисер (илл. 143, *49–51*). Традиционными для посткатакомбных культурных образований, характерные для всех фаз развития, являются фаянсовые сегментовидные бусы/пронизи (илл. 143, *45–48, 68–70*) и каменные бусины (илл. 143, *52, 72, 85, 86*). На данный момент подвески из раковин и клыков животных характерны только для первого этапа невинномысской культуры (илл. 143, *25–29*). Украшения из зубов оленя известны уже в материалах раннего периода (илл. 143, *53*), и их продолжают использовать на последующих этапах развития (илл. 143, *73, 84*).

II этап. *Погребальный обряд* становится более унифицированным (илл. 141, *21–35*). Сокращается количество обрядовых групп с шести до четырех. Исчезают маргинальные архаичные ОГ II и IV с южными ориентировками скелетов. Погребения еще одной маргинальной ОГ V с западными и юго-западными ориентировками скелетов, которая связана своим появлением с влиянием соседней ДДБК, опосредованным в невинномысской культурной среде, продолжают совершаться и на развитой фазе (илл. 141, *32*). По-прежнему доминируют в количественном отношении самая многочисленная ОГ III и занимающая второе место ОГ I (илл. 141, *21–31*). В развитый период продолжает существовать традиция захоронения в подбойных могилах ОГ VI (илл. 141, *33–35*). Несмотря на то, что в невинномысской культуре все такие могилы относятся к редуцированным катакомбами и в ней отсутствуют глубокие нормальные катакомбы, характерные для Лолы (см. главу 3), тем не менее, можно отметить определенную эволюцию этого типа могил от раннего этапа к развитому. Катакомбы первого периода более глубокие и у них иногда присутствует небольшая ступенька при сопряжении шахты и камеры (илл. 141, *18–20*). На развитой фазе подбойные могилы становятся мельче, ступенька исчезает (илл. 141, *33–35*). Иными словами, мы видим деградацию этого типа могильной конструкции во времени, которая идет по пути утраты структурных черт катакомбного обряда.

Инвентарный комплекс второго этапа развития демонстрирует определенную стандартизацию основных признаков. В керамической серии увеличивается количество баночной посуды (илл. 142, *26–30*). Продолжают свое существование сосуды групп 6–9 (илл. 142, *17–22*). Появляются сосуды с ручками-упорами группы 4 (илл. 142, *23, 24*), которые отсылают к лолинской традиции. Продолжают использоваться в орнаментации композиции со свисающими треугольниками (илл.142, *30*). В керамической коллекции второго этапа появляются единичные сосуды с бабинскими чертами (илл. 142, *25*).

Пока в материалах развитого периода невинномысской культуры не встречены металлические орудия труда. Зато в одном комплексе этого этапа обнаружен уникальный для посткатакомбного мира набор, связанный с бронзолитейным производством, в который входят керамические сопло и тигель-льячка (илл. 143, *54, 55*). Хорошо представлена в погребениях второго этапа поясная гарнитура, которая включает костяные пряжки двух типов (илл. 143, *56–60*). Одна из них относится к типу 2 – кольцевидная с бортиком без дополнительного отверстия (илл. 143, *56*), остальные к типу 2о – с дополнительным отверстием (илл. 143, *57–60*). Эти изделия маркируют фазу ПКБ II.

Из каменных орудий следует отметить изделие из комплекса Невинномысский 3 6/5 (илл. 143, *61*), которое входило в уже упомянутый набор литейщика (илл. 143, *54, 55*). Нет особых сомнений, что этот предмет, обнаруженный в таком контексте, следует рассматривать в качестве орудия металлообработки – абразива (Калмыков, Березина, Гресси, Добровольская 2018, с. 66, 69).

Гарнитур украшений демонстрирует очевидную связь с предшествующим периодом. Из бронзовых изделий продолжают использоваться подвески 1,5 оборота (илл. 143, *62, 63*), а также фаянсовые украшения с выступами (илл. 143, *65–67*). Исчезают двухрожковые экземпляры, использовавшиеся на раннем этапе (илл. 143, *34–37*). Для развитого периода характерны бусы с тремя выступами (илл. 143, *65–67*). При очевидной преемственности обращает на себя внимание серьезное сокращения гарнитура украшений в количественном и качественном отношении от первого ко второму этапу. На развитой фазе невинномысской культуры уже неизвестны, по крайне мере пока, металлические украшения, за исключением подвесок в 1,5 оборота, костяные и фаянсовые подвески-медальоны, подвески из раковин и клыков животных, фаянсовые и керамические лепестковидные и треугольные бусы.

III этап. *Погребальный обряд* эволюционирует по пути окончательной утраты катакомбных пережитков в сторону позднебронзовой традиции. В качестве единственного и уникального из них следует указать на обнаружение в комплексе северо-западного локального варианта Садовый 4/10 четырехколесной повозки (илл. 141, *37*). Как уже отмечалось, для региона практика помещения колесного транспорта в погребения имеет давние традиции со времен новотитаровской культуры. На заключительном этапе невинномысской культуры полностью изживается подбойный обряд захоронения. Количество обрядовых групп сокращается до двух: ОГ I и III (илл. 141, *37–43*), но именно они формируют наглядный образ культуры, о чем говорилось выше. Количественное преобладание этих обрядовых групп на протяжении всего диапазона существования Невинномысска является структурообразующим и связующим для всех этапов развития культуры. Именно эти ОГ на уровне обряда цементируют культурное единство невинномысских древностей на протяжении их четырехсотлетнего развития.

Инвентарный комплекс заключительного периода становится еще более обедненным. В керамической коллекции по-прежнему присутствует баночная посуда (илл. 142, *36, 37*) и горшки группы группы 8, включающей сосуды округлобокой формы с плавной профилировкой (илл. 142, *32, 33*), и близкой ей по морфологии группы 9 (илл. 142, *34*). Сохраняется традиция украшения сосудов налепами (илл. 142, *32*), которая известна с раннего этапа. Несколько больше становится посуды выраженных ребристых пропорций (илл. 142, *31*). Сосуд из комплекса Хоперская 1/10 (илл. 142, *35*) следует рассматривать скорее в контексте покровско-бабинского, а не чисто бабинского влияния, как на развитом этапе. Это хорошо соответствует датировке заключительного этапа невинномысской культуры фазой ПКБ III, когда севернее ее территории фиксируются контакты поздней ДДБК и носителей покровских традиций, которые приводят к формированию синкретических комплексов. На мой взгляд, именно эти взаимосвязи и отражены в морфологии сосуда из Хоперской (илл. 142, *35*).

Металлические изделия заключительного этапа представлены бронзовым втульчатым крюком (илл. 143, *74*), пока единственным в посткатакомбном мире, бронзовой накладкой на деревянной сосуд (илл. 143, *75*) и сурьмяными бусинами (илл. 143, *76*).

Серия костяных предметов включает в себя три типа пряжек, которые характерны для культур ПКБ III. Первый из них объединяет поясные детали бабинской традиции типа 3о по классификации Р.А. Литвиненко. Они имеют изогнутое сечение и два отверстия (илл. 143, *77, 78*). Второй тип – это пряжка покровской традиции также с двумя отверстиями, но с иной системой их расположения (илл. 143, *79*), третий – очень редкий тип поясной гарнитуры в виде костяного кольца (илл. 143, *80*). Четвертая группа представлена поясными подвесками типа Элиста-Калиновский (илл. 143, *81–83*).

Продолжают использоваться простые типы фаянсовых и каменных украшений в виде дисковидных бусин, а также подвески из зубов оленя (илл. 143, *84–86*).

Таким образом, невинномысская культура, как и лолинская, прошла в своем развития три этапа, которые соответствуют фазам ПКБ I–III. В целом, эволюция невинномысского обрядово-инвентарного комплекса демонстрирует те же тенденции, что и Лола. Развитие идет по пути становления основных признаков на раннем этапе, сохраняющим отдельные катакомбные рудименты, стандартизации их на развитом и деградации на позднем, выражающиеся в своеобразном «осрубнении», которое характерно для всех культур фазы ПКБ III.

Линии синхронизации внутри посткатакомбного блока определяются следующим образом (илл. 168). Ранний этап невинномысской культуры синхронен первому периоду *Лолы*. Об этом свидетельствует наличие в инвентаре обоих культурных образований таких культурно-хронологических индикаторов как фаянсовых бус с двумя выступами, лепестковидных бус, подвесок из раковины, металлических колесовидных бусин, крупных костяных кожевенных орудий. Начальная фаза Невинномысска синхронна

ранним этапам *ДДБК* и *ВДБК*. Об этом также свидетельствует наличие в материалах указанных культур двухрожкового и лепестковидного бисера, а также костяных тупиков. Возможно, основанием для предложенной синхронизации может свидетельствовать и кольцевидная костяная пряжка, обнаруженная в к. 1 мог. Праздничный (илл. 33, *14*). Серия таких изделий представлена в материалах ДДБК и ВДБК (илл. 33, *I, 1–12*), где они выступают надежным хронологическим маркером фазы ПКБ I. Наличие костяного конуса-дзыги в невинномысском комплексе (илл. 123, *I*) также является основанием для синхронизации. Серия таких предметов известна в лолинской культуре (илл. 123, *1–7*), преимущественно первого этапа. Изредка встречаются они в ранних погребениях ДДБК (илл. 123, *8, 11*). Для установления одновременности первых этапов Невинномысска и *волго-уральской культурной группы* следует использовать случаи обнаружения в захоронениях обоих культурных образований орудий типа тупиков и стругов (илл. 159, *I, 3*) и костяных пряслиц (илл. 122, *5*, 157, *14*). Как уже не раз отмечалось, традиция помещения этих изделий в погребения характерна для фазы ПКБ I.

Второй этап невинномысской культуры синхронен развитому этапу Лолы. В материалах обоих образований присутствуют фаянсовые рожковые и бородавчатые бусы. В Невинномысске пока неизвестны фигурные пряжки кавказской традиции, которые характерны для лолинских древностей раннего и развитого периодов (илл. 79, *1–9*), поэтому, к сожалению, механизм синхронизации Лолы и невинномысской культуры через такую емкую в хронологическим отношением категорию инвентаря как поясные пряжки, в данном случае не работает. Однако эта проблема решается через синхронизацию второго этапа невинномысских древностей с развитыми этапами ДДБК, ВДБК и первым этапом ДПБК. Надежными свидетельствами одновременности развитых периодов всех этих культур является присутствие в их материалах костяных кольцевидных пряжек типа 2 прямых в сечении с одним отверстием и бортиком вокруг него. В невинномысской культуре

известно одно такое изделие в одном из эпонимных могильников (илл. 33, *37*). Серия однотипных поясных деталей представлена в комплексах бабинских культур (илл. 33, *II, 27–36*). Р.А. Литвиненко развитый период ДДБК на основании типологии пряжек делит на два периода IIА и IIБ (Литвиненко, 2016а, рис. 1; 2018, рис. 1; 2020, рис. 1). Для первого характерны пряжки типа 2, для второго – изделия типа 2о, которые также имеют прямое сечение и бортик вокруг центрального отверстия, но в отличие от типа 2 снабжены дополнительным малым отверстием. В невинномысской культуре присутствуют изделия обоих типов, причем, большинство составляют поясные детали типа 2о (илл. 125, *I*). Иными словами, второй этап невинномысской культуры синхронен периодам IIА и IIБ Днепро-Донского Бабино по периодизации Р.А. Литвиненко. В развитии днепро-прутской бабинской культуры исследователь выделяет два периода I и II. Последний по типологии пряжек делится на периоды IIА и IIБ (Литвиненко, 2009, рис. 159, 180). Период I маркируется пряжками типа 2 (илл. 33, *33–36*), а период IIА – изделиями типа 2о (илл. 125, *7–12*). Получается, что второй этап невинномысской культуры соответствует периодам I и IIА периодизации ДПБК. В хронологических схемах Р.А. Литвиненко развития ДДБК и ДПБК, основанных на типологии пряжек, имеется некоторое противоречие. Пряжки типа 2о в Днепро-Донском Бабино маркируют период IIБ, т.е. рассматриваются в рамках одного периода с пряжками типа 2 (IIА). В периодизации ДПБК изделия типа 2 характерны для периода I, а предметы типа 2о, рассматриваются в рамках периода II его ранней фазы IIА, период IIБ маркирован пряжками типа 3 с двумя отверстиями и изогнутых в сечении (илл. 125, *1–12*). Последний тип в ДДБК представляет период III. С опорой на периодизацию ДДБК логичнее было бы интервал Днепро-Прутского Бабино делить на этапы I и IА, с типами пряжек 2 и 2о соответственно, и этап II с изделиями типа 3, который соответствует периоду III ДДБК (илл. 168). В любом случае, несмотря на некоторые нюансы культурно-хронологических

сопоставлений можно уверенно утверждать, что пряжки 2 и 2о Невинномысска, ДДБК и ДПБК синхронны в рамках фазы ПКБ II (илл. 168).

Прямых данных для синхронизации развитого этапа невинномысской культуры с заключительным этапом ВУКГ пока нет. Это отчасти связано с тем, что эти культурные образования не граничат друг с другом. Синхронность соответствующих этапов устанавливается с помощью перекрестной привязки через лолинскую культуру (см. главу 5).

На фазе существования посткатакомбного блока (ПКБ III) ВДБК и ВУКГ уже не существовали (см. главы 2 и 5). Третий этап Невинномысска синхронен позднему периоду Лолы (илл. 168). Весомым доказательством этого служат случаи обнаружения в погребениях обеих культур поясных подвесок типа Элиста-Калиновский (илл. 126, *I, 1–4*), которые являются надежным культурно-хронологическим индикатором фазы ПКБ III. Также уверенно можно обосновать синхронность заключительного этапа невинномысской культуры и поздних периодов ДДБК и ДПБК. Основанием для этого являются пряжки бабинской традиции типа 3 овальной формы, изогнутые в сечении с двумя разновеликими отверстиями (илл. 125, *II*). Серия таких изделий происходит из комплексов третьего периода Днепро-Донского и Днепро-Прутского Бабино (илл. 125, *13–24*). Помимо этого, в пользу одновременности завершающих периодов невинномысской культуры и ДДБК являются находки колец-пряжек в комплексе Невинномысский 3 7/19 (илл. 125, *III*) и Кирпичный Бугор п. 3 (илл. 125, *25*). В последнем случае позднебабинская атрибуция пряжки хорошо подтверждается и стратиграфическими данными, т.к. погребение с ней перекрывает раннепокровское захоронение (Отрощенко, 2001, мал. 22). Обнаружение этого редкого типа кольца-пряжки в покровском захоронении в Подонцовье (илл. 125, *26*) также хорошо аргументирует эту линию синхронизации. Одновременность поздних невинномысских и покровских древностей подтверждается и случаем обнаружения в комплексе Адагум 1 7/3 пряжки покровской традиции (илл. 125, *IV*), у которой есть хорошие аналогии в

захоронениях начала поздней бронзы (илл. 125, *27–29*). Вероятно, в качестве свидетельства синхронности заключительного периода невинномысской культуры и колесничных памятников можно использовать и бронзовый нож из к. 1 мог. Динская 29 (илл. 120, *2*, 121, *II*). Он находит убедительные аналогии в покровских и потаповских погребениях (илл. 121, *15–19*). Поясные детали из Адагума и Невинномысска (илл. 125, *III, IV*) и динской нож (илл. 121, *II*) – это артефакты одного хронологического периода. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что поздненевинномысские, позднебабинские и покровские памятники синхронны в рамках фазы ПКБ III (илл. 168).

Радиоуглеродная хронология невинномысской культуры находится в стадии становления. На сегодняшний день известно пока всего 4 даты, выполненных в трех лабораториях (Ki, $IGAN_{AMS}$, MAMS) (табл. 6.2) (илл. 144). Из них две – это LSC-даты (табл. 6.1, *1, 2*) и две – AMS-датировки (табл. 6.1, *3, 4*). Делать какие-либо выводы на основании единичных данных, конечно, преждевременно, но все же стоит прокомментировать имеющуюся сейчас ситуацию. Результат суммирования радиокарбонных датировок невинномысской культуры с вероятностью в одну сигму дает интервал 2030–1690 CalBC (илл. 174). В целом этот диапазон соответствует радиоуглеродной хронологии блока посткатакомбных культурных образований (см. главу 6). В то же время нельзя не обратить внимания, что указанный отрезок явно тяготеет в сторону верхней границы времени существования посткатакомбной эпохи. С учетом единичности невинномысских дат, которые вряд ли на сегодняшний день можно подвергать серьезному анализу, все же следует отметить одну показательную особенность этой выборки (табл. 6.2). Дело в том, что из четырех анализов невинномысской культуры три сделаны по комплексам ее заключительного этапа (табл. 6.2, *1–3*). Это надежно документируется находками в комплексах Садовый 4/10 и Адагум 1 7/3 костяных пряжек позднебабинской и покровской традиций (илл. 110, *9*, 113, *13*), которые датируются фазой ПКБ III (илл. 238). Все одни

укладываются в компактный диапазон XX–XVII вв. до н.э. (табл. 6.2, *1–3*). Более архаичный комплекс Невинномысский 3 6/5 (илл. 114, *8*) справедливо отнесен коллегами ко второму этапу развитию лолинских древностей (Калмыков, Березина, Гресси, Добровольская, Бужилов, 2018, с. 69), т.е. к фазе ПКБ II. Интервал его даты не уходит в начало XXII в. до н.э. (2200 CalBC), который является отправной точкой отсчета возникновения посткатакомбного мира (см. главу 6), а располагается в диапазоне 2025–1962 CalBC (табл. 6.2, *4*, илл. 144, *4*), что действительно соответствует фазе ПКБ II. Иными словами, в подборке пока единичных дат Невинномысска нет ни одного анализа из комплексов его раннего этапа (фаза ПКБ I), что прямо и сказывается на диапазоне суммирования (илл. 174), который обусловлен не только зачаточностью источниковой базы ^{14}C данных, но и тем, что в фокус датирования пока не попали погребения развитого и позднего периодов этой культуры.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук

На правах рукописи

Мимоход Роман Алексеевич

Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира

Исторические науки:
5.6.3 – археология

диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 2

Москва - 2022

Содержание

Глава 5. Волго-уральская культурная группа…….....4

***§ 1. Территория*……....4**

***§ 2. Погребальный обряд*…….6**

***§ 3. Характеристика погребального инвентаря и сопоставительные материалы*……...25**

***§ 4. Периодизация и хронология*……...43**

Глава 6. Блок посткатакомбных культурных образований в системе хронологии западной части Старого Света……51

***§ 1. Линии синхронизации*…….....52**

***§ 2. Радиоуглеродная хронология*……...94**

Глава 7. Культурогенез на востоке посткатакомбного мира: не только там и не только об этом…….113

***§ 1. Блок посткатакомбных культурных образований (решение проблемы)*……...113**

***§ 2. Культурный круг Бабино и культурный круг Лола: различия в единстве*……122**

***2.1. Культурный круг Бабино*……....123**

***2.2. Культурный круг Лола*……128**

***2.3. Различия в единстве*……132**

***§ 3. Миграции, культурогенез и палеоклимат*……..144**

***3.1. Культурный круг Лола и кавказская миграция*……...147**

***3.2. Культурный круг Бабино и европейская миграция*……157**

***3.3. Средневолжская абашевская культура и культура колоколовидных кубков: наброски к семейному портрету*….176**

***3.4. Палеоклимат и миграции в контексте причинно-следственной связи*……201**

***§ 4. Металлопроизводство в конце III – начале II тыс. до н.э., причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве Юга Восточной Европы*……....226**

***§ 5. Очерк о войне в посткатакомбном мире*……..…..233**

***5.1. Военные конфликты по материалам погребальных памятников*……..234**

***5.2. Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира?*.....248**

***5.3. Динамика развития, культурная специфика и хронология военных конфликтов*……..261**

***§ 6. Посткатакомбный мир и культурогенез начала поздней бронзы*……..…….272**

Заключение…….297

Глава 5. Волго-уральская культурная группа

§ 1. Территория

На данный момент известно 58 погребений ВУКГ из 36 могильников (табл. 1.4).

Подавляющее большинство погребений расположено на территории Волго-Уралья (илл. 145). Именно она и стала эпонимной при выделении этой культурной группы (Мимоход, 2010а). Отдельные комплексы расположены на правобережье Волги и волго-донском междуречье, в месте наибольшего сближения рек (илл. 145). В системе современного административного деления погребения ВУКГ находятся на территории Оренбургской, Самарской, Саратовской, Волгоградской, Астраханской областей и Республики Калмыкия. Ряд памятников (Восточно-Курайли 1, Учебный полигон, Щилисай II) расположены в примыкающих к Оренбуржью районах Северного Казахстана (илл. 145). На правобережье Волги памятники находятся в Сарпинской низменности, на Приволжской возвышенности, на левобережье – в Низком Заволжье и распространяются дальше на восток по территории Общего Сырта.

Северная граница основного ареала ВУКГ располагается в лесостепной зоне севернее и в районе Самарской Луки (Хрящевка 2/1,2, Грачевка II 5/3, Красносамарский I 1/2, II 1/2, Утевка I 1/2). Восточный рубеж находится в бассейне среднего течения р. Урал и маркирован комплексами Новый Кумак 25/12–14, Щилисай II 2/2, Восточно-Курайли 1 1/1, Учебный полигон п. 3. Не исключено, что южная граница ВУКГ находится на территории Северного Казахстана, но этот вопрос требует дальнейшего изучения. На территории России она расположена в низовьях Заволжья. Естественной западной границей является Волга (илл. 145).

Как уже отмечалось, отдельные комплексы ВУКГ встречаются на правобережье Волги (илл. 145). В количественном отношении они составляют 1,8% от всех погребений группы. На этом основании нет смысла включать эту

территорию в основной ареал ВУКГ. Наличие в Приволжье единичных погребений является не более, чем результатом спорадической инфильтрации отдельных групп волго-уральской традиции в западный ареал Волго-Донского Бабино. Если сравнить закономерности территориального распределения памятников ВУКГ и ВДБК в Волго-Уралье, то получится интересная картина. Большинство посткатакомбных памятников располагается на левобережье Волги в пределах Волгоградской и Саратовской областей. В количественном отношении здесь явно доминируют погребения Волго-Донского Бабино (илл. 1, 145). Сравнительно неплохо посткатакомбные древности представлены и в Самарском Заволжье. Здесь наблюдается количественное равенство комплексов ВУКГ и ВДБК (илл. 1, 145). Глубинные степи Волго-Уралья были освоены значительно хуже. Погребения здесь немногочисленны, тяготеют к водным артериям. На этой территории количество погребений ВУКГ в три раза превышает количество комплексов ВДБК (илл. 1, 145). Очевидно, что глубинные степи волго-уральского региона не входили в основной ареал Волго-Донского Бабино. Здесь мы имеем единичную инфильтрацию носителей ВДБК с территории соседнего Заволжья. Такую же ситуацию можно наблюдать на примере лолинской культуры, когда на левый берег Волги проникают единичные группы ее населения (2 комплекса) (илл. 56). А вот для ВУКГ глубинные степи Волго-Уралья, без сомнения, являлись основным регионом распространения (илл. 145). Здесь расположена треть всех ее погребений. Этому есть логическое объяснение. Дело в том, что лолинская культура, дериватом которой является ВУКГ (Мимоход, 2010а; 2013, с. 327, 331; 2018, с. 143; 2021а, с. 332–337), существовала в полупустынных степях Северо-западного Прикаспия, которые по своим природно-климатическим особенностям близки волго-уральским. В результате коллективы ВУКГ оказались более приспособленными к адаптации в глубинных степях Волго-Уралья, чем носители ВДБК. Однако степень освоения этого ареала и численность ее населения оказались значительно ниже, чем на исходной лолинской территории. Этот факт имеет свое

объяснение в контексте культурно-генетических процессов на заре становления культурного круга Лола (см. главу 7).

§ 2. Погребальный обряд

Курганы ВУКГ в отличие от ВДБК и лолинской культуры никогда не образуют скоплений в курганных группах и не представлены в обособленных могильниках. Как правило, курган, возведенный носителями волго-уральских традиций, был одиночным в составе инокультурного могильника. Насыпи небольшие высотой до 1 м, диаметром не более 20 м. Никаких дополнительных конструкций из камня или дерева в курганах не зафиксировано. Также нехарактерны и внемогильные комплексы. Только один раз (Светлое Озеро к. 1) обнаружена так называемая «тризна», представленная фрагментами посуды в насыпи.

Как и в ВДБК, в ВУКГ известен и *безкурганный* обряд погребения. В материалах масштабного грунтового могильника Смеловка (Лопатин, 2010) присутствует серия из 7 погребений волго-уральской группы. Основные захоронения составляют 32,7% от всех курганных погребений, погребения с досыпками – 4%, остальные впускные. Как видно, эти показатели превышают соответственные данные лолинской культуры и сопоставимы со статистикой по ВДБК.

Распределение погребений по секторам кургана выявляет следующие закономерности (илл. 146). Как обычно, для устройства основных и с досыпками погребений использовалась центральная часть кургана. Однако в отличие от лолинской (илл. 58, *1*), а тем более невинномысской (илл. 102) культур, у которых для сооружения погребений, связанных с курганным строительством, кроме центральной части активно использовалась южная половина насыпи, в ВУКГ, наоборот, более предпочтительной оказывается северная часть кургана (илл. 146). В качестве закономерности, которая отличает волго-уральскую группу от других составляющих культурного круга Лола и ВДБК, следует отметить отсутствие захоронений в западном секторе кургана (илл. 146).

Могильные сооружения представлены следующими разновидностями.

Группа А. Могилы ямной конструкции.

Тип 1 – это обычная яма. Могилы такой конструкции составляют 54% от всех погребений с установленной формой погребальных сооружений. Этот показатель очень близок статистике по лолинской культуре и серьезно отличается от данных ВДБК и ДДБК (см. главу 2). По этому параметру хорошо видно, что ВУКГ относится к культурному кругу Лола. Ямы имеют овальную или подпрямоугольную форму. Длиной 1,8–1,3 м, шириной – 0,7–0,9 м.

Тип 2 представляют собой ямы с заплечиками. В ВУКГ известно три таких комплекса (илл. 153, *7–9*), что составляет 8,1%. Это довольно глубокие конструкции 2–2,5 м. Так же, как у Лолы и ВДБК, заплечики расположены в нижней части ямы и предназначались для укладки перекрытия. Об этом свидетельствует каменный заклад на заплечиках могилы комплекса Имангулово II 5/3 (илл. 153, *8*). В п. 15 к. 1 мог. Заливский в разрезе ямы заплечики не фиксируются (илл. 153, *9*). Однако, судя по глубине ямы, плану погребения и по разрезу, они тоже, скорее всего, были, но обвалились. По такому признаку как «глубина могилы» волго-уральские погребения стоят значительно ближе к лолинским ямам с заплечиками, которые достигали глубины 4–5 м (илл. 67), чем к захоронениям ВДБК, которые были мельче погребений ВУКГ.

Группа Б. Могилы с подбойной конструкцией составляют 32,4% от всех погребений с четко установленной конструкцией могил.

Тип 1 – погребения в нормальных катакомбах (илл. 153, *4, 5*). В отличие от лолинской культуры в ВУКГ это редкий тип могил, как и в ВДБК. Он встречен только на одном памятнике – грунтовом могильнике Смеловка. Здесь п. 9 и 12 совершены в могилах глубиной более 1,5–2 м, ступеньки в месте перехода входной ямы достаточно высокие – 0,5–0,7 м. Форма катакомб – н-видная.

В *тип 2* объединены погребения, совершенные в редуцированных катакомбах (илл. 153, *3, 6*). Их большинство. Они составляют 83,3% от всех

подбойных захоронений. Все волго-уральские подбойные могилы типа 2 имеют н-видную форму, глубина их не превышает 1,5 м, а большинство могил значительно мельче этой отметки. Ступенька либо фактически отсутствует (илл. 153, *3*), либо ее высота не превышает 10–15 см (илл. 153, *6*).

Картографирование погребальных конструкций обеих групп показывает, что ямы и подбойные могилы в целом равномерно распределены по ареалу культурной группы (илл. 147). Единственная закономерность, которая бросается в глаза, это отсутствие подбойных могил группы Б на правобережье Волги. Однако количество погребений на этой территории составляют всего 12,3% от всех погребений ВУКГ, поэтому это наблюдение не стоит абсолютизировать.

Внутримогильные конструкции представлены деревянными и каменными перекрытиями, каменными закладами и каменным ящиком. Эти конструктивные элементы зафиксированы в 12,3% комплексов от всех погребений. Известны деревянные перекрытия как поперечные, в том числе мощный накатник (Перевозинка 2/32), так и продольное (Утевка I 1/2). Каменное перекрытие зафиксировано один раз в комплексе Имангулово II 5/3. Здесь перекрытие из крупных известняковых плит лежало на заплечиках (илл. 153, *8*). В двух подбойных могилах (Щилисай II 2/2 и Новый Кумак 25/14) были зафиксированы каменные заклады входов в катакомбы (илл. 154, *22, 23*), еще в одном комплексе (Перевозинка 2/31) вход в подбой был закрыт бревнами (илл. 155, *11*). Причем, в последнем комплексе кроме заклада было зафиксировано деревянное перекрытие входной ямы. Однажды в могилу был установлен каменный ящик (Новый Кумак 25/12) (илл. 163). Примечательна локализация погребений с каменными конструкциями (Новый Кумак 25/12,14, Щилисай II 2/2, Имангулово II 5/3). Все они расположены на восточной периферии ареала ВУКГ (илл. 145), а три из них – в пограничье Казахстана и России. Эти территории богаты выходами камня.

Погребения культурной группы одиночные. Только один раз было зафиксировано *парное* захоронение (5,7%). В комплексе Светлое Озеро 1/1

обнаружены скелеты взрослого и ребенка (илл. 153, *3*). Статистика по коллективным захоронениям ВДБК, лолинской культуры и ВУКГ фактически совпадает (см. главу 2).

Положение скелета. Носители волго-уральских культурных традиций укладывали умерших скорченно на левом и правом боку. Особую группу представляют захоронения, совершенные в сидячей позиции или ее имитации. Левобочное положение скелета было доминирующим. Погребения с такой позицией составляют 64,3% от всех захоронений, комплексы с положением на правом боку – 16%, сидячие погребения – 19,6%. Следует отметить, что в ВУКГ количество правобочных погребений более чем вдвое превышает соответствующий показатель родственной лолинской культуры и значительно ближе стоит к показателям невинномысской культуры (21,8%). Если в Лоле такое положение скелета можно расценивать как отклонение от нормы, то для волго-уральской группы и Невинномысска оно входит в число второстепенных признаков обрядового комплекса.

В половине погребений скелеты имели среднюю *скорченность* – 45,8%. Умершие в сильно скорченной позиции составляют 32% от всех захоронений с установленной степенью скорченности, слабо скорченные костяки – 8%. По этому признаку ВУКГ демонстрирует фактически те же закономерности, что и лолинская культура (см. главу 3).

Очень показательна *ориентировка* умерших. Здесь полностью доминирует южный сектор (илл. 148). Именно эти векторы являются основным элементом наглядного образа культурной группы. Особенно это касается юго-западного направления. Погребения, где умершие лежат головой на юго-запад составляют почти половину от всех погребений с установленной ориентировкой скелетов. Если сравнить данные ВУКГ с родственной ей лолинской культурой, то получится выразительная в культурном отношении картина. В пропорциональном отношении основные векторы ориентации скелетов Лолы и волго-уральской группы оказываются прямо противоположными. В первом случае доминируют северные направления,

особенно северное и северо-восточное (илл. 59), во втором южные, особенно юго-западное и южное (илл. 148). Такие кардинальные различия обусловлены особенностями культурогенеза ВУКГ и хорошо иллюстрируют ее культурную специфику.

В *положение костей рук* скелета можно выделить 7 вариантов (илл. 149, *1*).

1 – поза адорации, когда обе руки согнуты в локтевых суставах под острым углом, кисти находятся перед грудью или лицом.

2 – левая рука согнута в локтевом суставе под острым углом, кисть находится перед лицом, правая рука согнута под прямым углом так, что кисть находится у локтя левой руки.

3 – обе руки согнуты в локтях под прямым углом, предплечья находятся в районе живота и параллельны друг другу.

4 – обе руки вытянуты вдоль туловища к коленям.

5 – левая рука вытянута вдоль тела к коленям, правая согнута под прямым углом, ее кисть находится в районе локтя левой руки.

6 – одна рука согнута под острым углом, ее кисть находится перед лицом, вторая вытянута вдоль тела.

7 – обе руки согнуты в локтях под острым углом, но не находятся вместе, как при адоративной позиции, а разведены в разные стороны. Такое положение рук напоминает так называемую позу «оранта».

Анализ количественного соотношения погребений с разными вариантами положения рук показывает, что в ВУКГ абсолютно доминирует вариант 1 – адоративная позиция (илл. 149, *2*). Погребения с таким положением составляют 74,3% от всех комплексов с установленной позицией рук. В остальных вариантах представлено всего по одному погребению, за исключением варианта 6, который зафиксирован в пяти захоронениях. Несложно заметить, что варианты 2, 3, 6, 7 близки адоративному положению (вариант 1). Это позиции так называемой «нарушенной адорации». Варианты 4 и 5 – катакомбные позиции, которые в ВУКГ являются рудиментами

предшествующей эпохи. Если сгруппировать все варианты в две группы: в новую посткатакомбную с адоративными вариантами 1–3, 6, 7 и рудиментарную катакомбную (варианты 4, 5), то статистическая картина будет ярко иллюстрировать посткатакомбное содержание волго-уральской группы. Погребения первой группы составляют 95%, второй всего лишь 5%. Ситуация с количественным распределением вариантов положения рук в ВУКГ принципиально схожа с той, что зафиксирована в лолинской и невинномысской культурах (см. главы 3 и 4), с той лишь разницей, что в волго-уральской группе удельный вес адоративной позиции и близких к ней вариантов оказывается еще выше. Такое структурное сходство, безусловно, является одним из важных оснований объединения этих трех культурных образований в культурный круг Лола.

В погребальном обряде ВУКГ использовались органические *подстилки, охра, сера*.

Достаточно часто в захоронениях ВУКГ встречается *охра* – в четверти погребений. Это в два раза больше, чем в лолинской м невинномысской культурах и ВДБК. Отличаются и зоны ее использования. В Лоле, Невинномысске и Волго-Донском Бабино чаще всего окрашивалась область черепа. В ВУКГ эта зона по частоте встречаемости занимает второе место (28,6% от всех погребений с охрой), а на первом находится зона ног и стоп (42,8%). Встречается охра как в виде пятен, так и отдельными комочками, и кусками.

В погребениях ВУКГ так же, как в Лоле зафиксированы случаи использования *серы и желтых пигментов*. Причем процентное соотношение таких погребений очень близкое: в волго-уральской группе – 3,6%, в лолинской культуре – 3,1%. В ВДБК этот показатель составляет 0,5%. Очевидно, что этот обрядовый признак более характерен для культурного круга Лола, чем бабинских культур.

Подстилки в ВУКГ органического происхождения, изготовлялись из камыша, коры, травы. Погребения с этим элементом погребального убранства

составляют 10,7% от всех погребений. Эта цифра заметно ниже соответствующих показателей Лолы, ВДБК и Невинномысска.

В погребениях волго-уральской группы периодически встречаются *следы горения*. Они представлены скоплениями золы и угля и их вкраплениями. Захоронения с этим элементом обряда составляют 14% от всех комплексов. Это достаточно высокий показатель. Для сравнения в соседних культурах ВДБК и Лоле эти данные соответственно – 6,9% и 3,1%. Похоже, что роль огня в погребальном ритуале ВУКГ играл более значимую роль по сравнению с другими посткатакомбными культурами. Это станет еще более очевидным, если учесть, что в основном ареале ВУКГ, т.е. в Волго-Уралье следы горения встречаются в четверти всех захоронений. Таким образом, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что использование огня в обряде относится к числу пусть не самых значимых, но, тем не менее, культурно-определяющих признаков.

Как уже отмечалось в предыдущих главах, *кости животных* в посткатакомбных культурных образованиях являются культурно-хронологическими индикаторами. Такие погребения (17 комплексов) в ВУКГ составляют 30,4% от всех погребений. Этот показатель близок данным лолинской культуры и в два раза ниже ВДБК. Подавляющее большинство костей принадлежит МРС – 70,6% от всех комплексов с КЖ, кости КРС встречены в 23,5% погребений. В двух захоронениях обнаружены кости лошади (Смеловка гр. мог. п. 12, Быково I 16/12) и в одном – ноги лисицы (Быково I 15/2).

Комплексы с КЖ были разбиты на типы в зависимости от анатомического и видового состава костей.

Тип 1. Кости ног МРС (илл. 154, *3, 25, 26*, 155, *9, 10*) чаще всего встречаются в погребениях ВУКГ. Известно семь комплексов, что составляет 41,2% от всех погребений с КЖ. Этот тип характерен для ВДБК (см. главу 2), но является и самым распространенным в волго-уральской группе.

Тип 2. Лопатки МРС (илл. 154, *3*, 154, *17*) зафиксированы в четырех погребениях (23,5%). Это лолинский тип, поэтому его наличие в ВУКГ вполне закономерно.

Тип 3. Кость ноги лошади (илл. 153, *5*) также найдены в двух комплексах.

Остальные типы обнаружены только по разу.

Тип 4. Кости ног КРС (илл. 155, *8*).

Тип. 5. Ребра КРС (илл. 153, *4*).

Тип 6. Череп КРС (илл. 154, *4*).

Тип 7. Череп МРС (илл. 154, *4*).

Тип 8. Нижние челюсти МРС (Быково I 16/12)[1].

Тип 9. Ноги лисицы (Быково I 15/2).

ВУКГ, как и выше охарактеризованные культурные образования, демонстрирует посткатакомбные традиции размещения КЖ в могилах. Главная из них это приуроченность к скелету (илл. 150). Катакомбные позиции, когда комплексы с КЖ отделены от тела, встречаются редко и являются рудиментами предшествующей эпохи. Вторая посткатакомбная черта – это размещение костей у рук умершего, в районе кистей и плеч. Здесь чаще всего размещаются кости ног МРС. Расположение лопаток МРС в ВУКГ в отличии от лолинской культуры демонстрирует другие закономерности. В Лоле стандартное размещение этого типа – в районе предплечья и локтевого сустава. Здесь находится подавляющее большинство лопаток МРС (Мимоход, 2013, с. 43, илл. 23, *6–9*). В ВУКГ из четырех комплексов у кисти руки лопатка располагалась только в одном погребении. В остальных случаях они находились в отдалении от скелета в районе ног (илл. 150), а в комплексе Новый Кумак 25/14 лопатка МРС находилась в заполнении входной ямы и в древности, вероятно, лежала на перекрытии (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, с. 11). Носители волго-уральских традиций при использовании этого

[1] Они найдены в заполнении могилы.

посткатакомбного типа с КЖ предпочитали помещать их в катакомбные зоны, это также связано с процессами культурогенеза ВУКГ, равно как и наличие катакомбных типов 6 и 7 (черепа МРС и КРС) в катакомбных позициях в комплексе Грачевка II 5/3 (илл. 154, *4*).

Интересные закономерности выявляет картографирование погребений с разными типами КЖ (илл. 151). Особенно это касается типа 1 и 2, первый из которых является визитной карточкой Волго-Донского Бабино, а второй – лолинской культуры. Подавляющее большинство погребений с костями ног МРС располагаются на левобережье Волги (илл. 151), т.е. на территории чересполосного проживания носителей ВДБК и ВУКГ, где большинство населения составляли носители волго-донских бабинских традиций. В этой связи наличие в волго-уральских погребениях типа 1 следует рассматривать в качестве межкультурных связей между этими культурными образованиями, которые были неизбежны при такой системе расселения. Подтверждает это наблюдение и расположение погребений ВУКГ с лопатками МРС. Здесь ситуация прямо противоположная. Погребений с типом 2 нет на левобережье, зато они присутствуют в глубинных степях Волго-Уралья (илл. 151), которые, как уже было показано, были одним из основных ареалов ВУКГ и в котором погребения ВДБК фактически неизвестны. Ситуацию с костями ног и лопатками МРС хорошо иллюстрирует комплекс Светлое Озеро 1/1. В погребении обнаружены комплексы с КЖ типа 1 и типа 2. Кости ног МРС и лопатка лежали отдельно друг от друга, первые на тазобедренном сочленении, вторая недалеко от голеней (илл. 153, *3*), поэтому они и рассматриваются как разнотипные. В этой связи показательна локализация данного памятника (илл. 151). Он находится как раз в пограничье левобережного региона и глубинных степей волго-уральского региона. Видимо, именно поэтому в захоронении из Светлого Озера мы видим такое необычное сочетание. Несмотря на то, что количество волго-уральских погребений с типом 1 превышает число захоронений с типом 2, именно лопатку МРС следует считать культурным маркером ВУКГ. Это подтверждает не только

картографирование (илл. 151), но и факт генетической связи волго-уральской группы и Лолы, для которой эта деталь обряда была одной из самых диагностичных и которая сыграла немаловажную роль при выделении культуры.

Принципиальное значение имеет и особенности территориального распределения погребений с типами КЖ в видовом отношении. Как было показано в главе 2, в ВДБК по данным погребального обряда ведущее место занимает МРС, тем не менее, погребения с костями КРС составляют 19,6% от всех захоронений с КЖ. В лолинской культуре полностью доминирует МРС, только один раз в ее погребении был обнаружен череп быка. Экологические ниши у ВДБК и Лолы разные, что и обусловило разные модели хозяйствования. В Волго-Донском Бабино известны поселения и 1/5 в составе стада составляет КРС, в Лоле поселенческие памятники отсутствуют, а крупный рогатый скот не играл сколь-нибудь заметной роли в хозяйственной модели.

Процентное соотношение погребений с костями МРС и КРС в волго-уральской группе очень близко показателями ВДБК. В ВУКГ кости коровы встречены в 23,5% захоронений от всех комплексов с КЖ. Однако картографирование показывает, что все комплексы с костями КРС (Грачевка II 5/3, Бережновка I 14/2, Смеловка гр. мог. п. 9, 33) расположены исключительно на левобережье Волги (илл. 151), т.е. в зоне совместного расселения носителей волго-донский бабинских и волго-уральских культурных традиций. В открытых степях Волго-Уралья в погребениях ВУКГ обнаружены только кости овцы (илл. 151). Природно-климатические условия этой зоны очень близки экологическим особенностям аридных степей Северо-западного Прикаспия, поэтому в обеих нишах специализация на овцеводстве была единственным механизмом адаптации. На левобережье такой крупной водной артерии, как р. Волга, которая создавала более мягкие условия для скотоводства, не говоря уже о лесостепном Самарском Заволжье, разведение КРС становилось хоть и второстепенной, но частью хозяйственной модели и

ВДБК, и ВУКГ. С похожей ситуацией мы уже сталкивались на примере Волго-Донского Бабино, когда в южной части ареала культуры ее носители использовали модель хозяйствования близкую лолинской (см. главу 2).

Погребения ВУКГ можно разделить семь *обрядовых групп* (илл. 152, *1*). Общим для шести групп является скорченное положение скелета и адоративные позиции рук (варианты 1–3, 6, 7). Основанием для разделения служат признаки: «могильная конструкция» и «ориентировка костяка».

ОГ I представлена двумя комплексами – Курганная группа (14 насыпей) 12/1 и Учебный полигон п. 3 (илл. 152, *1*, 153, *1, 2*). Она соответствует ОГ I лолинской культуры. Умерший лежит в яме в скорченном адоративном положении, черепом ориентирован на СВ. В отличие от Лолы, где эта группа самая многочисленная (см. главу 3), в ВУКГ она явно маргинальная и составляет всего 3,3% от всех погребений (илл. 152, *2*).

ОГ II также соответствует классификации обрядовых групп лолинской культуры. Погребения совершены в подбойных могилах, умершие ориентированы в северный сектор (илл. 152, *1*, 153, *3–6*). Ввиду немногочисленности группы нет смысла разбивать ее на ОГ IIА и IIБ, как это сделано для лолинской культуры, хотя в ней присутствуют нормальные (илл. 153, *4, 5*) и редуцированные (илл. 153, *3, 6*) катакомбы. Удельная доля группы – 8,9% (илл. 152, *2*). Этот показатель в полтора раза ниже, чем в лолинской культуре.

ОГ III представлена погребениями в ямах с заплечиками (илл. 152, *1*, 153, *7–9*). Известно три захоронения этой группы (5,4%). Умершие были ориентированы на Ю и ЮЗ. Погребения явно неординарные. Об этом свидетельствуют очень глубокие ямы 2–2,5 м. В двух из трех случаев (Имангулово II 5/3 и Перевозинка 2/32) погребения были основными в курганах. Эта группа соответствует ОГ III лолинской культуры, однако, с очень существенной разницей. В Лоле это тоже глубокие погребения с заплечиками в нижней части, подавляющее большинство которых сопровождались насыпями, но ориентировки скелетов ОГ III лолинской

культуры и волго-уральской группы диаметрально противоположны. В первом случае это С и СВ векторы (илл. 67), во втором – ЮЗ (илл. 153, *7–9*). Еще одно серьезное различие наблюдается в инвентарном комплексе захоронений этих групп. В Лоле умершие, как правило, сопровождаются богатым приданным, включая орудия из металла и даже украшения из золота (илл. 67), безынвентарных погребений здесь нет. В ВУКГ, наоборот, инвентарь очень бедный и представлен только костяными изделиями (стержни/острия) (илл. 153, *8, 9*), либо он отсутствует вовсе (илл. 153, *7*). На уровне сравнительной характеристики ОГ III лолинской культуры и волго-уральской группы хорошо прослеживаются с одной стороны, их генетическая взаимосвязь, а с другой культурная специфика.

ОГ IV самая многочисленная в ВУКГ. Захоронения совершены в ямах, умершие ориентированы на ЮЗ, Ю, ЮВ, причем с доминированием юго-западного вектора (илл. 152, *1*, 154, *1–21*). Ситуация опять же принципиально схожа с выше охарактеризованной. В лолинской культуре самой многочисленной является ОГ I, где умершие лежат в ямах, головой ориентированы в северный сектор, а в ОГ IV волго-уральской группы скелеты также находятся в могилах ямной конструкции, но черепом направлены в южный сектор. Близки и статистические показатели обрядовых групп, которые являются ведущими в определении наглядного образа обоих культурных образований. В Лоле захоронения ОГ I составляют 38,3%, в ВУКГ комплексы ОГ IV – 44,6% (илл. 152, *2*).

ОГ V представлена погребениями в подбойных могилах, в которых индивиды ориентированы на ЮЗ и ЮВ, причем также с явным доминированием юго-западного направления (илл. 152, *1*, 154, *22–24, 26*). В группу объединены три погребения, что составляет 5,3% от всего массива захоронений (илл. 152, *2*). В этой группе все могильные конструкции являются редуцированными катакомбами.

ОГ VI так же, как и ОГ I, представлена только одним комплексом (Смеловка гр. мог. п. 20). Умерший лежал в подбойной могиле, головой

ориентирован на З (илл. 154, *25*). Очевидно, что это также маргинальная группа (1,8%). Западная ориентировка не свойственна культурам лолинского круга. В Лоле, как и в ВУКГ, известен всего один такой комплекс (ВМЛБ I 1965 26/2). Только в невинномысской культуре западные ориентировки составляют небольшую серию, где ее появление связано с межкультурными контактами с носителями бабинских традиций.

ОГ VII представлена очень своеобразной группой погребений. В нее объединены захоронения, в которых умершие были погребены в специфической *сидячей позе* или ее имитации (илл. 155). Известно 13 таких захоронений, что составляет 22,4% от всех комплексов ВУКГ (илл. 152, *1*). Это существенный показатель. Данная группа в количественном отношении занимает второе место после ОГ IV, которая представляет основу наглядного образа волго-уральской группы. Еще большее своеобразие ОГ VII придает тот факт, что погребения, совершенные в положении «сидя», кроме ВУКГ, больше неизвестны в посткатакомбном мире.

Эту обрядовую группу можно разделить на две подгруппы по признаку «конструкция могилы». ОГ VIIА составят захоронения, совершенные в ямах (9 комплексов) (илл. 155, *1–9*), ОГ VIIБ – погребения в подбойных могилах (2 комплекса) (илл. 155, *10, 11*). При выделении ОГ I–VI важную роль играла ориентировка костяка. В группе сидячих захоронений ее определить сложно, потому что поза в лучшем случае была рассчитана на обращенность в какую-либо сторону лицом, а постпогребальные процессы при такой сложной позиции в ряде случаев исключают возможность установить и это. Скорее всего, обращенность была разнообразной и какие-либо закономерности здесь проследить сложно. Об этом свидетельствует группа из пяти наиболее хорошо сохранившихся и зафискированных сидячих скелетов из к. 4 мог. Тамар-Уткуль VII (илл. 155, *1–5*). Эти погребения явно были оставлены одной группой людей в короткий промежуток времени, и в таком компактном контексте присутствует обращенность лицом или теменем при низко нагнутой голове во все стороны света (илл. 155, *1–5*).

Прежде всего, рассмотрим положение погребенных. Все исследователи признают его неординарным. Авторы публикации комплекса Светлое Озеро 7/1 (рис. 155, *6*) пишут, что «расчищен скелет ребенка, погребенного в редкой для степного Волго-Уралья сидячей позе. Предполагается, что первоначально умершего зафиксировали в позе адорации сидя способом прислонения левой стороной к стене, а возможно и дополнительно связыванием. С распадом мягких тканей происходило постепенное обрушение скелета вниз и заваливание на левую сторону, головой к СЗЗ. Разрушенный череп, верхние конечности, кости грудины и позвоночника оказались сваленными грудой, а нижние конечности и таз сохранили почти естественные сочленения, колени все еще опирались на вертикальную стенку» (Жемков, Лопатин, 2008, с. 165). В комплексе Быково I 16/12 «лежал костяк молодого мужчины, в сильно скорченном виде, на левом боку, головой на ЮВ и лицом ко входу. Руки, согнутые в локтях, были выставлены вперед и обхватывали ноги ниже колен. Бедренные и берцовые кости плотно сложены и коленями обращены к подбородку. Вероятно, первоначально покойник был погребен сидя «на корточках» (Смирнов К., 1960, с. 217). В п. 1 к. 15 мог. Быково I: «Костяк лицом и грудной клеткой уткнулся в землю; ноги согнуты под острым углом в тазобедренных суставах и коленях, пятки близко подведены к тазу; руки слега согнуты в локтях, их кисти охватывают нижнюю часть голеней. Судя по позе погребенного, мы имеем дело с погребением в сидячем положении» (Смирнов К., 1960, с. 211). Позиции серии из пяти захоронений к. 4 мог. Тамар-Уткуль VII (илл. 155, *1–5*) охарактеризованы следующим образом. Скелеты «захоронены в утробной позе, т.е. сильно скорчены («клубком») сидя на корточках и имеют вторичные смещения вниз, в сторону и т.п. Руки согнуты в локте и помещены кистями в области таза или перед тазом» (Богданов, 1998, с. 22). Как сидячую охарактеризовали позицию и для комплекса Мамбеталы 3/1 (илл. 155, *7*) (Памятники срубной культуры…, 1993, с. 58, 59).

Таким образом, для всех вышеупомянутых погребений (8 комплексов) авторы их публикаций однозначно определяют позицию умерших как

сидячую. Для трех захоронений такого утверждения нет, но есть довольно подробное описание. Так, в комплексе Караман 3/1 расчищен «скелет молодого человека, погребенного скорченно на спине с заметным завалом на левый бок, по диагонали могилы, головой к СВВ (илл. 155, *9*). Ноги сильно подогнуты в коленях, стопы отсутствуют, но очевидно, что они были вплотную притянуты к тазу. Правая рука согнута в локте под тупым углом, кисть на тазовых костях, левая рука согнута в локте под острым углом, кисть лежит на верхней части груди» (Жемков, Лопатин, 2007, с. 101). В п. 4 к. 2 мог. Шумейка (илл. 155, *10*) «на дне могилы, головой на северо-запад был погребен взрослый человек в неординарной позе. Умерший положен скорченно, на животе, грудью на колени. Левая рука согнута в локте и прижата к туловищу, кисть руки лежит под плечом. Правая рука согнута в локте под прямым углом и заброшена на спину» (Юдин, 2007, с. 168). Элементы неординарности позы отметил и К.Ф. Смирнов для комплекса Бережновка I 14/2 (илл. 155, *8*). Он пишет, что «привлекает внимание необычная скорченность ног: берцовые и бедренные кости находились параллельно, пятки помещались у тазовых костей» (Смирнов К., 1959, с. 78).

Если сравнить позиции скелетов в этих захоронениях с погребениями, где исследователи уверенно констатируют факт нахождения умерших в положении «сидя», то можно заметить структурные сходства. К их числу относятся плотно прижатые кости голеней к бедренным костям (илл. 155, *8–11*), согнутые в локтях руки, которые охватывают колени (илл. 155, *10*), вертикально поднятый череп теменем вверх (илл. 155, *9*). В этой связи, можно утверждать, что, скорее всего, в п. 4 к. 2 мог. Шумейка мы имеем дело также с сидячим костяком, который завалился на спину (илл. 155, *10*). В комплексах Бережновка I 14/2 и Караман 3/1 зафиксированы не сидячая поза, а ее имитация, когда ноги размещены так же, как они располагаются в сидячем положении, но при этом туловище было уложено на спину (илл. 155, *8, 9*). Несмотря на то, что скелет в комплексе Перевозинка 2/31 немного нарушен

грызунами, по сохранившимся костям in situ хорошо видно, что ногам тоже была придана позиция, имитирующая сидячую (илл. 155, *11*).

Хорошо известно, что сидячая позиция и ее имитация[2] в регионе встречается в погребениях энеолита и ранней бронзы (Мерперт, 1974, с. 33, 90; Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 58; Васильев, 2004; Малов, 2008, рис. 16, *2*; Чижевский, 2008; Пестрикова, Агапов, 2010, с. 14; Дьяченко, 2022), поэтому следует предметно остановиться на аргументации принадлежности нашей серии к финалу СБВ.

В этом отношении важное значение имеют данные стратиграфии, зафиксированные в к. 2 мог. Перевозинка. Судя по расположению выкидов на погребенной почве, основными в кургане были два захоронения: п. 32 и п. 31 (илл. 153, *7*, 155, *11*). Никаких сомнений, что п. 32 относится к ВУКГ финала средней бронзы, нет. Об этом свидетельствуют все обрядовые характеристики, а также соответствующие данные ^{14}C комплекса Имангулово II 5/3 (илл. 153, *8*) (табл. 6.3, *1, 2*), который является прямой аналогией п. 32 из Перевозинки (илл. 153, *7*). П. 31, совершенное в яме с подбоем с имитацией сидячей позы (илл. 155, *11*) также являлось основным и, соответственно, составляет с п. 32 (илл. 153, *7*) единый стратиграфический горизонт. Позже в кургане был устроен некрополь начала поздней бронзы. Таким образом, комплекс Перевозинка 2/31 не может датироваться раньше финала СБВ, что задает вектор определения хронологических координат для всех сидячих погребений Волго-Уралья.

Как было показано в предыдущих главах, для посткатакомбной эпохи важным хронологическим индикатором является анатомический состав костей животных и их расположение в могиле. В четырех погребениях ОГ VII обнаружены кости ног домашних копытных, в трех из них они принадлежали

[2] Под этой позицией подразумевается положение скелета, при котором туловище находится на спине, пятки притянуты к тазу, а бедренные кости плотно прижаты к голеням и вытянуты вдоль линии позвоночного столба, либо с небольшим отклонением от нее (илл. 155, *8–11*). При таком расположении умершего позицию ног нельзя трактовать, как стоявшие коленями вверх и впоследствии завалившиеся. Такая поза придавалась скелету изначально, и такое положение ног имитировало в лежачем положении позиции «сидя на корточках» или «сидя на коленях».

особям МРС (илл. 155, *9, 10*), в одном – КРС (илл. 155, *8*). Как уже было показано, это яркий маркер захоронений ВДБК, но в зоне совместного проживания данная деталь обряда встречается и в погребениях волго-уральской группы. Все ее погребения с костями ног МРС/КРС располагаются именно на этой территории (илл. 151). Симптоматично, что ОГ VIIБ (могилы с подбойной конструкцией) хорошо представлены в ВУКГ, известны они и в Волго-Донском Бабино. Показательно, что в 4 из 12 погребений ОГ VII обнаружены следы горения. Как было показано выше, этот признак является значимым в погребальном обряде волго-уральской группы.

Инвентарь, обнаруженный в сидячих захоронениях, также свидетельствует об их датировке финалом СБВ. В комплексе Быково I 15/1 обнаружен обломок бруска с перетяжкой (илл. 157, *16*). Э.С. Шарафутдинова полагала, что это фрагмент изделия с двумя перетяжками (Шарафутдинова, 2001, с. 152). Такие предметы (защитные накладки) хорошо известны в материалах ДДБК и ВДБК (илл. 38, *I, 1–4*), где они являются хронологическими маркерами их раннего этапа (см. главу 2). Кроме того, курган 15 был насыпан над двумя синхронными погребениями 1 и 2. Последнее относится к ВУКГ. Оно тоже обладает выраженными посткатакомбными признаками – это деформированный череп, который отсылает к раннелолинской культуре, где есть серия таких комплексов, и бронзовый нож с узким листовидным клинком (илл. 157, *5*). Именно ножи такой морфологии серийно представлены в лолинской культуре. Отличие заключается только в наличии у быковского экземпляра валиковых утолщений на черенке и в центре лезвия, являющихся характерными деталями некоторых ножей покровской серии. В п. 1 к. 5 мог. Мамбеталы сопровождающий инвентарь был представлен костяными пряслицем и тупиком (илл. 155, *7*). Как уже было показано (см. главу 3), раннелолинская культура сгенерировала традицию помещения подобных изделий в захоронения (Мимоход, 2013, с. 113), откуда она распространяется в ВУКГ.

Полную ясность в определении хронологической позиции погребений ОГ VII вносят вещи, обнаруженные в п. 3 и 5 к. 4 мог. Тамар-Уткуль VII (илл. 155, *1, 2*). В первом комплексе узко датирующейся категорией инвентаря является костяная пряжка (илл. 155, *2*), которая относится к узко-планочным кольцевым изделиям по типологии С.Н. Братченко (1995, с. 15). Эти предметы представлены в кавказских культурах конца средней бронзы (илл. 161, *5–11*) (Гуммель, 1940, с. 72, 92, 94; Марковин, 1963, с. 62, 91; Гаджиев М.Г., 1969, с. 29; 1974, с. 26). В единичных случаях они известны в погребениях средневолжской абашевской и нутрайской культур (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 8, *1*; Ткачев А., 2002, с. 185), а также в руинах Ливенцовской крепости (Братченко, 1995, с. 13, рис. 2, *6*)[3]. Пряжка из Тамар-Уткуля (илл. 155, *2*, 161, *I*) демонстрирует структурное типологическое соответствие с поясными изделиями типа Ипатово-Типки второго этапа лолинской культуры (илл. 161, *1–4*). Здесь те же перпендикулярная система расположения отверстий и т-образная планка. Хронология всех этих культурных образований также указывает на датировку группы сидячих захоронений волго-уральского региона рубежом средней – поздней бронзы. Не менее емким хронологическим индикатором являются и вещи, обнаруженные в п. 5 (илл. 155, *1*, 157, *17–19*). Речь идет о бронзовых очковидной подвеске и браслетах, а также вольско-лбищенском сосуде, которые устанавливают хронологию погребений, совершенных в позиции «сидя», в рамках финала средней бронзы (см. ниже).

Таким образом, ОГ VII является специфической и, вероятно, неординарной группой среди захоронений ВУКГ. Мы не можем ее назвать маргинальной, как это сделано для ОГ I и VI, которые представлены

[3] Культурная атрибуция п. 6, впущенного в слой Ливенцовской крепости, остается дискуссионной. С.Н. Братченко относил его к бабинскому кругу или каменско-ливенцовским древностям (Братченко, 1995, с. 13). Р.А. Литвиненко отнес его к каменско-ливенцовской культурной группе (Литвиненко, 2009, с. 264). По обрядовым признакам (сильноскорченная адоративная позиция с ориентировкой на юг) его можно отнести к ВУКГ, тем более что в захоронении обнаружена пряжка того же типа, что и тамар-уткульская. Однако удаленность этого комплекса от основного ареала ВУКГ оставляет этот вопрос открытым, даже несмотря на то, что единичные погребения волго-уральской группы известны на левобережье Дона, в районе максимального сближения его с Волгой (илл. 145).

единичными захоронениями. Наоборот, сидячие захоронения составляют больше 1/5 от всех погребений, и, соответственно, они, наряду с ОГ II–V, входят в число культурно определяющих признаков ВУКГ. Неординарность этой группы подчеркивает не только специфическая поза погребенного, но и то, что из двенадцати погребений над шестью были сооружены собственные насыпи (Бережновка I 14/2, Быково I 15/1, 16/12, Караман 3/1, Мамбеталы 5/1, Шумейка 2/4) и одно сопровождалось досыпкой (Светлое Озеро 7/1). Получается, что из всей серии сидячих захоронений только пять погребений из к. 4 мог. Тамар-Уткуль VII не сопровождались курганным строительством. Они были впущены в насыпь высотой 2,5 м (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 14), который относится в регионе к группе больших курганов раннего бронзового века (Богданов, 2004, с. 141, 143), что в какой-то мере и здесь может указывать на особый статус этих комплексов. Иными словами, захоронения, с которыми было связано собственное курганное строительство, составляли 58,3% от всех комплексов ОГ VII. Для сравнения в самой распространенной группе (ОГ IV) число таких комплексов составляет 21,4%. По этому показателю серия сидячих захоронений значительно ближе к ОГ III (илл. 153, *7–9*), где число таких комплексов составляет 67%. О неординарности группы погребений в глубоких ямах с заплечиками было сказано выше.

Может возникнуть закономерный вопрос, почему захоронения финала средней бронзы, совершенные в позе «сидя» относятся к ВУКГ, а не к ВДБК, тем более что в четырех комплексах были обнаружены кости ног домашних копытных, которые являются визитной карточкой Волго-Донского Бабино? На этот вопрос отвечает картографирование погребений разных обрядовых групп волго-уральской группы (илл. 156).

Погребения ОГ VII неизвестны на правобережье Волги и в Волго-Донском междуречье. Эта территория является структурообразующей для ВДБК (илл. 1). Здесь находится больше половины ее комплексов. Однако в этом ареале не зафиксировано ни одного захоронения, совершенного в положении «сидя», которое можно было бы отнести к посткатакомбному

времени. Все захоронения ОГ VII расположены в эпонимном регионе (илл. 156), причем, включая глубинные степи Волго-Уралья, где погребений ВДБК фактически уже нет (илл. 1). В связи с этим сидячие захоронения финала СБВ волго-уральского региона правомерно рассматривать в качестве особой обрядовой группы ВУКГ.

Погребения ОГ II (подбойные захоронения с северными ориентировками) сосредоточены в северной части ареала волго-уральской группы (илл. 156). Следует отметить, что здесь же расположено и большинство катакомбных могил ВДБК. Погребения ОГ III известны как на юге, так и на севере ареала (илл. 156). Захоронения самой многочисленной ОГ IV ожидаемо распространены по всей территории. Комплексы ОГ V пока не представлены в южной части ареала ВУКГ. Любопытная деталь – на территории инфильтрации волго-уральского населения в инокультурное окружение на правобережье Волги представлены захоронения исключительно в могилах ямной конструкции и с южными ориентировками (ОГ III и IV) (илл. 156).

Основные обрядовые групп отражают особенности локального культурогенеза ВУКГ.

§ 3. Характеристика погребального инвентаря и сопоставительные материалы

Погребальный инвентарь волго-уральской группы представлен керамической посудой, костяными изделиями, бронзовыми и каменными орудиями труда, бронзовыми, костяными и фаянсовыми украшениями (илл. 157).

Безынвентарность погребений, характерная для блока посткатакомбных культурных образований, хорошо выражена и в ВУКГ. Захоронения без сопровождающих вещей здесь составляют 63% от всех комплексов. По этому показателю волго-уральская группа демонстрирует большее сходство с ВДБК, чем с лолинской культурой.

Крайне редко в захоронениях встречается ***керамика*** (илл. 157, *1–3*). Она обнаружена в трех комплексах, что составляет 5,3% от всех захоронений. Это самый низкий показатель для всего посткатакомбного блока. Помещение посуды в могилы явно не входило в канон погребальной обрядности носителей волго-уральских традиций. Это подтверждается не только единичностью погребений с керамикой, но и тем, что, как и в случае с Волго-Донским Бабино, посуда ВУКГ распадется на группы, одна из которых является инокультурной.

Первую из них представляет горшок из п. 6 гр. мог. Смеловка (илл. 157*, 1*). Сосуд имеет специфический орнамент. Нижний фриз представлен композицией, выполненной гладким штампом в виде лесенок. Такой же способ декорирования присутствует на банке из лолинской комплекса Островной 3/15 на Восточном Маныче (илл. 73, *6*). С учетом генезиса ВУКГ, который непосредственно связан с Лолой, именно этот сосуд является культурным маркером волго-уральской группы. Он органично вписывается в серию округлобоких горшков лолинской культуры (илл. 74, *8–14*, 75, *3–6*).

Вторую группу составляют сосуды вольско-лбищенского облика (илл. 157, *2, 3*). Два сосуда происходят из «тризны», связанной с п. 1 к. 1 мог. Светлое Озеро 1/1 (илл. 153, *3*), один из сидячего захоронения 5 к. 4 мог. Тамар-Уткуль VII (илл. 155, *1*). Авторы публикации этих комплексов справедливо относят найденную посуду к вольско-лбищенской культуре (Богданов, 1998, с. 22; Жемков, Лопатин, 2008, с. 175; Лопатин, 2012, с. 63; 2014, с. 30, 31). Мы опять сталкиваемся с ситуацией, когда инокультурная посуда попадает в посткатакомбный контекст. Выше уже было показано, что вольско-лбищенские горшки в контактной зоне двух культур обнаружены в погребениях ВДБК (илл. 26, *1–5*, 28). Иными словами, посуда с вольско-лбищенскими чертами обнаружена в погребениях Волго-Донского Бабино и ВУКГ, а это не просто разнокультурные образования. В рамках посткатакомбного блока они относятся к разным культурным общностям с

различными механизмами культурогенеза (см. главу 7). ВДБК входит в культурный круг Бабино, а ВУКГ – в культурный круг Лола (Мимоход, 2016; 2017; 2018д). Как уже отмечалось, керамика с вольско-лбищенскими чертами в подкурганных погребениях является свидетельствами контактов посткатакомбных культурных образований с носителями традиций Вольск-Лбище (Мимоход, 2009, с. 32–34; 2009а, с. 278; 2018а; 2020, с. 155; 2021а, с. 333, 334).

В отношении комплекса Тамар-Уткуль VII 4/5 следует отметить, что весь инвентарный комплекс этого захоронения выглядит чужеродным для ВУКГ (илл. 155, *1*). Это касается как сосуда (илл. 157, *3*), так и бронзовых браслетов и очковидной подвески (илл. 157, *17–19*), которые связаны с традициями постшнурового мира (см. ниже). В то же время в серии из пяти сидячих захоронений в этом кургане, явно оставленных одной родовой группой, присутствует п. 3, инвентарь которого полностью укладывается в посткатакомбный контекст культурного круга Лола (илл. 155, *2*), который тесно связан с Кавказом. На мой взгляд, именно это захоронение отражает культурную специфику тамар-уткульских погребений, совершенных в позиции «сидя», в рамках ВУКГ, в то время как п. 5 с вольско-лбищенским сосудом и бронзовыми украшениями (илл. 155, *1*) следует рассматривать в качестве проявления межкультурных связей постшнурового и посткатакомбного миров (см. главу 7). Эти связи хорошо иллюстрируются и на примере волго-уральской группы, и Средне-Волжского Абашева (см. ниже). На определенную эклектичность облика захоронений из Тамар-Уткуля указывал и В.А Лопатин (2014, с. 36).

Орудия из металла представлены бронзовыми ножом, теслом и шильями (илл. 157, *4–7*).

Из комплекса Быково I 15/2 происходит листовидный *нож* (илл. 157, *5*), близкий по морфологии узким листовидным клинкам 1-го типа лолинской культуры (Гак, Мимоход, 2007, с. 89, 90, рис. 1, *1-7;* Мимоход, 2013а, с. 75–78, илл. 50, 4–6, 8–12). Отличие заключается только в наличии у быковского

экземпляра валиковых утолщений на черенке и в центре лезвия, которые являются характерными деталями некоторых ножей покровской серии. В частности, близкий по форме нож с подобным оформлением черенка найден в покровском погребении того же могильника (Смирнов К., 1960, рис. 10, *12*).

Тесло из Утевки (илл. 157, *4*) имеет поздний облик. Оно близко изделиям кнышевского типа по С.Н. Братченко и С.Н. Санжарову (2001, с. 66). Такие изделия особенно характерны для позднекатакомбных памятников Восточного Предкавказья и Нижнего Подонья (илл. 158, *1–6*) (Гак, 2004, с. 79), непосредственно предшествовавших посткатакомбному горизонту. По пропорциям наше тесло вполне сопоставимо с серий тесел, известных в синташтинских погребениях (илл. 158, *11–14*) (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, рис. 3, *2*; Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 61, *8*, 127, *3*, 140, *7*, 146, *4*, 148, *14*, *15*, 184, *6*; Зданович Д., 2002, рис. 21, *1*, 29, *4*; Виноградов Н., 2003, рис. 35, *3*; Епимахов, 2005, рис. 20, *2*, 25, *6*, 58, *4*, 89, *1*, *2*; Ткачев В., 2007, рис. 55, *III*, *IV*; Шевнина, Логвин, 2015, рис. 29, *2*, 39, *1*; Логвин, Шевнина, 2020, рис. 3, *4, 5*). Например, как на точную аналогию следует указать на изделие из комплекса Кривое Озеро 9/1 (илл. 158, *11*), которое имеет такую же расковку лезвийной части (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 148, *16*). Можно сопоставить утевское тесло и с теслами средневолжской и южноуральской абашевских культур (илл. 158, *7–10*) (Сальников, 1950, рис. 24; 1967, рис. 6, *15*; Васильев, Пряхин, 1979, рис. 4, *7*; Горбунов, 1976, рис. 6, *7, 8*; 1986, табл. XV, *9, 10, 12*; Кузьмина О., 2000б, рис. 21, *3, 4*), но структурным отличием является то, что абашевские изделия зачастую имеют слабо расширенную пятку и она равна по ширине лезвию, что является нововведением абашевских мастеров (Кузьмина О., 2000б, с. 88, 89), чего нет у нашего предмета. Кроме того, абашевские тесла нередко имеют скругленную пятку (илл. 158, *7, 9, 10*), а не прямую, как у изделия из Утевки (илл. 158, *1*). Характерно, что это орудие О.В. Кузьмина ни разу не включила в сводку абашевского металла, равно как и само это погребение не упоминала в перечне погребений СВАК Самарского Поволжья (Кузьмина О., 2000а; 2000б). Еще

одной специфической чертой, которая отличает абашевскую серию тесел от позднекатакомбных и посткатакомбных изделий, является наличие на некоторых экземплярах свернутой втулки (илл. 158, *8*) (Васильев, Пряхин, 1979, рис. 3, *18*; Кузьмина О., 2000а, рис. 16, *3*; 2000б, рис. 24, 4). Эта функциональная деталь является характерной чертой орудийного металлокомплекса СВАК. Она реализована не только в теслах, но в копьях и ножах.

В металлокомплексе ВУКГ представлены четырехгранные *шилья* (илл. 157, *6, 7*). Морфология изделия из комплекса Красносамарский I 1/2 до конца непонятна, т.к. бóльшая часть шила находится в костяной рукояти (илл. 157, *6*). Изделия из п. 4 к. 4 мог. Тамар-Уткуль VII относятся к одному типу. Это достаточно длинные орудия с хорошо выраженным упором, который расположен в верхней части изделия (илл. 157, *7*). Эти изделия отличаются от лолинской серии. В ней присутствуют шилья с упором, но они имеют меньшие размеры, а насад притуплен (илл. 76, *36, 37*) в то время, как тамар-уткульские экземпляры имеют заостренные концы (илл. 157, *7*). В целом шилья ВУКГ вполне вписываются в циркумпонтийские стандарты. Наличие упоров на шильях отсылает к северокавказским традициям. Для абашевских культур характерны шилья без упоров (Кузьмина О., 2000б, с. 96).

Хорошо представлены в погребениях ВУКГ ***изделия из кости*** (илл. 157, *8–15*). Статистический показатель этой сырьевой категории соответствует лолинскому (14–14,5%), и в два раза превышает соответствующие данные ВДБК (7%).

Показательно и обнаружение костяных *тупиков* в комплексах Красносамарский I 1/2 и Мамбеталы 5/1 (илл. 157, *12, 13*). Как уже отмечалось, включение в состав инвентаря крупных кожевенных орудий является характерной чертой посткатакомбного предкавказского ритуала раннелолинского периода (Мимоход, 2013, с. 92–97). Именно лолинская культура, по всей видимости, и сгенерировала эту традицию, которая получает дальнейшее развитие в памятниках поздней бронзы.

Всего в посткатакомбном мире известно 11 погребений, в которых обнаружены крупные орудия для обработки кожи – тупики и струги. Бóльшая часть из них (6 из 11) происходит из комплексов лолинской культуры. Два изделия известны в ВУКГ (илл. 157, *12, 13*, 159, *I*), целый набор из четырех орудий найден в комплексе Малаи II 1/16 невинномысской культуры (илл. 159, *3*) и по одному разу они встречены в погребениях ДДБК [Моруженко, Кравец, Литвиненко, Евглевский, Зарайская, Посредников, 1990, с. 84][4] и ВДБК (илл. 159, *1, 2*). Причем, в последних культурах находки явно тяготеют к лолинскому ареалу (илл. 160). В западной составляющей культурного круга Бабино (ДПБК) эти орудия неизвестны[5]. Таким образом, подавляющее большинство погребений с костяными орудиями типа тупиков и стругов (9 из 11 комплексов) относятся к культурному кругу Лола и серийно они представлены именно в лолинской культуре, а в территориальном отношении 10 из 11 погребений находятся в Предкавказье и Волго-Уралье (илл. 160). Столь явные тенденции не оставляют сомнения, что традиция помещения крупных кожевенных орудий в погребения является маркером именно культурного круга Лола, где эпонимная культура в это отношении является также системообразующей.

Интересно сравнить типологию этих изделий в рамках блока посткатакомбных культурных образований и последующих колесничных культурах. В лолинской культуре представлены все известные типы орудий. В комплексе Элиста 6/4 обнаружен тупик, изготовленный из нижней челюсти КРС (илл. 159, *5*) (Рыков, 1936а)[6]. В п. 3 к. 24 мог. Колдыри изделие для обработки кожи изготовлено из подвздошной кости таза (илл. 159, *4*). В остальных случаях (4 комплекса) орудия сделаны из ребер крупных копытных

[4] Определение А.Н. Усачука. Предмет выставлен в экспозиции археологического музея Донецкого университета.

[5] Отдельный интерес вызывает обнаружение тупика из нижней челюсти крупного копытного в погребении межановицкой культуры (Бабья Гора, п. CXLIII) в Польше (Kadrow, 1992, s. 78, ryc. 45, tabl. XX, *D*), которая синхронна посткатакомбному блоку.

[6] К сожалению, в публикации нет рисунка этого орудия, но в тексте анатомический состав сырья указан, поэтому в сводную таблицу оно помещено условно – пунктиром (илл. 159, *5*). За основу взята схема из работы А.Н. Усачука (1996, рис. 2).

(скорее всего, КРС) и являются так называемыми «стругами» (илл. 159, *6–9*). Интересно, что в посткатакомбном контексте кроме Лолы орудия из нижней челюсти и ребер КРС пока больше неизвестны. В ВУКГ и ВДБК тупики изготовлены из тазовых костей КРС (илл. 159, *I, 1*), в ДДБК – орудие из фрагмента трубчатой кости крупного копытного (илл. 159, *2*)[7], и только в невинномысской культуре – возможно из фрагментов нижних челюстей КРС, но по иной технологии (см. главу 4) (илл. 159, *3*).

В материалах колесничных культур известно шесть погребальных комплексов, где найдены костяные орудия типа тупиков и стругов. Орудия из нижних челюстей и подвздошной кости обнаружены в мог. Каменный Амбар, Синташта CI, Бестамак, Нуртай, Новоильинский II 5/1 (илл. 159, *10, 12*) (Генинг В.В., Зданович Г., Генинг В.Ф., 1992, с. 249; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 36, *9*; Костюков, Епимахов, Нелин, 1995, с. 158; Ткачев А., 2002, с. 172, рис. 68, *5*; Епимахов, 2005, с. 12, рис. 10, *1*; Калиева, Логвин, 2009, с. 46; Снитковская, Усманова, 2019, с. 77; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2020, с. 287). Струги из ребер крупных копытных (илл. 159, *11, 13*) найдены в п. 1 к. 1 мог. Селезни 2 и п. 4 к. 3 мог. Потаповка горизонта Синташта-Потаповка-Покровск (Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, рис. 4, *8*; Усачук, 1998а, с. 31; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 36, *9*). В срубной культуре известно два кургана, из насыпей которых происходят тупики из нижних челюстей (илл. 159, *14*) (Усачук, 1996, с. 70; Моргунова, Гольева, Евгеньев, Китов, Купцова, Салугина, Хохлова, Хохлов, 2009, рис. 15, *4*).

Таким образом, уже не раз обсуждавшийся тезис о том, что именно лолинская культура была генератором традиции помещения в погребения крупных кожевенных орудий находит подтверждение не только в количественном отношении, но и в качественном. Фактически все типы тупиков и стругов (из нижней челюсти, подвздошной кости таза и ребер КРС), которые известны в других посткатакомбных образованиях и погребальных

[7] Следует отметить, что, являясь орудием кожевенного производства, по сырью калиновская находка вообще отличается от типичных тупиков и стругов.

памятниках эпохи поздней бронзы, представлены в материалах Лолы (илл. 159, *4–9*). Причем, такого типологического разнообразия не демонстрирует ни одна другая культура. В ВУКГ и ВДБК – это орудия исключительно из тазовых костей (илл. 159, *I, 1*), и расположены эти комплексы в Волго-Уралье (илл. 160). В Невинномысске найден очень интересный набор костяных орудий (Малаи II 1/16), о которых уже упоминалось выше, но без археозоологического и трасологического изучения эти орудия пока – вещь в себе. В колесничных культурах известно изделие из подвздошной кости (илл. 159, *10*) (Епимахов, 2005, с. 12), тупики из нижних челюстей (илл. 159, *12*) (Ткачев А., 2002, с. 172; Калиева, Логвин, 2009, рис. 13, *2*) и струги из ребер (илл. 159, *11, 13*). В погребальных комплексах срубной культуры встречены пока только челюстные тупики (илл. 159, *14*).

Особый интерес вызывает корреляция типов орудий с обрядовыми признаками. Речь, прежде всего, идет о лолинской культуре и ее деривате ВУКГ, которые принимали непосредственное участие в сложении колесничных культур (см. главу 7) и в которых обнаружено больше всего таких погребений. Здесь прослеживается четкое соответствие между ориентировкой умершего и типом орудия. В Лоле тупики из нижней челюсти и тазовой кости (илл. 159, *4, 5*) обнаружены в погребениях «традиции Ю», в которых умершие были ориентированы на Ю и ЮЗ (Элиста 6/4, Колдыри 24/3). В ВУКГ изделия из подвздошных костей также происходят из погребений с южными ориентировками (илл. 154, *6*, 155, *7*). Выше уже было отмечено, что в погребениях развитого этапа эпохи поздней бронзы тупики из тазовых костей крупных копытных в погребениях пока неизвестны. Вероятно, традиция помещения орудий этого типа в погребения не выходит за пределы финала СБВ – начала ПБВ[8]. В к. 2 мог. Каменный Амбар 9 тупик из тазовой кости (илл. 159, *10*) происходит, скорее всего, из грабительских перекопов центральных погребений 1 и 2 (Епимахов, 2005, с. 12). Скелеты в них по этим

[8] Есть информация о двух случаях, когда массивные изделия из тазовых костей крупных копытных обнаружены в позднеямных погребениях Нижнего Подонья (Озеров, Беспалый, 1987, рис. 2, *1, 11*).

причинам анатомического порядка не имели, но ориентировка ям недвусмысленно указывает на то, что первоначально костяки были ориентированы на ЮЗ. В п. 2 к. 6 мог. Нуртай изделие для обработки кожи из нижней челюсти встречено в захоронении с переотложенными костями умерших, но, судя, по ориентировке ямы и общей погребальной обрядности этого памятника, нет особых сомнений, что скелеты были ориентированы на ЮЗ. В СI мог. Синташта орудие находилось в «жертвеннике», понять с каким погребением оно было связано, сложно. В п. 40 мог. Бестамак тупик из нижней челюсти КРС находился в захоронении с ориентировкой на С (Калиева, Логвин, 2009, рис. 13, *2*). Получается, что в колесничных культурах так же, как в Лоле и ВУКГ, челюстные и тазовые тупики встречены преимущественно в захоронениях «традиции Ю».

Из четырех лолинских погребений со стругами из ребер КРС три относятся к «традиции С» (илл. 63, *9*, 67, *1*, 92) и одно к «традиции В» (илл. 68, *12*). К последней с определенными оговорками[9] возможно отнести и комплекс Малаи II 1/16 невинномысской культуры (илл. 111, *19*), для которой восточная ориентировка является приоритетной. Иными словами, кожевенные орудия, сделанные из ребер крупных копытных не характерны для погребений с южными векторами ориентации, которые в генезисе культурного круга Лола являются одним из важных маркеров генетической преемственности лолинских древностей с ВМКК (Мимоход, 2013, с. 292–309). В этой связи любопытным становится факт обнаружения струга в раннепокровском комплексе (ДВАК) Селезни 2 1/1 (илл. 159, *11*), и, хотя костей человека в это комплексе не зафиксировано, тем не менее, хорошо известно, что именно для колесничных комплексов Среднего Подонья доминирующей является ориентировка в северный сектор. Близкую ситуацию демонстрирует и комплекс Потаповка 3/4, в котором обнаружен струг (илл. 159, *13*). Кости человека здесь анатомического порядка тоже не имели, а яма была

[9] Выше говорилось, что малайские костяные орудия изготовлены, возможно, из фрагментов нижних челюстей КРС.

ориентирована строго в широтном направлении (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 10). Не исключено, что такая ориентировка ямы предполагала восточный вектор.

Таким образом, в посткатакомбном блоке финала СБВ и следующим за ним по времени блоке колесничных культурных образований начала ПБВ среди немногочисленной серии погребений с орудиями типа тупиков и стругов налицо явное разделение по признакам «тип орудия» и «ориентировка скелета». Изделия из нижних челюстей и подвздошных костей таза четко коррелируют с южными ориентировками умерших («традиция Ю») в погребениях культурного круга Лола Предкавказья, Волго-Уралья, а затем в комплексах начала поздней бронзы Южного Зауралья и Ценртального Казахстана, а струги из ребер встречены только в посткатакомбных и колесничных комплексах «традиций С и В».

Эти наблюдения пока сложно детально комментировать в контексте культурогенеза переходного периода от среднего к позднему бронзовому веку. Однако сейчас уже можно сказать, что традиция использования в погребальном ритуале крупных кожевенных орудий типа тупиков и стругов, без сомнения, имеет предкавказское (лолинское) происхождение, а корреляция типов орудий с ориентировками скелетов в разных культурных контекстах может иметь неслучайный характер с учетом достаточно узкого культурно-хронологического контекста их обнаружения. Решение последнего вопроса требует дальнейшего накопления источниковой базы.

В комплексе Мамбеталы 5/1 обнаружено костяное *пряслице* (илл. 157, *14*). Оно изготовлено и головки бедренной кости и относится ко второму типу по классификации лолинских пряслиц, т.е. имеет дисковидную форму. Выше уже отмечалось, что использование в погребальном обряде пряслиц в степи также является лолинской новацией, связанной с влиянием кавказских культур. Неудивительно поэтому обнаружение этого орудия в погребении ВУКГ, которая генетически связана с лолинской культурой, тем

более что в комплексе Мамбеталы 5/1 пряслице сочеталось с костяным тупиком – еще одной лолинской новацией (илл. 157, *13*).

В трех комплексах (Имангулово II 5/3, Венгеловка 5/1, Красносамарский II 1/2) обнаружены наборы костяных *стержней* (илл. 157, *8, 9, 11*). Скорее всего, это остатки гребней. В п. 15 к. 1 мог. Заливский обнаружены «два острия из осколков трубчатых костей» (илл. 157, *10*) (Шилов, 1991, с. 52). Не исключено, что семантика этих предметов в данном комплексе синонимична гребням.

Скорее всего, использование этих предметов в погребальной обрядности является специфической чертой волго-уральской группы. Предметы данного типа, обнаруженные в захоронениях ВУКГ, в посткатакомбном мире являются самыми древними в степи-лесостепи. Известен достоверный случай обнаружения гребня из костяных стержней в комплексе ДПБК (Литвиненко, 2009, рис. 89). Однако традиция помещения этих изделий в погребения появляется раньше. Гребнем из костяных стержней были заколоты волосы индивида в погребениях катакомбной культуры в Крыму и на Нижнем Дону (Андреев, 1992, рис. 2, *1*; Ларенок, Потапов, 2003, рис. 8). В дальнейшем традиция помещения этих изделий в погребения распространяется в синташтинской культуре (Куприянова, 2017, с. 276, 277, рис. 2, *1–3*), а затем и в срубной культуре (Цимиданов, 1995, с. 34; 2004, с. 55, рис. 36, *1;* Литвиненко, Усачук, 1994; Усачук 1997; Усачук, Литвиненко, 1999, с. 205, 206, рис. 3–6; Лопатин, 2010, с. 33, рис. 13, *4–10*).

Несомненный интерес представляет обнаружение в комплексе Тамар-Уткуль VII 4/3 костяной *пряжки* (илл. 157, *15*). Она относится к кольцевидно-узкопланочному типу по классификации С.Н. Братченко (1995, с. 14–15), т.е. имеет кольцо для захлестывания свободного конца ремня, длинную узкую планку с отверстием для крепления глухого конца пояса. Функциональное назначение тамар-уткульского изделия подтверждает и расположение его в погребении. Пряжка находилась ниже тазовых костей у сведенных колен (илл. 155, *2*), которые, скорее всего, были связаны поясом.

Изделие имеет многочисленные аналогии. Ближайшая в территориальном отношении – это пряжка из погребения, совершенного в руинах Ливенцовской крепости (илл. 161, *13*). У этих предметов идентична система расположения отверстий: малое отверстие перпендикулярно большому. Кроме того, обе пряжки имеют втульчатое утолщение на конце для крепления глухого конца ремня (илл. 161, *I, 13*). Более выражено оно у изделия из комплекса Тамар-Уткуль VII 4/3. Ее планка имеет черты т-образной (илл. 161, *I*). Выше уже говорилось о том, что вопрос о культурной атрибуции ливенцовского погребения с пряжкой пока остается открытым. Однако нельзя еще раз не обратить внимание на то, что по обрядовым признакам п. 6 из Ливенцовской крепости полностью соответствует стандартам ВУКГ (илл. 237, *5*), а пряжка из него является самой близкой и фактически прямой аналогией изделию из Тамар-Уткуля.

Структурное типологическое сходство у волго-уральской поясной детали, как уже отмечалось, наблюдается и с пряжками типа Ипатово-Типки лолинской культуры (илл. 161, *1–4*). Здесь та же самая система расположения отверстий и т-образная планка (Мимоход, 2013, с. 109). Из лолинской серии наиболее близко тамар-уткульскому изделию пряжка из комплекса Кривая Лука XXI 1/9 (илл. 161, *4*), т.к. она имеет наиболее длинную и узкую т-образную планку. Следует отметить, что поясные детали из Тамар-Уткуля и Ливенцовки вместе с лолинскими изделиями И-Т представляют собой варианты единого типа, в рамках которого экземпляры Лолы выглядят более вычурными, отчасти продолжая традицию более ранней серии Чограй-Кевюды.

Кольцевидно-узкопланочные пряжки хорошо представлены на Кавказе. Бóльшая часть кавказских изделий имеет отличную систему расположения отверстий – большое и малое находятся в одной плоскости. Речь идет о гинчинских пряжках из Гатын-Кале (илл. 161, *5–7*) (Марковин, 1963, рис. 5, *7, 8*, 25, *3*) и экземплярах могильника и поселения Ханлар (Ганджа-Чай) в

Азербайджане (илл. 161, *10, 11*) (Гуммель, 1940, фиг. 30, *15*, 38, *5*)[10]. Среди кавказской серии есть экземпляры с перпендикулярной системой расположения отверстий (илл. 161, *8, 9*) (Уварова, 1900, рис. 177, 178; Гаджиев М.Г., 1969, рис. 12, *6*). Причем, у пряжки из Донифарса присутствует втульчатое утолщение на конце для крепления глухого конца ремня (илл. 161, *9*), что сближает его с поясной деталью из Тамар-Уткуля, Ливенцовской крепости (илл. 161, *I, 13*) и лолинской серией типа И-Т (илл. 161, *1–4*). Серийно кольцевидно-узкопланочные пряжки представлены в Центральной и Западной Европе позднего неолита/энеолита – ранней бронзы по европейской периодизации (илл. 161, *15–23*) (Grimes, 1960, p. 162, fig. 67; Clarke, 1970, p. 297, 299; Müller-Karpe, 1974, taf. 514, *M5*, 515, *J3*, 519, *A10, F1, I,3,* 636, *F2, L9*; Sangmeister, 1974, abb. 7, *2*; 1984, abb. 8, *4, 5*; Schwarzberg, 1994, taf. 4, *8, 9, 13*; Hecker, 1995, taf. VII, *9, 10*; Schmid, 1995, s. 100; Wiechmann, 1995, s. 116; Case, 2001, fig. 4, *19*; Großmann, 2016, abb. 8.34; Woltermann, 2016, abb. 10). Такие изделия известны в материалах шнуровых и колоколовидных кубков культур. В хронологическом отношении они непосредственно предшествуют времени распространения кольцевидно-узкопланочных пряжек на Кавказе и в степи.

В Европе полностью доминируют узкопланочные кольцевидные пряжки с большим и малым отверстиями в параллельных плоскостях (илл. 161, *15–19, 21, 23*). Изделия с перпендикулярной системой отверстий здесь большая редкость (илл. 161, *20*, *22*). В этой связи симптоматично, что в средневолжской абашевской культуре известна находка кольцевидно-узкопланочной пряжки, и она демонстрирует такую же систему расположения отверстий (илл. 161, *14*), как и подавляющее большинство европейских экземпляров. Это неудивительно с учетом генетической связи СВАК со шнуровым миром вообще и культурой колоколовидных кубков, в частности (см. главу 7). Кольцевидное изделие с планкой с параллельной системой расположения

[10] Одно изделие этого типа найдено в погребении нуртайской культуры начала позднего бронзового века в Западном Казахстане (илл. 161, *12*) (Ткачев А., 2002, с. 185, рис. 69, *34*).

отверстий, изготовленное из янтаря, известно в материалах среднеднепровской культуры (Артеменко, 1967, рис. 41, *1*, 47, *30, 30а, 30б*), которая относится к числу шнуровых.

Иными словами, расположение отверстий в перпендикулярных плоскостях характерно для лолинских пряжек типа Ч-К и И-Т (илл. 161, *1–4*), а также для изделий из Тамар-Уткуля и Ливенцовской крепости (илл. 161, *I, 13*). В этой связи, можно констатировать, что происхождение этой системы крепления связано в большей степени с лолинской культурой, откуда она и транслируется в волго-уральскую группу. На Кавказе, как и в Европе, в количественном отношении доминируют планочные пряжки с параллельной системой расположения отверстий (илл. 161, *5–7, 10, 11, 15–19, 21, 23*). В культурном круге Лола она неизвестна. На фоне «пряжечных» кавказских и европейских культур, где основной тип узкопланочной поясной гарнитуры представлен изделиями с расположением отверстий в одной плоскости[11], перпендикулярную систему можно рассматривать в качестве одного из маркеров культурного круга Лола. Речь идет о лолинской культуре и ВУКГ. Как было показано выше, в невинномысской культуре кольцевидно-планочные пряжки пока не обнаружены (см. главу 4).

Каменные орудия представлены одним предметом – фрагментом каменного *бруска с перетяжкой* на конце (илл. 157, *16*). Э.С. Шарафутдинова полагает, что первоначально это было изделие с двумя перетяжками (2001, с. 152). Если это так, то это единственный предмет такого типа в культурном круге Лола. Функциональное назначение этих вещей в качестве защитных накладок на запястье было рассмотрено в главе 2.

Особый интерес представляют ***украшения***, обнаруженные в погребениях ВУКГ.

[11] По всей видимости, пряжки с такой системой использовались и на Ближнем Востоке. В Анатолии подобное изделие из диорита происходит из Трои II (илл. 161, *24*) (Schliemann, 1881, s. 479, nr. 557), что соответствует датировкам самых ранних находок предметов этого типа в Европе.

В комплексе Светлое Озеро 1/1 найден набор *костяных бус* (илл. 157, *23*). Эти изделия не имеют какой-либо культурно-хронологической нагрузки. То же самое можно сказать и о пронизях, сделанных из *раковин* Dentalium из тамар-уткульских погребений (илл. 157, *24, 25*).

В п. 3 к. 4 мог. Тамар-Уткуль VII (илл. 155, *2*) обнаружены *фаянсовые пронизи*, одна из которых имела сегментовидную форму (илл. 157, *24*). Особенности территориального и хронологического распределения сегментовидных бус и пронизей подробно уже были рассмотрены (Мимоход, 2013, с. 200–202). Этот тип украшений характерен для позднекатакомбных и посткатакомбных культурных образований. В свою очередь, фаянсы не характерны для постшнурового мира. Следует напомнить, что в этом же комплексе найдена кольцевидно-узкопланочная пряжка. Иными словами, инвентарный комплекс этого захоронения имеет выразительные посткатакомбные черты.

Иначе дело обстоит с соседним в кургане комплексом Тамар-Уткуль VII 4/5, умерший в котором тоже находился в сидячем положении (илл. 155, *1*). Из погребения происходят очковидная подвеска и бронзовые браслеты (илл. 157, *17–19*). Эти изделия связаны в большей степени именно с постшнуровым миром.

Очковидные подвески хорошо представлены абашевских культурах: СВАК и южно-уральской (ЮУАК) (илл. 162, *1–6*) (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 9, *12, 13*, 12, *7*, 15; Евтюхова, 1965, рис. 3, 5–8; Сальников, 1967, рис. 2, *24*, 3, *15*; Бадер, 1970, рис. 14, *2*; Горбунов, 1976, рис. 7, *4*; 1986, табл. XV, *26*; Пряхин, Халиков, 1987, рис. 63, *9*; Большов, Кузьмина О., 1995, рис. 15, *7*; Кузьмина О., 2000б, рис. 23, *12*; Большов, 2003, рис. 20, *10, 15*; 2006, рис. 14, *8*; Ткачев В., 2003, рис. 4, *11*). Бóльшая часть абашевских изделий имеют миниатюрные размеры (Кузьмина О., 2002, с. 159, 160). Они заметно меньше тамар-уткульского экземпляра (илл. 162, *1*) и зачастую использовались в структуре богатого шитья с мелкими бронзовыми и серебряными украшениями (илл. 210, *1–7*). Известна находка такой подвески в погребении

воронежской культуры (илл. 162, *8*) (Пряхин, Синюк, 1983, рис. 2, *10*), которая также относится к постшнуровым. В шнуровых культурах (фатьяновская, среднеднепровская) также присутствуют очковидные подвески (илл. 162, *9, 10*) (Артеменко, 1967, рис. 22, *1, 2*; Гадзяцкая, 1976, табл. XXXII, *12*; Крайнов, 1972, рис. 53, *12, 13*; 1987, рис. 35, *22*). Это довольно крупные экземпляры, чем они отличаются от абашевской серии. Несколько изделий этого типа есть в погребениях ранней ДДБК (илл. 162, *11–13*) (Вангородская, 1987, рис. 1, *5*; Литвиненко, 2009, рис. 51, *11–13*; Ильюков, 2016, рис. 3, *3*; Ларенок О., 2018, с. 54; 2020, рис. 1; 2021, рис. 1, *1, 1а*; 2022, с. 41). Однако здесь, как и в случае с ВУКГ, появление очковидных подвесок в посткатакомбных погребениях связано с постшнуровыми культурами (см. главу 7). Известны такие изделия и в синташтинской культуре (илл. 162, *7*). Большое количество очковидных подвесок представлено в постшуровых культурах Bz A1-A2 Центральной Европы и карпато-дунайского региона (Mozsolics, 1942, taf. I, II, IV, V и др.; Chropovský, 1960, taf. VIII, 3, 6; Bóna, 1965, beads..., *9*; 1975, abb. 9, *5, 7*, 14, 6; Girić, 1971, t. VII, IX, XIII, XVI, XIX, XX и др.; 1984, taf. IX–XI; Müller-Karpe, 1974, taf. 520, 521, 527 и др.; Machnik, 1978, tabl. V, *15*, VI, *20*; Szathmári, 1983, abb. 49, *32, 33*, 52, *2, 3*, 53, *3*; 1996, fig. 3, *7, 8*, 6, *1*; Kovács, 1984, taf. LXIII, *11*; Schreiber-Kalicz, 1984, taf. LI, *22*; Bertemes, 1989, taf. 27, *28*; Ciugudean, 1991, abb. 20, *2*; 1996, fig. 21, *7*, 31, 12; Matuschik, 1996; и др.).

Показательны бронзовые браслеты, происходящие из комплекса Тамар-Уткуль VII 4/5 (илл. 157, *17, 18*). Их особенностью является треугольное сечение и приостренные концы. Аналогичные предметы происходят из комплексов СВАК и ЮУАК (илл. 162, *22–26*) (Крайнов, 1962, рис. 12, *1*; Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 12, *9*, 16, *9*; Горбунов, 1986, табл. XV, *20, 29*; Большов, 2003, рис. 20, *13*, 47, *9*; Кузьмина О., 2021, рис. 10, *25*). Отличие одного из браслетов из Тамар-Уткуля заключается только в насечках по ребру (илл. 162, *III*). В начале поздней бронзы браслеты чаще имеют желобчатое сечение (илл. 162, *27, 28*) (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992,

рис. 153, *1*, 159, *1, 5*, 163, *5, 6*; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 29, *4–7*; и др.).

Отдельный интерес представляет гарнитур украшений п. 2 к. 1 Красносамарский II. Он представлен бронзовыми бляшкой-розеткой, скорлупковидной бляшкой и спиралевидными пронизями (илл. 157, *20–22*). Нет никаких сомнений, что здесь мы имеем дело с классическим абашевскими украшениями. Они являются визитной карточкой СВАК и присутствуют в ЮУАК (илл. 162, *14–21*) (Кузьмина О., 2002), поэтому неудивительно, что комплекс Красносамарский II 1/2 традиционно рассматривается как погребение Средневолжского Абашева (Кузьмина О., 1979, с. 89; 2000а, рис. 17; 2021, с. 460). Мне кажется, что в свете новых данных культурную атрибуцию этого захоронения следует пересмотреть. Дело в том, что при абашевских украшениях в комплексе представлен совершенно неабашевский обряд. Умерший лежит скорченно на левом боку в позе адорации головой на ЗЮЗ (илл. 154, *21*), т. е. обряд в этом погребении демонстрирует все основные структурные черты ВУКГ самой распространенной ОГ IV и он не имеет ничего общего со стандартами погребальной практики СВАК (илл. 207, *1–13*). В качестве прямой аналогии позе умершего (илл. 154, *21*) можно указать на п. 20 гр. мог. Смеловка (илл. 154, *25*), которое обладает еще выраженными посткатакомбными чертами: яма с подбоем и кость конечности МРС.

Кроме характерного обряда и в самом инвентарном комплексе п. 2 к. 1 мог. Красносамарский II есть важный культурный индикатор ВУКГ. Речь идет о наборе из 8 костяных стержней, которые лежали у черепа «острием к нему, параллельно друг другу, плотным рядом» (илл. 154, *21*) (Кузьмина О., 1979, с. 89). Сначала О.В. Кузьмина интерпретировала эти изделия как наконечники стрел (Кузьмина О., 1979, с. 89), но это, конечно, не так. Ничего общего в морфологии этих стержней и указанных предметов вооружения нет. Видимо, осознавая это, двадцать лет спустя исследовательница уже осторожно называет их «костяными стерженьками» (Кузьмина О., 2000а, с. 95). Впрочем, еще через двадцать лет они почему-то опять стали стрелами (Кузьмина О.,

2021, с. 460). Как уже отмечалось, эти предметы правомерно рассматривать в качестве составных гребней (Мимоход, 2021а, с. 334). Подтверждают это и данные трасологии (Купцова, Евгеньев, 2022, с. 55)[12]. Положение их в красносамарском погребении недвусмысленно указывает именно на такое функциональное назначение. Они лежали вплотную к голове умершего, остриями направленные к черепу, т.е. гребнем были заколоты волосы (илл. 154, *21*). Фактически полная аналогия этому изделию происходит из комплекса ВУКГ Имангулово II (илл. 153, *8*). Здесь, как и в случае с Красносамарским II 1/2 (илл. 154, *21*), мы тоже имеем дело с гребнем. Изделия располагались вплотную к черепу (илл. 153, *8*), т.е. предмет находился в прическе. Кроме этих комплексов, костяные стержни обнаружены еще в двух погребениях (Венгеловка 5/1 и Заливский 1/15) (илл. 153, *9*, 157, *9, 10*). Иными словами, традиция помещения гребней в захоронения является хорошо опознаваемым культурным индикатором ВУКГ.

В свете вышесказанного вернемся к культурной атрибуции комплекса Красносамарский II 1/2 (илл. 154, *21*). Здесь возникает определенная методическая проблема. Что рассматривать в качестве приоритетного культурного индикатора? Украшения как этнографический признак или обряд как мировоззренческую систему? Мне представляется, что приоритет следует отдавать именно второму признаку (ср. Отрощенко, 2001, с. 82; 2001а, с. 41; Литвиненко, 2001, с. 176, 177). Вещи легко могут оказываться в других культурных контекстах как свидетельства межкультурных контактов и смешения разнокультурного населения, что неизбежно в контактных зонах. Эти проблемы мы уже обсуждали в главах 2, 4 и выше в этой главе. Обряд же выступает одним из самых важных цементирующих культурных признаков. В случае с комплексом Красносамарский II 1/2 (илл. 154, *21*) ситуация еще упрощается тем, что помимо обрядности, в захоронении есть яркий этнографический признак ВУКГ в инвентаре – гребень. Подводя итог, следует

[12] Определение А.Н. Усачука.

сказать, что комплекс Красносамарский II 1/2 является погребением волго-уральской группы, в котором содержится гарнитур украшений СВАК как свидетельство межкультурных контактов. Ситуация здесь принципиально такая же, как еще с одним погребением ВУКГ Тамар-Уткуль VII 4/5, которое при посткатакомбном обряде содержит инокультурный инвентарь, связанный с постшнуровым миром (илл. 155, *1*).

Таким образом, инвентарь ВУКГ при единстве погребальных традиций имеет определенные черты эклектичности. В его составе присутствуют вольско-лбищенская посуда и украшения СВАК. Тем не менее, вещи посткатакомбного облика составляют основу инвентарного комплекса волго-уральской группы. К ним относятся один из сосудов, тупики, пряслице, гребни, пряжка, нож, тесло, сегментовидные бусы. При этом следует отметить, что в материалах ВУКГ имеется только три комплекса с инокультурным инвентарем, что составляет 14,3% от всех погребений, в которых обнаружены сопровождающие вещи. Причем, расположены они в контактных зонах, где носители волго-уральских традиций непосредственно взаимодействовали с вольско-лбищенским и средневолжским абашевским населением. Выше на примере ВДБК и ДДБК было показано, что и в их материалах встречаются погребения с инокультурным инвентарем постшнурового облика вольско-лбищенской и воронежской культур (см. главу 2). Известны единичные инокультурные «импорты» в лолинской и невинномысской культурах (см. главу 3). Иными словами, ВУКГ обладает необходимыми культурно определяющими признаками, к которым относится не только единство погребального обряда, но и специфические черты инвентарного комплекса. Его основу составляют вещи посткатакомбного облика, в том числе предметы, отражающие чисто волго-уральскую культурную специфику (гребни, пряжка).

§ 4. Периодизация и хронология

Датировка ВУКГ посткатакомбным периодом хорошо подтверждается ***данными стратиграфии***. Как уже отмечалось, сама группа немногочисленна

и насчитывает 58 погребений, поэтому и стратиграфических связок немного, но они достаточно показательны.

В к. 4 мог. Политотдельское-89 и к. 7 мог. Светлое Озеро достоверно установлено следование волго-уральских погребений за волго-донскими катакомбными комплексами (илл. 163) (Жемков, Лопатин, 2008; Турецкий, Мимоход, Хохлов, 2020). Эти памятники хорошо иллюстрируют посткатакомбный возраст ВУКГ.

Подтверждает этот факт и стратиграфическое соотношение погребений волго-уральской группы с захоронениями позднего бронзового века. В знаменитом кургане 25 Нового Кумака основным было подбойное погребение 14 ВУКГ, затем в него впустили захоронение 12, совершенное в яме с каменной конструкцией в позе адорации с южной ориентировкой того же культурного контекста. После этого в кургане был устроен могильник синташтинской культуры (илл. 163) (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, с. 8–18). В к. 2 мог. Перевозинка п. 31 и 32, как уже отмечалось, были основными. Об этом свидетельствуют данные общего плана и профилей с выкидами [Смирнов К., 1967, рис. 57]. Позже в курган были впущены 30 погребений срубной культуры. Часть из них имеет архаичный облик и относятся к покровскому времени (илл. 164). В к. 2 мог. Шумейка основным было п. 4 волго-уральской группы, а впускным к нему п. 3, которое по показательному сосуду датируется позднепокровским временем[13] (илл. 164) (Юдин, 1998; 2007). Как позднепокровский можно определить и баночный сосуд из комплекса Политотдельское 12/17. В кургане это погребение следовало за п. 18 ВУКГ (илл. 164) (Смирнов К., 1959). В к. 6 мог. Горбатый мост основным было п. 11 волго-уральской группы, а следующий стратиграфический горизонт представляло захоронение 9 первого этапа бережновско-маевской срубной культуры (илл. 164) (Тихонов, 2018). В кургане 10 I Барановского могильника была зафиксирована следующая стратиграфическая картина.

[13] П. 3 было разрушено средневековым захоронением.

Основным здесь было погребение-кенотаф 7, из которого происходит сосуд, имеющий вольско-лбищенские черты. Затем было совершено захоронение 5 ДДБК, сопровождавшееся досыпкой. В нее было впущено погребение 4 ВУКГ (илл. 163) (Сергацков, 1992). Последняя связка демонстрирует стратиграфическое соотношение внутри посткатакомбного блока. Она свидетельствует о том, что ВУКГ не датируется раньше первого этапа Днепро-Донского Бабино.

Таким образом, стратиграфические данные показывают, что волго-уральская группа погребений занимает место после катакомбной культуры до начала поздней бронзы, т.е. датируется финалом СБВ.

С разработкой ***периодизации*** ВУКГ возникают те же проблемы, что и с периодизацией ВДБК (см. главу 2), только еще более ощутимые ввиду немногочисленности группы, а, соответственно, и меньшим количеством хорошо датируемого инвентаря.

К сожалению, на сегодняшний день мы имеем всего два кургана, где зафиксировано стратиграфическое соотношение погребений волго-уральской группы. В к. 2 мог. Перевозинка насыпь была устроена над погребениями ОГ III и VII (илл. 164), т.е. они представляли единый стратиграфический горизонт. Эта связка хорошо подтверждает наблюдения, сделанные по материалам родственной лолинской культуры. Глубокие ямы с заплечиками и катакомбы характерны для раннего этапа. Также дело обстоит и с ВУКГ. Информативна и вторая тоже уже упоминавшаяся стратиграфическая связка, зафиксированная в к. 25 мог. Новый Кумак. В этом кургане стратиграфия показывает те же тенденции, что и в Лоле. Основным было погребение в катакомбе, а впускными к нему погребения в ямах, в одну из которых был установлен каменный ящик (илл. 163). Это связка показывает, что подбойные могилы в ВУКГ датируются ранним этапом.

Немногочисленные стратиграфические данные и датирующие категории инвентаря позволяют разработать периодизацию волго-уральской группы, состоящей из двух этапов.

I этап. *Погребальный обряд.* Ранние погребения ВУКГ совершены в катакомбах, глубоких ямах с заплечиками и в простых ямах (ОГ II–VII) (илл. 165, *1–12*). Представительна доля погребений, с которыми связано курганное строительство. Из тех комплексов, которые можно отнести к раннему этапу, основные захоронения и сопровождавшиеся досыпками составляют 36%. В обряде прослеживаются катакомбные пережитки. К ним относится подбойная конструкция могил, использование охры, в том числе для окрашивания ног и стоп (Быково I 16/12, Красносамарский IV 2/3, Новый Кумак 25/12, Светлое Озеро 1/1). Бóльшая часть скелетов ориентирована в южный сектор, меньшая – в северный. В качестве раннего признака можно рассматривать расположение костей животных в нестандартной для восточной части посткатакомбного мира позиции – у ног (илл. 165, *9, 1*2).

Инвентарный комплекс раннего этапа отличается разнообразием. Два сосуда, происходящие из погребений этого периода, имеют инокультурные вольско-лбищенские черты. Механизм попадания такой посуды в комплексы ВУКГ уже был охарактеризован.

Металлические орудия в коллекции представлены теслом и бронзовым шилом.

Из каменных орудий следует отметить брусок с перетяжкой (илл. 166, *7*). Не исключено, что это фрагмент защитной накладки на запястье лучника, хотя до конца в этом уверенности нет ввиду фрагментарности изделия.

Так же, как и в лолинской культуре, хронологическими индикаторами первого этапа ВУКГ являются костяные тупики (илл. 166, *5, 6*) и пряслице (илл. 166, *8*). Гребни (илл. 166, *9, 10*) представляют собой новацию в погребальном обряде и тоже маркируют наиболее архаичные захоронения.

Из украшений первого этапа к собственному типу ВУКГ можно отнести только костяные пронизки, обнаруженные в комплексе Светлое Озеро 1/1 (илл. 166, *11*). Металлические украшения в погребениях волго-уральской группы (очковидная подвеска, браслеты, бляшка-розетка, спиральные пронизи

и скорлупковидные бляшки) (илл. 166, *12–14*) не имеют отношения к посткатакомбному миру. В погребения ВУКГ они попали в результате межкультурных контактов с постшнуровыми культурными образования, прежде всего, со СВАК.

II этап. В *погребальном обряде* наблюдается сокращение количества обрядовых групп (илл. 165, *13–15*). Исчезают захоронения в могилах катакомбной конструкции и глубоких ямах с заплечиками. Продолжают существовать только самые многочисленные ОГ IV и VI. Полностью доминируют южные векторы ориентировки скелетов. Северные направления, характерные для лолинской культуры, фактически исчезают, т.е. развитие ВУКГ идет по пути стандартизации собственных культурных признаков.

Из *инвентарного комплекса* ко второму этапу достоверно можно отнести только два изделия. Из комплекса Быково I 15/2 происходит листовидный нож с валиковыми утолщениями по нервюре и черенку (илл. 166, *16*). По этому признаку этот экземпляр близок некоторым клинкам покровской серии.

Хорошо датируется костяная узкопланочная пряжка из комплекса Тамар-Уткуль VII 4/3 (илл. 166, *15*). Как уже отмечалось, она близка серии поясных деталей типа И-Т, которые относится ко второму этапу лолинской культуры. Из этого же погребения происходит и фаянсовые пронизи, в том числе сегментовидные (илл. 166, *17*).

Линии синхронизации в рамках посткатакомбного блока следующие (илл. 168). Первый этап ВУКГ синхронен раннему периоду *лолинской*, а, соответственно, и наиболее архаичным памятникам *невинномысской* культур. Об этом свидетельствует наличие в составе инвентаря волго-уральской группы костяных тупиков и пряслица, которые находят аналогии в ранних Лоле и Невинномыске. О синхронности ранней ВУКГ и первого этапа *ДДБК*, а, соответственно, первого периода *ВДБК*, свидетельствует очковидная подвеска из комплекса Тамар-Уткуль VII 4/5 (илл. 162, *I*). Это довольно крупное изделие, чем оно отличается от средневолжской абашевской

коллекции (илл. 162, *1–4*). Практически полные аналогии тамар-уткульской находке происходят из погребений ранней ДДБК (илл. 162, *11–13*).

Второй этап волго-уральской группы синхронен развитым этапам лолинской и невинномысской культур, а, соответственно, развитому этапу ДДБК и заключительному периоду ВДБК и первому этапу *ДПБК*. Как уже отмечалось, основанием для такой синхронизации выступает кольцевидно-узкопланочная пряжка (илл. 161, *I*), которая чрезвычайно близка лолинским изделиям типа И-Т (илл. 161, *1–4*), маркирующим ее развитый этап.

Ситуация с ***радиоуглеродной хронологией*** ВУКГ такая же, как и у невинномысской культуры. Процесс накопления ^{14}C данных находится в начальной точке отсчета. На сегодняшний день известно 5 радиоуглеродных дат (табл. 6.3) (илл. 167). Следует отметить, что объективные перспективы увеличения количества датировок для волго-уральской группы существенно ниже, чем на сегодня для аутсайдера радиокарбонной гонки в рамках посткатакомбного блока – невинномысской культуры. Во-первых, пока широкие новостроечные работы в Краснодарском и Ставропольском краях по-прежнему на пике, что создает благоприятные условия пополнения источниковой базы Невинномысска, а, соответственно, и возможности датирования новых комплексов. В Волго-Уралье, прежде всего, в глубинных степях этого региона, который и является ядром ВУКГ, интенсивность археологических работ значительно ниже, чем в Западном Предкавказье, в силу меньшей необходимости создания инфраструктурных объектов, что напрямую зависит от количества населения этих регионов. Во-вторых, подобное обстоятельство в отношении темпов пополнения как самого свода памятников ВУКГ, так и серии ее ^{14}C данных, усугубляется малочисленностью самой волго-уральской группы, которая, как это не парадоксально, увязывает воедино факторы древности и современности.

Иными словами, потенциалы темпов наращивания базы радиоуглеродных дат у невинномысской культуры и волго-уральской группы, которые замыкают радиокарбонный рейтинг блока посткатакомбных

культурных образований (табл. 6.2, 6.3), серьезно отличаются. Впрочем, эти различия могут быть нивелированы в двух случаях. Первый из них, негативный, и с учетом нынешней ситуации его обсуждать не хочется, второй, благоприятный, при котором, исследователи, занимающиеся раскопками в волго-уральском регионе, будут пристальное внимание уделять каждому новому комплексу ВУКГ, чья база данных в силу указанных объективных причин в любом случае будет пополняться, пусть и с черепашьей скоростью. Только так рисуется путь наращивания до необходимого порога достоверности базы радиоуглеродных дат посткатакомбных древностей Волго-Уралья.

Пять датировок ВУКГ, которые имеются на данный момент, сделаны в пяти лабораториях (Ki, ГИН, Le, AA, $IGAN_{AMS}$). Из них три – это LSC-даты (табл. 6.3, *1–3*) и две AMS-даты (табл. 6.3, *4, 5*). Суммирование этих данных с вероятностью в одну сигму дает интервал – 2350–2020 CalBC (илл. 174). Несложно заметить, что ситуация с данным диапазоном оказывается прямо противоположной той, что получена после применения функции sum_probability OxCal v3.10 для пока единичных дат невинномысской культуры. В первом случае нижняя граница оказалась древнее основного интервала существования блока посткатакомбных культурных образований (2200–1800 CalBC) (см. главу 6), в то время как верхняя хорошо в него вписалась (илл. 174), во втором, наоборот, конечная точка диапазона оказалась моложе посткатакомбного периода, а начальная – в его рамках (илл. 174). Как уже было показано в главе 4, этим фактам есть два объяснения. Первое, скорее всего, наиболее значимое, заключается в недостатке количества дат, что прямо сказывается на подвижности интервалов. Второе обстоятельство для ВУКГ сродни тому, что уже было показано для невинномысской культуры в главе 4, только с обратной ситуацией. Как уже отмечалось, для последней были продатированы преимущественно комплексы фазы ПКБ III (табл. 6.2, *1–3*), а для ВУКГ, наоборот, погребения, для которых получены радиоуглеродные даты, относятся к фазе ПКБ I (табл. 6.3). Вероятно, и эти факторы сказались на

том, что только в нижней части графиков на илл. 174 для ВУКГ и невинномысской культуры наблюдается «эффект лестницы» (см. главу 6) (Мимоход, 2010б, с. 48–50; 2011в, с. 45, 47; 2013, с. 284, 285), который в силу приведенных выше аргументов следует признать мнимым. Нет особых сомнений, что с дальнейшим, надеюсь, поступательным накоплением ^{14}C данных для ВУКГ и невинномысской культуры их радиокарбонные интервалы стабилизируются так, как это со временем стало и с другими составляющими посткатакомбного блока.

Глава 6. Блок посткатакомбных культурных образований в системе хронологии западной части Старого Света

Соотнесение периодизаций ДПБК, ДДБК, ВДБК, ВУКГ, лолинской и невинномысской культур, которые хорошо соответствуют друг другу, позволяет установить периодизацию всего посткатакомбного блока. В его развитии можно выделить три фазы: раннюю (ПКБ I), развитую (ПКБ II) и позднюю (ПКБ III) (илл. 168). В своем развитии все фазы прошли ДДБК, лолинская и невинномысская культуры, периодизация которых насчитывает по три этапа (илл. 168). Хронологические диапазоны ВДБК, ДПБК и ВУКГ короче и ограничиваются двумя периодами. Причем, если Волго-Донское Бабино и волго-уральская группа возникли одновременно с Лолой и ДДБК, но пресеклись в развитии раньше, то ДПБК, наоборот, сформировалась позже, но существовала до конца посткатакомбной эпохи (илл. 168). Различие во временных отрезках для разных культурных образований объясняется спецификой культурно-генетических процессов как в период становления посткатакомбного блока, так и на его завершающей фазе (см. главу 7).

Место памятников посткатакомбного мира в системе европейской, кавказской и ближневосточной хронологии устанавливается путем определения линий синхронизации в соответствии с трехчастной периодизацией восточноевропейских посткатакомбных древностей: ПКБ I, II и III. Наличие трех фаз, учитывает и более дробную периодизацию ДДБК, которая состоит из пяти периодов (Литвиненко, 2020, рис. 1). Такую дробную хронологическую градацию удалось разработать, прежде всего, благодаря наличию в Днепро-Донском Бабино многочисленных случаев стратиграфии и большого количества разнотипных пряжек. В ВДБК и в культурном круге Лола такой благоприятной ситуации нет, поэтому, когда мы говорим о синхронизации всех культурных образований посткатакомбного блока, лучше оперировать только тремя фазами. Это сделает удобным и состыковку восточноевропейской хронологии с другим региональными хронологическими системами.

Относительная хронология внутри блока устанавливается традиционным методом культурно-типологических сопоставлений, основой которого являются наличие в разных культурных контекстах узко датирующихся категорий инвентаря. Очевидно, что в большинстве случаев он применим для ближайшего культурного окружения, где территориальная близость обуславливала межкультурные контакты, а соответственно и трансляцию вещей, которые выступают надежными маркерами для синхронизации. Немаловажную роль играют и стратиграфические данные, особенно для установления соотношения составляющих блока посткатакомбных культурных образований с горизонтами катакомбных и колесничных памятников. Очевидно, что для культур вне Восточной Европы по ряду понятных причин использование культурно-типологического метода сильно ограничено, но возможно. Для ряда культур Центральной и Западной Европы есть датирующие вещи, которые находят типологические параллели в материалах посткатакомбного блока (пряжки-подвески, отдельные типы металлических и фаянсовых украшений и др.). Однако, основным методом здесь будет состыковка хронологических систем удаленных друг от друга регионов путем сопоставления их периодизаций и последующей верификацией с помощью сравнительного анализа радиоуглеродных данных.

§ 1. Линии синхронизации

Кавказская линия синхронизации. Первостепенное значение имеет хронологическое соотношение посткатакомбных культурных образований с культурами рубежа средней – поздней бронзы Северо-восточного Кавказа. Несмотря на яркие материалы, которые дает этот регион, распределение его на шкале относительной хронологии сталкивается с объективными трудностями (Сафронов, 2007, с. 208; Литвиненко, 2010а, с. 221; Мимоход, 2013, с. 243). Прежде всего здесь ощущается нехватка стратифицированных памятников, позволяющих создать детальные аргументированные схемы периодизации. Погребения среднебронзового периода Северо-восточного

Кавказа, зачастую представленные склеповыми гробницами с многочисленными подзахоронениями, к сожалению, не всегда обладают важными характеристиками закрытых археологических комплексов, которые обычно выступают в качестве одной из важнейших основ относительной хронологии археологических культур. В такой ситуации детально разработанные периодизационные схемы, созданные на основе стратиграфических колонок курганов степной зоны, могут оказаться реперными для уточнения хронологии кавказских материалов. Попадание вещей кавказского происхождения в степные погребения, которые занимают четкую позицию в рамках узко датирующихся горизонтов (этапов), позволяет использовать такие комплексы для верификации схем развития культур Кавказа, созданных на основе анализа местных материалов.

На сегодняшний день дагестанские археологи выделяют в этом регионе четыре основные группы памятников или культуры среднего бронзового века: гинчинская, присулакская, великентская и манасская (Канивец, 1959, с. 50–51; Гаджиев М.Г., 1974, с. 14–16; 1987, с. 69–73; 2000, с. 69–70; Гаджиев М.Г., Кореневский, 1984, с. 26; Магомедов Р., 1985, с .221–222; 1987, с. 27; 1992, с. 14–16; 1998, с. 134–135; 2000, с. 84; Гаджиев М.Г., Давудов, Шихсаидов, 1996, с. 68–77; Атаев, 1986, с. 23; 1999, с. 29–30; 2008, с. 14; Давудов, 2007, с. 36). Остановимся только на них, хотя количество выделяемых здесь групп продолжает увеличиваться (Магомедов Р., 1987, с. 27).

Приоритетной линией синхронизации для лолинских памятников является *гинчинская культура*, ареал которой расположен в Дагестане и Юго-восточной Чечне. Она имеет протяженный диапазон существования. Р.Г. Магомедов выделяет в развитии Гинчи две фазы: раннюю и позднюю (1992, с. 16; 1998, с. 154–173; 1999, с. 134). Нас в первую очередь интересуют памятники последней, потому что именно они дают основания для установления соотношения посткатакомбных древностей и гинчинской культуры. Закономерно, что в гинчинских комплексах первой фазы,

генетически связанных с куро-араксской культурой, мы не найдем никаких свидетельств для сопоставления с посткатакомбным блоком. В памятниках, которые существовали на протяжении обеих фаз Гинчи, более ранние материалы в керамическом комплексе содержат следы влияния алазано-беденской культуры Закавказья, предшествующей Триалети «цветущей поры» (Рысин, 1996, с. 83–84; Магомедов Р., 1999, с. 134), и архаичные типы металлических украшений, соответствующие привольненскому этапу кавказской металлообработки (Рысин, 1990, с. 24–25). В этих комплексах нет никаких привязок к материалам посткатакомбных степных культур. Таким образом, существование Гинчи ранней фазы на Северо-восточном Кавказе синхронно в степи-лесостепи не посткатакомбному периоду, а развитым и поздним катакомбным культурам, а возможно, и более ранним памятникам конца успенского периода (Рысин, 1996, с. 84; 2007, с. 202; 2008, с. 220). С посткатакомбными памятниками можно синхронизировать только поздние гинчинские памятники. Соответственно, степная посткатакомбная линия привязок в целом ряде случаев может выступать как датирующая для размежевания ранних и поздних комплексов гинчинской культуры.

Важным фактором в установлении одновременности северокавказских и предкавказских памятников служат роговые фигурные пряжки. Выше уже было показано, что разные типы фигурных поясных деталей являются узко датирующимися категориями инвентаря и маркируют последовательно первые два этапа лолинских древностей. Кольцевидно-широкопланочные изделия первого периода (илл. 80, *1–4*) находят убедительные аналогии в гинчинской культуре (илл. 80, *5, 6*) и неоднократно использовались для обоснования сосуществования памятников Бабино, Лолы и Гинчи (Магомедов Р., 1990, с. 46; 1998, с. 173; Братченко, 1995, с. 11–12; 2006, с. 226, рис. 111; Мимоход, 2003, с. 106; 2007, с. 153; Калмыков, 2005, с. 79; Калмыков, Мимоход, 2005, с. 226–227; Калмыков, Матюхин, 2007, с. 82–83; Рысин, 2007, с. 211; Литвиненко, 2010, с. 221; Мимоход, 2013, с. 244, 245). В результате с ранней Лолой можно синхронизировать материалы с пряжками склепа 1

Ирганайского могильника (илл. 80, *5*) и Ирганайского поселения (илл. 80, *6*). Показательно, что эти памятники традиционно относятся исследователями кавказских древностей к поздней фазе СБВ (Гаджиев М.Г., 1974, с. 18; Котович В.Г., 1982, с. 117; Магомедов Р., 1998, с. 172–173). Степные посткатакомбные комплексы свидетельствуют о синхронности, по крайней мере, части ирганайских материалов фазе ПКБ I и, соответственно, периоду формирования посткатакомбного блока.

Как основания для синхронизации ПБК II и гинчинской культуры следует рассматривать и находки в кавказских памятниках кольцевидно-узкопланочных пряжек (илл. 161, *5–8*). Степные материалы хорошо показывают, что этот тип изделий, близкий по морфологии фигурным пряжкам второго этапа развития Лолы (илл. 161, *1–4*), датируется более поздним периодом по отношению к комплексам с кольцевидными экземплярами с широкой планкой. Подтверждают датировку узкопланочных пряжек временем ПБК II находки этих поясных деталей в погребении, впущенном в слой Ливенцовской крепости, и в захоронении ВУКГ (илл. 161, *I, 13*), о чем говорилось выше. Изделия из этих комплексов являются еще более точными аналогиями гинчинской серии (илл. 161, *5–8*). Это дает основания предположить, что эволюция степных фигурных пряжек соответствует кавказской линии развития этой категории инвентаря. В результате мы получаем основания для синхронизации гинчинских комплексов с кольцевидно-узкопланочными изделиями со вторым этапом лолинской культуры и вторым периодом ВУКГ, а, соответственно, с фазой ПКБ II. Кольцевидные узкопланочные пряжки обнаружены в первых двух ярусах п. 7 и п. 30 мог. Гатын-Кале и во втором ярусе склепа 2 эпонимного памятника (илл. 161, *5–7*). Примечательно, что В.И. Марковин считает погребения 7 и 30 синхронными и относит их к поздней фазе функционирования Гатын-Калинского могильника (Марковин, 1963, с. 133). К позднему периоду Гинчинского некрополя относится и склеп 2 (Гаджиев М.Г., 1969, с. 157; Магомедов Р., 1998, с. 165, 170–172). В свете степных привязок нельзя

согласиться с мнением С.Н. Кореневского об отнесении склепа 2 к ранней фазе функционирования могильника (Кореневский, 1980, с. 44; 1986, с. 9). Наличие здесь кольцевидно-узкопланочной пряжки (илл. 161, *8*) свидетельствует о том, что, по крайней мере, верхняя граница бытования этого комплекса относится к финалу Гинчи и синхронна ПБК II.

Для синхронизации лолинской, невинномысской и гинчинской культур можно использовать находки в посткатакомбных погребениях Предкавказья металлических спиральных пронизей, фигурных подвесок (илл. 84, *1–4, 20, 21*), округлых подвесок из раковин с центральным отверстием (илл. 133, *VI, 74–77*), фаянсовых бус с тремя выступами (илл. 133, *III*), которые представлены в Гинчи (илл. 133, *26–29, 78–81*) (Мимоход, 2013, илл. 73, *31–34, 39, 40*, 79, *31–34*). Первые две категории украшений характерны для фазы ПКБ I, рожковый и бородавчатый бисер встречается в захоронениях всех периодов посткатакомбного блока. В гинчинской культуре пронизи, фигурные подвески и раковинные украшения характерны как для ранних, так и для поздних памятников, а бусы с выступами – только для поздних. В посткатакомбных памятниках эти типы изделий появились в результате непосредственного кавказского импульса, особенно ощутимого на раннем этапе (см. главу 7).

В материалах ДДБК есть случаи обнаружения посуды гинчинского облика (Литвиненко, 2009, с. 265–266; 2010а, с. 222). В раннебабинском комплексе на Криворожье (Ремонтненская могила п. 7) найден крупный сосуд типа корчаги с двумя ручками и обмазкой в нижней части (Литвиненко, 2002, рис. 9; 2009, рис. 31, *6*), который имеет довольно близкие аналогии в гинчинском керамическом комплексе (Магомедов Р., 1998, рис. 92) и расценивается как прямой импорт с Кавказа (Литвиненко, 2010а, с. 222). Второй сосуд, вызывающий отчетливые ассоциации с культурой средней бронзы Северо-восточного Кавказа (Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 2, *1, 4, 12, 14*, 3, *3, 5, 10, 15*, 4, *9, 17*; Магомедов Р., 1998, рис. 71, *26–29*, *33–34*), происходит из погребения 5 грунтового могильника Ливенцовка I

(Братченко, Шарафутдинова, 2000, рис. 5, *5*). Днепро-донские посткатакомбные комплексы с посудой, изготовленной в традициях Северо-восточного Кавказа, подтверждают синхронизацию фаз ПКБ I и II с поздней Гинчи.

Этот вывод подтверждает и комплекс ВДБК Писаревка II 10/2. В составе его инвентаря вместе с двухрожковым и лепестковидным бисером присутствует литой полусферический колпачок с отверстием (илл. 39, *V*). Этот предмет совершенно не характерен для посткатакомбных древностей, зато находит убедительные аналогии в культурах средней бронзы Северо-восточного Кавказа. Серия таких изделий представлена в материалах гинчинской, присулакской и каякентско-хорочоевской культур (илл. 39, *36–45*) (Марковин, 1969, с. 67, рис. 26, *10–15*; 1994а, табл. 109, *22*; Магомедов Р., 1998, с. 122, рис. 119, *45–48*, 126, *22–23*). Они характерны именно для памятников Северо-восточного Кавказа (Гаджиев М.Г., 1969, с. 145–146; 1974, с. 26; Котович В.Г., 1978, с. 65).

Представляется важным, что в мог. Гатын-Кале полусферические колпачки найдены в склепе 7 вместе с кольцевидно-узкопланочными пряжками (Марковин, 1963, с. 63–64, рис. 6, *6–8*). В Чохском (склеп 2) и Бельтинском (п. 4, 9, 17–18, 20) могильниках эти изделия входили в наборы украшений с трехрожковыми фаянсовыми бусами и сурьмяными изделиями (Мунчаев, 1958, с. 44, рис. 11, *7, 13*; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, с. 79–80, рис. 6, *48, 55*, 15, *8–10, 18*). В одном из склепов Эгикала они обнаружены вместе с рожковым бисером и фигурной подвеской (илл. 131, *27*), аналогичной архонской (илл. 131, *29*) и близкой невинномысской (илл. 131, *IV*), а в комплексе Миатли II 1/1, так же как и в Писаревке II 10/2, колпачки встречены с лепестковидными бусами (Канивец, Березанская, 1959, табл. I, *6, 17–18*). Подобные сочетания дают возможность аргументированно синхронизировать фазу ПБК I с поздними гинчинскими и присулакскими памятниками.

Наконец, важное значение для установления хронологического соотношения гинчинской культуры через карпато-дунайские памятники с

ПКБ, имеют находки на Северо-восточном Кавказе металлических украшений, изготовленных в стиле «вербового листа»[14]. Больше всего таких подвесок найдено в могильнике Галгалатли I (Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1985, рис. 4,51–64), также известны они и в Гинчинском некрополе (Гаджиев М.Г., 1969, рис. 22,5). Специалисты по гинчинской культуре справедливо сопоставляли эти изделия с вербоволистными подвесками культур Средней и Южной Европы (Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1985, с. 89; Магомедов Р., 1998, с. 119), которые датируются периодом Bz A1–A2 (Kadrow, 1998, abb. 6; 2000, s. 142; Братченко, 2001, с. 47). Некоторые среднеевропейские украшения являются довольно близкими аналогиями кавказским изделиям (Zaharia, 1959, abb. 3, *1*; Točik, 1963, obr. 242, *4, 5*, 243, 261, *1–3, 4–6*; Budinský-Kriča, 1965, abb. 12, 18, *1, 2*, taf. 10, *4, 5*; Machnik, 1967, tabl. VI, *34–35*; 1978, tabl. XXI, *2–7*; 1981, abb. 6, *8–9*; 1984, taf. XC, *17*, XCIV, *23*; 1991, fig. 40, *13*; Sulimirski, 1968, fig. 19, *12–13*; Pástor, 1969, tab. IV, *1–3*, XXVII, *11–14*; Točik, Vladár, 1971, obr. 4, *41*, 6, *3–6*; Vladár, 1973, tab. I, *23-25*, II, *9, 12, 23, 26*, V, *27*, VIII, *11, 13*, XIII, *23, 24, 26–28* и др.; Свешников, 1973, рис. 4, *17*; Müller-Karpe, 1974, taf. 522, *21–29*, 523, *35–37, 43–45*; Schubert, 1974, taf. 2, *4*; Novotná, Novotný, 1984, taf. LXXXII, *4*; 1984a, abb. 14; Schalk, 1992, abb. 60, *1, 2*, 76, *1*; Kadrow, Machnik, 1997, rys. 10, *26–28*, 23, *7*, 39,14; Kadrow, 1998, abb. 1, *1*; 2000, rys. 3; Furmánek, Veliačik, Vladár, 1999, abb. 6, *14*; Furmánek, Kruta, 2002, p. 48; Bargiel, Libera, 2005, ryc. 6, *23*; Bátora, 2000, taf. 33, *363–18*, 49, *581–6*; 2006, obr. 26, *3–9*; Matthias, 2008, taf. 67,25; Peška, 2013, abb. 2, *3, 4*, 5, *8*; Kadrow, 2013, fig. 7, 10). За последние два десятилетия убедительно была показана синхронность эпишнуровых европейских культур, в которых была распространена индустрия «вербового листа», с культурами посткатакомбного блока (Литвиненко, 2009, с. 287–294; Lytvynenko, 2013; Мимоход, 2013, с. 270–274; Григорьев, 2018, с. 44, 45; 2020, табл. 2; Grigoriev, 2019). Твердые аргументы для синхронизации фаз ПКБ I и II с поздней Гинчи

[14] «Лаврового листа» по терминологии дагестанских исследователей (Гаджиев М.Г., 1969, с. 144; 1987а, с. 11; Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1985, с. 88; Магомедов Р., 1998, с. 118).

мы уже рассмотрели. Как следствие, есть все основания предполагать одновременное существование стиля «вербового листа» в Европе и на Кавказе, что подтверждают и радиоуглеродные даты (о них см. ниже). Благодаря этим своеобразным украшениям, которых, кстати, нет в степных посткатакомбных погребениях (Мимоход, 2009, с. 130), удается провести линию синхронизации от Кавказского хребта до Средней и Южной Европы, органично вписав в нее посткатакомбные памятники (см. ниже).

Для синхронизации блока с Гинчи имеет значение и обнаружение в невинномысском комплексе Сунжа-90 4/2 подвески с обратной петлей (илл. 131, *IV*). Такие украшения, как уже отмечалось, происходят из склепов могильника Эгикал в Ингушетии (илл. 131, *27*) (Марковин, 1970, с. 91, рис. 1, *11*; 1982, рис. С. 29, 3, *10*; Магомедов Р., 1998, рис. 126, *14, 15*). Известна такая подвеска, но без спиральных завитков, в погребении 7 мог. Гатын-Кале (илл. 131, *28*) (Марковин, 1963, с. 63, рис. 9, *4*). Примечательно, что здесь это изделие обнаружено в одном ярусе с пряжкой кольцевидно-узкопланочного типа, о датирующих возможностях которой уже говорилось. Могильник Эгикал относится к числу позднейших гинчинских памятников (Марковин, 1994а, с. 328). По находкам близких подвесок фазу ПКБ II можно синхронизировать с верхней границей существования склепа 7 мог. Гатын-Кале, т.е. с поздней Гинчи.

Таким образом, имеющиеся факты позволяют синхронизировать поздние древности гинчинской культуры с фазами ПКБ I и II (илл. 169).

Существуют данные для синхронизации посткатакомбного блока и поздних памятников ***присулакской культуры*** Северо-восточного Кавказа. Перекрестная привязка через ВДБК уже была охарактеризована выше. Теперь перейдем к прямым свидетельствам. В подкурганных комплексах Гертма III 1/1 и 2/1 были обнаружены кольцевидно-щирокопланочные пряжки (илл. 80, *7, 8*), которые очень близки по морфологии поясным изделиям типа Ч-К раннего этапа лолинской культуры (илл. 80, *1–4*). Еще один факт – это обнаружение в комплексах Миатли II 1/1 и 2/1 лепестковидного бисера

(илл. 133, *55, 56*), являющегося этнографическим маркером культурного круга Лола (илл. 133, *45–51*). Выше отмечалось, что лепестковидные бусы главным образом характерны для раннелолинских захоронений. Хорошо представлены этот тип украшений и в невинномысской культуре первого этапа (илл. 133, *IV*). Известен лепестковидный бисер в ранних погребениях ДДБК и ВДБК (илл. 133, *57, 58*). Кроме того, в присулакских погребениях встречаются фаянсовые бусины с тремя выступами (илл. 133, *32*) и подвески из раковин с отверстием в центре (илл. 133, *82*) (Канивец, Березанская, 1959, табл. I, *11*), хорошо представленные и в культурном круге Бабино (Мимоход, 2013, илл. 79, *24, 25*), и в культурном круге Лола (илл. 85, *3–14*, 133, *VI, 74–77*). Таким образом, на уровне таких узко датирующихся категорий инвентаря, как лепестковидный бисер и фигурные пряжки, поздние памятники присулакской группы можно уверенно синхронизировать с ПБК I, а возможно, и ПБК II (илл. 169).

Хронологическое соотношение лолинских памятников и ***великентской культуры*** Северо-восточного Кавказа, скорее всего, такое же, как с гинчинскими и присулакскими древностями. Памятники Великента имеют длительный диапазон существования, начиная с куро-араксского времени (Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1990, с. 16; Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Morales, Arnanz, 1997, p. 183–201; Магомедов Р., 1998а, с. 54; 1999, с. 126; 2000, с. 84, 88; 2007, с. 694–695; Гаджиев М.Г., Магомедов Р., Кол, 2007, с. 556; Гаджиев М.Г., Кол, Магомедов Р., Петерсон, Хейнич, 2007, с. 616; Гаджиев М.Г., Гаджиев Ш., Кол, Магомедов Р., 1999, с. 27–28; Гаджиев Ш., 1999, с. 45–46; 2000, с. 342; и др.). Собственно великентская культура занимает отрезок фактически всего среднего бронзового века Северного Кавказа (Гаджиев М.Г., Кореневский, 1984, с. 26–27; Марковин, 1994, с. 312; Трифонов, 1996, с. 48; Магомедов Р., 2000, с. 86; Гаджиев М.Г., Гаджиев Ш., Кол, Магомедов, 2007, с. 616; Гаджиев, М.Г., Магомедов Р., Кол, 2007а, с. 557–558; Авилова, Антонова, Тенейшвили, 1999, табл. I).

Наглядный образ культуры представляют катакомбы № 2, 3, 5, 11, 12 I-го и III-го Великентских могильников (Магомедов Р., 2000, с. 89). Это склеповые гробницы, которые формировались в течение очень длительного времени. Исследователи неоднократно указывали на необходимость разделения материалов великентской культуры на две группы: раннюю и позднюю (Марковин, 1994, с. 312; Магомедов Р., 1999, с. 131–132). Последняя из них будет синхронна ранним гинчинским и присулакским памятникам (Магомедов Р., 1999, с. 133–134; 2007а, с. 343)[15]. Именно в ее материальном комплексе присутствуют следы влияния алазано-беденской культуры Закавказья и ранние типы металлических украшений (Рысин, 1989, с. 39; 1990, с. 24–25; 1990а, с. 14–15; 1996, с. 83–84; Кореневский, 1992, с. 97–98; Магомедов Р., 1998а, с. 54; 1999, с. 105–132; 2007а, с. 343; Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, p. 122). Как уже отмечалось, этот период предшествует появлению посткатакомбных памятников в степной зоне. Он в целом синхронен времени существования катакомбных древностей, в том числе и ранних (Гей, 2000, с. 207). Например, сосуд алазано-беденского типа был найден в курганном комплексе Бамутские Сады III 1/13 с классической катакомбной курильницей (Бурков, 1990, с. 8–9). Использование в обряде курильниц не характерно для посткатакомбного периода, а полностью укладывается в предшествующий горизонт.

На сегодняшний день мы не имеем прямых данных для синхронизации посткатакомбного блока и поздних катакомб Великента, подобных тем, что есть у присулакской и гинчинской групп. Одновременность посткатакомбных памятников Предкавказья и поздних материалов великентской культуры можно констатировать только на основании перекрестных привязок. Одна из них – это очевидная общая синхронность Великента, Гинчи и присулакской группы, в том числе их поздних памятников, которая устанавливается по

[15] Этой фазе предшествуют ранние великентские катакомбы посткуроараксского времени, которые демонстрируют процесс сложения культуры (Магомедов Р., 1998а, с. 54–55; 1999, с. 132; 2007, с. 695; 2007а, с. 343; Трифонов, 1996, с. 48).

целому ряду сходств в обряде и инвентаре и общей хронологической позиции по отношению к последующей каякентско-хорочоевской культуре (Магомедов Р., 1998, с. 145, 148, 173–180; Атаев, 2007, с. 97–99; 2008, с. 14).

Из наиболее значимых артефактов, которые позволяют коротким маршрутом связать поздние великентские материалы и Лолу, следует отметить фаянсовые бусы с выступами (Магомедов Р., 2004) и бусы-разделители с циркульным орнаментом, обнаруженные в катакомбах 11 и 12 III-го Великентского могильника (Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, fig. 54, *142, 144–145, 147*, 57, *9*). Аналогии последним происходят из комплекса Миатли II 2/1 присулакской группы, где они входили в состав ожерелья вместе с фаянсовым трехрожковым бисером и лепестковидной бусиной (илл. 133, *32, 55, 56*) (Канивец, Березанская, 1959, рис. 5, *2–7*). В свою очередь, фаянсовые украшения в виде лепестка найдены в погребениях культурных кругов Бабино и Лола (илл. 133, *45–51, 57, 58*), будучи более характерными для последнего. Правда, следует заметить, что бусы-разделители с циркульным орнаментом имеют более широкий диапазон бытования, т. к. в Предкавказье они найдены в комплексе Суворовская 2/1 суворовской катакомбной культуры, т. е. в захоронении горизонта, непосредственно предшествующего посткатакомбному пласту памятников (Нечитайло, 1978, рис. 41, *9*; 1979, рис. 14, *9*). Аналогичные изделия происходят из позднекатакомбного комплекса в Среднем Приорелье (Украина) (Марина, Морковина, Фещенко, 1984, рис. 2, *17*). Обнаружение разделителей с циркульным орнаментом в закрытом комплексе с лепестковидной бусиной (Миатли II 1/1) свидетельствует о том, что, по крайней мере, на Северо-восточном Кавказе этот тип украшений доживает до посткатакомбного времени. Подтверждает это и находки таких изделий в мог. Эгикал и Квасатали (Марковин, 1982, рис. 3, *3*; Джапаридзе О., 2009, рис. 20, *11–13*), которые явно синхронны культурным группам финала средней бронзы Предкавказья.

М.С. Гаджиев и Р.Г. Магомедов упоминают о находках в катакомбах № 2 и 8 Великента бронзовых подвесок с щитком, выполненных в технике «вербового листа» (Гаджиев М.С., Магомедов Р., 1985, с. 89; Магомедов Р., 1998, с. 119), которые, как было показано выше, в принципе, могут служить основанием для синхронизации фазы ПКБ I с поздней великентской культурой.

Несмотря на имеющиеся данные, к этому выводу следует относиться крайне аккуратно (илл. 169). Настораживает, например, отсутствие в материалах Великента поясных пряжек, дающих точные привязки к Лоле, которые есть в гинчинской и присулакской культурах. Нижняя граница бытования костяных разделителей с циркульным орнаментом и бус с выступами уходит в период, предшествующий возникновению посткатакомбного блока. Наличие в катакомбах Великента спиральных бронзовых пронизей и сегментовидных фаянсовых украшений, которые встречаются в бабинских и лолинских погребениях, не может служить основанием для синхронизации, т. к. на Кавказе они имеют широкий диапазон существования. В свете вышесказанного нельзя исключать того, что великентская культура прекращает свое существование в период, предшествующий появлению блока посткатакомбных культурных образований. Уточнение соотношения его и поздних великентских катакомб – это дело будущего. Отметим только, что Г.Д. Атаев связывает исчезновение великентской группы памятников с продвижением на ее территорию носителей присулакской культуры (1999, с. 29; 2007, с. 99), тем самым подразумевая, что последняя переживает первую. Если это действительно так, то надежная синхронизация поздних присулакских комплексов с ПБК I помещает поздние материалы великентской культуры в предшествующий хронологический горизонт.

Так же дело обстоит и с *манасской группой или культурой*. Уже давно было указано на необходимость уточнения ее хронологической позиции и детального обоснования общепринятой синхронизации с Гинчи (Марковин,

1968, с. 314). Наличие схожих категорий украшений для манасских катакомб и посткатакомбного блока, таких как бронзовые спиральные пронизи, сегментовидные бусы (Мунчаев, Смирнов К., 1956, рис. 3а, *10, 11*, 5, *4, 7*; Федоров, 1977, табл. I, *4*), как уже говорилось, не может являться достаточным основанием для установления сосуществования. Возможно, принципиальное значение для определения верхней границы манасских катакомб имеет стратиграфия, зафиксированная в кургане 3 эпонимного памятника. Здесь основными были катакомбы манасской культуры. В северо-западную полу кургана было впущено скорченное погребение в каменном ящике. В составе инвентаря этого комплекса присутствовали трехрожковые бусины (Мунчаев, Смирнов К., 1956, с. 180, рис. 1б, 5, *24*), которые позволяют именно данное захоронение рассматривать как синхронное посткатакомбным памятникам. Если это так, то можно утверждать, что манасская культура, как и великентская, датируется более ранним временем. В пользу этого как будто свидетельствует и отсутствие в Манасе пряжек и металлических украшений, изготовленных в стиле «вербового листа» (илл. 169).

На рубеже средней – поздней бронзы культурные группы СБВ на Северо-восточном Кавказе сменяет *каякентско-хорочоевская культура*. Ее более поздний возраст и генетическая преемственность по отношению, главным образом, к гинчинской и присулакской культурам признается всеми исследователями-кавказоведами (Мунчаев, 1953, с. 13; Канивец, 1959, с. 50; Погребова, 1961, с. 122; Котович В.М., 1965, с. 248–249; Марковин, 1969, с. 78–81; 1994а, с. 341, 351; 2002, с. 98, 102; Гаджиев М.Г., 1974, с. 18; Ошаев, 1979, с. 70; 1982, с. 43; 2007, с. 107; Котович В.Г., 1978, с. 73; 1982, с. 68, 117; Виноградов В., 1982, с. 29–30; Виноградов В., Хашегульгов, 1986, с. 14–24; Хашегульгов, 1988, с. 20; Магомедов Р., 1998, с. 173–180; 2007б, с. 502–503; Атаев, 1986, с. 21–22; 1999, с. 30; 2007, с. 97; 2008, с. 15; Виноградов В., Ерзункаева, 2007, с. 130; Ерзункаева, 2007, с. 250; и др.).

С учетом того, что финальные памятники Гинчи синхронизируются с фазой ПКБ II, логично предположить одновременность фазы ПКБ III и ранних

каякентско-хорочоевских древностей (илл. 169). Для подобной синхронизации имеются достаточные (прямые и перекрестные) основания. Прежде всего, необходимо отметить нередкие находки в каякентско-хорочоевских погребениях фаянсовых бус с тремя выступами (илл. 133, *31, 33*) (Марковин, 1969, рис. 33, *20, 21, 23*), которые хорошо представлены и в культурном круге Бабино, и в культурном круге Лола. В лолинском комплексе Эвдык I 9/4 был обнаружен сосуд каякентско-хорочоевского облика с елочной орнаментацией (илл. 73, *15*), что на уровне межкультурных связей говорит о синхронности обеих культур и позволяет лолинское захоронение отнести к фазе ПКБ III. Примечательно, что в материалах Каякента-Хорочоя нет таких изделий, маркирующих раннюю и среднюю Лолу, а, соответственно, фазы ПКБ I и II, как лепестковидный бисер и фигурные поясные пряжки, которые присутствуют в материалах предшествующих культур: гинчинской и присулакской. Это также указывает на правомерность сопоставления только фазы ПКБ III с каякентско-хорочоевской культурой (илл. 169).

Этот вывод подтверждают и перекрестные привязки. Речь идет о находках сурьмяных подвесок ромбической, волютной и лапчатой форм в покровских и раннесрубных комплексах (илл. 242, *6–10*) (Смирнов К., 1959, рис. 8, *6*; Корнюшин, 1971, рис. 34, *3, 4*; Ильюков, 1979, рис. 6; Шилов, 1985, рис. 28; Саврасов, 1999, рис. 3, *8–12*; Берестнев, 2001, рис. 86, *31*; Березуцкий, Кравец, Новиков, 2005, рис. 5, *8*; Луньков, Лунькова, 2005, рис. 2; Юдин, Матюхин, 2006, рис. 20, *6, 7*; Максимов, Лопатин, 2007, рис. 3, *5*; Гак, Мимоход, Калмыков, 2012, рис. 7, *58–76, 78–80*). Выше уже отмечалось, что, скорее всего, они изготовлялись по кавказским образцам, где сурьмяное литье появляется раньше, что подтверждается материалами раннелолинской и ранненевинномысской культур. Подвески указанных форм хорошо представлены в каякентско-хорочоевских материалах, где они генетически связаны с более ранними бронзовыми украшениями СБВ (илл. 242, *1–5*) (ОАК, 1898, с. 149; Круглов, 1958, рис. 25, *17, 18*; Котович В.Г., 1978, с. 66–67, рис. 3; 1982, рис. 9; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 6, *55*; Скаков, 2001,

рис. 1, *10–12, 16*; 2003, рис. 1, *20–25*; Гак, Мимоход, Калмыков, 2012, рис. 3, *3–5, 12, 13*). Синхронность памятников покровского типа с ПБК III, которая будет обоснована ниже, подтверждает одновременность этой фазе каякентско-хорочоевской культуры. К аналогичным выводам о синхронизации покровских, позднебабинских и каякентско-хорочоевских памятников на основании находок однотипных сурьмяных подвесок на Кавказе и в степи ранее пришел Р.А. Литвиненко (1996б, с. 100–101; 2001а, табл. 1; 2010а, с. 222).

Культурные образования посткатакомбного блока можно синхронизировать с таким узко локальным феноменом как *архонская культурная группа*, которая занимает компактную территорию Северной Осетии и прилегающих территорий (Мимоход, 2013, илл. 123). Для этого есть надежные основания. Присутствие в архонском гарнитуре украшений лепестковидных бус (илл. 133, *52–54*) и рожкового бисера (Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 7, *5*, 19, *7*, 20, *5, 7*), которые являются надежными маркерами посткатакомбных древностей (илл. 133, *II, III, 14–24, IV, 45–51*) позволяют провести соответствующую линию синхронизации. Подтверждает ее и присутствие в невинномысской культуре бронзовой подвески с обратной петлей (илл. 131, *IV*), которая имеет типологические параллели в архонской культурной группе (илл. 131, *29*). Отсутствие в инвентарном комплексе последней достоверных маркеров фазы ПКБ III, позволяют синхронизировать Архонскую только с фазами ПКБ I и II (илл. 169).

На территории центральной части Северного Кавказа финал средней бронзы представлен так называемыми *протокобанскими памятниками*. Термин, введенный В.И. Козенковой (2007, с. 306), достаточно условен. За ним стоят неоднородные материалы, которые слабо связаны с кобанской культурой (Скаков, 2001, с. 233; 2004, с. 188). На этом основании А.П. Мошинский предложил именовать данную эпоху не «протокобанской», а «предкобанской», подразумевая отсутствие прямой генетической преемственности (Мошинский, 2010, с. 257). Несмотря на недостаточную

изученность этих древностей, периодизация их уже намечена (Козенкова, Мошинский, 1995, с. 48; Скаков, 2001; 2004; Мошинский, 2008, с. 263–264), и даже выделяется особая дигорская культура II протокобанского периода (Крупнов, 1951, с. 60; Скаков, 2001, с. 234; 2004, с. 188; Мошинский, 1987, с. 179–180; 2007, с. 698–699; 2008, с. 261–264). Поставлен вопрос и о выделении беахни-купской культуры (Мошинский, 2004, с. 130–131; 2007а, с. 761–762; 2008, с. 262–263; 2010, с. 256).

Большое значение для синхронизации Протокобана с посткатакомбными памятниками имеет находка роговой фигурной пряжки в погребении 4 мог. Донифарс (илл. 161, *9*). Несмотря на то, что в силу плохой документированности характер комплекса остается неясным, обнаружение изделия данного типа на территории протокобанских памятников является достаточно симптоматичным. Предмет из Донифарса занимает промежуточное место в эволюционном ряду пряжек между раннелолинскими изделиями типа Ч-К (илл. 79, *1–4*) и среднелолинскими типа И-Т (илл. 161, *1–4*) (Мимоход, 2013, с. 119). На основании этого мы можем предполагать датировку комплексов I протокобанского периода не позднее конца ПКБ I (илл. 169).

Еще бóльшую ясность в вопрос о соотношении предкавказских и центральнокавказских материалов вносит присутствие в погребениях на фазе ПКБ I культурного круга Лола скорлупковидных бляшек с двумя отверстиями (илл. 131, *VI, 42–44*). Аналогичные изделия происходят из Верхней Рутхи (илл. 131, *45*) [Мошинский, 1985, рис. 37, *48*] (Мимоход, 2013, илл. 73, *46*). С учетом предложенного выше кавказского происхождения этой категории инвентаря в степи следует также констатировать одновременность ранних протокобанских памятников и первых этапов лолинской и невинномысской культур, а, соответственно, ПКБ I. Наличие трехрожковых бусин в Верхней Рутхе (Крупнов, 1951, рис. 19, *8, 9*; Мошинский, 1987, с. 179) тоже подтверждает параллельность существования протокобанских и посткатакомбных памятников. Об этом же свидетельствует верхнерутхинский

нож-кинжал (илл. 121, *29*) (Крупнов, 1951, рис. 14, *6*), аналогии которому происходят из погребений лолинской (илл. 121, *24*) и невинномысской (илл. 121, *IV*) культур (Нечитайло, 1978, рис. 38, *11*; 1979, рис. 49, *1*), на что уже обращалось внимание (Марковин, 1982а, с. 11–12).

Указанную линию синхронизации подкрепляют находки металлических пуговиц в погребениях лолинской и невинномысской культур раннего и развитого этапов (илл. 131, *VII, 51*). Серия аналогичных изделий присутствует в протокобанских комплексах Северной Осетии (илл. 131, *52, 53*) (Козенкова, Мошинский, 1995, рис. 2, *4*; Скаков, 2001, с. 235, рис. 1, *5–7*; 2003, с. 19, рис. 1, *10–13*) [Мошинский, 1986, рис. 23, *64, 63, 71*].

Общая синхронность протокобанских памятников и лолинской культуры представляется достаточно очевидной. Теперь попробуем более детально разобраться в соотношении их конкретных периодов. Синхронизация фазы ПКБ I и протокобанского I-го периода устанавливается по находкам металлических пуговиц и фигурных пряжек. А.Ю. Скаков в рамках II протокобанского периода, синхронного дигорской культуре, выделяет два хронологических этапа. К первому из них (протокобанский IIа) он относит погребение 9 мог. Кари-Цагат, в инвентаре которого присутствуют прямоугольные каменные распределители с кольцевым орнаментом типа Фаскау (Скаков, 2001, с. 234; 2003а, с. 91, 96, рис. 2, *17–19*; 2004, с. 190). Аналогичный предмет найден в склепе 3 мог. Эгикал, который, как было показано выше, синхронен невинномысской культуре, позднейшим материалам склепа 7 мог. Гатын-Кале и, соответственно, фазе ПКБ II. В комплексе присулакской культуры Миатли II 2/1 найдены известняковые распределители типа «домино» с четырьмя точками по углам (Канивец, Березанская, 1959, рис. 5, *4*). Аналогичные изделия обнаружены в Фаскау (Скаков, 2003а, рис. 3, *4–6*). Предположение А.Ю. Скакова о том, что распределители с точечным орнаментом более ранние по отношению к изделиям с кольцевым декором, полностью подтверждается материалами предкавказских посткатакомбных памятников. Дело в том, что в комплексе

Миатли II 2/1 в ожерелье вместе с распределителем типа «домино» найдена лепестковидная бусина (илл. 133, *56*). Бисер этого типа характерен преимущественно для ранних комплексов Лолы и Невинномысска. Иными словами, система перекрестных привязок показывает, что ранние этапы лолинской и невинномысской культуры (ПКБ I и II) синхронны I протокобанскому периоду, а развитый – первой фазе II протокобанского периода (Протокобан IIа) (илл. 169). Это полностью соответствует и построениям А.Ю. Скакова, который синхронизирует ранние протокобанские памятники с поздней присулакской и гинчинской культурами (Скаков, 2001, с. 234; 2004, с. 189).

Если предыдущие рассуждения верны, то логично предположить, что фаза ПКБ III должна синхронизироваться с поздней фазой II протокобанского периода (Протокобан IIб), по периодизации А.Ю. Скакова. К ней исследователь относит погребение 6 мог. Кари-Цагат (Скаков, 2004, с. 190). Собственно, прямых доказательств синхронности фазы ПКБ III и Протокобана IIб у нас нет. Следует только отметить, что в это время на Кавказе продолжают бытовать металлические пуговицы (илл. 131, *54*), которые известны в предшествующие периоды протокобанских древностей и по находкам в погребениях лолинской и невинномысской культур первых двух этапов. Одним из реперов для хронологического размежевания комплексов II протокобанского периода для А.Ю. Скакова стала эволюция двуволютных подвесок. Для периода IIа характерны массивные изделия, а для IIб – более миниатюрные (Скаков, 2003, с. 19; 2003а, с. 96; 2004, с. 190). Симптоматично, что двуволютная подвеска, известная в покровских материалах (илл. 242, *10*) (Смирнов К., 1959, рис. 8, *6*), отличается небольшими размерами и вполне сопоставима с образцами погребения 6 мог. Кари-Цагат протокобанского периода IIб (илл. 242, *5*) (Скаков, 2001, рис. 1, *10, 11*; 2003, рис. 1, *21–23*). В свете устанавливаемой синхронизации поздних посткатакомбных древностей с памятниками покровского типа (см. ниже) появляются основания для возможной констатации одновременности ПКБ III

и поздней фазы II протокобанского периода (илл. 169). Так называемый III протокобанский этап – это уже время классических позднебронзовых степных культур: срубной, сабатиновской, алакульской.

Для синхронизации лолинских памятников с культурами Западного Кавказа данных значительно меньше. В эпоху средней бронзы здесь выделяется *дольменная культура*. Верхнюю границу ее существования М.Б. Рысин синхронизирует с позднекатакомбным периодом, в частности с батуринской культурой (Рысин, 1991, с. 39; 1995, с. 62). В схеме В.А. Трифонова она доживает до срубного времени (Трифонов, 1990, с. 25–26; 2001, табл. 1, 2; 2001а, табл. 1, с. 41–42). Последняя датировка, основанная на представительной базе ^{14}C данных, представляется более убедительной. По крайней мере, привязки к степным материалам, в том числе к посткатакомбным, показывают, что это так.

Для установления одновременности памятников финала СБВ Предкавказья и дольменной культуры большое значение имеет обнаружение в дольмене у пос. Каменномостский височной подвески фигурной формы (Резепкин, 2010, с. 305), которая имеет прямые аналогии в материалах невинномысской культуры (илл. 131, *IV*) и финальной Гинчи (илл. 131, *27, 28*). Последняя, как было показано выше, датируется периодом ПКБ II (илл. 169).

В свое время вопрос о синхронности поздней дольменной культуры памятникам начала ПБВ степной зоны поставила находка в дольмене 37 у ст. Даховская костяной пряжки с центральным и двумя дополнительными отверстиями (Марковин, 1994б, табл. 71, *44*; 1997, рис. 96, *7*; Мимоход, 2012б, рис. 2, *1*). Серия близких изделий происходит из покровских и синташтинских комплексов (Мимоход, 2012б, рис. 2, *9–11*). В качестве фактически прямой аналогии можно указать на пряжку из покровского комплекса Политотдельское 4/6 в Нижнем Поволжье (Смирнов К., 1959, рис. 15, *2*; Мимоход, 2012б, рис. 2, *9*). Она также имеет не совсем правильную округлую форму и совершенно идентичную систему расположения отверстий. В не разграбленном дольмене на р. Колихо в Туапсинском районе была обнаружена

овальная пряжка, изогнутая в сечении, аналогичная бабинским пряжкам фазы ПКБ III (илл. 125, II, *13–24*) (Трифонов, 2008)[16]. Она дает то же время, что и изделие из дольмена 37 у ст. Даховской. Подтверждает это и серия калиброванных радиоуглеродных дат из дольмена Колихо, древнейшие из которых укладываются в XVIII в. до н.э. (Trifonov, Zaytseva J. van der Plicht, Bourova, Bogomolov, Sementsov, Jungner, Sonninen, 2011, p. 59), что соответствует времени бытования позднебабинских и покровских пряжек. Таким образом, на основании находок конкретных узко датирующихся категорий инвентаря верхнюю границу дольменной культуры можно синхронизировать с памятниками покровского типа, позднебабинской, поздненевинномысской а соответственно, и позднелолинской культурами, т.е. фазой ПКБ III. Так как дольмены строились на Западном Кавказе в течение всего среднего бронзового века, мы можем констатировать одновременность общего диапазона бытования посткатакомбного блока и поздних дольменных памятников (илл. 169). Не противоречат этому и данные по синхронизации Эшерских дольменов, в частности среднего слоя, с протокобанскими древностями (Скаков, 2009, с. 150).

Удаленность Закавказья создает понятные трудности для синхронизации посткатакомбных памятников с культурными образованиями этого региона. Тем не менее, определенные данные для сопоставления с культурами Южного Кавказа имеются. Часть из них уже была озвучена применительно к памятникам как культурного круга Бабино (Литвиненко, 2009, с. 266–267; 2010 с. 222–223), так и культурного круга Лола (Мимоход, 2013, с. 262, 263).

В Центральном Закавказье посткатакомбный блок следует синхронизировать с *триалетскими памятниками «цветущей поры»*[17]. Последние следуют за алазано-беденской культурой (илл. 169) (Пицхелаури,

[16] Причем изделие было обнаружено под несущей стеной дольмена и, соответственно, маркирует время его постройки (информация В.А. Трифонова).
[17] Или культурой Триалети-Ванадзор I и II фаз развития (Smith, Badalyan, Avetisyan, 2009, fig. 2, p. 56).

1987, с. 24; 2010, с. 243–245; Кушнарева, 1983, с. 11–12; 1997, с. 20; 1998, с. 42; Кушнарева, Рысин, 1999, с. 82; 2000, с. 78; 2001, с. 109) и датируются финалом средней бронзы по восточноевропейской хронологии (Трифонов, 2001, табл. 1; Мимоход, 2013, с. 262, 263; Рысин, 2014, с. 200, 210; 2015; 2015а, с. 391). В этой связи еще раз отметим отсутствие в материалах Северо-восточного Кавказа, синхронных ПКБ, алазано-беденских импортов. Общим хронологическим индикаторам для Триалети и посткатакомбных комплексов является бородавчатый и рожковый бисер (илл. 133, *34, 35*). Отдельно следует отметить находку в комплексе невинномысской культуры Суворовский 9/2 полых бусин, сделанных из золотого листа (Нечитайло, 1979, с. 45). Как уже отмечалось, подобная техника и использование этого драгоценного металла характерны для триалетской культуры.

После передатировки *кармирбердской культуры* и отнесения ее к рубежу средней – поздней бронзы стало понятно, что эта группа памятников представляет собой следующий этап после «цветущей поры» в развитии закавказских древностей (Кушнарева, 1995, с. 67–70; 1998, с. 42–43; 2007; Кушнарева, Рысин, 2001, с. 103; Smith, Badalyan, Avetisyan, 2009, fig. 2). К.Х. Кушнарева, а вслед за ней и Р.А. Литвиненко, синхронизируют курган кармирбердской культуры в Ошакане, где были обнаружены бронзовые удила с пластинчатыми псалиями типа Газы, с блоком колесничных культурных образований (Кушнарева, 2007, с. 175–176; Литвиненко, 2010, с. 223). Если подобная синхронизация ранних кармирбердских памятников со степными культурами начала поздней бронзы верна, то «цветущая пора» Триалети должна быть одновременна фазам ПКБ I и II, т. к. ПКБ III синхронен покровским, потаповским и синташтинским комплексам (см. ниже) и ранним кармирбердским памятникам (илл. 169). Подтверждает это наблюдение и синхронизация А.Ю. Скаковым I протокобанского периода его схемы с триалетской культурой (Скаков, 2006, с. 326; 2009, с. 158). Важным доказательством служит обнаружение в кургане 23 мог. Верин Навер кармирбердской культуры ожерелья из фаянсовых, стеклянных, агатовых бус

и морских моллюсков, которое явно было импортом из Южной Месопотамии (Симонян, 1984). Аналогии ему происходят из мастерской ювелира, раскопанной в Ларсе (Arnaud, Calvet, Huot, 1979, fig. 26–44), а это означает, что в Армению бусы могли попасть до падения этого города (Симонян, 1984, с. 133). Соответственно, время существования кармирбердской культуры с привязкой к месопотамской хронологии устанавливается в рамках старовавилонского периода (XIX–XVIII вв. до н.э.) (Симонян, 1984, с. 133; Кушнарева, 1993, с. 151), что вполне соответствует периоду ПКБ III в системе калиброванных радиоуглеродных дат (см. ниже).

По всей видимости, с ПКБ II и III можно синхронизовать памятники *квасатальской группы и ранние погребения Тлийского могильника* Южной Осетии и прилегающих районов Грузии. Определенные основания для этого есть. В погребении 8 Квасатальского могильника обнаружены сурьмяные пуговицы (Джапаридзе О., 1955, с. 27), известные в лолинской и невинномысской культурах раннего и развитого этапов (илл. 131, *VII, 51*). Правда, в поздней Лоле их пока нет, но они есть в синхронных ей памятниках Проткобана IIб и каякентско-хорочоевской культуре (илл. 131, 52–54). Кроме того, из этого могильника происходят подвески с обратной петлей и завитками на концах (Джапаридзе О., 2009, рис. 13, *3*, 17, *8*), которые являются точными аналогиями изделиям из Эгикала и Архонской (илл. 131, *27, 29*). О.М. Джапаридзе подчеркивает генетическую связь и хронологическую близость Гинчи и квасатальской группы (2009, с. 231–232), которая некоторыми исследователями рассматривается в качестве поздних памятников триалетской культуры (Джапаридзе О., Киквидзе, Авалишвили, Церетели, 1984, с. 172; Кушнарева, 1993, с. 110).

В погребении 56 Тлийского могильника обнаружено костяное кольцо с двумя дополнительными отверстиями (Техов, 1980, табл. 19, рис. II, *1*). Аналогий этому предмету на Кавказе нет, но серия таких колец происходит из покровских, раннесрубных и раннеалакульских погребений (Памятники срубной культуры..., 1993, табл. 14, *3*; Моруженко, Литвиненко, 1993, рис. 13,

4; Ляхов, 2009, рис. 6, *3*; Мимоход, 2011, с. 38, илл. 2, *12–15*; 2011а, рис. 2, *20–23*; Шарафутдинова, Житников, 2011, рис. 71, 8; Виноградов Н., Берсенева, Алаева, Алентьев, Блинов, Галибин, Епимахов, Илюшина, Китов, Косинцев, Рассомахин, 2020, рис. 1.208, *4*), которые относятся к числу поясных пряжек или подвесок (Литвиненко, 2001б, с. 90, рис. 2, *22*; Мимоход, 2011а). Полностью тождественные тлийскому кольца найдены в покровских и раннесрубных комплексах в Нижнем Поволжье и Среднем Подонье (Моруженко, Литвиненко, 1993, рис. 13, *4*; Памятники срубной культуры…, 1993, табл. 14, *3*; Ляхов, 2009, рис. 6, *3*), а также в раннеалакульских комплексах Кулевчи VI 4/31 и Новоильиновский II 13/1[18]. В погребении 56 мог. Тли вместе с костяным кольцом найдены булавки с навершием в виде трезубца, которые являются атрибутом наиболее раннего пласта захоронений (Скаков, 2001, с. 237), не обладающих чертами преемственности с раннекобанскими захоронениями (группа I подгруппа Ia) этого памятника (Скаков, 2001, с. 237–238; 2007, с. 514). Обнаружение покровской пряжки на южном склоне Кавказа позволяет синхронизировать ранние комплексы Тлийского могильника с покровскими древностями, а соответственно с фазой ПКБ III (Мимоход, 2011а, с. 205). Характерно, что в покровских материалах есть кольца с двумя отверстиями и с продольными бороздками на корпусе (Мимоход, 2012б, рис. 2, *21, 23*). Такое же изделие, но без отверстий, было найдено в позднелолинском комплексе (илл. 77, *2*).

Если привязаться к *месопотамской хронологии*, то фазы ПКБ I и II будут синхронны постаккадскому периоду и времени третьей династии Ура, а также фазам Va и Vb периодизации древностей Суз. Окончание существования посткатакомбного блока приходится на отрезок противостояния Исина и Ларсы и возникновения Старовавилонского царства (Amiet, 1986, p. 12–13; Porada, Hansen, Dunham, 1992, p. 116-118, fig. 5; Voigt, Dyson, 1992, p. 134; Hakemi, 1997, tabl. 2; Potts, Roustei, Petrie, Weeks, 2009, fig. 1.3). По

[18] Информация Э.Р. Усмановой.

анатолийской хронологии время посткатакомбного блока будет синхронно Трое IV–V (Yakar, 1985, p. 119; Korfmann, Mannsperger, 1998, abb. 40; Blum, 2006, s. 145), по египетской – первому переходному периоду и Среднему царству: VII–XII династиям (Bietak, 1968, s. 165; 1992, s. 30; Buchholz, Karageorghis, 1973, p. 30)[19].

Теперь перейдем к системе степных и лесостепных привязок. Северными соседями посткатакомбных культурных образований являются культурные группы, происхождение которых в той или иной мере связано со шнуровым миром. Они представляют собой так называемый «постшнуровой» блок (Литвиненко, 2001а, с. 168; Мимоход, 2005, с. 72; 2007, рис. 5; 2009, с. 32–33; 2009а, с. 278; 2013, с. 265). Эти культуры занимают преимущественно лесостепь и юг лесной зоны. На территории РФ к ним можно отнести воронежскую, вольско-лбищенскую и абашевские культуры Среднего Поволжья и Южного Урала. Именно они граничат с севера и востока с посткатакомбным миром. Термин «постшнуровые» для этих культурных групп отчасти условен, но отражает вполне конкретные археологические реалии. Участие носителей шнуровых традиций в формировании облика вышеуказанных культур констатируется почти всеми специалистами, предметно занимающихся их изучением (Пряхин, 1982, с. 138–139; Беседин, 1984, с. 73; 1988, с. 143–147; 1997, с. 66; Пряхин, Беседин, 1988, с. 31, 33; 1988а, с. 108; 1989, с. 135; Васильев, 1999, с. 78; 2003, с. 110; Кузьмина О., 1992, с. 74; 2000, с. 65; 2000а, с. 98; 2001, с. 153–156; Богданов, 1998, с. 22; Кузьмина Е., 2003, с. 77; Ставицкий, 2004, с. 20; 2005, с. 109–110; 2006, с. 36; Ткачев В., 2006, с. 8; 2006а, с. 72; 2007, с. 213, 298). Благодаря территориальной близости

[19] Данная синхронизация предлагается, естественно, на основе калиброванных радиоуглеродных дат посткатакомбных культурных образований (см. ниже), и поэтому в ней есть определенная доля условности, т. к. существует проблема состыковки данных ^{14}C и исторической хронологии на Ближнем Востоке (J. von Beckerath, 1997, s. 57). Радиоуглеродный метод считается там «довольно грубым инструментом» для датировки династических хроноинтервалов (Thomas, 1992, p. 148–149). Тем не менее намеченные линии, на мой взгляд, – вполне приемлимы. Если мы сравним, например, исторические даты Ближнего Востока и Средиземноморья с калиброванными результатами радиоуглеродного анализа, то получим картину как их совпадения, так и несовпадения (как в сторону омоложения, так и в сторону удревнения) (Thomas, 1992, p. 148–149; J. von Beckerath, 1997, s. 58), что нормально, когда радиокарбонным методом датируются узкие временные отрезки с четко установленной исторической хронологией.

к посткатакомбному блоку более или менее надежно можно выстроить ***постшнуровую линию синхронизации*** для ПКБ.

Вывод об одновременности с *вольско-лбищенской культурой* позволяет сделать наличие в ее материалах скорлупковидных бляшек с двумя отверстиями (илл. 131, *48*) (Васильев, 1975, рис. 3, *2, 3*). Подобные украшения известны в погребениях лолинской и невинномысской культур фазы ПКБ I (илл. 131, VI, *42–44*). Синхронность Вольска-Лбище и культурных кругов Бабино и Лола подтверждают и перекрестные привязки. Обнаружение в захоронениях ВДБК и ВУКГ вольско-лбищенской посуды (илл. 26, *1–5*, 157, *2, 3*) на уровне закрытых комплексов демонстрирует сосуществование постшнуровых памятников юга Среднего и севера Нижнего Поволжья и посткатакомбного блока (илл. 169) (Мимоход, 2009, с. 32–34; 2009а, с. 277–278; 2013, с. 266; 2018а; 2020). Следует также обратить внимание на совместную встречаемость на поселениях вольско-лбищенской посуды и керамики с многоваликовой орнаментацией (Малов, 1979, с. 83; Малов, Сергеева, Ким, 2009, рис. 7, *3*). Как было показано выше, последняя вполне могла принадлежать ВДБК.

Кроме того, в постшнуровых памятниках Поволжья известны бронзовые украшения, выполненные в технике «вербового листа». Височные подвески с характерным оформлением лопастей были обнаружены в Северо-Бирском могильнике (Сальников, 1967, рис. 2, *20, 21, 25*), который сейчас рассматривается в вольско-лбищенском культурном контексте (Васильев, 1999, с. 73; Ткачев В., 2006, с. 7; 2006а, с. 71; 2007, с. 212–213). Это позволяет синхронизировать Вольск-Лбище с гинчинской и карпато-дунайскими культурами[20], а через них с посткатакомбным блоком.

Указанная одновременность с посткатакомбными памятниками аргументируется еще и тем, что верхняя граница существования вольско-лбищенских древностей определяется возникновением блока колесничных

[20] Аналогии северобирским подвескам см.: (Florescu M., 1978, fig. 14, 3).

культурных образований, в формировании которых они принимали участие (Васильев, Синюк, 1985, с. 68; Васильев, Матвеева, Тихонов, 1987 с. 50; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 90; 1995, с. 15–16; Васильев, 1999, с. 78; 2003, с. 110–111; Васильев, Кузнецов, 2000, с. 67; Богданов, Халяпин, 2000, с. 49; Отрощенко, 2001, с. 67–68; Ткачев В., 2006, с. 10; 2006а, с. 72; 2007, с. 214; Лопатин, 2012, с. 68; 2014, с. 37). Кроме типологических сопоставлений, сейчас этот факт подтверждается обнаружением на подкурганной площадке раннепокровского кургана 3 мог. Владимировка II в Самарском Заволжье сосуда с вольско-лбищенскими чертами (Скарбовенко, 2006, рис. 3, *3*).

При датировке верхнего рубежа Вольска-Лбище финалом средней бронзы (Филипченко, 1993, с. 152; Васильев, 1999, с. 76–77; Богданов, Халяпин, 2000, с. 50; Ткачев В. 2001, с. 113; 2005, с. 134; Литвиненко, 2001а, табл. 1; 2009а, с. 17; Отрощенко, 2001, с. 66–68; Васильев, Кузнецов, 2000, с. 71; 2003, с. 46; Кузнецов, 2007, с. 155; Мимоход, 2009а, с. 276–278; 2018а) нижняя его граница по-прежнему нуждается в уточнении. Исследователи определяют ее по-разному, синхронизируя с катакомбными, полтавкинскими, раннеабашевскими, среднеднепровскими, фатьяновско-балановскими памятниками (Малов, 1979, с. 83; Васильев, Синюк, 1985, с. 67; Васильев, 1999, с. 72, 74; Васильев, Кузнецов, 2000, с. 67–69; Васильев, 1999, с. 77; 2003, с. 109–110; Кузнецов, 2007, с. 154–155) и даже с древностями раннего бронзового века (Ставицкий, 2005, с. 109; 2006, с. 36–37). Для нас принципиальное значение имеют уже отмеченные факты обнаружения вольско-лбищенской посуды в комплексах ВДБК (илл. 17, *19*, 20, *8*, 21, *6*) и ВУКГ (илл. 153, *3*, 155, *1*). Последние датируются периодами ПКБ I и II (илл. 168). Таким образом, при неясности времени формирования вольско-лбищенской культуры можно с уверенностью утверждать то, что она доживает до начала поздней бронзы и синхронна первой и второй фазам блока посткатакомбных культурных образований (илл. 169). Наличие закрытых комплексов рубежа средней – поздней бронзы с вольско-лбищенской посудой позволяют снять все сомнения (Пятых, 2004, с. 89) в отношении

хронологического стыка памятников типа Вольск-Лбище с колесничными культурами ПБВ. Датировка же вольско-лбищенских древностей только ранним и развитым периодами средней бронзы, а также разведение их во времени с посткатакомбными культурами (Богданов, 1998, с. 22; Малов, Сергеева, Ким, 2009, с. 29–30; Малов, 2010, с. 83) являются неверными и противоречат известной на сегодняшний день сумме фактов.

Очень схожая ситуация складывается с установлением хронологического соотношения лолинских памятников и другой составляющей постшнурового блока – *воронежской культурой*. Для нее также четко не определена нижняя граница. В.И. Беседин и А.Д. Пряхин помещают формирование воронежской культуры после развитого этапа среднедонской катакомбной культуры и до срубной культуры, синхронизовав ее верхнюю границу с Бабино и первым периодом ДВАК (Беседин, 1984, с. 72; 1988 с. 125; 1991, с. 90; 1997, с. 65; Пряхин, Беседин, 1988, с. 93; 1988а, с. 23; 1989, с. 135; Пряхин, Матвеев, 1988, с. 143). Приблизительно так же датирует этот феномен и М.В. Ивашов, который указывает на взаимодействие носителей воронежских и катакомбных традиций, а верхнюю границу культуры помещает до начала II тыс. до н.э. (Ивашов, 2003, с. 97; 2014, с. 153). А.Т. Синюк полностью синхронизирует воронежскую, на его взгляд, генетически восходящую к иванобугорским памятникам, и среднедонскую катакомбную культуры (Синюк, 1990, с. 109; 1993, с. 41, 45; 1994, с. 117; 1996, с. 209, рис. 70; 1996а, рис. 1; Синюк, Березуцкий, 2001, с. 94; Синюк, Бессуднов, 1996, с. 58;). По материалам закрытых комплексов погребений можно констатировать, что ранний период воронежской культуры частично синхронен развитому и полностью позднему этапам среднедонских катакомбных древностей. (Мимоход, 2019а). В установлении верхнего рубежа воронежской культуры нет особых разногласий. Она определяется появлением позднеабашевских (по А.Д. Пряхину и В.И. Беседину), срубно-абашевских (по А.Т. Синюку) или покровских памятников (Беседин, 1984, с. 73–74; 1988, с. 125; 1997, с. 65; Пряхин, Беседин, 1988, с. 31–32; 1988а, с. 93;

1989, с. 135; Синюк, 1996, с. 178, 181; 1993, с. 41, 46; 1996а, рис. 1; Синюк, Березуцкий, 2001, с. 95; Лопатин, 2012а).

Прямые данные для синхронизации лолинской и воронежской культур дает комплекс Хохольский 1/1. Здесь воронежский сосуд был найден вместе с гривной, очковидной подвеской и спирально-ленточными пронизями (Пряхин, Синюк, 1983, рис. 2). Последние являются точными аналогиями лолинским и бабинским украшениям, которые характерны для раннего этапа развития культуры (илл. 39, *III, 20–24*). В свою очередь, гривна (Пряхин, Синюк, 1983, рис. 2, *3*) и подвеска (илл. 162, *8*) также находят четкие соответствия в материалах ДДБК (илл. 162, *11–13*, 199, *7*) (Литвиненко, 2009, рис. 51, *1–3, 9, 11–13*). Известна очковидная подвеска и в захоронении ВУКГ (илл. 162, *I*). На уровне закрытых комплексов синхронность воронежской культуры и культурного круга Бабино доказывается случаями обнаружения в погребениях ВДБК и ДДБК воронежской посуды (см. главу 2) (Мимоход, 2018б; 2019а).

В погребении 6 Филатовского кургана вместе с воронежской керамикой была обнаружена костяная пряжка с бортиком типа 2 по классификации Р.А. Литвиненко фазы ПКБ II (Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 6, *1, 3*). Это дает основание синхронизировать ее с позднейшими воронежскими памятниками (Литвиненко, 2002а, с. 80; 2009, с. 274–275; Мимоход, 2007, рис. 5; 2013, илл. 114; 2018б; 2019а, с. 127–130). Примечательно, что комплекс с пряжкой и воронежской керамикой в Филатовке предшествовал колесничному погребению 1, в котором присутствовали поясные детали фазы ПКБ III, изогнутые в сечении, с двумя разновеликими отверстиями (Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 9, *6, 8*)[21].

[21] Р.А. Литвиненко поставил вопрос о воронежской культурной атрибуции еще одного комплекса, необычного по обрядности, с бабинской пряжкой фазы ПКБ II (Литвиненко, 2009, с. 275). Речь идет о п. 1 к. 1 мог. Селявное (Матвеев, 1996, рис. 1, *6, 7*). Если это так, то данное захоронение также подтверждает предыдущие наблюдения. Однако отсутствие в Селявном посуды, которая является пока единственным надежным индикатором воронежской культурной атрибуции, не позволяет однозначно использовать этот комплекс для установления хронологического соотношения воронежской и бабинской культур. Следует только согласиться с Р.А. Литвиненко, что комплекс из Селявного не доно-волжско абашевский (ранний покровский), как считает Ю.П. Матвеев (1996, с. 29), а более раннего времени.

Воронежская культура так же, как вольско-лбищенская, ВДБК и ВУКГ, оказавшись в ядре формирования колесничного блока, существовали только в периоды ПКБ I и II. И так же, как и в случае с Вольском-Лбище, нижняя граница воронежской культуры требует уточнения, но очевидно, что она древнее периода формирования посткатакомбного горизонта и частично синхронна развитому этапу среднедонской катакомбной культуры (Мимоход, 2019а).

Уверенно с блоком посткатакомбных культурных образований можно синхронизировать памятники *средневолжской абашевской культуры*. Для этого можно использовать спиральные пронизи (илл. 39, *27, 28*) и скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями (илл. 131, *49, 50*), которые известны в погребениях культурных кругов Бабино и Лола (илл. 39, *III, 21–24,* 131 *VI, 42–44*). Причем эти вещи датируются фазой ПКБ I, что вполне соответствует времени существования СВАК. Особенно интересна находка в средневолжском абашевском комплексе Алгаши 1/1 не характерной для этого региона вещи – костяной кольцевидно-узкопланочной пряжки (илл. 161, *14*) (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 8, *1*). Она несколько отличается по системе крепления от кавказской серии, пряжек лолинской культуры и ВУКГ (илл. 161, I, *1–13*), т. к. имеет на планке не одно, а два отверстия. Тем не менее, пряжка является изделием принципиально того же типа, что позволяет ее использовать как основание для синхронизации средневолжского абашевского комплекса из Алгашей, скорее всего, с фазой ПКБ II.

Прямым основанием для синхронизации посткатакомбного блока и Средневолжского Абашева является находка в погребении ВУКГ классического набора украшений СВАК, который включал спиральные пронизи, скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями и подвеску-розетку (илл. 157, *20–22*, 162, II, *14–17*). Это же дает основание и для синхронизации посткатакомбных памятников с другой абашевской культурой – южноуральской (илл. 162, *18–21*).

Остальную синхронизацию можно построить только на основании относительной хронологии самого Средневолжского Абашева. Верхняя граница культуры лимитируется возникновением колесничного блока. Участие абашевского компонента в формировании культур начала ПБВ вряд ли у кого-то вызывает сомнения. Это позволяет датировать верхнюю границу СВАК фазой ПКБ II. Нижняя граница синхронна ранней фазе блока (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, рис. 8; Литвиненко, 2001а, табл. 1; Мимоход, 2007, рис. 5). В любом случае мы однозначно можем констатировать синхронность Средневолжского Абашева фазам ПКБ I и II. Приблизительно так же датируется и *южноуральская абашевская культура*, с той лишь разницей, что ее позднейшие комплексы могут заходить в горизонт щитковых псалиев, а древнейшие несколько моложе нижней границы СВАК (илл. 169).

Важное место в реконструкции культурно-генетических процессов на рубеже средней – поздней бронзы занимает хронологическое соотношение посткатакомбного блока и культур горизонта щитковых псалиев. Весомый вклад в разрешение этой проблемы вносит лолинская ***линия синхронизации с колесничными культурными образованиями.*** На сегодняшний день колесничный блок представлен потаповскими, синташтинско-петровскими и покровскими (ДВАК) памятниками.

Есть прямые данные для синхронизации фазы ПКБ III с *покровскими древностями*. К покровско-бабинскому горизонту поселения Ильичевка относится находка лолинской подвески типа Э-К (илл. 126, *6*). Материалы этого памятника уже свидетельствуют о синхронности Бабино и Покровска, а находка здесь поздней модификации лолинских и невинномысских поясных деталей (илл. 126, I, *1–4*) дает время контакта всех трех культур. Подтверждает одновременность ПКБ III с покровскими памятниками, в том числе и поздними, обнаружение в лолинском комплексе Чограй I 2/3 костяного кольца с двумя параллельными бороздками на корпусе (илл. 77, *2*). Серия подобных изделий происходит из покровских захоронений Подонья, Поволжья и Северо-восточного Приазовья (см. выше).

Надежно установленная хронологическая последовательность костяных и роговых пряжек в культурном круге Бабино является хорошим аргументом для синхронизации периода ПКБ III с покровскими (Литвиненко, 2000б, с. 82, рис. 4; 2001б, табл. 1; 2002, рис. 6; 2009а, с. 17). В материалах последних неизвестны фигурные и кольцевидные с одним отверстием, которые маркируют фазы ПКБ I и II. Присутствие в покровских комплексах только поздней модификации пряжек, изогнутых в сечении, с двумя разновеликим отверстиями (илл. 242, *33–35*), свидетельствует о синхронности фазы ПКБ III и Покровска. Хорошо этот факт подтверждает обнаружение в невинномысском комплексе Адагум 1 7/3 пряжки покровского облика со специфической системой крепления (илл. 125, *IV*), которая находит аналогии в материалах начала поздней бронзы (илл. 125, *27–29*).

Костяных желобчатых двудырчатых пряжек, которые выступают в качестве маркеров для синхронизации поздней фазы посткатакомбного блока с колесничными культурами, пока нет в *синташтинских и потаповских памятниках.* Зато в них изредка встречаются плоские пряжки с двумя разновеликими отверстиями (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 36,2; Епимахов, 2005, илл. 78, *17*), которые хорошо представлены в ранних покровских памятниках. Так, подобное изделие входило в состав инвентаря погребения 1 Филатовского кургана вместе с пряжками позднебабинской модификации (Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 9, *5–8*), что позволяет в свете других многочисленных параллелей считать синхронными ранние покровские, потаповские, синташтинские памятники в рамках одного временного интервала с фазой ПКБ III.

В свете обосновываемой синхронизации немаловажную роль играют приведенные Р.А. Литвиненко данные о находке сосуда синташтинского облика в позднем комплексе днепро-прутской бабинской культуры (Баштановка 4/7) в Северном Причерноморье (Литвиненко, 2009, с. 279). Сошлемся на где-то сходную ситуацию по материалам Калмыкии. В позднелолинском комплексе Купцын-Толга 46/10 был найден сосуд

(Шнайдштейн, 1981, с. 110, табл. 17), который выполнен в петровских керамических традициях (Мыськов, 1991, с. 156).

Определенные наблюдения хронологического порядка дает фаянсовый бородавчатый и рожковый бисер, известный в покровских и синташтинских захоронениях (илл. 133, *36–44*). Симптоматичным оказывается отсутствие в материалах Синташты и Покровска бусин с двумя выступами, которые характерны для позднекатакомбных культур Предкавказья (илл. 133, *9–13*), культурных кругов Бабино и Лола фазы ПКБ I (илл. 133, II, *14–24*). На этом основании был сделан вывод о более позднем возрасте колесничных культур по сравнению с ранним Бабино (Литвиненко, 1999в, с. 131; 2006в, с. 97–98; Litvinenko, 2002, p. 179–181). Закономерности использования в разные периоды разнотипных фаянсовых бус с выступами (Мимоход, 2012; 2013, с. 191–199) также подтверждают синхронизацию фазы ПКБ III с синташтинским и покровскими памятниками.

Как прямые данные для синхронизации культурных образований колесничного блока с посткатакомбным блоком, вероятно, можно использовать плоские костяные диски с маленьким центральным отверстием, часть из которых по аналогии с предметами типа Э-К было предложено рассматривать в качестве подвесок (Мимоход, 2013, с. 130). Такое изделие было найдено в позднем комплексе невинномысской культуры Николаевский-3 2/6 в Южном Предкавказье (илл. 126, *II*). Серию аналогичных предметов мы имеем в покровских, потаповских и синташтинских комплексах (илл. 126, *9–16*). Эти данные хорошо укладываются в предлагаемую схему синхронизации фазы ПКБ III с Покровском-Потаповкой-Синташтой. Обнаружение прямых аналогий лолинским поясным подвескам типа Э-К в южноуральском Абашеве (илл. 126, *8*) позволяет, наряду с другими данными, увести верхнюю границу этой культуры в горизонт щитковых псалиев и синхронизировать ее позднейшие памятники с периодом ПКБ III.

Таким образом, на сегодняшний день мы не имеем никаких серьезных оснований не только для синхронизации фазы ПКБ I с блоком колесничных

культурных образований, но даже для удревнения его нижней границы до времени ПКБ II (илл. 169), хотя последнюю возможность исключать окончательно пока нельзя. Культурно-типологические и сравнительно-стратиграфические наблюдения показывают синхронность Синташты, Покровска и Потаповки, главным образом, ПКБ III[22]. Без сомнения, горизонт щитковый псалиев, равно как и соответствующая фаза блока посткатакомбных культурных образований, имели свою временную протяженность. Поэтому сейчас можно ограничиться констатацией синхронности ПКБ III как ранним колесничным памятникам (ранний Покровск, Синташта, Потаповка), так и поздним (поздний Покровск, Петровка) (илл. 169). С ними финальные памятники культурных кругов Бабино и Лола представляют предсрубный, предалакульский и предсабатиновский горизонты.

В свете вышесказанного синхронизация периода ПКБ I с синташтинской культурой и построение на этом основании культурно-генетических процессов рубежа ранней – средней бронзы (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, рис. 8; Березанская, 1978, с. 83; 1986, с. 37; Кузьмина Е., 1994, с. 27; Отрощенко, 1994, с. 40–41; 1998а, с. 56; 2000, с. 69; 2001, с. 47, 63, 72, 79, 88–89, 109; 2002, с. 192, 198–199; 2003, с. 76–88; 2007, с. 213; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 81; Шарафутдинова, 1995а, с. 132, 140; Зданович Г., 1995, с. 36; Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 55; Епимахов, 1997, с. 16; 2008, с. 93; Григорьев, 1999, с. 135, 137; 2010, с. 44–45; 2018, с. 41–45, 52; 2020, с. 65, 66; Grigoriev, 2019, p. 235, 236; 2021, p. 194; Богданов, Халяпин, 2000, с. 50; Кияшко А., 2002, с. 211, рис. 128; 2002б, с. 157; Пустовалов, 2005, с. 37; Братченко, 2006, с. 224; Koryakova, Epimakhov, 2007, p. 97; Мельник, 2008, с. 178; 2009а, с. 29; Лысенко С.Д., 2011, с. 137; Горбунов В., Горбунов Ю., 2010, с. 28; Рогудеев, 2010, с. 121) сейчас не подтверждаются ни бабинскими (Литвиненко, 1996, с. 68; 1996, с. 49; 1999в; 2003; 2004; 2006в; Litvinenko,

[22] В этой связи неправомерной выглядит и синхронизация триалетской культуры со временем финала посткатакомбного блока и даже более поздним периодом (Lichardus, Vládar, 1996, s. 91; Григорьев, 2010, с. 40). Как было показано выше, Триалети «цветущей поры» относится к более раннему времени и синхронна ПКБ I и II.

2002), ни лолинскими материалами (Мимоход, 2007; 2013). К этому выводу уже приходят и специалисты, изучающие синташтинскую культуру (Ткачев В., 2001, с. 188; 2006а, с. 93; 2007, с. 300; Пятых, 2004, с. 286; Епимахов, 2007, с. 408).

Привязки посткатакомбных памятников к хронологии эпишнуровых культур, расположенных от Поднепровья до Западной Европы, могут осуществляться, главным образом, через культурный круг Бабино. Их синхронизация с культурами посткатакомбными памятниками уже детально аргументирована (Литвиненко, 2009, с. 286–302; 2009а, с. 17–18; Lytvynenko, 2013; Мимоход, 2013, с. 270–274; Григорьев, 2018, с. 44, 45; 2020, табл. 2; 2022а; Grigoriev, 2019). Основаниями для установления одновременности бабинских памятников и европейских культур является наличие в материалах последних кольцевых костяных и роговых пряжек, фигурных пряжек с крючковой системой застегивания пояса, брусков с двумя перетяжками, бронзовых гривен, фаянсовых бус с выступами, очковидных подвесок.

Уже обоснованная выше кавказская линия синхронизации позволяет через кавказские культуры устанавливать одновременные посткатакомбным памятникам Предкавказья культурные группы в Южной, Центральной и Западной Европе. В кавказских материалах присутствуют вещи-хроноиндикаторы, известные в европейских культурах. К ним относятся бруски с двумя отверстиями по краям, индустрия «вербового листа», подвески с обратной петлей, спиральные браслеты, очковидные подвески, отдельные типы кинжалов и др.

И главное. Выделение посткатакомбного блока в Восточной Европе, создание аргументированной его периодизации привело к появлению целостной системы хронологии финала СБВ. Теперь ее можно соотносить с такими же системами, построенными по материалам Южной, Центральной и Западной Европы, не только на уровне датирующих категорий инвентаря, но и путем состыковки синхронистических таблиц и сопоставления серий радиоуглеродных датировок.

В северо-западных районах Подольской возвышенности Т. Сулюмирским и И.К. Свешниковым был выделена *почапская группа* памятников, которая рассматривалась в качестве варианта культуры Chłopice-Veselé (Sulumirski, 1957–1959, s. 239; Свешников, 1973, с. 21; 1985, с. 380; 1990). Последняя синхронизируется с позднекатакомбным временем (см. ниже). Однако И.К. Свешниковым был поставлен вопрос о наличии двух этапов в развитии почапской группы (Свешников, 1985, с. 381). Наличие целого ряда структурных соответствий в обрядово-инвентарных комплексах между почапскими и днепро-донскими бабинскими комплексами (Литвиненко, 2009, с. 289–290) позволяет сделать предположение о синхронности фаз ПКБ I–III поздним памятникам почапской группы (илл. 170). Серьезные основания для синхронизации западноукраинских памятников *подольской группы подкарпатской*, *городокско-здолбицкой* позднего этапа и *стжижовской* культур с бабинскими древностями приведены в работе Р.А. Литвиненко (илл. 170) (2009, с. 287–290).

На территории Беларуси ПКБ I–III синхронны энеолитическая культура Lubāns и *северо-белорусская культура* фаз K и L (илл. 170) (Микляев, 1992; 1994; Loze, 2003, p. 125), которая в свою очередь синхронна шагарской культуре Озерной Мещеры (Loze, 2003, p. 134, 135). Одновременность последней с фазой ПКБ I надежно документируется находками в ее погребениях фигурных крючково-планочных пряжек европейской традиции (Каверзнева, 2003, рис. 1, *5, 6*; Каверзнева, Бобров, Борисов, 2006, рис. 5, *3*), которые маркируют ранний этап ДББК (Городцов, 1907, с. 356–357; Латынин, 1967, с. 30, рис. 26; Шаповалов, Колесник, 1972, с. 69, рис. 3, 4; Братченко, 1985, с. 453, рис. 123, 7, 11–12; Гершкович, 1986; Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров, 1987, с. 20, рис. 6, 11–13; Ильюков, Казакова, 1988, с. 53–55; Привалова, Привалов, 1988, с. 21, рис. 9, 2; Полидович, 1993, с. 80–81, рис. 49–52; Клименко, 1998, с. 85, рис. 26, 9; Кульбака, Качур, 2000, с. 51, рис. 9, 1-3; Цимiданов, Кравченко, Пiдобiд, Полiдович, Спiнов, Усачук**,** 2013, с. 156, рис. 1; Папанова, Тощев, Голик, 2016, с. 42–43).

В северной Мунтении, южной и центральной части Молдовы, в восточной части Трансильвании развивалась культура Monteoru. Она существовала довольно долго и имеет дробную периодизацию – 8 последовательных фаз (Nestor, 1960, p. 102–105). Посредством привязок через культурный круг Бабино можно уверенно утверждать, что посткатакомбный блок ей синхронен на определенном отрезке времени. По всей видимости, древнейшая фаза Monteoru IC_4 является более ранней по отношению к периоду ПКБ I. Она синхронна позднекатакомбным памятникам и культуре Schneckenberg заключительной фазы B (Вулпе, 1961, с. 106; Florescu M., 1965, p. 79; Vulpe, 1981, s. 489, 495; Zaharia, 1987, p. 24–49; 1990, p. 23, 47; Савва, 1992, с. 160, табл. 6; Motzoi-Chicideanu, 1995, s. 219; Ciugudean, 1996a, p. 255)[23]. К этому же горизонту в Нижнем и Среднем Подунавье (Румыния, Сербия, Венгрия, Словакия) относятся культуры Samogyvár-Vincovci и Nyírség поздних фаз развития, ранние фазы групп Nagyrév, Hatvan и Kisopostag, а также группы Livezile и Şoimuş (Bóna, 1992, s. 41; Kalizc, 1982, abb. 1; Kovács, 1982, abb. 1; Kalizc-Schreiber, 1994, abb. 15; Ciugudean, 1996, p. 151, 153; 1996a, p. 254; 1998, p. 71; Kulcsár, 2009, p. 227–228, 232). При установлении датировки двух последних групп Р.А. Литвиненко не соглашается с румынскими коллегами и синхронизирует памятники Livezile с ранней ДДБК (Литвиненко, 2009, с. 299). Вывод делается главным образом на основании наличия в материалах трансильванских комплексов бронзовых шейных гривен, очковидных подвесок и спиральных пронизей, которые известны в бабинских погребениях. Здесь следует отметить, что в Европе, в отличие от Бабино, эти категории инвентаря не имеют узкой даты и встречаются в памятниках как более ранних по отношению к бабинским, так и в более поздних[24]. Поэтому вопрос о синхронности этих групп посткатакомбным памятникам, в

[23] Впрочем, существуют и сомнения в отношении синхронности культур Schneckenberg B и Monteoru IC_4. Первая может датироваться раньше второй (Cavruc, 1997, p. 101). В этой работе я опираюсь на синхронизацию этих периодов, принятую большинством исследователей.

[24] Ситуация принципиально схожа, например, с бронзовыми спиральными пронизями в лолинской культуре и на Кавказе. В посткатакомбных предкавказских погребениях они датируются раннелолинским временем, а в кавказских культурах используются в течении всего бронзового века.

особенности группы Livezile, которая относится к периоду EBA I по трансильванской хронологии, остается открытым. Более-менее уверенно можно говорить о синхронности фазе ПКБ I только группы *Iernut*, относящейся к этапу EBA III, которая синхронизируется с периодами Ic4 и, возможно, Ic3 культуры Monteoru (Ciugudean, 1991, abb. 35)[25].

Собственно Бабино, а следовательно, и Лоле, синхронна культура *Monteoru* стадий *Ic3-Ia* (илл. 170). Именно к этим периодам приурочено большинство находок бабинских типов пряжек и щитковых псалиев в румынских памятниках (Florescu A., Florescu M., 1959, fig. 5, *2*; Zaharia, 1973, fig. 2, *7*; 1990a, fig. 24; Oancea, 1976, fig. 3, 5, *3, 4*; Савва, 1992, с. 160–165, рис. 63; Motzoi-Chicideanu, 1995*,* abb. 4, *1–4*, 5, *1–3*), которые являются надежными маркерами синхронизации посткатакомбных древностей и колесничных культур Восточной Европы с культурами Карпато-Балканского региона.

Кроме этого, в Нижнем и Среднем Подунавье параллельно с бабинскими и лолинскими древностями существуют группы *Kisapostag*, *Nagyrév* и *Hatvan* заключительных периодов развития, *Vatya I* и *II* (Венгрия), культуры *Nitra* (Словакия), *Mureş* (Perjámos)[26] (илл. 170) с ее локальными вариантами: Szöreg, Gerjen (Западная Румыния, Венгрия, Сербия) (Bándi, 1982, abb. 1; Kalizc, 1982, abb. 1; Kovács, 1982, abb. 1; 1984a, s. 224; Schreiber-Kalicz, 1984, s. 168; Bóna, 1992, s. 40–41; Бандарівський, Крушельницка, 2005, с. 216; Литвиненко, 2009, рис. 180; Gogâltan, 2015, fig. 10; Kiss, Fábián, Hajdu, Köhler, Kulcsár, Major, Szabó, 2015, fig. 5; Krmpotić, Čataj, Šikanjić, Premužić, 2017, p. 78–80).

---

[25] В синхронизации групп Livezile, Şoimuş и Iernut с бабинскими памятниками, которую предлагает в своей докторской диссертации Р.А. Литвиненко, присутствуют явные противоречия. С одной стороны, в тексте обосновывается одновременность всех этих культурных образований с Бабино (Литвиненко, 2009а, с. 299–300), в то время как они отражают три последовательные стадии в развитии раннего бронзового века Юго-Восточной Европы: EBA I – Livezile, EBA II – Şoimuş, EBA III – Iernut (Ciugudean, 1991; 1996; 1996a; 1998), с чем, по всей видимости, и не согласен Р.А. Литвиненко. С другой стороны, в синхронистической таблице исследователя группа Livezile отсутствует, скорее всего, как более ранняя, а есть только группы Şoimuş и Iernut (Литвиненко, 2009, рис. 180). Причем расположены они по времени ровно так же, как и предлагается Х. Чугудяном (Ciugudean, 1991; 1996; 1996a), т.е. группа Şoimuş оказывается более ранней по отношению к восточноевропейским посткатакомбным древностям, а Iernut синхронна начальным фазам Бабино-Лолы.

[26] В диссертации Р.А. Литвиненко Mureş и Perjámos подаются как две разные культуры (Литвиненко, 2009, с. 298–299, рис. 180). На самом деле это два названия одного и того же культурного феномена. Разные авторы в разные годы предлагали несколько вариантов названия для этой группы памятников: Mureş, Perjámos, Periam, Pecica, Mokrin (Girić, 1984, s. 33; Soroceanu, 1984, s. 43).

На территории Чехии, Словакии и Польши позднекатакомбным культурам Восточной Европы синхронна группа Chłopice-Veselé, существовавшая параллельно с культурами Schneckenberg фазы B, Monteoru IC_4 Нижнего Подунавья и ККК заключительной стадии (Novotná, Novotný, 1984, s. 285*;* Machnik, 1987, ryc. 30; 1991, fig. 37; Бороффка, 2008, рис. 1). В регионе ее сменяет культурная группа *Mierzanowice* (Machnik, 1982, abb. 6; 1987, ryc. 30; 1991, fig. 37). По целому ряду типологических соответствий в погребальном обряде и инвентаре с Днепро-Донским Бабино межановицкие памятники следует синхронизировать со временем существования посткатакомбного блока (Литвиненко, 2009, с. 292–293, рис. 180). Причем протомежановицкая фаза, скорее всего, датируется более ранним периодом, т. к. синхронизируется с группой Kraków-Sandomierz заключительного этапа развития шнуровых культур и культурой Chłopice-Veselé (Kadrow, 1991, s. 57; 2013 p. 119; Kadrow, Machnik, 1997, s. 27; Włodarczak, 2001, p. 109; Bertemes, Heyd, 2002, abb. 8). Таким образом, Mierzanowice ранней и классической фазы синхронна фазам ПКБ I и II, а поздний ее период соответствует времени ПКБ III (илл. 170), что подтверждает и радиоуглеродная хронология межановицких комплексов (Kadrow, Machnik, 1997, s. 29, 56, 84; Włodarczak, 2001, ryc. 35; Machnik, Tkaczuk, 2003, p. 487).

На территории Богемии и Моравии развивалась унетицкая культура (*Aunjetitz)*, которая насчитывает несколько последовательных фаз. Протоунетицкий период (горизонт A по M. Enrée (2012)), синхронный группе Chłopice-Veselé и ранней фазе культуре *Nagyrév* (Tasić, 1971, p. 16; Machnik, 1982, abb. 6; 1984, s. 358, abb. 18; Novotná, Novotný, 1984б, s. 308; Krause, 2011, abb. 5), датируется раньше посткатакомбного блока, что подтверждается и данными ^{14}C (Peška, 2005, obr. 19). Одновременным ему являются фазы развития, которые выделяются в горизонт Aunjetitz-Nitra на территории Чехии и Словакии (Novotná, Novotný, 1984б, s. 308), т. е. ранняя и классическая фазы унетицкой культуры (горизонты B и C) (Neugabauer J.-W., 1987, abb. 1).

Некоторые элементы погребального обряда культуры Nitra находят прямые аналогии в ранней ДДБК (см. главу 7) (Peška, 2013, abb. 7). Поздние унетицкие древности (горизонт D) выходят за время существования посткатакомбного блока и синхронны раннесрубной и раннесабатиновской культурам восточноевропейской степи. Иными словами, фазы ПКБ I и II синхронны горизонту B, а ПКБ III – горизонту C (илл. 170).

На территории Нижней Австрии, в Центральной и Южной Германии в период, синхронный ПКБ, существовали культурные группы, близкие культуре Aunjetitz. Некоторые из них иногда рассматриваются в качестве ее локальных вариантов. Речь идет о группах *Adlerberg, Singen, Straubing* и *Unterwöbling* (илл. 170). Они развивались параллельно и уверенно синхронизируются с культурами горизонта Aunjetitz-Nitra (Milojčić, 1959, s. 71–72; Pittioni, 1954, s. 534; Müller-Karpe, 1974, tab. 4; Schubert, 1974, chronologietabelle; Neugabauer J.-W., 1987, abb. 1; Köninger, 1998, abb. 14; Wolf, 1998, abb. 2; Möslein, 2001, s. 22; Gerloff, 2007, tabl. 13.1; 2010, abb. 3; O'Connor, 2010, fig. 1, p. 596; Krause, 2011, abb. 5). Важным аргументом в пользу параллельного развития германо-австрийских культурных групп и Бабино является присутствие в материалах Adlerberg, Singen, Straubing и Unterwöbling костяных изделий, полностью идентичных кольцевым бабинским пряжкам с одним отверстием и с одним отверстием и бортиком (илл. 33, *15–26, 38–43*). Пока сложно объяснить механизм синхронного функционирования однотипных изделий на удаленных территориях: Германии, Австрии и восточноевропейской степи. И если, например, присутствие костяных пряжек в культуре Monteoru можно легко объяснить контактами с соседним Бабино, то в случае с Центральной Европой дело обстоит значительно сложнее. На мой взгляд, вряд ли эти удаленные феномены с пряжками-подвесками имели конвергентный характер, как полагает Е.Н. Савва (1992, с. 174). Скорее их следует рассматривать в контексте западного (эпишнурового) импульса в сложении днепро-донской бабинской культуры (см. главу 7). Как бы то ни было, но ценность костяных и роговых пряжек-подвесок как хронологических

индикаторов и надежной основы для синхронизации посткатакомбного блока и культур Центральной Европы является несомненной.

Следующий горизонт на юге Германии представлен культурой Arbon (Krause, 1996, abb. 5; Köninger, 1998, abb. 14), которая начинает свое существование сразу после исчезновения посткатакомбных групп в Восточной Европе, т. е. она синхронна ранней и развитой срубной культуре.

Следует отметить, что на территории Центральной Европы и карпато-дунайского региона (Польша, Чехия, Венгрия, Словакия, Австрия, Швейцария и Южная Германия) фазе ПКБ I частично синхронны позднейшие памятники Bell Beaker (колоколовидных кубков) (илл. 170) (подробнее об этом см. главу 7).

В Швейцарии и Франции, в бассейне р. Рона в период, синхронный ПКБ, существовала одноименная культурная группа, следовавшая по времени в регионе за ККК (Bell Beaker). *Rhône*[27] (илл. 170) относится к периоду ЕВА 2–3, по региональной периодизации (Bill, 1973, p. 76). Установлено ее одновременное существование с культурами Adlerberg, Singen, Straubing, Aunjetitz в рамках Bz A1-A2 по П. Райнеке (Bill, 1973, s. 56, abb. 10; Coles, Harding, 1979, p. 185; Blouet, Koenig, Vanmoerkerke, Buzzi, Faye, Gebus, Klag, Mervelet, Veber, 1996, p. 408–409; Hafner, Suter, 1998, s. 400; Wolf, 1998, abb. 2; Manby, 2004, p. 234). На северо-западе Франции на основе ККК складывается *«Groupe des Urnes à décor plastique à et à décor à la cordelette»*. Ее четкая хронологическая позиция до конца не ясна, но в целом исследователи помещают ее в период, синхронный посткатакомбному блоку (илл. 170) (Billard, Blanchet, Talon, 1996, tabl. 2, 3). Это подтверждается и тем, что в периодизационных схемах эта группа предшествует культуре Hilversum (о ней см. ниже) (Blouet, Koenig, Vanmoerkerke, Buzzi, Faye, Gebus, Klag, Mervelet, Veber, 1996, p. 411).

[27] В первой половине прошлого века эта группа именовалась Wallis-Kultur, затем она была переименована в Rhône-Kultur, что более четко соответствует территории распространения ее памятников (Hafner, 1998, s. 20). Новое название стало общеупотребительным. Р.А. Литвиненко вслед за Г. Мюллером-Карпе (Müller-Karpe, 1974) использует устаревшее название культуры (Литвиненко, 2009, с. 293; 2009а, с. 18).

На севере Италии параллельно с группой Rhône развивалась культура *Polada* (илл. 170), которая также сложилась на генетической подоснове ККК (Bagolini, Fasani, 1982, s. 330–331). В качестве прямых оснований для синхронизации с посткатакомбным блоком укажем на находки в поладских памятниках кольцевых пряжек-подвесок, характерных для раннего и развитого периодов Бабино (Barich, 1971, fig. 19, *3–5*; Perini, 1971, fig. 32, *2.12*; Fasani, 1984, p. 498; Salzani, 2002, fig. 11, *16*; Baioni, 2005, p. 204, fig. 2, *T45*).

На территории Испании ко времени существования посткатакомбного блока в Восточной Европе относится культура *El Argar*, которая следует здесь за памятниками иберийской ККК. Данные по синхронизации El Argar с унетицкой культурой приведены в работе М. Бартельхайма (Bartelheim, 1997). El Argar имеет две фазы развития (Almergo-Gorbea, 1996, fig. 1). Так же, как и в случае с унетицкими древностями, поздняя фаза В культуры El Argar является более молодой по отношению к посткатакомбным культурным образованиям, а синхронной им является ранняя фаза А (илл. 170).

В южной Скандинавии времени культур Бабино-Лолы соответствуют памятники позднего неолита периодов *LN I и LN II* (илл. 170), которые синхронизируются с ранней и классической унетицкой культурой (Vandkilde, Rahbek, Rassmusen, 1996, p. 184, 187–188; Vandkilde, 1998, p. 121; Czebreszuk, Kozłowska-Skoczka, 2008, s. 74). Ранний бронзовый век в этом регионе синхронен поздним унетицким древностями, а соответственно, времени, более позднему по отношению к посткатакомбному блоку.

Несколько иная ситуация прослеживается для Бельгии и Нидерландов. Фазам ПКБ I и II здесь соответствуют финальные памятники позднего неолита *LN* фазы В, а фазе ПКБ III – комплексы раннего бронзового века, представленные культурой Barbed-wire pottery (илл. 170) (Fokkens, 2001, fig. 1; 2005, tabl. 1; Theunissen, 2009, afb. 4.9; R. van Beek, 2010, p. 63–64). Культурная группа Hilversum, которая относится к среднему бронзовому веку фазы А (Theunissen, 1996, p. 661; 2009, afb. 4.9; Arnoldussen, 2008, p. 9), датируется

позже посткатакомбного периода и синхронна эпохе поздней бронзы Восточной Европы.

На юге Великобритании ПКБ I и II также синхронны позднеэнеолитические памятники *культуры колоколовидных кубков* (илл. 170) (Harrison, 1980, p. 79; Needham, 1996, p. 124–125), которые в Центральной Европе хронологически соответствуют культурам Adlerberg, Singen и ранней Aunjetitz (Gerloff, 2007, tabl. 13.1; Steffen, 2010, abb. 12). После завершения существования ККК на ее основе формируется ряд локальных культурных групп. На юге Британии возникла культура *Wessex*. Она имеет две фазы развития: Wessex I и Wessex II[28]. После знаменитой работы К. Ренфрю, посвященной пересмотру хронологии уэссекских памятников на основе данных ^{14}C, они стали датироваться раньше микенских древностей и относиться к периоду Bz A2–B1, по П. Райнеке (Renfrew, 1968). Однако дальнейшие исследования показали, что при справедливом удревнении культуры К. Ренфрю слишком сократил интервал ее существования. Благодаря новым данным было установлено, что раньше микенских шахтовых гробниц датируется только Wessex I, в то время как поздняя фаза культуры (Wessex II) синхронна им (Barfild, 1991, p. 106; Gerloff, 2007, tabl. 13.1). Если связать посткатакомбную хронологию с хронологией уэссекской культурой, то можно утверждать, что фазе ПКБ III синхронны Wessex I (илл. 170), а Wessex II существует параллельно со срубными и сабатиновскими памятниками.

На севере Великобритании, Шотландии и Ирландии посткатакомбному блоку синхронны культурные группы Food Vessels, Vase Urns и Collared Urns (илл. 170) (Sheridan, 2003; 2004, p. 261–262).

Я далек от мысли, что представил полный набор синхронизаций посткатакомбного блока с европейскими культурами. В силу большого количества материалов не все синхронные культурные группы были

[28] Предложение короткой хронологии культуры Wessex без деления на раннюю и позднюю фазы (Coles, Tylor, 1971) не нашли поддержки специалистов.

освещены. Однако приведенных данных вполне достаточно, чтобы получить общее представление о месте посткатакомбного горизонта Восточной Европы в контексте общеевропейской хронологии.

Таким образом, можно утверждать, что фазы ПКБ I и II, будут синхронны периоду Bz A1b, а ПКБ III – периоду Bz A2a (по П. Райнеке) (Братченко, 2001, с. 46–47; Литвиненко, 2001а, табл. 1; 2009а, с. 18; Кузнецов, 2003, с. 87; Мимоход, 2013, с. 276, 277; Григорьев, 2018, с. 44, 45; 2020, табл. 1; Grigoriev, 2019, p. 235). Если привязаться к средиземноморской хронологии, то блок посткатакомбных культурных образований будет датироваться финалом раннеэлладского периода ЕН III — началом среднеэлладского периода МН I, раннеминойским периодом III — среднеминойским периодом IIIA, в пределах XXII–XVIII вв. до н.э. (Hood, 1973, fig. 8.3; Warren, Hankey, 1989, p. 169; Manning, 1995, p. 216, fig. 2; Ciugudean, 1996, fig. 96; Gavanagh, Mee, Renard, 2016, p. 44, 46, fig. 3; Grigoriev, 2022, tab. 1).

§ 2. Радиоуглеродная хронология

Внешней верификацией показанных линий синхронизации может служить сопоставление радиоуглеродных дат посткатакомбного блока и тех культурных образований, с которыми устанавливается параллельность существования. Результаты радиокарбонного датирования никак не зависят от наших культурно-типологических и сравнительно-стратиграфических наблюдений, что, на мой взгляд, является одним из главных его преимуществ. Если, сравнивая серии дат ^{14}C, нам удастся подтвердить данные относительной хронологии, то мы получим независимое доказательство правильности ее построения. Однако следует отдавать себе отчет в том, что радиоуглеродные даты – это данные со сложной системой вероятностных значений, а сам метод дает известную погрешность, поэтому соотнесение систем радиоуглеродной и относительной хронологии не может осуществляться простым их совмещением. Здесь требуется особая методика, о которой писать уже приходилось.

После выхода обобщающих работ по радиоуглеродной хронологии посткатакомбного блока прошло 10 лет (Мимоход, 2010б; 2011в; 2013, с. 280–286). За это время ситуация с ^{14}C данными для посткатакомбных культур претерпела существенные изменения (Мимоход, 2022д). В первую очередь, речь идет о количестве дат. Если на момент защиты кандидатской диссертации (Мимоход, 2013б) было известно 52 даты (Мимоход, 2013, прил. 4, табл. 1–5), то сейчас их более, чем в два раза больше – 112 (илл. 171) (табл. 6.1–6): лолинская культура – 25 (табл. 6.1), невинномысская – 4 (табл. 6.2), ВУКГ – 5 (табл. 6.3), ВДБК – 21 (табл. 6.4), ДДБК – 19 (табл. 6.5), ДПБК – 38 (табл. 6.6). По культурам базы данных пополнялись неравномерно. Первое место занимает ДПБК: + 23 даты, второе – ДДБК: + 13 датировок, третье ВДБК: + 10 дат, четвертое – лолинская культура: + 8 датировок, пятое занимает ВУКГ: + по 5 дат. Замыкает ряд невинномысская культура: + 2 датировки. Если рассмотреть в процентном соотношении увеличение базы данных за последние десять лет, то получится следующая картина: ВУКГ – + 100%, ДДБК – + 68,4%, ДПБК – + 60,5%, невинномысская – + 50%, ВДБК – + 47,6%, лолинская – + 30,8%. При этом показатели для волго-уральской группы и невинномысской культуры не стоит переоценивать. Для этих культурных образований даты пока единичны. Это объяснимо. Невинномысская культура выделена совсем недавно, а ВУКГ в отношении количества памятников является самым малочисленным посткатакомбным культурным образованием, и в материалах новых раскопок комплексы попадаются крайне редко (см. главу 5).

Культуры круга Бабино фактически равномерно охвачены датировками. За последние 10 лет удалось преодолеть дисбаланс, когда ^{14}C данные ДДБК существенно уступали показателям ВДБК и ДПБК. В культурном круге Лола по-прежнему лучше остальных обеспечена ^{14}C данными лолинская культура (табл. 6.1). Невинномысск и ВУКГ (табл. 6.2, 2.3) больше всего нуждаются в целенаправленном датировании, и эта работа ведется.

Активная фаза датирования составляющих посткатакомбного блока за последнее десятилетие привела не только к более чем двукратному увеличению базы данных, но и ее качественному переоформлению. Речь идет о скачкообразном увеличении AMS-дат. На 2013 г. посткатакомбный блок насчитывал всего 2 AMS-даты: по одной для лолинской культуры и ВДБК. На сегодняшний день их количество увеличилось в 18 раз и составляет 36 AMS-датировок. Если на 2013 г. даты, полученные на ускорителе, составляли всего 3,8% от общего числа анализов, то сейчас этот показатель в почти в десять раз больше – 32,1%. Лидером по числу AMS-дат является ДДБК – 12 датировок, ВДБК имеет 9 дат, Лола – 8 дат, ДПБК – 3 анализа, Невинномысск и ВУКГ – по 2 (табл. 6.1–6) (илл. 172).

Это внесло ожидаемую корректировку в уточнении радиоуглеродного возраста посткатакомбного блока. Существенно увеличились и радиокарбонные базы синхронных культур. Речь идет о Синташте и европейских культур Bz A1–A2 (табл. 6.14, 6.15, 6.16). В этой связи необходим новый анализ радиоуглеродной хронологии блока посткатакомбных культурных образований в синхронном и диахронном планах.

Методика формирования базы ^{14}C данных следующая. Она составляется по критериям относительной достоверности. В нее не включались даты, у которых доверительный интервал составляет более 100 лет. Даты с такими диапазонами мало полезны. В базу данных не включены некорректные даты. Нет смыла выяснять в рамках этой работы причины их несоответствия реальному возрасту комплекса, но принципы, на которых даты считаются корректными или некорректными, необходимо обозначить. Дело в том, что сейчас мы уже неплохо представляем основные интервалы существования культур средней–поздней бронзы, и сместиться они в какую-либо сторону больше, чем на 200 лет даже теоретически не смогут. Однако, чтобы избежать угрозы оперирования только «правильными»[29] с точки зрения автора датами и

[29] Ср. (Епимахов, 2022, мин. 1:18:07–1:22:48).

допускать возможность корректировки существующих диапазонов, предлагается следующий принцип определения некорректности ^{14}C данных. Если крайние рубежи (нижний и верхний) калиброванной в одну сигму даты отстоят от определяемого интервала существования культуры более, чем 200 лет, дату следует признать не соответствующей реальному возрасту комплекса. Таким образом, создается люфт в 400 лет для возможной корректировки диапазона культур, чего более чем достаточно, и при этом отсекаются некорректные датировки, выходящие за него, которые могут негативно влиять на статистические выкладки, в частности, результаты суммирования. В дальнейшем будет производиться оперирование датами с вероятностью в одну сигму, причем, из нее будет исключен интервал, который дает вероятность менее 5%. Калибровка и суммирование (sum_probability) производится в программе OxCal v3.10. Она представляется более удобной для осуществления функции суммирования (Черных, Орловская, 2015, с. 8). Сравнение калиброванных интервалов дат, обработанных в версии OxCal v3.10 и в более современной версии OxCal 4.3.2, показывает, что расхождение интервалов не превышает 10 лет, а в большинстве случаев он меньше – 5–8 лет, что с точки зрения радиоуглеродного анализа не имеет никакого значения.

Суммирование всех 112 датировок культурного круга Бабино и культурного круга Лола дало интервал с вероятностью в одну сигму в рамках 2200–1740 CalBC (илл. 173, *1*). По сравнению с данными на 2013 г. (2300–1650 CalBC) (Мимоход, 2013, илл. 106), интервал серьезно сократился в отношении как нижней, так и верхней границы, и он стал полностью соответствовать предложенному десять лет назад времени существования блока посткатакомбных культурных образований. Это обусловлена и скачкообразным увеличением AMS-дат, и поступательным наращиванием LSC-датировок. На сегодняшний день мы уже можем говорить о том, что радиоуглеродный диапазон посткатакомбного блока вошел в застывшую стадию и, скорее всего, новые поступления в банк данных будут только косметически корректировать цифры в рамках XXII–XVIII вв. до н.э.

В последнее время все чаще звучит мнение о том, что следует отдавать предпочтение AMS-датированию. В этой связи, уместно обратить внимание на результаты суммирования только ускорительных дат посткатакомбного блока тем более, что они уже представляют собой серию (35 определений), которую можно предварительно анализировать. Высокоточные ^{14}C данные дают интервал 2200–1930 CalBC (илл. 173, *2*). Нижняя граница существования блока посткатакомбных культурных образований полностью соответствует предложенной десять лет назад его хронологии, а верхняя наоборот удревнилась. Этому есть логичное объяснение. Высокоточное и дорогостоящее AMS-датирование зачастую устанавливает определенные психологические барьеры для исследователя в отношении отбора образцов на радиоуглеродный анализ. Как правило, для него передаются образцы из наиболее ярких комплексов с хорошо датируемыми категориями инвентаря. В результате для посткатакомбного блока в фокусе датирования на ускорителе оказываются преимущественно погребения фаз ПКБ I и ПКБ II, а в определённом смысле «безликие» комплексы финала его существования (фаза ПКБ III) мало привлекают исследователей в отношении столь дорогостоящей процедуры. Как следствие, суммирование только AMS-дат дает некоторое удревнение верхней границы существования блока.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что установленные десять лет назад границы существования блока посткатакомбных культурных образований на данный момент не имеют существенных изменений. Его по-прежнему необходимо датировать в интервале **2200–1800 CalBC**. Однако система аргументации в отношении этого периода претерпела заметную корректировку в связи как с увеличившимся банком радиоуглеродных дат в целом, с одной стороны, так, и со скачкообразным накоплением AMS-датировок, с другой. Последнее обстоятельство представляется особенно важным. Увеличение количества высокоточных дат, полученных методом ускорительной масс-спектрометрии, позволяет существенно снизить доверительные интервалы вплоть до

предельной минимизации хронологических отрезков наложения предшествующих и последующих культур. Остается только догадываться, как будет протекать процесс накопления AMS-датировок, столь необходимый для уточнения радиоуглеродной хронологии бронзового века Восточной Европы и Северного Кавказа, в новых реалиях.

Результаты суммирования датировок посткатакомбных культурных образований по отдельности показывают, что в целом, пики наиболее вероятных значений у них совпадают (илл. 174). Наиболее компактно расположились ^{14}C данные ДДБК (илл. 174). Узкий интервал Днепро-Донского Бабино в пределах 2150–1950 ВС объясняется еще и тем, что для достоверно поздних погребений ДДБК пока нет датировок. В нашей серии к фазам ПКБ I и II относятся комплексы Пологи 1/2, Ясиновский III од. кург./10,19, Хомуш-Оба 2/8, Чеботарев III 2/5, Викторовка 1/1, Мариенфельд, 2/3, к развитому – Ясиновский III од. кург./6,13. Однако уже сейчас следует отметить, что вектор определения времени заключительного этапа ДДБК задан. Речь идет о двух радиоуглеродных датах комплекса Садовый, к. 4 п. 10 невинномысской культуры (илл. 172) (табл. 6.2, *1, 2*). В нем обнаружена костяная пряжка, изогнутая в сечении с двумя разновеликими отверстиями (илл. 110, *9*). Эти изделия маркируют фазу ПКБ III. Даты очерчивают диапазон XX–XVIII вв. до н.э., что хорошо соотносится с радиоуглеродными более ранними датировками ДДБК раннего и развитого этапов (Мимоход, Шишлина, Хоммель, 2020, с. 106, 107). Выше уже было показано, что схожие проблемы существуют у невинномысской культуры и ВУКГ. Для первой продатированы в основном поздние комплексы, а для второй пока исключительно ранние. Однако все это не отменяет того, что по радиокарбонным датам очевидна синхронность всех составляющих блока и его датировка в пределах 2200–1800 Cal BC.

Отдельный интерес представляет соотнесение дат посткатакомбных комплексов с их хронологией в пределах предложенной трехэтапной восточноевропейской периодизации (фазы ПКБ I–III). Неоднократно

отмечалось, что это непростая процедура, ввиду того, что метод не в состоянии адекватно отразить дробную хронологию (Nikolova, 1999, p. 122, 126; Николова, 2001, с. 104; Тимофеев, Зайцева, Долуханов, Шукуров, 2004, с. 26; Калмыков, Мимоход, 2005, с. 231; Рассамакін, 2006, с. 153; Ковалюх, Мимоход, 2007, с. 37; Мимоход, 2009б, с. 253; 2010б с. 37; 2011в, с. 32; 2013, с. 282; Чечушков, Епимахов, 2010, с. 194; Мимоход, Шишлина, Хоммель, 2020, с. 105). В свое время был предпринята попытка провести такую процедуру для трехэтапной периодизации лолинской культуры. Дат было немного, всего 18, но даже при этом при суммировании датировок по этапам был получен «эффект лестницы» (Мимоход, 2010б, с. 37, 48–50, рис. 8; 2011в, с. 31, 32, 45–48, рис. 4; 2013, с. 281, 282, 285, илл. 107), свидетельствующий о том, что радиоуглеродный метод в общих чертах все-таки может уловить периодизацию культуры. Если рассмотреть ^{14}C данные посткатакомбных погребений фаз ПКБ I, II, III (табл. 6.7), то ситуация получается достаточно четкая. В распределении графиков фиксируется хорошо выраженный «эффект лестницы» (илл. 175). Это связано с тем, что и дат для блока уже достаточно, и AMS-датировки существенно улучшили ситуацию. Суммирование вероятностей по трем этапам также демонстрирует данный эффект (илл. 176). Все это говорит о том, что трехфазная периодизация блока посткатакомбных культурных образований верна и верифицируется на своем уровне радиоуглеродным методом.

Хронологическим предшествующим субстратом для посткатакомбного блока выступают катакомбные культуры. На данный момент серьезной серией радиоуглеродных определений обладают *ингульские памятники* (учтено 56 дат) (табл. 6.8) (Kaiser E., 1999, fig. 2; 2001, s. 91–92, abb. 10; 2003, abb. 20, 21; Nikolova, 1999, tabl. 1; Görsdorf, 2003; Telegin, Pustovalov, Kovalyukh, 2003, tabl. 2; Черных, Орловская, 2004, табл. 1, 2; Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005, табл. 2, с. 98; Рассамакін, 2006, табл. 3; Ślusarska, 2006, tabl. 3; Иванова, Ветчинникова, 2009, с. 44; Кайзер, 2011; Николова, Черных Л., Евдокимов, 2011, табл. 4; Черных Л., Дараган, 2014, с. 317), *восточноманычская*

катакомбная (учтено 54 даты) (табл. 6.10)[30] (Александровский, Чичагова, Пустовойтов, Шишлина, 1997, табл. 1; Шишлина, Александровский, Й. ван дер Плихт, Чичагова, 1999, с. 15–16; Shishlina, Alexandrovsky, Chichagova, J. van der Plicht, 2000, tabl. 1,3; Шишлина, Чичагова, Александровский, Сулержицкий, 2002, с. 260; Belinskij, Kalmykov, 2004, tab. 2; Shishlina, 2004, tabl. 1; Березин, Калмыков, 2004, с. 165; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2005, с. 143; 2007, табл. 3; Шишлина, Й. ван дер Плихт, Хеджес, Зазовская, Севастьянов, Чичагова, 2006, табл. 6; Шишлина, Чичагова, Й. ван дер Плихт, Зазовская, Сулержицкий, Севастьянов, Герсдорф, 2007, табл. 8; Shishlina, Zazovskaya, J. van der Plicht, Hedges, Sevastyanov, Chichagova, 2009, tabl. 8; Й ван дер Плихт, Шишлина, Зазовская, 2016, табл. 14) и *среднендонская* катакомбная культуры (учтено 39 дат) (табл. 6.9) (Klochko, Sanzharov, 2003, tab. 1; Ковалюх, Скрипкин, 2009, с. 43; Санжаров, 2010, табл. 3; Гей, 2011, с. 7; Гак, 2013, табл. 4; 2019, табл. 3; Ивашов, 2015, с. 161; Почвы и растительность…, 2016, табл. 28; Березуцкий, Килейников, Чендев, 2017, с. 69; Гак, Ивашов, Кайзер, 2017, с. 229, 230; Смольянинов, Желудков, Куличков, Яниш, Юркина, 2017, с. 141; Желудков, Смольянинов, Свиридов, 2018; Медведев, 2018, табл. 2; Ивашов, Гак, 2019, с. 112). Графики суммирования однозначно свидетельствуют, что диапазон указанных катакомбных культур, в целом, древнее посткатакомбного блока. Однако, есть заметный отрезок наложения в пределах 200 лет (илл. 177). В моих работах 10-ти летней давности такой отрезок между ингульской/Бабино и ВМКК/Лолой составлял 270–300 лет. Теперь он сократился на 100 лет. Как было показано выше, уменьшение отрезка наложения произошло за счет сужения радиоуглеродного интервала посткатакомбного блока, что напрямую связано с существенным увеличением числа AMS-датировок для посткатакомбных культурных образований.

[30] В эту сводку добавлены единичные даты западноманычской катакомбной культуры (табл. 6.10, *46, 51, 52*).

Таким образом, если сравнить результаты суммирования датировок катакомбных культур (среднедонская, манычские, ингульская) (табл. 6.8–10) и посткатакомбных памятников, то мы получим отрезок наложения в 200 лет (илл. 177). Причем, он образуется благодаря серии ^{14}C данных именно катакомбных культур. Дело в том, что для них за последние 10 лет не произошло такого кардинального увеличения числа AMS-датировок, как для посткатакомбного блока. Серьезно пополнилась только серия СДКК, у которой впервые появились даты, полученные на ускорителе, в количестве восьми (табл. 6.9, *11, 12, 16–18, 23–25*), две AMS-даты добавились у ВМКК (табл. 6.10, *53, 54*) и одна у ингульской культуры (табл. 6.8, *56*). Иными словами, для катакомбных памятников AMS-база увеличилась на 11 дат, а у посткатакомбного блока на 33 даты. При этом общее количество дат для катакомбных культур почти на треть больше, чем посткатакомбных, а, соответственно, и эффект влияния новых AMS-датировок на общую ситуацию с радиоуглеродной хронологией катакомбных культур значительно меньше. По сути, верхняя граница катакомбного интервала осталась там же, где и была 10 лет назад в пределах XXI в. до н.э. (илл. 177).

Охарактеризованные закономерности влияния увеличения числа AMS-датировок на уменьшение отрезков наложения между последовательными культурами или блоками культур легко проверить на примере катакомбных и посткатакомбных материалов. Для этого достаточно сравнить результаты суммирования только AMS-датировок без учета LSC-данных (жидкостно-сцинтилляционных). Результат очевиден. Никакого отрезка наложения уже не фиксируется (илл. 178). Оба горизонта хронологически стыкуются в рамках XXII в. до н.э. Горизонт культур ингульская-СДКК-ВМКК-ЗМКК датируется в пределах XXV-XXIII вв. до н.э. В то же время нельзя не обратить внимание, что время посткатакомбных памятников по результатам только AMS-датирования сузилось до XXII–XX вв. до н.э. (илл. 173, *2*, 178), хотя с учетом LSC-верхняя граница блока располагается в пределах XVIII в. до н.э. (илл. 173, *1*, 177). Как уже отмечалось, в данном случае это объясняется относительно

высокой стоимостью AMS-датирования. В результате на датирование на ускорителе отправляют образцы из наиболее интересных и ярких погребений с датирующимся инвентарем, а для посткатакомбной эпохи – это комплексы в большей степени фазы ПКБ I. Так, из 36 посткатакомбных AMS-дат 28 датировок относится именно к этому периоду. Таким образом, можно сделать банальный вывод о том, что по-прежнему необходимо накопление радиоуглеродных дат и, прежде всего, за счет наращивания AMS-датирования комплексов по всем фазам ПКБ. Особенно это актуально для периодов ПКБ II и III. Для первого из них известна только одна дата, полученная методом ускорительной масс-спектрометрии. Для второго имеется пять дат, в то время как фаза ПКБ I насчитывает 25 дат (табл. 6.7) (илл. 175).

К сожалению, ограничены возможности сопоставления радиоуглеродных данных Лолы и культур среднего бронзового века ***Северного Кавказа***, ввиду ограниченности числа датировок для памятников данного региона.

В сводке В.А. Трифонова значится 6 определений для *гинчинской культуры*. Даты Гинчи распределились в пределах XXIV–XXII вв. до н.э. (Трифонов, 2001, табл. 1, 2). В целом, этот интервал древнее посткатакомбного блока, но, как уже отмечалось, ему синхронна только поздняя гинчинская культура. Мне неизвестно, какие конкретно комплексы датировались, судя по датам, это материалы ранней или развитой Гинчи. Впрочем, верхний рубеж указанного интервала вполне соответствует времени ПКБ I.

Из всех среднебронзовых культурных образований Северо-восточного Кавказа лучше всего сейчас продатирована *великентская культура*. Для нее имеется не менее 12 калиброванных радиоуглеродных дат, которые укладываются в III тыс. до н.э. (Магомедов, 2004). Они подтверждают существование поздних великентских катакомб в течение всего СБВ. Причем в этой серии есть три даты (AA-21283, AA-21286, AA-27348), которые соответствуют диапазону посткатакомбного периода. Это как будто

подтверждает близость хронологических позиций поздней великентской культуры и ПКБ I, о которой говорилось выше.

К сожалению, для *присулакской и манасской групп* данных ^{14}C мы пока не имеем. Радиоуглеродная хронология поздних присулакских памятников может быть установлена с опорой на посткатакомбную серию ориентировочно в пределах XXII–XX вв. до н.э. На манасские катакомбы можно распространить выводы по анализу радиоуглеродных датировок близкой в культурном отношении серии Великента.

Для *каякентско-хорочоевской культуры* давно известны две даты. Одна происходит из погребения у сел. Кафыр-Кумух (Ле-1059). Ее калиброванный возраст 2200–1970 ВС вполне сопоставим с хронологическим интервалом блока посткатакомбных культурных образований, а нижний рубеж может соответствовать и фазе ПКБ III, которому синхронны ранние каякентско-хорочоевские памятники. В свете надежно установленной радиоуглеродной хронологии посткатакомбного блока нет оснований считать эту дату сильно удревненной и не соответствующей возрасту Каякента-Хорочоя, о чем писал еще В.Г. Котович (1982, с. 153). Вторая дата сделана по образцу из верхнего слоя Верхнегунибского поселения (Гаджиев М.Г., 1974, с. 12). Ее калиброванной значение укладывается в 1515–1425 ВС. Этот интервал моложе периода существования ПКБ, но он вполне может соответствовать поздним каякентско-хорочоевским памятникам.

Нет данных ^{14}C для *протокобанских памятников*. Здесь даты посткатакомбных культурных образований, которые надежно синхронизируется с Протокобаном I и II, является базовой для определения их радиоуглеродного возраста в рамках XXII–XVIII вв. до н.э.

Значительно лучше дело обстоит с *дольменной культурой* Западного Кавказа. Ее серия насчитывает не менее 63 дат (Трифонов, 2001, табл. 1–3; 2001а, табл. 1; 2009, с. 159; 2008; 2014, с. 119; Гей, Гольева, Зазовская, Чичагова, 2005, табл.; Гей, 2010, с. 27; Трифонов, Зайцева, Плихт, Бурова, Семенцов, Ришко, 2012, табл. 1; Трифонов, Крайнева, Зайцева, Плихт,

Богомолов, Бурова, Семенцов, Ришко, 2013, с. 38; Зайцева, Трифонов, Богомолов, Лохова, Ришко, 2015, табл. 1, 2; Трифонов, Шишилина, Й. ван дер Плихт, Фернандес, Хоммель, 2017). Они разместились в диапазоне XXXIII–XIX вв. до н.э., а у дольмена Колихо и позже. Нетрудно заметить, что данные ^{14}C неплохо согласуются с относительной хронологией дольменных памятников и посткатакомбного блока. Выше была обоснована его синхронность финалу дольменной культуры, на основании находок в дольменах костяных пряжек, поэтому не удивительно, что радиоуглеродные диапазоны существования обеих культур совпадают в рамках XXII–XIX вв. до н.э.

Сложности есть в сопоставлении посткатакомбных ^{14}C данных с радиоуглеродными датировками ***культур Южного Кавказа***. В таблицах В.А. Трифонова даты по Закавказью даны суммарно в рамках периода Марткопи-Бедени-Триалети (14 дат). Это протяженный хронологический отрезок, который даже в системе радиоуглеродной хронологии, имеющей достаточно большие доверительные интервалы, выглядит не очень удобным для сопоставлений. Кроме того, единичная дата *кармирбердской культуры* разместилась в рамках раннего этапа бедено-триалетской общности (Трифонов, 2001, табл. 1–3). Противоречие налицо, что, впрочем, неудивительно с учетом крайне малого числа радиоуглеродных дат для такого большого периода. Единственное, на что следует обратить внимание – это то, что верхняя часть диапазона, показанного В.А. Трифоновым в системе калиброванных радиоуглеродных значений для *культуры Триалети*, совпадает с калиброванным интервалом ПКБ I и II в пределах XXII–XX вв. до н.э., что подтверждает предложенную выше синхронизацию памятников «цветущей поры» с этими периодами. Указывают на нее и серия триалетских ^{14}C дат из поселения Гекахар и Ирганчайского могильника (Арутюнян, Бадалян, 2008, с. 107, табл. IV; Kakhiani, Ghlighvashvili, 2008, p. 231), подборка радиоуглеродных определений для «царских» курганов Неркин Навер в Армении (Симонян, 2010, табл. 1) и синхронизация триалетских памятников с

III раннеэлладским периодом (Rahmstorf, 2010, fig. 1). Указанную синхронность можно также аргументировать хронологической позицией предшествующей алазано-беденской культуры, которая датируется периодом Аккадской династии на Переднем Востоке в пределах XXIV–XXII вв. до н.э. (Кушнарева, Рысин, 1999, с. 82; 2001а, с. 100; 2007, с. 691; Трифонов, 2001, табл. 1). Подтверждают это и радиоуглеродные даты из курганов Алазанской долины и беденских комплексов (Кахиани, Глигвашвили, Шеразадишвили, Цквитинидзе, 1997, с. 61; Kavtaradze, 1999, p. 81).

Данных для сопоставления с радиоуглеродной хронологией ***постшнуровых культурных образований*** Доно-Уральского региона фактически нет.

Вольско-лбищенская культурная группа пока вообще не имеет ^{14}C дат. Правда, недавно получена ^{14}C дата по комплексу ВУКГ Тамар-Уткуль VII 4/5, в котором находился классический вольско-лбищенский сосуд (илл. 155, *1*). Ее значение: 2436–2238 ВС (табл. 6.3, *5*). Выше она уже обсуждалась и было показано, что есть определенные сложности с ее соотнесением с относительной хронологией волго-уральской группы (см. главу 5). Однако, здесь следует отметить, что в любом случае, этот интервал не противоречит датировке вольско-лбищенской культуры, т.к. посткатакомбному периоду соответствуют фактически только ее поздние памятники (Мимоход, 2009а; 2018а).

Приблизительно такая же ситуация характерна и для *воронежской культуры*. Здесь даты тоже единичны. Имеется всего четыре датировки, причем, три из них сделаны по керамике (Мимоход, 2009, с. 43; 2019а, с. 129; Ивашов, 2015, с. 161). Они укладывается в интервал 2470–2200 ВС. Очевидно, что этот диапазон соответствует раннему периоду воронежской культуры. Это подтверждает комплекс Паницкого 6 2/1, который является погребением СДКК, в котором обнаружена воронежская керамика. Он увязывает радиоуглеродные даты с относительной хронологией раннего этапа воронежской культуры. Для установления радиоуглеродной хронологии ее

позднего периода следует использовать представительные посткатакомбные базы данных. Как было показано, поздний этап воронежской культуры синхронен периодам ПКБ I и II, которые дают интервал для позднего этапа воронежской культуры в рамках XXII–XX Cal BC. Выше было показано, что верхняя ее граница устанавливается по п. 6 Филатовского кургана, в котором пряжка второго периода ПКБ II была обнаружена вместе с воронежской посудой (Синюк, Козмирчук, 1995, с. 40–49, рис. 6–12). В ДДБК есть погребение с такой же пряжкой, которое имеет радиоуглеродную дату. Речь идет о комплексе Ясиновский III од. кург./6. Датировка получена по кости человека: Ki-14745, 3660±50 BP, 1σ 2140–1950 BC (табл. 6.5, *1*) (Мимоход, 2012а, рис. 1, *1*, табл. 1; 2013г, рис. 2, *1*, табл. 2; 2018б. С. 58. Рис. 42). Исходя из этой даты, а также представительной серии ^{14}C данных колесничных культур, которые являются terminus ante quem для воронежской культуры, верхняя граница ее существования должна находиться в пределах XX в. до н.э.

На сегодняшний день значительно лучше обстоит дело с радиокарбонными датировками *средневолжской абашевской культуры*. Мы имеем 17 дат, из них 13 – это AMS-датировки (табл. 6.11) (Кузнецов, 2003, с. 86, 87; Добровольская, Медникова, 2011, табл. 4; Ахметов, Луньков, Лунькова, 2013, табл. 2; Кренке, 2014, с. 30; Кузьминых, Мимоход, 2016, табл. 1–3). Суммирование всех ^{14}C данных СВАК дает интервал XXII–XIX вв. до н.э. (илл. 179) Этот диапазон в целом соответствует охарактеризованной выше синхронности Средневолжского Абашева периодам ПКБ I и II. Это подтверждает и серия радиоуглеродных дат фатьяновской культуры, предшествующей СВАК. Ее критический анализ позволяет расположить диапазон существования фатьяновских древностей XXVIII–XXIII вв. до н.э. (Кренке, 2014а, с. 34; 2019, с. 115).

Даты *южноуральской абашевской культуры* пока немногочисленны. На данный момент известно 11 датировок (Кузнецов, Чаплыгин, 2019, табл. 1; Корякова, Краузе, Пантелеева, Столярчик, Булакова, Солдаткин, Рассадников, Молчанова, Анкушев, Молчанов, Якимов, Федорова, Носкевич, 2020, рис. 8;

Купцова, 2022, табл. 1; Купцова, Евгеньев, 2019, табл. 1; 2022, табл. 1; Пантелеева, 2022, с. 26). Из них 7 определений – LSC-даты и 4 – AMS-даты. К сожалению, в серии сцинтилляционных данных есть три явно удревненные даты, что признают и авторы их публикации (Купцова, Евгеньев, 2019, с. 221; 2022, с. 55). Корректные датировки расположились в интервале XXI–XVIII вв. до н.э. Это вполне соответствует изложенному выше тезису о том, что ЮУАК формируется несколько позже СВАК и в отличие от последней заходит в горизонт колесничных культур, т.е. в фазу ПКБ III.

Значительно лучше обстоит дело с радиоуглеродными и дендродатами эпишнуровых культур Балкано-Карпатского региона, Центральной, Западной и Северной Европы. Подавляющее большинство европейских культур, с которыми была проведена синхронизация посткатакомбных памятников, имеют представительные серии ^{14}C данных (Bill, 1973, s. 59, 62; Lanting, 1973, p. 221; Lanting, Mook, 1977, p. 97, 99; Harding, 1980, tabl. 1; Buchvaldek, 1982, abb. 10; Fasani, 1984, s. 525, 526; Krause, 1988, tab. 5; 1996, abb. 1, list. 1; Becker, Krause, Kromer, 1989, tab. 3, 5, abb. 1–4; Kadrow, 1991, s. 57–61; 1992, s. 90–92; 1997, abb. 2, 4, 5, tab.; 2001, s. 40–49, ryc. 7, 9; Neugebauer, 1991, s. 59; Raczky, Hertelendi, Horváth, 1992, s. 43–45; Furmánek, Veliačik, Vladár, 1991, s. 20; 1999, tab. 1; Hänsel, Medović, 1992, abb. 2; O'Shea, 1992, p. 100–101; Schalk, 1992, s. 226, 227; Podborský, 1993, s. 237; Forenbaher, 1993, p. 243–244; Barnatt, 1994, appendix I; Manning, 1995, p. 187, 191; Hochuli, Köninger, Ruoff, 1994, s. 277; Hochuli, 1994, abb. 86, 87, s. 134; Motzoi-Chicideanu, 1995, s. 224; Guidi, Whitehouse, 1996, fig. 5; Rassmann, 1996, abb. 2–7; Vandkilde, Rahbek, Rassmusen, 1996; Kadrow, Machnik, 1997, tab. 1, ryc. 71; Hafner, 1998, s. 22; Hafner, Suter, 1998, s. 399–400, abb. 18; 2003, s. 338, abb. 12; 2007, s. 182–185; Köninger, 1998, s. 452–457, abb. 12, 455; 2006, s. 238, abb. 161; Gogâltan, 1999, pl. 7, 10, p. 217–219; De Marinis, 1999, p. 25, 28, fig. 8; Brindley, 2001; Górski, Kadrow, 2001, s. 132–133, tab. 2–14; Möslein, 2000, s. 89; 2001, tab. 1; Müller, 2001, abb. 19a; Vulpe, 2001, s. 16–17; Włodarczak, 2001, p. 109; Bende, Lörinczy, 2002, s. 87; Furmánek, Kruta, 2002, p. 22; Popescu, 2003, s. 26–28, fig. 9; Sheridan,

2003, fig. 13.4, 13.6, appendix; 2004, fig. 80,89, p 247–251, appendix; Литвиненко, 2009, с. 323–328; 2009a, с. 20–21; Metzner-Nebelsick, 2010, s. 181–182; Motzoi-Chicideanu, Chicideanu-Şandor, 2010, pl. 30; O'Connor, 2010, p. 596; Steffen, 2010, s. 25, 29; Kneisel, Müller, 2011, abb. 7; De Reu, Hammond, Toron, Bourgeois, 2012, fig. 7; Ernée, Müller, Rassmann, 2012, abb. 21; Gechwinde, 2012, s. 110, 111; Lißner, 2012, abb. 1; Ernée, 2013, abb. 4; Pokutta, 2013, fig. 126, 127, 139, 140, p. 119–121; Benke, 2014, abb. 22; Fischl, Kiss, Kulcsár, Szeverényi, 2015, fig. 7a-b; Kiss, Fábián, Hajdu, Köhler, Kulcsár, Major, Szabó, 2015, fig. 7, 11; Lull, Micó, Herrada, Risch, 2015, appendix; Hubensack, 2018, abb. 74– 80; Massy, 2018, abb. 13; Šabatova, Parma, 2019, tab. 2, obr. 4, 8; и др.). Они в целом подтверждают синхронизацию ПКБ I–III со среднеевропейскими периодами Bz A1b–A2a, по П. Райнеке, концом раннеэлладского периода ЕН III – началом среднеэлладского периода МН I, раннеминойским периодом III – среднеминойским периодом IIIA, в пределах XXII–XVIII вв. до н.э (Hood, 1973, fig. 8.3; Warren, Hankey, 1989, p. 169; Manning, 1995, p. 216, fig. 2; Ciugudean, 1996, fig. 96).

В качестве яркого примера правильности синхронизации с периодами Bz A1b-A2a можно привести результаты сравнения суммированных интервалов блока посткатакомбных культурных образований и культур унетицкого круга (*Aunjetitz, Singen, Unterwöbling, Neckar-Gruppe*). Учтено 132 даты (табл. 6.15). Графики однозначно указывают на их синхронность в пределах XXII–XVIII вв. до н.э. (илл. 179), что полностью согласовывается с представленным выше соотношением восточно- и центральноевропейской хронологических систем.

Особую актуальность имеет хронологическое соотношение радиоуглеродных данных посткатакомбных культурных образований и ***колесничного блока***.

Серии ^{14}C данных имеют синташтинско-петровские, потаповские и раннепокровские (ДВАК) памятники (табл. 6.12–14) (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, табл. 3; Кузнецов, 1996, с. 57; 2006, с. 409; Трифонов, 1996,

табл. 1; Kouznetsov P., 1999, shem. 1; Kuznetsov P., 2006, fig. 2; Моргунова, Хохлова, Зайцева, Чичанова, Гольева, 2003, табл. 1; Кузнецов , Мочалов, 2012, табл. 1; Епимахов, 2010; 2013, табл. 13.1; Alentoft et al., 2015; Корякова, Кузьмина С., 2017, табл. 1; Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018, рис. 53; Ткачев В., 2020, с. 37; Чечушков, Молчанова, Епимахов, 2020, табл. 2). Дат для ранних покровских погребений (ДВАК), синхронных Синташте и Потаповке, немного (табл. 6.12) (Малов, 2001, с. 200; Зеленеев, Юдин, 2010, с. 143; Шишлина, Скоробогатов, Кайзер, Усачук, 2015, табл. 1; Шишлина, Фернандес, 2016, табл. 1). В основном мы имеем датировки для более поздних покровских комплексов (Черных, Кузьминых, Лебедева, Луньков, 2000, с. 67, 70; Каргалы, 2002, с. 127; Мимоход, Шишлина, 2004, табл. 2; Луньков, Лунькова, Сафонов, 2006, с. 171; Малов, 2001, с. 200; Кузьмина О., Михайлова, Субботин, 2003, с. 236; 2003а, с. 269; Anthony, Brown D., Brown E., Goodman, Kokhlov, Kosintsev, Kuznetsov P., Mochalov, Murphy, Peterson, Pike-Tay, Popova, Rosen, Russel, Weisskopf, 2005, tabl. 2; Гак, 2011, прил. 7; Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018, рис. 55). Для блока культур Синташта-Потаповка-Петровка-ранний Покровск (ДВАК) учтено 114 дат (табл. 6.12–14).

Данные ^{14}C однозначно свидетельствуют о том, что посткатакомбные памятники дают серии значительно более древние, чем даты колесничных культурных образований. Если сравнить графики суммирования посткатакомбного и колесничного блоков (илл. 177), то получится, что они синхронны в пределах XX–XVIII вв. до н.э. Причем, верхняя граница диапазонов фактически совпала в пределах 1740/1700 CalBC. Хорошо это видно и на примере подборки дат, где продатированы комплексы всех фаз ПКБ (табл. 6.7). При сравнении дат погребений ПКБ I и II с радиоуглеродными датировками блока колесничных культур очевиден хронологический приоритет этих периодов, большинство определений которых располагаются в пределах XXII–XIX вв. до н.э. (илл. 176). Напротив, даты погребений ПКБ III (илл. 176) синхронны колесничным в пределах XX–XVII вв. до н.э. Подавляющее большинство исследователей в калиброванных значениях с

небольшими вариациями датируют блок Синташта-Потаповка-Покровск в пределах XX–XVIII вв. до н.э. (Anthony, Vinogradov, 1995, p. 38, 40; Anthony, 1998, p. 94; 2009, tabl. 4.1; Кузнецов, 1996, с. 58; 2001, с. 179; 2003, с. 86; Отрощенко, 1996, с. 31; 2006, с. 83; 2007, с. 211; 2009, с. 70; Трифонов, 1996, с. 62; 2001, с. 80; Kouznetsov, 1999, shem. 1; Kuznetsov, 2006, p. 643; Зданович Г., 1997, с. 60; 2002, с. 47; Епимахов, 1997, с.17,18; 2002, с.25; 2004, с.93; 2005, с. 162, 164; 2006, с.26,28; 2007, с. 403, рис. 9; 2008, с.94; 2010; 2010а, с. 16; 2014, с. 184, 190, 193; 2016, с. 65; 2020, с. 262; 2020а, с. 56; Григорьев, 1999, с.135, 136; 2018, с. 53; 2020, с. 67; 2020а, с. 70, 73; 2020б, с. 255; 2020в, с. 24; Кузьмина Е., 1999, с. 270; 2001, с. 69, 70; 2008, с. 54, 121; 2010, с. 121, 122; Kuzmina E., 2008, p. 56, 116, 126; Кузнецов, Семенова, 2000, с. 129; Виноградов Н., 2003, с. 263; 2004, с. 274; 2007, с. 38; 2011, с. 78; Parzinger, Boroffka, 2003, abb. 3; Epimakhov, Koryakova, 2004, p. 231, tab. 1; Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005 с. 99; Чечушков, Епимахов, 2010, с. 194, рис. 7; Мимоход, 2010б, с. 50; 2011в, с. 48; 2013, с. 290; 2016а, с. 47; Krause, Koryakova, Fornasier, Šarapova, Epimachov, Panteleeva, Berseneva, Molčanov, Kalis, Stobbe, Thiemeyer, Wittig, König, 2010, abb. 27; Кузнецов, Мочалов, 2012, с. 53; Бочкарев, Кузнецов, 2014, с. 5; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, рис. 2; Чечушков, 2014, с. 282; Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018, с. 91; Отрощенко, 2018, с. 84; Ткачев В., 2019, с. 44; Чечушков, Молчанова, Епимахов, 2020, с. 5; Linder, 2020, p. 367, 375, 377).

Еще раз вернемся к важному значению именно AMS-датировок. Дело в том, что Синташта-Петровка-Потаповка[31] фактически сразу стали, образно выражаясь, «AMS-культурами». Яркие материалы колесничных комплексов быстро привлекли внимание не только отечественных, но и зарубежных специалистов. В результате было организовано серийное датирование на ускорителях за границей. Десять лет назад по результатам суммирования диапазон существования колесничного блока был определен в пределах 1980–

[31] Для раннего Покровска (ДВАК) AMS-даты появились только в последнем пятилетии.

1740 Cal BC (Мимоход, 2011в, рис. 10; 2013, илл. 113). За истекший период его база AMS-данных выросла более, чем на 60 дат. При этом результаты суммирования этой в разы выросшей серии остались такими же, как и десять лет назад, в пределах 1980–1740 Cal BC. Напомню, что культурные образования посткатакомбного блока десять лет назад являлись «LSC-культурами». Сейчас ситуация существенно поменялась. С кратным увеличением AMS-датировок посткатакомбный интервал сузился фактически на 100 лет, и фаза ПКБ III сейчас датируется в рамках XX–XVIII вв. до н.э. (илл. 173, *1*, 176, 177), что полностью соответствует радиокарбонной хронологии колесничных культур (илл. 177).

Таким образом, ^{14}C данные свидетельствуют о том, что посткатакомбные памятники дают серии значительно более древние, чем даты колесничных культурных образований. При сравнении дат фаз ПКБ I и II срадиоуглеродными датировками Синташты, Потаповки и Покровска очевиден хронологический приоритет этих посткатакомбных периодов, большинство определений которых располагаются в пределах XXII–XX вв. до н.э. Напротив, даты погребений фазы ПКБ III соответствуют ^{14}C данным колесничных культур в пределах XX–XVIII вв. до н.э.

Иными словами, посткатакомбный блок сформировался значительно раньше появления культурных образований Синташта-Потаповка-Покровск. Его возникновение никак не связано с процессами культурогенеза начала II тыс. до н.э. в Волго-Уралье, но влияние его на них было весомым, о чем речь пойдет в главе 7.

Глава 7. Культурогенез на востоке посткатакомбного мира: не только там и не только об этом

§ 1. Блок посткатакомбных культурных образований (решение проблемы)

Почти 20 лет назад в Луганске была опубликована работа «Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы)» (Мимоход, 2005). Этот вопрос оказалось возможным поставить благодаря выделению лолинской культуры и криволукской культурной группы (ныне ВДБК), когда стало понятно, что в Нижнем Поволжье и Северо-западном Прикаспии между катакомбными культурами и памятниками поздней бронзы находится пласт посткатакомбных древностей. Однако это была только постановка проблемы, потому что оставалась непонятной ситуация в Волго-Уралье и Западном Предкавказье, да и процесс формирования источниковой базы по криволукской группе был еще далек от окончания. Сейчас все эти лакуны уже заполнены, поэтому можно говорить о решении проблемы. Впрочем, с учетом того, что полевые и аналитические исследования продолжаются, предлагаю слово «решение» в заглавии параграфа рассматривать не как существительное, а как глагол, т.е. процесс.

На сегодняшний день блок посткатакомбных культурных образований представлен культурным кругом Бабино, куда входят ВДБК, ДДБК и ДПБК с тремя локальными вариантами, и культурным кругом Лола, который включает лолинскую культуру, ВУКГ и невинномысскую культуру с двумя локальными вариантами (илл. 180). Цель настоящего параграфа – это характеристика основных структурных черт сходства всех составляющих посткатакомбного блока. Именно эти черты позволили констатировать факт его существования.

Концепция о блоках культур и их последовательности в эпоху бронзы принадлежит В.С. Бочкареву. Наиболее четко его определение сформулировано, пожалуй, в работе К.Х. Кушнаревой со ссылкой на В.С. Бочкарева: «Под блоком культур им (В.С. Бочкаревым – *Р.М.*) подразумеваются культуры, имеющие общее происхождение, однако

впоследствии перемещенные их носителями на другие территории» (Кушнарева, 2007, с. 169). Примерно в таком же ракурсе приводятся положения одного из докладов В.С. Бочкарева в работе М.Б Рысина (1991, с. 40). А.В. Кияшко, развивая положения В.С. Бочкарева, связывает появление того или иного блока культур с деятельностью соответствующего очага культурогенеза. Он пишет, что «в их (блоков – *Р.М.*) материальном комплексе воплощалась и как бы разворачивалась во времени и пространстве та или иная археологическая эпоха. Эти блоки культур имели довольно четкие территориальные границы, а также обширную сферу влияния, или периферию, как правило, очерчиваемую» (Кияшко, 2000, с. 58). Со ссылкой на В.С. Бочкарева важный для наших построений тезис сформулировал В.А. Алекшин: «Смена одного блока культур другим может сопровождаться наряду с изменениями культурного характера интенсивными племенными передвижениями» (Алекшин, 1990, с. 127).

Таким образом, под «блоком культур» следует понимать ряд синхронных культурных образований, занимающих единый ареал, в котором каждая составляющая блока имеет свою территорию. Культуры, входящие в него, демонстрируют эпохальные черты сходства в развитии (материальной культуре, погребальном обряде, хозяйственном укладе), обусловленные определенной общностью происхождения и исторических судеб. Смена блоков культур представляет собой кардинальное переоформление культурной ситуации на большой территории, которое, как правило, связано с интенсивными миграционными процессами[32].

Наиболее яркие признаки, благодаря которым можно констатировать наличие и единство посткатакомбного блока культурных образований можно охарактеризовать следующим образом.

---

[32] На схожих позициях стоит и Е.Н. Черных при формулировке понятия «археологическая общность», впрочем, в которой он также использует термин «блок археологических культур» (Черных, 2007, с. 35). В этой связи вряд ли правомерно считать понятия «горизонт культур» и «блок культур» синонимичными (Епимахов, 2008, с. 95; ср. Классификации в археологии…, 1990, с. 62, 63).

1. Посткатакомбные культурные образования занимают территорию катакомбных культур (ДДБК и ДПБК – ареал ингульских, бахмутских, позднедонецких памятников; ВДБК – средне-донской левобережного варианта и волго-донской катакомбных культур; лолинская – восточноманычской катакомбной культуры; невинномысская – батуринской и суворовской катакомбных культур) (илл. 181). В Волго-Уралье катакомбные древности немногочисленны. Они присутствуют в Заволжье и в единичных случаях в Приуралье, тем не менее этот предшествующий субстрат представлен на территории ВУКГ и принимал участие в ее формировании. Все культурные образования блока генетически связаны с катакомбными культурами. Именно последнее обстоятельство наполняет термин «посткатакомбные» не только хронологическим, но и культурным содержанием.

2. Каждая составляющая блока имеет собственную территорию и граничит с другими культурными группами, а весь посткатакомбный блок, занимающий степную и лесостепную зоны, имеет единый ареал с замкнутыми границами по периметру (илл. 181).

3. Посткатакомбные культурные образования появляются одновременно в пределах 2200 CalBC и синхронны в рамках финала средней бронзы (илл. 168). В курганах захоронения всегда следуют за катакомбными и предшествуют позднебронзовым, в том числе раннего этапа (покровским и синташтинским) погребениям.

4. У посткатакомбных культурных образований Днепро-Волжского междуречья и Восточного Предкавказья на ранних этапах развития наблюдается рост собственного курганного строительства, что контрастно отличает их от позднекатакомбных памятников, для которых данная традиция не характерна. Из всего блока самый высокий показатель демонстрирует ДДБК. Основные и сопровождавшиеся досыпками погребения в этой культуре

составляют 79% от всех захоронений культуры[33]. В ВДБК этот показатель составляет 39,7%, в ВУКГ – 36,7%, в Лоле – 21%, причем, что на раннем этапе в этой культуре он достигает 40%. Однако в составе блока есть культурные образования с довольно низкими показателями по собственному курганному строительству. Это невинномысская культура (8,5%) и ДПБК (5,1%) (Литвиненко, 2009), тем не менее, общая эпохальная традиция роста количества сооружения курганов в посткатакомбный период по сравнению с катакомбным налицо. Как подметил В.В. Отрощенко «новая эпоха требовала сооружения новых курганов» (Отрощенко, 1998, с. 115). Правильно, особенно с учетом того, что основные стандарты погребального ритуала эпохи поздней бронзы, в том числе и развитое курганное строительство начального этапа, были заложены в посткатакомбный период.

5. В качестве ведущего типа могильной конструкции выступает яма (илл. 182, *5–29, 32, 33, 35–48, 53–61*), но при этом в материалах всех составляющих блока сохраняются рудименты предшествующей катакомбной эпохи в виде могил с подбойными конструкциями (илл. 182, *1–4, 30, 31, 34, 51, 52, 62*). Так, лучше всего они представлены в Лоле (26,6%), в ВУКГ (22%) и ДПБК (19%), а в ВДБК (2,3%), Невиномысске (3%) и ДДБК (1,3%) эти показатели минимальны. Причем, для всего посткатакомбного блока характерна хронологическая закономерность в традиции устройства погребений в ямах с подбоем. Они хорошо представлены на фазе ПКБ I и фактически полностью исчезают к фазе ПКБ III. Неудивительно, что захоронения в ямах становятся господствующей формой обряда в ПБВ, равно как и расположение скелета на левом боку.

6. Левобочное положение скелета является основным в посткатакомбной погребальной практике. Правобочные костяки спорадически встречаются в материалах всех культурных образований, но не они формируют их наглядный образ, хотя следует отметить, что в невинномысской

[33] В этом параграфе статистика данные по культурному кругу Бабино дана по (Литвиненко, 2006а, с. 165; 2009; 2011а).

культуре количество правобочных скелетов достигает 21,8%, что можно отнести к числу культурообразующих признаков (илл. 182, *36, 38, 40, 45*). Так же для ДДБК следует расценивать и наличие женской обрядовой группы с позицией скелета на правом боку (илл. 182, *18*).

В положение рук сохраняются катакомбные традиции, когда они протянуты к коленям (илл. 182, *9, 12–16, 18, 23–27, 56*), но распространяются и новые адоративные позиции (илл. 182, *1–8, 22, 28–55, 57–62*).

Ориентировки скелетов в культурах посткатакомбного блока разнообразные (илл. 185), однако следует отметить, что на фазе ПКБ III во всех группах начинают доминировать северо-восточный, восточный и юго-восточный векторы.

7. Специфической чертой, характерной для посткатакомбного блока, является ярко выраженная тенденция безынвентарности погребений. По сравнению с предшествующими катакомбными культурами происходит резкое сокращение помещения в могилу вещей. Дефицит бронзовых предметов и сосудов сопровождается существенным обеднением их ассортимента. Пожалуй, самой «инвентарной» культурой является лолинская. Захоронения без сопровождающих вещей здесь составляют 36,5%, близкие друг другу показатели демонстрируют ДДБК (47,7%) и невинномысская культура (50,1%), за ними следуют ДПБК (57,8%) и ВУКГ (63%). Наконец, самый высокий показатель безынвентарности показывает ВДБК, где погребения без вещей составляют 70,6%. Очевидно, что упадок традиции помещения инвентаря в захоронения в посткатакомбный период является эпохальной чертой, определяющий единство блока. Следует отметить, что и здесь есть хронологическая закономерность. Тенденция безынвентарности нарастает от фазы ПКБ I к фазе ПКБ III.

8. Как уже не раз отмечалось, характерным признаком посткатакомбных культурных образований является использование костей МРС, реже КРС, определенного анатомического состава. В катакомбных культурах также прослеживается регламентированность использования костей животных, но

она, похоже, является сквозной для большинства культур. Чаще всего здесь встречаются череп и кости конечностей. В посткатакомбный период кости животных превращаются в хорошо опознаваемые культурные индикаторы. Для Лолы визитной карточкой является обнаружение в могилах лопаток МРС (илл. 182, *28, 31, 34*), для невинномысской – лопаток и грудин МРС (илл. 182, *36–37, 40, 44*), крестцов с частью хребта (илл. 182, *38*), для ВУКГ – лопаток и ног МРС и крупных копытных (илл. 182, *56, 61*). В ДДБК, особенно раннего этапа хорошо представлены так называемые «шкуры» – черепа и кости конечностей КРС и МРС (илл. 182, *11–14, 18*). Характерной чертой обряда ВДБК служило помещение в могилы костей ног МРС и КРС (илл. 182, *19, 20, 22, 23–27*), а в ДПБК – это части грудины, хребта, таза мелких копытных. Для Днепро-Донского и Днепро-Прутского Бабино количество погребений с КЖ невелико – 10% и 5,4% соответственно. Правда, для бабинских культур ситуацию с лихвой компенсирует ВДБК, которая демонстрирует самый высокий показатель среди всех посткатакомбных групп по признаку «КЖ в погребениях», который составляет 62,2% от всех захоронений. Лолинская культура и ВУКГ дают близкие цифры – 25,4% и 30,6%, а невинномысская (7%) тяготеет к ДДБК и ДПБК. Для всех составляющих блока в отношении КЖ, да и инвентаря тоже, характерна еще одна эпохальная посткатакомбная черта – это приуроченность их к телу умершего. Небольшое исключение здесь составляет Днепро-Донское Бабино, где «шкуры» в ряде случаев отделены от скелета (илл. 182, *11–14, 18*), но таких комплексов немного и датируются они только ранним этапом культуры. «Намагниченность» скелета в отношении КЖ и инвентаря в посткатакомбное время особенно ярко проступает на фоне катакомбной традиции, которая демонстрирует обратную тенденцию. Сопровождающий инвентарь, включая и кости копытных, здесь отделен от умершего и расположен у стенок, по углам могил, рядом с ними и во входных шахтах. Причем, у большинства культур посткатакомбного периода место КЖ в погребениях является стандартизированным. Они располагаются у

предплечья или локтевого сустава левой руки (илл. 182, *19, 22, 24, 25–28, 31, 36, 61*).

9. При выраженной культурной специфике инвентарного комплекса посткатакомбных памятников (илл. 183), особой категорией инвентаря, объединяющей все посткатакомбные культурные образования, являются костяные/роговые поясные пряжки и подвески (илл. 183, *24, 55–57, 82, 128, 129, 177, 178, 189*). Они не только позволяют синхронизировать данные культурные образования, но и выступают определенными маркерами внутри блока. Высокий семиотический статус пояса с пряжкой в погребальном обряде хорошо прослеживается для всех посткатакомбных групп. Причем, поясные детали в подавляющем большинстве случаев связаны с захоронениями мужчин. Впоследствии эта традиция распространяется и в памятниках колесничных культур.

Орудийный металлокомплекс демонстрирует стандарты Циркумпонтийской металлургической провинции. Эпохальной чертой является серийное использование ножей листовидной формы с максимальным расширением клинка в центральной части (илл. 183, *22, 50, 52, 121, 123, 169, 184*). Эти стереотипы эксплуатировались и раньше, но только в посткатакомбное время, они становятся доминирующими.

Близкая ситуация наблюдается и для некоторых типов украшений, которые восходят к кавказским прототипам. Речь, прежде всего, идет о фаянсовых бусах с выступами, которые встречаются в посткатакомбных памятниках Предкавказья и Днепро-Волжского междуречья (илл. 183, *44, 76, 114, 162*). Отчасти это касается и спирально-ленточных металлических пронизей, известных в материалах ДДБК, ВДБК и Лолы (илл. 183, *46, 74, 119*). Мы можем обнаружить и прямые импорты с Северо-восточного Кавказа, как в гарнитуре украшений, так и в керамике. Отчетливые признаки северокавказского импульса, которые выражаются хоть и в различной степени, но у всех посткатакомбных культурных образований (см. ниже),

являются важными критериями выделения блока, которые указывают на определенную общность механизмов культурогенеза всех его составляющих.

10. Внутри посткатакомбного пространства фиксируются активные межкультурные связи. Они проявляются как в обрядовом, так и в вещевом комплексах. При оценке межкультурных посткатакомбных связей нельзя не отметить, что векторы влияния культурного круга Лола в сторону северных составляющих блока являются более выраженными, чем обратные. Это вполне закономерно, т.к. именно территория Предкавказья выступала в качестве основного источника и передаточного звена предкавказских и северокавказских новаций для степной зоны в финале СБВ. С другой стороны, наличие активных межкультурных контактов свидетельствует о том, что в рамках блока существовала благоприятная для этого родственная среда, благодаря которой эффективно действовали механизмы как культурных заимствований, так и трансляций надкультурных элементов, определивших своеобразие посткатакомбных памятников. В качестве ярких примеров можно привести находки в погребениях культурного круга Бабино лепестковидного бисера (илл. 133, *57, 58*) или присутствие в невинномысской культуре пряжек бабинских типов (илл. 183, *178*). Этот перечень легко можно продолжить (см. предыдущие главы).

11. Правомерность объединения в рамках единого посткатакомбного блока всех его составляющих независимо подтверждается даже таким специфическим источником, как данные антропологии. Характерные черты краниологических серий этих посткатакомбных культурных образований уже обозначены антропологами (Круц 1984, с. 45–56; Герасимова, Калмыков 2007; Хохлов, Мимоход 2008; Казарницкий, 2010; 2011; 2011а; 2012; 2013). При понятной вариативности и определенных различиях как внутри серий, так и между ними, тем не менее, черепа посткатакомбных культурных образований близки между собой в рамках южноевропеоидного типа. Здесь достаточно процитировать А.А. Казарницкого. Он пишет: «При значительных различиях между посткатакомбными выборками (причиной которых может быть не

столько популяционная пестрота, сколько небольшая численность черепов в каждой из них) все они в целом отличаются от степного населения предшествующих эпох более длинным и узким черепом, более узким и клиногнатным лицом, более высокими носом и орбитами. Различия между суммарными катакомбной и посткатакомбной сериями по перечисленным краниометрическим признакам достигают высокого уровня статистической значимости ($p < 0,01$)» (Казарницкий, 2021, с. 132).

12. Общими были климатические условия, в которых образовался посткатакомбный блок. Этот блок возник в условиях резкой аридизации периода 2200 CalBC, которую отечественные палеоклиматологи назвали самой масштабной экологической катастрофой за последние 6000 лет (Дёмкин, Дёмкина, Алексеев, Алексеева, Борисов, 2001, с. 371; Борисов, Дёмкина, Дёмкин, 2006, с. 194; Дёмкин, Соловьева, Дёмкина, Борисов, 2006, с. 38, табл. 1; Дёмкин, Дёмкина, Хомутова, Журавлев, 2008, с. 344; Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009, с. 51; Дёмкин, Дёмкина, Хомутова, 2009, с. 96; Дёмкин, Борисов, Дёмкина, Хомутова, Пампура, 2009, с.1 83; Дёмкин, Борисов, Дёмкина, Хомутова, Удальцов, Каширская, 2010, с. 67). Иными словами, исчезновение катакомбной культурной традиции и появление блока посткатакомбных культурных образований приходится на период экстрааридных условий.

13. Единство блока проявляется в определенной общности исторических судеб, связанной с формированием и распространением памятников начала поздней бронзы.

Таким образом, целый ряд объединяющих структурных признаков, которые в той или иной степени характерны для всех культурных образований, позволяют рассматривать их в системе единого посткатакомбного блока, время существования которого определяется в пределах 2200–1800 CalBC. Этот период был ключевым, который, с одной стороны финализировал эпоху средней бронзы, а, с другой, стал той средой, где зародилась существенная

часть стандартов, определивших содержание последующего позднего бронзового века.

§ 2. Культурный круг Бабино и культурный круг Лола: различия в единстве

Посткатакомбный блок, в который объединены культурные образования, проявляющие структурные эпохальные сходства по целому ряду значимых признаков, представляет собой высший таксон в иерархической классификационной систематизации посткатакомбных древностей. Черты единства в блоке носят сквозной характер для всех его составляющих и отражают их ключевые характеристики, которые раскрывают содержание эпохи. Этот блок имеет, скорее, не культурную, а стадиальную суть. Последняя была порождена сходными синхронными историческими процессами, которые происходили в финале средней бронзы в Восточной Европе. В предыдущих главах были охарактеризованы культуры, входящие в посткатакомбный блок. Все они имеют специфические маркеры, которые позволяют рассматривать их как самостоятельные образования. При этом детальный анализ показывал, что посткатакомбные культуры делятся на две группы, внутри которых связи между обрядово-инвентарными комплексами их составляющих проявляют выраженное единство. Оно не нивелируют культурную специфику каждого образования в рамках группы, а иллюстрирует то, что посткатакомбному блоку имманентно присуща определенная двуединость. И если формирование самого этого феномена иллюстрирует синхронные, отчасти стадиальные процессы, вызванные глобальными трансформациями, то наличие внутри него двух составляющих показывает специфику разных векторов культурогенеза. Эти две родственные группы культур, на которые делится блок посткатакомбных образований, представляют собой культурный круг Бабино и культурный круг Лола (илл. 180). Названы эти феномены по эпонимным памятникам пос. Бабино III в Поднепровье и мог. Лола I на Восточном Маныче. Если мы представим себе иерархическую классификацию посткатакомбных древностей в системе,

например, языкознания, то, образно выражаясь, наши локальные культуры предстанут как буквы, культурные круги – как гласные и согласные и, наконец, блок посткатакомбных культурных образований – как алфавит в понимании совокупности букв, расположенных в исторически установленном порядке.

Понятие «культурный круг» определяется в рамках тех формулировок, которые использовал Р.А. Литвиненко применительно к Бабино (2011а, с. 110): «Имеющаяся совокупность памятников соответствует *культурному кругу* или *кругу культур*, под которым понимают «сумму генетически связанных археологических культур, характеризующихся одними и теми же семействами типов» или «группу археологических культур, связанных изоморфностью структуры, типологическими рядами и сходством ряда типов в такой мере, что это позволяет предполагать родство этих культур (связь по происхождению или общность их происхождения или наличие общего вклада) (Классификации в археологии…, 1990, с. 63, 93)»».

2.1. Культурный круг Бабино

Концепция культурного круга Бабино была сформулирована и раскрыта Р.А. Литвиненко. В 2009 г. в Институте археологии НАНУ он защитил докторскую диссертацию по теме: «Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток)» (Литвиненко, 2009; 2009а). Основные ее положения в том же году нашли отражения в ряде магистральных статей (Литвиненко, 2009б; 2009в; 2009г). На русском языке тема была раскрыта немного позже (Литвиненко, 2011а). Культурный круг Бабино по Р.А. Литвиненко составляли две культуры: ДДБК и ДПБК. Последняя делится на три локальных варианта: днепро-днестровский, днепро-бугский и днестро-прутский (илл. 180). Как уже было отмечено в главе 1, работа с материалами Нижнего Поволжья и волго-донского междуречья позволила выделить ВДБК (Мимоход, 2013в; 2014). Таким образом, структура культурного круга Бабино окончательно оформилась. Он включает в себя три бабинские культуры: волго-донскую,

днепро-донскую и днепро-прутскую (илл. 180). Рассмотрим данные, которые позволяют их рассматривать в рамках единого круга.

1. Все три культуры имеют общую территорию с замкнутой границей по периметру. Они занимают соответствующие их названиям регионы от Прута до Заволжья в широтном направлении и от лесостепи до Северного Причерноморья и Приазовья с примыкающими регионами бассейна Нижнего Дона в меридиональном. Отличительной чертой бабинских культур в территориальном отношении является их широтное расположение с запада на северо-восток (илл. 184).

2. В обрядности ранней ДДБК хорошо выражена гендерная дихотомия в обряде, когда мужчин в могилах укладывали на левый бок головой на запад (илл. 182, *11–17*, 195, *1*), а женщин на правый головой на восток (илл. 182, *18*, 195, *2*). В ВДБК, правда, эпизодически также реализовывался указанный принцип бинарной оппозиции (см. главу 2). В очень размытом виде на уровне едва улавливаемой тенденции, которая, видимо, является отголоском событий времени формирования культурного круга Бабино, эта традиция фиксируется и в ДПБК (Литвиненко, 2009, с. 343).

В положении рук на раннем этапе в бабинских культурах (ДДБК и ВДБК) полностью доминируют катакомбные стандарты, когда руки вытянуты к коленям или когда одна рука протянута вдоль тела, а вторая согнута в руке под прямым углом и кисть ее находится в районе локтевого сустава вытянутой руки (илл. 182, *11–21, 23–27*). В более поздней по отношению к Днепро-Донскому и Волго-Донскому Бабино ДПБК катакомбные позиции также хорошо представлены (илл. 182, *9*), но серьезно уступают уже новым адоративным позициям (илл. 182, *1–8*).

Ориентировка костяков в отношении единства культурного круга Бабино выглядит противоречивой. Закономерности здесь есть только для каждой культуры в отдельности (Литвиненко, 2009, рис. 131), но нет для общности (илл. 185).

3. Особенно ярко родство бабинских культур проявляется в инвентарном комплексе (илл. 183, *I–III*).

Краеугольным камнем историографической традиции здесь выступает *керамика*, при этом она же, как один из важнейших факторов, цементирует само понятие «культурный круг Бабино». Детальный историографический обзор о том, как многоваликовая керамика сначала была культурроопределяющим признаком одноименной культуры, а потом вдруг стала эпохальной керамической модой (Березанская, 1998), которая чуть ли не привела к ликвидации самого культурного феномена КМК, дан в работах Р.А. Литвиненко (2009, с. 19–31; 2009б; 2009в; 2011а, с. 109, 110). Главным образом, именно дискуссии о посуде, орнаментированной рядами валиков, привели к тому, что благодаря усилиям Р.А. Литвиненко феномен КМК был переосмыслен и переформатирован в культурный круг Бабино (Литвиненко, 2009; 2009а). В исследовательский процесс была возвращена уже на качественно новом уровне идея С.Н. Братченко о переименовании культуры многоваликовой керамики в бабинскую (Братченко, 1977). Р.А. Литвиненко точно охарактеризовал инициированные им тектонические сдвиги в изучении посткатакомбной проблематики: «… возвращение к бабинской номенклатуре является не столько сменой таблички, сколько качественно иным осмыслением культурного/археологического явления» (Литвиненко, 2011а, с. 109).

Нельзя отрицать, что действительно на позднем этапе среднего бронзового века распространяется мода на многоваликовую орнаментацию. Ее законодателем, главным образом, была среднедонская катакомбная культура, потом этот стиль распространяется в бабинских культурах. При определенном сходстве между катакомбной и бабинской посудой с многоваликовой орнаментацией есть серьезные различия, прежде всего, в морфологии сосудов. Бабинская посуда отличается выраженной ребристостью профиля, стройными и высокими пропорциями (илл. 183, *1–9, 25–36, 60, 61, 63, 67*). В отличие от СДКК она имеет невысокое горло, которое не демонстрирует выраженной

раструбности, что свойственно среднедонской катакомбной традиции. Отличается и структура валиковой орнаментации.

Таким образом, керамический комплекс бабинских культур в морфологическом и орнаментальном отношениях выглядит единым, что не исключает наличия отдельных специфических черт в керамике каждой культуры. Так, например, для всех ДДБК, ДПБК и ВДБК характерны такие специфические сосуды как корчаги (илл. 183, *10, 25, 68, 69*), но, если для первых двух групп они имеют биконичное тулово и прямое либо слегка отогнутое горло (илл. 183, *10, 25*), то для последней этот же тип посуды представлен округлобокими горшками с плавным S-видным профилем с высоким изогнутой шейкой (илл. 183, *68, 69*). Иными словами, керамическая традиция для всех составляющих культурного круга Бабино является хорошо опзнаваемой и как нельзя лучше отражает суть рассматриваемого феномена.

Родство всех трех культур подтверждает и система оснащения лучников. Они были вооружены стрелами с *кремневыми наконечниками*. Причем, все они относятся к единому типу, восходящему к катакомбным традициям. Речь идет об изделиях с выемкой в основании. Такие стрелы использовали воины всех бабинских культур (илл. 183, *15, 40, 71*). Единичные наконечники с овальным основанием или выделенным черешком, которые известны в бабинских материалах, являются чужеродным для культурного Бабино и их положение в могилах недвусмысленно указывает на то, что они являются свидетельствами ранений и убийств (см. ниже). Важным подтвеждением единства происхождения культурного круга Бабина на фазе ПКБ I служит наличие в составе инвентарного комплекса *каменных брусков с перетяжками*, которые являются защитой предплечья лучников (см. главу 2). Эти изделия известны в ДДБК и ВДБК (илл. 183, *41, 72*). Еще одним маркером, объединяющий эти две культуры на стадии становления посткатакомбного мира, выступают категории изделий, также связанные с системой вооружения дальнего боя. Речь идет о *каменных выпрямителях* для древков стрел и наборах стрелоделов

(илл. 36, *4–7*, 183, *37*). В Бабино эти артефакты являются рудиментами предшествующей катакомбой эпохи.

Наиболее металлоемкая из всех бабинских культур – ДДБК. Именно в ее материалах присутствуют гарнитур *украшений*, восходящий к европейским культурам Bz A: гривны, очковидные подвески, перстни и т.д. (см. ниже) (илл. 183, *47*). Отдельные типы украшений европейского происхождения известны и в ДПБК (илл. 183, *18*).

Орудийный комплекс культурного круга Бабино демонстрирует характерные черты завершающей фазы функционирования Циркумпонтийской металлургической провинции (илл. 183, *21, 22, 49–53, 79, 80*). Немногочисленные пока данные по бабинскому *составу металлу* (10 опр.) (Литвиненко, 2006б, табл. 1; Мимоход, 2013, с. 88; Егорьков, 2018; Шишлина, Орфинская, Киселева, Хвостиков, Кузнецова, Окунева, 2020, табл. 3) показывают, что большинство предметов сделано из чистой меди (Cu) или с микропримесью мышьяка, не имеющей характер преднамеренной лигатуры, которую Е.Н. Черных относит к группе Cu* (Черных, 2007, с. 66; Черных, Орловская, 2009, с. 75).

Особой категорией инвентаря, которая наиболее ярко демонстрирует родственность культур бабинского круга, являются костяные и роговые *поясные пряжки*. Только на фазе ПКБ I в Днепро-Донском Бабино известны фигурные крючково-планочные поясные детали (илл. 183, *57*), связанные своим происхождением с Центральной Европой и карпато-дунайским регионом (см. ниже). Их нет в ВДБК и ДПБК. Однако с самого начала формирования культурного круга Бабино объединяющим для всех культур служат округлые и овальные пряжки с одним отверстием на фазах ПКБ I и в начале ПКБ II (илл. 183, *24, 56, 82*) и с двумя отверстиями в конце ПКБ II и в период ПКБ III (илл. 183, *24, 55, 178*).

Таким образом, объединение ДДБК, ВДБК и ДПБК в культурный круг Бабино имеет под собой веские основания как на уровне погребального обряда (илл. 182, *I–III*), так и на уровне инвентарного комплекса (илл. 183, *I–III*).

Родственность этих культур обусловлена общими механизмами генезиса и дальнейшего развития. В рамках посткатакомбного мира единство бабинских культур хорошо оттеняется структурными характеристиками второй составляющей блока – культурного круга Лола.

2.2. Культурный круг Лола

Концепция культурного круга Лола впервые была сформулирована и развернута мною в докладе «Посткатакомбный период в Восточной Европе», прочитанном 16 октября 2013 г. на международной конференции «Бронзовый век в Европе» по случаю празднования 10-летия Представительства DFG в России и открытия выставки «Бронзовый век – Европа без границ» (15–17 октября 2013 г., ГИМ, г. Москва). Судя по тезисным и очень кратким формулировкам, эту же идею разделяет Р.А. Литвиненко (2013, с. 206; 2014, с. 28). Основные структурные положения разделения посткатакомбного блока на культурный круг Бабино и культурный круг Лола были изложены немного позже (Мимоход, 2016; 2018д) и в более развернутой характеристике совсем недавно (Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022). Сейчас есть смысл обговорить все нюансы обособления посткатакомбных культурных образований Предкавказья и Волго-Уралья в рамках культурного круга Лола.

1. Все три его составляющие (лолинская, невинномысская культуры и ВУКГ), как и в случае с Бабино, имеют общую территорию с замкнутыми границами по периметру (илл. 181). Основной ареал культурного круга Лола находится в степной зоне Предкавказья, от Нижнего Подонья и волгоградского Поволжья на севере до предгорий Кавказа на юге. Здесь локализуются лолинская и невинномысская культуры. Периферийной его территорией, но также неотъемлемой составляющей общего культурного ареала является территория Волго-Уралья, где расположены памятники одноименной культурной группы – северного деривата лолинской культуры. Обращает на себя внимание, что расположение составляющих культурного круга Лола явно тяготеет к меридиональному – с юго-запада на северо-восток (илл. 181).

2. В обрядности лолинских культур нет гендерной бинарной оппозиции. Только для невинномысской культуры в очень размытом виде фиксируется то, что правобочное положение больше характерно для погребений женщин, а левобочное – для мужчин. При этом какая-либо корреляция с ориентировками скелетов здесь отсутствует и говорить о выраженной бинарной дихотомии для этой культуры тоже не приходится.

Одним из важнейших признаков, объединяющих культурные группы лолинского круга, является положение скелета. Здесь мы наблюдаем полный слом катакомбных стереотипов. В Лоле, Невинномысске и ВУКГ повсеместно распространяются адоративная позиция костяка, когда руки согнуты в локтях под острым углом, а кисти находятся у лица или груди (илл. 182, *28–55, 57–62*). Стандарты предшествующей катакомбной эпохи в виде позы «скачущего всадника» и ее вариантов в культурном круге Лола составляют весьма незначительную часть от 3,4% до 9,5% (илл. 182, *56*).

Ситуация с ориентировками скелетов в лолинских культурах такая же, как и в Бабино, т.е. общие закономерности для круга отсутствуют, а прослеживаются они для каждой культурной группы в отдельности (илл. 185).

3. Как нельзя лучше родственность лолинской, невинномысской культур и ВУКГ подчеркивает их инвентарные комплексы (илл. 183, *IV–VI*).

К сожалению, о собственной *керамической традиции* волго-уральской группы нам пока мало что известно. Единственный горшок, который ее иллюстрирует, по морфологии и орнаментации (илл. 183, *179*), полностью соответствуют лолинским и невинномысским стандартам (илл. 183, *96, 97, 100, 104, 143, 144*). Керамические коллекции Лолы и Невинномысска достаточно представительны. Они демонстрируют целый ряд структурных объединяющих соответствий. Прежде всего следует отметить отсутствие в предкавказской посткатакомбной посуде ребристых форм. Основу серий представляет округлобокая посуда с плавной профилировкой (илл. 183, *96–100, 135–139, 142–145*). На посуде лолинского круга нередко встречаются петельчатые ручки и ручки-упоры (илл. 183, *86–95, 130–134*), явно

восходящие к кавказским традициям. Объединяет обе культуры использование геометрической нерельефной орнаментации (илл. 183, *100, 103, 104, 146, 153, 179*), при этом подавляющее большинство посуды декора не имеет вовсе. В материалах лолинской и невинномысской культур присутствуют сосуды, связанные своим происхождением с ВМКК (илл. 183, *83–90, 130*). Нередко предкавказская посткатакомбная посуда, осбенно на раннем этапе, имеет хорошо отмученное тесто и равномерный обжиг.

Диагностичными для выделения культурного круга Лола выступают кремневые *наконечники стрел*. Они представлены листовидными изделиями с овальным и усеченным основанием и черешковыми экземплярами (илл. 183, *108, 156*).

В гарнитуре металлических *украшений* лолинского круга представлена целая серия изделий кавказского происхождения: секировидные подвески, спиральные пронизи, пуговицы, скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями, конусовидные подвески (илл. 183, *110, 112, 117, 119, 157, 166, 167*). Объединяющими выступают и типы украшений, выработанные носителями лолинских традиций: металлические колесовидные бусы (илл. 183, *111, 159*) и керамический и фаянсовый лепестковидный бисер (илл. 183, *116, 164*). Важным структурным маркером культурного круга Лола является распространение в Предкавказье сурьмяного литья (илл. 183, *112, 117, 159*). Использование в костюме округлых украшений из раковины с отверстием в центре тоже выступает в качестве хорошо опознаваемого индикатора посткатакомбных предкавказских культур (илл. 183, *113, 161*).

Орудийный металлокомплекс культурного круга Лола демонстрирует характерные черты посткатакомбного бронзолитейного производства, которые, как уже отмечалось, проявляются в повсеместном распространении листовидных ножей с максимальным расширением в центральной части лезвия (илл. 183, *121, 123, 169, 184*). В определенной мере объединяющим для лолинских древностей являются ножи архаичной пятиугольной схемы, которые известны в лолинской и невинномысской культурах (илл. 183, *122,*

172). Вторым важным признаком для культурного круга Лола с точки зрения клинковых орудий является присутствие в серии ножей-кинжалов кавказского происхождения (илл. 183, *124, 170, 171*). Анализ *состава металла* на медной основе (18 определений) (Кореневский, 1977, табл.; Брилева, 2009, табл. 1; Гак, Мимоход, 2009, с. 66–68; Мимоход, 2013, с. 87, прилож. 3, табл. 1) показывает, что подавляющее большинство предметов лолинского круга изготовлены из мышьяковой бронзы.

Объединяющим для посткатакомбных памятников Предкавказья и Волго-Уралья являются некоторые категории *костяных изделий*. Речь идет о конусах-дзыгах, известных в лолинской и невинномысской культурах (илл. 183, *126, 175*). Именно в культурах лолинского круга была сгенерирована традиция помещения в погребения костяных пряслиц. Такие комплексы представлены во всех его составляющих (илл. 183, *127, 176, 187*).

Наконец, как для культурного круга Бабино, так и для культурного круга Лола, одним из самых ярких индикаторов общности служат костяные и роговые *поясные пряжки*. На фазах ПКБ I и II – это кольцевидно-планочные поясные детали (илл. 183, *129, 189*). Только в Невинномысске благодаря тесным связям с соседними бабинскими культурами на фазе ПКБ II и III известные единичные пряжки бабинских типов (илл. 183, *178*). В заключительный период существования блока в культурном круге Лола распространяются поясные подвески типа Элиста-Калиновский (илл. 183, *128, 177*).

Таким образом, лолинская, невинномысская культура и ВУКГ составляют культурный круг Лола. Родственность этих культурных образований хорошо прослеживается как на уровне погребального обряда, так и на уровне инвентарного комплекса. Структурные черты сходства так же, как и в случае с культурным кругом Бабино, обусловлены едиными механизмами происхождения и развития. Различия обеих общностей станут особенно показательными, если сравнить их между собой. Эти же отличия ярко

проиллюстрируют и показанное выше внутреннее единство каждого из культурных кругов.

2.3. Различия в единстве

Под единством, в данном случае стадиальным, здесь подразумевается посткатакомбный мир, а под различиями – те черты обрядово-инвентарного комплекса, которые позволяют выделить внутри него культурные круги Бабино и Лола.

1. Различия между ними хорошо прослеживаются по территориальному признаку. Ареал бабинских культур вытянут в широтном направлении, а лолинских более тяготеет к меридиональному (илл. 184). Подобное расположение не случайно и связано с направленностью миграционных процессов и передвижения посткатакомбных групп, главным образом, на фазе ПКБ I (см. ниже § 3).

2. В погребальном обряде рудиментарные катакомбные черты и новые эпохальные посткатакомбные тенденции выражены по-разному. Так, для культурного круга Лола особенно на стадии становления блока сохраняется ярко выраженная черта предшествующей эпохи, а именно сохранение традиции сооружения подбойных могил (илл. 182, *30, 31, 34, 49, 50, 51, 52, 62*). В это же время в бабинских культурах она приходит в полный упадок и фиксируется в единичных случаях (илл. 23, *8–16*).

Для ранней ДДБК характерен такой катакомбный рудимент, как помещение в могилы черепов и костей ног КРС (илл. 182, *11–14, 18*). Он фактически неизвестен в образованиях культурного круга Лола. В свою очередь, объединяющем для составляющих лолинского круга, является активное использование лопаток МРС (илл. 182, *28, 31, 34, 36, 37, 40, 44, 56, 62*), что совершенно несвойственно бабинской традиции.

Для культурного круга Бабино на фазе ПКБ I полностью доминируют катакомбные позиции костяка с позой «скачущего всадника» и ее вариациями, когда руки протянуты к коленям (илл. 182, *12–16, 19–21, 23–27*). В лолинской общности с самого начала ее формирования и до конца существования всецело

преобладают адоративные позиции (илл. 182, *28–55, 57–62*). На фазе ПКБ I в Бабино в положении умершего фиксируется бинарная гендерная оппозиция, связанная своим происхождением с центральноевропейской и карпато-дунайской традицией (илл. 182, *11–17*, 195, *1, 2*). Этот феномен нехарактерен для лолинской погребальной обрядности.

3. Особенно ярко различия между двумя культурными кругами проявляются в инвентаре. Данные о нем сведены в таблицу (илл. 186). Ее следует рассматривать не только как сравнение типов вещей, но и как своеобразное облако точек или матрицу. Интенсивность заполнения ее полей пропорционально отражает частоту встречаемости той или иной категории инвентаря. Разнокультурное содержание кругов Бабино и Лола проявляется по наличию незаполненных полей с той и другой сторон напротив строк, в которых помещены типы, являющиеся элементами наглядных образов лолинских и бабинских древностей (илл. 186).

На уровне *керамических комплексов* фиксируются две совершенно разные по происхождению традиции. Общим для них является только то, что генетически они восходят к местным катакомбным культурам: бабинская – к среднедонской, позднедонецкой, ингульской; лолинская – к ВМКК, суворовской, батуринской. Наличие характерной многоваликовой орнаментации и прочерченного декора на посуде культурного круга Бабино (илл. 186, *1–7, 9, 12–14, 16*) связано, главным образом, со среднедонской катакомбной традицией. Трехчастный ребристый профиль (илл. 186, *2, 3, 6, 8–11, 14–16*), равно как и биконичность тулова (илл. 186, *1, 12*) являются переработкой в посткатакомбной среде катакомбных стандартов доно-донецкого и доно-волжского региона. В образованиях культурного круга Лола нет ни одного признака бабинской керамической традиции. Посуда лолинской и невинномысской культур имеет округлобокую плавно профилированную форму (илл. 186, *53–55, 68–70*). На фазе ПКБ I хорошо прослеживается генетическая связь с ВМКК как в характерных формах, так и по наличию петлевидных ручек (илл. 186, *51–55*). Подобная посуда ни разу не встречена в

бабинских погребениях. То же самое касается и сосудов с ручками-упорами, которые являются одним из ярких маркеров керамического комплекса лолинского круга (илл. 186, *56–62*) и совершенно нехарактерны для бабинской традиции. Принципиально отличаются и орнаментальные стили. Бабинская техника – это рельефный декор (илл. 186, *1–5, 9, 13, 14, 16*) и прочерчивание (илл. 186, *1, 7, 12*), лолинская – главным образом штамп (илл. 186, *51, 66–69*). Различны и композиционные решения. В культурном круге Бабино широко распространены горизонтальные ряды параллельных валиков (илл. 186, *1–5, 9, 13, 14, 16*), представлены также вертикальная елочная орнаментация (илл. 186, *1, 14, 16*) и вертикальные ряды валиков (илл. 186, *3*). В лолинской традиции вертикального построение композиции встречено только один раз (илл. 73, *7*). Немногочисленные геометрические орнаментальные схемы располагаются в горизонтальной проекции (илл. 73, *6, 8,*186, *51, 66, 67, 70*). Серьезные отличия у Бабино и Лолы наблюдаются и в расположении орнаментальных зон. В первом случае нередко встречаются полностью орнаментированные сосуды (илл. 186, *1, 3, 12, 13, 14, 16*). В лолинской традиции подобная практика отсутствует. Здесь орнаментировалась главным образом верхняя часть сосуда изредка частично с заходом на нижнюю (илл. 186, *51, 66, 69, 70*). Причем, характерным для культурного круга Лола следует признать зону горла, которая, как правило, не украшалась, а основной орнаментальный фриз находился ниже его (илл. 186, *51, 66, 67, 69, 70*). Следует также отметить, что бабинская посуда орнаментировалась значительно чаще, чем лолинская. В последнем культурном круге декор встречается довольно редко, подавляющее большинство посуды не имеет орнамента.

Кардинальные различия фиксируются и с предметами, связанными с оснащением лучника. Основным видом вооружения дальнего боя для носителей лолинских и бабинских традиций были лук и стрелы. По всей видимости, процесс изготовления стрел имел свои особенности для каждого из культурных кругов. В Бабино представлена целая серия каменных *выпрямителей для древков стрел* (илл. 186, *17*). Здесь они встречаются целыми

комплектами, в том числе парными так, как они использовались в производственном процессе. Без сомнения, наличие этих орудий в инвентарном комплексе культурного круга Бабино является наследием предшествующей катакомбной культуры, тем более что выпрямители происходят только из комплексов фазы ПКБ I. На этом фоне полное отсутствие данной категории инвентаря в комплексах культурного круга Лола выглядит симптоматичным, особенно с учетом того, что для катакомбных погребений находки выпрямителей являются одной из их визитных карточек, в том числе и для подстилающих посткатакомбный пласт катакомбных памятников в Предкавказье (Мимоход, 2013, илл. 118, *1–3*). Столь кардинальные различия между бабинскими и лолинскими древностями на уровне признака «выпрямители для древков стрел» не может быть случайным и, скорее всего, отражает какие-то специфические моменты то ли технологии изготовления стрел, то ли погребальной практики, которой было не предусмотрено помещение выпрямителей в могилы (Мимоход, 2013, с. 166, 167). В любом случае, этот признак является одним из ключевых в размежевании посткатакомбных памятников на два культурных феномена, составляющих единый блок.

Не меньшую значимость в этом отношении имеет и факт присутствия в инвентаре бабинских погребений тоже фазы ПКБ I каменных *брусков с двумя перетяжками* (wrist guard) (илл. 186, *18*), которые защищают предплечье лучника от удара тетивы при стрельбе из лука. Серия таких изделий представлена в материалах ДДБК и ВДБК, где их появление связано с европейскими импульсами. В культурном круге Лола такие предметы достоверно неизвестны. При этом такие изделия только с отверстиями представлены на сопредельной территории Северного Кавказа (илл. 38, *5, 6*), тем не менее носители лолинских традиций не восприняли этот элемент оснащения воина-лучника. О чем идет речь? О различиях в технике стрельбы из лука? О разных типах лука? О степени восприимчивости моды? Понять сложно. Однако в любом случае на уровне признака «каменные бруски с двумя

перетяжками» хорошо фиксируется обсуждаемое различие между Бабино и Лолой.

Наконец, жирную черту в перечне кардинальных различий в системе оснащения лучника обоих кругов подводит сопоставление кремневых *наконечников стрел*. В культурном круге Бабино – это изделия с выемкой в основании (илл. 186, *42*). Именно такие стрелы стояли на вооружении у носителей бабинских традиций. Лолинская серия представлена кремневыми наконечниками совершенно других типов. Это широкие листовидные с овальным основанием (илл. 186, *71*), узкие листовидные с овальным основанием (илл. 186, *73*) и его вариантом с боковым шипом (илл. 186, *72*), с усеченным основанием (илл. 186, *74*), черешковым (илл. 186, *75*). В погребениях бабинской традиции неизвестны костяные наконечники, в то время как в захоронениях лолинской культуры такие экземпляры представлены: черешковый (илл. 186, *76*) и оригинальный втульчатый с шипом (илл. 186, *77*). В материалах культурного круга Лола известен только один выемчатый кремневый наконечник бабинского типа. Происходит он из комплекса Иноземцево 1 7/4 невинномысской культуры ее северо-западного локального варианта (илл. 186, *43*). В главе 4 было показано, что именно в памятниках этого варианта сильнее всего ощущается влияние соседних бабинских культур, чему подтверждением и является находка наконечника с выемкой в невинномысском захоронении.

Подводя итог обсуждения различий категорий инвентаря, связанных с оснащением лучника, следует отметить, что в культурном круге Бабино катакомбное наследие хорошо выраженно. Речь идет о присутствии в бабинских погребениях каменных выпрямителей стрел и кремневых выемчатых наконечников стрел (илл. 186, *17, 42*), которые серийно представлены в комплексах предшествующей эпохи. Несомненной новацией для культурного круга Бабино является распространение каменных брусков с двумя перетяжками (илл. 186, *18*), что, как уже не раз отмечалось, связано с импульсами центральноевропейских и карпато-дунайских культур в

Восточную Европу. Система оснащения стрел наконечниками лолинской традиции (илл. 186, *71–77*) выступает тоже как принципиально новая не только для Предкавказья, но и для всей степной зоны Восточной Европы финала средней бронзы. Ее только отчасти можно связать с влиянием кавказских культур (см. ниже). Иными словами, средства вооружения дальнего боя как нельзя лучше иллюстрируют качественные различия между бабинскими и лолинскими древностями.

Не менее, а, скорее всего, и более емкой с этой точки зрения является такая знаковая категория инвентаря для посткатакомбной эпохи как костяные и роговые поясные пряжки. На фазе ПКБ I в ДДБК распространяются крючково-планочные поясные детали европейской традиции (илл. 186, *21*). В этот же период в культурном круге Лола появляются кольцевидно-планочные пряжки кавказской традиции (илл. 186, *87*), которые с определенной модификацией продолжают свое существование и на фазе ПКБ II (илл. 186, *88*). Очевидно, что распространение поясной гарнитуры разных традиций в культурных кругах Бабино и Лола, которая подчеркивает их различие, было обусловлено и разными механизмами формирования этих феноменов. Этот же факт подтверждают и типы кольцевых пряжек с одним или двумя отверстиями, известные во всех бабинских культурах. Они маркируют все фазы ПКБ (илл. 186, *40*) и являются одним из хорошо опознаваемых индикатором культурного круга Бабино. В незначительном количестве такие изделия встречены в погребениях невинномысской культуры (илл. 186, *41*). Причем, все они за исключением одной пряжки происходят из комплексов северо-западного локального варианта. Ситуация здесь принципиально схожа с единственным выемчатым наконечником стрелы в материалах культурного круга Лола. И в том, и другом случае наличие этих изделий в погребениях северо-западного локального варианта невинномысской культуры обусловлено тесными контактами с носителями соседних бабинских культур. На фазе ПКБ III в Лоле и Невинномысске распространяются поясные подвески типа Элиста-Калиновский (илл. 186, *89*). Эти изделия пока ни разу не

встречены в погребениях культурного круга Бабино, что свидетельствует о том, что этот тип украшений был специфической лолинской новацией, характерной для посткатакомбных культур Предкавказья.

Система вооружения ближнего боя носителей бабинских и лолинских традиций довольно ограничена и не проявляет каких-либо культурных различий. Она представлена единичными экземплярами *каменных топоров* (илл. 186, *22, 24*) и *булав* (илл. 186, *23, 25*).

Основная часть орудийного металлокомплекса, которую составляет серия *ножей*, также демонстрирует черты сходства. В качестве катакомбных рудиментов в ней присутствуют посткатакомбные реплики «пламявидных» и «пиковидных» клинков (илл. 186, *27, 29*). Основной же тип ножа представлен изделиями листовидной формы с максимальным расширением клинка в средней или верхней части (илл. 186, *26, 28*). Несмотря на указанное сходство, в орудийном металлокомплексе культурных кругов Бабино и Лола есть и существенные различия. Так, в составе бронзовых орудий последнего присутствуют ножи-кинжалы (илл. 186, *78*), которые тоже можно рассматривать в контексте вооружения ближнего боя. Своим происхождением они связаны с Кавказом. Клинки этого типа неизвестны в культурном круге Бабино. Отсутствуют в нем лолинско-невинномысские клинки пятиугольной схемы (илл. 186, 79), а также *втульчатые орудия*, которые в лолинском круге представлены крюком и долотом (илл. 186, *80*). Все они восходят к катакомбным прототипам.

Общей для культурного круга Бабино и культурного круга Лола является такая специфическая категория инвентаря как костяные *конусы-дзыги* (илл. 186, *38, 39*). Количественное соотношение их в бабинских и лолинских материалах приблизительно равнозначное с небольшим перевесом в сторону круга Лола. Однако следует обратить внимание, что из всех бабинских культур эти изделия обнаружены только в ДДБК, причем, на территории Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья (Мимоход, 2013, илл. 53), т.е. тех территориях, которые непосредственно примыкают к

ареалу лолинского круга. В этой связи, наличие в материалах ДДБК конусов-дзыг следует рассматривать как вектор культурного влияния Лолы в сторону Бабино.

Еще более отчетливо эта ситуация прослеживается на примере крупных кожевенных костяных орудий типа *тупиков и стругов*. Выше уже отмечалось, что традиция помещения этих изделий в погребения была сгенерирована носителями посткатакомбных традиций Предкавказья и Волго-Уралья. Достаточно сравнить ассортимент орудий и частоту встречаемости их в комплексах культурного круга Бабино и культурного круга Лола (см. главу 5). В последнем случае мы имеем в захоронениях фактически все типы этих изделий, использовавшихся в погребальном посткатакомбном обряде, как в отношении сырья, так и в отношении морфологии. Здесь есть тупики, изготовленные из тазовых костей (илл. 186, *47*), струги из ребер крупных копытных (илл. 186, *48*) и даже тупик из нижней челюсти КРС, правда, известный только по описанию П.С. Рыкова (1936а), а также оригинальные орудия, сделанные, скорее всего, из нижней челюсти КРС, но по иной технологии (илл. 186, *46*). В культурном круге Бабино известно всего два комплекса, в которых обнаружены орудия для обработки кожи из тазовой кости (илл. 186, *44*) и из фрагмента трубчатой кости крупного копытного (илл. 186, *45*). Расположены они (Волгоградское Заволжье и Донецкая область) также в непосредственной близости от ареалов лолинской, невинномысской культур и ВУКГ, где сосредоточено большинство крупных костяных кожевенных орудий. Другими словами, наличие крупных кожевенных костяных орудий в погребениях ДДБК и ВДБК – это не что иное, как свидетельства культурных контактов между носителями лолинских и бабинских традиций.

Еще одна традиция, которая в степной зоне появилась в составляющих культурного круга Лола, заключается в помещении в захоронения *костяных пряслиц* (илл. 186, *81, 82*). Такие комплексы известны в Лоле, Невинномысске

и ВУКГ. Эта традиция не свойственна бабинским культурам, а пришла в Предкавказье и Волго-Уралье с Кавказа (Мимоход, 2013, с. 94–97).

Особенно рельефно различия между культурным кругом Бабино и культурным кругом Лола прослеживаются в гарнитурах *украшений*, которые, как известно, очень чутко реагируют на различные культурные трансформации и выступают надежными этнографическими индикаторами. Общими для обоих феноменов выступают металлические спиральные пронизи (илл. 186, *30, 31*). Однако спецификой Лолы является то, что некоторые экземпляры этого типа украшений сделаны из золота и электрума. Такие металлы и сплавы не использовались бабинскими мастерами. Скорее всего, в обоих случаях появление спирально-ленточных пронизей в посткатакомбном мире связано с Кавказом.

Общими для лолинской и бабинской традиций считаются и фаянсовые бусы с выступами (илл. 186, *32–37*). Здесь представлены двухрожковые (илл. 186, *33, 36*), трехрожковые (илл. 186, *32, 35*) и длинные пронизи с рядами выступов (илл. 186, *34, 37*). Однако есть некоторые закономерности в использовании этих украшений для каждого из кругов. Так, в Бабино предпочтение отдавалось двухрожковому бисеру (илл. 186, *33*). Он составляет подавляющее большинство в серии. В Лоле ситуация обратная. Здесь доминируют бусы с тремя выступами (илл. 186, *35*). При сходстве морфологии трехрожковых экземпляров в обеих сериях (илл. 186, *32, 35*), следует отметить особенности формы бус с двумя выступами. В бабинской подборке есть довольно крупные изделия, которые по размерам в 1,2–2 раза превышают лолинские экземпляры. Последние к тому же имеют фигурную форму рожков (илл. 186, *36*). В бабинской серии за одним исключением выступы гладкие (илл. 186, *33*).

Этнографическим индикатором посткатакомбных групп Предкавказья служит фаянсовый и керамический лепестковидный бисер (Мимоход, 2014б). Подавляющее его большинство сосредоточено в погребениях лолинской и невинномысской культур (илл. 186, *50*). В культурном круге Бабино он

представлен только в двух погребениях ДДБК и ВДБК (илл. 186, *49*). Опять же, симптоматично их расположение в бассейне Нижнего Дона (Мимоход, 2014б, рис. 1), т.е. в пограничье с территорией культурного круга Лола. В этой связи наличие лепестковидных бус в материалах бабинских культур следует рассматривать в контексте трансляции лолинской новации в бабинскую среду.

В ДДБК присутствует целая серия бронзовых украшений, связанная своим происхождением с культурами Bz A Центральной Европы и карпато-дунайским регионом. Речь идет о гривнах (илл. 186, *19*) и очковидных подвесках (илл. 186, *20*). Такие изделия отсутствуют в культурах лолинского круга. В свою очередь, в гарнитуре носителей лолинских традиций присутствуют типы металлических украшений вовсе не известные в памятниках культурного круга Бабино. Речь идет об изделиях, связанных своим происхождением с культурами Северо-восточного Кавказа. К ним относятся секировидные подвески (илл. 186, *83*), пуговицы (илл. 186, *85*) и сколупковидные бляшки с двумя отверстиями (илл. 186, *86*). Оригинальным типом украшения, который был выработан носителями лолинских традиций Предкавказья и аналогии которому в бабинских культурах также отсутствуют, являются колесовидные бусины (илл. 186, *84*).

В заключении характеристики различий между культурным кругом Бабино и культурным кругом Лола в единстве посткатакомбного блока следует остановиться на составе металла и сплавов, использовавшихся мастерами разных культурных традиций. Из бабинских культур на сегодняшний день известно 15 определений ДДБК и ВДБК[34] для изделий на медной основе (табл. 2.4, 2.5). Из них опубликовано пока только 5 (Литвиненко, 2006б, табл. 1; Мимоход, 2013, с. 88; Егорьков, 2018; Шишлина, Орфинская, Киселева, Хвостиков, Кузнецова, Окунева, 2020, табл. 3). Во всей бабинской серии из мышьяковой бронзы сделано 4 предмета (прил. к гл. 2,

[34] Следует отметить, что украшение-колпачок из комплекса ВДБК Писаревка II 10/2 (илл. 23, *2*), который сделан из мышьяковой бронзы (табл. 2.2, *2*), является прямым экспортом с Кавказа (см. главу 2) и поэтому не может рассматриваться в качестве изделия бабинских мастеров, тем не менее это изделие включено в общую статистику по культурному кругу Бабино (илл. 187, *2*).

табл, 5, *2, 4*, 6, *4, 6*)[35]. В одном случае (Ясиновский III од. кург./19) – это чистая медь без содержания мышьяка. В остальных изделиях доля мышьяка составляет 0,1–0,8%. Один предмет из комплекса Пологи 1/2 имеет очень специфический сплав (см. ниже). Хотя определений пока немного, но стоит обратить внимание на выраженную тенденцию, которую они демонстрируют. В культурном круге Бабино доминируют сплавы из Cu и Cu*, в то время как мышьяковая бронза составляет меньшинство (илл. 187). Для культурного круга Лола известно 28 определений металла на медной основе (табл. 3.3, 4.3). Эта серия демонстрирует прямо противоположную ситуацию. Здесь полностью преобладает мышьяковая бронза (илл. 187). Использование медно-мышьякового сплава точно установлено в отношении 26 изделий. Мышьяк в меди определен на уровне 0,57–9,41%. Почти во всех случаях этот показатель находится за границами оптимума (4–5%) в плане сочетания ковкости, прочности и твердости сплава (Равич, Рындина, 1984). Небольшие, но устойчивые серии составляют бронзы с пониженными (0,57–1,4%) и повышенными (6,3–9,41%) его значениями. Медь с незначительной примесью мышьяка (до 0,3% и 0,07%) выявлена у двух предметов. Иными словами, металлолопроизводство культурного круга Лола демонстрирует в отношении сплавов на медной основе характерные кавказские черты с полным доминированием мышьяковой бронзы (илл. 187, *1*). Очевидное различие в составе металла у носителей бабинских и лолинских традиций может указывать на разновекторные связи с металлургическими центрами.

Различия между рассматриваемыми феноменами по признаку «состав металла» очень хорошо прослеживается по специфическому сырью, которое иногда использовалось для изготовления вещей в посткатакомбном мире. Для

[35] Есть данные еще об одном анализе состава металла изделия раннего комплекса ДДБК Пологи 1/2 (Папанова, Тощев, Каїра, 2018; Папанова, Тощев, Каїра, Короткий, 2020), в котором был найден уникальный посох (о нем см. ниже). Его верхняя часть была обернута пластиной, для которой в одной из работ приведены данные спектрального анализа. В.И. и Л.С. Клочко пишут, что эта пластина «изготовлена из мышьяковистой бронзы (As – около 2%)» (Клочко В., Клочко Л., 2020, с. 82). К сожалению, таблица анализа и лаборатория, где он был проведен, в статье не указаны, да и в коллективной монографии по этому памятнику, где опубликованы все результаты комплексных исследований с надлежащей документацией (Пологівський посох…, 2020), эта информация тоже отсутствует. В этой связи, к сообщению В.И. и Л.С. Клочко следует относиться с известной долей осторожности.

культурного круга Лола знаковым является распространение сурьмяных литых украшений (илл. 84, *20, 21* 120, *37, 40, 45, 46*) (табл. 3.4, 4.4), которые хорошо представлены на фазах ПКБ I и II в Предкавказье (илл. 188) (Гак, Мимоход, Калммыков, 2012 рис. 1, *1–25*; Мимоход, 2013, илл. 76). Для Бабино нет данных об использовании этого кавказского металла для изготовления украшений. Также дело обстоит и с драгоценными металлами, которые в культурах посткатакомбного блока изредка эксплуатировались только носителями лолинских традиций Предкавказья (илл. 188). Из золота и электрума изготовлялись некоторые типы украшений (илл. 84, *3, 4*) (Нечитайло, 1979, с. 45). Скорее всего, присутствие украшений из драгоценных металлов в Южном Предкавказье связано с кавказскими культурами, где золото и сплавы на его основе активно использовались в ювелирном деле. Локализация украшений с таким составом (сурьма и драгметаллы) исключительно на южных рубежах посткатакомбного мира хорошо иллюстрирует этот факт (илл. 188). Рудные источники золота для Кавказа еще не определены (Черных, 1988, с. 5; Кореневский, 2004, с. 97; Hauptmann, Bendall, Brey, Japariže, Ġambašiže, Klein, Prange, Stöllner, 2010, p. 160), но то, что появление украшений из драгоценных металлов в культурном круге Лола связаны с кавказским импульсом, представляется наиболее вероятным. В этой связи, отсутствие изделий из золота и сплавов на его основе в инвентарном комплексе Бабино также выглядит симптоматичным. В последнем культурном круге есть зато изделие с очень редким для фазы ПКБ I сплавом. Речь идет об уникальном комплексе ранней ДДБК Пологи 1/2 (Папанова, Тощев, Каїра, Короткий, 2020, табл. 12–28). В нем обнаружен деревянный посох с бронзовой обкладкой, которая крепилась к основе с помощью мелких гвоздиков. Установлен состав одного из них. Основой была медь (87,1%) с лигатурой олова (8,7%) и свинца (4,1%) (табл. 2.5, *2*) (Шишлина, Орфинская, Киселева, Хвостиков, Кузнецова, Окунева, 2020, табл. 3). Авторы публикации правильно отметили: «Гвоздик сделан из сложного двойного медно-оловянно-свинцового сплава… со

следовыми примесями мышьяка и никеля. Такие высокие концентрации олова и свинца крайне необычны для рубежа III–II тыс. до н.э. и, скорее всего, могут быть связаны с ареалами, за пределами места находки» (Шишлина, Орфинская, Киселева, Хвостиков, Кузнецова, Окунева, 2020, с. 192). Действительно, орнаменты на пологовском посохе не местного происхождения, а справедливо сопоставляются с карпато-микенским орнаментальным стилем (Отрощенко, 2020, с. 136, 137). По всей видимости, и оригинальный для финала СБВ восточноевропейской степи сплав меди с оловом и свинцом может быть связан с бронзолитейными традициями соответствующего региона. На самом деле, ситуация здесь принципиально схожа с обнаружением украшений из драгоценных металлов в культурном круге Лола. И в том, и другом случае речь идет о металлах и сплавах, которые связаны своим происхождением для лолинских древностей с Кавказом, а для бабинских, скорее всего, с карпато-дунайским регионом.

Таким образом, разделение посткатакомбного мира на культурный круг Бабино и культурный круг Лола имеет надежные основания. Возникновение этих феноменов было обусловлено разнонаправленными историческими событиями, которые в период 2200 CalBC привели к распаду катакомбной общности и формированию новой исторической эпохи, которая отразила всю сложность переходных процессов от СБВ к ПБВ.

§ 3. Миграции, культурогенез и палеоклимат

Миграции, которые можно установить по археологическим данным, обсуждаются с самого становления нашей академической науки. По понятным причинам наиболее сложным для реконструкции являются дальнедистанционные передвижения. Под ними понимаются культурные феномены, которые внезапно возникают на территориях, удаленных на сотни, а то и тысячи километров от возможного исходного ареала. При этом на транзитном маршруте между этими двумя точками археологические следы такого передвижения чаще всего носят единичный характер, а зачастую вообще не представлены. Для бронзового века в качестве примера можно

привести яркую синташтинскую культуру Южного Урала, в которой представлены одни из самых древних колесниц. Есть гипотеза, что возникновение этого культурного феномена связано с дальнедистанционной миграцией населения из Передней Азии (Григорьев, 1999, с. 111, 112; 2010; 2022, min. 00:55:30–00:56:30; Grigoriev, 2002, p. 114, 115), однако в литературе известен и сюжет о том, что формирование синташтинской культуры было обусловлено передвижением групп из среднеазиатского региона (Шишлина, Хиберт, 1996). Такие диаметрально противоположные подходы имеют логичное объяснение. В попытках реконструкции таких сложных и быстротечных процессов исследователи берут отдельные, на их взгляд, совпадающие или просто похожие факты и на этом основании устанавливают исходный центр миграции и ее конечный результат. В иллюстративном ряде, как правило, представлены единичные, да и то не всегда, соответствия из археологических материалов обоих ареалов. Отсутствие системы в таких сопоставлениях приводит к тому, что рождаются такие экзотические гипотезы для эпохи бронзы, как, например, формирование чемурчекской культуры в Монголии в результате миграции из Западной Европы, в частности, Франции (Ковалев, 2011; 2012). Икслючать такого сценария, конечно, нельзя, но и доказывать его, увязав воедино типологические выкладки, картографирование, хронологию и т.д., тоже необходимо. В противном случае, мы почти всегда имеем не доказанные факты, а декларации о намерениях, чем обычно и заканчивается аргументация миграционных гипотез.

Подобные разнохарактерные данные свидетельствуют не об отсутствии дальнедистанционных миграций в древности, а о сложности их выявления по данным археологии, с одной стороны, и создания непротиворечивой аргументации их наличия, с другой. Последняя должна строиться не на факторе сходства единичных, хотя, возможно, и ярких свидетельств обоих феноменов, а на взаимных соответствиях, которые должны охватывать основные структурные содержания археологической культуры, т.е. те

основные блоки признаков, по которым она и выделяется. Это касается не только дальнедистанционного, но и любого другого типа миграций (ближнедистанционной и среднедистанционной (см. ниже)). Для эпохи бронзы главными из таковых являются погребальный обряд и инвентарный комплекс. Система аргументации ни в коем случае не должна строится только на красивом и стилистически выверенном тексте, а обязана сопровождаться кроме него емкими сопоставительными таблицами с выстроенными типологическими рядами, картами и т.д. Возьмем, например, хорошо известную и даже особо не подвергающуюся сомнению дальнедистанционную миграцию носителей шнуровых традиций и боевых топоров, которая привела к формированию фатьяновской культуры – восточной периферии шнурового мира на территории волго-окского региона. Система аргументации до сих пор так и не сведена воедино, а разбросана фрагментами по статьям разных авторов. Реконструкция миграций по данным археологии – это отдельный жанр, требующий системных доказательств, которые охватывают если не всю клавиатуру имеющихся данных, то хотя бы структурные аккорды сопровождения мелодии.

И еще один аспект, без учета которого невозможно в полной мере осознать феномен той или иной миграции – это причины, которые побудили социум или его часть покинуть привычные им места обитания. Для культур эпохи раннего железа и средневековья на первый план нередко выходят социально-экономические и политические причины миграций. Но для культур эпохи бронзы, которые очень сильно зависели от условий окружающей среды, важнейшей причиной миграций являлись климатические перемены. Причем климатические флуктуации не влияли напрямую на человека (человек как биологический вид обладает чрезвычайно высоким адаптивным потенциалом). Промежуточным и связующим звеном между климатом и древним населением являлась хозяйственная модель общества. Климатические изменения могли оказаться благоприятны для реализации той или иной хозяйственной модели. В таком случае причиной миграций мог быть

демографический рост и связанное с этим последующая нехватка ресурсов, что заставляло часть населения искать новые территории. В том же случае, если климатические изменения оказывались неблагоприятными для экономики, причиной миграций становилось все та же нехватка ресурсов. Поэтому учет климатического фона и анализ его соответствия экономической модели общества должен учитываться в реконструкции причин древних миграций.

3.1. Культурный круг Лола и кавказская миграция

Формирование культурного круга Лола было напрямую связано с миграцией населения с территории Кавказа, в частности, Северо-восточного, в предкавказскую степь (Мимоход, 2013, с. 297–310; 2018; Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022). Взаимодействие пришлого (кавказского) и местного (позднекатакомбного) населения привело к кардинальному переоформлению культурной ситуации в Предкавказье и волго-уральском регионе в период 2200 CalBC. Здесь сформировались культурные образования лолинского круга: лолинская и невинномысская культуры и волго-уральская культурная группа (илл. 180, 184). Сначала следует рассмотреть магистральные свидетельства этих процессов, которые демонстрируют структурные сходства культур средней бронзы Северо-восточного Кавказа и посткатакомбных культурных образований Предкавказья и Волго-Уралья.

В *погребальном обряде* несомненным новшеством для посткатакомбного периода указанных территорий является повсеместное распространение позы адорации, когда руки умершего были согнуты в локтях под острым углом, а кисти располагались перед грудью или лицом (илл. 182, *28–55, 57–62*). Как уже отмечалось, местным субстратом для культурного круга Лола в Предкавказье выступали ВМКК, суворовская и батуринская катакомбные культуры. Ни для одной из них адоративная позиция скелета не была характерна. Здесь полностью доминируют вытянутая позиция костяка (суворовская культура) и скорченная на боку в позе «скачущего всадника», когда руки протянуты к коленям (батуринская и ВМКК). С возникновением в

Предкавказье культурного круга Лола мы фиксируем второй виток повсеместного распространения адоративной позиции в эпоху бронзового века в Восточной Европе. Первый из них был связан с майкопской культурой. Хорошо известно, что возникновение этого яркого феномена было обусловлено миграцией населения из Передней Азии через Кавказ в предкавказскую степь (Мунчаев, 1994, с. 170; Кореневский, 2004, с. 90–92; 2011, с. 115, 116). Адоративное положение скелета было хорошо представлено как на Ближнем Востоке, так и на Кавказе в эпоху ранней бронзы. В последнем регионе этот обряд практиковался в течении всего бронзового века. Распространившись на заре бронзового века в майкопских древностях, поза адорации с упадком этой культуры тоже исчезает как культурнообразующий признак для эпохи ранней и средней бронзы. Этот важный элемент погребального обряда не характерен ни для ямных, ни для катакомбных древностей, что свидетельствует о кардинальном различии идеологем степных социумов РБВ/СБВ и майкопской культуры. Причем, в последнем случае, как уже отмечалось, мы имеем дело с привнесенными с юга погребальными традициями.

Адоративный обряд как культурноопределяющий признак исчезает в восточноевропейской степи-лесостепи не менее, чем на тысячу лет и вновь появляется как системное явление только на фазе ПКБ I в культурном круге Лола. Он является неотъемлемым элементом наглядного образа лолинской (илл. 182, *28–35*) и невинномысской (илл. 182, *36–50*) культур, а также ВУКГ (илл. 182, *51–55, 57–62*). Как и в случае с майкопским феноменом, распространение адоративного обряда в посткатакомбной среде Предкавказья и Волго-Уралья, также было обусловлено миграционным импульсом с территории Кавказа, где подобная практика не пресекалась на протяжении всей эпохи бронзы, начиная с куро-араксской культуры и заканчивая каякентско-хорочоевской. Культурогенез составляющих лолинского круга был напрямую связан с культурами средней бронзы Северо-восточного Кавказа, поэтому неудивительно, что в погребальных комплексах гинчинской,

великентской, присулакской культур адоративная позиция скелета хорошо представлена и выступает как один из важных их признаков (Канивец, 1959, с. 41; Костюченко, 1959, рис. 6, 7, 15, 18; Марковин, 1963, с.78, 105, рис. 4, *А*; 1995, рис. 2, *7, 9*, 3, *22*, 4, *17*, 5, *9*, 6, *5*, 7, *1, 8*, 8, *4, 8*; Гаджиев М.Г., 1969, с. 112, рис. 26, *2*, 40, *1*; Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1985, с. 83; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 12, *1*; Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, fig. 42; Магомедов Р., 2000, с. 35, рис. 9).

Еще одним маркером изменением парадигмы погребального обряда культурного круга Лола на фазе его становления по сравнению с предшествующими позднекатакомбными памятниками становится кардинальная смена ориентировок умерших. Особенно хорошо это прослеживается для лолинской и невинномысской культур. В первой из них доминантным становится ориентировка в северный сектор («традиция С») (илл. 185). Эти векторы только появляются в поздней ВМКК, составляя явное меньшинство по сравнению с традиционным для нее южным и в меньшей степени восточным секторами. Нельзя сказать, что в гинчинско-присулакских древностях ориентировка в северном направлении была такой же доминирующей, как и в Лоле, но скелеты с северными векторами здесь составляют существенную часть (Марковин, 1963, с. 58, 66, 69, 72, 74, 77, 81, 88, 92; Гаджиев М.Г., 1969, с.14, 23, 27, 31, 32, 80, 81, 112; Ошаев, 1982, с. 33; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, с. 79, рис. 6, *46*, 11, *1*; Магомедов Р., 2000, рис. 9). Тот факт, что в лолинской культуре распространяются именно северные ориентировки, видимо, связан с тем, какие конкретно группы восточнокавказского населения вышли в степь. Например, в могильнике Гатын-Кале северные и северо-западные векторы, были преобладающими. Возможно, в лолинских ориентировках в какой-то мере отражено на уровне идеологии направление движения мигрантов. В любом случае генетическая связь адоративного обряда и ориентаций в северную часть круга в Лоле с культурами СБВ Северо-восточного Кавказа является наиболее вероятной. К

кавказским чертам в лолинском обряде можно отнести и распространение в раннелолинский период обычая помещать в могилы костяные пряслица.

Дело с ориентировками костяков в невинномысской культуре и ВУКГ обстоит иначе. В первой из них доминирующим был восточный вектор (илл. 185). С одной стороны, восточные ориентировки хорошо представлены в кавказских культурах СБВ, а с другой, эти векторы являются характерными для суворовской катакомбной культуры (Клещенко, 2013, рис. 2), которая является местным генетическим субстратом, на котором сформировался Невинномысск. В ВУКГ доминирующими были южные и юго-западные ориентировки (илл. 185). Эти векторы представлены в раннелолинской культуре, но составляют меньшинство (илл. 185). Их существование в период формирования Лолы надежно объясняется генетической связью с ВМКК. В волго-уральской группе южные и юго-западные векторы доминируют на всем протяжении ее существования (илл. 185), хотя здесь изредка встречаются и погребения, совершенные по классической лолинской обрядности с северными ориентировками (илл. 185).

Подобные закономерности хорошо объясняются, исходя из модели генезиса лолинской культуры. Как уже было показано (Мимоход, 2013, с. 292–316), ее происхождение связано с появлением в финале средней бронзы в предкавказской степи выходцев с Северо-восточного Кавказа, чье взаимодействие с восточноманычскими группами привело к формированию лолинской посткатакомбной культуры. В результате на раннем этапе Лолы четко фиксируются обрядовые группы, в которых доминируют местные восточноманычские традиции с южными и юго-западными ориентировками (их меньшинство) и обрядовые группы с новыми северными векторами ориентации костяков, которые нередко сопровождает инвентарь восточнокавказского облика (их большинство). Все эти группы объединяет адоративный обряд, несвойственный катакомбным традициям, но характерный для культур СБВ Северо-восточного Кавказа. Из подобного соотношения компонентов сложения Лолы напрашивается следующий вывод:

с притоком восточнокавказских групп часть населения предкавказской степи, «не вписавшаяся» в местный культурогенез лолинской культуры, вынуждена была уйти – частично в Нижнее Поволжье, на территорию ВДБК, а, главным образом, – в пустующее волго-уральское междуречье. Это могло произойти только на стадии формирования культуры, потому неудивительно, что в ВУКГ представлен адоративный (по сути, посткатакомбный и кавказский) обряд, но при этом сохраняются наиболее архаичные южные и юго-западные ориентировки скелетов, а также подбойные конструкции могил.

Таким образом, погребальном обряд всех трех составляющих культурного круга Лола, который демонстрирует структурные черты единства, выражающиеся в повсеместном распространении позы адорации, является результатом взаимодействия пришлых (кавказских) групп и местного позднекатакомбного населения. Первые привнесли основную обрядовую позицию умершего (адорация) и северные, а, возможно, и восточные ориентировки скелетов, от вторых в обряде остались такие рудименты как подбойные конструкции могил, южные векторы, деформированные черепа и др.

Наиболее ярко кавказская миграция в степную зону прослеживается по *инвентарному комплексу* культурного круга Лола.

В керамической серии с ней можно связать распространение сосудов-ковшей (илл. 183, *91–93, 132, 134*). Сосуды с ручкой-упором хорошо представлены на Северо-восточном Кавказе (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, табл. III, *2*, VII, *4*; Костюченко, 1959, табл. III, *7*; Гаджиев М.Г., 1969, рис. 8, *3*, 25, *2*; Ошаев, 1979, рис. 4, *4, 5*; Атаев, 1987, рис. 7, *3*; Магомедов Р., 1998, рис. 64, *1*). Хотя лолинские образцы и отличаются от кавказской большей миниатюрностью и приземистостью, их типологическая связь не вызывает особых сомнений. Есть в лолинской керамике и прямые импорты с Северо-восточного Кавказа (илл. 73, *16*).

В орудийном металлокомплексе следует обратить внимание на наличии в материалах невинномысской и лолинской культур ножей-кинжалов

(илл. 121, *IV*, 183, *124, 170, 171*). Их кавказское происхождения вряд ли у кого-то вызовет сомнение. Серия таких изделий представлена в среднебронзовых культурах Кавказа (илл. 121, *25–30*). В целом металлические изделия культурного круга Лола соответствуют стандартам Циркумпонтийской металлургической провинции, и их основные типы связаны с катакомбными стереотипами. Широкое использование мышьяковой бронзы, характерное для культур лолинского круга (илл. 187, *1*), является традиционным как для Кавказа, так и для катакомбных древностей.

Наиболее четко приток восточнокавказского населения в степь, который привел к формированию новой культурной посткатакомбной среды, фиксируется по украшениям и поясной гарнитуре, которые, как известно, представляют собой наиболее тонкие культурные и этнографические индикаторы. Появление на фазе ПКБ I в культурном круге Лола изделий, связанных своим происхождением с культурами СБВ Северо-восточного Кавказа, носило взрывной характер.

Симптоматично появление роговых фигурных кольцевидно-планочных поясных пряжек (илл. 189, *1*, 190). Они не имеют прямых аналогий за пределами лолинского культурного контекста, но в то же время нельзя не отметить их явное сходство с кольцевидно-широко- и узкопланочными изделиями, известными в гинчинских, присулакских и протокобанских памятниках (илл. 189, *2*, 190). Общность традиций их изготовления и использования в Северо-западном Прикаспии и на Северо-восточном Кавказе вряд ли можно оспорить, поэтому они и были объединены в группу пряжек кавказской традиции (Мимоход, 2018г; 2018е).

В посткатакомбном костюме начинают активно использоваться металлические спирально-ленточные пронизи, скорлупковидыне бляшки, пуговицы, височные кольца в 1,5 оборота с приостренными концами, фигурные и конические подвески, а также подвески с обратной петлей (илл. 189, *3, 5, 7, 9, 11, 13, 15*, 192), аналогии которым представлены в протокобанских, гинчинских, присулаксих, великентских, архонских,

манасских и каякентско-хорочоевских памятниках (илл. 189, *4, 6, 8, 10, 12, 14, 16*, 192).

Очевидным новшеством для степной зоны стало распространение на фазе ПКБ I сурьмяного литья (илл. 188, 191). Его кавказское происхождение очевидно. Именно в этом регионе массово представлены сурьмяные украшения. Это же касается и редких находок изделий из драгоценных металлов (золото, электрум) в погребениях лолинской и невинномысской культур (илл. 188). Кавказское происхождение этого сырья тоже сложно оспорить.

Хорошо кавказский импульс в сложении культурного круга Лола прослеживается по фаянсовым рожковым и бородавчатым бусам. Уже десять лет назад было показано, как кардинально меняется в Предкавказье типовой состав этих украшений при переходе от катакомбного к посткатакомбному периоду (Мимоход, 2012; 2013, с. 194–199). В лолинской и невинномысской культурах взамен изделий с двумя и четырьмя отростками, представленных в ВМКК, широко распространяются бусы с тремя выступами (илл. 189, *19*, 194), мода на которые в конце среднего бронзового века была широко распространена не только на Северо-восточном Кавказе, но и в Закавказье (илл. 189, *20*, 194).

Характерным также является присутствие в гарнитуре ранних Лолы и Невинномысска округлых подвесок из раковин с центральным отверстием (илл. 189, *17*, 193). Это один из специфических элементов восточнокавказского костюма (илл. 189, *18*, 193). Его южное происхождение в лолинской культуре особенно хорошо заметно на фоне полного отсутствия этого типа раковинных украшений в культурном круге Бабино.

Таким образом, анализ обрядово-инвентарного комплекса составляющих культурного круга Лола показывает, что он имеет целые блоки структурных соответствий с культурами средней бронзы Северо-восточного Кавказа. Это позволяет констатировать существование генетической прямой связи между посткатакомбными культурными образованиями Предкавказья и

Волго-Уралья и кавказскими культурами, в первую очередь, гинчинской и присулакской. Появление новаций кавказского происхождения в степной зоне связано с выплеском сюда социумов из первого региона во второй.

Для того, чтобы независимо подтвердить, что речь идет именно о миграции, а не о движении в пространстве идей и вещей, необходимо рассмотреть *краниологические данные*. Понятно, что при современном тренде в сторону генетических исследований эти исследования могут показаться в известной мере старомодными. Однако, пока это не так, особенно с учетом двух обстоятельств. Во-первых, краниология – это суть метрические измерения, которые ведут к сравнительному анализу их результатов по сериям и последующим выводам. На самом деле, она не сильно далеко отстоит от нашего одного из базовых методов в археологии – сравнительно-типологического анализа. Во-вторых, базы данных по генетическим исследованиям по посткатакомбным комплексам на сегодняшний день мы пока не имеем[36]. Вполне предсказуемо, что после широкого внедрения генетического анализа и создания полноценных баз данных по всем значимым локальным культурам на широких пространствах, а только так и может заработать метод в полную силу, мы можем столкнуться с противоречивыми ситуациями, когда генетические исследования могут вступить в конфликт с археологическими и антропологическими данными. Даже допущу (по ряду причин, большей частью связанных с процессом накопления данных генетического анализа и дальнейшей работы археологов по детализации культурно-хронологической атрибуции наших материалов), что он неизбежен. Однако, даже если такая ситуация случится, то вряд ли это станет поводом к кардинальному пересмотру археологических построений. Решение проблемы, скорее всего, будет лежать в области выработки объяснительных моделей, которые разрешат такие противоречия.

[36] Есть только одно захоронение посткатакомбного мира, для которого имеются генетические определения. Это комплекс невинномысской культуры – Невинномысский 3 6/5 (Wang et al., 2019, p. 6, fig. 4).

Общеизвестно, что любой серьезный приток пришлых групп может кардинальным образом сказаться на антропологических характеристиках населения региона. Если такие изменения удастся зафиксировать, можно будет уверенно говорить именно о миграциях коллективов людей, а не о передвижении вещей или их идей в результате межкультурных контактов (ср.: Malmar, 1962, p. 306–308; Хохлов, 2001, с. 359; 2003, с. 195). С 70-х гг. прошлого века антропологии периодически обращали внимание на лолинские черепа, рассматривая их в рамках катакомбной или срубной культур (Шевченко, 1974, с. 131; 1986, с. 187; Хохлов, 1999, с. 32–34; Балабанова, Хохлов, 2002, с. 247–251). Недавно краниологическая серия черепов Лолы стала предметом специальных исследований антропологов (Герасимова, Калмыков, 2007; Хохлов, Мимоход, 2008; Казарницкий, 2010; 2012, с. 110–118). На сегодняшний день мы имеем 27 лолинских (19 мужских и 8 женских) черепов, для которых есть краниологические определения (Герасимова, Калмыков, 2007, с. 248, 249, табл. 1; Хохлов, Мимоход, 2008, с. 47, табл. 1, 2; Казарницкий, 2010, табл. 1, с. 132, 133; 2012, с. 110–118).

Основной краниотип лолинской мужской и женской серий определяется как южноевропеоидный. Для нашей подборки характерна отчетливая долихокрания при наличии ультрадолихокранных форм. Черепа имеют высокий свод, часто высоколицый и сильно профилированный отдел (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 47). Сравнение краниометрических данных Лолы с серией черепов ВМКК дает интересную картину. В восточноманычской серии присутствует долихокранный узколицый компонент, который генетически может быть связан с Лолой (Герасимова, Калмыков, 2007, с. 251, табл. 3; Казарницкий, 2010, с. 138; 2011; 2011а, с. 136–140; 2020, с. 282). Причем, из всех катакомбных и посткатакомбных серий именно лолинская и восточноманычская демонстрируют наибольшую степень преемственности. В то же время восточноманычская и лолинская серии не обнаруживают отчетливого морфологического сближения, которое позволило бы

рассматривать их как единую непрерывную линию развития одного массива населения (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 63).

В свете археологических данных по происхождению Лолы безусловный интерес представляют краниологическая серия культур средней бронзы Северо-восточного Кавказа. Для этого региона имеется информация о единичных черепах из мог. Гатын-Кале, Гагатль и Манас, а также о представительной серии из 36 черепов мог. Гинчи (Гаджиев А., 1974, с. 53, табл.; 1975, с. 1, 5–19; Марковин, 1963, с. 66, 104). Все они демонстрируют долихокранный, узколицый и грацильный тип (Гаджиев А., 1974, с. 52, табл.; 1975, с. 15–19). Проведенный А.А. Хохловым межгрупповой анализ методом главных компонент краниологических серий лолинской, восточноманычской и гинчинской культур позволил сделать следующий вывод: «…в восточноманычском ареале прослеживается не только культурогенетическая связь между местным вариантом катакомбной культуры (ВМКК – *Р.М.*) и лолинской культурой, но и антропологическая преемственность между их носителями. Вероятно также, что трансформация местной катакомбной культуры в лолинскую происходила под влиянием импульса восточнокавказских групп» (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 63, 64, 68). Южный миграционный импульс в формировании лолинской культуры неоднократно отмечал и А.А. Казарницкий (2011; 2011а; 2012, с. 118; 2020, с. 285, 286).

Таким образом, антропологические наработки полностью совпали с археологическими, и мы имеем достоверные данные о передвижении групп населения Северо-восточного Кавказа, которое привело к качественным культурным переменам в степной зоне и появлению в Восточном Предкавказье культурного круга Лола. Причем, передвижения эти могли быть достаточно масштабными, в противном случае сложно объяснить достаточно серьезные отличия в краниокомплексе носителей ВМКК и лолинских традиций.

В заключение следует еще раз обратиться к результатам картографирования вещей кавказского происхождения в Предкавказье и их

аналогий на Кавказе (илл. 190–194). Мы видим, что исходный ареал миграции и территория, которая стала конечным ее пунктом, смыкаются. В этой связи можно констатировать, что в случае с культурным кругом Лола и передвижением восточнокавказского населения в степь мы имеем дело с **ближнедистанционной миграцией**.

3.2. Культурный круг Бабино и европейская миграция

О том, что формирование культурного круга Бабино, и в первую очередь ДДБК, было связано с миграционным импульсом из Центральной Европы и карпато-дунайского региона писали неоднократно. Первым, кто предметно обратился к этой теме был И.Т. Черняков. Он показал некоторые параллели обрядово-инвентарного комплекса Бабино и культур Центральной Европы и карпато-дунайского региона, в частности, Унетица, Ватья и Монтеору (Черняков, 1996, с. 61, 62; 2001, с. 153). Об этом импульсе и писал В.И. Клочко (Клочко, 2006, с. 156; 2012, с. 363). Наиболее последовательно эту точку зрения отстаивали Р.А. Литвиненко (Литвиненко, 2006, с. 228–234; 2007, с. 171; 2009, с. 384–388; 2011б; Lytvynenko, 2013) и автор этих строк (Мимоход, 2013, с. 274; 2016; 2018г; 2018д; Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022). Показательна в этом отношении эволюция взглядов С.А. Григорьева, который вначале полагал, что возникновение бабинских древностей связано с миграцией в Северное Причерноморье с территории Закавказья и Передней Азии (Григорьев, 1999, с. 362; Grigoriev, 2002, p. 400), а через 20 лет пришел к выводу, что именно центральноевропейский импульс стал одним из важных факторов становления феномена Бабино (Grigoriev, 2019). Впрочем, позиция С.А. Григорьева не противоречива, в последней работе он тоже пишет в том числе и о кавказском вкладе в формировании бабинских культур (Grigoriev, 2019, p. 225, 237). Восточнокавказский импульс, наряду с европейским, в формировании культурного круга Бабино охарактеризовал и Р.А. Литвиненко (2009, с. 384–388; 2010а; Lytvynenko, 2013). Мне тоже приходилось не один раз писать на эту тему (Мимоход, 2012; 2013, с. 325; 2016; 2018).

Для реконструкции любой миграции по археологическим данным, как уже было показано, необходим системное исследование материалов, который включает в себя сравнительно-типологический анализ всех составляющих признаков понятия «археологическая культура», обязательное картографирование новаций и их прототипов, либо прямых аналогий с возможных исходных территорий, состыковка относительных хронологических структур для регионов предполагаемого источника миграции и ее конечного ареала. Очень важен также комплексный подход к решению проблемы с привлечением данных естественно-научных дисциплин: в нашем случае, данных краниологии, анализа состава металла, радиоуглеродного датирования. Для культурного круга Бабино сведение до определенного единства всех этих фактов в обозначенном сценарии пока не было. Попробуем разобраться, возможно ли это сделать?

В этом отношении *погребальный обряд* имеет первостепенное значение. Прежде всего, речь идет о ДДБК, которая была ядром формирования культурного круга Бабино. Следует отметить немаловажный факт: ДДБК от предшествующей катакомбной эпохи фактически не унаследовала такой структурный элемент как подбойная конструкция могил (см. выше), который в разной степени представлен в других потскатакомбных культурных образованиях. Зато на фазе ПКБ I в Днепро-Донском Бабино появляется новация, неизвестная ни в предшествующем позднекатакомбном субстрате, ни в последующих фазах ПКБ, не говоря уже об эпохе поздней бронзы. Речь идет о положении скелета в соответствии с гендерной дихотомией, когда мужчин и женщин укладывали на разные бока и головами ориентировали в противоположные секторы. Для ранней ДДБК эта традиция проявилась в наличии двух обрядовых групп: мужская с положением скелета на левом боку с ориентацией в западный сектор и женская с правобочными костяками и восточными векторами (илл. 195, *1, 2*) (Дубовская, 1985; Отрощенко, 1992; Литвиненко, 2001а, с. 168; 2006, с. 216–221; 2006а, с. 173, 174; 2007, с. 158; 2009, с. 71; 2012а, с. 262, 263; Грищук, 2016, с. 46). В единичных случаях

можно говорить об гендерной дихотомии и для ВДБК (см. главу 2). Р.А. Литвиненко справедливо сопоставил эту раннебабинскую обрядность с погребальными традициями культур энеолита и раннего бронзового века Центральной Европы и карпато-дунайского региона (Литвиненко, 2006, с. 228–234). Гендерная дихотомия в захоронениях на этих территориях неоднократно предметно обсуждалась нашими западными коллегами (Wiermann, 1998; Müller, 2001a; Turek, Černý, 2001; Turek, 2006б; Mikołajczak, Szczodrows, 2012, p. 183–185; Szchwars, 2014, abb. 8; Makarowicz, 2015; Massy, Knipper, Mittnik, Kraus, Pernicka, Wittenborn, Krause, Stockhammer, 2017, p. 242). Распространяется эта традиция в культурах шнуровой керамики, где мужчин укладывали на правый бок головой на запад, а женщин – на левый бок головой на восток. В последующей и частично синхронной ККК (Bell Beaker) этот принцип тоже является культурообразующим с той лишь разницей, что мужчин помещали в могилу на левом боку головой на север, а женщин – на правом с ориентировкой в южный сектор (илл. 195, *3–6*). Хорошо представлена гендерная дихотомия и в синхронных культурах Bz A. В унетицком культурном круге (илл. 195, *11, 12*) и культуре Мureш (илл. 195, *9*) продолжает существовать такая же система, как и в ККК. Более сходна с ДДБК погребальная практика, известная по материалам нитрянской, межановицкой и стжижовской культур, расположенных на территории Малопольши, Моравии, Западной Словакии и Прикарпатья. Ими унаследована шнуровая традиция. С Днепро-Донским Бабино совпадает ориентировка мужчин на запад, а женщин на восток (илл. 195, *7, 8, 10*). Однако различаются бока, на который укладывали покойников. Здесь ситуация противоположная. Как уже отмечалось, в ДДБК мужчин клали на левый бок, а женщин на правый (илл. 195, *1, 2*), а в нитрянской, межановицкой и стжижовской, наоборот (илл. 195, *7, 8, 10*).

Следует обратить внимание, что в Восточной Европе, кроме ДДБК, гендерная дихотомия по принципу бок/ориентировка практиковалась еще в одной более ранней по отношению посткатакомбному блоку культуре. Речь

идет о фатьяновских древностях. Здесь реализован классический шнуровой принцип и та же система, что в нитрянской, межановицкой и стжижовской культурах, т.е. мужчины – западная ориентировка, правый бок, женщины – восточный сектор и левый бок (Крайнов, 1963, с. 15; 1972, с. 188, 189; Гадзяцкая, 1976, с. 18, 19). В этом отношении симптоматичным служит то, что происхождение фатьяновской культуры уверенно связывают с западным шнуровым импульсом (Бадер, 1970, с. 43; Крайнов, 1972, с. 259–261). Это был первый европейский импульс, который привел к формированию фатьяновской, а также среднеднепровской культур. Вторая европейская миграция, которая обсуждается в настоящей работе, привела к становлению культурного круга Бабино и возникновению средневолжской абашевской культуры (см. ниже). И в том, и в другом случае она проявилась в распространении гендерной оппозиции в обряде по принципу ориентировка/бок. И если в фатьяновской культуре можно наблюдать классический шнуровой принцип: мужчины – правый бок/западный сектор, женщины – левый бок/восточный сектор, то в ДДБК европейская традиция была переработана. Мы не сможем найти в Центральной Европе и карпато-дунайском регионе прямых аналогий дихотомии по признаку «бок/пол», как в Днепро-Донском Бабино (илл. 195, *1, 2*), чтобы мужчины лежали на левом боку, а женщины на правом. Здесь ситуация обратная (илл. 195, *7, 8, 10*), но зато совпадают широтные ориентировки по принципу мужчины – запад, женщины – восток (илл. 195, *7, 8, 10*). Несмотря на некоторые различия, сложно отрицать то, что внезапное возникновение в погребальной обрядности ДДБК гендерной оппозиции, которая никак не представлена в регионе во все предшествующие периоды, да и в последующие тоже, отражает импульс из Центральной Европы и карпато-дунайского региона, где данная традиция распространена повсеместно и имеет давние корни.

Еще одним свидетельством прямой связи культурного круга Бабино с центральноевропейскими культурами Bz A является распространение в ДПБК традиции совершения захоронений в деревянных гробах-колодах (илл. 196, *1*–

8, 197), иногда с каменной забутовкой, которые находят аналогии в Европе (илл. 196, *9–15*, 197) Этой проблеме посвящена специальная обстоятельная работа (Литвиненко, 2020в). Здесь лучше всего процитировать основной вывод этой статьи: «Возникшая и широко распространившаяся в раннем бронзовом веке Центральной и Северо-Западной Европы традиция захоронения в долбленных гробах-колодах из цельного ствола дерева на рубеже 3–2 тыс. до н.э. проникла в Восточную Европу. Эту «погребальную моду» практиковали носители западных локальных вариантов днепро-прутской бабинской культуры – днестро-прутского и днепро-бугского, возможно, также воронежской культуры Подонья[37]. Хронологические и территориальные факторы, а также некоторое сходство в деталях погребального обряда этих восточноевропейских культур, позволяют предполагать в качестве первичного источника их практики использования гробов-колод унетицкую культуру Центральной Европы» (Литвиненко, 2020в, с. 369).

Завершая характеристику центральноевропейских и карпато-дунайских составляющих погребального обряда культурного круга Бабино, следует обратить внимание еще на одну любопытную деталь. Одной из отличительных черт погребений ранней ДДБК является помещение в могилы черепов и ног КРС, так называемых шкур (илл. 198, *1–4*) (Ковалева, 1981, с. 43, 44; Писларий, 1991, с. 57; Берестнев, 2001, с. 63; Литвиненко 2006, с. 224; 2006а с. 182; 2007, с. 160; 2009, с. 83, 84; 2022; Грищук, 2019, с. 48). Интересно, что в Европе эта традиция тоже известна. Она представлена в нитрянской культуре (илл. 198, *5, 6*) и ККК (илл. 198, *7, 8*). (Robertson-Mackay, 1980, fig. 7; Ondrãček, Šebela, 1985, obr. 117, 34; Grant, 1989, p. 79, fig. 1; Peška, 2013, abb. 7, *3, 6*; Morrison, 2020). Я. Пешка напрямую сопоставил комплексы из мог. Холешов с черепами КРС (илл. 198, *5, 6*) с погребениями ранней ДДБК со «шкурами» (илл. 198, *1–*

[37] Ссылка моя. В воронежской культуре известен всего один комплекс, где зафиксирован гроб-колода. Это Хохольский 1/1. Причем это захоронение сопровождалось классическим центральноевропейским набором украшений, который включал в себя бронзовые браслеты, гривну, спиралевидные пронизи, скорлупковидные бляшки, очковидную подвеску и подвеску с раскованным щитком (Пряхин, Синюк, 1983, рис. 2).

4) в контексте культурных влияния и контактов (Peška, 2013, s. 96, abb. 7). Очень заманчиво предположить, что и эта обрядовая черта в культурном круге Бабино зародилась в результате рассматриваемого европейского импульса. Однако здесь следует быть крайне осторожным. Во-первых, «шкуры» хорошо представлены в предшествующих ДДБК катакомбных культурах и, скорее всего, их следует рассматривать в качестве рудиментарного субстратного признака погребального обряда Днепро-Донского Бабино. Во-вторых, черепа КРС, положенные на отсеченные конечности, известны в погребальной обрядности второй половины III тыс. до н.э. в Анатолии (илл. 198, *9*) (Koşay, 1951, pl. CXVIII). Видимо, имея ввиду именно этот факт, Р.А. Литвиненко, который в своей работе, предметно посвященной «шкурам» копытных бронзового века, кратко сопоставляет западно- и восточноевропейские материалы, в заключение отмечает, что «имеющие место различия… при очевидных обрядовых параллелях, намекают на возможные связи или общие истоки данного явления, например, ближневосточные, а потому заслуживают дополнительного исследования» (Литвиненко, 2022, с. 131). В свете всего выше сказанного, последний сюжет о соответствии элементов обрядности с черепами и конечностями ног в ДДБК, культуре Нитра и ККК в связи с рассматриваемой проблемой европейской миграции следует расценивать как факультативный.

От факультативного замечания вернемся к предметным обоснованиям. Речь пойдет об *инвентарном комплексе* культурного круга Бабино.

Показательными являются находки в погребениях ДДБК и ВДБК каменных брусков с двумя перетяжками (илл. 199, *1*, 200). Они являются защитой предплечья лучника от удара тетивы (см. главу 2). Повсеместная мода на такие изделия охватила практически всю Европу (илл. 199, *2*, 200). Они являются визитной карточкой ККК и хорошо представлены в культурах Bz A1. Такие предметы здесь исчисляются несколькими десятками. В культурном круге Бабино защитных брусков известно всего шесть и датируются они узким периодом фазы ПКБ I, которая соответствует этапу Bz A1. Как в культурном

круге Бабино, так и в Европе позже они не датируются. Зато определенно точно можно сказать, что в последнем регионе они появляются раньше и известны по материалам ККК. Таким образом, есть все основания утверждать, что присутствие в инвентарном комплексе культурного круга Бабино каменных брусков с двумя перетяжками связано с импульсом из Центральной Европы и карпато-дунайского региона.

Еще одним ярким маркером обсуждаемой миграции являются костяные и роговые пряжки. О том, что фигурные крючково-планочные поясные детали, которые известны в ранней ДДБК (илл. 199, *6*, 201), связаны своим происхождением с Европой, в частности, с карпато-дунайским регионом (илл. 199, *7*, 201), писали неоднократно (Гершкович, 1986; Литвиненко, 2009, с. 385; 2011б; Мимоход, 2018г, с. 250, 251, 267; 2018д, с. 37; Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022, с. 28). С учетом общности происхождения европейские и бабинские крючково-планочные поясные детали были объединены в пряжки европейской традиции (Мимоход, 2018г, с. 250; 2018д, с. 37; Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022, с. 26). В Центральной Европе и карпато-дунайском регионе крючково-планочные пряжки распространены довольно равномерно (илл. 201). Ситуация с культурным кругом Бабино иная. На большой его территории от Прута до Волги находки этого типа поясной детали занимают компактный ареал Днепро-Донского междуречья (илл. 201). Ситуация здесь принципиально сходна с выше охарактеризованными брусками с двумя перетяжками. Погребения с ними занимают тот же ареал (илл. 200), что и захоронения с фигурными пряжками (илл. 201). Дважды в ДДБК бруски и пряжки встречены в одном комплексе (Мимоход, Усачук, Вербовский, 2021, рис. 2, *Г, Д*). Полностью совпадает и их хронология. Они датируются фазой ПКБ I, т.е. внезапно появляются, не имея местных прототипов, и так же внезапно исчезают.

Кольцевые костяные и роговые пряжки являются визитной карточкой культурного круга Бабино (илл. 199, *4*). Они представлены во всех его составляющих. Находки этих изделий полностью покрывает ареал бабинских

культур (илл. 202). Очень точные аналогии этим изделиям представлены в Центральной Европе и карпато-дунайском регионе (илл. 199, *5*, 202). Здесь есть и кольцевидные пряжки типа 1 и типа 2 с бортиком вокруг отверстия по классификации Р.А. Литвиненко. Кольцевидные изделия культурного круга Бабино и аналогичные предметы из Центральной Европы также неоднократно сопоставлялись (Grigoriev, 2002, p. 136, 388–390; 2019, p. 233; Литвиненко, 2009, с. 385; Lytvynenko, 2013, p. 122, 130, 137, 138; Мимоход, 2018д, с. 37, рис. 3, *3, 4*; 2020а; 2022б).

При точных морфологических и метрических соответствиях европейских и бабинских экземпляров есть определенные различия в их использовании. В Бабино – это преимущественно поясные пряжки, а в Европе – подвески (см. главу 2). Данное различие не должно особенно смущать. Это не столь уж редкая ситуация, когда при трансляции феномена из одной культурной среды в другую при сохранении морфологии меняется их функциональное назначение. Например, можно обратить внимание на использование античных монет варварским населением в качестве украшений. Если вернуться к нашим материалам, то в чем-то похожая ситуация складывается с брусками с двумя перетяжками (wrist guard). В Европе в погребениях они зачастую располагаются там, где и должны находиться при использовании по прямому назначению для защиты от удара тетивы, т.е. в районе предплечья. В погребениях культурного круга Бабино бруски ни разу не найдены в традиционной европейской позиции (Мимоход, Усачук, Вербовский, 2021, рис. 2). На этом основании вряд ли кто-то станет отрицать, что защитные накладки с перетяжками в ДДБК и ВДБК связаны своим происхождением с Европой (Мимоход, 2022б, min. 00:34:29–00:35:46).

Интересно, что в европейских материалах представлены кольцевидные изделия фазы ПКБ I и начала фазы ПКБ II (илл. 199, *5*). Здесь отсутствуют предметы плоские в сечении с бортиком и изогнутые в сечении предметы с двумя разновеликими отверстиями конца фазы ПКБ II и фазы ПКБ III (илл. 125, *I, II, 1–24*), которые были выработаны уже самими носителями

бабинских традиций. В Европе кольцевидные изделия датируются преимущественно периодом Bz A1, а появляются они там еще раньше, в захоронениях ККК, поэтому нет никаких хронологических противоречий для того, чтобы рассматривать бабинские пряжки и европейские подвески в контексте рассматриваемой проблемы европейской миграции.

Интересные результаты дает картографирование этих изделий. Мы видим фактическое смыкание ареалов бабинских и карпато-дунайских кольцевидных изделий (илл. 202). Это, пожалуй, единственная категория инвентаря европейского происхождения, которая, во-первых, покрывает весь ареал культурного круга Бабино, а не концентрируется на локальной территории (см. выше и ниже), и, во-вторых, вплотную подходит к одной из исходных территорий европейской миграции – карпато-дунайскому региону (илл. 202). Эту ситуацию мы обсудим ниже.

В инвентарном комплексе культурного круга Бабино, в частности, ДДБК присутствует такая своеобразная категория инвентаря как бронзовые гривны. Их немного (4 комплекса), но они есть. Две из них витые, две гладкие (илл. 199, *7*, 203). Массовое распространение этой категории инвентаря можно наблюдать в центральноевропейских и карпато-дунайских культурах периода Bz A (илл. 199, *8*, 203), продолжают они существовать и позже. В культурном круге Бабино, как и в случае с фигурными крючково-планочными пряжками, брусками с двумя перетяжками и другими категориями инвентаря (см. ниже), металлические гривны не имеют никаких местных прототипов и существуют только в рамках узкого периода ПКБ I. Они так же внезапно появляются и так же внезапно исчезают.

Следует отметить, что в Восточной Европе бронзовые гривны встречены не только в ДДБК. Витая гривна происходит из комплекса с посудой воронежской культуры Хохольский 1/1 (Пряхин, Синюк, 1983, рис. 2, *3*), о котором уже шла речь. Кроме воронежского сосуда, этот комплекс демонстрирует все основные стандарты обрядово-инвентарного комплекса центральноевропейской традиции. Погребение совершено в деревянном

гробу-колоде и содержит классический европейский гарнитур украшений (см. выше) (Пряхин, Синюк, 1983, рис. 2). Вторая культура, в материалах которой присутствуют металлические гривны – это южноуральская абашевская. Здесь известно 8 экземпляров из погребальных памятников и кладов (Кузьмина О., 2002, с. 158; 2021, с. 465, рис. 10, *20*). Казалось бы, далеко не только от исходного ареала европейской миграции, но и от компактного ареала распространения единичных гривен в ДДБК (илл. 203). Этот феномен имеет объяснение. Европейская миграция, которая стала одним из важнейших стимулов трансформации позднекатакомбных культур в культурный круг Бабино, достигла Средней Волги и стала основополагающей в сложении Средневолжского Абашева и впоследствии производных от нее ЮУАК и ДВАК (см. ниже).

Интересная деталь, связанная с гривнами в культурном круге Бабино, заключается в том, что из четырех изделий, две были витые (илл. 199, *7*, 203). Витой была и гривна из комплекса Хохольский 1/1 (Пряхин, Синюк, 1983, 2, *3*). Дело в том, что в исходном европейском ареале витые гривны единичны (илл. 199, *8*) (Podborský, 2004, obr. 5, *6, 7*). Здесь абсолютно доминируют гладкие, а не витые, изделия, в то время как в малочисленных материалах днепро-донского региона витых гривен, конечно, не абсолютное, но, тем не менее, большинство. Ситуация здесь типологически близка к каменным брускам с двумя перетяжками (wirst guard). В европейских культурах полностью доминируют защитные накладки с отверстиями (см. главу 2) (илл. 38, *14–16*, 200), в то время как бруски с перетяжками единичны (илл. 38, *11–13*, 200). Соотношение тех и других можно сопоставить приблизительно как 30–40:1, а то и больше. Однако, в немногочисленных погребениях культурного круга Бабино, где присутствует этот элемент оснащения лучника, нет ни одного случая, чтобы брусок был с отверстиями, все они с перетяжками (илл. 38, *I, 1–4*, 199, *1*). Видимо, мы имеем дело с ситуацией, когда в процессе трансляции определённых стандартов обрядово-инвентарного комплекса из одной культурной среды в другую (в нашем случае из центральной части

Европы в восточную), принимающая сторона их перерабатывает и адаптирует «под себя» и может тиражировать не самые востребованные, но существовавшие на исходной территории стереотипы, которые пришлись по вкусу. Можно и иначе взглянуть на проблему. Если нанести на карту пункты находок брусков с перетяжками и витых гривен в Европе, мы легко убедимся, что все эти изделия происходят из очень компактного, можно даже сказать точечного ареала на сопредельных территориях пограничья Австрии, Словакии и Чехии между восточными Альпами и северными Карпатами (илл. 200, 203). В этой связи не исключено, что наличие таких новаций в культурном круге Бабино, как каменные бруски с двумя перетяжками (wrist guard) и бронзовые витые гривны, было связано с участием в миграции конкретных групп населения обозначенной компактной территории (ККК, унетицкой и нитрянской культур), в материалах которых представлены прямые аналогии этим двум специфичным категориям бабинского инвентаря.

Не имеют местной подосновы и очковидные подвески, которые также внезапно появляются в культурном круге Бабино на фазе ПКБ I (илл. 199, *9*). Как и в предыдущих случаях, источником новации были культуры Bz A Центральной Европы и карпато-дунайского региона (илл. 199, *10*). Именно здесь эта категория инвентаря наиболее активно использовалась в гарнитуре украшений. Картографирование бабинских очковидных подвесок (илл. 204) демонстрирует ту же ситуацию, что и в случае с защитными накладками (илл. 200), крючково-планочными пряжками (илл. 201) и металлическими гривнами (илл. 203). Почти все эти находки концентрируются в днепро-донском междуречье в существенном отрыве от основного ареала. Причем все эти вещи, как уже отмечалось, маркриуют самую раннюю фазу становления блока посткатакомбных культурных образований.

В Днепро-Донском Бабино известно одно женское захоронение (Бургуста 1 5/11) с богатым гарнитуром украшений европейского происхождения, куда помимо фаянсового бисера входили набор скорлупковидных бляшек с двумя отверстиями, которыми был расшит

головной убор (илл. 199, *13*) и ожерелье из гладких бронзовых пронизей (илл. 199, *15*) (Ларенок, 2021, с. 70, 71, рис. 1). В Центральной Европе и карпато-дунайском регионе мы находим не только прямые аналогии этим предметам (илл. 199, *14, 16*), но и такую же схему расположения их в костюме. С аналогичной ситуацией мы столкнемся при рассмотрении вопроса о происхождении Средневолжского Абашева в следующем параграфе. И в Бабино, и в СВАК появление таких гарнитуров с использованием богатого шитья из бронзовых украшений было напрямую связано с миграцией населения из центральноевропейского и карпато-дунайского региона.

Еще одно захоронение женщины ДДБК (Викторовка 193.5/1) также содержало многочисленные украшения (Шевченко І., 2019). В этом гарнитуре особый интерес вызывает бронзовая бляшка округлой формы с центральным отверстием и четырьмя маленькими отверстиями, украшенная пуансонным орнаментом (илл. 199, *11*). Никаких местных аналогий это изделие не имеет. Зато очень близкие изделия известны в материалах межановицкой культуры. Здесь тоже представлены бронзовые округлые бляхи с маленькими отверстиями, через которые они пришивались к мягкой основе. Они также украшены пуансонным орнаментом (илл. 199, *12*). В комплексе Викторовка 193.5/1 бляшка находилась на черепе умершей (Шевченко І., 2019, с. 25). Такое расположение подобных украшений характерно и для европейских комплексов (Bąbel, 2013, rys. 47).

В обоих комплексах из Бургусты 1 и Викторовки обнаружены подвески из раковины с отверстием для подвешивания (илл 199, *17*). Это характерный атрибут центральноевропейского и карпато-дунайского костюма период Bz A (илл. 199, *18*). Он представлен в погребениях унетицкого круга, нитрянской, межановицкой культур и культуры Муреш. В культурном круге Лола подвески из раковин кавказского происхождения также являются одним из характерных индикаторов посткатакомбных памятников Предкавказья. Однако бабинские подвески из раковин с их европейскими аналогиями и украшения из раковин лолинских и невинномысских погребений и

захоронений культур Северо-восточного Кавказа принципиально отличны. В первом случае это створки раковин, которые сохраняют свою естественную морфологию без обработки с отверстием в верхней части (илл. 199, *17, 18*), во втором – мы имеем дело с обработанными раковинами, которым придавали правильную округлую форму, а отверстие вырезалось в центре изделия (илл. 189, *17, 18*). По аналогии с фигурными роговыми пряжками в посткатакомбном мире мы можем говорить о подвесках из раковин европейской (илл. 199, *17, 18*) и кавказской (илл. 189, *17, 18*) традиций.

Показательно расположение комплексов из Бургусты 1 5/11 и Викторовки 193.5/1. Первый из них находится в Подонцовье, второй – в Приазовье, т.е. именно в том ареале, где концентрируется большинство европейских новаций.

Отдельно следует обсудить металл на медной основе культурного круга Бабино. В морфологическом отношении орудийный комплекс ничем не примечателен и демонстрирует стандарты финала Циркумпонтийской металлургической провинции. Носители бабинских традиций не выработали собственных категорий орудий. Отсутствуют в коллекции и инокультурные изделия, в отличие от культурного круга Лола, где в орудийном комплексе представлены ножи-кинжалы кавказского происхождения (илл. 121, *IV, 25–30*).

Зато несомненный интерес в контексте обсуждаемой европейской миграции представляет состав металла на медной основе культурного круга Бабино. Выше уже отмечалось, что для него имеется 15 определений. Для подсчета статистики из этой выборки мы исключим данные по комплексу Пологи 1/2, гвоздик из которого сделан из сложного тройного сплава меди, олова и свинца. В бабинской выборке металл групп Cu и Cu*[38](чистая медь и медь с мышьяком <0,9–1%) составляет 71,4%, мышьяковая бронза – 28,6%) (илл. 187, *2*). Такое соотношение особенно показательно на фоне

[38] Cu* по (Черных, 2007, с. 66, Черных, Орловская, 2009, с. 75).

соответствующих показателей культурного круга Лола, где полностью доминирует металл группы Cu+As (илл. 187, *1*).

В связи с рассматриваемой проблемой интересно сравнить данные культурного круга Бабино с определениями металла на медной основе культур позднего энеолита и раннего бронзового века (Bz A). Учтено 263 определения (Točík, 1963, s. 765; Kadrow, 1992, s. 106, 107; Matuschik, 1996, tab. 1; Bertemes, Heyd, 2002, abb. 9–11; Enrée, Müller, Rassmann, 2012, tab. 2; Bąbel, 2013, tab. 49, 51; Enrée, 2015, tab. 9, 10)[39]. Соотношение наших групп металла в Европе демонстрирует ситуацию, которая значительно ближе стоит к показателям культурного круга Бабино и полностью противоположна данным культурного круга Лола. В центральноевропейском и карпато-дунайском регионах полностью доминируют группа Cu/Cu*, а мышьяковая бронза составляет явное меньшинство (илл. 187, *4*). У носителей бабинских традиций эта закономерность не столь контрастная, но тоже выразительная (илл. 187, *2*). Ситуация особенно станет показательной, если учесть данные по составу металла на медной основе СВАК, которая по сути является европейской культурой (см. ниже)[40]. Эти наблюдения не противоречат гипотезе о самостоятельном характере металлургии ДДБК и ее связи с Донецкими (Бахмутскими) месторождениями меди (Писларий, 1983, с. 11; Братченко, 1985, с. 455; Татаринов, 1993, с. 89, 90, 95; 2003, с. 90, 94, 95; 2006, с. 166; Литвиненко, 2003а, с. 47; 2003а, с. 149; 2005б, с. 120, 122; 2007а, с. 112; 2009, с. 388, 389; 2009а, с. 24; 2009б, с. 63; 2009в, с. 14, 15; Пряхин, Отрощенко, Саврасов, Бровендер, 2003, с. 116; Отрощенко, 2005, с. 36). Однако, наличие вышеуказанного сходства сплавов на медной основе с точки зрения соотношения групп Cu/Cu* и Cu+As у культурного круга Бабино и культур

[39] Учитывались только определения групп Cu/Cu* и Cu+As.

[40] Можно много и конструктивно обсуждать, какое количество мышьяка правомерно рассматривать в качестве намеренной лигатуры, природной примеси или добавления скрапа при плавке химически чистой меди, а также факторы ликвации (Смирнов В., 1950, с. 348–351; Селимханов, 1960, с. 63; 1962, с. 64; Кореневский, 1984, с. 268; Равич, Рындина, 1999, с. 81; Гак, 2005, с. 18; Авилова, 2007; 2008, с. 20, 62; Черных, Луньков, 2009, с. 82, 83; Ровира, 2005, с. 217, 218; и др.). Однако следует учитывать, что все анализируемые выборки по отношению к этим проблемам были в равном положении, поэтому явные различия в распределении групп Cu/Cu* и Cu+As культурном круге Бабино и культурном круге Лола нельзя игнорировать, так же, как и данные по составу металла на медной основе СВАК и культур Центральной Европы и карпато-дунайского региона.

Центральной Европы и карпато-дунайского региона может объясняться некими общими традициями металлопроизводства.

Что касается керамического комплекса культурного круга Бабино с характерной многоваликовой орнаментацией (илл. 199, *19*), то наблюдения в отношении европейских параллелей будут иметь факультативный характер. Действительно, бабинские традиции формообразования и декорирования посуды были, в первую очередь, связаны с керамическими традициями среднедонской катакомбной культуры, что неоднократно отмечалось исследователями (Латынин, 1964, с. 60, 61; Братченко, 1977, с. 31, 32; 1985, с. 457; Санжаров, 2000; 2004а, с. 93–104; 2010, с. 396–400; Литвиненко, 2001г, с. 176, 177; 2007б, с. 117; 2009, с. 369; и др.). При этом следует отметить, что сама идея многоваликовой орнаментации посуды была не чужда носителям культур позднего энеолита – ранней бронзы Центральной Европы, в частности, ККК, Полада, Рона (илл. 199, *20*). Вероятно, определенное сходство орнаментального стиля центральноевропейских и катакомбных среднедонских древностей могло привести к тому, что этот «керамический стиль», как правильно подметила С.С. Березанская (1998), в Восточной Европе охватил пространство от Прута до Волги, но именно он стал одним из культурообразующих индикаторов круга Бабино, что и нашло отражение в предложенном ею названии для выявленного нового культурного феномена – «культура многоваликовой керамики» (Березанская, 1960).

Таким образом, анализ обрядово-инвентарного комплекса составляющих культурного круга Бабино показывает, что он имеет целые блоки структурных соответствий с культурами позднего энеолита – ранней бронзы Центральной Европы и карпато-дунайского региона. Это позволяет констатировать существование определенной генетической связи между носителями бабинских традиций и европейскими культурами, в частности, ККК, унетицкого круга, Нитра, Муреш.

В генезисе культурного круга Бабино кроме европейского, отчетливо читается и кавказский след. Он менее выражен, но, тем не менее, представлен

в инвентарном комплексе бабинских культур, прежде всего, ближайших к кавказскому региону ДДБК и ВДБК. Иными словами, кавказский импульс, который стимулировал сложение культурного круга Лола, достиг и Днепро-Волжского междуречья, где он наряду с европейской миграцией нашел отражение в инвентарном комплексе бабинских культур. О восточнокавказском компоненте в сложении культурного круга Бабино неоднократно писал Р.А. Литвиненко (Литвиненко, 2009, с. 384–388; 2010а; Lytvynenko, 2013).

В отличие от европейского импульса кавказский не нашел отражения в бабинском обряде. Его следы фиксируются только в инвентаре. Ярким его проявлением оказались фаянсовые бусы с выступами. Как уже отмечалось, этот тип украшений хорошо представлен в кавказских культурах. Он является общим как для культурного круга Лола, так и для культурного круга Бабино. Картографирование рожковых и бородавчатых бус показывает, что в бабинских культурах они сосредоточены только в Днепро-Донском междуречье (илл. 194). По сути, ареал распространения этого типа украшений един от этого региона до Кавказа (илл. 194). В степи распространение бус с выступами, без сомнения, было, в первую очередь, связано с кавказской миграцией. Однако следует отметить, что в посткатакомбной среде появились и собственные новации в рамках этого вида украшений. Речь идет о двухрожковых бусах, которые отсутствуют на Кавказе. Они хорошо представлены в ДДБК и ВДБК (илл. 133, *16–24*) и в меньшей степени в лолинской и невинномыской культурах (илл. 133, II, *14–15*). Вероятно, появление бисера с двумя выступами связано с предшествующими позднекатакомбными древностями, где этот тип украшений был известен (илл. 133, *9–13*).

В керамическом комплексе культурного круга Бабино изредка встречаются сосуды кавказского происхождения. Так, показательна двуручная амфорка из п. 5 Ливенцовского I грунтового могильника (Братченко, Шарафутдинова, 2000, с. 162, 170, 171, рис. 5). Р.А. Литвиненко справедливо

сопоставляет этот сосуд с посудой гинчинской культуры (Литвиненко, 2009, с. 265; 2010а, с. 221, 222). Еще один горшок, который исследователь также напрямую сопоставил с гинчинскими материалами, происходит из п. 7 Ремонтирской могилы в Поднепровье (Литвиненко, 2009, с. 265, рис. 31, *6*; 2010а, с 222). Действительно, морфология этой корчаги, обработка поверхности (обмазка нижней части сосуда и лощение) находят убедительные параллели в гинчинской культуре.

Состав металла на медной основе культурного круга Бабино уже был проанализирован. Можно было убедиться, что этот признак находится в русле европейских традиций с доминированием группы Cu/Cu* (илл. 187, *2*). Однако по сравнению с европейскими культурами и СВАК (илл. 187, *3, 4*), которая своим происхождением напрямую связана с Европой (см. ниже) (Мимоход, 2022), бросается в глаза то, что удельный вес мышьяковой бронзы в бабинских древностях выше (илл. 187, *2*), чем в первых двух случаях (илл. 187, *3, 4*). Это как раз хорошо объясняется в контексте того, что в становлении культурного круга Бабино принимали участие и выходцы с Кавказа.

Таким образом, кавказские элементы в культурном круге Бабино присутствуют, но на фоне европейских выглядят не так ярко. Это говорит о том, что кавказский миграционный импульс, безусловно, затронул позднекатакомбные группы Днепро-Донского междуречья, но решающим в формировании культурного круга Бабино был все-таки центральноевропейский и карпато-дунайский импульсы.

Если мы говорим о миграции, то она должна в каком-то виде отражаться в *краниологических материалах*. На примере культурного круга Лола было показано, что это действительно так. С европейской миграцией и культурным кругом Бабино ситуация осложняется тем, что ее исходный ареал находится в Центральной Европе и карпато-дунайском регионе, и отечественные антропологи не работали с тамошними краниологическими сериями. Тем не менее, в их изысканиях на основании наших материалов можно найти

определенные выводы, которые хоть и не напрямую, но могут подтверждать обсуждаемую концепцию бабинского культурогенеза.

Бабинские черепа неоднократно попадали в сферу внимания антропологов (Кондукторова, 1973; Круц, 1984; Хохлов, Мимоход, 2008; Казарницкий, 2012а). А.А. Казарницкий посвятил специальную статью краниологии культурного круга Бабино (2013). При сравнении краниологических серий бронзового века Восточной Европы оказалось, что выборки ДДБК и ДПБК стоят ближе всего к данным фатьяновской и балановской культур (Казарницкий, 2012а, с. 128; 2013, с. 75; 2020, с. 285). А.А. Казарницкий пишет: «… бабинская (серия – *Р.М.*) оказалась ближе к шнурокерамическим. Соседство координат бабинской и фатьяновских серий вряд ли уместно трактовать как свидетельство непосредственного участия носителей фатьяновских культурных традиций в формировании населения бабинской культуры, учитывая территориальный разрыв между их ареалами. Скорее всего, это показатель наличия общего популяционного пласта[41], на основе которого сформировалось население восточно-европейских культур шнуровой керамики и, вероятно, значительная часть населения бабинской культуры» (Казарницкий, 2013, с. 75). Это принципиально важный вывод. Близость серий ДДБК и ДПБК к фатьяновской культуре не случайна. Антрополог правильно пишет об общем популяционном пласте для Фатьяново и Бабино. Этот пласт как раз и находится в Европе. Следует вспомнить хорошо известный тезис о том, что происхождение фатьяновской культуры было вызвано западным импульсом (Бадер, 1970, с. 43; Крайнов, 1972, с. 259–261), а она сама является восточной периферией шнурового мира. Как уже отмечалось, это была первая европейская миграция, вторая привела к становлению культурного круга Бабино и СВАК (см. ниже). В этой связи, близость краниологических серий ДДБК и ДПБК, с одной стороны, и фатьяновской культуры, с другой, объясняется в обоих случаях общностью

[41] Ссылка моя. В немного более ранней работе А.А. Казарницкий конкретизирует ареал для этого общепопуляционного пласта и локализует его в Центральной Европе (Казарницкий, 2012а, с. 128).

исходных территорий Центральной и Северной Европы, миграции из которых привели к формированию этих феноменов. Конечно, для окончательного решения вопроса необходимо прямое сравнение краниологических серий культурного круга Бабино и культур позднего энеолита – ранней бронзы Центральной Европы и карпато-дунайского региона. Надеюсь, эта работа еще впереди.

Отдельный интерес представляют краниологические данные ВДБК. В культурном круге Бабино они имеют выраженную специфику. А.А. Хохлов один из первых обратил внимание на связь краниометрических характеристик криволукской культурной группы (ныне ВДБК) с кавказскими популяциями (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 63, 64). Позже этот же факт отметил и А.А. Казарницкий и указал на регионы Восточного Кавказа и Закавказья (2020, с. 285). Все это хорошо подтверждает то, что в бабинском культурогенезе принимали участие не только пришлые европейские группы, но и выходцы с Кавказа.

В заключение характеристики европейской миграции, которая сыграла решающую роль в становлении культурного круга Бабино, следует еще раз обратиться к данным картографирования артефактов европейского происхождения. Локализация защитных накладок на запястье лучника (илл. 200), фигурных крючково-планочных пряжек (илл. 201), металлических гривн (илл. 203) и очковидных подвесок (илл. 204) показывает, что все они концентрируются в Днепро-Донском междуречье в заметном отрыве от основного ареала их распространения (илл. 200, 201, 203, 204). Исключение здесь составляют только кольцевые пряжки (илл. 202), что имеет свое объяснение. Дело в том, что именно эта категория инвентаря оказалась востребованной в культурном круге Бабино на всем протяжении ее существования, а смыкание ареалов в низовьях Дуная и в Прикарпатье (илл. 202) объясняется, скорее, продвижением бабинских социумов на запад и контактами, в частности, с культурой Монтеору, где присутствуют пряжки, причем, не самые ранние. Если же обратиться к самым ранним бабинским

экземплярам типа 1 с линзовидным сечением по Р.А. Литвиненко, то и они будут концентрироваться в Днепро-Донском междуречье (Литвиненко, 2020, рис. 1).

Таким образом, именно днепро-донской регион стал тем ареалом, где европейские мигранты вступили в контакт с местным населением, т.е. ими был проделан достаточно серьезный путь с исходной территории порядка 1500 км, поэтому в данном случае мы можем говорить о **среднедистанционной миграции**.

3.3. Средневолжская абашевская культура и культура колоколовидных кубков: наброски к семейному портрету

Средневолжская абашевская культура (СВАК) представляет собой яркое и своеобразное культурное образование. Она занимает компактную территорию в Среднем Поволжье в рамках части территории Нижегородской области, Марийской, Мордовской, Татарской и Чувашской республик (илл. 205) (Кузьмина О., 1992, табл. I; 2000а; 2021, рис. 1; Большов, 2003, рис. 2, *А*; Соловьев, 2016, рис. 84). СВАК просуществовала не более 250 лет в пределах 2200–1900 CalBC (Кузьминых, Мимоход, 2016, с. 41; Мимоход, 2018д, с. 57). Формирование культуры имело взрывной и скоротечный характер. По всем основным стандартам обрядово-инвентарный комплекс Средневолжского Абашево кардинально отличается от предшествующего субстрата, который представлен фатьяновской культурой. Нет смысла отрицать, что последняя принимала участие в формировании СВАК в качестве местного генетического субстрата. Это устоявшаяся историографическая традиция (Бадер, 1940, с. 87; Кривцова-Гракова, 1947, с. 98; Смирнов А.П., 1948, с. 18; Калинин, 1952, с. 57; Сальников, 1954, с. 82–89; Смирнов А.П., 1958, с. 19, 20; 1961, с. 21; Евтюхова, 1961, с. 6, 7[42]; Ефименко, Третьяков, 1961, с. 84, 85). На современном этапе наиболее последовательной сторонницей оценки фатьяновского компонента как основного в сложении СВАК является

[42] В этой статье приведены данные о неопубликованной работе О.А. Кривцовой-Граковой.

О.В. Кузьмина (1999, с. 154; 2000а, с. 98; 2000б, с. 65; 2001; 2002а, с. 181; 2003). Следует также отметить, что концепция единой генетической линии Фатьяново/Балаково – Средневолжское Абашево неоднократно подвергалась обоснованной критике (Бадер, 1950, с. 81; Ефименко, Третьяков, 1961, с. 85; Мерперт, 1961, с. 154; Халиков, 1961, с. 220, 221; Евтюхова, 1964, с. 119, 120; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с. 26; Соловьев, 2000, с. 71, 72). Действительно, попытка сводить происхождение средневолжских абашевских древностей к линейной генетической преемственности с фатьяновской и балановской культурами серьезно упрощает ситуацию и никак не объясняет целый комплекс новаций в погребальном обряде и инвентаре, который является сутью феномена СВАК. Последний не демонстрирует сколь-нибудь отчетливой связи с местной подосновой. Такая резкая культурная трансформация, которая приходится на время 2200 CalBC, позволяет расценивать основной компонент Средневолжского Абашева в качестве пришлого (Мимоход, 2018д, с. 57). Иными словами, миграционный импульс сыграл решающую роль в генезисе СВАК.

Эта идея не нова. Целый ряд исследователей справедливо отмечали неместный характер абашевской культуры в Среднем Поволжье (Евтюхова, 1961, с. 28; Ефименко, Третьяков, 1961, с. 89; Халиков, 1961, с. 222; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с. 27; Бадер, 1970, с. 67). Она появляется здесь «с уже сложившимися культуроопределяющими признаками» (Большов, 2003, с. 44; 2006, с. 111). Однако какого-либо более или менее четкого представления о том, где расположен исходный ареал миграции и носители каких культурных традиций были вовлечены в этот процесс, в историографии так и не сложилось. Отдельные попытки разобраться с этим вопросом предпринимались. П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков обозначили возможный вектор движения групп, которые стимулировали сложение абашевской культуры в Среднем Поволжье с запада на восток. Исследователи предположили, что одним из основных компонентов формирования СВАК могла стать среднеднепровская культура. Обе культуры они назвали

«двоюродными сестрами» (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 86, 87). Н.Я. Мерперта подобное предположение заинтересовало, и он отметил, что «роль западных элементов в формировании абашевской культуры… должна привлечь самое пристальное внимание» (Мерперт, 1961, с. 154). При этом уже тогда было очевидно, что при некоторых сходствах эпохального характера разница в обряде и инвентаре СВАК и среднеднепровской культуры слишком велика. В результате эта гипотеза почти сразу же подверглась критике (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с. 27). Однако западный импульс в происхождении СВАК от этого не потерял своей актуальности, тем более что его наличие для предшествующей фатьяновской культуры, которая является восточной периферией шнурового мира, особых сомнений не вызывает.

Не так давно был поставлен вопрос о том, что формирование СВАК, которое, как уже отмечалось, носило взрывной характер и не демонстрировало линейной генетической преемственности с предшествующим фатьяновским субстратом, было связано с прямой миграцией на Среднюю Волгу культурных групп из Центральной Европы и карпато-дунайского региона. Особая роль в этой миграции принадлежала центральноевропейской ККК. Краткая, но структурированная система аргументации этой гипотезы уже была приведена (Мимоход, 2018д, с. 40, рис. 5–7). Несмотря на ее в определенном смысле «революционность»[43], концепция сразу же вызвала интерес и поддержку у коллег (Медникова, 2018, с. 384, 385; 2019, с. 335; Ткачев В., 2018, с. 519; Grigoriev, 2019, p. 227; 2021, p. 194; 2022a, p. 66–69; Григорьев, 2020, с. 63; 2020в, с. 27; Корякова, Пантелеева, 2021, с. 44; Литвиненко, 2021, с. 14; Медникова, Тарасова, Чечеткина, Евтеев, 2021, с. 310, 318, 319; Энговатова, Лунькова, Луньков, Медникова, 2021, с. 148, 149; Heyd, 2021; Луньков, Лунькова, Кузьминых, Орловская, Щербаков, Шутелева, 2022, С. 215).

Попробуем разложить проблему на составные части с точки зрения источников и историографии.

[43] О.В. Кузьмина назвала ее радикальной (Кузьмина О., 2021, с. 467; Kuzmina O., 2021, с. 1226).

Погребальный обряд СВАК выглядит явно чуждым для региона. Нет никаких местных прототипов для оформления погребальных площадок в виде круглых столбовых оград, которые являются одной из визитных карточек абашевских древностей Среднего Поволжья (илл. 206, *1*). Зафиксированы такие сооружения в южноуральской и доно-волжской абашевских культурах (Пряхин, 1977, с. 11, рис. 3: Б, 4; Горбунов, 1976, с. 22–23; 1986, с. 38; табл. XI, XII). Подобная система оформления погребальных площадок неизвестна в неабашевских культурах бронзового века Восточной Европы. Это точно подметил Н.Я. Мерперт и конкретно для региона указал, что «в памятниках фатьяновской культуры никаких подобных сооружений не обнаружено» (1961, с. 156). Отмечал этот факт и А.П. Смирнов (1961, с. 19). Сооружения, аналогичные круговым столбовым оградам Средневолжского Абашева, известны только в ККК Моравии (илл. 206, *2*) (Bálek, Dvořák, Kovárnik, Matějíčková, 1999, tab. 5; Dvořák, Matějíčková, Šebela, Oliva, 2004; Turek, 2006a, p. 176, fig. 5, 7). Достаточно сравнить реконструкции погребальных площадок для этих двух регионов (илл. 206). Структурное соответствие вряд ли удастся оспорить. Правда, можно сделать замечание на предмет того, что на памятнике ККК Tvořihráz в Чехии (илл. 206, *2*) в реконструкции столбы стоят вплотную друг к другу в отличие от визуализации погребальной площадки мог. Пикшик, где ограда выглядит более разреженной (илл. 206, *1*). При всей несущественности данного наблюдения в отношении структурных соответствий, которые, кроме этих двух регионов и культурных ареалов, нигде не зафиксированы, следует в очередной раз процитировать Н.Я. Мерперта. Он писал, что «ограды пикшикских погребальных площадок состояли из вертикально вбитых кольев и представляли собой частокол с интервалами, редко превышавшими 20 см» (Мерперт, 1961, с. 145).

Еще одно прогнозируемое замечание, на этот раз более существенное, заключается в том, что, действительно, у ККК на территории Чехии, равно как и в остальных регионах Центральной и Западной Европы, обряд является, главным образом, бескурганным, т.е. захоронения и ограды в Моравии

сооружались с уровня древнего горизонта и возведение над ними насыпей не предусматривалось погребальной практикой. На территории Среднего Поволжья в очерченных выше регионах как раз именно со времени возникновения СВАК появляется курганная традиция, когда насыпи окружены столбовыми оградами. Казалось бы, налицо серьезные различия погребальных обрядов на уровне мировоззренческих стереотипов, и структурные соответствия круговых столбовых оград СВАК и ККК даже на уровне эксклюзивности и узкой хронологической и территориальной локализации, становятся второстепенным признаком. Выход из этого псевдотупика лучше проиллюстрировать цитатами из работ наших основоположников. О.А. Кривцова-Гракова отмечает по материалам раскопок у с. Абашево, что «отдельные группы могил более или менее продолжительное время оставались без насыпей и представляли собой обыкновенный грунтовый могильник… Лишь по прошествии известного времени производилась насыпка курганов» (Кривцова-Гракова, 1947, с. 93). Эта интерпретация была поддержана по данным мог. Васюковский в Приуралье (Калинин, 1952, с. 55), мог. Тауш-Касы (Акимова М., 1950, с. 150) и мог. Пикшик в Среднем Поволжье (Мерперт, 1960, с. 28, 29). В отношении последнего Н.Я. Мерперт писал: «…были ли деревянные сооружения с самого начала покрыты курганной насыпью, строились они как заведомо подкурганные сооружения? На последний вопрос можно совершенно определенно дать отрицательный ответ» (Мерперт, 1961, с. 144) и далее «первоначально деревянные ограды стояли открытыми и не были рассчитаны на покрытие земляной насыпью» (Мерперт, 1961, с. 145)[44]. Иными словами, в погребальном обряде СВАК мы видим процесс перехода от традиции устройства грунтовых могильников, которая практиковалась в исходном ареале, к курганным, что вполне закономерно с учетом неизбежных контактов мигрантов с южными курганными культурами. Впрочем, наличие курганных насыпей в

[44] А.Д. Пряхин охарактеризовал эту ситуацию как «условный характер отдельных абашевских «курганных» насыпей» (1977, с. 124).

Средневолжском Абашеве объясняется не только этими контактами. Дело в том, что в самой ККК Центральной Европы существовала традиция сооружения насыпей, хотя и не была развитой[45]. Так, немногочисленные курганы ККК известны в Центральной Германии и Чехии (Turek, 2006a, p. 171, 173). Как уже было отмечено, в этом же регионе зафиксированы и округлые столбовые ограды (илл. 206, *2*), аналогичные средневолжским абашевским (илл. 206, *1*). Вполне сопоставимы и размеры средневолжских абашевских курганов и насыпей носителей колоколовидных традиций, которые в среднем составляют 7–12 м (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 48; Смирнов А.П., 1961, с. 15; Turek, 2006a, p. 174). Известен в СВАК и другой тип оформления погребальной площадки – ровики округлой формы (Халиков, 1959, с. 149, рис. 3; 1961, рис. 7, 46, 47, 52, 61, 62). Аналогичный тип сооружения является визитной карточкой для могильников ККК Центральной Европы (Turek, 2006a).

Для Среднего Поволжья очень специфическим выглядит погребальный обряд СВАК, а именно скорченное на спине положение скелета (илл. 207, *1–13*). Исследователи отдельно отмечали отсутствие связи между абашевским и фатьяновским погребальным обрядом (Халиков, 1961, с. 220; Евтюхова, 1964, с. 119, 120)[46], т.е. какая-либо местная подоснова, на которой могла сформироваться такая специфическая норма погребального ритуала попросту отсутствует. В свое время именно скорченное на спине положение скелета привело к возникновению весьма своеобразной идеи о том, что в сложении

[45] Правда, Я. Турек полагает, что малочисленность курганов ККК объясняется систематической распашкой сельхозугодий и эрозийными процессами (Turek, 2006, p. 170, 172).

[46] Особняком стоит мнение А.П. Смирнова, которое необходимо процитировать. Он пишет, что «наиболее распространенный обряд погребения покойника на спине, с подогнутыми ногами (СВАК – *Р.М.*), идет несомненно от фатьяновской культуры» (Смирнов А.П., 1961, с. 21). На чем основывается этот вывод непонятно. Никаких ссылок на соответствующие погребения фатьяновской культуры, в которых был бы представлен скорченный на спине обряд, в статье нет. Единственная аналогия, которую привел автор – это п. 2 мог. Балановo (Смирнов А.П., 1961, с. 21). Этого явно недостаточно для столь категоричных утверждений, особенно с учетом того, что в этом балановском погребении скелет лежит явно с нарушением анатомического порядка, а О.Н. Бадер, которого, кстати, цитирует А.П. Смирнов (1961, с. 21), указывал, что «костяк, по-видимому, завалился на спину» (Бадер, 1940, с. 74, рис. 16), тем самым, подчеркивая вторичность археологически зафиксированного положения костяка по сравнению с первоначальным. При этом А.П. Смирнов не обратил внимание на то, что в соседних могилах (п. 1 и 3) скелеты, сохранившие анатомический порядок, находились в позиции «скорчено на боку» (Бадер, 1940, рис. 15, 17), что как раз и характерно для фатьяновско-балановских погребальных традиций.

СВАК принимала участие ямная культура (Евтюхова, 1961, с. 12; 1961а, с. 28; Ефименко, Третьяков, 1961, с. 86; Халиков, 1961, с. 222, 226; Бадер, 1970, с. 65; Makkay, 2000, p. 19, fig. 2, 3; Кузьмина О., 2001, с. 156, 157), где такой обряд был стандартным и культурноопределяющим. Логику этих исследователей понять можно. Ямная культура была единственным культурным образованием, близким в территориальном отношении СВАК, где повсеместно практиковался обряд со скорченной на спине позицией. Сейчас эта гипотеза не выдерживает критики. Во-первых, эти культуры занимали разные природные зоны: ямная – степь и лесостепь, средневолжская абашевская – юг лесной зоны. Во-вторых, хронологический разрыв между ними в Поволжье составляет не менее 500 лет, и потому говорить о генетической связи между ямной культурой и СВАК не приходится. Кроме того, следует обратить внимание, что в ямной традиции практиковался не совсем тот обряд, который представлен в Средневолжском Абашеве. В первом случае умерших укладывали на спину, а ноги поднимали коленями вверх, во втором – это действительно скорченная на спине позиция, т.е. ноги не поднимали коленями вверх, а чаще всего просто укладывали на дно могилы в согнутом состоянии.

Полностью аналогичный средневолжскому абашевскому обряд представлен в ККК Центральной Европы[47]. Здесь мы имеем ту же скорченную на спине позицию (илл. 207, *14–28*), что и на Средней Волге (илл. 207, *1–13*). Особое внимание следует обратить на положение рук в обоих культурных ареалах. Оно полностью идентично и серьезно отличается от ямной традиции, для которой стандартной нормой считались вытянутые вдоль тела руки. В ККК и СВАК верхние конечности почти всегда согнуты. Причем, мы можем наблюдать совпадения позиций рук вплоть до деталей. В обеих культурах нередко встречается положение, при котором руки согнуты в локтях под прямым углом, а предплечья параллельны друг другу, либо кисти скрещены

[47] В этот регион включены памятники ККК Германии, Швейцарии, Австрии, Чехии, Польши, Словакии и Венгрии.

на животе (илл. 207, *1–3, 5, 6, 9, 17, 19, 21–23, 27*). В СВАК встречаются позиции, когда обе руки согнуты в локтях под острым углом и кисти направлены в сторону головы (илл. 207, *8, 10*), такие же позиции характерны и для ККК (илл. 207, *28*). И даже когда в погребениях культур Средневолжского Абашева и колоколовидных кубков руки протянуты к тазу, они все равно имеют слабую согнутость (илл. 207, *4, 7, 11, 13, 16, 18, 24*). Столь точные совпадения в положении скелетов в захоронениях СВАК и ККК в совокупности с другими структурными соответствиями не могут иметь случайный характер.

Кроме того, следует отметить еще одну любопытную деталь. В обеих культурах существует традиция захоронения умерших в деревянных прямоугольных конструкциях типа колод-гробов (илл. 207, *4, 12, 13, 27*) (Turek, 2006a, p. 175). Это хорошо опознаваемая общеевропейская традиция. Эти конструкции появляются еще в ККК и широко распространяются в культурах раннего бронзового века Bz A1–A2 по П. Райнеке Центральной Европы и Великобритании (илл. 197) (Литвиненко, 2020в, с. 368, рис. 5). Как уже отмечалось, в Восточной Европе, кроме СВАК, гробы-колоды серийно представлены в ДПБК (илл. 197), где их происхождение также связывается с западными импульсами (Литвиненко, 2020в, с. 367–369).

Таким образом, погребальный обряд Средневолжского Абашева и ККК проявляют очевидные черты структурного сходства, которые выражаются в первую очередь в использовании столбовых округлых оград при оформлении погребальных площадок и положении костяка. Еще раз отмечу, что никаких местных прототипов для погребальных традиций СВАК в Восточной Европе нет. Ближайшие прямые аналогии абашевскому обряду Среднего Поволжья происходят из материалов центральноевропейской ККК.

Для констатации прямой миграции из Центральной Европы и карпато-дунайского региона по археологическим данным структурных соответствий в погребальном обряде недостаточно. Необходимо, чтобы признаки этого процесса четко нашли отражение в материальной культуре.

Основу *инвентарного комплекса* СВАК составляют посуда и украшения из металла. Как известно, именно эти категории наиболее чувствительны к культурным трансформациям и хорошо отражают не только своеобразие культуры, но и раскрывают механизмы ее формирования, развития и межкультурных контактов.

Средневолжская абашевская керамика так же, как и погребальный обряд, выглядит инородной для региона. Это было уже понятно более полувека назад. П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков отмечали, что «в целом формы абашевской посуды существенно отличаются от фатьяновской. Происхождение этих форм следует искать в какой-то совершенно иной исторической среде» (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 85). Об этом же писала и О.Н. Евтюхова: «…для установления генетической связи между фатьяновской и абашевской культурой по данным керамики нет никаких данных. О том же свидетельствуют и данные погребального обряда» (1964, с. 119, 120). Подробно рассматривали существенные различия между фатьяновско-балановской и средневолжской абашевской керамикой А.Х. Халиков и Б.С. Соловьев (Халиков, 1961, с. 220, 221; Соловьев, 2000, с. 72).

Этой «совершенно иной исторической средой», в которой были выработаны основные керамические стандарты СВАК, являлась ККК Центральной Европы. В Среднем Поволжье в абашевской среде внезапно распространяется посуда колоколовидной формы (илл. 208, *1–8*). Местных истоков она не имеет. Структурные соответствия посуде такой морфологии представлены в керамическом комплексе ККК (илл. 208, *11–18*), для которой колоколовидность сосудов стала эпонимной. В СВАК хорошо представлены горшки с открытым устьем (илл. 208, *1–8*), которое и придает посуде соответствующую форму. Такую же морфологическую схему демонстрирует и керамика ККК (илл. 208, *11–18*). В обеих коллекциях есть горшки как с уплощенным и плоским дном (илл. 208, *3–8, 11, 13–18*), так и округлодонная посуда (илл. 208, *1, 2, 12*). В СВАК и ККК присутствуют сосуды с высоким расширяющимся горлом и ребром в нижней трети тулова (илл. 208, *6, 16*).

Полностью аналогичными выглядят горшки с коротким раструбным горлом и выраженным ребром в центральной части тулова (илл. 208, *7, 17*). То же самое можно сказать и о кубках приземистых пропорций с резко расширяющимся горлом и с ребром в нижней части сосуда (илл. 208, *8, 18*). Встречаются в обеих сериях баночная посуда открытой (илл. 208, *9, 19*) и закрытой (илл. 208, *10, 20*) форм.

Очень показательным выглядит и сравнение систем орнаментации керамики СВАК и ККК (рис. 208). В свое время П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков отметили, что «в кругу памятников шнуровой керамики и колоколовидных кубков… следует, видимо, искать происхождение характерного метопического орнамента некоторых абашевских сосудов» (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 87). По всей видимости, взятый из медицины термин «метопический»[48] обозначает зональность и зигзагообразность/угловатость орнаментальных схем (илл. 208, *1–3, 7–10, 11, 13, 17–19*). Действительно, СВАК и ККК роднит геометрический декор и четко выраженные горизонтальные орнаментальные зоны, которые могут состоять из двух-трех и более фризов. Причем, декор покрывал сосуд с оставлением неорнаментированных зон в нижней (илл. 208, *1–3, 9, 10, 11, 13, 20*) или верхней (илл. 208, *7, 12, 19, 20*) части. В обеих коллекциях присутствует неорнаментированная посуда (илл. 208, *4–6, 14–16*), и, наоборот, кубки, чья поверхность полностью покрыта зональным узором (илл. 208, *8, 18*).

Находят взаимное соответствие композиционное построение орнамента и его элементы. На керамике обеих серий хорошо представлены горизонтальные и вертикальные зигзаги (илл. 208, *2, 3, 7–10, 12, 13, 17, 18*). И в том, и в другом случае для разделения фризов используются параллельные две-три-четыре и более горизонтальных линий (илл. 208, *2, 7–9, 11, 13, 18, 19*). Есть случаи нанесения на керамику фризов в виде рядов вдавлений (илл. 208, *3, 8, 12, 20*). Особенно показательно украшение посуды вертикальными

[48] Он встречается и в европейской литературе (Turek, 1998, p. 109).

(илл. 208, *1–3, 11–13, 17, 19*) и горизонтальными лесенками, с оставлением между ними неорнаментированных участков. Т.к. СВАК и ККК – это родственные, но все-таки разные культуры, следует отметить и различия в орнаментации их посуды. Так, для Средневолжского Абашева характерны фризы, образованные горизонтальными заштрихованными ромбами (илл. 208, *1–3*). Такая система не сильно распространена в колоколовидной традиции, хотя отдельные сосуды с такой композицией тоже встречаются (Turek, 1998, fig. 7: 7, 8: 1; Liversage, 2003, p. 2:1). В свою очередь, на посуде ККК нередко имеется элемент в виде «бабочки» (илл. 208, *12, 13*), который неизвестен на средневолжской абашевской керамике. Еще одна характерная деталь для колоколовидной системы орнаментации – это наличие пустых (неорнаментированных) зон между фризами (илл. 208, *11, 13, 19*). Данный прием также не характерен для СВАК.

Полностью соответствуют друг другу и техника орнаментации керамики в обоих культурных ареалах. И в колоколовидной, и средневолжской абашевской традициях использовались три основных приема декорирования: зубчатый штамп (илл. 208, *1, 3, 7–10, 11–13, 18, 19*), гладкий штамп и прочерчивание (илл. 208, *2, 17*). Причем, в обеих культурах предпочтение отдавалось зубчатой штампованной орнаментации. Наконец, следует отметить, что богато орнаментированные кубки в СВАК и ККК (илл. 208, 1–*3, 7, 8, 11–13, 18*) тщательно изготовлены, имеют равномерный обжиг и отличаются хорошей обработкой поверхности. В то же время отличается состав формовочной массы. Хорошо известно, что основным отощителем для средневолжской абашевской керамики, равно как и для других абашевских культур, была толченая раковина. Подобная рецептура не характерна для ККК, что, впрочем, неудивительно с учетом того, что для изготовления керамики использовалось местное сырье, и состав формовочной массы был обусловлен его особенностями.

Таким образом, несмотря на некоторые различия[49], которые подчеркивают культурную специфику центральноевропейских и средневолжских памятников, нельзя не признать, что как в морфологическом отношении, так и по системе орнаментации СВАК и ККК являются не просто «двоюродными сестрами», а связаны генетически напрямую.

Гарнитур украшений из металла Средневолжского Абашева находит убедительные параллели в культурах Центральной Европы и карпато-дунайского региона периода Bz A по П. Райнеке (илл. 209). Здесь следует отметить один очень важный момент. Дело в том, что, как было показано выше, погребальный обряд и керамический комплекс СВАК напрямую восходят к энеолитическим стандартам ККК Центральной Европы, в то время как гарнитур украшений связан своим происхождением с локальными центральноевропейскими и карпато-дунайскими культурами раннего бронзового века периода Bz A. Как и в предыдущих случаях, подавляющее большинство средневолжских абашевских украшений не имеют местных прототипов. Их происхождение, равно как и некоторых типов фатьяновской культуры, связано с Центральной Европой и карпато-дунайским регионом (Сальников, 1967, с. 120; Бадер, 1971, с. 68–70; Кузьмина О., 2001, с. 155, 156), в частности, с унетицкими древностями. О.В. Кузьмина справедливо отмечает, что «именно эта культурная среда могла передать (СВАК – *Р.М.*) традиции формообразования украшений (подвески в полтора оборота, очковидные подвески, гривны, браслеты и перстни, плоские бляшки), так и технологию их изготовления – сворачивание спирали из проволоки и ковка украшений» (2010, с. 62). Действительно, именно здесь, в культурах европейского раннебронзового века, мы находим прямые аналогии подавляющему большинству абашевских украшений. В СВАК хорошо представлены очковидные подвески (илл. 209, *1*), полностью аналогичные европейским экземплярам (илл. 209, *2*). Мелкие скорлупковидные нашивные бляшки,

[49] Региональные различия в керамике есть и в самой ККК (напр., Heyd, 2007, p. 328).

которые в большом количестве встречаются в средневолжских абашевских погребениях (илл. 209, *3*), также хорошо известны в материалах раннебронзовых культур Центральной Европы и карпато-дунайского региона (илл. 209, *4*). Причем, здесь, как и на Средней Волге в захоронениях нередко они встречаются наборами. Характерны для СВАК и культур Bz A бронзовые литые браслеты округлые в сечении с приострёнными концами (илл. 209, *5, 6*). Идентичны и спиральные кольца (илл. 209, *7, 8*). Бронзовые накладки с отверстиями для нашивания округлой и полукруглой формы, украшенные пуансонным орнаментом, входящие в состав средневолжского абашевского гарнитура украшений (илл. 209, *9*), находят убедительные соответствия в европейских культурах. Есть сходства и в орнаментальных композициях (илл. 209, *10*). Спиралевидные и гладкие пронизи, свернутые из пластины, которые внезапно появляются в СВАК (илл. 209, *11, 13*), серийно представлены в Центральной Европе и карпато-дунайском регионе (илл. 209, *12, 14*). Еще один тип – это комбинированная пронизь, часть которой является гладкой, а часть закручена в спираль. Эти достаточно сложные по технике изготовления украшения полностью аналогичны в Среднем Поволжье и в рассматриваемых регионах Европы (илл. 209, *15, 16*). Также единым для обоих ареалов является еще один сложный тип украшения – подвески с обратной петлей (илл. 209, *17, 18*). Ничем не отличаются друг от друга и спиральные перстни с завитком на конце (илл. 209, *19, 21*). Подвески в 1,5 оборота с раскованными желобчатыми лопастями хорошо представлены в СВАК (илл. 209, *20*). Точно такие же изделия присутствуют в центральноевропейских и карпато-дунайских раннебронзовых культурах (илл. 209, *22*). О.В. Кузьмина происхождение подвесок в 1,5 оборота связывает с фатьяновской культурой. Не отрицая этого факта, следует отметить, что генезис самих фатьяновских украшений этого типа исследовательница рассматривает как модификацию унетицких типов (Кузьмина, 2002а, с. 180). Что касается морфологии подвесок в 1,5 оборота непосредственно СВАК, то тут трудно говорить о модификации, т.к. мы имеем дело с прямыми аналогиями центральноевропейским

экземплярам (илл. 209, *20, 22*). Абашевской модификацией является металл, который использовался для производства этих украшений на стадии становления культуры. В СВАК – это серебро, а в культурах Центральной Европы и карпато-дунайском регионе, главным образом, медь и бронза.

О.В. Кузьмина обоснованно рассматривает для СВАК как «абсолютную новацию… шитье мелкими металлическими полусферическими бляшками и спиральными пронизями» (2002, с. 162). Попытки связать это явно чуждое для региона новшество с предшествующими местными культурами, в которых присутствуют гарнитуры украшений из костей и зубов животных, которые могли нашиваться на одежду (Кузьмина О., 2001, с. 154; 2002, с. 162), выглядит неубедительными. Слишком различны типы изделий, сырье и схемы расположения в костюме. Неудивительно, что полные соответствия богатому средневолжскому абашевскому шитью мы находим в синхронных культурах карпато-дунайского региона и южной части Центральной Европы, в частности, унетицкой, нитрянской, Мурeш (Girić, 1971, t. XIX, XX, XXVI, XXVII, XLII, XLVI, LI, LIV, LVI, Ondrãček, Šebela, 1985, obr. 90; Matuschik, 1996, abb. 9: 1; Neugabauer C., Neugabauer J.-W., 1997, abb. 16: 1).

Здесь можно наблюдать полное совпадение типов металлических украшений и их сочетаний в костюмах (илл. 210). Это касается спиральных пронизей, скорлупковидных бляшек с двумя отверстиями и очковидных подвесок (илл. 210, *1–6, 8–11*). Дело не только в том, что мы имеем синхронные, однотипные украшения и их идентичные сочетания в гарнитуре на столь отдаленных территориях. Особенно важным представляется то, что речь идет фактически о единой системе костюма в Среднем Поволжье и южной части Центральной Европы с примыкающем к ней карпато-дунайским регионом. Костюм включал в себя головные ленты-очелья, представленные полосками ткани или кожи с многочисленными мелкими нашивными украшениями. Причем, они имеют близкие композиции с явно выраженной зональностью (илл. 210, *1, 8*). Эти ленты в большинстве случаев были довольно длинными и, по сути, представляли собой своеобразные палантины,

подобно тому, как это показано на реконструкции О.В. Кузьминой (2002, рис. 5). Они могли окутывать верхнюю часть тела, включая голову (илл. 210, *2, 5, 8, 9*), покрывать только голову, спускаясь длинной лентой вдоль спины (илл. 210, *3, 6, 10, 11*), либо окутывать шею (илл. 210, *7, 12*)[50], как нередко женщины и сейчас носят современные палантины. Этот костюм в обоих регионах нередко дополнялся наручными браслетами (илл. 210, *5–7, 8, 9*).

Сходство европейского женского костюма и средневолжского абашевского носит не только структурный характер, но и совпадает в целом ряде деталей. Такие соответствия невозможно объяснить конвергентными процессами, особенно с учетом того, что в традиционных культурах именно гарнитур украшений служит хорошо познаваемым этнографическом индикатором. В эпоху бронзы сложно себе представить, что на столь далекие расстояния костюм путешествовал бы без его носителей (илл. 211).

Отдельный интерес представляет анализ состава металла на медной основе СВАК в отношении групп Cu/Cu* и Cu+As. Выше уже было показано, что сравнение по этим признакам данных культурного круга Лола, культурного круга Бабино и культур позднего энеолита – ранней бронзы Центральной Европы и карпато-дунайского региона демонстрирует достаточно четкие закономерности (илл. 187). С учетом того, что мы говорим о центральноевропейском облике Средневолжского Абашева, то сравнение состава металла на медной основе на этих территориях становится особенно актуальным. Для СВАК известно около 80 определений (Черных 1970, с. 27, 28, табл. VIII; Дегтярева, Кузьминых, 2022, с. 161). Как и следовало ожидать, соотношение групп Cu/Cu* и Cu+As у Средневолжского Абашева чрезвычайно близки, если не сказать, что тождественны центральноевропейским и карпато-дунайским данным (илл. 187, *3, 4*). Из всех абашевских культур (СВАК, ЮУАК и ДВАК), да и не только абашевских, в эпоху ПКБ (2200–1800 CalBC) именно состав металла на медной основе

[50] В погребении из мог. Алгаши палантин был явно положен на лицо умершей (илл. 210, *7*).

Среднего Поволжья демонстрирует европейские показатели с доминированием «чистой» меди до 80% (илл. 187, *3*) (Дегтярева, Кузьминых, 2022, с. 161, 162). Нет смысла обсуждать очевидный факт, что рудные источники металла для Европы и средневолжского региона были разные, но при этом в обоих ареалах представлены общие черты в сплавах на медной основе, которые хорошо прослеживаются по пропорциональному соотношению групп Cu/Cu* и Cu+As. Вполне возможно, что и этот факт следует рассматривать в контексте трансляции целого ряда центральноевропейских и карпато-дунайских стандартов в Среднее Поволжье.

В материалах СВАК присутствует еще одно показательное изделие с точки зрения европейского импульса в сложении культуры. Речь идет о поясной костяной пряжке из комплекса Алгаши 1/1. Она относится к кольцевидно-узкопланочному типу, отверстия для крепления глухого и свободного концов ремня находятся в одной плоскости (илл. 209, *23*). Изделия близкого типа представлены в раннебронзовых культурах Центральной Европы. Серия таких предметов известна и в ККК (рис. 209, *24*, 211) (Sangmeister, 1984, abb. 8: 4, 5; Puttkammer, 1994, taf. 15: 12; Hecker, 1995; Schmidt, 1995; Case, 2001, fig. 4: 19; Bátora, Marková, Vladár, 2003, abb. 4: 3, 6; Zimmerman, 2007, abb. 59: 1; Großmann, 2016, abb. 8.34). Пряжка из Алгашей, видимо, имеет три отверстия, два из которых предназначены для крепления глухого конца пояса (илл, 209, *23*). Изделие также с двумя отверстиями, через которые крепился наглухо ремень только с несколько другой системой их расположения, известно в комплексе ККК Богемии (илл. 209, *24*) (Hecker, 1995).

Констатация миграции социумов из карпато-дунайского региона и Центральной Европы в Восточную, в частности, в Среднее Поволжье, должно иметь и хронологическое обоснование. Во-первых, необходимо показать, что существование ККК и раннебронзовых культур Bz A1 стыкуется по времени со СВАК, а, во-вторых, что их хронологическое соотношение однозначно указывает на вектор миграции. Действительно, почти невозможно, но чисто

теоретически можно предположить, что направленность передвижения населения могла быть обратной, например, со Средней Волги в Центральную Европу.

Анализ имеющихся данных по относительной и радиоуглеродной хронологиям культур рассматриваемых регионов не оставляет сомнения в отношении определения исходного ареала широтной миграции в конце III тыс. до н.э. в европейской части Старого Света. На шкале относительной хронологии СВАК занимает нишу финала средней бронзы, что соответствует фазам ПКБ I и II восточноевропейской хронологии в пределах 2200–2000/1900 CalBC (илл. 169) (Мимоход, 2021, илл. 13; Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022, с. 21). Диапазон существования ККК значительно шире. По центральноевропейской хронологии она датируется эпохой энеолита. Ранний бронзовый век здесь начинается с 2200–2150 CalBC (Gerloff, 2007, tabl. 13.1; Heyd, 2007, fig. 5; Stockhammer, Massy, Knipper, Friedrich, Kromer, Lindauer, Rabosavljević, Wittenborn, Krause, 2015, p. 1, 18, fig. 7). Нижняя граница ККК в разных регионах устанавливается по-разному. В Центральной Европа и карпато-дунайском регионе она определяется в пределах 2500–2400 CalBC (Neubert, 1994, abb. 1; Gross-Klee, 1999, abb. 17; Müller, Willigen, 2001, fig. 13; Heyd, 2007, p. 334; Maran, 2007, tabl. V; Демченко, 2009, с. 11; Budziszewski, Włodorczak, 2010, ryc. 39; Strahm, 2014, abb. 4; Großmann, 2016, abb. 5.28, 5.29; Horváth, 2017, p. 75, 76), иногда с удревнением до 2600 CalBC (Kienlin, 2008, fig. 14; Müller, Hinz, Ulrich, 2015, p. 57, fig. 6.5; Heyd, 2016, p. 81). Верхняя граница определяется возникновением локальных культур раннего бронзового века – 2200–2150 CalBC (Gerloff, 2007, tabl. 13.1; Heyd, 2007, fig. 5; Stockhammer, Massy, Knipper, Friedrich, Kromer, Lindauer, Rabosavljević, Wittenborn, Krause, 2015, p. 1, fig. 7; Schwarz, 2016). Однако целый ряд данных свидетельствует, что время существования позднейших центральноевропейских и карпато-дунайских памятников ККК приходится и на период Bz A1, т.е. финальные древности этой культуры датируются позже 2200 CalBC. Они заходят в ранний бронзовый век на 100–150 лет и частично

синхронны культурам раннего бронзового века (илл. 170) (Gross-Klee, 1999, abb. 17; Müller, Willigen, 2001, fig. 13; Vander Linden, 2006, p. 13; Budziszewski, Włodorczak, 2010, ryc. 39; Czebreszuk, Szmyt, 2012, fig. 12; Говедарица, 2013, с. 102; Strahm, 2014, abb. 4; Müller, Hinz, Ulrich, 2015, p. 63, fig. 6.5; Stockhammer, Massy, Knipper, Friedrich, Kromer, Lindauer, Rabosavljević, Wittenborn, Krause, 2015, p. 2; Schwarz, 2015, s. 671; Großmann, 2016, abb. 5.28, 5.29; Horváth, 2017, p. 74; Grigoryev, 2019, tabl. 1; Nahrendorf, 2018, tab. 8; Strabm_2019, fig. 9.1). Иными словами, финальная фаза ККК Центральной Европы синхронна части диапазона СВАК (илл. 170).

Хорошо это подтверждает и сопоставление данных ^{14}C этих культур. Мною учтено 19 дат СВАК (табл. 6.11) и 135 датировок ККК (табл. 6.16). Подавляющее большинство в обеих сериях составляют AMS-даты, что существенно повышает точность выборок. Сравнение результатов суммирования обеих культур показывает, что, в целом ККК в Центральной Европе древнее СВАК (илл. 212). Диапазон последней располагается в пределах 2140–1870 CalBC, в то время как интервал существования носителей колоколовидных традиций укладывается в 2480–2050 CalBC (илл. 212). Такое хронологическое соотношение не вызывает сомнений в отношении исходного ареала миграции, который находился в Центральной Европе и карпато-дунайском регионе, и ее направленности. Следует обратить внимание на то, что ККК и СВАК не только стыкуются во времени, но имеют отрезок синхронного существования в пределах 2140–2050 CalBC (илл. 212), что хорошо укладывается в обсуждаемый сценарий европейской миграции в Среднее Поволжье.

Как было показано, помимо социумов ККК в нее были вовлечены и группы раннебронзовых культур, в частности, унетицкой, нитрянской, Муреш. Для хронологического обоснования этого утверждения достаточно сравнить серии ^{14}C данных СВАК и культур унетицкого круга (унетицкая, Адлерберг, Зинген, Страубинг, Унтервоблинг), которые сейчас для периода Bz A обладают наибольшим количеством данных. Учтено 132 даыт

(табл. 6.15). Сравнение результатов суммирования дат СВАК и культурных групп унетицкого круга показывает, что эти два феномена являются полностью синхронными (илл. 179), а потому нет никаких противоречий хронологического порядка для констатации участия носителей культур периода Bz A1 в культурогенезе Средневолжского Абашева. Необходимо также обратить внимание, что протоунетицкий или переходный период от энеолита к раннему бронзовому веку, когда стали закладываться основные стандарты локальных культур последующей эпохи в Центральной Европе, датируется предшествующим этапом по сравнению со СВАК (Peška, 2005, obr. 19; Enrée, 2012, s. 481, 482), так называемым периодом «Reinecke A0» (Heyd, 2007, p. 334; Fischl, Kiss, Kulcsár, Szeverényi, 2015, fig. 1a), который следует датировать 2300–2200 CalBC.

При всех изложенных аргументах, учитывающих целый комплекс сходства взаимосвязанных структурных компонентов обрядово-инвентарного комплекса центрально-европейских и карпато-дунайских культурных образований со СВАК, остается еще одна тема, которая требует отдельного комментария. Действительно, ареал средневолжских абашевских древностей достаточно удален от основного ареала ККК. От восточных рубежей последней на территории Польши, Словакии и Венгрии до ареала СВАК будет насчитываться порядка 2500 км, т.е. в случае с возникновением Средневолжского Абашева мы имеем дело с **дальнедистанционной миграцией** (илл. 205, 211). Расстояние большое, но и передвижения населения на столь значительные расстояния в первобытные и исторические эпохи не новость. Однако в случае со СВАК и ККК этот вопрос приобретает особую актуальность. Действительно, Средневолжское Абашево имеет очень ограниченную территорию (илл. 205). Пожалуй, сложно найти еще одну культуру бронзового века в Восточной Европе с таким в определенном смысле мизерным ареалом. Предшествующая фатьяновская культура, которую некоторые исследователи рассматривают в качестве основного генетического субстрата СВАК, имела большую территорию от верховий Волги и Поочья до

Камы и Самарского Заволжья, и непонятным остается, почему только в крайне ограниченном регионе Среднего Поволжья на основе фатьяновских древностей возникла такая самобытная и яркая абашевская культура. Ответ на этот вопрос, как и на многие другие, кроется в ККК. Дело в том, что эта культура, которая охватывает расстояние от Марокко и Португалии до Польши, не имеет единой территории. Одна из главных составляющих феномена ККК – это дискретность ее ареала, т.е. общей территории с границами по периметру, как это обычно бывает, культура не имеет (илл. 205). Она представлена отдельными локусами, иногда значительными, а порою и меньшими, чем территория СВАК (Harrison, 1980, p. 11 12, 42, 43, fig. 1, 28; Czebreszuk, 2003, fig. 1; Makarowicz, 2003, fig. 12; Демченко, 2009, с. 15, рис. 5; Heyd, 2001, fig. 1; 2007, fig. 2; 2016, abb. 1; Kopasz, Přichystal, Šebela, 2009, map. 1; Risch, Meller, Arz, Jung, 2015, abb.2; Horváth, 2017, p. 72, fig. 1; Gibson, 2019, fig. 0.1). Эта разреженность имманентно присуща ККК и связана с повышенной мобильностью ее носителей, которая достигает своего пика в период 2300/2200 CalBC (Schwarz, 2015, s. 671). Такая подвижность была обусловлена хозяйственной моделью – отгонным скотоводством, в котором важную роль играл мелкий рогатый скот (Heyd, 2007, p. 340, 341, 368). В этой связи появление абашевской культуры на Средней Волге, генетически связанной с колоколовидной традицией, уже не выглядит чем-то необычным. Этот процесс органически вписывается в систему расселения социумов ККК. К тому же расстояние от ареала Средневолжского Абашева до восточных локусов носителей колоколовидных традиций на четверть короче, чем от них до португальских и марокканских памятников (илл. 205). Кроме этого, на территории между ККК Польши, Словакии, Венгрии и СВАК известны отдельные памятники последней (илл. 205) (Евтюхова, 1961; Артеменко, Пронін, 1976; Крайнов, Уткин, 1991; Луньков, Энговатова, 2003; Кренке, 2014), часть из которых, с одной стороны, могла маркировать маршрут продвижения мигрантов на Среднюю Волгу, а, с другой, свидетельствовать в

пользу того, что, возможно, в силу недостаточной изученности этого ареала, пока еще не все абашевские культурные локусы выявлены.

В этом отношении принципиальное значение имеет хорошо известный факт, установленный в отношении круга абашевских культур, который, помимо СВАК включает производные от нее южноуральскую и доно-волжскую абашевские культуры, занимавших эпонимные регионы. Система локализации памятников этих культурных образований мало чем отличается от модели расселения носителей ККК. О.В. Кузьмина еще 30 лет назад четко обозначила этот феномен: «памятники абашевской культуры (имеется ввиду абашевских культур – *Р.М.*) так и не заняли единой территории, а продолжают располагаться изолированными друг от друга группами, что нельзя объяснить неизученностью промежуточных территорий» (1992, с. 3). Эту специфическую особенность для абашевского мира недавно она подчеркнула еще раз: «Особенностью абашевской культуры, вытекающей из ее истории, является не сплошное заселение какой-то территории, а расположение памятников группами. Эти группы находятся на значительном удалении друг от друга» (Кузьмина О., 2021, с. 444). «Вытекающей из ее истории» – как это верно, в контексте обсуждаемой миграции и генетической связи СВАК и ККК. Иными словами, абашевские культуры (средневолжская, южноуральская и доно-волжская) не имеют единого ареала с общими границами по периметру, демонстрируя те же характерные особенности, что и система локусов носителей колоколовидных традиций в Европе и Северо-Западной Африке. Следует обратить пристальное внимание на то, что охарактеризованный феномен дискретной локализации абашевских культур в Восточной Европе в бронзовом веке больше не имеет аналогов. Все общности/культурные блоки/культурные круги (ямная, катакомбная, срубная, фатьяновско-балановская, посткатакомбная и т.д.) в указанную эпоху имеют общую территорию и замкнутые границы по периметру. Ареалы их составляющих последовательно стыкуются друг с другом, изолированные и не имеющие общих границ локусы здесь отсутствуют. На этом фоне особенности

распространения культур абашевского мира выглядят явно нехарактерными для восточноевропейского бронзового века, зато хорошо соответствуют дискретной территориальной системе ККК (илл. 205).

Таким образом, формирование СВАК было обусловлено миграцией центральноевропейских групп ККК и локальных культур периода Bz A1 карпато-дунайского региона в Восточную Европу. Она, скорее всего, проходила по южной части лесной зоны и в пограничье с лесостепью (илл. 205). При этом не стоит недооценивать местный компонент в сложении культуры, связанный с фатьяновско-балановскими древностями. Генезис ККК в Европе также был связан с местной основой (Heyd, 2007a, p. 92–95; Демченко, 2009, с. 11). Однако подстилающий субстрат в Среднем Поволжье был второстепенным в сложении СВАК, прямой генетической преемственности здесь не было. Основным катализатором глобальной культурной трансформации в регионе стал европейский миграционный импульс. О.В. Кузьмина, не соглашаясь с этим, отмечает: «Сама абашевская культура не может рассматриваться как еще один импульс из Центральной Европы. Этому препятствует ее вторая составляющая – местный, восточноевропейский компонент» (2021, с. 467). Непонятно, почему наличие местной составляющей в генезисе СВАК противоречит наличию европейского импульса. Наоборот, это как раз стандартная ситуация, когда появление мигрантов в регионе приводит к кардинальной трансформации культурной ситуации, которая обусловлена взаимодействием пришлого и местного населения. В случае со СВАК европейские группы оказались «законодателями мод» в обрядово-инвентарном комплексе, что не исключает участие в сложении этой культуры местного фатьяновско-балановского населения, о чем неоднократно писала О.В. Кузьмина.

О том, что Средневолжское Абашево является продуктом взаимодействия пришлого и местного населения, где первый компонент фиксируется значительно четче, чем второй, свидетельствует еще одно очень важное наблюдение. В свете всего вышесказанного, я бы, не задумываясь,

назвал СВАК средневолжским вариантом ККК, если бы не одно серьезное обстоятельство. СВАК не имеет двух важнейших манифестов, которые являются визитной карточкой памятников колоколовидных кубков. В средневолжском абашевском погребальном обряде отсутствует выраженная гендерная дихотомия, представленная в ККК, когда мужчин укладывали головой на север на левом боку, а женщин – на правом головой на юг (илл. 195, *3–6*) (Wiermann, 1998, p. 131, fig. 5; Müller, 2001a; Turek, Černý, 2001; Turek, 2006б, p. 63; Włodorczak, 2010, tab. 6; Mikołajczak, Szczodrows, 2012, p. 183; Makarowicz, 2015, p. 17–21; Massy, Knipper, Mittnik, Kraus, Pernicka, Wittenborn, Krause, Stockhammer, 2017, p. 242). Отсутствует в СВАК и второй манифест, который присущ не только ККК, но и раннебронзовым европейским культурам. Речь идет о защите запястья лучника – каменных брусков с перетяжками или отверстиями (см. главу 2) (илл. 38, *11–17*) (обзор см. (Мимоход, Усачук, Вербовский, 2021)). Отсутствие в СВАК этих культурообразующих для ККК элементов не позволяет рассматривать средневолжские абашевские древности в контексте европейских культур колоколовидной традиции, однако отрицать генетическую связь обоих культурных феноменов теперь представляется малоперспективным. Интересно другое. Как по-разному центральноевропейский и карпато-дунайский миграционный след проявляется в восточноевропейских культурах. Так, ДДБК имеет выраженный местный посткатакомбный облик. Европейские черты в ней представлены не так ярко, как в Среднем Поволжье, но, тем не менее, в памятниках раннего Бабино присутствуют и гендерная дихотомия в обряде, и бруски для защиты запястья лучника. СВАК имеет все признаки классической европейской культуры в обряде и инвентаре, но этих двух манифестов колоколовидной традиции в ней нет. По всей видимости, эта отчасти парадоксальная ситуация объясняется тем, какие именно европейские группы принимали участие в культурогенезе днепро-донского междуречья и Среднего Поволжья, и насколько местное население оказывалось восприимчивым к тем или иным новациям.

В заключение следует отметить, что европейский миграционный импульс, который привел к формированию культурного круга Бабино и Средневолжского Абашева, для Восточной Европы был вторым. Первый отчетливо прослеживается по материалам фатьяновской культуры, которая, по сути, является восточной периферией европейского шнурового мира, на что в литературе не раз обращалось внимание. Продвижение мигрантов в период 2200 CalBC так далеко на восток в средневолжский регион имеет простое объяснение. Дело в том, что миграция проходила по южной части лесной зоны и в пограничье с лесостепью по территории родственной культурной шнуровой, а, скорее всего, и языковой среды, которая была сформирована первым миграционным импульсом из Европы. В этом отношении показательным является то, что продвижение европейского населения второй волны на восток закончилось как раз на Средней Волге, т.е. там, где и заканчивалось родственное культурное пространство. Фатьяновскую культуру образно назвали «забытым ребенком широкой шнуровой семьи» (Nordqvist, Heyd, 2020), хотя точнее и Фатьяново, и Средневолжское Абашево называть «сбежавшими детьми» в последнем случае из семейства носителей колоколовидных традиций.

Завершая характеристику миграций в Восточную Европу, следует все-таки еще раз обратиться к краниологическим данным с прямыми цитатами из работ антропологов. Это необходимо для того, чтобы стало понятно, насколько кардинально изменились краниологические характеристики населения катакомбного и посткатакомбного времени в конце III тыс. до н.э. Речь сейчас будет идти не о конкретных культурных контекстах (о них см. выше), а об обобщениях по рассматриваемой проблеме, которые сделали наши коллеги-антропологи[51].

15 лет назад А.А. Хохлов пришел к основополагающему выводу: «…следует признать, что носители бабинской, лолинской, криволукской

[51] В цитатах будут пропущены конкретные специфические краниологические характеристики, их при необходимости можно посмотреть по ссылкам. Для нас, археологов, важны конечные выводы.

(ныне ВДБК – *Р.М*) культурных традиций, будучи в определенной степени гетерогенными группами, не были генетически тесно связанными с основным антропологическим субстратом катакомбного населения… Носители «посткатакомбных» культурных традиций имеют абсолютно противоположный комплекс черт… Полученные результаты могут также означать, что в восточноевропейской степи в переходный период от средней к поздней бронзы общий процесс расогенеза шел асинхронно процессу культурогенеза. То есть, наблюдаемая с археологической стороны автохтонная трансформация локальной катакомбной культуры в культуру посткатакомбного времени не обязательно сопровождается антропологической преемственностью их носителей» (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 62). Этот вывод тогда был сделан на основе анализа краниологических серий в соответствии с выделенными новыми культурными контекстами посткатакомбного периода. Очевидно, что влиять на результаты анализа я никак не мог, хотя полигон для их отработки был подготовлен, конечно, с моим участием.

Хочется пояснить, насколько А.А. Хохлов своим методом уловил суть явления. Действительно, краниологические данные показывают крайне низкую степень преемственности между катакомбными и посткатакомбными популяциями, но при этом в инвентарно-обрядовом комплексе мы видим даже не устойчивую, а прямую связь между ними, отсюда и термин «посткатакомбный», подразумевающий не только «после», но и генетическое родство (Мимоход, 2005; 2013, с. 18).

Этот важный вывод нашел плодотворное развитие и даже по-новому, более контрастно, зазвучал в работах А.А. Казарницкого. Он пишет: «Сравнение серий эпохи средней бронзы (преимущественно катакомбных культур) с посткатакомбными позволяет предполагать иную модель взаимодействия более ранних и более поздних популяций. Диапазоны краниологической изменчивости населения средней бронзы и жителей финального этапа той же эпохи и тех же самых территорий не пересекаются,

преемственность краниологического комплекса признаков почти отсутствует. Вряд ли это означает полное исчезновение субстратных групп, но их долю среди носителей новых погребальных (посткатакомбных) традиций следует признать наименьшей за всю эпоху бронзы» (Казарницкий, 2020, с. 282)[52]. И можно обратиться к еще одной уже упоминавшейся выше цитате исследователя: «При значительных различиях между посткатакомбными выборками… все они в целом отличаются от степного населения предшествующих эпох... Различия между суммарными катакомбной и посткатакомбной сериями по перечисленным краниометрическим признакам достигают высокого уровня статистической значимости... По-видимому, в этот период участие субстратных коллективов в формировании популяций новой исторической эпохи (посткатакомбной – *Р.М.*) можно признать минимальной для всего бронзового века» (Казарницкий, 2021, с. 132). Что еще нужно на данный момент, оставив археологические данные в стороне, для того чтобы признать наличие достаточно масштабных миграций, которые кардинально изменили культурную ситуацию в Восточной Европе в период 2200 Cal BC?

3.4. Палеоклимат и миграции в контексте причинно-следственной связи

Теперь об этом периоде – 2200 CalBC, он же «4.2 ka BP climatic event».

Кавказская и европейская миграции в Восточную Европу, которые привели к сложению культурного круга Бабино и культурного круга Лола, а также к формированию СВАК (илл. 213), в хронологическом отношении в рамках первобытности имели точечный характер. Они происходили в достаточно узкий хронологический интервал, который соответствовал фазе ПКБ I по восточноевропейской хронологии, начальная точка которого располагается в пределах отрезка 2200 CalBC. Как было показано выше, это время формирования блока посткатакомбных культурных образований и

[52] В этой же работе данная идея выражена лаконично в резюме: «Изменения в составе степного (посткатакомбного) населения финального этапа эпохи средней бронзы признаны наиболее масштабными за всю эпоху бронзы» (Казарницкий, 2020, с. 275).

Средневолжского Абашева. Данные процессы происходили синхронно, чему, кроме сравнительно-типологических и стратиграфических сопоставлений, есть и серии радиоуглеродных дат (см. главу 6).

Очевидно, что столь кардинальное переоформление культурной ситуации в Восточной Европе в ограниченном временном интервале не могло иметь случайный характер. Оно было вызвано общими причинами глобального характера. Для древних обществ таковыми выступали масштабные климатические изменения. В эпоху бронзы военные конфликты, экспансии (см. ниже) и т.д., в той или иной мере от них зависели. Климат оказывал фатальное влияние не на существование человека как биологического вида, т.к. он имеет поразительные адаптивные механизмы и способен выживать от Арктики до глубоких пустынь. Климатические флуктуации, в первую очередь, сказывались на хозяйственных моделях. Их деградация или кардинальное переоформление под воздействием новых природных реалий меняло и историческую картину.

Миграция из центральноевропейского и карпато-дунайского регионов в Восточную Европу, которая стимулировала возникновение не только культурного круга Бабино, но и СВАК (илл. 213) приходится на период глобальной резкой аридизации 2200 CalBC, получившие широкую известность как «4.2 ka BP climatic event»[53] (Weiss, 2016). В это же время перемещение населения с Северо-восточного Кавказа привела к формированию культурного круга Лола (илл. 213). Все эти события были обусловлены резкими климатическими изменениями, в той или иной мере затронувшими все регионы Евразии.

Как известно, конец III тыс. до н.э. – начало II тыс. до н.э. известен как период сильных климатических изменений, чаще всего связанных с похолоданием и засухой (Mayewski et al., 2004), в той или иной мере

[53] Иногда встречается более красноречивые формулировки «4.2 ka BP aridification event» или «4.2 ka BP extrem event» (deMenocal, 2001, p. 667–673; Carozza, Berger, Burens, Marcigny, 2015, p. 335; Weinelt, Schwab, Kneisel, Hinz, 2015, p. 462; Ran, Chen, 2019, pp. 158–167).

отмеченых по всему северному полушарию, в северной Америке (Carter et al., 2018), Средиземноморье (Bini, Zanchetta, Perşoiu, Cartier, Català, Cacho, Dean, Di Rita, Drysdale, Finnè, Isola, Jalali, Lirer, Magri, Masi, Marks, Mercuri, Peyron, Sadori, Sicre, Welc, Zielhofer, Brisset, 2019) и Восточной Азии (Liu, Feng, 2019).

Аридизация и засуха фиксируется по данным Ближнего Востока, где, в частности, наступает коллапс Аккадской цивилизации (Höflmayer, 1997, p. 16–18; Weiss, 2015; 2017; и др.). В это же время фиксируется упадок государственных и поселенческих структур в Египте, связанные с резким падением уровня разливов Нила (Butzer, 1997; Hassan, 1997). Это конец Древнего Царства и первый переходный период, которые для египетской истории образно называют первым периодом «Dark Ages» (Bell, 1971; Höflmayer, 1997, p. 3; Adams, 2017, p. 493). В Северо-восточной Сирии, Верхней Месопотамии и Анатолии этот феномен также связан с падением уровней разливов рек и изменившимися морскими циклами, которые прямо влияли на состояние дельт, обеспечивавших необходимую адаптивную систему земледельческого населения регионов, на периферии происходит номадизация отдельных регионов (Hole, 1997; Wilkinson, 1997; Fairbridge, Erol, Karaca, Yilmaz, 1997; Rosen, 1997; Massa, Şahoğlu, 2015; Burke, 2017). Впрочем, в условиях государственности этот кризис не всегда воздействовал так болезненно на земледельческую модель хозяйственности (Garsia, 2015), как для скотоводческих обществ эпохи поздней первобытности. Конец III тыс. до н.э. (EBA IVB по региональной хронологии) – это и время кардинальных перемен в обществах Центрального и Южного Леванта, которые резко проходят путь от урбанистической модели к неурбанистической, т.е. крупные хорошо укрепленные городские центры приходят в упадок, не всегда, но в ярко выраженной тенденции, и на смену им наступает более дробная система расселения с деградацией фортификационных систем, увеличившейся мобильностью населения и пастушеской моделью скотоводства. В этой ситуации важную роль играли и политические события, но палеоэкологический кризис является одним из ключевых элементов системы

аргументации столь кардинальных социально-экономических и культурных изменений в указанном регионе (Höflmayer, 2017; Greenberg, 2017; Schloen, 2017; Genz, 2017; Schwartz, 2017). Хорошо известный разрыв культурных традиций между Троей III и Троей IV, свидетельствующий об упадке, также связывается с кризисными явлениями аридизации периода «4.2 ka BP climatic event» (Blum, Riehl, 2015, p. 187; Weninger, Easton, 2017). В период 2200 CalBC кризисные явления фиксируются и на Кикладах, которые называют в культурной преемственности «разрывом Руттера» (Manning, 2017, p. 459). Здесь наблюдается лакуна в культурном развитии в 100–150 лет между фазами раннеэлладского периода EH IIIA и IIIB (Rutter, 1983, p. 71). Кардинальные кризисные явления в это же время происходят в Западном Средиземноморье, где в результате резко аридного климата заметно сокращается плотность населения и наблюдаются как серьезные социально-экономические сдвиги, так и резкие смены культурных ареалов (Lull, Micó, Herrada, Risch, 2015; Valera, 2015; Weinelt, Schwab, Kneisel, Hinz, 2015, p. 461, 462; Carozza, Berger, Burens, Marcigny, 2015).

Что касается европейской части Старого Света, где находится одна из исходных территорий миграции в сложении мозаики культур фазы ПКБ I (Центральная Европа и карпато-дунайский регион), то, конечно, несомненный интерес заслуживают события «4.2 ka BP climatic event», повлиявшие на культурные процессы именно в этом регионе. Здесь приходит в упадок общность культур колоколовидных кубков и формируются новые локальные культуры раннего бронзового века (Czebreszuk, Szmyt, 2015; Fischl, Kiss, Kulsár, Szeverényi, 2015)[54]. Однако и тут идут дискуссии о «коллапсе» или «преемственности», но тем не менее барьер 2200 CalBC при любом подходе, в том или ином виде, все равно существует, в виде окончания одной эпохи (позднего энеолита ККК) и наступления раннебронзового периода (Bz A0–A1) (Bertemes, Heyd, 2015).

[54] Этот же процесс хорошо фиксируется и в Западной Европе (Weinelt, Schwab, Kneisel, Hinz, 2015, p. 462).

Последствия палеокризиса, который получил еще одно название в литературе «Rapid Climatic Change», прослежены фактически во всех основных регионах Старого Света (Weiss, Courty, Wetterstorm, Guichard, Senior, Meadow, Curnow, 1993, p. 135–137; 99–1002; Wossink, 2009, p. 21, tabl. 2.3; Weiss, 1997; 2012; 2015; 2017; Мельник, 2009, с. 19–21; 2015, с. 64, 65). Он в той или иной мере отмечен по всему северному полушарию, в том числе в Северной Америке (Carter, Shinker, Preece, 2018) и Восточной и Юго-восточной Азии (Possehl, 1997; Liu, Feng, 2012). В разных частях Евразии изменения климата были неравнозначными: засуха фиксируется в нижних широтах, более прохладные и/или более влажные условия – в высоких широтах (Roland, 2012; Roland, Caseldine, Charman, Turney, Amesbury, 2014). При этом сам факт резкой трансформации климата в указанный период сейчас признается большинством исследователей (Geirsdóttir, Miller, Andrews, Harning, Anderson, Florian, Larsen, Thordarson, 2019; Pleskot, Apolinarska, Kołaczek, Suchora, Fojutowski, Joniak, Kotrys, Kramkowski, Słowiński, Woźniak, Lamentowicz, 2020). Этому феномену резкой аридизации «4.2 ka BP climatic event» в Европе и США посвящаются специальные конференции, последняя из которых, как мне известно, прошла в Германии, в г. Хаале в октябре 2014 г. (Third Millennium BC..., 1997; Sociétés humaines…, 2007; 2200 BC..., 2015; The Late Third…, 2017).

Палеоэкологический кризис 2200 CalBC по-разному отражался на развитии древних обществ в зависимости от целого комплекса сопутствующих факторов. Сейчас концепция Х. Вейза 1990-х гг. о том, что палеоэкологический кризис рассматриваемого периода напрямую ударил по всем регионам и вызвал если не упадок, то кардинальное переоформление культурных и социально-экономических моделей, претерпела серьезные изменения. Ситуация оказалась намного сложнее и многообразнее (Höflmayer, 2017a). Сейчас становится понятным, что климатические события 4.2 ka BP по-разному отразились на обществах поздней первобытности и ранней государственности в зависимости от целого спектра внешних и внутренних

причин, начиная от природно-географического положения (преимущественно, для первой) и заканчивая наличием собственных ресурсов преодоления неблагоприятных климатических ресурсов (главным образом, для второй). В последнем случае, можно наблюдать и дальнейший расцвет древних цивилизаций, как например, в случае третьей династией Ура (Dornauer, 2017), первого переходного периода от Древнего Царства к Среднему в Египте (Garsia, 2015)[55] или с Критом времени раннеминойского периода III и среднеминойского периода IA (Manning, 2017). Поэтому неудивительно, что сейчас следует осторожно относятся к таким терминам в палеоэкологических реконструкциях как «коллапс»/«крах» для древних обществ, подразумевая очень скоротечное течение событий, или «упадок», означающее то же, но с акцентом на некую протяженность, предпочитая им принцип «устойчивости» (resielence) (Riehl, 2017).

Восточная Европа – не исключение, и этот макрорегион представляет собой одну из составляющих частей общей мозаики глобального экологического катаклизма «4.2 ka BP climatic event», со своими особенностями как в отношении палеоэкологического стресса, имевшего в действительности место, так и в отношении широко употребляемого термина «кризис», в связи с этим периодом. Для этой территории он давно и хорошо проиллюстрирован на примере степной и пустынно-степной зон (Александровский, 1997, Демкин, 1997), правда, без увязки к уже тогда широко обсуждаемому в Европе ключевому периоду 2200 CalBC (Third Millennium BC..., 1997). Этому есть объективные причины. Узкие культурно-хронологические контексты для Восточной Европы тогда еще окончательно не были определены, не говоря уже о крайне остром на тот момент дефиците радиоуглеродных данных.

Тем не менее, российские исследователи фактически одновременно с европейскими коллегами, начиная со второй половины 90-х гг. прошлого века

[55] В этом отношении симптоматична заметная полярность взглядов исследователей на этот период в истории Древнего Египта прошлого и нынешнего века (см. выше).

констатируют факт резкой аридизации в степной зоне Восточной Европы, имевшей место в эпоху средней бронзы (Александровский, 1997, Демкин, 1997). В отечественной историографии палеоклиматический кризис, известный в Европе как «4.2 ka climatic event», получил свое образное название – «самая масштабная экологическая катастрофа за последние 6000 лет» (Дёмкин, Дёмкина, Алексеев, Алексеева, Борисов, 2001, с. 371; Борисов, Дёмкина, Дёмкин, 2006, с. 194; Дёмкин, Соловьева, Дёмкина, Борисов, 2006, с. 38, табл. 1; Дёмкин, Дёмкина, Хомутова, Журавлев, 2008, с. 344; Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009, с. 51; 2011, с. 151; Дёмкин, Дёмкина, Хомутова, 2009, с. 96; Дёмкин, Борисов, Дёмкина, Хомутова, Пампура, 2009, с. 183; Дёмкин, Борисов, Дёмкина, Хомутова, Удальцов, Каширская, 2010, с. 67). Эти выводы были сделаны на основе анализа, главным образом, подкурганных погребенных почв. Когда их удалось привязать к узким неплохо отработанным уже к концу нулевых годов нынешнего века хронологическим контекстам культурного круга Лола и культурного круга Бабино фаз ПКБ I и II (Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009; 2011; 2014; Борисов, Мимоход, 2010; 2011; 2016; 2017; 2017а), то стало понятно, что климатические события периода 4.2 ka BP в полной мере нашли отражение в археологических, а, соответственно, и исторических реалиях Восточной Европы (Мимоход, 2014г; 2018д; 2019; 2022; 2022а; Борисов, Мимоход, 2020; Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022).

Однако здесь, как и в случае с ближневосточными и европейскими материалами концепция Х. Вейза и его единомышленников, как уже отмечалось выше, работает, но только в модернизированном виде к конкретным природно-климатическим и социально-экономическим условиям древних обществ. Констатация наличия миграций подразумевает не только обоснование передвижения населения из одного локуса в другой, в независимости от факта дистанционности, но и выявления конкретных причин такой векторной мобильности. Чаще всего здесь и возникают проблемы. Археологические и краниологические материалы (видимо, в дальнейшем и

генетические, а, возможно, что и нет) при детальном анализе на своем уровне хорошо доказывают масштабные передвижения населения, но они никак не могут объяснить причины таких явлений. По всей видимости, ответы кроются в моделировании конкретных сценариев запуска миграционных процессов. Для рассматриваемого периода поздней первобытности фаз ПКБ в Восточной Европе сложно предположить, что такие достаточно глобальные перемены были связаны с политическими событиями, которые, например, легко меняли карты стран Плодородного Полумесяца. Они, конечно, зависели, от палеоклимата, но не стол фатально. Здесь на передний план выходили другие факторы ранней государственности, которые тоже не всегда могли противостоять маргинальным социумам, хозяйственная модель которых подверглась стрессу.

Для скотоводческих культур восточноевропейской степи-лесостепи конца средней бронзы пока нет иных альтернатив кроме сценария, подразумевающего то, что процессы как кавказской, так и европейской миграций были запущены конкретными региональными палеоэкологическими факторами феномена «4.2 ka BP climatic event», которые кардинально отразились на системах хозяйствования в исходных ареалах и поисках систем адаптации за их пределами.

Культурный круг Лола сформировался по *данным палеопочвоведния* на пике аридности в степи (Мимоход, 2013, с. 311–312). Для него известны анализы погребенных почв пяти курганов: четыре для лолинской культуры и один для невинномысской (илл. 214, 215, *3–7*) (Дёмкин, Дёмкина, Борисова, Шишлина, 2002, с. 343–352; Дёмкина, Борисов, Дёмкин, 2003, с. 655–669; Борисов, Дёмкина, Дёмкин, 2006, с. 95–136; Борисов, Ковда, Белинский, Ляхов, Дёмкин, 2008). Все комплексы относятся к фазе ПКБ I, т.е. ко времени становления блока, которое, как уже не раз отмечалось, приходится на период «4.2 ka BP climatic event». Общим для всех указанных палеопочв является их высокая засоленность и карбонатность. Соле- и карбонатонакопление – это естественный результат серьезного усиления аридизации и связанное с ним

перераспределение солей в профиле почвы при активизации восходящей миграции водорастворимых соединений и эоловом переносе солей с акватории соленых морей и озер (Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009, с. 50–52; 2011, с. 150–152).

Катакомбная эпоха в целом, и особенно ее поздний этап, характеризовались весьма аридными условиями, хорошо доказанными для многих природных районов по данным палеопочвоведения и палинологии (Спиридонова, 1991, с. 145-177; 1991а, с.54; Иванов И., Васильев, 1995, с. 147–153; Кременецкий, 1997, с. 43–44; Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998, с. 49–64; Дёмкин, 1999, с. 304; Гольева, 2000, табл. 1; Александровский, Белинский, Калмыков, Кореневский, Ван дер Плихт, 2001, с. 139; Александровский, 2003, с. 192; Александровский, Александровская, 2005, с. 124; Дёмкина, Борисов, Дёмкин, 2003, с. 665–669; Борисов, Ельцов, Шишлина, Дёмкина, Дёмкин, 2005, с. 146–147; Борисов, Дёмкина, Дёмкин, 2006, с. 153; Герасименко, 1997, с. 60; Дёмкин, 1997, с. 152; Дёмкин, Дёмкина, Борисова, Шишлина, 2002, с. 343–352; Дёмкин, Борисов, Дёмкина, Хомутова, Алексеев, 2006, с. 381; Хохлова, Хохлов, Гольева, 2006, с. 126; Спиридонова, Кореневский, 2007, с. 128; Дёмкин, Борисов, Дёмкина, Хомутова, Удальцов, Каширская, 2010, с. 67; Дёмкин, Борисов, Удальцов, Дёмкина, Хомутова, Каширская, Саламахин, 2010, с. 335; и др.). Однако палеопочвы катакомбного времени, в частности, ВМКК, несмотря на явные признаки аридизации, не демонстрируют таких засушливых условий как погребенные почвы посткатакомбного периода.

В свою очередь многочисленные примеры палеопочв следующего хронологического периода ПКБ III (начало поздней бронзы) несут в себе реликтовые признаки, свидетельствующие о том, что незадолго до их погребения произошла смена аридных условий почвообразования более гумидными. В частности, такие характеристики хорошо фиксируются по курганам покровского периода (Дёмкин, Дергачева, Борисов, Рысков, Олейник, 1998, с. 155–156; Дёмкин, Алексеева, Дёмкина, Алексеев, 2001,

с. 540–543; Дёмкин, Сергацков, Дёмкина, Борисов, 2004, с. 41–47; Александровский, Александровская, 2005, с. 124; Ельцов, Соловьева, Борисов, Дёмкин, 2006, с. 368; Дёмкин, Борисов, Дёмкина, Хомутова, Золотарева, Каширская, Удальцов, Ельцов, 2010, с. 25; и др.). Как более гумидные по сравнению с предшествующим аридным периодом оцениваются условия существования синташтинской культуры на Южном Урале и памятников потаповского типа в Самарском Поволжье (Иванов И., Плеханова, Чичагова, Чернянский, Манахов, 2001, с. 378; Дергачева, Васильева, 2006, с. 474, 475; Зданович Г., Батанина, 2007, с. 35; Зданович Г., 1997, с. 58; Зданович Г., Зданович Д., 2005, с. 117; Петров Ф., 2009, с. 26, 46).

В отношении климатического кризиса в восточноевропейской степи фазы ПКБ I, который установлен естественно-научными методами в связке с археологическими данными, важное значение имеют результаты двух палеопочв курганов культурного круга Бабино с территории Среднего Подонья и севера Нижнего Поволжья (илл. 214). Одна из насыпей относится к ВДБК (илл. 215, *1*), вторая – ДДБК (илл. 215, *2*). Важность этих двух памятников с точки зрения реконструкции палеоклимата Восточной Европы фаз ПКБ I и II (4.2 ka BP – 2200–2000 CalBC) заключается в том, что они датируются именно фазой ПКБ II, т.е. конечным пунктом аридизации, после которой наступают гумидные условия начала поздней бронзы (фаза ПКБ III). Их датировка хорошо обоснуется типами пряжек, обнаруженных в погребениях. Одна из них относится по классификации Р.А. Литвиненко к типу 2 (кольцевидное изделие с прямым сечение и бортиком вокруг отверстия (илл. 215, *1*), второе – к типу 2о (округлые изделия ровные в сечении с двумя разновеликими отверстиями и бортиком вокруг центрального) (илл. 215, *2*). Оба изделия маркируют фазу ПКБ II[56]. По ряду объективных, а, возможно, и субъективных причин, для культурного круга Бабино мы не имеем

[56] Если расположить их на более дробной, пятиступенчатой, хронологии, разработанной Р.А. Литвиненко для ДДБК, то пряжки из комплексов Линево 6/6 (илл. 215, *1*) и Филоновский курган п. 2 (илл. 215, *2*) займут место периодов IIА и IIБ, соответственно, т.е. место фазы ПКБ II, которая непротиворечиво аккумулирует данные всех посткатакомбных культурных образований.

палеопочвенных определений для почв культурного круга Бабино фазы ПКБ I[57]. Отчасти противоположная ситуация складывается с культурным кругом Лола только с той существенной разницей, что здесь мы имеем определения для лолинских древностей только начала становления посткатакомбного блока и пока нет аналитических исследований по последующим периодам, в частности, фазы ПКБ II, как в случае с ДДБК и ВДБК. При этом, в свете выше приведенных данных об основаниях синхронизации и общей периодизации всех составляющих блока посткатакомбных культурных образований в соответствии с тремя основными фазами (илл. 168), сравнение результатов имеющихся на сегодняшний день анализов, погребенных палеопочв культурного круга Лола фазы ПКБ I (илл. 215, *3–7*) и культурного круга Бабино фазы ПКБ II (илл. 215, *1, 2*), может заслуживать определённый интерес.

Погребенные подкурганные почвы фазы ПКБ I (илл. 215, *3–7*), т.е. времени 4.2 ka BP демонстрируют все ярко выраженные признаки периода «Rapid Climatic Change» со всеми морфологическими и химическими характеристиками древних горизонтов, которые были законсервированы самыми ранними посткатакомбными насыпями. Что касается бабинских палеопочвенных «текстов» более поздней фазы ПКБ II, имеющихся в нашем распоряжении (илл. 215, *1, 2*), то они демонстрируют уже другую, видоизменившуюся картину. Древние горизонты к. 6 мог. Линево и Филоновского кургана (Дёмкин, Ельцов, Якимов, Борисов, Дёмкина, 2006, с. 358; Борисов, Каширская, Юршенас, Хомутова, Мимоход, 2022) в профиле имеют значительные запасы карбонатов и гипса, которые свидетельствуют о том, что в их развитии имел место аридный период. При этом, биологические свойства почв, такие как микробная биомасса и эколого-трофическая

[57] Возможно, к фазе ПКБ I относится погребенная почва к. 1 мог. Таловый I в Подоноцовье. Это ареал ДДБК. К сожалению, основное погребение этого кургана было полностью уничтожено большой колонией землеройных животных. В соседнем к. 2 основное захоронение принадлежало ранней ДДБК (Мимоход, 2018в, илл. 123, *3*). Погребенная почва к. 1 по данным палеопочвоведения сформировались в крайне аридных условиях (Борисов, 2018, с. 100), которые соответствуют фазе ПКБ I.

структура почвенного микробного сообщества свидетельствуют о поступлении в почву больших объемов растительных остатков, что говорит об оптимизации природных условий. В качестве объяснения такого рода противоречия была предложена концепция изменения годового хода осадков, в соответствии с которой в конце III тыс. до н.э. имело место синхронное снижение доли зимних осадков и увеличение летней влагообеспеченности. Возможно, такая ситуация с погребенными почвами фазы ПКБ II в определенном смысле демонстрируют переходный характер от резкой аридизации фазы ПКБ I к гумидизации климата фазы ПКБ III. Все это хорошо иллюстрирует неразрывную связь ритмов культурогенеза и климатических флюктуаций в восточноевропейской степи-лесостепи. Признаки аридизации, может быть, не столь ярки как в начале периода «4.2 ka BP climatic event», но все равно заметны на его закате (2000 CalBC), особенно в сравнении с серьезной гумидизацией климата на фазе ПКБ III, когда формируются новые общества начала поздней бронзы и, как следствие, возникают конфликты (см. ниже) разных адаптационных моделей от хозяйственных до военных.

События «4.2 ka BP aridification event» и миграции в Восточную Европу, безусловно, находятся в причинно-следственной связи. Однако, в каждом конкретном случае необходимо реконструировать, как именно сказались климатические изменения на социумах в исходных ареалах и почему именно вектор их движения был направлен в сторону пункта конечного назначения.

В отношении кавказской миграции, если воспринимать процесс аридизации прямолинейно в ракурсе только серьезного усиления засушливости климата, то возникнет определенный парадокс. Люди уходили в пустынную степь Прикаспия с Северо-восточного Кавказа (илл. 213), т.е. туда, где в этот период весь комплекс признаков аридизации проявлялся наиболее отчетливо, при том, что население предкавказской степи продолжало оставаться на своих исконных территориях. При такой ситуации логично предположить, что резкое ухудшение климата пагубно сказалось на образе жизни и системе хозяйства, прежде всего, кавказских культур СБВ.

Непротиворечивая объяснительная модель для данного парадокса уже предложена (Борисов, Мимоход, 2010; 2011; 2016; 2017). Стало понятным, что проявление аридности в условиях континентального климата в значительной мере зависит от внутригодового хода осадков, и в первую очередь влагообеспеченности зимнего периода и условий снеготаяния. Для сухо- и пустынно-степной зоны именно условия этих двух периодов определяют количество продуктивной влаги, поступившей в почву, продуктивность фитоценозов и, в конечном итоге, морфологические и химические свойства почв.

По всей видимости, для жизни и хозяйствования древнего населения степной зоны характеристики именно холодного периода года являлись определяющими. Это ни в коей мере не умаляет важность неблагоприятных условий теплого времени года, так как экстремальные засухи и суховеи, пересыхание водных источников и т.д. могли приводить к весьма тяжелым последствиям для населения. Однако, уклад жизни и хозяйственная деятельность древних племен, обитавших в резко аридных условиях, были в большей мере адаптированы к негативным факторам летнего периода, а общий вектор развития общества был направлен на выработку механизмов выживания в неблагоприятной обстановке жаркого климата. Да и по степени фатальности последствий, скорее всего, экстремально снежная и холодная зима несла с собой гораздо бóльшую угрозу обществу, чем экстремально жаркое и сухое лето.

Сравнение характеристик слитых почв второй половины III тыс. до н.э., исследованных в ареале распространения культурного круга Лола, с современными почвами Центрального Предкавказья и юго-востока Русской равнины, показало, что первые значительно ближе к последним, а те, в свою очередь, развиваются в условиях менее контрастного внутригодового хода осадков, когда сумма осадков холодного периода близка к значениям влагообеспеченности теплого времени года, или даже превосходит их. На основании этих наблюдений было высказано предположение о том, что в

Центральном Предкавказье вторая половина III тыс. до н.э. сопровождалась увеличением доли осадков, выпадающих в холодный период года на фоне общих аридных палеоэкологических условий (Борисов, Ковда, Белинский, Ляхов, Демкин, 2008). Данная реконструкция природных событий в определенной мере применима и для горных регионов.

Важно отметить, что само по себе увеличение влагообеспеченности холодного периода года не представляло опасности для древнего населения Северного Кавказа, если не сопровождалось уменьшением зимних температур. В свете установления реальной причины миграции, приведшей к формированию культурного круга Лола, несомненный интерес представляет сравнение условий холодного периода года Северного Кавказа и Ергенинской возвышенности. Для этого был проведен анализ многолетних метеорологических данных по городам Грозный и Элиста с целью выявления различий в климатических условиях холодного периода года соответствующих регионов (Борисов, Мимоход, 2010). Оказалось, что в степной зоне понижение температуры в зимний период сопровождается уменьшением количества осадков, а на Северном Кавказе подобная закономерность не выявляется. Здесь с интервалом 15–17 лет наблюдается ситуация, когда увеличение осадков в зимний период сопровождается понижением температур. Последствия такого сценария развития событий будут проявляться в увеличении высоты и времени существования снежного покрова. Выявленная тенденция связанна с существованием мощного зимнего антициклона над Прикаспийской низменностью, в то время как климат Кавказа в меньшей степени контролируется сибирским антициклоном и здесь большую роль играют средиземноморские и атлантические циклоны. Есть все основания предполагать, что аналогичные условия существовали и в эпоху средней бронзы.

На основании данных наблюдений можно сделать следующие предварительные выводы. На пике климатических трансформаций «4.2 ka BP climatic event» в финале средней бронзы на Северо-восточном Кавказе

происходило резкое иссушение в течение летнего периода и усиление суровости и снежности зимнего периода года. При комплексном ведении хозяйства (земледелие со скотоводством) в таких ситуациях население спускается в предгорья и равнины, не изменяя, в широком плане, географическую среду обитания. Но если достаточно крупные коллективы людей уходят в глубокую степь, то можно предполагать, что к этому времени в обществе уже изменился хозяйственный уклад, и возросла доля животноводства. Летние засухи в этом случае не критичны, так как в летний период года стада перегонялись на высокогорные субальпийские луга со стабильно высокой продуктивностью пастбищ. Но усиление суровости зим и мощный снеговой покров в предгорной зоне, где осуществлялся зимний выпас, приводили к тому, что содержание скота в холодный период года становилось невозможным.

Вероятно, к пику аридизации на Северо-восточном Кавказе уже существовали отдельные коллективы, среди которых наметился отход от комплексного ведения хозяйства в сторону преимущественного животноводства. По всей видимости, их наличие могло быть обусловлено тесными связями со степным скотоводческим населением, которые отчетливо фиксируются в культурах СБВ Северо-восточного Кавказа, особенно, присулакской и гинчинской, где, помимо прочего, известен и курганный обряд захоронения (Гаджиев М.Г., 1974, с. 15, 16; 1987, с. 70, 71; 2000, с. 69, 70; Магомедов Р., 1987, с. 30; Магомедов Р., Хангишиев, 1988, с. 11; Атаев, 2008, с. 14, 15). Вследствие этого в недрах комплексного хозяйства, характерного, в целом, для Кавказа, периодически возникали новации, основанные на общении с соседним пастушеским миром степи, которые выражались в появлении конкретных групп с выраженной скотоводческой направленностью хозяйства. Именно эти коллективы в большей мере пострадали от указанных выше природных изменений, создавших серьезные проблемы для содержания скота, т.к. стал ощущаться резкий недостаток зимних пастбищ, чреватый потерей стада – основного источника существования. В такой ситуации часть

населения региона вынуждена была выйти в открытую прикаспийскую степь, где в условиях активизации зимнего антициклона и холодных малоснежных зим предпосылки для выпаса скота в это время года были более благоприятными. Как уже отмечалось, в новых условиях переоформляется не только материальная культура, но идеология и социальная структура.

В этой связи коснемся еще двух сюжетов, напрямую связанных со скотоводческой направленностью хозяйства носителей лолинской культуры. Показательна серьезная трансформация семантики такой социально и культурно значимой категории инвентаря как фигурные поясные пряжки (см. главу 3). В лолинской культуре их морфология приобретает ярко выраженную мужскую символику, да и встречаются они исключительно в захоронениях взрослых мужчин, в отличие от Кавказа, где фигурные пряжки известны в женских и детских погребениях (см. главу 3). Такой явно повышенный статус мужчины-лидера характерен именно для скотоводческих подвижных коллективов. Его роль особенно возрастает во время проникновения на чужие территории, где пришлые группы вступают в контакт с местными, взаимоотношения с которыми могут иметь разносторонний характер: от добрососедских до военной конфронтации (см. ниже). В подобных условиях необходимо строгое централизованное управление, которое осуществляется исключительно мужчинами-патриархами.

Второй любопытный момент, связанный с идеологической сферой – явно повышенный семиотический статус, который приобретают кости мелкого рогатого скота в захоронениях на востоке посткатакомбного мира. Погребенные зачастую сопровождаются костями МРС. Кости крупного рогатого скота, которые нередко встречаются в комплексах ВМКК, в культурном круге Лола фактически неизвестны. Очевидно, что эта ситуация отражает изменение в посткатакомбный период состава стада. Здесь начинает полностью доминировать мелкий рогатый скот, способный передвигаться на большие расстояния. Овцеводческая система хозяйствования оказалась тем оптимальным адаптивным механизмом, который позволил в условиях

экологического кризиса 4.2 ka BP и обусловленной им кавказской миграцией, создать устойчивую экономическую модель. Последняя и обеспечила стабильное существование культурного круга Лола на протяжении почти пятисот лет. Как следствие, главенствующая роль овцы в скотоводческом хозяйстве посткатакомбных культурных образований Предкавказья и Волго-Уралья закрепляется в ритуале.

Таким образом, взаимодействие пришлых восточнокавказских групп с местными восточноманычскими коллективами, обусловленное резким изменением палеоэкологической обстановки и приведшее (по данным краниологии) к серьезному изменению состава населения предкавказских степей, раскрывает основные механизмы сложения культурного круга Лола. Скотоводческое хозяйство предкавказских посткатакомбных групп имело ярко выраженную специализацию по разведению мелкого рогатого скота, которая окончательно сложилась в условиях аридного климата.

Реконструкция конкретных механизмов, повлекших передвижение населения из Центральной Европы и карпато-дунайского региона в восточноевропейский регион, которое привело к становлению культурного круга Бабино и СВАК (илл. 213), сталкивается с объективными сложностями. Во-первых, развернутая аргументация на основе археологических данных наличия европейской миграции была предложена относительно недавно, и она пока серьезно не попала в фокус палеоэкологических исследований, в отличие от кавказской миграции и связанного с ней генезиса культурного круга Лола. Во-вторых, в случае с последним феноменом, как уже отмечалось, мы имеем дело с ближнедистанционной миграцией, т.е. исходный и конечный ареалы фактически смыкались (илл. 213). В такой ситуации, особенно, если это единое научное информационное пространство, как в случае с Предкавказьем и Северо-восточным Кавказом, возможностей для реконструкции конкретных сценариев миграций и их причин всегда больше. Когда мы имеем дело с европейской миграцией, среднедистанционной для культурного круга Бабино (илл. 213), а тем более, дальнедистанционной миграцией для СВАК (илл. 213),

сложностей возникает значительно больше. Дело даже не только в том, что есть определенные коммуникативные трудности в научном пространстве в силу национальных границ, исследовательских приоритетов и т.д., тем более в нынешних условиях, когда не всегда удается согласовать цели и задачи работы по конкретным программам. Основная сложность заключается в том, что в случае со средне- и дальнедистанционными миграциями мы имеем дело с территориальной разорванностью исходного и конечного ареалов (илл. 213), что серьезно усложняет реконструкцию конкретного сценария, который запустил эти процессы.

Точно понятно одно. Во всех типах миграции, независимо от степени «дистанционности», неизменным остается тот факт, что их причиной является возникновение несоответствия хозяйственной модели общества изменившимся природным условиям в том ареале, откуда начиналось движение социума в целом или отдельных групп населения. Исходя из этого, недавно и был предложен гипотетический сценарий европейской миграции в Восточную Европу периода «4.2 ka BP climatic event», который следует рассматривать исключительно как постановку вопроса (Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022, с. 28, 29).

Что послужило причиной центральноевропейского культурного импульса и выплеска населения этого региона в восточноевропейскую степь и лесостепь еще предстоит установить[58]. Как было показано выше, по археологическим данным более или менее надежно локализована территория исхода европейского населения – это территория Центральной Европы и карпато-дунайского региона. Структурообразующим ареалом здесь выступает Паннонская низменность и прилегающие к ней области западных Карпат и Северо-Восточных Альп (илл. 213). Имеющиеся опубликованные данные по палеоклимату региона неоднозначны.

[58] Сейчас поставлен вопрос о влиянии климатического фактора и западного импульса в формировании синташтинской культуры (Корякова, Пантелеева, 2021), которая датируется фазой ПКБ III.

В Средиземноморском регионе и на Балканах в период после 4.2 ka BP установились холодные и сухие зимы (Bini, Zanchetta, Perşoiu, Cartier, Català, Cacho, Dean, Di Rita, Drysdale, Finnè, Isola, Jalali, Lirer, Magri, Masi, Marks, Mercuri, Peyron, Sadori, Sicre, Welc, Zielhofer, Brisset, 2019). Такие же условия сложились в Центральной и Северной Европе (Perşoiu, Rădoane, 2017; Perșoiu, Ionita, Weiss, 2019). И лишь в юго-восточной части Центральной Европы авторы отмечают увеличение зимних осадков. Возможно, это связано со специфическим положением региона в переходной области между западноевропейским регионом (с преобладанием океанического климата), центральноевропейским регионом (с преобладанием континентального климата) и юго-восточноевропейским регионом (с преобладанием средиземноморского климата).

В одной из недавних статей (Perşoiu, Onac, Wynn, Blaauw, Ionita, 2017) приведены данные по зимним температурам и осадкам на основе данных изотопного анализа льда из пещер в румынских Карпатах. Эта прокси-запись наиболее близка к региону, откуда мог исходить культурный импульс. На основании дейтериевого индекса льда (d-excess = δ2H-8*δ18O) установлено, что на период 4.2 ka BP приходился максимум зональной циркуляции, в результате чего средиземноморские циклоны перестали проникать дальше на северо-восток в континентальную Европу. Это обусловило резкое возрастание количества зимних осадков в этой части Центральной Европы, в то время как севернее, на территории современной Германии, куда не проникали циклоны, преобладали холодные и сухие условия (Breitenbach, Plessen, Waltgenbach, Tjallingii, Leonhardt, Jochum, Meyer, Goswami, Marwan, Scholz, 2019). Это могло быть одной из причин, почему в интересующем нас регионе центральной Европы в период 4.2 ka BP увеличилось количество зимних осадков.

Но уже для периода 3.7 ka BP в южных районах Венгрии отмечен теплый и влажный климат (гумидизация) (Demény, Kern, Czuppon, Németh, Schöll-Barna, Siklósy, Leél-Őssy, Cook, Serlegi, Bajnóczi, Sümegi, Király, Kiss, Kulcsár,

Bondár, 2019), в восточной части Паннонской низменности – потепеление, активизация эоловых процессов накопления карбонатных лессоподобных отложений (Sherwood S., Windingstad, Barker, O'Shea, Sherwood W., 2013), в Словакии – теплый и сухой климат (Dabkowski, Frodlová, Hájek, Hájková, Petr, Fiorillo, Dudová, Horsák, 2018). В период 4.2–4.0 ka BP полностью прекращается осадконакопление в озерах французских Альп (Sabatier, Wilhelm, Ficetola, Moiroux, Poulenard, Develle, Bichet, Chen, Pignol, Reyss, Gielly, Bajard, Perrette, Malet, Taberlet, Arnaud, 2017). В австрийских Альпах резко снижается скорость осадконакопления в озерах (Swierczynski, Lauterbach, Dulski, Delgado, Merz, Brauer, 2013). Все это может выступать в качестве индикаторов резкого похолодания в горах и аккумуляции влаги в форме ледников. В подобных случаях можно было бы ожидать разлива рек в период весенне-летнего снеготаяния, но подтверждений этому нет. Таяние льда и снега в горах происходило весьма медленно в условиях холодного лета, что нашло отражение в низкой интенсивности меандрирования и паводковых процессов в поймах рек карпатского региона (Rădoane M., Nechita, Chiriloaei, Rădoane N., Popa, Roibu, Robu, 2015; Perșoiu, Rădoane, 2017). В Венгрии сток реки Тисса в этот период сократился на 30-50% по сравнению с предшествующим периодом (Kiss, Hernesz, Sümeghy, Györgyövics, Sipos, 2015).

Таким образом, есть основания полагать, что увеличение осадконакопления в зимний период, а также слабое таяние снега и льда летом обусловило опускание ледников, что неизбежно приводило к сокращению площадей летних пастбищ в предгорной и горной зонах и сокращение продолжительности летнего пастбищного сезона. Это увеличивало пастбищную нагрузку на низменности, что не могло не отразиться и на социальной ситуации в Паннонии и сопредельных территориях. Возможно, возросшее демографическое давление послужило причиной миграции части населения в поисках подходящих зимних пастбищ и выплеску центральноевропейского культурного компонента в Восточную Европу

(илл. 213), в южной части которой условия зимнего периода были достаточно комфортными. Иными словами, несложно заметить, что природно-климатические причины кавказской и европейской миграций имеют структурные соответствия и связаны, прежде всего, с особенностями климатических трансформаций периода 4.2 ka BP в горных массивах Северного Кавказа, Северо-западных Карпат и Восточных Альп с прилегающими территориями, которые привели к сокращению пастбищ и необходимости поиска новых ресурсов. Именно эти факторы оказались локомотивными как в отношении направленности миграций, так и их результатов.

При этом следует отметить, что в миграционные процессы были вовлечены не все население исходных регионов, а только определенная его часть, чья хозяйственная модель, скорее всего, специализировалась в большей степени на скотоводстве. В этой связи уход отдельных групп из центральноевропейского и карпато-дунайского регионов на восток не привел к прекращению существования унетицкого круга, нитрянской, межановицкой культур и культуры Муреш, и даже ККК, хотя последняя была уже явно на излете (см. выше). Точно так же миграция отдельных скотоводческих социумов с Северо-восточного Кавказа в предкавказскую степь не означала коллапса гинчинской и присулакской культур, которые продолжают дальнейшее развитие на фазе ПКБ II. Однако перемещение даже отдельных частей населения из исходных ареалов привело к кардинальному переформатированию культурной ситуации в Восточной Европе. В период 2200 CalBC одновременно сформировались культурный круг Бабино, культурный круг Лола и Средневолжское Абашево. Краткость существования феномена СВАК объясняется тем, что привнесенные стандарты долго не могут сохраняться и подвергаются местной ассимиляции. Так, и для культурного круга Бабино и для культурного круга Лола стандарты обрядово-инвентарного комплекса, которые привнесли мигранты (в первом случае европейские, во

втором – кавказские), четко фиксируются только на фазе ПКБ I и уже фактически полностью размываются на фазе ПКБ II.

В заключение обсуждения причинно-следственной связи между палеоклиматом и миграциями следует еще раз обратиться к вопросу, почему же все-таки восточноевропейская степь-лесостепь стала той территорией, которая привлекла мигрантов и насколько для этой территории применимо понятие «палеоэкологический кризис»? (Борисов, Каширская, Юшенас, Хомутова, Мимоход, 2022).

Формирование кризисного нарратива во многом способствовали хорошо изученные и подтвержденные факты коллапса и гибели западно-азиатских земледельческих цивилизаций (см. выше). Драматическая аура ближневосточного кризиса земледельческих культур периода 4.2 ka BP легко перешла и на наши степные реалии после выявления аридных палеопочв с синхронным временем погребения (Дёмкин, Дёмкина, Борисова, Шишлина, 2002). Следует отметить, что механизмы аридизации, как в области Плодородного полумесяца, так и в прикаспийских степях были однотипны – усиление зимнего антициклона, блокирующего поступление влаги с атлантическими и средиземноморскими циклонами. Все это способствовало укоренению понятия палеоэкологического кризиса рубежа III–II тыс. до н.э. в степной зоне. При этом как-то не акцентировалось внимание на том, что памятники в степи в период «палеоэкологического кризиса» не исчезают и пустынные степи становятся весьма востребованными для обществ скотоводов, приходящих сюда из других регионов, в частности с Кавказа и Европы. Мы предложили тогда, что древних скотоводов привлекали холодные и малоснежные зимы как следствие усиление азиатского антициклона, что обеспечивало содержание скота на подножном корму в холодное время года (Борисов, Мимоход, 2017, с. 48–60). Однако, как выживало население в летний период оставалось невыясненным.

Новой страницей в палеоэкологических реконструкциях стала оценка влагообеспеченности летнего периода на основе микробиологических

характеристик почв (Хомутова, Дёмкина, Борисов, Шишлина, 2017, с. 239–248). Биомасса и структура почвенного микробного сообщества степных почв не зависят от зимних осадков, но отражают количество растительных остатков, поступающих в почву, что, в свою очередь, определяется осадками теплого времени года. Для условий пустынных степей ранее было показано синхронное усиление признаков аридности по химическим свойствам почв при одновременном возрастании биологической активности почв на протяжении ранней и средней бронзы (Khomutova, Kashirskaya, Demkina, Kuznetsova, Fornasier, Shishlina, Borisov, 2019, p. 84–94). Тогда было высказано предположение, что во второй половине III тыс. до н.э. в пустынной степи сложились специфические климатические условия с холодными малоснежными зимами и относительно мягкими летами с периодическими осадками (Khomutova, Kashirskaya, Demkina, Kuznetsova, Fornasier, Shishlina, Borisov, 2019, p. 84–94). Полученные данные позволили предположить асинхронность хода влагообеспеченности по сезонам года – снижение зимних и увеличение летних осадков. Более того, можно говорить о том, что в степной зоне указанные особенности годового хода осадков были даже более выраженными, чем в пустынно степной зоне.

Однако, отсутствие зимних осадков все же весьма существенно отражалось на экосистемах региона. И в первую очередь это проявлялось, по-видимому, в сокращении доли весенних эфемероидов в составе фитоценоза. Эти растения могут развиваться лишь при высоком запасе продуктивной влаги в почве, который, в свою очередь, зависит напрямую от зимних осадков. В такой ситуации едва ли правомерно ожидать превращения степи в цветущий ковер в апреле, но, тем не менее, не было и полного выгорания степи в конце лета. Сокращение осадков в холодный период года могло затронуть и осенние дожди. Хорошо известно, что именно осадки в период сентября-октября создают условия для осеннего восстановления степной растительности, которая является основой кормовой базы в зимний период. В условиях сокращения кормовой емкости зимних пастбищ выпас КРС стал

невозможным, и население было вынуждено перейти преимущественно на разведение овец. Ограниченность зимней кормовой базы, очевидно, не компенсировалась похолоданием и смягчением условий летнего периода, которые были показаны на основе биологических свойств почв (Kashirskaya, Demkina, Kuznetsova, Fornasier, Shishlina, Borisov, 2019).

В связи со сказанным, очевидно, назревает необходимость пересмотра условий использования терминов «аридизация» и «палеоэкологический кризис» для событий финала III тыс. до н.э. в сухо- и пустынно-степной зоне. Ранее мы уже предлагали под аридизацией понимать исключительно сокращение зимних осадков на этих территориях (Борисов, Мимоход, 2017, с. 48–60), так как именно зимние осадки и условия снеготаяния определяют основные химические свойства степных почв. С учетом вновь получаемой информации о биологических свойствах погребенных почв поздне- и посткатакомбного времени настало время внести ясность и в термин «палеоэкологический кризис». По все видимости, применительно к степной зоне Восточно-Европейской равнины нет оснований говорить о кризисе как некоем всеобъемлющем комплексе негативных явлений природного и социального характера. В природном плане имело место лишь заметно возросшее засоление и окарбоначивание почв, возможно с активизацией эрозионных процессов. При этом растительный покров не претерпевал существенных изменений. Здесь уместно было бы отметить, что смягчение летних условий на рубеже III–II тыс. до н.э. было выявлено по данным палинологических исследований для соседнего региона – степной зоны Предкавказья. На этой территории в период 4.1–3.9 ka BP в условиях трансгрессивной фазы Каспия и его локального увлажняющего влияния в летний период сухие степи сменяются разнотравно-злаковыми (Ryabogina, Idrisov, Yuzhanina, Borisov, 2022, p. 280).

Что касается социальных аспектов кризиса, то и здесь нет оснований для явно алармистских настроений. Жизнь в степи не прекращается, хотя количество памятников посткатакомбного времени заметно меньше, чем в

предшествующий этап катакомбной культуры. Очевидно, общие условия в степи стали более жесткими, что предполагало сокращение до минимума возможных вариантов систем жизнеобеспечения. В таких условиях преимущество получали те общества, хозяйственная модель которых была ориентирована на разведение мелкого рогатого скота, как наиболее неприхотливого и выносливого. Поэтому, для тех социумов, которые смогли перейти на эту экономическую модель, степь в финале III тыс. до н.э. становилась весьма привлекательной.

В более общем плане можно предположить, что экологические условия степной зоны в меньшей степени «пострадали» в результате глобальных палеоклиматических перестроек в финале III тыс. до н.э. (Geirsdóttir, Miller, Andrews, Harning, Anderson, Florian, Larsen, Thordarson, 2019; Pleskot, Apolinarska, Kołaczek, Suchora, Fojutowski, Joniak, Kotrys, Kramkowski, Słowiński, Woźniak, Lamentowicz, 2020). Как было отмечено выше, в разных частях Евразии климатические подвижки были неравнозначными: засуха фиксируется в нижних широтах, а в высоких широтах, напротив, более влажные условия; хотя похолодание отмечается повсеместно (Roland, 2012; Roland, Caseldine, Charman, Turney, Amesbury, 2014, p. 11–27). В этой ситуации масштаб климатических флуктуаций в степи, занимающей промежуточное положение между бореальной и тропической зонами, был не столько велик, по сравнению с более северными и южными регионами.

Однако это не отменяет того, что для ряда других территорий понятие «палеэкологический кризис» достаточно точно отражает суть явлений. Например, события 4.2 ka BP привели к тому, что для скотоводов Кавказа показатели зимнего периода оказались экстремальными. Если в степи основным фактором, определяющим выживания древних обществ, было количество и годовой ход осадков, то в горной зоне таким критическим фактором является температура. Для периода 4.2 ka BP доказано резкое похолодание, связанное с изменением солнечной активности (Perry, Hsu, 2000). В горной зоне в этот период отмечалось опускание границы ледников

(Grove, 2004), исчезновение озер (Соломина, 1999), нисходящее смещение растительных поясов и накопление морен (Голодковская, Орлов, Малясова, Ильвес, 1984). По всей видимости именно похолодание привело к миграции части населения в предкавказскую степь, что и послужило причиной формирования культурного круга Лола (илл. 213). Выше уже было показано, что в чем-то похожий сценарий в качестве сугубо предварительного можно предложить и для европейской миграции, где крайне негативные последствия аридизации в горных массивах Карпат и Альп также привели к сокращению летних субальпийских пастбищ, что стало причиной передвижения отдельных групп европейского населения в более комфортную в условиях палеоэкологического кризиса «4.2 ka BP extrem event» зону, в восточноевропейскую степь-лесостепь (илл. 213).

§ 4. Металлопроизводство в конце III – начале II тыс. до н.э., причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве Юга Восточной Европы

Время ПКБ I–III для археологии бронзового века Восточной Европы имеет первостепенное значение в связи с реконструкцией сложных культурно-генетических процессов, сопровождавших переход от средней бронзы к поздней. В предшествующие эпохи, согласно известной концепции Е.Н. Черных, функционировала Циркумпонтийская металлургическая провинция, охватывавшая Европу и Ближний Восток. На смену ей в ПБВ пришла Евразийская (Западноазиатская) металлургическая провинция, простиравшаяся от Днепра до Китая (Черных, 1978; 2007; 2013; и др.). Выяснение механизмов глобальной смены металлургических традиций, за которыми стояли конкретные социумы и исторические события, является ключом для понимания ритмов культурогенеза всей эпохи бронзы.

Металлообработка тогда была одним из основных двигателей прогресса. Именно новации в этой области приводили к кардинальным сдвигам в культурной ситуации на больших территориях. С другой стороны, сами новации зависели от культурно-генетических процессов, которые были обусловлены внешними климатическими факторами. В этой сложной цепи

взаимосвязей «климат–социум–металл» есть как магистральные векторы развития, стимулированные, прежде всего, изменениями природной обстановки, так и линейные и нелинейные системы разнообразных корреляций, выявление и анализ которых позволяет реконструировать во всем многообразии картину культурно-исторических реалий финала СБВ – начала ПБВ.

Сложные процессы взаимодействия носителей посткатакомбных (культурный круг Бабино и культурный круг Лола) (илл. 216) и колесничных традиций (Синташта – Потаповка – Покровск) (илл. 217) отражены в металлокомплексах конкретных культур и территорий. Анализ корреляций различных морфологических и химико-технологических признаков приводит к следующим выводам о металлопроизводстве конца СБВ – начала ПБВ в степной – лесостепной зоне (Мимоход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022), которые в развернутом виде представлены в работе Е.И. Гака (2022).

Морфология изделий финала СБВ иллюстрирует дезинтеграцию связей, которые в предшествующий позднекатакомбный период обеспечивали сравнительно высокий уровень стандартизации. Культуры бабинского круга, судя по самой металлоемкой из них ДДБК (илл. 218, *25–37*), продолжают эксплуатировать стереотипы катакомбного времени (илл. 218, *1–14*). Маркером наступления новой эпохи служит появление треугольно-ромбического оформления черенка ножа (илл. 218, *25*) и украшения европейской моды – гривны и проволочных очковидных подвесок (илл. 218, *34–37*), отражающие вместе с комплексом других обрядово-инвентарных признаков, как было показано выше, инкорпорацию западных мигрантов в культурный круг Бабино. На юго-востоке, в культурных образованиях лолинского круга, металлообработка также функционировала на сложившейся ранее основе (илл. 218, *15–24, 38–58*), но акцент был перенесен на редко использовавшиеся ранее формы – листовидный клинок (илл. 218, *40, 43, 44*). Причем и в этой серии появляется несвойственное предыдущему периоду треугольно-ромбическое окончание черенка (илл. 218, *40*). Новшеством

являются также пластинчатые височные кольца желобчатые в сечении (илл. 218, *56, 57*) и спиральные пронизи (илл. 218, *52–55*). По сравнению с позднекатакомбным периодом усилилось кавказское влияние, особенно в гарнитуре украшений (фигурные подвески, свернутые конусы, бляшки-пуговицы, скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями, спиралевидные пронизи) (илл. 218, *45–49, 52–55*), что на уровне металлопроизводства отражает кавказский импульс в сложении культурного круга Лола.

К началу ПБВ морфология металла лолинских и бабинских культур не претерпела особых изменений. Металл колесничных культур между Доном и Уралом заметно отличается от посткатакомбного, а в своих территориально-хронологических рамках имеет много общего (илл. 219, *1–20*). В колесничном комплексе присутствуют пережиточные стереотипы, собственные модификации и заимствования через межкультурные контакты. К архаичным формам кавказско-степного происхождения относятся аморфные, пятиугольные, ромбовидные и листовидные клинки (илл. 219, *2–6*); втульчатые крюки (илл., 121, *35*); серьги-калачики (илл. 219, *17*); спиральные и гладкие свернутые пронизи (илл. 219, *19*); бляшки с отверстиями; толстые прутковые браслеты (илл., 219, *9*). Все они фиксируются локально и с разной частотой. Очевидно, посткатакомбные группы были одним из субстратов колесничных культур. Черты культурного круга Лола в большей степени представлены в синташтинско-потаповском металлокомплексе, а культурного круга Бабино – в покровском (см. ниже).

Главная новация, выработанная в круге колесничных образований, – тип кинжала, сочетающего листовидный клинок, короткий перехват, ромбическую пятку черенка и сплошную кованую продольную нервюру (илл. 219, *7–8*). В гарнитуре украшений появляются свернутые пронизи с рифлением (илл. 219, *20*). От ЮУАК исходит форма листовидного ножа с плавными контурами абриса и удлиненным черенком, равным или большим, чем длина клинка (илл. 219, *8*). СВАК, происхождение которой прямо связано с центральноевропейскими и карпато-дунайскими мигрантами (см. выше),

своим появлением обязаны очковидные подвески, перстни и спирали с завитками, широкие желобчатые браслеты, височные кольца с ложковидными концами (илл. 219, *11–14, 18*). В целом абашевские истоки имеют типы наконечников копий, серповидных орудий, втульчатых топоров и плоских топоров-тесел.

Металлообработка раннесрубного времени в основном эксплуатирует стереотипы предшествующего этапа (илл. 219, *21–43*). Комплекс клинковых орудий по сравнению с поздним периодом – финалом СБВ полностью модернизируется, хотя некоторые детали оформления (кованые фаски вдоль лезвий, выпуклая литая нервюра, округлая пятка черенка) повторяют характерные для ножей манычской катакомбной культуры (илл. 219, *23–25*). Архаичные схемы (аморфная, ромбовидная) воспроизводятся редко. Модификация трехчастного кинжала с треугольно-листовидным клинком, удлиненно-выемчатым перехватом, выраженным перекрестием и прямоугольным завершением насада становится основной новацией, а впоследствии ведущим типом ножей срубной культуры. В серии находок височных колец мелкие круглые изделия полностью вытеснены крупными овальными (илл. 219, *26–31*). Последние сопоставимы по конфигурации с позднекатакомбными и посткатакомбными изделиями, но имеют не утолщенные, а пластинчато-желобчатые лопасти. Явную новацию представляют крупные удлиненно-овальные и удлиненно-трапециевидные кольца пластинчато-желобчатого сечения, которые с вариациями продолжали бытовать в срубной культуре. Типы пронизей полностью переходят в раннесрубный гарнитур украшений (илл. 219, *32–34*). У браслетов повсеместно и отчетливо наметилась тенденция к сужению, утоньшению и уплощению сечений (илл. 219, *35–38*). Стереотипными эти признаки стали в развитый период ПБВ. Из кавказского ареала широко распространилась мода на треугольные, ромбовидные и лапчатые подвески, копии и различные местные варианты которых воспроизводились из привезенного с Кавказа материала (илл. 219, *39–43*).

Традиции и новшества химико-технологического плана отражены в составах металла и некоторых особенностях его обработки для получения тех или иных изделий (илл. 220). В кузнечном производстве посткатакомбных культур продолжалось использование бинарных медно-мышьяковых сплавов. Предметы, изготовленные из чистой меди в количественном отношении, серьезно уступают изделиям из мышьяковой бронзы (илл. 216, 220). Как и в предшествующий позднекатакомбный период, отливалась преимущественно мелкая ювелирная продукция (илл. 220). В лолинской и невинномыской культурах она, главным образом, делалась из сурьмы (илл. 216, 220) и не выходила за пределы Предкавказья. С появлением колесничных культур север степи и лесостепь наводнились чистой медью явно некавказского, а скорее всего уральского происхождения (илл. 217, 220). При этом роль мышьяковых бронз, если и упала, то незначительно, а на юге она полностью сохранила свои позиции, что свидетельствует о преемственности традиционных связей с Кавказом. Вероятно, к началу ПБВ относится точечное проникновение меди, легированной оловом (илл. 217, 220). Судя по локализации находок, оловянные бронзы в это время распространялись со стороны Кавказа. Резко сократилось сурьмяное литье. На фоне ренессансного господства кузнечных технологий в ювелирном деле зафиксированы характерные для СБВ кавказско-степных территорий литые высокомышьяковые бронзы. На раннесрубном этапе от Дона до Урала увеличивается частота использования двойных и тройных (с мышьяком) оловянных сплавов, появление которых могло быть разновекторным – закавказским и зауральским. В сериях предметов как бытовой, так и неутилитарной функции, эти сплавы совокупно достигают паритета с мышьяковой бронзой. Чистая медь употреблялась значительно реже и только для орудий. Возобновилось массовое литье сурьмяной пластики (илл. 217, 220), которая даже при отсутствии находок с промежуточной территории однозначно указывает на кавказский источник сырья.

В целом, распространение новаций в металлопроизводстве переходного периода от СБВ к ПБВ на юге Восточной Европы носило встречный пульсирующий характер. Подавляющим вначале было южное (кавказское) влияние, затем восточное (поволжско-зауральское). На этапе становления срубной культуры оба генеральных направления сбалансировались по уровню влияния, что, очевидно, было следствием интеграционных процессов и повлекло за собой стандартизацию металлообработки в ПБВ.

В свете всего сказанного в этой главе в отношении установления причин и реконструкции механизмов смены эпох в культурном пространстве Юга восточной Европы в конце III – начале II тыс. до н.э. открывается следующая картина.

Резкая аридизация климата, датирующаяся 2200 CalBC (фаза ПКБ I), стимулировала мощные миграционные процессы в западной части Старого Света. В Восточной Европе они фиксируются по двум импульсам: европейскому и кавказскому (илл. 213, 216). Передвижение больших групп населения было обусловлено, вероятнее всего, наступлением неблагоприятных условий для выпаса скота в зимний период, что толкало социумы в целом и отдельные социальные группы на поиски новых более благоприятных экологических ниш. Эти миграции привели к сложению культурного круга Бабино и культурного круга Лола (илл. 213, 216). Пришлые коллективы сталкивались в восточноевропейской степи – лесостепи с местными позднекатакомбными группами. Их взаимодействие привело к возникновению новых культур. Неудивительно, что в металлокомплексе финала СБВ преобладают категории инвентаря и стереотипы, характерные для катакомбного времени исходных территорий. Химический состав металла также демонстрирует циркумпонтийские стандарты рецептур, в том числе у изделий, сделанных по европейским и кавказским образцам (илл. 220). Предкавказье на фазах ПКБ I и II было освоено и заселено носителями лолинской и невинномысской культур (илл. 216), которые обеспечивали бесперебойный транзит кавказского металла далее на север, северо-запад и

северо-восток. Так было и в предшествующие периоды бронзового века, что позволяло ставить вопрос о функционировании кавказского очага культурогенеза (Бочкарев, 1995; Кияшко, 2000; 2022).

Фаза ПКБ III (2000–1800 CalBC) связана с гумидизацией климата и ростом количества зимних осадков в степи, что повлекло за собой деградацию овцеводческой модели скотоводства в Предкавказье и, как следствие, заметное сокращение численности лолинского населения. В результате и возможности транзита кавказского металла в степь – лесостепь сильно сократились. В то же время на территории доно-волжского региона, Волго-Уралья и Зауралья формируется блок колесничных культур Синташта-Потаповка-Покровск (илл. 217). Их хозяйственная модель, основанная на пастушеском скотоводстве с преобладанием в стаде КРС и лошади, была адаптирована к гумидным условиям и высоким нормам зимних осадков.

С возникновением колесничных культур наступает новый этап использования уральских месторождений, которые активно эксплуатировались до этого в «ямно-полтавкинское время» (Черных, 2007, с. 89). Возросшая с начала ПБВ потребность в новых меднорудных источниках была обусловлена их относительно близким расположением и дефицитом кавказских поступлений, в свою очередь, вызванным указанными выше климатическими изменениями. Существенное сокращение населения в Предкавказье было связано с мягкими многоснежными зимами, частота которых резко увеличилась в ПБВ. При этом полного обезлюдевания не было, и на фазе ПКБ III транзит металла со стороны Кавказа в степь и лесостепь Восточной Европы полностью не прекращался.

Об этом свидетельствуют характерные формы изделий, оловянные лигатуры и сурьмяное литье. Однако сильно обмелевший поток кавказского сырья не мог удовлетворить даже минимальные запросы быстро развивающихся военизированных обществ колесничных культур, которым были необходимы альтернативные (уральские) источники металла. С другой стороны, именно их освоение и переориентация культурных векторов в

совокупности с климатическим фактором стали причиной возникновения самого колесничного блока. Эти взаимосвязанные процессы (использование новых источников сырья и формирование колесничного блока начала ПБВ) напрямую зависели от тех кризисных явлений, которые имели место в Предкавказье и свели до исторического минимума возможности транзита кавказского металла. Данные причинно-следственные связи обусловили упадок деятельности кавказского очага культурогенеза в отношении восточноевропейской степи-лесостепи и формирование нового волго-уральского, что в итоге привело к смене эпох и металлургических провинций в данных регионах. Здесь уместно процитировать В.С. Бочкарева: «Так, чтобы обеспечить себя металлическим инвентарем или сырьем для его производства, население тех регионов, где отсутствовала руда, было вынуждено выстраивать сложные системы дальних и сверхдальних связей. С течением времени их необходимо было перестраивать в связи с изменением геополитической ситуации и передислокации центров металлопроизводства» (Бочкарев, 2012, с. 13) с оговоркой, что в нашем случае речь идет не столько о геополитической, сколько о природно-климатической обстановке. Геополитическая ситуация в финале средней – начале поздней бронзы была непростой, но не она привела к смене эпох и очагов культурогенеза, ее и рассмотрим.

§ 5. Очерк о войне в посткатакомбном мире

Масштабные миграции, которые приводят к становлениям новых эпох, никогда не обходятся без военных конфликтов. Однако археологически их зафиксировать очень сложно, особенно на памятниках бронзового века восточноевропейской степи-лесостепи. Одним из самых информативных источников для выявления следов военных столкновений являются материалы погребальных памятников. Они могут предоставить свидетельства ранений и убийств, которые фиксируются как в вещевом комплексе, так и в скелетном материале. В памятниках посткатакомбных культурных образований таких свидетельств немного. Однако количество следов военных конфликтов в археологических источниках нельзя напрямую связывать с масштабами

боевых столкновений. Здесь работает другой принцип общего эпохального контекста. Если какой-то хронологический период стабильно демонстрирует эти следы, а другие фактически нет, то мы можем говорить о серьезной военной напряженности именно в этот период. В эпоху бронзы в Восточной Европе именно посткатакомбная эпоха дает наибольшее количество по сравнению с остальными периодами свидетельств военных конфликтов. Причем, значительная их часть сосредоточена в восточной части посткатакомбного мира (илл. 221), которая стала ареной противостояния разных культур финала средней – начала поздней бронзы. Как уже отмечалось, мы говорим о времени масштабных миграций (см. выше), обусловленных экологическими причинами, которые можно образно назвать «первым великим переселением народов», которое фиксируется по комплексным археологическим исследованиям. Соответственно факт масштабных военных конфликтов в этот период будет еще очевиднее.

5.1. Военные конфликты по материалам погребальных памятников

В посткатакомбных погребениях фиксируемые следы военных столкновений можно разделить на две группы. Первая группа – это наконечники стрел в погребениях, местоположение которых недвусмысленно указывает на то, что они были свидетельствами ранений или убийств похороненных людей. Вторая группа объединяет погребения, в которых на костях умерших фиксируются следы травматических повреждений, связанные с боевыми столкновениями (Mimokhod, Zagorodnia, 2019; 2021; Мимоход, Загородняя, 2020).

Первая группа (с наконечниками стрел). Методический вопрос, по каким критериям можно определить, является ли наконечник в погребении орудием ранения или смерти, а не сопровождающим инвентарем, который принадлежал умершему при жизни. Первый из них – это расположение изделия в могиле. Как правило, наконечники, которые являются сопровождающим инвентарем, лежат отдельно от умершего и нередко представляют собой колчанные наборы, как например, в ДДБК (илл. 222) и

лолинской (илл. 237, *2*) культуре (Братченко, 1989, рис. 5, *1, 2*; Полидович, 1993, рис. 25, 26; Глебов, 2004, рис. 27, 28, *1–3*; Ростунов, 2007, рис. 42, *5–12*; Литвиненко, 2019, рис. 2, *29–37*). Кроме того, наборы в погребении могут сопровождаться и другими предметами вооружения. Например, в комплексе Николаевка 1/8, Черноярская 3/10 вместе со стрелами обнаружен бронзовый нож (илл. 222, *2*, 237, *2*), а в комплексах Близнецы 1/1 и Репный I 7/10 – каменные топоры (илл. 222, *3, 5*).

Наконечники, которыми были убиты или ранены умершие, всегда находятся среди костей скелета, причем зачастую в местах, в которых они не могут носиться при жизни. Второй важный момент, который хорошо прослеживается по посткатакомбным материалам – наконечники стрел, которыми были убиты или ранены люди и соответственно находившиеся среди костей, зачастую по морфологии и технике производства являлись инокультурными по отношению к самому погребению.

Культурный круг Бабино. В большей части рассматриваемых погребений культурного круга Бабино кремневые наконечники стрел, скорее всего, были именно орудиями убийств. Они находятся в грудной клетке (илл. 223, *1, 3, 5, 6, 9*, 228). Причем, по ситуативному расположению изделий можно установить, как располагались по отношению друг к другу убийца и его жертва. Так, в погребении 3 кургана 6 мог. Попов Яр и в погребении 1 кургана 4 мог. Нагавский II умершие были убиты в грудную клетку выстрелом спереди (рис. 223, *3, 5*) (Мыськов, 1991, рис. 3, *5, 22*; Литвиненко, 2019, рис. 7, *7, 8*), а в комплексах Смеловка 2/3 и Котлубань IV 1/4, наоборот, выстрелом сзади (илл. 223, *1, 9*) (Шарафутдинова, 1987, рис. 3, *9–11*; Мимоход, 2013в, рис. 2, *16*), причем, в последнем погребении стрела вошла достаточно глубоко, пронзив тело фактически насквозь (илл. 223, *1*).

В ряде случаев стрелы среди костей скелета были следами ранения, а не смерти, потому что находились в местах, где нет жизненно важных органов (илл. 228). В погребении 9 кургана 8 мог. Ясырев I индивид был ранен в колено (илл. 223, *2*) (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974, табл. IV, *6, 7*), а в

комплексе Высокое 1/1, по всей видимости, в плечо (илл. 223, *6*) (Литвиненко, 2009б, рис. 7, *9, 10*)[59]. Причем, очевидно, что индивиды после ранения были добиты, в противном случае стрелы в таком контексте не оказались бы в могилах.

Понять, между кем же были военные конфликты, помогает морфология и техника изготовления кремневых наконечников стрел, обнаруженных в скелетах индивидов культурного круга Бабино. Большинство наконечников в бабинских погребениях, которые являются свидетельствами убийства или ранения, принадлежат самим «бабинцам» и представлены изделиями с выемкой, которые встречаются в их колчанных наборах (илл. 222) (Литвиненко, 1998б; 2019, с. 315). Это свидетельствует о внутренних конфликтах, без которых не обходится ни одно традиционное общество. Такие погребения достаточно равномерно распределены по ареалу культурного круга Бабино (Литвиненко, 2019, с. 325).

Особого внимания заслуживают наконечники, которые являются инокультурными по отношению к бабинским культурам. Они распадаются на две группы. В первую входят изделия из комплексов Ясырев I 8/9 и Елкинский I 1/6 (илл. 223, *2, 7*). Ясыревский наконечник имеет листовидную без выраженного черенка форму с довольно грубой ретушью (илл. 226, *1*). Такие наконечники стрел стояли на вооружении лолинской культуры (илл. 226, *2–4*), южного соседа ДДБК. Здесь стрелы и их заготовки входят в состав производственного набора (илл. 67, *1*), что свидетельствует об их местном изготовлении, а также в состав инвентаря, т.е. не являются орудиями ранения или убийства (Степная IV 3/3) (илл. 70, *16*) и, возможно, колчанного набора (илл. 67, *4*) (Мимоход, 2013, с. 143). Так, форма наконечника из комплекса Ясырев I 8/9 (илл. 226, *1*) идентична изделию из п. 27 к. 4 мог. Цаган-Усн VII

[59] В комплексе Малая Мартыновка 1/3 индивид был ранен стрелой в верхнюю часть ноги (Кияшко, 2002, рис. 66, *11–14*) такого же типа, как и в бабинском погребении из Ясырева (илл. 223, *2*). Р.А. Литвиненко, а вслед за ним и мы, отнесли маломартыновское захоронение к ВДБК (Литвиненко, 2019, рис. 7, *20–22*; Мимоход, Загородняя, 2020, рис. 3, *7*; Mimokhod, Zagorodnia, 2021, fig. 5.3, *g*). Не отрицая такой возможности, следует отметить, что в комплексе Малая Мартыновка 1/3 достаточно много катакомбных черт. По всей видимости, здесь мы сталкиваемся с тем случаем, когда на стыке эпох сложно четко определить культурную атрибуцию комплекса, поэтому маломартыновское захоронение пока остается за рамками анализа.

(илл. 226, *4*). Отличие заключается только в наличии у последнего экземпляра бокового шипа, который придает ему неповторимое своеобразие не только в лолинской культуре, но и в других культурах бронзового века Восточной Европы (Мимоход, 2013, с. 151–153). Расположение ясыревского комплекса на левобережье Нижнего Дона (илл. 221), т.е. именно в контактной зоне Лолы и ДДБК, хорошо иллюстрирует наличие военных конфликтов между соседними культурами.

Второй наконечник происходит из комплекса Елкинский I 1/6 (Прокофьева, 2012, с. 59, рис. 19, *4, 5*). Он располагался рядом с развалом сосуда (илл. 223, *7*), но его морфология полностью выпадает из типологических рядов культурного круга Бабино, представленных выемчатыми стрелами (Литвиненко, 1998б). Эта стрела справедливо рассматривается как чужеродная в ДДБК, которая могла быть свидетельством ранения или убийства (Литвиненко, 2009б, рис. 7; 2019, рис. 7). Обрядовые характеристики комплекса Елкинский I 1/6 (илл. 223, *7*) полностью соответствуют стандартам Днепро-Донского Бабино первого и второго этапов развития. В определенной мере, уточнить хронологию этого захоронения позволяет п. 9 из этого же кургана. При полной идентичности обряда (слабоскорченное положение скелета и юго-западная ориентировка) в нем обнаружена костяная пряжка типа 2 (Прокофьева, 2012, рис. 20), которая маркирует фазу ПКБ II (период IIA по периодизации ДДБК по Р.А. Литвиненко) (см. главы 2, 4, 6 и ниже), т.е. период до появления колесничных культур на фазе ПКБ III. В результате Р.А. Литвиненко с учетом того, что таких стрел в комплексах культурного круга Бабино больше нет, логично предположил, что в это время они могли принадлежать носителям лолинских традиций (Литвиненко, 2019, с. 327). Действительно, тип стрелы, представленный в комплексе Елкинский I 1/6 (илл. 223, *7*), более всего соответствует типу 1 и его вариантам наконечников стрел лолинской культуры (илл. 226, *1–3*), особенно уже упомянутому экземпляру из Цаган-Усна (илл. 226, *4*). У обоих наконечников в форме прослеживается выраженная

асимметричность. У изделия из комплекса Цаган-Усн VII 4/27 она получена за счет оформления бокового одиночного шипа (илл. 226, *4*). В елкинском экземпляре (илл. 226, *5*) фактически реализована та же идея только путем изготовления одной плавной грани, как у листовидных наконечников с овальным основанием (илл. 226, *1–4*) и выпуклой противоположной с наибольшим расширением в нижней части в месте сопряжения с намеченным черешком[60]. Иными словами, на стреле из Елкинского можно наблюдать ту же модель пера, что и в Цаган-Усне (илл. 226, *4*), только с сильно сглаженным шипом (илл. 226, *5*). Скорее всего, наконечники такой морфологии имели общую травматическую функцию, которая создавала трудности при извлечении их из тела.

Убедительные аналогии изделию из комплекса Елкинский I 1/6 можно найти в материалах Ливенцовско-Каратевской крепости (илл. 226, *6–8*), на обоих раскопанных участках[61]. В типологии С.Н. Братченко (см. ниже) эти стрелы, скорее всего, ввиду малочисленности, не выделены в отдельный тип и рассматриваются в рамках типа «черешковые листовидные» (Братченко, 2006, рис. 71, *3, 4*, 88, *7*), хотя налицо их морфологическая специфика, выраженная в разном оформлении граней, отсылающая к идее одношипных асимметричных наконечников (обзор см. (Мимоход, 2013, с. 151–153)). Время штурма Ливенцовско-Каратаевской крепости относится к фазе ПКБ II. В нем активное участие принимали отряды воинов южного (предкавказского) происхождения (см. ниже), а, соответственное, комплекс ДДБК Елкинский I 1/6 – это еще одно свидетельство конфронтации между лолинскими и бабинскими социумами. Как и в случае с п. 9 к. 8 мог. Ясырев I, данный факт подтверждает и локализация Елкинского I могильника. Он находится в месте

[60] Черешок здесь именно намечен, потому что, если мысленно замкнуть линию выпуклой стороны наконечника с его основанием, то мы получим единый тип листовидной стрелы с овальным основанием.

[61] Памятник описывается либо как две крепости Ливенцовская и Каратаевская (Братченко, 1976; 2006), либо как одна (Ильюков, 2002; 2012; 2013). Впрочем, тот факт, что это единый укрепленный комплекс, разделенный глубоким оврагом (Братченко, 2006, рис. 1), не вызывает сомнения. С.Н. Братченко, который писал отдельно о Ливенцовской и Каратаевской крепостях, всегда подчеркивал, что речь идет о едином оборонительном форпосте (Братченко, 1976, с. 122; 2006, с. 156), поэтому в дальнейшем будет использована терминология Л.С. Ильюкова, который называет памятник «Ливенцовско-Каратаевская крепость», а участки, раскопанные им и С.Н. Братченко, соответственно «каратаевским» и «ливенцовским».

максимального сближения Дона и Волги на восточной границе ареала ДДБК в пограничье с лолинской культурой (илл. 221).

Таким, образом, комплексы Ясырев I и Елкинский I 1/6 свидетельствуют о военном противостоянии внутри посткатакомбного блока между представителями культурного круга Бабино и культурного круга Лола в их контактной зоне. Причем, бабинские погребения, в которых обнаружены лолинские стрелы как свидетельства ранений или смерти, по культурно-хронологическим диагностичным признакам обряда и инвентаря датируются фазами ПКБ I и II (2200–2000 CalBC). Это как раз время активных миграций, становления и стабилизации ареалов культурных образований посткатакомбного блока.

Это важно с точки зрения анализа второй более многочисленной группы инокультурных стрел в бабинских захоронениях. Бóльшая часть из них с четко выделенным черешком с пером треугольной формы, обработанные тщательной трансмедиальной или билатеральной ретушью (илл. 223, *3–6*, 227, *1–3*) относится к наконечникам «сейминского» (по О.Н. Бадеру (1970, с. 121) или «абашевского» (по О.В. Кузьминой (1992, с. 70)) типа. Они принадлежат носителям традиций колесничных культур, которые вступили в военную конфронтацию с социумами культурного круга Бабино на фазе ПКБ III (илл. 227, *4–11*) (2000–1800 CalBC) (Литвиненко, 1995; 1998а; 2019, с. 328, 329; Мимоход, 2013, с. 335, 336; Мимоход, Загородняя, 2020, с. 144, 145; Mimokhod, Zagorodnia, 2021, p. 65)[62]. В комплексе Калиновка 1/4

[62] Следует отметить, что один раз в комплексе Близнецы 1/1 ДДБК черешковая кремневая стрела входила в колчанный набор вместе с традиционными для бабинской традиции выемчатыми наконечниками (илл. 222, *5*) (Литвиненко, 2019, рис. 2, *29–37*), но ее нельзя отнести к изделиям «сейминского/абашевского» типа. Во-первых, по целому ряду признаков обряда и инвентаря это погребение датируется ранним периодом Днепро-Донского Бабино, т.е. фазой ПКБ I, в то время как горизонт Синташта-Потаповка-Покровск формируется только на фазе ПКБ III. Во-вторых, прямые аналогии этой стреле происходят не из колесничных погребений, а из финальнокатакомбного комплекса Орджоникидзе 3/3 (Николова, Бунятян, 1991, с. 134, 135, рис. 3, *17, 18*). Эти стрелы справедливо связываются с межкультурными контактами с лесостепной и лесной среднеднепровской культурой шнурового мира (Николова, Бунятян, 1991, с. 135; Стеганцева, 2005, с. 30). Действительно, в ее материалах присутствуют черешковые экземпляры, которые относятся к тому же типу с вариациям (Артеменко, 1967, 34, *3*, 65, *19, 22, 23*, 66, *7*; 1976, рис. 4, *9*, 6, *1, 7, 8*; 1985, рис. 99, *41*), что и изделия из Близнецов и Орджоникидзе. Р.А. Литвиненко относит черешковую кремневую стрелу, которая находится в бабинском колчанном наборе (илл. 222, *5*), к категории «чужой» для этой культуры и обосновано отмечает, что «повторное же использование чужих (например, трофейных) стрел удивления не вызывает, ибо практиковалось во многих традиционных и более поздних обществах» (Литвиненко, 2019, с. 315). В этой

зафиксирована интересная ситуация (илл. 223, *4*). Погребение относится к позднему этапу ДПБК. В нем обнаружен инокультурный классический черешковый наконечник колесничных культур (илл. 223, *4*). Его расположение перед черепом прямо не свидетельствует о том, что погребенный был убит этой стрелой. Однако можно сделать предположение, что это было именно так, и в таком контексте этот комплекс обычно и рассматривается (Литвиненко, 2009б, рис. 7, *13–15*; 2019, рис. 7, *14–16*; Мимоход, Загородняя, 2020, с. 145, рис. 3, *4*; Mimokhod, Zagorodnia, 2021, p. 65, fig. 5.3, *d*). Дело в том, что он расположен довольно близко к юго-восточной стенке могильной ямы. Наконечник не мог иметь такого расположения, если бы у него было целое древко. Не исключено, что стрелу извлекли из тела, сломали древко и положили в могилу.

Культурный круг Лола. Здесь известно шесть погребений, в которых наконечники стали причиной смерти или ранения (илл. 224, *1–3, 4, 6*, 228). Четыре из них относятся к лолинской культуре (илл. 224, *1–4*) и два к невинномысской (илл. 224, *5, 6*). В четырех захоронениях направления выстрелов одинаковы, они были произведены в спину (илл. 224, *1–3, 6*, 228). В трех случаях (Беслан А/703, Кунаковский 2 3/3, Иноземцево 1 7/5) можно предполагать, что мы имеем дело со смертельными ранениями. Наконечники располагались в грудной клетке в области легких и сердца (илл. 224, *1, 2, 6*). Так же выстрелом в область шеи был убит ребенок из комплекса Зимняя Ставка 1 4/1 (илл. 224, *4*). Особого внимания заслуживает уникальное погребение 3 кургана 14 мог. Песчаный V. Оно является «братской могилой»,

---

связи, с учетом возможной синхронизации ранней ДДБК с поздними среднеднепровскими памятникам (Литвиненко, 2001а, табл. 1) можно предположить, что «трофей» мог быть добыт в конфликте носителей ранних днепро-донских бабинских традиций с северными соседями шнурового или эпишнурового мира. В качестве еще одной альтернативы предложен вариант военного противостояния на правобережье Днепра на основе находок уже упоминавшихся наконечников из комплекса Орджоникидзе 3/3 между финальнокатакомбным и раннебабинским населением (Литвиненко, 2020, с. 349). Следует отметить, что наиболее точная аналогия черешковому изделию из комплекса Близнецы 1/1 (илл. 222, *5*) происходит все-таки из п. 53 мог. Стрельница среднеднепровской культуры (Артеменко, 1967, рис. 65, *22*), здесь совпадают детали вплоть до косой струйчатой ретуши и частичному по краю ретушированию черешка. При этом в позднекатакомбном контексте комплекс из Орджоникидзе с черешковыми стрелами единичен, в то время как в среднеднепровской культуре они составляют серию. При любой интерпретации описываемые события датируются фазой ПКБ I и не имеют отношения к началу позднего бронзового века, когда стали использоваться черешковые стрелы «сейминского/абашевского» типа.

в которой погребены один взрослый мужчина и шестеро детей/подростков. В позвоночнике мужчины торчал костяной наконечник стрелы (илл. 224, *3*, 228). Он вряд ли мог стать причиной смерти, т.к. находился в нижней части грудной клетки, где нет жизненно важных органов, поражение которых могло бы привести к быстрой смерти. Скорее всего, мужчина после ранения был добит. Больше на костях травматических повреждений антропологи не обнаружили (удушение и т.д.). Детей и подростков, без сомнения, постигла та же участь. Их присутствие в могиле, скорее всего, говорит о том, что в результате конфликта была разорена стоянка лолинской культуры.

Все стрелы в погребениях культурного круга Лола являются инокультурными по отношению к предкавказским посткатакомбным культурам. Так, узкий листовидный наконечник с овальным основанием, который стал причиной смерти индивида из комплекса невинномысской культуры Иноземцево 1 7/5 (илл. 224, *6*), находит прямые аналогии в колчанном наборе раннелолинского погребения (илл. 81, *11*, 237, *2*). Еще один черешковый башневидный (по типологии С.Н. Братченко (см. ниже)) наконечник обнаружен в невинномысском комплексе Ростов-Западный 5/3 (илл. 224, *5*). К сожалению, в публикации не указано расположение стрелы в погребении, но ее автор однозначно рассматривает ее как орудие убийства и справедливо указывает на прямые аналогии из материалов Ливенцовско-Каратевской крепости (Шарафутдинова, 1987, с. 37). Ниже будет показано, что этот тип в конце средней бронзы состоял на вооружении южных предкавказских социумов. Иными словами, комплексы Иноземцево 1 7/5 и Ростов-Западный 5/3 (илл. 224, *5, 6*) свидетельствует о военных конфликтах внутри культурного круга Лола, между носителями лолинской и невинномысской культур. Такая же ситуация характерна для двух других соседних культур бабинского круга: ДДБК и ВДБК (см. ниже).

Очень интересная ситуация складывается с наконечниками из комплексов лолинской культуры Беслан А/703, Кунаковский 2 3/3 и Зимняя Ставка 1 4/1 (илл. 224, *1, 2, 4*). Все эти стрелы стали причиной смерти

индивидов и относятся к одному типу – листовидные с усеченным основанием (илл. 225, *4–6*). К этому списку необходимо добавить уже упоминавшейся комплекс Котлубань IV 1/4 развитого этапа ДДБК (илл. 223, *1*, 225, *7*). Здесь наконечник с усеченным основанием также был свидетельством убийства, как и вышеперечисленные однотипные изделия из лолинских захоронений (илл. 224, *1, 2, 4*). Э.С. Шарафутдинова, публикуя комплекс из Котлубани (илл. 223, *1*), привела аналогии наконечнику в турбинских и абашевских материалах колесничного горизонта (Шарафутдинова, 1987, с. 37). Действительно, в то время эта аналогия была вполне уместной, т.к. наконечники «турбинского» или «покровского» типа с усеченным основанием хорошо представлены в блоке Синташта-Потаповка-Покровск (илл. 225, *8–21*). Однако сейчас такое сопоставление вступает в противоречие с системой хронологии финала средней – начала поздней бронзы. В комплексе Котлубань IV 1/4 кроме стрелы в состав инвентаря входила кольцевая пряжка с одним отверстием и бортиком вокруг него (илл. 223, *1*). Она относится к типу 2 по классификации Р.А. Литвиненко и маркирует фазу ПКБ II (илл. 238, *13–16, 20–25, 29*) или период IIА по его же периодизации ДДБК. Возникновение колесничных культур, которое знаменует собой начало поздней бронзы, приходится на фазу ПКБ III (илл. 168, 169) (см. главу 6 и ниже). Иными словами, погребение из Котлубани относится к более раннему периоду, а наконечник из него нельзя рассматривать как элемент системы вооружения военизированных обществ колесничного горизонта. Это станет еще более очевидным, если учесть, хронологию лолинских погребений, в которых индивиды были убиты стрелами с наконечниками с усеченным основанием. Комплекс Кунаковский 2 3/3 (илл. 224, *2*) относится к раннему этапу лолинской культуры, т.е. к фазе ПКБ I, а п. 1 к. 4 мог. Зимняя Ставка по характерной редуцированной катакомбе (илл. 224, *4*) уверенно датируется вторым периодом Лолы (фаза ПКБ II) и точно не поздним, где подбойные конструкции могил уже неизвестны (см. главу 3).

Следует отметить и некоторые отличия в технике изготовлении и морфологии наконечников с усеченным основанием в посткатакомбных погребениях и стрел «турбинского/покровского» типов. У двух экземпляров из лолинских захоронений края обработаны характерной пильчатой ретушью кавказского происхождения (илл. 225, *4, 5*), которая не характерна для изделий колесничных культур (илл. 225, *8–21*). Наконечник из комплекса Беслан А/703 имеет технику ретуширования, аналогии которой отсутствуют в синташтинских, потаповских и покровских комплексах. У него брюшко обработано только двумя крупными сколами (илл. 225, *5*), в то время как у стрел из погребений колесничных культур изящной мелкой ретушью покрывалась вся поверхность (илл. 225, *8-21*). Еще одна отличительная черта – оформление спинки. У наконечников из комплексов Кунаковский 2 3/3 и Беслан А/703 она имеет двухскатную форму с выраженным ребром (илл. 225, *4, 5*). В результате изделия в сечении получили характерную треугольную форму. У наконечников Синташты-Потаповки-Покровска обе поверхности оформлены симметрично, т.е. у них либо на обеих сторонах есть ребрышки и предметы имеют подромбическое сечение (илл. 225, *10, 15*), либо они сглажены и тогда сечения является линзовидным (илл. 225, *8, 14, 16, 18, 21*). В этой связи в подавляющем большинстве случаев у колесничной серии по рисунку сложно определить, где спинка, а где брюшко. Наконец, есть некоторые различия в форме пера и пропорциях. Стрелы «турбинского/покровского» типа из покровских, потаповских и синташтинских комплексов в большинстве случаев имеют либо вытянутые пропорции (узкое основание и длинной перо) (илл. 225, *8, 9, 13, 17, 19*), либо, наоборот, они приземистые (широкое основание и короткое перо) (илл. 225, *10, 11, 15, 20 ,21*). Причем, у серии колесничных культур чаще всего основание является самой широкой частью изделия (илл. 225, *9–21*), в то время как у наконечников из погребений Лолы и ДДБК наблюдается небольшое сужение пера к усеченному основанию, так что наибольшее расширение приходится либо на середину изделия, либо на нижнюю половину (илл. 225, *4–7*). Кроме

того, у экземпляров из комплексов Кунаковский 2 3/3 и Зимняя Ставка 1 4/1 основание можно назвать прямым с известной долей условности. Оно занимает промежуточное положение между прямым и овальным (илл. 225, *4, 6*). Такой особенности нет на изделиях колесничной серии, где прямое основание является обязательным типообразующим признаком (илл. 225, *8–21*). Пожалуй, ближе всего к колесничной серии стоит наконечник из Котлубани (илл. 225, *7*), но и здесь следует отметить отдельные отличительные детали. Максимальное расширение пера у него приходится на середину, а главное, по длинной центральной оси тулова есть неретушированные участки (илл. 225, *7*), чем это изделие ближе к технике обработки стрелки из комплекса Беслан А/703 (илл. 225, *5*), чем наконечникам колесничной серии, которые обычно ретушировались полностью, без слепых участков (илл. 225, *8–21*).

Таким образом, кремневые стрелы с усеченным основанием появляются значительно раньше фазы ПКБ III (2000–1800 calBC) и известны уже на заре посткатакомбной эпохи – фазе ПКБ I (2200–2100 CalBC). Тот факт, что наконечники с усеченным основанием в посткатакомбных погребениях не имеют синхронной культурно-хронологической связи с изделиями «турбинского/покровского типов», которые позже распространились в военизированных северных культурах, подтверждает локализация лолинских захоронений с этом типом изделий. Все три комплекса (илл. 224, *1, 2, 4*) находятся не просто в южной части ареала культуры, а на его южном пограничье (илл. 221), т.е. в той части, которая наиболее удалена от территории колесничных культур (илл. 217). Вероятно, симптоматичным в этом отношении выглядит и локализация единственного комплекса ДДБК, в котором обнаружен наконечник с усеченным основанием (илл. 223, *1*). Он расположен в контактной зоне культурных кругов Бабино и Лола (илл. 221), где пересекаются ареалы ДДБК, ВДБК, лолинской культуры и ВУКГ. Подводя итог, следует отметить, что наконечники с усеченным основанием, которые стали причиной смерти индивидов в днепро-донском бабинском (илл 223, *1*) и

лолинских (илл. 224, *1, 2, 4*) захоронениях при внешней схожести (илл. 225, *4–7*) ни в коем случае нельзя отождествлять со стрелами «турбинского/покровского» типа (илл. 225, *8–21*), которые были на вооружении колесничных культур. Об этом свидетельствует морфология наконечников, техника изготовления и ретуширования, хронология и локализация.

Все эти наблюдения придают ситуации загадочный характер. Если мы возьмем принцип названия типов стрел по тем культурам, к которым они принадлежат, как, например, «турбинский/покровский» или «сейминский/абашевский», то наконечники с усеченным основанием из бабинского и лолинских комплексов (илл. 225, *4–7*) следует назвать «неизвестным» типом (илл. 225). Интрига состоит в том, что стрелами этого типа были убиты люди, обнаруженные в погребениях (илл. 223, *1*, 224, *1, 2, 4, 6*) и, если культурная атрибуция захоронений не вызывает никаких сомнений, то кому принадлежали наконечники «неизвестного» типа определить пока невозможно (илл. 225). Ни разу такой тип наконечника не был обнаружен в колчанных наборах или достоверно в качестве сопровождающего инвентаря в захоронениях культурного круга Лола. Не могли они принадлежать и носителям бабинских традиций. В соседних кавказских культурах они неизвестны. По всей видимости, воины, которые эксплуатировали «неизвестный» тип наконечника, не принимали участие и в штурме Ливенцовско-Каратаевской крепости (см. ниже), т.к. такие стрелы не обнаружены в ее материалах. Решение вопроса об их культурной принадлежности требует дальнейшего накопления материала. Могу только очень осторожно предположить, что с учетом локализации (Предкавказье и южная часть Нижнего Поволжья) и хронологии этих изделий (фазы ПКБ I и II), они могли все-таки принадлежать местным посткатакомбным социумам, т.е. свидетельствуют о конфликтах внутри культурного круга Лола и между носителями лолинских традиций и ДДБК. В таком случае в дальнейшем следует ожидать появление наконечников «неизвестного» типа в качестве

сопровождающего инвентаря и, возможно, в колчанных наборах в лолинских и/или невинномысских погребениях. Однако так ли это, покажут дальнейшие полевые исследования.

Иначе дело обстоит с костяным наконечником из уникального коллективного погребения 3 кургана 14 мог. Песчаный V (илл. 224, *3*, 225, *1*). В культурном отношении он хорошо опознается. Подобные длинные роговые наконечники были в арсенале вооружения гинчинской культуры Северо-восточного Кавказа (илл. 225, *2, 3*). В частности, серия таких наконечников происходит из склепа 5 мог. Ирганай 1 (Магомедов, 1998, рис. 108, *7–21*). Характерна хронология «братской могилы» из Песчаного. В его инвентаре присутствуют фаянсовые бусы с двумя выступами (илл. 224, *3*), которые уверенно позволяют отнести комплекс к раннему этапу культурного круга Лола (фаза ПКБ I). Его формирование было связано с миграцией в степь населения Северо-восточного Кавказа. Именно в этот период и происходили военные столкновения, что и подтверждает гинчинская стрела в костяке лолинского мужчины.

Группа 2 с травматическими повреждениями на костях умерших в посткатакомбных материалах насчитывает пока всего два комплекса ВДБК, но они выразительны. В обоих случаях на черепах погребенных фиксируются проломы (илл. 223, *8, 9*, 228). Они интересны не только фактом смертельных ранений, нанесенных орудиями типа каменных топоров, которые хорошо известны во всех культурах бронзового века, но и тем, что в обоих захоронениях, кроме явно смертельных травм, находились и наконечники стрел. В первом комплексе Смеловка 2/3 при наличии смертельного травматического повреждения на черепе хорошо видно, что сначала погибший был ранен в спину, а потом добит ударом тяжелого тупого орудия в голову (илл. 223, *9*). В комплексе Петрунино II 5/2 ситуация отличается. При наличии явной смертельной черепной травмы в комплексе тоже присутствуют стрелы. Однако здесь они находятся в отдалении от скелета и связаны с производственными процессами, а именно, с наборами мастеров-

изготовителей стрел, поэтому в комплексе вместе с кремневыми наконечниками присутствуют и каменные выпрямители древков стрел (илл. 223, *8*).

Следы травматических повреждений от ударов по голове культурно идентифицировать, конечно, пока очень сложно, если вообще возможно. Чаще антропологам и археологам удается определить тип оружия, которым были нанесены удары, как в случае с «братской могилой» знаменитого Пепкинского кургана в Среднем Поволжье, где также фиксируются выстрелы из лука в спину и добивание раненых топорами, в данном случае, металлическими (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с. 17; Медникова, Лебединская, 1999; Кузнецов, 2004; Медникова, 2019). Впрочем, сузить круг «подозреваемых» культур, в результате действий носителей которых были убиты люди из Петрунино II и Смеловки, можно. Из него следует исключить лолинскую культуру вследствие удаленности этих комплексов от Предкавказья и колесничные культуры ввиду того, что на момент возникновения рассматриваемых комплексов они еще не существовали. ВДБК датируется фазами ПКБ I и II (илл. 168) (см. главы 2 и 6). Смеловское погребение находится в Заволжье (илл. 221). Вряд ли носители Днепро-Донского Бабино смогли форсировать Волгу. Ее памятники на Правобережье единичны, а на левобережье отсутствуют вовсе. В посткатакомбный период в Волго-Уралье, кроме ВДБК, существовала ВУКГ лолинского круга (см. главу 5). Таким образом, человек, исследованный в погребении 3 кургана 2 мог. Смеловка, был убит в результате конфликта либо внутри Волго-Донского Бабино, либо между ней и волго-уральской группой. Благодаря картографированию бабинских погребений со стрелами и наборов для их изготовления Р.А. Литвиненко выдвинул убедительную гипотезу, что люди из кургана 5 мог. Петрунино II погибли в результате конфликта носителей Волго-Донского и Днепро-Донского Бабино (Литвиненко, 2012, с. 63, 66; 2019, с. 326, 327; 2020, с. 339–341; 2021). Однако, на мой взгляд, в противостоянии носителей ДДБК и ВДБК речь шла не об экспансиях с завоеванием

территорий, как считает Р.А. Литвиненко, а об отдельной инфильтрации боевых отрядов в инокультурное окружение (см. главу 2).

5.2. Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира?

Ливенцовско-Каратаевская крепость представляет собой уникальный фортификационный комплекс финала среднего бронзового века СБВ на территории Восточной Европы (Братченко, 1960; 1976; 2006; Ильюков, Ромащенко, Шеф, 2001; Ильюков, 2002; 2007; Кияшко, 2021). Он до сих пор не имеет аналогий не только в восточноевропейских древностях, но и в сопредельных макрорегионах. Крепость расположена в дельте Дона, на правом высоком берегу р. Мертвый Донец (илл. 229). Его топография как нельзя лучше соответствует фортификационному назначению памятника. С.Н. Братченко дал точную характеристику этому объекту: «Левенцовская крепость, а по аналогии с ней и Каратаевская, представляли собой своеобразные поселения-убежища с долговременной каменной фортификацией… Они состоят из свободного пространства площадью 1,3–1,5 га, окруженного со всех сторон оборонительными рвами и стеной. Последняя, как и рвы, не сплошная, а состоит из отдельных звеньев чередующихся сооружений, разделенных проходами. В одних из них на высоких платформах находились жилища, другие представляли толстые стены… Вершина этих построек и кровля жилищ служили боевыми площадками» (Братченко, 2006, с. 172).

Феноменальность Ливенцовско-Каратевской крепости заключается не только в беспрецедентной для Восточной Европы фортификации, но и в том, что она на уровне поселенческих памятников наиболее ярко иллюстрирует уровень конфронтации в конце средней – начале поздней бронзы в днепро-уральском регионе. Она была осаждена, подвержена штурму, который стал причиной «ее падения после ожесточенных боев» (Братченко, 2006, с. 165). Главным и несомненным свидетельством этого служит тот факт, что площадь памятника, на которой были проведены раскопки, буквально усеяна

кремневыми наконечниками стрел, многие из которых сломались от ударов об камни жилых и фортификационных конструкций. По данным С.Н. Братченко на раскопе в ливенцовской части крепости площадью около 1800 кв.м было обнаружено 692 каменных наконечника стрел (Братченко, 2006, с. 36, 128). Большей частью они концентрировались в проходах, ведущих внутрь крепости, т.е. в наиболее напряженных точках противостояния между осаждёнными и осаждавшими[63].

Уникальный памятник, который ярко отражает в концентрированном виде военную конфронтацию на рубеже III–II тыс. до н.э., сразу же вызвал особый интерес со стороны исследователей. Самым востребованным направлением анализа стали попытки установления культурной принадлежности отрядов воинов, которые штурмовали крепость (Мимоход, 2022в). Этот вопрос начал активно обсуждаться спустя некоторое время после публикации первых данных о раскопках памятника (Братченко, 1967). Если проанализировать историографию проблемы, то достаточно четко можно выявить две тенденции. Одна группа исследователей, более многочисленная, связывает воинские отряды, осаждавшие крепость, с культурами начала поздней бронзы, которые сейчас принято называть колесничными, вторая – рассматривает атаковавшие группы в рамках более раннего культурно-хронологического периода конца средней бронзы. Причем, эти две концепции развивались синхронно, только начиная с нынешнего столетия.

Начало дискуссии о культурной принадлежности отрядов, напавших на Ливенцовско-Каратаевскую крепость, положила В.Д. Рыбалова, которая предположила, что она была сооружена для обороны от «срубников» (Рыбалова, 1974, с. 45). Эта идея развивалась Э.С. Шарафутдиновой, которая на протяжении почти 20 лет рассматривала нападавших как носителей

[63] Ливенцовско-Каратевская крепость по этому признаку демонстрирует один из самых высоких показателей градуса военной конфронтации, который в разы превосходит соответствующие данные знаменитых укрепленных поселений синташтинской культуры (Малютина, Зданович Г., Семьян, 2015, с. 71, 72; Епимахов, Семьян, 2016, с. 81). Классические примеры гибели поселений бронзового века в результате набегов, такие как Малокизильское селище (Сальников, 1967, с. 35–40; Черных, 1972, с. 69, 70; Пряхин, 1976, с. 108, 109) и пос. Коркино I (Чемякин, 2014, с. 100–102) в Зауралье, также не могут даже приблизиться по масштабам массированной атаки с применением оружия дальнего боя, зафиксированной на форпосте в дельте Дона.

покровских или раннесрубных традиций (Шарафутдинова, 1978, с. 80; 1983, с. 32; 1995а, с. 104; 1996а, с. 95; Каминская, Шарафутдинова, 1999, с. 97). В этом же ракурсе решал проблему и В.И. Клочко (2006, с. 148). Дальше всего по пути уточнения обсуждаемой культурно-хронологической атрибуции пошел В.В. Отрощенко. Он отнес штурмовавшие группы к синташтинской культуре, тем самым обозначив, что крепость пала в ходе дальнедистанционной миграции с востока на запад (Отрощенко, 2002, с. 182). Эту идею активно поддержал Л.С. Ильюков (2012, с. 125; 2013, с. 27). В качестве подтверждения этой версии ее сторонники приводят находку бронзового наконечника стрелы в одиночном кургане ТЭЦ-79 на западной окраине г. Ростов-на-Дону (Ильюков, 1991, рис. 8), который имеет убедительные аналогии в синташтинской культуре (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 171, *3*, 185, *1–5*; Ткачев В., 2007, рис. 59, *8*, 5, *3*; Шевнина, Логвин, 2015, рис. 61, *4*; Епимахов, Семьян, 2016, рис. 1, *16, 17*). Однако привлечение этой стрелы в качестве доказательства штурма Ливенцовско-Каратаевской крепости синташтинцами (Отрощенко, 2002, с. 182; Ильюков, 2012, с. 124; 2013, с. 26) нельзя принять. Наконечник был найден в насыпи кургана вне комплекса в нескольких километрах от форпоста, и связь его с этим памятником не имеет смысла обсуждать даже на уровне гипотезы.

Несмотря на популярность концепции о принадлежности осаждавших крепость отрядов к колесничим культурам, которая чуть ли на стала аксиоматичной, спустя четверть века после появления она была поставлена под сомнение. Р.А. Литвиненко обратил внимание на то, что в коллекции наконечников, которыми был усеян памятник, отсутствуют классические покровские и синташтинские наконечники (Литвиненко, 2001в, с. 17; 2009, с. 403). Эта идея была поддержана С.Н. Братченко, который полностью исключил возможность участия «в штурме столь отдаленных соседей» (Братченко, 2006, с. 171). При такой постановке проблемы возникла необходимость и в пересмотре культурной принадлежности воинских

отрядов, которые штурмовали крепость. С.Н. Братченко полагал, что ее падение было обусловлено конфликтами, которые «имели место в среде носителей культуры Бабино и населения каменско-левенцовской группы» (Братченко, 2006, с. 171). Начал обсуждаться тезис и об южном посткатакомбном предкавказском происхождении отрядов, атаковавших ливенцовско-каратевские укрепления (Литвиненко, 2009, с. 403; 2009б, с. 71; Мимоход, 2013, с. 157; 2022в).

Таким образом, если кратко сформулировать основные выводы по историографическому обзору, то их можно свести к концепциям, образно выражаясь, «двух миров». Первая традиция, которая появилась еще в 70-х гг. прошлого века, связывает падение Ливенцовско-Каратаевской крепости с осадой воинов колесничных культур начала ПБВ, вторая – более поздняя, это событие относит к концу СБВ и ставит вопрос о возможных конфликтах внутри посткатакомбного мира. Противоречивость ситуации хорошо прослеживается на примере эволюции взглядов Л.С. Ильюкова. В 2002 г. он пишет, что «воинственно-настроенные люди, окружившие обе крепости, могли относится к кругу позднекатакомбных племен» (Ильюков, 2002, с. 153), а уже через 10 лет приходит к окончательному выводу о синташтинской культурной принадлежности нападавших отрядов (Ильюков, 2012, с. 125; 2013, с. 27), правда, с возможным участием в составе осаждавшего войска «аборигенного» позднекатакомбного населения (Ильюков, 2013, с. 27). И в этом уточнении кроется второе серьёзное противоречие уже хронологического характера. Исследователь возвращается на историографические позиции прошлого века с констатацией хронологического стыка, если не сосуществования, позднекатакомбного периода и начального этапа ПБВ, тем самым оставляя за скобками своих построений на тот момент уже хорошо изученную посткатакомбную эпоху.

Показательно, что фактически все выводы сторонников обеих концепций сделаны исключительно на типологии наконечников стрел, которые были обнаружены в руинах, поэтому имеет смысл начать именно с ее

рассмотрения, пытаясь разобраться на вынесенный выше в заглавие вопрос. Исчерпывающую классификацию, которую разработал С.Н. Братченко для этой категории инвентаря по материалам Ливенцовско-Каратевской крепости, сложно переоценить (Братченко, 2006, с. 135–145). Самый многочисленный тип – это черешковые башневидные наконечники (166 экз.) (илл. 230, *1*), второй тип (или вариант предыдущего типа по С.Н. Братченко) представлен черешковыми листовидными (137 экз.) (илл. 230, *2*), третий – черешковыми треугольно-листовидными изделиями (127 экз.) (илл. 230, *3*). Остальные разновидности немногочисленны. Отдельные группы составляют узкие стрелы с овальным основанием (не менее 15 экз.) (илл. 230, *4*), и выемчатые наконечники (11 экз.) (илл. 230, *5*), характерные для восточноевропейского среднего бронзового века. В классификации С.Н. Братченко в отдельный тип не выделяются кремневые изделия, обнаруженные в ходе раскопок Л.С. Ильюковым на каратаевском участке крепости (илл. 230, *6*). Они рассматриваются в качестве заготовок для наконечников стрел (Братченко, 2006, с. 185). Не отрицая такой возможности, все-таки следует обратить внимание, что по морфологии, характеру ретуши и массивности эти экземпляры полностью соответствуют типу 1 варианту 1 кремневых наконечников лолинской культуры (илл. 226, *2, 3*) (Мимоход, 2013, с. 146, 147, илл. 67, *4–7*), которые, в свою очередь, имеют аналогии в позднекатакомбных и гинчинских материалах (Мимоход, 2013, илл. 69, *1–7*), поэтому, на мой взгляд, есть смысл рассматривать каратаевские изделия не как заготовки, а как наконечники отельного типа – широкие с овальным основанием (илл. 230, *6*).

Как уже было показано, наиболее популярная концепция, связывает отряды, осаждавшие крепость, с воинами культур, которые сейчас относят к кругу колесничных. По всей видимости, сторонники этой гипотезы основываются лишь на том факте, что памятник усеян черешковыми стрелами, которые действительно были очень слабо представлены в СБВ, где они начинают появляться ближе к его концу, зато становятся одним из основных видов вооружения дальнего боя в эпоху поздней бронзы. Здесь следует

отметить, если можно так выразиться, определенный историографический казус. Дело в том, что, скорее всего, сама версия о «покровской» и/или «раннесрубной» инвазии, в результате которой пала Ливенцовско-Каратаевская крепость, стала набирать популярность с 70-х гг. XX в. Она была основана на факте сопоставления С.Н. Братченко черешковых наконечников с некоторыми раннесрубными экземплярами (Братченко, 1976, с. 125, 127). Эти аналогии справедливо были названы «довольно уловными, а потому сомнительными» (Литвиненко, 2009, с. 402; 2009б, с. 71). При этом сам автор раскопок ливенцовского участка крепости никогда не отождествлял нападавших с носителями покровско-раннесрубных традиций и указывал, что большинству наконечников аналогии в срубных материалах отсутствуют (Братченко, 1976, с. 127).

Если детально сопоставить серии черешковых стрел Ливенцовско-Каратаевского укрепленного комплекса с соответствующими наконечниками культур Синташта-Потаповка-Покровск, то исчезнут всякие сомнения по поводу их идентичности. В представительной коллекции колесничных культур фактически отсутствуют, либо представлены единичными экземплярами, основные типы, найденные в руинах памятника: черешковые башневидные (илл. 231, *1–6*)[64], черешковые листовидные (илл. 231, *7, 8*) и треугольно-листовидные (илл. 231, *9–11*). В свою очередь, в материалах Ливенцовско-Каратевской крепости совершенно не представлены классические наконечники, которые стандартно входят в колчанные наборы воинов колесничных культур (илл. 232–235). Речь идет о стрелах «сейминского/абашевского» типа. Они имеют короткий треугольный

[64] В работе О.В. Кузьминой и А.И. Крамарева при анализе синташтинских наконечников упоминаются черешковые башневидные изделия (Кузьмина, Крамарев, 2021, с. 156). Однако речь идет о металлических наконечниках, некоторые из которых действительно имеют похожую форму. У них до середины пера грани параллельны, затем симметрично сужаются к острию, но при этом пропорции этих изделий сильно отличаются от листовидных башневидных из Ливенцовско-Каратевской крепости. Синташтинские экземпляры имеют приземистые с более широким пером пропорции, а не вытянутые с узким лезвием, не говоря уже о различии в материале и наличии нервюры на бронзовых стрелах. В синташтинской культуре есть и кремневые реплики бронзовых изделий (Шевнина, Логвин, 2015, рис. 64, 6–10), но и они имеют такие пропорции и иногда со свисающими шипами. Как бы то ни было, но даже такие бронзовые и кремневые наконечники в материалах форпоста в дельте Дона отсутствуют.

черешок, треугольную форму пера и нередко выраженные шипы (илл. 231, *12–18*) (Кузьмина О., 1992, с. 65; Кузнецов, 2004, рис. 3, *IV*; Кузьмина О., Крамарев, 2020, с. 293; 2021, с. 144, рис. 3, *1–10*, 13, *8–11*). Отсутствует на Ливенцовско-Каратевском укрепленном комплексе еще одна хорошо известная разновидность системы вооружения дальнего боя колесничных культур – стрелы «покровского» или «турбинского» (по О.Н. Бадеру (1964, с. 97)) типа с усеченным основанием (илл. 231, *19–21*). Принципиально отличается и характер ретуши наконечников из крепости и комплексов круга Синташта-Потаповка-Покровск. В первом случае изделия зачастую были обработаны характерной пильчатой ретушью кавказского происхождения (илл. 231, *1–11*) (Братченко, 2006, с. 258), во втором – изящной тонкой ретушью, трансмедиальной или билатеральной (илл. 231, *12–19*) (Горащук, Кузнецов, 1999, с. 108). Неоднократно зафиксированные случаи нахождения в колчанах совместно стрел «сейминского/абашевского» и «турбинского/покровского» в погребениях блока Синташта-Потаповка-Покровск (илл. 232–235) не оставляет сомнения в их культурной принадлежнсти.

Таким образом, сравнение ливенцовско-каратевских черешковых наконечников (илл. 231, *1–11*) и стрел колесничных культур (илл. 231, *12–21*) ярко иллюстрирует их типологическое различие, что может свидетельствовать о разном культурном происхождении. Исключение возможности принадлежности кремневых наконечников из руин крепости к кругу древностей Синташта-Потаповка-Покровск предполагает поиск других претендентов на участие в штурме нижнедонского форпоста. Это заставляет внимательно рассмотреть данные южных культурных образований, тем более, что часть исследователей, которые занимались этой темой в той или иной степени, констатировали возможное присутствие групп предкавказского происхождения в составе войска, осаждавшего крепость (Братченко, 2006, с. 171; Литвиненко, 2009, с. 403; 2009б, с. 71; Мимоход, 2013, с. 156, 157; 2022в). Не отрицал этого факта и наиболее последовательный сторонник

колесничной концепции захвата форпоста Л.С. Ильюков (2012, с. 125; 2013, с. 26, 27), т.к. нельзя было игнорировать находки на площади памятника наконечников из обсидиана. Кавказское происхождение этого материала в восточноевропейской степи сомнений не вызывает (Жеребилов, Беспалый, 1997).

В Предкавказье есть немногочисленные, зато прямые аналогии фактически всем типам стрел, которые обнаружены внутри Ливенцовско-Каратаевской крепости. Точные соответствия самым распространенным на памятнике наконечникам – черешковым башневидным (илл. 236, *1–3*) происходят из комплекса Суворовский 10/6 в Верхнем Прикуабнье (илл. 236, *4, 5*) (Нечитайло, 1979, рис. 52, *3–5*), который датируется финалом суворовской катакомбной культуры. Здесь полностью идентичны форма черешка и пера, которое до половины или немного выше имеет параллельные грани, переходящие в острие, что и придает им форму, которую С.Н. Братченко назвал башневидной. Наконечник этого типа известен и в захоронении невинномысской культуры, которое расположено недалеко от Ливенцовско-Каратевской крепости (илл. 224, *5*, 236, *6*). И суворовские, и невинномысский, и целый ряд ливенцовских экземпляров обработаны характерной кавказской пильчатой ретушью. Также в Южном Предкавказье можно найти прямые аналогии и другому достаточно многочисленному типу стрел, которыми усеяны крепостные руины. Речь идет о черешковых треугольно-листовидных наконечниках (илл. 236, *7–9*). Полностью идентичный экземпляр происходит из комплекса Черноярская 3/10 раннелолинской культуры в Северной Осетии (илл. 236, *10*). Как и в предыдущем случае, ливенцовские и черноярский наконечники также обработаны в одинаковой технике пильчатой ретуши. Находят убедительные аналогии в предкавказских погребениях и узкие листовидные стрелы с овальным основанием. На Ливенцовско-Каратаевской крепости они немногочисленны, но, тем не менее, составляют заметную серию (илл. 236, *11–13*). Точные копии этим наконечникам происходят из

погребений родственных культур: лолинской и невинномысской (илл. 236, *14, 15*)[65]. Наконец, массивные листовидные стрелы с широким основанием, обнаруженные в раскопе на каратаевском участке памятника (илл. 236, *16, 17*), имеют убедительные соответствия среди самого распространенного типа стрел в лолинской культуре (илл. 236, *18, 19*).

Значение предкавказских аналогий ливенцовско-каратаевской коллекции кремневых стрел заключается не только в структурных сходствах, указывающих на определенное единство их происхождения, но и в ситуативном контексте их обнаружения в захоронениях. В комплексе Суворовский 10/6 оба башневидных наконечника располагались рядом справа от бедра скелета (илл. 237, *1*), т.е. они входили в один колчанный набор. Такая же ситуация зафиксирована в п. 10 к. 3 мог. Черноярская. Здесь черешковый треугольно-листовидный и листовидный с узким основанием кремневые наконечники и еще один черешковый костяной также лежали вплотную друг к другу за спиной умершего (илл. 237, *2*). По реконструкции С.Н. Братченко, за спиной обычно носили колчан лучники энеолита — бронзового века (Братченко, 1989, с. 80; 2006, с. 279). Расположение колчанного набора по отношению к скелету в черноярском погребении находит аналогии в материалах ДДБК (илл. 222, *1, 5*) (Полидович, 1993, рис. 50; Литвиненко, 1998б, с. 49; Разумов, 1999, с. 213; Братченко, 2006, рис. 129, с. 279), потаповских, синташтинских, покровских и срубных комплексах (илл. 232, 233, *3*) (Шишлина, 1990, с. 27; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 18, *2*; Виноградов Н., 2003, рис. 38, *2*; Епимахов, 2005, рис. 41, 47; Юдин, 2008, рис. 7). Показательна ситуация и с листовидными стрелами с широким основанием (илл. 236, *16, 17*). Как уже отмечалось, этот тип наконечника

[65] Следует отметить, что листовидные наконечники с узким основанием присутствуют в небольшом количестве в синташтинских и раннепокровских (ДВАК) материалах (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, 51, *10*, 113, *10*; Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, рис. 3, *14, 15*; Ткачев В., 2007, рис. 3*, 8, ж*, 56, 17–23; Мимоход, 2013, илл. 69, *15–17*). Однако этот факт не отменяет того, что именно в сочетании с самыми распространенными типами на Ливенцовско-Каратевской крепости наконечниками (башневидный и треугольно-листовидный), которые отсутствуют в комплексах Синташа-Потаповка-Покровск, они вместе с ними находят убедительные аналогии в комплексах позднего периода СБВ Предкавказья, причем, в комплексе Черноярская 3/10 они находились в одном колчанном наборе (илл. 237, *2*).

состоял на вооружении носителей лолинской культуры (илл. 236, *18, 19*). В раннелолинском комплексе Манджикины 1 9/1 он входил вместе с заготовками в состав набора мастера-стрелодела (илл. 237, *3*). Такие наборы, полные или редуцированные, хорошо представлены в погребениях катакомбных культур (Смирнов Ю., 1983, с. 170–177; Санжаров, 1988, с. 25–27; 1991, с. 240–250; 2008, с. 30, 40, 53; Николова, Бунятян, 1991, с. 134; Березуцкая, 1993, с. 51; Кулик, 1996, с. 50; 1997, с. 48–49; Кияшко В., Яценко, 2001, с. 275–283; Кравец, 2001, с. 21; Братченко, 2006, с. 248; и др.). Обнаружение листовидных стрел с широким основанием, их заготовок в производственном наборе в погребении из Манджикин (илл. 237, *3*), без сомнения, свидетельствует в пользу производства таких стрел в местной лолинской среде.

Таким образом, все вышеприведенные данные (типология и ситуативное расположение в могилах) позволяют констатировать то, что подавляющее большинство типов стрел, обнаруженных на территории Ливенцовско-Каратевской крепости, находят прямые аналогии в позднекатакомбных и посткатакомбных погребениях Предкавказья. Здесь они входили в состав производственного и колчанных наборов. Это означает, что на заключительном этапе СБВ черешковые башневидные и треугольно-листовидные наконечники, а также листовидные изделия с узким и широким основанием были на вооружении у поздне- и посткатакомбных групп Предкавказья, в том числе у носителей лолинской и невинномысской культур.

Типологический и контекстуальный анализ, который отсекает возможность участия в осаде отрядов колесничных культур и задает вектор поиска культурной атрибуции нападавших в посткатакомбной предкавказской среде, должны основываться на надежных основаниях, которые позволят установить время падения крепости и определить ее место в системе относительной хронологии восточноевропейского бронзового века. Для этого первостепенное значение имеют две находки, сделанные на ее территории: п. 6 на ливенцовском участке и костяная пряжка в слое – на каратаевском.

В заполнении рва, в его придонной части, на ливенцовском участке обнаружено п. 6 (илл. 237, *5*) (Братченко, 1995, рис. 2, *6*; 2006, рис. 24, *1, 2*). Захоронение относится к хорошо известной группе погребений, которые совершались на поселениях после окончания их функционирования (Мимоход, 1997; Иванова Д., Табарев, 2018; Mimokhod, Zagorodnia, 2019a; Мимоход, Загородняя, 2020a, с. 122–124). Под тазом умершего находилась кольцевидно-узкопланочная костяная пряжка (илл. 237, *5*). Стратиграфическая позиция этого комплекса свидетельствует, что погребение было совершено ненамного позже падения крепости (Братченко, 2006, с. 92, 93), т.е. оно выступает terminus ante quem для времени ее существования. Подобные изделия в Восточной Европе характерны для фазы ПКБ II. Ливенцовскую пряжку (илл. 238, *12*) внутри посткатакомбного мира можно уверенно сопоставить с поясной гарнитурой типа Ипатово-Типки второго этапа лолинской культуры (илл. 238, *32–34*) и аналогичным изделием заключительного периода волго-уральской культурной группы (илл. 238, *35*). Как уже отмечалось, есть подобные изделия в гинчинской культуре Северо-восточного Кавказа и средневолжской абашевской культуре, где они также не датируются позже фазы ПКБ II.

Вторая культурно-хронологически значимая находка происходит из раскопок на каратаевском участке крепости. Речь идет о костяной пряжке из слоя памятника (Ильюков, 2007, с. 621). Она относится к типу 2 по классификации Р.А. Литвиненко (2009б, с. 51, рис. 2), т.е. имеет одно отверстие с бортиком вокруг него и прямое сечение (илл. 238, *13*)[66]. Поясные детали этого типа в бабинских культурах, равно как и в невинномысской, маркируют исключительно фазу ПКБ II (илл. 238, *14–16, 20–22, 23–25, 29*)[67]. Таким образом, узко датирующиеся категории инвентаря и стратиграфические данные показывают, что драматические события, которые привели к падению

[66] Рисунок изделия любезно предоставлен Р.А. Литвиненко и А.Н. Усачуком.
[67] Если брать пятиступенчатую периодизацию ДДБК, предложенную Р.А. Литвиненко (2020. Рис. 1), то пряжки, аналогичные каратаевской, будут относиться к периоду IIA, т.е. к началу фазы ПКБ II.

одного из самых знаковых восточноевропейских форпостов, не могло произойти позже фазы ПКБ II, т.е. 2100–2000 CalBC.

Для того, чтобы дополнительно обосновать этот факт, необходимо рассмотреть основные тенденции эволюции поясных пряжек по трем основным посткатакомбным периодам (илл. 238). На фазе ПКБ I в ранних ДДБК и лолинской культуре распространяется фигурная поясная гарнитура, в первой из них – это крючково-планочные изделия европейской традиции (илл. 234, *1, 2*), во второй – кольцевидно планочные пряжки европейской традиции типа Чограй-Кевюды (илл. 238, *9–11*). В это же время в ДДБК и ВДБК существуют поясные детали типа 1 и 1а (Литвиненко, 2009б, рис. 2) – кольцевые пряжки с линзовидным или усечено-коническим сечением с одним отверстием (илл. 238, *3–8*). На фазе ПКБ II во всех бабинских культурах распространяются поясная гарнитура типа 2 (илл. 238, *13–16, 20–22, 23–25, 29*). По периодизации Днепро-Донского Бабино Р.А. Литвиненко такие пряжки маркируют период IIА. К фазе ПКБ II к ее поздней стадии (период IIБ ДДБК по Р.А. Литвиненко) относятся пряжки типа 2о – округлые изделия ровные в сечении с двумя разновеликими отверстиями и бортиком вокруг центрального (илл. 238, *17–19, 26–28, 30, 31*). В лолинской культуре для фазы ПКБ II становятся характерны фигурные кольцевидные с т-образной планкой роговые пряжки типа Ипатово-Типки (илл. 238, *32–34*). В ВУКГ в это же время известна узкопланочная реплика этого типа (илл. 238, *35*), точная аналогия которой происходит из Ливенцовско-Каратевской крепости (илл. 238, *12*). Хронологическими индикаторами заключительной фазы ПКБ III служат поясные детали типа 3о – это изделия чаще овальной, реже округлой формы, изогнутые в сечении, с центральным большим и малым дополнительным отверстиями. Они хорошо представлены в ДДБК, ДПБК, а также в невинномысской культуре (илл. 238, *36–41, 43, 44*). В последней и лолинских древностях на фазе ПКБ III распространяются также изогнутые в сечении поясные подвески типа Элиста-Калиновский (илл. 238, *42, 45, 46*). В этот период в посткатакомбных материалах начинают встречаться пряжки

покровского облика (илл. 238, *44, 51*), которые являются свидетельствами межкультурных контактов носителей посткатакомбных и колесничных традиций.

Для ответа на основной вопрос о сторонах конфликта, принципиальное значение имеет хронологическое соотношение типов пряжек, представленных в колесничных культурных образованиях и в материалах Ливенцовско-Каратевского укрепленного комплекса. В культурах круга Синташата-Потаповка-Покровск неизвестны пряжки фазы ПКБ II ни лолинской, ни бабинской традиции, т.к. формирование этого блока приходится на фазу ПКБ III. Здесь присутствуют более поздние модификации костяных поясных деталей – это изогнутые, реже прямые в сечении изделия, с центральным и дополнительным отверстиями (илл. 238, *47, 48, 50*), которые структурно близки типам 3о и Элиста-Калиновский культурных кругов Бабино и Лола (илл. 238, *36–43, 45, 46*).

Таким образом, типологический анализ кремневых наконечников из Ливенцовско-Каратевской укрепленного комплекса показал, что основные их типы не могли принадлежать колесничным культурам, которые эксплуатировали стрелы другой морфологии, изготовленные в принципиально иной технике ретуширования. Сравнение серии изделий из крепости со стрелами поздне- и посткатакомбных групп Предкавказья позволяет предполагать, что именно выходцы с этих территорий могли принимать активное участие в штурме нижнедонского форпоста. Разведение во времени Ливенцовско-Каратевского укрепленного комплекса и колесничных культур начала поздней бронзы позволяет создать непротиворечивую картину хронологии крепостей с учетом данных стратиграфии, типологии кремневых наконечников стрел и эволюции бабинских и лолинских пряжек (илл. 239). Давно выдвинут и обоснован тезис, что сама крепость могла быть основана выходцами из Предкавказья (Братченко, 1985а, с. 462; Каминская, Шарафутдинова, 1999, с. 95–97; Братченко, 2006, с. 230). Примечательно, что до выделения каменско-ливенцовской культуры С.Н. Братченко рассматривал

этот форпост как поздний северокавказский памятник (Братченко, 1976, с. 119, 128)[68]. Новая волна передвижения посткатакомбных групп на север могла вызвать локальный военный конфликт, который привел к падению крепости. В результате можно предположить, что в случае с гибелью Ливенцовско-Каратевского форпоста мы имеем дело с военной конфронтацией внутри посткатакомбного мира, причем, в его южной части, на фазе ПКБ II (2100–2000 CalBC). Виток боевого противостояния между культурами Синташта-Потаповка-Покровск, которые продвигались с востока на запад, с одной стороны, и позднебабинскими социумами, с другой, приходится на фазу ПКБ III (2000–1800 CalBC). Только на этом этапе, образно выражаясь, можно говорить о войне миров (посткатакомбного и колесничного) (Мимоход, 2022в; 2022г). К этому времени драматические события вокруг Ливенцовско-Каратаевской крепости уже отшумели, и она находилась в руинированном состоянии.

5.3. Динамика развития, культурная специфика и хронология военных конфликтов

Как было показано, в посткатакомбном мире мы имеем достоверные свидетельства наличия военных конфликтов. На заре его становления фиксируются следы военного противостояния разных потоков мигрантов и местного населения, конфликты существуют и внутри сформировавшегося посткатакомбного блока (2200–2000 CalBC), окончание существования которого связано с противостоянием двух блоков культур: посткатакомбного и колесничного (2000–1800 CalBC). Степень выраженности в археологических источниках этих событий разная – от эпизодической до системной, но, тем не менее, единичные свидетельства, не говоря уже о серийных, позволяют в общих чертах составить представление о военных конфликтах того времени, их участниках и влиянии на культурно-генетические процессы.

На фазе ПКБ I происходит формирование блока посткатакомбных культурных образований. Это время разновекторных миграций из Европы и с

[68] В таком же культурном контексте В.Д. Рыбалова рассматривала материалы пос. Каменка в Восточном Крыму (Рыбалова, 1966, с. 179).

Кавказа (илл. 213), которые катализируют военную напряженность. Причем, в культурном отношении свидетельства боевых столкновений можно разделить на две группы. Первая иллюстрирует конфликты между носителями посткатакомбных традиций и соседними общностями, которые являлись либо исходным очагом миграции, как в случае с кавказским вектором, либо той территорией, по которым проходил маршрут передвижения, как в ситуации с европейским импульсом.

В первом случае, речь идет о столкновениях в Предкавказье единичных кавказских (гинчинских) групп, которые стремились сохранить свою культурную идентичность, с носителями уже оформившейся раннелолинской культурой. Здесь имеется ввиду не единичность групп, мигрировавших с Северо-восточного Кавказа в степь, контакт которых с местным финальнокатакомбным населением привел к формированию лолинской культуры, в частности, и культурного круга Лола, в общем (см. выше), а тех, скорее всего, единичных и маргинальных общин кавказского происхождения, которые в условиях резко меняющейся реальности пытались сохранить свою исходную идентичность. Шансы на идентификацию их в археологических материалах ничтожно малы, особенно с учетом того, что в исходном ареале гинчинской культуры курганный обряд не входил в число культурных маркеров. Раннелолинский комплекс Песчаный V 14/3 с гинчинской стрелой (илл. 224, *3*) – это редкая археологическая удача, которая позволяет поставить данный вопрос. Не исключено, что похожие конфликты могли происходить и с северными соседями, через ареал которых (пограничье лесостепной и лесной зон) осуществлялось движение центральноевропейских и карпато-дунайских групп, которые вступали в контакт со шнуровыми культурами Восточной Европы (в нашем случае с поздней среднеднепровской), катализируя их активность. Отдельные группы этой культуры могли продвигаться на территорию ДДБК, где столкновение с ее носителями становилось неизбежным, о чем пока предположительно и, конечно, косвенно может свидетельствовать раннебабинский комплекс Близнецы 1/1 (илл 222, *5*).

Вторая группа – это столкновения внутри посткатакомбного мира. На уровне прямых свидетельств можно констатировать конфликты внутри культурного круга Бабино, а именно между воинами ДДБК и ВДБК (Петрунино II 5/2). Если привлечь данные картографирования, то именно на фазе ПКБ I можно наблюдать наиболее активную инфильтрацию носителей разных посткатакомбных культур в инокультурное окружение. Так, раннелолинские группы проникают на территорию ДДБК в Нижнее Подонье до дельты Дона включительно, а также на юг современной Волгоградской области в ареал ВДБК (илл. 181). Причем, интересно, что обратная ситуация не прослеживается. Комплексов носителей бабинских традиций в культурном круге Лола фактически нет (илл. 181). Зато достаточно четко на фазе ПКБ I фиксируются передвижения групп родственных культур внутри культурного круга Бабино. Отдельные социумы ДДБК, состоящие главным образом из мужчин, проникают в ареал соседнего Волго-Донского Бабино, достигают верховий р. Иловля, т.е. фактически выходят на левобережье Волги (илл. 52). Однако такие рейды не приводят к сокращению территории ВДБК и говорить об изменениях ареалов культур не приходится, тем более что фиксируется и обратная ситуация, когда единичны группы носителей волго-донских бабинских традиций проникают на исконную территорию ДДБК в Подонцовье (илл. 52). Однако следует отметить, что пассионарность социумов Днепро-Донского Бабино была заметно выше, чем у ВДБК, но проявлялась она только в широтном направлении и только в рамках культурного круга Бабино. Это хорошо иллюстрирует и передвижения на фазе ПКБ I носителей днепро-донских бабинских традиций в противоположном от эпонимной территории направлении, которое Р.А. Литвиненко образно назвал «западным сюжетом» (Литвиненко, 2020, с. 341, 350). Отдельные комплексы ДДБК выглядят явно оторванными от основного ареала и присутствие носителей этой культуры фиксируется вплоть до Днестровско-Прутского междуречья (илл. 181) (Литвиненко, 2018, рис. 1; 2020, рис. 6). Это движение исследователь расценивает как стремительное и скоротечное (Литвиненко, 2020, с. 350), и не

как миграцию, а как «военную кампанию» в финальноингульскую культурную среду, которая привела к формированию ДПБК (Литвиненко, 2018, с. 22; 2020, с. 352; 2021, с. 14).

На фазе ПКБ II военные столкновения фиксируются пока только внутри блока посткатакомбных культурных образований. По всей видимости, это закономерно. Эпоха масштабных миграций фазы ПКБ I прошла, а время возникновения военизированных обществ колесничных культур и их экспансии на запад еще не наступило. И хотя произошла стабилизация ареалов, что характерно для развитых периодов существования культурных феноменов, тем не менее, конфликты продолжаются как между представителями разных общностей (культурный круг Бабино и культурный круг Лола), так и внутри них.

В пограничье ДДБК и лолинской культуры, на Нижнем Дону, присутствуют погребения носителей днепро-донских бабинских традиций со свидетельствами ранений (илл. 221). Речь идет о комплексах Ясырев I 8/9 и Елкинский I 1/6 (илл. 223, *2, 7*)[69]. Как уже было показано, есть все основания полагать, что наконечники стрел, которые обнаружены среди костей скелетов, принадлежали лолинским воинам, что свидетельствует о продолжении традиции военных походов лолинцев в ареал Днепро-Донского Бабино. При этом археологических свидетельств рейдов бабинцев в обратном направлении на юг, а равно как и погребений носителей лолинских традиций, которые были бы убиты бабинскими стрелами, не наблюдается, на что обращал внимание Р.А. Литвиненко (2019, с. 328). Иными словами, во взаимоотношениях Лолы и ДДБК ситуация на фазе ПКБ II принципиально схожа с той, что реконструируется для более раннего периода ПКБ I.

На обоих хронологических отрезках фиксируется стремление носителей лолинских традиций закрепиться в Нижнем Подонье при отсутствии какого-либо интереса в отношении экспансии на юг у днепро-донских бабинских

[69] Возможно, и Малая Мартыновка 1/3 (Кияшко, 2002, рис. 66, *11–14*).

социумов. Причем, следует отметить любопытную закономерность. На фазе ПКБ I, скорее всего, характер лолинских походов был более масштабен, чем в последующий период. Об этом свидетельствует наличие на Нижнем Дону памятников раннелолинской культуры (илл. 56, 181), которые показывают, что пребывание здесь ее носителей имело некую протяженность, позволявшую соблюсти погребальный ритуал и даже, как в случае, с комплексом Новый 130/7 соорудить над могилой насыпь (илл. 57, *2*). Парадокс заключается в том, что прямых свидетельств военной конфронтации между Лолой и ДДБК на фазе ПКБ I в археологических материалах не фиксируется. На фазе ПКБ II ситуация противоположная – при отсутствии на Нижнем Дону лолинских погребений мы имеем случаи убийств и ранений лолинскими стрелами индивидов в бабинских могилах, т.е. прямые свидетельства конфликтов здесь есть, а памятников лолинской культуры фазы ПКБ II на этой территории уже нет. Такую ситуацию можно интерпретировать в контексте того, что система военных походов лолинцев на фазе ПКБ I, которая ставила целью закрепление и удержание новой территории, не увенчавшаяся, впрочем, успехом, на фазе ПКБ II сменилась тактикой военных набегов с целью грабежа и отъема скота, столь характерной для традиционных скотоводческих обществ.

В эту концепцию можно органично встроить и драматические события, развернувшиеся вокруг Ливенцовско-Каратаевской крепости, которые приходятся тоже на фазу ПКБ II. Как было показано выше, нижнедонской форпост, по всей вероятности, пал в результате штурма южных посткатакомбных отрядов. Грандиозная по тем временам крепость в дельте Дона была не только стратегическим укрепленным центром, но и, без сомнения, богатейшим поселением. Постройка монументальных сооружений с фортификационной и жилой функциями, которые сочетали грунтовые (рвы) и мощные каменные конструкции, некоторые фрагменты из которых можно сравнить с циклопическими кладками (Братченко, 2006, фото 10), требовала значительных людских и, соответственно, экономических ресурсов. Планировка крепости, как показали раскопки, на ливенцовском и

каратаевском участках была одинакова. Это крепостные стены со рвами и жилыми помещениями, которые с напольной стороны окружали оба участка. При этом внутренние части, ограниченные укреплениями, коренной террасой р. Мертвый Донец и оврагами, оставались свободными от застройки (илл. 237, *4, 5*). С.Н. Братченко, анализируя материалы раскопок и планиграфию памятника писал: «Свободное пространство крепости – около 1,3 га – использовалось для содержания скота… На нем в случае опасности могло разместиться при плотной стоянке до 5–6 тыс. голов, а при свободной, с учетом возможных легких построек-стойл, около 3 тыс.» (Братченко, 2006, с. 166). Даже с учетом понятной условности подобных расчетов, нет сомнения в том, что Ливенцовско-Каратаевская крепость в рассматриваемую эпоху представляла собой, в случае ее взятия, один из самых емких источников обогащения. Исследователь каратаевского участка памятника справедливо обратил внимание на то, что за крепостными «стенами пастухи укрывали животных. Захват и угон животных являлись основной целью рейда вооруженных… воинов, появившихся в степях нижнего Дона» (Ильюков, 2013, с. 27). Выше уже говорилось о том, что форпост был основан выходцами из Предкавказья, оттуда же совершили набег и отряды, разграбившие крепость (илл. 229).

Фиксирующая на фазах ПКБ I и II военная активность носителей лолинских традиций в отношении ДДБК Нижнего Подонья и отсутствие свидетельств обратной реакции имеет свое объяснение. Оно кроется в специфике культурно-хозяйственных моделей, обусловленных климатическими особенностями регионов, занимаемых культурам бабинского и лолинского кругов. Основной ареал культурного круга Лола связан с южными опустыненными и средними сухими степями. Как следствие, здесь эксплуатировалась модель скотоводства, специализировавшаяся на разведении овец. Культуры круга Бабино занимали территории преимущественно северных степей и лесостепь. Аридность климата в этих зонах была выражена меньше, чем в лолинском ареале. Это обуславливало

иную модель хозяйствования. В бабинском стаде важную роль наряду с МРС играл и крупный рогатый скот, занимая второе место по количеству, а также реже встречаются кости лошади и даже свиньи (Березанская, 1986, с. 25, 26, 39; Писларий, 1995, с. 60, 62, табл. 4; Берестнев, 2001, с. 63; Литвиненко, 2006а, с. 182; Мимоход, 2021, с. 18). Как уже отмечалось, в культурном круге Бабино известны и стационарные поселения, что говорит о практике пастушеского скотоводства. В культурном круге Лола неизвестны даже кратковременные стоянки, а овцеводческая модель предполагает кочевое скотоводство. В такой ситуации становится понятным, почему лолинцы безуспешно пытались поначалу освоить более благоприятную зону к северу от своего ареала, а потом ограничивались военными, по всей видимости, грабительскими набегами. Последние, скорее всего, были эффективным инструментом обогащения для мобильных южных групп, которые оказывались в более выигрышной ситуации по сравнению с пастушеским населением с относительно оседлым образом жизни. По этой же причине носители бабинских традиций не предпринимали фиксируемых попыток проникнуть на лолинскую территорию. Во-первых, это не имело для них никакого смысла, т.к. климат предкавказских южных опустыненных и средних степей не подходил для системы их хозяйствования[70]. Во-вторых, даже возможные ответные бабинские набеги на лолинские земли с целью угона скота также имели мало перспектив. Кочевой характер скотоводства лолинского населения, предполагавший постоянные передвижения, оставлял мало шансов для прямых боевых столкновений.

Таким, образом хозяйственный уклад бабинских культур, напрямую обусловленный природно-климатическими условиями, создавал предпосылки только для широтных передвижений. На фазе ПКБ II можно наблюдать ситуацию близкую той же, что и в предыдущий период. Отдельные памятники ДДБК расположены на основной территории Волго-Донского Бабино

[70] Этот же фактор на фазе ПКБ III обеспечил сохранность существования поздних лолинской и невинномысской культур при западной экспансии колесничных культур (см. ниже).

(илл. 52). Это достоверно устанавливается по наличию в комплексах Горный 2/3,4, Глушица 1/1, Шляховский 3/5 кольцевых пряжек с бортиком вокруг отверстия типа 2 (илл. 53, *6, 8, 10, 12, 14*). Они расположены на территории междуречья нижнего течения р. Медведица и Дона (илл. 52). Как уже отмечалось в главе 2, на фазе ПКБ I носители днепро-донских бабинских традиций продвинулись вглубь ВДБК, выйдя фактически на правый берег Волги (илл. 52), а затем на фазе ПКБ II произошел их откат ближе к своим землям. В свою очередь, в этот же период сократилось и присутствие носителей Волго-Донского Бабино в ареале ДДБК. Оно представлено всего одним комплексом Лимаревка 1/20 (илл. 52).

На фазе ПКБ II, как и на восточном фланге, в Днепро-Прутском междуречье также происходит откат ДДБК к своей основной территории. Связан он с формированием ДПБК, но свое присутствие носители днепро-донских бабинских традиция сохраняют в Днепро-Молочанском-Присивашском регионе (илл. 181) (Литвиненко, 2020, с. 350), которая является ареалом Днепро-Прутского Бабино (Литвиненко, 2009, рис. 2; 2018, с. 27, рис. 2, 5). Следы боевых действий, хоть и менее выраженные по сравнению с ДДБК, имеются и в материалах носителей днепро-прутских традиций бабинских традиций (Литвиненко, 2019, с. 317, 320, 321, 323). Это наконечники стрел в скелетах, но подавляющее большинство принадлежат выемчатым типам, которые эксплуатировались воинами всех бабинских культур. Такие комплексы могли сформироваться как в результате конфликтов внутри ДПБК, так и между ними и носителями Днепро-Донского Бабино.

Фаза ПКБ III (2000–1800 CalBC) демонстрирует, пожалуй, самый масштабный виток конфликтов в рассматриваемую эпоху. Связан он с формированием блока колесничных культур и их экспансией в западном направлении (илл. 217). Столкновение их, в том числе военное, с посткатакомбным миром было неизбежным и на это многократно обращалось внимание от тезисных замечаний до развернутых сюжетов (Братченко, 1985,

с. 458; Шарафутдинова, 1978, с. 80, 81; 1983, с. 31–32; 1991, с.72; 1995, с. 104; 1995а, с. 80, 81; 1996а, с. 94; Литвиненко, 1995, с. 80–83; 1996, с. 68; 1998а, с. 50; 2001в, с. 16; 2009, с. 401–404; 2009б, с. 73; 2019, с. 328–330; 2020, с. 352; 2021, с. 14; Мимоход, 2005, с. 72; 2006, с. 252; 2013, с. 335, 336; Мимоход, Загородняя, 2020, с. 148, 149; Mimokhod, Zagorodnia, 2019; 2021, p. 68).

В характере взаимоотношений между посткатакомбными культурами и блоком Синташта-Потаповка-Покровск можно выделить три разновидности. Первая из них связана с судьбой тех образований, которые оказались в ареале формирования военизированных обществ начала поздней бронзы, т.е. в волго-уральском очаге культурогенеза. Речь идет о Волго-Донском Бабино и волго-уральской группе. По сравнению с остальными посткатакомбными культурами ВДБК и ВУКГ имеют короткую хронологию и датируются только фазами ПКБ I и II (илл. 168). Их расположение в Нижнем и на юге Среднего Поволжья, а также в Волго-Уралье, привело к тому, что, они были включены в стремительно развивающийся культурогенез колесничных культур (фаза ПКБ III). Вряд ли этот процесс был мирным, особенно с учетом того, что есть достоверные свидетельства военных столкновений последних с ДДБК и ДПБК. Однако, его характер был настолько взрывным, что не оставил в археологических материалах никаких следов конфронтации Волго-Донского Бабино и волго-уральской группы с носителями колесничных традиций. Впрочем, значительных боевых столкновений могло и не быть. Процесс по каким-то причинам происходил настолько стремительно, что посткатакомбное население Нижнего Поволжья и Волго-Уралья было очень быстро поглощено представителями более мощных и лучше организованных военизированных обществ, став одним из компонентов их генезиса (см. ниже).

Иначе дело обстояло с другими культурными образованиями круга Лола. Здесь мы тоже не имеем свидетельств их военных столкновений с северными культурами начала поздней бронзы, но обусловлено это было другими причинами, чем в выше охарактеризованной ситуации. Возникновение блока Синташта-Потаповка-Покровск не привело к

прекращению существования лолинской и невинномысской культур, как это было в случае с ВДБК и ВУКГ. Южные посткатакомбные социумы продолжали населять предкавказские степи на фазе ПКБ III. Главную роль здесь сыграл фактор, который уже обсуждался выше при реконструкции военного противостояния носителей бабинских и лолинских культур. Территория последних, которая располагалась в зоне южных опустыненных и средних сухих степей, где практиковалась овцеводческая модель, не вызывала никакого интереса с точки зрения экспансии у обществ, которые сформировались на заре позднего бронзового века. Система хозяйствования колесничных культур была основана на комплексном пастушеском скотоводстве при очевидном доминировании в стаде КРС и паритетном присутствии лошади, МРС и свиньи. Как видно, по сравнению с данными бабинских культур, общества начала поздней бронзы демонстрируют еще более выраженные признаки оседлости, которые, кроме состава стада, проявляются и существенном росте количества стационарных поселений. Даже у социумов культурного круга Бабино, где КРС занимал второе место по отношению к МРС, южные аридные степи, приспособленные к овцеводческой специализации хозяйства, не вызывали интереса (см. выше), что уже говорить о колесничных культурах с их более развитым в отношении комплексности скотоводческим укладом. Во избежание столкновений с грозным соперником, которые привели бы к неминуемому поражению, носителям лолинской культуры достаточно было покинуть средние сухие степи, где отдельные ее памятники были известны на фазе ПКБ II (Мимоход, 2013, илл. 127, *2*), и углубиться в полупустынную зону на фазе ПКБ III (Мимоход, 2013, с. 335, 336, илл. 128). Социумы невинномысской культуры, особенно ее юго-восточного варианта ввиду своего территориального расположения, скорее всего, о драматических событиях, потрясших посткатакомбный мир на заключительном этапе его существования, если и знали, то понаслышке.

Совсем иная ситуация на фазе ПКБ III сложилась во взаимоотношениях между колесничными и бабинскими культурами, прежде всего, между поздней

ДДБК и носителями покровской традиции. Как уже отмечалось, в силу специфики культурно-хозяйственного типа, обусловленного природно-климатическим фактором, социумы военизированных обществ начала поздней бронзы устраивала только широтная экспансия в западном направлении, с учетом локализации первичного ареала. Если ВДБК и ВУКГ, оказавшись в центре культурогенеза колесничных обществ, были скоротечно поглощены ими, а лолинские группы, покинув зону средних сухих степей, сконцентрировались в своей изначальной экологической нише, то территория ДДБК неминуемо оказалась в сфере интересов только что сформировавшихся военизированных и, как следствие, агрессивных культур блока Синташта-Потаповка-Покровск. Их движение на запад привело к военным столкновениям с представителями Днепро-Донского Бабино, которые хорошо прослеживаются по археологическим материалам. Причем, эти свидетельства имеют односторонний характер, т.е. мы имеем бабинские погребения, в которых находились индивиды со следами ранений и убийств стрелами, принадлежавших воинам колесничных культур (илл. 223, *3, 5*), при отсутствии обратной ситуации. Расположены эти комплексы в Нижнем Подонье и Подонцовье (илл. 221), именно на той территории, где и происходило расширение покровского и сокращение бабинского ареалов. Самый западный пункт этой группы, комплекс Калиновка 1/4, принадлежит Днепро-Прутскому Бабино (илл. 223, *4*). Как справедливо отметил Р.А. Литвиненко: «Примечательно, что данное захоронение выявлено в Присивашье – восточной части ареала ДПБК, ближайшей к предполагаемой зоне противостояния с покровцами» (Литвиненко, 2019, с. 328). Экспансия колесничных культур на запад, интенсивная на начальных стадиях, иссякла в днепро-донецком регионе, на юге Среднего Поднепровья достигнув фактически левобережья Днепра (илл. 217), (Литвиненко, 1995, рис. 1, *2*; 1995а, рис. 1). Стабилизация обстановки привела к тому, что финальная ДДБК существовала синхронно с покровскими древностями в днепро-донецком регионе (илл. 168). Причем, взаимоотношения между культурными

образованиями складывались так, что на некоторых поселениях Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья присутствуют слои с синкретической бабинско-покровской керамикой (Шаповалов, 1976, с. 151, 153, 154, рис. 3, *11–18*; 1979; Березанская, 1987, с. 26, 28, 33, 36; 1990, с. 9; Горбов, Усачук, 2001; 2001а; Санжаров, 2004а, с. 124–126; 2005а, с. 169; 2010, с. 417; Денисова, 2005, с. 181), что может свидетельствовать уже не о противостоянии, а о мирном сосуществовании.

Картографирование свидетельств этих военных конфликтов иллюстрируют конкретную их локализацию в рамках посткатакомбной ойкумены. Зоны повышенной пассионарности располагаются в Предкавказье и волго-донском междуречье и связаны они с военными конфликтами на раннем этапе возникновения блока посткатакомбных культурных образований и далее – на развитом (илл. 221). Кроме погребальных памятников, на фазе ПКБ II есть яркие свидетельства вооруженных конфликтов на Нижнем Дону, когда археологически достоверно фиксируется падение Ливенцовско-Каратаевской крепости. Памятник был усеян кремневыми черешковыми стрелами, прямые аналогии которым в этот период известны в южных районах Предкавказья. Свидетельства боевых столкновений между посткатакомбным и колесничным мирами на фазе ПКБ III, конечно, отстутсвуют в Предкавказье в силу выше охарактеризованных причин, и локализуются в волго-донском регионе и далее на запад от него в соответствии с направленностью экспансии новых военнизированных обществ начала поздней бронзы (илл. 217, 221).

§ 6. Посткатакомбный мир и культурогенез начала поздней бронзы

Культурные образования посткатакомбного блока в хронологическом отношении (фазы ПКБ I и II) непосредственно подстилали культуры начального периода ПБВ (илл. 168, 169), а на фазе ПКБ III были им синхронны (илл. 168, 169). Такое расположение на временной шкале не могло не отразиться на культурогенезе колесничных культур как в синхронном, так и диахронном планах. В нем приняли участие носители как бабинских, так и лолинских традиций.

Как уже отмечалось, на фазе ПКБ I в Волго-Уралье сформировалась одноименная культурная группа. Она является северным дериватом лолинской культуры. Механизм культурогенеза ВУКГ уже был подробно охарактеризован (Мимоход, 2010а; 2013, с. 325, 326). Он сводится к следующему. С притоком восточнокавказских групп часть населения предкавказской степи, «не вписавшаяся» в местный культурогенез лолинской культуры, вынуждена была уйти – частично в Нижнее Поволжье, на территорию ВДБК, а, главным образом – в пустующее волго-уральское междуречье. Это могло произойти только на стадии формирования Лолы, потому неудивительно, что в волго-уральской группе финала средней бронзы представлен адоративный (по сути, посткатакомбный и кавказский) обряд, но при этом сохраняются наиболее архаичные южные и юго-западные ориентировки скелетов, а также подбойные конструкции могил, которые генетически связаны с ВМКК. По сути, в Предкавказье и Волго-Уралье образовалось очень близкое в культурном отношении пространство. Типологически это явление сопоставимо с феноменом культур бабинского круга (Литвиненко, 2008а, с. 348, 349; 2008б, с. 18; 2009а). Подобно тому, как импульс из более ранней ДДБК привел к формированию днепро-прутских памятников, активный культурогенез в Восточном Предкавказье раннелолинского периода обусловил появление в Волго-Уралье посткатакомбной группы предсинташтинского времени.

С выделением волго-уральской посткатакомбной группы памятников, которую можно назвать и северным дериватом лолинской культуры, становится понятным заметный южный (кавказский и предкавказский) след, отчетливо фиксируемый в обрядово-инвентарном комплексе *синташтинской культуры.* Вполне определенно можно сказать, что историческая судьба носителей лолинской и волго-уральской традиций была тесно связана с колесничными культурными образованиями. Из них наиболее отчетливо участие посткатакомбных групп предкавказского происхождения прослеживается в сложении Синташты (Мимоход, 2011д; 2013, с. 327–332).

В контексте этой проблемы необходимо обратить пристальное внимание на то, что характерные для синташтинских погребений юго-западные ориентировки и адоративные позиции костяков (илл. 240, *1–10*) [71], являются элементами наглядного образа именно ВУКГ (илл. 240, *I*), которые, в свою очередь, восходят к соответсвующим признакам ОГ VII и VIII раннелолинской культуры (илл. 240, *II*). Выше уже было показано, что волго-уральская группа хронологически предшествует синташтинской культуре в её приуральском ареале. В этой связи представляют безусловный интерес доводы В.В. Ткачева, Н.Б. Виноградова и П.Ф. Кузнецова в пользу локализации первичного ядра Синташты к западу от Урала (Виноградов Н., 2006 с. 48; 2011, с. 82, 83; Ткачев В., 2007, с. 315; Кузнецов, 2010, с. 64). Отсутствие памятников ВУКГ в Зауралье хорошо вписывается в систему аргументов названных авторов. С посткатакомбным культурным наследием следует связывать и эпизодическое использование в синташтинском ритуале могил с подбойной конструкцией (илл. 240, *1*) (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 190; Ткачев В., 2005а, с. 55, 62). Вспомним, что погребения в редуцированных катакомбах характерны как для ВУКГ, так для лолинской и невинномысских культур. Иными словами, совпадение таких важных характеристик для любого погребального обряда, как ориентировка и положение скелета, у синташтинских и волго-уральских комплексов не может являться случайным, а отражает непосредственное участие посткатакомбных групп южного происхождения в генезисе синташтинской культуры. Подтверждает это наблюдение и использование в синташтинском погребальном ритуале костяных пряслиц и тупиков. И те, и другие хорошо представлены в культурном круге Лола. Как уже отмечалось, появление первых из них в Лоле, Невинномысске и ВУКГ связано с влиянием северокавказских погребальных традиций, вторые – местная посткатакомбная предкавказская новация, главную роль в возникновении которой сыграли

[71] Например, юго-западные ориентировки для приуральской синташтинской культуры составляют 42,3% от всех погребений (Ткачев В., 2007, с. 110).

представители ОГ VII и VIII «традиции Ю» лолинской культуры, т.е. именно тех групп, с которыми в обрядовом отношении связан синташтинский культурогенез.

С этих позиций получают надежное обоснование и выраженные южные (предкавказские и северокавказские) черты, фиксируемые в материальной культуре Синташты. Для иллюстрации остановимся на нескольких особенно показательных сюжетах.

Первый из них хорошо известен и уже обсуждался в рамках настоящей работы (см. главу 4). Речь идет о фактически полном совпадении типов фаянсовых бус с выступами, используемых в синташтинской культуре, культурном круге Лола и на Кавказе (илл. 241, *I, II, 1–9*), которые, в свою очередь, отличаются по типовому составу от бородавчатых и рожковых украшений ДДБК, ВДБК и позднекатакомбных культур. Следует обратить внимание, что из всех позднебронзовых образований горизонта щитковых псалиев именно для Синташты характерны фаянсовые бусы с выступами. Нет таких бус в Подонцовье и на Дону, а в Поволжье они встречены только два раза в ранних покровских комплексах (илл. 194). Этот факт не случаен: т.к. именно волго-уральские степи стали основной территорией для посткатакомбных групп, продвинувшихся из Предкавказья (илл. 181), поэтому в синташтинской культуре, сложившейся в Приуралье, южный компонент выражен отчетливее всего, что хорошо прослеживается на приведенном примере фаянсовых бус с выступами.

При желании это же можно продемонстрировать и по некоторым другим видам украшений. По всей видимости, именно с южными посткатакомбными группами, а, соответственно, и культурами СБВ Северо-восточного Кавказа, связано достаточно широкое распространение в синташтинской культуре наборов, в которые входят клыки животных и подвески из раковин (илл. 241, *10–17*). Подобные сочетания появляются в раннелолинской культуре под непосредственным влиянием восточнокавказских культур (илл. 241, *IV–VI*) и, вероятно, посредством волго-уральской группы становятся характерной

частью синташтинского костюма. Любопытно, что для абашевской культуры постшнурового мира, чей компонент в инвентарном комплексе Синташты выражен не менее, а, может быть, даже более отчетливо, чем южный посткатакомбный, подобные наборы из раковинных подвесок и клыков, равно как каменные и фаянсовые украшения, совершенно не характерны (Сальников, 1967, с. 121; Малов, 1992, с. 42; Кузьмина О., 2002, с. 157).

Важные свидетельства генетической связи Лолы и Синташты имеются и в металлокомплексе. Они проявляются в составе металла. В свете нашей гипотезы легко можно объяснить почти полное игнорирование оловянистых лигатур и предпочтение низкомышьяковистых сплавов в металлопроизводстве синташтинской культуры. Это признак не хронологический, а, скорее, культурный, восходящий к традициям Лолы, с полным доминированием в ней мышьяковых бронз, в том числе и с низким содержанием легирующего элемента (см. выше) (Гак, Мимоход 2009; Дегтярева, 2009, с. 35, 38, 37, табл. 2). Несомненный интерес вызывает наличие в синташтинском металлопроизводстве изделий из такого редкого для степной бронзы металла как латунь (Дегтярева, 2008, с. 299, 300; 2009, с. 35, 36, 37, табл. 2; 2010, с. 68, 69). Оно отсылает к поздней восточноманычской катакомбной культуре, т.к. в эпоху среднего бронзового века только в ней и реже в родственной западноманычской культуре встречаются серии бронзовых изделий с лигатурой цинка (Гак, 2004а, с. 48, 49; 2006, с. 140; Егорьков, Гак, Шишлина, 2004; Гак, 2011а, с. 80–82).

Определенная преемственность прослеживается и в типах бронзовых орудий. Выше уже было показано, что наиболее вероятная эволюционная линия развития, приведшая к широкому распространению в начале ПБВ, в том числе и в Синташте, узколистовидных кинжалов с намечающимся перекрестьем, восходит к предкавказским посткатакомбным клинкам 1-го типа. Эта генетическая связь еще более становится вероятной с учетом находок в комплексах синташтинской культуры ножей (илл. 241, *18–22*), которые полностью аналогичны узколистовидным изделиям лолинской

культуры (илл. 241, *VII*). Такой тип ножей в Синташте справедливо оценивается как реминисценции циркумпонтийских традиций (Дегтярева, Кузьминых, 2003, с. 287; Дегтярева, 2007, с. 60).

Не менее показательна ситуация и с серий синташтинских тесел (илл. 241, *23–26*). Они сопоставимы с группой изделий кнышевского типа, особенно характерных для позднекатакомбных памятников Восточного Предкавказья (илл. 241, *VIII*), непосредственно предшествовавших лолинским (Гак 2004, с. 79; Дегтярева, 2007, с. 54). Находка такого тесла в комплексе посткатакомбной волго-уральской группы Утевка I 1/2 (илл. 241, *IX*) хорошо увязывает предкавказскую и синташтинскую серии.

Никогда особых сомнений не вызывала связь бронзовых крюков Синташты со свернутой втулкой с предшествующими катакомбными культурами. Сейчас становится понятным, что этот тип орудий продолжает использоваться и в последующий посткатакомбный период, предшествующий появлению колесничных памятников. Однако из всех культурных образований этого времени находка бронзового крюка известна только в Предкавказье в комплексе невинномысской культуры Садовый 4/10 (илл. 241, *X*). Причем, предмет имеет довольно специфичную систему крепления с одним отверстием по центру кованой втулки. Единственный крюк того же времени и с таким же способом фиксации древка происходит из синташтинского погребения Большекараганского могильника (илл. 241, *27*).

Еще один сюжет связан с внезапным появлением в Синташте и Потаповке очень специфичных костяных стрел, для которых в Волго-Уралье исходные формы отсутствуют. Это довольно крупные костяные наконечники с асимметричным шипастым пером (илл 241, *29–32*) и двуперые черешковые наконечники с упором при переходе от насада к черенку (илл. 241, *28*). Прототипы данных стрел происходят из комплексов гинчинской культуры Северо-восточного Кавказа (илл. 241, *XI*). Такие своеобразные наконечники в потаповско-синташтинских комплексах, на мой взгляд, – это явление того же порядка, что и ярко выраженная на Южном Урале мода на фаянсовый бисер с

выступами, уходящая корнями в Предкавказье и на Кавказ. Черешковые костяные стрелы округлого сечения, известные в Синташте (илл. 241, *33*), также имеют ближайшие аналогии в гинчинской культуре (илл. 241, *XI*). Находят определенные морфологические соответствия в синташтинских материалах и листовидные кремневые наконечники лолинской культуры (Мимоход, 2013, илл. 69, *I, 10*).

По всей видимости, южное происхождение в колесничных памятниках, в частности, в Синташте и Покровске, имеют и каменные сверленые булавы с четырьмя грибовидными выступами (Мимоход, 2013, илл. 70, *11*). Аналогии этому типу изделий хорошо представлены на Северном Кавказе (Мимоход, 2013, илл. 70, *14-21*) и в лолинской культуре. Впрочем, они известны и в культурном круге Бабино и позднекатакомбных культурах (Мимоход, 2013, илл. 70, *1–5, 7–9*). В подавляющем большинстве случаев в кавказском, позднекатакомбном и посткатакомбном контексте они концентрируются на Северном Кавказе, Предкавказье, Днепро-Волжском междуречье и Южном Зауралье, т.е. именно на тех территориях, где располагались культуры финала средней – начала поздней бронзы, которые были вовлечены в культурогенез переходного периода этих двух эпох. С учетом более раннего возраста памятников позднего этапа СБВ по отношению к колесничим культурам начала ПБВ есть все основания рассматривать наличие в комплексах обоих периодов каменных булав с четырьмя выступами как индикатор генетической связи носителей посткатакомбных и колесничных традиций.

В свете наших рассуждений безусловный интерес представляют наблюдения О.Д. Мочалова в отношении синташтинского керамического комплекса. В орнаментации сосудов ранних колесничных памятников Южного Урала, прежде всего, в элементах рельефного узора, исследователь небезосновательно видит признаки связи с культурами Кавказа (Motchalov, 1996, p. 238; Мочалов, 2008, с. 246; 2010, с. 160; 2010а, рис. 1, с. 88). И хотя в керамике Синташты кавказские и предкавказские черты не так выразительны, как, например, в обряде, украшениях и металлокомплексе, и явно имеют

опосредованный характер, без них сложно объяснить некоторые специфические признаки синташтинской посуды.

Южный компонент в формировании синташтинско-потаповских памятников хорошо фиксируется и по данным краниологии. В целом серии колесничных культур Волго-Уралья гетерогенны и иллюстрируют процессы смешения разнородного населения (Хохлов, 2010, с. 145; 2010а, с. 113, 114; Хохлов, Китов, 2014; 2017, с. 99, 101, 115, 147; 2019), что находит подтверждение и по археологическим данным. Однако в краниокомплексе Синташты и Потаповки, наряду с мезокранными и брахикранными черепами, отчетливо прослеживается наличие южноевропеоидного долихокранного типа (Яблонский, Хохлов, 1994, с. 187; Хохлов, 1996; 2000, с. 316, 317; 2001, с. 361, 362; 2010, с. 145; 2010а, с. 113–126; 2017, с. 99, 101, 114; Lindstrom, 2002, p. 162; Рыкушина, 2003, с. 351–356; Хохлов, Китов, 2009, с. 5; 2019, с. 60), что хорошо согласуется с приведенными выше фактами об участии предкавказских посткатакомбных групп в формировании колесничных памятников Волго-Уралья. В этой связи небезынтересным выглядит наблюдение А.А. Хохлова о близости черепа из комплекса Шумаево II 6/1 ВУКГ потаповской серии (Хохлов, 2003а, с. 281, 282). Есть смысл напрямую процитировать антрополога. А.А. Хохлов пишет: «Причем иммигранты (на территории Волго-Уралья, в данном случае ВУКГ – *Р.М.*) являлись носителями, в первую очередь, южноевропеоидного антропологического типа. Здесь речь лишь об одном из путей возникновения в синташтинской среде подобного антропологического варианта» (Хохлов, 2017, с. 114, 115).

Таким образом, наличие в Волго-Уралье культурной группы – деривата ранней Лолы позволяет четко распознать в культурном отношении южный импульс в сложении Синташты. Он связан, прежде всего, с посткатакомбными памятниками Восточного Предкавказья, возникновение которых, в свою очередь, обусловил выход в степь скотоводческих групп Северо-восточного Кавказа.

В заключение следует отметить, что роль ВУКГ, а, соответственно, и лолинской культуры в сложении синташтинских памятников *не стоит абсолютизировать – это важный, но не единственный компонент сложения Синташты.* Абашевская составляющая данного феномена не менее выразительна, отчетливо фиксируются в нем следы и других участников синташтинского культурогенеза, но это тема отдельного исследования, выходящего за рамки данной диссертации.

На сегодняшний день представляется наиболее вероятным, что исторические судьбы носителей предкавказских посткатакомбных традиций были напрямую связаны с возникновением колесничных памятников Волго-Уралья и Зауралья. Причем, закономерно, что южный посткатакомбный, а, соответственно, и кавказский, компонент в рамках колесничного блока отчетливее всего проявился именно в синташтинских древностях. Как известно, последние напрямую связаны с индоарийской проблематикой. Предложенная концепция синташтинского культурогенеза, где ощутимый южный компонент связан с лолинской культурой и Северо-восточным Кавказом, может хорошо вписаться в объяснительную модель лингвистических заимствований из северокавказских и семитских языков в индоевропейских. На это, опираясь на наши с А.А. Хохловым разработки (Хохлов, Мимоход, 2008), обращала внимание Е.Е. Кузьмина (2010а, с. 21; 2010б, с. 13), очертив возможную перспективу дальнейших исследований в данном направлении.

В меньшей степени влияние культурного круга Лола проявилось в облике инвентаря покровской культуры, но и здесь можно увидеть отдельные южные элементы. Без сомнения, к ним относится распространение в покровских памятниках сурьмяных украшений восточнокавказских типов, которое вряд ли могло состояться без участия посткатакомбных групп, находившихся в непосредственном контакте с носителями каякентско-хорочоевской и протокобанской традиций. К тому же в посткатакомбных памятниках Предкавказья сурьмяное литье представлено на всех этапах

развития. В покровских и раннесрубных материалах известны сурьмяные подвески ромбовидные, лапчатые и волютовидные (илл. 242, *6–10*) (Смирнов К., 1959, рис. 8, *6*; Корнюшин, 1971, рис. 34, *3, 4*; Ильюков, 1979, рис. 6; Шилов, 1985, рис. 28; Саврасов, 1999, рис. 3, *8–12*; Берестнев, 2001, рис. 86, *31*; Березуцкий, Кравец, Новиков, 2005, рис. 5, *8*; Луньков, Лунькова, 2005, рис. 2; Юдин, Матюхин, 2006, рис. 20, *6, 7*; Максимов, Лопатин, 2007, рис. 3, *5*; Гак, Мимоход, Калмыков, 2012, рис. 7, *58–76, 78–80*). Фактически прямые аналогии этим украшениям представлены в материалах финала средней – начала поздней бронзы Северо-восточного Кавказа (илл. 242, *1–5*) (ОАК, 1898, с. 149; Круглов, 1958, рис. 25, *17, 18*; Котович В.Г., 1978, с. 66–67, рис. 3; 1982, рис. 9; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 6, *55*; Скаков, 2001, рис. 1, *10–12, 16*; 2003, рис. 1, *20–25*; Гак, Мимоход, Калмыков, 2012, рис. 3, *3–5, 12, 13*, 6, *47–49, 53, 54*). Обращает на себя внимание вектор распространения сурьмяных изделий, который хорошо прослеживается при их картографировании (илл. 243). Оно показывает, что решающую роль в появлении этого металла на территории степной зоны сыграл восточнокавказский импульс. Не случайно памятники с сурьмой массово тяготеют к водным артериям, связывающим Северо-восточный Кавказ, восточное Предкавказье, Поволжье и Волго-Уралье. В Западном Предкавказье вплоть до низовий Дона пункты нахождения сурьмяных вещей вообще отсутствуют, далее к северу и западу они единичны (илл. 243). Очевидно, что эта часть Восточной Европы оказалась в стороне от магистральных путей распространения сурьмы, равно как и территории к западу от Дона.

Таким образом, Волго-Донское междуречье, Нижнее и южная часть Среднего Поволжья, а также Волго-Уралье были теми территориями, где участие южного посткатакомбного компонента в сложении древностей начала поздней бронзы четко прослеживается по такой специфической категории инвентаря как сурьмяные украшения. Отмечаемая картина хорошо ложится в русло концепции, объясняющей появление новых степных культурных образований в конце СБВ – начале ПБВ миграцией населения с территории

Северо-восточного Кавказа. Сначала эта миграция обусловила формирование культурного круга Лола, после чего посткатакомбные группы южного происхождения приняли активное участие в формировании культур начала ПБВ Волго-Уралья и Поволжья.

Ситуация, близкая распространению украшений из сурьмы, наблюдается при нанесении на карту пунктов нахождения фаянсовых бус с выступами в памятниках раннего периода поздней бронзы (илл. 194). Под воздействием импульса с Кавказа эти изделия распространяются в культурном круге Лола и культурном круге Бабино. Причем, в последнем случае бородавчатые и рожковые бусы представлены только в восточной части бабинского ареала, в материалах ДДБК и ВДБК (илл. 194). Изредка фаянсовый бисер с выступами встречается в покровских погребениях (илл. 194). Его также следует оценивать в качестве свидетельства участия посткатакомбных групп в культурогенезе начала поздней бронзы. Однако появление фаянсовых бус с выступами в Поволжье можно рассматривать не только как прямое влияние лолинских и бабинских традиций, но и как опосредованное через синташтинскую культуру. Как уже отмечалось, для последней этот тип украшений – одно из самых ярких проявлений участия посткатакомбного компонента в формировании Синташты.

С точки зрения участия носителей лолинских традиций в покровском культурогенезе заслуживает внимания еще один сюжет, связанный с поясными деталями (Мимоход, 2011а, с. 212; 2012б, с. 34, 35). Исследователи не раз обращали внимание на то, что среди группы пряжек, известных в колесничных памятниках, особняком стоит серия планочных пряжек, представленная в покровских погребениях (илл. 242, *21–29*) (Петров Ю., 1983, рис. 2, *1, 5*, 3, *11*; Пряхин, Матвеев, 1988, рис. 7, *5*; Литвиненко, 2001, с. 90, рис. 2, *5, 7, 8, 11, 12, 15, 16*; Мышкин, Турецкий, 2006. Рис. 9, *4*; Рогудеев, 2011, рис. 2, 4; Шарафутдинова, Житников, 2011, 71, *2*; Малов, 2022, рис. 15, *3*). Данные предметы явно выбиваются из общего типологического ряда кольцевых изделий, характерных для бабинских, покровских и синташтинско-

потаповских комплексов, наличием выраженной планки, в которой находится дополнительное отверстие (илл. 242, *21–29*). Это существенное отличие особенно показательно на фоне очевидного структурного сходства покровских пряжек с планкой с кавказскими и предкавказскими кольцевидно-планочными поясными деталями (илл. 242, *11–20*). В обеих подборках можно наблюдать одну и ту же идею – наличие кольца и планки с дополнительным отверстием. Серьезно отличаются только размеры планки. На пряжках более поздней покровской традиции эта деталь явно редуцирована (илл. 242, *21–29*) по сравнению с изделиями кавказского региона (илл. 242, *11–20*), что можно рассматривать в качестве хронологического индикатора.

При явном хронологическом приоритете кавказских планочных экземпляров по отношению к горизонту щитковых псалиев и наличии выраженного южного импульса в сложении колесничных культур есть основания предполагать, что отражением последнего на уровне такой специфической категории инвентаря, как костяные и роговые пряжки, являются как раз поясные детали с планками, которые распространяются в покровских памятниках.

Подтверждает генетическую связь обеих серий картографирование изделий из погребений начала ПБВ (илл. 244). Подавляющее большинство их расположено в Волго-Уралье и Поволжье, т.е. именно на тех территориях, где наиболее отчетливо проявился восточнокавказско-предкавказский компонент в сложении колесничных древностей[72]. Если сравнить карту распространения сурьмяных украшений на Кавказе и в Восточной Европе (илл. 243) и карту находок узкопланочных пряжек на этих же территориях (илл. 244), то мы увидим фактически полное совпадение ареалов в рамках триады Кавказ/культурный круг Лола/начало ПБВ Волго-Донья, Поволжья и Волго-

[72] Правда, пока сложно объяснить, почему планочных пряжек нет, например, в Синташте, в которой южный импульс ощущается сильнее всего. По-видимому, ответ на этот вопрос кроется в специфических чертах локального культурогенеза, которые обусловлены тем, какие конкретно группы южного посткатакомбного происхождения участвовали в сложении разных колесничных культур и насколько им была присуща традиция использования кольцевидно-планочных поясных деталей.

Уралья. Вряд ли сейчас у кого-то возникают сомнения в отношении кавказского происхождения сурьмы в памятниках поздней бронзы восточноевропейской степи-лесостепи, а, соответственно, сложно оспаривать и роль Лолы, посредством которой происходила трансляция этого феномена с Восточного Кавказа в указанные регионы. Совпадение ареалов находок сурьмяных украшений (илл. 243) и узкопланочных пряжек (илл. 244) в рамках обозначенной триады является весомым аргументом в пользу того, что кольцевидные поясные детали носителей лолинских и покровских традиций имеют генетическую взаимосвязь.

В материалах ДВАК (ранний Покровск) присутствует еще один хорошо опознаваемый тип поясной гарнитуры. Речь идет о пряжках фазы ПКБ III округлых или овальных, изогнутых в сечении с двумя разновеликими отверстиями (тип 3 по Р.А. Литвиненко). Они хорошо представлены в культурном круге Бабино (илл. 242, *30–32*). Появление этого типа изделий в погребениях колесничих Среднего Подонья (илл. 242, *33–35*) (Синюк, Килейников, 1976, рис. 3, *1*–3; Пряхин, Беседин, Левых, Матвеев, 1989, рис. 5, *4*; Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 9, *6–8*; Шарафутдинова, Житников, 2011, рис. 45, *8*; Голотвин, Пряхин, 2017, рис. 24, 64, *2*), по всей видимости, следует связывать с участием в культурогенезе ДВАК носителей поздней ДДБК, где пряжки этого типа являлись одним из значимых культурных индикаторов.

Широкое использование в покровском арсенале вооружения костяных граненых наконечников стрел (илл. 242, *45–50*), на мой взгляд, также имеет южные истоки. Более ранние втульчатые экземпляры финала средней бронзы трехгранные и четырехгранные в сечении представлены в гинчинских и раннелолинских памятниках (илл. 242, 43, 44). Известен такой наконечник и в позднекатакомбном комплексе Предкавказья (Мимоход, 2013, илл. 68, *15*). По всей видимости, и листовидные черешковые наконечники стрел из кости, которые встречаются в покровских и волго-уральских колесничных комплексах (илл. 242, *37–42*), происхождением также связаны с

Предкавказьем. В предшествующий период такой тип костяной стрелы известен только в раннелолинском захоронении предгорной зоны Северо-восточного Кавказа (илл. 242, *36*). Да и само сочетание в одном колчанном наборе костяных и кремневых наконечников стрел, которое повсеместно представлено в колесничных памятниках, в том числе и покровских, характерно для культур финала СБВ Северо-восточного Кавказа и ранней лолинской культуры (Мимоход, 2013, с. 143, 144). Изредка в ранних покровских комплексах встречаются черешковые стрелы из кремня, по технике исполнения и морфологии полностью идентичные раннелолинскому экземпляру из Черноярской (илл. 81, *12*). Причем, и обработаны они характерной для Кавказа пильчатой ретушью (Африканов, 2007, рис. 1, *3, 4*; 2010а, рис. 57, *5, 6*).

Есть свидетельства наличия посткатакомбного компонента в древностях начала поздней бронзы и в керамическом комплексе. Трехчастный ребристый профиль сосудов ПБВ, вероятно, восходит к мофрологии керамики культурного круга Бабино. Известна в памятниках ДВАК/Покровск и сосуды с многоваликовой орнаментации (Смирнов К., 1959, рис. 15, *17*; Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 10, *2*; Матвеев, 2006, рис. 3, *3, 5, 10*), которые также иллюстрируют обсуждаемую генетическую связь.

Как и в случае с Синташтой, посткатакомбное наследие в других колесничных памятниках более выражено в погребальном обряде, чем в инвентаре. В конечном итоге, соотношение ориентировок скелетов в Потаповке, Покровске и Синташте, похоже, напрямую зависит от того, какие посткатакомбные группы принимали участие в их генезисе. Явное преобладание в приуральских синташтинских погребениях юго-западных направлений, как уже было показано, связано с традицией соответствующих ориентировок волго-уральской группы, уходящих корнями в позднекатакомбное и раннелолинское время Восточного Предкавказья. Наличие паритетного соотношения юго-западных и северных векторов в памятниках потаповского типа объясняется тем, что в Самарском Заволжье в

равной степени представлены погребения ВДБК с ориентировками умерших в северный сектор и комплексы ВУКГ с южными направлениями. Наконец, явное преобладание в покровских погребальных памятниках скелетов с северным направлением черепов обусловлено полным совпадением их ареала с территорией Волго-Донского Бабино, где эта ориентировка была доминирующей.

Участие ВДБК в покровском культурогенезе хорошо подтверждается сохранением в обряде рудиментарных посткатакомбных признаков. В покровских и раннесрубных погребениях изредка встречается классическая поза умершего Волго-Донского Бабино, когда при скорченном положении левая рука протянута к коленям, а правая немного согнута в локте и кистью находится в районе таза (илл. 245, *9–12*). В ВДБК это самый распространенный вариант положения рук (илл. 245, *1–8*)[73]. Встречается в покровских захоронениях и другая характерная для культурного круга Бабино позиция рук (илл. 245, *13–16*), при которой одна рука вытянута к коленям, а вторая согнута в локте под прямым углом и ее кисть располагается в районе локтя другой руки (илл. 245, *17–20*). На эти выразительные посткатакомбные черты в покровском погребальном обряде исследователи давно обратили внимание (Шарафутдинова, 1999; Лапшин, 2006, с. 71, рис. 67), а Э.С. Шарафутдинова существенно расширила набор рудиментарных признаков в покровском обряде (Шарафутдинова, 2000, с. 264–269) при оговорке о том, что речь идет не о катакомбном, а посткатакомбном субтсрате.

Причем, в погребальном обряде всех колесничных культур господствующим становится адоративное положение скелета. Роль культурного круга Лола в распространении этой характерной черты в положении костяка сложно переоценить. Из всех культур рубежа СБВ-ПБВ степной зоны именно в Лоле мы фиксируем самое раннее массовое распространение скорченной позиции костяка с кистями рук у лица, либо у

[73] Известна такая позиция и в Потаповке (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 7, *1*, 17, *2*).

груди. На фазе ПКБ I такое положение умершего не было доминирующим в ДДБК и фактически не встречается в ВДБК. Как уже отмечалось, адоративная позиция скелета является одним из важнейших структурных элементов наглядного образа памятников культурного круга Лола, а ее широкое распространение здесь в финале СБВ напрямую связано с культурами Северо-восточного Кавказа. В этой связи, мнение В.В. Отрощенко о Синташте как основном источнике внедрения повсеместной практики совершения адоративного обряда захоронения в культурах ПБВ степи – лесостепи (Отрощенко, 2000, с. 67) сейчас уже представляется несколько прямолинейным[74]. Синташтинская культура в лучшем случае могла выступать как транслятор этого, по сути, кавказского, новшества, происхождение которого в колесничных памятниках Южного Урала было обусловлено участием в их генезисе южных посткатакомбных групп, в частности ВУКГ. Значительно более логичным сейчас представляется то, что именно Лола являлась той культурной средой, откуда адоративный обряд заимствовался соседними (северными) культурными образованиями, сначала посткатакомбными, а затем и колесничными. В противном случае сложно объяснить, почему, например, для раннего Днепро-Донского Бабино характерны еще катакомбные позиции рук, а уже со второго этапа доминирующей становится поза адорации (Литвиненко, 2006а, с. 175).

Распространение адоративного обряда в колесничных культурных образованиях в обрядовом отношении это один из самых значимых показателей участия посткатакомбных групп в их генезисе. Именно культуры финала СБВ, сформировавшиеся на территории катакомбной области, стояли у истоков всех основных стереотипов погребальной обрядности степной полосы в эпоху поздней бронзы. Этот факт, равно как и остальные свидетельства тесной генетической связи колесничных и посткатакомбных

[74] Правда, исследователь справедливо отметил на основе стратиграфических данных кургана 25 мог. Новый Кумак, где основным являлось захоронение волго-уральской посткатакомбной группы, что в синташтинских памятниках адоративный обряд распространился именно под ее воздействием (Отрощенко, 2000, с. 67).

культур, полностью подтверждается данными антропологии. Специалистами зафиксирована отчетливая морфологическая связь между покровской, раннесрубной, с одной стороны, и посткатакомбной сериями, с другой (Шевченко А., 1974а, с. 203; 1991, с. 133; Шепель, 1990, с. 122; Дяченко В., Круц, Сегеда, 1980, с. 25; Дяченко В., Круц, Сегеда, Данилова, 1983, с. 33; Круц, 1984; 1985, с.533; Батиева, 1999, с. 137; 2011, с. 167; Герасимова, Калмыков, 2007, с.253; Хохлов, Мимоход, 2008, с. 64, 67, 68; Хохлов, 2010б, с. 237; 2017, с. 133). О наличии южноевропеоидных долихокранных черепов в морфологически разнородных подборках Синташты и Потаповки уже говорилось. Становится все более очевидным, что основы тотальной долихокефализации восточноевропейского населения степи – лесостепи в развитый период позднего бронзового века были заложены в посткатакомбное время (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 68).

Таким образом, исторические судьбы культурного круга Бабино и культурного круга Лола, безусловно, были связаны с формированием колесничных культурных образований.

Выше уже было показано, что в системе относительной и радиоуглеродной хронологий на фазе ПКБ III позднелолинские и позднебабинские древности синхронны колесничным культурам начала ПБВ. Дальнейшая судьба посткатакомбных культурных образований завершающей фазы существования блока оказалась тесно связана с *территориальным распространением новых позднебронзовых традиций горизонта щитковых псалиев*, в зарождении которых немаловажную роль в свое время сыграли предки поздних лолинцев и бабинцев.

Развитие военизированных обществ Покровска, Синташты и Потаповки носило ярко выраженный экспансивный характер. Оказавшись в ядре формирования колесничных культур, из посткатакомбных образований раньше исчезают памятники ВДБК и ВУКГ, которые оказались полностью поглощенными и, вероятно, даже не столько в силовом, сколько в культурном отношении, покровскими и синташтинско-потаповскими социумами. Ареалы

же позднебабинских и позднелолинских памятников не совпадали с территорией формирования колесничных культур, это и определило специфику взаимоотношений между стремительно развивавшимися комплексными обществами новой эпохи и последними осколками посткатакомбного мира: Лолой и Бабино заключительных периодов развития.

Продвижение на юг носителей покровских традиций привело к сокращению ареала лолинской культуры. Близкая ситуация прослеживается и для позднебабинских памятников. Под воздействием носителей покровских традиций они смещаются в Нижнее Подонье и далее на запад. Верхнюю границу существования позднейших памятников культурного круга Бабино и культурного круга Лола определяет время распространения памятников *срубной культуры* (Мимоход, 2013, с. 336–338).

Об участии посткатакомбного компонента в формировании бережновско-маевской линии развития срубных древностей исследователи писали неоднократно. Причем для бережновско-маевской культуры разных территорий речь шла и о разных посткатакомбных культурных образованиях. Так, для территории Украины и Подонья посткатакомбным субстратом выступает ДДБК (Отрощенко, 2001, с. 148–149; 2003, с. 80–81; 2006а; 2009а, с. 72; 2014а, с. 13; Литвиненко, 2000, с. 19; 2009а, с. 25; 2009б с. 74; 2010, с. 47), для территории Поволжья – ВДБК (Мыськов, 1991, с. 156–157; 1991а, с. 29–30; Лапшин, 2006а, с. 25; Жемков, Лопатин, 2007, с. 109; Лопатин, 2008, с. 417; 2010, с. 159, 160, 164; Юдин, Матюхин, 2006, с. 65; Юдин, 2010, с. 206; Мимоход, 2018в, с. 116, 117), для Предкавказья – лолинская и невинномысская культуры (Мимоход, 2013, с. 336–338).

Вроде бы эти факты мало у кого вызывают сомнения. Проблема в другом – где находится нижняя граница бережновско-маевской срубной культуры (БМСК)? Для территории Украины и Подонья, а также для Калмыкии и Кубани формально не возникает проблемы хронологической стыковки позднебабинских и позднелолинских древностей с комплексами первого этапа БМСК. Согласно схеме В.В. Отрощенко, первый этап бережновско-маевской

культуры синхронен второму этапу покровской срубной культуры (ПСК). Его подстилает первый период покровских срубных древностей (Отрощенко, 2003, с. 76), которому синхронны позднебабинские памятники. Таким образом, на этих территориях мы наблюдаем хронологический стык между БМСК и ДДБК заключительного периода. И для Северо-Западного Прикаспия, и для Кубани можно также констатировать, что носители позднейших лолинских и невинномысских традиций доживают здесь до появления БМСК (Мимоход, 2013, с. 336–338), впрочем, бережновско-маевских комплексов здесь значительно меньше, чем в других районах распространения культуры (Мимоход, 2014в). Иными словами, на всех рассмотренных территориях нет хронологических препятствий для констатации генетической связи между посткатакомбными и бережновско-маевскими древностями.

Проблема с хронологическим стыком БМСК и посткатакомбных комплексов возникает для территории Поволжья и Волго-Уралья. Дело в том, что, как было показано выше, у местных посткатакомбных древностей нет третьего этапа в отличие от ДДБК, лолинской и невинномысской культур. Эти территории оказались ядром формирования горизонта колесничных культур. Исходя из схемы В.В. Отрощенко, формально получается, что ВДБК второго (заключительного) этапа не может стыковаться с памятниками первого периода БМСК, и первая не могла принимать участие в сложении последней.

А.С. Лапшин решал это противоречие следующим образом. Он считал, что ВДБК[75] в одноименном регионе синхронна раннему Покровску и хронологически стыкуется с синхронными ранними бережновскими и поздними покровскими древностями (Лапшин, 2004, с. 123), тем самым полностью применяя схему В.В. Отрощенко к Нижнему Поволжью. Однако проблема заключается в том, что Волго-Донское Бабино предшествует времени формирования горизонта колесничных культур. Это подтверждают присутствие в ее материалах только ранних типов пряжек (кольцевидных и

[75] Криволукская культурная группа по моей старой терминологии (Мимоход, 2004).

кольцевидных с бортиком без отверстия) (Мимоход, 2014, с. 112–113, рис. 5, *1–9*) и отсутствие поздних (кольцевидных изогнутых в сечении с дополнительным отверстием), представленных в раннем Покровске. Кроме того, стратиграфические данные свидетельствуют о том, что погребения ВДБК предшествуют ранним покровским (Мимоход, 2014, с. 109). Иными словами, проблема хронологического стыка волго-донских бабинских древностей и ранних бережновских в этой работе А.С. Лапшина решена не была по причине неверного определения хронологии ВДБК.

Любопытно, что через два года этот же автор в своей диссертации Волго-Донское Бабино правильно располагает в хронологической нише между волго-донской катакомбной культурой и горизонтом колесничных культур (Лапшин, 2006а, с. 23–24). Как следствие, он сразу же сталкивается с обсуждаемым здесь противоречием хронологического плана в генетической связи посткатакомбных и бережновско-маевских древностей. Фактически А.С. Лапшин признает отсутствие между ними хронологического стыка и видит в бережновской линии развития «возрождение древних традиций, свойственных местному посткатакомбному миру». Иными словами, фактически речь идет о том, что они возрождаются через этап. Исследователь справедливо отмечает, что «зафиксировать и показать этот процесс на археологическом материале во всей полноте сложно» (Лапшин, 2006а, с. 25), а соответственно, и понять механизм подобного «возрождения» невозможно, если оно вообще было.

По-видимому, на данную проблему следует взглянуть под другим ракурсом. Дело в том, что периодизация В.В. Отрощенко больше применима к территории Украины и Подонья, где она хорошо работает. На территории Поволжья и Волго-Уралья, скорее всего, БМСК образовалась раньше, чем на западных территориях, и она синхронна первому этапу покровской срубной культуры. Действительно, хотя бережновский горизонт Н.К. Качаловой (Качалова, 1976; 1978) реальностью не оказался, никто не отменял ранней позиции целой серии бережновских комплексов.

Речь идет о параллельном существовании в Нижнем Поволжье и Волго-Уралье покровских, как ранних, так и поздних, и бережновских комплексов, о чем исследователи писали неоднократно (Малов, 1983, с. 208; Пятых, 1984, с. 152; Васильев, Кузьмина О., Семенова, 1985, с. 71; Мыськов, 1991, с. 161; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1993, с. 68; Юдин, Матюхин, Захариков, Касанкин, 1996, с. 133; Семенова, 2000, с. 170; Мимоход, Шишлина, 2004, с. 127; Лопатин, 2008, с. 417; 2010, с. 159–160; 2014, с. 87).

Кстати, сейчас появились и радиоуглеродные даты для бережновско-маевских комплексов в Приуралье, которые соответствуют времени колесничных культур (Купцова, 2011, табл. 2, 3; 2014, с. 190; 2015, с. 56, 57). Показательны в этом отношении ^{14}C даты двух срубных комплексов с территории Калмыкии: Чилгир 3/3 и Кануково 1 7/3. Первый из них содержал пряжку и покровский сосуд с расчесами, второй – классический остроребёрный сосуд со шнуровой орнаментацией. Радиоуглеродные даты покровского и бережновско-маевского захоронений совпали в пределах XIX–XVII вв. до н.э. (Мимоход, Шишлина, 2004, табл. 2).

Таким образом, Поволжье и Волго-Уралье стали не только ядром формирования покровской линии развития, но и бережновско-маевской. Основным компонентом формирования БМСК стала посткатакомбная ВДБК, входящая в культурный круг Бабино. В дальнейшем носители обеих традиций, продвигаясь на запад, в Подонье и Восточную Украину, вступали в контакт с поздней ДДБК. Причем, судя по стратиграфическим данным днепро-донского региона, это продвижение было волнообразным в пределах относительно короткого хронологического интервала. Первую покровскую более пассионарную волну, нагоняла вторая бережновско-маевская. Коллективы ДДБК на фазе ПКБ III вначале приняли на себя удар колесничной экспансии, а затем на этих территориях они внесли существенный вклад не столько в сложение, сколько в развитие бережновско-маевской культуры.

В южных районах распространения БМСК, в частности, в Предкавказье, в ее формировании приняли участие коллективы поздней лолинской и

невинномысской культур. Памятники, оставленные ими, демонстрируют много общих черт с позднебабинскими древностями, поэтому нет ничего удивительного, что единая бережновско-маевская срубная культура распространилась на большой территории Днепро-Волжского междуречья и Предкавказья, а ее локальные варианты во многом обусловлены характером местных посткатакомбных памятников. Так, сильная и средняя скорченность костяка с кистями рук у лица или перед грудью, ориентировка в восточный и северо-восточный сектор, скудность, а часто и отсутствие инвентаря, неглубокие могильные ямы, верхнее стратиграфическое положение в насыпях – все эти черты неоднократно отмечались для южной периферии распространения срубной общности (Сафронов, 1974, с. 111–112; Нечитайло, 1978, с. 20, 139; Сорокина, 1985, с. 140; Андреева, 1989, с. 73; Шарафутдинова, 1991, с. 74; Мимоход, 2002, с. 232–233; Цуцкин, 2007, с. 398; Шнайдштейн, 2007, с. 229, 230). Они же в равной степени характерны для поздних лолинских и невинномысских погребений. Есть в обряде БМСК Предкавказья и некоторые довольно специфичные черты, прямо указывающие на участие посткатакомбных групп в генезисе срубных памятников. Так, в прикубанском локальном варианте срубной культуры по И.А. Сорокиной (1989) часто встречается нехарактерная для других регионов распространения СКИО правобочная позиция скелета, восточные ориентировки и фрагменты сосудов – «жаровни». Эти черты, безусловно, восходят к обрядовым характеристикам невинномысской культуры финала СБВ. Для примера в эту сопоставительную таблицу (илл. 246) помещены комплексы невинномысской культуры и БМСК Западного Предкавказья. Как уже отмечалось, для обряда и той, и другой характерны целый ряд общих признаков: ямная конструкция могилы, адоративное положение скелета, ориентировки в восточный сектор и заметный удельный вес правобочной позиции в положении умершего. Эти характеристики настолько едины для посткатакомбных и срубных древностей южных районов распространения данных культур, что разнести их погребения по разным контекстам зачастую можно только по характерному инвентарю

(илл. 246). Это касается как захоронений, в которых умершие находились как на правом боку (илл. 246, *1–15*), так и на левом (246, *16–32*). Правда, в качестве одной из ярких примет срубных древностей Западного Предкавказья, которая их серьезно отличает от посткатакомбных невинномысских, является то, что львиная доля инвентаря БМСК представлена только керамикой (илл. 246, *8–15, 25–32*). Это настолько характерно для региона, что, конечно, с учетом морофлогии посуды, данный признак выступает для срубных погребальных памятников Кубани и сопредельных регионов как один из культурнообразующих. Особенно выразительно указанная черта будет оттенятся на фоне невинномысской традиции, где посуда встречается редко, а в инвентарном комплексе доминируют изделия из кости, камня, фаянса и др. материалов, составляющие орудийный комплекс, поясные аксессуары и гарнитур украшений (илл. 246, *3, 6, 16–21, 19–21, 23, 24*).

В качестве еще одного показательного примера обсуждаемой генетической связи можно привести бережновско-маевский срубный комплекс Кривая Лука XII 2/11, расположенный на территории, которую раньше занимала Лола. В состав его инвентаря входили классический срубный сосуд и лопатка МРС [Дворниченко, Куйбышев, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1975], которую здесь следует рассматривать не иначе, как рудимент лолинской погребальной практики. В срубном погребении Саратовского Заволжья (Смеловка п. 116) также обнаружена лопатка животного, причем, в классической лолинской позиции, у локтя левой руки (Лопатин, 2010, с. 50, рис. 20,11). Неудивительно, что ранее эта территория входила в ареал ВУКГ, которая, как уже не раз отмечалось, является дериватом лолинской культуры.

Хорошо подтверждают все выше охарактеризованные наблюдения и данные краниологии. Серия черепов из южных регионов срубной культуры, в частности, Восточного Предкавказья, демонстрирует тот же краниотип, что и Лола. На этом основании А.А. Хохлов делает вывод о том, что «логично, с учетом географической локализации, говорить о генетической преемственности между данной группой населения срубной культуры и

лолинской» (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 67), что находит подтверждение и в выводах А.А. Казарницкого (2010, с. 138–140; 2011).

В заключение следует отметить, что финал СБВ – это время последнего более или менее активного хозяйственного использования степей Северо-западного Прикаспия в эпоху бронзы. С этого периода по данным погребальных памятников начинается поступательное сокращение населения в этом регионе. Уже лолинских памятников здесь в два раза меньше, чем катакомбных восточноманычских. Срубных комплексов в два раза меньше, чем лолинских. Симптоматична их локализация – на Ставрополье они фактически неизвестны и единичны в Центральной Калмыкии (Мимоход, 2014в). Подобной тенденции не наблюдалось в предшествующий посткатакомбный период. На территории Восточного Предкавказья следующий за срубным, хронологический пласт представлен постсрубными памятниками белозерского времени, которые выделены в отрадненскую культуру (Потапов, 2010, с. 17–19). Погребений этого этапа еще меньше, чем срубных (Березин, Калмыков, 1998, с. 77; Белинский, Березин, Калмыков, 2000, с.17; Отрощенко, 2001, с. 189, 190; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, рис. 17–19). Столь же немногочисленны здесь и предскифские (черногоровские) захоронения. Только с наступлением сарматской эпохи данная экологическая ниша оказалась столь же востребованной как в раннюю и среднюю бронзу.

В днепро-волжском регионе в эпоху поздней бронзы такого запустения не было. Наоборот, природно-климатические условия на этих территориях позволяли практиковать комплексное скотоводство даже в условиях стресса «4.2 ka BP climatic event». В культурном круге Бабино в этот период КРС в составе стада в количественном отношении занимал существенное (второе) место в отличие от культурного круга Лола, чьи социумы в условиях резких климатических изменений в предкавказских и волго-уральских степях эксплуатировали овцеводческую модель животноводства. Время начала гумидизации фазы ПКБ III в днепро-волжском ареале внесло серьезные

коррективы в комплексное скотоводство этой природно-климатической зоны. Активное разведение КРС и лошади отодвинули на третье место в составе стада МРС, что привело к уменьшению мобильности и укреплению оседлости населения, которое выразилось в повсеместном распространении пастушеского скотоводства. Все это в конечном итоге обеспечило демографический всплеск и стабильное существование социумов срубной культуры вплоть до нового витка климатических флюктуаций рубежа II–I тыс. до н.э, которые, как и тысячу лет назад, стали одной из главных причин эпохальных сдвигов в культурном пространстве восточноевропейской степи-лесостепи.

Заключение

Анализ памятников на востоке посткатакомбного мира позволяет сделать следующие выводы.

1. В посткатакомбный период на территории Предкавказья, Волго-Уралья и Нижнего Поволжья сформировались лолинская и невинномысская культуры, ВУКГ и ВДБК. Первые три культурные образования представлены исключительно погребальными памятниками, в Волго-Донском Бабино помимо курганных и грунтовых захоронений известны и поселения.

2. ВДБК занимает территорию Волго-Донского междуречья, Нижнего и юга Среднего Поволжья. Погребальный обряд ее достаточно стандартен. Подавляющее большинство захоронений совершены в ямах, умершие лежат скорченно на левом боку, руки протянуты к тазу. В ориентировках скелетов доминирует северный сектор, хорошо представлены и восточные направления. Отличительной чертой обряда является помещение в могилы костей конечностей МРС и КРС.

Основу керамического комплекса составляет посуда, имеющая выраженные бабинские черты, в частности, многоваликовую орнаментацию и ребристый трехчастный профиль. Из ярких бабинских маркеров также следует отметить присутствие в инвентарном комплексе характерных костяных кольцевых пряжек, кремневых выемчатых стрел и каменных выпрямителей стрел.

В развитии культуры выделяется два этапа: ранний и поздний. В системе радиоуглеродной хронологии ВДБК следует датировать в рамках 2200–2000 CalBC.

3. Лолинская культура локализируется в Северо-западном Прикаспии. Погребальный обряд представлен захоронениями в ямах и катакомбах как в нормальных, так и редуцированных. Умершие находятся в скорченном положении, на левом боку, в адоративной позиции. Доминируют северные

ориентировки, но хорошо представлены восточные и южные векторы. Характерная черта обряда – присутствие в захоронениях лопаток МРС.

В керамическом комплексе представлена серия сосудов с пережиточными восточноманычскими чертами. Основу коллекции составляет посуда новых форм: банки, горшки плавной профилировки и ковши. Большая часть посуды не имеет орнаментации. Там, где она есть декор выполнен в новом для региона геометрическом стиле. Основу коллекции металлических изделий составляют бронзовые ножи. Среди этой серии представлены немногочисленные редуцированные катакомбные формы, а основным типом является листовидный клинок с максимальным расширением тулова в средней части. Этнографическим маркером лолинской культуры являются планочные кольцевидные пряжки кавказской традиции, и костяные конусы-дзыги. Показателен гарнитур украшений, в котором представлены восточнокавказские типы и типы, сгенерированные носителями лолинских традиций.

В развитии культура прошла три этапа. Эволюция обрядово-инвентарного комплекса шла по пути сохранения немногочисленных катакомбных рудиментов на раннем этапе, стандартизации на развитом и деградации на позднем. На основании представительной серии ^{14}C данных лолинская культура датируется в интервале 2200–1800 CalBC.

4. Территория невинномысской культуры вытянута с юго-востока на северо-запад, отчасти повторяя ориентацию Кавказского хребта. Основной ареал находится в Западном и на юге Восточного Предкавказья.

Погребальный обряд близок, но не тождественен лолинскому. Захоронения совершены в ямах, скелеты находятся на левом боку в адоративной позиции. Катакомбы встречаются редко и только в редуцированном виде. Особенность погребальной практики невинномысской культуры заключается в том, что наряду с левобочными скелетами стабильно встречаются и правобочные костяки. В ориентировках умерших полностью доминирует восточный сектор.

Как и в лолинском керамическом комплексе в невинномысском доминируют горшковидные сосуды плавной профилировки и собственные модификации ковшей. Большая часть посуды также не орнаментирована. В редких случаях сосуды украшены геометрическим декором. Основу композиции составляют треугольники, опущенные вершинами вниз. Такая система орнаментации восходит к батуринской катакомбной культуры, которая является один из генетических субстратов сложения невинномысских древностей. В коллекции бронзовых ножей хорошо представлены кинжалы кавказского типа, а также втульчатые орудия. Во всем посткатакомбном блоке последние представлены только в невинномысской культуре. Костяные поясные детали также служат характерной чертой невинномысского инвентарного комплекса. Здесь представлены бабинские пряжки и поясные подвески типа Элиста-Калиновский, которые известны и в лолинской культуре. Культурная специфика невинномысский древностей проявляется и в гарнитуре украшений. В нем представлены кавказские типы подвесок и изделия как общие с лолинскими стандартами, так и собственные модификации. Хорошо в лолинской и невинномысской культурах представлено сурьмяное литье, которое является их отличительной чертой в рамках посткатакомбного блока.

Следует признать, что при наличии хорошо опознаваемого культурного ядра невинномысской культуры облик ее обрядово-инвентарного комплекса имеет определенные черты синкретизма. Это позволило выделить внутри нее два локальных варианта: юго-восточный, где ощущается влияние соседней лолинской культуры, и северо-западный, который иллюстрирует культурные контакты между носителями невинномысских и бабинских традиций.

Периодизация невинномысской культуры имеет три этапа, которые иллюстрируют ее генезис, развитие и закат. Радиоуглеродных дат для Невинномысска пока недостаточно, но с опорой на лолинские ^{14}C данные и с учетом полной синхронности этих культур, время существования невинномысских древностей определяется в рамках 2200–1800 CalBC.

5. Основной ареал ВУКГ располагается в одноименном регионе. Погребения этой культурной группы немногочисленны, но, тем не менее, они достаточно равномерно распределены в волго-уральском районе.

Погребальный обряд представлен захоронениями в ямах и реже в редуцированных катакомбах. Позиция умершего находит структурные соответствия в лолинских и невинномысских материалах. Скелеты находятся в скорченном положении на левом боку, руки согнуты в локтях под острым углом, кисти находятся перед лицом или грудью. В ориентировках костяков полностью доминируют южные секторы. Характерной чертой обряда является помещение в могилу лопаток или костей конечностей МРС.

Инвентарный комплекс ВУКГ достаточно скуден. Мы до сих пор не имеем четкого представления о собственной керамике этой группы. Металлокомплекс включает в себя нож характерной для финала СБВ листовидной формы, тесло и шилья, выполненных в традициях финала Циркумпонтийской провинции. Характерной чертой ВУКГ является присутствие в инвентаре костяных составных гребней, тупиков и пряслиц. Следует также отметить, что из всех посткатакомбных культурных образований именно в инвентарном комплексе ВУКГ ярче всего выражены контакты с местными постшнуровыми культурами.

Как и ВДБК, волго-уральская группа прошла в своем развитии два этапа. Так же, как и у невинномысской культуры, у ВУКГ остро ощущается недостаток радиоуглеродных дат. С опорой на ^{14}C данные других посткатакомбных культурных образований и с учетом относительной хронологии время существования волго-уральской посткатакомбной группы устанавливается в интервале 2200–2000 CalBC.

6. Выделение новых культурных образований на востоке посткатакомбного мира позволило завершить процесс окончательного оформления концепции о посткатакомбном блоке как в территориальном, так и культурном отношении. Наличие этого единства предполагает и создание универсальной хронологии для всех его составляющих. По сути, речь идет о

построении общей восточноевропейской периодизации для памятников конца средней – начала поздней бронзы. Сведение воедино периодизационных схем всех посткатакомбных культурных образований (ВДБК, ДДБК, ДПБК, ВУКГ, лолинской и невинномысской культур) позволяет разделить время существования блока на три фазы: ПКБ I (ранняя), ПКБ II (развитая) и ПКБ III (поздняя). Подобная градация хронологии Восточной Европы позволяет устанавливать линии синхронизации с культурами Кавказа, Центральной и Западной Европы, а, соответственно, определить место восточноевропейской периодизации в системе хронологии западной части Старого Света.

Группирование радиоуглеродных датировок посткатакомбных культурных образований по фазам блока позволяет констатировать, что фазы ПКБ I и II следует датировать в пределах 2200–2000 CalBC, а фазу ПКБ III – 2000–1800 CalBC.

7. Выделение и последующая конкретизация содержания блока посткатакомбных культурных образований позволяет подойти к реконструкции тех исторических реалий, которые стояли за его формированием.

На сегодняшний день блок разделен на две крупные части – это культурный круг Бабино и культурный круг Лола. Первый из них составляют ВДБК, ДДБК и ДПБК. Он занимает общую территорию степи-лесостепи от Прута до Заволжья. Культурный круг Лола включает ВУКГ, лолинскую и невинномысскую культуры. Его территория простирается от волго-уральской степи и лесостепи юга Среднего Поволжья до предгорий Северного Кавказа. Каждый из кругов проявляет определенное внутреннее единство обрядово-инвентарного комплекса, которое и позволяет провести указанное разделение. При этом целый ряд надкультурных признаков эпохального характера объединяет Лолу и Бабино в посткатакомбный блок, который представляет собой высший таксон в иерархической классификационной систематизации посткатакомбных древностей.

Культурный круг Бабино и культурный круг Лола – это не просто механическое разделение археологического материала. За ними стоят конкретные исторические события, которые привели к их формированию. Археологические и краниологические данные свидетельствуют о том, что генезис культурного круга Лола был обусловлен миграцией населения с территории Северо-восточного Кавказа в предкавказскую степь. Мигранты вступили в контакт с местными позднекатакомбными социумами, что привело к кардинальному переоформлению культурной ситуации в Предкавказье, а затем в Волго-Уралье, результатом чего и стало образование культурного круга Лола.

В этот же период в археологических материалах Восточной Европы отчетливо фиксируется еще один миграционный импульс. Речь идет о передвижении населения из Центральной Европы и карпато-дунайского региона на восточноевропейские территории. Как и в предыдущем случае, неминуемые контакты мигрантов с местными позднекатакомбными группами, прежде всего, среднедонской катакомбной культуры, привели к переформатированию культурного содержания в восточноевропейской степи-лесостепи и формированию культурного круга Бабино. В наиболее концентрированном виде европейская миграция проявилась в феномене Средневолжского Абашева. Эта, по сути, европейская культура возникла в результате прямой дальнедистанционной носителей традиций колоколовидных кубков и культур Bz A1 карпато-дунайского региона.

Все эти события происходили в достаточно ограниченный временной промежуток. Речь идет о периоде 2200 CalBC. Это время кардинальных климатических изменений, который получил название «4.2 ka BP climatic event». Они в той или иной степени затронули всю западную часть Старого Света. Восточная Европа не оказалась исключением. Данные климатические события связываются с резкой аридизацией климата. Причем, ключевыми для скотоводческих обществ в этих условия были не столько показатели летнего периода, сколько зимнего. Резкое понижение температур в зимнее время года

и повышенное осадконакопление в горных массивах Северного Кавказа, Северо-западных Карпат и Восточных Альп с прилегающими территориями привели к сокращению пастбищ и необходимости поиска новых ресурсов. Эти факторы стали решающими как в отношении направленности миграций, так и их результатов.

В конечном итоге именно природно-климатические изменения сказались на таком важнейшем для эпохи бронзы факторе как металлопроизводство. Исходя из модели функционирования очагов культурогенеза в эпоху средней и поздней бронзы, предложенной В.С. Бочкаревым (Бочкарев, 1991; 1995; 1995а; 2002; 2010; 2016; 2017; 2020), можно сделать важный вывод. Возникновение блока посткатакомбных культурных образований является результатом деятельности последней фазы кавказского очага культурогенеза периода «4.2 ka BP climatic event» (2200 CalBC). Аридизация, как уже отмечалось, стала причиной передвижения части населения Северного Кавказа в степную зону. В свою очередь, посткатакомбные группы, чье происхождение в той или иной мере было связано с этими миграционными процессами, приняли активное участие в формировании культур колесничного блока, сложение которого знаменует начальную фазу деятельности волго-уральского очага культурогенеза. Действительно сложно представить, чтобы столь развитый очаг в Волго-Уралье, который определял культурное развитие и стандарты металлопроизводства на протяжении всей эпохи поздней бронзы, возник спонтанно без воздействия конкретных коллективов, имевших навыки металлургии и металлообработки. Участие посткатакомбных групп южного происхождения, а, возможно, и какой-то части мигрантов непосредственно с территории Северо-восточного Кавказа в генезисе культур начала ПБВ горизонта щитковых псалиев, хорошо объясняет быстрое и масштабное освоение рудных источников Урала. В этой связи отдельный интерес представляет гипотеза о самостоятельном характере металлургии ДДБК и ее связи с Донецкими (Бахмутскими) месторождениями меди. Можно

предположить, что освоение этих рудных источников, как и в случае с уральскими, было осуществлено людьми, которые имели конкретные навыки горнодобывающей деятельности. Только в данном случае речь шла не только о выходцах с Кавказа, но и о мигрантах из района Северо-западных Карпат и Восточных Альп. Прекращение же деятельности северокавказского очага культурогенеза было также обусловлено природно-климатическими изменениями. В условиях гумидности, которые не соответствовали овцеводческой модели хозяйствования позднелолинского населения, полупустынные степи Предкавказья в эпоху поздней бронзы пришли в запустение, что привело к исчезновению транзитного звена для трансляции кавказского металла на север.

Финал средней – начало поздней бронзы в Восточной Европе – это один из самых драматических периодов для всего бронзового века. Именно в это время в археологических материалах присутствуют следы серьезных военных конфликтов. Они происходили как на фазе становления посткатакомбного мира, так и в последующие периоды. Военные столкновения фиксируются внутри культурного круга Бабино и внутри культурного круга Лола, а также и между ними. Одним из самых крупных противостояний фазы ПКБ II был штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости, который проводили воины культурного круга Лола. Новый виток военной конфронтации связан с фазой ПКБ III. Военизированные колесничные культуры в своей широтной экспансии на запад неминуемо столкнулись с носителями позднейших посткатакомбных традиций. Наиболее драматические последствия в этом противостоянии последовали для культурного круга Бабино, что отразилось в существенном сокращении его ареала.

Посткатакомбный мир на завершающей стадии своего развития стал неотъемлемой частью культурогенеза начала поздней бронзы. В обрядово-инвентарном комплексе колесничных культур отчетливо прослеживаются черты преемственности с предшествующим генетическим посткатакомбном субстратом. Особенно отчетливо прослеживается такая связь для ВУКГ и

синташтинской культуры, а также для ВДБК и покровских древностей. Не вызывает сомнение и то, что носители ДДБК, лолинской и невинномысской культур принимали участие в генезисе БМСК, а западнее Днепра ДПБК была одним компонентов сложения сабатиновской культуры. Можно утверждать, что все основные стандарты инвентарно-обрядового комплекса позднебронзовых культур были заложены в посткатакомбное время.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук

На правах рукописи

Мимоход Роман Алексеевич

Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира

Исторические науки:
5.6.3 – археология

диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 3
(приложения)

Москва - 2022

Содержание

Приложение к главе 1……3

Приложение к главе 2……..25

Приложение к главе 3……31

Приложение к главе 4……37

Приложение к главе 5……41

Приложение к главе 6……...…..42

Список сокращений в тексте…….....72

Список сокращений в литературе и архивных материалах……73

Литература……...75

Архивные материалы……...216

Иллюстрации…….237

Приложение к главе 1

Табл. 1.1. Процесс накопления источниковой базы ВДБК

Год	Авторы раскопок	Могильник	Курган/погребение	Данные о публикации
1921	Рыков П.С.	Покровский курган	п.1	Не опубл.
1924	Рыков П.С.	Сусловский	9/1	Не опубл.
1927	Рыков П.С.	Покровск	36/1, 37/2	Не опубл.
1928	Рау П.Д.	Калмыцкая Гора (Боаро)	F 6/7	(Rau, 1929)
1939	Синицын И.В.	Калмыцкая Гора (Боаро)	8/2	(Синицын, 1947)
1950	Мерперт Н.Я.	Ягодное 1	3/1	(1954)
1951	Синицын И.В.	Бережновка I	5/8,21, 8/4,5	(1959)
1952	Смирнов К.Ф.	Политодельское	3/5, 4/27	(1959)
1953	Синицын И.В. Смирнов К.Ф.	Скатовка Политодельское	6/1, 18/1, 27/1 3/5 4/27	(1959) (1959)
1954	Шилов В.П.	Верхнее Погромное I	3/8	(1975)
1952–1954	Шилов В.П.	Калиновский	6/1,3, 8/15, 54/2	(1959)
1954–1955	Синицын И.В. Смирнов К.Ф.	Бережновка II Новая Молчановка Потемкино Ямки Быково I Быково II	3/5, 9/14, 14/14, 87/3 1/7 3/3 1/4, 3/8 3/4, 4/3, 4/11, 6/2,3 5/9	(1960) (1960) (1959) (1959) (1960) (1960)
1962	Шилов В.П.	Цаца	1/4	(1985)
1967	Мерперт Н.Я.	х. Степана Разина	1/14	(1967)
1969	Максимов Е.К.	Крутояровка	11/3, 19/2	(1980)
1971	Скрипкин А.С.	Котлубань I Котлубань II	7/2,3, 9/3 4/2	Не опубл. (Кияшко, 2003)
1972	Мамонтов В.И. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.	Сидоры Барановка	26/1 2/4	Не опубл. (1989)
1973	Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.	 Кривая Лука II	 1/5	 (1977)
1974	Мамонтов В.И. Федоров-Давыдов Г.А.,	Жутово I	80/2	(Мимоход, 2010; 2013; 2013а; 2014)

	Дворниченко В.В.	Кривая Лука X	1/9	(Кияшко, 2003)
1975	Дворниченко В.В., Куйбышев А.В, Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.	Кривая Лука XI Кривая Лука XII Кривая Лука XIV Кривая Лука XV	4/1,2,5 1/7,15 15/10 2/12, 3/5	Не опубл. 1/15 – (Кияшко, 2003) Не опубл. Не опубл.
	Лисицын И.П	Красный пахарь I	3/2	Не опубл.
1976	Скрипкин А.С. Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А.	Рыбный Кривая Лука XXI Кривая Лука XXIII	3/16 2/4 1/8, 3/3	Не опубл. Не опубл Не опубл
	Шнайдштейн Е.В.	Заханата	9/7, 5/11,15,17	(1985)
1977	Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Смирнов А.С.	Никольское I Никольское III	1/5,9 1/8	(Кияшко, 2003) (Кияшко, 2003)
1978	Ким М.Г. Мамонтов В.И. Монахов С.Ю. Синюк А.Т. Скрипкин А.С.	Дмитриевка Вишневка Жареный Бугор Павловский Верхний Балыклей	1/1, 2/1 Од.курган/5 3/1 41/3 1/1, 2/2, 4/1,3,4, 6/4,5,6	(Жемков, Ким, Кочерженко, Слонов, 2016) Сосуд (Мимоход, 2004; 2013а; 2014) (1984) (1983) 4/4 – (Кияшко, 2002); 6/6 – (Кияшко, 2003)

1979	Мамонтов В.И.	Вертячий	7/7,15,24,25	(Мимоход, 2013а; Мамонтов, 2017)
1980	Лукашов А.В.	Красная деревня	8/4,5 15/5	8/4 – (Кияшко А., 2002)
	Мамонтов В.И.	Орошаемый 1	4/3	(Мимоход, 2013а)
	Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.	Кривая Лука XXXIII	4/2	(Мимоход, 2013а)
	Мамонтов В.И.	Пичуга	1/2	(2006)
1981	Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.	Кривая Лука XXXIV	2/2, 5/,4,7	(Кияшко, 2003)
	Мамонтов В.И.	Химкомбинат Б	4/8	(2000)
	Смирнов А.М.	Лимаревка	1/13,20	(Санжаров, Привалов, 2006)
1982	Шнайдштейн Е.В.	Степная IV	3/1	(Мимоход, 2013а; 2014)
	Лопатин В.А.	Калмыцкая Гора	2/10	(Лопатин, 2009)
1983	Лопатин В.А.	Рунталь	1/1	(Жемков, Лопатин, 2007)
		Чапаевка	6/1	(Жемков, Лопатин, 2007)
		Караман	1/3, 2/1	(Жемков, Лопатин, 2007)
	Мыськов Е.П.	Волжский	2/11,16	2/11 – (Кияшко, 2003)
	Скарбовенко В.А.	Кряж 1	1/1, 5/1	Не опубл.
1984	Малов Н.М. Матвеев А.В.	Узморье Чурилово	1/6, 2/7 3/3	Не опубл. (Пряхин, Матвеев, 1988)
1985	Мамонтов В.И.	Первомайский I	8/5	Не опубл.
1986	Клепиков В.М.	Дмитриевка	9/5	Не опубл.

	Лылова М.И.	Павловск II	ск.2/38	Не опубл.
	Малов Н.М.	Кумыска II	1/2	(Кияшко, 2002); (Кияшко, Малов, Дьяченко, 2002)
	Мамонтов В.И.	Усть-Погожье	1/2	Не опубл.
1987	Дремов И.И.	Белогорское I	Ск.1/1,7	(1996)
	Лукашов А.В.	Белокаменка	3/8	Не опубл.
	Матвеев Ю.П., Левых Г.А.	Губари	4/1,2	(Матвеев, Левых,1996)
	Миронов В.Г.	Бородаевка	2/2,3	Не опубл.
	Мыськов Е.П.	Чир II	2/1	Не опубл.
	Синюк А.Т.	Власовский I	7/1, 14/1	(1989)
	Якубовский Г.Л.	Красноармейское	1/6,7	1/7 (Мимоход, 2013а)
		Смеловка	2/1,3, 3/2	2/3 (Мимоход, 2013а)
	Кузнецов П.Ф.	Грачевка I	1/1	(Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018)
1988	Баринов Д.Г.	Советское 1	2/14,15	(1996)
	Дремов И.И.	Белогорское I	ск.1/14,15,28	(1996)
	Лопатин В.А.	Усть-Курдюм 1	6/1	(Лопатин, Якубовский 1993; Мимоход, 2013а; 2014)
	Сташенков Д.А.	Калиновский I	1/4	(1999; 2006)
	Лопатин В.А.	Светлое Озеро	6/3, 10/2	(Жемков, Лопатин, 2008)
1988-1991	Бойков А.А.	Высокая Гора	5/1	(Березуцкий, Кравец, Новиков, 2005)
1989	Мыськов Е.П.	Царев	66/1	Сосуд и тупик (Мимоход, 2013а; 2014)
	Сергацков И.В.	Петрунино II	5/2,5	5/2 – (Литвиненко, 2019)
1990	Клепиков В.М.	Ветютнев	9/6	Не опубл.

	Мамонтов В.И.	Ромашкин II	Од.курган/6	(Кияшко, 2003)
	Матюхин А.Д.	Большая Дмитриевка II	1/6	(Кияшко, 2003)
	Четвериков С.И.	Рыбушка	15/2	(Кияшко, 2003)
1991	Колев Ю.И., Комаров А.М., Турецкий М.А.	Зимняцкий	1/2	Не опубл.
	Мамонтов В.И.	Антонов	3/5	(1994)
	Кочерженко О.В., Слонов В.Н.	Симоновка	1/1,2	(Кочерженко, Слонов, 2012)
	Дьяченко А.Н.	Красновский I	8/2	Не опубл.
1992	Мамонтов В.И.	Верхнерубежный I	3/4	(Кияшко, 2003)
	Сергацков И.В.	Авиловский	20/6	Не опубл.
1994	Мамонтов В.И.	Громославка II	2/8	(1997)
		Первомайский VII	33/2, 42/6	(2000a)
1995	Скарбовенко В.А.	Николаевка 3	2/1, 3/3,4, 4/1, 5/1	(1999)
	Кузнецов П.Ф.	Утевка V	4/1	(Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018)
	Тихонов В.В.	Калач гр. мог.	Раскоп 2 п. 1	(1996)
1995–2000	Лопатин В.А.	Смеловка, гр. мог.	п. 111,112	(Игнатова, Лопатин, 2005; Лопатин, 2010)
1996	Дьяченко А.Н.	Абганерово III	12/9	(Мимоход, 2013a)
	Назаров А.А.	Бурлук I	1/2	(Литвиненко, 2012)
	Березуцкий В.Д.	Власовский I	19/1	(Синюк, Березуцкий, 2005)
1997	Дремов И.И., Мамонтов В.И.	Советское	Од.курган/6	(1999)
		Тихоновка	Од.курган/4	(1999).
1999	Скворцов Н.Б.	Западные могилы	20/4,5	(2017)
2000	Глебов В.П.	Репный I	7/5,13,17	(2004)

2002	Сергацков И.В. Мамонтов В.И. Кузнецов П.Ф.	Линево Вербовский III Грачевка II	6/6, 8/2 3/6 10/1	(Сергацков, Скрипкин, Клепиков, Дьяченко, 2006) (2005) (Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018)
2003	Дремов И.И., Тихонов В.В.	Широкий Карамыш 2	3/1, 4/10	(Дремов, Тихонов, 2004; Дремов, Тихонов, Тупалов, 2005)
2004	Мамонтов В.И.	Писаревка II	10/2	(Мимоход, 2010; 2013; 2013а; 2014)
2005	Акимова С.В. Африканов Ю.А. Мимоход Р.А. Дьяченко А.Н.	Липовка 1 Суворовский Паницкое 6 Аксай I	5/1 Од.кург/4 4/3 15/17	(2006) (2010) (Мимоход, 2009) Не опубл.
2007	Глухов А.А.	Евстратовский II Перекопка	3/2, 3/4 Од.кург/4,	(Мимоход, 2010; 2013; 2013а; 2014) Не опубл.
2008	Демиденко С.В.	Гремячий II	1/3	Не опубл.
2009	Мамонтов В.И.	Вербовский I Кондраши	13/1 2/4	Не опубл. Не опубл.
2011	Назаров А.А.	Белявская 1	2/1	Не опубл.
2012	Юдин А.И.	Калмыцкая Гора	п. 6	Не опубл.
2013	Воронцов И.А.	Петров Вал	1/2	Не опубл.
2016	Скоробогатов А.М.	Лозовое 1	2/1	Не опубл.
2018-2019	Баринов Д.Г.	Николо-Варваринка	4/8, 5/5	(Юдин, Баринов, Павленко, 2019)
2019	Тищенко И.Б. Скоробогатов А.М.	Ворошиловский участок Осетровка 2	1/3,4 1/5	Не опубл. (2019)

	Бровендер Ю.М.	Нижняя Дуванка	1/3	(Бровендер, 2020; Литвиненко, 2020а)

Табл. 1.2. Процесс накопления источниковой базы погребений лолинской культуры

Год	**Авторы раскопок и отчетов**	**Могильники**	**Курган/погребение**	**Данные о публикации**
1928	Рыков П.С.	Улан-Терге	1/3,6,8	Не опубл. Информацию о п.8 см. (Рыков, 1936, с.47)
1931	Рыков П.С.	Элиста Чере-Хурул	5/2 2/1	Не опубл. Не опубл.
1932	Рыков П.С.	Элиста	6/1,4 7/1,3,5	(Рыков, 1936а) Не опубл.
1937	Рыков П.С.	Цаган-Эльсин	5/1, 5/2	(Шилов В.П., 1985б)
1959	Марковин В.И., Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., Крупнов Е.И.	Мекенская	4/4,7,8, 5/5	(Крупнов, Мерперт, 1963)
1961	Синицын И.В.	I-й Лолинский	1/1,4, 2/2,3, 3/1,2, 7/1, 8/1,2,3, 9/2, 10/1, 11/1,2,3, 12/1,2,3, 14/2, 16/1	(Синицын, Эрдниев, 1963)
1962	Шилов В.П.	Балкин II	6/1	(Шилов, 1982)
1963	Синицын И.В.	II-й Лолинский	5/2, 4/1, 8/1,2,4,5, 11/3, 13/1	(Синицын, Эрдниев, 1966)
1964	Синицын И.В., Эрдниев У.Э.	Элистинский	4/1, 35/1,3	(Синицын, Эрдниев, 1971)
1965	Синицын И.В.	Восточный Маныч, левый берег I, 1965 Восточный Маныч, левый берег II, 1965	3/2, 5/2, 17/1, 18/1,3, 26/1,2,3, 28/1,3, 30/1,3, 32/2,3,4, 33/1, 34/3,4,5 35/1,2, 37/1,2, 38/1, 42/6, 54/4, 57/1 5/1, 15/1, 19/3, 19/6, 20/3, 32/5, 35/3, 42/3	(Синицын, 1978) (Синицын, 1978)

		Восточный Маныч, правый берег, 1965	17/1, 17/5, 18/1, 22/3	(Синицын, 1978)
1966	Синицын И.В.	Восточный Маныч, левый берег I, 1966	29/6, 29/7, 43/17	(Синицын, Эрдниев, 1981)
		Восточный Маныч, левый берег II, 1966	1/2, 1/3, 12/2, 12/3, 20/2	(Синицын, Эрдниев, 1981)
1967	Эрдниев У.Э.	Восточный Маныч, правый берег, 1967	1/2, 2/1, 11/12, 13/4, 14/5,8, 15/2, 19/2, 30/3	(Эрдниев, 1982)
1969	Эрдниев У.Э.	Кермен-Толга	19/1	(Эрдниев, 1982)
1973	Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.	Кривая Лука II	1/13	(Дворниченко, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1977)
1974	Шнайдштейн Е.В.	Купцын-Толга	10/1, 48/4	(Шнайдштейн, 1981)
1976	Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Паромов Я.М.	Кривая Лука XXI	1/9, 2/6	(Мимоход, 2013)
1977	Кореняко В.А.	Чограй I	2/3, 5/3, 9/3, 10/2, 13/1	2/3 – (Мимоход, 2013)
		Чограй II	6/1, 15/3	Не опубл.
		Одиночный кург.	п. 6,9	Не опубл.
	Тихонов Б.Г., Агаев Г.Г., Амирханов Х.А., Державин В.Л., Потапов М.М., Старков В.Ф., Самоторкин Н.Н., Чернецов А.В.	Веселая Роща I	30/4	Не опубл.
		Жуковский I	1/3, 5/1, 8/2	8/2 – (Мимоход, 2013)
1978	Кореняко В.А.	Чограй III	7/1	Не опубл.
		Чограй IV	7/2	Не опубл.
	Романовская М.А.	Веселая Роща II	1/1, 13/3,6	13/6 – (Мимоход, 2013)
1979	Андреева М.В.	Чограй VIII	9/4, 34/1	(Андреева, 1989)

	Романовская М.А.	Веселая Роща III	13/10	Не опубл.
1980	Державин В.Л.	Веселая Роща III	24/11, 25/2, 26/6	(Державин, 1989)
1981	Андреева М.В. Гей А.И. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Державин В.Л. Ильюков Л.С. Куйбышев В.А., Черносвистов П.Ю.	Урух 1 Малаи I Кривая Лука XXXIV Грушевка II Кировский IV Бияш	3/1 4/4 2/7, 5/5 3/6 7/2 1/13, 2/4,5	Не опубл. (Гей, 1995) (Мимоход, 2004; 2013) (Мимоход, 2013) (Ильюков, 2001) (Куйбышев, Черносвистов, 1984)
1982	Мамонтов В.И. Цуцкин Е.В. Шнайдштейн Е.В. Дервиз П.Г., Мирошина Т.В., Мишина Т.Н.	Пичуга I Эвдык I Степная IV Калиновский	1/8 4/10 1/11, 3/2,3 6/4	(Шарафутдинова, 2001 – (Мимоход, 2013) 3/2,3 – (Мимоход, 2013) (Мишина, 1989)
1983	Беспалый Е.И. Шилов В.П., Цуцкин Е.В.	Колдыри Эвдык I	24/3 9/4,5	(Мимоход, 2013) (Мимоход, 2013)
1984	Кригер В.А.	Бахтияровка	32/4	(Мимоход, 2007а; 2013)
1985	Николаева Н.А. Ростунов В.Л. Васюткин С.М. Кореневский С.Н. Андреева М.В.	Улан-Толга Черноярская Иджил III Галюгаевская-85 Ореховка	3/2, 11/2 3/10 4/1 3/11, 4/5, 6/2,3,3а 3/2,3	11/2 – (Мимоход, 2007а) (Калмыков, Мимоход, 2005; Ростунов, 2007) (Васюткин, 1987) Не опубл. 3/2 – (Мимоход, 2007а; 2013)
1986	Андреева М.В., Ульянова О.А. Гаврилина Л.М. Гаврилина Л.М, Шишлина Н.И.	Чограй IX Ики-Зегиста Чограйский III Чограйский IV	5/10, 15/12 5/1 1/1, 1/8, 2/2 1/1	Не опубл. (Мимоход, 2013) Не опубл. Не опубл.

	Николаева Н.А.	Чографский V Яшкуль I	2/6, 4/3, 6/5 1/2	2/6, 4/3 – (Мимоход, 2013) (Мимоход, 2013)
1987	Арапов С.В. Белинский И.В. Васюткин С.М., Кольцов П.М. Лапа Н.М. Шилов В.П. Парусимов И.Н. Арапов С.В.	Цаган-Усн III Козинка I КВЧ-57 Цаган-Усн V Цаган-Усн VII Бессергеневский III Цаган-Усн III	5/6,7, 6/2 7/5 1/1, 2/1,5 1/1, 2/2 2/9, 2/11, 4/27 24/3 1/15	6/2 – (Мимоход, 2011б) (Мимоход, 2013) 2/5 – (Мимоход, 2013) 2/2 – (Мимоход, 2013) (Мимоход, 2007а) (2002) 1/15 (Мельник, 1991; Панасюк, 2001)
1988	Шнайдштейн Е.В. Кореневский С.Н.	КВЧ-37 Галюгаевская-88	14/4 1/3	Не опубл. (Кореневский, 2018)
1989	Очир-Горяева М.А. Беглова Е.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М., Эрлих В.Р	Цаган-Нур Уашхиту 2	1/1 2/1,28	Не опубл. (Эрлих, Вальчак, Маслов, 2006; Эрлих, Маслов, Вальчак, 2010; Мимоход, 2013)
1990	Очир-Горяева М.А.	Улан-Зуха Улан-Зуха I	1/4 1/2	(Очир-Горяева, 2017) (Очир-Горяева, 2017)
1991	Очир-Горяева М.А.	Хар-Зуха 1	5/2, 5/3а, 9/2	(Очир-Горяева, 2017)
1992	Парусимов И.Н.	Лысянский I	2/6	(Парусимов, 1997)
1994	Шишлина Н.И	Зунда-Толга	1/17	(Шишлина, 1997а)
1996	Шишлина Н.И	Тюльпан	1/6	Не опубл.

		Зунда-Толга I	5/2	(Мимоход, 2013)
1997	Березин Я.Б.	Буйвола 1	2/2,3, 4/3,7	2/2 – (Мимоход, 2013)
	Дьяченко А.Н.	Аксай I	6/3	(Dyachenko, Skripkin, Klepikov, Kubyshkin, Mabe, 2000)
	Ляхов С.В.	Типки 3	1/3,5	Не опубл.
		Шарахалсун 1	2/2	Не опубл.
		Шарахалсун 3	10/1	Не опубл.
		Шарахалсун 5	3/3	Не опубл.
	Потапов В.В.	Москва I	Кург/16	(Потапов, 2007)
1998	Березин Я.Б.	Ильинский 1	1/6	(Калмыков, 2005)
	Шишлина Н.И.	Манджикины I	3/4, 4/1	(Шишлина, Цуцкин, Фирсов, 1999)
1998-1999	Белинский А.В.	Ипатово 3	2/13	(Калмыков, 2005; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007)
1999	Шишлина Н.И.	Манджикины 1	1/2	Не опубл.
	Яковлев А.В.	Типки 5	1/2, 1/3	1/3 – (Мимоход, 2007а)
	Яценко В.В.	Новопалестинский II	2/5	(Мимоход, 2013)
2000	Шишлина Н.И.	Манджикины 1	9/1, 10/2, 14/7	9/1, 10/2 – (Мимоход, 2013)
		Манджикины 2	8/2, 11/2	11/2 – (Мимоход, 2013)
		Островной	3/2,6,12,15,16,39, 6/4,5,9, 7/2,7, 12/2,3,4	(Шишлина, Матюхин, Цуцкин, 2002)
	Калмыков А.А.	Золотаревка 1	1/3,5, 23/1, 24/1, 26/9	Не опубл.
2001	Бабенко В.А.	Айгурский 2	22/12,13, 37/1	37/1 – (Мимоход, 2013)
		Золотаревка 6	10/3, 11/1, 15/6,	Не опубл.
	Клепиков В.М.	Перегрузное 1	7/1	(Мимоход, 2013)
	Матюхин А.Д.	Первомайское 4	16/1	Не опубл.
	Шишлина Н.И.	Зунда-Толга 3	2/1,2,3	Не опубл.
	Яковлев А.В.	Шарахалсун 5	5/5, 8/2	Не опубл.
		Шарахалсун 6	2/11, 14/1	Не опубл.
			6/1, 6/2, 10/3,5, 11/7	Не опубл.
	Потапов В.В.	Бережной VI	2/2	(Потапов, 2007)
2002	Кольцов П.М.	Улан-Хееч	2/2	(Кольцов, Дремов, 2010)
	Ляхов С.В.	Дамба-Калаус 1	1/8, 3/1	1/8 сосуд – (Мимоход, 2013)

		Типки 1	2/4	(Калмыков, 2005; Калмыков, Мимоход, 2005; Ляхов, 2016)
	Матюхин А.Д.	Кевюды 1	3/4,5,6	3/5 – (Калмыков, Матюхин, 2007), 3/6 – (Мимоход, 2013)
2003	Бабенко В.А.	Золотаревка 3	1/,1,2,4, 4/2, 6/2,3, 9/1,6,7,8,13	9/6 – (Мимоход, 2013)
	Лычагин А.В.	Ипатово 5	3/1	(Мимоход, 2013)
2005	Матюхин А.Д.	Кунаковский 2	1/1, 2/9, 3/3	Не опубл.
2006	Шишлина Н.И.	Темрта 1	2/7	(Ковалюх, Мимоход, 2007; Мимоход, 2013)
	Ростунов В.Л.	Кабакинский 2	1/9	Не опубл.
2007	Демиденко С.В.	Гремячий II	1/12	Не опубл.
2009	Лычагин А.В.	Зимняя Ставка 1	4/1,2,3 5/1, 6/9,10,11	Не опубл.
	Ляхов С.В.	Чограйский 1	5/11	Не опубл.
	Дремов И.И.	Шатта 1	1/10	Не опубл.
2012	Бабенко В.А.	Буденновск 5	1/7	Не опубл.
	Шишлина Н.И.	Песчаный V	14/3	(Шишлина, 2013; Мимоход, Загородняя, 2020; Mimokhod, Zagorodnia, 2021)
	Малашев В.Ю.	Беслан-2012	А/703,705	703 – (Мимоход, Загородняя, 2020; Mimokhod, Zagorodnia, 2021)
2013	Козорезов А.А.	Ханьков	48/7	Не опубл.
	Верещагин В.В.	Суворовский 1	5/3	Не опубл.
2014	Лычагин А.В.	Буденновск 4	8/4	Не опубл.
	Глебов В.П., Гугуев Ю.К.	Аксайский поворот III	2/3/5	(Глебов, Гугуев, 2019)
2015	Ильюков Л.С.	Родионов 4	5/3	(2020)
2016	Мячин С.В.	Горный	1/10	Не опубл.
2020	Ларенок В.А.	Южный VII	1/10	(Кияшко, Ларенок О., 2020)

Табл. 1.3. Процесс накопления источниковой базы погребений невинномысской культуры

Год	Авторы раскопок и отчетов	Могильники	Курган/погребение	Данные о публикации
1929	Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В.	Нальчикский курган	п. 18, 31	(1941)
1959	Марковин В.И., Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., Крупнов Е.И.	Мекенская	4/10	(Крупнов, Мерперт, 1963)
1963	Нечитайло А.Л.	Усть-Джегутинский	26/2,3	Долото из п. 3 (Нечитайло, 1978, рис. 39, *114*)
1964	Виноградов В.Б, Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Кузнецов В.А., Марковин В.И., Мунчаев Р.М., Сарианиди В.И.	Бамут-64	1-1-5,8, 2/2-4,12, 3/1,2, 8/1, 9/1	Не опубл.
1965	Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.Ф.	Бамут-65	6/9	Не опубл.
1966	Виноградов В.Б.,			

	Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.Ф., Сарианиди В.И.	Бамут-66	2/1,4-7,9,11, 3/2,9, 4/2,4,5,7	Не опубл.
	Нечитайло А.Л.	Суворовская	9/1,2,3	(1978; 1979)
1970	Абрамова М.П.	Терская	2/1	Не опубл.
1972	Сафронов В.А.	Роговская	3/5	Не опубл.
1977	Гиджарти Н.И., Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А.	Челбас	5/3	(Мимоход, 2013)
1978	Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Бианки А.М., Трифонов В.А.	Брюховецкая I	2/3	(1991)
1979	Нехаева А.А.	Раздольная	16/4	Не опубл.
	Бочкарев В.С.	Батуринский I	3/2, 5/2, 14/4	3/2 – сосуд, 5/2-пряжка (Шарафутдинова, 1991)
	Семенов А.	КРОС 616 га	6/7	Не опубл.
	Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А.	ПКОС	42/2,6	Не опубл.
	Гей А.Н.	Лебеди I	3/4	Не опубл.
1980	Рябова В.Я.	Лебеди II	5/7	Не опубл.
	Скарбовенко В.А.	Лебеди VII	2/6	Не опубл.
		Лебеди VIII	1/6, 2/1,3, 3/6,7	Не опубл.
	Бочкарев В.С.	Новокорсунская	2/1	(Мимоход, 2013)
	Скарбовенко В.А.	Лебеди IV	1/6, 2/1,3,6, 3/6,7, 7/7,11	

				7/7,11 – (Мимоход, 2013)
1981	Биджиев Х.Х. Гей А.Н., Сорокина И.А., Мельник В.И. Галанина Л.К. Бочкарев В.С.	Белсеней Малаи I Келермесская Брюховецкая II	5/11, 6/1 9/3 28/1 1/1	Не опубл. (Мимоход, 2013) Не опубл. Сосуд – (Шарафутдинова, 1991)
1982	Дервиз П.Г., Мирошина Т.В., Мишина Т.Н. Кореневский С.Н., Петренко В.Г. Бочкарев В.С. Мельник В.И., Орловская Л.Б., Сорокина И.А., Ульянова О.А.	Калиновский Воровсколесская Анапская I Малаи II	1/8, 1/9, 2/2, 3/1,2, 4/1, 5/1, 9/1 2/6 1/8 1/16	(Дервиз, 1989) опубл. частично (1989) Не опубл. Не опубл.
1983	Кореневский С.Н Скрипкин А.С. Тарабанов В.А.	Аликоновка Хоперская Бураковский	1/1 1/10, 2/4 1/6	(Кореневский, 1990) Не опубл. Не опубл.
1984	Ростунов В.Л. Бочкарев В.С. Лесков А.М., Днепровский К.А. Дьяченко А.Н. Шевченко Н.Ф.	Павлодольская Старомышаствоская I Чернышевская I Серегинский Южный-84 Пролетарский	1/2,3 1/20 4/3,4 1/14,15,28 1/1,3,4 2/7	Не опубл. (Мимоход, 2013) Не опубл. 1/14,15 – (Мимоход, 2013) Не опубл. Не опубл.
1985	Кореневский С.Н. Наглер А.О.	Галюгаевская Комарово I	3/1, 4/2 7/1	Не опубл. Не опубл.

	Андреева М.В.	Ореховка	1/3, 2/3,5, 5/3, 6/1, 7/1-3, 8/1,2,3,5,7, 9/1,4,5, 10/1,2	Опубл. частично (Андреева, Дервиз, 1989)
	Каминский В.Н.	Михайловская	11/8, 12/17	Не опубл.
	Савченко Е.И. Лесков А.М., Габуев Т.А., Днепровский К.А.	Общественный I	3/5,9	(Мимоход, 2013)
	Ульянова О.А., Сатеев О.И., Гей А.Н.	Чернышевская I	5/81, 6/2	Не опубл.
	Бочкарев В.С.	Останний	1/139	Не опубл.
		Белевцы I	1/4	Сосуд – (Шарафутдинова, 1991)
1986	Наглер А.О.	Троицкое	3/9	Не опубл.
	Габуев Т.А.	Черноярская	2/19,20	Не опубл.
	Бочкарев В.С.	Текучка I	2/12	(Мимоход, 2013)
	Анфимов И.Н.	Старонижестеблиевская -86	4/2	Не опубл.
	Шевченко Н.Ф.	Пролетарский-86	1/6	Не опубл.
1987	Бестужев Г.Н. Гей А.Н., Мелешко Б.В., Сатеев О.И., Ульянова О.А.	Бугундырь VI	4/2	(Мимоход, 2013)
		Олений	к. 2, 3/11	Пряжка к.2 (Мимоход, 2013)
1988	Анфимов И.Н.	Рассвет	2/3	Не опубл.
	Кореневский С.Н. Лесков А.М., Габуев Т.А., Днепровский К.А., Самойленко В.Г., Эрлих В.Р.	Галюгаевская	1/3,5,6	Не опубл.
		Чернышевская I	5/197,274	5/274 – (Мимоход, 2013)
	Бочкарев В.С.	Венцы I	1/5,сосуд в нас.	Сосуд – (Шарафутдинова, 1991)

	Кондрашев А.В.	Комсосмольский 1	1/1,2	1/1 – (Мимоход, 2013)
1989	Белинский А.Б., Самойленко В.Г., Бабенко В.А.	Петровка I	2/1, 4/1	Не опубл.
	Козаев П.К.	Сунжа-89	2/3	Не опубл.
	Бурков С.Б.	Бамутские сады	1/1,2	(Бурков, 2004)
	Беглова Е.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М., Эрлих В.Р.	Уашхиту 2	2/1,28	2/28 – (Эрлих, Вальчак, Маслов, 2006; Эрлих, Маслов, Вальчак, 2010; Мимоход, 2013)
		Зарево 5	1/1	Не опубл.
1990	Козаев П.К. Кузнецова Т.М., Алексеев А.Ю.	Сунжа-90	4/2-6,10-12	Не опубл.
		Келермесская	31/1,2	Не опубл.
1993	Ростунов В.Л.	Заманкул	1/4	Не опубл.
1995	Самойленко В.Г.	Чишхо	п.1	Не опубл.
1997	Березин Я.Б.	Буйвола 1	4/2, 5/,3,7	5/3,7 – (Мимоход, 2013)
1998	Цокур И.В.	Радуга	7/1	Не опубл.
1999	Березин Я.Б.	Птичье 3	5/16, 6/1,8, 7/1	Не опубл.
		Расшеватский 4	3/6	Не опубл.
2000	Березин Я.Б.	Иноземцево 1	1/1,2, 2/5, 3/1, 7/3,4,5	Не опубл.
	Ступак С.Г.	Динской 4	3/7	Не опубл.
	Ростунов В.Л.	Расшеватский 1	22/14, 23/4	23/4 – (Мимоход, 2013)
2002	Цокур И.В. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.	Пластуновская 53	6/9	(2004)
		Пластуновская 52	2/4	(2007)
2003	Цокур И.В.	Украинский 1	8/1	(2008)
	Лычагин А.В.	Ипатово 5	3/1	Не опубл.
2004	Лычагин А.В.	Николаевский 3	2/6, 3/5	Не опубл.

		Ульяновский 1	1/7, 3/3,5,6	Не опубл.
		Георгиевский 3	1/3, 2/10	Не опубл.
		Каскадный 2	1/3	(Мимоход, 2013)
	Сазонов А.А.	Успенский	Од.кург./5	(Мимоход, 2013)
2005	Нарожный Е.И.	Коноково 1	Од.кург/8	(Мимоход, 2013)
2006	Дзуцев Ф.С.	Беслан-2006	Компл.334,387	Не опубл.
	Лычагин А.В.	Сенгилеевский 7	9/2	Не опубл.
2007	Колесниченко К.Б.	Николаевкий 3	5/6	Не опубл.
	Колесниченко К.Б.	Кунаковский 3	5/4,5, 6/4	Не опубл.
	Маслов В.Е.	Учебный 1	14/1	Не опубл.
2008	Мячин С.В.	Бударка 3	10/2	Не опубл.
		Тугулук 3	4/2	Не опубл.
	Ляхов С.В.	Калюжный 1	1/1-10,12,13, 2/1,2, 3/2,5,6,8	Не опубл.
	Тищенко И.Б.	Медведовская 1	9/3,11,12	Не опубл.
2009	Березин С.Я.	Прогресс 2	3/4	Не опубл.
2010	Калмыков А.А.	Вонючка 1	1/1	Не опубл.
2011	Яцюк Д.А.	Ольховский	Од.кург/13	Не опубл.
	Березин Я.Б.	Птичье 3	9/2	Не опубл.
2012	Эрлих В.Р.	Синюха	1/7	Не опубл.
	Мячин С.В.	Невинномысский 1	10/5, 13/1-3,5-7	13/1-3,5-7 – (Ильюков, Мячин, 2015)
		Невинномысский 3	1/2,4, 4/2, 5/1,4,5, 6/5-8,12, 7/10,12,18,19, 22/2	6/5 – (Калмыков, Березина, Гресси, Добровльская , Бужилова, 2018)
		Невинномысский 4	1/12	Не опубл.
2012 - 2013	Науменко С.А.	Бейсужек 36	1/1	Не опубл.
2012 - 2014	Березин Я.Б.	Константиновский-12-14 4	3/3	Не опубл.
		Константиновская 10	1/1, 1/17	Не опубл.
		Константиновская 11	1/2,3,11	Не опубл.
2013	Яцюк Д.А.	Группа № 1708	2/1	Не опубл.
	Верещагин В.В.	Суворовский 1	1/16, 5/1	Не опубл.
	Козорезов А.А.	Ханьков	48/4	(Каргин, Козорезов, Зубарева, 2019)
	Березин С.Я.	Бородыновка 3	3/16	Не опубл.
		Новоалександровск 9	1/4	Не опубл.
2013 - 2014	Бабенко В.А.	Курган-Ставрополь	п. 5,15,19	Не опубл.

	Кононов В.Ю.	За Родину	98/7, 4885/8	Не опубл
2014	Лычагин А.В.	Винсады 4	2/7,9	Не опубл.
	Голубев Л.Э.	Граничный	1/3	Не опубл.
	Соков П.В.	Курганная группа (2 насыпи)	1/3,6-9	Не опубл.
	Яцюк Д.А.	Старотировская 4960Б	4/20, 5/19,24,29,	Не опубл.
		Старотировская 4962	4/7	Не опубл.
	Сурков А.В.	Терновка 10	2/1	Не опубл.
	Мячин С.В.	Георгиевская станица 6	Од.кург. 1/3,4	Не опубл.
	Прокофьев Р.В.	Георгиевская станица VII	2/2	Не опубл.
		Георгиевская станица VIII	1/5	Не опубл.
	Мячин С.В.	Невинномысский VI	1/6	Не опубл.
		Константиновский 4	2/1-3	Не опубл.
		Тоннельный 9	2/2	Не опубл.
	Ильяшенко С.М.	Натухай 4	1/2	Не опубл.
2015	Селивантьев О.А	Колос 2	1/10,17	Не опубл.
	Верещагина Е.Л.	Полтавская 3	5/4	Не опубл.
	Белинский А.Б.	Комсомолец 1	Кург./1	Не опубл.
2017	Деняева А.С.	Новосредненский 1	1/5,9,30,36,40	Не опубл.
		Новоекатериновская 4	2/7	Не опубл.
	Мячин С.В.	Курганная групп 9 насыпей (27 насыпей)	19/1	Не опубл.
2018	Клещенко А.А.	Адагум 1	7/3	Не опубл.
		Адагум 10	1/8-13	Не опубл.
	Маслов В.Е.	Новозаведенное 3	1/2,6,10	Не опубл.
2019	Бакушев М.А.	Советское 29	Од.кург/5	Не опубл.
	Тищенко И.Б.	Каблук 1	3/10, 4/10	Не опубл.
2020	Буравлев С.А.	Красносельский 10	2/2	Не опубл.
	Карпов Д.А.	Новотитаровская 14	1/12	Не опубл.
2021	Шереметьев А.Г.	Динская 29	6/8	Не опубл.
	Ахмаров А.У.	Ахлан-Кала	10/1	Не опубл.

Табл. 1.4. Процесс накопления источниковой базы погребений волго-уральской культурной группы

Год	**Авторы раскопок и отчетов**	**Могильники**	**Курган\погребение**	**Данные о публикации**
1951	Синицын И.В. Мерперт Н.Я.	Бережновка I Хрящевка	14/2 2/1, 2/2	(1959) (1954)
1952	Смирнов К.Ф.	Политодельское	12/18	(1959)
1954	Смирнов К.Ф.	Политодельское II	1/2	Не опубл.
1954-1955	Смирнов К.Ф.	Быково I	15/1,2, 16/12	(1960)
1967	Смирнов К.Ф.	Перевозинка	2/32	(Мимоход, 2018)
1972-1974	Васильев И.Б.	Утевка I	1/2	(1980)
1973	Смирнов К.Ф.	Новый Кумак	25/12-14	(Смирнов К., Кузьмина Е., 1977)
1973-1974	Шилов В.П.	Заливный	1/15	(1991)
1975	Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.	Кривая Лука XIV	8/5	Не опубл.
1977	Васильев И.Б.	Красносамарский I Красносамарский II	1/2 1/2	(Васильев, Кузнецов,1988) (Кузьмина О., 1979; 2000а)
1982	Мамонтов В.И. Шнайдштейн Е.В.	Первомайский X Степная IV	10/1 2/3	Не опубл. Не опубл.
1983	Мыськов Е.П. Лопатин В.А.	Волжский Караман	2/13 3/1	Не опубл. (Жемков, Лопатин, 2007)
1987	Мамонтов В.И. Порохова О.И.	Первомайский VIII Тамар-Уткуль VII	3/7 4/1–5	(Мамонтов, 2001) (Богданов, 1998)

1987-1988	Сергацков И.В.	Барановка I	10/4	(1992)
1988	Богданов С.В. Лопатин В.А.	Пятилетка Светлое Озеро	5/1 1/1, 7/1	Не опубл. (Жемков, Лопатин, 2008)
1989	Кузьмина О.В.	Политодельское-89 Кутулук III	4/12 1/1	(Турецкий, Мимоход, Хохлов, 2020) (Кузьмина, Кузнецов, Семенова, 1999)
1994	Юдин А.И.	Шумейка	2/4	(1998; 2007)
1995-2000	Лопатин В.А.	Смеловка	гр.мог./6,9,12,20,33,70, 112,128	(Лопатин, 2010)
1997	Мамонтов В.И.	Тихоновка	Од.кург./5	(1999)
1998	Кузнецов П.Ф.	Журавлиха I	1/10	(Кузнецов, Мышкин, 2003)
2000-2002	Моргунова Н.Л.	Шумаево II	3/2, 6/1	(Моргунова, Гольева, Краева, Мещеряков, Турецкий, Халяпин, Хохлова, 2003)
2002	Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д	Грачевка II	5/3	(Кузнецов, Мочалов, 2012; Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018)
2003	Захариков А.П., Матюхина Ю.А. Тихонов В.В.	Большие Копены 2 Горбатый мост	2/1 6/11	(2007) (Мимоход, 2013; Тихонов, 2018)
2010	Моргунова Н.Л.	Имангулово II	5/3	(Мимоход, 2018; Купцова, Евгеньев, 2022)
2014	Бисимбаев А.А.	Щилисай II	2/2	(Хаванский, Бисимбаев, Дуйсенгали, Баиров, Амелин,

				Бидагулов, 2018)
2018	Курочкина С.А.	Курганная группа (14 насыпей) у с. Березовка	12/1	Не опубл.
Нет данных	Нет данных	Венгеловка	5/1	(Памятники срубной культуры…, 1993)
		Восточно-курайли 1	1/1	(Ткачев В., 2006; 2006а; 2007)
		Мамбеталы	5/1	(Памятники срубной культуры…, 1993)
		Учебный полигон	П.3	(Ткачев В., 2006; 2006а; 2007)

Приложение к главе 2

Табл. 2.1. Поло-возрастные определения погребений волго-донской бабинской культуры

№	памятник	комплекс	Пол/реб./подр.	возраст
1	Авиловский	20/6	Муж.	Около 60 лет
2	Аксай I	15/17	Жен.	20–30 лет
3	Антонов	3/4	Жен.	Не указано
4	Белогорское I	Ск.1/14	Подр.	Не указано
5	Белокаменка	3/8	Муж.	Не указано
6	Бережновка I	3/11	Муж.	«средних лет»
7	Бережновка I	5/21	Муж.	«зрелый»
8	Бережновка II	3/5	Муж.	Не указано
9	Бережновка II	87/3	Жен.	Не указано
10	Бородаевка	2/2	Жен.	Не указано
11	Бородаевка	2/3	Муж.	Не указано
12	Бурлук I	1/2	Муж.?	Не указано
13	Быково I	4/11	Муж.	Не указано
14	Быково I	6/3	Муж.	20–35 лет
15	Быково II	5/9	Муж.	Не указано
16	Вербовский III	3/6	Жен.	Не указано
17	Вертячий	7/15	Муж.	Не указано
18	Верхнее Погромное I	3/8	Муж.	Не указано
19	Вишневка	Од.кург./5	Муж.	Не указано
20	Волжский	2/16	Жен.?	Не указано
21	Грачевка I	1/1	Муж.	30–35 лет
	Грачевка II	10/1	Муж.	35–50 лет
22	Громославка II	2/8	Муж.	Не указано
23	Жареный Бугор	3/1	Муж.	Не указано
24	Заханата	9/7	Реб.	Не указано
25	Калач гр.мог.	р.1 п.1	Реб.	Не указано
26	Калиновский	6/1	Реб.	Не указано
27	Калиновский	6/3	Муж.	Не указано
28	Калиновский	8/15	Муж.	Не указано
29	Калиновский	54/2	Жен.	20–36 лет
	Калиновский 1	1/4	Муж.	50–55 лет
30	Калмыцкая Гора	8/2	Жен.	«средних лет»
31	Кривая Лука II	1/5	Жен.	30–55 лет
32	Кривая Лука XXI	2/4	Жен.	Не указано
33	Кривая Лука XXIII	1/8	Муж.	Не указано
34	Кривая Лука XXIII	3/3	Подр.	Не указано
35	Кондраши	2/4	Муж.	45–50 лет

36	Короли	4/3	Подр.	Не указано
37	Линево	6/6	Жен.	15–17 лет
38	Линево	8/2	Жен.	20–23 лет
39	Лозовое 1	2/1	Муж.	35–40 лет
40	Николаевка 3	2/1	Муж.	Не указано
41	Николаевка 3	2/1	Реб.	Не указано
42	Николаевка 3	3/3	Муж.	Не указано
43	Николаевка 3	3/4	Муж.	Не указано
44	Николаевка 3	5/1	Муж.	Не указано
45	Никольское III	1/8	Подр.	Не указано
46	Осетровка 2	1/5	Реб.	Не указано
47	Светлое Озеро	10/2	Подр.	Не указано
48	Скворцовка	5/3	Жен.	30–35 лет
49	Сусловский	9/1	Муж.	Около 40 лет
50	Павловский	41/3	Муж.	Не указано
51	Первомайский I	8/5	Реб.	Не указано
52	Первомайский VII	33/2	Жен.	Не указано
53	Первомайский VII	42/6	Жен.	«молодая»
54	Перекопка IV	Од. кург./4	Реб.	2,5–3,5 года
55	Перекопка IV	Од. кург./6	Подр.	13–14 лет
56	Петрунино II	1/8	Муж.	«старческий»
57	Петрунино II	5/2	Муж.	Не указано
58	Писаревка II	10/2	Реб.	9–10 лет
59	Подгорный	6/19	Жен.	20–30 лет
60	Политодельское	3/5	Муж.	Не указано
61	Политодельское	4/27	Муж.	Не указано
62	Репный I	7/5	Реб.	4–6 лет
63	Репный I	7/13	Муж.	Старше 45 лет
64	Репный I	7/17	Реб.	6–7 лет
65	Ромашкин II	Од. кург./11	Муж.	Не указано
66	Смеловка гр.мог.	п.111	Жен.	30–40 лет
67	Тихоновка	Од. кург./4	Жен.	Не указано
68	Усть–Погожье	1/2	Муж.	55–60 лет
69	Х. Степана Разина	1/14	Жен.	Не указано
70	Цаца	1/4	Жен.	Не указано
71	Чир II	2/1	Муж.	Не указано
72	Широкий Карамыш 2	4/10	Муж.	Не указано
73	Ягодное I	3/1	Муж.	Не указано
74	Ямки	1/4	Реб.	Не указано
75	Ямки	1/4	Жен.	Не указано

Табл. 2.2. Количественное распределение типов комплексов с КЖ в погребениях ВДБК

Типы комплексов с КЖ	*Количество комплексов*	*% от общего числа погребений ВДБК с КЖ*
Тип 1	79	63,2
Тип 2	15	12
Тип 3	8	6,4
Тип 4	4	3,2
Тип 5	4	3,2
Тип.6	4	3,2
Тип 7	1	0,8
Тип 8	1	0,8
Тип 9	1	0,8
Тип 10	1	0,8
КЖ, у которых отсутствуют данные об анатомическом и/или видовом составе	7	5,6
Всего	125	100

Табл. 2.3. Расположение КЖ по типам в погребениях ВДБК

Зона расположения комплексов с КЖ типа 1 в погребении	*Тип 1 (кости ног МРС)*	*Тип 2 (кости ног КРС)*	*Тип 3 (кости ног МРС и КРС)*	*Тип 4 (кости ног и таза МРС)*	*Тип 5 (ребра и позвонки МРС)*	*Тип 6 (кости ног и лопатки МРС)*	*Типы 7–10*
У левой руки перед умершим	63	11	6	3	2	4	2
У черепа	2	1	—	1	1	—	1
За спиной и тазом	4	2	—	—		—	1
У живота, на бедренных костях, тазе, у колен	3	—	1	—	1	—	—
Между бедренными и берцовыми костями и у ступней	3	—	1	–		—	—

В отдалении от скелета	4	1	—	—		—	—
Типы не установлены	7						

Табл. 2.4. Спектральные анализы металла на медной основе изделий ВДБК

№	Шифр	комплекс	Пред–мет	**Cu**	**Sn**	**Pb**	**Zn**	**Bi**	**Ag**	**Sb**	**As**	**Fe**	**Ni**	**Co**	**Au**	**Mn**
1.	ГИМ	Писаревка II 10/2	пласти–на	Осн	0,05	–	–	–	0,06	0,05	0,27	0,04	–	–	–	–
2.	816–15 ИИМК	Писаревка II 10/2	Колпа–чок	Осн.	–	–	–	–	0,02	0,01	2,2	–	–	–	–	0,01
3.	ИА РАН–50753	Верхний Балаклый 6/6	нож	Осн.	–	0,07	–	0,03	0,17	1,18	0,62	0,15	0,2	–	–	–
4.	ИА РАН–40239	Павловск II ск2/38	бусина	Осн.	0,002	0,004	0,001	0,001	0,004	0,01	3,6	0,028	0,018	0,002	–	–

1, 2 – не опубл. с правом доступа

Табл. 2.5. Спектральные анализы металла на медной основе изделий ДДБК

№	Шифр	комплекс	Пред–мет	**Cu**	**Sn**	**Pb**	**Zn**	**Bi**	**Ag**	**Sb**	**As**	**Fe**	**Ni**	**Co**	**Au**	**Mn**
1	ИА РАН – 50684	Пологи 1/2	наклад–ка	Осн.	–	<0,02	0,61	0,05	0,03	0,03	0,9	0,09	0,06	–	–	–
2	Не указа–но	Пологи 1/2	гвоздик	87,1	8,7	4,1	–	0,010	0,022	0,012	0,008	–	0,0041	0,00025	0,00027	–
3	ИИМК 811–58	Ясиновский од. кург/19	заклепка	Осн.	–	0,1	–	–	0,05	0,01	–	0,04	0,02	–	–	0,02
4	13508	Четыре Брата 2/8	нож	Осн.	–	0,06	–	0,007	0,02	–	2,0	0,02	0,003	–	–	–
5	ИА РАН–16251	Александ–ровск 1/4	нож	Осн.	0,06	0,08	–	0,07	0,02	–	0,2	0,001	0,007	–	–	–
6	ИА РАН–32777	Заплавка I 5/9	нож	Осн.	0,0015	0,15	–	–	0,04	0,015	1,2	0,01	0,015	–	–	–

7	816–17 ИИМК	Возрождение –2 2/4	гривна	Осн.	–	0,08	–	0,05	0,03	–	0,7	0,01	–	–	–	0,02
8	816-77	Новофилип–повка 2/4	пронизь	Осн.	0,012	0,03	–	0,001	0,01	0,003	0,25	0,043	0,006	–	–	–
9	816-75	Новофилип–повка 2/4	пронизь	Осн.	0,001	0,001	–	0,001	0,009	–	0,6	0,001	0,002	–	–	–
10	816–16 ИИМК	Водяное 1/3	скоба	Осн.	–	–	–	–	0,02	–	0,8	–	–	–	–	0,02
11	816–18 ИИМК	Шахтерск 8/2	подвеска	Осн.	–	0,08	0,3	–	0,03	–	0,1	–	0,03	–	–	0,01

1, 2 – данные по (Шишлина, Орфинская, Киселева, Хвостиков, Кузнецова, Окунева, 2020, табл. 3); 3 – данные по (Егорьков, 2018); 4–6 – данные по (Литвиненко, 2006б, табл. 1); 7–11 – не опубл. с правом доступа

Приложение к главе 3

Табл. 3.1. Поло-возрастные определения погребений лолинской культуры

№	памятник	комплекс	Пол/реб./подр.	возраст
1.	Айгурский 2	37/1	Муж.	Не указано
2.	Аксайский поворот III	2/3/5	Муж.	30-40 лет
3.	Балкин II	6/1	Муж.?	Не указано
4.	Бережной	2/2	Жен.	30-35 лет
5.	Беслан	п. 703	Муж.	20-30 лет
6.	Беслан	п. 705	-	30-50 лет
7.	Буйвола 1	5/7	Муж.	Не указано
8.	Вавилон 3	6/5	Муж.	
9.	Вавилон 3	8/8	Муж.	
10.	Веселая Роща II	1/1	Жен.	16-18 лет
11.	Веселая Роща II	13/3	-.	16-18 лет
12.	Веселая Роща II	13/6	Муж.	40-50 лет
13.	Веселая Роща III	13/10	Жен.	Старше 55 лет
14.	ВМЛБ I 65	28/3	Жен.	Не указано
15.	ВМЛБ I 65	34/3	Жен.	«молодая»
16.	ВМЛБ II 1965	42/3	Муж.	Не указано
17.	ВМПБ 1965	9/1[1]	Муж.	Не указано
18.	ВМПБ 1965	17/1	Жен.	Не указано
19.	Зимняя Ставка 1	4/1	Реб.	Не указано
20.	Зимняя Ставка 1	4/2	Жен.	Не указано
21.	Золотаревка 1	1/3	Жен.	Старше 55
22.	Золотаревка 1	1/5	Муж.	Старше 55
23.	Золотаревка 1	23/1	Жен.	35-45 лет
24.	Золотаревка 1	24/1	Муж.	45-55 лет
25.	Золотаревка 1	26/9	Муж.	25-35 лет
26.	Ильинский 1	1/6	Муж.	45-55 лет
27.	Ипатово 3	2/13	Муж.	45-55 лет
28.	Ипатово 5	3/1	Муж.	45-55 лет
29.	Калиновский	6/4	Муж.	30-40 лет
30.	Кевюды 1	3/5	Муж.	35-45 лет
31.	Кировский IV	7/2	Жен.	18-20 лет
32.	Кривая Лука II	1/13	Муж.	35-55 лет
33.	Кривая Лука II	1/13	Реб.	Не указано
34.	Кривая Лука XXI	1/9	Муж.	30-40 лет

[1] В работе А.В. Шевченко (1986), по всей видимости, содержится опечатка, которая дублируется в последующих работах антропологов (Герасимова, Калмыков, 2007, с.247). У него в кургане 9 фигурирует погребение 10, в то время как в кургане 9 могильника ВМПБ 1965 обнаружено всего два захоронения: п.1 – основное лолинское, п.2 – ямное (Синицын, 1978, с.113). Оценку интересующего нас комплекса исследователь дает в рамках характеристики погребений VI группы по В.А. Сафронову. Это указывает на то, что антропологическое определение проводилось именно для лолинского погребения 1.

35.	Кривая Лука XXI	2/6	Муж.	30-40 лет
36.	Кривая Лука XXXIV	5/5	Муж.	Не указано
37.	Купцын-Толга	48/4	Муж.	20-35 лет
38.	Малаи I	4/4	Жен.?	20-35 лет
39.	Манджикины 1	3/4	Муж.	40-55 лет
40.	Манджикины 1	4/1	Муж.	45-55 лет
41.	Манджикины 1	5/6	Муж.	45-55 лет
42.	Манджикины 1	9/1	Муж.	35-45 лет
43.	Манджикины 1	10/2	Жен.	45-55 лет
44.	Москва 1	Од.кург./16	Муж.	35-40 лет
45.	Новый	130/7	Муж.	35-40 лет
46.	Островной	3/6	Муж.?	взрослый
47.	Островной	3/12	Реб.	Около 4 лет
48.	Островной	3/15	Реб.	1-1,5 года
49.	Островной	3/16	Реб.	1,5-2 года
50.	Островной	3/39	Жен.	20-30 лет
51.	Островной	6/4	Муж.?	35-45 лет
52.	Островной	6/5	Муж.	17-25 лет
53.	Островной	6/9	Муж.	Около 25 лет
54.	Островной	7/2	Реб.	Около 4 лет
55.	Островной	7/7	Жен.	40-50 лет
56.	Островной	12/3	Муж.	25-35 лет
57.	Песчаный V	14/3	Подр.	12-13 лет
58.	Песчаный V	14/3	Подр.	12-13 лет
59.	Песчаный V	14/3	Подр.	12-13 лет
60.	Песчаный V	14/3	Муж.	30-40 лет
61.	Песчаный V	14/3	Реб.	5-6 лет
62.	Суворовский 1	5/3	Жен.	20-30 лет
63.	Темрта I	2/7	Муж.	30-40 лет
64.	Типки 1	2/4	Муж.	Старше 55 лет
65.	Типки 3	Од.кург/3	Жен.	Старше 55 лет
66.	Типки 3	Од.кург/5	Жен.	45-55 лет
67.	Улан-Зуха	1/4	Муж.	40-45 лет
68.	Улан-Толга	11/2	Жен.	40 лет
69.	Хар-Зуха 1	5/2	Муж.	Не указано
70.	Хар-Зуха 1	5/3а	Муж.	45 лет
71.	Цаган-Усн VII	4/27	Муж.	18 лет
72.	Чограй I	13/1	Жен.	25 лет (?)
73.	Чограй VIII	9/4	Жен.	Свыше 55 лет
74.	Чограй VIII	32/2	Муж.?	13-15 лет
75.	Чограй VIII	34/1	Муж	35-55 лет
76.	Чограй	од.кург/6	Муж.	30-40 лет
77.	Чограй	од.кург/14	Муж.	25-40 лет
78.	Чограйский 1	5/11	Подр.	Не указано
79.	Шарахалсун 1	1/1	Муж.?	35-45 лет
80.	Шарахалсун 1	1/1	Реб.	До 7 лет
81.	Шарахалсун 1	2/2	Реб.	7-8 лет
82.	Шарахалсун 3	10/1	Муж.	45-55 лет

83.	Шарахалсун 5	3/3	Реб.	3-4 года

Табл. 3.2. Количественное распределение типов комплексов лолинской культуры с КЖ МРС

Типы комплексов с КЖ	*Количество комплексов*	*% от общего числа лолинских погребений с КЖ МРС*
Тип 1	57	67,8
Тип 2	4	4,8
Тип 3	8	9,5
Тип 4	5	6,2
Тип 5	2	2,4
Тип 6	1	1,2
Тип 7	3	3,6
Тип 8	1	1,2
КЖ МРС, у которых отсутствуют данные об анатомическом составе	3	3,6
Всего	84	100

Табл. 3.3. Спектральные анализы металла на медной основе изделий лолинской культуры

№	Шифр	комплекс	Пред-мет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Mn
1.	13409 ИА РАН	Кривая Лука II 1/13	нож	Осн.	0,002	0,003	-	0,001	0,002	0,008	2	0,015	0,001	-	-	0,01
2.	811-48 ИИМК	Кунаковский 2 3/3	нож	Осн.	-	-	0,2	0,02	0,04	0,02	7,9	-	0,01	-	-	0,02
3.	811-49 ИИМК	Кунаковский 2 2/9	нож	Осн.	-	-	0,04	-	0,05	0,01	4	-	-	-	-	0,02
4.	811-50 ИИМК	Золотаревка 3 9/7	нож	Осн.	-	-	-	-	0,03	-	2,2	-	-	-	-	0,02
5.	811-56 ИИМК	ВМЛБ 1965 II 42/3	нож	Осн.	-	-	0,2	-	0,03	-	0,3	-	-	-	-	0,01
6.	МГУ	Золотаревка 6 16/1	нож	90,59	-	-	-	-	-	-	9,41	-	-	-	-	-
7.	МГУ	Ильинский 1 1/6	нож	99,02	-	-	-	-	-	-	0,98	-	-	-	-	-
8.	МГУ	Ипатово 3 2/13	нож	98,79	-	-	-	-	-	-	1,21	-	-	-	-	-
9.	МГУ	Айгурский 2 37/1	нож	99,13	-	-	-	-	-	-	0,07	-	-	-	-	-
10.	13410 ИА РАН	Кривая Лука II 1/13	шило	Осн.	0,003	0,004	-	0,003	0,0001	?	2	0,25	0,0005	-	-	0,01
11.	715-20 ИИМК	Остров 3/39	шило	Осн.	-	-	0,05	-	-	-	1,6	-	-	-	-	-
12.	811-45 ИИМК	Кунаковский 2 2/9	шило	Осн.	0,1	0,1	-	0,03	0,04	0,01	2,4	0,6	0,02	-	-	0,02
13.	811-46 ИИМК	Кунаковский 2 1/1	шило	Осн.	-	-	-	-	0,03	0,01	2,6	-	-	-	-	0,02

№	Шифр	комплекс	Пред-мет	**Cu**	**Sn**	**Pb**	**Zn**	**Bi**	**Ag**	**Sb**	**As**	**Fe**	**Ni**	**Co**	**Au**	**Mn**
14.	811-47 ИИМК	Кунаковский 2 3/3	шило	Осн.	-	-	0,05	-	0,04	-	1,4	-	0,01	-	-	0,01
15.	811-55 ИИМК	Манджики-ны 1 10/2	шило	Осн.	-	-	0,1	-	0,02	-	3,8	-	-	-	-	0,01
16.	МГУ	Айгурский 2 37/1	шило	97,99	-	-	-	-	-	-	2,01	-	-	-	-	-
17.	ИА РАН - 50728	Вавилон 2 3/6	нож	Осн.	-	0,41	0,1	0,04	0,04	0,03	0,57	<0,02	0,26	-	-	-
18.	ИА РАН - 50729	Вавилон 2 3/6	кусок металла	+	-	Осн.	-	+	+	-	-	+	+	+	-	-
19.	ИА РАН - 50724	Золотаревка 3 9/8	стер-жень	Осн.	0,4	0,12	-	0,12	0,12	0,28	-	<0,05	-	-	-	-
20.	ИА РАН - 50726	Шарахалсун 3 8/2	стер-жень	Осн.	-	<0,05	0,38	0,02	0,02	-	2,32	<0,02	0,02	-	-	-
21.	ГИМ	Золотаревка 1 23/1	предм.	Осн.	0,13	-	-	-	0,11	0,12	0,71	-	-	-	-	-
22.	ГИМ	Золотаревка 6 15/6	предм.	Осн.	0,04	-	-	-	-	0,02	1,56	0,07	0,03	-	-	-
23.	ИА РАН - 50725	Золотаревка 3 9/7	нож	Осн.	-	<0,06	0,29	0,03	0,03	0,03	2,57	<0,02	0,02	-	-	-
24.	ИА РАН - 35731	Калиновский 6/4	нож	Осн.	0,004	0,011	1,7	0,008	0,046	0,007	2,8	0,015	0,009	0,003	0,00 05	-

1–16 – данные по (Мимоход, 2013, прил. 3, табл. 1); 17–24 – не опубл. с правом доступа.

Табл. 3.4. Рентгено-спектральные анализы металла украшений лолинской культуры

№	Шифр	комплекс	Предмет	**Cu**	**Sn**	**Pb**	**Zn**	**Bi**	**Ag**	**Sb**	**As**	**Fe**	**Ni**	**Co**	**Au**	**Mn**
1.	МГУ	Кунаковский-2 1/1	пуговица	1,87	-	-	-	-	-	96,2	0,46	0,88	0,59	-	-	-
2.	МГУ	Кунаковский-2 2/9	бусина	-	0,11	-	-	-	4,5	93,08	0,27	1,46	0,57	-	-	-
3.	МГУ	Золотаревка-3 9/13	подвеска секировидная	1,46	-	-	-	-	-	96,54	0,28	1,08	0,65	-	-	-
4.	МГУ	Золотаревка-3 9/13	бусина	-	-	-	-	-	-	98,78	0,12	1,1	-	-	-	-
5.	МГУ	Вавилон-2 6/6	бусина	-	-	-	0,9	-	-	94,19	0,48	4,43	-	-	-	-
6.	МГУ	Золотаревка-1 23/1	бусина	-	-	-	0,18	-	-	98,2	0,24	2,15	-	-	-	-
7.	МГУ	Золотаревка-1 26/9	бусина	-	-	-	0,86	-	-	94,89	0,14	4,12	-	-	-	-
8.	МГУ	Золотаревка-3 6/3	бусина	-	-	-	0,44	-	-	96,51	0,31	2,75	-	-	-	-
9.	МГУ	Золотаревка-3 9/6	бусина	-	-	-	-	-	-	98,28	0,14	1,58	-	-	-	-
10.	МГУ	Кунаковский-2 3/3	бусина	-	-	-	0,18	-	0,24	97,52	0,13	1,93	-	-	-	-
11.	МГУ	Кунаковский-2 2/9	пронизь	4,79	-	-	-	-	51,97	-	-	-	-	-	43,23	

Данные по (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008; Гак, Мимоход, Калмыков, 2012, табл. 1; Мимоход, 2013, прил. 3, табл. 2)

Приложение к главе 4

Табл. 4.1. Половозрастные определения погребений невинномысской культуры

№	памятник	комплекс	Пол/реб./подр.	возраст
1.	Адагум 1	7/3	Муж.	Старше 55 лет
2.	Адагум 10	1/5	Жен.	-
3.	Адагум 10	1/8	Муж.	Старше 55 лет
4.	Адагум 10	1/9	Жен	35-45 лет
5.	Адагум 10	1/10	Реб.	0,5-2,5 года
6.	Адагум 10	1/11	Жен.	30-40 лет
7.	Адагум 10	1/12	Муж.	35-55 лет
8.	Адагум 10	1/13	Взр.	30-40 лет
9.	Бамут-64	1/4	Жен.	Старше 50 лет
10.	Бамут-66	2/5	Жен.	пожилая
11.	Бейсужек 36	1/1	Жен.	Старше 35 лет
12.	Георгиевская станица VIII	1/5	Муж.	Старше 45 лет
13.	Греки I	2/49	Жен.	Зрелый
14.	Греки I	2/56	Муж.	Зрелый
15.	Греки I	2/59	Реб.	1,5-2,5 года
16.	Греки III	1/4	Жен.	зрелый
17.	Зарево 5	1/1	Муж.	Старше 45 лет
18.	Ипатово 5	3/1	Муж.	45-55 лет
19.	Каблук 1	4/10	Реб.	9-12 лет
20.	Курганная группа, 2 насыпи	1/3	Муж.	35-45 лет
21.	Курганная группа, 2 насыпи	1/6	Реб.	5-7 лет
22.	Курганная группа, 2 насыпи	1/7	Взр.	40-50 лет
23.	Курганная группа, 2 насыпи	1/9	Муж.	30-35 лет
24.	Лебеди I	3/4	Муж.	60-70 лет
25.	Медведовский 1	9/3	Муж. Жен.	25-30 лет 35-45 лет
26.	Медведовский 1	9/11	Подр.	12-15 лет
27.	Медведовский 1	9/12	Жен.	25-30 лет
28.	Нальчикский курган	П. 18	Подр	13-15 лет
29.	Нальчикский курган	П. 31	Жен.	Около 40 лет

30.	Невинномысский 3	6/5	Муж.	35-45 лет
31.	Незлобная VII	1/2	Муж. Реб.	35-40 лет 10-12 лет
32.	Новотитаровская 14	1/12	Муж.	35-45 лет
33.	Общественный I	3/5	Муж.	20-35 лет
34.	Общественный I	3/9	Муж.	20-35 лет
35.	Олений	3/11	Муж.	30-45 лет
36	Ореховка	3/2	Муж.	20-35 лет
37.	Ореховка	5/2	-	35-55 лет
38.	Ореховка	8/1	-	13-15 лет
39.	Ореховка	8/2	Жен.?	35-55 лет
40.	Ореховка	8/5	Жен.	20-35 лет
41.	Ореховка	8/6	Муж.	20-35 лет
42.	Ореховка	9/4	Муж.?	13-15 лет
43.	Радуга	7/1	Жен.	-
44.	Роговская	3/5	Жен.	30-40 лет
45.	Советское 29	Од. кург./5	Муж.?	35-45 лет
46.	Суворовский 1	1/16	Муж. Реб.	35-55 лет 7-10 лет
47.	Суворовский 1	5/1	Жен.	25-35 лет
48.	Терновка 10	2/1	Взр.	Старше 50 лет
49.	Терская	2/1	Муж.?	Старше 30 лет

Табл. 4.2. Спектральные анализы металла на медной основе изделий невинномысской культуры

№	Шифр	комплекс	Пред-мет	**Cu**	**Sn**	**Pb**	**Zn**	**Bi**	**Ag**	**Sb**	**As**	**Fe**	**Ni**	**Co**	**Au**	**Mn**
1.	816-13 ИИМК	Садовый 4/10	крюк	Осн.	-	-	-	-	0,01	-	3,2	0,2	-	-	-	-
2.	816-14 ИИМК	Садовый 4/10	наклад-ка	Осн.	-	-	-	-	0,01	0,02	6,3	-	0,04	0,02	-	0,01
3.	ГИМ	Динская 29 к. 1	нож	97,07	-	-	-	-	0,11	-	2,51	-	0,31	-	-	-
4.	161-40 ИИМК	Батуринская I 14/4	бусина	Осн.	-	-	-	0,43	0,008	5,5	2,4	-	0,07	0,004	0,18	-

1, 2 – данные по (Брилева, 2009, табл. 1); 3, 4 – не опубл.

Табл. 4.3. Рентгено-спектральные анализы металла украшений невинномысской культуры

№	Шифр	комплекс	Предмет	**Cu**	**Sn**	**Pb**	**Zn**	**Bi**	**Ag**	**Sb**	**As**	**Fe**	**Ni**	**Co**	**Au**	**Mn**
1.	МГУ	Ульянов-ский-1 1/7	бусина	-	-	-	-	-	-	97,97	-	1,21	0,82	-	-	-
2.	МГУ	Ульянов-ский-1 1/7	бусина	-	-	-	-	-	-	97,73	0,12	1,33	0,82	-	-	-
3.	МГУ	Ульянов-ский-1 3/5	бусина	-	-	-	-	-	-	98,35	0,23	0,72	0,7	-	-	-
4.	МГУ	Николаев-ский-3 2/6	бусина	-	-	-	-	-	-	98,08	-	1,19	0,73	-	-	-
5.	МГУ	Николаев-ский-3 2/6	бусина	-	-	-	-	-	-	98,36	-	0,89	0,75	-	-	-
6.	МГУ	Георгиев-ский-3 1/3	бусина	-	-	-	0,2	-	-	97,11	0,24	2,15	-	-	-	-
7.	МГУ	Иноземцево-1 7/3	бусина	-	-	-	0,38	-	-	97,22	0,11	2,3	-	-	-	-
8.	МГУ	Красногвар-дейское/7	бусина	-	-	-	0,15	-	-	98,58	0,11	1,16	-	-	-	-
9.	МГУ	Невинномыс-ский-1 2/2	бусина	-	-	-	-	-	-	97,02	0,05	2,93	-	-	-	-

№	Шифр	комплекс	Предмет	**Cu**	**Sn**	**Pb**	**Zn**	**Bi**	**Ag**	**Sb**	**As**	**Fe**	**Ni**	**Co**	**Au**	**Mn**
10.	МГУ	Невинномыс-ский-1 3/2	бусина	-	-	-	0,31	-	-	97,52	0,09	2,09	-	-	-	-
11.	МГУ	Невинномыс-ский-1 3/5	бусина	-	-	-	0,48	-	-	95,43	0,11	3,98	-	-	-	-
12.	МГУ	Николаев-ский-3 1/3	бусина	-	-	2,52	-	-	0,09	94,13	0,46	2,8	-	-	-	-
13	МГУ	Николаев-ский-3 1/4	бусина	-	-	-	0,48	-	-	96,2	0,25	3,07	-	-	-	-
14.	МГУ	Птичье-3 6/8	бусина	-	-	-	-	-	-	98,59	0,1	1,31	-	-	-	-
15.	МГУ	Сенгилеев-ский-1 9/2	бусина	-	-	-	0,16	-	-	97,41	0,2	2,23	-	-	-	-

Данные по (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008; Гак, Мимоход, Калмыков, 2012, табл. 1; Мимоход, 2013, прил. 3, табл. 2)

Приложение к главе 5

Табл. 5.1. Половозрастные определения погребений волго-уральской культурной группы

№	памятник	комплекс	Пол/реб./подр.	возраст
1.	Бережновка I	14/2	Муж.	-
2.	Быково I	15/1	Подр.	-
3.	Быково I	15/2	Муж.	-
4.	Быково I	16/12	Муж.	-
5.	Грачевка II	5/3	Жен.	25-40 лет
6.	Имангулово II	5/3	Реб.	8-9 лет
7.	Красносамарский IV	2/3	Подр.	12-13 лет
8.	Мамбеталы	5/1	Муж.	40-50 лет
9.	Перевозинка	2/32	Муж.	-
10.	Политотдельское	2/1 12/18	Муж. Муж.	20-35 лет «пожилой»
11.	Политотдельское II	1/2	Жен.	Старше 60 лет
12.	Пятилетка	5/1	Жен.	-
13.	Смеловка гр.мог.	п. 6	Муж.	18-20 лет
14.	Смеловка гр.мог.	п. 9	Муж.	30-40 лет
15.	Смеловка гр.мог.	п. 12	Муж.	40-50 лет
16.	Смеловка гр.мог.	п. 20	Муж.	18-21 лет
17.	Смеловка гр.мог.	п. 33	Жен.	Более 55 лет
18.	Смеловка гр.мог.	п. 70	Жен.	Более 55 лет
19.	Смеловка гр.мог.	п. 112	Подр.	12-13 лет
20.	Смеловка гр.мог.	п. 128	Муж.	55-69 лет
21.	Тихоновка	од. кург./5	Жен.	25-30 лет
22.	Шумаево II	3/2	Муж.	45-55 лет
23.	Шумаево II	6/1	Муж.	20-25 лет

Приложение к главе 6

Табл. 6.1. Радиоуглеродные даты. Лолинская культура

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Манджикины 1 к.3 п.4.	ИГАН–1900	Кость человека	3600±90	2112–1872
2.	Манджикины 1 к.9 п.1	ИГАН–2278	Кость человека	3740±30	2190–2044
3.	Манджикины 1 к.9 п.1	ИГАН–2227	Дерево	3850±60	2453–2197
4.	Манджикины 1 к.9 п.1	KIA–45525	Ребро коровы	3704±27	2138–2038
5.	Манджикины 1 к.9 п.1	KIA–45524	Кость человека	3824±26	2296–2205
6.	Манджикины 1 к.4 п.1	ИГАН–1887	Кость человека	3720±90	2273–1972
7.	Манджикины 1 к.5 п.6	ИГАН–2280	Кость человека	3840±50	2397–2196
8.	Кевюды 1 к.3 п.5	ГИН–12043	Кость человека	3580±40	2009–1833
9.	Ипатово 3 к.2 п.13	ГИН–11157	Кость человека	3560±100	2030–1744
10.	Ипатово 3 к.2 п.13	ГИН–11432	Кость человека	3470±40	1878–1694
11.	Типки 1 к.2 п.4	ГИН–10311	Кость человека	3640±40	2113–1942
12.	Чограй VIII к.34 п.1	Ki–12877	Кость человека	3780±60	2300–2040
13.	Островной к.6 п.8	Ki–12882	Кость МРС	3380±70	1750–1580
14.	Островной к.6 п.9	Ki–12884	Кость МРС	3620±60	2040–1880
15.	Островной к.7 п.7	Ki–12883	Кость МРС	3870±70	2460–2230
16.	Островной к.3 п.39	GrA–32895	Кость МРС	3740±35	2201–2050
17.	Островной к.3 п.39	KIA–45520	Лопатка МРС	3761±27	2206–2137
18.	Островной к.3 п.39	KIA–45521	Кость человека	3875±26	2454–2298
19.	Темрта I к.2 п.7	Ki–14752	Кость человека	3850±70	2460–2200
20.	Малаи I к.4 п.4	Ki–13057	Кость человека	3590±50	2030–1880
21.	Песчаный V 14/3	GrA–32895	Кость человека (подросток 1)	3710±35	2141–2036
22.	Песчаный V 14/3	GrA–55077	Астрагал МРС	3695±35	2135–2035
23.	Песчаный V 14/3	IGAN–4557	Кость человека (мужчина 30–40 лет)	3770±70	2294–2043
24.	Песчаный V 14/3	GrA–55090	Кость человека (подросток 1)	3880±35	2457–2301
25.	Золотаревка 1 к. 23 п. 1	ГИН–12407	Кость человека	3520±40	1889–1770

1–3, 6, 7 – даты по (Чичагова, Александровский, Анисимова, Шишлина, 1999, табл.1; Мимоход, Шишлина, 2004, табл.1); 8–11 – даты по (Калмыков, 2005, с.80; Калмыков,

Мимоход, 2005, табл.1); 4, 5, 17–19, 21–24 – даты по (Шишлина, 2013, табл. 4); 12–15, 20 – даты по (Ковалюх, Мимоход, 2007, табл.1); 16 – дата по (Шишлина, Зазовская, Севастьянов, Й. ван дер Плихт, Чичагова, 2007, табл.7); *25 – дата по [Калмыков, 2000, табл. 1]*.

Табл. 6.2. Радиоуглеродные даты. Невинномысская культура

№	комплекс	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Садовый к.4 п.10	Ki–13053	Дерево (колесо)	3520±60	1920–1740
2.	Садовый к.4 п.10	Ki–13054	образцы серой глины с микровключениями древесины перекрытия	3440±70	1880–1680
3.	Адагум 1 к. 7. п. 3	$IGAN_{AMS}$–7459	Кость человека	3450±20	1870–1690
4.	Невинномысский 3 к.6 п. 5	MAMS–29812	Кость человека	3631±22	2025–1962

1–2 – даты по (Ковалюх, Мимоход, 2007, табл. 1), 4 – дата по (Калмыков, Березина, Гресли, Добровольская, Бужилова, 2018); 3 – не опубл.

Табл. 6.3. Радиоуглеродные даты. Волго–уральская культурная группа

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Имангулово II к. 5 п. 3	Ki–19356	Кость человека	3690±60	2200–1970
2.	Имангулово II к. 5 п. 3	ГИН–15497	Кость человека	3600±70	2041–1879
3.	Грачевка II к. 5 п. 3	Le–6545	Кость человека	3815±60	2350–2140
4.	Грачевка II к. 5 п. 3	AA–53806	Кость человека	3752±52	2280–2040
5.	Тамар–Уткуль VII к. 4 п. 5	$IGAN_{AMS}$–7692	Кость человека	3860±20	2436–2238

1, 2, 5 – даты по *(Мимоход, 2021б; Купцова, Евгеньев, 2022)*; 3, 4 – даты по *(Кузнецов, Мочалов, 2012, табл. 1, рис. 26)*

Табл. 6.4. Радиоуглеродные даты. Волго-донская бабинская культура

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Линево к.8 п.2	Ki–12886	Кость человека	3590±50	2030–1880
2.	Линево к.6 п.6	Ki–12876	Кость человека	3825±50	2350–2190
3.	Паницкое 6 к.4 п.3	Ki–13003	Фрагмент керамики	3600±90	2130–1810
4.	Паницкое 6 к.4 п.3	Ki–13004	Астрагал МРС	3530±70	1940–1740
5.	Грачевка I к.1 п.1	GIN–11455	Кость человека	3520±40	1910–1770
6.	Грачевка II к.10 п.1	Ле–6544	Кость человека	3820±70	2410–2140
7.	Утевка V к.4 п.1	AA–53802	Кость человека	3583±52	2030–1870

8.	Евстратовский II к.3 п.2	Ki–14742	Кость человека	3670±70	2140–1940
9.	Евстратовский II к.4 п.3	ИГАН–3731	Кость человека	3560±100	2030–1750
10.	Евстратовский II к.4 п.3	$IGAN_{AMS}$–7450	Кость МРС	3680±20	2140–2010
11.	Евстратовский II к.4 п.3	$IGAN_{AMS}$–7450	Кость человека	3700±20	2135–2036
12.	Калиновский I к.1 п.4	ИГАН–3730	Кость человека	3420±90	1880–1620
13.	Калиновский I к.1 п.4	$IGAN_{AMS}$–7691	Кость человека	3655±30	2130–1960
14.	Скворцовка к.5 п.3 скелет 1	Ле–7684	Кость человека	3700±90	2210–1940
15.	Скворцовка к.5 п.3 скелет 1	Ki–16261	Кость МРС	3400±40	1770–1630
16.	Красносамарский IV к.3 п. 10	AA–37042	Кость человека	3594±45	2020–1890
17.	Николаевка 3 к. 3 п. 4	$IGAN_{AMS}$–7693	Кость человека	3660±20	2130–1970
18.	Николаевка 3 к. 5 п. 1	$IGAN_{AMS}$–7694	Кость человека	3700±40	2140–2030
19.	Ворошиловский участок к. 1 п. 4	$IGAN_{AMS}$–8908	Кость человека	3670±80	2150–1940
20.	Грачевка I к.1 п.1	PSUAMS-4274	Кость человека	3640±20	2035-1965
21.	Трубино 1 п. 2	SPb-3745	Кость человека	3535±45	1940-1770

1–4 – даты по (Ковалюх, Мимоход, 2007, табл.1); 5, 6 – даты по (Черных, Орловская, 2004, табл. 3, 4; Anthony, Brown D., Brown E., Goodman, Khokhlov, Kosintsev, Kuznetsov, Mochalov, Murphy, Peterson, Pike–Tay, Popova, Rosen, Russel, Weisskopf, 2005; Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018, табл. 3); 8–11, 13, 17, 18 – даты по (Мимоход, 2021в, табл. 1); 20 - дата по (Narasimhan et al., 2019); 19, 21 – не опубл.

Табл. 6.5. Радиоуглеродные даты. Днепро–донская бабинская культура

	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Ясиновский III од.кург. п. 6	Ki–14745	Кость человека	3660±50	2140–1950
2.	Ясиновский III од.кург. п. 13	Ki–14746	Кость человека	3580±90	2040–1770
3.	Ясиновский III од.кург. п.10	Ki–14747	Кость человека	3690±90	2200–1940
4	Ясиновский III од.кург. п. 10	Poz–48802	Кость человека	3585±35	2009–1892
5.	Ясиновский III од.кург. п. 19	Ki–14748	Кость человека	3720±50	2200–2030
6.	Ясиновский III од.кург. сооружение 2	Ki–14749	Керамика	3630±70	2040–1880
7.	Хомуш–Оба к. 2 п. 8	GrA–49229	Кость человека	3675±40	2134–1981
8.	Хомуш–Оба к.2 п. 8	GrA–48966	Кость МРС	3670±35	2132–1981
9.	Чеботарев III к.2 п. 5	Ki–19366	Кость человека	3630±90	2140–1880
10.	Пологи к. 1 п. 2	Poz–109840	Кость человека	3670±30	2132–1981

11.	Пологи к. 1 п. 2	$IGAN_{AMS}$–7449	Дерево из посоха	3630±20	2025–1960
12.	Пологи к. 1 п. 2	OxA–47874	Кость человека	3731±22	2200–2050
13.	Пологи к. 1 п. 2	OxA–47875	Растительное волокно	3726±23	2200–2040
14.	Пологи к. 1 п. 2	$IGAN_{AMS}$–7212	Дерево из перекрытия	3700±20	2135–2035
15.	Пологи к. 1 п. 2	D–AMS–033045	Кость человека	3588±36	2010–1890
16.	Викторовка к. 1 п. 1	$IGAN_{AMS}$–7452	Кость человека	3730±20	2200–2040
17.	Мариенфельд к. 2 п. 3	$IGAN_{AMS}$–7453	Кость человека	3620±20	2020–1945
18.	Бургуста 1 к. 5 п. 11	Poz–111665	текстиль	3715±35	2200–2030
19.	Филоновский курган п. 1	SPb–3747	Кость человека	3385±55	1750-1610

1–6 – даты по (Мимоход, 2012, табл. 1; 2013, прил. 4, табл. 4; 2013а, табл. 2; 2018, прил. 1.6–1.8); 7, 8 – даты по (Шишлина, 2013); *9–17 – даты по (Мимоход, Шишлина, Хоммель, 2020); 18 – дата по (Шишлина, Орфинская, Хоммель, Зазаовская, Анкушева, Й. ван дер Плихт, 2020, табл. 1); 19 – не опубл.*

Табл. 6.6. Радиоуглеродные даты. Днепро–прутская бабинская культура

	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Аккембетский курган п.11	Ki–6823	Кость человека	3795±60	2310–2130
2.	Аккембетский курган п.15	Ki–6824	Кость человека	3745±50	2210–2030
3.	Аккембетский курган п.16	Ki–6825	Кость человека	3780±60	2300–2040
4.	Аккембетский курган п.20	Ki–6826	Кость человека	3685±45	2140–1970
5.	Мироновка к.7 п.1	Ki–5827	Кость человека	3610±30	2030–1910
6.	Мироновка к.8 п.5	Ki–5829	Кость человека	3325±50	1690–1520
7.	Ревова к.3 п.14	Ki–11175	Кость человека	3590±70	2033–1799
8.	Любаша п.9	Ki–11173	Кость человека	3520±80	1943–1741
9.	Любаша п.15	Ki–11201	Кость человека	3740±70	2277–2033
10.	Мироновка к.2 п.1	Ki –5825	Кость человека	3810±55	2340–2140
11.	Великая Бугаевка п.109	Ki –9555	Кость человека	3430±70	1879–1793
12.	Виноградное к.3 п.39	Ki–9412	Кость человека	3720±70	2210–2020
13.	Черная Могила к.3 п.17	Ki–6553	Кость человека	3745±75	2290–2030
14.	Малополовецкое –3 п.25 (1997г.)	Ki–6213	Кость человека	3430±35	1862–1678
15.	Вапнярка к.4 п.6	Ki–15016	Кость человека	3470±60	1880–1730
16.	Сугоклейская Могила п.3	Poz–36998	Кость человека	3355±35	1700–1600

17.	Сугоклейская Могила п.4	Poz–37000	Кость человека	3495±35	1880–1760
18.	Сугоклейская Могила п.25	Poz–37001	Кость человека	3430±35	1870–1680
19.	Сычавка к.1 п.18	Ki–16611	Кость человека	3490±90	1930–1690
20.	Сычавка к.1 п.21	Ki–16609	Кость человека	3680±80	2200–1950
21.	ДОТ к.3 п.8	Ki–19935	Кость человека	3560±50	1980–1780
22.	Сад к.1 п. 2	Ki–20159	Кость человека	3780±50	2300–2130
23.	Сад к.1 п. 7	Ki–19820	Кость человека	3510±60	1910–1740
24.	Сад к.1 п. 13	Ki–19784	Кость человека	3570±60	2020–1820
25.	Сад к.1 п. 16	Ki–19806	Кость человека	3840±60	2460–2200
26.	Сад к.1 п. 20	Ki–19811	Кость человека	3810±60	2350–2140
27.	Сад к.1 п. 27	Ki–19780	Кость человека	3640±50	2130–1930
28.	Водовод к.2 п.2	Ki–19809	Кость человека	3460±60	1880–1690
29.	Водовод к.2 п.5	Ki–19937	Кость человека	3530±50	1930–1770
30.	Водовод к.2 п.8	Ki–19947	Кость человека	3340±60	1690–1530
31.	Водовод к.2 п.10	Ki–19951	Кость человека	3570±60	2020–1820
32.	Водовод к.2 п.11	Ki–19948	Кость человека	3430±60	1880–1660
33.	Водовод к.9 п.1, скелет 1	Ki–20162	Кость человека	3410±50	1770–1630
34.	Водовод к.9 п.1, скелет 2	Ki–20342	Кость человека	3310±50	1640–1520
35.	Водовод к.15 п.1	Ki–19953	Кость человека	3520±70	1940–1750
36.	Клин к.1 п.6	Ki–20251	Кость человека	3420±50	1870–1630
37.	Клин к.1 п.6	Ki–20283	Кость человека	3610±50	2030–1900
38.	Клин к.1 п.3	Ki–20248	Кость человека	3370±50	1740–1610

1–4 – даты по (Szmyt, Chernyakov, 1999, tabl.1); 5,6,10 – даты по (Klochko, 1999, fig.10,14); 7–9– даты по (Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005, табл.2); 11 – дата по (Лысенко С.Д., 2005, табл. IV); 12 – дата по (Рассамакін, 2006, с.135); 13 – дата по (Telegin, Pustovalov, Kovalyukh, 2003, tabl. 2); 14 – дата по (Лисенко С.Д., 2004, приложж.3); 15 – дата по (Иванова, Ветчинникова, 2009, с.45; Иванова, 2009, табл. 5; Іванова, 2010, табл.; Иванова, Островерхов, Савельев, Остапенк, 2012, с. 154); 16–18 – даты по (Ніколова, Разумов, 2012, табл.); 19, 20 – даты по (Іванова, Савельєв, 2011, табл.; Иванова, 2015); 21–35 – даты по (Лысенко С.Д., Разумов, Лысенко, Синика, Тельнов, 2021); 36–38 – даты по (Разумов, Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Синика, 2022, с. 241, 242)

Табл. 6.7. Радиоуглеродные даты. Фазы ПКБ I, II, III

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	CalBC Вероятность 1σ
Фаза ПКБ I					
1.	Ясиновский III од.кург. п.10	Ki–14747	Кость человека	3690±90	2200–1940
2.	Ясиновский III од.кург. п. 10	Poz–48802	Кость человека	3585±35	2009–1892
3.	Ясиновский III од.кург. п. 19	Ki–14748	Кость человека	3720±50	2200–2030
4.	Ясиновский III од.кург. сооружение 2	Ki–14749	Керамика	3630 ± 70	2040–1880
5.	Пологи к. 1 п. 2	Poz–109840	Кость человека	3670±30	2132–1981
6.	Пологи к. 1 п. 2	$IGAN_{AMS}$–7449	Дерево из посоха	3630±20	2025–1960
7.	Пологи к. 1 п. 2	OxA–47874	Кость человека	3731±22	2200–2050
8.	Пологи к. 1 п. 2	OxA–47875	Растительное волокно	3726±23	2200–2040
9.	Пологи к. 1 п. 2	$IGAN_{AMS}$–7212	Дерево из перекрытия	3700±20	2135–2035
11.	Викторовка к. 1 п. 1	$IGAN_{AMS}$–7452	Кость человека	3730±20	2200–2040
12.	Мариенфельд к. 2 п. 3	$IGAN_{AMS}$–7453	Кость человека	3620±20	2020–1945
13.	Хомуш–Оба к. 2 п. 8	GrA–49229	Кость человека	3675±40	2134–1981
14.	Хомуш–Оба к.2 п. 8	GrA–48966	Кость МРС	3670±35	2132–1981
15.	Чеботарев III к.2 п. 5	Ki–19366	Кость человека	3630±90	2140–1880
16.	Евстратовский II к.3 п.2	Ki–14742	Кость человека	3670±70	2140–1940
17.	Евстратовский II к.4 п.3	ИГАН–3731	Кость человека	3560±100	2030–1750
18.	Евстратовский II к.4 п.3	$IGAN_{AMS}$–7450	Кость МРС	3680±20	2140–2010
19.	Евстратовский II к.4 п.3	$IGAN_{AMS}$–7450	Кость человека	3700±20	2135–2036
20.	Николаевка 3 к. 5 п. 1	$IGAN_{AMS}$–7694	Кость человека	3700±40	2140–2030
21.	Утевка V к.4 п.1	AA–53802	Кость человека	3583±52	2030–1870
22.	Черная Могила к.3 п.17	Ki – 6553	Кость человека	3745±75	2290–2030
23.	Манджикины–1 к.4 п.1	ИГАН–1887	Кость человека	3720±90	2273–1972
24.	Манджикины–1 к.5 п.6	ИГАН–2280	Кость человека	3840±50	2397–2196
25.	Манджикины–1 к.9 п.1	ИГАН–2278	Кость человека	3740±30	2190–2044
26.	Манджикины–1 к.9 п.1	ИГАН–2227	Дерево	3850±60	2453–2197
27.	Манджикины–1 к.9 п.1	KIA–45525	Ребро коровы	3704±27	2138–2038
28.	Манджикины–1 к.9 п.1	KIA–45524	Кость человека	3824±26	2296–2205
29.	Кевюды 1 к.3 п.5	ГИН–12043	Кость человека	3580±40	2009–1833
30.	Чограй VIII к.34 п.1	Ki–12877	Кость человека	3780±60	2300–2040
31.	Темрта I к.2 п.7	Ki–14752	Кость человека	3850±70	2460–2200
32.	Малаи I к.4 п.4	Ki–13057	Кость человека	3590±50	2030–1880

33.	Песчаный V к. 14 п. 3	GrA–32895	Кость человека (подросток 1)	3710±35	2141–2036
34.	Песчаный V к. 14 п. 3	Gr–55077	Астрагал МРС	3695±35	2135–2035
35.	Песчаный V к. 14 п. 3	IGAN–4557	Кость человека (мужчина 30–40 лет)	3770±70	2294–2043
36.	Песчаный V к. 14 п. 3	Gr–55090	Кость человека (подросток 1)	3880±35	2457–2301
37.	Золотаревка–1 к. 23 п. 1	ГИН–12407	Кость человека	3520±40	1889–1770
38.	Островной к.3 п.39	GrA–32895	Кость МРС	3740±35	2201–2050
39.	Островной к.3 п.39	KIA–45520	Лопатка МРС	3761±27	2206–2137
40.	Островной к.3 п.39	KIA–45521	Кость человека	3875±26	2454–2298
41.	Беслан к. Е п. 747	Poz–52380	Кость МРС	3670±35	2132–1980
42.	Беслан к. Е п. 747	Ле–9810	Кость МРС	3610±100	2140–1870
43.	Беслан, к. Е, п.747	Ki–17883	Кость МРС	3440±60	1880–1680
44.	Экажево II к. 1 п. 9	Ле– 9809	Кость человека	3840±100	2470–2190
45.	Имангулово II 5/3	Ki–19356	Кость человека	3690±60	2200–1970
46.	Имангулово II 5/3	ГИН–15497	Кость человека	3600±70	2041–1879
47.	Грачевка II 5/3	Le–6545	Кость человека	3815±60	2350–2140
48.	Грачевка II 5/3	AA–53806	Кость человека	3752±52	2280–2040
49.	Тамар–Уткуль VII к. 4 п. 5	$IGAN_{AMS}$–7692	Кость человека	3860±20	2436–2238
Фаза ПКБ II					
1.	Ясиновский III од.кург. п. 6	Ki–14745	Кость человека	3660±50	2140–1950
2.	Ясиновский III од.кург. п. 13	Ki–14746	Кость человека	3580±90	2040–1770
3.	Ипатово–3 к.2 п.13	ГИН–11157	Кость человека	3560±100	2030–1744
4.	Ипатово–3 к.2 п.13	ГИН–11432	Кость человека	3470±40	1878–1694
5.	Ильинский 1 к.1 п.6	ГИН–10139	Кость человека	3460±180	2019–1523
6.	Типки 1 к.2 п.4	ГИН–10311	Кость человека	3640±40	2113–1942
7.	Островной к.6 п.9	Ki–12884	Кость МРС	3620±60	2040–1880
8.	Линево к.6 п.6	Ki–12876	Кость человека	3825±50	2350–2190
9.	Мироновка к.7 п.1	Ki–5827	Кость человека	3610±30	2030–1910
10.	Любаша п.9	Ki–11173	Кость человека	3520±80	1943–1741
11.	Ревова к.3 п.14	Ki –11175	Кость человека	3590±70	2033–1799
12.	Мироновка к.2 п.1	Ki – 5825	Кость человека	3810±55	2340–2140
13.	Невинномысский 3 к.6 п. 5	MAMS–29812	Кость человека	3631±22	2025–1962
14.	Сад к.1 п. 7	Ki–19820	Кость человека	3510±60	1910–1740
15.	Сад к.1 п. 27	Ki–19780	Кость человека	3640±50	2130–1930
16.	Водовод к.2 п.10	Ki–19951	Кость человека	3570±60	2020–1820
17.	Водовод к.2 п.11	Ki–19948	Кость человека	3430±60	1880–1660
18.	Водовод к.15 п.1	Ki–19953	Кость человека	3520±70	1940–1750
Фаза ПКБ III					
1.	Островной к.6 п.8	Ki–12882	Кость МРС	3380±70	1750–1580
2.	Манджикины 1 к.3 п.4.	ИГАН–1900	Кость человека	3600±90	2112–1872
3.	Адагум 1 к. 7. П. 3	$IGAN_{AMS}$–7459	Кость человека	3450±20	1870–1690
4.	Путепровод, п.1	Ki–17880	Кость чел.	3510±50	1900–1750

5.	Путепровод, п. 2	Ki–17885	Кость чел.	3310±60	1670–1510
6.	Путепровод п. 6Б	Poz–48804	Кость человека	3585±35	1976–1892
7.	Беслан, к. А п.705	Ki–17878	Кость МРС	3380±40	1740–1620
8.	Беслан, к. В п.738	Ki–17886	Кость МРС	3540±90	1980–1750
9.	Садовый к.4 п.10	Ki–13053	Дерево (колесо)	3520±60	1920–1740
10.	Садовый к.4 п.10	Ki–13054	образцы серой глины с микровключениями древесины перекрытия	3440±70	1880–1680
11.	Сугоклейская Могила п.3	Poz – 36998	Кость человека	3355±35	1700–1600
12.	Сугоклейская Могила п.4	Poz – 37000	Кость человека	3495±35	1880–1760
13.	Сугоклейская Могила п.25	Poz –37001	Кость человека	3430±35	1870–1680
14.	Сычавка к.1 п.18	Ki – 16611	Кость человека	3490±90	1930–1690
15.	Водовод к.2 п.2	Ki–19809	Кость человека	3460±60	1880–1690
16.	Водовод к.9 п.1, скелет 1	Ki–20162	Кость человека	3410±50	1770–1630
17.	Водовод к.9 п.1, скелет 2	Ki–20342	Кость человека	3310±50	1640–1520
18.	Клин к.1 п.6	Ki–20251	Кость человека	3420±50	1870–1630
19.	Клин к.1 п.6	Ki–20283	Кость человека	3610±50	2030–1900
20.	Клин к.1 п.3	Ki–20248	Кость человека	3370±50	1740–1610
21.	Филоновский курган п. 1	SPb–3747	Кость человека	3385±55	1750-1610

Табл. 6.8. Радиоуглеродные даты. Ингульская катакомбная культура

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	CalBC Вероятность 1σ
1.	Чкалово I 7/8	Ki–6558	Кость человека	3835±40	2350–2200
2.	Чкалово II 1/20	Ki–6559	Кость человека	3740±45	2210–2040
3.	Черная Могила 3/27	Ki–6554	Кость человека	3805±45	2300–2140
4.	Черная Могила 3/28	Ki–6555	Кость человека	3825±40	2350–2200
5.	Круглая Могила 1/7	Ki–6560	Кость человека	3680±45	2140–1980
6.	Круглая Могила 1/14	Ki–6561	Кость человека	3710±40	2200–2030
7.	Круглая Могила 1/15	Ki–6562	Кость человека	3750±45	2280–2040
8.	Круглая Могила 1/18	Ki–6563	Кость человека	3775±50	2290–2130
9.	Круглая Могила 8/12	Ki–6565	Кость человека	3690±45	2140–2020
10.	Круглая Могила 8/13	Ki–6566	Кость человека	3720±50	2200–2030

11.	Круглая Могила 11/7	Ki–6567	Кость человека	3680±50	2140–1970
12.	Круглая Могила 11/12	Ki–6568	Кость человека	3810±50	2340–2140
13.	Круглая Могила 11/17	Ki–6569	Кость человека	3730±45	2200–2030
14.	Головковка 14/10	Ki–6735	Кость человека	3905±55	2470–2300
15.	Вознесенский курган	Bln–5209	Кость человека	3866±32	2460–2280
16.	Вознесенский курган	Bln–5240	Кость человека	3835±38	2340–2200
17.	Чкалово 11/6	Ki–6608	Кость человека	3815±45	2340–2190
18.	Чкалово 11/6	Ki–6608a	Кость человека	3770±50	2290–2130
19.	Чкалово 11/7	Ki–6610	Кость человека	3765±45	2290–2060
20.	Чкалово 11/7	Ki–6610a	Кость человека	3750±45	2280–2040
21.	Черная Могила 3/17	Ki–6553	Кость человека	3745±50	2210–2040
22.	Гурская Могила 2/30	Ki–6556	Кость человека	3720±55	2200–2030
23.	Круглая Могила 8/5	Ki–3560a	Кость человека	3620±55	2040–1900
24.	Круглая Могила 8/13	Ki–6566a	Кость человека	3760±50	2280–2050
25.	Головковка 23/1	Ki–6736	Кость человека	3845±40	2410–2200
26.	Чкалово 11/12	Ki–6609a	Кость человека	3800±50	2300–2140
27.	Круглая Могила 11/6	Ki–6608a	Кость человека	3770±50	2290–2130
28.	Виноградное 3/30	Ki–9417	Кость человека	3980±70	2580–2340
29.	Виноградное 3/36	Ki–9390	Кость человека	4020±70	2670–2460
30.	Виноградное 8/1	Ki–9543	Кость человека	3590±60	2040–1870
31.	Виноградное 8/1	Ki–9397	Кость человека	3780±70	2340–2040
32.	Виноградное 23/5	Ki–9393	Кость человека	3920±70	2490–2290
33.	Виноградное 23/5	Ki–9407	Кость человека	3860±70	2460–2210
34.	Виноградное 33/3	Ki–9400	Кость человека	3710±60	2200–2020
35.	Виноградное 33/4	Ki–9408	Кость человека	3910±80	2490–2280

36.	Виноградное 34/9	Ki–9410	Кость человека	3640±60	2130–1920
37.	Заможнэ 6/2	Ki–9416	Кость человека	3920±60	2480–2290
38.	Заможнэ 8/1	Ki–9403	Кость человека	3780±60	2300–2050
39.	Заможнэ 15/4	Ki–9391	Кость человека	3605±70	2130–1880
40.	Жовтневое 3/3	Ki–9405	Кость человека	3910±60	2480–2290
41.	Пологи 1/1	$IGAN_{AMS}$–7448	Кость человека	3880±20	2460–2300
42.	Ревова 3/13	Ki–11172	Кость человека	3940±60	2570–2340
43.	Дубиново 1/8	Ki–11200	Кость человека	3940±70	2570–2300
44.	Дубиново 1/11	Ki–11202	Кость человека	3720±70	2210–2020
45.	Дубиново 1/12	Ki–11203	Кость человека	3900±80	2480–2280
46.	Катаржино 1/3	Ki–11250	Кость человека	3890±60	2470–2290
47.	Старые Беляры 1/33	Ki–11208	Кость человека	3810±80	2450–2130
48.	Великозименово 1/4	Ki–11210	Астрагалы МРС	3780±60	2300–2050
49.	«Любаша» п. 17	Ki–11217	Кости лошади	3890±70	2470–2280
50.	Заможнэ 8/1	Ki–9522	Кость человека	3780±70	2310–2040
51.	Винградное 2/20 (?)	Ki–9389	Кость человека	4145±70	2880–2630
52.	Вапнярка 4/3	Ki–15230	Кость человека	3960±70	2580–2340
53.	Шевченко 29/2	Ki–13877	Кость человека	3840±90	2460–2200
54.	Шевченко 29/9	Ki–13879	Кость человека	3890±90	2480–2200
55.	Шевченко 29/13	Ki–13875	Кость человека	4090±70	2860–2560
56.	Шевченко 29/13	Bln–5782	Кость человека	4111±39	2860–2580

1–17 – даты по (Görsdorf, 2003); 18–23 – дата по (Nikololva, 1999); 26–41 – даты по (Telegin, Pustovalov, Kovalyukh, 2003); 41 – дата по (Мимоход, Шишлина, Хоммель, 2020); 42–49 – даты по (Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005); 50, 51 – даты по (Рассмакін, 2006); 52 – дата по (Иванова, Ветчинникова, 2009); 53–56 – даты по (Черных Л., Дараган, 2014; Рассмакин, 2014)

Табл. 6.9. Радиоуглеродные даты. Среднедонская катакомбная культура

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	CalBC Вероятность 1σ
1.	Паницкое 6 2/1	Ki–12889	Кость МРС	3850±80	2460–2200
2.	Паницкое 6 2/2	Ki–12879	Кость человека	3820±60	2350–2140
3.	Паницкое 6 4/1	Ki–12878	Кость человека	3720±60	2210–2030
4.	Паницкое 6 4/2	Ki–12881	Кость человека	3970±70	2580–2340
5.	Паницкое 6 4/2	Ki–12885	Кость МРС	3840±50	2410–2200
6.	Крицкий 2 1/1	Ki–19105	Кость человека	4150±40	2870–2660
7.	Крицкий 2 1/2	Ki–19106	Кость человека	4060±50	2840–2490
8.	Россошанский 1/4	Ki–19256	Кость человека	3970±90	2620–2300
9.	Россошанский 1/5	Ki–19254	Кость человека	4010±60	2620–2460
10.	Россошанский 1/6	Ki–19227	Уголь	3970±50	2580–2450
11.	Елка 1 3/3	Gr–61703	Кость животного	3900±50	2470–2300
12.	Елка 1 3/3	Gr–61704	Кость человека	3900±45	2470–2340
13.	Павловский 47/4	ИГАН– (б/н)	Дерево	4130±40	2870–2620
14.	Репная Балка 1/5	ИГАН–2449	Дерево	4030±70	2670–2460
15.	Васильевский Кордон 1 гр. мог/3	SPb–2073	Кость человека	4245±70	3020–2750
16.	Пос. Ксизово 1	Poz–80315	Кости КРС	3825±35	2340–2200
17.	Пос. Ксизово 1	Poz–80316	Кости КРС	3835±35	2350–2200
18.	Пос. Ксизово 1	Poz–80317	Кости КРС	3835±35	2350–2200
19.	Пос. Серебрянское	Ki–9512	Кость животного	3770±80	2300–2030
20.	Пос. Яровая 2	Ki–9515	Кость животного	3840±70	2460–2200
21.	Пос. Кайдащино 1	Ki–6570	Кость животного	3875±40	2460–2290
22.	Пос. Васильевский Кордон 27	SPB–2104	Кость медведя	3837±45	2400–2200
23.	Пос. Рыкань	GrA–45167	Кость КРС	3955±35	2570–2350
24.	Пос. Рыкань	GrA–45169	Кость КРС	4120±35	2860–2610
25.	Пос. Рыкань	Poz–52381	Уголь	4190±35	2890–2690
26.	Пос. Рыкань	IGAN–4556	Кости КРС	3950±100	2580–2280
27.	Пос. Рыкань	IGAN–4557	Кости КРС	3970±70	2580–2340
28.	Пос. Ксизово 6	Ki–13317	Керамика	3770±90	2310–2030
29.	Пос. Курино 1	Ki–13319	Керамика	3820±80	2460–2140
30.	Пос. Замятино 10	Ki–13316	Керамика	3860±80	2470–2200
31.	Пос. Замятино 10	Ki–13315	Керамика	3920±100	2570–2280

32.	Гаврильские сады 1 3/1	Ki–19346	Дерево	3560±30	1960–1870
33.	Гаврильские сады 1 3/2	Ki–19368	Кость человека	4030±70	2670–2460
34.	Гаврильские сады 1 3/2	Ki–19362	Уголь	3790±30	2290–2140
35.	Гаврильские сады 1 3/4	Ki–19370	Кость человека	3660±50	2140–1960
36.	Гаврильские сады 1 3/4	Ki–19372	Кость МРС	3960±60	2570–2340
37.	Гаврильские сады 1 4/1	Ki–19369	Кость человека	3670±50	2140–1970
38.	Гаврильские сады 4/1	Ki–19363	Дерево	3850±50	2460–2200
39.	Гаврильские сады 6/1	Ki–19367	Кость человека	3780±70	2310–2040

1–5 – даты по (Мимоход, 2009); 6, 7 – дата по (Березуцкий, Килейников, Чендев, 2017); 8–10, 23–27 – даты по (Гак, 2019); 11, 12 – даты по (Медведев, 2018); 13, 14 – даты по (Гей, 2011); 15 – дата по (Желудков, Смольянинов, Свиридов, 2018); 16–18 – даты по (Гак, Ивашов, Кайзер, 2017); 19–21 – даты по (Санжаров, 2010);22 – (Смольянинов, Желудков, Куличков, Яниш, Юркина, 2017); 28–31 – даты по (Ивашов, 2015); 32–39 – не опубл. (раскопки П.С. Успенского и Р.А. Мимохода)

Табл. 6.10. Радиоуглеродные даты. Манычские катакомбные культуры

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	CalBC Вероятность 1σ
1.	Островной 3/10	ИГАН–2130	Кость человека	3977±67	2580–2340
2.	Зунда–Толга 1 1/1	Ki–5213	Дерево	3690±70	2200–1970
3.	Зунда–Толга 1 1/9	ИГАН–1559	Дерево	3964±77	2580–2340
4.	Зунда–Толга 1 1/9	Ki–5211	Дерево	3740±85	2290–2020
5.	Зунда–Толга 1 2/1	Ki–5210	Уголь	3820±90	2460–2140
6.	Зунда–Толга 1 2/3	ИГАН–1635	Кость человека	3754±63	2290–2040
7.	Зунда–Толга 1 3/1	Ki–5212	Уголь	3710±90	2210–1960
8.	Зунда–Толга 1 3/1	GrA–10050	Уголь	4025±40	2580–2480
9.	Зунда–Толга 1 3/1	ИГАН–1653	Кость человека	3786±76	2350–2040
10.	Зунда–Толга 1 4/1	ИГАН–1723	Кость человека	4064±93	2860–2480
11.	Зунда–Толга 1 5/1	GrA–10684	Уголь	3700±80	2210–1970
12.	Зунда–Толга 1 5/1	Ki–6090	Уголь	3810±50	2340–2140
13.	Зунда–Толга 1 7/1	GrA–10051	Обожжённые ветки	3880±40	2460–2290
14.	Зунда–Толга 1 7/1	Ki–6089	Уголь	3750±60	2280–2030
15.	Зунда–Толга 1 8/1	GrA–10165	Дерево	3970±50	2580–2450
16.	Зунда–Толга 1 8/1	ИГАН–1793	Кость человека	3680±40	2140–1980

17.	Зунда–Толга 1 8/1	GrA–10043	Камыш	3975±40	2570–2460
18.	Зунда–Толга 1 8/1	GrA–10575	Дерево	3840±60	2460–2200
19.	Зунда–Толга 1 8/1	GrA–10046	Органика	3870±40	2460–2290
20.	Зунда–Толга 1 9/1	GrA–10045	Уголь	3910±40	2470–2340
21.	Зунда–Толга 1 9/1	ИГАН–1792	Кость человека	3709±44	2200–2030
22.	Зунда–Толга 1 9/2	GrA–10685	Дерево	3980±80	2620–2340
23.	Зунда–Толга 1 10/3	Bln–5529	Кость человека	3858±32	2460–2230
24.	ВМЛБ–65 I 29/1	GrA–10679	Растительная подстилка	4170±80	2880–2660
25.	ВМЛБ–66 III 16/3	GrA–10696	Растительная подстилка	3880±80	2470–2210
26.	Манджикины 1 10/2	ИГАН–2279	Кость человека	4092±48	2860–2700
27.	Манджикины 1 15/1	ИГАН–2281	Кость человека	4060±50	2840–2490
28.	Манджикины 1 14/1	ИГАН–3229	Дерево	3760±90	2340–2030
30.	Хар–Зуха 1 6/2	ГИН	Уголь?	3810±40	2340–2140
31.	Хар–Зуха 1 8/3	Ле–2521	Дерево	4030±40	2580–2480
32.	Хар–Зуха 1 10/2	Ле–2523	Дерево	3940±40	2490–2340
33.	Хар–Зуха 1 10/2	ГИН–5900	Дерево	3980±40	2570–2460
34.	Хар–Зуха 1 10/2	ИГАН–2472	Дерево	4000±50	2580–2460
35.	Хар–Зуха 1 11/1	Ле–4030	Дерево	3579±40	1980–1880
36.	Хар–Зуха 1 12/1	Ле–4030	Уголь	3915±40	2470–2340
37.	Кермен–Толга 26/1	Ua–21406	Семена	3855±75	2460–2200
38.	Темрта III 1/6	ИГАН–2948	Кость человека	3670±30	2140–1970
39.	Цаган–Нур 4/5	ИГАН–1104	Кость человека	3703±59	2200–2020
40.	Цаган–Нур 4/7	ИГАН–1103	Кость человека	3628±94	2140–1880
41.	КВЧ–56 6/10	ГИН–5899	Кость человека	3890±40	2470–2330
42.	Чилгир 3/6	ИГАН–2666	Кость человека	4078±59	2860–2490
43.	Чилгир 4/2	ИГАН–2700	Кость человека	4021±85	2850–2450
44.	Темрта V 1/4	KIA–31798	Кость МРС	3795±25	2290–2150
45.	Улан 4 3/5	ИГАН–4021	Кость человека	4100±60	2860–2570
46.	Хар–Зуха 1 5/3A	OxA–4734	Кость человека	3940±70	2570–2300
47.	Шахаевский 1 4/32	Ua–21407	Семена	3745±45	2210–2040
48.	Доброжеланный 1 1/6	ГИН–10148	Кость человека	3790±40	2290–2140
49.	Доброжеланный 1 1/8	ГИН–10151	Кость человека	3800±60	2350–2130
50.	Доброжеланный 1 1/9	ГИН–10150	Дерево	3770±40	2290–2130

51.	Ипатово 2/32	GrA–13660	Уголь	3850±40	2450–2200
52.	Ипатово 2/32	ГИН–10147	Уголь	3770±40	2290–2130
53.	Темрта 1 2/8	OxA–18387	Зуб КРС	3949±32	2410–2200
54.	Темрта 1 2/8	OxA–18388	Кость человека	3945±31	2550–2340
55.	Ергени 6/3	$IGAN_{AMS}$-7004	Дерево	3890±20	

1–46 – даты по (Шишлина, Чичагова, Й. Ван дер Плихт, Зазовская, Сулержицкий, Севастьянов, Герсдорф, 2007); 47 – дата по (J. van der Plicht, Shishlina, Hedges, Zazjvskaya, Sevastianov, Chichagova, 2006); 48–50 – даты по (Березин, Калмыков, 2003); 51, 52 – даты по (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007); 53, 54 – даты по (Й. ван дер Плихт, Шишлина, Зазовская, 2016); 55 – дата по (Шишлина, Орфинская, Хоммель, Зазаовская, Анкушева, Й. ван дер Плихт, 2020, табл. 1)

Табл. 6.11. Радиоуглеродные даты. Средневолжская абашевская культура

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Пепкино	Ki–7665	Кость человека	3850±95	2470–2200
2.	Пепкино, 13b/82, 1	Hela–1199	Кость человека	3640±35	2140–1910
3.	Пепкино, 5/78, 2	Hela–1200	Кость человека	3665±35	2140–1940
4.	Пепкино, 15/81, 4	Hela–1201	Кость человека	3690±35	2200–1960
5.	Пепкино, 12/80, 3	Hela–1202	Кость человека	3640±35	2140–1910
6.	Пепкино, 26	MAMS–11195	Кость человека	3853±32	2451–2212
7.	Пепкино, 76/3	MAMS –11196	Кость человека	3644±24	2034–1960
8.	Пепкино, 73/1	MAMS –11197	Кость человека	3597±24	2011–1917
9.	Пепкино, 79/8	MAMS –11198	Кость человека	3670±26	2130–1982
10.	Пепкино, 16	OxA–37377	Кость человека	3586±33	1980–1890
11.	ЗБС–4	ГИН–14854	Уголь	3650±70	2140–1930
12.	ЗБС–4	ГИН–14855	Уголь	3630±70	2130–1890
13.	Ст. Никитский п. 7	Hela–1203	Кость человека	3490±35	1910–1730
14.	Ст. Никитский п. 7	OxA–37378	Кость человека	3557±31	1960–1870
15.	Ст. Никитский п. 8	Hela–1204	Кость человека	3640±40	2120–1940
16.	Ст. Никитский п. 8	Hela–1205	Береста	3535±35	1930–1730
17.	Ст. Никитский п. 9	Hela–1206	Кость человека	3555±35	1960–1780

18.	Ст. Никитский п. 12	Hela–1207	Кость человека	3500±35	1890–1770
19.	Ст. Никитский п. 12	ИГАН–3101	Кость человека	3400±100	1880–1530

1 – дата по (Кузнецов, 2003, с. 87); 2–5 – даты по (Добровольская, Медникова, 2011, табл. 4); 6–9 – даты по (Кузьминых, Мимоход, 2016, табл. 1–3); 10, 14 – даты по (Энговатова, Лунькова, Луньков, Медникова, 2021, табл. 1); 11, 12 – даты по (Кренке, 2014, с. 30; 2014а, с. 39); 13, 15–19 – даты по (Ахметов, Луньков, Лунькова, 2013, табл. 2)

Табл. 6.12. Радиоуглеродные даты. Ранний Покровск (ДВАК).

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	CalBC Вероятность 1σ
1.	Липецкий курган п.2	KIA–46737	Кость животного	3698±25	2135–2035
2.	Липецкий курган п.2	KIA–46738	Кость человека	3852±27	2410–2230
3.	Липецкий курган п.3	KIA–46745	Кость МРС	3752±28	2210–2060
4.	Липецкий курган п.3	KIA–46746	Кость человека	3795±22	2290–2150
5.	Дубовый Гай п.4	ИГАН–3251	Кость человека	3620±50	2020–1944
6.	Терновка 1/21	Ле–4825	Кость человека	3580±50	2030–1880
7.	Рождествено 1 4/1	Poz–66115	Кость человека	3530±35	1920–1770
8.	Рождествено 1 4/1	Poz–66057	Нагар	3495±35	1880–1760
9.	Рождествено 1 4/1	Ле–10486	Дерево	3590±40	2020–1890
10.	Рождествено 1 4/1	ИГРАН–4561	Дерево	3320±40	1640–1520
11.	Першин к. 1 п. 2	AA–33510	Кость МРС	3535±60	1950-1770
12.	Филоновский курган	SPb–3749	Дерево	3380±40	1740-1620

1–4 – даты по (Шишлина, Фернандес, 2016); 5 – дата по (Зеленеев, Юдин, 2010); 6 – дата по (Малов, 2001); 7–10 – даты по (Шишлина, Скоробогатов, Кайзер, Усачук, 2015); 11 – дата по (Черных, Кузьминых, Лебедева, Луньков, 2000); 12 – не опубл.

Табл. 6.13. Данные ^{14}C. Потаповка.

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Утевка VI 6/4	AA–12568	Кость человека	3760±100	2340–2020
2.	Утевка VI 6/4	OxA–4262	Кость человека	3510±80	1950–1740
3.	Утевка VI 6/6	OxA–4263	Кость человека	3470±80	1890–1680

4.	Утевка VI 6/6	OxA–4264	Кость человека	3585±80	2040–1770
5.	Потаповка I 3/1/4	AA–47807	Череп лошади	3536±57	1950–1770
6.	Потаповка I 3/4	GIN–11873	Кость лошади	3450±90	1890–1660
7.	Потаповка I 5/3	OxA–4266	Кость человека	3510±80	1950–1740
8	Потаповка I 5/3	GIN–11450	Кость человека	3320±40	1640–1520
9.	Потаповка I 5/11	GIN–11449	Кость человека	3470±40	1880–1740
10.	Потаповка I 5/11	GIN–11288	Кость человека	3440±40	1870–1680
11.	Потаповка I 5/13	OxA–4265	Кость человека	3710±80	2210–1970
12.	Грачевка II 3/9	GIN–10612	Кость человека	3350±40	1690–1530
13.	Грачевка II 8/8	Le–6547	Кость человека	3320±55	1670–1520

Даты – по (Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018)

Табл. 6.14. Радиоуглеродные даты. Синташта–Петровка

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	CalBC Вероятность 1σ
1.	Кривое Озеро 9/1	AA–9874B	Череп лошади	3740±50	2210–2030
2.	Кривое Озеро 9/1	AA–9875A	Череп лошади	3700±60	2200–2010
3.	Кривое Озеро 9/1	AA–9874A	Череп лошади	3580±50	2030–1880
4.	Кривое Озеро 9/1	AA–9875B	Череп лошади	3525±50	1930–1770
5.	Кривое Озеро 9/3	OxA–12536	Кость животного	3522±36	1910–1770
6.	Кривое Озеро 10/6	OxA–12537	Кость животного	3537±35	1940–1770
7.	Кривое Озеро 10/13	OxA–12539	Кость человека	3525±33	1910–1770
8.	Каменный Амбар 5 2/6	OxA–12530	Кость человека	3572±29	1955–1880
9.	Каменный Амбар 5 2/8	OxA–12531	Кость человека	3549±29	1950–1820
10.	Каменный Амбар 5 2/12	OxA–12532	Кость человека	3604±31	2020–1915
11.	Каменный Амбар 5 2/15	OxA–12533	Кость человека	3555±31	1950–1820
12.	Каменный Амбар 5 4/1	OxA–12650	Кость человека	3521±28	1900–1770

13.	Каменный Амбар 5 4/3	OxA–12534	Кость человека	3529±31	1920–1770
14.	Каменный Амбар 5 4/15	OxA–12535	Кость человека	3498±35	1890–1770
15.	Синташта–I V/2	Le–1141	Дерево	3440±60	1880–1680
16.	Синташта–II п.1	OxA–12269	Дерево	3589±30	1980–1890
17.	Синташта–II п.2	OxA–12361	Череп лошади	3577±27	1955–1885
18.	Царев Курган, центр. погр.	РУЛ–275	Дерево	3570±60	2020–1820
19.	Царев Курган, центр. погр.	РУЛ–276	Дерево	3520±65	1930–1750
20.	Танаберген II 7/22	Le–9675	Кость человека	3450±90	1890–1660
21.	Танаберген II 7/23	Le–8841	Кость человека	3780±100	2350–2030
22.	Танаберген II 7/36	OxA–30998	Кость человека	3612±34	2025–1925
23.	Гора Березовая п. 4	OxA–30991	Кость человека	3775±34	2280–2140
24.	Гора Березовая п. 5	Le–6903	Кость человека	3650±100	2150–1890
25.	Гора Березовая п. 6	Le–6136	Кость человека	3750±80	2290–2030
26.	Гора Березовая п. 6	OxA–30993	Кость человека	3532±34	1930–1770
27.	Пос. Устье, жил. 2, колодец	OxA–12563	Уголь	3571±31	1965–1880
28.	Пос. Устье, п. 8	OxA–12561	Кость человека	3454±31	1880–1690
29.	Пос. Устье, жил. 2	OxA–12562	Кость КРС	3488±32	1880–1760
30.	Пос. Устье, п. 3	OxA–12560	Кость человека	3476±32	1880–1740
31.	Пос. Каменный Амбар, колодец 5/1	MAMS–15087	Растение	3592±30	2010–1900
32.	Пос. Каменный Амбар, колодец 5/4	MAMS–21412	Уголь	3559±23	1940–1880
33.	Пос. Каменный Амбар, колодец 5/7	MAMS–19907	Растение	3518±26	1900–1770
34.	Пос. Каменный Амбар, колодец 5/7	MAMS–19908	Растение	3502±21	1890–1770
35.	Пос. Каменный Амбар, колодец 5/9	MAMS–19903	Дерево	3561±27	1950–1880
36.	Пос. Каменный Амбар, колодец 5/9	MAMS–19904	Растение	3570±30	1960–1880
37.	Пос. Каменный Амбар, колодец 5/10	MAMS–27518	Растение	3505±29	1890–1770
38.	Пос. Каменный Амбар, постр. 5	MAMS–21414	Уголь	3511±24	1890–1770
39.	Пос. Каменный Амбар, постр. 5	MAMS–19403	Уголь	3514±21	1890–1770

40.	Пос. Каменный Амбар, постр. 5	MAMS–11657	Дерево	3643±27	2040–1950
41.	Пос. Каменный Амбар, колодец 2/1	Hd–28431	Дерево	3618±31	2025–1940
42.	Пос. Каменный Амбар, колодец 2/1	Hd–28432	Дерево	3594±31	2020–1900
43.	Пос. Каменный Амбар, колодец 2/1a	Hd–28430	Дерево	3617±31	2025–1935
44.	Пос. Каменный Амбар, колодец 2/1a	Hd–28408	Дерево	3644±31	2120–1950
45.	Пос. Каменный Амбар, колодец 2/4	Hd–28458	Дерево	3636±26	2030–1955
46.	Пос. Каменный Амбар, колодец 2/4	Hd–28457	Дерево	3559±26	1950–1880
47.	Пос. Каменный Амбар, колодец 2/4	MAMS–11661	Дерево	3548±25	1940–1820
48.	Пос. Каменный Амбар, колодец 2/5	MAMS–11653	Уголь	3471±25	1880–1740
49.	Пос. Каменный Амбар, колодец 2/9	MAMS–11660	Дерево	3577±21	1950–1890
50.	Пос. Каменный Амбар, ров	MAMS–22509	Уголь	3608±24	2020–1925
51.	Пос. Каменный Амбар, ров	MAMS–22510	Уголь	3466±25	1880–1740
52.	Пос. Каменный Амбар, колодец 2/7	MAMS–11651	Уголь	3601±38	2020–1900
53.	Пос. Каменный Амбар, колодец 4/1	Hd–29289	Уголь	3572±23	1945–1890
54.	Пос. Каменный Амбар, колодец 4/1	MAMS–15084	Уголь	3564±23	1945–1885
55.	Пос. Каменный Амбар, постр. 4	Hd–29292	Уголь	3520±24	1900–1770
56.	Пос. Каменный Амбар, колодец 5/2	MAMS–11658	Уголь	3526±24	1910–1770
57.	Пос. Каменный Амбар, колодец 6/1	MAMS–15083	Семена	3558±28	1950–1875
58.	Пос. Каменный Амбар, колодец 6/1	Hd–29412	Уголь	3482±45	1880–1740
59.	Пос. Каменный Амбар, колодец 6/1	Hd–29225	Уголь	3442±33	1870–1690
60.	Пос. Каменный Амбар, колодец 6/1	MAMS–15082	Семена	3462±22	1880–1740
61.	Пос. Каменный Амбар, колодец 6/1	MAMS–11650	Дерево	3433±25	1760–1685
62.	Пос. Каменный Амбар, колодец 6/1	UBA–26188	Семена	3348±36	1690–1530
63.	Пос. Каменный Амбар, колодец 7/1	MAMS–11652	Уголь	3550±24	1940–1870
64.	Пос. Каменный Амбар, постр. 4	Hd–29410	Уголь	3415±25	1750–1685

65.	Пос. Каменный Амбар, постр. 5	Hd–29227	Уголь	3530±20	1910–1770
66.	Пос. Каменный Амбар, постр. 5	Hd–29249	Уголь	3515±30	1890–1770
67.	Пос. Каменный Амбар, постр. 5	Hd–29411	Уголь	3417±23	1745–1685
68.	Гора Березовая п. 8	$IGAN_{AMS}$–7765	Кость человека	3620±25	2025–1945
69.	Пос. Малоюлдашево, погр.	$IGAN_{AMS}$–7763	Кость человека	3575±25	1950–1885
70.	Степное VII 8/2	MAMS–32154	Кость человека	3473±25	1880–1740
71.	Степное VII 8/2	MAMS–32155	Кость животного	3453±24	1870–1690
72.	Степное VII 4/17	MAMS–32156	Кость животного	3472±24	1880–1740
73.	Кривое Озеро 1/1	MAMS–32158	Кость человека	3528±23	1910–1770
74.	Озерный 1 5/6	MAMS–32160	Кость животного	3438±24	1770–1690
75.	Озерный 1 5/7	MAMS–32161	Кость животного	3492±24	1880–1770
76.	Озерный 1 6/1	MAMS–32163	Кость животного	3517±24	1890–1770
77.	Озерный 1 8/1	MAMS–32162	Кость животного	3483±25	1880–1750
78.	Троицк 7 6/1	MAMS–32164	Кость животного	3483±24	1880–1750
79.	Троицк 7 7/5	MAMS–32167	Кость животного	3472±26	1880–1740
80.	Троицк 7 7/10	MAMS–32169	Кость животного	3447±25	1870–1690
81.	Троицк 7 8/1	MAMS–32166	Кость животного	3422±25	1750–1685
82.	Халвай III 3/1	AA–97422	Дерево	3577±39	1980–1880
83.	Халвай III 5/1	AA–100937	Дерево	3577±46	2020–1980
84.	Пос. Аркаим	GIN–6213	Дерево	3670±40	2140–1970
85.	Новотемирский, печь	$AN_{AMS–}$7436	Уголь	3610±20	2020–1936
86.	Новотемирский, печь	$AN_{AMS–}$9243	Кость КРС	3530±25	1919–1776
87.	Ишкинино, карьер 1	$AN_{AMS–}$9248	Кость животного	3625±25	2027–1949
88.	Новоильиновский II 5/1	AA–109587	Кость МРС	3514±30	1890–1774
89.	Новоильиновский II 5/1	AA–109588	Кость человека	3572±30	1956–1885

1–17 – даты по (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005); 18, 19 – даты по (Кузьмина Е., 1994); *20–26 – даты по (Моргунова, Хохлова, Зайцева, Чичанова, Гольева, 2003; Allentoft et al., 2015; Ткачев В., 2020); 27–30 – даты по (Епимахов, 2013, табл. 13.1); 31–39 – даты по (Корякова,*

Кузьмина С., 2017); 38–67 – даты по (Чечушков, Молчанова, Епимахов, 2020); 68, 69 – не опубликованы (информация Л.В. Купцовой); 70–81 – даты по (Краузе, Епимахов, Куприянова, Новиков, Столярчик, 2019); 82–83 – даты по (Панюшкина, 2015); 84 – дата по (Епимахов,2020а); 85–87 – даты по (Ankusheva, Zazovskaya, Yuminov, Ankushev, Alaeva, Epitakhov, 2022); 88, 89 – даты по (Усманова, Чечушков, Косинцев, Суслов, Лачкова, 2018)

Табл. 6.15. Радиоуглеродные даты. Унетицкий культурный круг

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	CalBC Вероятность 1σ
1.	Brehna 9	Poz–26002	Кость человека	3620±35	2030–1935
2.	Dieskau	Poz–26003	Кость человека	3600±35	2020–1900
3.	Plötzkau	Poz–29097	Кость человека	3630±35	2035–1935
4.	Halle–Queis	Poz–29098	Кость человека	3550±35	1950–1780
5.	Helberstadt	Poz–29142	Кость человека	3865±35	2460–2280
6.	Serbitz	Poz–30540	Кость человека	3805±35	2300–2150
7.	Erfurt–Gispersleben	Poz–36968	Кость человека	3705±35	2140–2030
8.	Erfurt–Gispersleben	Poz–36969	Кость человека	4005±35	2570–2475
9.	Großstorkwitz	Poz–37043	Кость человека	3570±35	1980–1880
10.	Prag–Mišcovice п. 18	UtC–13186	Кость человека	3531±40	1930–1770
11.	Prag–Mišcovice п. 20	UtC–13187	Кость человека	3600±38	2020–1900
12.	Prag–Mišcovice п. 27	UtC–13188	Кость человека	3409±38	1750–1630
13.	Prag–Mišcovice п. 29	UtC–13189	Кость человека	3671±33	2140–2080
14.	Prag–Mišcovice п. 31	UtC–13190	Кость человека	3560±36	1970–1820
15.	Prag–Mišcovice п. 32	UtC–13190	Кость человека	3521±37	1900–1770
16.	Prag–Mišcovice п. 42	UtC–13191	Кость человека	3559±41	1970–1780
17.	Prag–Mišcovice п. 42	KIA–35084	Кость человека	3595±30	2020–1900
18.	Singen п. 7	HD–8972–9116	Кость человека	3680±45	2140–1980
19.	Singen п. 19	HD–8973–9117	Кость человека	3760±50	2280–2050
20.	Singen п. 63	HD–10692	Кость человека	3655±35	2130–1960

21.	Singen п. 65	HD–8974–9155	Кость человека	3850±45	2460–2200
22.	Singen п. 68	HD–8978–9157	Кость человека	3650±45	2130–1950
23.	Singen п. 70	HD–8975–9145	Кость человека	3770±40	2290–2130
24.	Singen п. 74	HD–8976–9129	Кость человека	3640±45	2130–1940
25.	Singen п. 79	HD–8971–9155	Кость человека	3680±45	2140–1980
26.	Singen п. 80	HD–8970–9147	Кость человека	3690±45	2140–2020
27.	Singen п. 82	HD–10691	Кость человека	3730±40	2200–2040
28.	Haunstetten, Unterer Talweg	MAMS–18933	Кость человека	3570±19	1940–1890
29.	Haunstetten, Unterer Talweg	MAMS–18937	Кость человека	3612±25	2025–1935
30.	Haunstetten, Unterer Talweg	MAMS–18938	Кость человека	3597±24	2015–1915
31.	Haunstetten, Unterer Talweg	MAMS–18939	Кость человека	3559±24	1940–1880
32.	Haunstetten, Unterer Talweg	MAMS–18940–18941	Кость человека	3566±11	1935–1890
33.	Haunstetten, Unterer Talweg	MAMS–18942	Кость человека	3558±23	1940–1880
34.	Haunstetten, Unterer Talweg	MAMS–18943	Кость человека	3553±24	1945–1875
35.	Milejovice 19 п. 99	Не указано	Кость человека	3530±35	1920–1770
36.	Milejovice19 п. 99	Не указано	Кость человека	3570±36	1980–1880
37.	Milejovice 19 п. 99	Не указано	Кость человека	3511±35	1890–1770
38.	Milejovice 19 п. 99	Не указано	Кость человека	3523±35	1910–1770
39.	Milejovice 19 п. 225	Не указано	Кость человека	3584±30	1975–1890
40.	Milejovice 19 п. 352	Не указано	Кость человека	3683±27	2140–2020
41.	Milejovice 19 п. 1197	Не указано	Кость человека	3712±34	2200–2030
42.	Milejovice 19 п. 1211	Не указано	Кость человека	3634±38	2120–1940
43.	Chociwel–2011 п. 2	Не указано	Кость человека	3369±31	1700–1620
44.	Chociwel–2011 п. 3	Не указано	Кость человека	3447±32	1870–1690
45.	Chociwel–2011 п. 20	Не указано	Кость человека	3645±33	2120–1950

46.	Chociwel–2011 п. 21	Не указано	Кость человека	3460±31	1880–1690
47.	Chociwel п. 12	Не указано	Кость человека	3599±31	2020–1900
48.	Chociwel п. 82	Не указано	Кость человека	3545±33	1940–1780
49.	Chociwel п. 83	Не указано	Кость человека	3474±31	1880–1740
50.	Chociwel п. 88	Не указано	Кость человека	3340±30	1690–1560
51.	Domsław п. 5098	Не указано	Кость человека	3552±34	1950–1780
52.	Domsław п. 5098	Не указано	Кость человека	3574±37	1980–1880
53.	Domsław п. 5365	Не указано	Кость человека	3630±38	2040–1930
54.	Domsław п. 5367	Не указано	Кость человека	3348±37	1690–1530
55.	Kąty Wrocławskie	Не указано	Кость человека	3535±30	1930–1770
56.	Nowa Wieś Wrocławska п. 1	Не указано	Кость человека	3421±30	1760–1680
57.	Ozorzyce п. 5	Не указано	Кость человека	3427±26	1755–1685
58.	Ozorzyce п. 6	Не указано	Кость человека	3546±26	1940–1820
59.	Polwica 5 п. 1603	Не указано	Кость человека	3677±31	2140–2020
60.	Prezławice п. 1	Не указано	Кость человека	3594±49	2030–1890
61.	Prezławice п. 4	Не указано	Кость человека	3459±34	1880–1690
62.	Prezławice п. 6	Не указано	Кость человека	3407±30	1750–1665
63.	Prezławice п. 8	Не указано	Кость человека	3469±31	1880–1740
64.	Prezławice п. 10	Не указано	Кость человека	3638±29	2035–1950
65.	Prezławice п. 21	Не указано	Кость человека	3513±31	1890–1770
66.	Prezławice п. 28	Не указано	Кость человека	3421±52	1870–1630
67.	Prezławice п. 29	Не указано	Кость человека	3437±35	1870–1680
68.	Prezławice п. 52	Не указано	Кость человека	3556±24	1945–1880
69.	Szczepankowice 1 п. 1	Не указано	Кость человека	3522±24	1900–1770
70.	Szczepankowice 1 п. 3	Не указано	Кость человека	3559±24	1940–1880

71.	Skrzypnik п. 499	Не указано	Кость человека	3888±26	2460–2340
72.	Skrzypnik п. 969	Не указано	Кость человека	4022±37	2575–2485
73.	Tomice п. 2	Не указано	Кость человека	3430±34	1780–1680
74.	Tomice п. 3	Не указано	Кость человека	3430±34	1780–1680
75.	Tomice п. 4	Не указано	Кость человека	3350±36	1690–1530
76.	Tomice п. 7	Не указано	Кость человека	3605±26	2020–1920
77.	Tomice п. 10B	Не указано	Кость человека	3504±28	1890–1770
78.	Tomice п. 17	Не указано	Кость человека	3437±31	1780–1680
79.	Wojkowice 15 п. 123	Не указано	Кость человека	3563±30	1955–1880
80.	Wojkowice 15 п. 141	Не указано	Кость человека	3526±36	1910–1860
81.	Wojkowice 15 п. 442	Не указано	Кость человека	3979±30	2565–2465
82.	Wojkowice 15 п. 609	Не указано	Кость человека	3718±36	2200–2030
83.	Wojkowice 15 п. 960	Не указано	Кость человека	3454±30	1880–1690
84.	Wojkowice 15 п. 1044	Не указано	Кость человека	3544±26	1940–1780
85.	Wojkowice 15 п. 1058	Не указано	Кость человека	3596±39	2020–1890
86.	Wojkowice 15 п. 1585	Не указано	Кость человека	3724±36	2200–2040
87.	Hulin 1 «U Isidorka» п. 31	Poz–14847	Не указано	3485±35	1880–1750
88.	Hulin 1 «U Isidorka» п. 32	Poz–14849	Не указано	3435±30	1780–1680
89.	Hulin 1 «U Isidorka» п. 38	Poz–14850	Не указано	3510±40	1890–1770
90.	Hulin–Pravčice 1 «U obrázku» яма 85	KIA–34727	Не указано	3510±30	1890–1770
91.	Hulin–Pravčice 1 «U obrázku» яма 315	KIA–34731	Не указано	3540±30	1930–1780
92.	Modřice «Rybniky» п. 811	DSH8050_G	Кость человека	3467±30	1880–1740
93.	Modřice «Rybniky» п. 811	DSH8051_G	Кость человека	3473±32	1880–1740
94.	Olomouc–Slavonin п. 46	VERA 2127	Не указано	3565±40	1980–1870
95.	Olomouc–Slavonin п. 55	VERA 2096	Не указано	3510±40	1890–1770

96.	Těšetice «Vinogrady» п. 22	Poz–89832	Кость человека	3535±35	1930–1770
97.	Těšetice «Vinogrady» п. 45	Poz–89833	Кость человека	3515±35	1900–1770
98.	Těšetice – Kyjovice «Sutny» яма 387	Poz–89831	Кость человека	3590±35	2010–1890
99.	Karsdorf, Burgenlandkreiz п. 54	KIA–29556	Кость человека	3600±29	2020–1910
100.	Karsdorf, Burgenlandkreiz п. 62	KIA–29557	Кость человека	3571±27	1955–1885
101.	Karsdorf, Burgenlandkreiz п. 165	KIA–29558	Кость человека	3380±27	1735–1630
102.	Karsdorf, Burgenlandkreiz п. 291	KIA–29559	Кость человека	3728±27	2200–2040
103.	Karsdorf, Burgenlandkreiz п. 410	KIA–29560	Кость человека	3662±28	2130–1970
104.	Lauingen п. 29	KN–2168	Не указано	3660±50	2140–1960
105.	Mangolding–Mintraching п. 1966	KN–2170	Не указано	3590±100	2130–1770
106.	Anzing п. 1971	KN–2168	Не указано	3690±50	2140–1970
107.	Franzhauzen п. 81	Bln–3201	Не указано	3480±50	1880–1740
108.	Franzhauzen п. 379	Bln–3337	Не указано	3440±60	1880–1680
109.	Franzhauzen п. 898	Bln–3204	Не указано	3550±60	1980–1770
110.	Gemeinlebarn. п. 188	Bln–3204	Не указано	3420±60	1870–1630
111.	Rottenburg п. 1	eth–9555	Не указано	3595±65	2040–1870
112.	Rottenburg п. 2	eth–9556	Не указано	3540±65	1960–1770
113.	Rottenburg п. 4	eth–9558	Не указано	3565±65	2020–1770
114.	Rottenburg п. 5	eth–9559	Не указано	3510±80	1950–1740
115.	Rottenburg п. 6	eth–9560	Не указано	3580±60	2030–1870
116.	Rottenburg п. 7	eth–9561	Не указано	3505±60	1910–1740
117.	Rottenburg п. 9	eth–9562	Не указано	3605±55	2040–1890
118.	Rottenburg п. 10	eth–9563	Не указано	3550±65	1980–1770
119.	Gerlingen п. 1	Hd–11855	Не указано	3684±11	2130–2085
120.	Gerlingen п. 1	Hd–11871	Не указано	3581±20	1955–1895
121.	Gerlingen п. 2	Hd–11872	Не указано	3924±17	2470–2340
122.	Gerlingen п. 3	Hd–11881	Не указано	3646±21	2035–1960
123.	Aldingen п. 1	Hd–14021	Не указано	3710±37	2200–2030
124.	Aldingen п. 12	Hd–13984	Не указано	3674±27	2140–2020
125.	Aldingen п. 15	Hd–13744	Не указано	3515±34	1900–1770
126.	Aldingen п. 17	Hd–14083	Не указано	3713±39	2200–2030
127.	Weinstadt–Endersbanch п. 1	Hd–11744	Не указано	3574±26	1955–1885
128.	Remseck–Hochberg п. (номер не указан)	Hd–11791	Не указано	3562±24	1940–1885
129.	Gäufelden–Tailfingen п. 1	Hd–11794	Не указано	3455±33	1880–1690
130.	Gäufelden–Tailfingen п. 1	Hd–11811	Не указано	3483±19	1880–1750

131.	Gäufelden–Tailfingen п. 3	Hd–11854	Не указано	3509±20	1890–1770
132.	Schiepzig п. 16047	MAMS–13424	Не указано	3623±26	2025–1945

1–9 – даты по (Hubensack, 2018); 10–16 – даты по (Enrée, Müller, Rassman, 2012); 17 – дата по (Enrée, 2013); 18–27 – даты по (Stöckli, 2009); 28–33 – даты по (Massy, Knipper, Mittnik, Kraus, Pernicka, Wittenborn, Krause, Stockhammer, 2017); 34–86 – даты по (Pokutta, 2013); 87–98 – даты по (Šabatova, Parma, 2019); 99–103 – даты по (Benke, 2014); 123–132 – даты по (Krause R., 1996)

Табл. 6.16. Радиоуглеродные даты. Культура колоколовидных кубков Центральной Европы и карпато–дунайского региона.

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Samborzec п. I	Kl–7921	Не указано	3830±50	2410–2200
2.	Samborzec п. II	Kl–7922	Не указано	3870±60	2470–2280
3.	Samborzec п. III	Kl–7923	Не указано	3850±50	2460–2200
4.	Samborzec п. IV	Kl–7924	Не указано	3940±50	2560–2340
5.	Samborzec п. VI	Kl–7925	Не указано	3885±50	2460–2290
6.	Samborzec п. VII	Kl–7926	Не указано	3990±60	2620–2450
7.	Samborzec п. IX	Kl–7927	Не указано	3850±50	2460–2200
8.	Samborzec п. X	Kl–7928	Не указано	3870±60	2470–2280
9.	Samborzec п. XIII	Kl–7929	Не указано	3920±50	2480–2300
10.	Samborzec п. 31	Kl–6153	Не указано	3790±40	2290–2140
11.	Cham–Oberwill	Ua–10408	Не указано	3720±85	2280–1970
12.	Cham–Oberwill	Ua–10409	Не указано	3780±70	2310–2040
13.	Cham–Oberwill	Ua–10410	Не указано	4020±90	2860–2450
14.	Achnheim	GrA–15976	Кость человека	4045±40	2620–2490
15.	Aldingen	Hd–13664	Кость человека	3685±40	2140–2020
16.	Tuckelhausen	Hv–9436	Кость человека	3680±60	2140–1970
17.	Tuckelhausen	Hv–9437	Кость человека	3635±40	2120–1940
18.	Zuffenhausen п. 1	GrN–9298	Кость человека	3830±35	2340–2200
19.	Annertol п. III	GrN–6643	Уголь	3870±35	2460–2290
20.	B Anlo п. B	GrN–851	Уголь	4140±70	2870–2620
21.	C Anlo п. C	GrN–851	Уголь	3965±50	2570–2340
22.	Bennekom	GrN–6155	Уголь	3820±55	2350–2140
23.	Bennekom	GrN–12268	Уголь	3770±60	2290–2050
24.	Buinen	GrN–6152	Уголь	3945±35	2560–2340
25.	Epe–Klokbekerweg	GrN–13714	Уголь	3865±30	2460–2280
26.	Holzhausen	KN–112	Уголь	4100±100	2870–2560
27.	Lunteren	GrN–6332	Уголь	3790±35	2290–2140
28.	Meerlo	GrA–14066	Не указано	3840±35	2400–2200

29.	Molenaarsgraf	GrN–5131	Кость человека	3635±40	2120–1940
30.	Mol п. BP	GrN–3641	Уголь	4005±60	2620–2460
31.	Mol п. BP	GrN–6646	Уголь	3895±45	2470–2300
32.	Veen	GrA–14080	Не указано	3810±40	2310–2140
33.	Vlaardingen	GrN–2158	Уголь	3910±30	2470–2340
34.	Vlaardingen	GrN–3097	Уголь	3850±50	2460–2200
35.	Wageningen	GrN–7099	Уголь	3875±35	2460–2290
36.	Wallhofen	Hv–5951	Уголь	3875±75	2470–2230
37.	Bernburg	Hd–19285	Кость человека	3871±22	2460–2290
38.	Egeln–Galgenberg п. 1927	KN–4865	Кость человека	3738±42	2210–2040
39.	Ermstedt п. 2/69	KN–4145	Кость человека	3840±50	2410–2200
40.	Hedersleben	Hd–19265	Кость человека	3810±24	2290–2200
41.	Kothen–Gutersee	Hd–19333	Кость человека	3733±54	2210–2030
42.	Lobnitz п. 1	Bln–1447	Кость человека	3810±61	2350–2140
43.	Nobra п. 16	Bln–3752	Кость человека	3580±50	2030–1880
44.	Rathmannsdorf	GrN–23312	Не указано	3870±30	2460–2290
45.	Holubice	Bln–2840	Кость животного	3660±30	2130–1970
46.	Holubice	Bln–2841	Кость животного	3670±50	2140–1970
47.	Mariaposching	Kn–2398	Кость человека	3690±55	2150–1970
48.	Budapest, Csepel–Hollandistr.	GrN–6901	Не указано	3770±50	2290–2130
49.	Hochdorf–Baldegg	GrN–8842	Уголь	3870±60	2470–2280
50.	Budapest, Csepel–Hollandistr.	GrN–6900	Не указано	3945±60	2570–2340
51.	Budapest, Csepel–Hollandistr.	Bln–1406	Не указано	3945±60	2570–2340
52.	Budapest, Csepel–Hollandistr.	Bln–1333	Не указано	3960±80	2580–2340
53.	Szigetcsép	Bln–1638	Не указано	3970±45	2580–2450
54.	Szigetcsép	Bln–1639	Не указано	4030±60	2630–2470
55.	Budapest, Csepel–Hollandistr.	Bln–1334	Не указано	4030±60	2630–2470
56.	Budapest, Csepel–Hollandistr.	Bln–1335	Не указано	4160±60	2880–2660
57.	Budapest, Csepel–Hollandistr.	Bln–1404	Не указано	4165±60	2880–2670
58.	Budapest, Csepel–Háros.	Q–1122	Уголь	4170±90	2890–2630
59.	Budapest, Csepel–Háros.	Bln–1221	Уголь	4235±100	2930–2630

60.	Tückelhausen 2	Hv–9437	Кость человека	3680±60	2140–1970
61.					
61.	Rances, Champ Vully	CRG–354	Уголь	3700±60	2200–2010
62.	Petit Chasseur, PC I	B–3064	Кость человека	3790±80	2350–2040
63.	Petit Chasseur, PC I	B–3061	Кость человека	3820±70	2410–2140
64.	D'Alle	ARC–1006	Уголь	3835±55	2440–2200
65.	Bavois–en–Raillon	B–3395	Уголь	3836±60	2460–2200
66.	D'Alle	UZ–3570	Уголь	3845±60	2460–2200
67.	Rances, Champ Vully	CRG–355	Уголь	3910±60	2480–2290
68.	Petit Chasseur, PC I	B–865	Кость человека	3920±60	2480–2290
69.	Petit Chasseur, PC I	B–3062	Кость человека	3980±70	2580–2340
70.	Rances, Champ Vully	CRG–357	Уголь	3800±70	2350–2130
71.	Rances, Champ Vully	B–3380	Уголь	3750±80	2290–2030
72.	Kempten	Uz–4846/ETH–26473	Уголь	3835±55	2350–2200
73.	Zwillikon–Weid	Uz–4442/ETH–23033	Уголь	3820±55	2350–2140
74.	Pełczyska 6	Poz–34734	Кость человека	3830±35	2340–2200
75.	Borken	GrN–7518	Не указано	4180±45	2880–2670
76.	Döttlingen	H–1039/1547	Не указано	4220±75	2910–2670
77.	Lobnitz	Bln–1568	Не указано	3970±70	2580–2340
78.	Lobnitz	Bln–1595	Не указано	3800±61	2350–2130
79.	Szigetszentmiklós–Felso″– Ürge–hegyi du″lo″, п. 10	VERA–4748	Кость человека	3920±40	2480–2340
80.	Szigetszentmiklós–Felso″– Ürge–hegyi du″lo″, п. 49	VERA–4749	Кость человека	3830±40	2350–2200
81.	Szigetszentmiklós–Felso″– Ürge–hegyi du″lo″, п. 50	VERA–4750	Кость человека	3775±35	2280–2130
82.	Szigetszentmiklós–Felso″– Ürge–hegyi du″lo″, п. 367	VERA–4755	Кость человека	3875±40	2460–2290
83.	Szigetszentmiklós–Felso″– Ürge–hegyi du″lo″, п. 626	VERA–4757	Кость человека	3845±35	2410–2200
84.	Békásmegyer, п. 193	DeA–2875	Кость человека	3845±36	2410–2200
85.	Békásmegyer, п. 432a	DeA–2876	Кость человека	3831±35	2350–2200
86.	Békásmegyer, п. 445	DeA–2877	Кость человека	3874±33	2460–2290
87.	Bad Nauheim	HD–22049	Кость человека	3891±19	2460–2340

88.	Eberstadt	HD–22050	Кость человека	3675±26	2140–2020
89.	Eberstadt	HD–22051	Кость человека	3671±21	2130–1980
90.	Eberstadt	HD–22058	Кость человека	3610±25	2020–1930
91.	Hummetroth	HD–22060	Кость человека	4131±23	2860–2630
92.	Windecken	HD–22074	Кость человека	3777±44	2290–2130
93.	Eschersheim	HD–22070	Кость человека	3859±56	2460–2230
94.	Pfungstadt	HD–21795	Кость человека	3818±19	2290–2205
95.	Naters, Altersheim	Utc–13954	Не указано	3708±46	2200–2030
96.	Bitsch, Massaboden	Utc–12064	Не указано	3722±37	2340–2200
97.	Chevenez, La Combe En Vaillard	Ua–17838	Не указано	3730±75	2280–2020
98.	Apfelstädt	KIA–27869	Кость человека	3825±30	2340–2200
99.	Benzingerode, Stadt Wernigerode	KIA–27952	Кость человека	3758±33	2280–2060
100.	Benzingerode, Stadt Wernigerode	KIA–27951	Кость человека	3751±27	2210–2060
101.	Benzingerode, Stadt Wernigerode	KIA–27950	Кость человека	3737±28	2200–2050
102.	Cörmigk–Sixdorf	HD–18738	Кость человека	3700±25	2135–2035
103.	Egeln	HD–19165	Кость человека	3810±27	2290–2200
104.	Egeln	HD–19207	Кость человека	3758±21	2200–2140
105.	Egeln	HD–18728	Кость человека	3797±22	2290–2150
106.	Freyburg	KIA–27951	Кость человека	3921±36	2480–2340
107.	Gröna	HD–18825	Кость человека	3748±25	2210–2130
108.	Olomouc–Savonin	Erl–4677	Кость человека	3815±55	2350–2140
109.	Pavlov	VERA–2161	Кость человека	3830±35	2340–2200
110.	Pavlov	VERA–3359	Кость человека	3810±35	2300–2170
111.	Quedlinburg	Erl–7038	Кость человека	3820±42	2350–2190
112.	Quedlinburg	Erl–7041	Кость человека	3655±48	2130–1950
113.	Rothenschirmbach	Erl–8709	Кость человека	3867±46	2460–2280

114.	Landau	HD–19835	Кость человека	3848±34	2410–2200
115.	Trieching п. 1	HD–19627	Кость человека	3915±28	2470–2340
116.	Trieching п. 2	Не указано	Кость человека	3848±24	2400–2210
117.	Pavlov–Horní pole п. 2	Erl–4709	Кость человека	3833±52	2410–2200
118.	Pavlov–Horní pole п. 4	Erl–4710	Кость человека	3849±49	2460–2200
119.	Pavlov–Horní pole п. 5	Erl–4726	Кость человека	3938±50	2490–2340
120.	Pavlov–Horní pole п. 6	Erl–4711	Кость человека	3469±49	1880–1730
121.	Pavlov–Horní pole п. 6	Erl–4712	Кость человека	3742±42	2210–2040
122.	Pavlov–Horní pole п. 7	Erl–4713	Кость человека	3831±56	2410–2190
123.	Pavlov–Horní pole п.346	Erl–4714	Кость человека	3747±57	2280–2030
124.	Pavlov–Horní pole п. 350	Erl–4715	Кость человека	3760±55	2290–2040
125.	Pavlov–Horní pole п. 353	Erl–4716	Кость человека	3812±56	2350–2140
126.	Pavlov–Horní pole п. 489	Erl–4717	Кость человека	3664±56	2140–1950
127.	Pavlov–Horní pole п. 500	Erl–4718	Кость человека	3908±54	2470–2300
128.	Pavlov–Horní pole п. 501	Erl–4719	Кость человека	3990±54	2580–2450
129.	Pavlov–Horní pole п. 505	Erl–4718	Кость человека	3908±54	2470–2300
130.	Pavlov–Horní pole п. 516	Erl–4721	Кость человека	4007±62	2630–2460
131.	Pavlov–Horní pole п. 570	Erl–4722	Кость человека	3913±56	2480–2300
132.	Pavlov–Horní pole п. 570	Erl–4723	Кость человека	3808±57	2350–2140
133.	Pavlov–Horní pole п. 585	Erl–4724	Кость человека	3860±57	2460–2230
134.	Pavlov–Horní pole п. 780	Erl–4720	Кость человека	3859±57	2460–2230
135.	Pavlov–Horní pole п. 950	Erl–4725	Кость человека	3621±57	2040–1900

1–10 – даты по (Budziszewski, Haduch, Włodorczak, 2003; Budziszewski, Włodarczak, 2010); 11–13 – даты по (Gnepf, Hämmerle, Hochuli, 1998); 14–44 – даты по (Müller, Hinz, Ulrich, 2015); 45–69 – даты по (Schmidt, van Willigen, 1995; Kalizc–Schreiber, Kalicz, 2001); 70–73 – даты по (Piguet, Besse, 2009); 74 – дата по (Rudnicki M., Włodarczak P., 2010); 75–78 – даты по (Włodarczak, Kovalewska–Marszałek, 1998); 79–86 – даты по (Fischl, Kiss, Kulcsár, Szeverényi, 2015); 87–94 – даты по (Wiermann, 2004); 95–97 – даты по (Disideri, Piguet,

Furestier, Cattin, Besse, 2012); 98–116 – даты по (Großmann, 2016); 117–135 – даты по (Peška, 2005)

Список сокращений в тексте

БМСК – бережновско-маевская срубная культура
ВДБК – волго-донская бабинская культура
ВМКК – восточноманычская катакомбная культура
СДКК – реднедонская катакомбная культура
ВДКК – волго-донская катакомбная культура
ВУКГ – волго-уральская культурная группы
ДВАК – доно-волжская абашевская культура
ДДБК – днепро-донская бабинская культура
ДПБК – днепро-прутская бабинская культура
ЗМКК – западноманычская катакомбная культура
КЖ – кости животных
ККК – культура колоколовидных кубков
КМК – культура многоваликовой керамики
КРС – крупный рогатый скот
МРС – мелкий рогатый скот
ОГ – обрядовая группа
ПБВ – поздний бронзовый век
ПКБ – посткатакомбный блок
СБВ – средний бронзовый век
СВАК – средневолжская абашевская культура
ЮУАК – южноуральская абашевская культура

Список сокращений в литературе и архивных материалах

АА – Археологический альманах
АВ – Археологические вести
АВЕС – Археология восточно-европейской степи
АВЛ – Археология восточноевропейской лесостепи
АЕС – Археология евразийских степей
АЗ – Археологические записки
АО – Археологические открытия
АНИБ – Археологическое научно-исследовательское бюро
АНСК – Археологическое наследие Саратовского края
АПВЕ – Археологические памятники Восточной Европы
АПО – Археологические памятники Оренбуржья
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии
ВА – Вестник антропологии
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии
ВАП – Вопросы археологии Поволжья
ВДИ – Вестник древней истории
ВАУП – Вопросы археологии Урала и Поволжья
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ГИМ – Государственный исторический музей
ДАС – Донецкий археологический сборник
ДАЗ – Донецький археологічний збірник
ДСПК – Древности степного Причерноморья и Крыма
ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИСНЦ РАН – Известия Самарского научного центра Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института материальной культуры
МАД – Материалы по археологии Дагестана
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МДАСУ – Матеріали та дослідження з археології Східної України
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАВУ – Материалы и исследования по археологии Восточной Украины
МИИКНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
МОАИ – Материалы охранных археологических исследований
МСАИ – Материалы спасательных археологических исследований
НА ІА НАНУ – Науково-галузевий архів Істітута археології Національної академії наук України

НА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук
НА ИИМК РАН – Научно-отраслевой архив Института истории материальной культуры Российской академии наук
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НАЭ – Новочеркасская археологическая экспедиция
ПА – Поволжская архелогия
ПАИ – Полевые археологические исследования
ПАП – Проблемы археологии Поднепровья
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
ССПК – Старожитности степового Причорномор'я і Криму
СЭ – Советская этнография
УАС – Уральское археологическое совещание
УИВ – Уральский исторический вестник
ANES – Ancient Near Eastern Studies
AK – Archäologisches Korrespondenzblatt
AR – Archeologické rozhledy
BW – Bodenaltertümer Westfalens.
BPS – Baltic-Pontic Studies
EA – Eurasia Antiqua
FAS – Freiburger Archäologische Studien
IA – Internationale Archäologie
MCA – Materiale şi cercetări archeologice
PAS – Prähistorische Archäologie in Südosteuropa
PPS – Proceedings of the Prehistoric Society
SA – Slovenská archeológia
SP – Stratum Plus
UPA – Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie

Литература

1. *Авилова Л.И., 2007.* Развитие металлопроизводства в эпоху раннего металла (энеолит – поздний бронзовый век). Состояние проблемы и перспективы исследований // Вестник РФФИ. – М. – № 2 (52). – С. 31–45
2. *Авилова Л.И., 2008.* Металл Ближнего Востока: модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. – М. – 227 с.
3. *Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О., 1999.* Металлургическое производство в южной зоне Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы // РА. – М. – № 1. – С. 51–66
4. *Агапов С.А., 2010.* Медные изделия в погребальном обряде Хвалынских энеолитических могильников // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. – Самара. – С. 258–286
5. *Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1983.* Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневолжской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев. – С. 6–58
6. *Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990.* Хвалынский энеолитический могильник. – Саратов. – 160 с.
7. *Агульников С., Попович С., 2022*. Раскопки курганов в районе Штефан-Водэ, Республика Молдова (1989, 1990, 1991). – Кишинэу. – 207 с.
8. *Агульников С.М., Бубулич В.Г., 1998.* Погребения финального этапа эпохи средней бронзы степной зоны р. Молдова // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 135–142
9. *Агульников С.М., Бубулич В.Г., Курчатов С.И., 1997.* Курганы энеолита – бронзы у с. Крихана-Веке на Нижнем Пруте // ДСПК. – Запорожье. – VI. – С. 84–98
10. *Акимова М.С., 1950*. Курганный могильник около дер. Тауш-Касы в Чувашии // Ученые записки ЧувНИИ. Чебоксары. – Вып. IV. – С. 154–179
11. *Акимова С.В., 2006.* Охранные раскопки у с. Липовка Бобровского района Воронежской области // АПВЕ. – Воронеж. – Вып. 12. – С. 93–99
12. *Александровский А.Л., 1997.* Степи Северного Кавказа в голоцене по данным палеопочвенных исследований // Степь и Кавказ. Труды ГИМ. – М. – Вып. 97. – С. 22–29
13. *Александровский А.Л., 2003.* Палеоклиматы голоцена по данным изучения погребенных почв степной зоны // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. – М. – Часть I. – С. 192–193
14. *Александровский А.Л., Александровская Е.И., 2005.* Эволюция почв и географическая среда. – М. – 223 с.
15. *Александровский А.Л., Белинский А.Б., Калмыков А.А., Кореневский С.Н., Ван дер Плихт Й., 2001.* Погребенные почвы Большого Ипатовского

кургана и их значение для реконструкции палеоклимата // МИИКНСК. – М. – Вып. 2. – С. 131–143

16. *Александровский А.Л., Чичагова О.А., Пустовойтов К.Е., Шишлина Н.И., 1997.* Методика и методология радиоуглеродных исследований археологических объектов степных регионов России // Степь и Кавказ (культурные традиции). – М. – С. 9–21
17. *Алекшин В.А., 1990*. Археология и проблемы культурогенеза // Археологические культуры и культурная трансформация. – Л. – С. 125–128
18. *Андреев В.Н., 1992.* Курган эпохи бронзы в Крыму // ДСПК. – Запорожье. – Вып. 3. – С. 115–122
19. *Андреева М.В. 1986.* Об одной зооантропоморфной фигурке из Ставрополья // СА. – М. – № 2. – С. 231–234
20. *Андреева М.В., 1989.* Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополья. – М. – С. 24–124
21. *Андреева М.В., 2004.* Курильницы, ножи и шилья в контексте погребальных памятников восточноманычской катакомбной культуры // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А. Формозова. – М. – С. 187–201
22. *Андреева М.В., 2005.* Синхронные совместные погребения восточноманычской катакомбной культуры как источник палеосоциальных реконструкций // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – М. – Вып. 4. – С. 69–90
23. *Андреева М.В., 2008.* Восточноманычская катакомбная культура (анализ погребальных памятников). – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М. – 27 с.
24. *Андреева М.В., 2009.* Традиции и новации в погребальном обряде катакомбных племен Северо-восточного Предкавказья // КСИА. – М. – Вып. 223. – С. 101–115
25. *Андреева М.В., 2014*. Восточноманчская ктакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. – М. – 272 с.
26. *Андреева М.В., Дервиз П.Г., 1989.* Погребальный комплекс эпохи средней бронзы // КСИА. – М. – Вып. 196. – С. 40–51
27. *Антипина Е.Е., 2004*. Глава 7. Археозоологические материалы // Каргалы, т. III. Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования. – М. – С. 182–239.
28. *Арапов С.В., 1991*. Культура Северо-западного Прикаспия в эпоху средней бронзы. Рукопись дис. … канд. ист. наук // НА ИА РАН. – Р-2, №№ 2491, 2492
29. *Арапов С.В., 1992.* Культура Северо-западного Прикаспия в эпоху средней бронзы. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М. – 22 с.

30. *Артеменко И.И., 1967*. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. – М. – 139 с.
31. *Артеменко И.И., 1976*. Белынецкий могильник (раскопки 1970–1971 гг.) // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. – М. – С. 155–175
32. *Артеменко И.И., 1985*. Среднеднепровская культура // Археология Украинской ССР. – К. – Т. 1. – С. 364–374
33. *Артеменко И.И., Пронін Г.М., 1976*. Пам'ятки абашевської культури на Десні // Археологія. – К. – № 20. – С. 66–76
34. *Арутюнян А., Бадалян Р., 2008.* Поселение Гехакар: новый памятник среднего бронзового века в бассейне озера Севан // Культура древней Армении. – Ереван. – XIV. – С. 103–112
35. *Археология…, 1994. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – 384 с.*
36. *Атаев Г.Д., 1986.* Бассейн реки Сулак в эпоху ранней и средней бронзы. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М. – 26 с.
37. *Атаев Г.Д., 1987.* Чиркейские курганы бронзового века // СА. – М. – № 1. – С. 145–157
38. *Атаев Г.Д.., 1999.* Связи населения Северо-восточного Кавказа со степными племенами в эпоху средней и поздней бронзы // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Археологическая конференция Кавказа II. – Махачкала. – С. 29–31
39. *Атаев Г.Д., 2007.* О преемственности и инновациях в культурах эпохи средней и поздней бронзы плоскостных районов Северо-восточного Кавказа // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. – Махачкала. – С. 97-99
40. *Атаев Г.Д., 2008.* Процессы этнокультурного развития Северо-восточного Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы // Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Отражение цивлизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. – Владикавказ. – С. 14–17
41. *Атаев Г.Д., 2020*. О преемственности и трансформации культур эпохи ранней и средней бронзы северного Дагестана // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. – Махачкала. – С. 86–89
42. *Атаев Г.Д., Мирзоев Р.Н., 2012.* Итоги исследований памятников эпохи средней бронзы и начала эпохи поздней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2002–20077 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. – Махачкала. – С. 22–23
43. *Африканов Ю.А., 2007.* Раннесрубный кенотаф на реке Терешка // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 44–46

44. *Африканов Ю.А., 2010*. Курганы эпохи бронзы у разъезда Суворовский // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). – Саратов. – С. 7–13
45. *Африканов Ю.А., 2010а*. Археологические памятники у ст. Буровка, с. Ново-Яблоновка и с. Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005-2006 гг.). – Саратов. – С. 119–133
46. *Ахметов И.Р., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., 2013*. Абашевские комплексы Старшего Никитинского могильника // КСИА. – М. – Вып. 230. – С. 162–181
47. *Ахундов Т.И.О., 1999*. Древнейшие курганы Южного Кавказа. – Баку. – 93 с., XXI рис.
48. *Багаев М.Х., 1986.* Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. – М. – С. 66–74
49. *Багаутдинов Р.С., Кузьмина О.В., Рослякова Н.В., 2015*. Могильник «У разъезда «22 км» железной дороги Сызрань-Саратов» // Вопросы археологии Поволжья. – Самара. – Вып. 5. – С. 206–225
50. *Багаутдинов Р.С., Скарбовенко В.А., 1978.* Новопавловская курганная группа // Древние культуры Поволжья и Приуралья – Куйбышев. – Т. 221. – С. 51–52
51. *Бадер О.Н., 1940.* Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии // СА. – М. – Вып. VI. – С. 63–88
52. *Бадер О.Н., 1950.* К вопросу о балановской культуре // СЭ. – М. – № 1. – С. 59–81.
53. *Бадер О.Н., 1964*. Древнейшие металлурги Приуралья. – М. – 175 с.
54. *Бадер О.Н., 1970.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М. – 176 с.
55. *Бадер О.Н., 1971.* Погребения на Владычинской стоянке и вопрос о фатьяновской бронзе // СА. – М. – № 1. – С. 55–72
56. *Байбурин А.К., 1992.* Ритуал: между биологическим и социальным // Фольклор и этнографическая действительность. – СПб. – С. 18–28
57. *Балабанова М.А., Хохлов А.А., 2002.* Краниологические материалы из погребений курганного могильника Островной в Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М., Элиста. – С. 245–252
58. *Балабина В.И., 1983.* К вопросу об использовании охры в катакомбных погребениях // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции – М. – С. 188–197
59. *Бандарівський М., Крушельницка Л., 2005.* Поккутя і Західне Поділля в контексті перегляду хронології эпохи бронзи (Передкомарівська группа пам'яток) // На пошану Софії Станіславівни Березанської. – К. – С. 212–227

60. *Баринов Д.Г., 1996.* Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов. – С.84–97
61. *Батасова А.В., 2020*. Находки литейного инвентаря в погребениях эпохи бронзы на территории Европы // АВЕС. – Саратов. – Вып. 16. – С. 144–188
62. *Батасова А.В., 2021.* Локальные традиции в катакомбных культурах Восточной Европы эпохи средней бронзы // АВЕС. – Саратов. – Вып. 17. – С. 86–113
63. *Батиева Е.Ф., 1999.* Антропология срубно-абашевских погребений междуречья Дона и Чира // ВА. – М. – Вып. 6. – С. 130–139
64. *Батиева Е.Ф., 2011.* Антопологические материалы из срубных погребений междуречья Дона и Чира // Шарафутдинова Э.С., Житников В.Г., 2011. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). – СПб. – С. 162–176
65. *Батчаев В.М., 1984.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Памятники эпохи бронзы (III-II тыс. до н.э.). – Нальчик. – Т. 1. – С. 112–163
66. *Бейлин Д.В., Кислый А.Е., Михайлов А.М., Рогудеев В.В., Шарапа А.В., Юрочкин В.Ю., 2017*. Раскопки поселения эпохи бронзы Госпиталь II в г. Керчи (предарительное сообщение) // Древности Босопора. – М. – Т. 23. – С. 9–35
67. *Белинский А.Б., Березин Я.Б., Калмыков А.А., 2000.* Предварительные итоги комплексного археологического изучения Северной части Ставропольского края // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Кисловодск. – С. 15–18
68. *Березанская С.С., 1960.* Об одной группе памятников средней бронзы на Украине // СА. – М. – № 4. – С. 27–41
69. *Березанская С.С., 1962*. О погребениях культуры многоваликовой керамики // МАСП. – 1962. – Вып. 4. – С. 6–15
70. *Березанская С.С., 1978.* Предсрубный культурно-хронологический горизонт на Украине // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев. – Т. 221. – С .82–83
71. *Березанская С.С., 1979.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. – Донецк. – С. 4–6
72. *Березанская С.С., 1986.* Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К. – С.5–43
73. *Березанская С.*С., 1987. Абашевская культура на территории Украины // Межплеменные связи на территории Украины. – К. – С. 26–37
74. *Березанская С.С., 1990.* Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. – К. – 152 с.
75. *Березанская С.С*., *1998*. КМК – культура или керамический стиль // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности

(ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 60–65

76. *Березанская С.С., Кравец Д.П., 1989*. О металлургическом ремесле племен донецкой катакомбной культуры // Первобытная археология. – К. – С. 156–168
77. *Березин Я.Б., Калмыков А.А., 1998.* Курган у села Красногвардейское Ставропольского края // МИИКНСК. – Ставрополь. – Вып. 1. – С. 55–95
78. *Березин Я.Б., Калмыков А.А., 2003.* Курган у поселка Доброжеланный Ставропольского края // МИАСК. – Армавир. – Вып. 3. – С. 151–185
79. *Березин Я.Б., Кореневский С.Н., 2007.* Курганный могильник Иноземцево 1 // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – Вып. VIII. – М. – С. 730–732
80. *Березуцкая Т.Ю., 1993.* Катакомбное погребение мастера – изготовителя стрел // Археология доно-волжского бассейна. – Воронеж. – С. 47–52
81. *Березуцкий В.Д., Килейников В.В., Чендев Ю.Г., 2017*. Курган ямно-катакомбного времени в Побитюжье // История: факты и символы. –Елец. – № 2 (11). – С. 64–76
82. *Березуцкий В.Д., Кравец В.В., Новиков Н.Л., 2005.* Древности Богучарского края. – Воронеж. – 130 с.
83. *Берестнев С.И., 2001.* Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней – поздней бронзы (II тыс. до н.э.). – Харьков. – 264 с.
84. *Беседин В.И., 1981*. Городище у с. Сенное // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. – Воронеж. – С. 142–148
85. *Беседин В.И., 1984.* Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. – Воронеж. – С. 60–77
86. *Беседин В.И., 1986.* Погребения воронежской культуры эпохи бронзы // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. – Воронеж. – С. 71–78
87. *Беседин В.И., 1988.* Воронежская археологическая культура эпохи средней бронзы. Рукопись дис. … канд. ист. наук // Архив НА ІА НАНУ. – № 677
88. *Беседин В.И., 1991.* Воргольское поселение воронежской культуры // Елец и его окрестности. – Елец. – С. 89–90
89. *Беседин В.И., 1997.* Воронежская культура эпохи бронзы: выделение и проблема исследования // АВЛ. Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. – Вып. 10. – С. 63–69
90. *Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И., 2008*. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. – Ростов-на-Дону. – Т. 1. – 224 с.
91. *Богданов С.В., 1998.* Большой Дедуровский Мар // АПО. – Оренбург. – Вып. II. – С. 17–37
92. *Богданов С.В., 2004.* Эпоха меди степного Приуралья. – Екатеринбург. – 287 с.

93. *Богданов С.В., 2007.* Гипотеза об участии древнеямной традиции в генезисе культуры синташтинских памятников: pro et contra // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения». – Актобе. – С. 58–61
94. *Богданов С.В., 2010.* Проблема участия древнеямной традиции в генезисе культуры синташтинских памятников // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 8–14
95. *Богданов С.В., Халяпин М.В., 2000.* Погребальные памятники в Степном Приуралье // Культурное наследие степей Северной Евразии. – Оренбург. – Вып. 1. – С. 44–56
96. *Большов С.В., 2003.* Средневолжская абашевская культура (по материалам могильников) // Труды МАЭ. – Йошкар-Ола. – Т. VIII. – 184 с.
97. *Большов С.В., 2006*. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы. – Йошкар-Ола. – 232 с.
98. *Большов С.В., Кузьмина О.В., 1995.* Новые исследования II Виловатского могильника // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара. – С. 81–113
99. *Борисов А.В., 2018*. Палеопочвенные исследования курганов 1 и 3 могильника Таловый 1 // *Мимоход Р.А*. Стратифицированные курганы бронзового века на правобережье Северского Донца // МСАИ. – М. – Т. 23. – С. 93–101
100. *Борисов А.В., Дёмкина Т.С., Дёмкин В.А., 2006.* Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н.э.). – М. – 210 с.
101. *Борисов А.В., Ельцов М.В., Удальцов С.Н., Бухонов А.В. 2018.* Аридизация климата в пустынно-степной зоне: причины, формы проявления и влияние на жизнь древнего населения // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Религиоведение. Международные отношения. – Волгоград. – Т. 23. – № 3. – С. 53–62
102. *Борисов А.В., Ельцов М.В., Шишлина Н.И., Дёмкина Т.С., Дёмкин В.А., 2005.* Палеопочвенные исследования курганов катакомбной культуры (вторая половина III тыс. до н.э.) в Калмыкии // Почвоведение. – М. – №2. – С. 140–148
103. *Борисов А.В., Каширская Н.Н., Юршенас Д.А., Хомутова Т.Э., Петросян А.А., Мимоход Р.А., 2022.* Палеоэкологические условия в степной зоне восточно-европейской равнины в посткатакомбное время // НАВ. – Волгоград. – Т. 21. – № 2. – С. 83–99
104. *Борисов А.В., Ковда И.В., Белинский А.Б., Ляхов С.В., Дёмкин В.А., 2008.* Слитые почвы Центрального Предкавказья в третьем тысячелетии до н.э. // Почвоведение. – М. – № 1.
105. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., 2010.* Палеоэкологические условия и механизмы сложения лолинской культуры // Археология Нижнего

Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань. – С. 54–60

106. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., 2011.* Роль природной среды в сложении лолинской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.-М.-Великий Новгород. – Т. II. – С. 370–371
107. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., 2016*. Палеоэкология и палеоэкономика древних обществ пустынно-степной зоны в эпоху бронзы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. V Международная археологическая конференция (2016, Элиста). – Элиста. – С. 9–13
108. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., 2017*. Аридизация: формы проявления и влияние на население степной зоны в бронзовом веке // РА. – М. – № 2. – С. 48–60
109. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., 2017а.* Динамика природной среды и население пустынно-степной зоны в посткатакомбное и срубное время // Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика. – Пущино. – С. 20–25
110. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., 2020*. «4.2 KA EVENT» в пустынных степях Восточной Европы: теория оптимального кризиса // Экология древних и традиционных обществ. Материалы VI Международной научной конференции. – Тюмень. – С. 65–68
111. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., Дёмкин В.А., 2009.* Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время // АВЛ. – Воронеж. – С. 47–54
112. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., Дёмкин В.А., 2011.* Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 144–154
113. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., Демкин В.А., 2014.* Теория оптимального кризиса, или Что кочевнику хорошо… // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2013 года. – М. – Вып. 17. – С. 278–286
114. *Борисов А.В., Шишлина Н.И., Клещенко А.А., Идрисов И.А., 2014.* Сезонные стоянки эпохи бронзы в пустынных степях Северо-западного Прикаспия: проблема поиска и интерпретации материалов // Материалы Всероссийской научной конференции по археологическому почвоведению, посвященной памяти В.А. Дёмкина. – Пущино. – С. 86–90
115. *Бородовский А.П., 1997.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск. – 224 с.
116. *Бороффка Н., 2008*. Глиняные модели повозок в Карпатах и проблема происхождения боевых колесниц // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск. – С. 30–45
117. *Бочкарев В.С., 1991.* Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте:

материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. – СПб. – С. 24–27

118. *Бочкарев В.С., 1995.* Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Материалы конференции. – СПб. – С. 19–29
119. *Бочкарев В.С., 1995а.* Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара. 1995. – С. 114–123
120. *Бочкарев В.С., 2002.* Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен в семи томах. Том I. Народы степной Евразии в древности. – Казань. – С. 46–68
121. *Бочкарев В.С., 2010*. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб. – 231 с.
122. *Бочкарев В.С., 2012*. О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Кн. 2. – С. 13–24
123. *Бочкарев В.С., 2016*. Периоды развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // АВЕС. – Саратов. – Вып. 12. – С. 109–153
124. *Бочкарев В.*С., 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // SP. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2. – С. 159–204
125. *Бочкарев В.С., 2020*. К вопросу об относительной хронологии металлопроизводства позднего бронзового века южной половины Восточной Европы (зоны степи и лесостепи) // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога. – Берлин. – С. 477–525
126. *Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Бианки А.М., Трифонов В.А., 1991.* Раскопки курганов у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 году // Древние культуры Прикубанья. – Л. – С. 3–58
127. *Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф., 2014*. Основные этапы развития щитковых псалиев Северной Евразии // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века волго-уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). – Самара. – С. 5–7
128. *Братченко С.Н., 1967*. Раскопки крепости бронзового века у Ростова-на-Дону // АО 1966 г. – М. – С. 66–69
129. *Братченко С.Н., 1969*. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. – К. – Т. XXII. – С. 210–231

130. *Братченко С.Н., 1976.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – К. – 252 с.
131. *Братченко С.Н., 1977.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К. – С. 21-42
132. *Братченко С.Н., 1985.* Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР. – К. – Т. 1. – С. 451–458
133. *Братченко С.Н., 1985а.* Каменско-ливенцовская группа памятников // Археология Украинской ССР. – К. – Т. 1. – С. 458–462
134. *Братченко С.Н., 1989.* Лук і стріли доби енеоліту – бронзи Півдня Східної Європи // Археологія. – К. – № 4. – С. 70–81
135. *Братченко С.Н., 1995.* Пряжки эпохи средней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб. – Часть II. – С. 8–26
136. *Братченко С.Н., 2001.* Донецька катакомбна культура раннього этапу. – Луганськ. – 196 с.
137. *Братченко С.Н., 2003.* Могили бронзової доби в басейні р. Деркул // МИАВУ. – Луганск. – Вып. 1. – С. 162–225
138. *Братченко С.Н., 2006.* Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 6. – С. 32–310
139. *Братченко С.Н., 2008.* Олександрівські могили-кургани в долині Лугані // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 8. – С. 134–217
140. *Братченко С.Н., Санжаров С.М., 2001.* Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверьскодонеччини та Донщини III тис. до н.е. – Луганськ. – 108 с.
141. *Братченко С.Н., Шапошникова О.А., 1985.* Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. – К. – Т. 1. – С. 403–420
142. *Братченко С.Н., Шарафутдинова Э.С., 2000.* Ливенцовский могильник I // ИАИАНД в 1998 г. – Азов. – Вып. 16. – С. 160–215
143. *Брилева О.А., 2009.* Новейшие исследования памятников эпохи бронзы Кавказской археологической экспедицией Государственного музея народов Востока // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 18–20
144. *Бровендер Ю.М., 2020.* Разкопки кургану на півночі Луганщини // Археологічні дослідження в Україні 2019. – К. – С. 138–139
145. *Буйнов Ю.В., 1992*. Грунтовый могильник срубной культуры у с. Червоный Шлях на Харьковщине // История и археология Слободской Украины. – Харьков. – С. 91–92
146. *Буйнов Ю.В., 2001.* Срубная культурно-историческая общность и бондарихинская культура: вопросы хронологии и взаимосвязей // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и

периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 220–223

147. *Бурков С.Б., 1990.* Новые катакомбные комплексы из Чечено-Ингушетии // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С.8–10
148. *Бурков С.Б., 2004*. Курган № 1 могильника «Бамутские сады» (работы 1989 г.) // МИАСК. – Армавир. – Вып. 4. – С. 46–55
149. *Вангородская О.Г., 1987.* О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К. – С. 38–48
150. *Ванчугов В.П., 1990*. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. – К. – 166 с.
151. *Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1992.* Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. – К. – 92 с.
152. *Василенко А.И., 1999.* Вариант реконструкции крепления пряжки из кургана № 34 группы Чограй VIII в Ставрополье // Древности Подонцовья. – Луганск. – С. 62–65
153. *Василенко А.И., 2008.* О щитковых псалиях с шипами бабинской культуры (к вопросу о происхождении колесничества) // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск. – С. 130–165
154. *Васильев И.Б., 1975.* Остатки бронзового века в пещере братьев Греве // Краеведческие записки. Самарская Лука в древности. – Куйбышев. – Вып. III. – С. 84–92
155. *Васильев И.Б., 1979.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. – Куйбышев. – Т. 30. – С. 24–56
156. *Васильев И.Б., 1980.* Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // АВЛ. – Саратов. – С. 32–58
157. *Васильев И.Б., 1999.* Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневолжской археологической экспедиции. – Самара. – С. 66–114
158. *Васильев И.Б., 2003.* Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 107–115
159. *Васильев И.Б., 2004*. Погребение в «позе сидя» у с. Старо-Кабаново в Башкирии // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара. – С. 50–66
160. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1988.* Полтавкинские могильники у села Красносамарское в лесостепном Заволжье // Исследование памятников археологии Восточной Европы. – Воронеж. – С. 39–59

161. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 2000.* Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара. – С. 65–84
162. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1993*. Периодизация культур бронзового века Волго-Уральского региона // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. – СПб. – С. 66–68
163. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара. – 208 с.
164. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А., 2000.* Ямная и полтавкинская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара. – С. 6–65
165. *Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г., 1987.* Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Заволжье. Межвузовский сборник статей. – Куйбышев. – С. 40–54
166. *Васильев И.Б., Пряхин А.Д., 1979*. Бескурганный абашевский могльник у Никифоровского лестничества в Оренбуржье // СА. – М. – № 2. – С. 45–152
167. *Васильев И.Б., Синюк А.Т. 1985.* Энеолит восточно-европейской лесостепи. – Куйбышев. – 118 с.
168. *Васюткин С.М., 1987* Иджилские курганы // Археологические исследования Калмыкии. – Элиста. – С. 99–113
169. *Васюткин С.М., 1995*. Общие сведения об археологических памятниках Калмыкии // Материалы и исследования по археологии Кламыкии. – Элиста. – С. 3–19
170. *Виноградов В.Б., 1982.* Новое в изучении этнокультурного процесса в Восточной Чечне // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железного века. – Ереван. – С. 29–31
171. *Виноградов В.Б., Ерзункаева К.З., 2007.* Бельтинский могильник в системе древностей бронзового века Юго-восточной Чечни // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 230
172. *Виноградов В.Б. Хашегульгов Б.М., 1986*. Бельтинский могильник эпохи бронзы (вопросы хронологии) // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 6–24
173. *Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1988.* Бельтинский могильник эпохи бронзы (материалы раскопок 1978, 1980 гг.) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. – Орджоникидзе. – С. 78–98
174. *Виноградов Н.Б., 2003.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск. – 362 с.
175. *Виноградов Н.Б., 2004.* Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова. – М. – С. 261–284

176. *Виноградов Н.Б., 2006.* Синташтинский культурный комплекс и ранний этап истории алакульских культур Южного Урала и Северного Казахстана // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. – Уфа. – С. 47–52
177. *Виноградов Н.Б., 2007.* Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типов). – Автореф. дис. … докт. ист. наук. – М. – 47с.
178. *Виноградов Н.Б., 2011*. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). – Челябинск. – 175 с.
179. *Виноградов Н.Б., Берсенева Н.А., Алаева И.П., Алентьев Ю.М., Блинов И.А., Галибин В.А., Епимахов А.В., Илюшина В.В., Китов Е.П., Косинцев П.А., Рассомахин М.А., 2020.* Кулевчи VI – могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье. – Челябинск. – 556 с.
180. *Власкин М.В., 2002*. Исследование курганного могильника Мухин I в 1995, 1998 гг. // Аксайские древности. – Ростов-на-Дону. – С. 189–206
181. *Воронин К.В., Малышев В.Ю., 2006.* Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия // МОАИ. – М. – Т. 6. – 152 с.
182. *Вулпе А., 1961*. К вопросу о периодизации бронзового века в Молдове // Dacia. – Bucarest. – T. V. – С. 105–122
183. *Гаджиев А.Г., 1974.* Об антропологическом типе древнего населения Дагестана и Северного Кавказа // МАД. Древности Дагестана. – Махачкала. – Т. 5. – С. 50–63
184. *Гаджиев А.Г., 1975.* Древнее население Дагестана по данным краниологии. – М. – 128 с.
185. *Гаджиев М.Г., 1969*. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). – Махачкала. – 178 с.
186. *Гаджиев М.Г., 1974.* Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы // МАД. Древности Дагестана. – Махачкала. – Т. 5. – С. 11–28
187. *Гаджиев М.Г., 1983.* Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. – Махачкала. – С. 6–42
188. *Гаджиев М.Г., 1986.* О древней металлообработке в Дагестане // Studia praehistorica. – София. – Вып. 8. – С. 32–49
189. *Гаджиев М.Г., 1987.* Северо-восточный Кавказ в эпоху средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. – Тбилиси. – С. 69–73
190. *Гаджиев М.Г., 1987а.* Древние очаги металлообработки в Дагестане // КСИА. – М. – Вып. 192. – С. 6–13
191. *Гаджиев М.Г., 2000.* Северный Дагестан на стыке культур эпохи палеометалла Кавказа и Юго-восточной Европы // Кавказ и степной мир в древности и средние века. – Махачкала. – С. 64–72

192. *Гаджиев М.Г., Гаджиев Ш.М., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г., 1999.* Исследования Дагестанско-американской экспедиции в 1998 г. // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Археологическая конференция Кавказа II. – Махачкала. – С. 27–28
193. *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р., 1996.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. – Махачкала. – 450 с.
194. *Гаджиев М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г., Петерсон Д.Л., Хейнич М.Ф., 2007.* Изучение жилой архитектуры и других бытовых сооружений на поселении Великент II // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 616–617
195. *Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984*. Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. – Махачкала. – С. 7–27
196. *Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985.* Памятники гинчинской культуры у сел. Гагатль // Древние культуры Северо-восточного Кавказа. – Махачкала. – С. 81–99
197. *Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1990.* Великентские катакомбы // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 14–16
198. *Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф.Л., 2007.* О радиоуглеродных датах для памятников бронзового века Дагестана // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 556–557
199. *Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф.Л., 2007а.* Новые катакомбные могильники эпохи бронзы в окрестностях сел. Великент // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 557–558
200. *Гаджиев М.С., Кудрявцев А.А., 1999.* Новый памятник эпохи поздней бронзы Дагестана // Кавказ и Древний Восток. – Махачкала. – С. 148–159
201. *Гаджиев Ш.М., 1999.* Древнейшие катакомбы Северо-восточного Кавказа // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Археологическая конференция Кавказа II. – Махачкала. – С. 45–46
202. *Гаджиев Ш.М., 2000.* Катакомбы эпохи ранней бронзы в Дагестане // Кавказ и степной мир в древности и средние века. – Махачкала. – С. 239–246
203. *Гадзяцкая О.С., 1976*. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа // САИ. – М. – Вып. В1-21. – 136 с.
204. *Гак Е.И., 2000.* О металлообрабатывающем производстве катакомбных племен бассейна Северского Донца // Труды ГИМ. Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. – М. – Вып. 120. – С. 72–90
205. *Гак Е.И., 2002.* Металлические ножи катакомбной культуры Северо-западного Прикаспия // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М., Элиста. – С. 280–299

206. *Гак Е.И., 2002а.* Металлические ножи восточных регионов катакомбной культурно-исторической области (к вопросу о локальных особенностях производства) // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга I. – С. 121–125
207. *Гак Е.И., 2004.* К вопросу об эволюции топоров-тесел в металлопроизводстве культур катакомбной общности // Проблемы археологии Поволжья. – Волгоград. – С. 75–79
208. *Гак Е.И., 2004а.* О древнейших латунях Евразии // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. – М. – С. 47–49
209. *Гак Е.И., 2005.* Металлообрабатывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М. – 27 с.
210. *Гак Е.И., 2006.* К проблеме происхождения медно-цинковых сплавов в бронзовом веке Северного Кавказа и степного Предкавказья // Первая абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья. Материалы конференции. – Сухум. – С. 139–142
211. *Гак Е.И., 2007.* Общее и особенное в металлопроизводстве катакомбных культур Подонцовья, Нижнего Подонья и Предкавказья // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 7. – С. 95–103
212. *Гак Е.И., 2011*. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. – М. – 244 с.
213. *Гак Е.И., 2011а.* Индикаторы металлопроизводства катакомбных культур степенной зоны Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 69–87
214. *Гак Е.И., 2013*. Поселение Рыкань 3 в контексте памятников катакомбной общности восточноевропейской лесостепи // КСИА. – М. – Вып. 230 – С. 141–161
215. *Гак Е.И., 2019*. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н.э. в лесостепном Подонье. – М. – 172 с.
216. *Гак Е.И., 2022*. Преемственность и новации в металлокомплексах конца средней – начала поздней бронзы Юга Восточной Европы // НАВ. – Волгоград. – Т. 21. – № 2. – С. 54–81
217. *Гак Е.И., Ивашов М.В., Кайзер Э., 2017*. Поселение катакомбной культуры Ксизово-1 на Верхнем Дону: результаты и перспективы комплексных исследований // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. – С. 226–230
218. *Гак Е.И., Калмыков А.А., Мимоход Р.А., 2008.* Сурьмяные украшения в погребениях лолинской культуры юго-запада степного Ставрополья // Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного

Кавказа. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. – Владикавказ. – С. 119–123

219. *Гак Е.И., Мимоход Р.А., 2007.* Металлокомплекс памятников посткатакомбного горизонта Предкавказья // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. – Махачкала. – С. 89–96
220. *Гак Е.И., Мимоход Р.А., 2009.* Металл изделий посткатакомбных памятников степного Предкавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 66–68
221. *Гак Е.И., Мимоход Р.А., Калмыков А.А., 2012.* Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // АВ. – СПб. – Вып. 18. – С. 174–203
222. *Галкин Л.Л., 1975.* Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // СА. – М. – № 3. – С. 186–191
223. *Гамбашидзе О.С., Квижинадзе К.Д., Абрамишвили М.Р., 1985.* Отчет о работе Месхет-Джавахетской экспедиции // ПАИ в 1982 году. – Тбилиси. – С. 31–36
224. *Гарашанин М., 1973.* Праисторја на тлу ср Србјею – Београд.
225. *Гей А.Н., 1995.* Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в Степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. – М.-Армавир. – С. 4–14
226. *Гей А.Н., 1999*. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М. – С. 78–113
227. *Гей А.Н., 1999а*. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге европейской России // РА. –М. – № 1. – С. 34–50
228. *Гей А.Н., 2000.* Новотиторовская культура. – М. – 224 с.
229. *Гей А.Н., 2010*. Памятники эпохи бронзы Северо-западного Кавказа // Институт археологии: Новые полевые исследования. – М. – С. 25–27
230. *Гей А.Н., 2011.* Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 3–10
231. *Гей А.Н., Гольева А.А., Зазовская Э.П., Чичагова О.А., 2005.* Радиоуглеродное датирование почв на дольменных и поселенческих памятниках Абинского района // Четвертая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 61–65
232. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск. – Часть 1. – 408 с.
233. *Герасименко Н.П., 1997.* Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников) // АА. – Донецк. – № 6. – С. 3–64

234. *Герасимова М.М., Калмыков А.А., 2007.* Палеоантропологические исследования погребений лолинской культуры // ВА. – М. – Вып. 15. – Часть II. – С. 246–255
235. *Гершкович Я.П., 1979.* Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. – Донецк. – С. 59–60
236. *Гершкович Я.П., 1986.* Фигурные зооморфные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики // СА. – М. – № 2. – С. 132–145
237. *Гершкович Я.П., Разумов С.М., 2009.* «Аномальний» комплекс заключного періоду пізнього бронзового віку з Північного Причорномор'я // Взаємозв'ки культур эпохи бронзи і раннього заліза на теріторії Центральної та Східної Європи. – К.-Львів. – С. 132–139
238. *Глебов В.П., 2004.* Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // Труды АНИБ. – Ростов-на-Дону. – Т. I. – С. 57–186
239. *Глебов В.П., Гугуев Ю.К., 2019.* III курганный могильник у Аксайского поворота // Труды АНИБ. – Ростов-на-Дону. – Т. V. – С. 25–68
240. *Говедарица Б., 2013*. Культуры погребений восточноевропейской степи и культуры кубков Центральной и Западной Европы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки. – СПб. – С. 95–105
241. *Гогадзе Э.М., 1972.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. – Тбилиси. – 147 с. (на груз. языке)
242. *Голотвин А.Н., Пряхин А.Д., 2017.* Исследование кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. – Липецк. – С. 5–17
243. *Гольева А.А., 2000.* Взаимодействие человека и природной среды в Северо-западном Прикаспии в эпоху бронзы // Труды ГИМ. Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. – М. – Вып. 120. – С. 10–29
244. *Гольева А.А., Калмыков А.А., 2009.* Исследования микроскопических биогенных частиц и древесины из погребений эпохи бронзы Ипатовского кургана // МИИКНСК. – Ставрополь. – Вып. IX. – С. 147–176
245. *Гольева А.А., Кольцов П.М., Чичагова О.А., 2006.* Преобразование культурных слоев древних поселений аридной зоны процессами почвообразования (на примере памятников энеолита и бронзы Калмыкии) // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы, практика. Материалы научной конференции. – М. – С. 250-254
246. *Горащук И.В., Кузнецов П.Ф., 1999.* Каменные наконечники стрел могильников потаповского типа и стрелковое вооружение в тактике колесничего боя эпохи бронзы // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. – СПб. – С. 107–108

247. *Горбов В.Н., Усачук А.Н., 2001.* Раннесрубно-многоваликовый горизонт поселения Раздольное в Приазовье // АА. – Донецк. – № 10. – С. 155–196
248. *Горбов В.Н., Усачук А.Н., 2001а.* О контакте архаичной срубной и позднемноговаликовой культур на Приазовской возвышенности // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 213–220
249. *Горбунов В.С., 1976*. Классификация абашевских могильников Башкирии // Древности Южного Урала. – Уфа. – С. 18–34
250. *Горбунов В.С., 1986.* Абашевская культура Южного Приуралья. – Уфа. – 96 с.
251. *Горбунов В.С., 1989.* Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. – Куйбышев. – 134 с.
252. *Горбунов В.С., Горбунов Ю.В., 2010*. О некоторых проблемах культурогенеза населения Южного Урала в эпоху бронзы // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 21–31
253. *Городцов В.А., 1907.* Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда. – М. – Т. I. – С. 311–385
254. *Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В., 1986.* Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных могилах // СА. – М. – № 1. – С. 168–183
255. *Григорьев С.А., 1999.* Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. – Челябинск. – 444 с.
256. *Григорьев С.А., 2010.* Ближневосточные компоненты в формировании синташтинской культуры и ее хронология // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 32–48
257. *Григорьев С.А., 2018*. Проблема хронологии синташтинской культуры // Степная Евразия в эпоху бронзы. Культуры, идеи, технологии. Сборник научных трудов к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – С. 37–61
258. *Григорьев С.А., 2020*. Проблемы соотнесения европейской, евразийской и китайской хронологии бронзового века // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – № 1. – С. 63–81
259. *Григорьев С.А., 2020а*. Хронология синташтинских и ближневосточных колесниц // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – № 2. – С. 69–80
260. *Григорьев С.А., 2020б.* Хронология переходного периода от СБВ К ПБВ в Восточной Европе и Зауралье // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. – Самара. – С. 254–256

261. *Григорьев С.А., 2020в*. Миграционные процессы на Южном Урале при переходе к позднему бронзовому веку // УИВ. – Екатеринбург. – № 4 (69). – С. 24–31
262. *Григорьев С.А., 2022.* Хронология переходного периода от СБВ к ПБВ в Восточной Европе и в Зауралье // https://www.youtube.com/watch?v=ds4dK5L96FI&t=2307s. – мин. 00:37:51–00:42:46
263. *Григорьев С.А., 2022а*. Относительная хронология «колесничных» культур Северной Евразии // Степные миры в зеркале археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию ученого-археолога Марал Калымжановны Хабдулиной. – Нур-Султан. – С. 53–69
264. *Грищук О.М., 2019.* Жінки у бабинському соціумі // ДАЗ. – Вінниця. – № 20. – С. 44–53
265. *Грушин С.П., 2011*. К вопросу об использовании транспортных средств населением Алтая в эпоху ранней бронзы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.-М.-Великий Новгород. – Т. I. – С. 216–218
266. *Гуммель Я.И., 1940.* Археологические очерки. – Баку. – 166 с.
267. *Давудов О.М., 1985.* Поселение Ачису // Древние культуры Северо-восточного Кавказа. – Махачкала. – С. 101–124
268. *Давудов О.М., 2007.* Современное состояние и перспективы археологии в Дагестане // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. – Махачкала. – С. 35–40
269. *Давыденко В.В., Кузин-Лосев В.И., 2001.* Находки из разрушенного могильника эпохи бронзы у села Сидорово Донецкой области // Проблемы археологии и архитектуры. Том 1: «Археология». – Донецк-Макеевка. – С. 64–65
270. *Дворниченко В.В., Лопан О.В., Мимоход Р.А., 2006.* Курганный могильник Песковка I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград. – Вып. 3. – С. 6–20
271. *Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 году // Древности Астраханского края. – М. – С. 3–77, 84–194
272. *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989.* Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских царей и древние города Поволжья. – М. – С. 14–132
273. *Дегтярева А.Д., 2006.* К проблеме возникновения синташтинского металлопроизводства // III Городцовские чтения. Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. – Оренбург. – С. 30–34
274. *Дегтярева А.Д., 2007.* Металлические орудия синташтинской культуры // ВААЭ. – Тюмень. – № 7. – С. 49–75

275. *Дегтярева А.Д., 2008.* Основные черты синташтинского металлопроизводства // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М. – Т. I. – С. 299–301
276. *Дегтярева А.Д., 2009.* Химико-металлургические группы синташтинской культуры // ВААЭ. – Тюмень. – № 11. – С. 29–41
277. *Дегтярева А.Д., 2010*. Морфология и технология изготовления украшений синтиштинской культуры // ВААЭ. – Тюмень. – №1 (12). – С. 59–70
278. *Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., 2003.* Результаты аналитического исследования металла могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск. – С. 285–309
279. *Дегтярева В.А., Кузьминых С.В., 2022*. Металл абашевской культуры Среднего Подонья // АЕС. – Казань. – № 2. – С. 151–167
280. *Демченко Т., 2009.* Памятники типа Коржеуць в контексте истории Центральной и Восточной Европы раннего бронзового века // Turagetia. Arheologie, Istorie, Antică. – Chişinău. – Vol. III [XVIII]. – С. 9–30
281. *Денисова А.А., 2005*. К проблеме взаимосвязей культур эпохи бронзы на территории Донецкого региона // На пошану Софії Станіславівни Березанської. – К. – С. 181–189
282. *Дервиз П.Г., 1989.* Группа погребений финального этапа среднебронзового века курганов Ставропольской возвышенности // Древности Ставрополья. – М. – С.257-269
283. *Дервиз П.Г., 1990*. О редкой разновидности погребальной обрядности памятников позднекатакомбного времени Ставропольской возвышенности // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Ставрополь. – С. 45–48
284. *Дергачев В.А., 1973*. Памятник эпохи бронзы // Археологическая карта Молдавской ССР. – Кишинев. – Вып. 3. – 128 с.
285. *Дергачева М.И., Васильева Д.И., 2006.* Палеопочвы, культурные горизонты и природные условия их формирования в эпоху бронзы в степной полосе Самарского Заволжья // ВАП. – Самара. – Вып. 6. – С. 464–476
286. *Державин В.Л. 1989.* Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополья. – М. – С. 125–194
287. *Державин В.Л., 1991.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. – М. – 186 с.
288. *Державин В.Л., 2010.* Периодизация памятников ранней и средней бронзы степного Ставрополья (по материалам раскопок 70–80-х гг.) // Индоевропейская история в свете новых открытий. – М. – С. 381–388
289. *Дёмкин В.А. 1997*. Палеопочвоведение и археология. – Пущино. – 213 с.
290. *Дёмкин В.А., 1999.* Палеоэкологические кризисы и оптимумы в евразийских степях в древности и средневековье // Комплексные общества

Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск-Аркаим. – С. 304–305

291. *Дёмкин В.А., Алексеева Т.В., Дёмкина Т.С., Алексеев А.О., 2001.* Палеопочвенные исследования загадочного памятника древней истории в излучине Дона // Почвоведение. – М. – № 5. – С. 533–543
292. *Дёмкин В.А., Борисов А.В., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Алексеев А.О., 2006.* Проблемы естественнонаучного изучения археологических памятников южнорусских степей // Археологическое изучение Центральной России. – Липецк. – С. 379–383
293. *Дёмкин В.А., Борисов А.В., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Пампура Т.В., 2009.* Эволюция почв и динамика климата степей Нижнего Поволжья в IV-II тыс. до н.э. // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург. – С. 175–184
294. *Дёмкин В.А., Борисов А.В., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В., 2010.* Волго-донские степи в древности и средневековье. – Пущино. – 120 с.
295. *Дёмкин В.А., Борисов А.В., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., 2010.* Динамика увдажненности климата в степях Нижнего Поволжья эпохи бронзы, раннего железа и среднвековья // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань. – С. 65–71
296. *Дёмкин В.А., Борисов А.В., Удальцов С.Н., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Саламахин А.Ю., 2010.* Палеоэкологические условия Волго-Донских степей в эпоху энеолита и бронзы (IV-II тыс. до н.э.) // Индоевропейская история в свете новых открытий. – М. – С. 326–342
297. *Дёмкин В.А., Дергачева М.И., Борисов А.В., Рысков Я.Г., Олейник С.А., 1998.* Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // Почвоведение. – М. – № 2. – С. 148–157
298. *Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Борисов А.В., 2001.* Природная периодизация бронзового века Нижнего Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 368–371
299. *Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Борисова М.А., Шишлина Н.И., 2002.* Палеопочвы и природная среда Южных Ергеней в конце IV–III тыс. до н.э. // Почвоведение. – М. – 2002. – № 6. – С. 343–352
300. *Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., 2009.* Проблемы палеопочвоведческих исследований курганов степей юга России // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 94–98

301. *Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Журавлев А.Н., 2008.* Палеоэкология степей Восточной Европы в эпохи бронзы, раннего железа и средневековья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М. – Т. III. – С. 344–345
302. *Демкин В.А., Ельцов М.В., Якимов А.С., Борисов А.В., Дёмкина Т.С., 2006.* Природные условия в верховьях реки Медведицы в эпохи бронзы и средневековья (по материалам палепочвоведческих исследований курганного могильника Линево в Волгоградской области) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград. – Вып. 3. – С. 351–359
303. *Дёмкина Т.С., Борисов А.В., Дёмкин В.А., 2003.* Палеопочвы и природная среда Северных Ергеней в эпоху энеолита и бронзы (IV-II тыс. до н.э.) // Почвоведение. – М. – № 6. – С. 655–669
304. *Дёмкин В.А., Сергацков И.В., Дёмкина Т.С., Борисов А.В., 2004.* Динамика природных условий и древнее население восточноевропейских степей с эпохи бронзы до средневековья // Известия Академии Наук. Серия географическая. – М. – № 3. – С. 41–47
305. *Дёмкин В.А., Соловьева У.И., Дёмкина Т.С., Борисов А.В., 2006.* Палеоэкология восточноевропейской степи в эпохи энеолита и бронзы // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург. – С. 37–41
306. *Джапаридзе О.М., 1955.* Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии // КСИИМК. – М. – Вып. 60. – С. 23–30
307. *Джапаридзе О.М., 1964.* Археологические раскопки в Триалети в 1959-1962 гг. // СА. – М. – № 2. – С. 102–121
308. *Джапаридзе О.М., 1969.* Археологические раскопки в Триалети. К истории грузинских племен во II тысячелетии до н.э. – Тбилиси. – 296 с.
309. *Джапаридзе О.М., 1994*. Триалетская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С.75-92
310. *Джапаридзе О.М., 2009*. О древнейшей истории Шида Картли. – Тбилиси. – 280 с. (на груз. яз.)
311. *Джапаридзе О.М., Авалишвили Г.Б., Церетели А.Т., 1984.* Памятники Месхети эпохи средней бронзы. – Тбилиси. – 163 с.
312. *Дмитриев П.А., Сальников К.В., 1941.* Гор. Уфа – ст. Ишимбаево // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. – М.-Л. – С. 131–145
313. *Добровольская М.В., Медникова М.Б., 2011*. «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // АЭАЕ. – Новосибирск. – № 2 (46). – С. 143–156
314. *Добровольский А.В., 1957.* Поселение бронзового века Бабино III // КСИА АН УССР. – К. – С. 40–45
315. *Дрёмов И.И., 1996.* Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов. – С. 98–106

316. *Дрёмов И.И., 1997.* О планиграфии и стратиграфии погребений конца средней – начала поздней бронзы Степного Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). – Саратов. – С. 62–69
317. *Дрёмов И.И., 2011.* Погребальные памятники конца средней – начала поздней бронзы в степном Поволжье. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ижевск. – 26 с.
318. *Дрёмов И.И., 2012.* Конец средней – начало поздней бронзы в степном Поволжье. – Saarbrücken. – 252 с.
319. *Дрёмов И.И., 2015*. Проблема выделения и интерпретации погребений рубежа средней и поздней бронзы степного Поволжья // АВЕС. – Саратов. – Вып. 11. – С. 5–22
320. *Дрёмов И.И, Семенова И.В., 1999.* Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. – Саратов. – Вып. 3. – С. 55–63
321. *Дрёмов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В., 2005*. Широкий Карамыш, курган 4 // АНСК. – Саратов. – Вып. 6. – С. 20–35
322. *Дубовская О.Р., 1985*. Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-восточного Приазовья // Археология и краеведение – школе. Тез. обл. семинара. – Донецк. – С. 19–21
323. *Дьяченко А.Н., 1997.* Памятники катакомбной культуры на Медведице // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Сборник научных статей. – Волгоград. – Вып. 2. – С. 4–59
324. *Дьяченко А.Н., 2022.* Нестандартные погребения ранней бронзы Есауловского Аксая. Некоторые вопросы культурогенеза // НАВ. – Волгоград. – Т. 21. № 1. – С. 255–266
325. *Дяченко В.Д., Круц С.И., Сегеда С.П., 1980.* Плановая тема «Палеоантропологическая характеристика населения Украины энеолита – бронзы и средневековья» // НА ІА НАНУ. – № 32
326. *Дяченко В.Д., Круц С.И., Сегеда С.П., Данилова Е.И., 1983.* Плановая тема «Антропологическая характеристика древнего населения территории УССР» // НА ІА НАНУ. – № 77
327. *Евгеньев А.А., 2005*. История развития археологии Оренбуржья в дореволюционный период // АПО. – Оренбург. – Вып. VII. – С. 126–130
328. *Евгеньев А.А., 2011*. История картографирования и охраны археологического наследия Оренбургского Приуралья в XIX–XX веках // АПО. – Оренбург. – Вып. 9. – С. 5–11
329. *Евгеньев А.А., 2014*. История изучения памятников ямной культуры Оренбургского Приуралья // АПО. – Оренбург. – Вып. 11. – С. 170–176
330. *Евгеньев А.А., 2017.* 40 лет Оренбургской археологической экспедиции: основные направления и достижения деятельности // АПО. – Оренбург. – Вып. 13. – С. 4–26

331. *Евгеньев А.А., 2019*. История изучения археологии Южного Приуралья. – Оренбург. – 88 с.
332. *Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А., 2016*. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. – Оренбург. – 196 с.
333. *Евдокимов Г.Л., 1991*. Погребения эпохи ранней и средней бронзы Астаховского могильника // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К. – С. 187–213
334. *Евтюхова О.Н., 1961*. К истории изучения абашевской культуры // МИА. – М. – № 97. – С. 5–14
335. *Евтюхова О.Н, 1961а*. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // МИА. М. – № 97. – С. 27–42
336. *Евтюхова О.Н., 1964*. Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье // Памятники каменного и бронзового веков Евразии М. – С. 110–120
337. *Евтюхова О.Н., 1965*. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья // Новое в советской археологии. – М. – С. 137–142
338. *Егорьков А.Н., 2018*. Результаты оптико-эмиссионной спектрографии металла заклепки из погребения 19 одиночного кургана Ясиновский III // Мимоход Р.А. Стратифицированные курганы бронзового века на правобережье Северского Донца // МСАИ. – М. – Т. 23. – С. 55
339. *Егорьков А.Н., Гак Е.И., Шишлина Н.И., 2004*. Могильник Ергени в Калмыкии: латунь в бронзовом века // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. – М. – С. 77–78
340. *Елисеев В.Ф., Клюшенцев В.Н., 1982*. Погребения с костяными пряжками в междуречье Ингульца и Тилигула // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К. – С. 71–80
341. *Ельцов М.В., Словьева У.И., Борисов А.В., Дёмкин В.А., 2006*. Палеопочвы и природные условия подзоны темно-каштановых почв Приволжской возвышенности во II тысячелетии до н.э. (по материалам палеопочвенного исследования курганного могильника Неткачево) // Материалы по археологии волго-донских степей. – Волгоград. – Вып. 3. – С. 364-375
342. *Епимахов А.В., 1996*. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея – заповедника Аркаим. – Челябинск. – С. 22–42
343. *Епимахов А.В., 1997*. Проблемы хронологии синташтинских памятников // Проблемы истории, филологии, культуры. Часть 1. История. – М.-Магнитогорск. – С. 14–20

344. *Епимахов А.В., 2002.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск. – 170 с.
345. *Епимахов А.В., 2004.* Периодизация памятников эпохи бронзы Урала в свете радиокарбонных датировок // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тез. докл. – Волгоград. – С. 90-95
346. *Епимахов А.В., 2005.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Книга 1. – Челябинск. – 192 с.
347. *Епимахов А.В., 2006.* О факторах культурогенеза населения Южного Урала эпохи бронзы // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск. – С. 25–29
348. *Епимахов А.В., 2007.* Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиокарбонных датировок // Проблемы истории, филологии и культуры. – М.-Магнитогорск-Новосибирск. – Вып. XVII. – С. 402–421
349. *Епимахов А.В., 2008.* «Горизонт колесничных культур» бронзового века: оценка эвристических возможностей // Известия Челябинского научного центра. – Челябинск. – Вып. 1 (39). – С. 92–96
350. *Епимахов А.В., 2010.* Синташтинская радиокарбонная хронология // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 49–51
351. *Епимахов А.В., 2010.* Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты). – Автореф. дис. … докт. ист. наук. – Екатеринбург. – 55 с.
352. *Епимахов А.В., 2013*. Результаты радиокарбонного датирования материалов поселения Устье // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. – Челябинск. – с. 388–392
353. *Епимахов А.В., 2014*. Динамика коммуникаций бронзового века Урала // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии. – Алматы. – С. 125–205
354. *Епимахов А.В., 2016*. К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей // ВААЭ. – Тюмень – № 3 (34). – С. 60–67
355. *Епимахов А.В., 2020*. Укрепленное поселение Каменный Амбар. Хронология Культурных традиций по материалам исследования Колодцев // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. – Самара. – С. 261–262
356. *Епимахов А.В., 2020а*. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения ситнаштинских традиций бронзового века // УИВ. – Екатеринбург. – С. 51–60
357. *Епимахов А.В., 2022*. Новые данные о радиоуглеродной хронологии поздней бронзы Южного Урала // https://www.youtube.com/watch?v=ds4dK5L96FI&t=2242s

358. *Епимахов А.В., Семьян И.А., 2016*. Наконечники стрел поселения Каменный Амбар и некоторые замечания о войне в синташтинском обществе // УИВ. – Екатеринбург. – № 4 (53). – С. 77–85
359. *Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К., 2005.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – М. – № 4. – С. 92–102
360. *Ерзункаева К.З., 2007.* Металлические украшения Бельтинского могильника эпохи бронзы // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – Вып. VIII. – М. – С. 250
361. *Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1961.* Абашевская культура в Поволжье // МИА. – М. – № 97. – С. 57–110
362. *Желудков А.С., Смольянинов Р.В., Свиридов А.А., 2018*. Грунтовый могильник эпохи бронзы Васильевский Кордон 1 на Верхнем Дону // Тверской археологический сборник. – Тверь. – Вып. 11. – С. 578–594
363. *Жемков А.И., Ким М.Г., Кочерженко О.В., Слонов В.Н., 2016.* Курганная группа у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области // АВЕС. – Саратов. – Вып. 12. – С. 202–223
364. *Жемков А.И., Ким М.Г., Кочерженко О.В., Слонов В.Н., 2017.* Исследование кургана 5 у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области // АВЕС. – Саратов. – Вып. 13. – С. 154–163
365. *Жемков А.И., Лопатин В.А., 2007.* Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // АВЕС. – Саратов. – Вып. 5. – С. 93–118
366. *Жемков А.И., Лопатин В.А., 2008*. Курганный могильник у с. Светлое Озеро // АВЕС. – Саратов. – Вып. 6. – С. 157–193
367. *Жеребина Т., 2009.* Сибирский шаманизм: этнокультурный атлас. – СПб. – 622 с.
368. *Жоржикашвили Л.Г., Гогадзе Э.М., 1974.* Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы (раскопки 1936–1940, 1947–1948 гг.). – Тбилиси. – 124 с.
369. *Жеребилов С.Е., Беспалый Е.И., 1997*. Некоторые особенности обсидианового импорта Южной России в эпоху камня – бронзы // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), г. Энгельс, Саратовская обл., 12–17 мая 1997 г. – Саратов. – С. 23–25
370. *Зайцева Г.И., Трифонов В.А., Богомолов Е.С., Лохова О.В., Ришко С.А., 2015.* Радиоактивные и стабильные изотопы в археологических исследования культуры дольменов Северо-западного Кавказа // Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья. Материалы Российско-германского коллоквиума. – СПб. – С. 45–52
371. *Захариков А.П., 2011.* Некоторые реузльтаты раскопок поселения «Сухой Лог I» в Обливском районе Ростовской области в 2007 году // АЗ. – Ростов-на-Дону. – Вып. 7. – С. 53–58

372. *Захариков А.П., Матюхина Ю.А., 2007.* Курганный могильник «Большие Копены-2» // АВЕС. – Саратов. – Вып. 4 – С. 161–182
373. *Збруева А.В., Смирнов А.П., 1939.* Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла 1938-1939 гг. // ВДИ. – М. – № 4. – С. 192–200
374. *Зданович Г.Б., 1995.* Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. – Челябинск. – С. 21–53
375. *Зданович Г.Б., 1997.* Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. – М. – № 2. – С. 47–62
376. *Зданович Г.Б., 2002.* Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы. – Автореф. дис. … докт. ист. наук. – Челябинск – 55 с.
377. *Зданович Г.Б., Батанина И.М., 2007.* Аркаим – «страна городов»: Пространство и образы. – Челябинск. – 260 с.
378. *Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995.* Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. – Челябинск. – Ч. 5. – Кн. 1. – С. 48–62
379. *Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 2005.* Проблема освоения евразийских степей в бронзовом веке и «Страна городов» Южного Зауралья // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). – Екатеринбург. – С. 110–128
380. *Зданович Д.Г., 2002.* Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). – Челябинск. – Книга 1. – С. 17–106
381. *Зеленеев Ю.А., Юдин А.И., 2010*. Курган у села Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005-2006 гг.). – Саратов. – С. 134–155
382. *Зудина В.Н., Судариков О.В., 2007.* Некоторые аспекты изучения бус в срубной культуре волго-уральского региона // АПО. – Оренбург. – Вып. VIII. – С. 57–66
383. *Иванов А.Ю., Скарбовенко В.А., 1993.* Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. – Самара. – С. 78–128
384. *Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. – М. – 264 с.
385. *Иванов И.В., Плеханова Л.Н., Чичагова О.А., Чернянский С.С., Манахов Д.В., 2001*. Палеопочвы Аркаимской долины и бассейна р. Самары – индикатор экологических условий в эпоху бронзы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию

периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 375–384

386. *Иванова Д.А., Табарев А.В., 2018*. Погребения в заброшенных жилищах: специфика риутальной практики в период среднего Дзёмона, Центральная Япония // Мужской и женский мир в отражении археологии. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. – Уфа. – С. 3–8
387. *Иванова С.В., 1990.* Об утилитарно-магических функциях одной из категорий инвентаря ямной культуры // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. – Луганск. – С. 66–67
388. *Иванова С.В., 2015.* Мегалитические традиции Северного Причерноморья // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики. – Зимовники. – С. 26–53
389. *Иванова С.В., Ветчинникова Н.Е., 2009.* Курган эпохи палеометалла на берегу Аджылакского лимана в Одесской области // ССПК. – Запоріжжя. – XV. – С. 43–47
390. *Иванова С.В., Островерхов А.С., Савельев О.К., Остапенко П.В., 2012.* Очерки истории и археологии Днестро-Бугского междуречья. – К., 2012. – 300 с.
391. *Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е., 2005.* Курганы древних скотоводов междуречья Буга и Днестра. – Одесса. – 207 с.
392. *Іванова С.В., Савельєв О.К., 2011*. Курган біля с. Сичавка Одеської області // Археологія. – К. – № 3. – С. 70–82
393. *Ивашов М.В., 2003.* Поселение воронежской культуры на городище в урочище «Курган» на Верхнем Дону // Проблемы древней и средневековой истории окского бассейна. – Рязань – С. 88–97
394. *Ивашов М.В., 2015*. Памятники катакомбного времени на Верхнем Дону. Рукопись дис. … канд. ист. наук // **www.science.vsu.ru/dissertations/1321/Диссертация_Ивашов_M.B.pdf**
395. *Ивашов М.В., Гак Е.И., 2019*. Микрорегион катакомбных памятников у с. Ксизово на Верхнем Дону // КСИА. – М. – № 256. – С. 108–117
396. *Игнатова М.Е., Лопатин В.А., 2005.* Пиктограмма с хтонической мифологемой на керамическом сосуде из Смеловки // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов. – С. 66–70
397. *Иерусалимская А.А., 1958*. О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. – М. – № 2. – С. 34–48
398. *Ильюков Л. С., 1979*. Курган бронзового века на Миусском полуострове // СА. – М. – № 1. – С. 132–144
399. *Ильюков Л.С., 1983*. Курган у села Новолакедемоновка // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону. – С. 34–40
400. *Ильюков Л.С., 1986*. Погребения литейщиков эпохи средней бронзы из Северо-восточного Приазовья // СА. – М. – № 2. – С. 226–231

401. *Ильюков Л.С., 1991*. Бронзовый наконечник дротика из Ростова-на-Дону // ИАИАНД в 1990 г. – Азов. – Вып. 10. – С. 34–36
402. *Ильюков Л.С., 2001.* Редкий тип пояса с перламутровыми дисками из погребений бронзового века // ИАИАНД в 1999–2000 гг. – Азов. – Вып. 17. – С. 241–250
403. *Ильюков Л.С., 2002*. Крепость бронзового века в низовьях Дона // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга I. – С. 152–153
404. *Ильюков Л.С., 2007.* Ливенцовско-Каратаевская крепость среднего бронзового века // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – Вып. VIII. – М. – С. 621
405. *Ильюков Л.С., 2012*. Кто штурмовал Ливенцовско-Каратаевскую крепость? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга 2. – С. 122–125
406. *Ильюков Л.С. 2013*. Кто осаждал Ливенцовско-Каратаевскую крепость в низовьях Дона? // КСИА. – М. – Вып. 231. – С. 21–28
407. *Ильюков Л.С., 2014*. Новый тип бабинских пряжек: костяная застежка в виде бусины // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. – 2(2). – С. 54–58
408. *Ильюков Л.С., 2016*. Курган 1 могильника Чикмари II // ИАИАНД. – Азов. – С. 267–278
409. *Ильюков Л.С., 2020.* Костяные пряжки типа Ипатово-Типки (лолинская культура) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. – Махачкала. – С. 112–114
410. *Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1980.* Миусские курганы // АО 1979 г. – М. – С. 108
411. *Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988.* Курганы Миусского полуострова. – Ростов-на-Дону. – 168 с.
412. *Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г., 2010.* Костяные пряжки эпохи средней бронзы из Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра. – Махачкала. – № 39. – С. 47–53
413. *Ильюков Л.С., Мячин С.В., 2015*. Погребения лолинской культуры Невинномыского I могильника // АНСК. – Саратов. – Вып. 13. – С. 77–90
414. *Ильюков Л.С., Ромащенко Н.И., Шеф А.В., 2001*. Исследования Каратевской крепости в 2001 году // ИАИАНД. – Азов. – Вып. 18. – С. 100–102
415. *Й ванн дер Плихт, Шишлина Н.И., Зазовская Э.П., 2016.* Радиоуглеродное датирование: Хронология археологических культур и резервуарный эффект // Труды ГИМ. – М. – Вып. 203. – 112 с.

416. *Каверзнева Е.Д., 1992.* Шагарский могильник конца III – начала II тысячелетия до н.э. в Центральной Мещере // РА. – М. – № 3. – С. 147–159
417. *Каверзнева Е.Д., 2003.* Погребения с костяными поясными пряжками из Шагарского могильника // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. – М. – Часть I. – С. 144–147
418. *Каверзнева Е.Д., Бобров А.А., Борисов А.В., 2006.* Погребальный обряд Шагарского могильника и реконструкция заупокойной пищи // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские научные чтения. – 2005 // Труды ГИМ. – М. – Вып. 158. – С. 217–227
419. *Казарницкий А.А., 2010*. Краниология населения лолинской культуры // ВААЭ. – Тюмень. – № 1 (12). – С. 132–140
420. *Казарницкий А.А., 2011*. Палеоантропология эпохи бронзы степной полосы юга Восточной Европы. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб. – 24 с.
421. *Казарницкий А.А., 2011а.* Население эпохи бронзы в степях Северо-западного Прикаспия // Записки ИИМК РАН. – СПб. – № 6. – С. 133–142
422. *Казарницкий А.А., 2012*. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). – СПб. – 264 с.
423. *Казарницкий А.А., 2012а*. Векторы миграций степного населения Восточной Европы в эпохи средней и поздней бронзы (по палеоантропологическим данным) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга 2. – С. 126–132
424. *Казарницкий А.А., 2013*. Краниология населения бабинской культуры // ВААЭ. – Тюмень. – № 2 (21). – С.70–78
425. *Казарницкий А.А., 2020*. Миграции посткатакомбного населения: возможности реконструкции по краниологическим данным // SP. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2. – С. 275–289
426. *Казарницкий А.А., 2021*. Соотношение местного и пришлого населения восточноевропейских степей в эпоху бронзы (по краниологическим материалам) // АЭАЕ. – Новосибирск. – Т. 49. – № 3. – С. 127–135
427. *Кайзер Э., 2009*. Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья // Tyragetia. – Chisinau. – Vol. III (XVIII). – Nr. 1. – С. 59–70
428. *Кайзер Э., 2011*. Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 15–27
429. *Калиева С.С., Логвин В.Н., 2008.* Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВААЭ. – Тюмень. – № 9. – С.32–58

430. *Калинин Н.Ф., 1952.* Экспедиции по западным районам Татарской АССР (из материалов Куйбышевской экспедиции) // КСИИМК. – М. – Вып. XLIV. – С. 52–66
431. *Калмыков А.А., 2005.* Роговые фигурные пряжки Егорлык-Калаусского междуречья // Проблеми дослідження пам′яток археології Східної України. – Луганськ. – С. 78–82
432. *Калмыков А.А., 2007.* Находки серы и сульфидов в погребениях эпохи бронзы на территории Егорлык-Калаусского междуречья // Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. – М. – С. 129–130
433. *Калмыков А.А., Березина Н.Я., Гресли Ю., Добровольская М.В., Бужилова А.П., 2018.* Погребение мастера-литейщика лолинской культуры на Ставрополье // КСИА. – М. – Вып. 251. – С. 64–79
434. *Калмыков А.А., Матюхин А.Д., 2007.* Роговая пряжка из курганного могильника Кевюды-1 // МИИКНСК. – М. – Вып. VII. – С. 75–84
435. *Калмыков А.А., Мимоход Р.А., 2005.* Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лолинской культуры // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 4. – С. 201–234
436. *Калмыков А.А., Мимоход Р.А., 2006.* О южных рубежах лолинской культуры // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. – Нальчик. – С. 89–91
437. *Калмыков А.А., Потапов В.В., 2004.* Погребение из могильника Золоторевка I и некоторые вопросы генезиса черногоровской культуры // ССПК. – Запоріжжя. – XI. – С. 103–109
438. *Каминская И.В., Шарафутдинова Э.С., 1993.* Новый памятник эпохи бронзы на Северо-западном Кавказе // Вторая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 45–47
439. *Каминская И.В., Шарафутдинова Э.С., 1999.* Жилой комплекс Гамовская Балка – новый памятник эпохи средней бронзы на Северо-западном Кавказе // АВ. – СПб. – № 6. – С. 86–100
440. *Каминский В.Н., Каминская И.В. 1995.* Об одной группе поселений эпохи бронзы в бассейне реки Большой Лабы // Историко-археологиечский альманах. – М.-Армавир. – С. 15–24
441. *Канивец В.И., 1959.* Миатли – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. – Махачкала. – Т. 1. – С. 31–59
442. *Канивец В.И., Березанская С.С., 1959.* Курганы бронзового века на Сулаке // МАД. – Махачкала. – Т. 1. – С. 60–85
443. *Карагодин М.И., 1977*. Новые находки бронзового века в Шелаево (р. Оскол) // СА. – М. – № 2. – С. 229–232
444. *Каргалы, 2002.* Каргалы, т. II: Горный – поселение поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. – М. – 184 с.

445. *Каргин Ю.А., 2009*. Полевые археологические исследования НИАЛ СГУ (1978–1995 гг.) // АВЕС. – Саратов. – Вып. 7. – С. 273–308
446. *Каргин Ю.А., Козорезов А.А., Зубарева Е.Г., 2019*. Курган эпохи средней бронзы у х. Ханьков в дельте Кубани (по материалам охранных раскопок 2013 г.) // АВЕС. – Саратов. – Вып. 15. – С. 105–138
447. *Кахиани К.К., Глигвашвили Э.В., Шеразадишвили Б.И., Цквитинидзе З.Р., 1997.* Полевые работы экспедиции Машаверского ущелья // ПАИ в 1988 году. – Тбилиси. – С. 57–61
448. *Качалова Н.К., 1974.* Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы // САИ. – М. – Вып. В4-12. – 56 с.
449. *Качалова Н.К., 1976*. Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). – Куйбышев. – С. 58–60
450. *Качалова Н.К., 1978*. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. – М. – № 3. – С. 69–79
451. *Качалова Н.К., 1989.* О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) // СА. – М. – № 1. – С. 33–47
452. *Качалова Н.К., 1996.* Нурские памятники в системе древностей степей Евразии конца бронзового – начала раннежелезного века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград. – С. 52–56
453. *Качалова Н.К., 2000.* Полтавкинская проблема и «катакомбная эйфория» // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. – СПб. – С. 206–223
454. *Кекеев Э.А., 2018*. Археологические памятники Калмыкии, исследованные И.В. Синицыным и У.Э. Эрдниевым в 1961–1970 гг.: историографический обзор // Oriental Studies. – Элиста. – Т. 40. – № 6. – С. 73–85
455. *Килейников В.В., 2004.* Каменные навершия булав бронзового века лесостепного Подонья // Археологические памятники бассейна Дона. – Воронеж. – С. 131–145
456. *Килейников В.В., 2009.* Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // АВЛ. – Воронеж. – С. 96–113
457. *Ким М.Г., Кригер В.А., Малов Н.М., 1993.* Новые погребения начального этапа эпохи поздней бронзы степной зоны Южного Приуралья // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. – Саратов. – С. 152–161
458. *Кирюшин Ю.Ф., 2002*. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул. – 294 с.
459. *Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003*. Погребальный обряд эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грутнового могильника Телеутский Взвоз I). – Барнаул. – 331 с.

460. *Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2010*. Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. – СПб. – С. 552–566
461. *Киселев А.О., 1997*. Разрушенное погребение у х. Ревы // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Тез. доп. – К. – С. 93–94
462. *Кияшко А.В., 1999.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. – Волгоград. – 182 с.
463. *Кияшко А.В., 2000.* Динамика культурных извенений на территории восточноевропейских степей в эпоху бронзы // НАВ. – Волгоград. – Вып. 3. – С. 58–63
464. *Кияшко А.В., 2001.* Основные структуры погребального обряда эпохи средней бронзы степного Предкавказья // ИАИАНД в 1999-2000 гг. – Азов. – Вып. 17. – С .257–274
465. *Кияшко А.В., 2002*. Культурогенез на востоке катакомбного мира. – Волгоград. – 268 с.
466. *Кияшко А.В., 2002а.* Бытовые памятники эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и некоторые направления их исследования // Вопросы краеведения. Материалы XI и XII краеведческих чтений. – Волгоград. – Вып. 7. – С. 52–54
467. *Кияшко А.В., 2002б.* К вопросу об истоках и этапах катакомбного культурогенеза // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга I. – С. 155–157
468. *Кияшко А.В., 2003*. Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах Волго-Донского междуречья // НАВ. – Волгоград. – Вып. 6. – С. 26–36
469. *Кияшко А.В., 2021*. Ливенцовский археологический комплекс эпохи палеосеталла – уникальный объект культурного наследия Северо-воточного Приазовья // XVI Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья». – Ростов-на-Дону-Таганрог. – С. 51–55
470. *Кияшко А.В., 2022*. О процессах культурогенеза посткатакомбного времени в Азово-Черноморском регионе // VII Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья», посвященная 85-летней годовщине выдающегося археолога, профессора ЮФУ Владимира Яковлевича Кияшко. – Ростов-на-Дону. – С. 33–41
471. *Кияшко А.В., 2022а*. К вопросу о культурно-хронологической позиции поселения бронзового века Гамовская балка на р. Уруп // VII Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного

Средиземноморья», посвященная 85-летней годовщине выдающегося археолога, профессора ЮФУ Владимира Яковлевича Кияшко. – Ростов-на-Дону. – С. 26–28

472. *Кияшко А.В., Ларенок О.П., 2019.* Комплексы днепро-донской бабинской культуры в кургане 1 могильника Веселый I на Нижнем Дону // Археология и история Древнего Мира. – Ростов-на-Дону-Таганрог. – Вып. VI. – С. 3–7
473. *Кияшко А.В., Ларенок О.П., 2020.* Курганные погребения среднего бронзового века на правом берегу р. Ея в Восточном Приазовье // Записки ИИМК РАН. – СПб. – № 23. – С. 52–59
474. *Кияшко А.В., Ларенок О.П., 2020а.* Поселение финала средней бронзы Балка Хреева III на Таманском полуострове // XV Всероссийская археолоическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции. – Ростов-на-Дону. – С. 97–105
475. *Кияшко А.В., Малов Н.М., Дьяченко А.Н., 2002*. Новые данные по эпохе средней бронзы степного Заволжья // НАВ. – Волгоград. – Вып. 5. – С. 180–193
476. *Кияшко А.В., Хабарова Н.В., 2007.* Энеолит и культуры бронзового века волго-донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. – Волгоград. – 120 с.
477. *Кияшко В.Я., Яценко В.В., 2001.* Погребение с набором инструментов эпохи средней бронзы // ИАИАНД в 1999–2000 гг. – Азов. – С. 274–286
478. *Классификации…, 1990.* Классификации в археологии. Терминологический словарь-справочник. – М. – 156 с.
479. *Клещенко А.А., 2007.* Погребальные памятники эпохи средней бронзы Закубанья // РА. – М. – № 4. – С. 135–142
480. *Клещенко А.А., 2013.* Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. – М. – Вып. 228. – С. 171–190
481. *Клещенко А.А., 2018*. Каменные втульчатые топоры эпохи средней бронзы Предкавказья: классификация и хронология // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века. – М. – С. 154–252
482. *Клещенко А.А., 2018а.* Кремневые выемчатые наконечники стрел эпохи средней бронзы Предкавказья // XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Карачаевск. – С. 89–92
483. *Клименко В.Ф., 1997.* Курганные древности Северского Донца. – Енакиево. – 320 с.
484. *Клименко В.Ф., 1998.* Курганы юга Донетчины. – Енакиево. – 218 с.
485. *Клименко В.Ф., Цымбал В.И., 1998.* О погребениях культуры многоваликовой керамики в Северо-восточном Приазовье // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и

культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 70–74

486. *Клоков А.Б., 1995.* Каменные навершия булав эпохи бронзы Доно-Донецкого региона // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона. Материалы украинско-российского полевого археологического семинара. – Луганск. – С. 17

487. *Клочко В.І., 2006.* Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). – К. – 337 с.

488. *Клочко, 2012*. «Гордіївський феномен» // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. – Kraków. – С. 363–372

489. *Клочко В.И., Клочко Л.С., 2020*. Декор «посоха» з Пологів // Пологівський посох (досвід міждисциплінарного вивчення). Колективна монографія. – К. – С. 82–87

490. *Ковалев А.А., 2011*. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // Российский археологический ежегодник. – СПб. – № 1. – С. 183–244

491. *Ковалев А.А., 2012*. Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский феномен как ключ к решению проблемы тохарской пародины // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга 2. – С. 49–57

492. *Ковалева И.Ф., 1981.* Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). – Днепропетровск. – 80 с.

493. *Ковалева И.Ф., 1988.* Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. – Днепропетровск. – С. 20–33

494. *Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Шахров Г.Н., 1987.* Исследование курганов группы «Долгой Могилы» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и железного веков Поднепровья. – Днепропетровск. – С. 5–27

495. *Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., 1976*. Маївський локальний варіант зрубної культури // Археологія. – К. – Вип. 20. – С. 3–22

496. *Ковалева И.Ф., Марина З.П., Ромашко В.А., Тесленко Д.Л., Шадобудов В.Н., Векленко В.А., 2003.* Курганы энеолита–бронзы в криворожском течении Ингульца. – Днепропетровск. – 132 с.

497. *Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Никулин И.В., Яремака В.Н., 1983.* Могильник эпохи бронзы на р. Заплавка в Среднем Приорелье // Древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. – Днепропетровск. – С. 3–18

498. *Ковалюх Н.Н., Мимоход Р.А., 2007.* Новые радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений Нижнего Поволжья и степного

Предкавказья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 35–39

499. *Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2009.* Результаты радиоуглеродного датирования образцов из погребений курганной группы Паницкое 6 // Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // Материалы охранных археологических исследований. – М. – Т. 10. – С. 43
500. *Козенкова В.И., 1990*. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы // СА. – М. – № 3. – С. 64–92
501. *Козенкова В.И., 1996.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). – М. – 164 с.
502. *Козенкова В.И., 1998*. Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант. // САИ. – М. – Вып. В 2-5. – Т. 5. – 200 с.
503. *Козенкова В.И., 2001.* Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). – М. – 198 с.
504. *Козенкова В.И., 2007*. К вопросу о выделении древнейшего этапа кобанской культуры на Северном Кавказе // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 306–307
505. *Козенкова В.И., Мошинский А.П., 1995.* Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н.э.) // Историко-археологический альманах. – Армавир. – С. 48–52
506. *Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н., 1994*. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции). – Запорожье. – 121 с.
507. *Кольцов П.М., 1982.* Результаты археологических разведок на 1976-1980 гг. на территории Калмыцкой АССР // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. – Элиста. – С. 100–107
508. *Кольцов П.М., Дрёмов И.И., 2012.* Исследования курганов и старокалмыцких послений Калмыкии (по материалам раскопок 2002–2009 гг.). – Элиста. – 190 с.
509. *Кондукторова Т.С., 1973*. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. – М. – 128 с.
510. *Кореневский С.Н., 1977.* Результаты спектрального анализа предметов из курганных могильников Кривой Луки // Древности Астраханского края. – М. – С. 79–82
511. *Кореневский С.Н., 1978.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. – М. – 1978. – № 2. – С. 33–48

512. *Кореневский С.Н., 1980.* О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. – Махачкала. – С. 37–45
513. *Кореневский С.Н., 1984.* Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. – Нальчик. – Т. 1. – С. 254–299
514. *Кореневский С.Н., 1986.* О металле эпохи средней бронзы в горной зоне Северо-восточного Кавказа // СА. – М. – № 3. – С. 5–15
515. *Кореневский С.Н., 1990*. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. Неженские курганы эпохи бронзы района Кавказских Минеральных Вод. – М. – 174 с.
516. *Кореневский С.Н., 1992.* К вопросу о датирующих возможностях комплекса из нижнего слоя Эшерских дольменов Абхазии // РА. – М. – № 2. – С. 96–100
517. *Кореневский С.Н., 2004.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. – М. – 243 с.
518. *Кореневский С.Н., 2006.* К проблеме исследования памятников бронзового века // Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия // Материалы охранных археологических исследований. – М. – Т. 6. – С. 7–13
519. *Кореневский С.Н., 2007.* Раскопки курганов у Кисловодска в 1983–1984 гг. // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 78
520. *Кореневский С.Н., 2007а.* Новые источники по эпохам энеолита, ранней и средней бронзы в работах Предгорной экспедиции в 1985-1989 гг. // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 443
521. *Кореневский С.Н., 2007б.* Раскопки курганов у Кисловодска в 1983-1984 гг. // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – Вып. VIII. – М. – С. 378
522. *Кореневский С.Н., 2011*. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный конеткст. – М. – 336 с.
523. *Кореневский С.Н., 2012*. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). – М. – 256 с.
524. *Кореневский С.Н., 2018.* О символике погребений с оружием ударного действия у племен кавминводской группы и погребение с каменным топором у ст. Галюгаевской (эпоха средней и начала поздней бронзы) // КСИА. – Вып. 251. – С. 43–63
525. *Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2005.* Радиокарбонная хронология историко-культурных процессов в Кумо-Манычской впадине по данным погребений Большого Ипатовского кургана (предварительное

сообщение) // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. – Краснодар. – С. 140–144

526. *Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. – М. – 230 с.

527. *Кореневский С.Н., Жеребилов С.Е., Парусимов И.Н., 2008.* Находка каменного «жезла» на левобережье Нижнего Дона и типы евразийских каменных стрежневидных скипетров эпох энеолита – бронзового века // АВЕС. – Саратов. – Вып. 6. – С. 200–210

528. *Кореневский С.Н., Мимоход Р.А., 2011.* Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. – М. – 120 с.

529. *Кореневский С.*Н., Петренко В.Г., 1989. Курганы у станицы Воровсколесской // Древности Ставрополья. – М. – С. 195–232

530. *Корнюшин Г.И., 1971*. Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области // КСИИМК. – М. – Вып. 60. – С. 78–85

531. *Корочкова О.Н., 2021*. Символические практики литейщиков Урала и Западной Сибири эпохи бронзы // Культуры Азиатской части Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности проф. Ноны Армаисовны Аванесовой. – Самарканд. – С. 315–320

532. *Корочкова О.Н., 2022.* Погребения литейщиков Урала и Западной Сибири // SP. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2. – С. 63–81

533. *Корпусова В.Н., Ляшко С.Н., 1999*. Погребение эпохи бронзы с глиняными модельками колес у с. Ильичево в Крыму // ССПК. – Запоріжжя. – VII. – С. 42–48

534. *Корякова Л.Н., Краузе Р., Пантелеева С.Е., Столярчик Э., Булакова Е.А., Солдаткин, Рассадников А.Ю., Молчанова В.В., Анкушев М.Н., Молчанов И.В., Якимов А.С., Федорова Н.В., Носкевич В.В., 2020*. Послеление Коноплянка 2 в Южном Зауралье: новые аспекты исследования // УИВ. – Екатеринбург. – № 4 (69). – С. 61–73

535. *Корякова Л.Н., Кузьмина С.А., 2017*. Некоторые особенности архитектуры укрепленного поселения Каменный Амбар в контексте образа жизни населения Южного Зауралья начала II тыс. до н.э. // УИВ. – Екатеринбург. – № 1 (54). – С. 92–102

536. *Корякова Л.Н., Пантелеева С.Е., 2021.* Роль климатического фактора в происхождении синташтинской культуры // УИВ. – Екатеринбург. – № 3 (72). – С. 39–49.

537. *Косинцев П.А., Рослякова Н.В., 1999*. Остатки животных из Калиновского могильника // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. – Самара. – Вып. 1. – С. 48–53

538. *Косинцев П.А., Рослякова Н.В., 2006.* Останки животных из Калиновского могильника // Калиновский I курганный могильник. – Самара. – С. 79–83
539. *Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В., 1995.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара. – С. 156–207
540. *Костюченко И.П., 1959.* Раскопки Миатлинского курганного поля // МАД. – Махачкала. – Т. 1. – С. 86–120
541. *Котович В.Г., 1959.* Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. – Махачкала. – Т. I. – С. 121–156
542. *Котович В.Г., 1978.* К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Дагестане. – Махачкала. – С. 46–76
543. *Котович В.Г., 1982.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. – М. – 237 с.
544. *Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М., 1980.* Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и средние века. – М. – С. 43–61
545. *Котович В.М., 1965.* Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы Горного Дагестана. – Махачкала. – 261 с.
546. *Кочерженко О.В., 1996.* Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии в Саратовской области в 1996 году. – Саратов. – С. 53–56
547. *Кочерженко О.Н., Мимоход Р.А., Слонов В.Н., Шабанов В.Л., 2016.* Типология баночных сосудов посткатакомбных культурных образований: модель распада археологического типа // АВЕС. – Саратов. – Вып. 12. – С. 31-51
548. *Кочерженко О.В., Слонов В.Н., 2012*. Курган у села Симоновка и некоторые вопросы интерпретации культурных групп переходного времени между средней и поздней бронзой // АВЕС. – Саратов. – Вып. 9. – С. 115–123
549. *Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2010.* Археология в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина // Краеведческие записки. 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. – Самара. – Вып. XV. – С. 10–16
550. *Кравец Д.П., 2001.* К вопросу о стрелоделах донецкой катакомбной культуры // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков. – С. 21
551. *Крайнов Д.А., 1962*. Кухмарский курганнй могильник // КСИА. – М. – Вып. 88. – С. 51–63
552. *Крайнов Д.А., 1963*. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // САИ. – М. – В1–19. – 52 с., XXIV табл.
553. *Крайнов Д.А., 1972*. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тыс. до н.э. – М. – 275 с.
554. *Крайнов Д.А., 1987.* Фатьяновская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М. – С. 58–76

555. *Крайнов Д.А., Уткин А.В., 1991*. Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плещеевом озере // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола. – Вып. 19. – С. 147–159
556. *Крамарев А.И., Мышкин Н.В., Турецкий М.А., 2002*. Курганный могильник Гвардейцы II // ВАП. – Самара. – Вып. 2. – С. 101–113
557. *Краузе Р., Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Новиков И.К., Столярчик Э., 2019.* Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии // АЭАЕ. – Новосибирск. – № 47 (1). – С. 54–63
558. *Кременецкий К.В., 1997*. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Труды ГИМ. Степь и Кавказ (культурные традиции). – М. – Вып. 97. – С. 30–45
559. *Кренке Н.А., 2014*. Абашевская находка в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья. – М. – Вып. 10. – С. 29–35
560. *Кренке Н.А., 2014а*. Москворецкие памятники фатьяновской культуры // РА. – М. – № 4. – С. 29–42
561. *Кренке Н.А., 2019*. Радиоуглеродная хронология фатьяновской культуры // РА. – М. – № 2. – С. 110–116
562. *Кривцова-Гракова О.А., 1947*. Абашевский могильник (раскопки 1945 года) // КСИИМК. – М. – Вып. XVII. – С. 92–97
563. *Круглов А.П., 1958.* Северо-восточный Кавказ во II-I тыс. до н.э. // МИА. – М. – № 68. – С. 7–146
564. *Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Е.В., 1941.* Могильник в г. Нальчике // МИА. – М. – № 3. – С. 67–135
565. *Крупнов Е.И., 1951.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. – М. – № 23. – С. 17–74
566. *Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я., 1963*. Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. – М. – С. 9–48
567. *Круц С.И., 1984.* Палеоантропологические исследования Степного Поднепровья. – К. – 208 с.
568. *Круц С.И., 1985.* Антропологический состав населения территории Украины в эпоху камня, меди и бронзы // Археология Украсинской ССР. – К. – Т. 1. – С. 527–535
569. *Крыжицкий С.Д., 1982*. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. – К. – 163 с.
570. *Кубышев А.И., Нечитайло А.Л., 1991.* Центры металлобрабатывающего производства азово-черноморской зоны (к постановке проблемы) // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К. – С. 6–21
571. *Кузнецов П.Ф., 1989*. Полтавкинская культурно-историческая общность. – Свердловск-Куйбышев. – 73 с.
572. *Кузнецов П.Ф., 1996.* Новые радиоуглеродные данные для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. – СПб. – Вып. 1. – С. 56–59

573. *Кузнецов П.Ф., 2001.* Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 178–182
574. *Кузнецов П.Ф., 2003.* К вопросу о хронологии абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 86–88
575. *Кузнецов П.Ф., 2004.* Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // ВАУП. – Самара. – Вып. 2. – С. 146–154
576. *Кузнецов П.Ф., 2006.* О времени появления колесниц эпохи бронзы // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. – Новосибирск. – Т. 1. – С. 408–410
577. *Кузнецов П.Ф., 2007.* Вольско-лбищенская культура // XVII УАС. – Екатеринбург-Сургут. – С. 151–155
578. *Кузнецов П.Ф., 2010а*. Очерк к вопросу о происхождении синташтинской культуры // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 59–65
579. *Кузнецов П.Ф., 2020*. Хронология хвалынской культуры Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию старшего научного сотрудника ИИМК РАН, кандидата химических наук Ганны Ивановны Зайцевой. – СПб. – С. 47–49
580. *Кузнецов П.Ф, Мочалов О.Д., 2012*. Потаповские комплексы курганов могильника Грачевка II // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара. – С. 37–82
581. *Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А., Энтони Д.У., 2018.* Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. – Самара. – 195 с.
582. *Кузнецов П.Ф., Мышкин В.Н., 2003*. Исследования могильника Журавлиха I // НАВ. – Волгоград. – Вып. 6. – С. 142–164
583. *Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000.* Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара. – С. 122–151
584. *Кузнецов П.Ф., Чаплыгин М.С., 2019*. Новый памятник абашевской культуры Приуралья // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). – СПб. – Т. II. – С. 225–229

585. *Кузьмина Е.Е., 1994.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М. – 464 с.
586. *Кузьмина Е.Е., 1999.* Методика этнической атрибуции и хронология памятников бронзового века Центральной Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск-Аркаим. – С. 268–270
587. *Кузьмина Е.Е., 2001.* Время истории Волго-Уралья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 68–71
588. *Кузьмина Е.Е., 2003.* Абашево, Синташта и происхождение индоиранцев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 76–77
589. *Кузьмина Е.Е., 2008.* Арии – путь на юг. – М. – 558 с.
590. *Кузьмина Е.Е., 2010.* Предыстория Великого шелкового пути. – М. – 240 с.
591. *Кузьмина Е.Е., 2010а.* Проблема этнической атрибуции населения степной зоны Волго-Уралья в свете новейших гипотез происхождения индоевропейцев // XVIII УАС. – Уфа. – С. 18–22
592. *Кузьмина Е.Е., 2010б*. Происхождение индоиранцев и генезис индоевропейцев: современная борьба гипотез в лингвистике и археологии // Проблемы истории и культуры Древнего Востока. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Григория Максимовича Бонгард-Левина. – М. – С. 10–13
593. *Кузьмина О.В., 1979.* Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья // Древняя история Поволжья. – Куйбышев. – Т. 230. – С. 86–98
594. *Кузьмина О.В., 1992.* Абашевская культура в Волго-Уралье. – Самара. – 128 с.
595. *Кузьмина О.В., 1999.* Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья – Самара. – Вып. 1. – С. 154–204
596. *Кузьмина О.В., 2000.* Кости животных в погребальном обряде абашевской культуры // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицына (1900-1972) 14-18 мая 2000 года. – Саратов-Энгельс. – С. 59–66
597. *Кузьмина О.В., 2000а.* Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара. – С. 85–121

598. *Кузьмина О.В., 2000б.* Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб. – С. 65–134
599. *Кузьмина О.В., 2001.* Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 153–160
600. *Кузьмина О.В., 2002.* Украшения абашевской культуры // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта. – М. – С. 157–174
601. *Кузьмина О.В., 2002а.* К вопросу о происхождении височных подвесок в 1,5 оборота абашевской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга I. – С. 178–181
602. *Кузьмина О.В., 2003*. К вопросу о происхождении топоров абашевского типа // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 92–97
603. *Кузьмина О.В., 2010*. Абашевская культура в Самарском Заволжье // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. – Самара. – Вып. XV. – С. 56–63
604. *Кузьмина О.В., 2021.* Абашевская культура // Археология Волго-Уралья. Энеолит и бронзовый век. – Казань. – С. 442–468
605. *Кузьмина О.В., Крамарев А.И., 2020.* Наконечники стрел конца эпохи средней – начала поздней бронзы Доно-Волго-Уралья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. – Самара. – С. 292–293
606. *Кузьмина О.В., Крамарев А.И., 2021.* Наконечники стрел конца эпохи средней – начала поздней бронзы Доно-Волго-Уралья // ВАП. – Самара. – Вып. 9. – С. 144–189
607. *Кузьмина О.В., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1999.* Раскопки III Кутулукского могильника // ВАП. – Самара. – Вып. 1. – С. 135–143
608. *Кузьмина О.В., Ластовский А.А., 1995.* Поселение Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. – Самара. – С. 25–50
609. *Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П., 2003.* Курганный могильник эпохи бронзы Владимировский I // ВАП. – Самара. – Вып. 3. – С. 217–260
610. *Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П., 2003а.* Раскопки Владимирского курганного могильника эпохи бронзы // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие.

Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 259–270

611. *Кузьминых С.В., Мимоход Р.А., 2016*. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневолжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V-II тыс. до н.э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14-15 ноября 2016 г.). – СПб. – С. 39–44

612. *Куйбышев А.В., Черносвистов П.Ю., 1984.* Курганные погребения в Ногайской степи // КСИА. – М. – № 177. – С. 96–101

613. *Кулик С.Ю., 1997.* Инструментарий мастера-лучника из погребения катакомбной культуры Нижнего Дона // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. – Саратов. – С. 48–49

614. *Кульбака В., Качур В., 2000.* Індоєвропейські племена України епохи палеометалу. – Маріуполь. – 80 с.

615. *Куприянова Е.В., 2017.* Мелкие аксессуары головного убора женщины эпохи бронзы Южного Зауралья: методы исследования и реконструкции // ПА. – Казань. – № 3 (21). – С. 272–279

616. *Куприянова Е.В., Зданович Д.Г., 2015*. Древности лесостепного Зауралья: моигльник Степное VII. – Челябинск. – 196 с.

617. *Купцова Л.В., 2011*. Результаты радиоуглеродного датирования материалов срубной культуры Западного Оренбуржья // Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург. – № 16 (135). – С. 476–478

618. *Купцова Л.В., 2014*. Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиокарбонная хронология // АПО. – Оренбург. – Вып. 11. – С. 177–19

619. *Купцова Л.В., 2015*. К вопросу о характеристике раннего этапа срубной культуры (по материалам некрополей Западного Оренбуржья) // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых. – М. – С. 56–57

620. *Купцова Л.В., 2016*. Ранние памятники срубной культуры в Оренбургском Предуралье: характеристика, проблема происхождения, данные изучения комплексным методом // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия. – Уфа. – С. 117–140

621. *Купцова Л.В., 2017.* Компоненты формирования срубной культуры в Оренбургском Предуралье (по материалам погребальных памятников) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. – Барнаул. – С. 594–595

622. *Купцова Л.В., 2022*. Культурно-хронологическая интерпретация погребальных комплексов эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово // АПО. – Оренбург. – Вып. 16. – С. 101–103
623. *Купцова Л.В., Евгеньев А.А., 2019*. Новые погребальные комплексы абашевской культуры в Оренбургском Предуралье // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). – СПб. – Т. II. – С. 219–222
624. *Купцова Л.В., Евгеньев А.А., 2022*. Погребения эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово (Оренбуржское Приуралье) // ПА. – Казань. – № 1 (39). – С. 49–60
625. *Куфтин Б.А., 1948.* Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе. – Тбилиси. – 48 с.
626. *Куфтин Б.А., 1949*. Археологическая маршуртная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. – Тбилиси. – 240 с.
627. *Кушнарева К.Х., 1983.* К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы на Южном Кавказе // КСИА. – М. –Вып. 176. – С. 9–15
628. *Кушнарева К.Х., 1993.* Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. Этапы культурного и социальноэкономического развития. – СПб. – 312 с.
629. *Кушнарева К.Х., 1994.* Кармирбердская (тазакендская) культура // Археология СССР. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 106–117
630. *Кушнарева К.Х., 1994а.* Материалы к проблеме выделения кармирванкской (кызилванкской) культуры // Археология СССР. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 128–132
631. *Кушнарева К.Х., 1995.* К вопросу о критериях финального этапа эпохи средней бронзы и перехода к поздней бронзе на Южном Кавказе // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточный Европы. Материалы конференции. – СПб. – С. 65–71
632. *Кушнарева К.Х., 1997.* Ранние комплексные общества Южного Кавказа // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. – СПб. – С. 11–43
633. *Кушнарева К.Х., 1998.* Проблемы хронологии, периодизации и территориальных границ памятников триалетской культуры // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб. – С .41–44
634. *Кушнарева К.Х., 2007.* Новая датировка кармирбердской культуры // АВ. – СПб. – Вып. 14. – С. 166–183
635. *Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 1999.* Бедено-алазанская группа памятников Кавказа (К пересмотру хронологии, периодизации и культурно-экономических связей) // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. – СПб. – С. 81–82

636. *Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 2000.* Вооружение и военное дело населения Кавказа в доурартское время // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. – СПб. – С. 70–90
637. *Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 2001.* Новые данные к проблеме датировки памятников «цветущей поры» триалетской культуры // Caucasus Essays on the Archaeology of the Neolitic-Bronze Age. – Tbilisi. – С. 101–116
638. *Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 2001а.* К проблеме уточнения хронологии и периодизации ранней курганной культуры Южного Кавказа // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 99–100
639. *Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 2007.* К проблеме культурогенеза среднебронзового века Южного Кавказа // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 691
640. *Куштан Д.П., 2007.* Знаковий орнамент на посудi культури багатоваликової кераміки // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 7. – С. 172–175
641. *Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д., 1998.* Геолого-палеоэкологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара. – С. 40–65
642. *Лапшин А.С., 2003*. К вопросу о городищах эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья // НАВ. – Волгоград. – Вып. 6. – С. 254–262
643. *Лапшин А.С., 2004*. К вопросу о культурном и хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 120–123
644. *Лапшин А.С., 2006*. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы волго-донского региона (по материалам погребальных памятников). Рукопись дис. … канд. ист. наук // Российская государственная библиотека. Шифр хранения OD 61 06-7/555
645. *Лапшин А.С., 2006а*. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников). – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб. – 26 с.
646. *Ларенок В.А., Потапов В.В., 2003*. Исследование погребений у Мокро-Чалтырского карьера // ИАИАНД. – Азов. – Вып. 19. – С. 153–177
647. *Ларенок О.П., 2018*. Группа погребений культуры многоваликовой керамики из курганного могильника Бургуста I в Красносулинском районе Ростовской области // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тезисы докладов круглого стола. – М. – С. 53–54
648. *Ларенок О.П., 2019*. Культура Бабино на Нижнем Дону // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые

данные и концепции). Материалы международной конференции. К 100-летию отечественной академической археологии. – СПб. – С. 158–160

649. *Ларенок О.П., 2020*. Бабинская культура на Нижнем Дону. Погребальный обряд // Материалы LX археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. – Иркутск. – С. 122–124
650. *Ларенок О.П., 2021*. О некоторых женских погребениях бабинской культуры на территории Нижнего Подонья // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы VI конференции молодых ученых. – М. – С. 70–73
651. *Ларенок О.П., 2022*. Некоторые особенности погребального обряда днепро-донской бабинской культуры на территории Нижнего Дона // Археология погребений: современные теоретические и методические подходы. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции с международным участием. – М. – С. 41–42
652. *Латынин Б.А., 1964.* К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой // АСГЭ. – СПб. – Вып. 6. – С. 53–71
653. *Латынин Б.А., 1967*. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. – Л. – Вып. 9. – С. 5–95
654. *Лебедева Н.В., Фадеев В.Г., 2016*. Новый памятник синташтинско-потаповского типа Кутулук I в Самарском Заволжье // АПО. – Оренбург. – Вып. 12. – С. 71–85
655. *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2007.* Раскопки курганной группы «Пластуновская-52» // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Краснодар. – С. 3–69
656. *Литвиненко Р.А., 1990.* О курганном обряде в эпоху средней и поздней бронзы Донеччины // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. – Луганск. – С. 80–83
657. *Литвиненко Р.А., 1995.* Территориально-хронологические соотношения культур многоваликовой керамики и доно-волжской абашевской // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Материалы конференции. – СПб. – С. 80–83
658. *Литвиненко Р.А., 1995а*. Памятники покровского типа на Северском Донце // АВ. – СПб. – № 4. – С. 73–82
659. *Литвиненко Р.А., 1996.* К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. – Донецк. – Часть первая. – С. 65–71
660. *Литвиненко Р.А., 1996а.* Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // Доно-

Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж. – Вып. 2. – С. 46–50

661. *Литвиненко Р.А., 1996б.* Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналогии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. – СПб. – С.98-101

662. *Литвиненко Р.А., 1997.* Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики (КМК) // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (Материіали 3-го Українсько-Росіського польового археологічного семінару). – К.-Вороніж-Перевальск. – С. 29–33

663. *Литвиненко Р.А., 1998.* Погребения КМК с производственным инвентарем // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 97–105

664. *Литвиненко Р.А., 1998а.* Динамика расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы». – Ростов-на-Дону. – С. 48–50

665. *Литвиненко Р.А., 1998б.* Наконечники стрел культуры многоваликовой керамики // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона (материалы 4-го Украинско-Российского полевого археологического семинара). – К., Воронеж. – С. 46–52

666. *Литвиненко Р.А., 1999*. К проблеме поиска признаков культуры многоваликовой керамики в доно-волжской лесостепи // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк. – С. 68–72

667. *Литвиненко Р.А., 1999а.* Об одном типе посуды культуры многоваликовой керамики (КМК) // Матеріали археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)». – Дніпропетровськ. – С. 83–86

668. *Литвиненко Р.А., 1999б.* К проблеме истоков черногоровского обряда // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К столетию Бориса Николаевича Гракова). III Граковские чтения. – Запорожье. – С. 155–160

669. *Литвиненко Р.А., 1999в.* К проблеме хронологического соотношения памятников синташтинского круга и КМК // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. Региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск-Аркаим. – С. 130–132

670. *Литвиненко Р.А., 2000.* Каменная курганная архитектура культуры многоваликовой керамики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк. – С. 12–19

671. *Литвиненко Р.А., 2000а.* О появлении КМК в бассейне Нижнего Дона // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-

летию со дня рождения И.В. Синицына (1900-1972) 14-18 мая 2000 года. – Саратов, Энгельс. – С. 67–71

672. *Литвиненко Р.А., 2000б.* Периодизация срубных древностей доно-донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца) // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. – Воронеж. – С. 33–34

673. *Литвиненко Р.О., 2001.* Про «зруби» культури багатоваликової кераміки // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: матеріали 5-го Українсько-Російського польового археологічного семінару (26 липня 1999 р.). – К., Вороніж. – С. 58–63

674. *Литвиненко Р.А., 2001а.* Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 161–169

675. *Литвиненко Р.А., 2001б.* О так называемых «поясных пряжках» в памятниках бронзового века Волго-Уралья // XV УАС. – Оренбург. – С. 90–93

676. *Литвиненко Р.А., 2001в.* О характере взаимоотношений носителей культуры многоваликовой керамики (КМК) и памятников покровского типа (ППТ) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX международной научной конференции 25-30 мая 1998 г. – Ростов-на-Дону. – С. 15–18

677. *Литвиненко Р.А., 2001г.* О рубеже катакомбной культуры и КМК (Бабино) в бассейне Северского Донца // ДАС. – Донецк. – Вып. 9. – С. 165–181

678. *Литвиненко Р.А., 2002.* Вопросы относительной хронологии погребений бабинской культуры днепро-донского региона // ДАС. – Донецк. – Вып. 10. – С. 135–159

679. *Литвиненко Р.А., 2002а.* Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона // АПВЕ. – Воронеж. – С. 76–85

680. *Литвиненко Р.А., 2002в.* К истории изучения бабинской культуры // АВЛ. Археология в российских университетах. – Воронеж. – Вып. 16. – С. 78–89

681. *Литвиненко Р.А., 2003.* Южно-уральский очаг культурогенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 145–152

682. *Литвиненко Р.О., 2003а.* До питання про експлуатацію донецьких рудників населенням бабинської культури (постановка проблеми) //

Проблеми гірничної археології (материали І-го Картамиського польового археологічного семінару). – Алчевськ. – С. 44–47

683. *Литвиненко Р.А., 2003б.* Бабинская культура (многоваликовой керамики): «плод массовой фантазии» или археологическое явление // АВЛ. Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж. – Вып. 17. – С. 142–147

684. *Литвиненко Р.А., 2004.* «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 2. – С. 257–290

685. *Литвиненко Р.А., 2004а.* Восточная периферия бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 102–108

686. *Литвиненко Р.А., 2004б*. Деревянная посуда культуры Бабино // ДАС. – Донецк. – Вып. 11. – С. 20–54

687. *Литвиненко Р.О., 2005.* Культури бабинська та лолінська: до проблеми контактів // Проблеми дослідження пам′яток археології Східної України. – Луганськ. – С. 75–78

688. *Литвиненко Р.О., 2005а.* Поховання культурного кола Бабине з астрагалами // Древности. – Харьков. – С. 74–86

689. *Литвиненко Р.О., 2005б.* До проблеми металовиробництва культури Бабине // Проблеми гірничої археології: матеріали ІІ міжнародного Картамиського польового археологічного семінару (21–25 липня 2003 р.). – Алчевськ. – С. 119–125

690. *Литвиненко Р.А., 2006.* Опыт выявления пространственно-семиотических структур в погребальном обряде культуры Бабино // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк. – Т. 3. – С. 215–236

691. *Литвиненко Р.А., 2006а.* Днепро-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 5. – С. 157–187

692. *Литвиненко Р.О., 2006б.* Поховання культурного кола Бабине з металевими ножами // ДАС. – Донецк. – Вып. 12. – С. 32–61

693. *Литвиненко Р.А., 2006в.* Культурные области Бабино и Синташа: к проблеме хронологического соотношения // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. – Уфа. – С. 92–105

694. *Литвиненко Р.О., 2007*. Статево-вікова диференціація в поховальному обряді бабинських культур // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 7. – С. 156–172

695. *Литвиненко Р.О., 2007а.* Обставини і чинники бабинської культурогенези // Вісник ДНУ. – Донецьк. – Вип. 1-2. – С. 109–116

696. *Литвиненко Р.О., 2007б.* Бабинська культура у фокусі археологічних студій С.Н. Братченка (до 70-річчя вченого) // Археологія. – К. – № 3. – С. 116–119

697. *Литвиненко Р.О., 2008.* До оцінки периферійних груп Бабине поліcько-лісостепової Наддніпрянщини // Вісник Донецького національного університету. Серія Б: гуманітарні науки. – Донецьк. – № 2. – С. 180–190
698. *Литвиненко Р.О., 2008а.* Пам'ятки типу Бабине ІІІ: від культури до культурного кола // Нові сторінки історії Донбасу. – Донецьк. – кн.15/16. – С. 342–354
699. *Литвиненко Р.О., 2008б.* Інгульська катакомбна спадщина: дві лінії розвитку // Проблеми історії та археології України: матер. VI Міжнародної наук. конф. (10–11 жовтня 2008 р.). – Харків. – С. 17–18
700. *Литвиненко Р.О., 2009.* Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток). Рукопис дис. … докт. іст. наук // НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 2. – № 879
701. *Литвиненко Р.О., 2009а.* Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток). – Автореф. дис. … докт. іст. наук. – К. – 32 с.
702. *Литвиненко Р.О., 2009б.* Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 9. – С.44–89
703. *Литвиненко Р.А., 2009в*. Обстоятельства и факторы бабинского культурогенеза // АВЛ. – Воронеж. – С. 11–18
704. *Литвиненко Р.О., 2009г*. Методика культурно-таксономічного групування пам'яток бабинського типу // Вісник ДНУ. – Донецьк. – Вип. 1. – С. 141–150
705. *Литвиненко Р.О., 2010.* До витоків архітектури довгих могил Надчорномор'я // ДАЗ. – Донецьк. – 2009/2010. – № 13/14. – С. 30–66
706. *Литвиненко Р.А., 2010а*. Кавказ и Причерноморье: линии синхронизации для финала средней бронзы // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Магас. – С.221-223
707. *Литвиненко Р.О., 2011*. Обряд вторинного поховання в культурах бабинського кола // ДАЗ. – Донецьк. – № 15. – С. 7–35
708. *Литвиненко Р.А., 2011а*. Культурный круг Бабино: название, таксономия, структура // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 108–123
709. *Литвиненко Р.А., 2011б*. Бабинська культура на перехресті кавказького і карпато-дунайського імпульсів культурогенези // Матеріали наукової конференції професорсько-викладацького складу, наукових співробітників і аспірантів Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 2009–2010 рр. – Донецьк. – Т. 2. – С. 251–252
710. *Литвиненко Р.О., 2012*. Бабинське-криволуцьке порубіжжя // ДАЗ. – Донецьк. – № 16. – С. 47–76
711. *Литвиненко Р.О., 2012а.* Північ у поховальній обрядовості людності дніпро-донской бабинської культуры // Проблеми дослідження пам′яток археології Східної України. Матеріали ІІІ міжнародної історико-

археологічної конференції, присвяченої пам’яті С.Н. Братченка. – Луганськ. – С. 295–299

712. *Литвиненко Р.О., 2013*. Північне Приазов'я в системі східноєвропейського бронзового віку // Україна й світ: проблеми історії. Збірник матералів Всеукраїнської науково-практичної конференції. – Маріуполь. – С. 205–209

713. *Литвиненко Р.О., 2014*. Східна периферія дніпро-прутскої бабинської культури // Старожитности Північного Азов'я. – Маріуполь. – С. 28–41

714. *Литвиненко Р.О., 2015*. Поховання культурного кола Бабине з виробничим реманентом // Наукові студії. Давні майстерні та виробництво у Вісло-Дніпровському регіоні. – Винники-Жешів-Львів. – Вип. 8. – С. 113–136

715. *Литвиненко Р.О., 2016*. Керамічний посуд в поховальній обрядовості бабинських культур // Україна у світовому історичному просторі. Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції. – Маріуполь. – С. 209–213

716. *Литвиненко Р.О., 2016а.* Пізній етап Дніпро-Донської бабинської культури // ДАЗ. – Вінниця. – № 20. – С. 7–43

717. *Литвиненко Р.О., 2016б*. Колісний транспорт у поховальній парадигмі культур посткатакомбного блоку // Археологія та этнологія Східної Європи. – Дніпр. – С. 129–140

718. *Литвиненко Р.О., 2017*. Бабинські пам'ятки Середної Наддніпрянщини в системі старожитностей культурного кола Бабине // Переяславіка. Наукові записки. – Переяслав-Хмельницький. – С. 336–344

719. *Литвиненко Р.О., 2018.* Наддніпрянщина як перехрестя ареалів бабинських культур // Археологія. – К. – № 3. – С. 20–30

720. *Литвиненко Р.А., 2019*. Война в посткатакомбном мире // SP. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2. – С. 313–382

721. *Литвиненко Р.О., 2019а*. Поділля в системі культурного кола Бабине // Археологія Поділля. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. – Вінниця. – С. 57–69

722. *Литвиненко Р.А., 2020*. Посткатакомбная эпоха Восточной Европы: миграции или военные походы // SP. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2. – С. 333–357

723. *Литвиненко Р.О., 2020а*. Про західні межі волго-донської бабинської культури // Україна у світовому історичному просторі. Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції, м. Маріуполь, 24 квітня 2020 р. – Маріуполь. – С. 16–21

724. *Литвиненко Р.О., 2020б.* Пам'ятки Харківщини в системі культурного кола Бабине // Проблеми історії та археології України. Тези доповідей XII Міжнародної наукової конференції. – Харьків. – С. 14–15

725. *Литвиненко Р.А., 2020в.* Погребения культурного круга Бабино в деревянных гробах-колодах как проявление общеевропейской традиции бронзового века // SA. – Nitra. – Sup. 1 – С. 361–372

726. *Литвиненко Р.О., 2020г*. Таємниці бабинської культури // Історічний калейдоскоп. – Вінниця. – № 4. – С. 3–6
727. *Литвиненко Р.О., 2021.* Праісторичні міграції, війни і палеоклімат (за даними бронзового віку Східної Європи) // Матеріали наукової конференції професорсько-викладацького складу, наукових працівників і здобувачів наукового ступеня за підсумками науково-дослідної роботи за період 2019–2020 рр. (квітень–травень 2021 р.). – Вінниця. – С. 13–14
728. *Литвиненко Р.А., 2022*. Шкура копытного в курганных погребениях бронзового века: жертва или психопомп // SP. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2. – С. 105–137
729. *Литвиненко Р.О., Андрієнко В.П., 2013*. Курган бронзового віку поблизу м. Вугледар на Донеччині (верхів'я р. Кашлагач басейну Дніпра) // АА. – Донецк. – № 30. – С 140–171
730. *Литвиненко Р.А., Зарайская Н.П., 2004.* Курган эпохи бронзы у села Запорожец (бассейн Кальмиуса, Северо-Восточное Приазовье) // АА. – Донецк. – № 14. – С. 203–232
731. *Литвиненко Р.О., Ляшко С.М., 2018*. Курган дніпро-донської баинської культури поблизу с. Новогупалівка на Дніпровському Припоріжжі // ДАЗ. – Вінниця. – № 21. – С. 155–174
732. *Логвин А.В., Шевнина И.В., 2020*. Синташтинское погребение № 4 кургана 1 могильника Каратомар (предварительное сообщение) // Степная Евразия: бронзовый мир. Сборник научных трудов к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – С. 234–237
733. *Лопатин В.А., 1996.* Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного волго-уральского междуречья // Охрана и исследования памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов. – С. 140–158
734. *Лопатин В.А., 2002.* Срубные поселения степного Волго-Уралья. – Саратов. – 136 с.
735. *Лопатин В.А., 2008*. Смеловский могильник: фрагменты локального культурогенеза // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М. – Т. I. – С. 415–420
736. *Лопатин В.А., 2009.* Бородаевские кургані (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // АВЕС. – Саратов. – Вып. 7. – С. 44–97
737. *Лопатин В.А., 2010.* Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). – Саратов. – 244 с.
738. *Лопатин В.А., 2012.* Вольско-лбищенский вектор культурогенеза // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов. – Вып. 10. – С. 56–78
739. *Лопатин В.А., 2012а*. «Воронежский» вектор становления памятников покровского типа на Волге // АВЕС. – Саратов. – Вып. 9. – С. 45–73
740. *Лопатин В.А., 2014*. Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья. – Саратов. – 292 с.

741. *Лопатин В.А, 2017*. Северная периферия Нижнекрасавского поселения (по материалам раскопок 2014–2015 гг.) // АВЕС. – Саратов. – Вып. 13. – С. 68–86
742. *Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993*. Погребения эпохи средней бронзы из курганов у с. Усть-Курдюм // АВ. – Саратов. – С. 137–158
743. *Луговая Л.Н., Шилов Ю.А., 1990.* Михайловский курган раннесрубного времени // Археологические исследования на Полтавщине. – Полтава. – С. 43–55
744. *Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., 2005.* Погребальные комплексы с сурьмяными подвесками эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы // АВЛ. – Воронеж. – Вып. 19. – С. 148–159
745. *Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б., Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., 2022*. Кованый наконечник копья из с. Миловка и некотороые вопросы абашевской металлообработки // Уфимский археологический вестник. – Уфа. – Т. 22. – № 2. – С. 211–226
746. *Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Сафонов И.Е., 2006.* Курганная пара у с. Петровское Воронежской области // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка, г. Липецк, 13-16 ноября 2006 года. – Липецк. – С. 168–171
747. *Луньков В.Ю., Энговатова А.В., 2003.* Курганный могильник Орлово 1 (абашевская культура в Волго-Окском междуречье) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 193–197
748. *Лысенко С.Д., 2000*. Погребения степного Поднепровья в колодах // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк. – С. 70–72
749. *Лисенко С.Д., 2004.* Доповнення до археологічної карти Фастівського району (1999-2004 рр.) // Археологічни пам'ятки Фастіщини: матеріали до археологічної карти Київської обалсті . – Фастів. – С. 85–152
750. *Лысенко С.Д., 2005.* Абсолютная хронология восточного массива тшинецкого культурного круга // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи. – Луганск. – С. 37–60
751. *Лысенко С.Д., 2008.* Костяные пряжки Среднего Поднепровья – отголоски «героической эпохи» в евразийской степи // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск. – С. 166–182
752. *Лысенко С.Д., 2011.* К вопросу о культурно-хронологической и функциональной принадлежности костяных «пряжек» в Среднем Поднепровье // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 123–143
753. *Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Лысенко С.С., Синика В.С., Тельнов В.П., 2021.* Погребения эпохи поздней бронзы из курганов групп «ДОТ», «Сад», «Водовод» у с. Глинное на левом берегу Нижнего Днестра // Материалы

по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – Нижневартовск. – № 13. – С. 164–201

754. *Ляхов С.В., 2009.* Погребения эпохи бронзы из курганов у станции Кулатка Хвалынского района Саратовской области // АНСК. – Вып. 9. – Саратов. – С. 20–37

755. *Ляхов С.В., 2016.* Раскопки курганов в степной зоне Центрального Предкавказья в 1997 году // АНСК. – Саратов. – Вып. 14. – С. 78–117

756. *Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х., Дровосекова О.В., 2004*. Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка). – Запопорожье. – 178 с.

757. *Магомедов Р.Г., 1985*. К выделению памятников великентской группы эпохи средней бронзы // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». – Баку. – С. 221–222

758. *Магомедов Р.Г., 1987.* К изучению этнокультурной ситуации на Северо-восточном Кавказе в эпоху средней бронзы // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. – Махачкала. – С. 22–35

759. *Магомедов Р.Г., 1990.* Фигурная костяная пряжка из Ирганайского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана. – Махачкала. – С. 44–49

760. *Магомедов Р.Г., 1992.* Горный Дагестан и Юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы (гинчинская культура). – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М. – 20 с.

761. *Магомедов Р.Г., 1998.* Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. – Махачкала. – 378 с.

762. *Магомедов Р.Г., 1998а.* Великент на рубеже эпох ранней и средней бронзы (к вопросу о финальной фазе куро-аракской культуры) // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы». – Ростов-на-Дону. – С. 54–55

763. *Магомедов Р.Г., 1999.* Алазано-беденские керамические импорты и вопросы интерпретации и датировки посткуроаракских комплексов Северо-восточного Кавказа // Кавказ и Древний Восток. – Махачкала. – С. 103–147

764. *Магомедов Р.Г., 2000.* Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. – Махачкала. – 120 с.

765. *Магомедов Р.Г., 2004.* Место и роль Великентских катакомбных могильников в изучении куро-араксских памятников на Северо-восточном Кавказе. – Доклад на конференции в Институте археологии РАН в марте 2004 года.

766. *Магомедов Р.Г., 2007.* К вопросу о финальной фазе куро-аракской культуры на Северо-восточном Кавказе // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 694–695

767. *Магомедов Р.Г., 2007а.* Закавказский керамический импорт в Дагестане и вопросы хронологии памятников эпохи средней бронзы // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 343

768. *Магомедов Р.Г., 2007б.* Гинчинская и каякентско-харачоевская культуры: проблемы преемственности // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 502–503
769. *Магомедов Р.Г., Хангишиев Г.Д., 1988*. Новые исследования эпохи средней бронзыв зоне водохранилища Ирганайской ГЭС // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Махачкала. – С. 9–11
770. *Магомедов С.М., 1974.* К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-восточной Европы в эпоху средней бронзы // МАД. Древности Дагестана. – Махачкала. – Т. 5. – С. 64–79
771. *Максимов Е.К., 1980.* Древнеямные погребения Крутояровских курганов // КСИА. – М. – Вып. 161. – С. 71–76
772. *Максимов Е.К., Лопатин В.А., 2007*. Материалы Низовских курганов // АВЕС. – Саратов. – Вып. 5. – С. 137–161
773. *Малов Н.М., 1979.* О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. – Донецк. – С. 82–83
774. *Малов Н.М., 1983*. Конструктивные особенности псалия из Краснополья // СА. – М. – № 4. – С. 204–209
775. *Малов Н.М., 1983а.* Из истории изучения срубно-абашевских памятников Нижнего Поволжья (1911–1959) // Историографический сборник. – Саратов. – Вып. 10 – С. 90–97
776. *Малов Н.М., 1991.* Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // АВЕС. – Саратов. – Вып. 2. – С. 15–42
777. *Малов Н.М., 1992.* Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. – Саратов. – Вып. 3. – С. 22–54
778. *Малов Н.М., 1992а*. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (Памятники покровского типа). – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб. – 16 с.
779. *Малов Н.М., 1994*. Некоторые итоги и проблемы охраны памятников археологии Саратовской области (к 15-ти летию археологической лаборатории СГУ) // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. – Саратов
780. *Малов Н.М., 1999*. Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность. – Саратов. – С. 22–36
781. *Малов Н.М., 2001.* Культуры эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 199–202

782. *Малов Н.М., 2007.* Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. – Саратов. – Вып. 5. – С. 34–92
783. *Малов Н.М., 2008.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. – Саратов. – Вып. 6. – С. 32–134
784. *Малов Н.М., 2010.* Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань. – С. 81–83
785. *Малов Н.М., 2022*. Первый Чардымский курган эпохи поздней бронзы с коллективными могилами: раскопки П.С. Рыкова // АВЕС. – Саратов. – Вып. 18. – С. 65–107
786. *Малов Н.М., Сергеева О.В., 2010.* Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, волго-донского и волго-уральского междуречья // АВСЕ. – Саратов. – Вып. 8. – С. 30–61
787. *Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г., 2009.* Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // АВЕС. – Саратов. – Вып. 7. – С. 19–43
788. *Малов Н.М., Филипченко В.В., 1995*. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // АВ. – СПб. – № 4. – С. 52–61
789. *Малютина Т.С., Зданович Г.Б., 2004.* Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. – М. – № 4. – С. 67–82
790. *Малютина Т.С., Зданович Г.Б., 2005.* Керамика Аркаима: сравнительный анализ // РА. – М. – № 2. – С. 20–31
791. *Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Семьян И.А., 2015*. Наконечники стрел с укрепленного поселения эпохи бронзы Куйсак // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всероссийской научной конференции. – Челябинск. – С. 71–74
792. *Мамонтов В.И., 1969*. Подъемный материал с Пятиморской стоянки // КСИА. – М. – Вып. 115. – С. 103–115
793. *Мамонтов В.И., 1981*. О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья // СА. – М. – № 3. – С. 16–28
794. *Мамонтов В.И., 1994*. Курганный могильник Антонов I // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград. – вып. 4. – С. 15–47
795. *Мамонтов В.И., 1997.* Курганный могильник Громославка II // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. – Волгоград. – Вып. 2. – С. 101–119
796. *Мамонтов В.И., 1997а.* Погребение катакомбной культуры Первомайского курганного могильника // АНСК. Охрана и исследования в 1996 году. – Саратов. – Вып. 2. – С. 123–129
797. *Мамонтов В.И., 1999.* Материалы одиночного кургана у пос. Тихоновка // АНСК. Охрана и исследования в 1997 году. – Саратов. – С. 64–74

798. *Мамонтов В.И., 2000.* Материалы курганного могильника Химкомбинат, группа Б // НАВ. – Волгоград. – Вып. 3. – С. 252–267
799. *Мамонтов В.И., 2000а.* Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). – Волгоград. – 194 с.
800. *Мамонтов В.И., 2001*. Курганный могильник Первомайский VIII // НАВ. – Волгоград. – Вып. 4. – С. 179–195
801. *Мамонтов В.И., 2002.* Курганный могильник Вербовский III // НАВ. – Волгоград. – Вып. 7. – С. 133–148
802. *Мамонтов В.И., 2006.* Погребения из курганов у р. Пичуги // ВАП. – Самара. – Вып. 4. – С. 246–252
803. *Мамонтов В.И., 2017*. Материалы раскопок курганов у пос. Вертячий // Древности Волго-Донских степей. – Ростов-на-Дону. – С. 72–89
804. *Марина З.П., Морковина И.В., Фещенко Е.Л., 1984.* Погребения эпохи ранней и средней бронзы в курганных группах Среднего Приорелья // ПАП III-I тыс. до н.э. – Днепропетровск. – С. 3–24
805. *Марковин В.И., 1960.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. – М. – № 93. – 152 с.
806. *Марковин В.И., 1963.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. – М. – С. 49–135
807. *Марковин В.И., 1968.* Рец. на кн.: В.М. Котович. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы Горного Дагестана (К истории дагестанских племен в конце III-II тысячелетий до н.э.). Махачкала, 1965 г. // СА. – М. – № 2. – С. 312–314
808. *Марковин В.И., 1969.* Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура. – М. – 116 с.
809. *Марковин В.И., 1970.* Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии // СА. – М. – № 4. – С. 83–95
810. *Марковин В.И., 1972.* Рец. на кн.: М.Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи) // СА. – М. – № 1. – С. 288–289
811. *Марковин В.И., 1978.* Дольмены Западного Кавказа. – М. – 328 с.
812. *Марковин В.И., 1982.* К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе // КСИА. – М. – Вып. 169. – С. 25–32
813. *Марковин В.И., 1982а.* К вопросу о хронологии археологических культур эпохи бронзы на территории Северного Кавказа // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 5–16
814. *Марковин В.И., 1994*. Северо-восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 287–333
815. *Марковин В.И., 1994а.* Каякентско-харачоевская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 334–355

816. *Марковин В.И., 1994б.* Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 226–253
817. *Марковин В.И., 1995.* Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. – Армавир. – С. 28–47
818. *Марковин В.И., 1997.* Дольмены Западного Кавказа. – М. – 404 с.
819. *Марковин В.И., 2002.* Древний зольник у с. Курчалой (Северо-восточный Кавказа) // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. – Тула. – С. 77–132
820. *Матвеев Ю.П., 1990.* Среднедонская катакомбная культура: происхождение, периодизация, дальнейшая судьба // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 46–50
821. *Матвеев Ю.П., 1996.* Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы донецко-поволжского региона // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж. – С. 27–33
822. *Матвеев Ю.П., 2006.* Керамика с валиковым орнаментом срубной культуры лесостепного Подонья // АВЛ. Эпоха металла Восточной Европы (история исследования, публикации). – Воронеж. – Вып. 20. – С. 124–128
823. *Матвеев Ю.П., Левых Г.А., 1996.* Курганы у села Губари // Археологические исследования высшей педагогической школы. Сборник научных трудов (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). – Воронеж. – С. 130–147
824. *Матвеев Ю.П., Маслихова Л.И., 2004*. Курганная группа «Таганка» // Археологические памятник бассейна Дона. – Воронеж. – С. 83–97
825. *Махно Є.В., Братченко С.Н., 1977.* Пастове намисто з катакомбного поховання на Компанійцівському могильнику // Археологія. – К. – Вип. 24. – С. 53–59
826. *Медведев А.П., 2017*. Курган с ровиком в низовьях р. Елань // РА. – М. – № 3. – С. 105–116
827. *Медведев А.П., 2018*. Погребения эпохи бронзы в кургане 3 могильника Елка I // Археологическое наследие. – Воронеж. – № 1 (1). – С. 11–22
828. *Медникова М.Б., 2018*. Как стать кузнецом? О мобильности абашевского населения по материалам Пепкинского кургана эпохи средней бронзы // КСИА. – М. – Вып. 253. – С. 378–389
829. *Медникова М.Б., 2019*. Летальные травмы головы в эпоху бронзы (новые методы изучения) // КСИА. – М. – Вып. 257. – С. 327–338
830. *Медникова М.Б., Лебединская Г.В., 1999*. Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М. – С. 200–216

831. *Медникова М.Б., Тарасова А.А., Чечеткина О.Ю., Евтеев А.А, 2021.* Представители средневолжской абашевской культуры в контексте изменчивости лицевого скелета у населения ранней и средней бронзы по данным геометрической морфометрии // КСИА. – М. – Вып. 265. – С. 309–324
832. *Мельник В.И., 1984.* Памятники эпохи средней бронзы степного Поволжья и проблема их связи с восточными культурами // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск. – С. 23–27
833. *Мельник В.И., 1991.* Особые виды погребений катакомбной культуры. – М. – 136 с.
834. *Мельник В.И., 2008.* Смещения природных зон на Юго-востоке Европы и распрстранение культур эпохи бронзы // АВЛ. – Пенза. – Вып. 2. – Т. I. – С. 177–178
835. *Мельник В.И., 2009.* Цветовая триада в погребальной обрядности бронзового века Кубано-Донья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 246–247
836. *Мельник В.И., 2009а.* Миграционные процессы на Ближнем Востоке и их связь с аридизацией климата в III-II тыс. до н.э. // КСИА. – М. – Вып. 223. – С. 19–31
837. *Мельник В.И., 2015*. Фазы перемен в культурах степей Восточной Европы и цивилизациях Ближнего Востока III–I тыс. до н.э. // КСИА. – М. – Вып. 239. – С. 61–71
838. *Мерперт Н.Я., 1954.* Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. – М. – № 42. – Т. I. – С. 139–156
839. *Мерперт Н.Я., 1960.* Раскопки абашевских курганов в Чувашии // Ученые записки. Вопросы археологии и истории Чувашии. – Чебоксары. – С. 14–37
840. *Мерперт Н.Я., 1961*. Абашевские курганы северной Чувашии // МИА. – М. – № 97. – С. 111–156
841. *Мерперт Н.Я., 1967*. Раскопки в Нижнем Поволжье // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. – К. – С. 82–99
842. *Мерперт Н.Я., 1974.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М. – 168 с.
843. *Мизиев И.М., 1984.* Два кургана у селений Кишпек и Кыхбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Памятники эпохи бронзы (III–II тыс. до н.э.). – Нальчик. – Т.1. – С. 88–111
844. *Микляев А.М., 1992*. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати. – Автореф. дис. … докт. ист. наук. – СПб. – 32 с.
845. *Микляев А.М., 1994*. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. – СПб. – С. 5–39

846. *Мимоход Р.А., 1997.* Об одной группе погребений на поселениях срубной культуры // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Тез. доп. – К. – С. 112–114
847. *Мимоход Р.А., 2001.* Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. Том 1: «Археология». – Донецк-Макеевка. – С. 94–105
848. *Мимоход Р.А., 2002.* Погребения финала средней – поздней бронзы могильника Островной // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М., Элиста. – С. 228–244
849. *Мимоход Р.А., 2003*. О погребениях финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. – М. – Часть I. – С. 103–107
850. *Мимоход Р. А., 2004.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тез. докл. – Волгоград. – С. 108–114
851. *Мимоход Р.А., 2005.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам′яток археології Східної України. – Луганськ. – С. 70–74
852. *Мимоход Р.А., 2006.* Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Первая абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья. Материалы конференции. – Сухум. – С. 249–253
853. *Мимоход Р.А., 2007.* Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. – М. – № 4. – С.143–154
854. *Мимоход Р.А., 2007а.* Кости животных в лолинских погребениях как культурно-хронологический индикатор // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 7. – С. 118–127
855. *Мимоход Р.А., 2009.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // МОАИ. – М. – Т. 10. – 292 с.
856. *Мимоход Р.А., 2009а.* О верхней дате вольско-лбищенской культурной группы // АПВЕ. – Воронеж. – Вып. 13. – С. 276–278
857. *Мимоход Р.А., 2009б.* Радиоуглеродная хронология посткатакомбных культурных образований Предкавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 253-257
858. *Мимоход Р.А., 2010*. Хронология криволукской культурной группы // XVIII УАС. – Уфа. – С. 158–160
859. *Мимоход Р.А., 2010а.* Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // ДАЗ. – Донецьк. – 2009/2010. – №13/14. – С. 67–82

860. *Мимоход Р.А., 2010б.* Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 10. – С. 32–55
861. *Мимоход Р.А., 2011*. Северные типы костяных и роговых пряжек финала средней – начала поздней бронзы на Кавказе и Предкавказье // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская Международная конференция. – Сухум. – С. 36–47
862. *Мимоход Р.О., 2011а.* Кістяні та рогові пряжки фіналу середньої – початку пізньої бронзи у Східній Європі та на Кавказі як хронологічні індикатори та свідоцтва культурних контактів // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Луганськ. – № 11. – С. 201–216
863. *Мимоход Р.А., 2011б*. О загадочных костяных конусах в комплексах лолинской и днепро-донской бабинской культур // ДАЗ. – Донецьк. – № 15. – С. 36–47
864. *Мимоход Р.А., 2011в*. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 28–53
865. *Мимоход Р.А, 2011г.* О южном компоненте синташтинского культурогенеза // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.-М.-Великий Новгород. – Т. I. – С. 246–247
866. *Мимоход Р.А., 2012*. Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов в конце средней – начале поздней бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга 2. – С. 137–144
867. *Мимоход Р.А., 2012а.* Радиоуглеродные даты погребений днепро-донской бабинской культуры из одиночного кургана Ясиновский III на Северском Донце // Проблеми дослідження пам′яток археології Східної України. Матеріали III міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам’яті С.Н. Братченка. – Луганськ. – С. 295–299
868. *Мимоход Р.А., 2012б.* Костяные и роговые пряжки финала средней – начала поздней бронзы в Восточной Европе и на Кавказе как хронологические индикаторы и свидетельства культурных контактов // АВЕС. – Саратов. – Вып. 9. – С. 23–44
869. *Мимоход Р.А., 2013*. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // МОАИ. – М. – Т. 16. – 568 с.

870. *Мимоход Р.А., 2013а.* Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М. – 28 с.
871. *Мимоход Р.А., 2013б.* Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. – Рукопись дис. … канд. ист. наук // НА ИА РАН
872. *Мимоход Р.А., 2013в.* Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: содержание и дефиниции // АВЕС. – Саратов. – Вып. 10. – С. 167–179
873. *Мимоход Р.А., 2013г*. Погребения днепро-донской бабинской культуры из одиночного кургана Ясиновский III и могильника Таловый I на правобережье Северского Донца // КСИА. – М. – Вып. 228. – С. 34–46
874. *Мимоход Р.А., 2014*. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. – М. – Вып. 232. – С. 100–119
875. *Мимоход Р.А., 2014а.* Радиоуглеродная хронология архонской культурной группы // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. – М. – С. 76–79
876. *Мимоход Р. А., 2014б.* Лепестковидные бусы финала средней бронзы как культурно-хронологический индикатор // КСИА. – М. – Вып. 233. – С. 18–33
877. *Мимоход Р.А., 2014в*. Срубная культура Северо-западного Прикаспия // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань. – Т. 1. – С. 609–614
878. *Мимоход Р.А., 2014г.* Роль палеопочвоведения в изучении памятников посткатакомбного периода // Материалы Всероссийской научной конференции по археологическому почвоведению, посвященной памяти В.А. Дёмкина. – Пущино. – С. 64–67
879. *Мимоход Р.А., 2016.* Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. – Грозный. – С. 45–47
880. *Мимоход Р.А., 2016а.* Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры // Научные труды ООО НПО «Черноземье». – Липецк-Воронеж. – Вып. 4. – С. 35–49
881. *Мимоход Р.А., 2017.* Посткатакомбный мир: концепция, структура, содержание // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. – http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896

882. *Мимоход Р.А., 2018*. Посткатакомбный период в Волго-Уральском регионе // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. – Самара. – С. 140–144

883. *Мимоход Р.А., 2018а.* Вольско-лбищенская керамика в погребальных комплексах: культурные маркеры или маркеры в культурах // ИСНЦ РАН. – Самара. – Т. 20. – № 3. – С. 223–233

884. *Мимоход Р.А., 2018б*. О верхней дате воронежской культуры // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тезисы докладов круглого стола. – М. – С. 56–57

885. *Мимоход Р.А., 2018в*. Стратифицированные курганы бронзового века на правобережье Северского Донца // МСАИ. – М. – Т. 23. – 288 с.

886. *Мимоход Р.А., 2018г.* Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний // АВ. – СПб. – № 24. – С. 249–275

887. *Мимоход Р.А., 2018д*. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // РА. – М. – № 2. – С. 33–48

888. *Мимоход Р.А., 2018е.* Семантика фигурных роговых пряжек кавказской традиции (финал средней бронзы) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Карачаевск. – С. 107–110

889. *Мимоход Р.А., 2019.* Теория оптимального кризиса: экология и адаптация // Природа. – М. – № 1. – С. 43–49

890. *Мимоход Р.А., 2019а.* Хронология воронежской культуры (по материалам погребальных памятников) // КСИА. – М. – Вып. 256. – С. 121–135

891. *Мимоход Р.О., 2019б*. Кістки тварин у волго-донських бабинських похованнях як культурно-хронологічні індикатори та маркери господарської моделі // ДАЗ. – Вінниця. – № 22. – С. 21–45

892. *Мимоход Р.А., 2019в*. Культурно-генетические процессы на востоке посткатакомбного мира // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). – СПб. – Т. II. – С. 39–41

893. *Мимоход Р.А., 2020.* Керамический комплекс волго-донской бабинской культуры: проблемы идентификации и культурной специфики // КСИА. – М. – Вып. 259. – С. 148–163

894. *Мимоход Р.А., 2020а.* Кольцевые костяные и роговые пряжки и пряжки/подвески посткатакомбного времени и периодов Br A1-A2 в Восточной, Центральной и Южной Европе // Труды VI (XXII)

Всероссийского археологического съезда в Самаре. – Самара. – С. 302–304

895. *Мимоход Р.А., 2021*. Кости животных в волго-донских бабинских погребениях как культурно-хронологические индикаторы и маркеры хозяйственной модели // КСИА. – М. – Вып. 263. – С. 7–24

896. *Мимоход Р.А., 2021а*. Посткатакомбные памятники // Археология Волго-Уралья. Энеолит и бронзовый век. – Казань. – Т. II. – С. 316–338

897. *Мимоход Р.А., 2021б*. «Загадочные» сидячие захоронения бронзового века в Волго-Уралье // РА. – М. – № 3. – С. 52–66

898. *Мимоход Р.А., 2021в*. Хронология и периодизация волго-донской бабинской культуры // Вопросы археологии Поволжья. – Самара. – Вып. 9. – С. 69–91

899. *Мимоход Р.О., 2021г*. Хронологія та періодизація волго-донської бабинської культури // Археологія і давня історія України. – К. – Вип. 2 (39). – С. 71–92

900. *Мимоход Р.А., 2022*. Средневолжская абашевская культура и культура колоколовидных кубков: наброски к семейному портрету // АЕС. – Казань. – № 2. – С. 122–150

901. *Мимоход Р.А., 2022а.* Блок постакатакомбных культурных образований (решение проблемы) // Археология Волго-Донского междуречья: культурогенез от до раннего средневековья: Сборник статей в честь 60-летия А.В. Кияшко. – Ростов-на-Дону; Таганрог. – С. 75–86

902. *Мимоход Р.А., 2022б.* Костяные и роговые пряжки и пряжки/подвески посткатакомбного времени и периодов BzA в Восточной, Центральной и Южной Европе или конвергенция минус // https://www.youtube.com/watch?v=ds4dK5L96FI&t=2242s. – мин. 00:03:25–00:34:03

903. *Мимоход Р.А., 2022в*. Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира // КСИА. – М. – Вып. 266. – С. 79–96

904. *Мимоход Р.А., 2022г*. Так кто все же все-таки штурмовал Ливенцовскую крепость: война миров или война внутри мира? // https://www.youtube.com/watch?v=EC2WHePBP2w

905. *Мимоход Р.А., 2022д.* Десять лет спустя или радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований в свете новых данных // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта). Тезисы докладов конференции. – М. – С. 70–73

906. *Мимоход Р.А., Гак Е.И., Борисов А.В., Рябогина Н.Е., Хомутова Т.Э., 2020*. Логистика металла: причины и последствия прекращения транзита кавказской бронзы на территорию Русской равнины // Экология древних

и традиционных обществ. Материалы VI Международной научной конференции. – Тюмень. – С. 83–84

907. *Мимоход Р.А., Гак Е.И., Хомутова Т.Э., Рябогина Н.Е., Борисов А.В., 2022*. Палеоэкология–культурогенез–металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней–начале поздней бронзы // РА. – М. – № 1. – С. 20–34

908. *Мимоход Р.А., Загородняя О.Н., 2020.* Свидетельства ранений и убийств в посткатакомбном мире (XXII–XVIII вв. до н.э.) // Маргулановские чтения – 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). – Алматы. – Т. 1. – С. 137–151

909. *Мимоход Р.А., Загородняя О.Н., 2020а.* Комплексы с останками людей на поселениях срубной культурно-исторической общности // АВЕС. – Саратов. – Вып. 16. – С. 114–143

910. *Мимоход Р.А., Усачук А.Н., Вербовский А.В., 2021*. Каменные бруски с двумя перетяжками в погребениях культурного круга Бабино в контексте оснащения лучника в западной части Старого Света // АВ. – СПб. – Вып. 32. – С. 386–401

911. *Мимоход Р.А., Шишлина Н.И., 2004.* Радиоуглеродные данные финальнокатакомбных погребений могильника Манджикины I и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. – М. – С.124-127

912. *Мимоход Р.А., Шишлина Н.И., Хоммель П., 2020*. ^{14}С данные кургана 1 мог. Пологи и радиоуглеродная хронология днепро-донской бабинской культуры // Пологівський посох (досвід міждисциплінарного вивчення). Колективна монографія. – К. – С. 102–112

913. *Мишина Т.Н., 1989.* Курганы эпохи ранней бронзы Центрального Ставрополья // Древности Ставрополья. – М. – С. 233–256

914. *Молодин В.И., Гришин А.Е., 2016*. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – Новосибирск. – Т. 4. – 452 с.

915. *Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В., 2014*. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири:

принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. – Новосибирск. – Т. 13, вып. 3. – С. 136–167

916. *Монахов С.Ю., 1984.* Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. – М. – № 1. – С. 241–244
917. *Моргунова Н.Л., 2002.* Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н.Я. Мерперта. – М. – С. 104–116
918. *Моргунова Н.Л., 2007*. Вклад Оренгбургской археологической экспедиции в изучение истории Южного Урала за последнее 30-летие // АПО. – Оренбург. – Вып. VIII. – С. 4–14
919. *Моргунова Н.Л., 2014*. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. – Оренбург. – 348 с.
920. *Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А., 2010.* Скворцовский курганный могильник. – Оренбург. – 160 с.
921. *Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А., 2009.* Лабазовский курганный могильник срубной культуры. – Оренбург. – 98 с.
922. *Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С., 2003*. Шумаевские курганы. – Оренбург. – 392 с.
923. *Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994*. Памятники древнеямной культуры на Илеке. – Екатеринбург. – 153 с.
924. *Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., 2003*. Новые исследования памятников эпохи бронзы в Центральном Оренбуржье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары. – С. 225–229
925. *Моргунова Н.Л., Хохлова О.С., Зайцева Г.И., Чичагова О.А., Гольева А.А., 2003*. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников Южного Зауралья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург. – С. 264–274
926. *Морозов Ю.А., 2017*. Аитовское поселение эпохи бронзы в Башкирском Приуралье. – Уфа. – 232 с.
927. *Моруженко А.А., Литвиненко Р.А., 1993.* Могильник эпохи бронзы у с. Зрубное на р. Миус // ДАС. – Донецк. – Вып. 3. – С. 72–102
928. *Мочалов О.Д., 2008.* Дискуссионные вопросы происхождения керамических традиций синташтинских памятников: современное состояние проблемы // ИСНЦ РАН. – Самара. – Т. 10. – № 1. – С. 244–250
929. *Мочалов О.Д., 2010.* Керамика эпохи ранней – средней бронзы Волго-Уралья в контексте Кавказско-Причерноморских связей: «взгляд» с

востока // Индоевропейская история в свете новых открытий. – М. – С. 153–164

930. *Мочалов О.Д., 2010а*. Дискуссионные вопросы происхождения керамических традиций синташтинских памятников // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 78–89

931. *Мошинский А.П., 1987.* Раскопки экспедиции ГИМ на могильнике Верхняя Рутха в 1985-1986 гг. // Задачи советской археологии в свете решений XVII съезда КПСС. – М. – С. 179–180

932. *Мошинский А.П., 2004.* Кобанская культурно-историческая область и Горная Дигория // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. – М. – С. 130–131

933. *Мошинский А.П., 2007.* О правомерности выделения дигорской культуры // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 698–699

934. *Мошинский А.П., 2007а.* Протокобанская эпоха на Северном Кавказе // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 761–762

935. *Мошинский А.П., 2008.* Протокобанская эпоха на Северном Кавказе // Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. – Владикавказ. – С. 261–264

936. *Мошинский А.П., 2010.* Протокобанский период, Кобан I или предкобанская эпоха? // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Магас. – С. 256–257

937. *Мошкова М.Г., Максименко В.Е., 1974.* Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М. – Часть II. – С. 7–80

938. *Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М. – Часть I. – С. 21–121

939. *Мунчаев Р.М., 1953.* Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III–II тыс. до н.э.). – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М. – 16 с.

940. *Мунчаев Р.М., 1958.* Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. – № 71. – С. 41–52

941. *Мунчаев Р.М., 1962.* Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии (из результатов работ Северокавказской экспедиции) // СА. – М. – № 3. – С. 177–198

942. *Мунчаев Р.*Ф., 1994. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза. – М. – С. 158–223
943. *Мунчаев Р.Ф., Амиров Ш.Н., 2016*. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. – М. – Т. 2. – 584 с.
944. *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // СА. – М. – XXVI. – С. 167–203
945. *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958.* Археологические памятники близ села Карабудахкент // МИА. – М. – № 68. – С. 147–175
946. *Мыськов Е.П., 1991.* К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и волго-донского междуречья // СА. – М. – № 4. – С. 145–163
947. *Мыськов Е.П., 1991а*. Раннесрубные памятники Нижнего Поволжья и проблема их формирования // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Тезисы вторых Рыковских чтений. – Саратов. – С. 28–30
948. *Мышкин В.Н., Турецкий М.А., 2006.* Курганы бронзового века на реке Малый Кинель // ВАП. – Самара. – Вып. 4. – С. 314–334
949. *Назаров А.С., 2000*. Бронзовые ножи в культуре многоваликовой керамики в Северном Причерноморье // Чобручский археологический комплекс и древние культутры Поднестровья. – Тирасполь. – С. 108–111
950. *Нечитайло А.Л., 1970.* Курганы эпохи бронзы близ станицы Суворовской // СА. – 1970. – М. – № 2. – С. 145–156
951. *Нечитайло А.Л., 1978.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. – К. – 152 с.
952. *Нечитайло А.Л., 1979.* Суворовский курганный могильник. – К. – 86 с.
953. *Нечитайло А.Л., Санжаров С.Н., 2003*. Металлообрабатывающий комплекс поселения Серебрянское // МИАВУ. – Луганск. – Вып. 1. – С. 226–237
954. *Николаева Н.А., 2011*. Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III-II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. – М. – 557 с.
955. *Николова А.В., 2001.* Хронология ямной и катакомбной культур степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ^{14}С // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 104–107
956. *Николова А.В., Бунятян Е.П., 1991.* Погребение «мастера» с Никопольщины // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К. – С. 128–136
957. *Ніколова А.В., Разумов С.М., 2012.* Поховання культури Бабине Сугоклейської могили // Археологія. – К. – № 3. – С. 96–108

958. *Николова А.В., Черных Л.А., Евдокимов Г.Л., 2011*. Курганы эпохи бронзы в низовьях Днепра и Ингульца (по материалам Краснознаменской экспедиции) // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 11. – С. 96–163
959. *Новичихин А.М., Федоренко В.Н., 2003.* Каменные сверленые топоры-молотки из Анапского и Новороссийского музеев // РА. – М. – № 4. – С. 89–92
960. *ОАК, 1898*. Отчет Императорской Археологической комиссии: Приложение III: извлечение из отчета В.И. Долбежева. – СПб.
961. *Обыденнова Г.Т., 2007*. Бронзовый век Урало-Поволжья в исследованиях второй половине XX в. (1970–1990-е гг.) // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии. Чтения памяти К.В. Сальникова. – Уфа. – С. 21–33
962. *Озеров А.А., Беспалый Е.И., 1987.* Погребение эпохи ранней бронзы близ г. Сальска (Ростовская обл.) // СА. – М. – № 3. – С. 161–165
963. *Олих О.Г., 2004.* Каменные сверленые топоры-молотки из собрания Таганрогского музея-заповедника // ИАИАНД в 2003 году. – Азов. – Вып. 20. – С. 195–202
964. *Ольховский В.С., Отрощенко В.В., 1991*. Курганное святилище эпохи бронзы в Крыму // ДСПК. – Запорожье. – Вып. II. – С. 111–125
965. *Орджоникидзе А.З., 1983*. Самцхе-Джавахети в эпоху ранней бронзы. – Тбилиси (на груз. яз.)
966. *Освещая прошлое, 2009*. – Ростов-на-Дону. – 303 с.
967. *Отрощенко В.В., 1990.* Катакомбная общность – срубная общность: возможность контакта // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 76–78
968. *Отрощенко В.В., 1990а.* О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры // СА. – М. – № 1. – С. 107–112
969. *Отрощенко В.В., 1992.* О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // История и археология Слободской Украины. – Харьков. – С. 163–165
970. *Отрощенко В.В., 1994.* До уточнення хронології синташтинської культури // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы. – Днепропетровск. – С. 39–41
971. *Отрощенко В.В., 1996.* Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж. – Вып. 2. – С. 29–31
972. *Отрощенко В.В., 1997.* Чотирихкамерні склепи синташтинської доби // Археологія. – К. – № 3. – С. 66–72
973. *Отрощенко В.В., 1998.* Феномен кістяних пряжок // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-

исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 113–117

974. *Отрощенко В.В., 1998а.* К вопросу о доно-волжской абашевской культуре // АВЛ. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж. – С. 53–59

975. *Отрощенко В.В., 2000.* К вопросу о памятниках новокумакского типа // Проблемы энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск. – С. 66–72

976. *Отрощенко В.В., 2000а*. До питання про стратиграфію поховань культури багатоваликової кераміки (КБК) та покровської зрубної культури (ПЗК) // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк. – С. 79–81

977. *Отрощенко В.В., 2001.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Европи (культурно-стратиграфіні зіставлення). – К. – 288 с.

978. *Отрощенко В.В., 2001а*. К попыткам ревизии культурно-хронологической схемы В.А. Городцова // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 39–42

979. *Отрощенко В.В., 2002.* Історія племен зрубної спільноти. Рукопис дис. … д-ра іст. наук // НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 2. – № 879

980. *Отрощенко В.В., 2003.* К истории племен срубной общности // АВЛ. Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж. – Вып. 17. – С. 68–96

981. *Отрощенко В.В., 2004*. К доистории киммерийцев // Kimirovie, skytovie, sarvaci. – Kraków. – С. 361–365

982. *Отрощенко В.В., 2005.* Дніпро-Донецький осередок культурогенези (постановка проблеми) // Проблеми дослідження пам′яток археології Східної України. – Луганськ. – С. 36–38

983. *Отрощенко В.В., 2006.* З приводу західного вектору руху колісничних // Проблеми гірничної археології. Матеріали V-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. – Алчевськ. – С. 71–87

984. *Отрощенко В.В., 2006а*. До генези бережнівськомаївської зрубної культури // Проблеми гірничої археології: матеріали ІІІ-го Картамиського польового археологічного семінару (15 липня 2004 р.). – Алчевськ. – С. 18–30

985. *Отрощенко В.В., 2007.* Полеміка стосовано західного вектора руху колеснічих // Записки Наукового товариства імені Шевченко. Праці Археологічної комісії. – Львів. – Т. CCLIII. – С. 206–213

986. *Отрощенко В.В., 2009.* К дискуссии о векторах движения колесничих в эпоху бронзы // АВЛ. – Воронеж. – С. 66–72

987. *Отрощенко В.В., 2009*. До історіографії виділення бережнівсько-маївської зрубної культури // Проблеми археології Поднепров'я. – Дніпропетровськ. – С.70–74
988. *Отрощенко В.В., 2011.* Проблеми вивчення пам'яток бабинської спільноти Середної Наддніпрянщини // Переяславіка. Наукові записки Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав». – Переяслав-Хмельницький. – Вип. 5 (7). – С. 159–162
989. *Отрощенко В.В., 2011а*. Міркування щодо одного «аномального» тексту // Магістеріум. Археологічні студії. – К. – Вип. 45. – С. 14–18
990. *Отрощенко В.В., 2014.* Щодо перехідного періоду від середнього до пізнього бронзового віку // ССПК. – К. – XVII. – С. 7–14
991. *Отрощенко В.В., 2014а*. З приводу генези цист бережнівсько-маївської зрубної культури // Археологія. – К. – № 2. – С. 3–17
992. *Отрощенко В.В., 2018*. Синташтинская культура и концепция харизматичных кланов О. Прицака // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии. Сборник научных трудов к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – С. 82–91
993. *Отрощенко В.В., 2019*. Антропозооморфні шаманські пряжки перехідного періоду від середньої до пізьної бронзи // Археологія. – К. – № 4. – С. 8–15
994. *Отрощенко В.В., 2020*. Пологівська герлига: стратиграфія, культурна належність, семантика // Пологівський посох (досвід міждисциплінарного вивчення). Колективна монографія. – К. – С. 128–153
995. *Охріменко Г., Скляренко Н., 2016.* Бабинська культура на Волині // Нариси етнокультурної історії Північно-Західної України доби бронзи. – Луцьк. – С. 218–242
996. *Охріменко Г., Скляренко Н., Локайчук С., 2012*. Окремі питання бабинської культури на Волині // Волинсько-Подільські археологічні студії. – Луцьк. – С. 170–175
997. *Очир-Горяева М.А., 2008.* Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1925–1997 гг.). – Элиста. – 301 с.
998. *Очир-Горяева М.А., 2008а.* Археологические раскопки на территории Республики Калмыкии: история и итоги // НАВ. – Волгоград. – вып.9. – С. 76–97
999. *Очир-Горяева М.А., 2009*. Вклад В.П. Шилова в развитие археологической науки в Калмыкии // Шилов В.П. Древние скотоводы калмыцких степей. – Элиста. – С. 6–10
1000. *Очир-Горяева М.А., 2015.* Дискуссионные проблемы изучения образа жизни и типа хозяйства населения волго-манычских степей эпохи бронзы // ПА. – Казань. – № 2 (12). – С. 4–51
1001. *Очир-Горяева М.А., 2017.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. – Элиста. – 420 с.

1002. *Очир-Горяева М.А., Кекеев Э.А., 2013*. Археологические раскопки поселения эпохи бронзы Ергенинское // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – Элиста. – № 4. – С. 18–26
1003. *Ошаев М.Х., 1979.* Археологические работы у селения Бачи-Юрт // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 50–74
1004. *Ошаев М.Х., 1982.* Могильник эпохи бронзы у селения Дай // Новые памятники эпохи бронзы Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 30–46
1005. *Ошаев М.Х., 2007.* Новые данные о памятниках эпохи бронзы предгорий Восточной Чечни // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 107
1006. *Памятники срубной культуры…, 1993.* Памятинки срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. – Саратов. – Вып. В1-10. – Т. I. – 200 с.
1007. *Панасюк Н.В., 2001.* К проблеме социальной стратификации волго-манычской катакомбной культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 143–148
1008. *Панасюк Н.В., Мимоход Р.А. 2004.* Поздние курильницы восточноманычской катакомбной культуры // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. – М. – С. 140–142
1009. *Панковский В.Б., 1999.* Функционально-типологический анализ костяного инвентаря поселения Ильичевка // Проблемы скифо-сарматской археологии (К 100-летию Бориса Николаевича Гракова). III Граковские чтения. – Запорожье. – С. 196–201
1010. *Панковський В.Б., 2012.* Лолінсько-бабинська дзига // ДАЗ. – Донецьк. – № 16. – С. 77–99
1011. *Панковський В.Б., 2015.* Щаблі майстрування бабинських пряжок // ДАЗ. – Вінниця. – № 19. –С. 24–57
1012. *Пантелеева С.Е., 2022*. Стилистическая вариативность абашевской керамики: к постановке проблемы // ВААЭ. – Екатеринбург. – № 1 (56). – С. 18–30
1013. *Панюшкина И.П., 2015*. Календарный возраст курганной группы Халвай // Шевнина И., Логвин А. Могильник эпохи броны Халвай III в Северном Казахстане // Материалы и исследования по археологии Казахстана. – Астана. – Т. VII. – С. 184–187
1014. *Папанова В.А., Тощев Г.Н., Голик А.А., 2016*. Раскопки курганного могильника эпохи бронзы (с. Дмитровка Бердянского района Запорожской области) // ССПК. – К. – XIX. – С. 22–58

1015. *Папанова В.А., Тощев Г.М., Каїра Ф.В., 2018.* Дослідження курганів доби бронзи у Північному Празов´ї // І Всеукраїнський археологічний з´їзд. – К. – С. 93

1016. *Папанова В.А., Тощев Г.М., Каїра Ф.В., Короткий О.В., 2020.* Разкопки курганних могільників № 2007 и № 2417 (м. Пологи та с. Пологи Пологівського району Запорізької області) у 2018 р. // Пологівський посох (досвід міждисциплінарного вивчення). Колективна монографія. – К. – С. 8–45

1017. *Парусимов И.Н., 1997.* Археологические раскопки в Ремонтненском районе // Труды НАЭ. – Новочеркасск. – 75 с.

1018. *Парусимов И.Н., 1999.* Археологические исследования у х. Озерки в 1988-89 гг. // Труды НАЭ. – Азов. Вып. 4. – 84 с.

1019. *Парусимов И.Н., 2002.* Раскопки курганов у станицы Бессергеневской и хутора Мокрый Керчик // Труды НАЭ. – Азов. – Вып. 6. – 104 с.

1020. *Пестрикова В.И., 1979.* Фатьяновский могильник на севере Саратовской области // Древняя история Поволжья. Научные труды. – Т. 230. – С .99–110

1021. *Пестрикова В.И., Агапов Д.С., 2010.* Хвалынский I энеолитический могильник как исторический источник // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. – Самара. – С. 11–120

1022. *Петров Ф.Н., 2009.* Поселение Аркаим в культурном пространстве эпохи бронзы. – Дубна. – 64 с.

1023. *Петров Ю.Э., 1983.* Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев. – С. 118–122

1024. *Писларий И.А., 1975*. О двух культурно-хронологических группах погребений в срубах бассейна Северского Донца // Новейшие открытия советских археологов. – К. – Часть I. – С. 89–91

1025. *Писларий И.А., 1976*. Новые материалы для изучения вопроса о сложении срубной культуры // Открытия молодых археологов Украины. – К. – Часть I. – С. 18–19

1026. *Писларий И.А., 1982*. О методе проверки однородности массива археологических памятников // Новые методы археологических исследований. – К. – С. 169–193

1027. *Писларий И.А., 1983.* Культура многоваликовой керамики Восточной Украины. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – К. – 22 с.

1028. *Писларий И.А., 1988.* Проблемы изучения курганного обряда в эпоху бронзы на территории Донбасса // Актуальные проблемы охраны и исследования археологических памятников в Центральном Донбассе. – Перевальск. – С. 12–15

1029. *Писларий И.А., 1991*. Погребальный обряд племен культуры многоваликовой керамики // Древняя история населения Украины. – К. – С. 52–66
1030. *Писларий И.А., 1995*. Животноводство населения в эпоху бронзы степной Украины // Хозяйство древнего населения Украины. Ремесла и промыслы древнего населения Украины. Часть 1. – К. – С. 49–73
1031. *Післярій І.О., 1982.* Про ткацтво в добу міді – бронзи та раннього заліза // Археологія. – К. – Вип. 38. – С. 70–81
1032. *Пицхелаури К.Н., 1987.* Центральное Закавказье в конце III и начале II тыс. до н.э. // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. – Тбилиси. – С. 21–26
1033. *Пицхелаури К.Н., 2010.* Некоторые спорные вопросы терминологии, хронологии и периодизации эпохи бронзы и железа Кавказа // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. – Тбилиси. – С. 243–245
1034. *Погорелов В.И., 1985.* Ширяевский могильник бронзового века на Среднем Дону // СА. – М. – № 1. – С. 151–159
1035. *Погребова М.И., 1961.* Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД. – Махачкала. – Т. II. – С. 109–123
1036. *Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В., 2010*. Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы) // Древности Сибири и Центральной Азии.– Горно-Алтайск. – № 3 (15). – С. 14–33
1037. *Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В., 2020.* «... Колесница моя позлащена и кони мои тучны...» (о социологической интерпретации погребений с древнейшими псалиями степной Евразии) // Археология евразийских степей.– Казань. – № 2. – С. 278–309
1038. *Полидович Ю.Б., 1993.* Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // АА. – Донецк. – № 2. – С. 35–97
1039. *Пологівський посох…, 2020*. Пологівський посох (досвід міждисциплінарного вивчення). Колективна монографія. – К. – 212 с.
1040. *Попандопуло З.Х., 1991*. Курган «Соколовский» у города Пологи // ДСПК. – Запорожье. – II. – С. 66–76
1041. *Порохова О.И., 1989.* Срубно-алакульское покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа. – С. 60–71
1042. *Порохова О.И., 1992.* II Герасимовский курганный могильник // Древняя история населения волго-уральских степей. – Оренбург. – С. 92–107
1043. *Посегун А.А., 2009*. Исследование курганного могильника Почтовый II в Октябрьском районе Ростовской области // АЗ. – Ростов-на-Дону. – Вып. 6. – С. 63–73
1044. *Потапов В.В., 2001.* К вопросу о финальной дате срубной культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур,

хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 224–229

1045. *Потапов В.В., 2007*. Курганы Западного Маныча // АЗ. – Ростов-на-Дону. – Вып. 5. – С. 115–143

1046. *Потапов В.В., 2010.* Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М. – 25 с.

1047. *Потемкина Т.М., 1985.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М. – 276 с.

1048. *Привалова О.Я., Привалов А.И., 1988.* Список памятников археологии Украины. Донецкая область. – К.: УООП, 1988. – 110 с.

1049. *Прокофьев Р.В., 2004.* Курганы с камнем на правобережье Северского Донца // ИАИАНД в 2003 г. – Азов. – Вып. 20. – С. 240–326

1050. *Прокофьева Т.Е., 2012*. Раскопки курганов в Багаевском районе Ростовской области в 2009 году // // ИАИАНД в 2009 г. – Азов. – Вып. 26. – С. 19–70

1051. *Пряхин А.Д., 1976*. Поселения абашевской общности. – Воронеж. – 168 с.

1052. *Пряхин А.Д., 1977.* Погребальные абашевские памятники. – Воронеж. – 168 с.

1053. *Пряхин А.Д., 1982*. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. – Воронеж. – 160 с.

1054. *Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1988.* О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. – М. – № 3. – С. 21–36

1055. *Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1988а.* Воронежская культура средней бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. – Днепропетровск. – С. 90–109

1056. *Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1989.* Воронежская археологическая культура // АВЕС. – Саратов. – С. 134–135

1057. *Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П., 1989*. Кондрашкинский курган. – Воронеж. – 20 с.

1058. *Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988.* Курганы эпохи бронзы Побитюжья. – Воронеж. – 209 с.

1059. *Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1993.* Курганная группа у хутора Шкарин // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. – Уфа. – С. 32–50

1060. *Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998.* Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры // Археологические памятники Донсокого бассейна. – Воронеж. – Вып. 3. – 44 с.

1061. *Пряхин А.Д., Отрощенко В.В., Саврасов А.С., Бровендер Ю.М., 2003.* Некоторые результаты исследований украинско-российской экспедиции на Кратамышском рудопроявлении Луганской области

Украины // АВЛ. Доно-донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж. – Вып. 17. – С. 102–117

1062. *Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1983.* Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский // СА. – М. – № 3. – С. 197–202

1063. *Пряхин А.Д., Халиков А.Х., 1987.* Абашевская культура // Археология СССР. Бронзовый век лесной стороны СССР. – М. – С. 124–131

1064. *Пустовалов С.Ж., 2005.* Концепция археологической культуры (АК) В.Ф. Генинга и современная практика выделения археологических культур // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). – Екатеринбург. – С. 34–38

1065. *Пыслару И., 2009.* Культура Делакэу-Бабино и киммерийская проблема // ССПК. – Запоріжжя. – XV. – С. 149–156

1066. *Пятых Г.Г., 1983.* Общие компоненты сложения алакульской культуры и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск. – С. 111–118

1067. *Пятых Г.Г., 1983а*. К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье // Культуры бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев. – С. 81–95

1068. *Пятых Г.Г., 1984*. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА. – М. – № 2. – С. 146–154

1069. *Пятых Г.Г., 2000*. О хронологическом соотношении катакомбных и срубных культур // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицына (1900-1972) 14-18 мая 2000 года. – Саратов-Энгельс. – С. 71–72

1070. *Пятых Г.Г., 2000а*. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. – М. – № 4. – С. 11–25

1071. *Пятых Г.Г., 2004.* К проблеме происхождения и культурной принадлежности памятников потаповского типа // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова. – М. – С. 285–305

1072. *Равич И.Г., Рындина Н.В., 1984*. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь – мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие. – М. – № 9 (39). – С. 114–124

1073. *Радзієвська В.Є., Шрамко Б.А., 1980.* Нові археологічні пам'ятки на Харківщині // Археологія. – Вип. 33. – С. 100–108

1074. *Разумов С.Н., 1999.* Кремневые изделия КМК (по материалам погребений Донеччины) // Історія очима молодих дослідників. – Донецьк. – Т. 1. – С. 212–216

1075. *Разумов С.Н., 2001.* Кремень в обрядовой практике племен бронзового века (постановка вопроса) // Проблемы археологии и архитектуры. Том 1: «Археология». – Донецк-Макеевка. – С. 27–31

1076. *Разумов С.Н., 2002*. Роль кремня в поминальном обряде бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. – Одеса. – С. 93–95

1077. *Разумов С.Н., 2006.* О вооружении носителей бабинской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк. – С. 156–159

1078. *Разумов С.Н., 2010.* Наконечники стрел в погребениях эпохи бронзы Северного Причерноморья: вопросы терминологии // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VII Международной научной конференции. – Харьков. – С. 21

1079. *Разумов, Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Синика В.С., 2022.* Сосуд с пиктограммами начала позднего бронзового века из Северо-Западного Причерноморья // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей. – Алматы-Туркестан. – Т. 1. – С. 237–245

1080. *Райнхольд С., Белинский А.Б., Атабиев Б.Х., 2020*. Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях // Archäologie in Iran und Turan. Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога. Международная научная конференция по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). – Berlin. – Band 19. – С. 405–455

1081. *Рассамакін Ю.А., 2006.* Курган біля села Старобогданівка та деякі проблеми абсолютної хронології доби ранньої бронзи басейну р. Молочної // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 5. – С. 122–156

1082. *Рассмакин Ю.А., 2014*. Абсолютная хронология погребений из кургана 29 у с. Шевченко (Шахтер) // Черных Л.А., Дараган М.Н. Курганы эпохи энеолита–бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка // Курганы Украины. – К.-Берлин. – Т. 4. – С. 501–504

1083. *Резепкин А.Д., 2010.* К вопросу о классификации дольменов и погребальном обряде «дольменной культуры» // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Магас. – С. 303–306

1084. *Резепкин А.Д., 2019*. Дольмены могильника Шушук. Спектральный анализ металла, хронология // Вестник Московского областного государственного университета. – № 5. – С. 125–141

1085. *Ровира С., 2005.* Металлографический анализ медного тесла из кургана № 1 Першинского некрополя // Каргалы. Т.IV. Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования. – М. – С. 217–218

1086. *Рогудеев В.В., 2001.* Новые находки костяных медальонов (пряжек) // XV УАС. – Оренбург. – С. 107–109

1087. *Рогудеев В.В., 2001а.* Могильник Репный I и проблема преемственности посткатакомбных и раннесрубных памятников Среднего Подонья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 404–413

1088. *Рогудеев В.В., 2004.* Могильник Репный в системе связей посткатакомбного времени // Труды АНИБ. – Ростов-на-Дону. – Т. I. – С. 187–203

1089. *Рогудеев В.В., 2005*. Исследование курганов в Северо-восточном Приазовье // Труды АНИБ. – Ростов-на-Дону. – Т. II. – С. 129–149

1090. *Рогудеев В.В., 2010.* Происхождение и распространение колесничества в южнорусских степях // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань. – С. 116–121

1091. *Рогудеев В.В., 2011*. Погребения эпохи поздней бронзы в верховьях р. Чир (материалы 2007 года) // Шарафутдинова Э.С., Житников В.Г. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). – СПб. – 147–161

1092. *Рогудеев В.В., 2015.* Медальоны среднего и позднего бронзового века (к атрибуции солярных медальонов «Чакра») // АВЕС. – Саратов. – Вып. 11. – С. 64–100

1093. *Ростунов В.Л., 2007.* Эпоха энеолита – бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. – Владикавказ. – Часть. 1. – С. 11–177

1094. *Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М., 1985*. К хронологии височных подвесок в 1,5–2,5 оборота эпохи ранней бронзы Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. – Орджоникидзе. – С. 41–55

1095. *Рутто Н.Г., Морозов Ю.А., 1991*. Предварительные итоги исследования Аитовского поселения срубной культуры // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Ижевск. – С. 182–183

1096. *Рыбалова В.Д., 1966*. Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи // СА. – М. – № 4. – С. 178–181

1097. *Рыбалова В.Д., 1974.* Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. – СПб. – № 16. – С. 19–49

1098. *Рыков П.С., 1936.* Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). – Саратов. – 152 с.

1099. *Рыков П.С., 1936а.* Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты // Известия Саратовского Нижневолжского Института Краеведения им. М. Горького. – Саратов. – Т. VII. – С. 57–70

1100. *Рыкушина Г.В., 2003.* Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника

Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск. – С. 345–360

1101. *Рысин М.Б., 1989.* Датировка комплексов из Эшери (Уточнение хронологической позиции материалов из нижних слоев дольменов) // Первая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 38–39

1102. *Рысин М.Б., 1990.* Датировка комплексов из Эшери // СА. – М. – № 2. – С. 18–27

1103. *Рысин М.Б., 1990а.* Датировка комплексов из Эшери // КСИА. – М. – Вып. 199. – С. 9–16

1104. *Рысин М.Б., 1991.* Поселение Страчики и проблема периодизации эпохи средней бронзы Западного Кавказа // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. – Л. – С. 32–41

1105. *Рысин М.Б., 1995.* К вопросу о культурных общностях и дифференциации в эпоху средней бронзы на Кавказе // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточный Европы. Материалы конференции – СПб. – С. 62–65

1106. *Рысин М.Б., 1996.* К проблеме синхронизации памятников среднего бронзового века Северного и Южного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. – СПб. – С. 81–84

1107. *Рысин М.Б., 2007.* Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // АВ. – СПб. – Вып. 14. – С. 184–220

1108. *Рысин М.Б., 2008.* Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века // АВ. – СПб. – Вып. 15. – С. 193–230

1109. *Рысин М.Б., 2014.* Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа финала среднего бронзового века // Труды ИИМК РАН. Археология древниз обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона. – СПб. – С. 170–218

1110. *Рысин М.Б., 2015.* Триалетская культура и финал кавказского очага культурогенеза // Кавказ как связуещее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной научной конференции и Гумбольт-лектория. – СПб. – С. 145–148

1111. *Рысин М.Б., 2015а.* Обзор новых публикаций по проблемам хронологии и связей триалетской культуры Южного Кавказа // АВ. – СПб. – № 21. – С. 374–393

1112. *Савва Е.Н., 1988.* Пряжки из погребений культуры многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья // Известия АН МССР. – Кишинев. – № 3. – С. 57–68

1113. *Савва Е.Н., 1992.* Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. – Кишинев. – 227 с.

1114. *Саврасов А. С., 1999*. Металлические украшения донской лесостепной срубной культуры // Евразийская лесостепь в эпоху металла. – Воронеж. – Вып. 13. – С. 81–91.
1115. *Саликов Е.А., 2007.* Отчленение конечностей в погребальном обряде племен предкавказской культуры // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – М. – Вып. VIII. – С. 402
1116. *Сальников К.В., 1950.* Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска // КСИА. – М. – Вып. XXXV. – С. 91–96
1117. *Сальников К.В., 1954*. Абашевская культура на Южном Урале // СА. – М. – Вып. XXI. – С. 52–94.
1118. *Сальников К.В., 1967.* Очерки древней истории Южного Урала. – М. – 408 с.
1119. *Сальников К.В., Новиченко А.С., 1962*. Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области // СА. – М. – № 2. – С. 124–133
1120. *Самар В.А., Антонов А.Л., 1998*. Погреабльные памятники КМК Северного Приазовья // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 83–90
1121. *Санжаров С.Н., 1988.* О некоторых аспектах изучения катакомбных производственных наборов «стрелочников» // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. – М. – С. 25–27
1122. *Санжаров С.Н., 1992.* Каменные сверленые топоры-молотки Донбасса // РА. – М. – № 3. – С. 160–177
1123. *Санжаров С.Н., 2000.* О проблемах финальнокатакомбной культуры, культурогенезе КМК и покровских памятниках Северского Донца // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Днецк. – С. 72–74
1124. *Санжаров С.Н., 2001.* Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. – Луганск. – 172 с.
1125. *Санжаров С.Н., 2004.* Об абашевских погребальных памятниках в бассейне Северского Донца // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 2. – С. 236–256
1126. *Санжаров С.Н., 2004а*. Кайдащинский комплекс поселений рубежа средней–поздней бронзы в системе древностей Северского Донца. – Луганск. – 159 с.
1127. *Санжаров С.Н., 2005.* Позднекатакомбные погребения в ямах Северского Донца // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 4. – С. 127–136
1128. *Санжаров С.Н., 2005а*. Абашевская керамика поселений Северского Донца и проблемы ее интерпретации / Санжаров С.Н. // На пошану Софії Станіславівни Березанської. – К. – С. 157–176
1129. *Санжаров С.Н., 2008.* Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины. – Луганск. – 88 с.

1130. *Санжаров С.Н., 2010.* Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. – Луганск. – 488 с.
1131. *Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., Черных Е.А., Прынь А.В., 2003.* Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника, и их место в системе древностей юга Восточной Европы // МИАВУ. – Луганск. – Вып. 1. – С. 122–161
1132. *Санжаров С.Н., Привалов А.И., 2006.* О некоторых пережиточных формах погребальных сооружений финальнокатакомбного времени Восточной Украины // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 5. – С. 188–192
1133. *Санжаров С.Н. Черных Е.А., 2021.* Курганные древности эпохи бронзы Привольнянской изулчины Северского Донца. – Луганск. – 276 с.
1134. *Сафронов В.А., 1974.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщения научн-метод. Совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. – М. – Вып. VII. – С. 23–173
1135. *Сафронов В.А., 1978*. К вопросу о времени сложения срубной культуры, южной и западной экспансии ее племен // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев. – Т. 221. – С. 26–29
1136. *Сафронов В.А., 1979*. Хронологическая система энеолита – бронзового века юга Восточной Европы // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. – Донецк. – С. 13–15
1137. *Сафронов В.А., 1979а.* Хронологическая система бронзового века предгорной полосы Центральной и Западной части Северного Кавказа // IX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Элиста. – С. 10–12
1138. *Сафронов В.А., 1980*. Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани // X «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – М. – С. 6–9
1139. *Сафронов В.А., 2007*. Периодизация и хронология начала среднебронзового века Северной Осетии // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С.208–209
1140. *Свешников И.К. 1973.* Памятники почапского типа в верховьях Западного Буга // SA. – Bratislava. – Roč. XXI. – Čís. 1. – S.14-24
1141. *Свешников А.К., 1985*. Почапская группа на Подолии // Археология Украинской ССР. – К. – С. 380–381
1142. *Свешников И.К., 1990*. Ранний период бронзового века Прикарпатья и Волыни // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. – К. – С. 58–74
1143. *Селимханов И.Р., 1960.* Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов (на материале энеолита Азербайджана). – Баку. – 184 с.

1144. *Семенова А.П., 2000*. Поздний бронзовый век Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара. – С. 152–208

1145. *Сергацков И.В., 1992.* Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987–1988 гг.) // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград. – Вып. 2. – С. 97–105

1146. *Сергацков И.В., Дьяченко А.Н., Клепиков В.М., Кривошеев М.В., 2012.* Археологические исследования курганов у с. Перекопка // Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований). – Волгоград. – С. 10–76

1147. *Сергацков И.В., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Дьяченко А.Н., 2006.* Курганы у поселка Линево // Материалы по археологии волго-донских степей. – Волгоград. – Вып. 3. – С. 37–80

1148. *Сергеева О.В., 2009.* Охранные исследования курганного могильника «Киреевка 4» в Октябрьском районе Ростовской области в 2008 году // АЗ. – Ростов-на-Дону. – Вып. 6. – С. 145–159

1149. *Сергеева О.В., 2011*. Раскопки курганного могильника «Лисиный II» // АЗ. – Ростов-на-Дону. – Вып. 7. – С. 59–70

1150. *Серебряный Л.Р., Голодковская Н.А., Орлов А.В., Малясова Е.С., Ильвес Э.О., 1984*. Колебания ледников и процессы моренонакопления на Центральном Кавказе. – М. – 216 с.

1151. *Сидоров Е.А., Бородовский А.П., 1990*. Обработка кости в лесостепномПриобье (в I тыс. до н.э.) // Проблемы технологии древних производств. – Новосибирск. – С. 159–172

1152. *Симонян А.Е., 1984.* Два погребения эпохи средней бронзы могильника Верин Навер // СА. – М. – № 3. – С. 122–135

1153. *Симонян А.Е., 2010.* Древнеарийские традиции в погребальных ритуалах Армении в бронзовом веке // На пути открытия цивилизации. Труды МаргАЭ. – СПб. – С. 621–638

1154. *Синицын И.В., 1947*. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки. – Саратов. – Т. XVII. – С. 3–134

1155. *Синицын И.В., 1959.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953) // МИА. – М. – № 60. – Т. 1. – С. 38–205

1156. *Синицын И.В., 1960.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // МИА. – М. – № 78. – С. 10–168

1157. *Синицын И.В., 1978.* Древние памятники Восточного Маныча. – Саратов. – 132 с., 110 табл.

1158. *Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1963.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году // Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея. – Элиста. – Вып. 1. – 60 с.

1159. *Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962-1963) // Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея. – Вып. 2. – 184 с.

1160. *Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1971.* Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года) // Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории и Республиканский краеведческий музей. Труды. – Элиста. – Вып. 3. – 143 с.
1161. *Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1981.* Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста. – С. 29–66
1162. *Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1982*. Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. – Элиста. – С. 59–92.
1163. *Синюк А.Т., 1983.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). – Воронеж. – 192 с.
1164. *Синюк А.Т., 1983а*. Сасовские кургаы на реке Потудани // Древние памятники на территории Восточной Европы. – Воронеж. – С. 91–111
1165. *Синюк А.Т., 1989.* Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. – Воронеж. – С. 27–69
1166. *Синюк А.Т., 1990.* О происхождении и хронологии воронежской культуры эпохи бронзы // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. – Луганск. – С. 108–110
1167. *Синюк А.Т., 1993.* Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология доно-волжского бассейна. – Воронеж. – С. 29–46
1168. *Синюк А.Т., 1994.* По поводу одной из гипотез происхождения срубной культуры в донском лесостепье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Материалы III Междунар. конф. – Тирасполь. – С. 115–117
1169. *Синюк А.Т., 1996.* Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж. – 352 с.
1170. *Синюк А.Т., 1996а.* О хронологическом соотношении культур эпохи бронзы лесостепного Дона // Археологические памятники лесостепного Подонья. – Липецк. – С. 87–94
1171. *Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2001.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). – Воронеж. – 192 с.
1172. *Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2005.* Новые данные к изучению Первого Власовского могильника // АПВЕ. – Воронеж. – С. 103–107
1173. *Синюк А.Т., Бессуднов А.Н., 1996.* Новые материалы к характеристике культур энеолита – бронзового века Верхнего Придонья // Археологические памятники лесостепного Придонья. – Воронеж. – С. 30–60
1174. *Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995.* Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) //

Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара. – С. 37–72

1175. *Синюк А.Т., Матвеев Ю.П., 2007.* Среднедонская катакомбная культура (по данным курганных комплексов). – Воронеж. – 221 с.

1176. *Скаков А.Ю., 2001.* Хронология протокобанских памятников // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 233–238

1177. *Скаков А.Ю., 2003.* Сурьмяные украшения Дигорского ущелья протокобанской эпохи // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. – Москва. – Часть II. – С. 18–22

1178. *Скаков А.Ю., 2003а.* Об одной категории протокобанских украшений // РА. – М. – № 1. – С. 91–102

1179. *Скаков А.Ю., 2004.* Протокобанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки. – Сухум. – С. 188–196

1180. *Скаков А.Ю., 2006.* К вопросу о происхождении обряда кремации у кобанских и колхидских племен // Первая Абхазская международная археологическая конференция. – Сухум. – С. 325–327

1181. *Скаков А.Ю., 2007.* Относительная хронология погребений Тлийского могильника // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 514–515

1182. *Скаков А.Ю., 2009.* Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железного века // КСИА. – М. – Вып.223. – С. 143–172

1183. *Скарбовенко В.А., 1999.* Николаевка III – могильник эпохи средней бронзы в долине р. Самары // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневолжской археологической экспедиции. – Самара. – С. 143–160

1184. *Скарбовенко В.А., 2006.* Погребальный комплекс начала эпохи поздней бронзы Владимировка II // ВАП. – Самара. – Вып. 4. – С. 286–293

1185. *Скворцов Н.Б., 2017*. Материалы раскопок курганного могильника «Западные могилы» // Древности Волго-Донских степей. – Ростов-на-Дону. – С. 43–71

1186. *Скоробогатов А.М., 2019*. Исследования курганов эпохи бронзы на юге Воронежской области // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019. – Липецк-Воронеж. – С. 90–91

1187. *Скрипкин А.С., 2013*. Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея. – Волгоград. – 288 с.

1188. *Смирнов А.М., 1996.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. – М. – 183 с.

1189. *Смирнов А.П., 1948*. Древняя история чувашского народа. – Чебоксары. – 82 с.

1190. *Смирнов А.П., 1958.* Древнейшее население на территории Чувашии // Материалы по истории Чувашской АССР. – Чебоксары – Т. I.

1191. *Смирнов А.П., 1961.* К вопросу о формировании абашевской культуры // МИА. – М. – № 97. – С. 15–26

1192. *Смирнов В.И., 1950.* Металлургия меди и никеля. – М. – 592 с.

1193. *Смирнов К.Ф., 1951.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. // МИА. – М. – № 23. – С. 226–272

1194. *Смирнов К.Ф., 1952.* Археологические исследования в Дагестане в 1948-1950 годах // КСИИМК. – Л. – XLV. – С. 83–96

1195. *Смирнов К.Ф., 1959.* Курганы у сел Иловатка и Политодельское Сталинградской области // МИА. – М. – № 60. – Т. I. – С. 206–322

1196. *Смирнов К.Ф., 1960.* «Быковские курганы» // МИА. – М. – Т. II. – № 78 – С. 169–272

1197. *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М. – 84 с.

1198. *Смирнов Ю.А., 1983.* Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. – М. – С. 164–187

1199. *Смолин В.Ф., 1928.* Абашевский могильник в Чувашской республике (очерк археологических раскопок в 1925 году) // Труды Общества изучения Чувашского края. – Чебоксары. – Т. I. – Вып. I. – 56 с.

1200. *Смольянинов Р.В., Желудков А.С., Куличков А.А., Яниш Е.Ю., Юркина Е.С., 2017*. Раскопки поселения Васильевский Кордон 27 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2016. – Липецк. – С. 138–141

1201. *Снитковская П.А., Усманова Э.Р., 2019*. Погребальная практика петровской культуры по материалам могильника Новоильиновский II // Вестник Пермского университета. История. – Пермь. – Вып. 1 (44). – С. 73–86

1202. *Соловьев Б.С., 2000.* Бронзовый век Марийского Поволжья // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола. – Т.VI. – 264 с.

1203. *Соловьев Б.С., 2016.* Археологические культуры юга лесного Поволжья среднего и позднего бронзового века. – Йошкар-Ола. – 412 с.

1204. *Соломина О.Н., 1999*. Горное оледенение Северной Евразии в голоцене. – М. – 254 с.

1205. *Сорокина И.А., 1985.* Погребениия эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье // СА. – М. – № 3. – С. 136–151

1206. *Сорокина И.А., 1986.* Погребения эпохи поздней бронзы в Западном Предкавказье (к методике исследования) // Археологические

открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. Материалы работ Северокавказской экспедиции. – М. – Вып.1. – С. 33–69

1207. *Сорокина И.А., 1987.* Погребальный обряд срубной культурно-исторической общности в Западном Предкавказье // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. – М. – С. 239–240

1208. *Сорокина И.А., 1987а.* Памятники срубной культуры Западного Предкавказья (по данным погребального обряда). Рукопись дис. … канд. ист. наук // Научная библиотека МГУ. – 50д № 5240-11-87

1209. *Сорокина И.А., 1989.* О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // Древности Ставрополья. – М. – С. 279–287

1210. *Сорокина И.А., 1995.* Поздний период бронзового века в Западном Предкавказье // Археология Адыгеи. – Майкоп. – С. 42–72

1211. *Сорокина И.А., 2000.* Освоение степного предгорного Закубанья населением срубной культурно-исторической общности // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Материалы международной научной конференции. – Воронеж. – С. 77–80

1212. *Сорокина И.А., 2001.* Курганные древности Закубанья. – Краснодар. – 284 с.

1213. *Спиридонова Е.А., 1991.* Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. – М. – 221 с.

1214. *Спиридонова Е.А., 1991а.* Изменение природной обстановки голоцена в бассейне Дона // Мосоловское поселение поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи. – Воронеж. – С. 53–56

1215. *Спиридонова Е.А., Кореневский С.Н., 2007.* Природная среда в период функционирования Большого Ипатовского кургана // Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. – М. – С. 119–128

1216. *Список..., 1988*. Список памятников археологии Украины. Донецкая область. – К., 1988. – 112 с.

1217. *Ставицикий В.В., 2004.* Екатериновское поселение бронзового века на р. Сура и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей // АПО. – Оренбург. – Вып. IV. – С. 16–30

1218. *Ставицкий В.В., 2005.* Бронзовый век Посурья и Примокшанья. – Пенза. – 146 с.

1219. *Ставицкий В.В., 2006.* Динамика взаимодействия культур раннего бронзового века Волго-Донской лесостепи // РА. – М. – № 1. – С. 31–43

1220. *Сташенков Д.А., 1999.* Калиновский курганный могильник // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. – Самара. – С. 25–41

1221. *Сташенков Д.А., 2006.* Раскопки Калиновского курганного могильника. Курган 1 // Калиновский I курганный могильник. – Самара. – С. 7–23

1222. *Стеганцева В.Я., 1999.* Относительная хронология погребений катакомбной культуры в междуречье Маныча и Сала // АВ. – СПб. – № 6. – С. 101–111

1223. *Стеганцева В.Я., 2005.* Оружие дальнего боя ранней и средней бронзы в степной части Восточной Европы // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул. – С. 28–33

1224. *Стефанов В.И., Епимахов А.В., 2006*. Синташтинский III (малый) курган: некоторые подробности и новые сюжеты // ВАП. – Самара. – Вып. 4. – С. 263–272

1225. *Стефанович С., 2006.* Клыки животных как возможный символ высокого социального положения в эпоху ранней бронзы в Мокрине (Сербия) // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк. – Т. 3. – С. 205–214

1226. *Столярова Е.К., 2002.* Стеклянные и фаянсовые бусы южнорусских степей III-II тыс. до н.э.: материалы и интерпретация // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М., Элиста. – С. 300–313

1227. *Субботин Л.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., 1995.* Памятники эпохи бронзы могильника Гардешка // ДСПК. – Запорожье. – Вып. V. – С. 109–126

1228. *Сурков А.Г., 1996.* Коллекция каменных шлифованных орудий из фондов Волгоградского краеведческого музея // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград. – С. 27–30

1229. *Сухорукова Е.П., 2008.* Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и волго-донского междуречья (по материалам погребальных памятников). – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб. – 22 с.

1230. *Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н., Инанишвили Г.В., 1987.* Этапы развития металлургии в Грузии // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. – Тбилиси. – С. 44–50

1231. *Татаринов С.И., 1993.* Древний металл Восточной Украины. Очерки реконструкции горного дела, металлургии и металлообработки в эпоху бронзы. – Артемовск. – 153 с.

1232. *Татаринов С.И., 2003.* Древние горняки-металлурги Донбасса. – Артемовск. – 136 с.

1233. *Татаринов С.Й., 2006.* Історія гірничної справи, металургії та металообробки доби бронзи Східної України. Рукопис дис. … канд. іст. наук // НА ИА НАНУ. – № 875

1234. *Техов Б.В., 1977*. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. – М. – 240 с.

1235. *Техов Б.В., 1980.* Тлийский могильник. – Тбилиси. – 221 с.
1236. *Техов Б.В., 2006.* Археология южной части Осетии. – Владикавказ. – 639 с.
1237. *Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М., 2004.* Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. – СПб. - 157 с.
1238. *Тихонов Б.Г., 1960.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. – М. – № 90. – С. 5–120
1239. *Тихонов В.В., 1996.* Грунтовый могильник Калач в Саратовском Заволжье // Охрана и исследования памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов. – С. 37–52
1240. *Тихонов В.В., 2018*. Погребение рубежа средней и поздней бронзы и захоронения эпохи поздней бронзы кургана 6 могильника Горбатый мост // АНСК. – Саратов. – Вып. 16. – С. 89–109
1241. *Ткачев А.А., 1999.* Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестник антропологии, археологии и этнографии. – Тюмень. – Вып.2. – С. 22–29
1242. *Ткачев А.А., 2002.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень. – Ч. 1, 2. – 532 с.
1243. *Ткачев В.В., 2001.* О внутренней хронологии приуральской группы памятников синташтинской культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 183–188
1244. *Ткачев В.В., 2003.* Памятники абашевской культуры в степном Приуралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции – Чебоксары. – С. 212–224
1245. *Ткачев В.В., 2005.* Курганная стратиграфия и проблема относительной хронологии комплексов эпохи средней – начала поздней бронзы в Приуралье // АВЛ. – Воронеж. – Вып. 19. – С. 121–137
1246. *Ткачев В.В., 2005а.* Элитные погребения из могильника Жаман-Каргала I и проблема культурогенеза начала позднего бронзового века в урало-казахстанских степях // Вестник ЧГПУ. Серия 1. Исторические науки. – Челябинск. – С. 50–74
1247. *Ткачев В.В., 2006.* Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. – Челябинск. – 75 с.
1248. *Ткачев В.В., 2006а.* Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Челябинск. – 137 с.
1249. *Ткачев В.В., 2006б.* Культурная принадлежность памятников конца среднего бронзового века в степном Приуралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург. – С. 88–94

1250. *Ткачев В.В., 2007.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе. – 384 с.
1251. *Ткачев В.В., 2018.* Генезис алакульской культуры в контексте горной археологии // ИСНЦ РАН. – Самара. – Т. 20. – № 3 (2). – С. 517–526
1252. *Ткачев В.В. 2019*. Ишкининский горнорудный комплекс эпохи бронзы на Южном Урале в контексте радиоуглеродного датирования // АЭАЕ. – Новосибирск. – Т. 47. – № 3. – С. 38–47
1253. *Ткачев В.В., 2020*. Радиоуглеродная хронология памятников синташтинской культуры в степном Приуралье // РА. – М. – № 2. – С. 31–44
1254. *Тощев Г.Н., 1982.* Средний период бронзового века Северо-западного Причерноморья. Рукопись дис. … канд. ист. наук // НА ИА НАНУ. – № 609
1255. *Тощев Г.Н., 1998.* Погребения с костяными пряжками эпохи средней бронзы в Крыму // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 117–124
1256. *Тощев Г.Н., 2005.* Период КИОМК Крыма // На пошану Софії Станіславівни Березанської. – К. – С. 143–148
1257. *Тощев Г.Н., 2007.* Крым в эпоху бронзы. – Запорожье. – 304 с.
1258. *Третьяков П.Н., 1948*. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. – Чебоксары. – 76 с.
1259. *Трифонов В.А., 1982.* О смене обрядовых групп погребений в Степном Прикубанье (энеолит – средняя бронза) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. – Ереван. – С. 64–68
1260. *Трифонов В.А., 1983.* Две группы катакомбных погребений на Среднем Бейсуге // КСИА. – М. – Вып. 176. – С. 86–90
1261. *Трифонов В.А., 1990.* Гуамский грот – новый многослойный памятник на Северо-западном Кавказе // Древние памятники Кубани. – Краснодар. – С. 23–27
1262. *Трифонов В.А., 1991.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. – Л. – С. 92–166
1263. *Трифонов В.А., 1991а.* Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К. – С. 101–116
1264. *Трифонов В.А., 1996.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. – СПб. – С. 43–49
1265. *Трифонов В.А., 2001.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон

Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С.71-82

1266. *Трифонов В.А., 2001а.* Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения? // Дольмены: Современники древних цивилизаций. – Краснодар. – С. 20–55

1267. *Трифонов В.А., 2008.* Дольмены Западного Кавказа: архитектура и погребальный обряд. – Доклад на II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде в Суздале.

1268. *Трифонов В.А., 2009*. Дольмен в п. Джубге (предварительные результаты исследования) // Вестник Российского гуманитарного фонда. – М. – № 1 (54). – С. 152–162

1269. *Трифонов В.А., 2014*. Дольмен Джубга на черноморском побережье Кавказа // Записки Института истории матриеальной культуры. – СПб. – № 10. – С. 104–131

1270. *Трифонов В.А., Зайцева Г.И., Плихт Х., Бурова Н.Д., Семенцов А.А., Ришко С.А., 2012*. Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на северо-западе Кавказа // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы Международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. – СПб. – С. 100–107

1271. *Трифонов В.А., Крайнева А.А., Зайцева Г.И., Плихт Х., Богомолов А.А., Бурова Н.Д., Семенцов А.А., Ришко С.А., 2013*. Дольмен «Шепси» и ранние формы коллективных мегалитических гробниц на Северо-западном Кавказе в эпоху бронзы // Цвилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели воздействия. – М. – С. 37–38

1272. *Трифонов В.А., Шишилина Н.И., Й. ван дер Плихт, Фернандес Р., Хоммель П., 2017*. Радиоуглеродная хронология дольменов эпохи ранней бронзы у ст. Царская, Северо-западный Кавказ, 1898 г. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. – Электронный ресурс.

1273. *Трифонов В.А., Шишилина Н.И., Кондрашкин М.И., 2020.* Первые результаты прямого радиоуглеродного датирования культурных злаков с поселения дольменной культуры Старчика (эпоха бронзы, СЗ Кавказ) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию старшего научного сотрудника ИИМК РАН, кандидата химических наук Ганны Ивановны Зайцевой. – СПб. – С. 100–101

1274. *Турецкий М.А., Мимоход Р.А., Хохлов А.А., 2020*. Раскопки курганов эпохи средней бронзы в 1989 году у с. Политодельское // Вопросы археологии Поволжья. – Самара. – Вып. 8. – С. 93–113

1275. *Уварова П.С., 1900.* Могильники Северного Кавказа // МАК. – М. – Вып. VIII. – 381 с.
1276. *Усачук А.Н., 1996.* К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград. – С. 66–71
1277. *Усачук А.Н., 1997.* К вопросу о гребнях и орудиях прядения в материалах срубной культуры // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков. – С. 21–22
1278. *Усачук А.Н., 1998.* Результаты трасологического изучения костяных пряжек культуры многоваликовой керамики // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 125–135
1279. *Усачук А.Н., 1998а.* Костяные изделия кургана 1 могильника Селезни-2 (трасологический анализ) // Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры // Археологические памятники Донского бассейна. – Воронеж. – Вып. 3. – С. 31–39
1280. *Усачук А.Н., 1999.* К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных интсрументов в эпоху бронзы // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк. – С. 70–87
1281. *Усачук А.Н., 2002.* Костяные изделия курганных могильников Калмыкии (трасологический анализ) // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М., Элиста. – С. 267–279
1282. *Усачук А.Н., 2002а.* О заготовках костяных пряжек конца среднего – начала позднего бронзового века // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.- V век н.э.). Материалы III Междунар. конф. – Тирасполь. – С. 162–165
1283. *Усачук А.Н., 2007.* Трасологический анализ фигурной пряжки из могильника Кевюды 1 // МИИКНСК. – М. – Вып. VII. – С. 85–90
1284. *Усачук А.Н., 2013*. Пряжка из погребения 3 кургана 1 могильника Угледар // АА.– Донецк. – № 30. – С. 172–178
1285. *Усачук А.Н. 2016*. Костяные и роговые изделия из погребений кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры / Научные труды ООО НПО «Черноземье». – Липецк-Воронеж. – Вып. 4. – С. 23–34
1286. *Усачук А.Н., Литвиненко Р.А., 1997.* Технология изготовления пряжек культуры многоваликовой керамики // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). – К.-Вороніж-Перевальськ, 1997. – С. 46–50.

1287. *Усачук А.Н., Литвиненко Р.А., 1999.* Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей. Труды ГИМ. – М. – Вып. 109. – С. 204–216

1288. *Усачук А.Н., Литвиненко Р.А., 2001.* Об изготовлении пряжек эпохи бронзы // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: Материалы 5-го Украинско-Российского полевого археологического семинара. – К.-Воронеж. – С. 111–112

1289. *Усачук А.Н., Подобед В.А., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В., 2010.* Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка // ДАЗ. – Донецьк. – 2009/2010. – № 13/14. – С. 185–202

1290. *Усманова, Чечушков, Косинцев, Суслов, Лачкова, 2018*. Лошадь в духовной культуре и социальном устройстве населения урало-казахстанских степей в эпоху бронзы (по материалам могильника Новоильиновский II) // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии. – Челябинск. – С. 198–215

1291. *Федоров Г.С., 1977.* Еще одна Манасская катакомба // Древние памятники Северо-восточного Кавказа. – Махачкала. – С. 22–24

1292. *Фещенко Е.Л., 1990.* К вопросу об использовании охры в катакомбных погребениях // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 97–99

1293. *Филипченко В.В., 1993.* Погребения с керамикой вольского типа близ с. Белогорское // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. – Саратов. – С. 149–152

1294. *Филипченко В.В., 1994.* Погребения финала средней бронзы северных районов Нижневолжского Правобережья // Срубная культурно-историческая область. – Саратов. – С. 24–26

1295. *Фоменко В.М., 2007.* Комплекс культури багатопружкової кераміки з кургану поблизу с. Актове Миколаївської обл. // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 7. – С. 190–192

1296. *Хаванский А.И., Бисембаев А.А, Дуйсенгали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., 2018.* Погребение среднего бронзового века могильника Щилисай II // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 2018». Духовная модернизация и археологическое наследие». – Алматы-Актобе. – С. 188–193

1297. *Халиков А.Х., 1959.* Новые памятники абашевской культуры в волго-вятском междуречье // СА. – М. – № 2. – С. 148–168

1298. *Халиков А.Х., 1961.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. – М. – № 97. – С. 157–241

1299. *Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966*. Пепкинский курган (абашевский человек) // Труды МАЭ. – Йошкар-Ола. – 72 с.

1300. *Халяпин М.В., 2001*. Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век

Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 417–425

1301. *Хомутова Т.Э., Демкина Т.С., Борисов А.В., Шишлина Н.И. 2017*. Состояние микробных сообществ подкурганных палеопочв пустынно-степной зоны эпохи средней бронзы (XXVII–XXVI вв. до н.э.) в связи с динамикой увлажненности климата // Почвоведение. – М. – № 2. – с. 239–248

1302. *Хохлов А.А., 1996*. Каринология могильников потаповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского – в Казахстане // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград. – С. 113–118

1303. *Хохлов А.А., 1999.* Краниологические материалы могильника Манджикины 1 // Могильник Манджикины 1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). – М.-Элиста. – С. 32–38

1304. *Хохлов А.А., 2000.* Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. – Самара. – С. 309–332

1305. *Хохлов А.А., 2001.* Палеоантропологические реконструкции как источник изучения этногенетических процессов (по материалам эпохи бронзы Волго-Уралья) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С.359–363

1306. *Хохлов А.А., 2003.* О специфике антропологического типа населения Южного Приуралья в эпоху ранней и средней бронзы // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. – М. – Часть I. – С. 193–195

1307. *Хохлов А.А., 2003а.* Антропологический материал из погребений Шумаевских курганов Оренбуржья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург. – С. 275–292

1308. *Хохлов А.А., 2010.* Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохи энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург-Самара-Донецк. – С. 133–152

1309. *Хохлов А.А, 2010а.* О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 112–132

1310. *Хохлов А.А., 2010б*. Антропологические материалы эпохи поздней бронзы из курганных могильников Саратовского Поволжья (по материалам раскопок 2006 г.) // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). – Саратов. – С. 232–237

1311. *Хохлов А.А., 2017*. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). – Самара. – 368 с.

1312. *Хохлов А.А., Китов Е.П., 2009.* Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово I // Вестник ЧГУ. – Челябинск. – №6 (144). – Вып. 30. – С. 5–7

1313. *Хохлов А.А., Китов Е.П., 2014*. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзы) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века волго-уральского региона. – Самара. – С. 131–142

1314. *Хохлов А.А., Китов Е.П., 2019.* Теоретические и практические аспекты проблемы происхождения физического облика носителей культур синташтинского круга позднего этапа эпохи бронзы // ПА. – Казань. – № 1 (27). – С. 59–71

1315. *Хохлов А.А., Мимоход Р.А, 2008.* Краниология населения Степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // ВА. – М. – Вып. 16. – С. 44–70

1316. *Хохлова О.С., Хохлов А.А., Гольева А.А., 2006.* Эволюция почв Чеченской котловины Северного Кавказа и реконструкции условий среды и климата второй половины голоцена // Воронин К.В., Малышев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия // МОАИ. – М. – Т. 6. – С. 119–137

1317. *Хрусталева И.В., Михайлов Н.В., Шнейберг Я.И., Жеребцов Н.А., Слесаренко Н.А., Криштофорова Б.В., 1994.* Анатомия домашних животных. – М. – 704 с.

1318. *Цимиданов В.В., 1993*. Сверленые и привязные топоры, кирки, молоты // АА. – Донецк. – № 1. – С. 12–14

1319. *Цимиданов В.В., 1995.* Гребни и орудия прядения в погребениях срубной культуры // Древности. – Харьков. – С. 34–39

1320. *Цимиданов В.В., 2004.* Социальная структура срубного общества. – Донецк. – 204 с.

1321. *Цимiданов В.В., Кравченко Е.Є., Пiдобiд В.А., Полiдович Ю.Б., Спiнов В.В., Усачук А.М., 2013.* Дослiдження курганiв групи Марiєнфельд на Донеччинi // Археологiчнi дослiдження в Українi. 2012. – К.-Луцьк, 2013. – С. 156–157.

1322. ***Цокур И**.В., 2004*. Раскопки курганной группы Пластуновская-53 // МИАСК. – Армавир. – Вып. 4. – С. 125–165
1323. ***Цокур И**.В., 2008.* Курганный могильник «Украинский-1» (Динской район Краснодарского края) // Наследие Кубани. – Краснодар. – Вып. 1. – С. 156–239
1324. *Цуцкин Е.В., 1985.* Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии. – Элиста. – С. 3–21
1325. *Цуцкин Е.В., 2007.* Срубные племена в Северо-западном Прикаспии // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – М. – Вып. VIII. – С. 398
1326. *Цуцкин Е.В., 2007а*. IX Крупновские чтения // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – Вып. VIII. – М. – С. 216–221
1327. *Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.Н., 1989*. Курганы буджакской степи. – Кишинев. – 212 с.
1328. *Чеишвили А., 2010*. Археологические материалы Кобанского могильника из коллекций Савойского музея города Шамбери (Франция) // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. – Тбилиси. – С. 288–291
1329. *Черных Е.Н., 1970.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. –М. – № 172. – 180 с.
1330. *Черных Е.Н., 1972*. Металл – человек – время. – М. – 208 с.
1331. *Черных Е.Н. 1978*. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. – М. – № 4. – С. 53–82
1332. *Черных Е.Н., 1988.* Кавказ в системе металлургических провинций бронзового века // Медные рудники Западного Кавказа III–I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. – Сухуми. – С. 4–6
1333. *Черных Е.Н., 2007.* Каргалы, том V: Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – М. – 200 с.
1334. *Черных Е.Н., 2013.* Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск. – С. 386–400
1335. *Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В., 2002.* Металлургия в циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. – М. – № 1. – С. 5–23
1336. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М. – 320 с.
1337. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю., 2000.* Исследование курганного могильника у с. Першин // АПО. – Оренбург. – Вып. IV. – С. 63–84
1338. *Черных Е.Н., Луньков В.Ю., 2009*. Методика ренгено-флуоресцентного анализа меди бронз в лаборатории Института

археологии // Аналитеческие исследования лаборатории естесвенно-научных методово. – М. – С. 78–83

1339. *Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004.* Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // РА. – М. – № 2. – С. 15–29

1340. *Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2009.* Методика рентгено-флуоресцентного анализа меди и бронз в лаборатории Института археологии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М. – С. 70–83

1341. *Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2015.* Радиоуглеродная хронология культур Западной Евразии в Эпоху Раннего Металла // Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, ИА РАН, 8–11 декабря 2015 г.). – М. – С. 8–18

1342. *Черных Ел.Н., 2004.* Керамический комплекс эпохи поздней бронзы Закубанья. Хронология и периодизация (по материалам поселений) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. – М. – С. 205–207

1343. *Черных Ел.Н., 2007.* Новые памятники бронзы в Закубанье // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 597

1344. *Черных Ел.Н., 2009.* Новые данные о керамическом комплексе Закубанья в конце эпохи бронзы // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С.413-419

1345. *Черных Л.А., Дараган М.Н., 2014*. Курганы эпохи энеолита–бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка // Курганы Украины. – К.-Берлин. – Т.4. – 568 с.

1346. *Черняков И.Т., 1985.* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. – К. – 172 с.

1347. *Черняков И.Т., 1996.* Культура многоваликовой керамики – восточный ареал балкано-дунайского очага культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. – Донецк. – Часть первая. – С. 59–64

1348. *Черняков И.Т., 2001.* Рец. на: Балагури Э.А. Население Верхнего Потисья в эпоху бронзы. – Ужгород: УжНУ, 2001. – 392 с. // Археологія. – К. – № 4. – С. 149–154

1349. *Черняков И.Т., Тощев Г.Н., 1985.* Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо-западного Причерноморья. – К. – С. 5–31

1350. *Чечина А.Ю., Нечипорук А.А., 2022*. Формирование подкурганного простанства в период средней бронзы по материалам кургана на пл. 5-го

Донского корпуса в г. Ростов-на-Дону // Археология Волго-Донского междуречья: культурогенез от до раннего средневековья: Сборник статей в честь 60-летия А.В. Кияшко. – Ростов-на-Дону; Таганрог. – С. 57–74

1351. *Чечушков И.В., 2014*. Распространение колесного транспорта в свете данных радиоуглеродной хронологии // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии. – Алматы. – С. 274–282

1352. *Чечушков И.В., Епимахов А.В., 2010.* Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбруг-Самара-Донецк. – С. 182–229

1353. *Чечушков И.В., Молчанова В.В., Епимахов А.В., 2020*. Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I в Южном Зауралье: возможности байесовской статистики // ВААЭ. – Тюмень – 2 (49). – С. 5–19

1354. *Чивилев В.А., 2000.* Каменные топоры и другие сверленые орудия на Верхнем Дону // РА. – М. – № 2. – С. 127–139

1355. *Чижевский А.А., 2008*. Погребения энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М. – Т. I. – С. 367–371

1356. *Чичагова О.А., Александровский А.Л., Анисимова М.А., Шишлина Н.И., 1999.* Результаты радиоуглеродного датирования курганных погребений эпохи бронзы могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины 1 – памятник эпохи бронзы-раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). – М., Элиста. – С.39-41

1357. *Чшиев Х.Т., 2007.* Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. – Владикавказ. – Часть 1. – С. 178–293

1358. *Шамшин А.Б., Гончаров А.В., 2005*. Скопление костяных заготовок с памятника Фирсово-XVII // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Материалы региональной научно-практической конференции. – Барнаул. – Вып. XIV. – С. 198–206

1359. *Шаповалов Т.А., 1976.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. – К. – С. 150–172

1360. *Шаповалов Т.А., 1979*. К вопросу о взаимоотношениях племён многоваликовой, абашевской и срубной культур в бассейне Северского Донца // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. – Донецк. – С. 70–73

1361. *Шаповалов Т.А., Колесник О.В., 1972*. Розкопки курганів у Донецькій області // Археологічні дослідження в Україні в 1969 р. – К. – Вип. IV. – С. 66–71

1362. *Шапошникова О.Г., 1971*. До питання про металообробку у племен донецкої катакомбної культури // Археологія. – К. – № 1. – С. 22–26

1363. *Шарафутдинова Э.С., 1978.* Памятники культуры многоваликовой керамики (КМК) на Нижнем Дону и некоторые вопросы

периодизации // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев. – Т. 221. – С. 79–81

1364. *Шарафутдинова Э.С., 1980.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культуры) // САИ. – Л. – Вып. В1-11. – 128 с.

1365. *Шарафутдинова Э.С., 1983.* Время появления раннесрубных памятников на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону. – С. 29–34

1366. *Шарафутдинова Э.С., 1987.* Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового века и раннего железного веков Поднепровья. Межвузовский сборник научных трудов. – Днепропетровск. – С. 27–47

1367. *Шарафутдинова Э.С., 1989*. Памятники культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону // АВЕС. – Саратов. – С. 132–134

1368. *Шарафутдинова Э.С., 1989а.* Северо-западное Предкавказье в эпоху поздней бронзы // Первая кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 19–20

1369. *Шарафутдинова Э.С., 1991.* Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. – Л. – С. 70–91

1370. *Шарафутдинова Э.С., 1995.* Тенденции развития посуды в культуре многоваликовой керамики (КМК) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара. – С. 124–140

1371. *Шарафутдинова Э.С., 1995а.* Начальный этап поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские древности. – Азов. – С. 93–116

1372. *Шарафутдинова Э.С., 1996.* О восточной и северо-восточной границах распространения памятников бабинской культуры // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. – Донецк. – Часть первая. – С. 56–59

1373. *Шарафутдинова Э.С., 1996а.* Новые памятники эпохи средней и поздней бронзы Северо-западного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. – СПб. – С. 93–95

1374. *Шарафутдинова Э.С., 1999.* О культурных группах погребений конца эпохи средней – начала поздней бронзы Степного Поволжья // Комплексные общества Центральные Евразии в III–I тыс. до н.э. Региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к международной конференции 25 августа – 2 сентября 1999 г. – Челябинск-Аркаим. – С. 159–163

1375. *Шарафутдинова Э.С., 2000.* Субстратные черты в поволжских погребениях покровского культурного типа // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александрович Латынина. – СПб. – С. 264–275

1376. *Шарафутдинова Э.С., 2001.* К вопросу о погребальных памятниках конца эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 148–153

1377. *Шарафутдинова Э.С., Житников В.Г., 2011*. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). – СПб. – 180 с.

1378. *Шевнина И., Логвин А., 2015*. Могильник эпохи броны Халвай III в Северном Казахстане // Материалы и исследования по археологии Казахстана. – Астана. – Т. VII. – 248 с.

1379. *Шевченко А.В., 1974.* Новые материалы по палеоантропологии Нижнего Поволжья (эпоха бронзы) // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. – Л. – С. 123–135

1380. *Шевченко А.В., 1974а.* Антропологическая характеристика населения Калмыкии в эпоху бронзы // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщения научн-метод. Совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. – М. – Вып. VII. – С. 199–204

1381. *Шевченко А.В., 1986.* Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л. – С.121-215

1382. *Шевченко А.В., 1991.* Палеоантропология срубного населения Северо-западного Прикаспия // Материалы по археологии Калмыкии. – Элиста. – С. 131–136

1383. *Шевченко І., 2019.* Поховання коло Бабине, відкрите в зоні бойових дій на Донеччине // Археологічні дослідження в Україні в 2017 р. – К. – С. 25–26

1384. *Шепель Е.А., 1990.* Новые данные к вопросу об антропологическом составе населения срубной культуры бассейна Северского Донца и Северо-восточного Приазовья // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. – Луганск. – С. 121–123

1385. *Шилов В.П., 1959*. Калиновский курганный могильник // МИА. – М. – Т. I. – С. 323–523

1386. *Шилов В.П., 1959а*. О древнейшей металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // МИА. – М. – Т. I. – № 60. – С. 11–38

1387. *Шилов В.П., 1975.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Л. – 208 с.
1388. *Шилов В.П., 1982.* Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. – Элиста. – С. 24-53
1389. *Шилов В.П., 1985.* Курганный могильник у с. Цаца // Древности Калмыкии. – Элиста. – С. 94–157
1390. *Шилов В.П., 1985а.* Проблемы происхождения кочевого скотоводства в Восточной Европе // Древности Калмыкии. – Элиста. – С. 23–33
1391. *Шилов В.П., 1985б.* Курган 6 урочища Бичкин-Булук и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // СА. – 1985. – № 2 – С.17-33
1392. *Шилов В.П., 1991*. О связях древнего населения калмыцкой степи с северо-западными соседями // Материалы по археологии Калмыкии. – Элиста. – С. 21–66
1393. *Шилов В.П., 2009.* Археологические исследования в Котельниковском районе Волгоградской области // АВЕС. – Саратов. – Вып. 7. – С. 171–181
1394. *Шишлина Н.И., 1990.* О сложном луке срубной культуры // Труды ГИМ. Проблемы археологии Евразии. – М. – Вып. 74. – С. 23–37
1395. *Шишлина Н.И., 1997.* Катакомбы эпохи бронзы: проблемы хронологии и развития // АА. – Донецк. – № 6. – С. 107–124
1396. *Шишлина Н.И., 1997а.* Стратиграфия, хронология и культурная принадлежность кургана 1 Зунда-Толга // Степь и Кавказ (культурные традиции). – М. – С. 81–91
1397. *Шишлина Н.И., 2000.* Потенциальный сезонно-хозяйственный цикл носителей катакомбной культуры Северо-западного Прикаспия: проблема реконструкции // Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды ГИМ. – М. – Вып. 120. – С. 54–71
1398. *Шишлина Н.И., 2007.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тыс. до н.э.) // Труды ГИМ. – М. – Вып. 165. – 400 с.
1399. *Шишлина Н.И., 2013*. Интерпретация радиоуглеродных данных: абсолютная хронология лолинской культуры Прикаспия // КСИА. – М. – Вып. 230. – С. 23–36
1400. *Шишлина Н.И., Александровский А.Л., Й. ван дер Плихт, Чичагова О.А., 1999.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тезисов докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Алексея Петровича Смирнова. – М. – С. 14–16
1401. *Шишлина Н.И., Борисов А.В., Клещенко А.А., Идрисов И.А., Чернышева Е.В., Й. ван дер Плихт, 2015.* Стоянка Большая Элиста 1. Теория и практика поиска и изучения поселений древних скотоводов в

пустынно-степной зоне // ИСНЦ РАН. – Самара. – Т. 17. – № 3. – С. 252–261

1402. *Шишлина Н.И., Гак Е.И., Борисов А.В., 2008.* Поселенческие памятники Ергеней в Калмыкии и Ростовской области // Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии). – М. – С. 33–34

1403. *Шишлина Н.И., Егорьков А.Н., Шортланд А., 2010*. Происхождение и производство фаянсовых бус в Северо-западном Прикаспии в бронзовом веке // На пути открытия цивилизации. Труды МаргАЭ. – СПб. – С. 639–655

1404. *Шишлина Н.И., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Й. ван дер Плихт, Чичагова О.А., 2007.* Радиоуглеродное датирование разных углеродосодержащих материалов из одного археологического контекста: проблема интерпретации и дискуссии // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН 9-12 апреля, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 225–235

1405. *Шишлина Н.И., Й. Ван дер Плихт, Хеджес Р.Е.М., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А. 2006.* Резервуарный эффект и хронология восточноманычской катакомбной культуры Северо-западного Прикаспия // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские научные чтения – 2005. Труды ГИМ. – М. – Вып. 158. – С. 227–248

1406. *Шишлина Н.И., Матюхин А.Д., Цуцкин Е.В., 2002*. Исследование могильника Островной в Ики-Бурульском районе Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М., Элиста. – С. 9–105

1407. *Шишлина Н.И., Орфинская О.В., Киселева Д.В., Хвостиков В.А., Кузнецова О.В., Окунева Т.Г., 2020.* Результаты комплексного исследования археологических образцов кургана 1, погребения 2 могильника Пологи // Пологівський посох (досвід міждисциплінарного вивчення). Колективна монографія. – К. – С. 185–195

1408. *Шишлина Н.И., Орфинская О.В., Хоммель П., Зазаовская Э.П., Анкушева П.С., Й. ван дер Плихт, 2020.* Шерстяные ткани бронзового века Северной Евразии: новые радиоуглеродные данные // Российские нанотехнологии. – М. – Т. 15. – № 5. – С. 671–680

1409. *Шишлина Н.И., Скоробогатов А.М., Кайзер Э., Усачук А.Н., 2015.* Радиоуглеродное датирование парных образцов из могильника Рождествено: результаты анализа и обсуждение // ИСНЦ РАН. – Самара. – Т. 17 – № 3. – С. 262–271

1410. *Шишлина Н.И., Фернандес Р., 2016*. Радиоуглеродное датирование парных образцов кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. Научные труды ООО НПО «Черноземье» – Липецк. – Вып. 4 – С. 53–54

1411. *Шишлина Н.И., Хиберт Ф.Т., 1996*. Евразийские номады и земледельцы эпохи бронзы: проблема взаимодействия // Между Азией и Европой. Кавказ IV–I тыс. до н.э. – СПб. – С. 90–92

1412. *Шишлина Н.И., Цуцкин Е.В., Фирсов К.Б., 1999*. Археологическое исследование могильника Манджикины-1 в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы-раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). – М., Элиста. – С. 5–31

1413. *Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Александровский А.Л., Сулержицкий Л.Д., 2002.* Радиоуглеродное датирование погребений эпохи бронзы – раннего железного века могильника Островной в Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М., Элиста. – С. 259–261

1414. *Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Й. Ван дер Плихт, Зазовская Э.П., Сулержицкий Л.Д., Севастьянов В.С, Герсдорф Й., 2007.* Радиоуглеродная база данных культур эпохи энеолита – бронзового века Северо-Западного Прикаспия // Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тыс. до н.э.) // Труды ГИМ. – М. – Вып. 165. – С. 380–394

1415. *Шнайдштейн Е.В., 1981.* Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста. – С. 78–119

1416. *Шнайдштейн Е.В., 1985.* Раскопки курганной группы Заханата // Древности Калмыкии. – Элиста. – С. 70–93

1417. *Шнайдштейн Е.В., 2007.* Погребения срубной культуры в Калмыкии // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. – Вып. VIII. – М. – С. 229–230

1418. *Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969.* Северное Присивашье в V-I тысячелетиях до н.э. / Древности степного Крыма. – Симферополь. – 328 с.

1419. *Энговатова А.В., Лунькова Ю.В., Луньков В.Ю., Медникова М.В., 2021.* Новые данные естественнонаучных исследований материалов Старшего Никитинского могильника и его место в хронологии средневолжской аабашевской культуры // Самарский научный вестник. – Самара. – Т. 10. – № 3. – С. 148–152

1420. *Эрдниев У.Э., 1981.* Древнейшая история заселения территории Калмыкии // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста. – С. 3–24

1421. *Эрдниев У.Э., 1982.* Археологические памятники Южных Ергеней. – Элиста. – 153 с.

1422. *Эрдниев У.Э., 1989*. Об археологических работах профессора П.С. Рыкова в Калмыкии // Археология восточно-европейской степи. – Саратов. – С. 50–55

1423. *Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е., 2006.* Курган 2 могильника Уашхиту I в Адыгее. Предварительные итоги раскопок // XXIV

«Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Нальчик. – С. 208–210

1424. *Эрлих В.Р., Маслов В.Е., Вальчак С.Б., 2010.* Курган 2 могильника Уашхиту: к проблеме стратиграфии // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. – Луганск. – С. 172–189

1425. *Юдин А.И., 1998*. Раскопки курганов у с. Шумейка в Саратовском Заволжье // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград. – Вып. 6. – С. 38–45

1426. *Юдин А.И., 2003*. Катакомбные поселения эпохи средней бронзы в степном Заволжье // НАВ. – Волгоград. – Вып. 6. – С. 126–141

1427. *Юдин А.И., 2007*. Исследование курганов эпохи средней бронзы у с. Шумейка Энгельсского района района // АВЕС. – Саратов. – Вып. 5. – С. 162–175

1428. *Юдин А.И., 2008.* Курганы у с. Мокрое // АНСК. – Саратов. – Вып. 8. – С. 47–68

1429. *Юдин А.И., 2010*. Бассейн р. Терешки как один из регионов формирования срубной культуры позднего бронзового века // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). – Саратов. – С. 194–213

1430. *Юдин А.И., Баринов Д.Г., Павленко Ю.А., 2019*. Погребения эпохи бронзы у села Николо-Варваринка в Бобровском районе Воронежской области // Археологическое наследие. – Воронеж. – № 1 (2). – С. 89–105

1431. *Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. – Саратов. – 116 с.

1432. *Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И., 1996*. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов. – С. 119–139

1433. *Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 2004.* Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара. – С. 186–205

1434. *Яровой Е.В., 1990*. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. – Кишинев. – 272 с.

1435. *2200 BC ..., 2015.* 2200 BC – ein Klimasturz als Ursache für den Zerfall der Alten Welt? (A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world?). Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle, 2015. – Band. 12 (1). – 845 p.

1436. *Adams M.J., 2017*. Egypt and the Levant in the Early/Middle Bronze Age Transition // The Late Third Millennium in the Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – P. 493–515

1437. *Adler H., 1967*. Frühe bronzeeit in Linz-St. Peter // Linzer Archäologische Forschungen. – Linz. – Band 3. – 141 s.

1438. *Al-Gailani L., 1972*. Some Sumerian Statues in the Iraq Museum // Iraq. – London. – Vol. XXXIV. – P. 73–76

1439. *Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa Ph., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtchyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrcka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E., 2015*. Population Genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. – V. 522 (7555). – P. 167–172

1440. *Almergo-Gorbea M., 1996*. L'eta del Bronzo in Iberia – chronologia relative // Acta Archaeologica supplementum. – Munksgaard. – Vol. 1. – P. 153–163

1441. *Amiet P., 1986.* L’âge des échanges interiraniens 3500–1700 avant J.-C. – Paris. – 332 p.

1442. *Ankusheva P.S., Zazovskaya E.P., Yuminov A.M., Ankushev M.N., Alaeva I.P., Epimakhov A.V., 2022*. Radiocarbon chronology of Bronze Age mines in the Southern Trans-Urals: first results // Archeological and Antrohological Science. https://doi.org/10.1007/s12520-022-01681-5

1443. *Anthony D.W., 1998.* The Opening of the Eurasian Steppe at 2000 BC // The Bronse Age and Early Iron Ages Peoples of Eastern Central Asia. – Washington. – p. 63–93

1444. *Anthony D.W., 2009.* The Sintashta Genesis. The Roles of Climat Change, Warfare, and Long-Distance Trade // Social Complexity in Prehistoric Eurasia. Monuments, Metal, and Mobility. – Cambridge. – P. 47–73

1445. *Anthony D., Brown D., Brown E., Goodman A., Khokhlov A., Kosintsev P., Kuznetsov P., Mochalov O., Murphy E., Peterson D., Pike-Tay A., Popova L., Rosen A., Russel N., Weisskopf A., 2005.* The Samara Valley Project. Late Bronze Age Economy and Ritual in the Russian Steppes // EA. – Band 11. – P. 395–417

1446. *Anthony D.W., Vinogradov N.B., 1995.* Birth of the chariot // Archaeology. An official Publication of the Archeological Institute of America. – Vol. 48. – № 2. – P. 36–41

1447. *Arnaud D., Calvet Y., Huot J.-L., 1979*. IlšuIbnišu, orfèvre de l’E. Babbar de Larsa. La jarred L. 76.77 et son contenu // Syria. – Paris. – T. LVI. – P. 1–64

1448. *Arnoldussen S., 2008.* A Living Landscape. Bronze Age settlement sites in the Dutch river area (c. 2000-800 BC). – Leiden.
1449. *Bąbel J.T, 2013*. Cmentarzyska społeczności kultury mierzanowckiej na Wyżynie Sandomierskiej // Collectio archaeologica ressoviensis. – Rzeszów. – T. XXIV/1,2. – 278 s., 311 s.
1450. *Bagolini B., Fasani L., 1982.* Das Ende des Neolithikums und der Beginn der Bronzezeit im Süden des mittleren Alpenbogens // Il Passaggio dal Neolitico all'etá del Bronzo Nell'Europa Centrale e nella regione Alpina. Problemi cronologici e terminologici. – Verona. – S. 329–341
1451. *Baioni M., 2005*. The Bronze Age cemetery of Sorbara-Asola (Mantua, Italy) // The Bronze Age in Europe and the Mediterranean. – Oxford. – P. 201–205
1452. *Bálek M., Dvořak P., Kovárnik J., Matějíčková A., 1999*. Pohřebiště kultury zvoncovitých pohárů v Tvořihráxi (okr. Znojmo) // Pravěk Supplementum. – Brno. – № 4. – 98 s.
1453. *Bándi G., 1982*. Die terminologischen und relativchronologischen Probleme der frühen und mittleren Bronzezeit in Westungarn // Il Passaggio dal Neolitico all'etá del Bronzo Nell'Europa Centrale e nella regione Alpina. Problemi cronologici e terminologici. – Verona. – S. 165–181
1454. *Bargiel B., Libera J., 2005.* Kultura Strzyżowska na Lubelszczyźnie w świetle znalezisk grobowych // На пошану Софії Станіславівни Березанської. – К. – С. 197–211
1455. *Barich B.E., 1971*. Il complesso industriale della stazione di Polada alla luce dei piu' recenti dati // Bullettino di paletnologia Italiana. – Roma. – P. 79–161
1456. *Barfild L.H., 1991*. Wessex with and without Mycenae: new evidence from Switzerland // Antiquity. – Oxford. – Vol. 65. – P. 102–107
1457. *Barnatt J., 1994.* Exavation of a Bronze Age Unenclosed Cemetery, Cairs, and Field Boundaries at Eaglstone Flat, Curbar, Derbyshire, 1984, 1989-1990 // PPS. – Vol. 60. – P. 287–370
1458. *Bartelheim M., 1997.* Aunjetitz und El Argar – Neue Überlegungen zu einer alten Frage // IA. Beiträge zur prähistorischen archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. – Espelkamp. – Band 1. – S. 275–285
1459. *Bartelheim M., 1998.* Studien zur böhmischen Aunjetitzer Kultur – Chronologische und chrologische Untersuchungen // UPA. – Bonn. – Band 46.
1460. *Bálek M., Dvořák P., Kovárnik J., Matějíčková A., 1999.* Pohřebiště kultury zvoncovitých pohárů v tvořihrázi (okr. Znojmo) // Pravěk. – Brno, 1999. – Sup. 4. – 98 s.
1461. *Bátora J., 1996.* Zur Problematik des Ausklingens der weidenblattförmigen Kupferindustrie im nördlichen Teil des Karpatenbecken // Studien zur Metallindustrie im Karpatenbecken und den benachbarten Regionen. – Budapest. – S. 61–73

1462. *Bátora J., 2000.* Das Gräberfeld von Jelšovce / Slowakei. Ein Beitrag zur Frühbronzezeit im nordwestlichen Karpatenbecken // PAS. – Kiel. – Teil 1, 2. – 617 s.
1463. *Bátora J., 2006.* Štúdie ku komunikácii medzi strednou a Východnou Európou v dobe bronzovej. – Bratislava. – 315 s.
1464. *Bátora J., 2013.* Metal founders' graves at the End of Aeneolithic and in the Early Bronze Age in Central and Eastern Europe // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. From Copper to Bronze. Cultural and Social Transformation at the Turn of the 3rd/2nd Millenia B.C. in Central Europe. – Langenweissbach. – № 74. – P. 25–34
1465. *Bátora J., Marková K., Vladár J., 2003.* Die Glockenbtecherkultur in Kontext der kultuhistorischen Entwicklung in der Süwestslowakei // The Northeast Frontier of Bell Beakers. – Oxford. – S. 255–264
1466. *Becker B., Krause R., Kromer B., 1989*. Zur absoluten Chronologie der Frühen Bronzezeit // Germania. – Mainz am Rhein. – S. 421–442
1467. *Behnert K., 1995*. Nordwestdeutsch-Niederländische Gruppe: Nordwestdeutshland, Niederlande, Belgien // Das Glockenbecher-Phänomen ein Seminar // FAS. – Freiburg. – № 2. – S. 163–178
1468. *Behnert K., Engler V., 1995.* Anlantische Gruppe: West- und Nordfrankreich // FAS. Das Glockenbecher-Phänomen. – Freiburg. – № 2. – S. 188–194
1469. *Belinskij A.B., Kalmykov A.A., 2004.* Neue Wagenfunde aus Gräbern der Katakombengar-Kultur im Steppengebiet des zentralten Vorkaukasus // Rad und Wagen. Der Ursprung Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz am Rhein. – P. 201–220
1470. *Bell B., 1971*. The Dark Ages in Ancient History I: The First Dark Age in Egypt // American Journal of Archaeology. – Prinston. – 75/1. – P. 1–26
1471. *Bende L., Lörinczy G., 2002*. Kora bronzkori temetö és település a kiskundorozsmai Hosszúhàt-halmon // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve – Studia Archaeologia. – Szeged. – VIII. – S. 77–107
1472. *Benke H.J., 2014*. Ein Gräberfeld der Schnurkeramik und der frühen Bronzezeit in der Karsdorfer Feldflur, Burgenlandkreis // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgtschichte. – Halle. – Band. – S. 125–217
1473. *Berciu D., 1961*. Die Verbiciora-Kultur. Vorbericht über eine neue, in Rumänien entdeckte bronzezeitliche Kultur // Dacia. – Bucarest. – T. V. – S. 123–161
1474. *Bertemes F., 1989*. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Gemeinlebarn // Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. – Bonn. – Band 45. – 213s., 68 taf.
1475. *Bertemes F., Heyd V., 2002.* Der übergang Kupferzeit/Frühbronzezeit am Nordwestrand des Karpatenbeckens – kulturgeschichtliche und paläometallurgische betrachtungen // Die Anfänge der metallurgie in der Alten Welt. – Rahden/Westf. – S. 185–228

1476. *Bertemes F., Heyd V., 2015.* 2200 BC – Innovation or Evolution? The genesis of the Danubian Early Bronza Age // 2200 BC – A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world? Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle. – Band 12/I. – P. 561–578
1477. *Bill J., 1973*. Die Glockenbecherkultur und die frühe Bronzezeit im französischen Rhonebecken und ihre Beziehungen zur Südwestschweiz. – Basel. – 109 s., 15 kart., 63 taf.
1478. *Billard C., Blanchet J.-C., Talon M., 1996*. Origine et composantes de l'âge du Bronze Ancien dans le Nord-Ouest de la France // Cultures et sociétés du Bronze Ancient en Europe. – Paris. – P. 579–601
1479. *Bini M., Zanchetta G., Perşoiu A., Cartier R., Català A., Cacho I., Dean J.R., Di Rita F., Drysdale R.N., Finnè M., Isola I., Jalali B., Lirer F., Magri D., Masi A., Marks L., Mercuri A.M., Peyron O., Sadori L., Sicre M.-A., Welc F., Zielhofer C., Brisset E., 2019*. The 4.2 ka BP event in the Mediterranean region: an overview // Climate of the Past. – Göttingen. – Vol. 15. – № 2. P. 555–577
1480. *Blesl Ch., 2005*. Das frübronzezeitliche Gräberfeld von Pottenbrun // Fundberichte aus Österreich Materialhefte. – Wein. – Heft 15. – 205 s.
1481. *Blouet V., Koenig M., Vanmoerkerke J., Buzzi P., Faye C., Gebus L., Klag T., Mervelet P., Veber C., 1996*. L'âge du Bronze Ancien en Lorraine // Cultures et sociétés du Bronze ancient en Europe. – Paris. – P. 403–439
1482. *Blum S.W.E., 2006*. Troia an der Wende von der frühen zur mittleren Bronzezeit – Troia IV und Troia V // Troia. Archäologie eines Siedlungshügels und seiner Landschaft. – Mainz am Rein. – S. 145–154
1483. *Blum S.W.E., Riehl S., 2015*. Troy in the 23rd century BC – environmental dynamics and cultural change // 2200 BC – A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world? Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle. – Band 12/I. – P. 181–201
1484. *Bocksberger O.-J., 1976*. Le Dolmen MVI // Cahiers d'archéologie Romande. – Lausanne. – № 6 – 131 p.
1485. *Bondár M., 2012*. Prehistoric wagon models in the Carpatian Basin (3500–1500 BC). – Budapest. – 142 p.
1486. *Bóna I., 1965.* The Peoples of Southern Origin of the Early Bronze Age in Hungary I-II // AlR. – Székesfehérvár. – Vol. IV-V. – P. 17–63
1487. *Bóna I., 1975*. Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen. – Budapest. – 317 s., 281 taf.
1488. *Bóna I., 1992.* Bronzezeitliche Tell-Kulturen in Ungarn // Bronzezeit in Ungarn. Forschungen in Tell-Siedlungen an Donau und Theiss. – Frankfurt am Main. – S. 9–41
1489. *Breitenbach S.F.M., Plessen B., Waltgenbach S., Tjallingii R., Leonhardt J., Jochum K.P., Meyer N., Goswami B., Marwan N., Scholz D., 2019*. Holocene interaction of maritime and continental climate in Central Europe: New speleothem evidence from Central Germany // Global and Planetary Change. – Vol. 176. – P. 144–161.

1490. *Brindley A.L., 2001.* Tomorrow is another day: some radiocarbon dates for Irish bronze artefacts // Patina. – Groningen-Amsterdam. – P. 145–160
1491. *Buchholz H.-G., Karageorghis V., 1973*. Prehistoric Greece and Cyprus. – London. – 514 p.
1492. *Buchvaldek M., 1982*. Problematik der Terminologie und Chronologie im Äneolithikum und in der Frühbronzezeit in Böhnem und Mähren // Il Passaggio dal Neolitico all'etá del Bronzo Nell'Europa Centrale e nella regione Alpina. Problemi cronologici e terminologici. Verona. – S. 225–236
1493. *Budinský-Kriča V., 1965*. Gräberfeld der späten schnurkeramischen Kultur in Veselé // SA. – Bratislava. – Roč. XIII. – Čís. 1. – S. 50–106
1494. *Budziszewski J., Haduch E., Włodarczak P., 2003*. Bell Beaker Culture in South-eastern Poland // The Northeast Frontier of Bell Beakers. – Oxford. – P. 155–181
1495. *Budziszewski J., Włodarczak P., 2010.* Kultura pucharóv dzwonowatych na Wyżynie Małopolskiej. – Kraków. – 251 s.
1496. *Burgess C., 1980*. The Age of Stonehenge. – London. – 402 p.
1497. *Burke, 2017*. Amorites, Climate Change, and the Negotiation of Identity at the End of the Third Millennium B.C. // The Late Third Millennium in the Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – P. 261–307
1498. *Butzer K.W., 1997*. Sociopolitical Discontinuity in the Near East C. 2200 B.C.E.: Scenarios from Palestine and Egypt // Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps. – Berlin-Heidelberg. – P. 245–296
1499. *Carozza L., Berger J.-F., Burens A., Marcigny C., 2015*. Society and environment in Southern France from 3rd millennium to the beginning of the 2nd millennium BC: 2200 BC a tipping point? // 2200 BC – A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world? Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle. – Band 12/I. – P. 335–364
1500. *Carter V.A., Shinker J.J., Preece J., 2018*. Drought and vegetation change in the central Rocky Mountains and western Great Plains: potential climatic mechanisms associated with megadrought conditions at 4200calyrBP // Climate of the Past. – Göttingen. – Vol. 14. – № 8. – P. 1195–1212
1501. *Case H., 2001*. The Beaker Culture in Britain and Ireland: Groups, European Contacts and Chronology // Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe. – Trento. – Vol. 1. – P. 361–377
1502. *Case H., 2004*. Bell Beaker and Corded Ware Culture Burial Assotiatins: A Bottom-Up rather than Top-Down Approach // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. – Stroud. – P. 201–214
1503. *Case H., 2007.* Beakers and the Beaker Culture // Beyond Stonehenge. Essays on the Bronze Age in Honour of Colin Burgess. – Exeter. – P. 237–254
1504. *Cavruc V., 1997*. The final stage of the Early Bronze Age in South-Eastern of Transylvania (in the light of new excavations at Zoltan) // Thraco-Dacica. – Bucureşti. – Vol. XIII, 1-2. – P. 97–133

1505. *Childe V.G., 1927*. The Dawn of Europen Civilization. – London. – 328 p.
1506. *Chropovský B., 1960.* Pohrebisko zo staršej doby bronzovej vo Veľkom Grobe // Pohrebiská zo staršej doby bronzovej na Slovensku. – Bratislava. – S. 14–136
1507. *Christlein R., 1964.* Beiträge zur Stufengliederung der frübronzezeitlichen Flachgräberfelder in Süddeutschland // Bayerische Vorgeschichtsblätter. – München. – Jahr. 29. – S. 25–63
1508. *Ciugudean H., 1991*. Zur frühen Bronzezeit in Siebenbürgen im Lichte der Ausgrabungen von Ampoiţa, jud. Alba // PZ. – Berlin-New York. – Band. 66. – S. 79–114
1509. *Ciugudean H., 1996*. Epoca timpurie a bronzului în Centrul şi Sud-Vestul Transilvaniei // Bibliotheca Tracologica. – Bucureşti. – XIII. – 295 p.
1510. *Ciugudean H., 1996a*. The Early Bronze Age in Central and South-Western Transylvania // The Thracian World at the Crossroads of Civilizations. – Bucharest. – P. 254–255
1511. *Ciugudean H., 1998.* The Early Bronze Age in Western Transylvania // The Early and Midlle Bronse Age in the Carpatian Basin. – Alba Iula. – P. 67–83
1512. *Clarke D.L., 1970.* Beaker pottery of Great Britain and Ireland. – Cambridge. – Vol. 1. – 280 p.
1513. *Coles J.M., Harding A.F., 1979*. The Bronze Age in Europe. An introduction to the prehistory of Europe c.2000-700 BC. – London. – 581 p.
1514. *Coles J., Tylor J., 1971*. The Wessex culture: a minimal view // Antiquity. – Oxford. – Vol. XLV. – P. 6–14
1515. *Conrad M., 2011*. Glockenbecherzeitlichen Gräber in Nordwestsachsen // Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. Landesamt für Archäololgie. – Dresden. – Band 51/52. – 2009/2010. – S. 39–130
1516. *Csányi M., Tárnoki J., 1992*. Katalog der ausgestellten funde // Bronzezeit in Ungarn. Forschungen in Tell-Siedlungen an Donau und Theiss. – Frankfurt am Main. – S. 175–210
1517. *Curdy Ph., Ferroni A.M., Pizziolo G., Keller R.P., Sarti L., Baioni M., Vetro D.L., Marongiu S., 2022.* St-Martin-de-Corléans (Aosta, Italy) Tomb TII: The Chronological and Cultural Sequence // The Bell Beaker Culture in All its Forms. Proceedings of the 22nd Meeting of ‘Archéologie et Gobelets’ 2021 (Geneva, Switzerland). – Oxford. – P. 149–162
1518. *Czebreszuk J., 1998*. The north-eastern borderland of the Bell Beaker. The case of the Polish Lowland // Some New Approaches to the Bell Beaker 'Phenomenon'. Lost Paradise…?. – Oxford. – P. 161–174
1519. *Czebreszuk J., 2003.* Bell Beaker in the Sequence of the Cultural Changes in South-western Baltic Area // The Northeast Frontier of Bell Beakers. –Oxford. – P. 21–38

1520. *Czebreszuk J., Kozłowska-Skoczka D., 2008*. Sztylety krzemienne na Pomorzu Zachodnum. – Szczecin. – 120 s.
1521. *Czebreszuk J., Szmyt M., 2012.* Bell Beaker and cultural milieu of north European plan // Background to Beakers. Inquiries in regional cultural backgrounds of the Bell Beaker Complex. – Leiden. – P. 157–175
1522. *Czebreszuk J., Szmyt M., 2015*. Living on the North Euopean Plain: between contunity and change // 2200 BC — ein Klimasturz als Ursache für den Zerfall der Alten Welt? (A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world?). Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle, 2015. – Band. 12 (1). – P. 539–559
1523. *Csányi M., Tárnoki J., 1992*. Katalog der ausgestellten funde // Bronzezeit in Ungarn. Forschungen in Tell-Siedlungen an Donau und Theiss. – Frankfurt am Main. – S. 175–210
1524. *Černych L., 2003.* Spektralanalyse und Mettallverarbeitung in den frün – und mitellbronzezeitlichen Kulturen der ukrainischen Steppe als Forschungsproblem // EA. – Band 9. – S. 27–62
1525. *Dabkowski Ju., Frodlová Ji., Hájek M., Hájková P., Petr L., Fiorillo D., Dudová L., Horsák M., 2018*. A complete Holocene climate and environment record for the Western Carpathians (Slovakia) derived from a tufa deposit // Holocene. – Swansea. – Vol. 29. – № 3. – P. 493–504
1526. *deMenocal, P.B. 2001*. Cultural responses to climate change during the late Holocene // Science. – 292(5517). – 667-673. DOI :10.1126/science.1059827. PMID 11303088.
1527. *De Marinis R.C., 1999*. Towards a Relative and Absolute Chronology of the Bronze Age in Northern Italy // Notizie Archaeology Bergomensi. – Bergamo. – № 7. – P. 23–100
1528. *De Morgan J., 1927.* La Préhistoire Orientale. L'asie Antérieure. – Paris. – 457 p.
1529. *De Reu J., Hammond J., Toron S., Bourgeois J., 2012*. Spatial and chronological of Bronze Age cemeteries of north-western Europe // BW. Gräberlandschaften der Bronzezeit. – Darmstadt. – 51. – S. 265–283
1530. *Demény A., Kern Z., Czuppon G., Németh A., Schöll-Barna G., Siklósy Z., Leél-Őssy S., Cook G., Serlegi G., Bajnóczi B., Sümegi P., Király Á., Kiss V., Kulcsár G., Bondár M., 2019*. Middle Bronze Age humidity and temperature variations, and societal changes in East-Central Europe // Quaternary International. – Vol. 504. – P. 80–95
1531. *Disideri J., Piguet M., Furestier R., Cattin F., Besse M., 2012*. The End of the Neolithic in Western Switzerland. Peopling dynamics through nonmetric dental study // Background to Beakers. Inquiries in regional cultural backgrounds of the Bell Beaker Complex. – Leiden. – P. 81–115
1532. *Doba bronzová* // Archeologie pravěkých Čech / 5. – Praha. – 265 s.
1533. *Dornauer A., 2017*. Bioclimatic and Agroecological Properties of Crop Taxa: A Survey of the Cuneiform Evidence Concerning Climatic Change and the Early/ Middle Bronze Age Transition // The Late Third Millennium in the

Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – P. 205–235

1534. *Douglas van Buren E., 1950.* Amulets, Symbols or Idols // Iraq. – London. – P. 139–146

1535. *Douglas van Buren E., 1955.* New evidence concerning an Eye-Divinity // Iraq. – London. – Vol. XVII. – P. 164–175

1536. *Dušek M., 1969.* Bronzezeitliche Gräberfelder in der Südwestslowakei // Archaelolgia Slovaca – Catalogi. – Bratislava. – 81 s., XXXI taf.

1537. *Dvorak P., Matejickova A., Sebela L., Oliva M., 2004*. The «Beaker Days» in Bohemia and Moravia // https://www.academia.edu/6997568/

1538. *Dyachenko A.N., Skripkin A.S., Klepikov V.M., Kubyshkin A.I., Mabe A., 2000.* Excavanions of the Aksai Kurgans in the Volga-Don region (Russia) // Kurgans, Ritual Sites and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age. – BAR International Series. – P. 43–62

1539. *Endrődi A., 2003*. The Late Phase of the Bell Beaker –Csepel Group in Hungary // The Northeast Frontier of Bell Beakers. – Oxford. – P. 265–276

1540. *Enrée M., 2012*. Die räumliche Entwicklung des Gräberfeldes der Aunjetitzer Kultur in Prag-Miškovice – Kontinuität oder Diskontinuität // Gräberlandschaften der Bronzezeit. Internationales Kolloquium zur Bronzezeit. Bodenaltertümer Westfalens, Herne, 15.–18. Oktober 2008. – Darmstadt. – 51. – S. 477–485

1541. *Enrée M., 2013*. Einige Bemerkungen zu einem frühbronzezeitlichen Nadeltyp // From Copper to Bronze. Cultural and Social Transformation at the Turn of the 3rd/2nd Millennia B.C. in Central Europe. – Langenweissbach. – S. 185–190

1542. *Enrée M., Müller J., Rassmann K., 2009*. Ausgrabung des frühbronzezeitlichen gräberfelds der Aunjetitzer Kultur von Prag-Miškovice. Auswertung und erste Ergebnisse der naturwissenschaftlichen Untersuchungen: 14c-Daten und metallanalysen // Germania/ - Franfrukt-am-Main. – Jahr. 87. – S. 355–410

1543. *Enrée M., Müller J., Rassmann K., 2012*. Ausgrabung des frühbronzezeitlichen Gräberfelds der Aunjetitzer Kultur von Prag-Miškovice // Germania. – Frankfurt a. M. – Jahr. 87, 2009. – S. 355–409

1544. *Epimakhov A., Koryakova L., 2004.* Streitwagen der eurasischen Steppe in der Bronzezeit: Das Wolga-Uralgebirge und Kasachstan // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation. Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz am Rhein. – P. 221–236

1545. *Fairbridge R., Erol O., Karaca M., Yilmaz Y., 1997.* Background to Mid-Holocene Climatic Change in Anatolia and Adjacent Regions // Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps. – Berlin-Heidelberg. – P. 595–610

1546. *Fasani L., 1984*. L'età del Bronzo // II Veneto nell'antichità. Preistoria e protostoria. – Verona. – II. – P. 451–614

1547. *Fischer J., 1995*. Englische Gruppen: Südengland, Mittelengland, Wales // FAS. Das Glockenbecher-Phänomen. – Freiburg. – № 2. – S. 123–139
1548. *Fischl K.P., Kiss V., Kulcsár G., Szeverényi V., 2015.* Old and new narratives for Hungary around 2200 BC // 2200 BC – A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world? Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle. – Band 12/I. – P. 503–523
1549. *Fitzpatrick A.P., 2011*. The Amesbury Archer and the Boscombe Bowmen. Bell Beaker burial at Boscombe Down, Amesbury, Wiltshire. – Aberystwyth. – 278 p.
1550. *Fitzpatrick A.P., 2015*. The earlier Bell Beakers: migrations to Britain and Ireland // The Bell Beaker transition in Europe. Mobility and local evolution during 3hd millennium BC. – Oxford-Philadelphia. – P. 41–56
1551. *Florescu A., Florescu M., 1959.* Sondajul de la Gîrceni // Materiale şi cercetări archaeologice. – Bucureşti. – VI. – P. 221–229
1552. *Florescu M., 1965*. Quelques problèmes concernant le début de la civilization de Monteoru de Moldavie (à la lumière des recherches du Sud-Ouest de la Moldavie) // Dacia. – Bucarest. – T. IX. – P. 69–81
1553. *Florescu M., 1978.* Citeva observatii referitoare la ritul şi ritualurile practiceate de purtatorii culturii Monteoru in Lumina sapaturilor de la cîndeşti (Jud. Vrancea) // Carpica. – X. – P. 97–136
1554. *Fokkens H., 2001*. The Periodisation of the Dutch Bronze Age: a critical review // Patina. – Groningen-Amsterdam. – P. 241–262
1555. *Fokkens H., 2005.* Le début de l'âge du Bronze aux Pys-Bs et l'horizon Hilversum Ancien // L'âge du Bronze du Nord de la France. – Paris. – P. 11–33
1556. *Fokkens H., Achterkamp Y., Kuijpers M., 2008.* Bracers or Braselets? About the Functionality and Meaning of Bell Beaker Wrist-guards // PPS. – Vol. 78. – P. 109–140
1557. *Forenbaher S., 1993*. Radiocarbon dates and absolute chronology of the central Europen Early Bronze Age // Antiquity. – Oxford. – Vol. 67. – № 255. – P. 218–256
1558. *Frankfort H., 1935*. Oriental Institute Discoveries in Iraq, 1933/34. – Chicago. – 122 p.
1559. *Frankfort H., 1936*. Progress of the Work of the Oriental Institute in Iraq, 1934/35. – Chicago. – 138 p.
1560. *Frankfort H., 1939.* Sculpture of The Third Millennium B.C. from Tell Asmar and Khafājah. – Chicago. – 222 p.
1561. *Furmánek V., Kruta V., 2002.* L'età d'oro dei Carpazi. Ceramiche e metallic dell'età del Bronzo della Slovacchia 2300-800 a.C. – Pianura di Legnago. – 183 p.
1562. *Furmánek V., Veliačik L., Vladár J., 1991.* Slovensko v dobe bronzovei. – Bratislava. – 408 s.
1563. *Furmánek V., Veliačik L., Vladár J., 1999.* Die Bronzezeit im slowakischen Raum // PAS. – Rahden/Westf. – band 15 – 203s., 39 taf.

1564. *Gadzhiev M.G., Kohl F.L, Magomedov R.G., Stronach D., Gadzhiev Sh.M., 2000.* Dagestan-American archaeological investigations in Dagestan, Russia 1997-99 // EA. – Band 6. – P. 47–123
1565. *Garsia J.C.M., 2015*. Climatic change or sociopolitical transformation? Reassesing late 3rd millennium BC in Egypt // Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps. – Berlin-Heidelberg. – P. 79–94
1566. *Gavanagh W., Mee C., Renard J., 2016*. Early Bronze Age Cyronology of Mainland Greece: a review with new dates from the excavation at Kouphovouno // The Annual of the British School at Athens NO III. – London. – P. 35–49
1567. *Gebers W., 1978*. Endneolithikum und Frühbronzezeit im Mittelrheingebiet. Katalog. – Bonn. – 192 s., 77 taf.
1568. *Geirsdóttir Á., Miller G.H., Andrews J.T., Harning D.J., Anderson L.S., Florian C., Larsen D.J., Thordarson T., 2019*. The onset of neoglaciation in Iceland and the 4.2 ka event // Climate of the Past. – Göttingen. – Vol. 15. – № 1. – P. 25–40
1569. *Genz H., 2017*. The Transition from the Third to the Second Millennium B.C. in the Coastal Plain of Lebanon: Continuity or Break? // The Late Third Millennium in the Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – P. 73–85
1570. *Gerloff S., 1975*. The Early Bronze Age Daggers in Great Britian // Prähistorische Bronzefunde. – München. – Abt. VI. – Band 2. – 298 s., 64 pl.
1571. *Gerloff S., 2007*. Reinecke's ABC and the Chronology of the British Bronze Age // Beyond Stonehenge. Essays on the Bronze Age in Honour of Colin Burgess. – Oxford. – P. 117–185
1572. *Gerloff S., 2010.* Von Troja an die Saale, von Wessex nach Mykene – Chronologie, Fernverbindungen und Zinnrouten der Frühbronzezeit Mittel- und Westeuropas // Der Griff nach den Sternen. Wie Europas Eliten zu Macht und Reichtum kamen. Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle (Saale). – Halle (Saale). – Band 05/II. – S. 603–639
1573. *Geschwinde M., 2012*. Die Große Heide bei Uelsen-Ripdorf. Ein Hügelgräberfeld vom Spätneolithikumbis in die jüngere Bronzezeit // BW. Gräberlandschaften der Bronzezeit. – Darmstadt. – 51. – S. 107–123
1574. *Gibson A.M., 2019.* Introduction // Bell Beaker Settlements of Europe. The Bell Beaker phenomenon from a domestic perspective. – Oxford & Philadelphia. – P. xx–xii
1575. *Girić M., 1971.* Mokrin. The Early Bronze Age Necropolis // Mokrin II. The Early Bronze Age necropolis. Dissertations et Monographie. – Beograd. – T. XI. – P. 29–237
1576. *Girić M., 1984.* Die Maros (Moris, Mures)-Kultur // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 33–58
1577. *Gnepf U., Hämmerle S., Hochuli S., 1998.* New Bell Beaker finds from Central Switzerland // Some New Approaches to the Bell Beaker 'Phenomenon'. Lost Paradise…?. – Oxford. – P. 73–86

1578. *Gods and Goddesses, 1992*. – Ankara. – 213 p.
1579. *Gogâltan F., 1999.* Bronzul timpuriu şi Mijlociu în Banatul Românesc şi pe cursul inferior al Mureşului. Cronologia şi descoperirile de metal // Bibliotheca historica et archaeological Banatica. – Timişoara. – XXIII. – 390 s.
1580. *Gogâltan F., 2015.* The Early and Middle Age Chronology on the Easnern Frontier of the Carpatian Basin. Revisited after 15 Years // // Bronze Age Chronology in the Carpathian Basin. – Târgu Mureş. – P. 53–95
1581. *Görsdorf J., 2003*. ^{14}C-Datierungen von Menschenknochen aus dem Kurgan Voznesenskij, Zaporož'e // Kaiser E. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut // AE. – Mainz am Rhein. – Band 14. – S. 399–403
1582. *Górski J., Jarosz P., Tunia K., Wilk S., Włodarczak P., 2013*. New evidence on the absolute chronology of the Early Mierzanowice culture in south-eastern Poland // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. From Copper to Bronze. Cultural and Social Transformation at the Turn of the 3rd/2nd Millenia B.C. in Central Europe. – Langenweissbach. – № 74. – P. 105–118
1583. *Górski J., Kadrow S., 2001*. Die frühe und äitere Bronzezeit in Kleinpolen im Lichte der Radiokarbondatierungen (mit einigen Bemerkungen zu ausgewählten Fundstellen in der Ukraine) // // Die absolute Chronologie in Mitteleuropa 3000–2000 v.Chr. – Rahden/Westf. – S. 131–176
1584. *Goslar T., 2020.* Анализы материалов на ^{14}C п. 2 к. 1 у с. Пологи (дерево перекрытия) // Пологівський посох (досвід міждисциплінарного вивчення). Колективна монографія. – К. – С. 202–204
1585. *Gramsch A., 1995*. Sizilien // Das Glockenbecher-Phänomen ein Seminar // FAS. – Freiburg. – № 2. – S. 293–307
1586. *Grant A. 1989*. Animals and ritual in early Britain: the visible and the invisible. // Anthropozoologica, troisième numéro special. – p. 79–86
1587. *Greenberg R., 2017*. No Collapse: Transmutations of Early Bronze Age Urbanism in the Southern Levant // The Late Third Millennium in the Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – P. 31–58
1588. *Grigoriev S.A., 2002.* Ancient Indo-Euroheans. – Chelyabinsk. – 496 p.
1589. *Grigoriev S.A., 2019.* Central European Impulses in Eastern Europe in the Early Second Millennium BC // SA. – Nitra. – Roč. LXVII. – Čís. 2. – P. 225–238
1590. *Grigoriev S., 2021.* Archaeology, Genes and Language: The Indo-European Perspective // The Journal of Indo-European Studies. – Vol. 49. – № 1-2. – P. 187–230
1591. *Grigoriev S., 2022*. Origins of the Greeks and Greek dialects // Journal of Ancient History and Archaeology. – № 9.1. – P. 5–46
1592. *Grigoriev S., 2022a*. Cultural genesis and ethnic processes in Central Europe in the 3rd millennium BC: Yamnaya, Corded Ware, Fatyanovo and Abashevo cultures // Journal of Ancient History and Archaeology. – № 9.3. – P. 43–84

1593. *Grimes W.F., 1960.* Excavations on Defence Sites, 1939-45 // Mainly Neolthic – Bronze Age. – London. – 259 p.
1594. *Großmann R., 2016*. Das Dialektische Verhältins von Schnurkeramik und Glockenbecher zwischen Rhein und Saale // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. – Bonn. – Band 287. – 280 s.
1595. *Gross-Klee E., 1999.* Glockenbecher: ihre Chronologie und ihr zeitliches Verhältnis zur Schnurkeramik aufgrund von C14-Daten // Juhrbuch der Schweizerischen Gesselschaft für Ur- und Frühgeschichte. – Basel. – S. 55–64
1596. *Grove J.M., 2004*. Little Ice Ages: Ancient and Modern. – New York. – 498 p.
1597. *Guidi A., Whitehouse R., 1996*. Radiocarbon Chronology for the Bronze Age: the Italien Situation // AA. Absolute Chronology. Archaeological Europe 2500-500 BC. – Munksgaard. – Vol. 67. – P. 271–282
1598. *Guy P.L.O., 1938*. Megiddo Tombs. – Chicago. – 605 p.
1599. *Hafner A., 1998*. Frühbronzezeit. Westschweiz und Wallis // Die Schweiz vom Paläolithikum bis zum frühen Mittelalter. Bronzezeit. – Basel. – SPM III. – S. 20–32
1600. *Hafner A., Suter P.J., 1998*. Die frühbronzezeitlichen Gräber des Berner Oberlands // Tradition und Innovation Prähistorische Archäologie als historische wissenschaft. Studia honoraria 3. – Rahden/Westf. – S. 385–416
1601. *Hafner A., Suter P.J., 2003.* Vom Endneolithikum zur Frühbronzezeit: Wandel und Kontinuität Zwischen 2400 und 1500 V. Chr. // AK. – Mainz. – Jahr. 33. – Ht. 3. – S. 325–339
1602. *Hafner A., Suter P.J., 2007*. Von Endneolithikum zur Frühbronzezeit: Wandel und Kontinuität zwischen 2400 und 1500 v. Chr. In der Schweiz // Environnements et Cultures à L'âge du Bronze en Europe Occidentale. – Paris. – S. 179–195
1603. *Hakelberg D., 1995*. Mährische Gruppe: Mähren, Niederösterreich und Ungarn // Das Glockenbecher-Phänomen ein Seminar // FAS. – Freiburg. – № 2. – S. 29–40
1604. *Hakemi A., 1997*. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. – IsMeo-Rome. – 721 p.
1605. *Hájek L., 1959*. Kostěná industrie otomanské kultury z Barce // SA. – Bratislava. – Roč. VII. – Čís. 2 – S. 285–300
1606. *Hänsel B., 1968.* Beitrage zur Chronololgie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken. – Bonn. – Teil. I, II. – 170 s., 58 taf.
1607. *Hänsel B., Medović P., 1992.* ^{14}C-Datierungen aus den Früh- und mittelbronzezeitlichen Schichten der Siedlung von Feudvar bei Mošorin in der Vojvodina // Germania. – Mainz am Rhein. – Jahr. 70. – S. 251–257
1608. *Hänsel B., Medović P., 1994.* Bronzozeitliche Inkrustationskeramik aus Feudvar bei Mošorin an der Theiβmündung // Die Fragen der Bronzozeit. Archäologishe Konferenz des Komitates Zala und Neiderösterreichs III. Keszhtely, 5-7.10.1992 – Zalai Múzeum 5. – S. 189–199

1609. *Harding A.F., 1971.* The Earliest Glass in Europe // AR. – Praha. – XXIII. – P. 188–200
1610. *Harding A.F., 1980*. Radicarbon Calibration and the Chronology of the Europen Bronze Age // AR. – Praha. – XXXII. – P. 178–186
1611. *Harding A.F., 1984.* The Mycenaeans and Europe. – London. – 334 p.
1612. *Harding A.F., 1990.* The Wessex connection: developments and perspectives // Orientalisch-Ägäische Einflüsse in der europäischen Bronzezeit. Monographien. – Bonn. – Band 15. – S. 139-154
1613. *Harrison R.J., 1977.* The Bell Beaker Cultures. Cultures of Spain and Portugal. – Cambridge. – 257 p.
1614. *Harrison R.J., 1980*. The Beaker Folk. Copper Age archaeology in Western Europe. – London. – 176 p.
1615. *Harrison R.J., 2007.* Majaladares. A Bronze Age Village of Farmers, Hunters and Herders // IA. – Rahden/Westf. – Band 107. – 209 p.
1616. *Harrison R.J., Pupérez Mª.T.A., López G.M., 1998*. Un Poblado de la Edad del Bronce en El Castilio. – Oxford. – 163 p.
1617. *Hassan F.A., 1997*. Nile Floods and Political Disorder in Early Egypt // Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps. – Berlin-Heidelberg. – P. 1–23
1618. *Hauptmann A., Bendall C., Brey G., Japariże I., Ġambašiże I., Klein S., Prange M., Stöllner T., 2010.* Gold in Georgien. Analitische Untersuchungen an Goldartefakten und an Naturgoldaus dem Kaukasus und dem Transkaukasus // Von Majkop bis Trialeti. Gewinnnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.-2. Jt. v. Chr. – Bonn. – P. 140–160
1619. *Healy F., Harding J., 2004*. Reading a Burial: The Legacy of Overton Hill // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. – Stroud. – P. 176–193
1620. *Hecker W., 1995.* Böhmische Gruppe: Böhmen // FAS. Glockenbecher-Phänomen. – Freiburg. – № 2. – S. 41–66
1621. *Heyd V., 1998*. Die Glockenbecherkultur in Süddeutschland. Zum Stand der Forschung einer Regionalprovinz entlang der Donau // Some New Approaches to the Bell Beaker 'Phenomenon'. Lost Paradise…?. – Oxford. – S. 87–106
1622. *Heyd V., 2001*. On the earliest Bell Beakers along the Danube // Bell Beaker today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe. – Trento. – P. 387–409
1623. *Heyd V., 2007*. Families, Prestige Good, Warriors & Complex Societies: Beaker Groups of the 3rd Millennium cal BC Along the Upper & Middle Danube // PPS. – Nottingham. – Vol. 73. – P. 327–379
1624. *Heyd V., 2007a.* When the West meets the East: the eastern periphery of the Bell Beaker phenomenon and its relation with the Aegean early Bronz Age // Between the Aegean and Baltic Seas: prehistory across borders. – Liège. – P. 91–104

1625. *Heyd V., 2016.* Das Zeitalter der Ideologien: Migration, Interaktion und Expansion im Prähistorischen Europa des 4. und 3. Jahrtausends v. Chr. // Transitional Landscapes? The 3hd Millennium BC in Europe. – Bonn. – S. 54–85
1626. *Heyd V., 2021.* Beaker in Southern Russia – Thing? https :// bellbeakerblogger.blogspot.com/
1627. *Heurtley W.A., 1939*. Prehistoric Macedonia. An archaeological reconnaissance of Greek Macedonia (West of the Struma) in the Neolithic, Bronze, and Early Iron Ages. – Cambridge. – 275 p.
1628. *Höflmayer F., 2017*. The Late Third Millennium B.C. in the Ancient Near East and Eastern Mediterranean: A Time of Collapse and Transformation // The Late Third Millennium in the Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – P. 1–28
1629. *Höflmayer F., 2017a.* Preface // The Late Third Millennium in the Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – P. VII
1630. *Hochuli S., 1994*. Arbonb-Bleiche. Die neolithischen und bronzezeitlichen Seeufersiedlungen Ausgrabungen 1885-1991 // Archäologie im Thurgau. – Departement für Erziehung und Kultur des Kantons Thurgau. – 363 s.
1631. *Hochuli S., 1998.* Suisse centrale et orientale // Die Schweiz vom Paläolithikum biz zum frühen Mittelater. Bronzezeit. – Basel. – S. 32–46
1632. *Hochuli S., Köninger J., Ruoff U., 1994*. Der absolutchronologische Rahmen der Frühbronzezeit in der Ostschweiz und in Süwestdeutschland // AK. – Mainz. – Jahr. 24. – S. 269–282
1633. *Hole F., 1997*. Evidence for Mid-Holocene Environmental Change in the Western Khabur Drainage, Northeastern Syria // Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps. – Berlin-Heidelberg. – P. 39–66
1634. *Hood M.S.F., 1973*. Northern penetration of Greece at the end of the Early Helladic period and contemporary Balkan chronology // Bronze Age Migrations in the Aegean. – London. – P. 59–71
1635. *Horváth T., 2017*. The stone implements and wrist-guards of the Bell Beaker cemetary of Budakalász // Vjesnik Arheološkog Muzeja u Zagrebu. – Zagreb. – Vol. XLIX. – S. 71–113
1636. *Hubensack V., 2018*. Das Bestattungsverhalten in Gräberfeldern und Siedlungen der Aunjetitzer Kultur in Mitteldeutschland // Forschungsberichte des für Vorgeschichte Halle. – Halle an der Saale. – 14/I, 14/II. – 650 s.
1637. *Hundt H.-J., 1958*. Katalog Straubing I. Die funde der Glockenbecher-Kultrur und der Straubinger-Kultur // Materialhefte zur Bayerischen Vorgeschichte. – Kallmünz. – Heft 11. – 58 s., 51 taf.
1638. *J. von Beckerath, 1997*. Chronologie des pharaonischen Ägypten. Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr. // Münchner Ägyptologische Studien. – Mainz. – Band 46. – 244 s.

1639. *Japaridze O.M., 1973*. Trialeti culture in the light of the latest discoveries // Actes du VIIIe Congres International des scienes Prehistoriques et Protohistoriques. – Beograd. – III. – P. 39–41
1640. *Jockenhövel A., 1969/70*. Die frühbronzezeitlichen Gräber // Fundberichte aus Hessen. – Bonn. – Jahr. 9/10. – S. 56–68
1641. *Joukowsky M.S., 1986*. Prehistoric Aphrodisias. An Account of the Excavation and Artifact Studies. – Rhode Island. – 484 p.
1642. *Kadinlary T.Ç.G., 2006.* Mysterios Women of the Bronze Age. – Istanbul. – 184 p.
1643. *Kadrow S., 1991.* Iwanowice: stanovisko Babia Gora. Roswój przestrzenny osady z wczesnego okresu epoki brązu. – Kraków. – Cz. I. – 103 s., XLVIII tabl.
1644. *Kadrow S., 1992.* Iwanowice: stanovisko Babia Gora. Cmentarzyko z wczesnego okresu epoki brązu. – Kraków. – Cz. II. – 127 s., XXIII tabl.
1645. *Kadrow S., 1997.* Bemerkungen zur Chronologie der Frühbronzezeit in Kleinpolen und der Slowakei // IA. – Espelkamp. – Band 1. – S. 229–235
1646. *Kadrow S., 1998.* Osteuropäische Beiziehungen des epischnurkeramischen karpaten-ländischen Kulturkreises in der Frühbronzezeit // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Mettallzeiten (4000 – 500 v.Chr.). – München-Rahden/Westf. – S. 253–260
1647. *Kadrow S., 2000.* Wczesnobrązowa wytwórczość metalurgiczna w stylu wierzbowego liścia // 150 lat Muzeum Archeologicznego w Krakowie. – Kraków. – S. 141–152
1648. *Kadrow S., 2001.* U progu nowej epoki. Gospodarka i społczeństwo wczesnego okresu epoki brązu w Europie Środkowei. – Kraków. – 313 s.
1649. *Kadrow S., 2013.* Settlement agglomeration of the Mierzanowice culture in South-Eastern Poland – new discoveries // From Copper to Bronze. Cultural and Social Transformation at the Turn of the 3rd/2nd Millennia B.C. in Central Europe. – Langenweissbach. – P. 119–128
1650. *Kadrow S., Machnik J., 1997.* Kultura mierzanowicka. Chronologia, taksonomia i rozwóy przestrzenny // Prace Komisji Archeologicznej. – Kraków. – № 29. – 196 s.
1651. *Kaiser E., 1999.* Radiocarbon dates from catacomb graves // BPS. V. 7. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850 BC. – Poznan. – P. 129–150
1652. *Kaiser E., 2001.* Neue Radikarbondatierungen für Gräber der Gruben- und Katakombengrabkultur im Steppengeibet der Ukraine // Die absolute Chronologie in Mitteleuropa 3000-2000 v.Chr. – Rahden/Westf. – S. 81–102
1653. *Kaiser E., 2003*. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut // AE. – Mainz am Rhein. – Band 14. – 425 s., 27 taf.
1654. *Kaiser G., 1962.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Unterwöbling p. B. St. Pölten, N.Ö // Archeologia Austriaca. – Wein. – Heft 31. – S. 35–61

1655. *Kakhiani K., Ghlighvashvili E., 2008.* Bronze Age barrows in the Southern Georgia // ANES. Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia. – Peeters. – Sup. 19. – P. 229–247
1656. *Kalicz N., 1968*. Die Frühbronzezeit in Nordost-Ungarn // Archaeologia Hungria. – Budapest. – XLV. – 202 s., CXXX taf.
1657. *Kalizc N., 1982.* Die terminologischen und chronologischen Probleme der Kupfer- und Bronzezeit in Ungarn // Ill passaggio dal neolitico all'età del bronzo Nell'Europa centrale e nella regione Alpina. – Verona. – S. 117–137
1658. *Kalizc-Schreiber R., 1994*. Siedlungsfunde und ein Brandgrab der Frühbronzezeitlichen Makó-Kultur in Budapest // Die Fragen der Bronzezeit. Sonderdruck, Zalai Múzeum 5. – Keszthely. – S. 39–59
1659. *Kalizc-Schreiber R., Kalicz N, 2001*. Were the Bell Beaker as Social Indicators of the Early Bronze Age in Budapest? // Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe/ – Trento. – Vol. 1. – P. 439–458
1660. *Kavtaradze G.L., 1999.* The importance of metallurgical data for the formation of a Central Transcaucasian chronology // The Beginnings of Metallurgy. – Bochum. – P. 67–101
1661. *Kenyon K.M., 1960.* Excavations at Jericho. The Tombs excavated in 1952–4. – London. – Vol. I. – 583 p.
1662. *Kenyon K.M., 1965.* Archaeology in the Holy Land. – London. – 328 p.
1663. *Kenyon K.M., 1981.* Excavation at Jericho. The Architecture and Stratigraphy of the Tell. – London. – Vol. III. – 540 p.
1664. *Kenyon K.M., Holland T.A., 1983*. Ecavations at Jericho. Volume Five. The Pottery Phases of the Tell and Other Finds. – London.
1665. *Khomutova, T. E., Kashirskaya, N. N., Demkina, T. S., Kuznetsova, T. V., Fornasier, F., Shishlina, N. I., Borisov, A. V., 2019*. Precipitation pattern during warm and cold periods in the Bronze Age (around 4.5-3.8 ka BP) in the desert steppes of Russia: Soil-microbiological approach for palaeoenvironmental reconstruction // Quaternary International. – Vol. 507. – P. 84–94
1666. *Kienlin T.L., 2008.* Tradition and Innovation in Copper Age Metallurgy: Results of a Metallographic Examination of Flat Axes from Eastern Central Europe and the Carpathian Basin // Proceedings of the Prehistoric Society. – Cambridge. – Vol. 74. – P. 79–107
1667. *Kirchner S., 2011*. Studie zum Fundmaterial der Frühbronzezeitlichen kultur Mährens. – Tübingen.
1668. *Kiss V., Fábián F., Hajdu T., Köhler K., Kulcsár G., Major I., Szabó G., 2015.* Contribution to the Early and Middle Bronze Age in Western Hungary Based on Radicarbon Dating of Humans Bones // Bronze Age Chronology in the Carpathian Basin. – Târgu Mureş. – P. 23–36
1669. *Kiss T., Hernesz P., Sümeghy B., Györgyövics K., Sipos G., 2015*. The evolution of the Great Hungarian Plain fluvial system – Fluvial processes in a subsiding area from the beginning of the Weichselian // Quaternary International. – Vol. 388. – P. 142–155

1670. *Klochko V.I., 1994.* The weapony of the pastoral societies in the context of the weaponry of the steppe – forest-steppe communities: 5000-2350 BC // BPS. – Vol. 2. – P. 167–195

1671. *Klochko V.I., 1999.* Radiocarbon chronology of the Early and Middle Bronze Age in the Middle Dnieper Region. The Mironovka Barrows // BPS. V. 7. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850 BC. – Poznan. – P. 162–195

1672. *Klochko V.I., 2001.* Weaponry of societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000–700 BC // BPS. – Poznań. – Vol. 10. – 376 p.

1673. *Klochko V.I., 2002.* Maces of Neolithic-Bronze Age of the Northern Pontic region // BPS. – Vol. 11. – P. 22–30

1674. *Klochko V.I., Sanzharov S.N., 2003*. Radiocarbon dating of Early and Middle Bronze Age relics of the Siversky Donets (Luhansk Region): A preliminary report // BPS. – Poznań. – Vol. 12. – P. 209–2011

1675. *Kneisel J., Müller J., 2011.* Produktion, Distribution, Konsumtion und die Formation sozialer Unterschiede in frübronzezeitlichen Gesellschaften Mitteleuropas // AE. Sozialarchäologische Perspektiven: Gesellschaftlicher Wandel 5000-1500 v. Chr. Zwischen Atlantik und Kaukassus. – Darmstadt. – Band 24. – S. 295–324

1676. *Köninger J., 1998.* Gemusterte Tonobjekte aus der Ufersiedlung Bodman-Schachen I – Zur Verbreitung und Chronologie der sogenannten «Oggetti enigmatici» // Tradition und Innovation Prähistorische Archäologie als historische wissenschaft. Studia honoraria 3. – Rahden/Westf. – S. 429–468

1677. *Köninger J., 2006*. Die frühbronzezeit Ufersiedlungen von Bodman-Schachen I – Befunde und Funde aus Tauchsondagen 1982-1984 und 1986 // Siedlungsarchäologie im Alpenvorland VIII. – Stuttgart. – 600 s.

1678. *Koşay H.Z., 1951.* Les fouilles d'Alaca Hoyuk. Rapport preliminare // Türk Tarih Kurumu Tarafindan Yapilan. – Ankara. – 202 p., CCVII pl.

1679. *Köster C., 1966*. Beiträge Endneolithikum und zur Frühen Bronzezeit am nördlichen Oberrhein // PZ. – Berlin. – Band XLIII/XLIV. – S. 2–95

1680. *Korfmann M., Mannsperger D., 1998*. Troia: ein historischer Überblick und Rundgang. – Stuttgart. – 75 s.

1681. *Kopasz J., Přichystal A., Šebela L., 2009.* Lithic chipped industry of the Bell Beaker Culture in Moravia and its East-Central European Context. – Kraków-Brno. – 365 s.

1682. *Korykova L., Epimakhov A., 2007.* The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. – Cambridge. – 383 p.

1683. *Kouznetsov P.F., 1999.* Chronology of cultures in Bronze Age in Russia and New Dates according to ^{14}C // Actes du 3èmè congrès international 'Archéologie' et ^{14}C, Lyon, 6-10 Avril 1998. Revue d' Archémétrie Suppl. – P. 239–242

1684. *Kovács T., 1975*. Tumulus Culture Cemeteries of Tizafüred // Régészeti Füzetek. – Budapest. – P. 3–65

1685. *Kovács T., 1982*. Die terminologischen und chronologischen Probleme der frühen und mittleren Bronzezeit in Ostungam // Ill passaggio dal neolitico all'età del bronzo Nell'Europa centrale e nella regione Alpina. – Verona. – S. 153–164
1686. *Kovács T., 1984*. Füzesabony-Kultur // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 235–256
1687. *Kovács T., 1984a*. Vatya-Kultur // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 217–233
1688. *Kowiańska-Piaszykowa M., 2008*. Cmentarzyko kurganowe z wczesnej epoki brązu w łękach Małych w Wieolkopolsce. – Poznań. – 230 s.
1689. *Krause R., 1988*. Die endneolithischen und frühbronzezeit Grabfunde auf der Nordstadtterrasse von Singen am Hohentwiel // Forschungen und berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. – Stuttgart. – 350 s., 9 taf.
1690. *Krause R., 1996.* Zur Chronologie der Frühen und Mittleren Bronzezeit Süddeutschlands, der Schmeiz und Österreichs // AA. Absolute Chronology. Archaeological Europe 2500-500 BC. – Munksgaard. – Vol. 67. – S. 73–86
1691. *Krause R., 2011*. Bronzezeitliche Hierarchien in den Alpen? Zum Siedlungswesen und zum Bergbau in den Alpen // AE. Sozialarchäologische Perspektiven: Gesellschaftlicher Wandel 5000-1500 v. Chr. Zwischen Atlantik und Kaukasus. – Darmstadt. – Band 24. – S. 325–340
1692. *Krause R., Koryakova L.N., Fornasier J., Šarapova S.V., Epimachov A.V., Panteleeva S.E., Berseneva N.A., Molčanov I.V., Kalis A.J., Stobbe A., Thiemeyer H., Wittig R., König A., 2010.* Befestigte Siedlung der bronzezeitlichen Sintašta-Kultur im Transural, Westsibirien (Russische Föderation) // EA. – Mainz am Rhein. – Band 16. – S. 97–129
1693. *Krmpotić M., Čataj L., Šikanjić P.R., Premužić Z., 2017*. Late Eneolithic and Early Bronze Age graves at the site Osijek-Ciglana and Zeleno polje // Vjesnik Arcbološkog muzeja u Zagrebu. – Zagreb. – Ser. 3. – Vol. L. – P. 59–113
1694. *Kulcsár G., 2009*. The Beginnings of the Bronze Age in the Carpathian Basin. The Makó-Kosihy-Čaka and the Samogyvár-Vincovci cultures in Hungary. – Budapest. – 526 p.
1695. *Kushnareva K.Kh., 1997.* The Southern Caucasus in Prehistory. Stages cultural and socioeconomic development from the eighth to the second millennium B.C. – Philadelphia. – 280 p.
1696. *Kuzmina E.E., 2008.* The Prehistory of the Silk Road. – Philadelphia. – 248 p.
1697. *Kuzmina O.V., 2021.* The Abashevo Culture // Вестник Санкт-Петербургского университета. – СПб. – Т. 66. – Вып. 4. – С. 1206–1229
1698. *Kuznetsov P.F., 2006.* The emergence of Bronze Age chariots in eastern Europe // Antiquity. – Oxford. – Vol. 80. – № 309. – P. 638–645
1699. *Kuznetsov P.F., Mochalov O.D., Anthony D.W., 2016.* The Bronze Age Kurgan Cemetery at Krasnosamarskoye IV // A Bronze Age Landscape in

the Russian Steppes. The Samara Valley Project. – University of California. – Vol. 37. – P. 443–470

1700. *L'Helgouach J., 1984*. Le groupe Campaniforme dans le nord le centre et l'ouest de la France // L'age du cuirve Européen. Civilizations a Vases Campaniformes. – Paris. – P. 59–80

1701. *Lanting J.N., 1973.* Laat-Neolithicum en Vroege Bronstijd in Nederland en N. W.-Duitsland: continue ontwikkelingen // Palaeohistoria. – Bussum. – Vol. XV/XVI. – P. 215–317

1702. *Lanting J.N., Mook W.G., 1977*. The Pre- and Protohistory of the Netherlands in terms of radiocarbon dates. – Groningen. – 247 s.

1703. *Lemercier O., 2002.* Le Campaniforme dans le sud-est de la France. De l'Archéologie à l'Historie du troisième millénaire avant notre ère. Tome 2: Catalogue. – Aix-en-Provence. – 495 p.

1704. *Lißner B., 2012*. Endneolithische und früh bronzezeitliche Gräber im Nordharz (Sachsen-Anhalt) – Kontinuität und Diskontinuität im 3. Jahrtausend v. Chr. // BW. Gräberlandschaften der Bronzezeit. – Darmstadt. – 51. – S. 399–405

1705. *Lichardus J., Vladár J., 1998.* Frühe und mittlere Bronzezeit in der Südwestslowakei. Forschungsbeitrag von Anton Točik // SA. – Nitra. – Roč. XLV. – Čís. 2. – S. 221–352

1706. *Lindner, S., 2020.* Chariots in the Eurasian Steppe: a Bayesian approach to the emergence of horse-drawn transport in the early second millennium BC / S. Lindner // Antiquity. – Cambridge. – Vol. 94 (374). – P. 361 –380

1707. *Lindstrom R.W., 2002.* Anthropological characteristics of the population of the Bolshekaragansky cemetery, kurgan 25 // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большкараганского могильника). – Челябинск. – Книга 1. – С. 159–164

1708. *Litvinenko R.A., 2002.* The Problem of Chronological Correlation between Sintashta Type and MRC Sites // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models. – Washington. – Vol. I. (JIES Monograph. № 45) – P. 170–188

1709. *Liu F., Feng Z., 2012*. A dramatic climatic transition at ~4000 cal. yr BP and its cultural responses in Chinese cultural domains // Holocene. – Swansea. – Vol. 22. – № 10. – P. 1181–1197

1710. *Liversage D., 2003.* Bell Beaker Pottery in Denmark – Its Typology and Internal Chronololgy // The Northeast Frontier of Bell Beakers. – Oxford. – P. 39–49

1711. *Lloyd S., 1978.* The Archaeology of Mesopotamia. From the Old Stone Age to the Persian Conquest. – London. – 252 p.

1712. *Loze I., 2003*. The Lubāns, North Belarusian and Šagara Cultures as an Eastern Phenomenon of an Eneolithic Cultural Unit // The Northeast Frontier of Bell Beaker. – Oxford. – P. 123–136

1713. *Lull V., Micó R., Herrada C.R., Risch R., 2010*. Macht und Metall im 3. und 2. Jt. V. u. Z. im Südosten der Iberischen Halbinsel // Der Griff nach den

Sternen. Wie Europas Eliten zu Macht und Reichtum kamen. Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle (Saale). – Halle (Saale). – Band 05/II. – S. 881–901

1714. *Lull V., Micó R., Herrada C.R., Risch R., 2015*. Transition and conflict at the end of the 3rd millennium BC in south Iberia // 2200 BC – A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world? Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle. – Band 12/I. – P. 366–407

1715. *Lytvynenko R.O., 2013.* Central European parallels to the Dnieper – Don center of Babyno culture // Baltic-Pontic studies. The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic Drainage Basin 3200 – 1750 BC. – Poznań. – Vol. 18. – P. 122–244

1716. *Machnik J., 1967.* Stosunki kulturove na przełomie neolititu i epohi brązu w Małopolsce // Materiały do prahistorii ziem polckich. – Warszawa. – 235 s.

1717. *Machnik J., 1972.* Die Mierzanovice-Koštany-Kultur und das Karpatenbecken // SA. – Bratislava. – Roč. XX. – Čís. 1. – S. 177–188

1718. *Machnik J., 1978.* Wczesny okres epoki brązu // Prahistoria ziem polskich. Wczesna epoka brązu. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. – S. 9–136

1719. *Machnik J., 1981.* Die Verbreitung und Chronologie der Chłopice-Veselé-Kultur // SA. – Bratislava. – Roč. XXIX. – Čís. 2. – S. 297–311

1720. *Machnik J., 1982*. Hauptentwicklungsetappen im Neolithikum und in der Frühbronzezeit Polens // Ill passaggio dal neolitico all'età del bronzo Nell'Europa centrale e nella regione Alpina. – Verona. – S. 245–257

1721. *Machnik J., 1984.* Frühbronzezeitliche Kulturen in Kleinpolen // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 341–377

1722. *Machnik J., 1987.* Kultury z przełomu eneolitu i epoki brązu w Strefie Karpackiej. – Wrocław-Waszawa-Kraków-Gdańk-Łódź. – 188 s.

1723. *Machnik J., 1991.* The Earlist Bronze Age in the Carpatian Basin. – Bradford. – 210 p.

1724. *Machnik J., Tkaczuk T.K., 2003*. Interesting and important artifacts from the beginning of the Bronze Age in the vicinity of Halicz (upper basin of the Dnestr Rver) // Morgenrot der Kulturen. Frühe Etappen der Menschheitsgeschichte in Mittel- und Südosteuropa. – Budapest. – P. 483–495

1725. *Makarowicz P., 2003*. Northern and Southern Bell Beaker in Poland // The Northeast Frontier of Bell Beaker. – Oxford. – P. 137–155

1726. *Makarowicz P., 2015*. Personal identity ans social structure of Bell Beakers: the Upper Basins of the Oder and Vistula Rivers // The Bell Beaker Tranzition in Europe. Mobility and local evolution during 3rd millennium BC. – Oxford-Philadelphia. – P. 15–27

1727. *Makkay J., 2000*. The early Mycenaean rulers and the contemporary Early Iranians of the Northest. – Budapest. – 86 p.

1728. *Mallowan M.E.L., 1947*. Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. – London. – Vol. IX
1729. *Malmer M., 1962*. Jungneolithische Stadien. – Bonn-Land.
1730. *Manby T.G., 2004*. Food Vessels with Handles // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. – London. – P. 215–242
1731. *Manning S.W., 1995*. The Absolute Chronology of the Aegean Early Bronze Age. Archaeology, Radiocarbon and History. – Sheffield. – 370 p.
1732. *Manning S.V., 2017*. Comments on Climate, Intra-regional Variations, Chronology, the 2200 B.C. Horizon of Change in the Eastern Mediterranean Region, and Socio-political Change on Crete // The Late Third Millennium in the Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – P. 451–490
1733. *Maran J., 2007*. Seaborne contacts between the Aegean, the Balkans and the Central Mediterranean in the 3rd millennium BC: The Unfolding of the Mediterranean World // Between the Aegean and Baltic Seas. Prehistory across Borders. – Liège. – P. 3–26
1734. *Massa M., Şahoğlu V., 2015*. The 4.2 ka BP climatic event in west and central Anatolia: combining palaeoclimatic proxies and archaeololgical data // 2200 BC – A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world? Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle. – Band 12/I. – P. 61–78
1735. *Massy K., 2018*. Die Gräber der Frühbronzezeit im Südlichen Bayern // Materialhefte zur Bayrischen Archäologie. – München. – Band 107. – 552 s., 155 taf.
1736. *Massy K., Knipper C., Mittnik A., Kraus S., Pernicka E., Wittenborn F., Krause J., Stockhammer Ph. W., 2017*. Patterns of Transformation from the Final Neolithic to the Early Bronze Age: A Case Study from the Lech Valley South Augsburg // Appropriating Innovations. Entangled Knowledge in Eurasia, 5000–1500 BCE. – Oxford-Philadelphia. – P. 241–261
1737. *Mäder S., 1995*. Schottisch-Irische Gruppe: Nordenglan, Schottland, Irland // FAS. Das Glockenbecher-Phänomen. – Freiburg. – № 2. – S. 140–162
1738. *Matthias T., 2008*. Studien zu Chronologie und Totenritual der Otomany-Füzesabony-Kultur // Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. – Bonn. – Band 86. – 498 s., 121 taf.
1739. *Matuschik I., 1996*. Brillen- und Hakenspiralen der frühen Metallzeit Europas // Germania. – 74. – Mainz am Rhein. – Hb. 1. – S. 1–43
1740. *McKerrel H., 1972*. On the origin of British faience beads and some aspects of the Wessex-Mycenae relationship // PPS. – Cambridge. – Vol. 38. – P. 286–301
1741. *Metzner-Nebelsick C., 2010*. Die Ringe der Macht – Überlegungen zur Kontinuität frühbronzezeitlicher Herrschaftssymbole in Europa // Der Griff nach den Sternen. Wie Europas Eliten zu Macht und Reichtum kamen. Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle (Saale). – Halle (Saale). – Band 05/II. – S. 177–197

1742. *Mikołajczak K., Szczodrows R., 2012*. The Bell Beaker phenomenon. Meanings of regional transmission // Background to Beakers. Inquiries in regional cultural backgrounds of the Bell Beaker Complex. – Leiden. – P. 177–189

1743. *Milojčić V., 1959*. Zur Chronologie der jüngeren Stein- und Bronzezeit Südost- und Mitteleuropas // Germania. – Berlin. – Jahr. 37. – S. 65–84

1744. *Mimokhod R.A., Zagorodnia O.N., 2019.* Evidenses of injuries and murders in the Postcatacomb World // Abstract book of the 25th EAA Annual Meeting (Bern, 2019). – Bern. – P. 170–171

1745. *Mimokhod R.A., Zagorodnia O.N., 2019a*. Complexes with the remains of people in the settlements of Srubnaya culture // Space not for only the living: Human remains at Bronze Age settlements. – Berlin. – P. 27–28

1746. *Mimokhod R., Zagorodnia O., 2021.* Evidence of injuries and killings in the post-catacomb world (22,000–18,000 cal. BC) // Crimes in the Past: Archaeological and Anthropological Evidence. Summertown: Archaeopress. – Oxford. – P. 58–71

1747. *Möslein S., 2000.* Die Straubinger Gruppe – Einige Bemerkungen zum Stand der Frühbronzezeitforschung in Südbayern // Jahresbericht. Des Historischen Vereins für Straubing und Umgebung. – Straubing. – S. 85–110

1748. *Möslein S., 2001*. Die Straubinger Gruppe – Zur Frühbronzezeit in Südostbayern // Hemmenhofener Skripte 2. Aktuelles zur Frühbronzezeit und frühen Mittelbronzezeit im nördlichen Alpenvorland. – Baden-Würtemberg. – S. 17–30

1749. *Moorey P.R.S., 2003*. Idols of the People. Miniature Images of Clay in the Ancient Near East. – Oxford. – 82 p.

1750. *Morintz S., 1978*. Contribuții archaeologice la istoria traciol timpurii. Epoca bronzului în spațiul carpato-balcanic // Biblioteca de archeologie. – București. – 216 s.

1751. *Morrison R. 2020*. Did ancient Britons commit human sacrifice in Gloucestershire? Bronze Age chieftain is found alongside ‘shaman’ who may have been killed to accompany him into the afterlife // Daily Mail. 27 April.

1752. *Moser A., 2017*. Aunjetitzer Grab mit Bronzen – Frühbronzezeitliche Siedlungsreste aus Schiepzig, Saalekreis, unter besondeder Berücksichtigung eines Grabes mit Metallbeigaben // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. – Halle. – Band 96. – S. 77–110

1753. *Motchalov O.D., 1996.* Ceramics of the End of the Middle Bronze Age in Volga-Ural and Transural as the reflection of south-western contacts // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistiric Science – Forlì – Italia – 8/14 Semtember 1996. – Forlì. – P. 237–242

1754. *Motzoi-Chicideanu I., 1995*. Fremdgüter im Monteoru-Kulturraum // PAS. – München-Berlin. – Bahd. 11. – S. 219–242

1755. *Motzoi-Chicideanu I., Chicideanu-Şandor M., 2010.* Cimiturul din Epoca Bronzului de la Cârlomăneşti – La Arman. Campaniile 2003-2007 // MCA. – Bucureşti. – VI. – S. 21–70

1756. *Moucha V., 1958*. Faience and Glassy Faience Beads in the Únětice Culture in Bohemia // Epitymbion Roman Haken. – Pragae. – S. 44–49
1757. *Moucha V., 2003*. Pokus o interprenaci nálezu z období kultury se zvoncovitými poháry ve Svobodných Dvorech (okr. Hradec Králové) // AR. – Praha. – Roč. LV. – Seš. 1. – S. 772–783
1758. *Mozsolics A., 1942.* A kipostagi korabronzkori urnatemető // Archaeologia Hungarica. – Budapest. – 103 s., XVII taf.
1759. *Mozsolics A., 1973.* Bronze- und Golfunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Forró und Ópályi. – Budapest. – 364 s.
1760. *Müller J., 2001.* Zur Radiokarbondatierung des Jung- bis Endneolithikums und der Frühbronzezeit im Mittelelbe-Saale-Gebiet (4100-1500 v. Chr.) // Bericht der Römisch-Germanischen komission. – Mainz am Rhein. – Band 80. – S. 31–90
1761. *Müller A, 2001a.* Gender Differentiation in burial rites and grave-goods in the Eastern or Bohemian-Moravian Group of the Bell Beaker Culture // Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe – Trento. – Vol. 1. – P. 589–599
1762. *Müller J., Hinz M., Ulrich M., 2015*. Bell Beakers – Chronology, Innovation and Memory: A Multivariate Aproach // The Bell Beaker transition in Europe. Mobility and local evolution during 3hd millennium BC. – Oxford-Philadelphia. – P. 57–68
1763. *Müller J., S. van Willigen, 2001.* New radiocarbon evidence for European Bell Beakers and the consequences for the diffusion of the Bell Beakers Phenomenon // Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe. – Trento. – Vol. 1. – P. 59–80
1764. *Müller-Karpe H*., 1974. Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit – München. – Bd. III/1-3. – 1095 p., 746 pl.
1765. *Müller-Karpe H., 1980.* Handbuch der Vorgeschichte. Bronzezeit. – München. – Bd. IV/1-3
1766. *Nahrendorf U., 2018*. Westfalen in Endneolithikum und Früher Bronzezeit. Untersuchungen zur Besidlungsgeschichte der Nordwestdeutschen Landschaft zwischen Niederrhein und Mittelweser // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. – Bonn. – Band 309. – 383 s.
1767. *Narasimhan V.M., Patterson N., Moorjani P., Rohland N., Bernardos R., Mallick S., Lazaridis I., Nakatsuka N., Olalde I., Lipson M., Kim A.M., Olivieri L.M., Coppa A., Vidale M., Mallory J., Moiseyev V., Kitov E., Monge J., Adamski N., Alex N., Broomandkhoshbacht N., Candilio F., Callan K., Cheronet O., Culleton B.J., Ferry M., Fernandes D., Freilich S., Gamarra B., Gaudio D., Hajdinjak M., Harney É., Harper T.K., Keating D., Lawson A.M., Mah M., Mandl K., Michel M., Novak M., Oppenheimer J., Rai N., Sirak K., Slon V., Stewardson K., Zalzala F., Zhang Z., Akhatov G., Bagashev A.N., Bagnera A., Baitanayev B., Bendezu-Sarmiento J., Bissembaev A.A., Bonora G.L., Chargynov T.T., Chikisheva T., Dashkovskiy P.K., Derevianko A., Dobeš M., Douka K., Dubova N., Duisengali M.N., Enshin D., Epimakhov A., Fribus*

A.V., Fuller D., Goryachev A., Gromov A., Grushin S.P., Hanks B., Judd M., Kazizov E., Khokhlov A., Krygin A.P., Kupriyanova E., Kuznetsov P., Luiselli D., Maksudov F., Mamedov A.M., Mamirov T.B., Meiklejohn C., Merrett D.C., Micheli R., Mochalov O., Mustafokulov S., Nayak A., Pettener D., Potts R., Razhev D., Rykun M., Sarno S., Savenkova T.M., Sikhymbaeva K., Slepchenko S.M., Soltobaev O.A., Stepanova N., Svyatko S., Tabaldiev K., Teschler-Nicola M., Tishkin A.A., Tkachev V.V., Vasilyev S., Velemínský P., Voyakin D., Yermolayeva A., Zahir M., Zubkov V.S., Zubova A., Shinde V.S., Lalueza-Fox C., Meyer M., Anthony D., Boivin N., Thangaraj K., Kennett D.J., Frachetti M., Pinhasi R., Reich D., 2019. The formation of human populations in South and Central Asia // Science 365, eaat7487. Supplementary Materials.

1768. *Needham S., 1996*. Chronology and periodisation in the British Bronze Age // AA. Absolute Chronology. Archaeological Europe 2500-500 BC. – Munksgaard. – Vol. 67. – P. 121–140

1769. *Nestor I., 1960*. Începuturile societăţii gentilice patriarhale şi ale destrămării orîndurii primitive. Epoca bronzului // Istoria Romîniei. – Bucureşti. – Vol. I. – P. 90–132

1770. *Neubert A., 1994.* Schnurreramik (SK), Glockenbecherkultur (GBK), Aunjetitzer Kultur (AK). Zum Übergang vom Neolithikum zur Bronzezeut // Das Neolithikum im Mittelelbe-Saale-Gebiet und in der Altmark. – Wilkau-Hasslau. – S. 291–310

1771. *Neugabauer J.-W., 1987.* Die Bronzezeit im Osten Österreichs // Forschungsberichte zur Ur- und Frühgeschichte. – St. Pölten-Wein. – Band 13. – 101 s.

1772. *Neugabauer J.-W., 1991.* Die Nekropole F von Gemeinlbarn, Niederösterreich // Römisch-Germanische Forschugen. – Mainz am Rhein. – 265 s., 120 taf.

1773. *Neugabauer J.-W., 1994.* Die frühe und beginnede mitlere Bronzezeit in Ostösterreich südlich der Donau // Die Fragen der Bronzozeit. Archäologishe Konferenz des Komitates Zala und Neiderösterreichs III. – Keszhtely. – Zalai Múzeum 5. – S. 85-111

1774. *Neugebauer-Maresch C., 1994*. Überlik über das Endneolthikum im Unteren Traisental // Die Fragen der Bronzozeit. Archäologishe Konferenz des Komitates Zala und Neiderösterreichs III. Keszhtely, 5-7.10.1992 – Zalai Múzeum 5. – S. 73–83

1775. *Neugabauer C., Neugabauer J.-W., 1997.* Frazhausen. Das frühbronzezeit Gräberfeld I. – Horn. – Teil I, II.

1776. *Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1998*. Zum Forschungsstand der Glockenbecherkultur in Östösterreich // Tradition und Innovation Prähistorische Archäologie als historische wissenschaft. Studia honoraria 3. – Rahden/Westf. – S. 307–324

1777. *Newton R.G., Renfrew C., 1970*. British Faience Beads Reconsidered // Antiquity. – Cambridge. – Vol. XLIV. – P. 199–206

1778. *Nikolova A.V., 1999.* Radiocarbon dating of graves of the Yamnaya and Catacomb cultures on the Dnieper right bank // BPS. V. 7. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850 BC. – Poznan. – P. 103–128

1779. *Nordqvist K., Heyd V. 2020*. The Forgotten Child of the Wider Corded Ware Family: Russian Fatyanovo Culture in Context // PPS. – Cambridge. – Vol. 86. – P. 65–93

1780. *Novotná M., 2013.* Bronze und ihre Verwendung in der älteren Bronzezeit in der Slowakei // From Copper to Bronze. Cultural and Social Transformation at the Turn of the 3rd/2nd Millennia B.C. in Central Europe. – Langenweissbach. – S. 129–138

1781. *Novotná M., Novotný B., 1984.* Die Chl'opice-Gruppe // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 283-288

1782. *Novotná M., Novotný B., 1984a.* Die Nitra-Kultur // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 299–306

1783. *Novotná M., Novotný B., 1984б.* Aunjetitzer kultur // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 307–320

1784. *Oancea A., 1976*. Branches de mors au corps en forme de disque // Thraco-Dacica. – Bucureşti. – P. 59–72

1785. *Oates J., 2005.* Archaeology in Mesopotamia: Digging Deeper at Tell Brak // Proceedings of British Academy. – Oxford. – № 131. – P. 1–39

1786. *O'Connor B., 2010*. From Dorchester to Dieskau – some aspects of relations between Btitain and Central Europe during the Early Bronze Age // Der Griff nach den Sternen. Wie Europas Eliten zu Macht und Reichtum kamen. Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle (Saale). – Halle (Saale). – Band 05/II. – P. 591–602

1787. *Ondrãček J., Šebela L., 1985.* Pohřebiště nitranské skupiny v Holešově (katalog nálezú) // Studie Muzea Kroměřižska. – Gottwaldow. – S. 2–130

1788. *O'Shea J., 1992.* A radiocarbon-based chronology for the Maros Goup of southeast Hungary // Antiqity. – Oxford. – №250. – P. 97–102

1789. *Otchir-Goriaeva M.A., 2002.* Welchen Kultur- und Wirtschaftstyp repräsentieren die bronzezeitlichen Funde in den Wolga-Manyč-Steppen // EA. – band 8. – P. 103–133

1790. *Parzinger H., Boroffka N., 2003.* Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien I. Die siedlungssarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten // Archäologie in Iran und Turan. – Mainz am Rhein. – band 5. – 328 s.

1791. *Paulík J., 1980*. Prähistorische Kunst in der Slowakei. – Bratislava. – 184 s.

1792. *Pástor J., 1969.* Košické pohrebisko. - Košice. – 110 s., XXXII tab.

1793. *Pástor J., 1978.* Čaňa a Valalíky – pohrebiská zo staršej doby bronzovej. – Košice. – 143 s., XXIX tab.

1794. *Pâslaru I., 2006.* Cultura Delacâu-Babino. – Mangalia. – 278 s.
1795. *Pendlebury J.D.S., 1963.* The archaeology of Crete. – New-York
1796. *Perini R., 1971*. I depositi preistorici di Romagnano-Loc (Trento) // Preistoria Alpina – Rendiconti. – Trento. – Vol. 7. – P. 7–106
1797. *Perry C.A., Hsu K.J., 2000*. Geophysical, archaeological, and historical evidence support a solar-output model for climate change // Proceedings of the National Academy of Sciences. – Vol. 97. – P. 12433–12438
1798. *Perşoiu A., Ionita M., Weiss H., 2019*. Atmospheric blocking induced by the strengthened Siberian High led to drying in west Asia during the 4.2 ka BP event – a hypothesis // Climate of the Past. – Göttingen. – Vol. 15. – № 2. – P. 781–793
1799. *Perşoiu A., Onac B.P., Wynn J.G., Blaauw M., Ionita M., Hansson M., 2017*. Holocene winter climate variability in Central and Eastern Europe // Scientific Reports. – Vol. 7. – P. 1196
1800. *Perşoiu I., Rădoane M., 2017*. Fluvial activity during the Holocene // Landform dynamics and evolution in Romania. – Cham. – 865 p.
1801. *Peška J., 2004.* Zlaté ozdoby z hrobú Kultury se šňůrovou keramikou na Moravě // Einflüsse und Kontakte alteuropäischer Kulturen. Festschrifi für Josef Vladár zum 70. Geburstag. – Nitra. – S. 93–138
1802. *Peška J., 2005.* Protoúnětické pohřebiště z Pavlova // Pravěk. – Brno. – S. 83–118
1803. *Peška J., 2013.* Kultureinflüsse und Kontakte Ostmährens am Anfang der Bronzezeit // From Copper to Bronze. Cultural and Social Transformation at the Turn of the 3rd/2nd Millennia B.C. in Central Europe. – Langenweissbach. – S. 85–104
1804. *Petrescu-Dîmboviţa M., 1977.* Depozitele de bronzuri din România. – Bucureşti. – 390 p.
1805. *Piguet M., Besse M., 2009*. Chronology and Bell Beaker common ware // Radiocarbon. – Tucson. – Vol. 51. – Nr. 2. – P. 817–830
1806. *Pittioni R.*, 1954. Urgeschichte des österreichischhen Raumes. – Wien. – 854 s.
1807. *Pleskot K., Apolinarska K., Kołaczek P., Suchora M., Fojutowski M., Joniak T., Kotrysh B., Kramkowski M., Słowiński M., Woźniak M., Lamentowicz M., 2020.* Searching for the 4.2 ka climate event at Lake Spore, Poland // Catena. – Vol. 191. – P. 104565
1808. *Podborský V., 1993*. V lesku zlatavého bronzu (doba bronzová) // Pravěké dějiny Moravy. Vlastivěda Moravská. – Brno. – Sv. 3. – S. 233–332
1809. *Podborský V., 2004.* Nové nálezy kovových nákrčiků v hrobech z doby bronzové na Moravé a Jelich Význam // Einflüsse und Kontakte Alteuropäischer Kulturen. – Nitra. – 185–198
1810. *Pokutta, D.A. 2013*. Population Dynamics, Diet and Migrations of the Únětice Culture in Poland. – Gothenburg. – 360 p.
1811. *Popescu A., 2003*. Bone accessory of a Bronze Age necklace // Dacia, N.S. – Bucarest. – T. XLIII-XLV, 1999-2001. – P. 17–30

1812. *Porada E., Hansen D.P., Dunham S., 1992.* The Chronology of Mesopotamia ca. 7000–1600 b.c. // Chronologies in Old World Archaeology. – Chikago-London. – Vol. 1. – P. 77–121
1813. *Potts D.T., Roustei K., Petrie C.A., Weeks L.R., 2009.* The Mamazani Archaeological Project Stage One: A report on the first two seasons of the ICAR-University of Sydney expedition to the Mamazani District, Fars Province, Iran // BAR International Series 2044. – Oxford. – 700 p.
1814. *Probst E., 1996*. Deutschland in der Bronzezeit. – Bertelsmann. – 559 s.
1815. *Prox A., 1941*. Die Schneckenbergkultur. – Kronstadt. – 97 s., XXXV taf.
1816. *Puttkammer T., 1994*. Glockenbecherkultur // Das Neolithikum im Mittelelbe-Saale-Gebiet und der Altmark. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 4. – Wilkau-Hasslau. – S. 269–289
1817. *R. van Beek, 2010*. Reliëf in Tijd en Ruimte. Interdisciplinair onderzoek naar bewoning en landschap van Oost-Nederland tussen vroege prehistorie en middeleeuwen. – Leiden. – 640 p.
1818. *Raczky P., Hertelendi E., Horváth F., 1992.* Zur absoluten datierung der Bronzezeitlichen Tell-Kulturen in Ungarn // Bronzezeit in Ungarn. Forschungen in Tell-Siedlungen an Donau und Theiss. – Frankfurt am Main. – S. 42–47
1819. *Rahmstorf L., 2010*. Indication of Aegean-Caucasian relations during the third millennium BC // Von Majkop bis Trialeti. Gewinnnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.-2. Jt. v. Chr. – Bonn. – P. 263–295
1820. *Rahmstorf L., 2015*. The Aegean before and after c. 2200 BC between Europe and Asia: trade as a prime mover of cultural change // 2200 BC – A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world? Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle. – Band 12/I. – P. 149–180
1821. *Ran M., Chen L. 2019*. The 4.2 ka BP climatic event and its cultural responses // Quaternary international. – 521. – p. 158–167
1822. *Rassamakin Ju. A., 2004.* Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis. Ende des 4. Jts. v. Chr. Katalog. – Mainz. – Teil II. – 546 taf.
1823. *Rassmann K., 1996*. Zum Forschungsstand der absoluten Chronologie der frühen Bronzezeit in Mitteleuropa auf der Grundlage von Radiokarbondaten // AA. Absolute Chronology. Archaeological Europe 2500-500 BC. – Munksgaard. – Vol. 67. – S. 199–207
1824. *Rau P., 1929.* Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Geibiets // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – Helsinki. – T. 4. – S. 41–57
1825. *Razumov S.M., 2011*. Flint artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200—1600 BC // BPS. – Poznań. – Vol. 16. – 325 p.

1826. *Reinhold S., 2007.* Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Materiaelle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen // UPA. – Bonn. – Band 144. – 384 s.
1827. *Renfrew C., 1968*. Wessex without Mycenae // The Annual of the British School at Athens. – London. – P. 277–285
1828. *Rettenbancher M., 2004*. Die Siedlung und die Gräberfelder von Schleinbach. Eine Studie zur Aunjetitz-Kultur im südlichen Weinviertel // Archäologische Forschungen in Niederösterreich. – St. Pölten. – Band 2. – 160 s.
1829. *Rice M., 2004*. Egypt's Making. The origins of Ancient Egypt 5000–2000 BC. – London-New York. – 312 p.
1830. *Risch R., Meller H., Arz H.W., Jung R., 2015*. Vorwort der Herausgeber / Preface of editors // 2200 BC — ein Klimasturz als Ursache für den Zerfall der Alten Welt? (A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world?). Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle, 2015. – Band. 12 (1). – S. 10–23
1831. *Robertson-Mackay M.E., 1980*. A «Head and Hooves» Burial beneath a Round Barrow, with other Neolithic and Bronze Ages Sites, on Hemp Knoll, near Avebury, Wiltshire // PPS. – Cambridge. – Vol. 46. –P. 143–176
1832. *Roland T., 2012*. Was there a 4.2 kyr event in Great Britain and Ireland? Evidence from the peatland record: PhD thesis. – Exeter
1833. *Roland T.P., Caseldine C.J., Charman D.J., Turney C.S.M., Amesbury M.J., 2014*. Was there a '4.2 ka event' in Great Britain and Ireland? Evidence from the peatland record // Quaternary Science Reviews. – Wollongong. - Vol. 83. – P. 11–27
1834. *Rosen A.M., 1997*. Environmental Change and Human Adaptational Failure at the End of the Early Bronze Age in the Southern Levant // Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps. – Berlin-Heidelberg. – P. 25–38
1835. *Possehl G.L., 1997*. Climate and Ecipse of the Ancient Cities of the Indus // Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps. – Berlin-Heidelberg. – P. 193–243
1836. *Ruckdeschel W., 1978.* Die frühbronzezeitlichen Gräber Sübayerns. Ein Beitrag zur Kenntnis der Strabinger Kultur. – Bonn.
1837. *Rudnicki M., Włodarczak P., 2010. Graves of the Bell Beaker Culture at* Pełczyska, Site 6, Pińczów district // Sprawozdania Archeologiczne. – Kraków. – 62. – P. 353–372
1838. *Rutter J.B., 1983*. Some Observations on the Cyclades in the Later Third and Early Second Millennia b.c. // American Journal of Archaeology. – Chicago. – Vol. 87. – № 1. – P. 69–76
1839. *Ryabogina, N. E., Idrisov, I. A., Yuzhanina, E. D., & Borisov, A. V. 2022*. Peat palaeorecords from the arid Caspian Lowland in Russia: Environmental and anthropogenic effects during the second half of the Holocene // Quaternary Science Reviews. – Vol. 280. – P. 107417

1840. *Ryan-Despraz J., Nicolas C., 2022*. Examining the Role of Bell Beaker Archery through TechnoFunctional and Osteological Analyses: Reinvestigating the Hoštice-I Cemetery (Czech Republic) // The Bell Beaker Culture in All its Forms. Proceedings of the 22nd Meeting of 'Archéologie et Gobelets' 2021 (Geneva, Switzerland). – Oxford. – P. 189–207

1841. *Sabatier P., Wilhelm B., Ficetola F.G., Moiroux E., Poulenard, J. Develle A.-L., Bichet A., Chen W., Pignol C., Reyss J.-L., Gielly L., Bajard M., Perrette Y., Malet E., Taberlet P., Arnaud F., 2017*. 6-kyr record of flood frequency and intensity in the western Mediterranean Alps – Interplay of solar and temperature forcing // Quaternary Science Reviews. – Vol. 170. – P. 121–135

1842. *Šabatova K., Parma D., 2019*. Pohřbívání v závěru starši doby bronzové na Moravě: chronologie, typologie, absolutní data // AR. – Praha. – S. 3–26

1843. *Salzani L., 2002*. L'insediamento di Canàr di S. Pietro Polesine // Preistoria Veronese. Contributi e aggiornamenti. – Verona. – P. 110–117

1844. *Sangmeister E., 1964.* Die schmalen «Armschutzplaten» // Studien aus Alteuropa. - Köln. – T.I. – S. 93–122

1845. *Sangmeister E., 1974.* Zwei Neufunde der Glockenbecherkultur in Baden-Württemberg // Fundberichte aus Baden-Württemberg. – Bd. 1. – Stuttgart. – S. 103–137

1846. *Sangmeister E., 1984.* Die «Glockenbecherkultur» in Sw-Deutschland // L'Age du Cuirve Européen. Civilisations à Campaniformes. – Paris. – S. 81–106

1847. *Savory H.N., 1968*. Spain and Portugal. The Prehistory of the Iberian Peninsula. – London. – 324p.

1848. *Schaeffer C.F.A., 1948.* Stratigraphie Comparée et Chronologie de L'Asie Occidentale (IIIe et IIe millénaires). – London. – 653p., 324 fig.

1849. *Schalk E., 1992*. Das Gräberfeld von Hernádkak. Studien zum Beginn der Frühbronzezeit im nordöstlichen Karpatenbecken // UPA. – Bonn. – Band 9. – 366 s., 32 taf.

1850. *Schliemann H., 1881.* Ilios. Stad und Land der Trojaner. – Leipzig. – 880 S.

1851. *Schloen J.D., 2017*. Economic and Political Implications of Raising the Date for the Disappearance of Walled Towns in the Early Bronze Age Southern Levant // The Late Third Millennium in the Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – P. 59–71

1852. *Schlosser I., 1995*. Süddeutsche Gruppe: Bayern // FAS. Das Glockenbecher-Phänomen. – Freiburg. – № 2. – S. 74–90

1853. *Schmid C.-D., 1995.* Süddeutsche Gruppe: Südwestdeutschland, Elsaß und Nordschweiz // FAS. Das Glockenbecher-Phänomen. – Freiburg. – № 2. – S. 84–100

1854. *Schmidt K., 2002.* Norşuntepe. Kleinfunde II. Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metall und Glas. – Mainz am Rhein.

1855. *Schmidt K., van Willigen S., 1995.* Chronologie: C-14-Daten von Glockenbecherbefunden // Das Glockenbecher-Phänomen ein Seminar // FAS. – Freiburg. – № 2. – S. 354–397

1856. *Schröter P., 1973.* Neue frühbronzezeitliche Flachgräberfelder bei Regensburg (Mangolding und Mintraching, Ldkr. Regensburg) // Bayerische Vorgeschichtsblätter. – Münhen. – Jahr. 38. – S. 14–51

1857. *Schreiber-Kalicz R., 1984.* Komplex der Nagyrev-Kultur // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S.134-190

1858. *Schubert E., 1974.* Studien zur frühen Bronzozeit an der mittleren Donau // Bericht der Römisch-Germanischen komission 1973. – Berlin. – S. 2–106

1859. *Schwartz G.M., 2017.* Western Syria and the Third- to Second Millennium B.C. Transition // The Late Third Millennium in the Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – P. 87–128

1860. *Schwartz G.M., Curvers H.H., Dunham S.S., Weber J.A., 2012.* From Urban Origins to Imperial Integration in Western Syria: Umm el-Marra 2006, 2008 // American Journal of Archaelogy. – Boston. – Vol. 16. – № 1. – P. 157–193

1861. *Schwarz R., 2014*. Goldene Schläfen- und Lockenringe – Herrschaftsinsignien in bronzezeitlichen Ranggesellschaften Mitteldeutshlands. Überlegungen zur Gesellschaft der Aunjetitzer Kultur // Metalle der Macht – Frühes Gold und Silber. Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle. – S. 717–742

1862. *Schwarz R., 2015.* Kultureller Bruch oder Kontinuität? – Mitteldeutschland im 23. Jh. V. Chr. // 2200 BC — ein Klimasturz als Ursache für den Zerfall der Alten Welt? (A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world?). Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle, 2015. – Band. 12 (1). – S. 671–707

1863. *Schwarz R., 2016.* Rezensionen. P. W. Stockhammer/ K. Massy/C. Knipper/ R. Friedrich/ B. Kromer/ S. Lindauer/ J. Radosavljevic/ F. Wittenborn /J. Krause: Rewriting the Central European Early Bronze Age Chronology: Evidence from Large-Scale Radiocarbon Dating // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. – Halle (Saale). – Band 95. – S. 473–488

1864. *Schwarzberg H., 1994.* Schönfelder Kultur // Das Neolithikum im Mittelelbe-Saale-Geibet und in der Altmark. – Wilkau-Hasslau. – S. 243–255

1865. *Selkirk A., 1972*. The Wessex Culture // Current Archaelogy. – London. – Vol. VIII. – № 9. – P. 241–244

1866. *Sheridan A., 2003*. New dates for Scottish Bronze Age cinerary urns: Results from the National Museums of Scotland // Prehistoric Pottery. People, pattern and purpose. – Bar International Series. – P. 201–226

1867. *Sheridan A., 2004*. Scottish Food Vessel Chronology Revisited // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. – London. – P. 243–269

1868. *Sherwood S., Windingstad J., Barker A., O'Shea J., Sherwood W., 2013.* Evidence for Holocene aeolian activity at the close of the Middle Bronze Age in the Eastern Carpathian basin: geoarchaeological results from the Mureş River Valley, Romania // Geoarchaeology. – Vol. 28. – № 2. – P. 131–146

1869. *Shishlina N.I., Alexandrovsky A.L., Chichagova O.A., J. van der Plicht, 2000.* Radiocarbon chronology of the Kalmykia Catacomb culture of the west Eurasian steppe // Antiquity. – Oxford. – Vol. 74. – № 286 – P. 793–799

1870. *Shishlina N.I., Zazovskaya E.P., J. van der Plicht, Hedges R.E.M., Sevastyanov V.S., Chichagova O.A., 2009.* Paleoecology, subsistence, and ^{14}C chronology of the Eurasian Caspian steppe Bronze Age // Radiocarbon. – vol. 51. – P. 481–499

1871. *Shortland A., Shishlina N., Egorkov A., 2007.* Origin and production of Faience Beads in the North Caucasus and the Northwest Caspian Sea Region in the Bronze Age // Les cultures du Caucase (VI-III millénaires avant notre ère). Leurs relations aves le Proche-Orient. – Paris. – P. 269–283

1872. *Ślusarska K., 2006.* Funeral rites of the Catacomb community: 2800-1900 BC. Ritual, thanatology and geographical origins // BPS. V.13. – Poznan. – 211 p.

1873. *Smith J., 2006.* Early Bronze Age stone wrist-guards in Britain: Archer's bracer or social symbol? http:// www.geocities.com/archchaos1/article1/1.htm

1874. *Smith A.T., Badalyan R.S., Avetisyan P.S., 2009*. The foundations of research and regional survey in the Tsaghkahovit Plain, Armenia // The Archaeology and Goegraphy of ancient Transcaucasian Societies. – Chicago. – Vol. 1

1875. *Sociétés humaines…, 2007*. Sociétés humaines et changement climatique à la fin du troisième millénaire: une crise a-t-elle eu lieu en Haute Mésopotamie? Actes du Colloque de Lyon, 5-8 décembre 2005. – Paris.

1876. *Speiser E.A., 1935*. Excavations at Tepe Gawra. Vol. I. – Philadelphia.

1877. *Stadelbacher A., 1995*. Petit – Chasseur // Das Glockenbecher-Phänomen ein Seminar // FAS. – Freiburg. – № 2. – S. 236–253

1878. *Steffen C., 2010*. Die Prunkgräber der Wessex- und Aunetitz-Kultur. Ein Vergleich der Repräsentationssitten von sozialem Status. – Oxford. – 109 s., XI taf.

1879. *Stöckli W.E., 2009*. Contradictions in the relative chronology: archaeological and radiocarbon dating // Radiocarbon. – Cambridge. – Vol. 51. – Nr. 2. – P. 695–710

1880. *Stockhammer P.W., Massy K., Knipper C., Friedrich R., Kromer B., Lindauer S., Rabosavljević J., Wittenborn F., Krause J.*, 2015. Rewriting the Central European Early Bronze Age Chronology: Evidence from Large-Scale Radiocarbon Dating // https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0139705 &type=printable

1881. *Stone J.F.S., Thomas L.C., 1956*. The Use and Distribution of Faience in the Ancient East and Prehistoric Europe // PPS. – Cambridge. – Vol. XXII. – P. 37–67
1882. *Strabm C., 2019.* Bell Beaker settlements in southern Germany // Bell Beaker Settlements of Europe. The Bell Beaker phenomenon from a domestic perspective. – Oxford & Philadelphia. – P. 165–175
1883. *Strahm C., 2014.* Das Glockenbecher-Phänomen aus der Sicht der Komplementär-Keramik // Similar but Different. Bell Beakers in Europe. – Lenden. – P. 101–126
1884. *Stuchlík S., Stuchlíková J., 1996.* Pravěká pohřebiště v Moravské Nové Vsi – Hruškách // Studie Archeologického ústavu Akademie VĚD ČR v Brně. – Brno. – Roč. XVI. – 215 s.
1885. *Sulumirski T., 1957-1959*. Polska przedhistoryczna. – Londyn. – Część II. – 396 s.
1886. *Sulimirski T., 1968.* Corded Ware and Globular Amphorae North-East of the Carpatians. – London. – 227 p., 35 fig., 24 pl.
1887. *Szathmári I., 1983.* Kisapostager Gräber im bronzezitlichen Gräberfeld von Dunaújváros // AlR. – Székesfehérvár. – XX. – S. 7–36
1888. *Szathmári I., 1996.* Bronze wire and sheet ornaments of the Vatya culture // Studien zur Metallindustrie im Karpatenbecken und den benachbarten Regionen. – Budapest. – P. 75–87
1889. *Szmyt M., Chernyakov I.T., 1999.* Radiocarbon Chronology of «Akkiembetski Kurgan». A Preliminary Report // BPS. V. 7. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850 BC. – Poznan. – P. 196–202
1890. *Swierczynski T., Lauterbach S., Dulski P., Delgado J., Merz B., Brauer A., 2013.* Mid- to late Holocene flood frequency changes in the northeastern Alps as recorded in varved sediments of Lake Mondsee (Upper Austria) // Quaternary Science Reviews. – Vol. 80. – P. 78–90
1891. *Székely Z., 1962.* Sondajele executate de Muzeul din Sf. Gheorge // MCA. – Bucureşti. – Vol. VIII. – P. 325–340
1892. *Tasić N., 1971*. The Mokrin necropolis and its position in the development of the Early Bronze Age in Voivodina // Mokrin II. The Early Bronze Age necropolis. Dissertations et Monographie. – Beograd. – T. XI. – P. 9–28
1893. *Telegin D.Y., Pustovalov S.Z., Kovalyukh N.N., 2003.* Relative and absolute chronology of yamnaya and catacomb monuments the issue of so-existence // BPS. V.12. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000-1000 BC. – Poznan. – P. 133–184
1894. *The Late Third…, 2017*. The Late Third Millennium in the Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – 515 p.
1895. *Theunissen L., 1996.* La culture de Hilversum: les sociétés de l'âge du Bronze aux Pays-Bas // Cultures et sociétés du Bronze Ancient en Europe. – Paris. – P. 659–663

1896. *Theunissen L., 2009.* Midden-bronstijdsamenlevingen in het zuiden van de Lage Landen. Een evaluatie van het begrip «Hilversum-cultuur». – Leiden. – 262 p.
1897. *Third Millennium BC..., 1997*. Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps. – Berlin-Heidelberg.
1898. *Thomas H.L., 1992*. Historical Chronologies and Radiocarbon Dating // Ägypten und Levante. Zeitschrift für ägyptische Archäologie und deren Nachbargebiete. – Wein. – P. 144–155
1899. *Tobler A.J. 1950*. Excavations at Tepe Gawra. – Philadelphia. – Vol. II
1900. *Točík A., 1963*. Die Nitra-Gruppe //AR. – Praha. – XV. – S. 716–770
1901. *Točik A., Vladár J., 1971*. Prehl'ad bábania v problematike vývoja Slovenska v dobe bronzovej // SA. – Bratislava. – Roč. XIX. – Čís. 2. – S. 365–422
1902. *Torbrügge W., 1960*. Die Bronzezeit in Bayern. Stand der Forschungen zur relativen Chronologie // 40. Bericht der Römisch-Germanischen komission. – Berlin. – S. 1–78
1903. *Treasures…, 2009.* Treasures of the Georgian national museum. – Tbilisi. – 160 p.
1904. *Trifonov V.A., Zaytseva G.I., J. van der Plicht, Bourova N.D., Bogomolov E.S., Sementsov A.A., Jungner H., Sonninen E., 2011.* Dolmen «Kolikho»: isotopic investigation of funeral custom and human mobility in the Western Caucasus // Radicarbon and archaeology. 6th International symposium. – Pafos. – P. 59
1905. *Turek J., 1998.* The Bell Beaker period in North-West Bohemia // Some New Approaches to the Bell Beaker 'Phenomenon'. Lost Paradise…? – Oxford. – P. 107–119
1906. *Turek J., 2006.* Období zvoncovitých pohárů v Evropě // Archeologie ve středních Čechách. – Praha. – № 10 – s. 275–368
1907. *Turek J., 2006a*. Beaker barrows and the houses of dead // Archaeology of Burial Mounds. – Plzeň. – P. 170–179
1908. *Turek J., 2006б.* Bell Beaker Gendered Cups in Central Europe // Prehistoric Pottery: Some Recent Research. BAR International Series 1509. – Oxford. P. 63–68
1909. *Turek J., 2015*. Bell Beaker stone wirst-guards as symbolic male ornament. The significance of ceremonial warefare in 3hd millennium BC Central Europe // The Bell Beaker transition in Europe. Mobility and local evolution during 3hd millennium BC. – Oxford-Philadelphia. – P. 28–40
1910. *Turek J., Černý V., 2001*. Society, gender and sexual dimorphism of the Corded Ware and Bell Beaker population // Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe. – Trento. – Vol. 1. – P. 601–613
1911. *Valera A.C., 2015*. Social change in the late 3rd millennium BC in Portugal the twilight of enclosuers // 2200 BC — ein Klimasturz als Ursache für den Zerfall der Alten Welt? (A climatic breakdown as a cause for the

collapse of the old world?). Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle, 2015. – Band. 12 (1). – P. 409–425

1912. *Vander Linden M., 2006.* Le phénomène campaniforme dans I'Europe du 3ème millénaire avant notre ère. Synthèse et nouvelles perspectives // BAR International Series 1470. – Oxford. – 228 p.

1913. *Vandkilde H., 1998*. Denmark and Europe: typochronology, metal composition and socio-economic change in the Early Bronze Age // L'atelier du Bronzier en Europe du XXe au VIIIe siècle avant notre ère. – Paris. – Tom. 1. – P. 119–135

1914. *Vandkilde H., Rahbek U., Rassmusen K.L., 1996*. Radiocarbon dating and the Chronology of Bronze Age Southern Scandinavia // AA. Absolute chronology archaeological Europe 2500-500 BC. – Munksgaard. – Vol. 67. – P. 183–198

1915. *Vitani J., Bailly M., 2022.* Stone Bracers in Continental Western Europe. New Insights from Bell Beaker and Early Bronze Age Contexts // The Bell Beaker Culture in All its Forms. Proceedings of the 22nd Meeting of 'Archéologie et Gobelets' 2021 (Geneva, Switzerland). – Oxford. – P. 125–145

1916. *Vladár J., 1973*. Pohrebiská zo staršej doby bronzovej v Branči // Archaeologica Slovaca. – Bratislava. – T. XII. – 272 s.

1917. *Vladár J., 1982.* Probleme der Bedeutung fremder Kulturimpulse in der Entwicklung der älterbronzezeitlichen Zivilisation im Gebiet der Slowakei // Il Passaggio dal Neolitico all'etá del Bronzo Nell'Europa Centrale e nella regione Alpina. Problemi cronologici e terminologici. Verona. – S. 199–205

1918. *Vladár J., 1983.* Dávne kultúry a Slovensko. – Tatran. – 127 s.

1919. *Vladár J., Bartonek A., 1977*. Zun den Beziehungen des ägäischen, balkanischen und karpatischen Raumes in der mittleren Bronzezeit und die kulturelle Ausstrahlung der ägäischen Schriften in die Nachbarländer // SA. – Bratislava. – Roč. XXV. – Čís. 2. – S. 371–432

1920. *Vander Linden M., 2006.* Le phénomène campaniforme dans I'Europe du 3ème millénaire avant notre ère. Synthèse et nouvelles perspectives // BAR International Series 1470. – Oxford. – 228 p.

1921. *Voigt M.M., Dyson R.H., 1992.* The Chronology of Iran, ca. 8000–2000 b.c. // Chronologies in Old World Archaeology. – Chikago-London. – Vol. 1. – P. 122–178

1922. *Vulpe A., 1981*. Zur Frühbronzezeit in Mittelrumänien // Studien zur Bronzezeit. Festschrift für Wilhelm Albert v. Brunn. – Mainz/Rhein. – S. 489–498

1923. *Wang Ch.-Ch., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong Ch., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Kristin Stewardson K., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G., Erlikh V.R., Atabiev B. Ch., Magomedov R.G., Kohl F.L., Alt K.W., Sandra L. Pichler S.L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B., Yeganyan L., Rezepkin A.D., Mariaschk D., Berezina N., Gresky J., Fuchs K., Knipper C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Y.B.,*

Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., B. Belinskij A.B., Reich D., Hansen S., Krause J. & Haak W., 2019. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // Nature Communications. https://www.nature.com/articles/s41467-018-08220-8

1924. *Warren P., Hankey V., 1989*. Aegean Bronze Age Chronology. – Devon. – 246 p.

1925. *Weinelt M., Schwab C., Kneisel J., Hinz M., 2015*. Climate and societal change in the western Mediterranean area around 4.2 ka BP // 2200 BC — ein Klimasturz als Ursache für den Zerfall der Alten Welt? (A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world?). Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle, 2015. – Band. 12 (1). – P. 461–478

1926. *Wiechmann A., 1995*. Ostdeutsche Provinz // FAS. Das Glockenbecher-Phänomen ein Seminar. – Freiburg. – № 2. – S. 96–116

1927. *Wiermann R., 1998.* An anthropological approach to Burial customs of the Corded Ware Culture in Bohemia // Some New Approaches to the Bell Beaker 'Phenomenon'. Lost Paradise…? – Oxford. – P. 129–14

1928. *Wiermann R.R., 2004*. Die Becherkulturen. Glokenbecher-Schnurkeramik-Riesenbecher // FAS. – Rahden/Westf. – Band 4. – 337 s., 47 taf.

1929. *Weiss H., 1997.* Late Third Millennium Abrut Climate Change and Social Collapse in West Asia and Egypt // Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps. – Berlin-Heidelberg. – P. 711–723

1930. *Weiss H., 2012.* Quantifying Collapse: The Late Third Millennium Khabur Plain // Seven Generations Since the Fall of Akkad. Studia Chaburensia I. – Weisbaden. – Vol. 3. P. 1–24

1931. *Weiss H., 2015.* Megadrought, collapse, and resilience in late 3rd millennium BC Mesopotamia // 2200 BC — ein Klimasturz als Ursache für den Zerfall der Alten Welt? (A climatic breakdown as a cause for the collapse of the old world?). Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. – Halle, 2015. – Band. 12 (1). – P. 36–52

1932. *Weiss H., 2016.* Global megadrought, societal collapse and resilience at 4.2–3.9 ka BP across the Mediterranean and west Asia // Past Global Changes. – V. 24 (2). – P. 62 – 63

1933. *Weiss H., 2017.* “Seventeen Kings Who Lived in Tents” // The Late Third Millennium in the Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – P. 131–162

1934. *Weiss H., Courty M.-A., Wetterstorm W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993*. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // Science. – Cambridge. – Vol. 261. – P. 995–1003

1935. *Weninger B., Easton D., 2017*. A Gap in the Early Bronze Age Pottery Sequence at Troy Dating to the Time of the 4.2 ka cal. B.P. Event // Third Millennium in the Ancient Near East. Chronology, C14, and Climate Change. – Chicago. – P. 429–450

1936. *Wilkinson T.J., 1997*. Environmental Fluctuations, Agricultural Production and Collapse: A View from Bronze Age Upper Mesopotamia // Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps. – Berlin-Heidelberg. – P. 67–106
1937. *Williams B.B., Wilkinsonns J.L., Magee R.W., 1994*. Bronze Age burials at Kilcroagh, County Antrim, and faience beads in Ireland // Ulster Journal of Archaeology. – Belfast. – Vol. 54-55. – P. 48–60
1938. *Włodarczak P., 2001*. The Absolute Chronolology of the Corded Ware Culture in South-eastern Poland // Die absolute Chronologie in Mitteleuropa 3000-2000 v.Chr. – Rahden/Westf. – P. 103–111
1939. *Włodarczak P., Kovalewska-Marszałek H., 1998.* Datowanie bezwzględne zespołu Kultury Pucharów Dzwonowatych z Sandomierza // Sprawozdania Archeologiczne. – Kraków. – 50. – S. 55–80
1940. *Wolf C., 1998*. Kontinuität und Kulturwandel im Neolithikum der Westschweiz 20 Jahre danach // Tradition und Innovation. Prähistorische archäologie als historische wissenschaft. – Rahden/Westf. – S. 201–305
1941. *Woltermann G., 2016*. Amder befor metal – die Frühbronzezeitliche Bernstein-Schmucksitte Norddeutschlands zwischen Lokalem Context und Transeuropäischen Fernkontakten // Prähistorische Bronzefunde. – Stuttgart. – X. – 14 – S. 383–409
1942. *Woodward A., Hunter J., Ixer R., Roe F., Potts P. J., Webb P.C., Watson J.S., Jones M.C., 2006.* Beaker age bracers in England: sources, function and use // Antiquity. – Oxford. – Vol. 80. – № 309. – P.530–543
1943. *Woolley C.L., 1934.* Ur excavation. The Royal cemetery. – New York. – 604 p.
1944. *Wossink A., 2009.* Challenging climate change. Competition and cooperation among pastoralists and agriculturalists in northern Mesopotamia (c. 3000–1600 BC). – Leiden. – 183 p.
1945. *Yakar J., 1985*. The Later Prehistory of Anatolia. The Late Chalcolitic and Early Bronze Age. – Oxford. – Part I. – 246 p.
1946. *Zaharia E., 1959*. Sie Lockenringe von Sarata – Moteoru und ihre typologishen und chronologishen beziehugen // Dacia. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne. – Budapesht. – Sér. III. – P. 103–134
1947. *Zaharia E., 1973.* Sur la civilization Monteoru (age du bronze Roumanie) // Actes du VIIIe Congres International des science prehistoriques et protohistoriques. – Beograd. – S. 52–60
1948. *Zaharia E., 1987.* La culture Monteoru. L'étape des débuts à la lumière des fouilles de Sărata Monteoru de Sărata Monteoru // Dacia. – Bucarest. – T. XXXI. – P. 21–49
1949. *Zaharia E., 1990.* La culture Monteoru. Sa deuxíème étape de développement à la lumière des fouilles de Sărata Monteoru // Dacia. – Bucarest. – T. XXXIV. – P. 23–51

1950. *Zaharia E., 1990a.* La culture Monteoru. La IIIe étape MIc2. Les fouilles de Sărata Monteoru (dép. De Buzău) // Dacia. – Bucarest. – T. XXXV. – P. 61–91

1951. *Zimmerman T., 2007*. Die ältesten kupferzeitlichen Bestattungen mit Dolchbeigabe // Monografien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. – Mainz. – Band 71. – 169 s.

Архивные материалы

1. *Абрамова М.П.* Отчет об археологических раскопках в Моздокском районе Северо-Осетинской АССР в 1970 году // НА ИА РАН. – Р-1 № 4286, 4286а
2. *Акимова С.В.* Отчет об охранных раскопках кургана № 5 курганной группы № 1 у с. Липовка Бобровского района Воронежской области в 2005 году // Архив кабинета археологии ВГПУ. – № 98
3. *Андреева М.В.* Отчет о работе Георгиевского отряда Ставропольской экспедиции в 1981 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 8939, 8939а
4. *Андреева М.В.* Отчет о раскопках Петровского отряда Ставропольской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в 1985 г. // НА ИА РАН. – Р-1 №№13580–13583
5. *Андреева М.В., Ульянова О.А.* Отчет о работах Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1986 году // НА ИА РАН. – Р-1 № 11910, 11910а–ж
6. *Анфимов И.*Н. Отчет о раскопках курганов на землях колхоза им. Калинина Красноармейского района Краснодарского края в 1986 году // НА ИА РАН. – Р-1 № 12478, 12478а
7. *Анфимов И.Н.* Отчет о раскопках курганов на землях колхоза «Рассвет» Калининского района Краснодарского края в 1988 году // НА ИА РАН. – Р-1 №№ 12585–12589
8. *Арапов С.В.* Отчет об исследованиях археологической экспедиции Калмыцкого НИИ истории, филологии и экономики в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Яшкульский» в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1987 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 12526
9. *Арапов С.В.* Отчет об археологических исследованиях у пос. Овата Целинного района Республики Калмыкия – Хальмг Тангч в 1992 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 17070, 17070а
10. *Африканов Ю.А.* Отчет о проведенной научно-исследовательской работе по теме: «Проведение спасательных археологических исследований памятников археологии – двух одиночных курганов, входящих в зону строительства двухпутных железнодорожных вставок на перегоне ст. Карамыш – ст. Суворовский в пределах Красноармейского района Саратовской области» в 2005 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 33062
11. Ахмаров А.У. Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Алхан-Калинские курганы» в Грозненском районе Чеченской республики в 2021 г. // НА ИА РАН. – б/н
12. *Бабенко В.А.* Отчет о раскопках курганных могильников «Айгурский-2» и «Золотаревка-6» в Ипатовском районе Ставропольского края в 2001 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 26577–26579
13. *Бабенко В.А.* Отчет о раскопках курганного могильника «Золотаревка-3» в окрестностях с. Золотаревка Ипатовского района

Ставропольского края в 2003 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 28284, 28285

14. *Бабенко В.А.* Отчет о раскопках курганного могильника «Буденовск-5» на территории Буденновского района Ставропольского края в 2012 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 33976, 33977
15. *Бабенко В.А.* Отчет о раскопках объекта культурного наследия регионального значения «Курган» на территории г. Ставрополь Ставропольского края в 2013-2014 гг. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 49057–49059
16. *Бакушев М.А.* Отчет о раскопках в Майкопском районе Республики Адыгея в 2019 году // НА ИА РАН. – б/н
17. *Баринов Д.Г.* Отчет об археологических раскопках курганов в Советском районе Саратовской области // НА ИА РАН. – Р-1, № 12861
18. *Баринов Д.Г.* Отчет об археологических раскопках поселения 1 у с. Никольское 2-е, и курганов 4 и 5 курганного могильника у с. Николо-Варваринка в Бобровском районе, кургана 1 курганной группы 1 у с. Сторожевое 2 в Лискинском районе, кургана 1 курганной группы 3 у с. Козловка в Бутурлиновском районе Воронежской области в 2018–2019 гг. // НА ИА РАН. – б/н
19. *Беглова Е.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М., Эрлих В.Р.* Отчет о работах Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусств народов Востока в 1989 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 14085
20. *Белинский А.Б., Самойленко В.Г., Бабенко В.А.* Отчет о работе археологической экспедиции СГПИ в 1989 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 15182, 15182а
21. *Белинский И.В.* Отчет о раскопках курганного могильника Козинка-I, находящегося на территории государственного племенного завода «Пролетарский» Пролетарского района Ростовской области в июле-августе 1987 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №11943, 11943а,б
22. *Березин С.Я.* Отчет об археологических раскопках курганных могильников «Энергетик-3» на территории города Железноводска, «Лермонтов-3» на территории города Лермонтов, «Прогресс-2» на территории Кировского района Ставропольского края в 2009 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 38428, 38429
23. *Березин С.Я.* Отчет о раскопках кургана № 3 курганного могильника «Бородыновка 3» на территории г. Железноводска Ставропольского края в 2013 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 42329, 42330
24. *Березин С.Я.* Отчет об археологических раскопках раскопках кургана № 1 курганного могильника «Новоалександровск 9» на территории Новоалександровского района Ставропольского края в 2013 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 38755, 38756

25. *Березин Я.Б.* Отчет о раскопках могильников «Буйвола I» у г. Буденовска и «Успенский I» у г. Новоалексндровка Ставрпольского края в 1997 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 19830, 19831
26. *Березин Я.Б.* Отчет о раскопках курганных могильников "Ильинский-1" Труновского района, "Птичье-3" Изобильненского района, "Расшеватский-1", "Расшеватский-2" и "Расшеватский-5" Новоалександровского района Ставропольского края в 1998 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 21030–21033
27. *Березин Я.Б.* Отчет о раскопках курганных могильников «Птичье-3» Изобильненского района, «Успенский-2», «Расшеватский-1», «Расшеватский-2», «Расшеватский-5» Новоалександровского района Ставропольского края в 1999 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 22358–22361
28. *Березин Я.Б., 2000*. Отчет о раскопках курганного могильника «Иноземцево-1» на территории г. Железноводска Ставропольского края в 2000 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 24526–24528
29. *Березин Я.Б.* Отчет о раскопках курганного могильника «Птичье-3» на территории Изобильненского района Ставрополького края в 2011 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 29337, 29338
30. *Березин Я.Б.* Отчет о ракопках курганных могильников Константиновский-3, курган 1; Константиновский-4, курганы 1–6; Константиновский-5, курганы 3, 4; Константиновский-6, курган 1, 6; Константиновская-10, курган 1; Константиновская-11, курганы 1–3; Балка Звериная, курган 1; Поселения Константиновская-1 на территории города Пятигорска и Предгорного района Ставропольского края в 2012–2014 гг. // НА ИА РАН. – б/н
31. *Беспалый Е.И.* Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1983 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 9887, 9987а
32. *Биджиев Х.Х.* Отчет о раскопках курганов у аула Бесленей в 1981 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 8451, 8451а
33. *Богданов С.В.* Отчет о раскопках Оренбургской области у с. Краснохоли в Илекском районе по Открытому листу № 301 и в окрестностях с. Линевка Соль-Илецкого района по Открытому листу № 849 в 1988 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 13567
34. *Бочкарев В.С.* Отчет о работе Батуринского отряда Кубанской экспедиции за 1979 г. в Брюховецком р-не Краснодарского края // НА ИА РАН. – Р-1, № 7581
35. *Бочкарев В.С.* Отчет о работе Новокорсунского и II-го Батуринского отрядов Кубанской экспедиции за 1980 г. в Тимашевском и Брюховецком районах Краснодарского края // НА ИА РАН. – Р-1 №№ 8243, 8243а
36. *Бочкарев В.*С. Отчет о работе Кубанской экспедиции за 1982 год // НА ИА РАН. – Р-1 №№ 9605, 9605а

37. *Бочкарев В.С.* Отчет о Кубанской экспедиции 1981 года. О раскопках курганов в Тимашевском и Кореновском районах Краснодарского края // НА ИА РАН. – Р-1 №№ 8846, 8846а
38. *Бочкарев В.С.* Отчет о работе Кубанской экспедиции в Динском районе Краснодарского края в 1984 году // НА ИА РАН. – Р-1 №№ 10830, 10830а
39. *Бочкарев В.С.* Отчет о раскопках Пригородного отряда Кубанской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР курганной группы Белевцы I в Динском районе Краснодарского края в 1985 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 10934, 10934а
40. *Бочкарев В.С.* Отчет о работе Динского отряда Кубанской экспедиции в Динском районе Краснодарского края в 1986 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 12399, 12399а
41. *Бочкарев В.С.* Отчет о работе Гулькевичском районе Краснодарского края в 1988 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 13419, 13419а
42. *Бурков С.В*. Отчет о раскопках курганов в зоне II-й очереди Ассиновской мелиоративной системы (АМООС) на орошаемых землях совхоза «Бамутский» Ачхой-Мартановского района ЧИАССР в 1989 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 14105
43. *Васюткин С.М.* Отчет об археологических исследованиях на трассе канала Волга-Чограй в 1985 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 11058
44. *Васюткин С.М., Кольцов П.М.* Отчет об археологических раскопках на трассе канала Волга-Чограй (Калмыцкая АССР) в 1987 году // НА ИА РАН. – Р-1, №11906, 11906а
45. *Верещагин В.В.* Отчет об археологических исследованиях Суворовского курганного могильника в Предгорном районе Ставропольского края в 2013 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 55409–55412
46. *Верещагина Е.Л.* Отчет об археологических работах на кургане 5 могильника «Полтавская 3» в Брюховецком районе и на кургане № 6 курганного могильника «Шумрика 4» в МО г.-к. Анапа Краснодарского края в 2015 году году // НА ИА РАН. – Р-1, № 49137
47. *Виноградов В.Б, Козенкова В.И., Кузнецов В.А., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.Ф., Сарианиди В.И.* Полный научный отчет о работах Северо-кавказской археологической экспедиции 1964 года // НА ИА РАН. – Р-1, №2915, 2915а
48. *Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.Ф.* Полный научный отчет о работе 4-х отрядов Северо-кавказской археологической экспедиции 1965 года // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 3122, 3122а
49. *Виноградов В.Б, Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.Ф., Сарианиди В.И.* Полный научный отчет о работах Северо-кавказской археологической экспедиции 1966 года // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 3293, 3293а

50. *Воронцов И.А.* Отчет о проведении охранных археологических работ на объектах культурно-исторического наследия – курганной группы «167.0 у г. Петров Вал» (курган № 1, курган № 2) в зоне стройки «Реконструкция ГРС г. Камышин» на территории Камышинского района Волгоградской области // НА ИА РАН. – Р-1, № 34213
51. *Габуев Т.А.* Отчет о работе Северо-Осетинского отряда Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1986 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 11681
52. *Гаврилина Л.М.* Отчет об исследованиях археологической экспедиции Калмыцкого НИИ истории, филологии и экономики в зоне строительства 1-й очереди Калмыцко-Астраханской рисовой оросительной системы в Октябрьском районе Калмыцкой АССР в 1986 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 11471, 11471а,б
53. *Галанина Л.*К. Отчет о раскопках курганов у станицы Келермесской Краснодарского края в 1981 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 8758, 8758а
54. *Гей А.*Н. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1979 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 11597
55. *Гей И.Н., Мелешко Б.В., Сатеев О.И., Ульянова О.А.* Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1987 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 14236–14242
56. *Гей А.Н., Сорокина А.И., Мельник В.И.* Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1981 году // // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 9722, 9722а–з
57. *Гиджарти Н.И., Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А.* Отчет о раскопках курганов у ст. Темижбекской и у с. Найденовка Кавказского района Краснодарского края, проведенных археолого-реставрационной экспедицией ВЦНИЛКР в 1977 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 6534, 6534а
58. *Глухов А.А.* Отчет о работе археологического отряда «Гюлистан» Волжского гуманитарного исниститута Волгоградского государственного университета на территории Клетского и Ленинского районов Волгоградской области в 2007 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 47086, 47087
59. *Голубев Л.Э.* Отчет об археологическом исследовании 3 курганов в Брюховецком, Динском районах и в МО городе-герое Новороссийске в 2014 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 44553
60. *Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области в зоне I очереди строительства Астраханско-Калмыцкой рисовой оросительной системы в 1975 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 5250, 5250а-в

61. *Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 6719, 6719а,б
62. *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет о раскопках курганов в зоне строительства I-й очереди Калмыцко-Астраханской оросительной системы в Черноярском районе Астраханской области в 1980 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 8254, 8255, 8256
63. *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет о раскопках курганов в зоне строительства I-й очереди Калмыцко-Астраханской оросительной системы (Черноярский район Астраханской области) в 1981 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 9905, 9905а, 9905б, 9905в
64. *Демиденко С.В.* Отчет об археологических исследованиях в Котельниковском районе Волгоградской области в 2007 г.// НА ИА РАН. – Р-1, №№ 47358, 47359
65. *Деняева А.С.* Отчет о проведении спасательных археологических работ (раскпок) на курганных могильниках «Новосредненский-1» (курган 1) в Кировском районе, «Петровский-1» (курганы 2,3,4) в Советском районе, «Обильное-4» (курган 1) в Георгиевском районе и «Новоекатериновская-4» в Кочубеевском районе Ставропольского края в 2017 году // НА ИА РАН. – б/н
66. *Державин В.Л.* Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции на территории Ставропольского края в 1981 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 9785
67. *Дервиз П.Г., Мирошина Т.В., Мишина Т.Н.* Отчет о раскопках Александровского отряда Ставропольской новостроечной экспедиции Института археологии АН СССР в 1982 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 11525, 11525а-г
68. *Дзуцев Ф.С.* Отчет о раскопках Бесланского курганного катакомбного могильника в Правобережном районе РСО-А в 2006 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №36294, 36295
69. *Дремов И.И.* Отчет об археологических раскопках грунтовых могильников эпохи средней и поздней бронзы в Саратовской области в 1987 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 11926
70. *Дрёмов И.И.* Отчет о раскопках могильников у сел Березовка, Новопривольное и Белогорское в Саратовской области в 1988 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 13782
71. *Дремов И.И.* Отчет об археологических раскопках в зоне строительства канала к поселку Алцынхута в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2009 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 36957
72. *Дьяченко А.Н.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в Краснодарском крае в 1984 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 11281, 11281а

73. *Дьяченко А.Н.* Отчет о проведении археологических исследований в Октябрьском районе Волгоградской области в 1996 году // Архив ВОКМ. – № 136
74. *Дьяченко А.Н.* Отчет о проведении археологических исследований у с. Аксай в Октябрьском районе Волгоградской области в 2005 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 25287
75. *Дьяченко А.Н.* Отчет о раскопках курганов и грунтового могильника в Клетском и Нехаевском районах Волгоградской области в 1991 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 16544, 16545
76. *Ильюков Л.С.* Отчет об исследовании курганного могильника у х. Новый Мартыновского района Ростовской области в 1983 году // НА ИА РАН – Р-1, №№ 10710, 10710а
77. *Ильюков Л.С.* Отчет о раскопках курганного могильника «Родионов» в Новоалександровском районе Ставропольского края в 2015 году // НА ИА РАН – Р-1, №№ 53832–53838
78. *Ильяшенко С.*М. Отчет о проведении раскпок памятников археологии курган «Натухай 3», курган «Натухай 4», курган «Натухай 6», курган «Натухай 8», курган «Натухай 9», курган «Красноармейский 3», расположенных в зоне проектирования строительства НПЗ ЗАО «Антей» в Тахтамукайском районе республики Адыгея в 2014 году // НА ИА РАН – Р-1, №№ 44918, 44919
79. *Калмыков А.А.* Отчет о раскопках курганного могильника Золотаревка-1 в Ипатовском районе Ставропольского края в 2000 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 43015–43021
80. *Калмыков А.А*. Отчет о раскопках кургана на Кавказских Минеральных Водах в 2010 году // НА ИА РАН – Р-1, №№ 39981, 39982
81. *Каминский В.Н.* Отчет о раскопках курганов в ст. Михайловская Курганинского района Краснодарского края в 1985 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 10116, 10116а
82. *Карпов Д.А.* Отчет об охранных раскопках курганов №№ 5 и 7 «Курганной группы (4 насыпи)», кургана № 3 курганной группы Примаки-3, и курганов №№ 1 и 7 курганной группы Новотитаровская-14 в Динском районе Краснодарского края в 2020 году // НА ИА РАН. – б/н.
83. *Ким М.*Г. Отчет о раскопках курганов у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области // НА ИА РАН. – Р-1, № 7015
84. *Клепиков В.М.* Отчет об археологических работах на территории Городищенского района Волгоградской области в зоне строительства II очереди Калачаевской оросительной системы в 1986 году // НА ИА РАН. – Р.1, №№ 11404, 11404а
85. *Клепиков В.М*. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства I очереди Фроловской оросительной системы у х.

Шляховский Фроловского района Волгоградской области в 1988 г. // НА ИА РАН. – Р.1, №№ 13705, 13706

86. *Клепиков В.М.* Отчет об археологических раскопках в зоне строительства II очереди Фроловской оросительной системы у х. Ветютнев Фроловского района Волгоградской области (1990 г.) // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 15852–15854
87. *Клещенко А.А.* Отчет о раскопках курганов №№ 2, 3, 4, 5 и 6 курганной группы «Бейсужек 35» в Кореновском районе Краснодарского края в 2017 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 56843–56845
88. *Клещенко А.А*. Отчет о раскопках курганов в Крымском районе Краснодарского края в 2018 году // НА ИА РАН. – Р.1, № 61666
89. *Козаев П.К.* Отчет о раскопках 1989 г. курганов у с. Сунжа // НА ИА РАН. – Р.1, №№ 14113, 14114
90. *Козаев П.К.* Отчет об археологических раскопках курганов у с. Сунжа Пригородного района СО ССР в 1990 г. // НА ИА РАН. – Р.1, №№ 17440, 17441
91. *Козорезов А.А.* Отчет об археологических исследованиях кургнов № 2 и 3 у х. Ханьков Славянского района Краснодарского края в 2013 году // НА ИА РАН. – Р.1, №№ 50145, 50146
92. *Колев Ю.И., Комаров А.М., Турецкий М.А.* Отчет о раскопках курганов в Серафимовическом районе Волгоградской области в зоне газопровода – отвода к х. Трясиновскому и х. Зимняцкому в 1991 г. // Архив ВОКМ. – № 89
93. *Колесниченко К.Б.* Отчет о раскопках курганных могильников в Кочубеевском (Ивановский-5, Тоннельный-8) и Андроповском (Курсавский-3, Кунаковский-3, Кунаковский-4, Николаевский-3) районах Ставропольского края в 2007 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 45528–45530
94. *Кольцов П.М.* Отчет об исследовании курганов у п. Привольный (с-з «Улан-Хееч») Яшкульского района республика Калмыкия в 2002 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 27465
95. *Кондрашов А.В.* Отчет о проведении исследований двух курганов на землях в/с "Комсомольский" в пос. Комсомольском Темрюкского района Краснодарского края в 1988 году //НА ИА РАН. – Р-1, №№ 12623, 12624
96. *Кононов В.Ю.* Отчет об итогах проведения археологических ракопок курганов у пос. За Родину: курган № 98, курган № 4885, курган «Тиздар», курган № 1 и разведок на территории средневекового могильника, расположенного в межкурганном пространстве, в Темрюкском районе Краснодарского края в 2013 и 2014 годах // НА ИА РАН. – Р-1 № 40767

97. *Копылов В.П.* Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства Донской оросительной системы в 1980 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №8104, 8104а
98. *Кореневский С.*Н. 1985. Отчет о работе Предгорного отряда Ставропольской экспедиции в Курском районе Ставропольского края в 1985 г. // НА ИА РАН. Р-1, №№ 10951, 10951 а–в
99. *Кореневский С.Н.,* 1988. Отчет о работе Предгорной экспедиции в 1988 г. // НА ИА РАН. Р-1, № 14135–14138
100. *Кореняко В.А.* Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР в 1977 году // НА ИА РАН. – Р-1, №7223,7223а–к
101. *Кореняко В.А.* Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР в 1978 году // НА ИА РАН. – Р-1 №7468,7468а–е
102. *Кригер В.А.* Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе в Волгоградской в 1984 году НА ИА РАН. – Р-1, № 10555, 10555а
103. *Кузнецов П.Ф.* Отчет о раскопках Красносамарского поселения и Красносамарского IV курганного могильника у с. Красносамарское Кинельского района Самарской области в 1999 году по Открытому листу № 413 // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 23631, 23632
104. *Кузнецов П.*Ф. Отчет о раскопках курганного могильника Грачевка II в Красноярском районе Самарской области в 2002 году по Открытому листу № 281 // НА ИА РАН. – Р-1, № 23717
105. *Кузнецова Т.М., Алексеев А.Ю.* Отчет о работе летом 1990 года Гиагинской археологической экспедиции ИА АН СССР и Келермесской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа // // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 15571, 15571а
106. *Кузьмина О.В.* Отчет о раскопках курганных могильников у с. Политодельское и Хохлачевский в Николаевском и Средне-Ахтубинском районах Волгоградской области по Открытому листу № 559 // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 14291, 14292
107. *Курочкина С.А.* Отчет о раскопках курганов 11, 12 и 17 из состава ОКН «Курганная группа (14 насыпей)» у с. Березовка Балаковского района Саратовской области в 2018 г. // НА ИА РАН. – б/н.
108. *Лапа Н.М.* Отчет о раскопках в Яшкульском районе Калмыцкой АССР за 1987 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 12438
109. *Лесков А.*М. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусств народов Востока в 1984 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 9855, 9855а,б
110. *Лесков А.М., Днепровский К.А.* Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1984 году // НА ИА РАН. – Р-1, №10482, 10482а

111. *Лесков А.М., Габуев Т.А., Днепровский К.А.* Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1985 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 10973, 10973а,б
112. *Лесков А.М., Габуев Т.А., Днепровский К.А., Самойленко В.Г., Эрлих В.Р.* Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1985 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 12894, 12895
113. *Лисицын И.*П. Отчет о работе Городищенского археологического отряда летом 1975 года // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 5665, 5665а
114. *Лопатин В.*А. Отчет об археологических раскопках в Марксовском районе Саратовоской области в 1983 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 9698
115. *Лопатин В.*А. Отчет об археологических исследованиях (раскопки поселения «Перображенка-I и курганного могильника у с. Светлое Озеро») в Озинском районе Саратовской области в 1988 г // НА ИА РАН. – Р-1, № 12763
116. *Лукашов А.В.* Отчет о работах Заволжской экспедиции ВГПИ в Палласовском районе Волгоградской области за 1980 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 8878, 8878а
117. *Лукашов А.В.* Отчет о работе Заволжской археологической экспедиции Волгоградского госуларственного университета в зоне строительства Иловатской оросительной системы за 1987 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 12384, 12384а
118. *Лылова М.И.* Отчет к Открытому листу № 755 об охранных археологических исследованиях курганной группы Павловск-II на территории Павловского района Воронежской области в 1986 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 1208
119. *Лычагин А.В.* Отчет об охранных раскопках в Андороповском, Георгиевском, Кочубеевском и Минералводском районах Ставропольского края в 2004 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 28677
120. *Лычагин А.В.* Отчет об охранных раскопках курганов в Шпаковском и Кочубеевском районах Ставропольского края в 2006 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 29226, 29227
121. *Лычагин А.*В. Отчет об охранных раскопках курганного могильника «Незлобненский-5» на территории Георгиевского района и курганного могильника «Зимняя Ставка-1» на территории Нефтекумского района Ставропольского края в 2009 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 38401, 38402
122. *Лычагин А.В.* Отчет о раскопках курганных могильников в Буденновском и Левокумском районах Ставропольского края, проведенных в 2014 году ГУП «Наследие» // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 50152–50157

123. *Лычагин А.В.* Отчет о раскопках памятников археологии на Кавказских Минеральных Водах, проведенных в 2014 году ГУП «Наследие». Курган Винсадский 2, курганные могильники Винсады-4, Скачки-3 на территории Предгорного района Ставропольского края // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 55068–55070
124. *Ляхов С.В.* Отчет об охранных раскопках курганов в Апанасеновском и Туркменском районах Ставропольского края в 1997 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 25677, 25678
125. *Ляхов С.В.* Отчет об археологических раскопках курганных могильников «Калюжный-1», «Калюжный-2» на территории Шпаковского района и курганного могильника «Солнечный-3» на территории Грачевского района Ставропольского края в 2008 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 43257, 43258
126. *Ляхов С.В.* Отчет об охранных раскопках курганов в Арзгирском и Левокумском районах Ставропольского края в 2009 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 38508, 38509
127. *Максимов Е.*К. Отчет об археологических раскопках в Саратовской области летом 1969 года // НА ИА РАН. – Р-1, № 4184
128. *Малашев В.Ю.* Отчет об исследовании Бесланского могильника Правобережного района Республики Северная Осетия-Алания в 2012 г. (в зоне строительства автомагистрали М-29 «Кавказ» на участке обхода г. Беслан) // НА ИА РАН. – Р-1, №
129. *Малов Н.М.* Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства Приволжской оросительной системы (южный массив) I-я очередь в 1984 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 10501
130. *Малов Н.М.* Отчет об археологических исследованиях близ х. Задоно-Авиловского и Кумысолечебницы в Волгоградской области в 1986 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 11671
131. *Малов Н.М.* Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР, Саратовской и Волгоградской областях в 1989 году // НА ИА РАН. – Р-1, №13669
132. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе отряда Волго-Донской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в Михайловском, Калачаевском, Кумылженском районах Волгоградской области в 1972 г. // Архив ВОКМ. – № 31
133. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского областного отделения ВООПИК в Каланчаевском, Октябрьском, Суровкинском, Средне-Ахтубинском, Иловлинском районах Волгоградской области на сезон 1974 г. // НА ИА РАН. – Р.1, № 5402, 5402а
134. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского отделения ВООПИК и археологического отряда ВГПИ в 1978 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 7014, 7014а

135. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского отделения ВООПИК и археологического отряда ВГПИ в 1979 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 7755, 7755а
136. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского отделения ВООПИК, ВОКМ и археологического отряда ВГПИ в 1980 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 7756, 7756а
137. *Мамонтов В.И*. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского областного управления культуры Областного отделения ВООПИК и археологического отряда Волгоградского государственного педагогического института в 1981 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 8812, 8812а
138. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского областного управления культуры, областного музея краеведения и Донской экспедиции НИС ВГПИ за 1982 год // НА ИА РАН. – Р.1, №№ 9025, 9025а
139. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ за 1985 г. // НА ИА РАН. – Р.1, №№ 10921, 10921а
140. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции НИС ВГПИ за 1986 год // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 11313, 11313а
141. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции Волгоградского пединститута за 1987 год // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 11944, 11944а
142. *Мамонтов В.И*. Отчет об охранных археологических раскопках Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ за 1989 год // НА ИА РАН. – Р.1, №№ 14313, 14314
143. *Мамонтов В.И*. Отчет об охранных археологических раскопках Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ за 1990 год // НА ИА РАН. – Р.1, №№ 15035, 15036
144. *Мамонтов В.И*. Отчет об охранных археологических раскопках Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ за 1991 год // НА ИА РАН. – Р.1, №№ 16736, 16736а
145. *Мамонтов В.И*. Отчет об охранных археологических раскопках Приволжского отряда ИИМК РАН и Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в 1992 году // НА ИА РАН. – Р.1, №№ 17522, 17523
146. *Мамонтов В.И.* Отчет об охранных раскопкам Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в

Волгоградской области в 1994 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 18700–18702

147. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1997 году // Архив ВОКМ. – № 140

148. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2004 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 33851, 33852

149. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Донской экспедиции лаборатории археологии и реставрации НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2009 году // НА ИА РАН. – Р.1, № 36831

150. *Марковин В.И., Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., Крупнов Е.И.* Полный научный отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции о работах, проведенных в Чечено-Ингушетии в 1959 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 2018, 2018а

151. *Маслов В.Е.* Отчет об археологических раскопках курганных могильников «Учебный-1», «Матвеевский-1», «Пролетарский-1» на территории Прохладненского района Кабардино-Балкарской Республики в 2007 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 48229, 48230

152. *Маслов В.Е.* Отчет о раскопках курганного могильника «Новозаведенное-III» в 2018 г. (Георгиевский городской округ Ставропольского края) // НА ИА РАН. – б/н.

153. *Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А.* Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хегатурова // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 7864, 7865а,б

154. *Матюхин А.Д.* Отчет об археологических исследованиях в Лысогорском и Дергачевском районах Саратовской области в 1990 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 15701

155. *Матюхин А.Д.* Отчет об археологических раскопках курганных могильников «Кунаковский-1», «Кунаковский-2», «Тоннельный-6», «Невинномысский-1» на территории Андроповского и Кочубеевского районов Ставропольского края в 2005 году // НА ИА РАН. – №№ 29030, 29031

156. *Миронов В.Г.* Отчет о раскопках курганов эпохи бронзы у с. Бородаевка Марксовского района Саратовской области в 1987 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 21301

157. *Моргунова Н.Л.* Отчет о раскопках II курганного могильника у с. Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области по Открытому листу № 579 в 2010 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 39429

158. *Моруженко А.А., Кравец Д.П., Литвиненко Р.А., Евглевский А.В., Зарайская Н.П., Посредников В.А.* Археологические работы новостроечной экспедиции ДонГУ в 1990 г. // НА ІА НАНУ. – № 1990/180.

159. *Мошинский А.П.* Раскопки могильника Верхняя Рутха в 1985 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 10734
160. *Мошинский А.П.* Отчет о раскопках могильника Верхняя Рутха в 1986 году // НА ИА РАН. – Р.1, № 11582
161. *Мыськов Е.П.* Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции ВГПИ в г. Волжском в 1983 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 9859, 9859а
162. *Мыськов Е.П.* Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции Волгоградского пединститута в Суворкинском и Котельниковском районах Волгоградской области в 1987 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 11885, 11885а
163. *Мыськов Е.П.* Отчет о раскопках могильников Царев, проведенных Волго-Ахтубинском отрядом археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1989 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 14226, 14227
164. *Мыськов Е.П.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного университета в Клетском районе Волгоградской области в 2007 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 48046, 48047
165. *Мячин С.В.* Отчет об охранных ракопках курганных могильников «Тугулук 1–3» и «Бударка 3» в Грачевском и Кочубеевском районах Ставропольского края в 2008 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 36073, 36074
166. *Мячин С.В*. Отчет. Охранно-спасательные раскопки курганных могильников «Тоннельный-4», «Тоннельный-5», «Тоннельный-7», «Невинномысский-4», «Невинномысский-3», «Невинномысский-2», «Невинномысский-1», «Надзорный-1» в Кочубеевском районе Ставропольского края в 2012 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 40853–40858
167. *Мячин С.В.* Отчет о раскопках курганного могильника «Георгиевская станица» в Георгиевском районе Ставропольского края в 2014 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 45319, 45320
168. *Мячин С.В.* Отчет о раскопках кургана 2 курганного могильника «Константиновский-4» в Предгорном районе Ставропольского края в 2014 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 45352
169. *Мячин С.В.* Отчет о раскопках курганного могильника «Тоннельный-9» в Кочубеевском районе Ставропольского края в 2014 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 45353
170. *Мячин С.В.* Отчет. Охранно-спасательные раскопки в Петровском районе Ставропольского края в 2016 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 54401

171. *Мячин С.В.* Отчет. Охранно-спасательные раскопки в Тимашевском районе Краснодарского края // НА ИА РАН. – Р-1, № 58185
172. *Наглер А.О.* Отчет о раскопках курганов в Моздокском районе СО АССР в 1985 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 10396, 10396а
173. *Наглер А.О.* Отчет о раскопках курганов в Моздокском районе СО АССР в 1986 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 11302, 11302а
174. *Назаров А.А.* Охранные археологические раскопки кургана в зоне строительства нефтепровода со сборного пункта «Овражный» до ГЗУ №1 Котовского месторождения в Котовском районе. Раскопки кургана могильника «Бурлук-1» 1996 г. и частичные разведки на территории Котовского района // Архив ВОКМ. – б/н
175. *Назаров А.А.* Отчет. Охранные раскопки курганов № 1 и № 2 курганной группы «Белявская I» Старополтавского муниципального района по Открытому листу № 838 от 23 августа 2010 года // НА ИА РАН. – Р-1, № 39384
176. *Нарожный Е.И.*. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследованиях курганов «Коноково-1» и «Коноково-2» (лето 2004 года) в Успенском районе Краснодарского края, располагавшихся в зоне ремонтных работ магистрального нефтепровода «Малгобек-Тихорецк» // НА ИА РАН. – Р-1, № 32369, 32370
177. *Науменко С.А*. Отчет о проведении раскопок памятников архелогии «Курган «Малеваный-1»», «Курганный могильний Бейсужек 36» (курганы №№ 1, 2), «Могильник Кореновский 5» (курганы №№ 3, 4) в Кореновском районе Краснодарского края в 2012 и 2013 годах НА ИА РАН. – Р-1, №№ 41241–41245
178. *Нехаева А.А.* Отчет о раскопках в Кореновском и Выселковском районах Краснодарского края в 1979 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 7551, 7551а
179. *Нечитайло А*.Л. Отчет о раскопках курганов в Прикубанском районе Ставропольского края в 1963 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 2792, 2792а
180. *Николаева Н.А.* Исследование курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской оросительной системы (КАРОС) на землях совхоза Джангр Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1985 // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 10970, 10970а
181. *Николаева Н.А.* Отчет о раскопках курганов на трассе дороги Волга-Чограй (Яшкульский район) в 1986 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №14263, 14264
182. *Николаева Н.А., Сафронов В.А.,* 1977. Отчет о раскопках курганов в с. Ногир Пригородного района, с. Чикола Ирафского района СО АССР, проведенных археолого-реставрационной экспедицией ВЦНИЛКР в 1977 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 6847

183. *Очир-Горяева М.А.* Отчет об исследовании курганного могильника Цаган-Нур в Октябрьском районе Калмыцкой АССР в 1989 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 13445, 13445а
184. *Очир*-Горяева М.А. Отчет об исследовании курганного могильника Улан-Зуха в Приютненском районе КАССР в 1990 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 15105
185. *Очир-Горяева М.А.* Отчет об исследованиях курганного могильника Хар-Зуха в Приютненском районе Калмыцкой ССР 1991 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 17579, 17580
186. *Прокофьев Р.В.* Отчет об археологических раскопках на Ставрополье в 2014 году. Курганные могильника «Невинномысский VI» в Кочубеевском районе, «Незлобная VII», «Георгиевская станица VII» и «Георгиевская станица VIII» в Георгиевском районе // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 45888, 45889
187. *Романовская М.А*. Отчет о раскопках курганных групп Веселая Роща II и III сезон 1978 года // НА ИА РАН.– Р-1, №№ 8488, 8488а
188. *Романовская М.А.* Отчет о раскопках курганных групп «Веселая Роща III» и «Веселая Роща II», проведенных Александровским отрядом Ставропольской экспедиции в мае-октябре 1979 г. // НА ИА РАН.– Р-1, №№ 8489, 8489а
189. *Ростунов В.Л.* Отчет об археологических раскопках двух курганов у ст. Павлодольской Моздокского района СО АССР в 1984 году // НА ИА РАН.– Р-1, № 11855, 11855а
190. *Ростунов В.Л.* Отчет о раскопках курганов у с. Заманкул Правобережного района Республики Северная Осетия в 1993 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 17880, 17881
191. *Ростунов В.Л.* Отчет о раскопках курганных могильников «Расшеватский-1» и «Расшеватский-5» на территории Новоалександровского района Ставропольского края в 2000 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 26769, 26770
192. *Ростунов В.Л.* Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Кабакинский-2» на территории Левокумского района Ставропольского края в 2006 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 29125, 29126
193. *Рыков П.С.* Отчет о раскопках в Покровском уезде Саратовской губернии в 1921 году. Покровские селище и курганы // НА ИММК РАН. – Ф.2, № 111
194. *Рыков П.С.* Отчет об археологических разведках и раскопках, произведенных летом 1924 года по течению рек Медведицы, Еруслану, Терсе, Б.Караману, Саратовке и в окрестностях города Покровска, т.е. В Саратовской губ. и в Респ. Нем. Поволжья //НА ИММК Ф.2, № 178

195. *Рыков П.С.* Отчет и дневник археологических раскопок и разведок в Нижнем Поволжье и Уральской губернии в 1927 году // НА ИИМК. – ф.2, № 136
196. *Рыков П.С.* Археологические разведки и раскопки в Нижневолжском крае в 1928 году // НА ИИМК РАН. – ф.2, № 136
197. *Рыков П.С.* О. Отчет об археологических раскопках, произведенных летом 1931 года в Нижнем Поволжье // НА ИИМК. – ф.1, № 845
198. *Рыков П.С.* Отчет об археологических разведках и раскопках, проведенных летом 1932 г. В Нижне-Волжском крае // Архив ИИМК. – Ф2, № 128
199. *Рябова В.Я.* Отчет о раскопках могильника Лебеди II // НА ИА РАН. – Р-1, № 23103
200. *Савченко Е.И.* Отчет о работе Мингрельского отряда Северо-кавказской экспедиции в 1985 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 13868–13690
201. *Самойленко В.Г.* Отчет о проведении охранно-спасательных археологических раскопок близ а. Тауйхабль Теучежского района Республики Адыгея археологическим отрядом Национального музея Республики Адыгея в полевой сезон 1995 года // НА ИА РАН. – Р-1, № 19350
202. *Сафронов В.А*. Отчет о раскопках курганов у ст. Роговской Тимашевского района Краснодарского края в 1972 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 5755
203. *Селивантьев О.А.* Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических работ (раскопок) объекта культурного наследия «Курганная группа Колос 2» в г. Краснодаре в 2015 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 46923, 46924
204. *Семенов А.* Отчет о работе Темижбекского отряда Северо-Кавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского Государственного университета в 1979 году. Раскопки курганов в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в Кавказском районе Краснодарского края // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 11279, 11279а
205. *Сергацков И.В.* Отчет об археологических исследованиях Иловлинского отряда археологической экспедиции ВолГУ в Камышинском и Ольховском районах Волгоградской области в 1989 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 14267, 14268
206. *Сергацков И.В.* Отчет о раскопках Иловлинской археологической экспедиции Волгоградского государственного университета в 1992 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 17141, 17141а
207. *Сергацков И.*В. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства ЛЭП 500 кв у с. Перекопка Клетского района Волгоградской области в 2007 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 48893

208. *Синицын И.В.* Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1961 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 2262, 2262а
209. *Синицын И.В.* Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1962–1963 гг. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 2791, 2791а
210. *Синицын И.В.* Отчет об археологических раскопках, произведенных в 1965 году // НА ИА РАН. – Р-1, №3321, 3321а–г
211. *Синицын И.В.* Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1966 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№4223, 4223а,б
212. *Синюк А.Т.* Отчет к Открытому листу № 239 о раскопках курганов в Павловском и Кантермировском районах Воронежской области в 1978 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 7286, 7286а, 7286б
213. *Синюк А.Т.* Отчет к Открытому листу № 491 о раскопках экспедиции Воронежского пединститута поселения у хут. Мостище в Острогожском районе, курганов у с. Власовка в Грибановском районе Воронежской области в 1987 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 12037
214. *Скарбовенко В.А.* Отчет о раскопках курганных могильников в зоне строительства Понуро-Калиниской оросительной системы на землях колхоза «Заря» в Калиниском районе Краснодарского края в 1980 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 8744
215. *Скарбовенко В.А.* Отчет о раскопках курганных могильников Кряж I и Кряж II в Безенчукском районе Самарской области в 1983 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 9588, 9588а
216. *Скворцов Н.Б.* Отчет о раскопках в Николаевском районе Волгоградской области в 1999 г. // Фонды Волгоградского областного краеведческого музея. – №№ 950606, 960114, 960509
217. *Скоробогатов А.М.* Отчет о проведении охранных раскопок курганов в Павловском и Верхнемамонском районах Воронежской области в 2016–2017 году // НА ИА РАН. – б/н
218. *Скоробогатов А.*М. Отчет о проведении охранных раскопок курганов в Павловском и Верхнемамонском районах Воронежской области в 2019 году // НА ИА РАН. – б/н
219. *Скрипкин А.С.* Отчет об археологических разведках и раскопках в зоне строительства Городищенской оросительной системы в 1971 г.// НА ИА РАН. – Р-1, № 4482, 4482а
220. *Скрипкин А.С.* Отчет об археологических раскопках экспедиции Волгоградского педагогического института в 1976 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 6458, 6458а
221. *Скрипкин А.*С. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Большой Волгоградской оросительной системы в Быковском районе Волгоградской области в 1978 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 7349, 7349а

222. *Скрипкин А.С.* Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в Краснодарском крае в 1983 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 9246, 9246а
223. *Смирнов К.Ф.* Отчет о работе Нижне-Волжского отряда Сталинградской археологической экпедиции ИИМК АН СССР в 1954 // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 977, 977а
224. *Смирнов К.Ф.* Отчет о работе Южно-уральской археологической экспедиции в 1967 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 3557
225. *Соков П.В.* Отчет об итогах проведения охранно-спасательных археологических исследований кургана № 1 в составе курганной группы (2 насыпи) в Брюховецком районе и кургана № 1 в составе курганной группы (2 насыпи) в Приморско-Аткарском районе Краснодарского края в 2014 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 46347, 46348
226. *Ступак С.Г.* Отчет о раскопках восьми курганов в могильниках Динской-4 и «Динской-6, попадающих в зону прокладки газопровода «Россия–Турция», (Динской район Краснодарского края) 2000 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 24723, 24724
227. *Сурков А.В.* Отчет о проведении научно-исследовательских раскопок курганов в Песчанокопском районе Ростовской области и Белоглинском, Тихорецком, Новопокровском районах Краснодарского края в 2014 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 46958, 46959
228. *Тарабанов В.А*. Отчет о раскопках курганов в колхозе им. XXII партсъезда Кореновского района Краснодарского края в 1983 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 9878, 9878а
229. *Тихонов Б.Г., Агаев Г.Г., Амирханов Х.А., Державин В.Л., Потапов М.М., Старков В.Ф., Самоторкин Н.Н., Чернецов А.В.* Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции в 1977 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 9398, 9398а
230. *Тихонов В.В.* Отчет на тему: «Об археологических исследованиях курганных могильников у села Широкий Карамыш Лысогорского района Саратовской области в зоне строительства газопровода Починки-Изобильное-Северо-Ставропольское ПХГ в 2003 году» // НА ИА РАН. – Р-1, № 48730–48739
231. *Тищенко И.Б.* Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследований курганов 8, 9 курганной группы «Мдеведовская-1» в Тимашевском районе Краснодарского края (в зоне строительства ВЛ 500кВ) (август 2008 г.) // НА ИА РАН. – Р-1, № 43890
232. *Тищенко И.Б.* Отчет об итогах проведения археологических исследований (раскопок) курганов 4, 2, 5 в составе выявленного объекта археологического наследия «Каблук 1» (4 насыпи) в

Успенском районе Краснодарского края в 2019 году // НА ИА РАН. – б/н.

233. *Ульянова О.А., Сатеев О.И., Гей А.Н.* Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1985 г. // // НА ИА РАН. – Р-1, № 11628

234. *Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.З., Паромов Я.М.* Отчет о раскопках курганов в Черноярском и Енотаевском районах Астраханской области в 1978 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 8538, 8538а,б

235. *Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.З., Смирнов А.С.* Отчет о раскопках курганов в зоне строительства Никольской оросительной системы в 1977 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 6686

236. *Цокур И.В.* Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции на трассе нефтепровода «НПС Комсомольская – Черное море» в 1998 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 21659

237. *Цокур И.В.* Отчет о раскопках курганной группы «Пластуновская - 53» в Динском районе Краснодарского края в 2002 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 26523–26527

238. *Цокур И.В.* Отчет о раскопках курганной группы Украинский-1 в Динском районе Краснодарского края в 2003 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 32343

239. *Цуцкин Е.В.* Отчет о раскопках курганной группы Эвдык I в Приозерном районе Калмыкой АССР в 1982 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 9378, 9378а

240. *Четвериков С.И.* Отчет об археологических раскопках курганного могильника у с. Рыбушка Саратовского района Саратовской области в 1990 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 14900

241. *Шевченко Н.Ф.* Отчет о раскопках курганов у хутора Пролетарского Кореновского района Краснодарского края в 1984 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 10541, 10541а

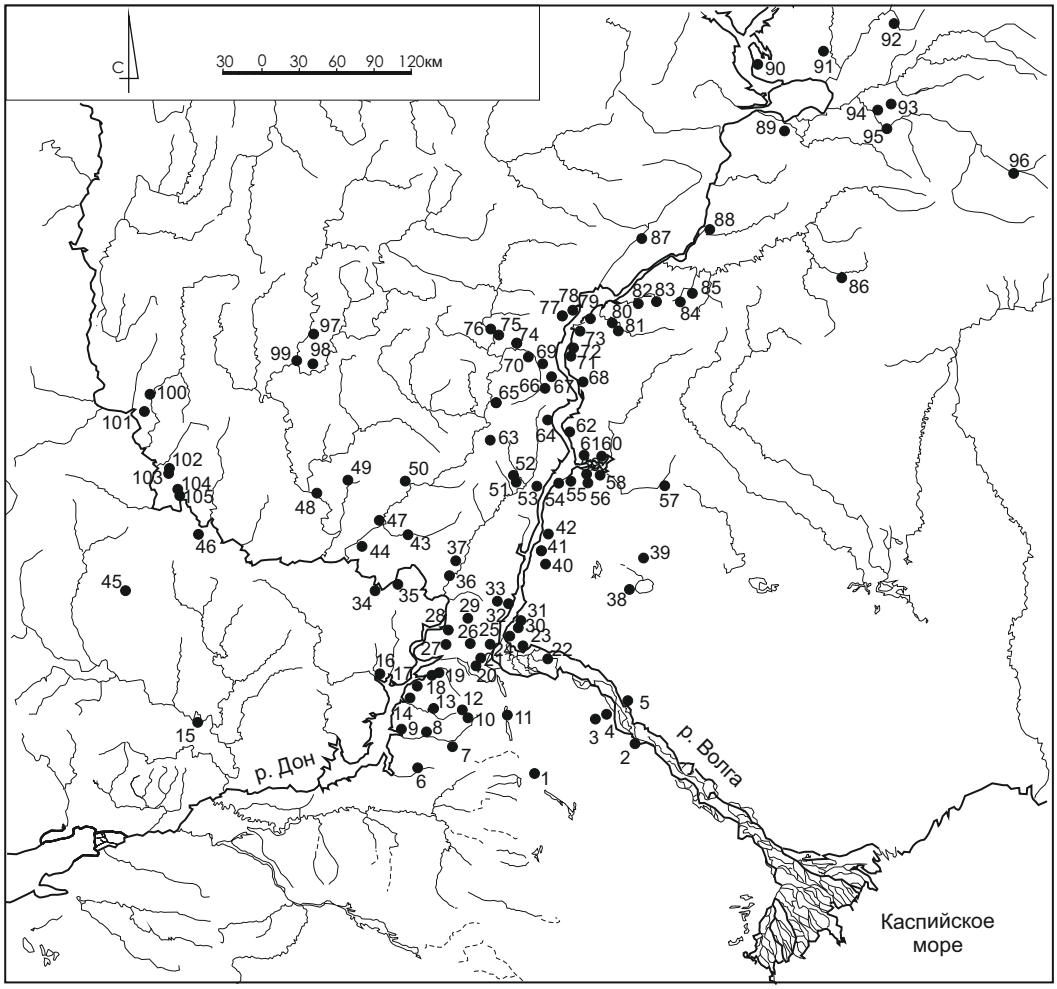
242. *Шевченко Н.Ф.* Отчет о раскопках курганов у х. Пролетарского Краснодарского края в 1986 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 11359

243. *Шилов В.П.* Исследования Волго-Донской археологической экспедиции в 1981 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№10968, 10968а

244. *Шилов В.П.*, 1987. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР и КНИИИФЭ в 1987 году // НА ИА РАН. Р-1, № 12351, 12351а.

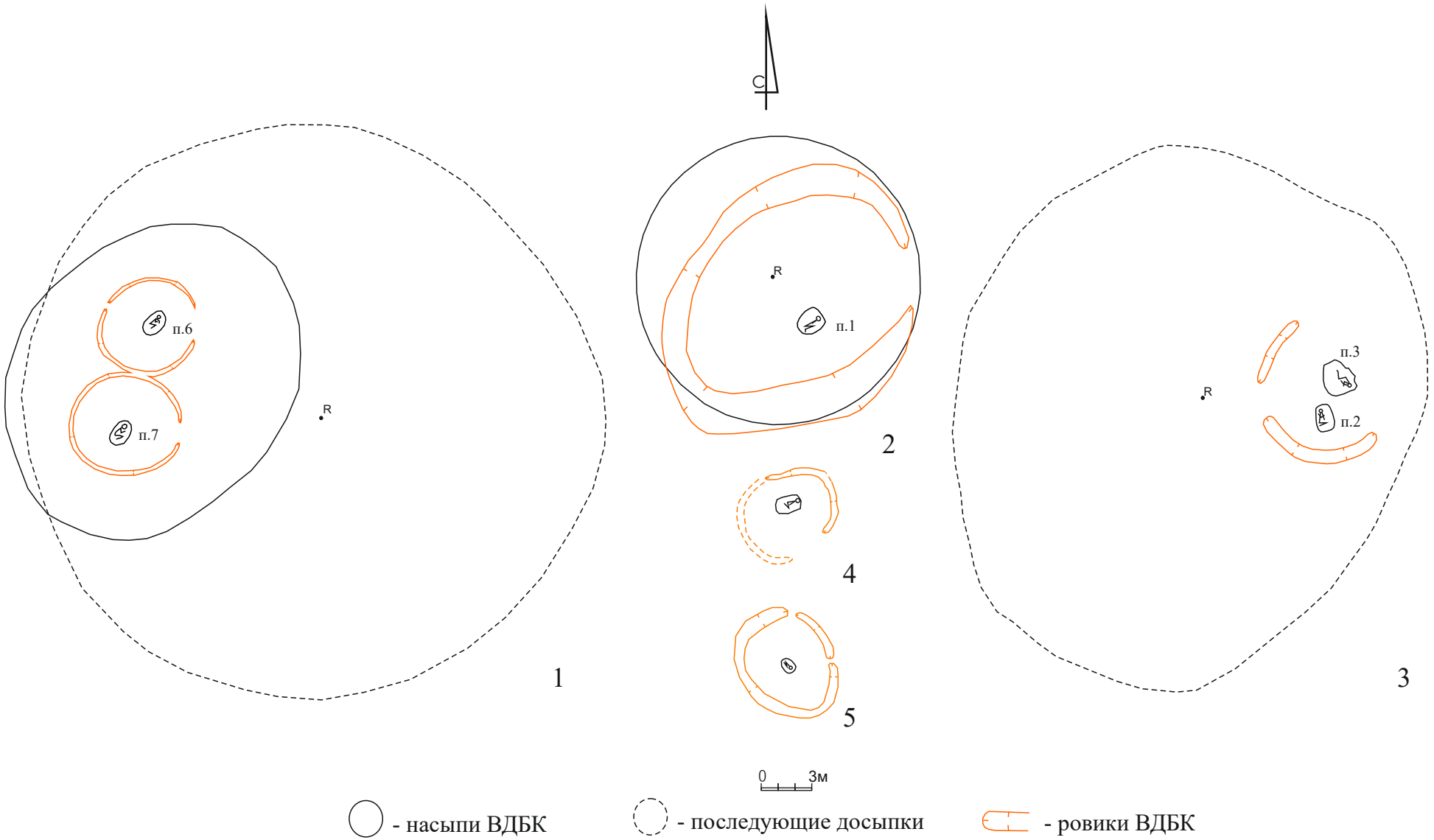
245. *Шилов В.П., Цуцкин Е.В.* Отчет о работе Волго-Донской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и КНИИ ИФЭ в 1983 году (Раскопки курганов №9-19 группы Эвдык I Приозерного района Калмыцкой АССР) // НА ИА РАН. – Р-1, № 1170, 1170а

246. *Шишлина Н.И.* Отчет о работе отряда ГИМ Калмыцкой археологической экспедиции КНИИ ИФЭ в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1987 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №11884, 11884а
247. *Шишлина Н.И.* Отчет об археологических исследованиях в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия в 1999 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 24063–24065
248. *Шишлина Н.И.* Археологические исследования в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкии в 2000 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 22440–22446
249. *Шишлина Н.И.* Археологические исследования в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкии в 2001 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№25279-25282
250. *Шнайдштейн Е.В.* Отчет об археологических раскопках в Астраханской области в 1982 г. // НА ИА РАН. – Р-1 №№ 9109, 9109а
251. *Шнайдштейн Е.В.* Отчет об археологических раскопках в зоне канала Волга-Чограй в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 12901, 12901а
252. *Юдин А.И.* Отчет о выполнении охранных археологических работ на территории объекта культурного наследия «Калмыцкая гора» у с. Бородаевка Марксовского района Саратовской области в 2012 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 41522
253. *Яковлев А.В.* Отчет о раскопках курганного могильника Шарахалсун 3 на территории Апанасенковского района Ставропольского края в 2001 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 27156, 27157
254. *Якубовский Г.Л.* Отчет об археологических исследованиях в Саратовском Поволжье в 1987 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 14447
255. *Яцюк Д.А.* Отчет об итогах проведения охранно-спасательных работ на памятнике археологии курган № 1 «курганной группы из 4 курганов» в Тимашевской районе Краснодарского края в 2011 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 36440
256. *Яцюк Д.А.* Отчет об итогах проведения исследований на памятниках археологии: «Курганная группа № 1708» и выявленном объекте «Поселение Красное 1» в 2013 г. в Крымском районе Краснодарского края // НА ИА РАН. – Р-1, № 41776
257. *Яцюк Д.А.* Отчет об итогах проведения археологических полевых работ на памятниках археологии курганных могильников №№ 4960, 4960Б, 4962 т кургана № 4961 в Темрюкском районе Краснодарского края в 2014 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 52310–52314

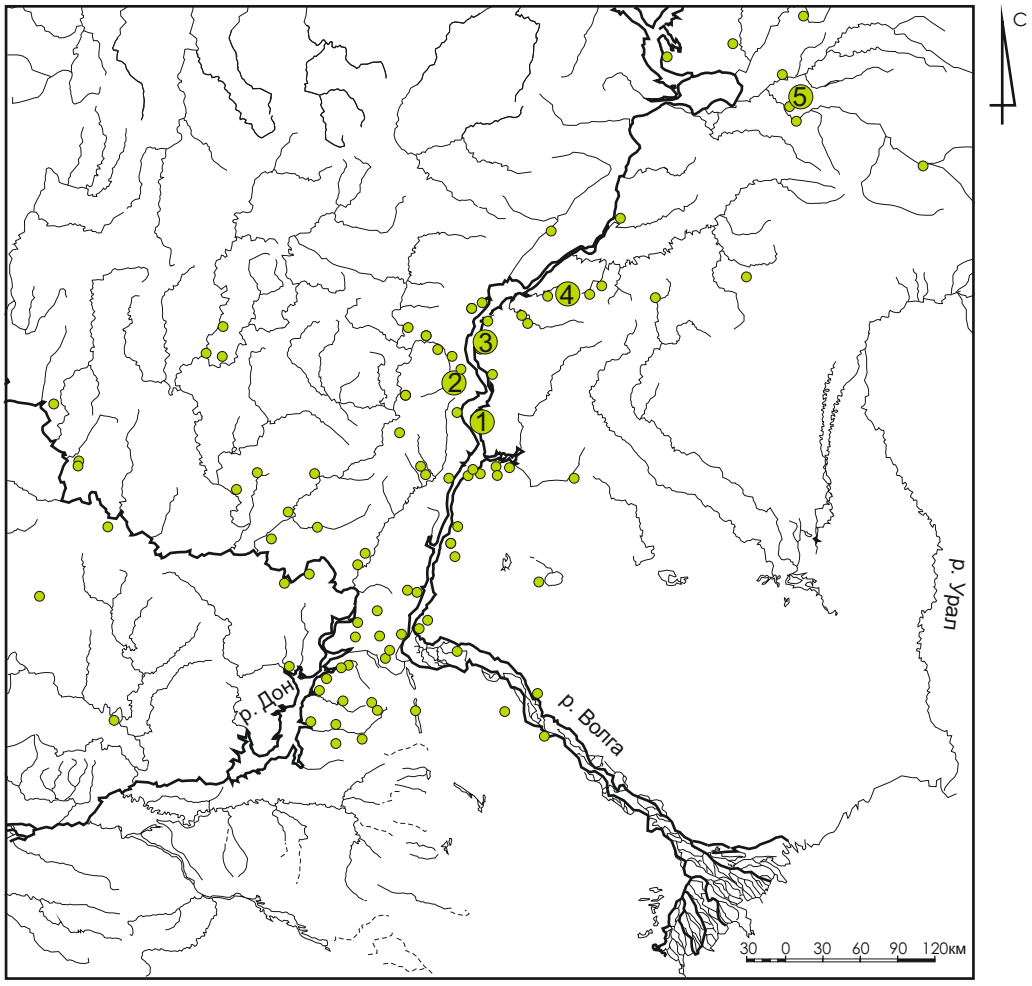

Илл. 1. ВДБК. Территория

1 - Заханата 5/2,11,15,17, 9/7; 2 - Никольское I 1/5,9, III 1/8, IV 1/2; 3 - Кривая Лука II 1/5, X 1/9, XI 4/1,2,5, XII 1/7,15, XIV 15/10, XV 2/12, 3/5, XXI 2/4, XXIII 1/8, 3/3, XXXIII 4/2, XXXIV 2/2, 5/4,7; 4 - Барановка 2/4; 5 - Степная IV 3/1; 6 - Гремячий II 1/3; 7 - Аксай I 15/17; 8 - Антонов 3/4; 9 - Ромашкин II од.кург./11; 10 - Абганерово III 12/9; 11 - Цаца 1/4; 12 - Жутово I 80/2; 13 - Громославка II 2/8; 14 - Первомайский I 8/5, VII 33/2, 42/6; 15 - Репный I 7/5,13, 17; 16 - Чир II 2/1; 17 - Верхнерубежный I 3/4; 18 - Вербовский I 13/1, III 3/6; 19 - Тихоновка од.кург./4; 20 - Орошаемый 1 4/3; 21 - Ворошиловский участок 1/3,4; 22 - Царев 66/1; 23 - х. Степана Разина 1/14; 24 - Волжский 2/11,16; 25 - Химкомбинат Б 4/8; 26 - Красный Пахарь 3/2; 27 - Дмитриевка 9/5; 28 - Вертячий 7/7,15,24,25; 29 - Котлубань I 7/2,3, 9/3, II 4/2; 30 - Калиновский 6/1,3, 8/15, 54/2; 31 - Верхнее Погромное I 3/8; 32 - Пичуга 1/2; 33 - Усть-Погожье 1/2; 34 - Евстратовский II 2/3, 4/3; 35 - Перекопка од.кург./4,6; 36 - Кондраши 2/4; 37 - Писаревка II 10/2; 38 - Красная Деревня 8/4,5, 15/5; 39 - Вишневка од.кург./5; 40 - Ямки 1/4, 3/8; 41 - Верхний Балыклей 1/1, 2/2, 4/1,3,4, 6/4,5,6; 42 - Быково I 3/4, 4/3, 4/11, 6/2,3, 22/2, II 5/9; 43 - Ветютнев 9/6; 44 - Зимняцкий 1/2; 45 - Лимаревка 1/13,20; 46 - Высокая Гора 5/1; 47 - Подгорный 6/19; 48 - Красновский I 8/2; 49 - Короли 4/3; 50 - Сидоры 26/1; 51 - Петрунино II 1/8, 5/2,5; 52 - Авиловский 20/6; 53 - 167.0 у г. Петров Вал 1/2; 54 - Рыбный 3/16; 55 - Политодельское 3/5, 4/27; 56 - Новая Молчановка 1/7; 57 - Кумыска II 1/2; 58 - Западные могилы 20/4,5; 59 - Бережновка I 3/8,11, 4/3, 5/8,21, 8/4, 5, II 3/5, 9/14, 14/14, 87/3; 60 - Белявская 1 2/1; 61 - Потемкино 3/3; 62 - Белокаменка 3/8; 63 - Бурлук I 1/2; 64 - Белогорское I ск.1/1,4,7,14,15,28; 65 - Линево 6/6, 8/2; 66 - Суворовский од.кург/1; 67 - Красноармейское 1/6,7; 68 - Скатовка 6/1, 18/1, 21/7; 69 - Паницкое 6 4/3; 70 - Рыбушка 15/2; 71 - Узморье 1/6, 2/7; 72 - Смеловка 2/1,3, 3/2, гр. мог. п.111,112; 73 - Сусловский 9/1; 74 - Большая Дмитриевка II 1/6; 75 - Широкий Карамыш 2 3/1, 4/10; 76 - Симоновка 1/1,2; 77 - Жареный бугор 3/1; 78 - Усть-Курдюм 1 6/1; 79 - Покровск 36/1, 37/2, E 3/4; Покровский курган п. 1; 80 - Крутояровка 11/3, 19/2; 81 - Советское 1 2/14,15, од.кург./6; 82 - Рунталь 1/1; 83 - Калмыцкая Гора F 6/7, 8/2, Калмыцкая Гора-1982 2/10, Калмыцкая Гора-2012 п. 6, Бородаевка 2/2,3; 84 - Чапаевка 6/1; 85 - Караман 1/3, 2/1; 86 - Светлое Озеро 6/3, 10/2; 87 - Дмитриевка 1/1, 2/1; 88 - Калач р.2 п.1; 89 - Кряж I 1/1, 5/1; 90 - Ягодное I 3/1; 91 - Николаевка 3 2/1, 3/3,4, 4/1, 5/1; 92 - Калиновский I 1/4; 93 - Грачевка II 1/1, 10/1; 94 - Красносамарский IV 3/10; 95 - Утевка V 4/1; 96 - Скворцовка 5/3; 97 - Власовский I 7/1, 14/1, 19/1; 98 - Губари 4/1,2; 99 - Чурилово 1 3/3; 100 - Николо-Варваринка 4/8, 5/5; 101 - Липовка 1 5/3; 102 - Павловск II ск.2/38; 103 - Павловский 41/3; 104 - Лозовое 1 2/1; 105 - Осетровка 2 2/5; 106 - Нижняя Дуванка 1/3

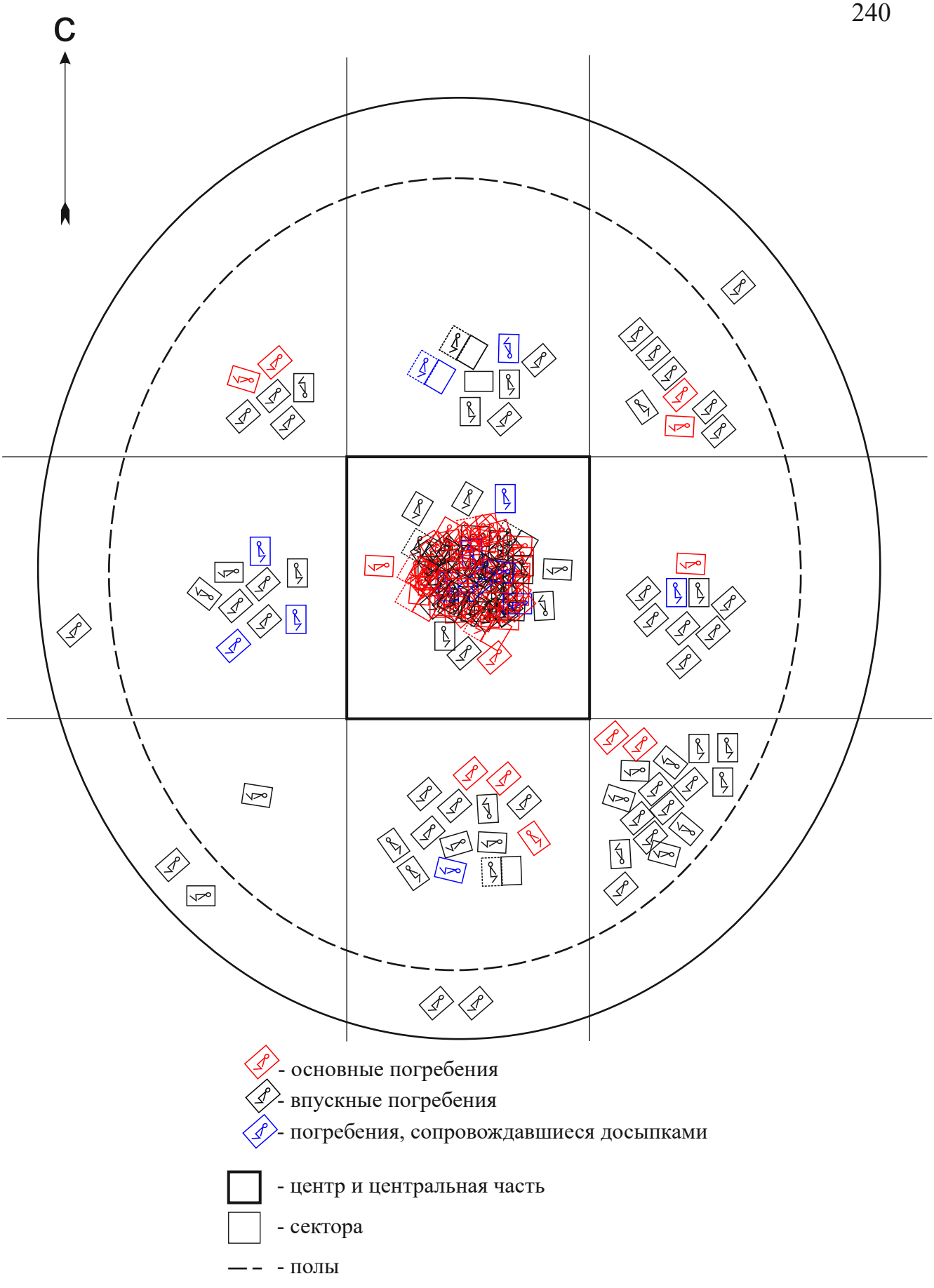
Илл. 2. ВДБК. Памятники с ровиками
1 - Красноармейское к. 1; 2 - Грачевка II 10/1; 3 - Бородаевка к. 2; 4 - Смеловка гр.мог. п.111; 5 - Смеловка гр.мог. п.112

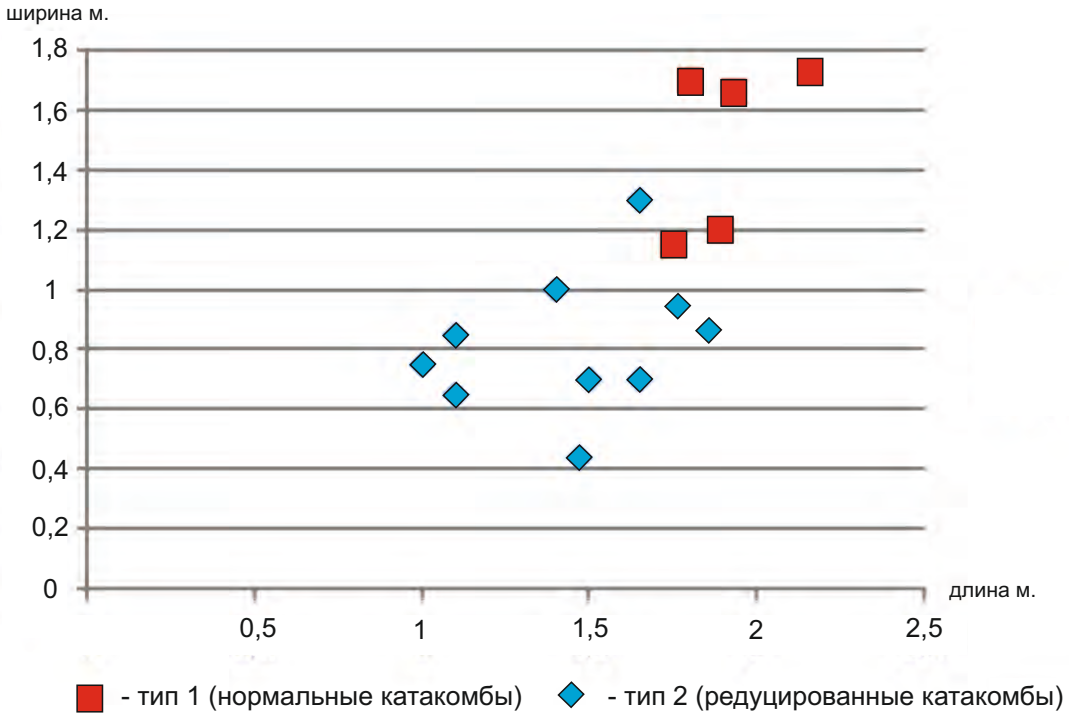
- погребения ВДБК
- насыпи с подкурганными и бескурганными ровиками

Илл. 3. ВДБК. Памятники с ровиками

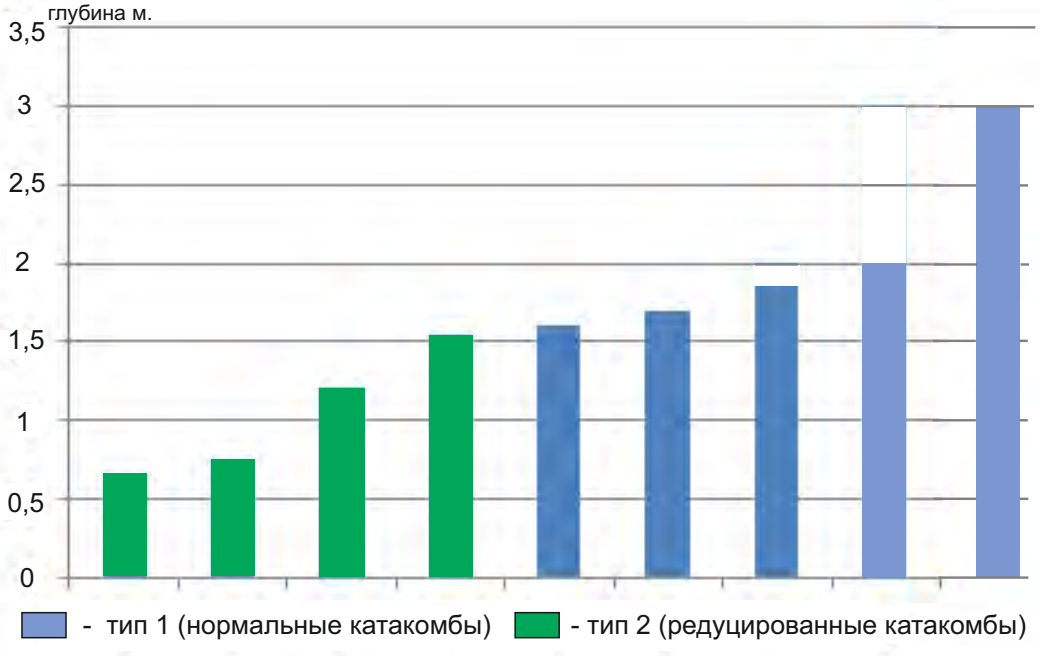
1 - Белокаменка к. 3; 2 - Красноармейское к.1; 3 - Смеловка гр.мог. п.111,112; 4 - Бородаевка к. 2; 5 - Грачевка II 10/1

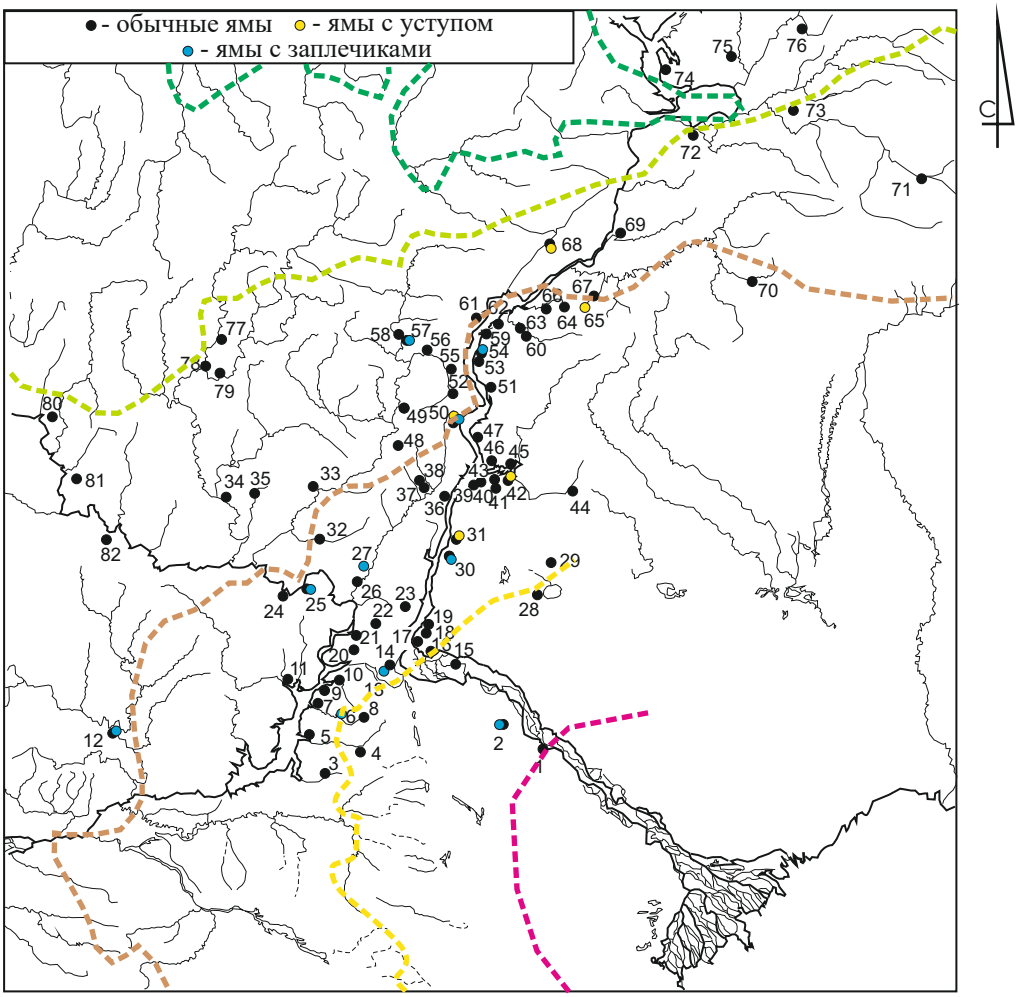
Илл. 4. ВДБК. Схема расположения погребений по основным секторам кургана

Илл. 5. ВДБК. Соотношение длины и ширины могил с подбойной конструкцией

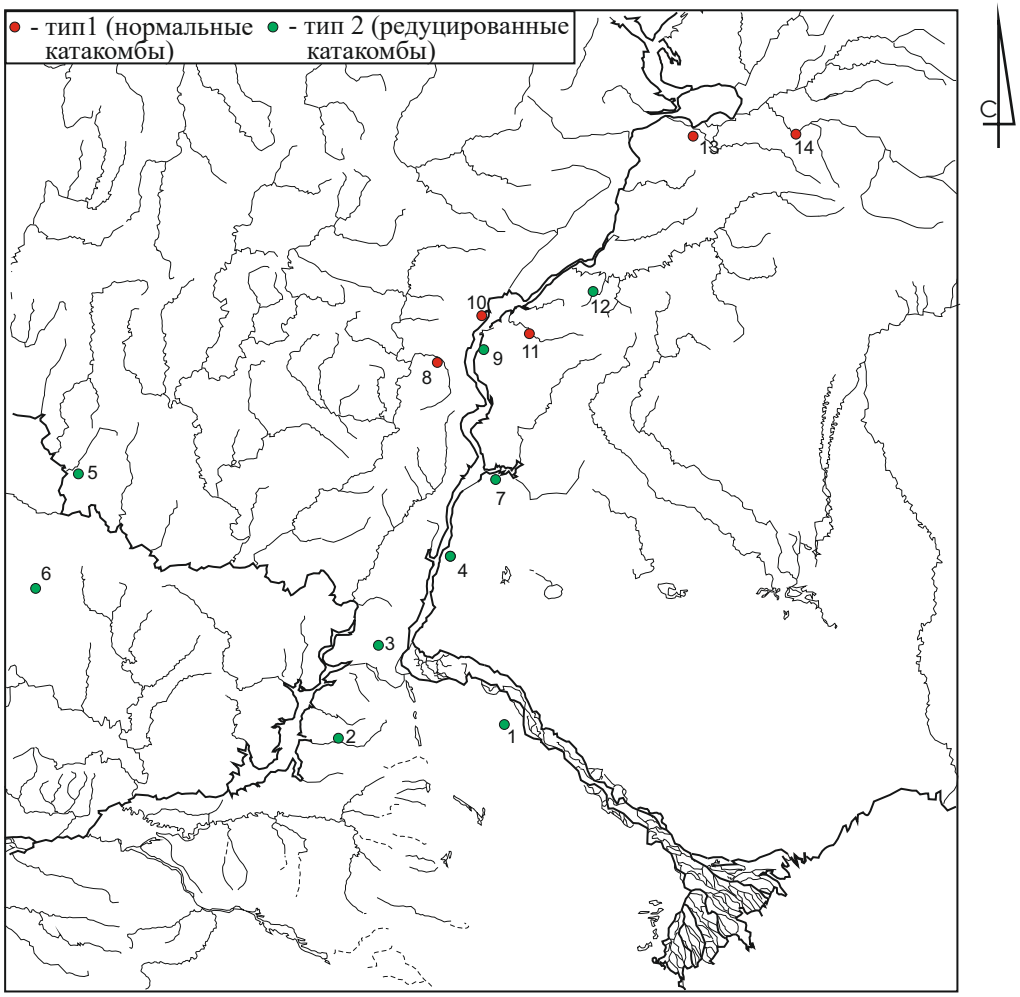

Илл. 6. ВДБК. Глубины могил с подбойной конструкцией

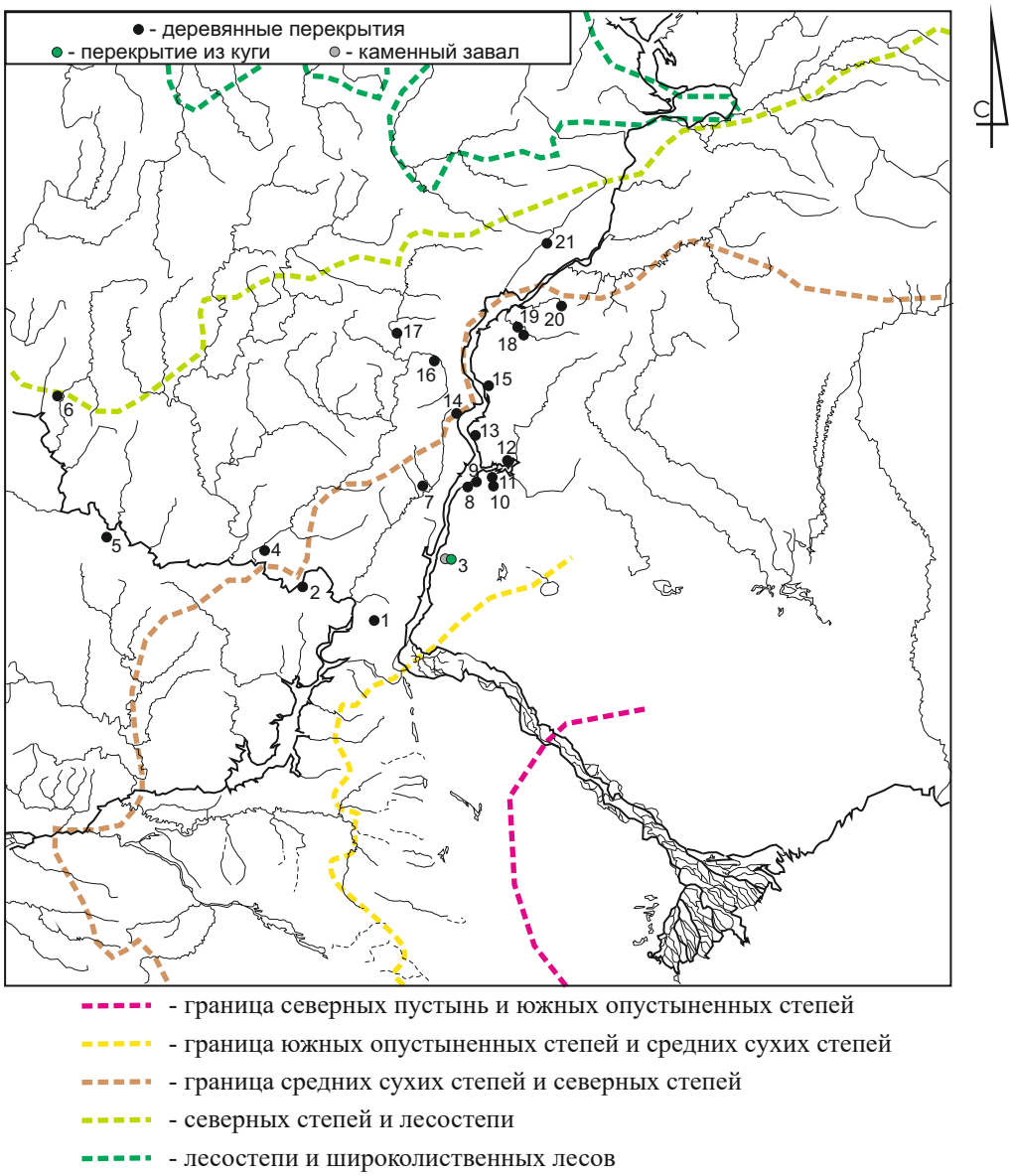
Илл. 7. ВДБК. Распространение погребений с могильными конструкциями группы А

1 - Никольское I 1/5,9, IV 1/2; 2 - Кривая Лука XI 4/2,5, XII 1/7,15, XIV 15/10, XV 2/12, 3/5, XXI 2/4, XXIII 1/8, 3/3, XXXIII 4/2, XXXIV 2/2, 5/4; 3 - Гремячий 1/3; 4 - Аксай I 15/17; 5 - Ромашкин од.кург/11; 6 - Громославка II 2/8; 7 - Первомайский I 8/5, VII 33/2, 42/6; 8 - Жутово I 80/2; 9 - Верхнерубежный I 3/4; 10 - Вербовский I 13/1, III 3/6; 11 - Чир II 2/1; 12 - Репный I 7/5,13,17; 13 - Орошаемый 4/3; 14 - Ворошиловский участок 1/3,4; 15 - Царев 66/1; 16 - хутор Степана Разина 1/14; 17 - Волжский 2/11; 18 - Калиновский 6/1,3, 54/2; 19 - Верхнее Погромное 3/8; 20 - Дмитриевка 1/1, 2/1, 9/5; 21 - Вертячий 7/7,15,24,25; 22 - Котлубань I 7/2,3, 9/3, II 4/2; 23 - Усть-Погожье 1/2; 24 - Евстратовский II 2/3; 25 - Перекопка од.кург/4,6; 26 - Кондраши 2/4; 27 - Писаревка II 10/2; 28 - Красная Деревня 8/4,5, 15/5; 29 - Вишневка од.кург/5; 30 - Верхний Балыклей 1/1, 2/2, 4/1,4, 6/6; 31 - Быково I 4/11, 6/2,3, 22/2 II 5/9; 32 - Ветютнев 9/6; 33 - Сидоры 26/1; 34 - Красновский I 8/2; 35 - Короли 4/3; 36 - Петров Вал 1/2; 37 - Петрунино II 1/8, 5/2,5; 38 - Авиловский 20/6; 39 - Политодельское 3/5, 4/27; 40 - Рыбный 3/16; 41 - Новая Молчановка 1/7; 42 - Западные могилы 20/4,5; 43 - Бережновка I 3/8,11, 5/21, 8/5, II 3/5, 87/3; 44 - Кумыска II 1/2; 45 - Белявская 2/1; 46 - Потемкино 3/3; 47 - Белокаменка 3/8; 48 - Бурлук I 1/2; 49 - Линево 6/6, 8/2; 50 - Белогорское I ск.1/1,7,14,15,28; 51 - Скатовка 6/1, 18/1, 21/7; 52 - Красноармейское 1/6,7; 53 - Узморье 1/6, 2/7; 54 - Смеловка 2/1,3, гр.мог. п. 111; 55 - Паницкое 6 4/3; 56 - Большая Дмитриевка 1/6; 57 - Широкий Карамыш 2 3/1, 4/10; 58 - Симоновка 1/1,2; 59 - Сусловский 9/1; 60 - Советское 1 2/14; 61 - Жареный Бугор 3/1; 62 - Покровск 36/1, 37/2, E 3/4, Покровский курган п.1; 63 - Крутояровка 11/3, 19/2; 64 - Бородаевка 2/2,3, Калмыцкая Гора 2/10, 8/2, F 6/7, Калмыцкая Гора 2012 п. 6; 65 - Чапаевка 6/1; 66 - Рунталь 1/1; 67 - Караман 2/1; 68 - Дмитриевка 1/1, 2/1, 9/5; 69 - Калач р.2 п.1; 70 - Светлое Озеро 6/3, 10/2; 71 - Скворцовка 5/3; 72 - Кряж I 5/1; 73 - Грачевка I 10/1; 74 - Ягодное I 3/1; 75 - Николаевка 3 2/1, 3/3,4, 4/1, 5/1; 76 - Калиновский I 1/4; 77 - Власовский I 7/1, 14/1, 19/1; 78 - Чурилово 1 3/3; 79 - Губари 4/1,2; 80 - Липовка 1 5/3; 81 - Павловский 41/3; 82 - Высокая Гора 5/1

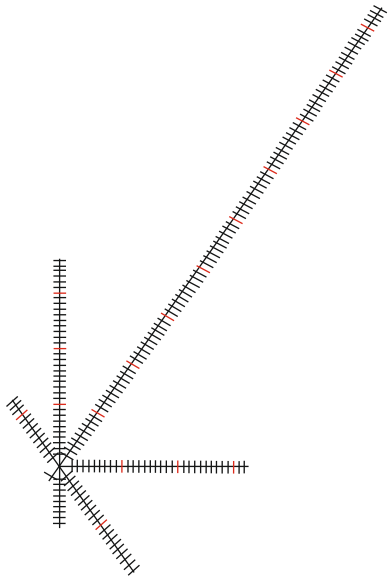
Илл. 8. ВДБК. Распространение погребений
с могильными конструкциями группы Б

1 - Кривая Лука XXXIV 5/7; 2 - Антонов 3/4; 3 - Красный Пахарь 3/2; 4 - Верхний Балыклей 4/3; 5 - Павловск II ск.2/38; 6 - Лимаревка 1/13,20; 7 - Бережновка I 4/3; 8 - Рыбушка 15/2; 9 - Смеловка 3/2; 10 - Усть-Курдюм 6/1; 11 - Советское 1 од.кург./6; 12 - Караман 1/3; 13 - Кряж I 1/1; 14 - Утевка V 4/1

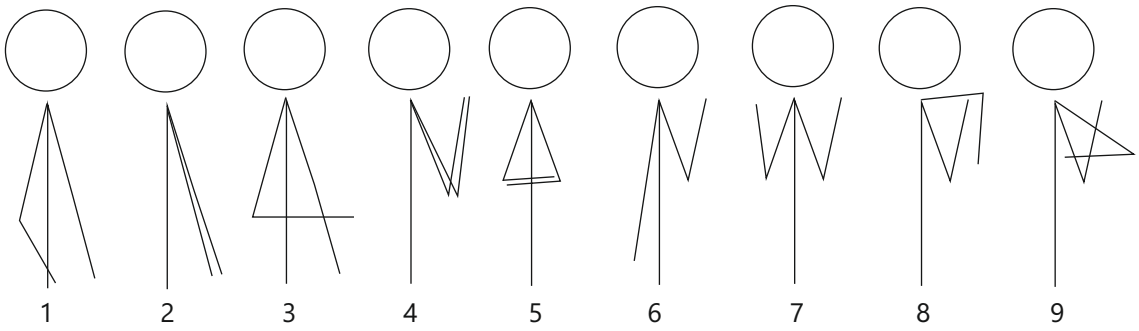

Илл. 9. ВДБК. Распространение погребений с деревянными конструкциями

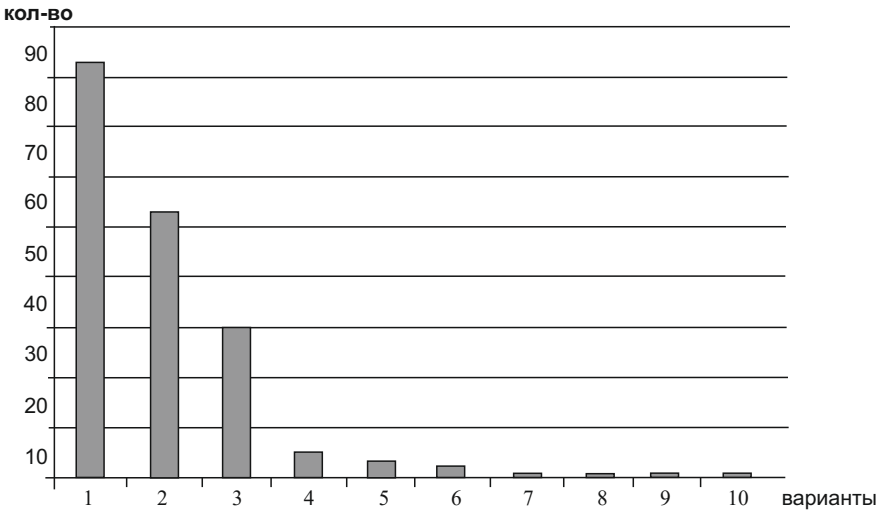
1 - Котлубань II 4/2; 2 - Перекопка од.кург./6; 3 - Верхний Балыклей 2/2, 4/4; 4 - Зимняцкий 1/2; 5 - Высокая Гора 5/1; 6 - Николо-Варваринка 4/8; 7 - Петрунино II 5/2; 8 - Рыбный 3/16; 9 - Политодельское 3/5; 10 - Новая Молчановка 1/7; 11 - Бережновка I 3/8; 12 - Белявская 1 2/1; 13 - Белокаменка 3/8; 14 - Белогорское I ск.1/14; 15 - Скатовка 21/7; 16 - Рыбушка 15/2; 17 - Симоновка 1/2; 18 - Советское 1 2/15, од.кург./6; 19 - Крутояровка 11/3; 20 - Бородаевка 2/3, Калмыцкая Гора F 8/2; 21 - Дмитриевка 2/1

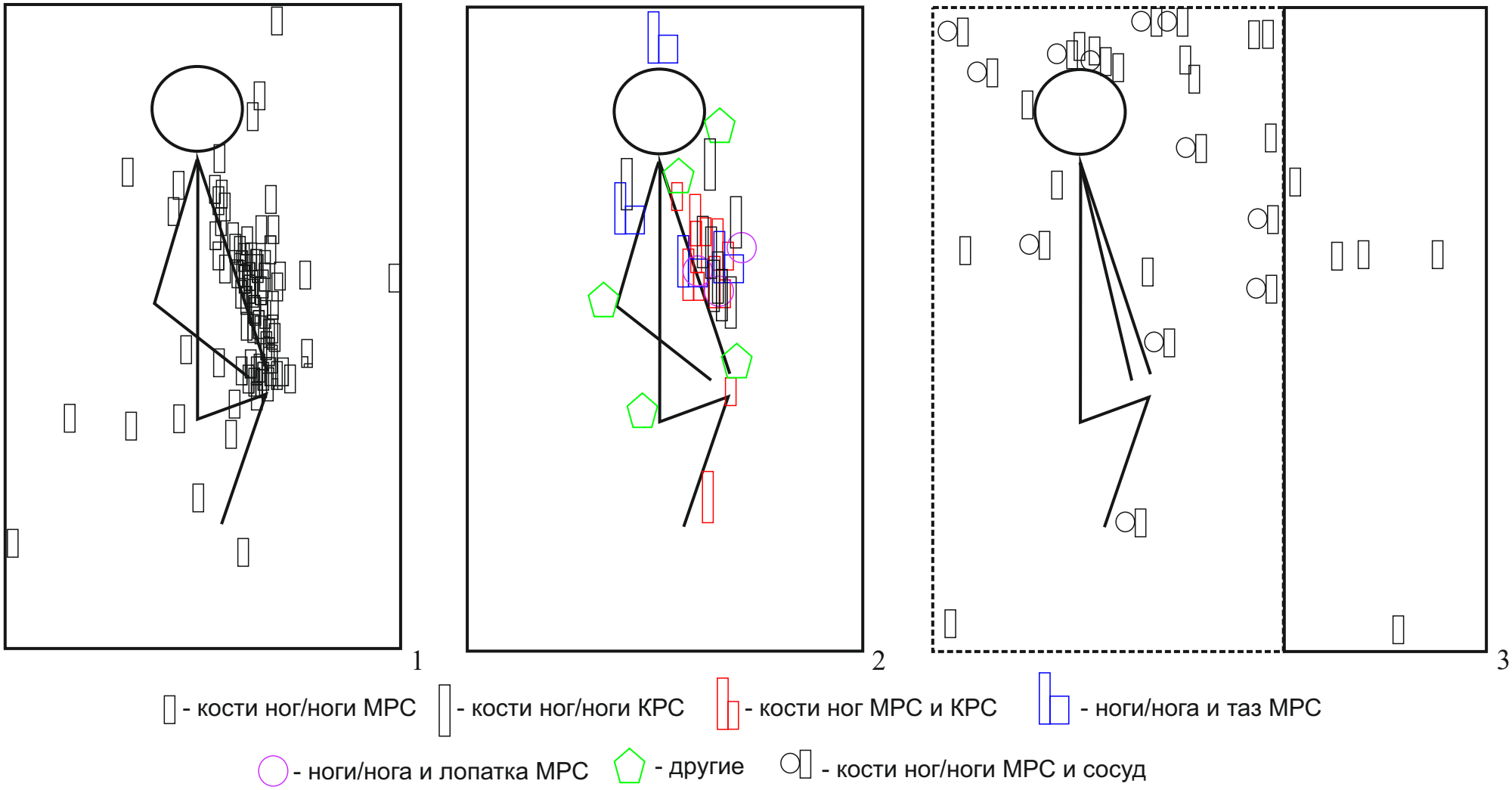
Илл. 10. ВДБК. Ориентировки скелетов

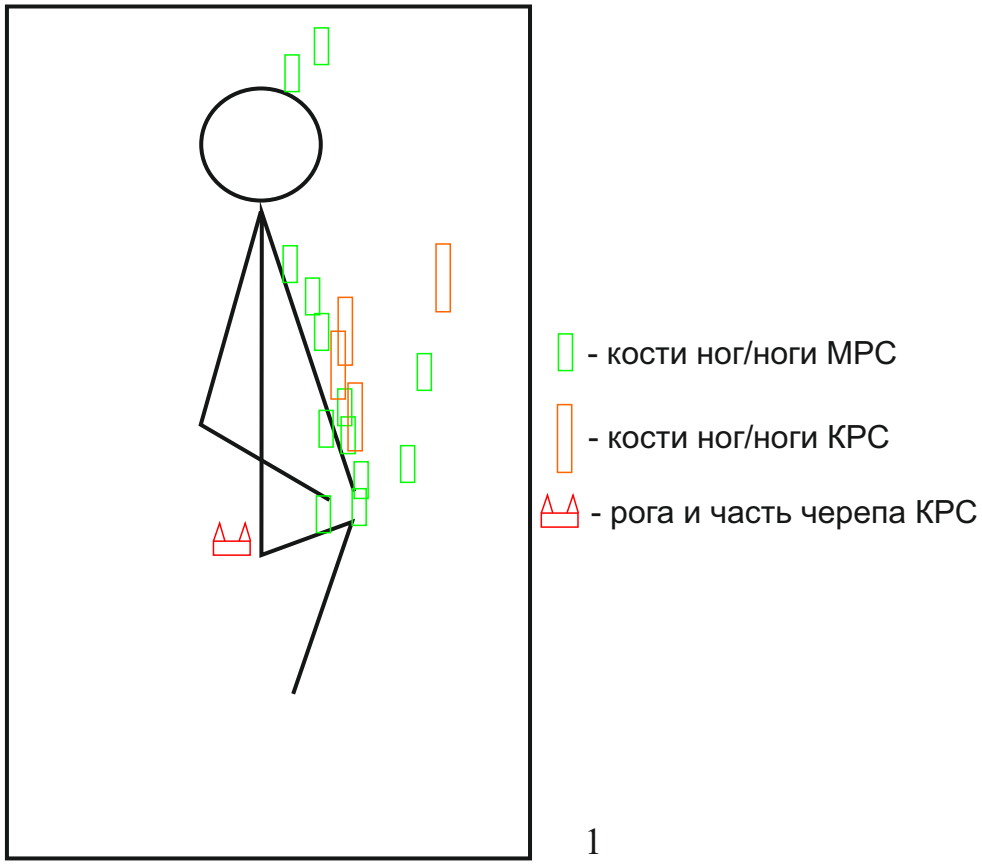
Илл. 11. ВДБК. Варианты положения рук

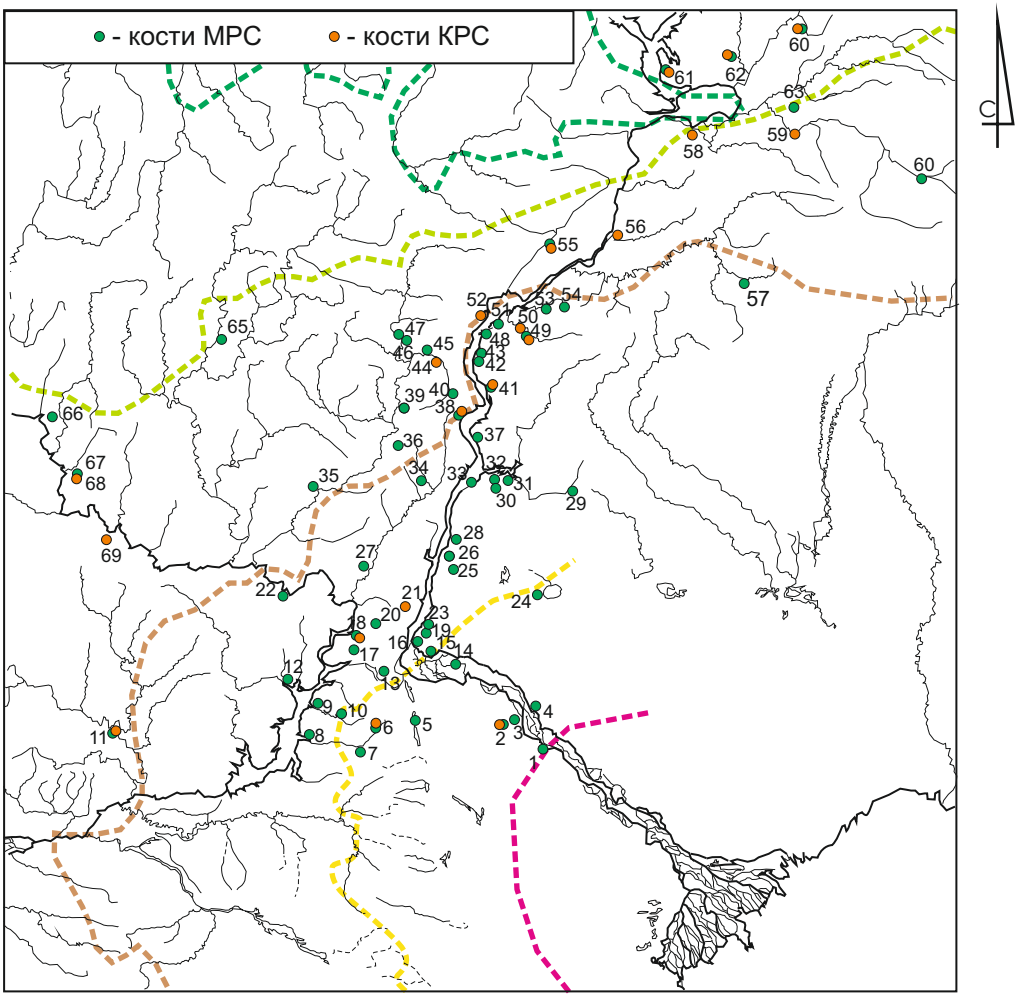
Илл. 12. ВДБК. Количественное соотношение комплексов с различными вариантами положения рук

Илл. 13. ВДБК. Аккумулятивная схема размещения костей животных в комплексах ВДБК и ВДКК.
1, 2 - погребения ВДБК, 3 - погребения ВДКК

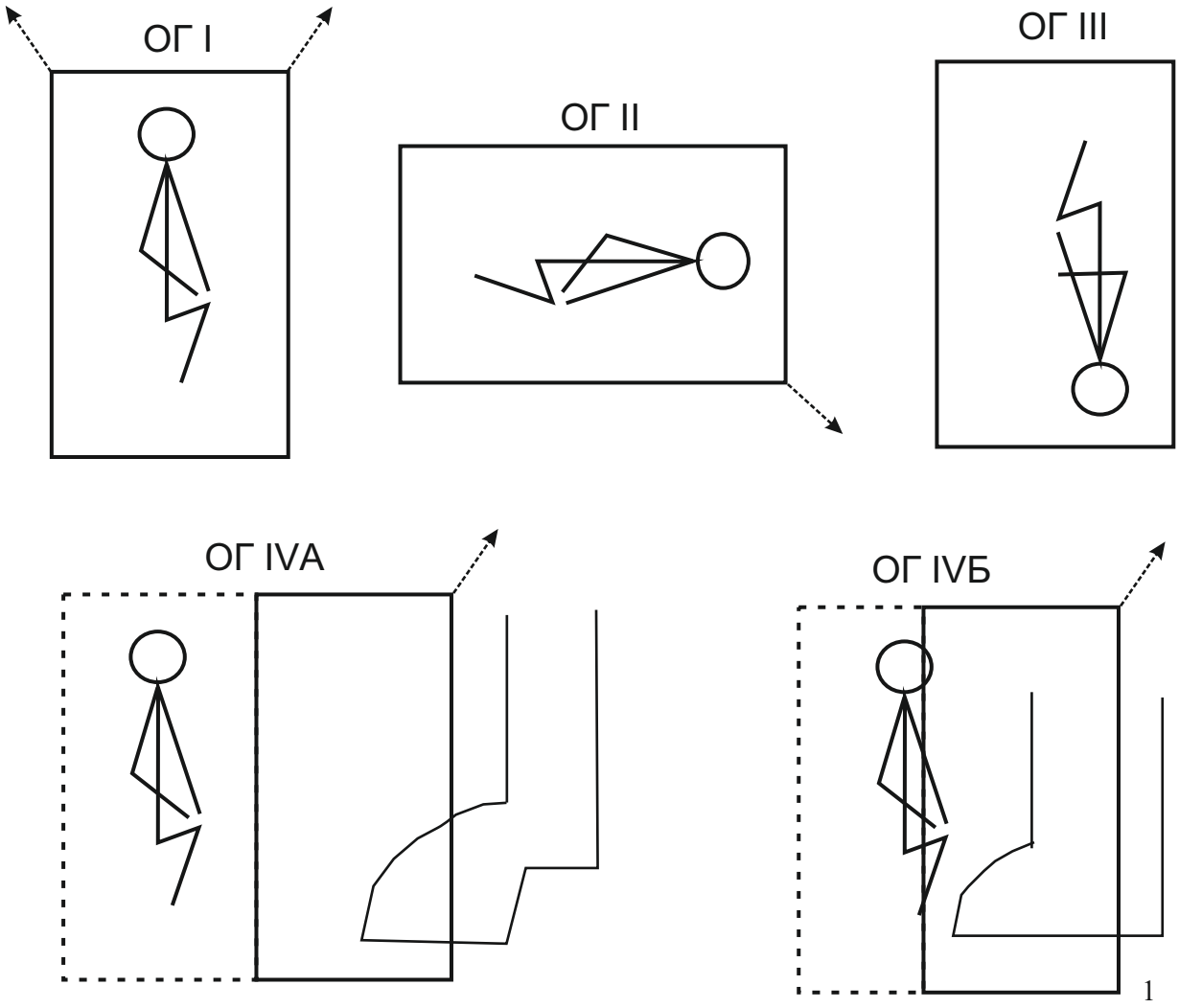

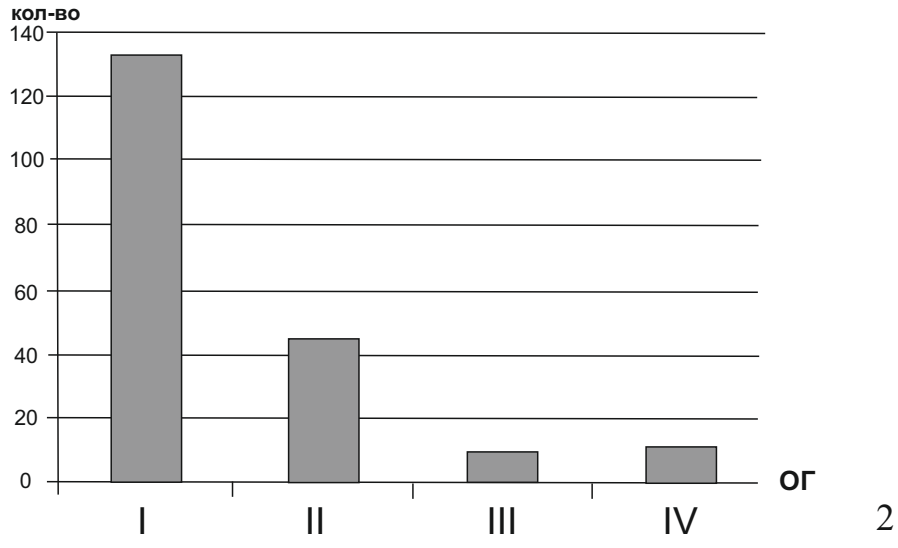
Илл. 14. ВДБК. Аккумулятивные схемы размещения КЖ в погребениях по этапам
1 - первый этап; 2 - второй этап

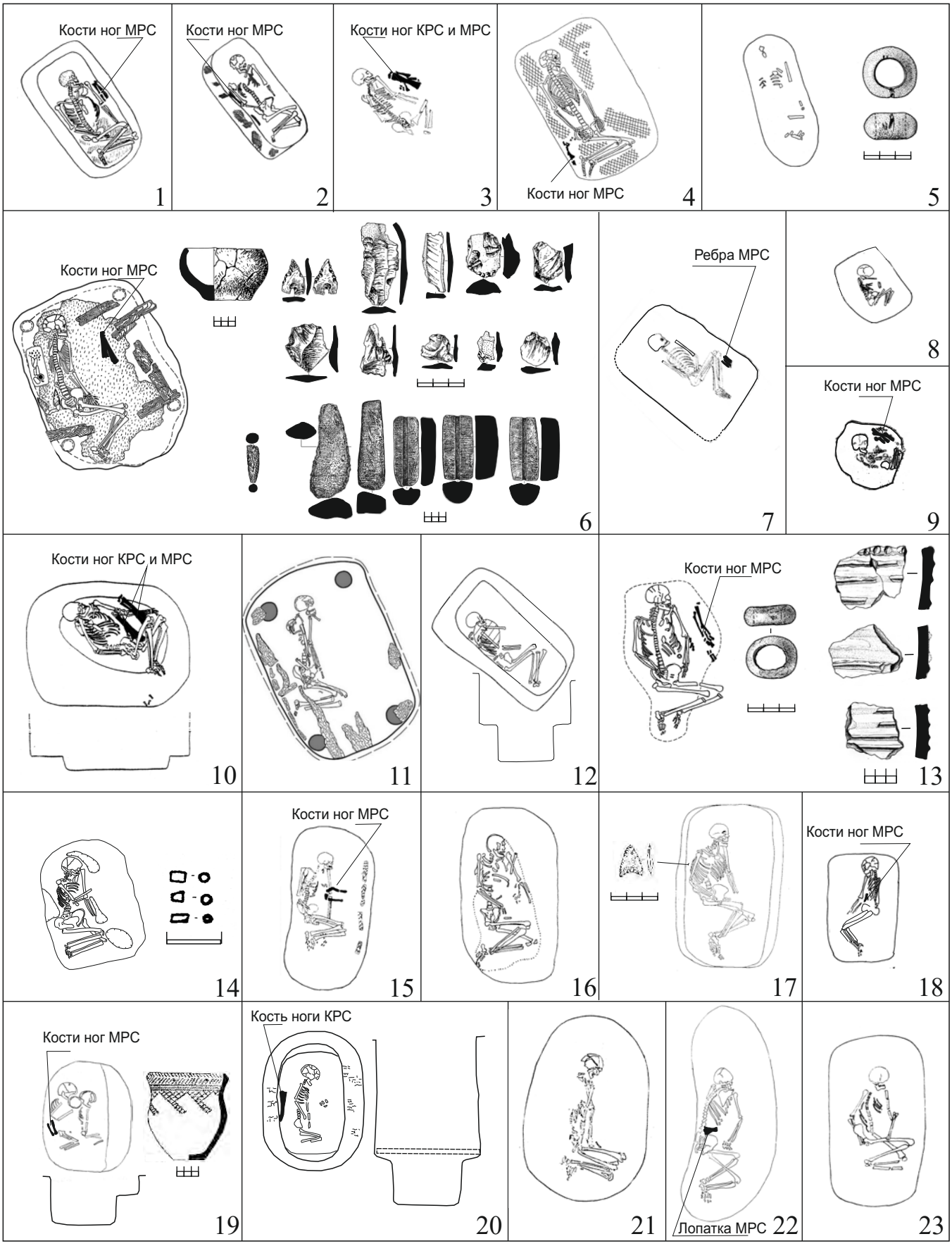
Илл. 15. ВДБК. Распространение погребений с КЖ

1 - Никольское I 1/5,9; 2 - Кривая Лука X 1/9, XI 4/5, XIV 15/10, XV 2/12, XXI 2/4, XXIII 1/8, 3/3, XXXIII 4/2, XXXIV 2/2, 5/4,7; 3 - Барановка 2/4; 4 - Степная IV 3/1; 5 - Цаца 1/4; 6 - Абганерово III 12/9; 7 - Аксай I 15/17; 8 - Ромашкин II 1/11; 9 - Первомайский I 8/5; 10 - Громославка II 2/8; 11 - Репный I 7/13,17; 12 - Чир II 2/1; 13 - Орошаемый 1 4/3; 14 - Царев 66/1; 15 - х. Степана Разина 1/14; 16 - Волжский 2/11,16; 17 - Дмитриевка 9/5; 18 - Вертячий 7/7,15,24,25; 19 - Калиновский 6/1, 8/15, 54/2; 20 - Котлубань I 7/2, II 4/2; 21 - Усть-Погожье 1/2; 22 - Евстратовский II 4/3; 23 - Верхнее Погромное 3/8; 24 - Красная деревня 8/4, 15/5; 25 - Ямки 1/4, 3/8; 26 - Верхний Балыклей 4/3,4, 6/6; 27 - Писаревка II 10/2; 28 - Быково I 4/3,11, 6/2, 22/2, II 5/9; 29 - Кумыска II 1/2; 30 - Новая Молчановка 1/7; 31 - Западные могилы 20/5; 32 - Бережновка I 4/3, 5/8,21, 8/5, II 3/5, 9/14, 14/14, 87/3; 33 - Политодельское 3/5, 4/27; 34 - Авиловский 20/6; 35 - Сидоры 26/1; 36 - Бурлук I 1/2; 37 - Белокаменка 3/8; 38 - Белогорское I ск.1/1,7,14,15; 39 - Линево 6/6, 8/2; 40 - Красноармейское 1/6,7; 41 - Скатовка 6/1, 18/1, 27/1; 42 - Узморье 1/6; 43 - Смеловка 2/1, гр. мог. п.111; 44 - Рыбушка 15/2; 45 - Большая Дмитриевка II 1/6; 46 - Широкий Карамыш 4/10; 47 - Симоновка 1/1; 48 - Сусловский 9/1; 49 - Советское 1 2/15, один. курган/6; 50 - Крутояровка 11/3; 51 - Покровск 36/1, Покровский курган п. 1; 52 - Усть-Курдюм 6/1; 53 - Рунталь 1/1; 54 - Калмыцкая Гора F 6/7, 1982 2/10, Бородаевка 2/3; 55 - Дмитриевка 1/1, 2/1; 56 - Калач гр.мог. р.2 п.1; 57 - Светлое Озеро 6/3; 58 - Кряж I 1/1; 59 - Утевка V 4/1; 60 - Скворцовка 5/3 скелет 1; 61 - Ягодное I 3/1; 62 - Николаевка 3 2/1, 3/3, 4/1; 63 - Грачевка I 1/1, II 10/1; 64 - Калиновский I 1/4; 65 - Власовский I 7/1, 14/1; 66 - Липовка 1 5/1; 67 - Павловск II ск. 2/38; 68 - Павловский 41/3; 69 - Высокая Гора 5/1

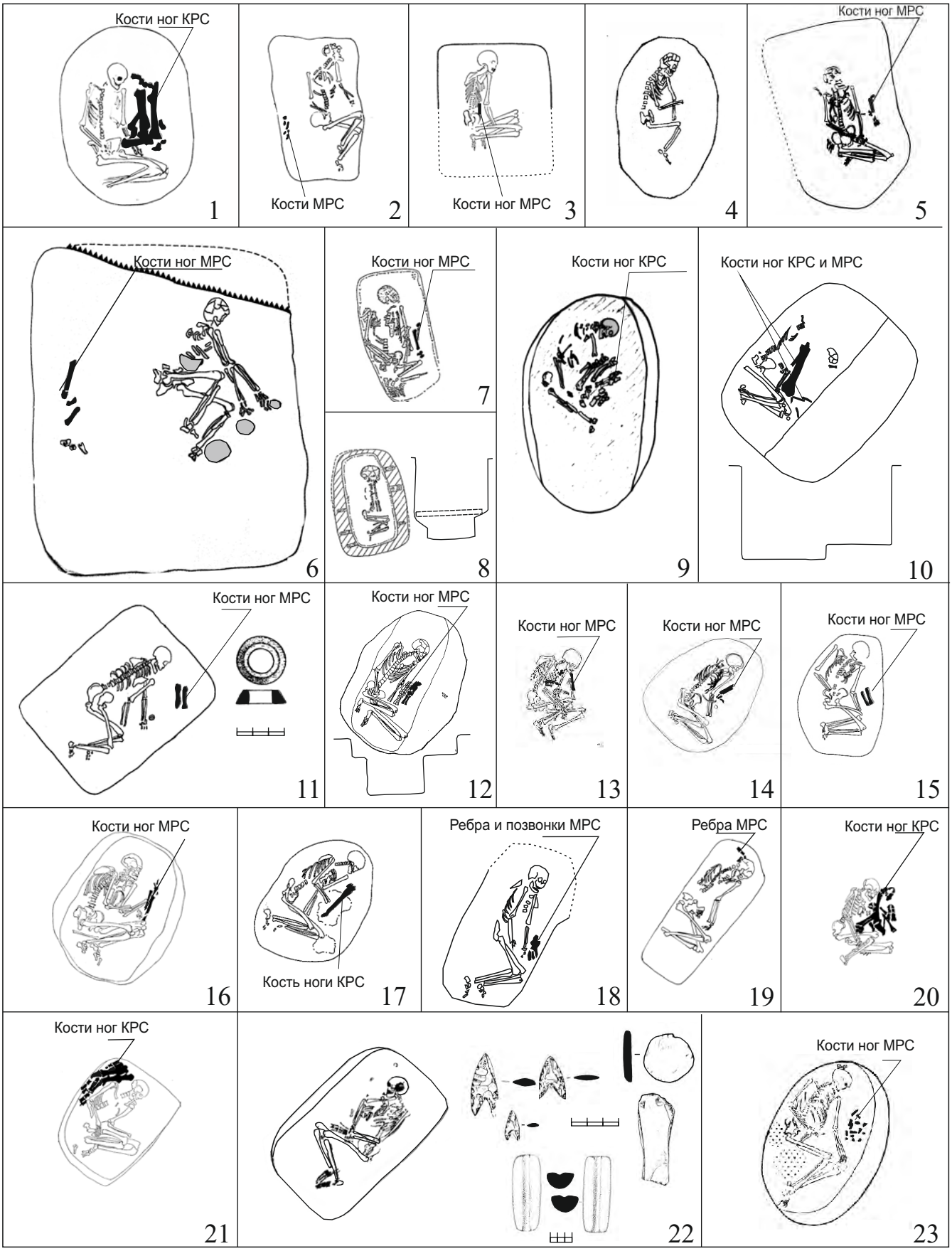
Илл. 16. ВДБК. Обрядовые группы (ОГ)
1 - ОГ; 2 - количественное соотношение ОГ

0 50см - масштаб для планов погребений

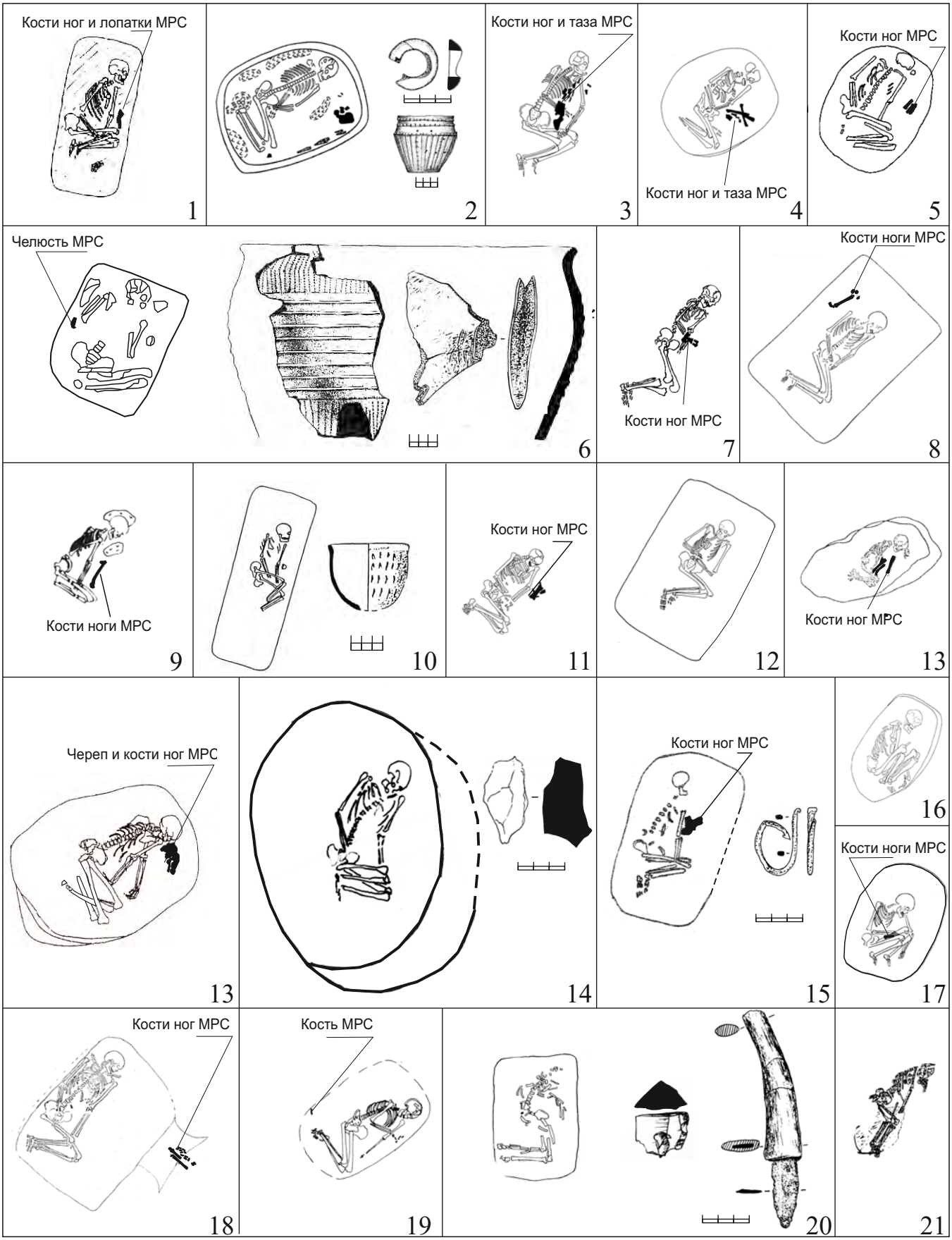
Илл. 17. ВДБК. Погребения ОГ I

1 - Ромашкин II од.кург./11; 2 - Орошаемый I 4/3; 3 - Абганерово III 12/9; 4 - Бурлук I 1/2; 5 - Евстратовский II 2/3; 6 - Высокая Гора 5/1; 7 - Власовский I 14/1; 8 - Перекопка од.кург./4; 9 - Калач гр.мог. р. 2, п.1; 10 - Кривая Лука XXIII 1/8; 11 - Нижняя Дуванка 1/3; 12 - Перекопка од.кург//6; 13 - Никольское I 1/5; 13 - Евстратовский II 4/3; 14 - Бородаевка 2/2; 15 - Котлубань II 4/2; 16 - Кривая Лука XV 3/5; 17 - Смеловка 2/3; 18 - Красная деревня 8/4; 19 - Белогорское I ск. 1/15; 20 - Белогорское I п. 14; 21 - Дмитриевка 9/5; 22 - Кривая Лука XI 4/5; 23 - Красновский I 8/2

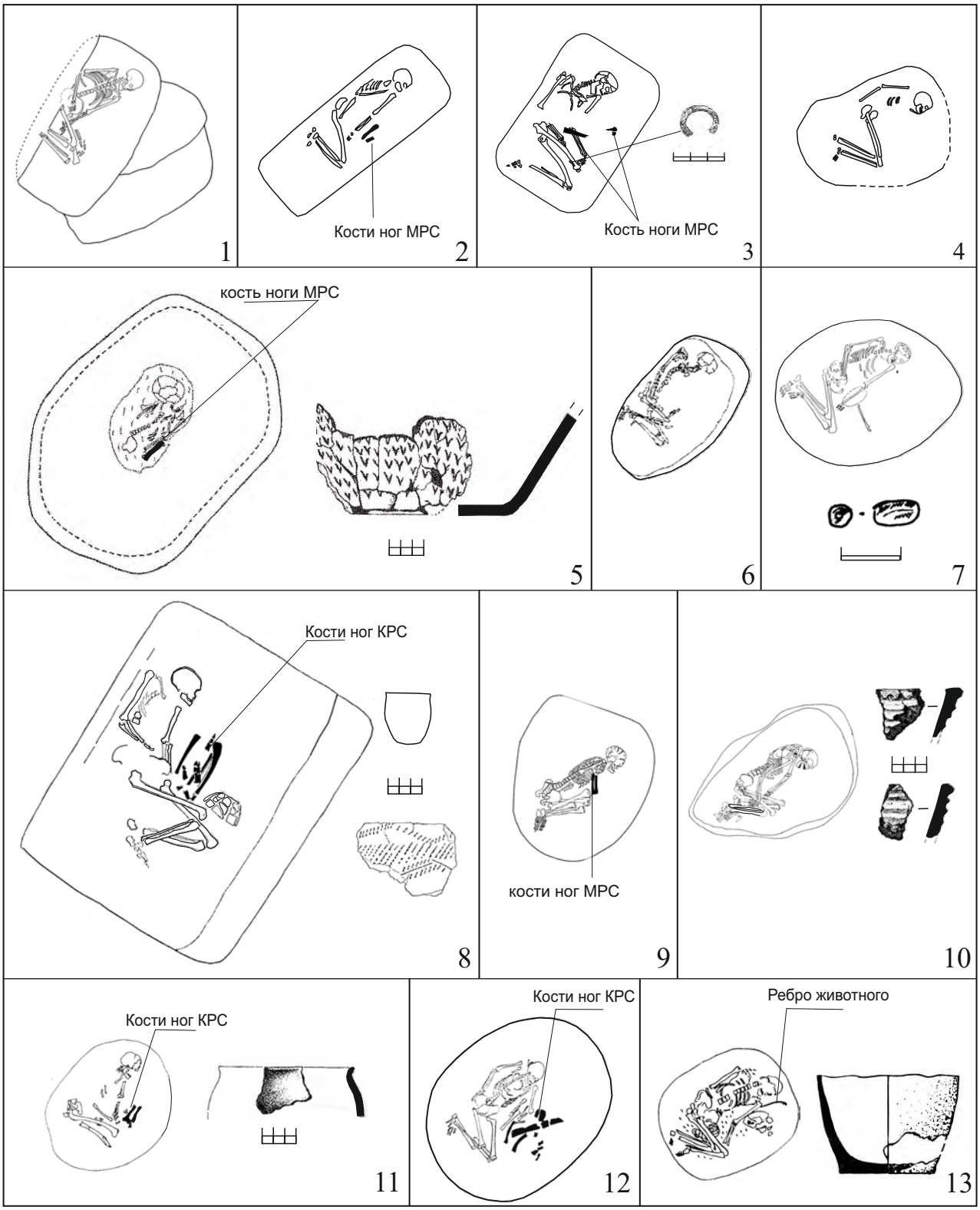
Илл. 18. ВДБК. Погребения ОГ I (продолжение)

1 - Крутояровка 11/3; 2 - Сидоры 26/1; 3 - Скатовка 18/1; 4 - Первомайский VII 33/2; 5 - Чир II 2/1; 6 - Калмыцкая Гора-2012 п.6; 7 - Репный I 7/13; 8 - Репный I 7/5; 9 - Усть-Погожье 1/2; 10 - Дмитриевка 2/1; 11 - Власовский I 7/1; 12 - Громославка II 2/8; 13 - Бережновка I 5/8; 14 - Кривая Лука XXXIII 4/2; 15 - Никольское I 1/9; 16 - Красноармейское 1/7; 17 - Кривая Лука XXXIV 2/2; 18 - Вертячий 7/24; 19 - Зимняцкий 1/2; 20 - Калиновский I 1/4; 21 - Николаевка 3 3/3; 22 - Петрунино II 5/2; 23 - Политодельское 3/5

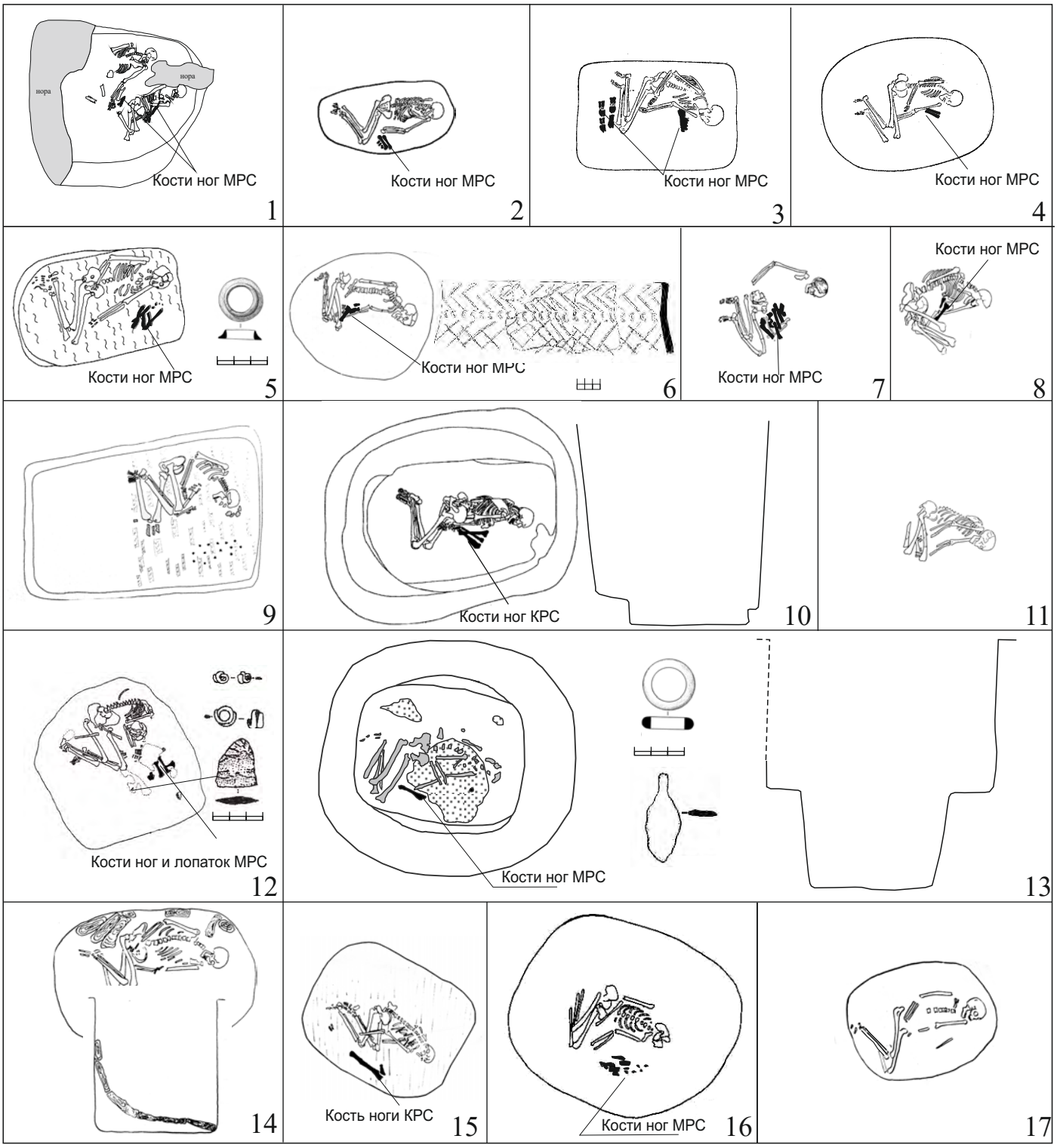
Илл. 19. ВДБК. Погребения ОГ I (продолжение)

1 - Вертячий 7/7; 2 - Жареный Бугор 3/1; 3 - Быково I 4/11; 4 - Линево 8/2; 5 - Верхний Балыклей 6/6; 6 - Царев 66/1; 7 - Грачевка I 1/1; 8 - Бережновка II 3/5; 9 - Волжский 2/16; 10 - Губари 4/1; 11 - Скворцовка 5/3; 12 - Быково I 6/3; 13 - Калиновский 6/1; 13 - Смеловка гр.мог. п. 111; 14 - Западные могилы 20/4; 15 - Красная деревня 15/5; 16 - Николаевка 3 5/1; 17 - Бережновка II 87/3; 18 - Кумыска II 1/2; 19 - Аксай I 15/17; 20 - Вербовский I 13/1; 21 - Первомайский VII 42/6

Илл. 20. ВДБК. Погребения ОГ I (окончание)

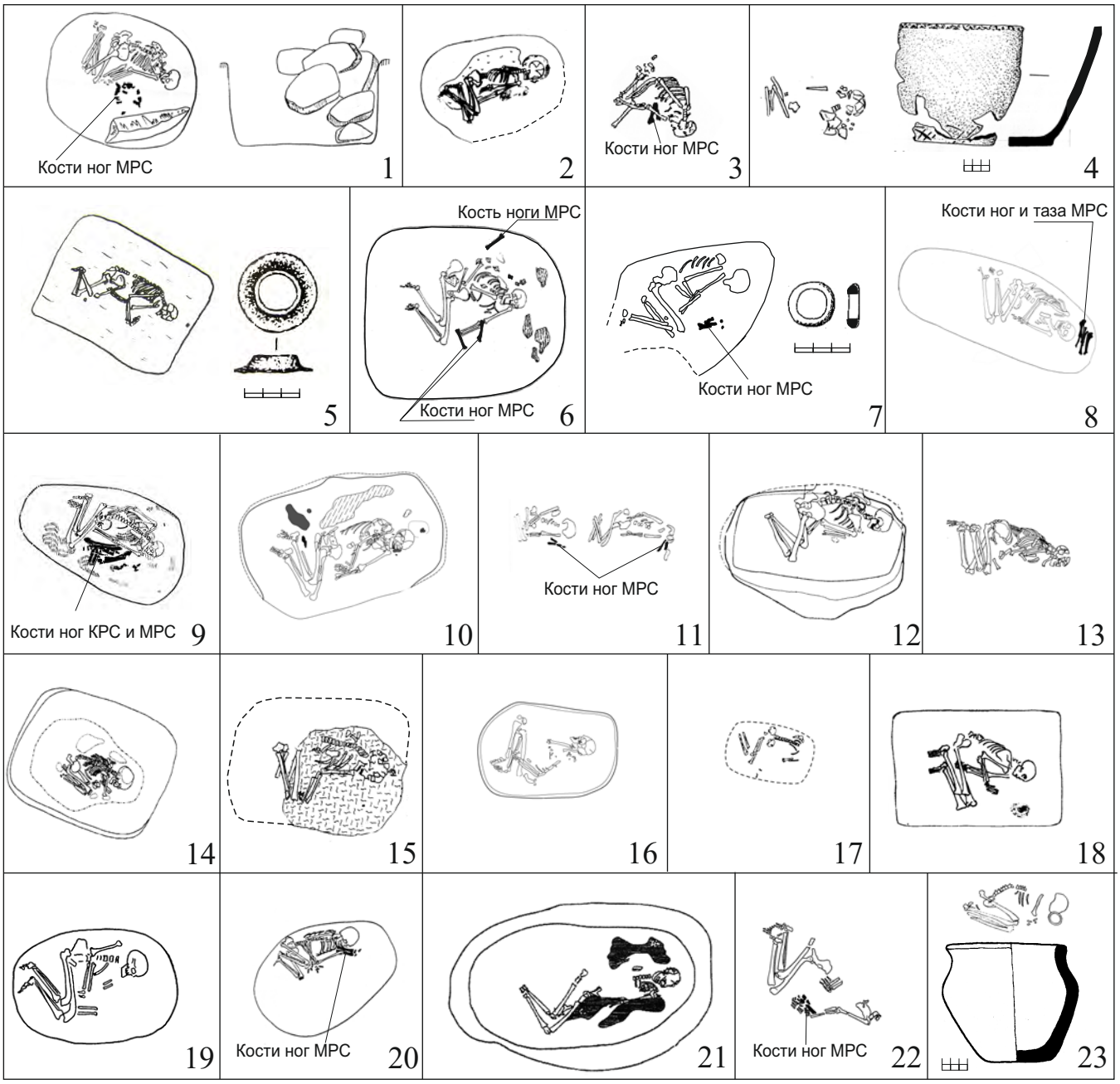
1 - Быково I 6/2; 2 - Белогорское I ск.1/1; 3 - Дмитриевка 1/1; 4 - Белогороское I ск.1/4; 5 - Липовка 1 5/3; 6 - Чапаевка 6/1; 7 - Кривая Лука XII 1/7; 8 - Калмыцкая Гора F 6/7; 9 - Грачевка II 10/1; 10 - Гремячий II 1/3; 11 - Калмыцкая Гора-1982 2/10; 12 - Советское 1 2/15; 13 - Вишневка од.кург./5;

0 50см - масштаб для планов погребений

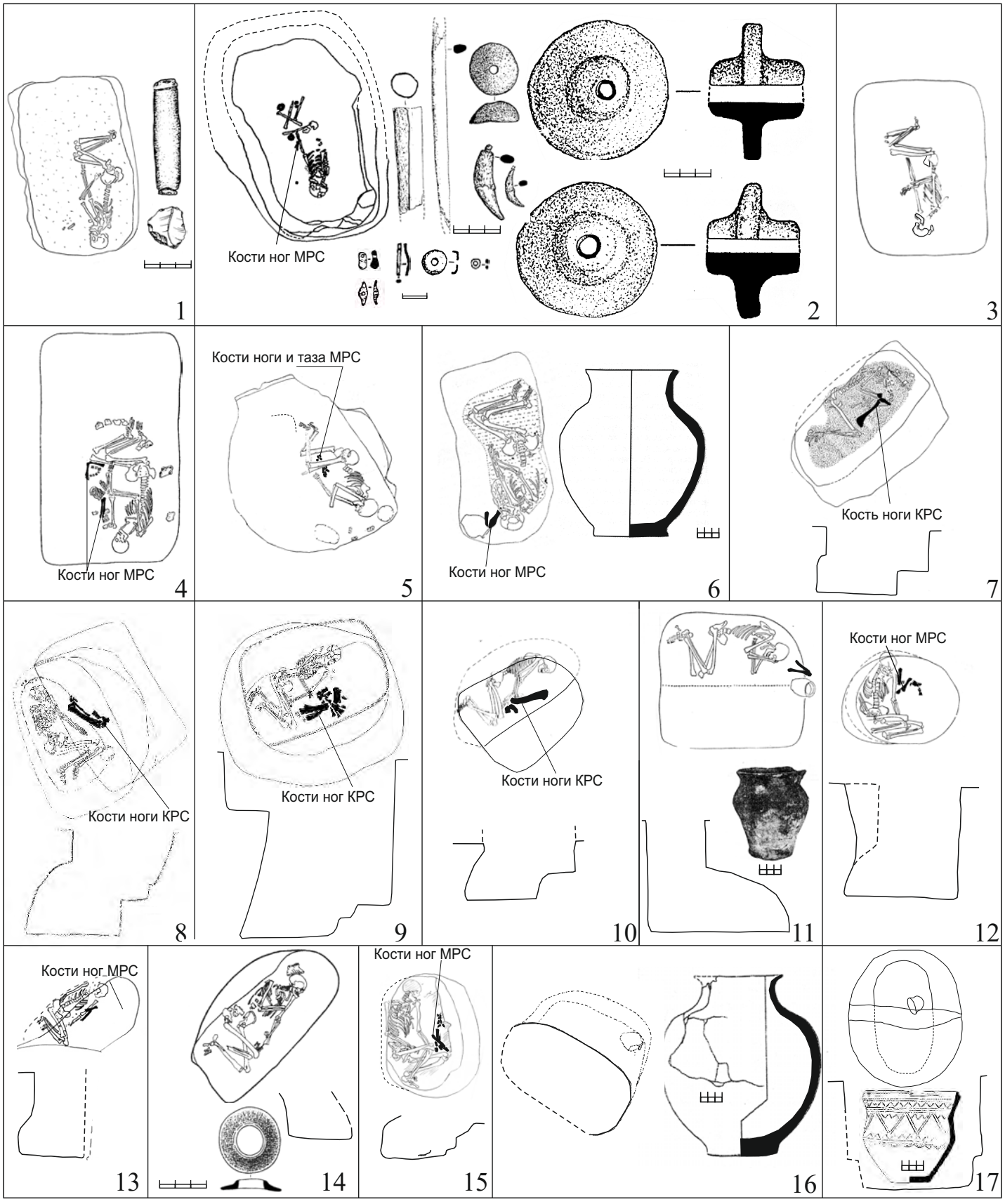
Илл. 21. ВДБК. Погребения ОГ II

1 – Николаевка 3 2/1; 2 – Калиновский 54/2; 3 – Скатовка 21/7; 4 – Скатовка 6/1; 5 – Линево 6/6; 6 – Рунталь 1/1; 7 - Верхнее Погромное 3/8; 8 – Степная IV 3/1; 9 - Белявская 1 2/1; 10 - Широкий Карамыш 2 4/10; 11 - Быково I 3/4; 12 12 - Светлое Озеро 6/3; 13 - Верхний Балыклей 4/4; 14 - Рыбный 3/16; 15 - Вертячий 7/25; 16 - Волжский 2/11; 17 - Верхний Балыклей 1/1;

Илл. 22. ВДБК. Погребения ОГ II

1 - Верхний Балыклей 2/2; 2 - Волжский 2/11; 3 - Калиновский 8/15; 4 - Верхний Балыклей 6/5; 5 - Короли 4/3; 6 - Белокаменка 3/8; 7 - Большая Дмитриевка II 1/6; 8 - Авиловский 20/6; 9 - Кривая Лука XXXIV 5/4; 10 - Ворошиловский участок 1/4; 11 - Кривая Лука X 1/9; 12 - Кряж I 5/1; 13 - Суворовский од.кург/1; 14 - Светлое Озеро 10/2; 15 - Симоновка 1/2; 16 - Ворошиловский участок 1/3; 17 - Красносамарский IV 3/10; 18 - Калмыцкая Гора F 8/2; 19 - Крутояровка 19/2; 20 - Кривая Лука XXIII 3/3; 21 - Широкий Карамыш 2 3/1; 22 - Быково I 4/3; 23 - Заханата 5/15

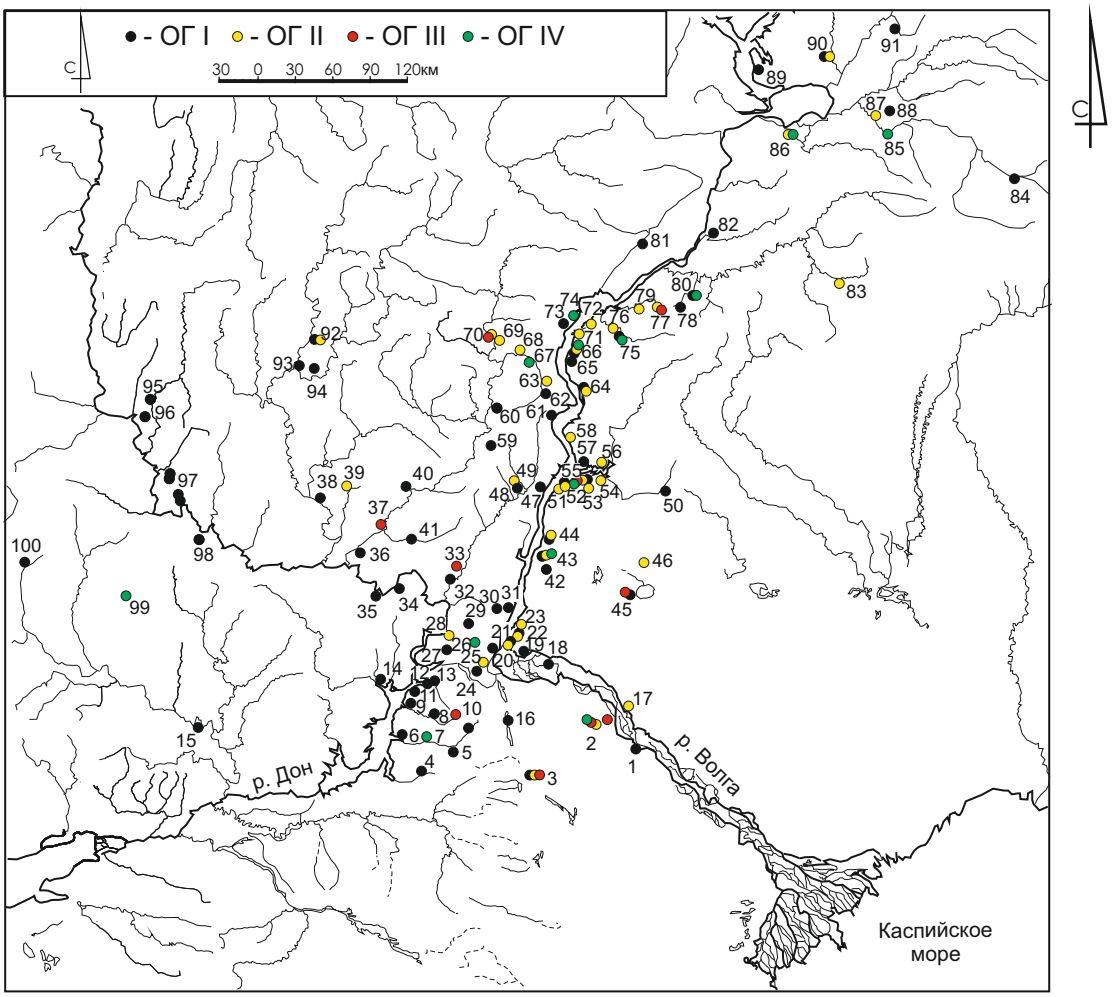

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 23. ВДБК. Погребения ОГ III, IV и кенотафы

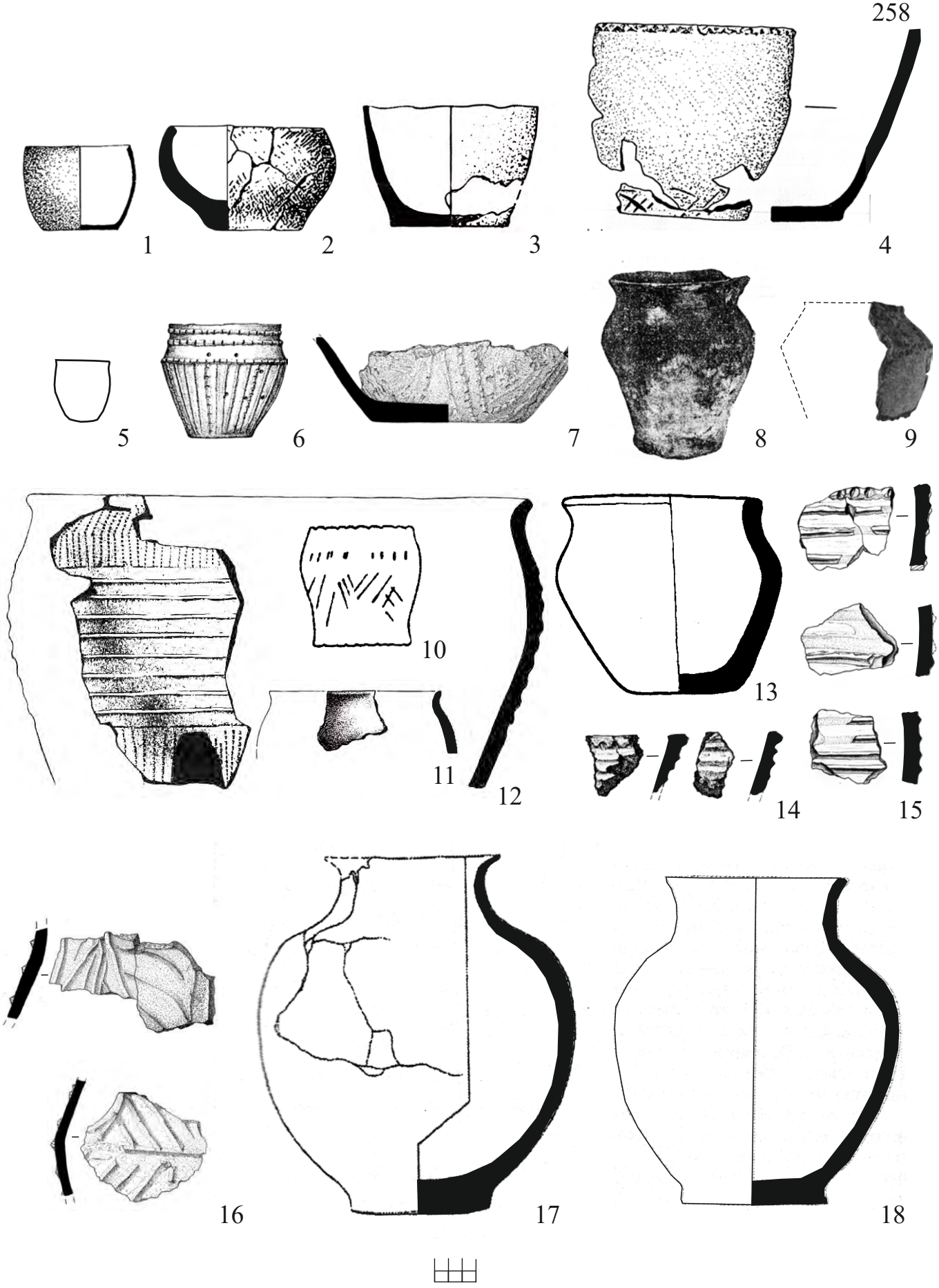
1-7 - ОГ III; 8 - 17 - ОГ IV; 17, 18 - кенотафы

1 - Жутово I 80/2; 2 - Писаревка II 10/2; 3 - Подгорный 6/19; 4 - Бережновка I 5/21; 5 - Бородаевка 2/3; 6 - Симоновка 1/1; 7 - Рыбушка 15/2; 8 - Усть-Курдюм 6/1; 9 - Утевка V 4/1; 10 - Кряж I 1/1; 11 - Бережновка I 4/3; 12 - Смеловка 3/2; 13 - Верхний Балыклей 4/3; 14 - Лимаревка 1/20; 15 - Кривая Лука XXXIV 5/7; 16 - Караман 1/3; 17- Белогорское I ск.1/28

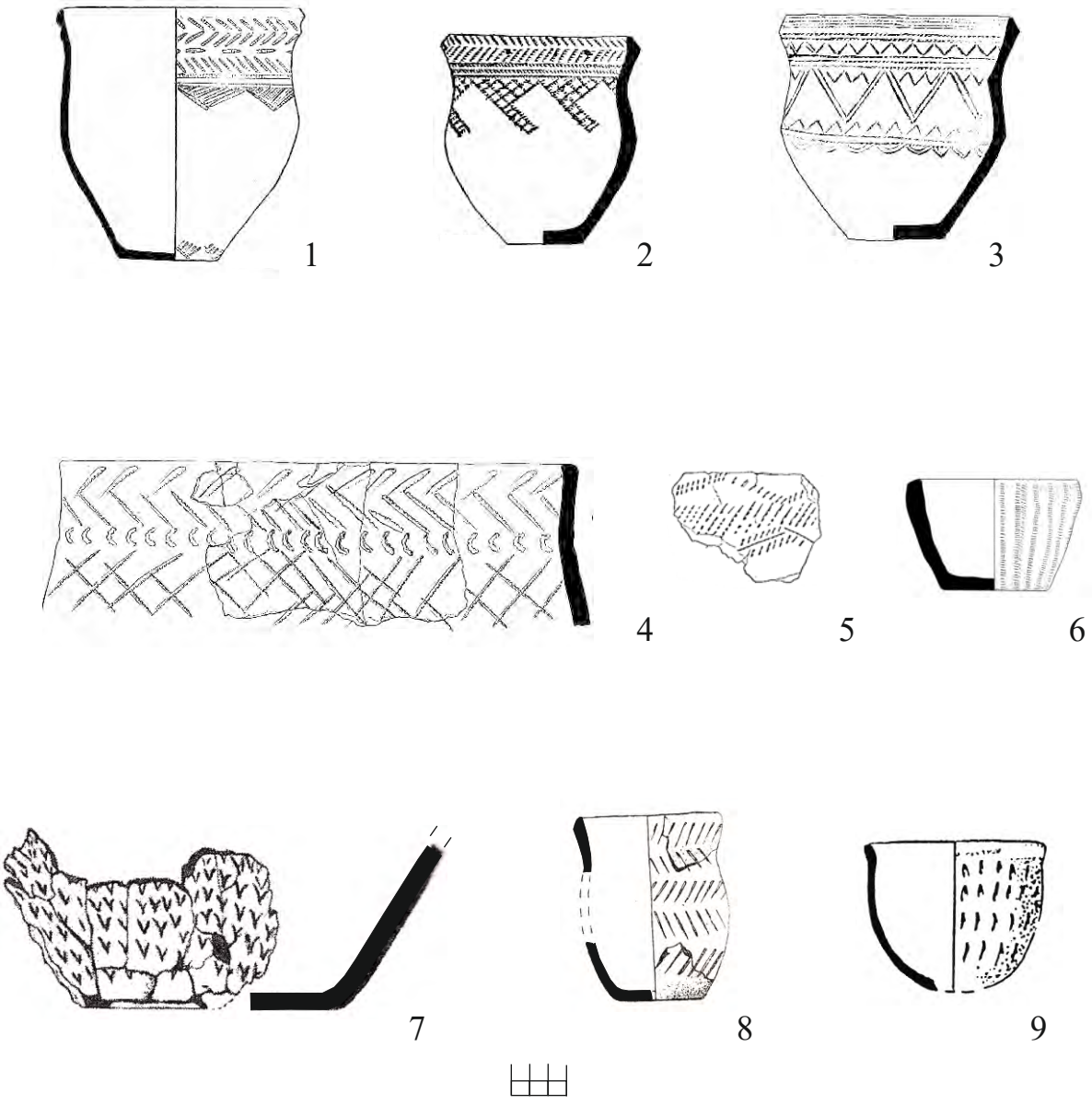

Илл. 24. ВДБК. Распространение погребений разных ОГ

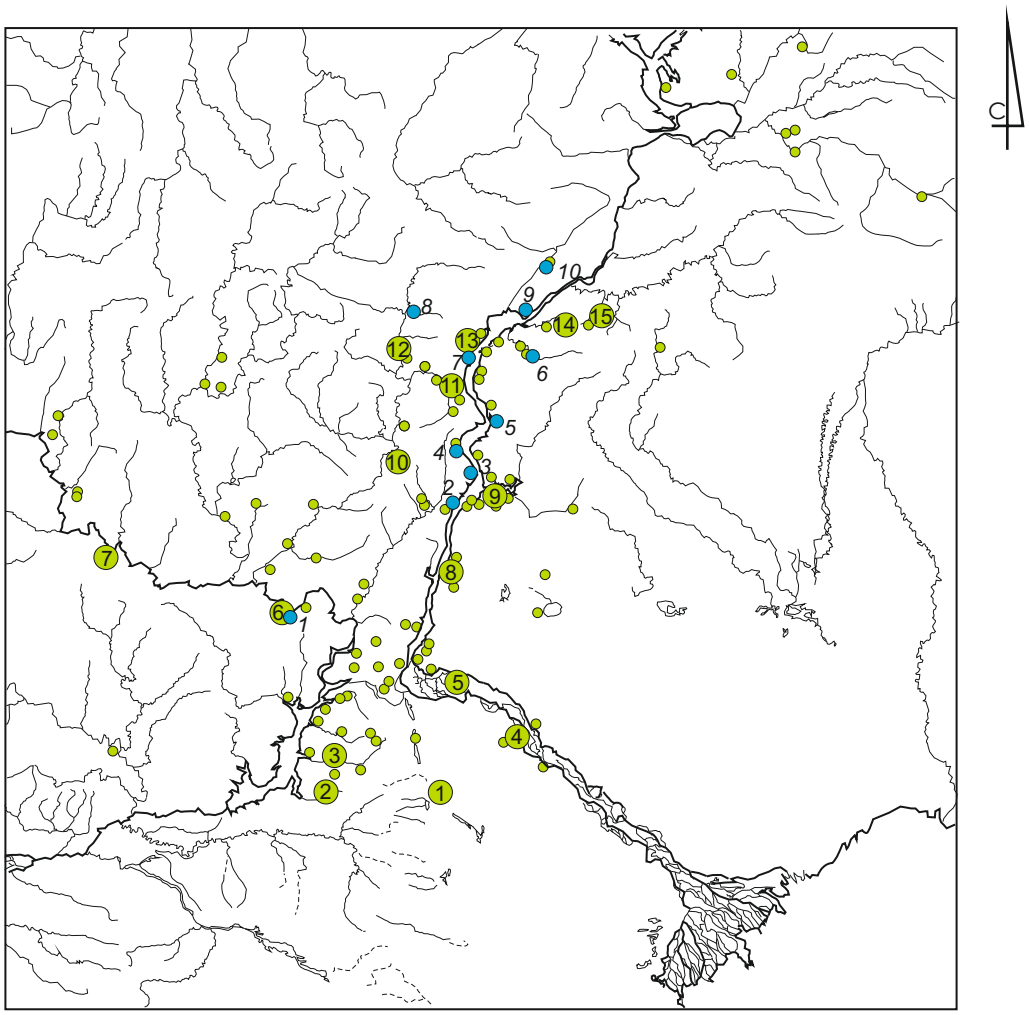
1 - Никольское I 1/5,9, III 1/8, IV 1/2; 2 - Кривая Лука II 2/1, X 1/9, XI 4/1,2,5, XII 1/7,15, XIV 15/10, XV 2/12, 3/5, XXI 2/4, XXIII 1/8, 3/3, XXXIII 4/2, XXXIV 2/2, 5/4,7; 3 - Заханата 5/11,15,17; 4 - Гремячий II 1/3; 5 - Аксай I 15/17; 6 - Ромашкин II од.кург/11; 7 - Антонов 3/4; 8 - Громославка II 2/8; 9 - Первомайский I 8/5, VII 33/2, 42/6; 10 - Жутово I 80/2; 11 - Верхнерубежный I 3/4; 12 - Вербовский I 13/1, III 3/6, 13/1; 13 - Тихоновка од.кург./4; 14 - Чир II 2/1; 15 - Репный I 7/5,13,17; 16 - Цаца 1/4; 17 - Степная IV 3/1; 18 - Царев 66/1; 19 - хутор Степана Разина 1/14; 20 - Химкомбинат Б 4/8; 21 - Волжский 2/11,16; 22 - Калиновский 6/1,3, 8/15, 54/2; 23 - Верхнее Погромное I 3/8; 24 - Орошаемый 4/3; 25 - Ворошиловский участок 1/3,4; 26 - Красный пахарь 3/2; 27 - Дмитриевка 9/5; 28 - Вертячий 7/7,15,24,25; 29 - Котлубань I 7/2,3, 9/3, II 4/2; 30 - Усть-Погожье 1/2; 31 - Пичуга 1/2; 32 - Кондраши 2/4; 33 - Писаревка II 10/2; 34 - Перекопка од.кург./4,6; 35 - Евстратовский II 2/3, 4/3; 36 - Зимняцкий 1/2; 37 - Подгорный 6/19; 38 - Красновский I 8/2; 39 - Короли 4/3; 40 - Сидоры 26/1; 41 - Ветютнев 9/6; 42 - Ямки 1/4, 3/8; 43 - Верхний Балыклей 1/1, 2/2, 4/1,3,4, 6/4,5,6; 44 - Быково I 3/4, 4/3,11, 6/2,3, 22/2 II 5/9; 45 - Красная Деревня 8/4,5, 15/5; 46 - Вишневка од.кург./5; 47 - Петров Вал 1/2; 48 - Петрунино II 1/8, 5/2,5; 49 - Авиловский 20/6; 50 - Кумыска II 1/2; 51 - Политодельское 3/5, 4/27; 52 - Рыбный 3/16; 53 - Новая Молчановка 1/7; 54 - Западные могилы 20/4,5; 55 - Бережновка I 3/8,11, 4/3, 5/8,21, 8/4,5, II 3/5, 9/14, 14/14, 87/3; 56 - Белявская 2/1; 57 - Потемкино 3/3; 58 - Белокаменка 3/8; 59 - Бурлук I 1/2; 60 - Линево 6/6, 8/2; 61 - Белогорское I ск.1/1,7,14,15; 62 - Красноармейское 1/6,7; 63 - Суворовский 1 од.кург./1; 64 - Скатовка 6/1, 18/1, 21/7; 65 - Узморье 1/6, 2/7; 66 - Смеловка 2/1,3, гр.мог. п. 111; 67 - Рыбушка 15/2; 68 - Большая Дмитриевка 1/6; 69 - Широкий Карамыш 3/1, 4/10; 70 - Симоновка 1/1,2; 71 - Сусловский 9/1; 72 - Покровск 36/1, 37/2, E 3/4, Покровский курган п.1; 73 - Жареный Бугор 3/1; 74 - Усть-Курдюм 1 6/1; 75 - Советское 1 2/14, од.кург./6; 76 - Крутояровка 11/3, 19/2; 77 - Бородаевка 2/2,3, Калмыцкая Гора 8/2, Калмыцкая Гора-1982 2/10, Калмыцкая гора F 6/7, Калмыцкая Гора-2012 п. 6; 78 - Чапаевка 6/1; 79 - Рунталь 1/1; 80 - Караман 1/3, 2/1; 81 - Дмитриевка 1/1, 2/1; 82 - Калач р.2 п.1; 83 - Светлое Озеро 6/3, 10/2; 84 - Скворцовка 5/3; 85 - Утевка V 4/1; 86 - Кряж I 1/1, 5/1;87 - Красносамарский IV 3/10; 88 - Грачевка I 1/1, 10/1; 89 - Ягодное I 3/1; 90 - Николаевка 3 2/1, 3/3,4, 4/1, 5/1; 91 - Калиновский I 1/4; 92 - Власовский I 7/1, 14/1, 19/1; 93 - Чурилово 1 3/3; 94 - Губари 4/1,2; 95 - Николо-Варваринка 4/8, 5/5; 96 - Липовка 1 5/3; 97 - Павловский 41/3, Павловск II ск.2/38; 98 - Высокая Гора 5/1; 99 - Лимаревка 1/13,20; 100 - Нижняя Дуванка 1/3

Илл. 25. ВДБК.Посуда группы 1 бабинской и общей посткатакомбной традиции.
1 - Антонов 3/4; 2 - Высокая Гора 5/1; 3 - Вишневка од.кург./5; 4 - Верхний Балыклей 6/5; 5 - Калмыцкая Гора F 6/7; 6 - Жареный Бугор 3/1; 7 - Паницкое 6 4/3; 8 - Бережновка I 4/3; 9 - Барановка 2/4; 10 - Заханата 5/15; 11 - Калмыкая Гора-1982 2/10; 12 - Царев 66/1; 13 - Заханата 5/2; 14 - Гремячий II 1/3; 15 - Евстратовский II 4/3; 16 - Бурлук I к. 1; 17 - Караман 1/3; 18 - Симоновка 1/1

Илл. 26. ВДБК. Посуда группа 2 и 3
1-5 - посуда группы 2 с вольско-лбищенскими чертами;
6-9 - посуда группы 3 с воронежскими чертами:
1 - Советское 1 2/14; 2 - Белогорское I ск.1/15,28; 4 - Рунталь 1/1;
5 - Калмыкая Гора F 6/7; 6 - Николо-Варваринка 4/8; 7 - Липовка 1
5/3; 8 - Чурилово 1 3/3; 9 - Губари 4/1

- погребения ВДБК
- погребения и поселения ВДБК с керамикой бабинской и общей посткатакомбной традиции
- поселения с керамикой ВДБК

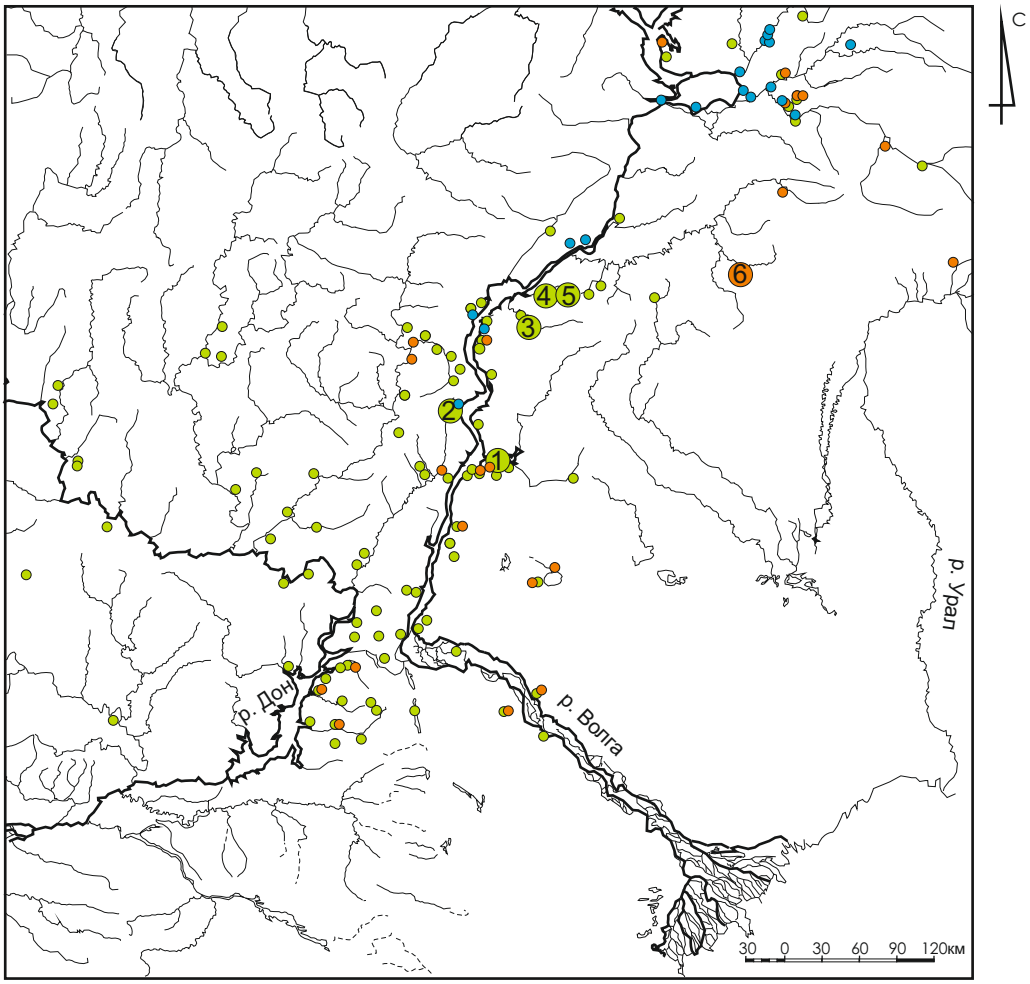
Илл. 27. ВДБК. Погребения и поселения ВДБК с керамикой бабинской и общей посткатакомбной традиции.

погребения:

1 - Заханта 5/15; 2 - Гремячий II 1/3; 3 - Антонов 3/4; 4 - Барановка 2/4; 5 - Царев 66/1; 6 - Евстратовский II 4/3; 7 - Высокая Гора 5/1; 8 - Верхний Балыклей 6/5; 9 - Бережновка I 4/3; 10 - Бурлук I к. 1; 11 - Паницкое 6 4/3; 12 - Симоновка 1/1; 13 - Жареный Бугор 3/1; 14 - Калмыцкая Гора F 6/7; 15 - Караман 1/3;

поселения с многоваликовой керамикой:

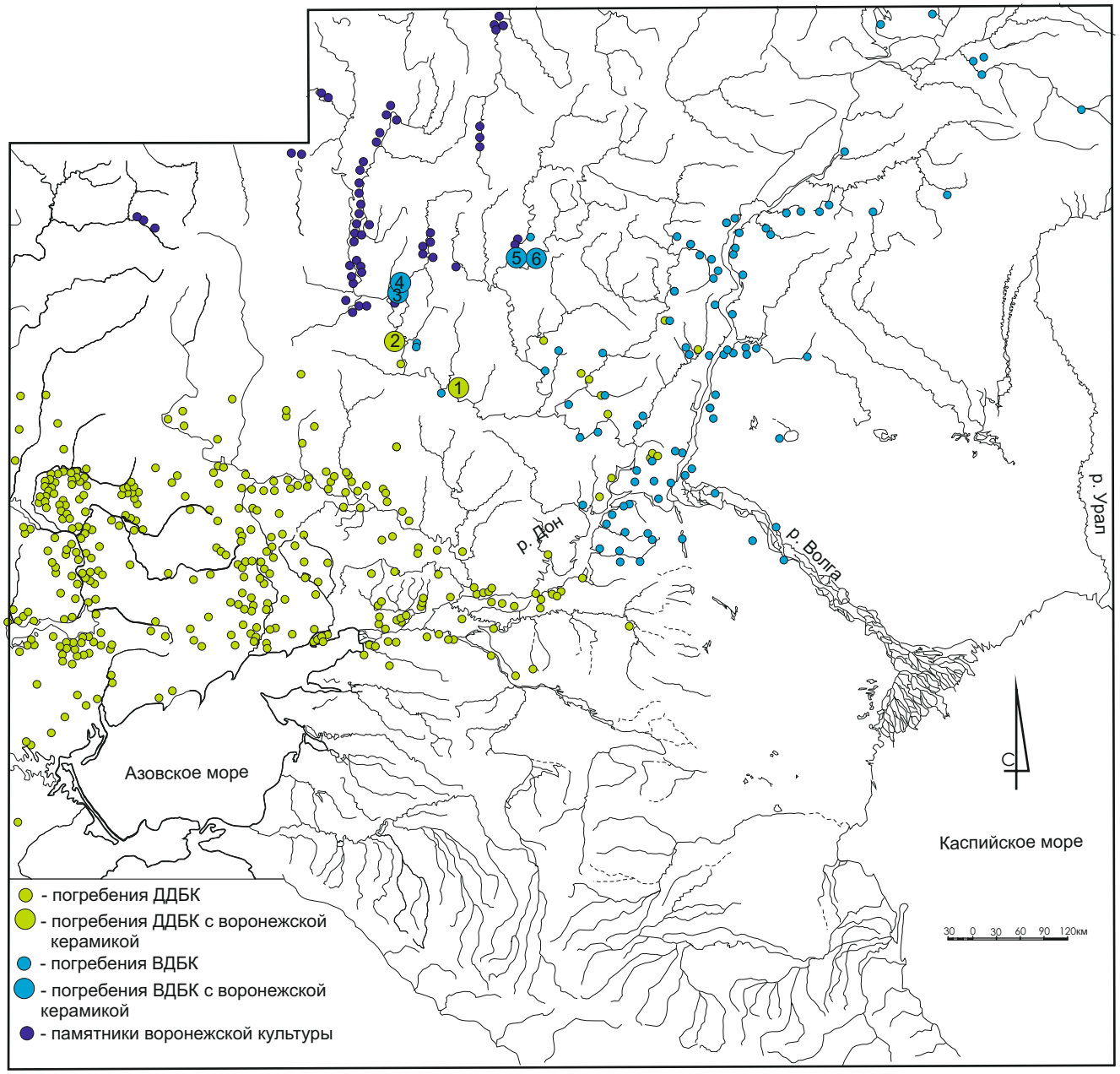
1 - Ляпушина Балка; 2 - Терновское городище; 3 - Даниловское городище; 4 - Утес Степана Разина; 5 - Березовка; 6 - Осиновое; 7 - Алексеевское городище; 8 - Нижняя Красавка 2; 9 - Хлопковское городище; 10 - Буровка 2 и 5

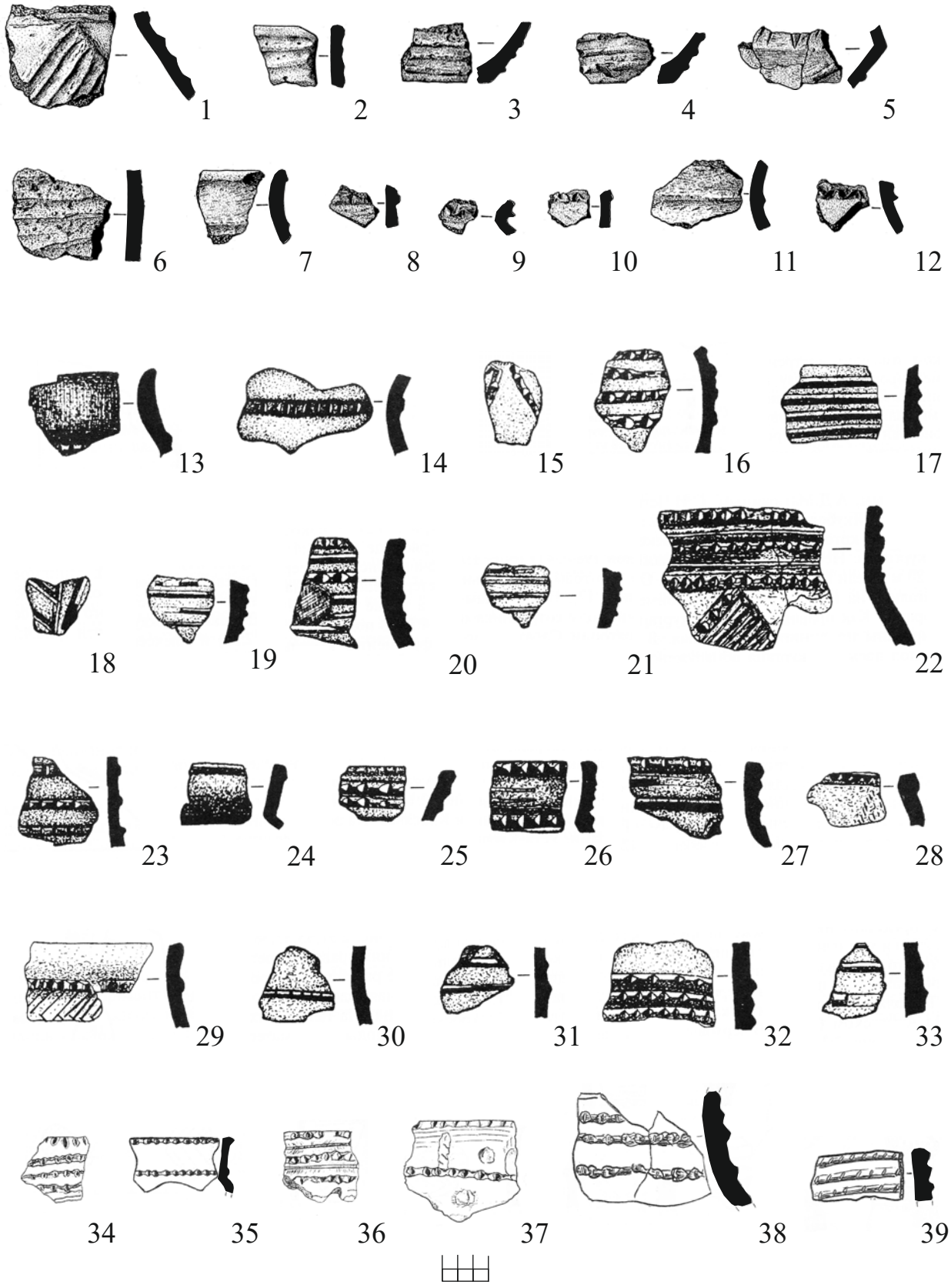
- погребения ВДБК
- погребения ВДБК с вольско-лбищенской керамикой
- погребения волго-уральской культурной группы
- погребение волго-уральской культурной группы с вольско-лбищенской керамикой
- памятники вольско-лбищенской культуры

Илл. 28. Погребения ВДБК и волго-уральской культурной группы с вольско-лбищенской керамикой

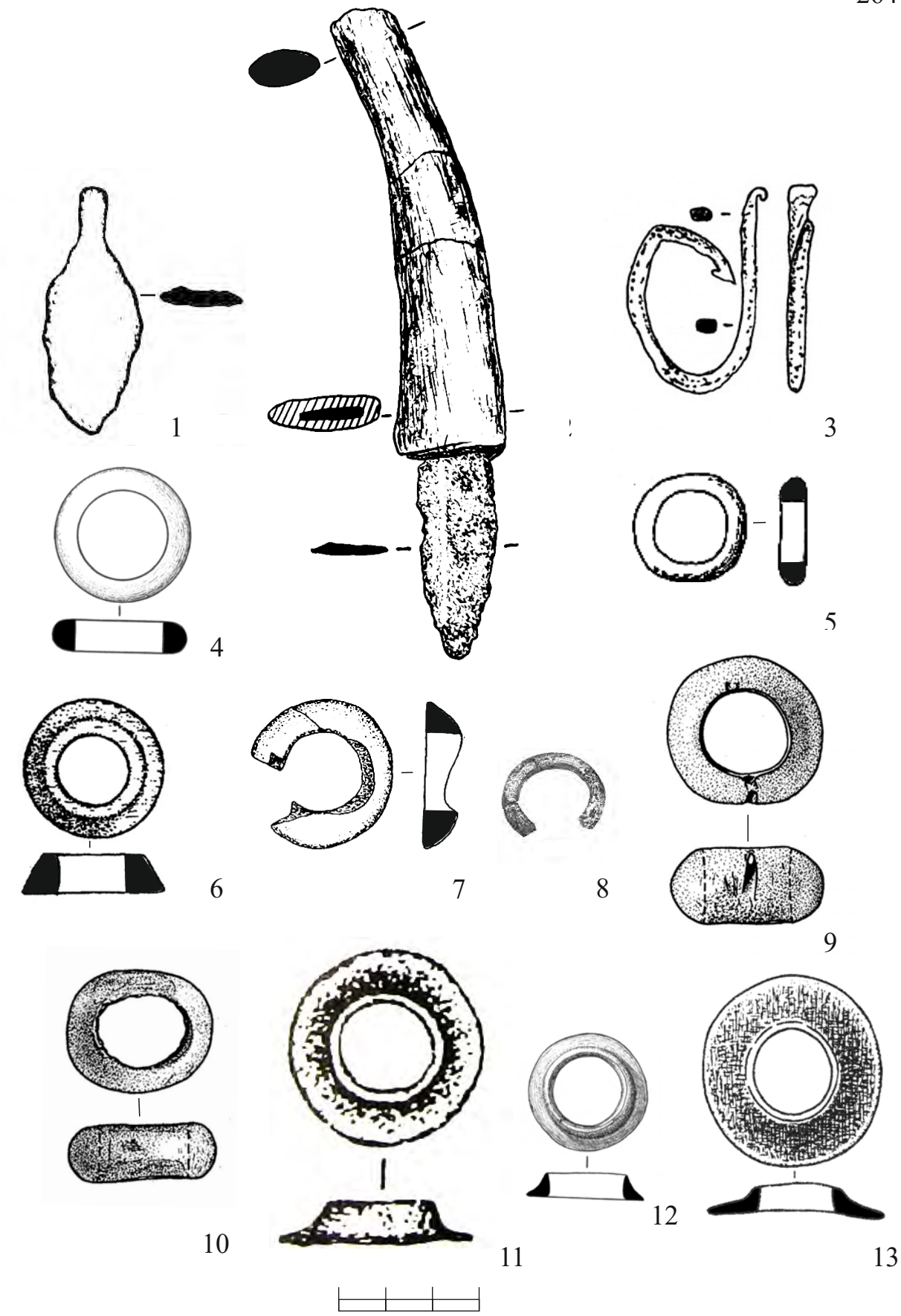
1 - Бережновка I 5/21; 2 - Белогорское I ск.1/15,28; 3 - Советское 1 2/14; 4 - Рунталь 1/1; 5 - Калмыкая Гора F 6/7; 6 - Светлое Озеро 1/1

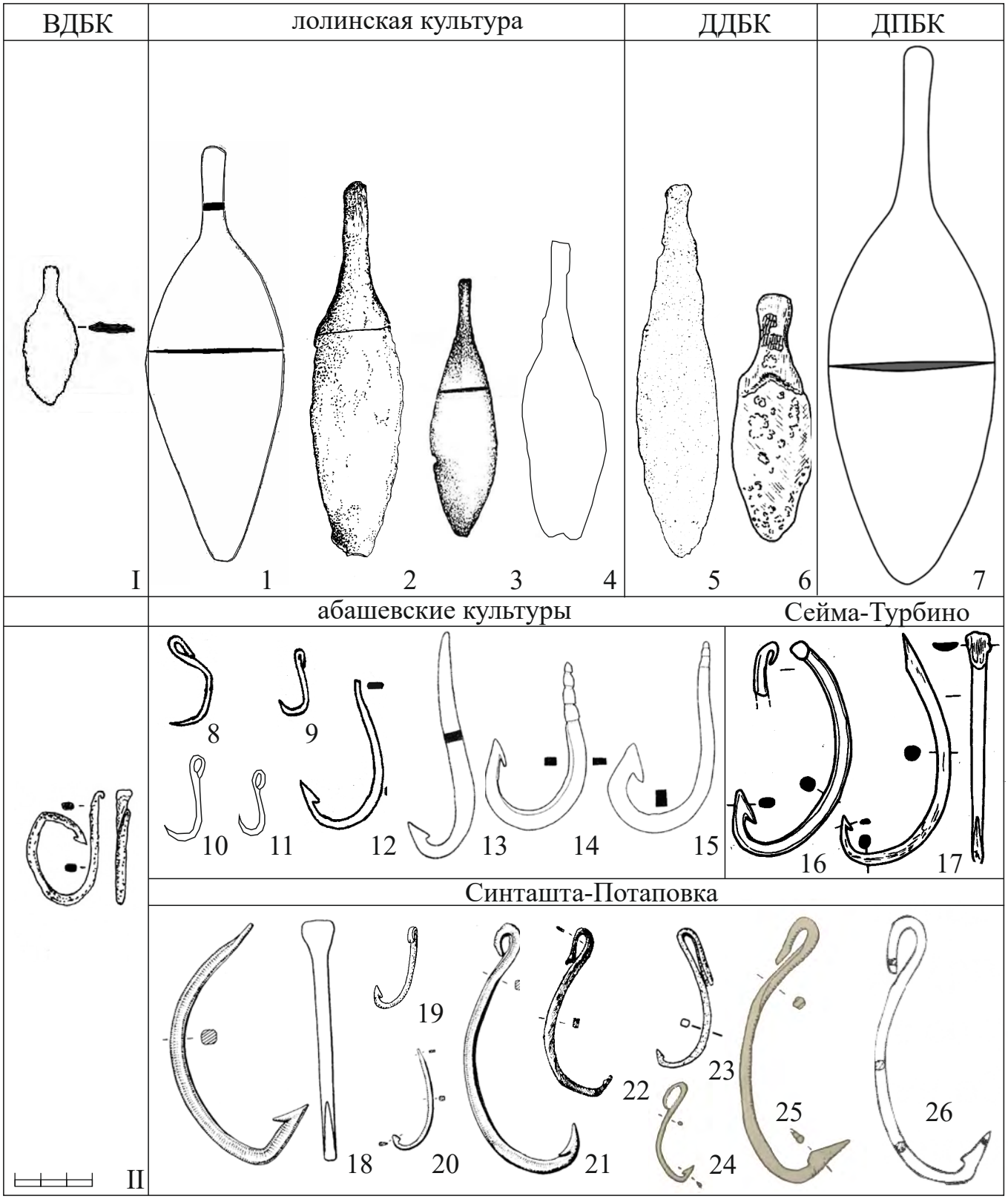
Илл. 29. ВДБК. Погребения культурного круга Бабино с воронежской керамикой
1 - Хохольский 1/1; 2 - Сасовский 8/11; 3 - Липовка 1 5/3; 4 - Николо-Варваринка 4/8;
5 - Чурилово 1 3/3; 6 - Губари 4/1

Илл. 30. Керамика ВДБК на поселениях Нижнего Поволжья
1-12 - Ляпушина Балка; 13-22 - Утес Степана Разина; 23 - Нижняя Красавка; 24 - Ахматское городище; 25-27 - Хлопковское городище; 28 - Буровка 2; 29 - Буровка 5; 30-33 Алексеевское городище; 34-37 - Даниловское городище; 38, 39 - Терновское городище

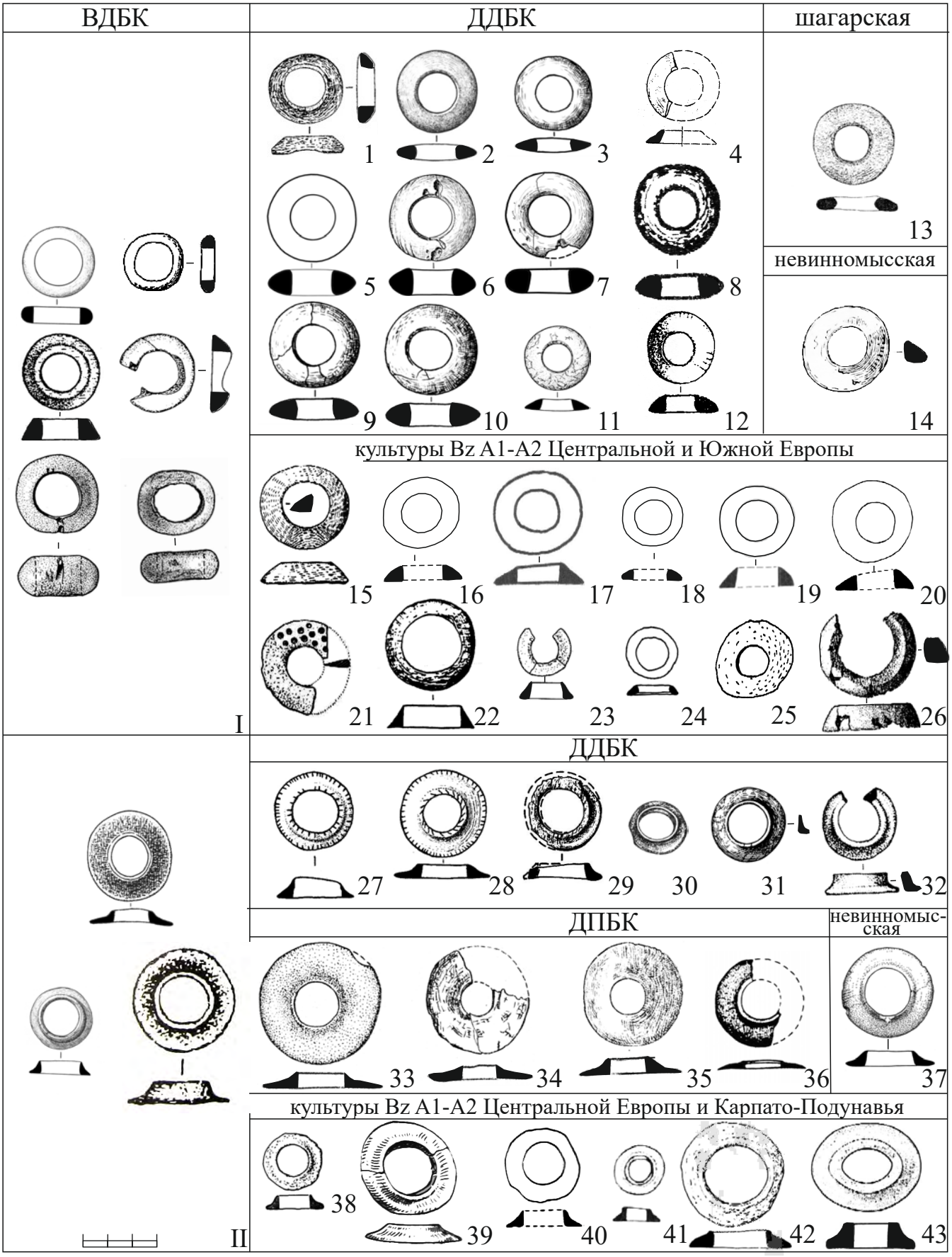

Илл. 31. ВДБК. Орудия из бронзы и костяные пряжки
1, 2 - бронзовые ножи; 3 - бронзовый крючок; 4-12 - костяные пряжки
1, 4 - Верхний Балыклей 4/4; 2 - Вербовский I 13/1; 3 - Красная Деревня 15/5; 5 - Большая Дмитриевка II 1/6; 6 - Власовский I 7/1; 7 - Жареный Бугор 3/1; 8 - Дмитриевка 1/1; 9 - Евстратовский II 2/3; 10 - Евстратовский II 4/3; 11 - Короли 4/3; 12 - Линево 6/6; 13 - Лимаревка 1/20

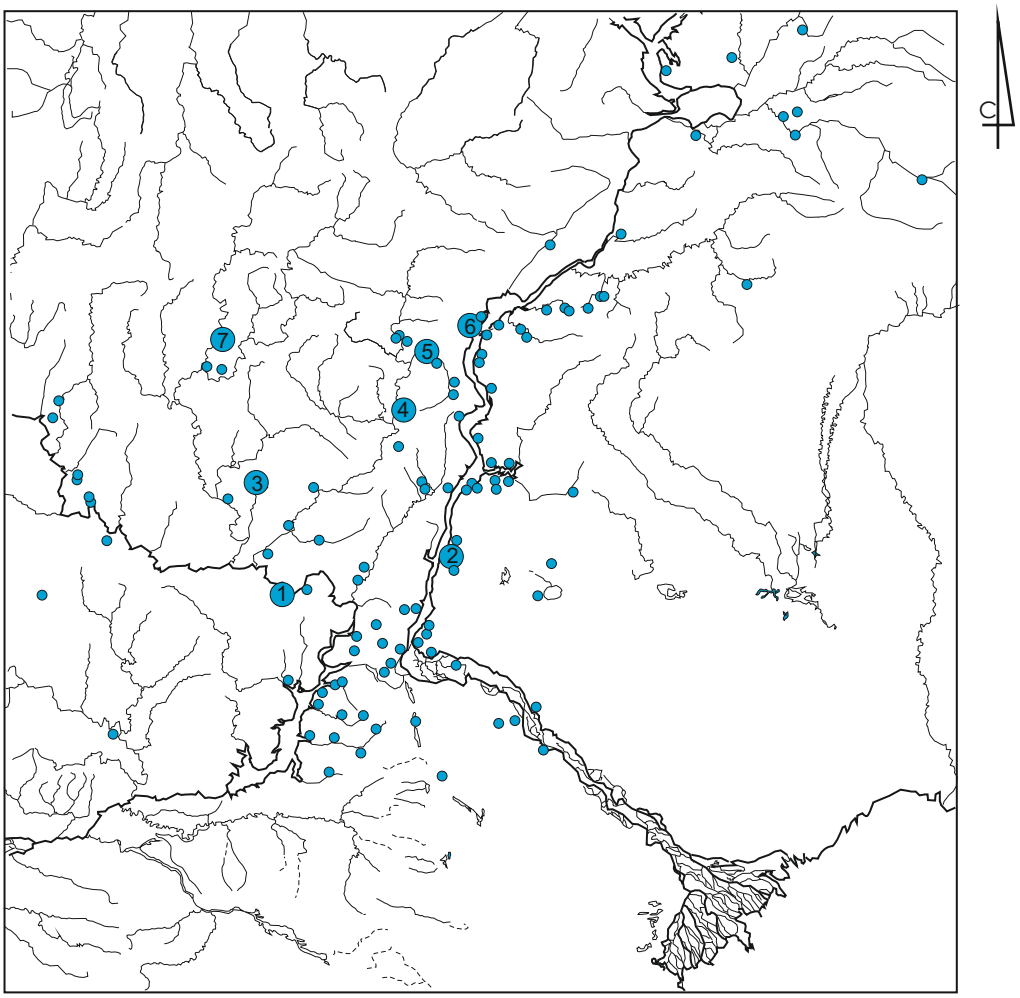
Илл. 32. ВДБК. Инвентарь из погребений и сопоставительные материалы

1 - Новопалестинский II 2/5; 2 - Кривая Лука II 1/13; 3 - Цаган-Усн VII 4/27; 4 - ВМЛБ II 1965 42/3; 5 - Соколовский курган п. 2; 6 - Николаевка 1/8; 7 - Петрово 2/6; 8 - Нижне-Чуракаевский огр. Б, п. 1; 9 - Старо-Ябалаклинский 1/1; 10, 11 - Абашево, 1925 г. 5/4; 12 - II Береговское пос.; 13 - Верхнекизильский клад; 14, 15 - Пещера Братьев Греве; 16 - Заосиново IV; 17 - Турбино I; 18 - Синташта СМ/12; 19 - Синташта СМ/35; 20, 21 - Синташта СМ/39; 22 - Потаповский 5/14; 23 - Каменный Амбар-5 2/5; 24, 25 - Солнце II 11/1; 26 - Танаберген II 7/15

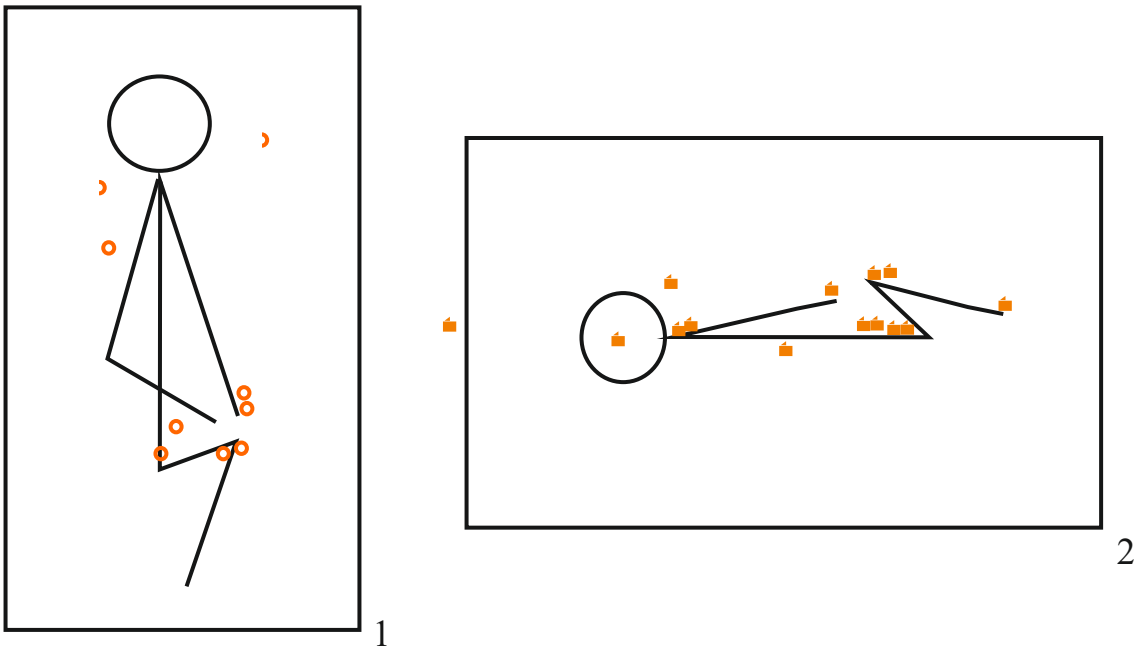
Илл. 33. ВДБК. Пряжки из погребений и сопоставительные материалы

1 - Репный I 7/1; 2 - Керчик, Гать III 16/5; 3 - Бирюково 2/2; 4 - Керчик, Гать III 3/3; 5 - Близнюки 1/1; 6 - Николаевка 1/8; 7 - Беева Могила п.3; 8 - Новоамвросиевка 3/2; 9 - Цимлянка II 1/3; 10 - Нижняя Баранниковка 5/10; 11 - Хомуш-Оба 2/8; 12 - Спасское IX 1/5; 13 - Шагарский п. 10; 14 - Праздничный к. 1; 15 - Gäufelden-Tailfingen, Kr. Böblingen п. 2; 16 - Ilvesheim п. 5; 17 - Wethofen п. 20; 18 - Worms-Weinsheim п. 2; 19 - Neirstein п. 1; 20 - Ludwigshafen-Mundenheim п. 1; 21 - München-Valleyplatz; 22 - Dolmen de la Piancheil Yeu; 23 - Collonges-les-Bévy; 24 - Straubing; 25 - Polepy; 26 - Franzhausen verf. 229; 27 - Горный 2/4; 28 - о. Виноградный п. 22; 29 - Ясиновский III од. кург./6; 30 - Ясырев I 8/9; 31 - Веселовская 3/10; 32 - Киреевка 4 1/4; 33 - Мерень 1/12; 34 - Тараклия II 16/1; 35 - Васильевка 40/4; 36 - Оланешты 4/2; 37 - Невинномысский-3 7/19; 38 - Wallis; 39 - Gîrceni; 40 - Westhofen gr. 6/7; 41 - Esselborn; 42 - Gemeinlebarn gr. 163; 43 - Franzhausen verf. 322

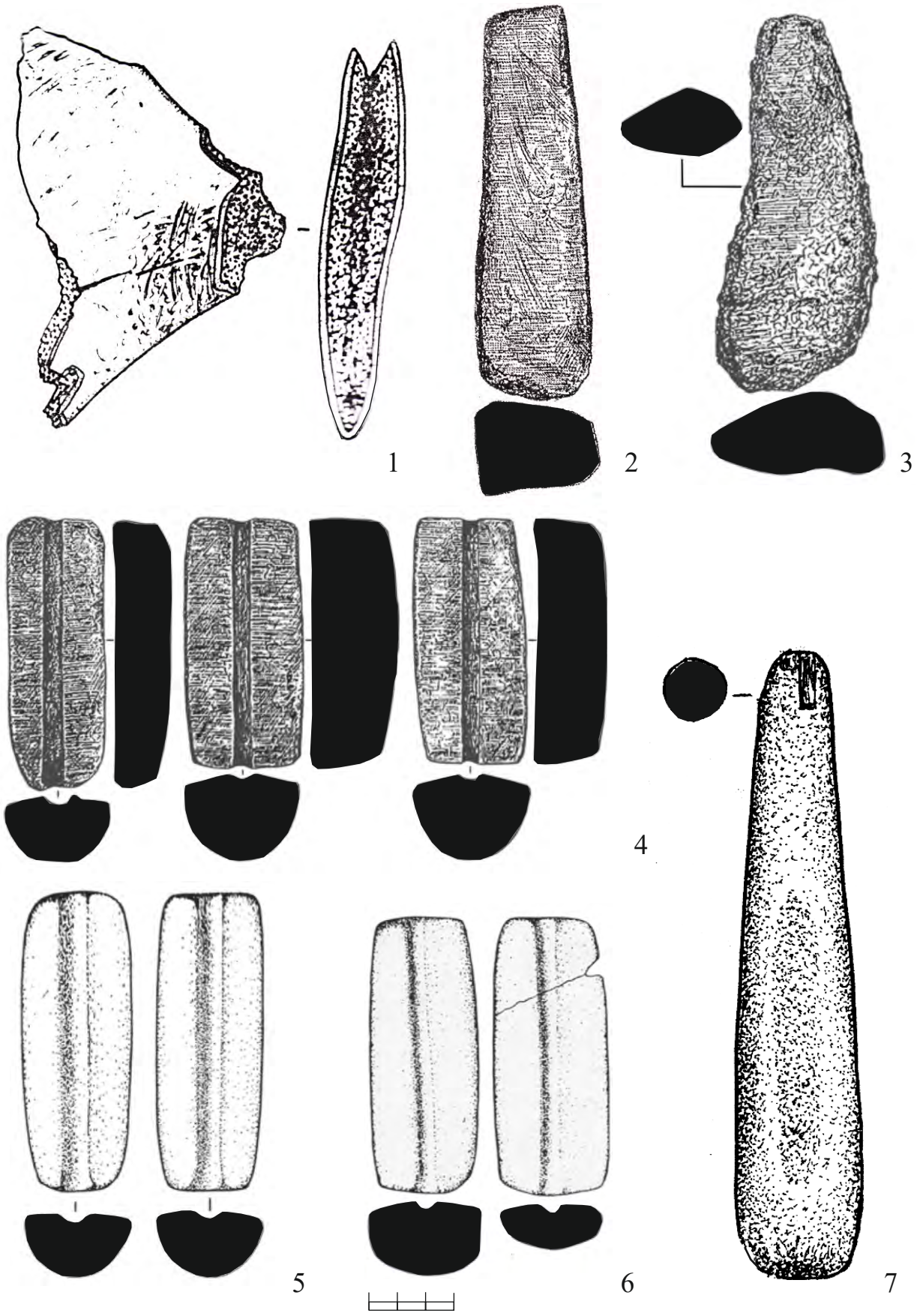
• - погребения ВДБК ● - погребения ВДБК с пряжками

Илл. 34. ВДБК. Распространение погребений с пряжками
1 - Евстратовский II 2/3, 4/3; 2 - Верхний Балыклей 4/4; 3 - Короли 4/3; 4 - Линево 6/6; 5 - Большая Дмитриевка II 1/6; 6 - Жареный Бугор 3/1; 7 - Власовский I 7/1

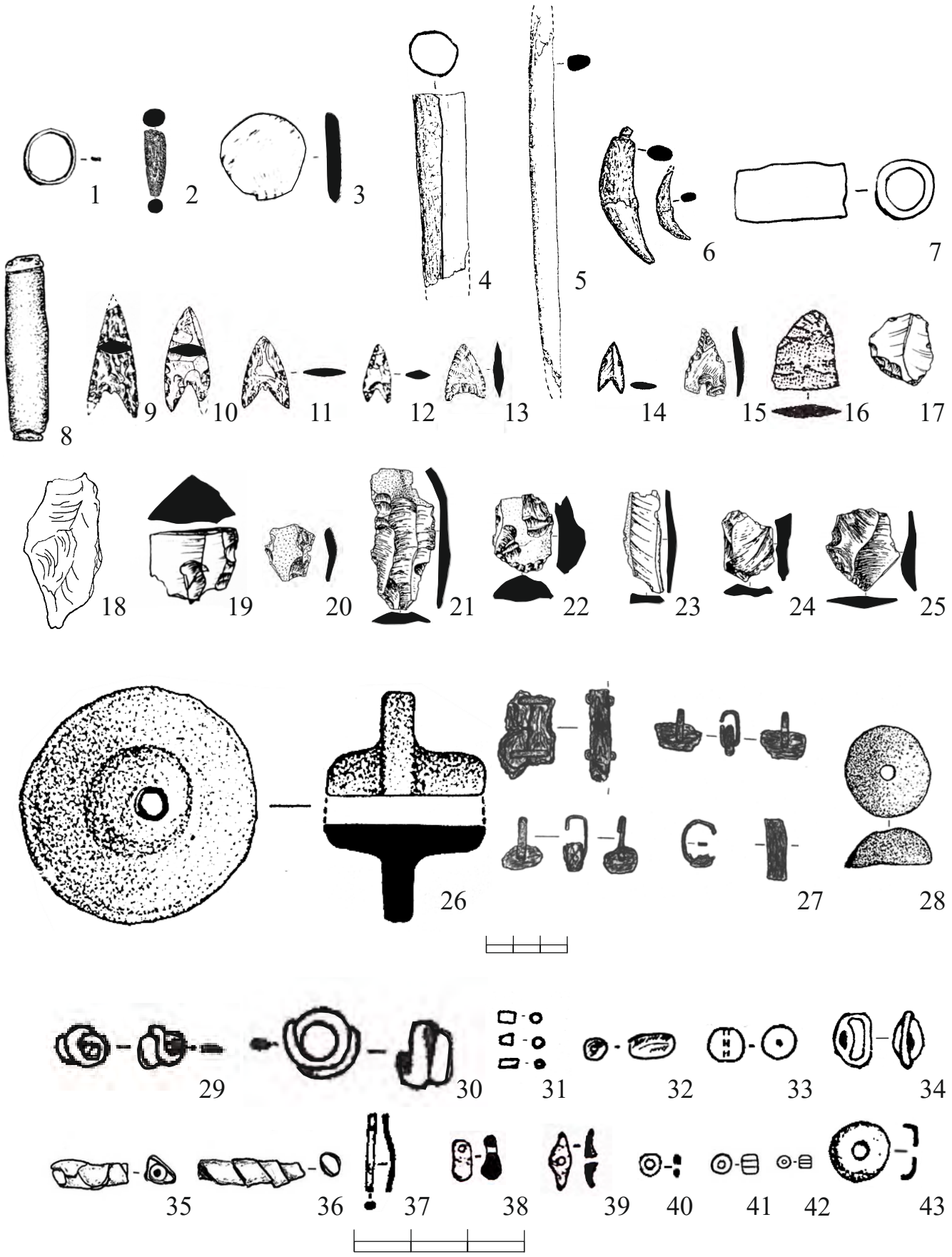
1 2

Илл. 35. ВДБК. Аккумуляционные схемы расположения кольцевых и крючко-планочных пряжек в погребениях ВДБК и ДДБК
1 - ВДБК; 2 - ДДБК

Илл. 36. ВДБК. Костяное и каменные орудия

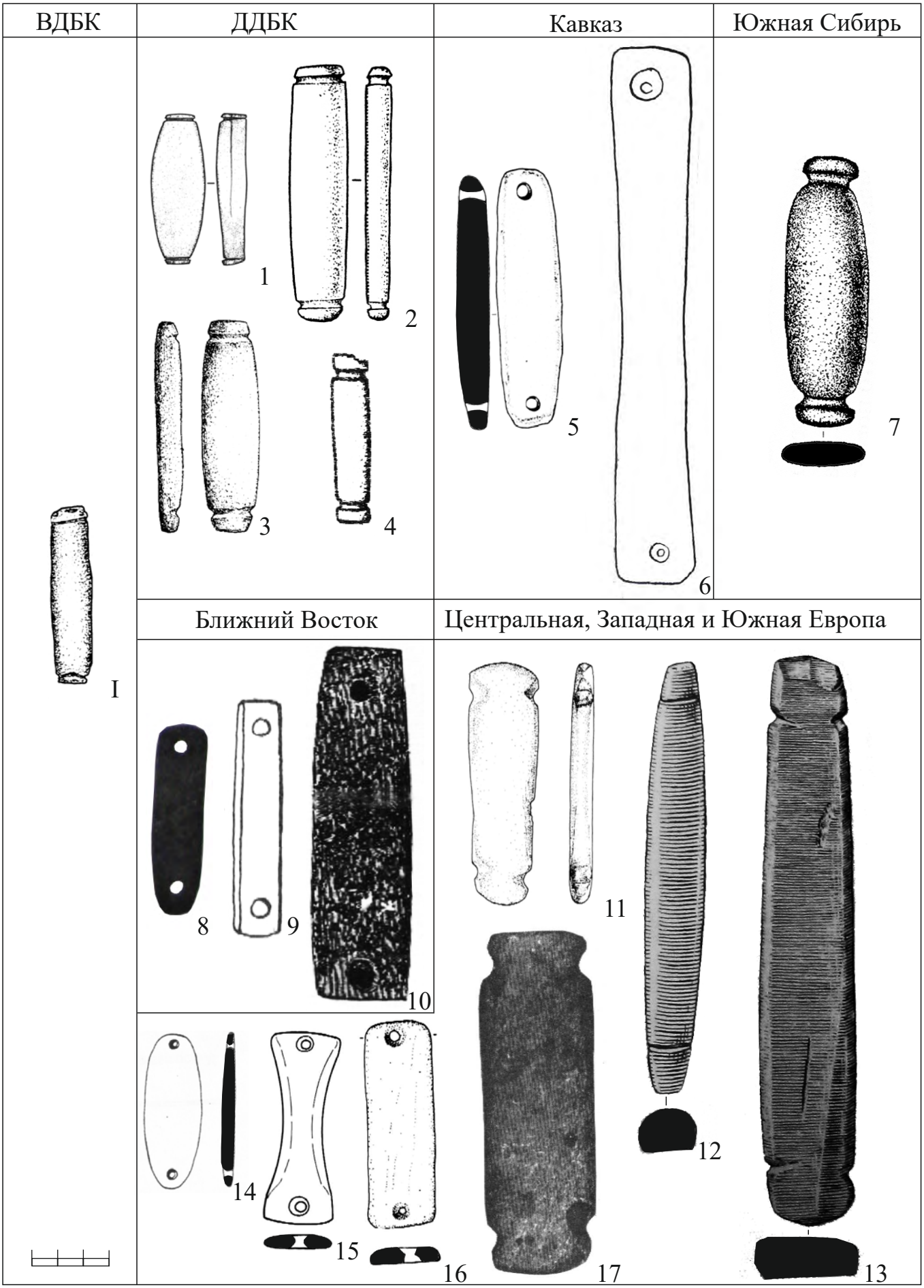
1 - кость; 2-7 - камень
1 - Царев 66/1; 2-4 - Высокая Гора 5/1; 5 - Петрунино II 5/2; 6 - Петрунино II 5/5; 6 - Антонов 3/4

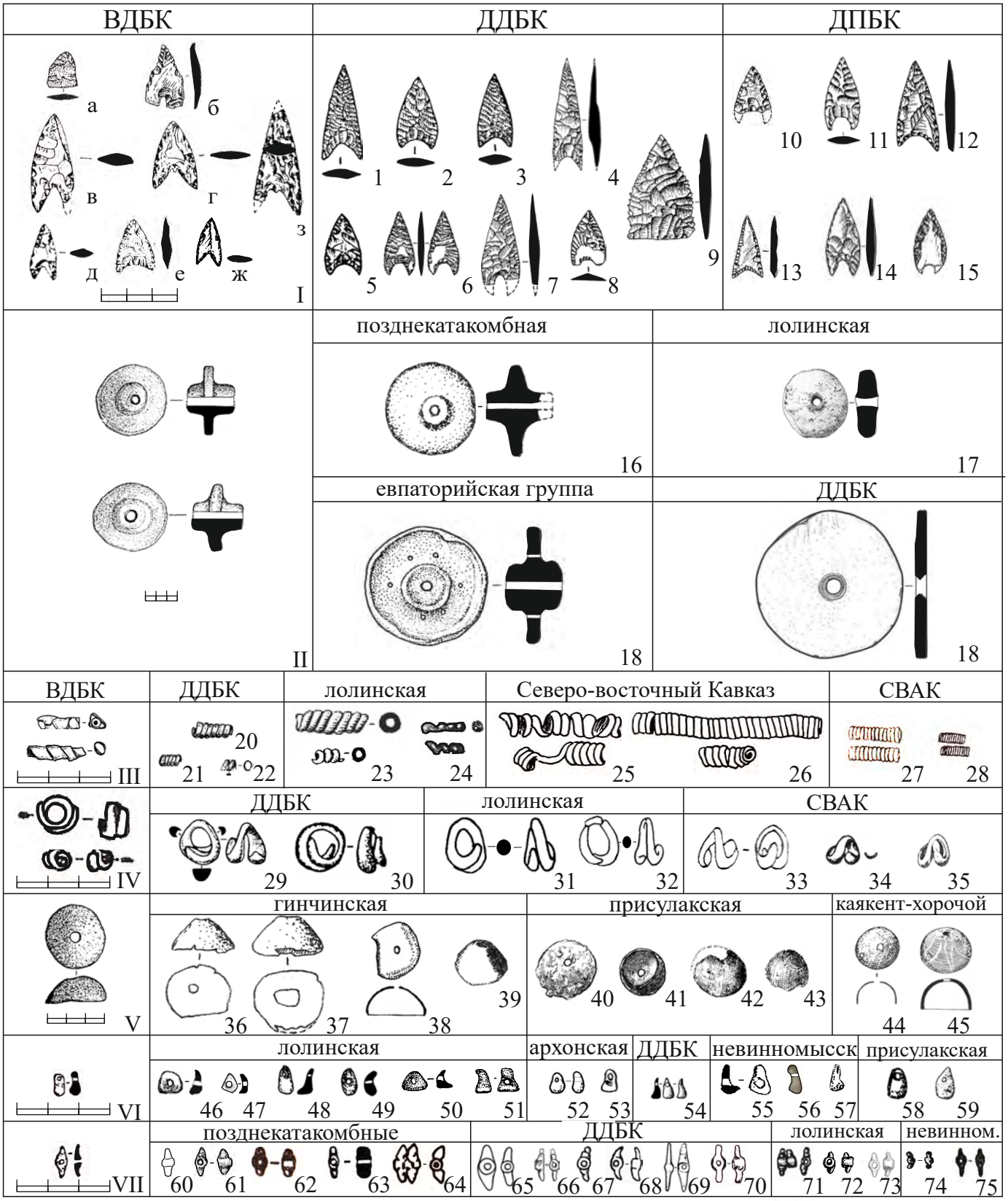
Илл. 37. ВДБК. Изделия из кости, рога, камня, керамики, металла и фаянса

1, 3-5, 7 - кость; 2 - рог; 6 - клыки; 8-25 - камень; 26, 35, 38, 39 - керамика; 27 - дерево и бронза; 28-34, 37 - металл; 40-42 - фаянс; 43 - зуб ската

1 - Антонов 3/4; 2, 15, 20-25 - Высокая Гора 5/1; 3, 10-12 - Петрунино II 5/2; 4-6, 26, 28, 37-40, 43 - Писаревка II 10/2; 7 - Цаца 1/4; 8, 17 - Жутово I 80/2; 9 - Петрунино II 5/5; 13 - Смеловка 2/3; 14 - Верхнерубежный I 3/4; 16, 29, 30 - Светлое Озеро 6/3; 18 - Западные могилы 20/4; 19 - Вербовский I 13/1; 27 - Калмыцкая Гора-2012 п.6; 31 - Бородаевка 2/2; 32 - Кривая Лука XII 1/7; 33 - Павловск II ск.2/38; 34 - Узморье 1/6; 35, 36, 41, 42 - Николо-Варваринка 4/8

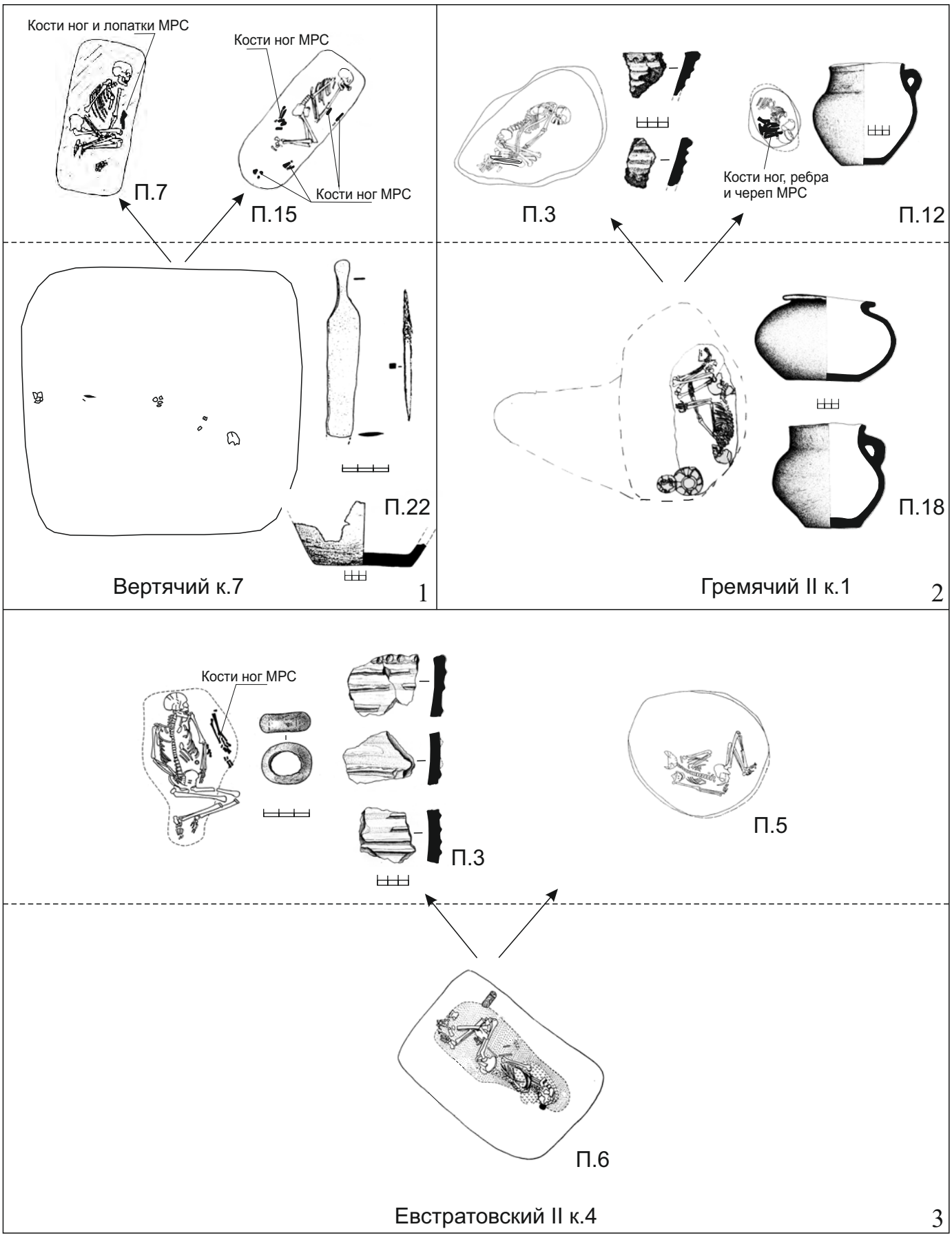

Илл. 38. ВДБК. Брусок с двумя перетяжками и сопоставительные материалы.
1 - Пологи (Соколовская могила) п. 1; 2 - Приволье 11/13; 3 - Долгая Могила 4/17; 4 - Новолакедомоновка од.кург/10; 5 - Саади Катар; 6 - шоссе у Нальчика; 7 - Елунинский гр.мог-I п. 1; 8 - Мегиддо погр. 912a; 9 - Иерихон; 10 - Троя; 11 - Franzhausen п.393; 12 - Holešově п.46; 13 - Holešově п.84; 14 - Anghelu Ruju; 15 - Emmen, Prov. Drenthe; 16 - Tertre funéraire № 1 de Sabatas; 17 - Hollenburg

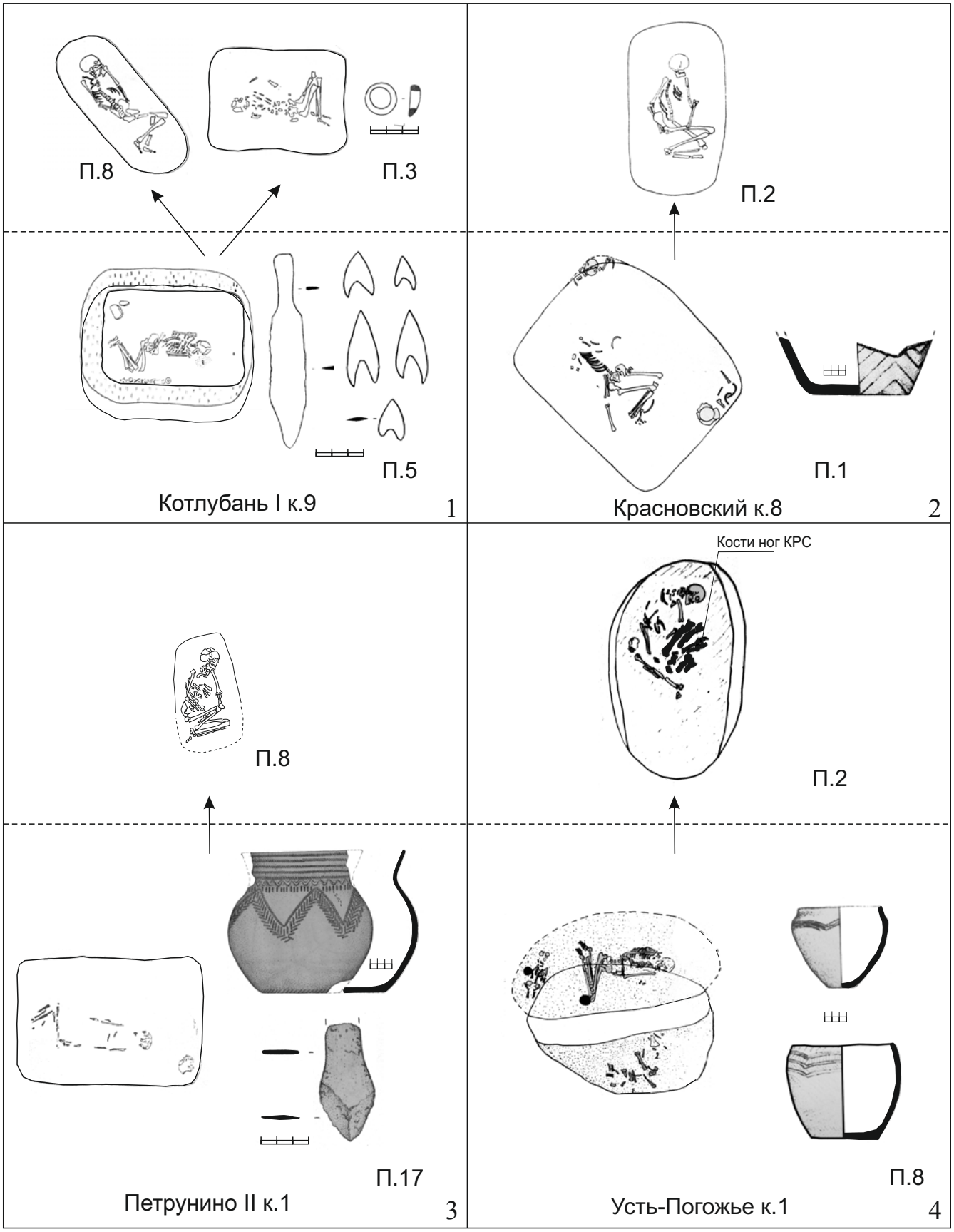

Илл. 39. ВДБК. Инвентарь из погребений и сопоставительные материалы

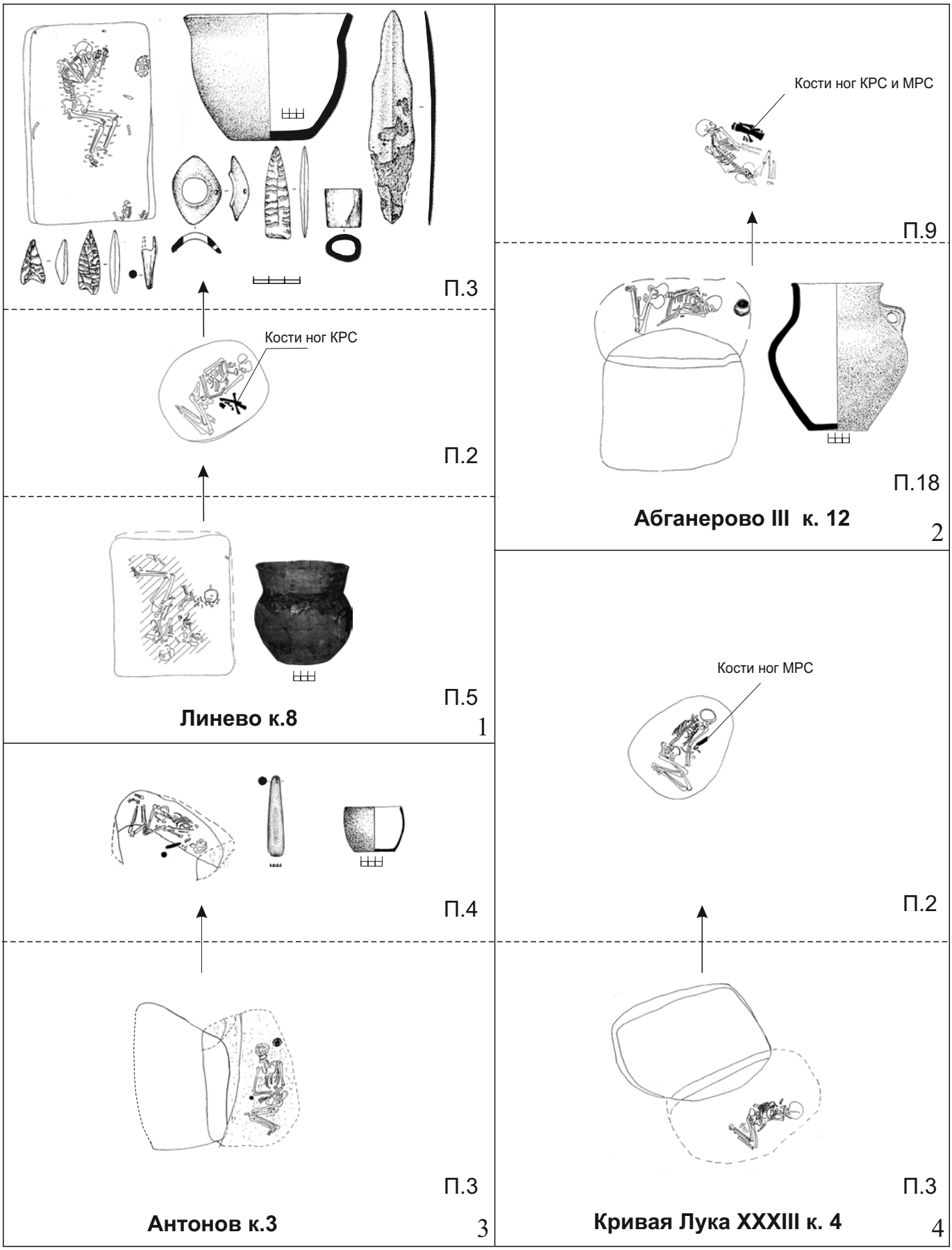
1, 2 - Беева могила п. 3; 3 - Николаевка 1/8; 4 - Близнецы 1/1; 5 - Князево 1/5; 6 - Репный I 7/10; 7 - Керчик 1 7/9; 8 - Нижняя Баран никовка 5/10; 9 - Новоандреевка 4/1; 10, 13 - Кременчуг; 11 - Кулешовка 425/б,в,г; 12 - Новые Раскаецы 1/15; 14 - Большая Знамен ка 15/70; 15 - Никольское 1 3/2; 16 - Вербовка 4/4; 17 - Песчаный V 14/3; 18 - Ильичево 9/6; 19 - Юбилейный V 1/10; 20, 21 - Керчик 17/9; 22 - Запорожец 1/19; 23 - Бияш 1/13, 2/5; 24 - Малаи I 4/4; 25 - Гинчи склеп 5; 26 - Галгалатли склеп 1; 27 - II Виловатский 7/11; 28 - Пеленгер 26/2; 29 - Гнаровское 1/6; 30 - Андреевка 1/1; 31 - Степная IV 3/3; 32 - Чограй III 7/1; 33 - Пеленгерский I 9/1; 34 - Вило ватский II 17/9; 35 - Пикшик 1/13; 36, 37 - Эгикал; 38 - Чох; 39 - Гинчи склеп 5; 40, 41 - Миатли II 1/1; 42, 43 - Миатли XI п. 1; 44 - Ве дено; 45 - Новый Чиркей; 46 - Золотаревка 3 9/13; 47 - Золотаревка 6 15/6; 48, 49 - Цаган-Усн VII 2/9; 50 - Манджикины 1 10/2; 51 - - Шарахалсун 3 8/2; 52 - Архонская 88 2/5; 53 - Чикола II 4/3; 54 - Ребриковка II 1/7; 55 - Калиновский 1/8; 56 - Нальчик; 57 - Ореховка 2/5; 58 - Миатли II 1/1; 59 - Миатли II 2/1; 60 - Лола I 4/8; 61 - Лола I 12/жертв.; 62 - Веселая Роща III 26/10; 63 - Овата V 1/4; 64 - Пластуновский I 1/22; 65 - Чикмари-II 1/4; 66 - Шахтерск 8/2; 67 - Запорожец 1/16; 68 - Котовка II 5/9; 69 - Репный I 7/7; 70 - Керчик 21/5; 71 - Островной 6/4; 72 - Вавилон 3 8/8; 73 - Песчаный V 14/3; 74 - Архонская 89 1/3; 75 - Калюжный 1 1/8

Илл. 40. ВДБК. Стратиграфическое соотношение катакомбных и посткатакомбных погребений в Нижнем Поволжье

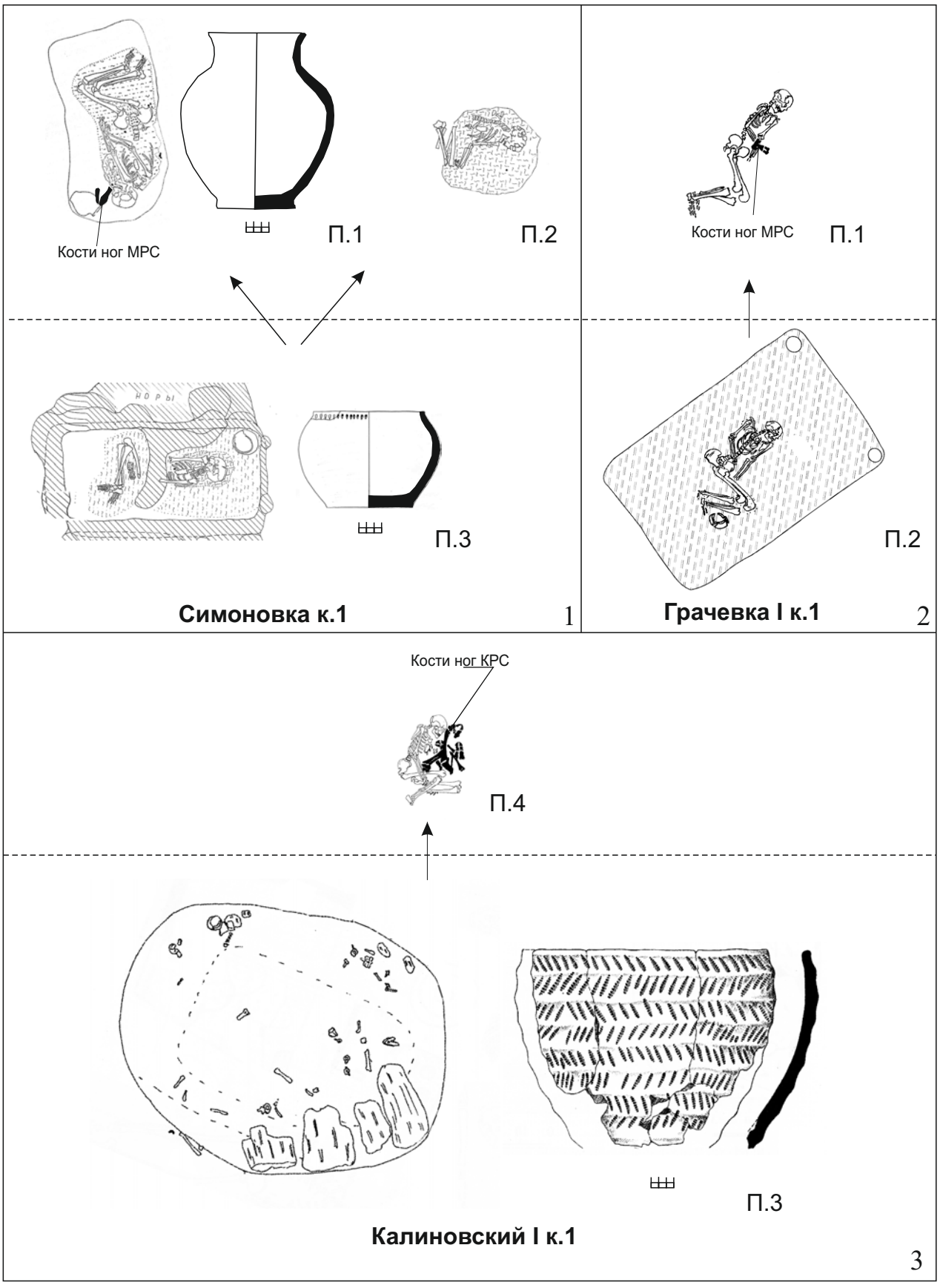

Илл. 41. ВДБК. Стратиграфическое соотношение катакомбных и посткатакомбных погребений в Нижнем Поволжье

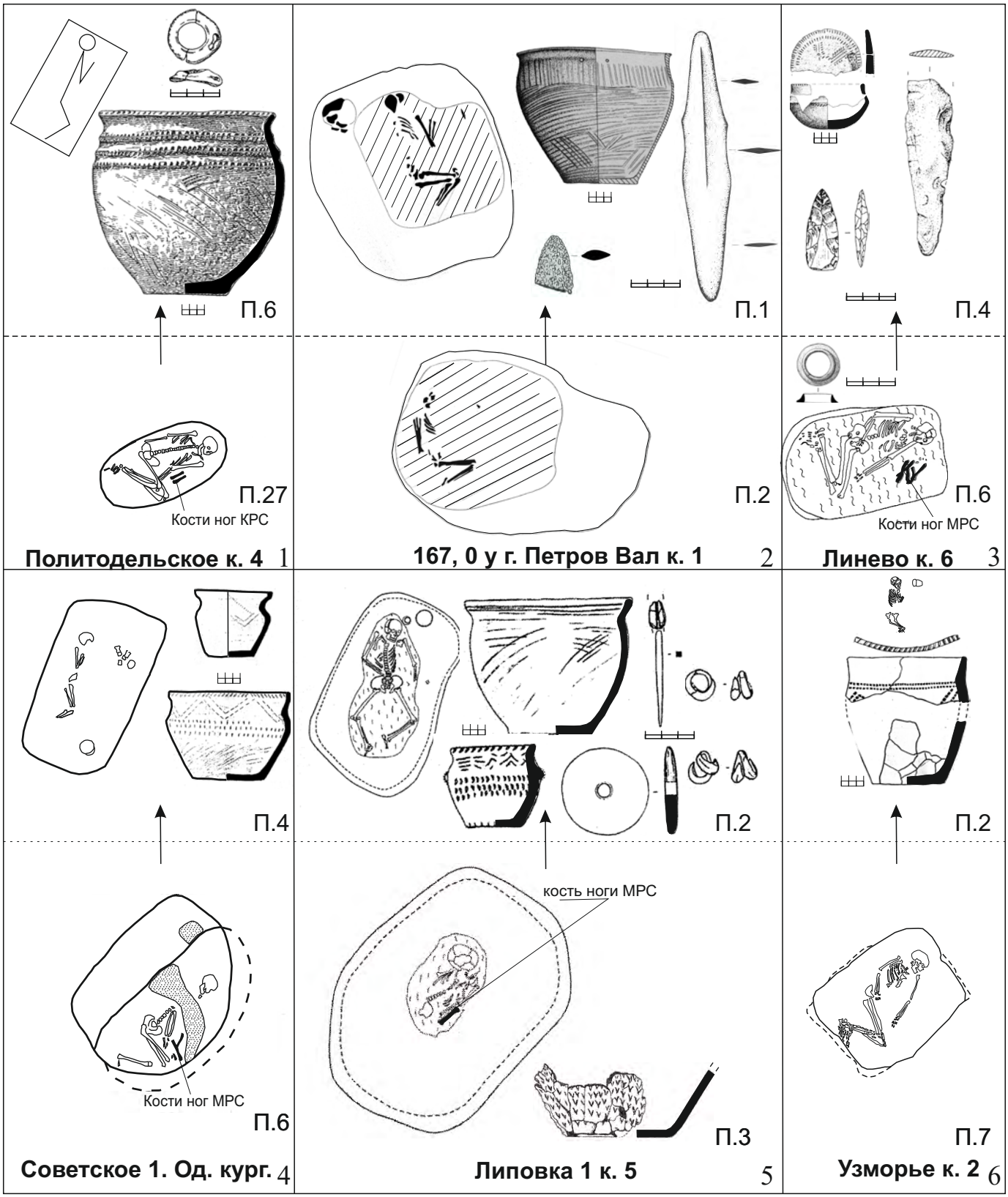

0 50см - масштаб для планов погребений

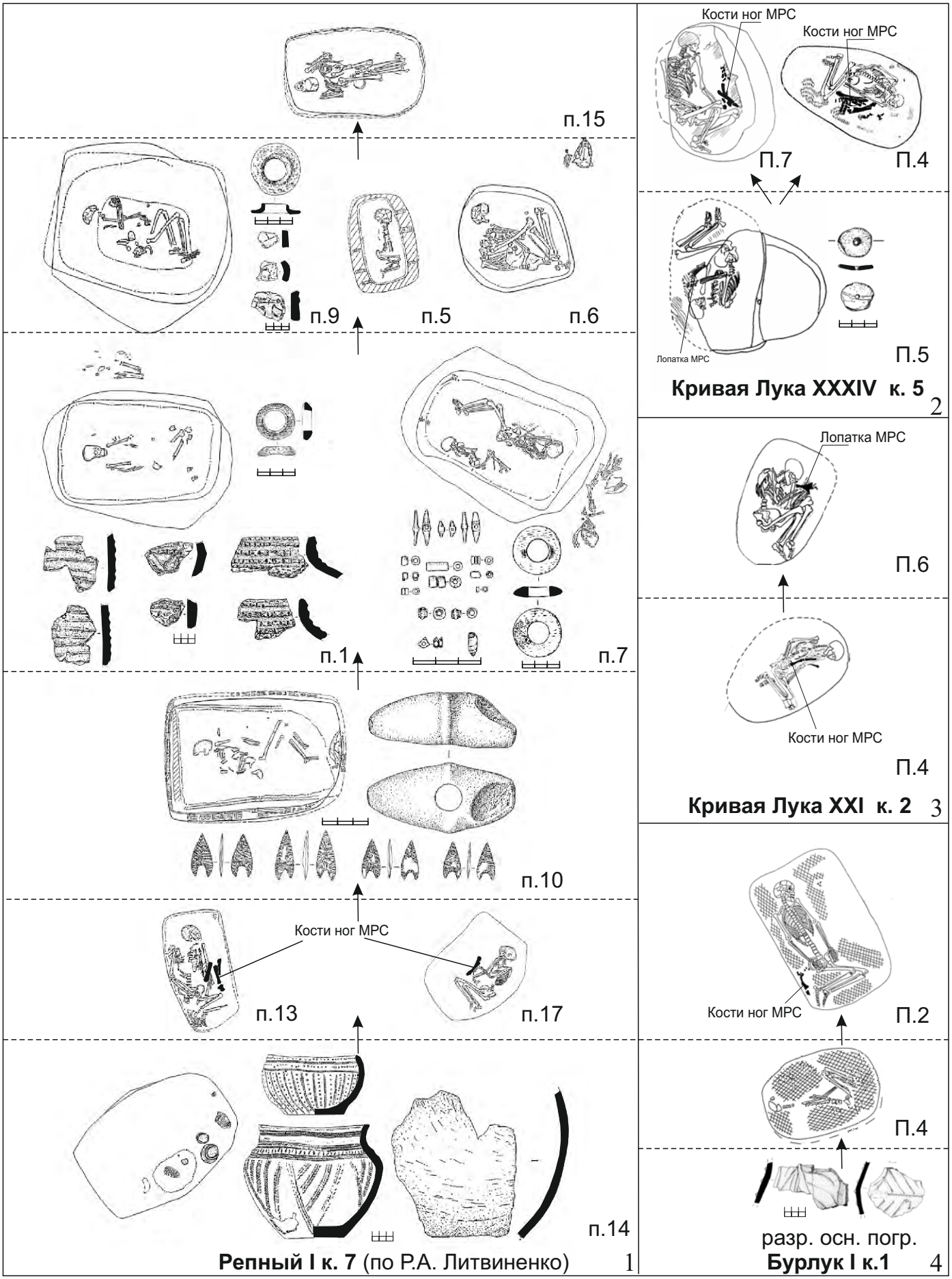
Илл. 42. ВДБК. Стратиграфическое соотношение катакомбных, посткатакомбных и покровских погребений

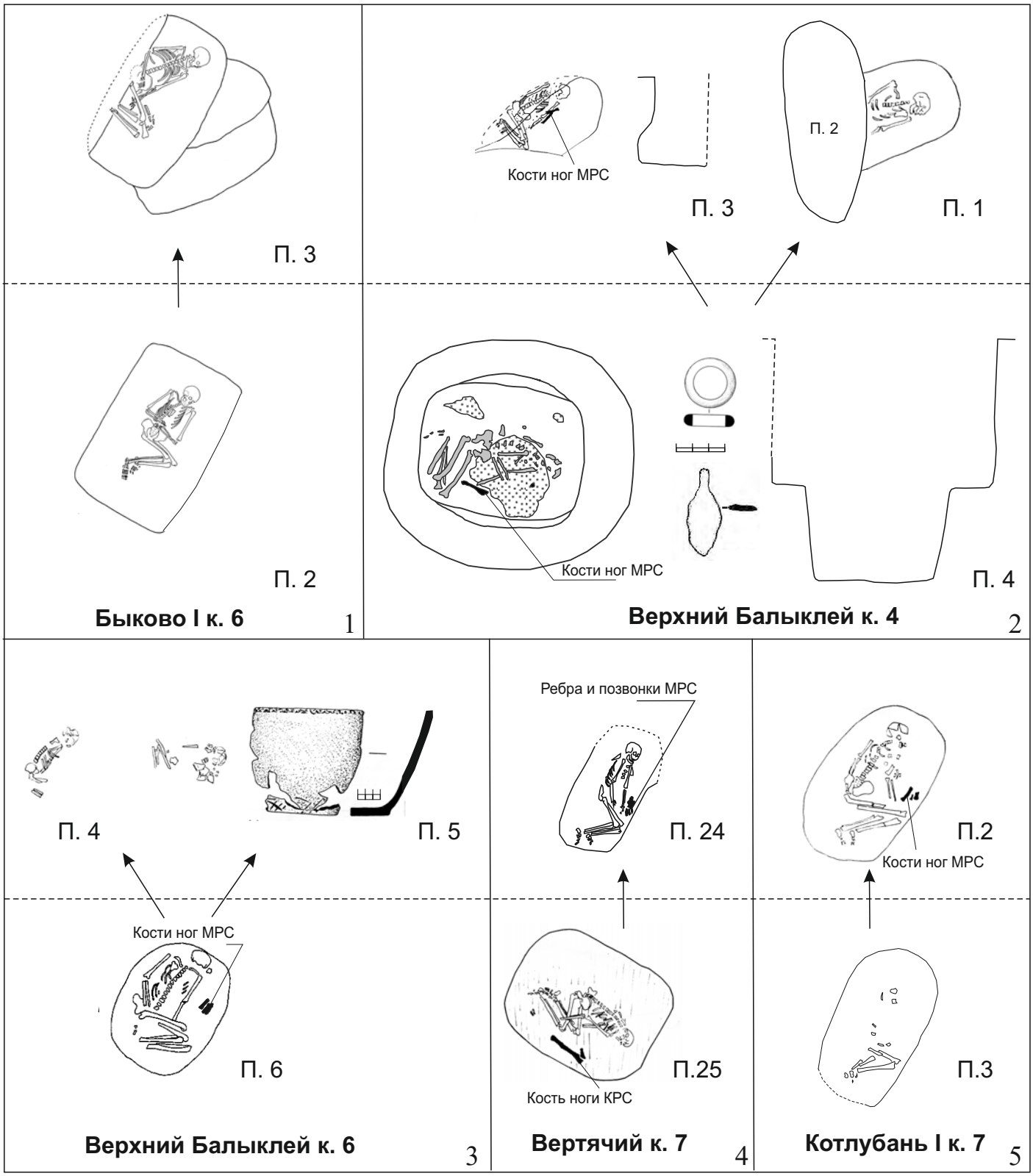
Илл. 43. ВДБК. Стратиграфическое соотношение посткатакомбных погребений и захоронений полтавкинской культуры

Илл. 44. ВДБК. Стратиграфическое соотношение посткатакомбных погребений и покровских захоронений

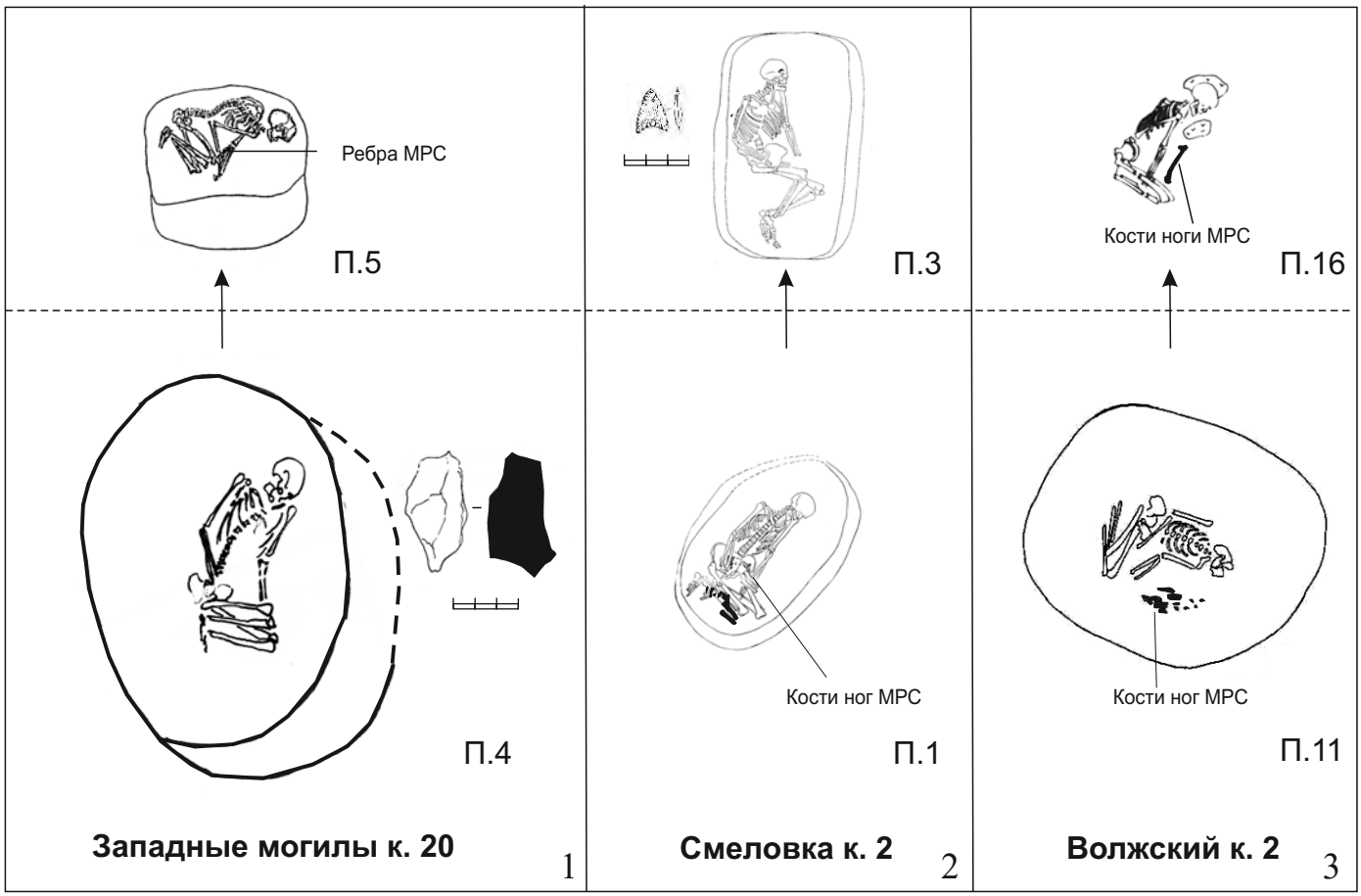

Илл. 45. ВДБК. Стратиграфическое соотношение погребений культурных кругов Бабино и Лола

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 46. ВДБК. Стратиграфическое соотношение погребений

Илл. 47. ВДБК. Стратиграфическое соотношение погребений

II ОГ - П.1 III ОГ - П.3
Верхний Балыклей к. 4
II ОГ - П.4

I ОГ - П.3
Быково I к. 6
I ОГ - П.2

II ОГ - П.4
Бережновка I к. 8
II ОГ - П.5

I ОГ - П.4 II ОГ - П.5
Верхний Балыклей к. 6
II ОГ - П.6

I ОГ - П.24
Вертячий к. 7
II ОГ - П.25

I ОГ - П.16
Волжский к. 2
II ОГ - П.11

I ОГ - П.1 I ОГ - П.2
Кривая Лука XI к. 4
I ОГ - П.5

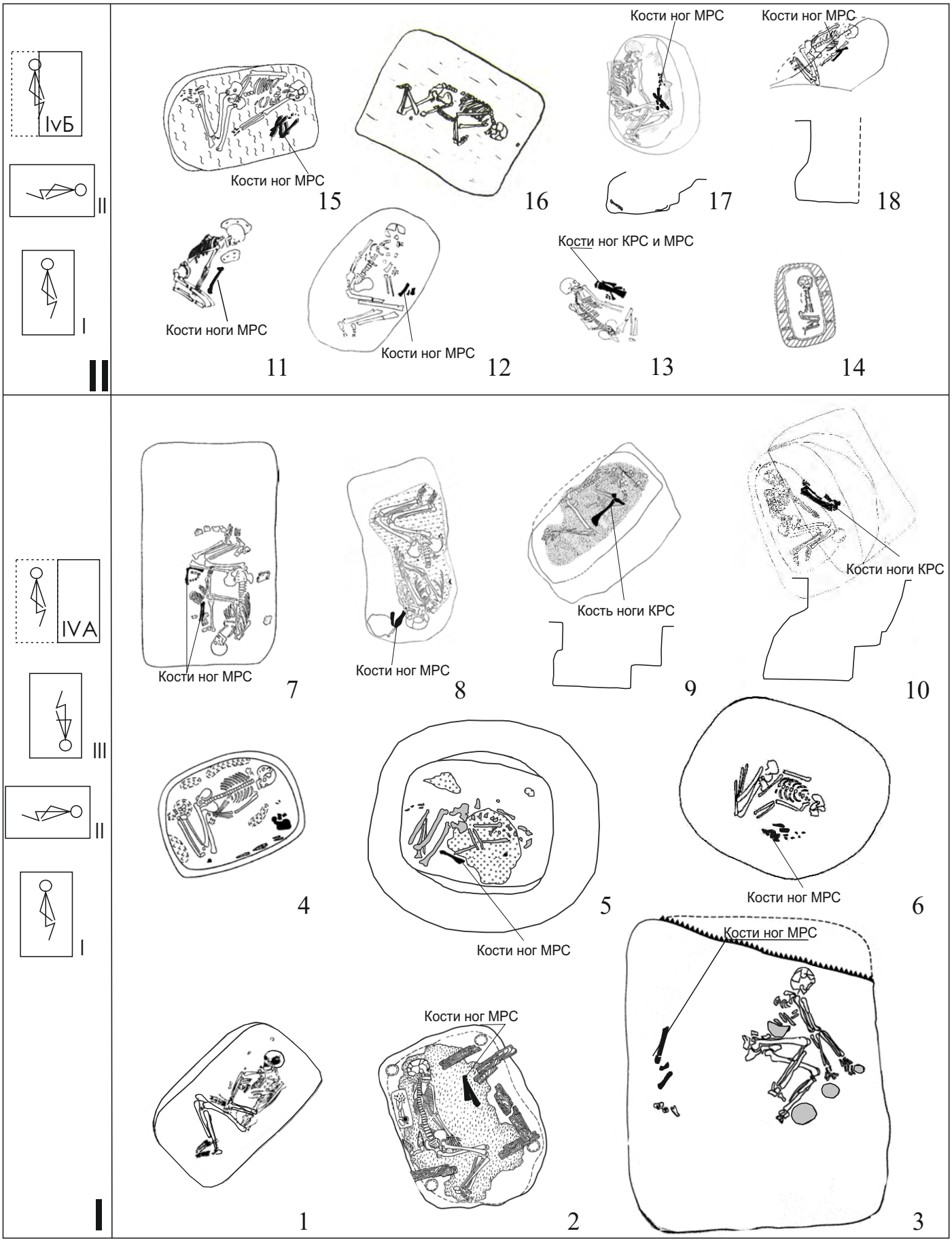
I ОГ - П.2
Котлубань I к. 7
I ОГ - П.3

I ОГ - П.5
Репный I к. 7
I ОГ - П.13,17

II ОГ - П.5
Западные могилы к. 20
I ОГ - П.4

I ОГ - П.3
Смеловка к. 2
I ОГ - П.1

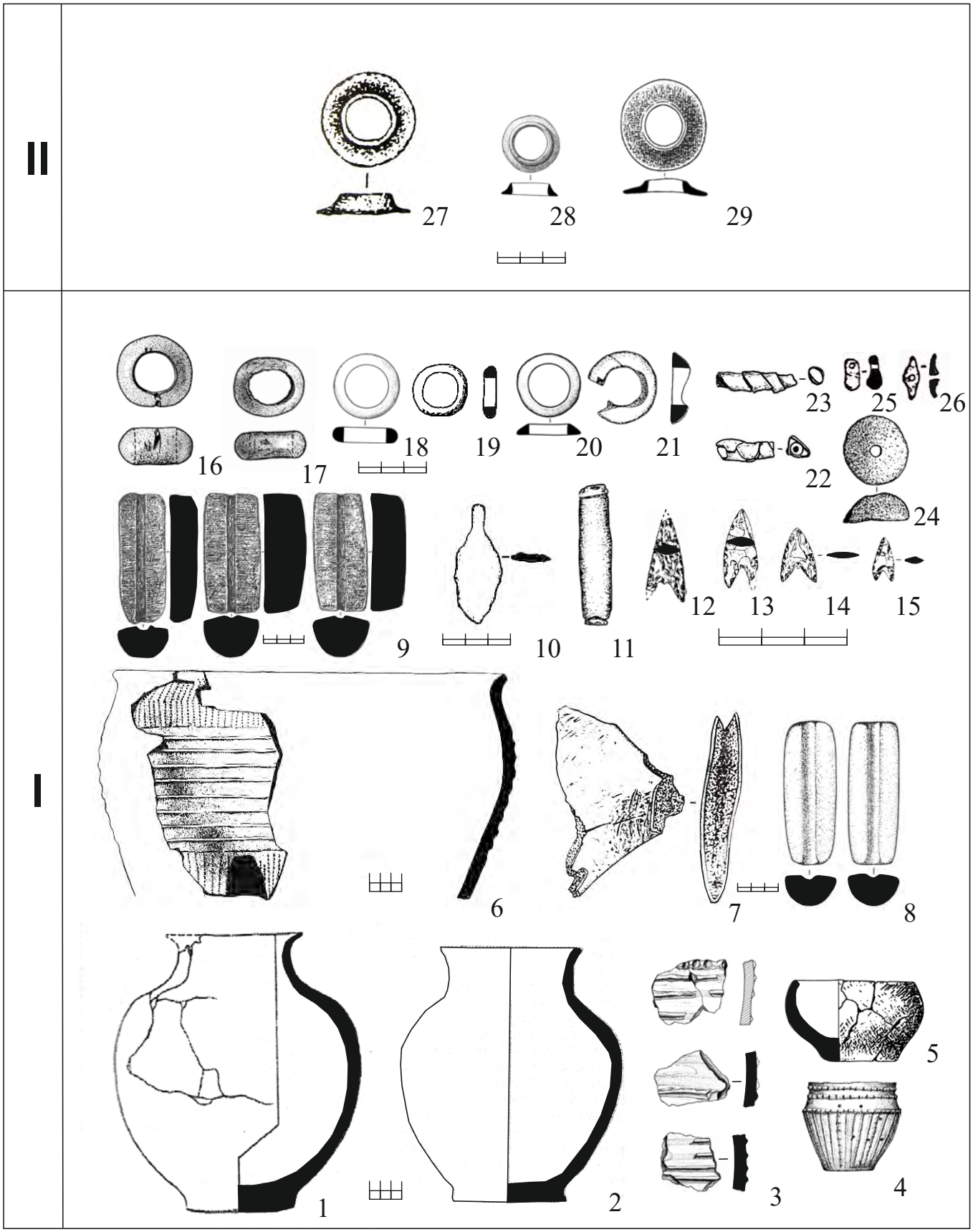
Илл. 48. ВДБК. Схема стратиграфического соотношения погребений разных обрядовых групп

0 50см - масштаб для планов погребений

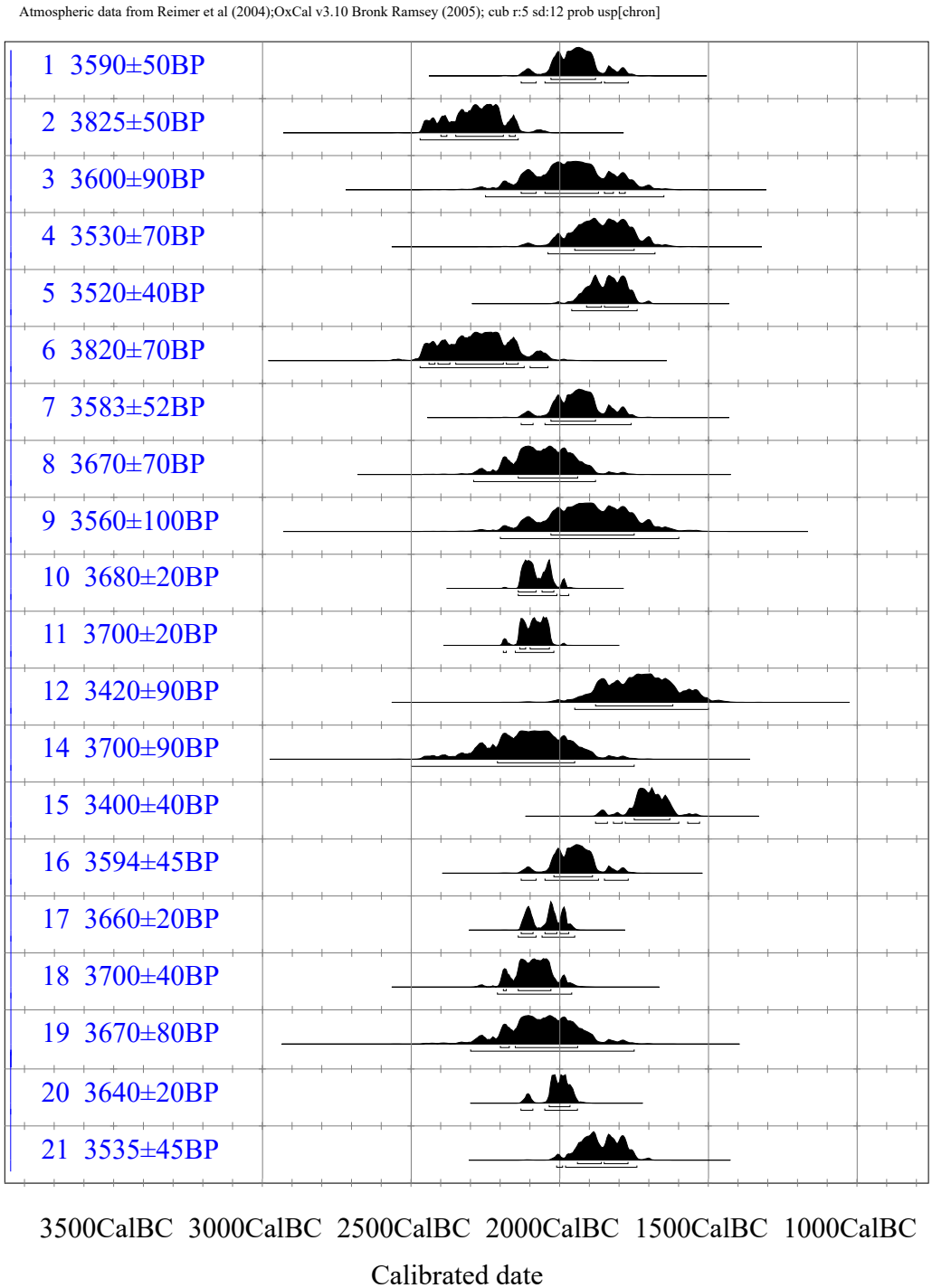
Илл. 49. **ВДБК.** Периодизация. Обряд

1 - Петрунино II 5/2; 2 - Высокая Гора 5/1; 3 - Калмыцкая Гора-2012 п.6; 4 - Жареный Бугор 3/1; 5 - Верхний Балыклей 4/4; 6 - Волжский 2/11; 7 - Бережновка I 5/21; 8 - Симоновка 1/1; 9 - Рыбушка 15/2; 10 - Усть-Курдюм 1 6/1; 11 - Волжский 2/16; 12 - Котлубань I 7/2; 13 - Абганерово III 12/9; 14 - Репный I 7/5; 15 - Линево 6/6; 16 - Короли 4/3; 17 - Кривая Лука XXXIV 5/7; 18 - Верхний Балыклей 4/3

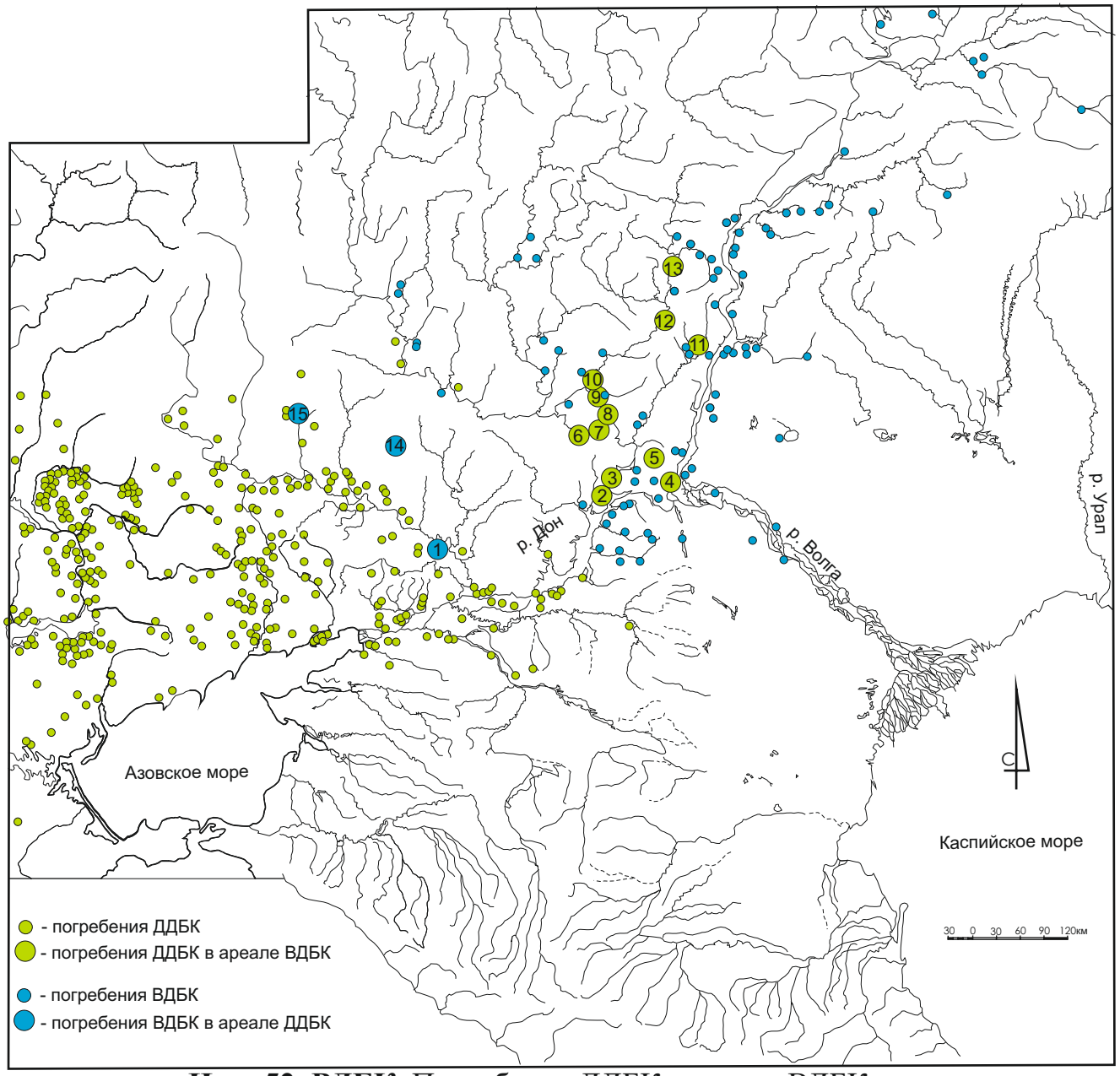
Илл. 50. ВДБК. Периодизация. Инвентарь

1 - Караман 1/3; 2 - Симоновка 1/1; 3 - Евстратовский II 4/3; 4, 21 - Жареный Бугор 3/1; 5, 9 - Высокая Гора 5/1; 6, 7 - Царев 66/1; 8, 13-15 - Петрунино II 5/2; 10, 18 - Верхний Балыклей 4/4; 11 - Жутово I 80/2; 12 - Петрунино II 5/5; 16 - Евстратовский II 2/3; 17 - Евстратовский II 4/3; 19 - Большая Дмитриевка II 1/6; 20 - Власовский I 7/1; 22, 23 - Николо-Варваринка 4/8; 24-26 - Писаревка II 10/2; 27 - Короли 4/3; 28 - Линево 6/6; 29 - Лимаревка 1/20

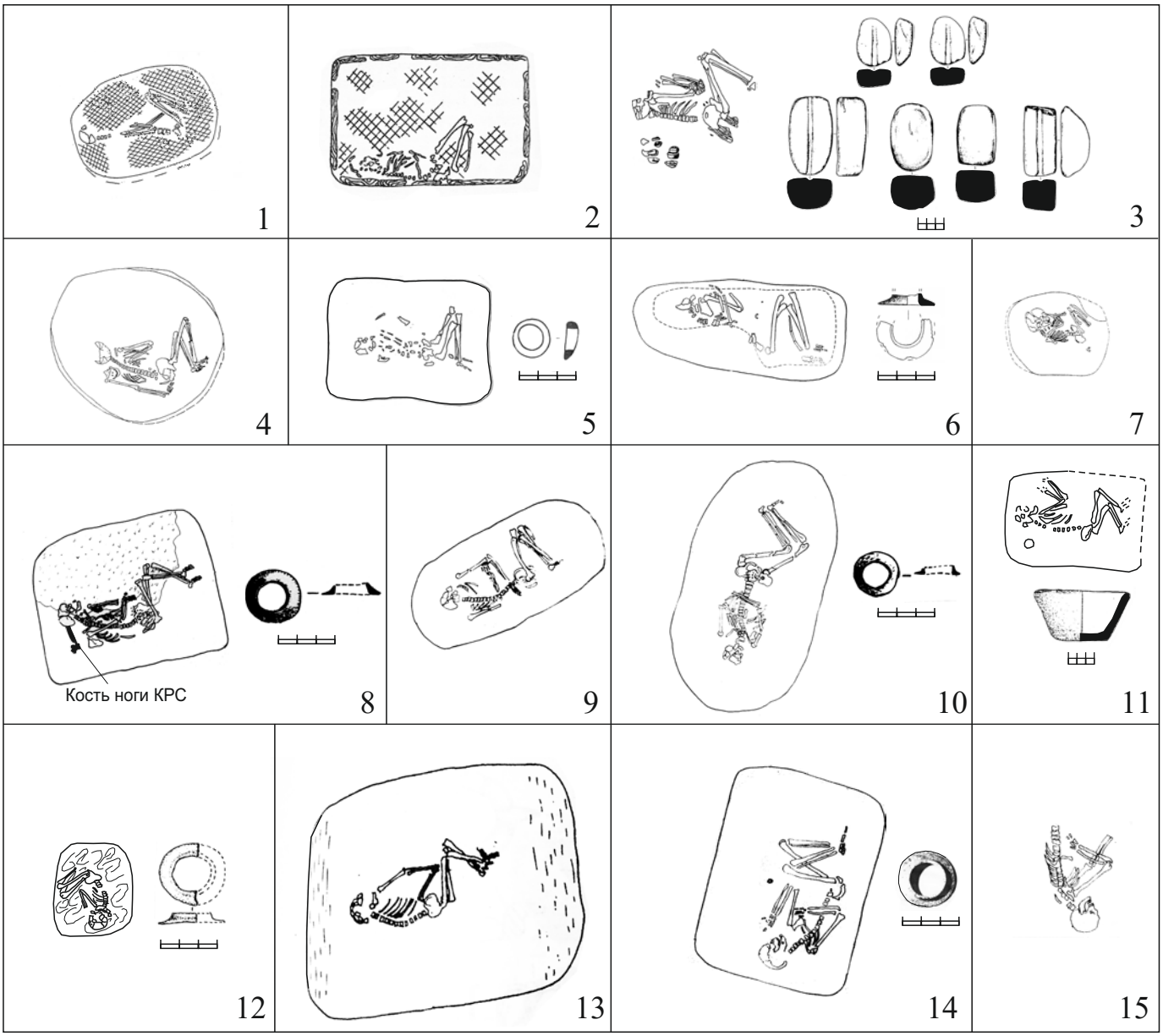
Илл. 51. ВДБК. Радиоуглеродные даты

(нумерация дана в соответствии с табл.6.4)

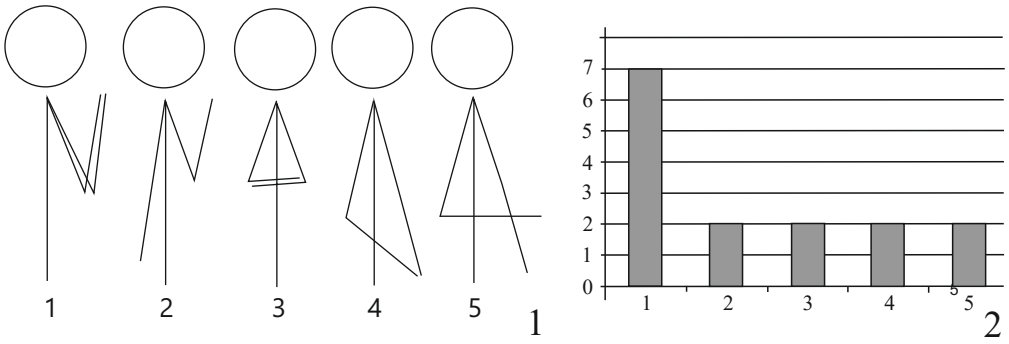
Илл. 52. ВДБК. Погребения ДДБК в ареале ВДБК

1 - Репный I 7/5,13,17; 2 - Остров 5/1; 3 - Горный 2/3,4,7; 4 - Химкомбинат Б 4/9; 5 - Котлубань I 9/3, Котлубань III 1/8, IV 1/4; 6 - Евстратовский II 4/5; 7 - Перекопка 5 1/2; 8 - Шляховский 3/5,7; 9 - Ветютнев 2/1; 10 - Глушица 1/1; 11 - Барановка I 10/5; 12 - Бурлук I 1/4; 13 - Песковка 2/3; 14 - Лимаревка 1/13,20; 15 - Нижняя Дуванка 1/3

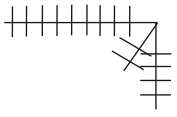
Илл. 53. ВДБК. Погребения ДДБК в ареале ВДБК

1 - Бурлук I 1/4; 2 - Барановка I 10/5; 3 - Ветютнев 2/1; 4 - Евстратовский II 4/5; 5 - Котлубань I 9/3; 6 - Перекопка 5 1/2; 7 - Песковка 2/3; 8 - Горный 2/4; 9 - Горный 2/7; 10 - Горный 2/3; 11 - Остров 5/1; 12 - Глушица 1/1; 13 - Химкомбинат Б 4/9; 14 - Шляховский 3/5; 15 - Шляховский 3/7

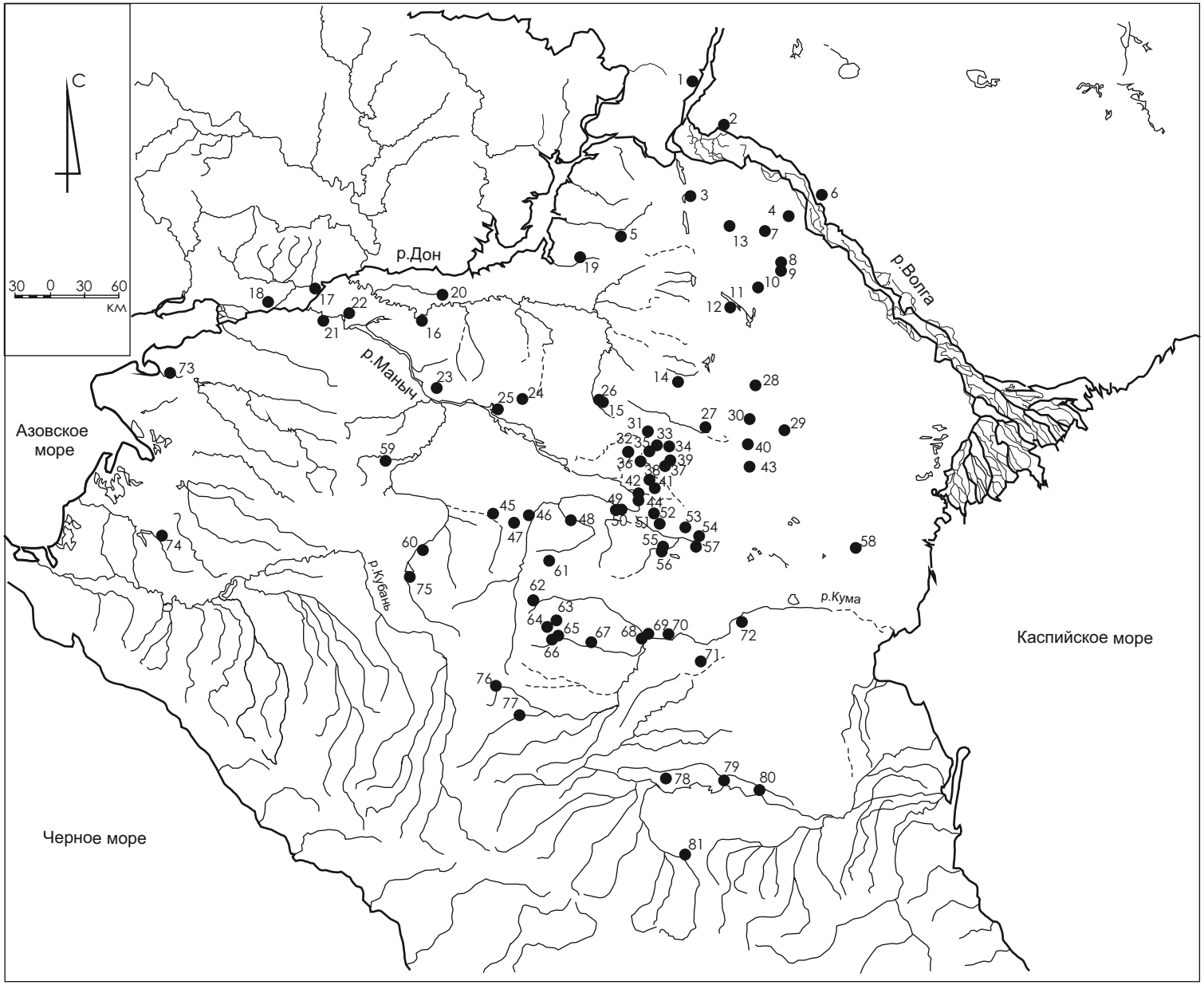

Илл. 54. ВДБК. Положение рук в погребениях ДДБК в ареале ВДБК

1 - варианты положения рук; 3 - количественное соотношение учтенных комплексов с различными вариантами положения рук

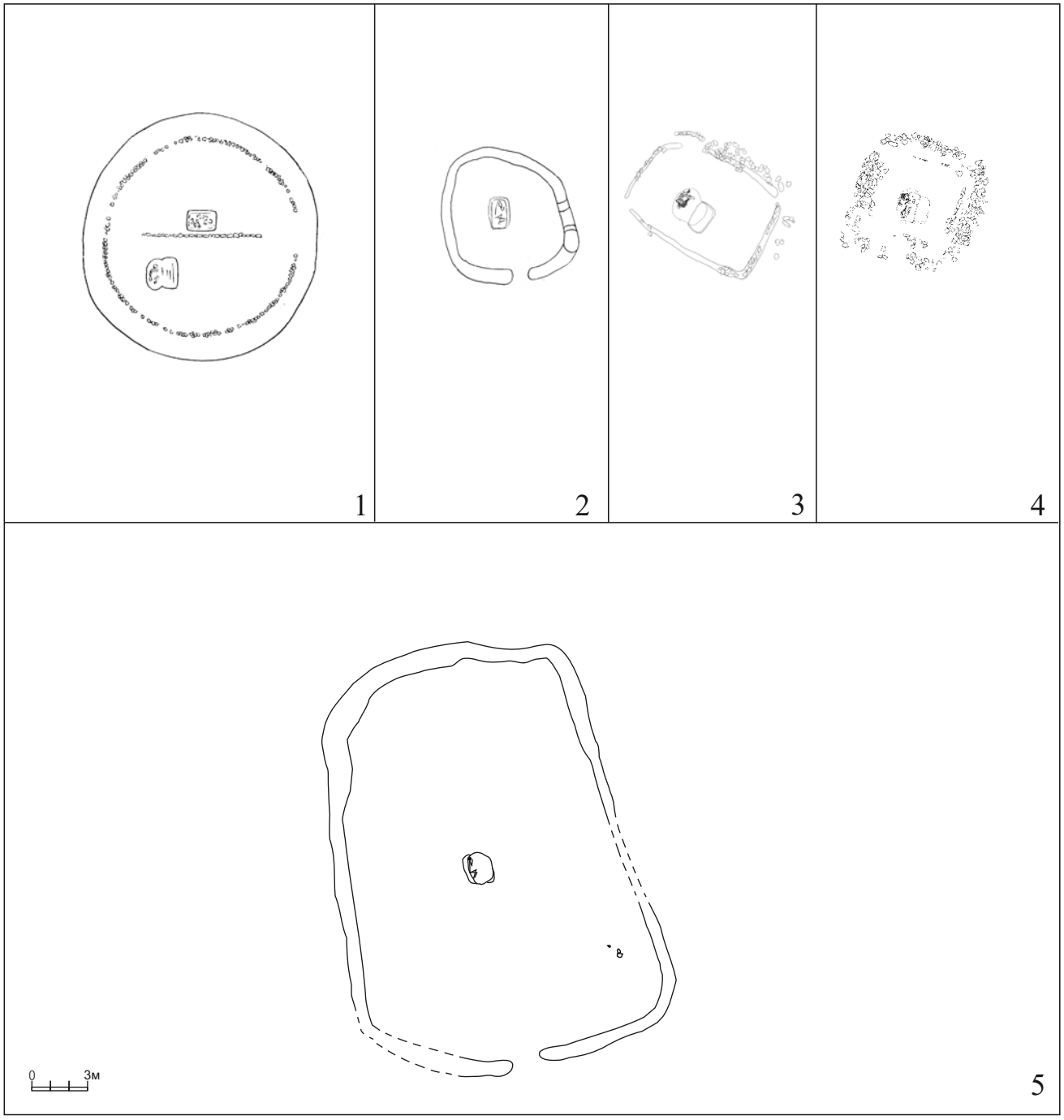
Илл. 55. ВДБК. Ориентировки в погребениях ДДБК в ареале ВДБК

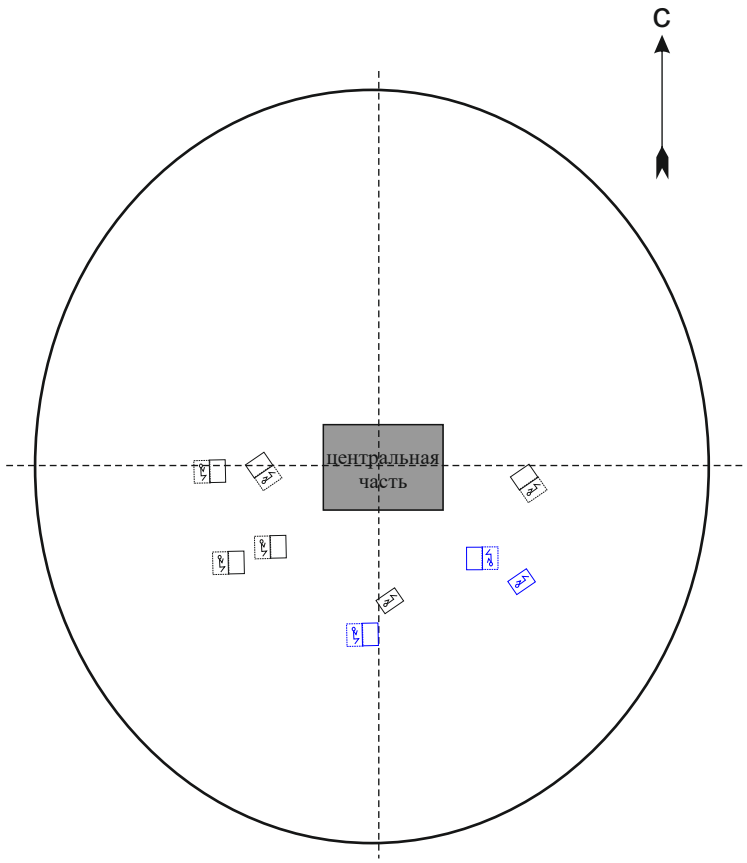
Илл. 56. Лолинская культура. Территория.

Илл. 56. Лолинская культура. Территория

1 – Пичуга I 1/8; **2** – Бахтияровка 32/4; **3** – Цаца к.1 п.1; **4** - Кривая Лука II 1/13, XXI 1/9, 2/6, XXXIV 5/5; **5** – Аксай I 6/3; **6** – Степная IV 1/11, 3/3; **7** – Купцын Толга 10/1, 48/4; **8** – Улан Толга 3/2, 11/2; **9** – Ики-Зегиста 5/1; **10** – Иджил III 4/1; **11** – Цаган-Нур 1/1; **12** – Эвдык I 4/10, 9/4,5; **13** – Балкин II 6/1; **14** – Шатта 1 1/10; **15** – Песчаный V 14/3; **16** – Новый 130/7; **17** – Бессергенеевский III 24/3; **18** – Аксайский поворот III 2,3/5; **19** – Гремячий II 1/12; **20** – Кировский IV 7/2; **21** – Колдыри 24/3; **22** – Москва I од.кург./16; **23** - Лысянский I 2/6; **24** – Козинка I 7/5; **25** – Темрта I 2/7; **26** – Улан Терге 1/3,6,8; **27** – Улан-Хееч 2/2; **28** – КВЧ-57 1/1, 2/1,5; **29** – КВЧ-37 14/4; **30** – Элиста 6/1,4; **31** – Цаган-Эльсин 5/1,2; **32** – Архаринский 9/1, 20/3, 33/3; **33** – Элистинский 35/1, 35/3; **34** – Лола I 1/1,2,3 2/2,3, 3/1,2, 7/1, 8/1,2,3, 9/2, 10/1, 11/1,2,3, 12/1,2,3, 14/2, 16/1, Лола II 4/1, 8/1,2,4,5, 11/3, 13/1; **35** – Первомайский 4 2/3; **36** – Кермен-Толга 19/1; **37** – Хар-Зуха I 5/2,3а, 9/2; **38** – Чере-Хурул 2/1; **39** – Яшкуль I 1/2; **40** – Кевюды 1 3/4,5,6; **41** – Островной 3/2,6,12,15,16,39, 6/4,5,9, 7/2,7 12/2,3,4; **42** – Цаган-Усн III 5/6,7, 6/2, V 1/1, 2/2, VII 2/11, 4/27; **43** – Дамба-Калаус 1/8, 3/1; **44** – Золотаревка 3 1/1,2,4, 4/2, 6/2,3, 9/1,6,8,13, Золотаревка 6 11/1, 15/6, 16/1; **45** – Ипатово 3 2/13, Ипатово 5 3/1; **46** – Вавилон 3 6/5, 8/8; **47** – Айгурский 2 22/12,13,16, 37/1; **48** – Шарахалсун 3 5/5, 8/2, Шарахалсун 5 14/1, Шарахалсун 6 2/11,15, 6/1,2, 10/3,5, 11/7; **49** – Типки 1 2/4, Типки 5 1/2, 1/3; **50** – Улан-Зуха 1/4; **51** – Зунда-Толга 1 5/2, Зунда-Толга 3 2/1,2,3; **52** – Манджикины 1 1/2, 5/6, 9/1, 10/2, 14/7, Манджикины 2 8/2, 11/5; **53** – ВМЛБ, 1965, I 3/2, 5/2, 17/1, 18/1,3, 26/1,2,3, 28/1,3, 30/1,3, 32/2,3,4, 33/1, 34/3,4,5 35/1,2, 37/1,2, 38/1, 42/6, 54/4, 57/1, ВМЛБ, 1965, II, 5/1, 15/1, 19/3, 19/6, 20/3, 32/5, 35/3, 42/3, ВМЛБ, 1966, I 29/6, 29/7, 43/17, ВМЛБ, 1966, II 1/2, 1/3, 12/2,3, 20/2, ВМЛБ, 1966, III 1/1, 3/2, 4/7, 5/3, 11/1; **54** – Одиночный курган п.1; **55** – Чограй I 2/3, 5/3, 9/3, 10/2, 13/1, Чограй II 6/1, 15/3, Чограй III 7/1, Чограй IV 7/2, Чограй VIII 9/4, 34/1, Чограй IX 5/10, 15/12; **56** – ВМПБ, 1965 17/1,5, 18/1, 22/3, ВМПБ, 1967 1/2, 2/1, 11/12, 13/4, 14/5,8, 15/2, 19/2, 30/3; **57** – Черноземельский 1 4/31; **58** – Новопалестинский II 2/5; **59** – Ильинский 1 1/6; **60** – Горный 1/10; **61** – Ореховка 3/2,3; **62** – Грушевка II к.2 п.4, к.3 п.6; **63** – Калиновский 6/4; **64** – Жуковский I 1/3, 5/1, 8/2; **65** – Веселая Роща I 30/4, II 1/1, 13/6, III 13/10, 24/11, 25/2, 26/6; **66** – Китаевка 2/1, 5/2; **67** – Буденновск 4 8/4, 5 1/7; **68** – Буйвола 1 2/2,3, 4/2,3,7, 5/3,7; **69** – Кабакинский 2 1/9; **70** – Бияш 1/13, 2/4,5; **71** – Зимняя Ставка 1 6/10,11; **72** – Южный VII 1/10; **73** – Малаи I 4/4; **74** – Родионов 4 5/3; **75** – Кунаковский 2 1/1, 2/9, 3/3; **76** – Суворовский 1 5/3; **77** – Черноярская 3/10; **78** – Галюгаевская-85 3/11, 4/5, 6/2,3,3а; **79** – Мекенская 4/4,7,8, 5/5; **80** – Беслан-2012 А/703,705

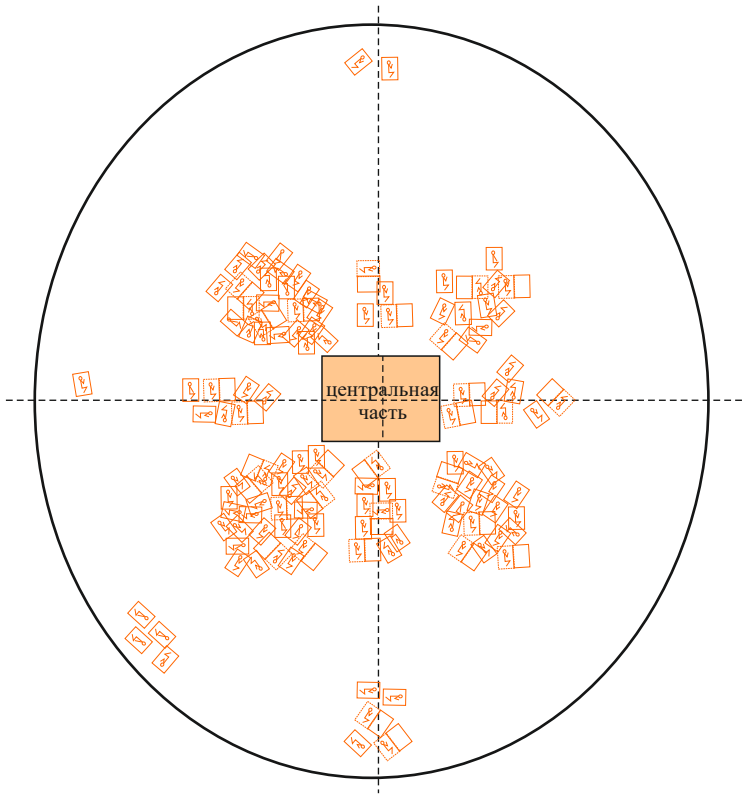

Илл. 57. Лолинская культура. Курганы с кромлехами и ровиками
1 - Лола I к. 2; 2 - Новый к. 130; 3 - Айгурский 2 к. 37; 4 - Ипатово 3 к. 2;
5 - Кировский IV к. 7

□ - основные погребения
□ - погребения с досыпками

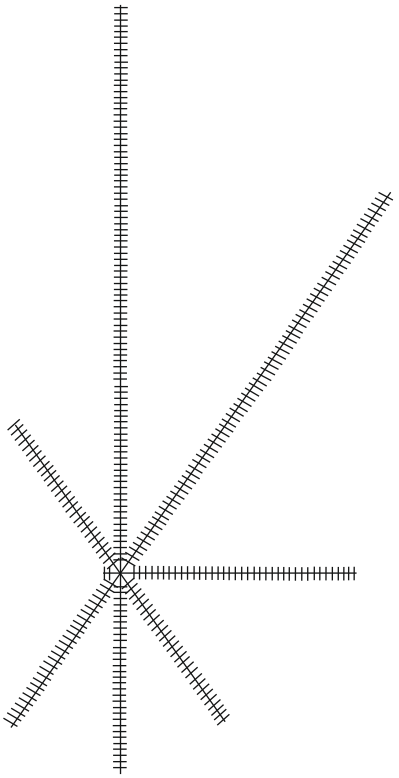
1

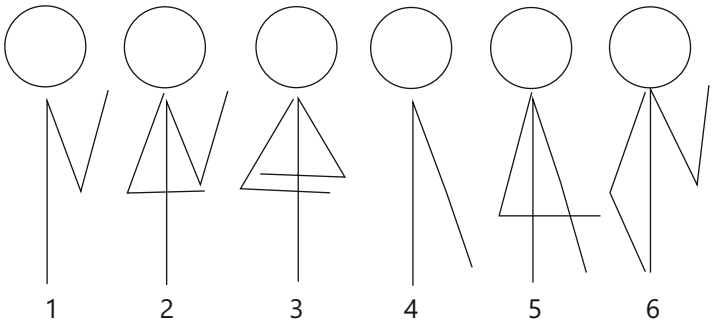
2

□- впускные погребения

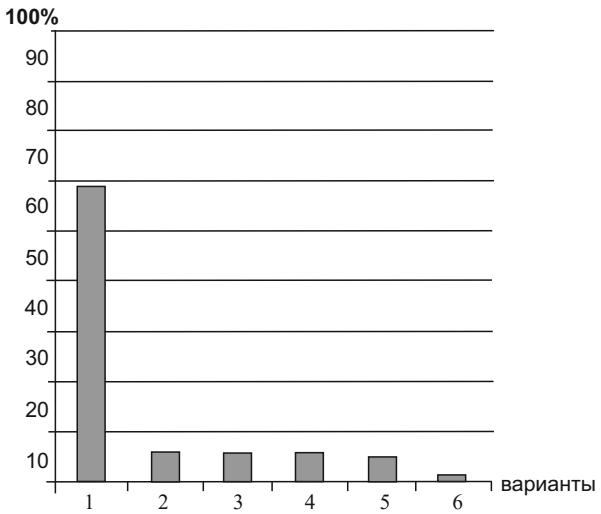
Илл. 58. Лолинская культура. Схема расположения погребений лолинской культуры по основным секторам кургана

Илл. 59. **Лолинская культура.** Ориентировка скелетов в погребениях

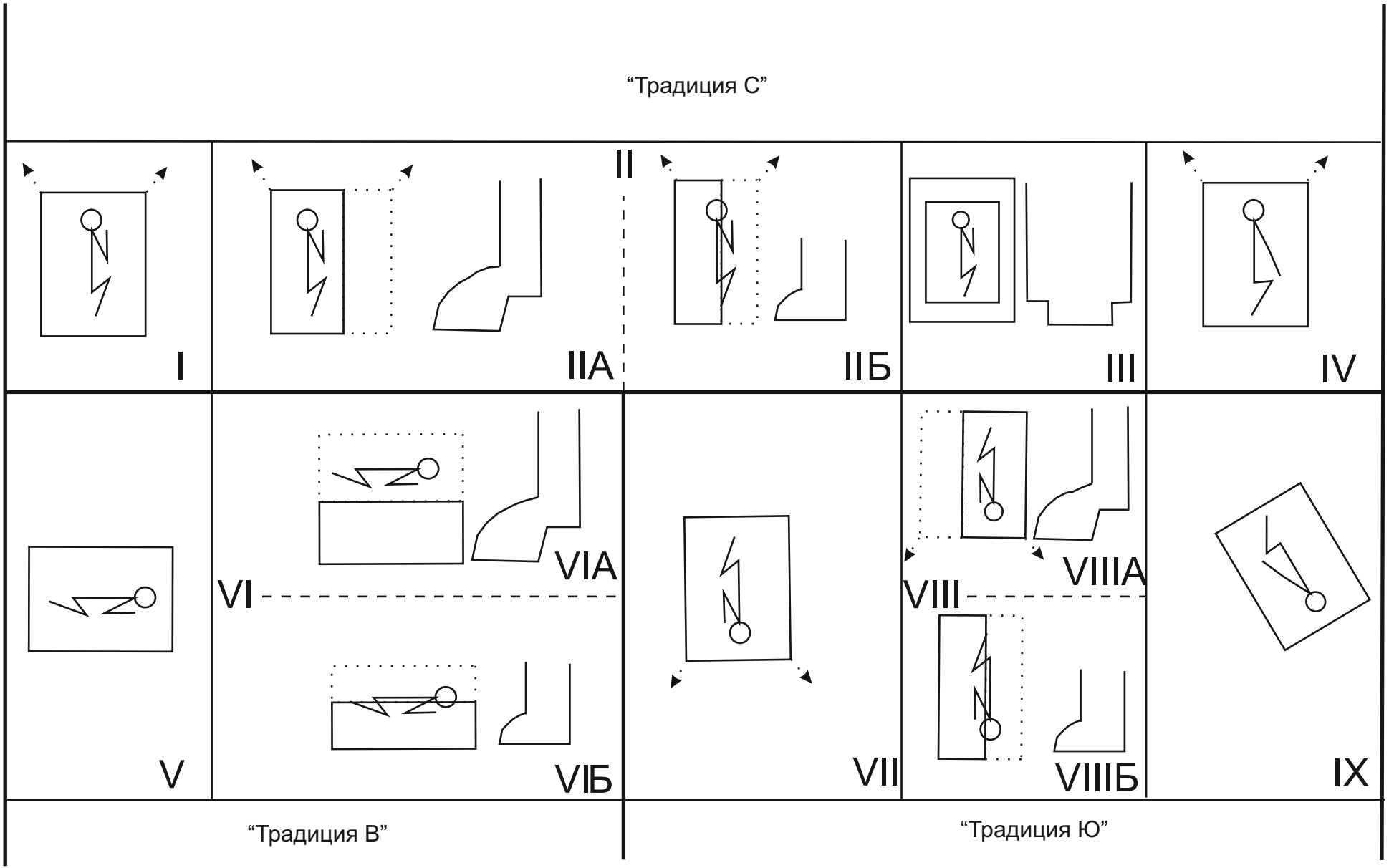

1

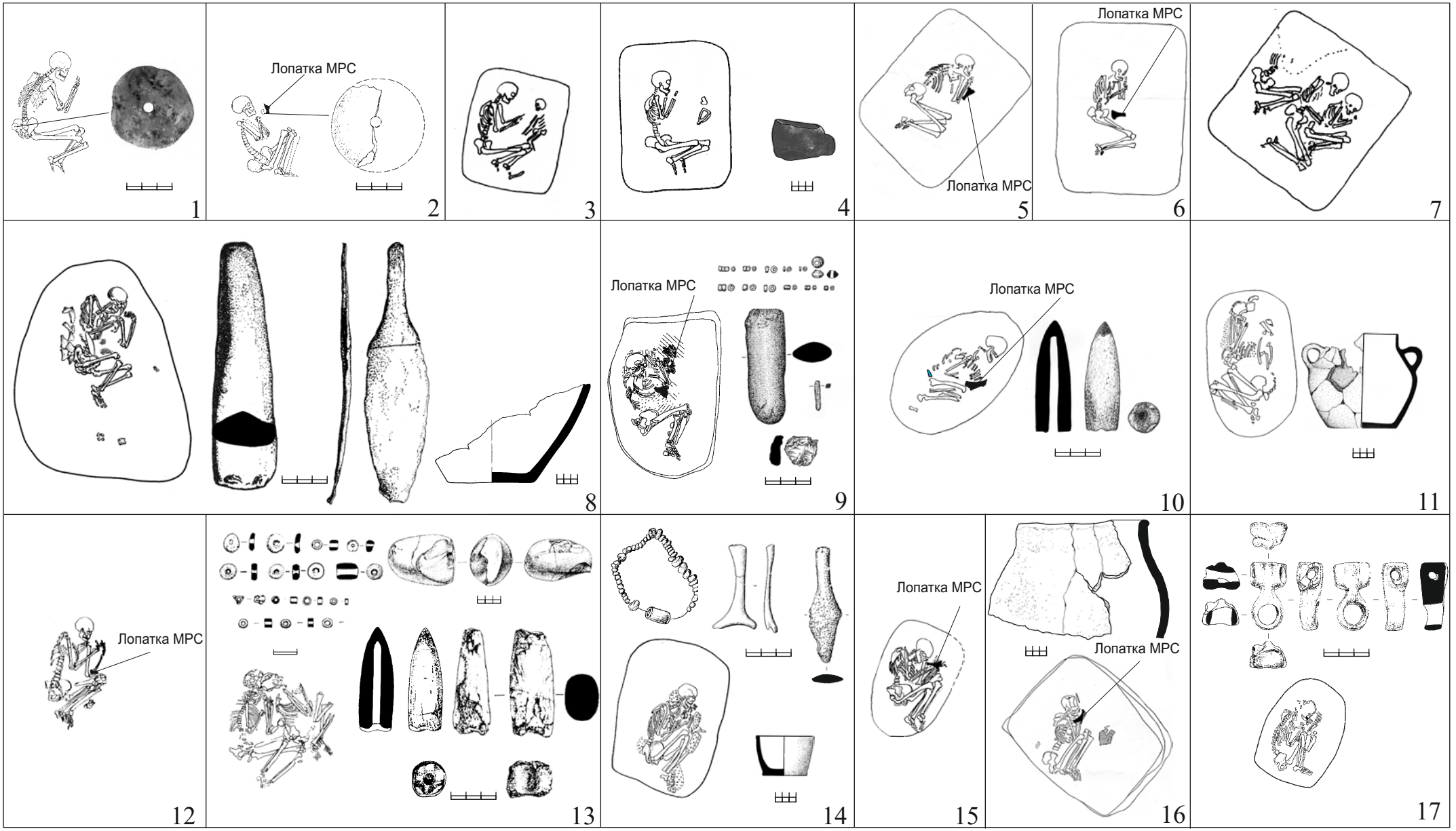

2

Илл. 60. **Лолинская культура.** Положение рук скелетов в погребениях
1 - основные варианты; 2 - количественное соотношение комплексов
с различными вариантами положения рук

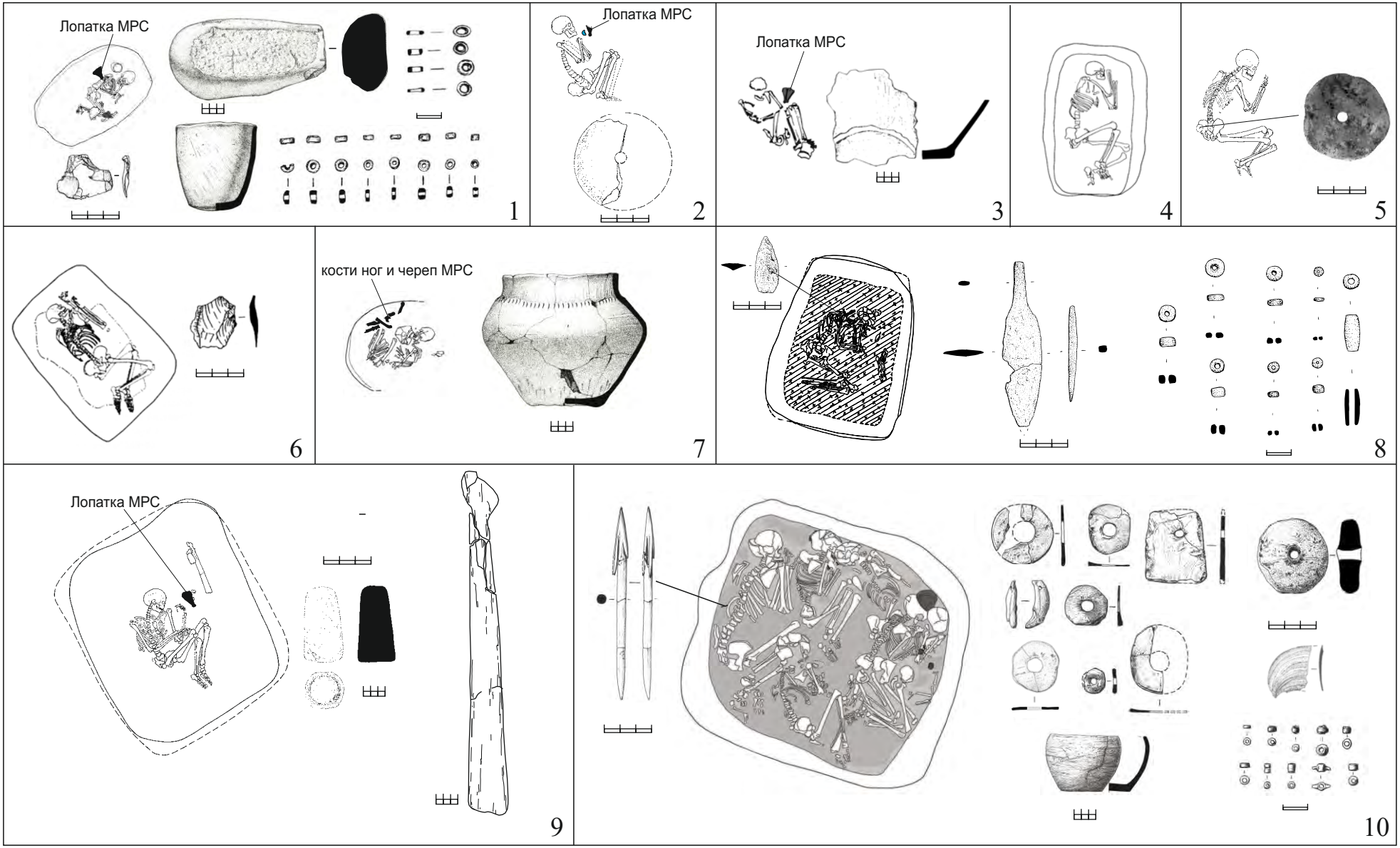

Илл. 61. Лолинская культура. Обрядовые группы и “традиции” лолинской культуры

Илл. 62. Лолинская культура. Погребения ОГ I

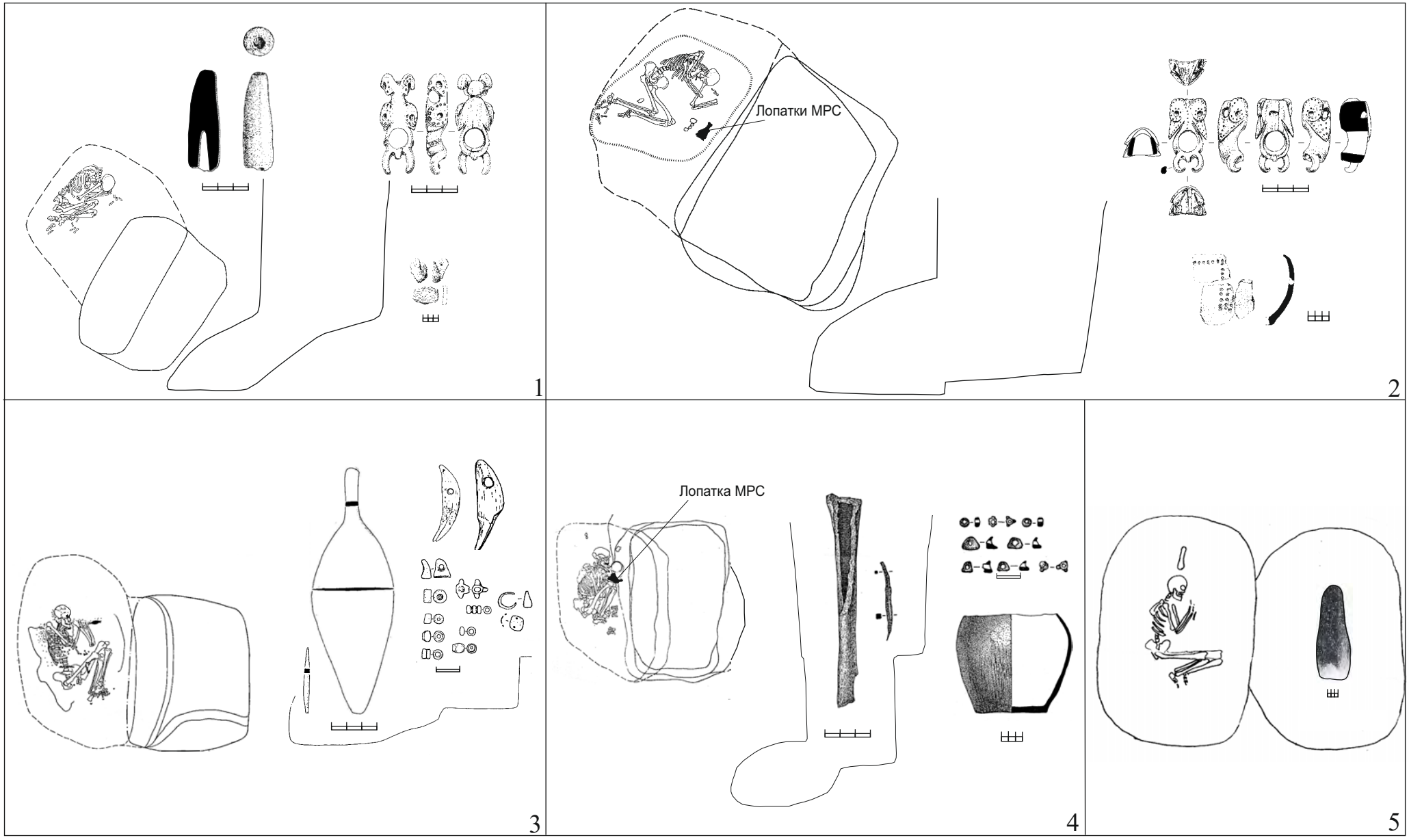
1 - ВМЛБ I 1965 32/3; 2 - Элиста 6/4; 3 - ВМЛБ I 1965 33/1; 4 - ВМПБ 1965 16/2; 5 - Лола I 9/2; 6 - Лола I 11/3; 7 - Лола II 4/1; 8 - Кривая Лука II 1/13; 9 - Островной 3/39; 10 - Цаган-Усн III 6/2; 11 - Манджикины 2 11/5; 12 - Грушевка II 3/6; 13 - Золотаревка 3 9/6; 14 - Бияш 2/4; 15 - Кривая Лука XXI 2/6; 16 - Хар-Зуха 1 9/2; 17 - Типки I 2/4

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 63. Лолинская культура. Погребения ОГ I

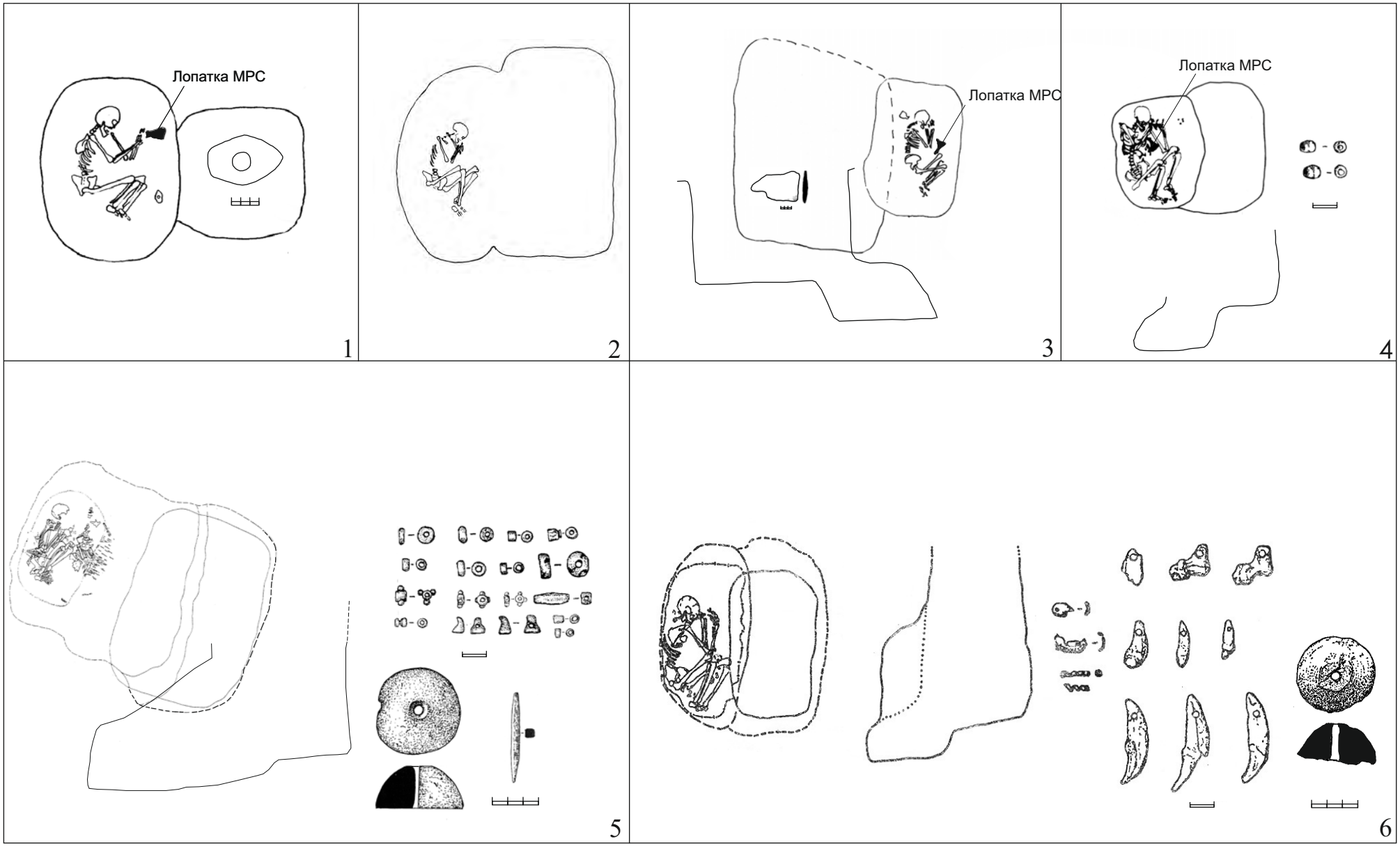
1 - Айгурский 2 22/16; 2 - Элиста 6/4; 3 - Галюгаевская-85 3/11; 4 - Новый 130/7; 5 - ВМЛБ 1965 I 32/3; 6 - Москва 1 од.кург./16; 7 - Золотаревка 1 2/3; 8 - Кунаковский 2 3/3; 9 - Зимняя Ставка 1 6/10; 10 - Песчаный V 14/3

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 64. Лолинская культура. Погребения ОГ IIA

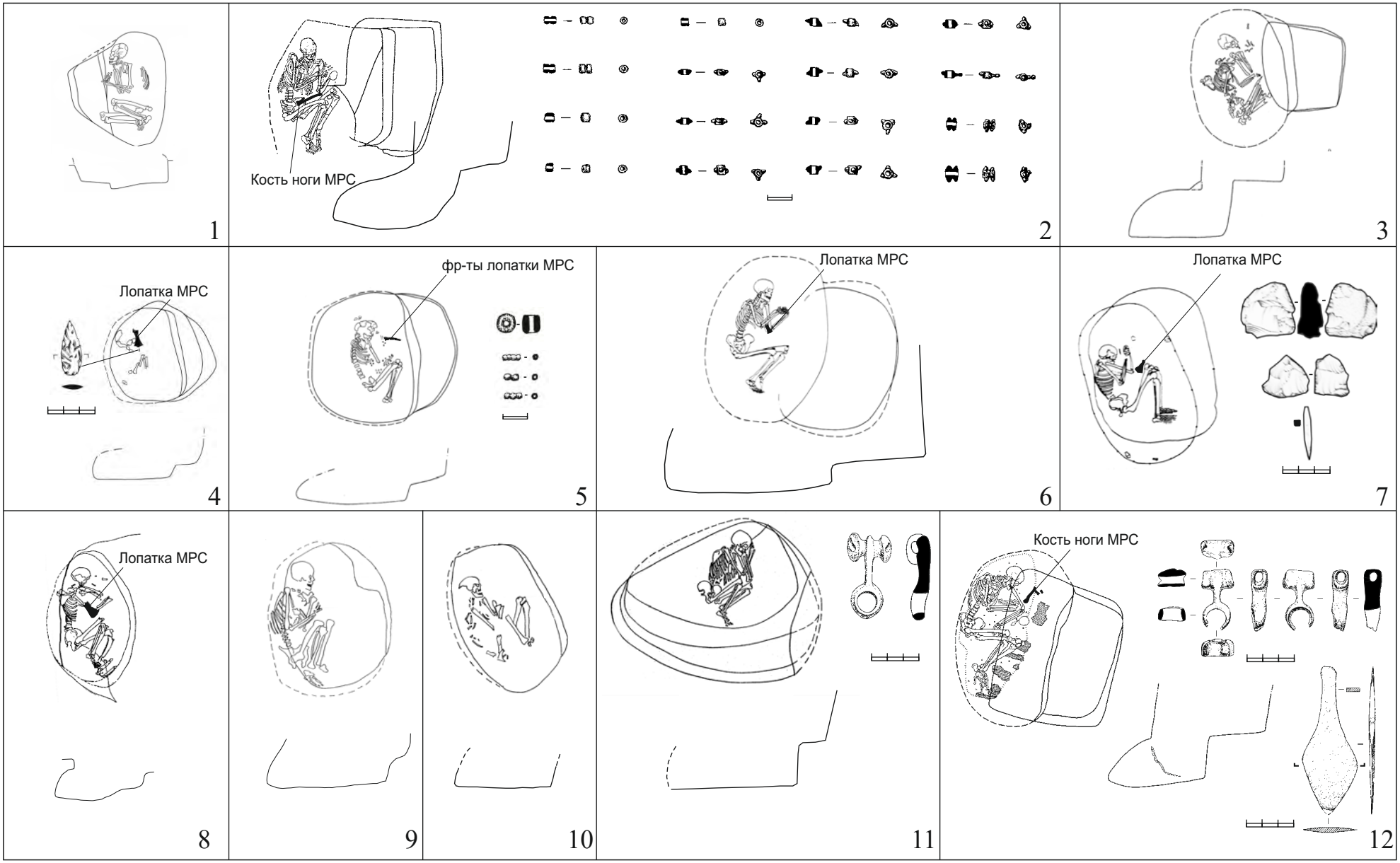
1 - Чограй VIII 34/1; 2 - Кевюды 1 3/5; 3 - Новопалестинский II 2/5; 4 - Манджикины 1 10/2; 5 - ВМЛБ I 1965 34/3

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 65. Лолинская культура. Погребения ОГ IIA

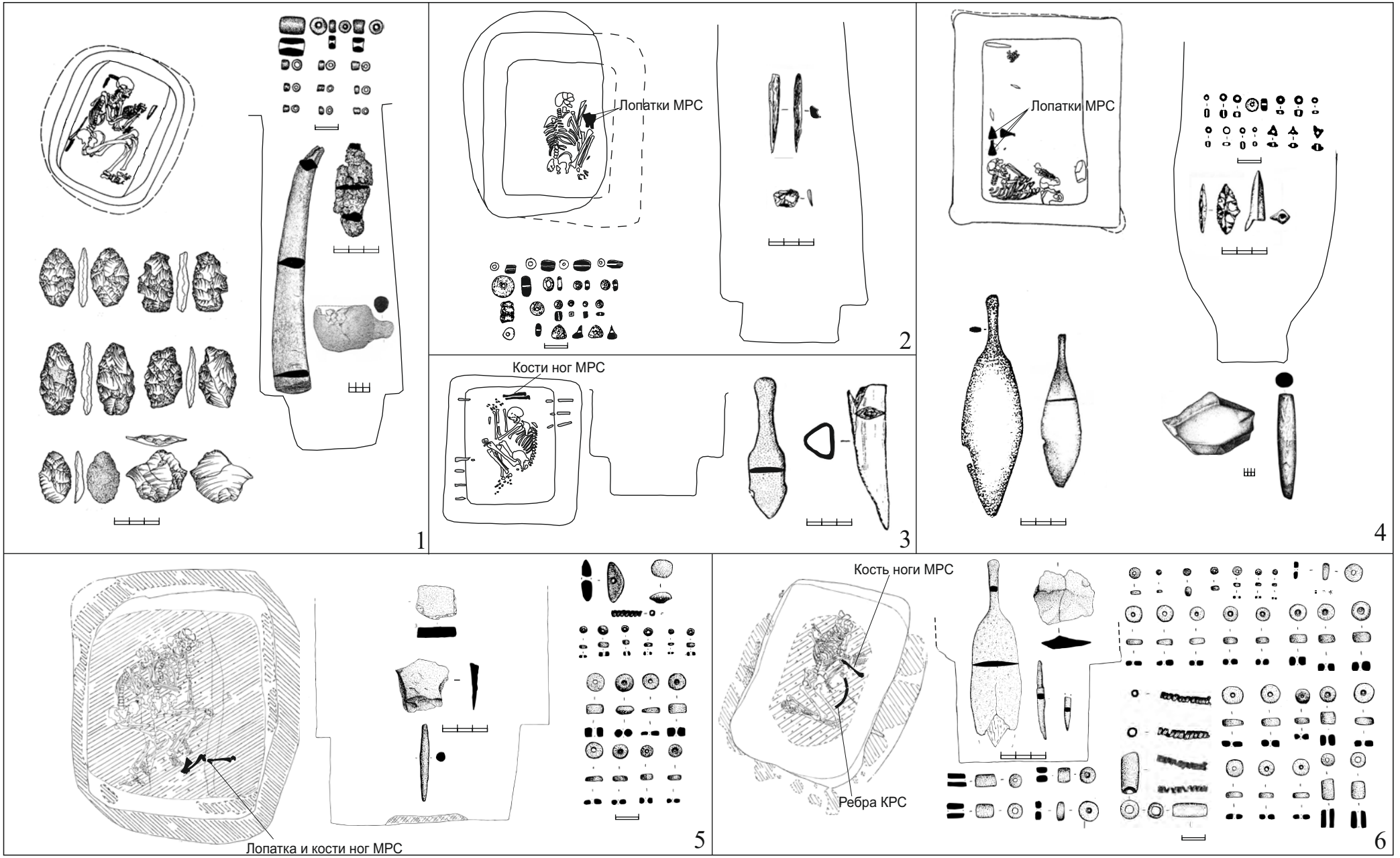
1 - ВМЛБ I 1965 32/4; 2 - Лола I 2/2; 3 - Ики-Зегиста 5/1; 4 - Цаган-Усн V 2/2; 5 - Шарахалсун 3 8/2; 6 - Малаи I 4/4

0 50см - масштаб для планов погребений

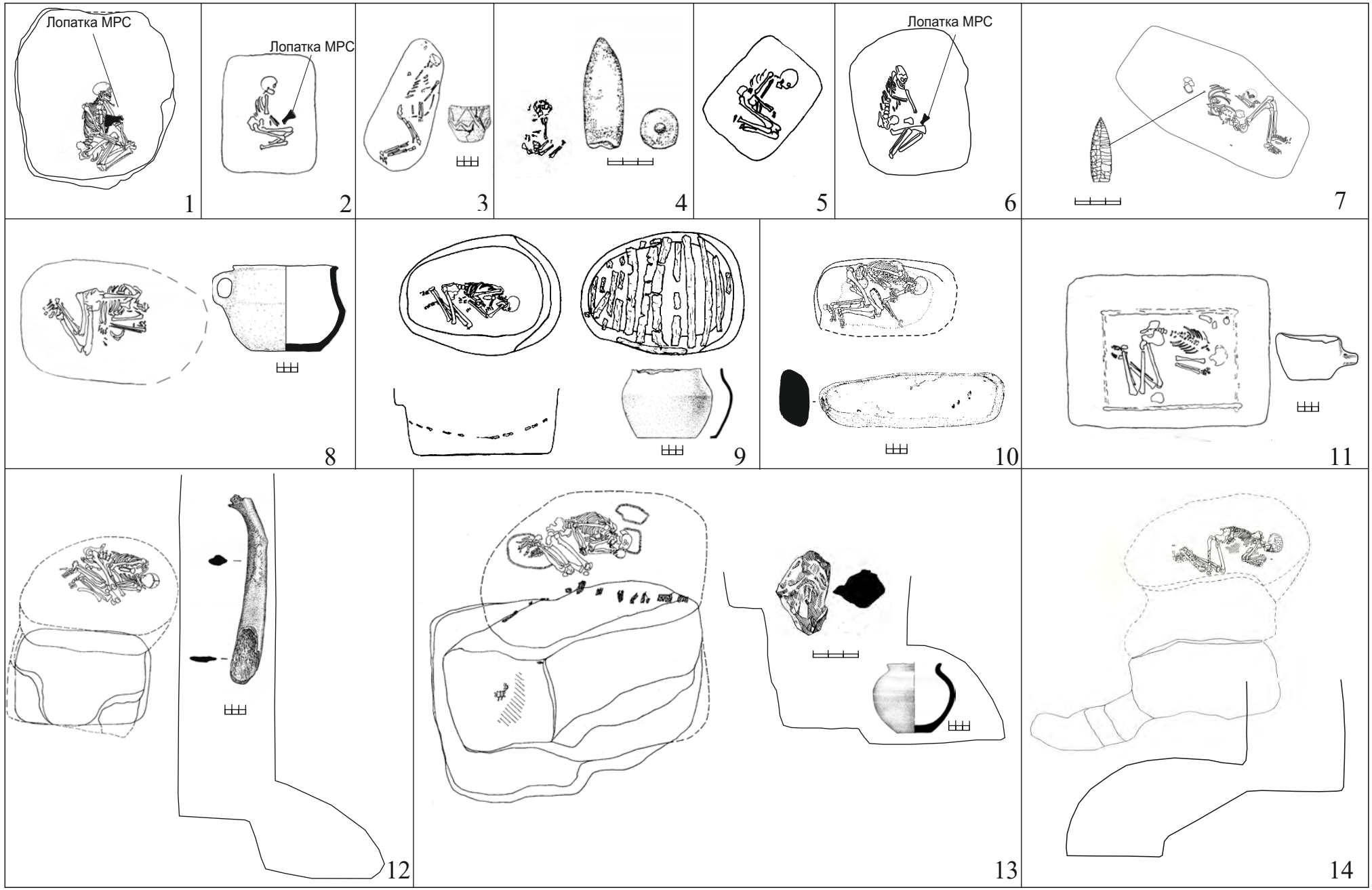
Илл. 66. Лолинская культура. Погребения ОГ IIБ

1- Аксайский поворот III 2/3/5; 2 - Вавилон 3 8/8; 3 - Золотаревка 1 1/5; 4 - Зимняя Ставка 1 4/1; 5 - Зимняя Ставка 1 4/2; 6 - Зимняя Ставка 1 4/3; 7 - Галюгаевская-85 6/3а; 8 - Островной 12/4; 9 - Козинка I 7/5; 10 - Зунда-Толга I 5/2; 11 - Кривая Лука XXI 1/9; 12 - Ипатово 3 2/13

Илл. 67. Лолинская культура. Погребения ОГ III

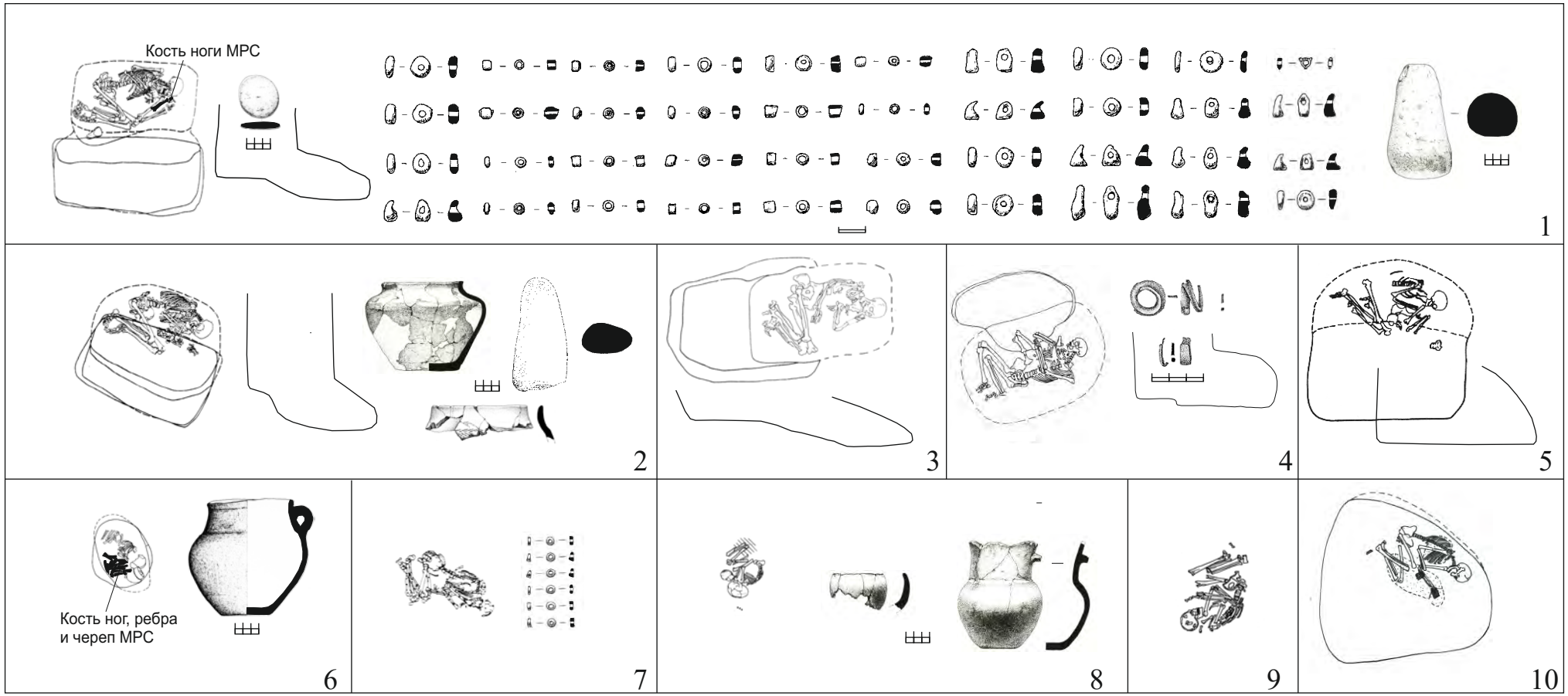
1 - Манджикины 1 9/1; 2 - Цаган-Усн VII 2/11; 3 - Бахтияровка 32/4; 4 - Цаган-Усн VII 4/27; 5 - Кунаковский 2 1/1; 6 - Кунаковский 2 2/9

- масштаб для планов погребений

Илл. 68. Лолинская культура. Погребения ОГ IV, V, VIA

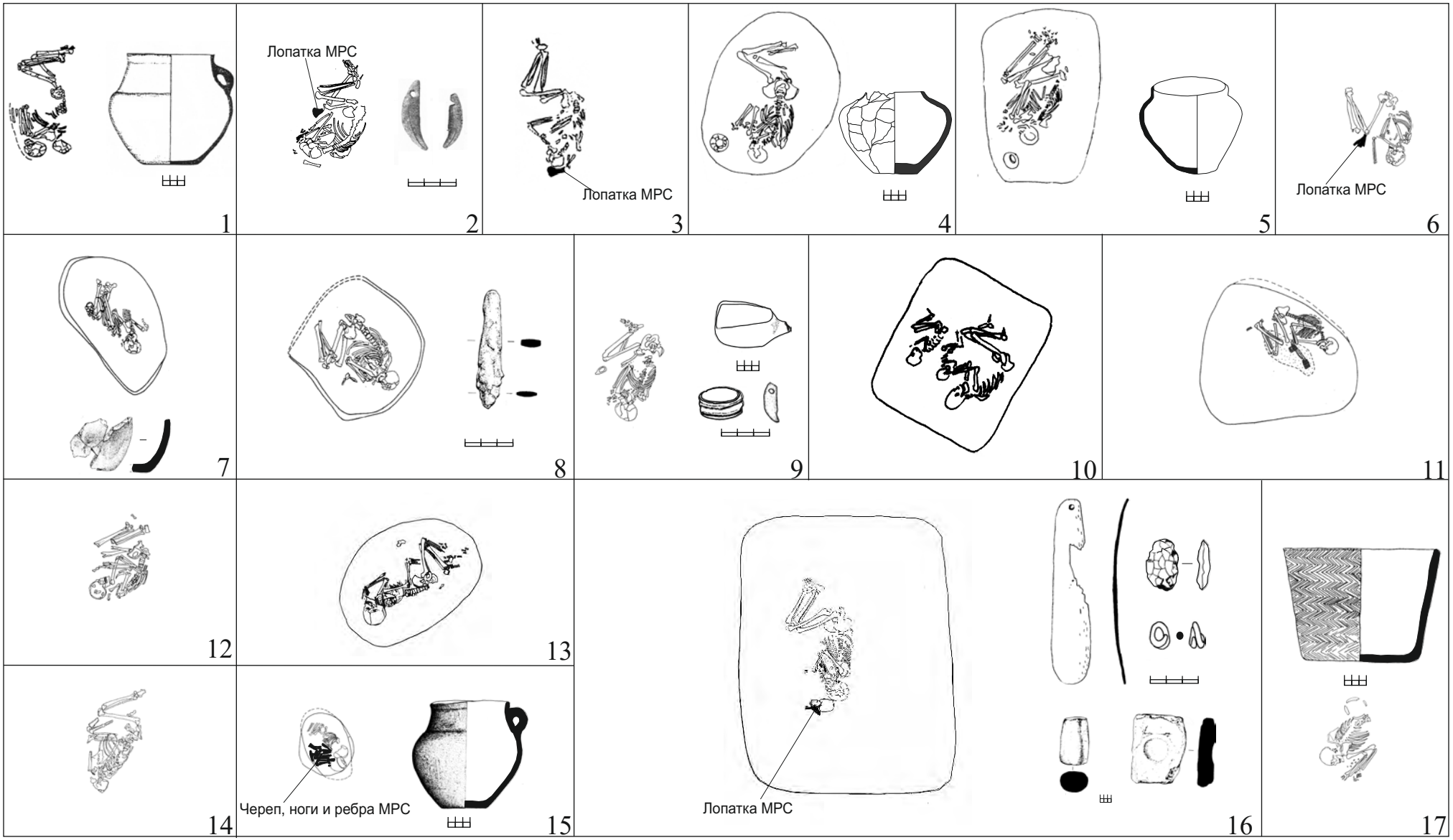
1-6 - ОГ IV, 7-11 - ОГ V, 1 - Островной 7/7; 2 - ВМЛБ I 1965 18/1; 3 - Жуковский I 8/2; 4 - Веселая Роща III 25/2; 5 - Лола II 11/2; 6 - Галюгаевская-85 6/3; 7 - Беслан п. 703; 8 - КВЧ-57 2/5; 9 - Веселая Роща III 24/11; 10 - Вавилон 3 6/5; 11 - Лола I 2/3; 12 - Шарахалсун 5 14/1; 13 - Шарахалсун 6 2/11; 14 - Типки 3 1/3

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 69. Лолинская культура. Погребения ОГ VIБ и VII

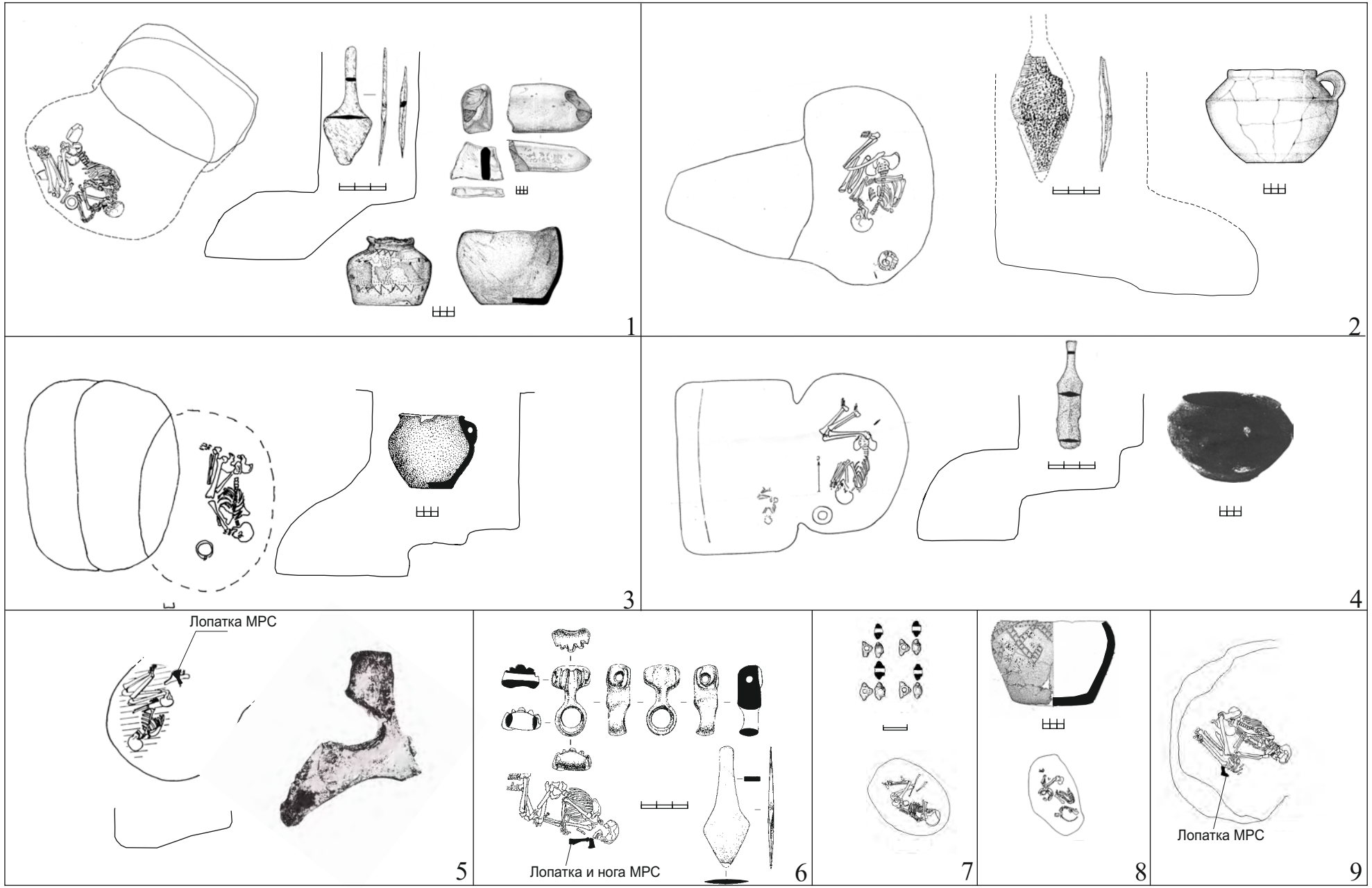
1 - Золотаревка 1 23/1; 2 - Золотаревка 1 24/1; 3 - Буденновск 5 1/7; 4 - Кевюды 1 3/6; 5 - Чограй VIII 32/2; 6 - Гремячий II 1/12; 7 - Золотаревка 1 26/9; 8 - Чоградский 1 5/11; 9 - Шарахалсун 3 10/1; 10 - Шатта 1 1/10

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 70. Лолинская культура. Погребения ОГ VII

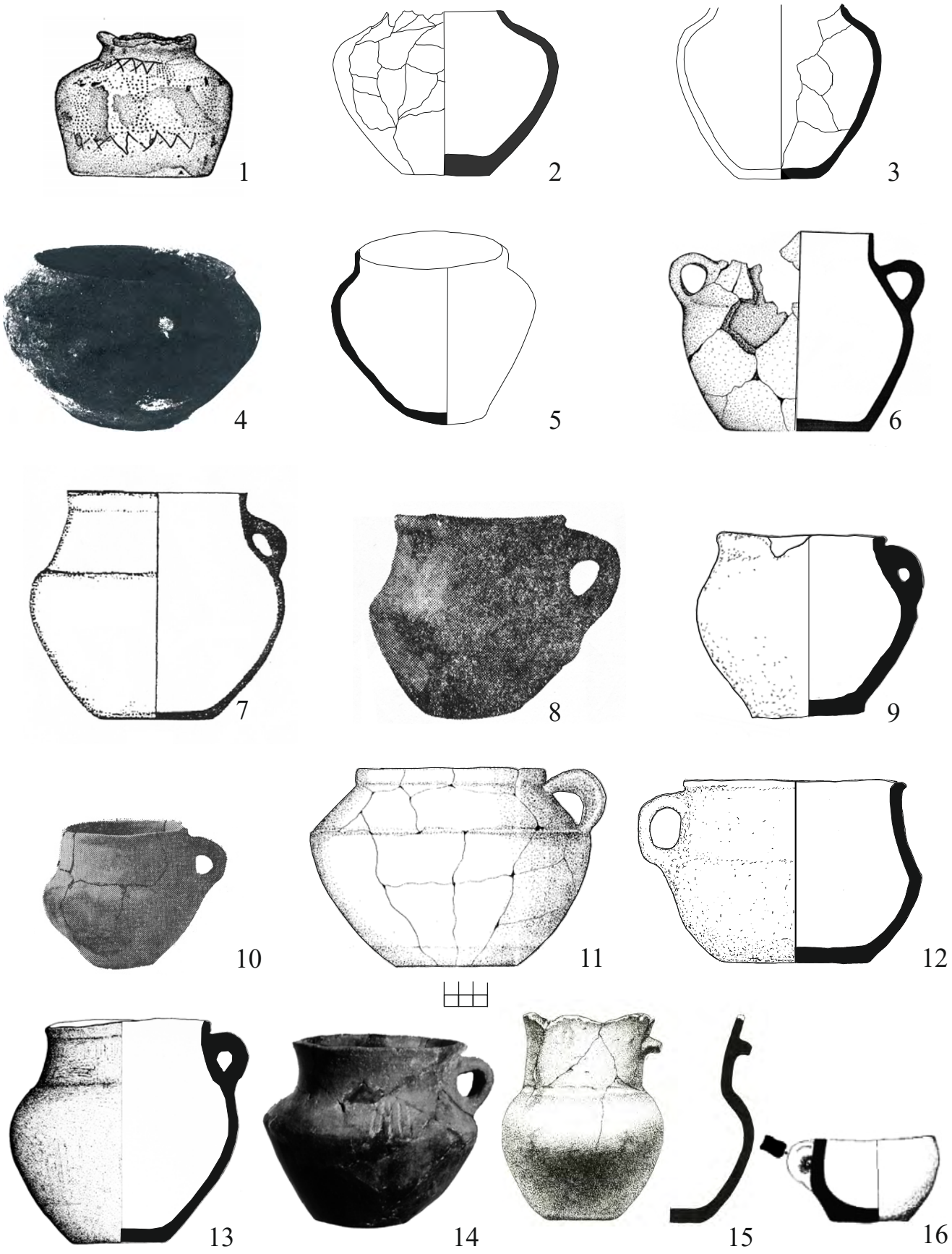
1 - Манджикины 1 4/1; 2 - Цаца 1/1; 3 - Балкин II 6/1; 4 - Чографский V 4/3; 5 - Чографский V 2/6; 6 - Буйвола 1 2/2; 7 - Золотаревка 3 1/2; 8 - Чографский 5 2/1; 9 - Чограй I 2/3; 10 - ВМПБ 1965 17/5; 11 - Шатта 1 1/10; 12 - Шарахалсун 3 10/1; 13 - Галюгаевская-85 4/5; 14 - Бережной VI 2/2; 15 - Гремячий II 1/12; 16 - Степная IV 3/3; 17 - Эвдык I 9/4

0 50см - масштаб для планов погребений

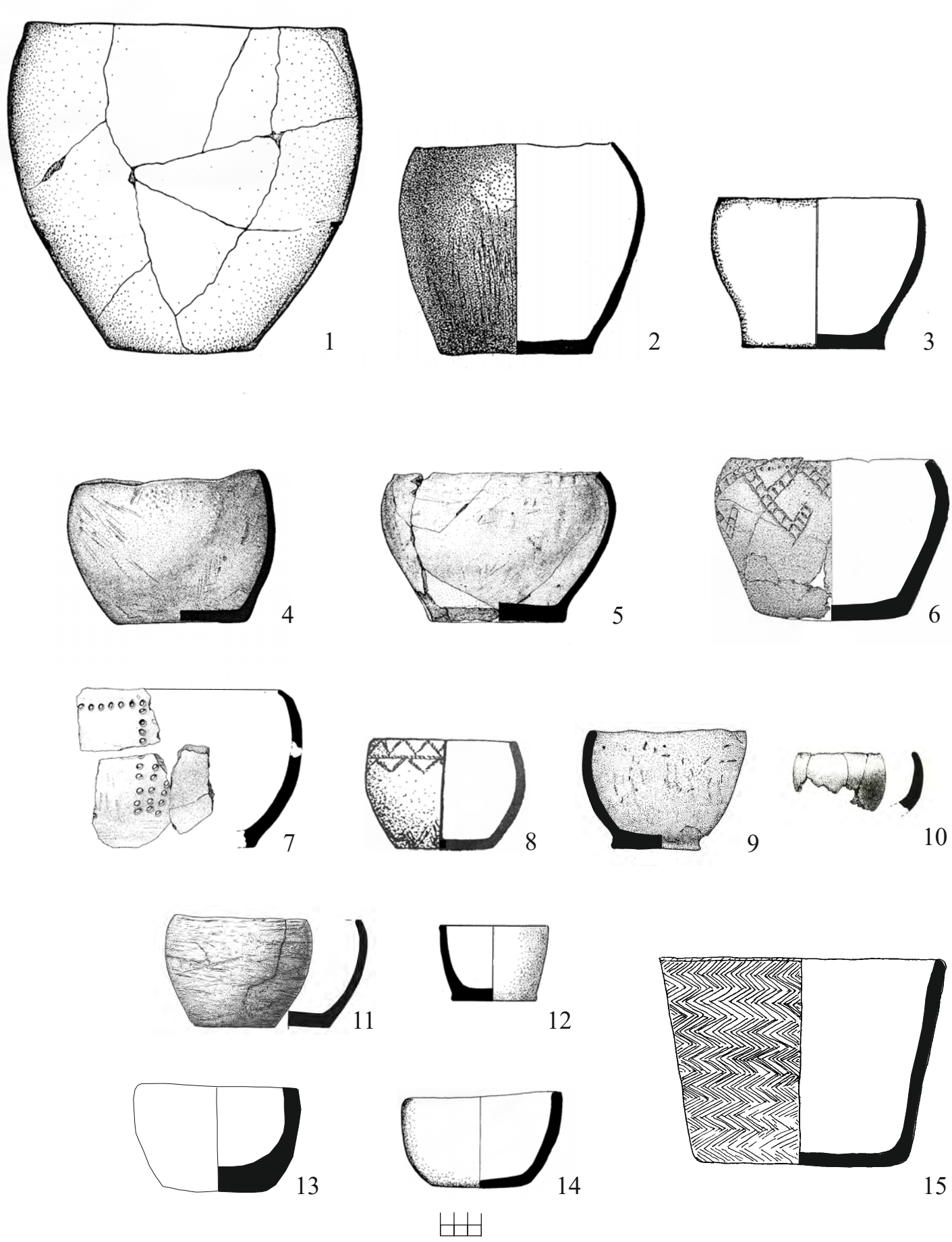
Илл. 71. Лолинская культура. Погребения ОГ VIIIA, VIIIБ, IX

1-4 - ОГ VIIIA, 5 - ОГ VIIIБ, 6-9 - ОГ IX. 1 - Айгурский 2 37/1; 2 - Яшкуль I 1/2; 3 - Аксай I 6/3; 4 - Лола I 14/2; 5 - Колдыри 24/3; 6 - Ильинский 1 1/6; 7 - Островной 3/12; 8 - Островной 3/15; 9 - Кевюды 1 3/4

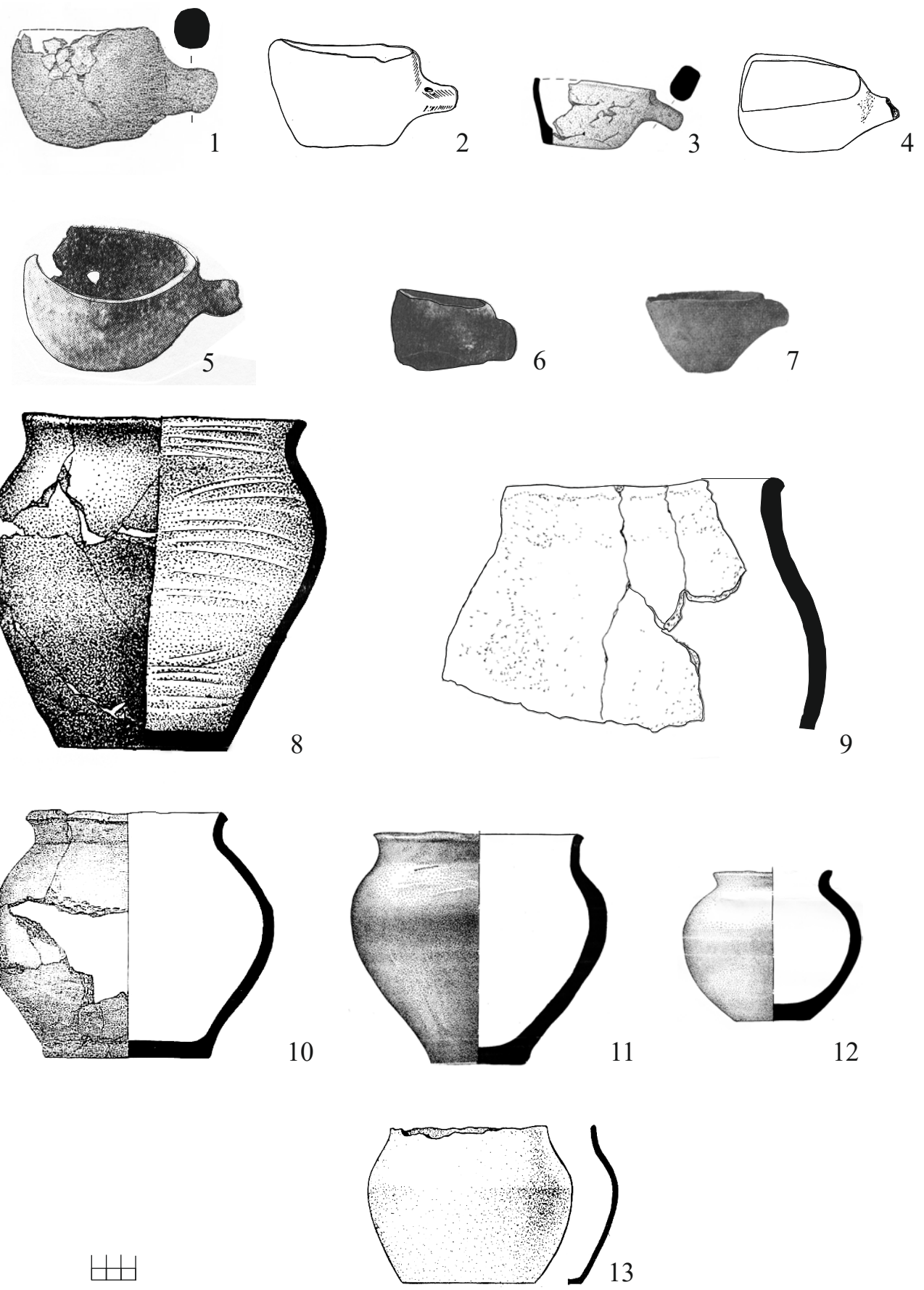
Илл. 72. Лолинская культура. Группы сосудов, генетически связанные с ВМКК

1 - группа 1, 2-5 - группа 2; 6 - группа 3; 7-16 - группа 4;
1 - Айгурский 2 37/1; 2 - Чографский V 4/3; 3 - Эвдык I 4/10; 4 - Лола I 14/2; 5 - Чографский V 2/6; 6 - Манджикины 2 11/5; 7 - Манджикины 1 4/1; 8,10 - ВМПБ 1965 22/3; 9 - Аксай I 6/3; 11 - Яшкуль I 1/3; 12 - КВЧ-57 2/5; 13 - Гремячий II 1/12; 14 - Мекенская 4/7; 15 - Чографский 1 5/11; 16 - Южный VII 1/10

Илл. 73. Лолинская культура. Сосуды группы 5 - “банки”

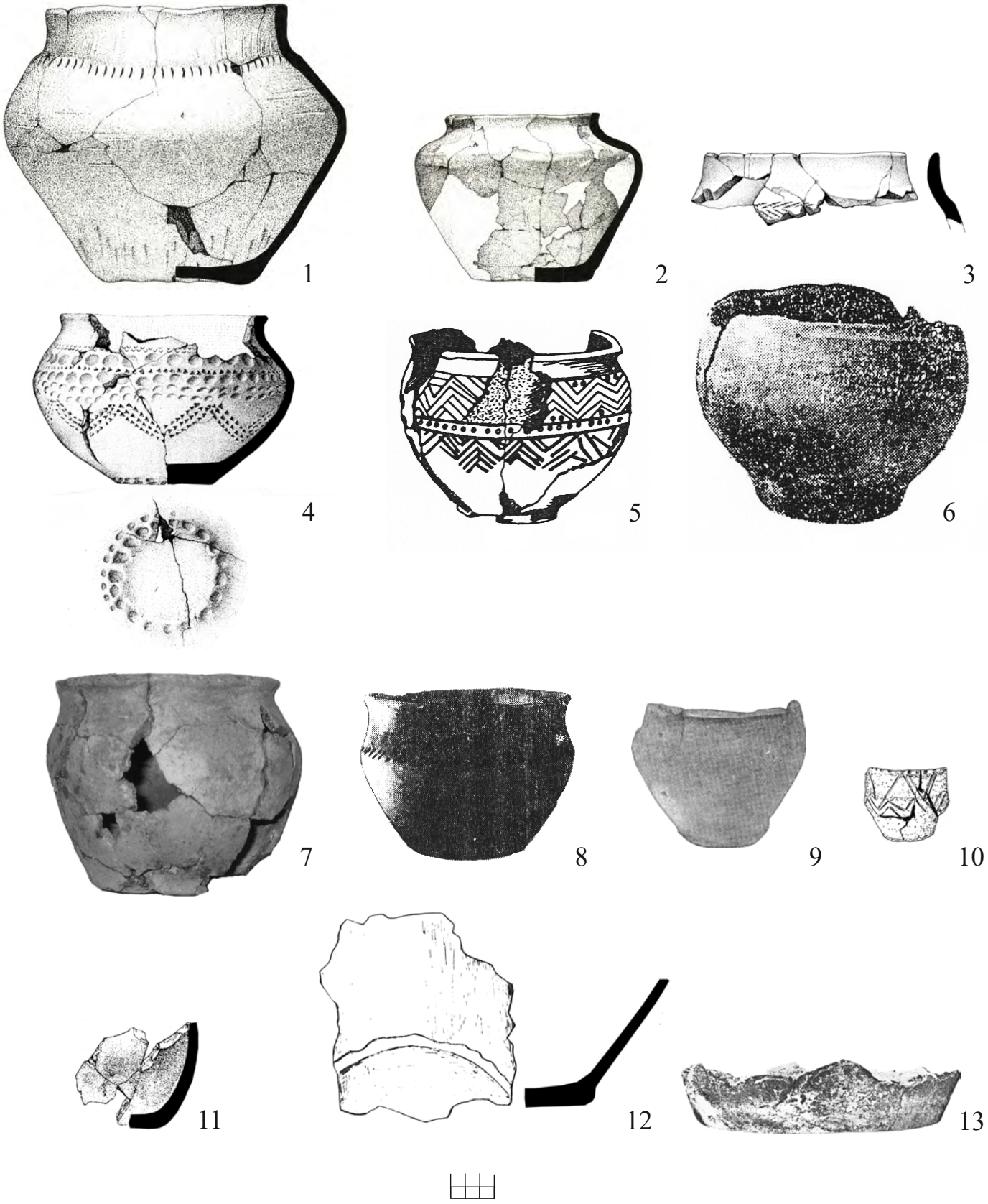
1 - Улан-Толга 11/2; 2 - Манджикины 1 10/2; 3 - Манджикины 1 3/4; 4 - Айгурский 2 37/1; 5 - Дамба-Калаус 3/1; 6 - Островной 3/15; 7 - Кевюды 1 3/5; 8 - Пичуга I 1/8; 9 - Первомайский 4 2/3; 10 - Чограйский 1 5/11; 11 - Песчаный V 14/3; 12 - Бияш 2/4; 13 - Хар-Зуха 1 5/2; 14 - Цаган-Усн III 1/15; 15 - Эвдык I 9/4

Илл. 74. Лолинская культура. Сосуды групп 6 и 7

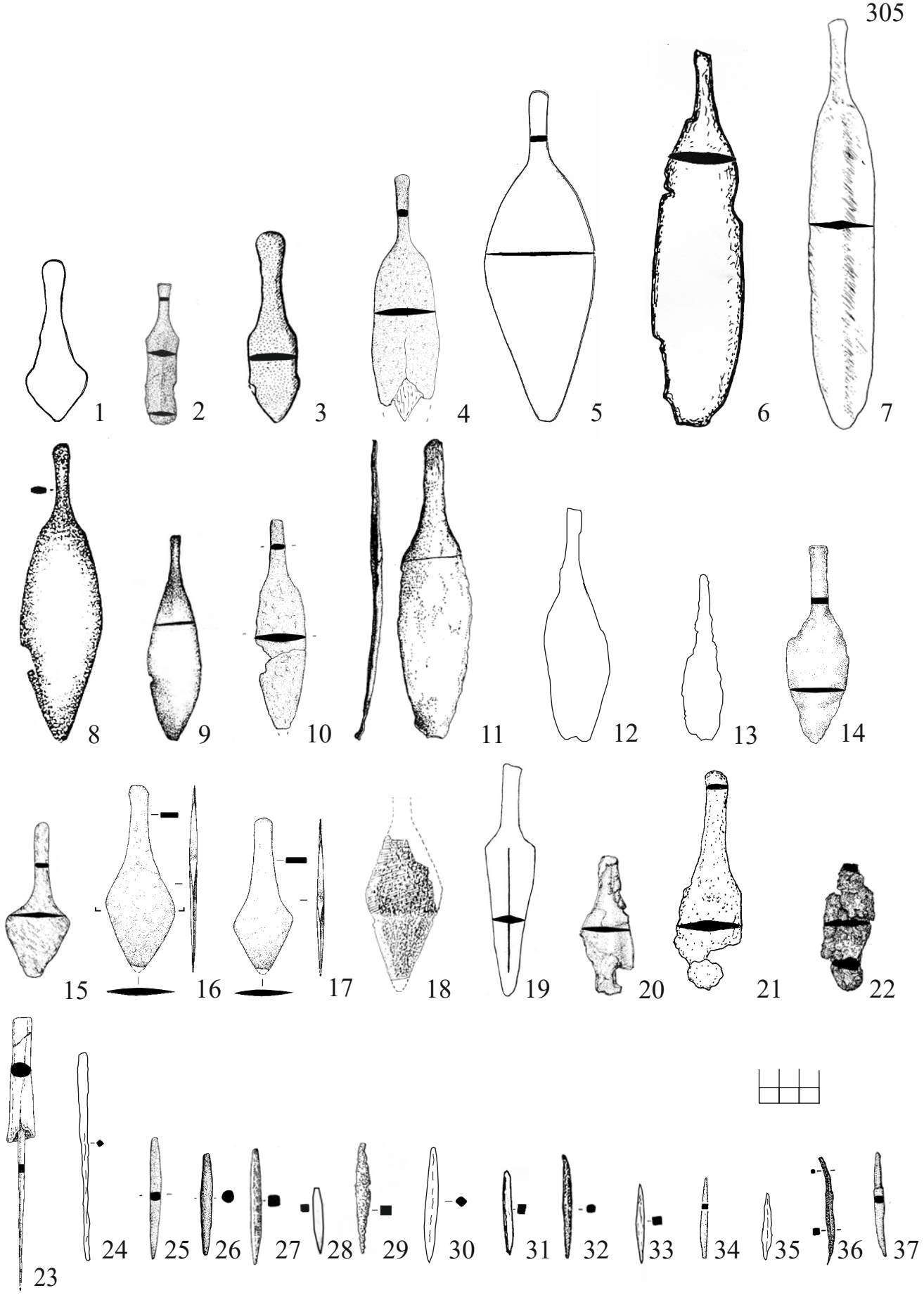
1-7 - группа 6 “ковши”, 8-14 - группа 7 “округлобокие плавнопрофилированные горшки”

1 - Манджикины 1 9/1; 2 - Лола I 2/3; 3 - Черноземельский 1 4/31; 4 - Чограй I 2/3; 5 - ВМЛБ 1965 II 35/3; 6 - ВМПБ 1965 16/2; 7 - ВМПБ 1965 22/3; 8 - Шарахалсун 6 10/5; 9 - Хар-Зуха I 9/2; 10 - Зунда-Толга 3 2/2; 11 - Шарахалсун 3 5/5; 12 - Шарахалсун 6 2/11; 13 - Веселая Роща III 24/11

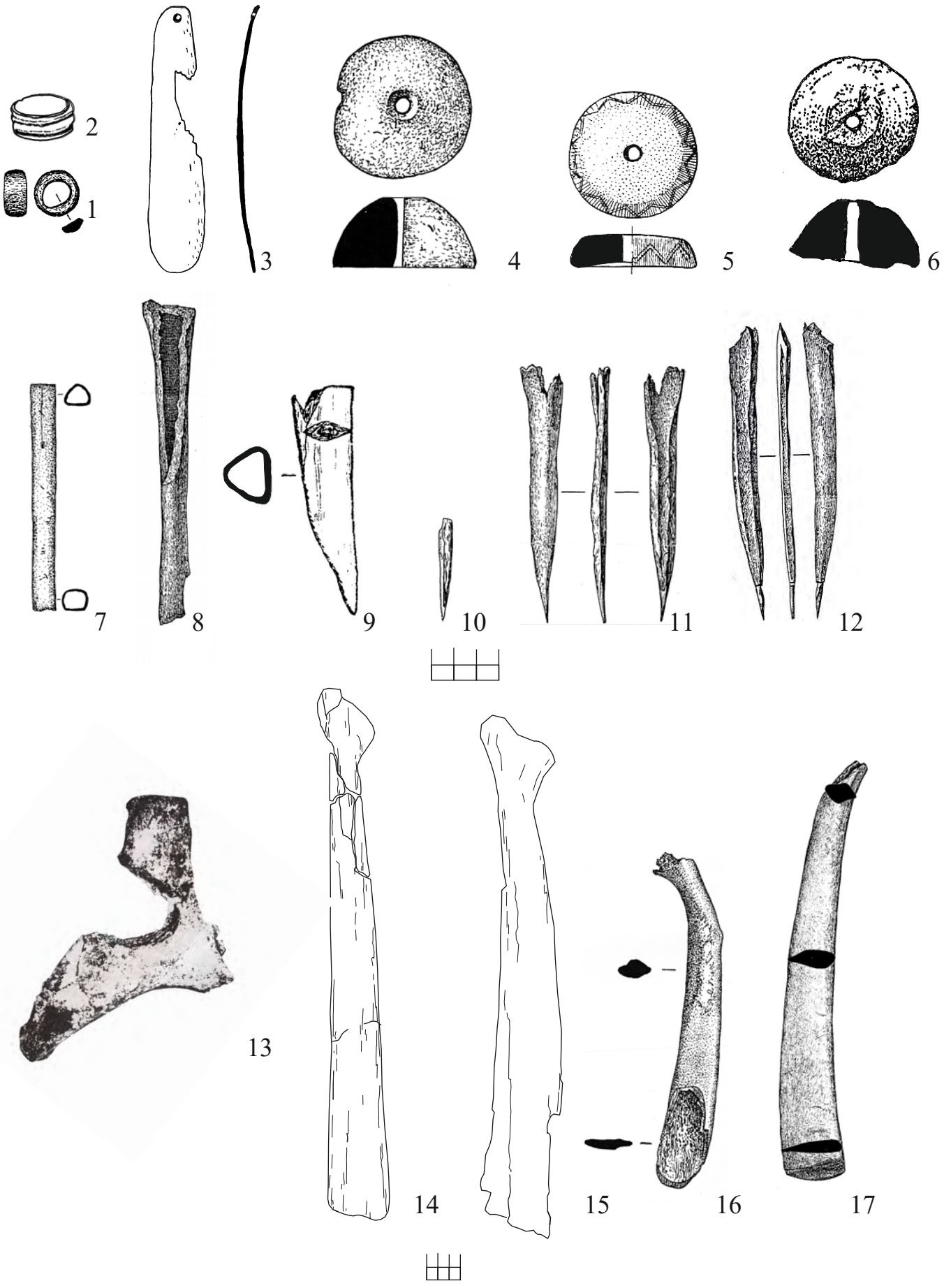
Илл. 75. Лолинская культура. Сосуды групп 8, 9 и 10
1-2 - группа 8; 3-6 - группа 9; 7-9 - группа 10; 10-12 - группа 11

1 - Золотаревка 1 1/3; 2, 3 - Золотаревка 1 24/1; 4 - Дамба-Калаус 1/8; 5 - Иджил III 4/1; 6 - ВМЛБ I 1965 37/1; 7 - Беслан А/703; 8 - ВМЛБ II 1965 15/1; 9 - Лола II 8/2; 10 - Жуковский I 8/2; 11 - Золотаревка 3 1/2; 12 - Галюгаевская-85 3/11; 13 - Золотаревка 6 15/6

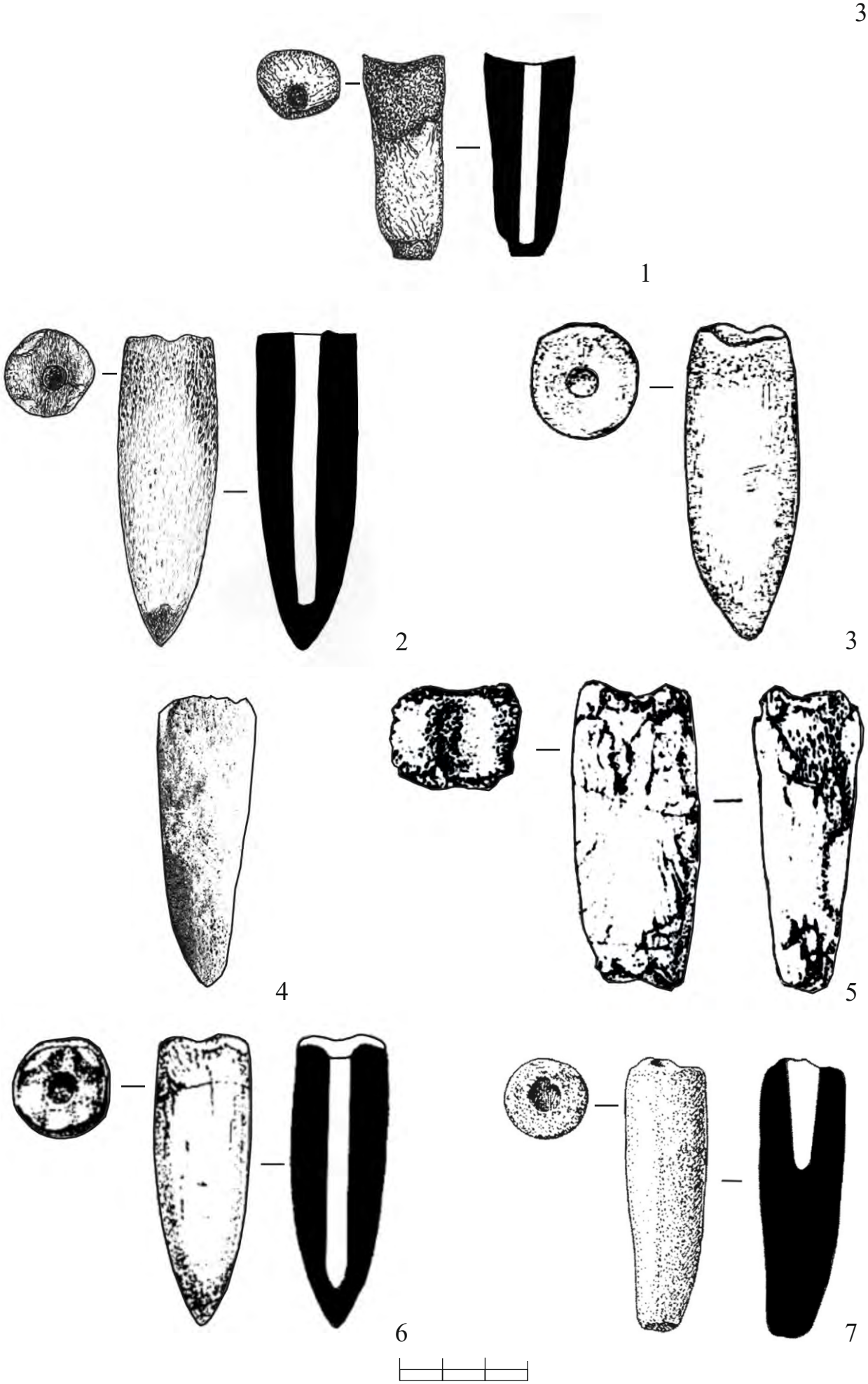
Илл. 76. Лолинская культура. Бронзовые орудия

1 - ВМЛБ I 1965 34/5; 2 - Лола I 14/2; 3 - Бахтияровка 32/4; 4, 37 - Кунаковский 2 2/9; 5,33 - Новопалестинский II 2/5; 6 - Цаган-Усн III 1/15; 7 - Калиновский 6/4; 8,9 - Цаган-Усн VII 4/27; 10,25 - Кунаковский 2 3/3; 11 - Кривая Лука II 1/13; 12 - ВМЛБ II 1965 42/3; 13 - Золотаревка 6 16/1; 14 - Черноярская 3/10; 15 - Айгурский 2 37/1; 16 - Ипатово 3 2/13; 17 - Ильинский 1 1/6; 18 - Яшкуль I 1/2; 19 - ВМЛБ I 1965 18/2; 20 - Золотаревка 3 9/7; 21 - Хар-Зуха 1 5/3а; 22 - Манджикины 1 9/1; 23 - Черноярская 3/10; 24 - Жуковский I 5/1; 26 - Кунаковский 2 1/1; 27 - Шарахалсун 3 8/2; 28 - Галюгаевская-85 6/3а; 29 - Бияш 1/13; 30 - ВМЛБ II 1965 42/3; 31 - Цаган-Усн III 1/15 ; 32 - Бахтияровка 32/4 ; 33 - Чограй III 7/1; 35 - Лола I 3/1; 36 - Манджикины 1 10/2

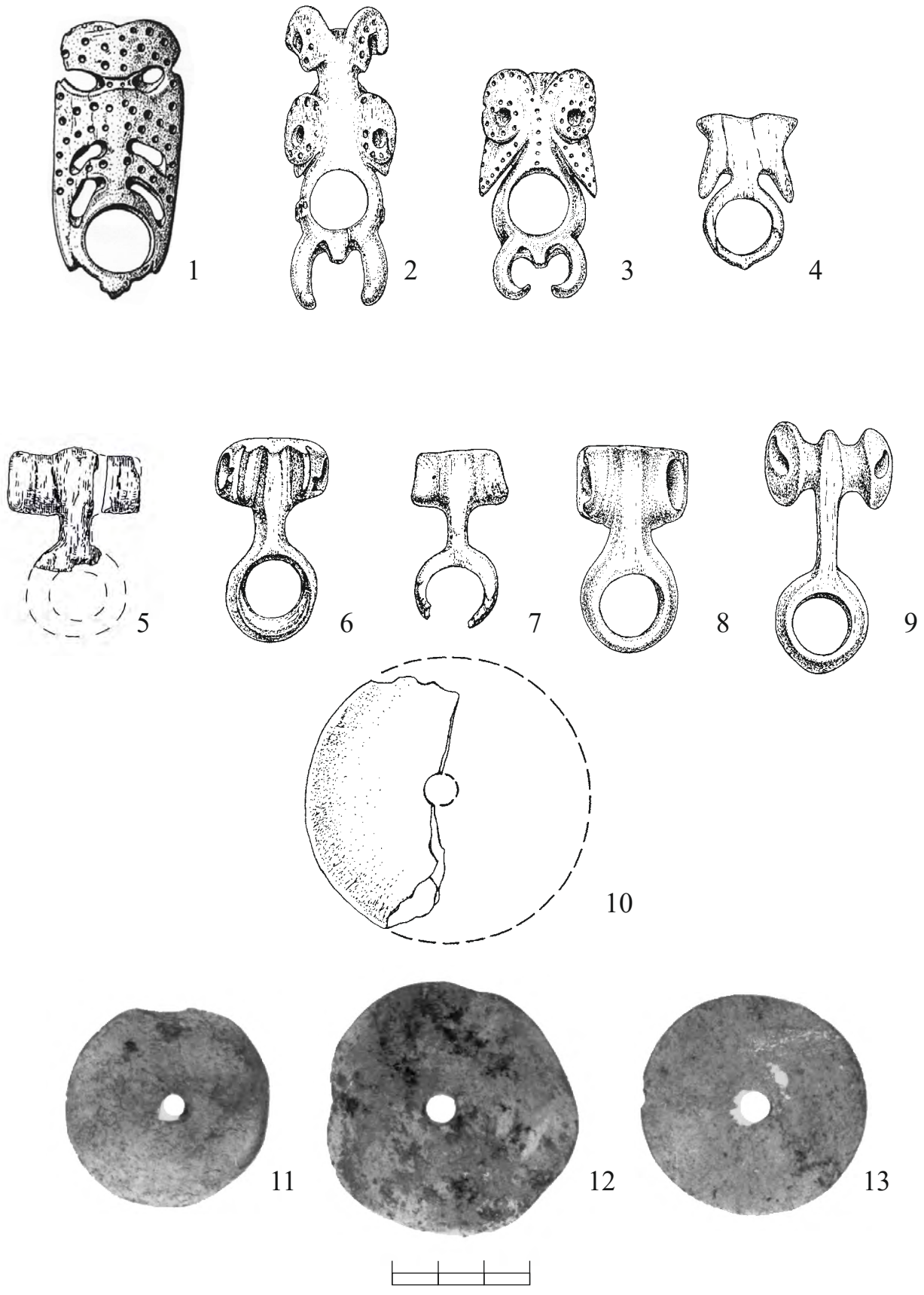

Илл. 77. Лолинская культура. Изделия из кости

1 - Островной 6/5; 2 - Чограй I 2/3; 3 - Степная IV 3/3; 4 - Шарахалсун 3 8/2; 5 - Бияш 2/5; 6 - Малаи I 4/4; 7 - Первомайский 4 2/3; 8,11,12 - Манджикины 1 10/2; 9 - Бахтияровка 32/4; 10 - Цаган-Усн VII 2/11; 13 - Колдыри 24/3; 14 - Зимняя Ставка 1 6/10; 15 - Зимняя Ставка 1 6/11; 16 - Шарахалсун 5 14/1; 17 - Манджикины 1 9/1.

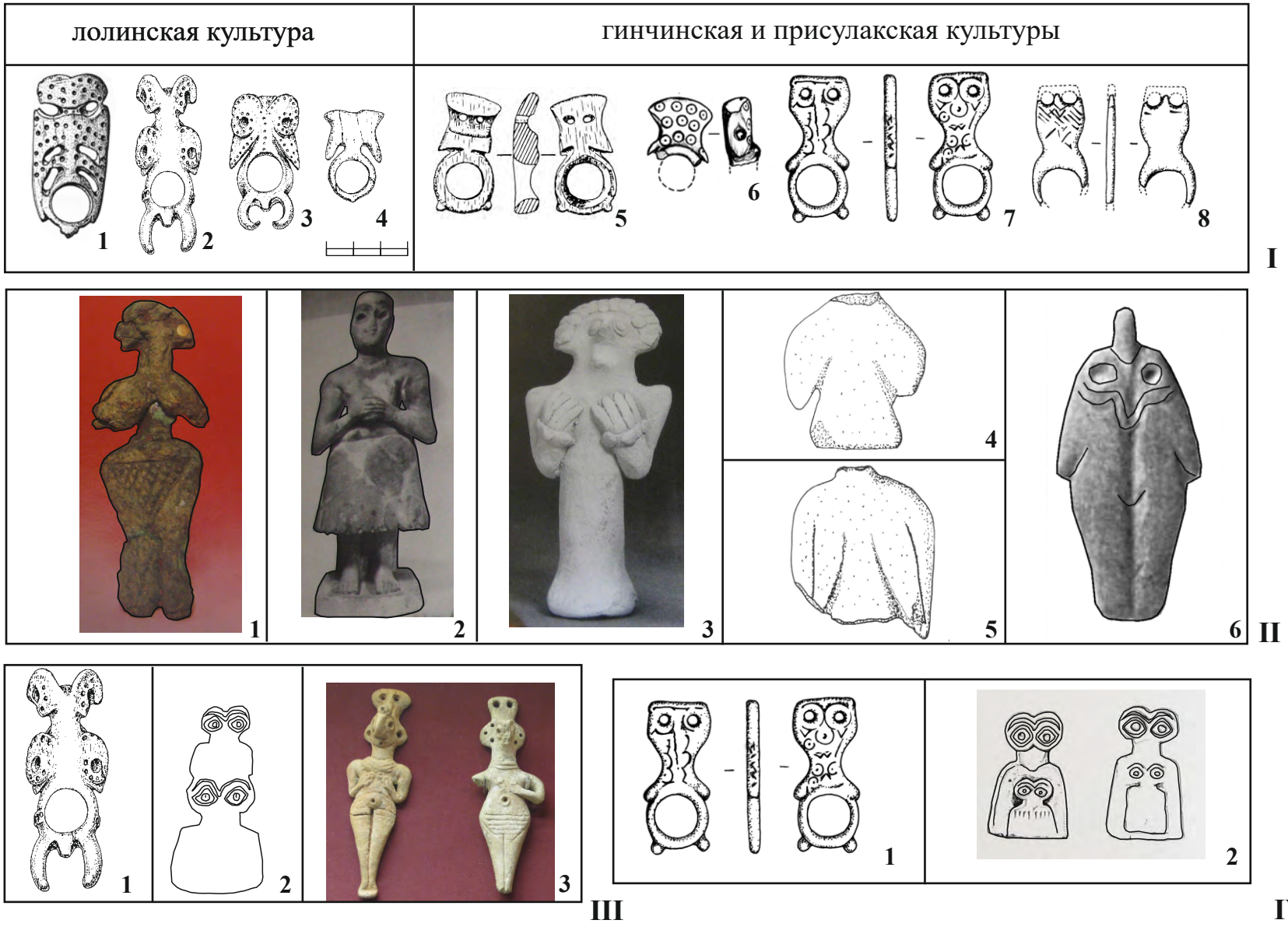

Илл. 78. Лолинская культура. Костяные конусы - дзыги/волчки
1-6 - кость; 7 - керамика
1 - Первомайский 4 2/3; 2 - Цаган-Усн III 6/2; 3 - Веселая Роща III 25/2; 4 - Золотаревка 6 15/6; 5,6 - Золотаревка 3 9/6; 7 - Чограй VIII 34/1

Илл. 79. Лолинская культура. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески

1 - Темрта I 2/7; 2 - Чограй VIII 34/1; 3 - Кевюды 1 3/5; 4 - Черноярская 3/10; 5 - Родионов 4 5/3; 6 - Ильинский 1 1/6; 7 - Ипатово 3 2/13; 8 - Типки I 2/4; 9 - Кривая Лука XXI 1/9; 10 - Элиста 6/1; 11 - ВМЛБ I 1965 30/1; 12 - ВМЛБ I 1965 32/3; 13 - ВМЛБ I 1965 37/2

Илл. 80. Лолинская культура. Фигурные кольцевидно-широкопланочные роговые пряжки кавказской традиции и ближневосточная мелкая пластика

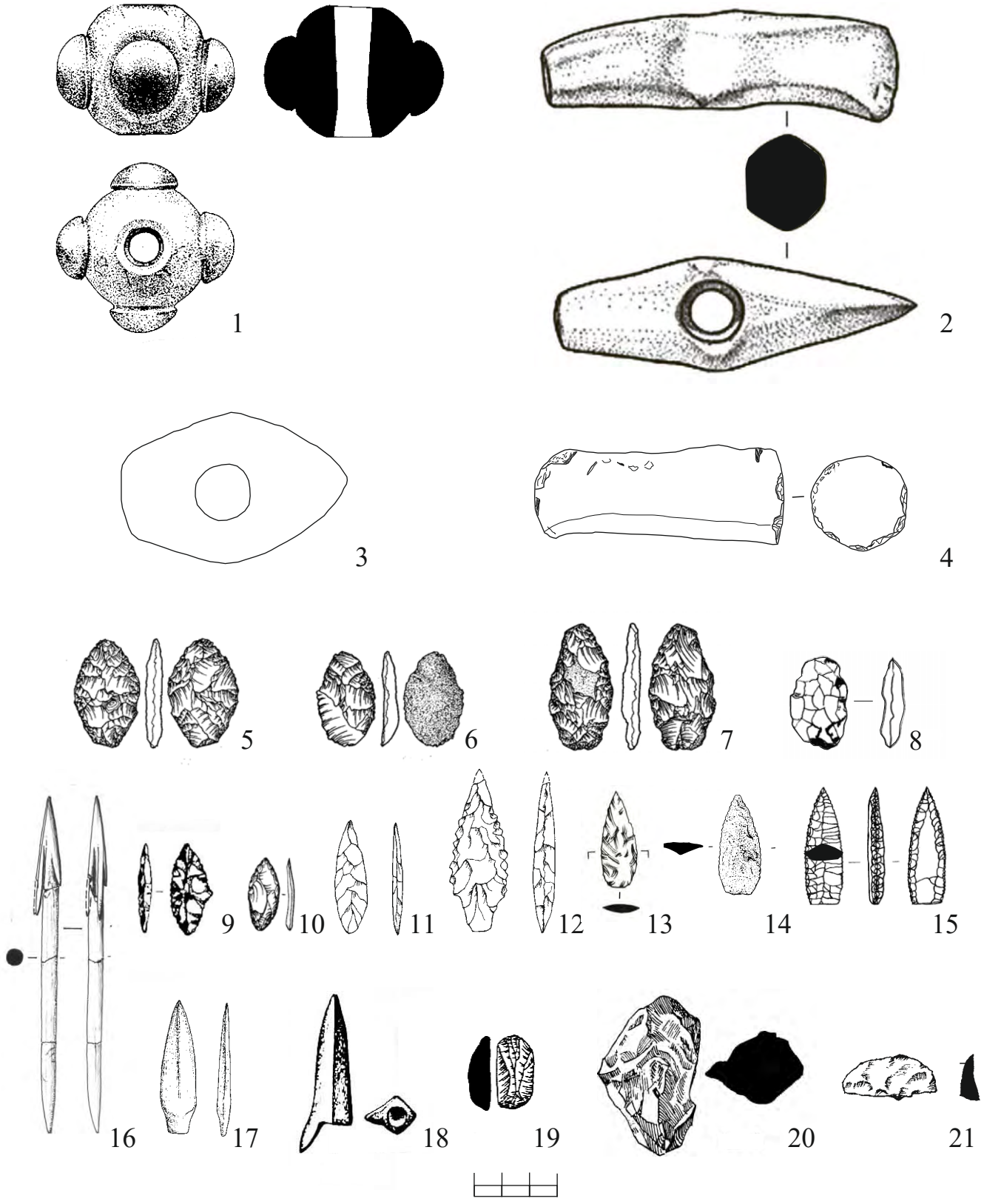
Подписи к илл. 80

I – фигурные кольцевидно-широкопланочные роговый пряжки лолинской, гинчинской и присулакской культур: 1 – Темрта I к. 2 п. 7; 2 – Чограй VIII к. 34 п. 1; 3 – Кевюды 1 к. 3 п. 5; 4 – Черноярская к. 3 п. 10; 5 – Ирганайский к. 1 п. 1; 6 – Ирганайской пос.; 7 – Гертма III к. 5 п. 1; 8 – Гертма III к. 6 п. 3.

II – ближневосточная мелкая пластика: 1 – Аладжахеюк (Иран, вторая пол. III тыс. до н.э.); 2 – бассейн р. Дияла, третий раннединастический период (Месопотамия, 2500–2315 BC); 3 – Сирия (1700 BC); 4, 5 – идолы типа Килия (позднеэнеолитический слой Афродизиаза в Анатолии); 6 – храм Сина, гор. Хафаджа (2-я пол. III тыс. до н.э.).

III – чограйская роговая пряжка и скульптуры глазастых богинь (eye-idols) из Месопотамии: 1 – роговая пряжка из погребения п. 1 к. 34 мог. Чограй VIII; 2 – алебастровый глазастый идол (Eye-Idols) из теля Брак (XXX в. до н.э., Урук III–Джемдет-Наср); 3 – терракотовые статуэтки глазастых богинь старовавилонского периода (1900–1750 BC, Месопотамия).

IV – роговая пряжка из п. 1 к. 5 мог. Гертма III присулакской культуры (Северо-восточный Кавказ, XXII–XXI вв. до н.э.) и изображения беременных богинь из теля Брак (XXX в. до н.э., Урук III-Джемдет-Наср).

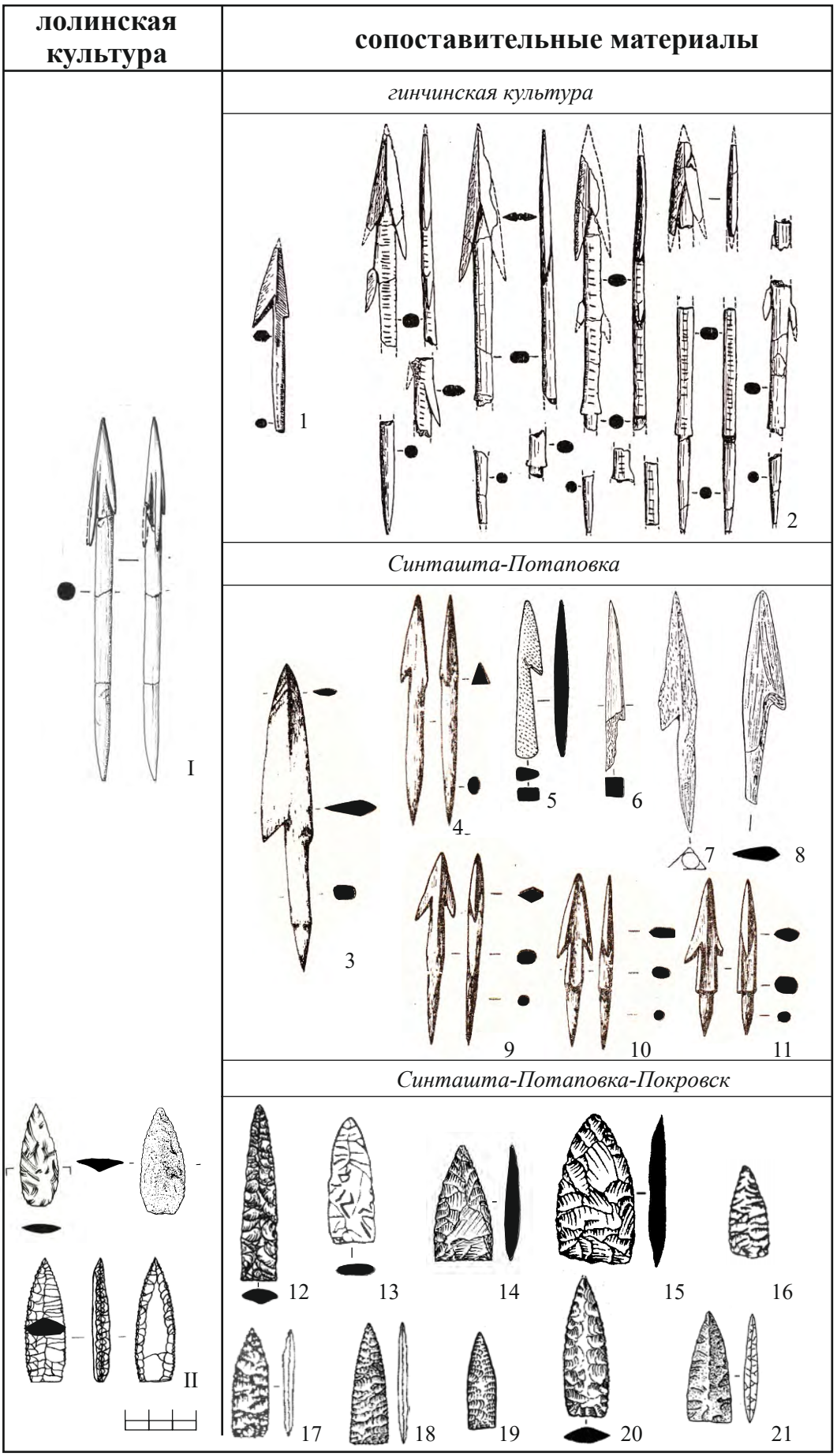

Илл. 81. Лолинская культура.

Предметы вооружения (булава, топоры, наконечники стрел), заготовки наконечников стрел и отщепы из кремня

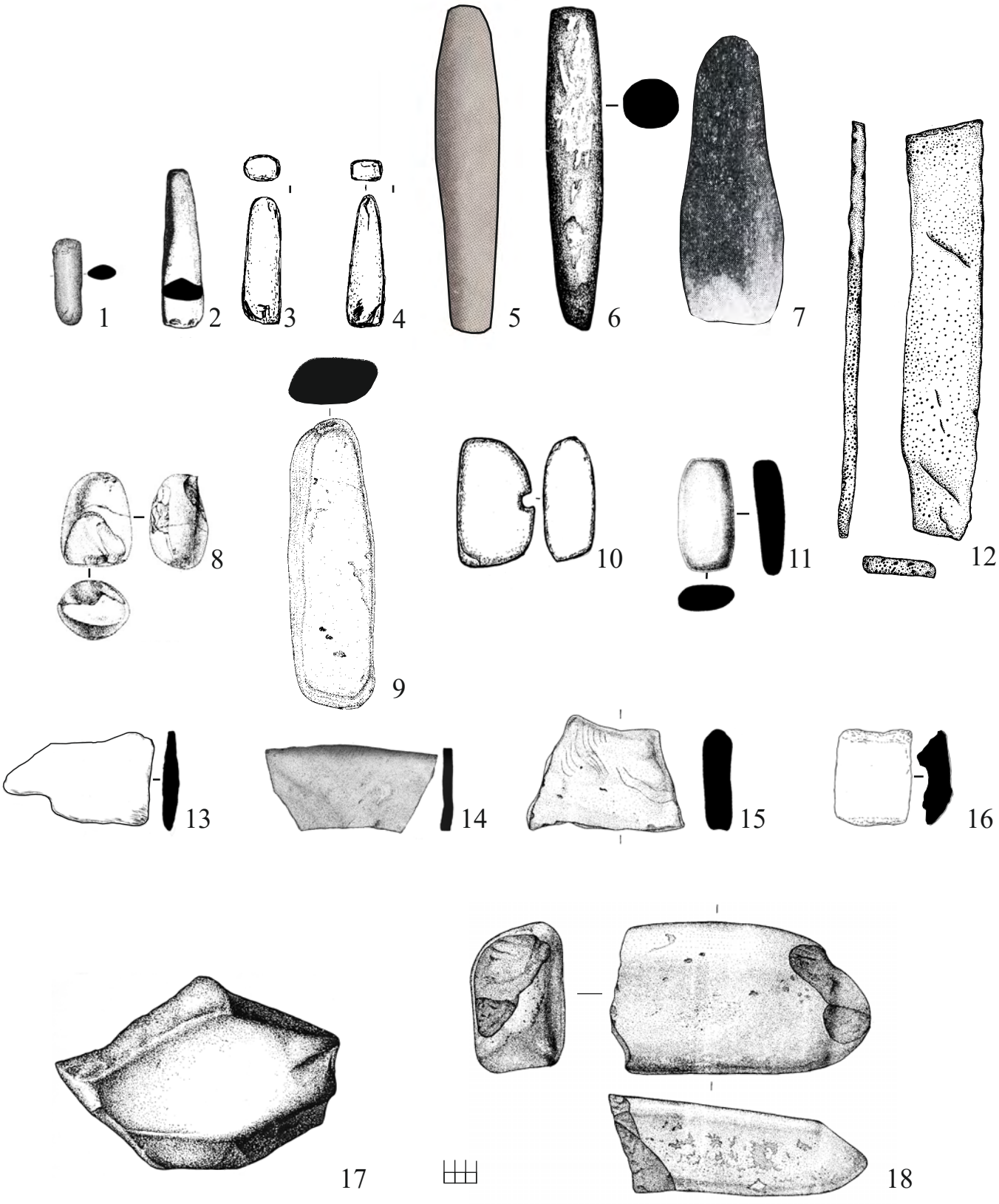
1-4 - камень; 5-14, 18-20 - кремень; 15-17 - кость

1 - Золотаревка 3 9/13; 2 - Галюгаевская-88 1/3; 3 - ВМЛБ 1965 I 32/4; 4 - Первомайский 4 2/3; 5-7 - Манджикины 1 9/1; 8 - Степная IV 3/3; 9,18 - Цаган-Усн VII 4/27; 10 - Ясырев I 8/9 (ДДБК); 11,12,17 - Черноярская 3/10; 13 - Зимняя Ставка 1 4/1; 14 - Кунаковский 2 3/3; 15 - Беслан-2012 А/703; 16 - Песчаный V 14/3; 19 - Островной 3/6; 20 - Шарахалсун 6 2/11; 21 - Зимняя Ставка 1 6/11

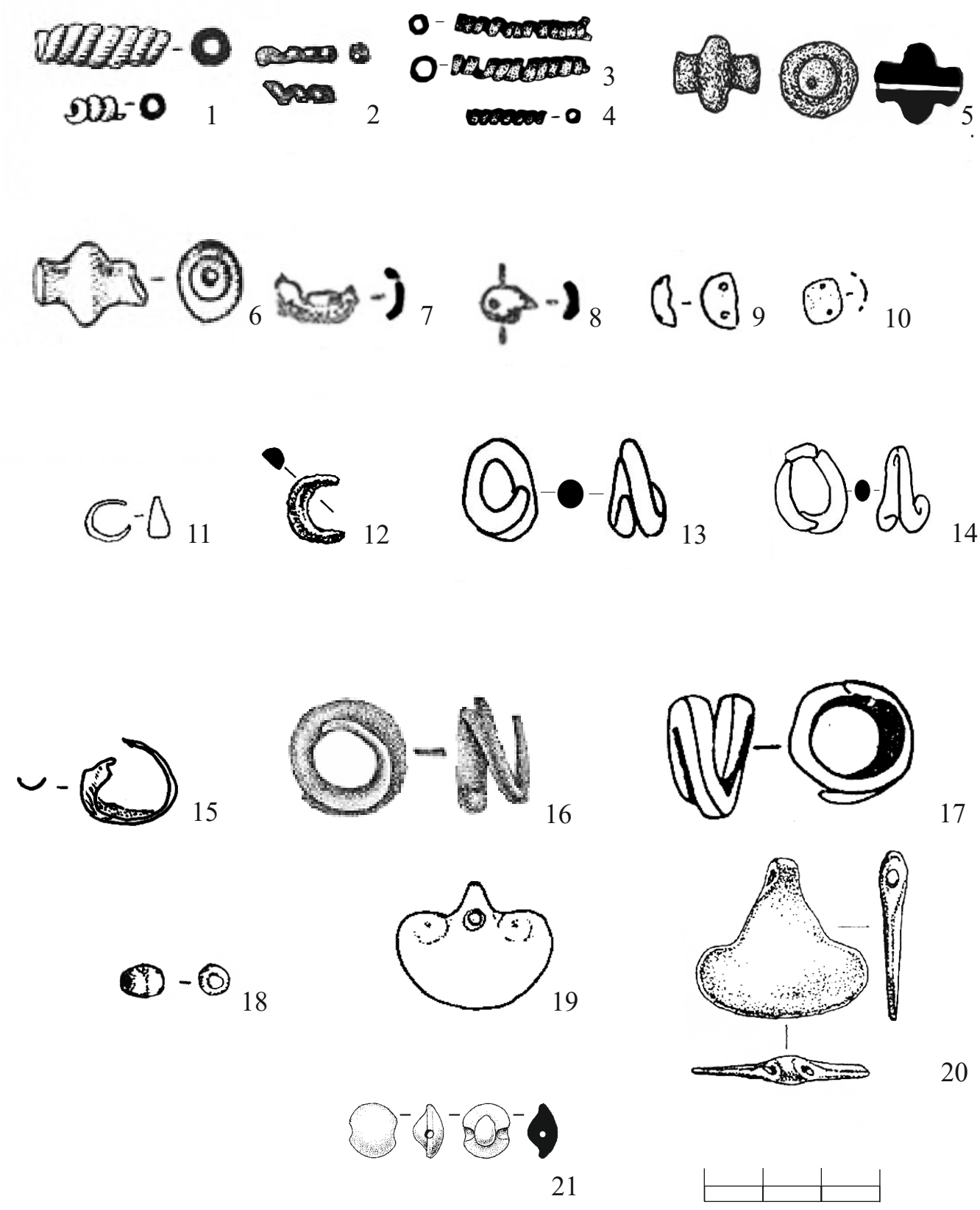
Илл. 82. Лолинская культура. Наконечники стрел и сопоставительные материалы

1 - Гични склеп 2; 2 - Ирганай склеп 5; 3 - Потаповский 3/4; 4,9-11 - Лопатинский II 2/1; 5 - Синташта СМ/16; 6 - Синташта СМ/30; 7,8 - Большекараганский 25/12; 12 - Каменный Амбар 5 2/15; 13 - Танаберген II 7/15; 14 - Халвай III кург./9; 15 - Бестамак п.5; 16 - Потаповка 3/4; 17 - Утевка VI 6/4; 18 - Спиридоновка II 1/1; 19 - Натальино II 14/1; 20 - Дубовый Гай кург/4; 21 - Неткачево 6/2

Илл. 83. Лолинская культура. Каменные орудия

1 - Островной 3/39; 2 - Кривая Лука II 1/13; 3-5,10,12 - Цаган-Усн III 1/15; 6,17 - Цаган-Усн VII 4/27; 8 - Золотаревка 3 9/6; 9 - Вавилон 3 6/5; 11 - Золотаревка 3 9/13; 13 - Ики-Зегиста 5/1; 14 - Манджикины 1 10/2; 15,18 - Айгурский 2 37/1; 16 - Чограйский V 6/5

Илл. 84. Лолинская культура. Украшения из металла

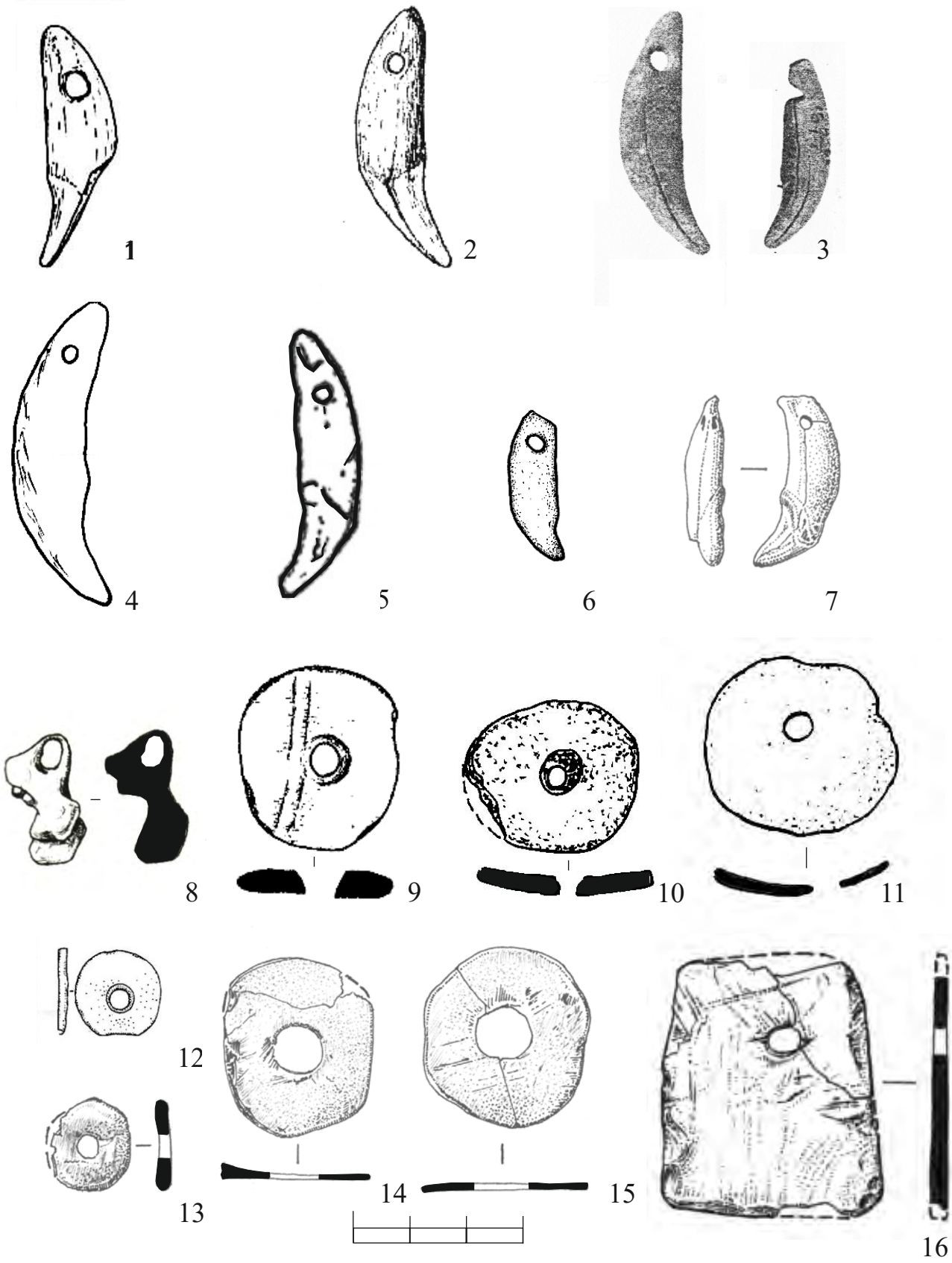
1, 2, 5, 7-20 - бронза; 3 - золото; 4 - электрум; 6, 21, 22 - сурьма

1 - Бияш 1/13, 2/5; 2 - Малаи I 4/4; 3 - Кунаковский 2 2/9; 4, 21 - Кунаковский 2 1/1; 5 - Лола I 7/1; 6 - Бияш 2/5; 7, 8 - Малаи I 4/4 ; 9 - Кировский IV 7/2; 10,11 - Новопалестинский II 2/5; 12 - Золотаревка 3 1/4; 13 - Степная IV 3/3; 14 - Чограй III 7/1; 15 - Ореховка 3/2; 16 - Кевюды 1 3/6; 17 - Иджил III 4/1; 18 - Цаган-Усн V 2/2; 19 - Новопалестинский II 2/5; 20 - Золотаревка 3 9/13; 21 - Кунаковский 2 1/1

Илл. 85. Лолинская культура. Украшения из фаянса, керамики, кости, сердолика
1-15,20,23, 25-31,34, 39-57 - фаянс; 16-19,24,32 - керамика;
37,38 - кость; 58-73 - сердолик

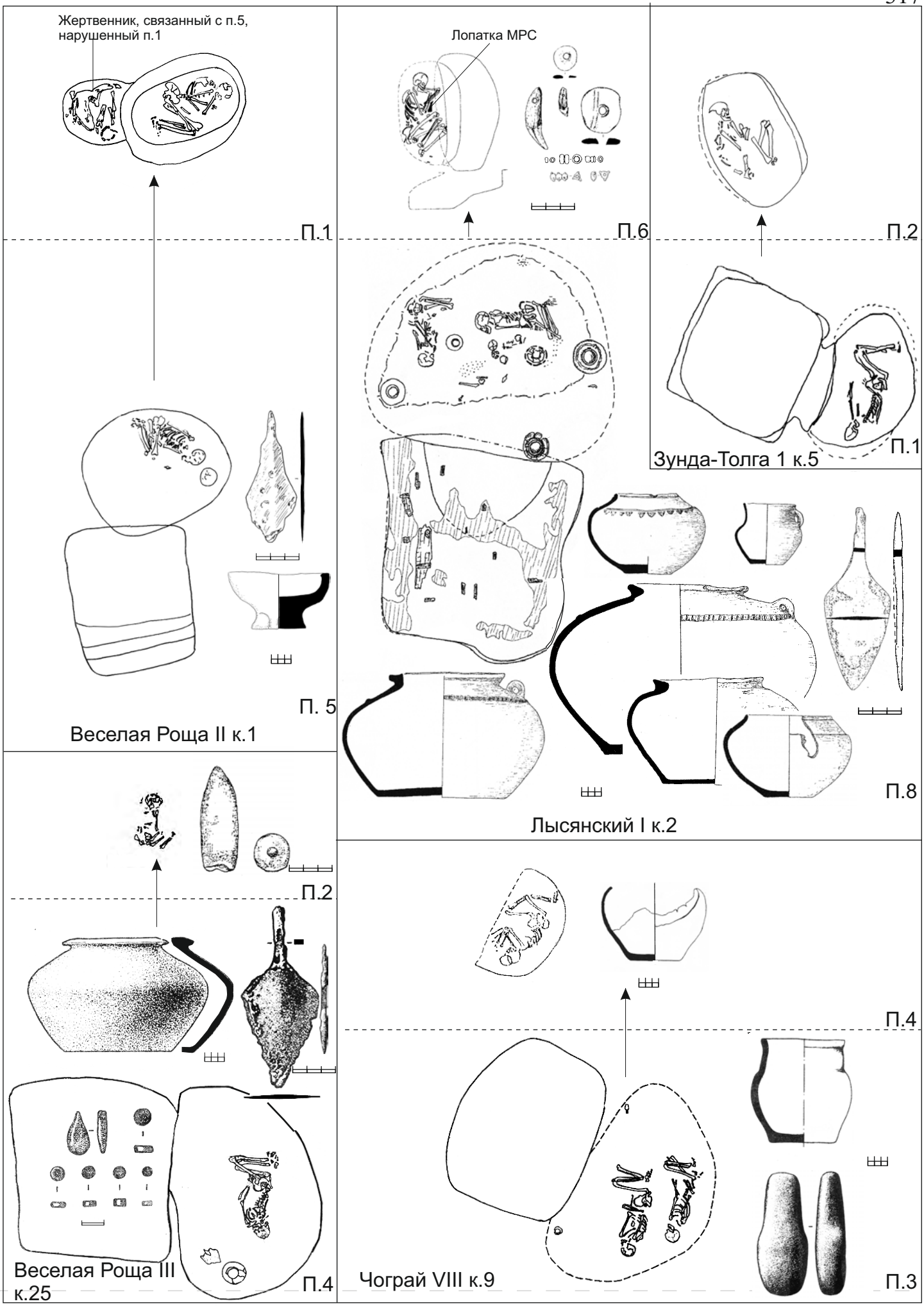
1,26,43 - Островной 6/4; 2,3,28 - Вавилон 3 8/8; 4,29,39,46,52,67 - Новопалестинский II 2/5; 5,18 - Цаган-Усн VII 2/9; 6 - Островной 3/12; 7 - Лысянский I 2/6; 8,30,35 - Кировский IV 7/2; 9,44,53,65, 72 - Золотаревка 3 9/6; 10,45,58 - Чограй, од.курган/14; 11,20,25,48,55 - Манджикины 1 10/2; 12,13, 16,33,51,56,66,73 - Золотаревка 3 9/13; 14,15,21,36,47,57,63 - Шарахалсун 3 8/2; 17,31,34,42 - Золотаревка 6 15/6; 19,22 - Золотаревка 1 23/1; 23 - Цаган-Усн VII 2/11; 24,68 - Зимняя Ставка 1 4/2; 27,40 - Островной 3/39; 32,41 - Островной 3/2; 37 - Чограй III 7/1; 38 - Первомайский 4 2/3; 49,59 - Золотаревка 3 6/3; 51 - Кунаковский 2 1/1; 55,70 - Кунаковский 2 2/9; 61 - Кунаковский 2 3/3; 62,65 - Лола I 7/1; 62 - Иджил III 4/1; 69 - Суворовский 1 5/3; 71 - Калиновский 6/4

Илл. 86. Лолинская культура. Подвески из зубов животных раковин и кости

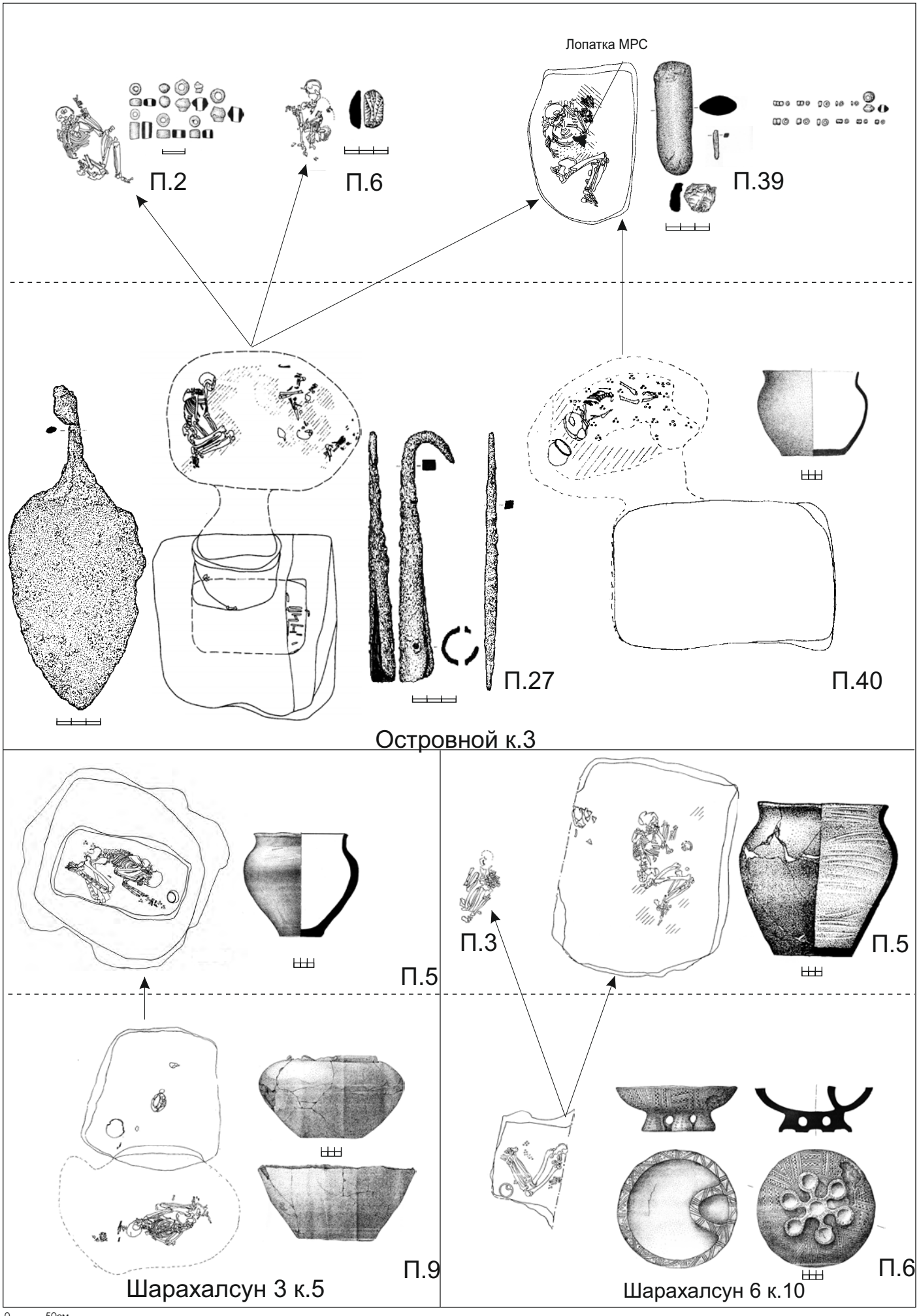
1-8 -зубы животных; 9-12 - раковина; 13-15 - кость

1,12 - Новопалестинский II 2/5; 2,9 - Лысянский I 2/6; 3 - Цаца 1/1; 4 - Чограй II 6/1; 5 - Малаи I 4/4; 6 - Чограй I 2/3; 7,13-16 - Песчаный V 14/3; 8 - Золотаревка 1 23/1; 9 - Лысянский I 2/6; 10 - Кривая Лука XXXIV 5/5; 11 - Кировский IV 7/2

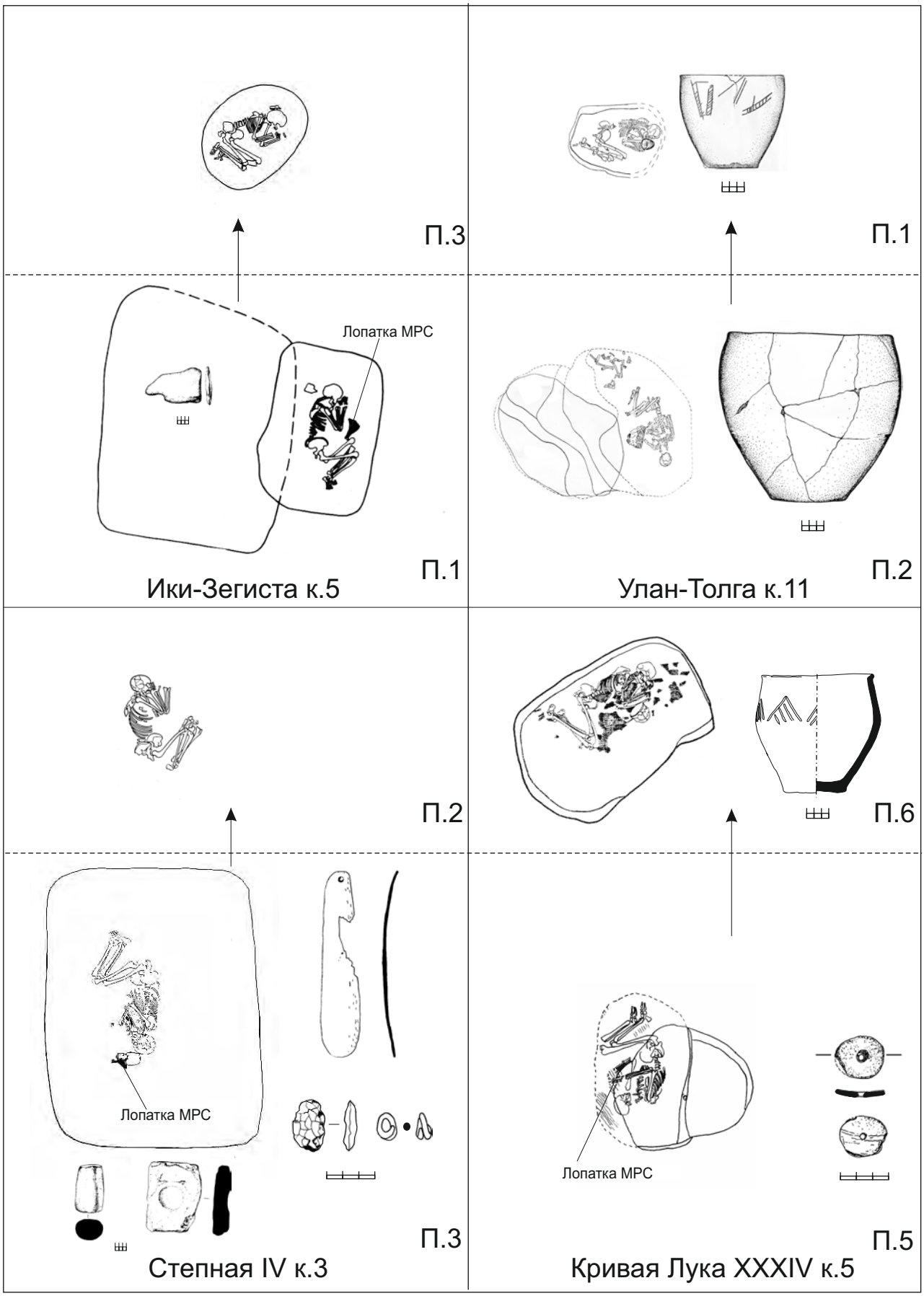
Илл. 87. Лолинская культура.

Стратиграфическое соотношение погребений лолинской культуры и ВМКК

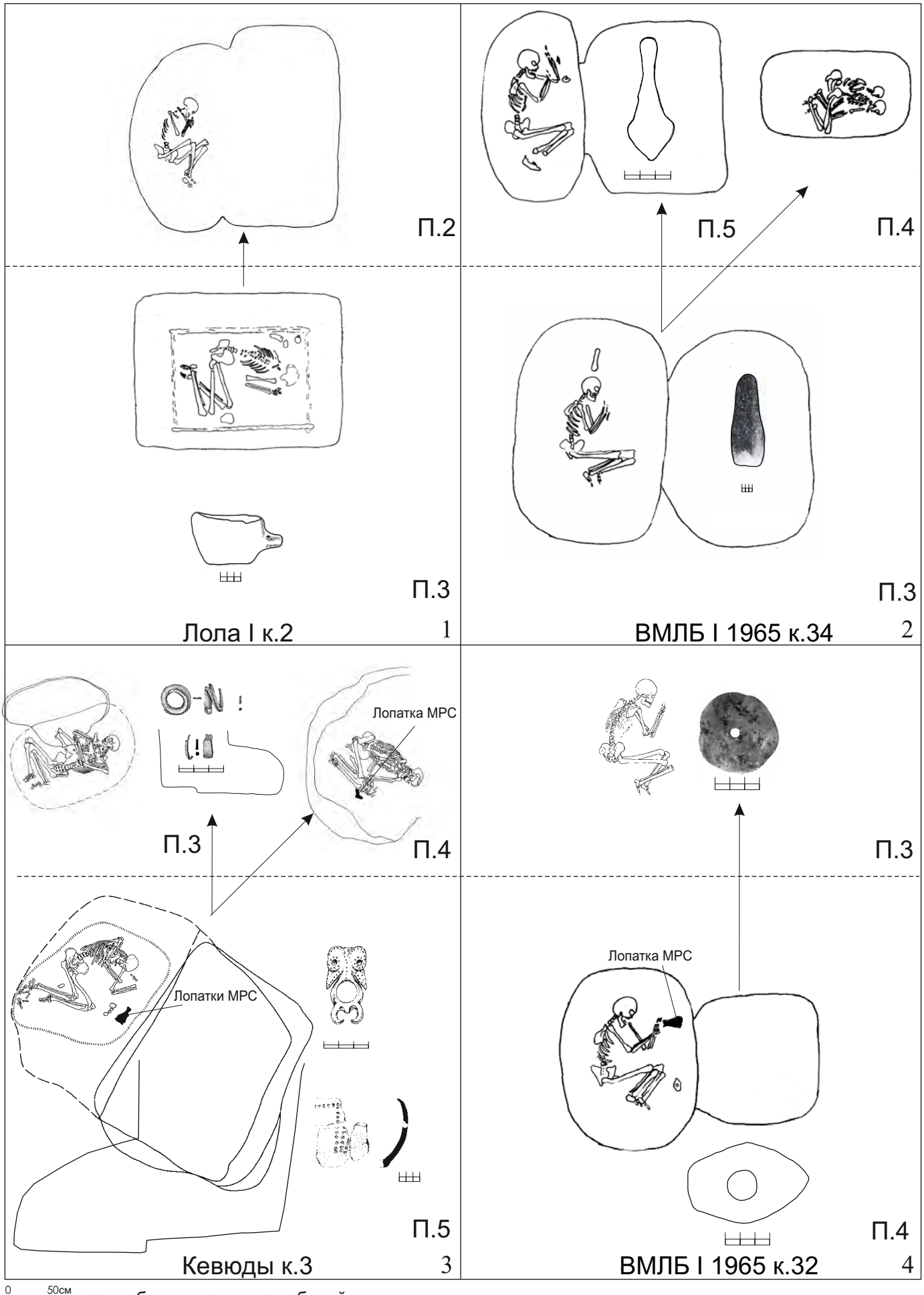

Илл. 88. Лолинская культура.

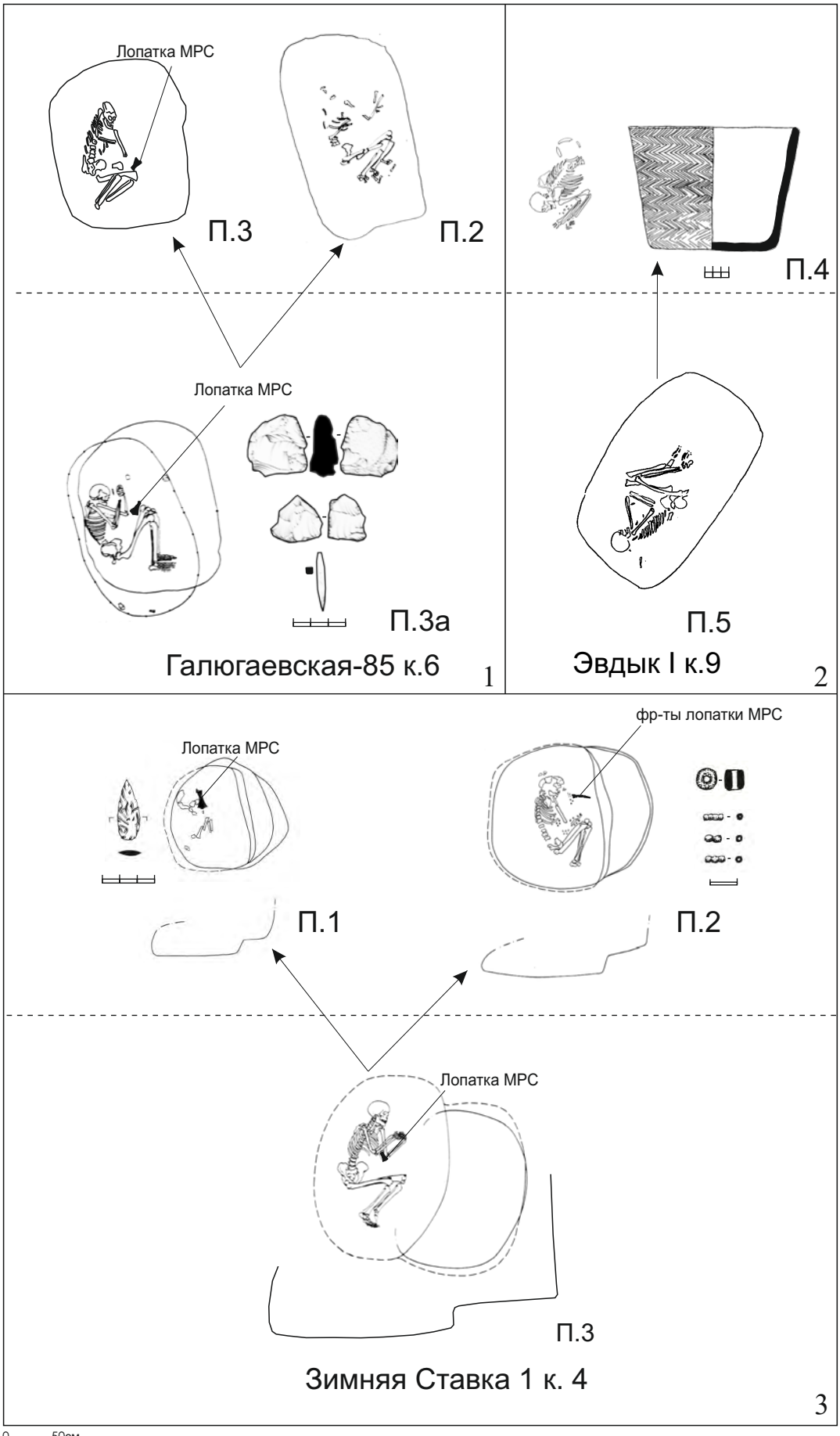
Стратиграфическое соотношение погребений лолинской культуры и ВМКК

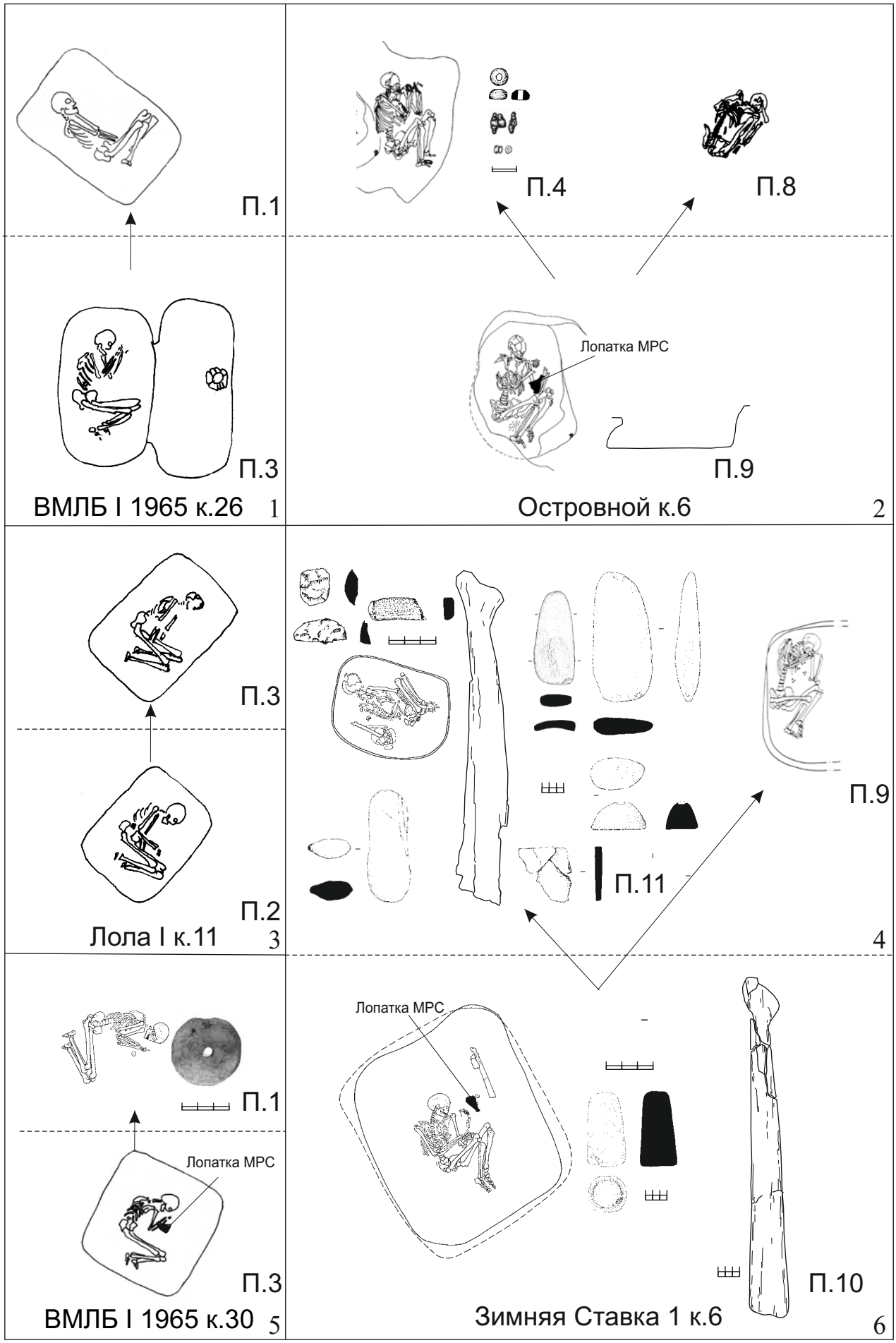
Илл. 89. Лолинская культура.
Стратиграфическое соотношение погребений лолинской и срубной культур

Илл. 90. Лолинская культура.
Стратиграфическое соотношение лолинских погребений

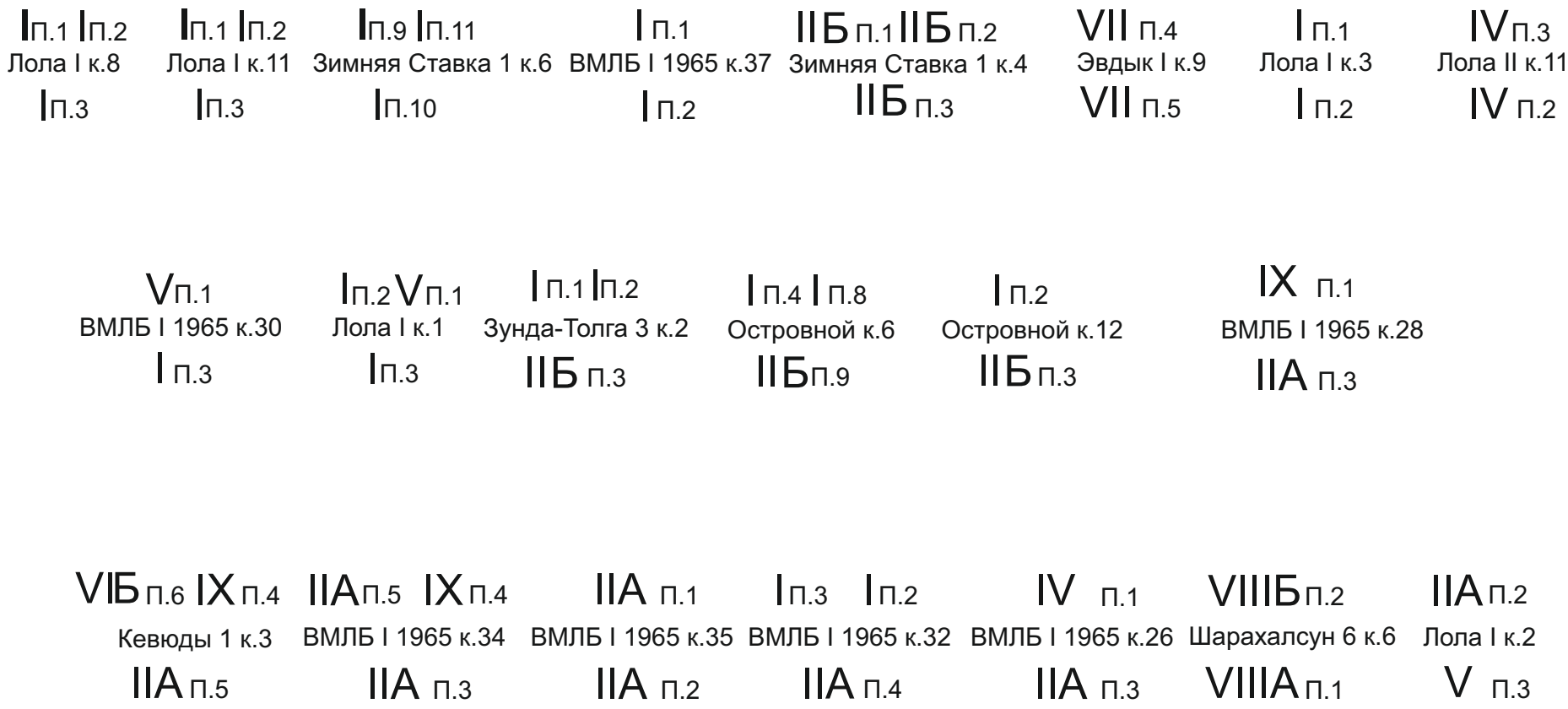

Илл. 91. Лолинская культура.
Стратиграфическое соотношение лолинских погребений

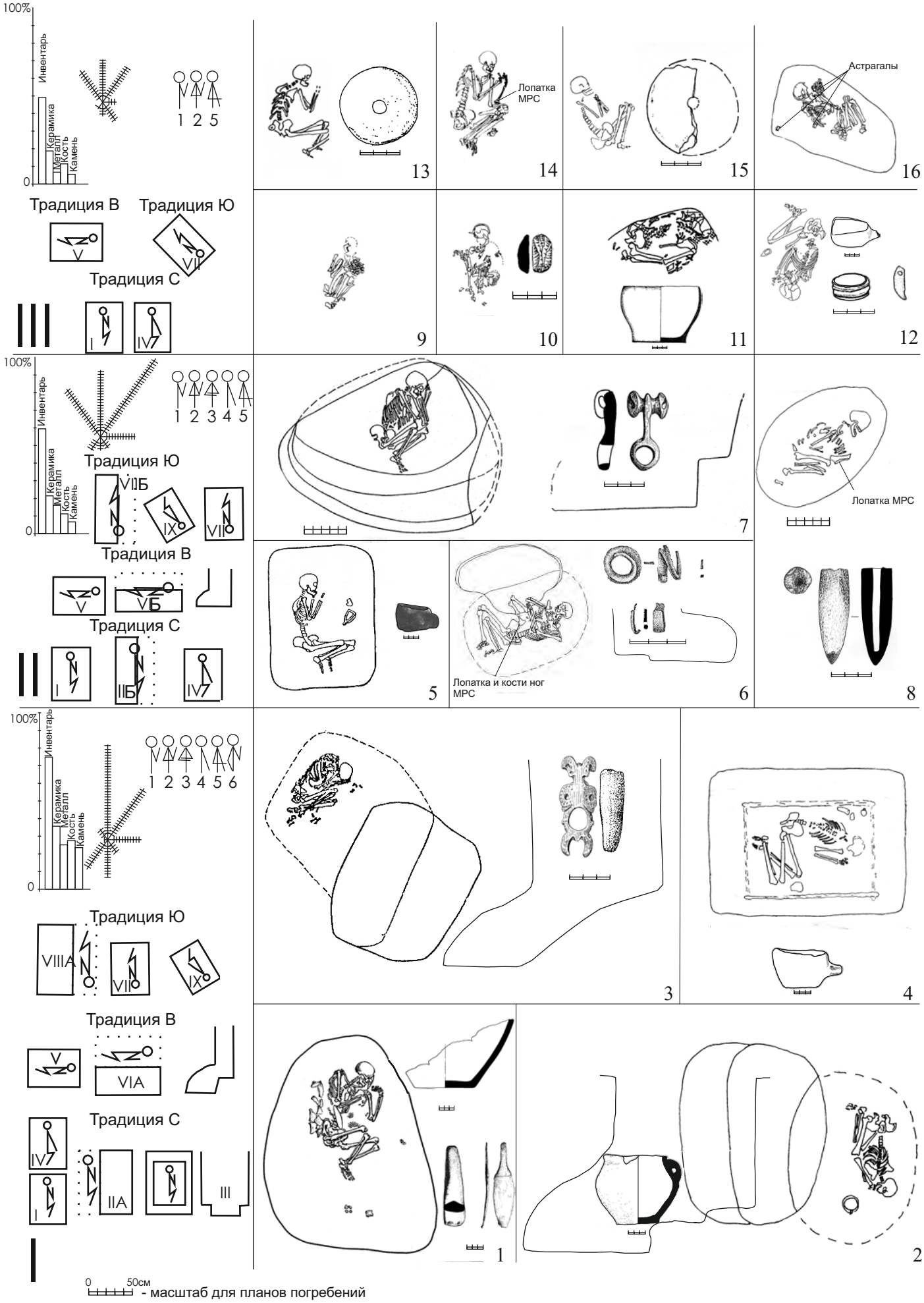

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 92. Лолинская культура.
Стратиграфическое соотношение лолинских погребений

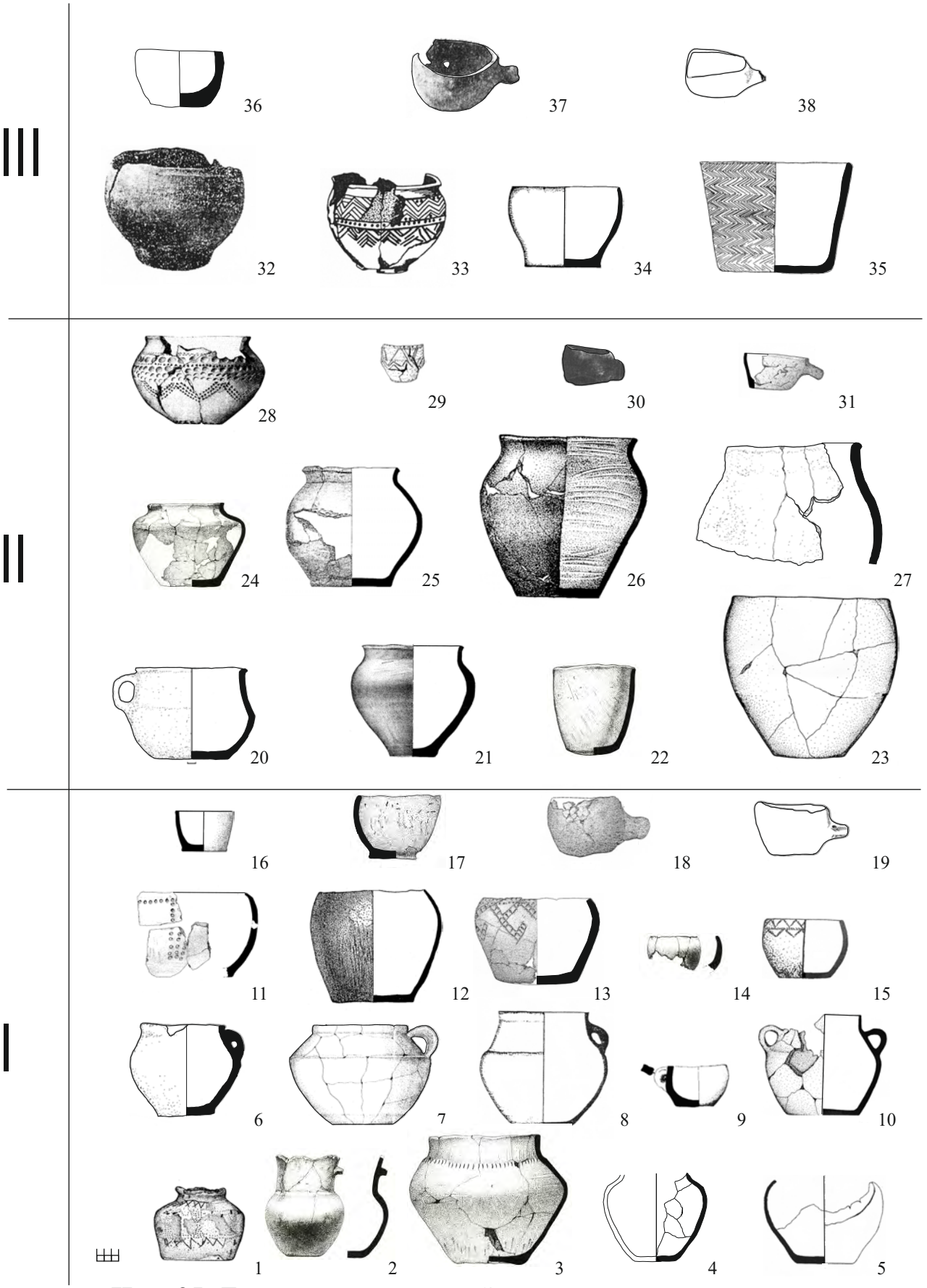

Илл. 93. Лолинская культура.
Стратиграфическое соотношение погребений разных обрядовых групп

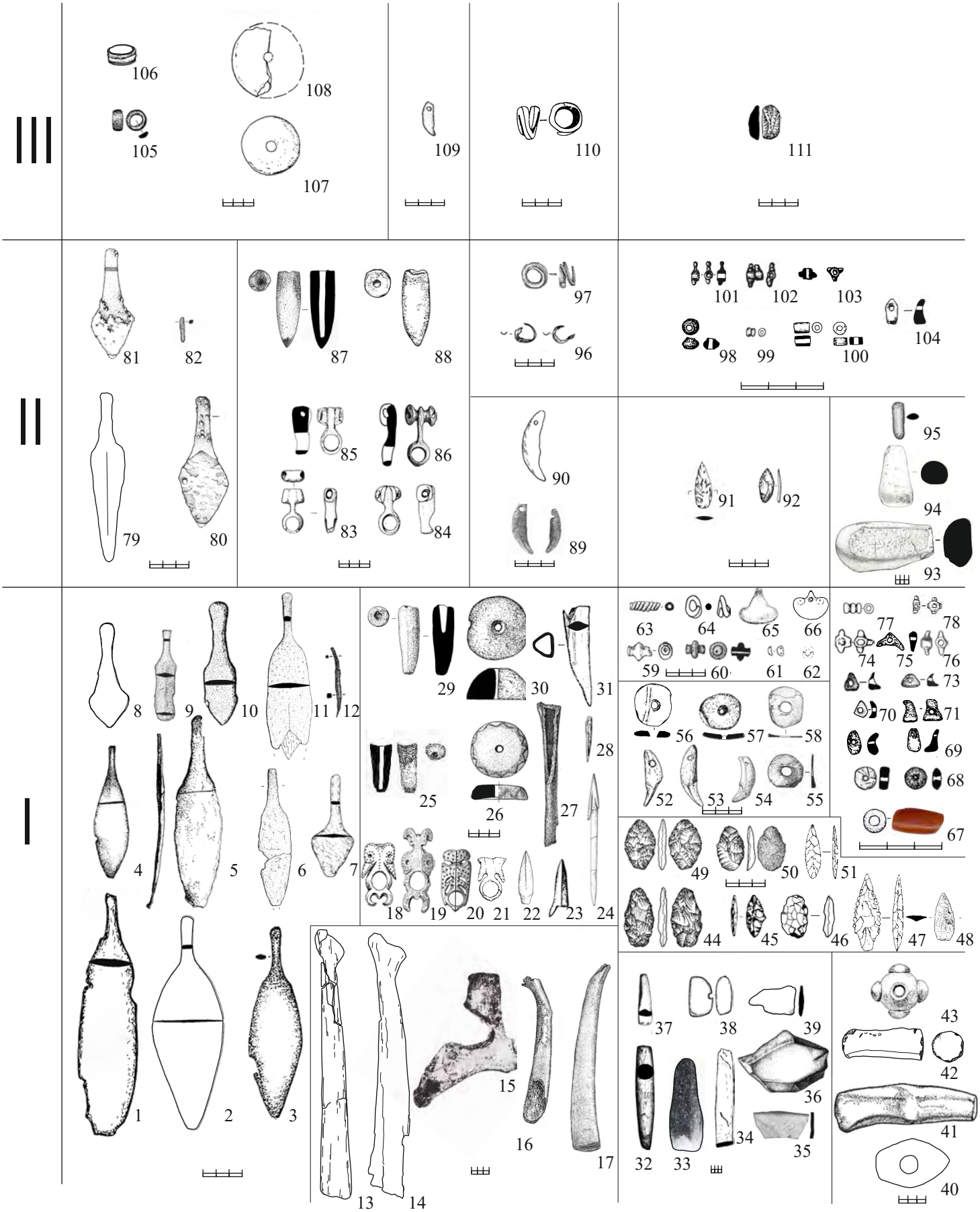
Илл. 94. Лолинская культура. Эволюция погребального обряда

1 – Кривая Лука II 1/13; 2 – Аксай I 6/3; 3 – Чограй VIII 34/1; 4 – Лола I 2/3; 5 – ВМПБ 1965 16/2; 6 – Кевюды 1 3/6; 7 – Кривая Лука XXI 1/9; 8 – Цаган-Усн III 6/2; 9 – Шарахалсун 10 6/3; 10 - Островной 3/6; 11 - Манджикины 1 3/4; 12 – Чограй I 2/3; 13 – ВМЛБ I 1965 32/3; 14 – Грушевка II 3/6; 15 – Элиста 6/1; 16 – Шарахалсун 6 11/7

Илл. 95. Лолинская культура. Эволюция керамического комплекса

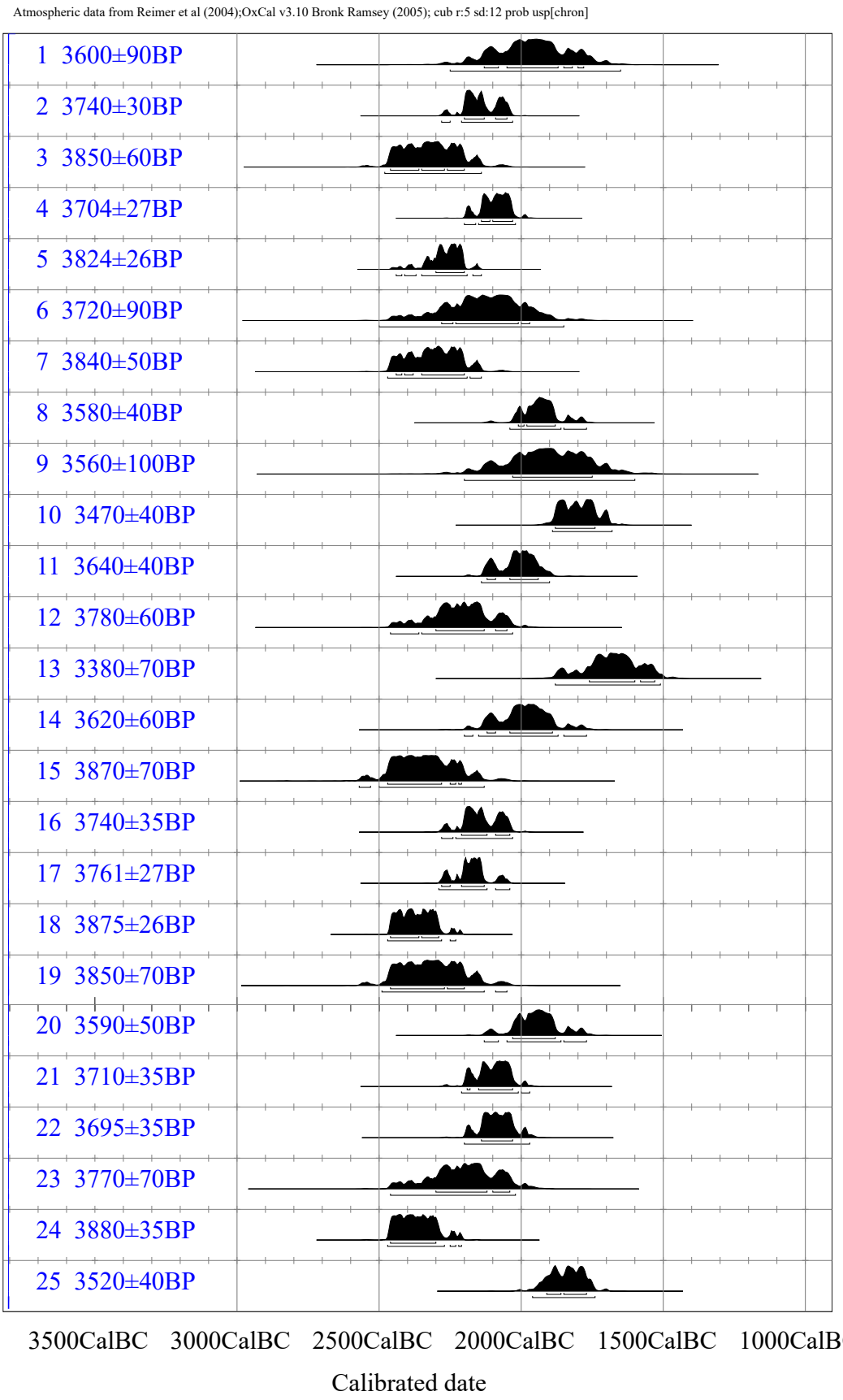
1 - Айгурский 2 37/1; 2,13 - Чографский 1 5/11; 3 - Золотаревка 1 2/3; 4 - Эвдык I 4/10; 5 - Чограй VIII 9/4; 6 - Аксай I 6/3; 7 - Яшкуль I 1/2; 8 - Манджикины 1 4/1; 9 - Южный VII 1/10; 10 - Манджикины 2 11/5; 11 - Кевюды 1 3/5; 12 - Манджикины 1 10/2; 13 - Островной 3/15; 14 - Чографский 1 5/11; 15 - Пичуга I 1/8; 16 - Бияш 2/4; 17 - Первомайский 4 2/3; 18 - Манджикины 1 9/1; 19 – Лола I 2/3; 20 - КВЧ-57 2/5; 21 - Шарахалсун 3 5/5; 22 - Айгурский 2 22/16; 23 - Улан-Толга 11/2; 24 - Золотаревка 1 24/1; 25 - Зунда-Толга 3 2/2; 26 - Шарахалсун 6 10/5; 27 - Хар-Зуха 1 9/2; 28 - Дамба-Калаус 1/8; 29 - Жуковский I 8/2; 30 - ВМПБ 1965 16/2; 31 - Черноземельский 1 4/31; 32 - ВМЛБ 1965 I 37/1; 33 - Иджил III 4/1; 34 - Манджикины 1 3/4; 35 - Эвдык I 9/4; 36 - Хар-Зуха 1 5/2; 37 - ВМЛБ 1965 II 35/3; 38 - Чограй I 2/3

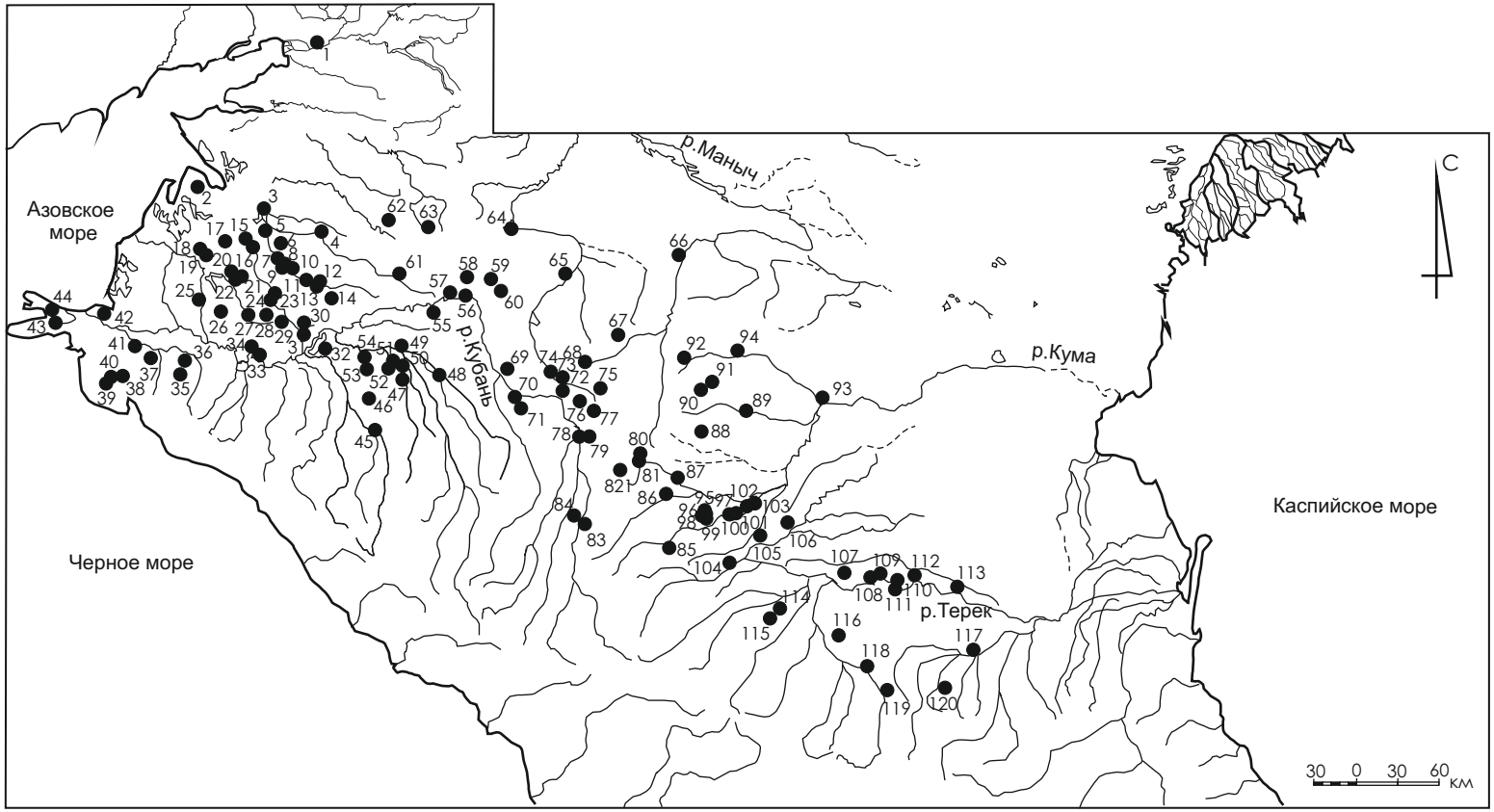
Илл. 96. Лолинская культура.
Изделия из металла, керамики, кости, рога, камня, фаянса

Илл. 96. Лолинская культура.
Изделия из металла, керамики, кости, рога, камня, фаянса

1 – Цаган-Усн III 1/15; **2, 52, 61, 66, 74, 77** – Новопалестинский II 2/5; **3, 4, 23, 32, 36, 45** – Цаган-Усн VII 4/27; **5, 37** – Кривая Лука II 1/13; **6** – Кунаковский 2 3/3; **7** – Айгурский 2 37/1; **8** – ВМЛБ 1965 I 34/5; **9** – Лола I 14/2; **10,31** – Бахтияровка 32/4; **11, 67** – Кунаковский 2 2/9; **12, 35, 73** – Манджикины 1 10/2; **13** – Зимняя Ставка 1 6/10; **14** – Зимняя Ставка 1 6/11; **15** – Колдыри 24/3; **16** – Шарахалсун 5 14/1; **17** – Манджикины 1 9/1; **18** – Кевюды 1 3/5; **19, 29** – Чограй VIII 34/1; **20** – Темрта I 2/7; **21,22** – Черноярская 3/10; **24, 54, 55, 58, 76** – Песчаный V 14/3; **25, 42** – Первомайское 4 2/3; **26** – Бияш 2/5; **27** – Манджикины 1 9/1; **28** – Цаган-Усн VII 2/11 **30, 71, 78** – Шарахалсун 3 8/2; **33** – ВМЛБ 1965 I 34/4; **34, 38** – Цаган-Усн III 1/15; **39** – Ики-Зегиста 5/1; **40** – ВМЛБ 1965 I 32/4; **41** – Галюгаевская-88 1/3; **43, 65** – Золотаревка 3 9/13; **44, 49, 50** – Манджикины 1 9/1; **46,6 4** – Степная IV 3/3; **53** – Лысянский I 2/6; **56** – Лысянский I 2/6; **57** – Кривая Лука XXXIV 5/5; **59** – Бияш 2/5; **60, 68** – Лола I 7/1; **61** – Кировский IV 7/2; **62** – Кунаковский 2 1/1: **63** – Бияш 1/13; **69, 75** – Цаган-Усн VII 2/п.9; **70 –** Золотаревка 6 15/6; **94, 104** – Золотаревка 1 23/1; **79** – ВМЛБ 1965 I 18/2; **80, 83** – Ипатово 3 2/13; **81, 84** – Ильинский 1 1/6; **82, 95, 98** – Островной 3/39; **85** – Типки I 2/4; **86** – Кривая Лука XXI 1/9; **87** – Цаган-Усн III 6/2; **88** – Веселая Роща III 25/2; **89** – Цаца 1/1; **90** – Чограй II 6/1; **91 –** Беслан п. 703; **92** – Зимняя Ставка 1 4/1; **93** – Ясырев I 8/9; **96** – Ореховка 3/2; **97** – Кевюды 1 3/6; **100** – Островной 3/2; **101,103** – Вавилон 3 8/8; **102** – Островной 6/4; **105** – Островной 6/5; **106, 109** – Чограй I 2/3; **107** – ВМЛБ 1965 I 32/3; **107** – Элиста 6/1; **110** – Иджил III 4/1; **111** – Островной 3/6

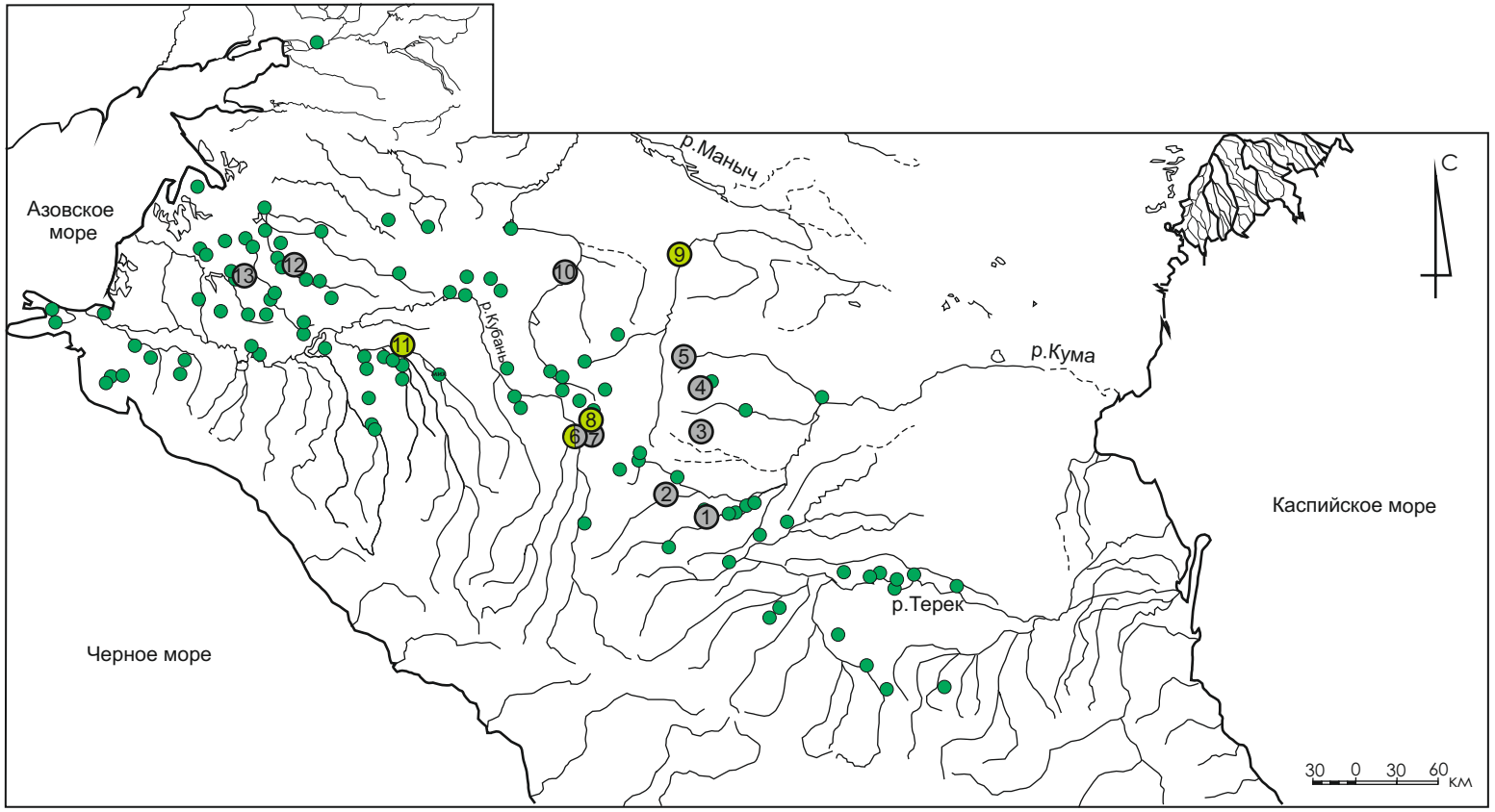

Илл. 97. Лолинская культура. Радиоуглеродные даты
(нумерация дана в соответствии с табл. 6.1)

Илл. 98. Невинномысская культура. Территория

1 - Ростов-Западный 5/3; 2 - Курганная группа (2 насыпи) 1/1,3,7-9, Приморско-Ахтарский район; 3 - Курганная группа (2 насыпи) 1/6, Брюховецкий район; 4 - Полтавская 3 5/4; 5 - Брюховецкая I 2/3, II 1/1; 6 - Батуринская I 3/2, 5/2; 7 - Медведовский 1 9/3,11,12; 8 - Старомышастовская I 1/20; 9 - Курганная группа 9 насыпей (27 насыпей) 19/1; 10 - Новокорсунская 2/1; 11 - Пролетарский 2/7, Пролетарский-86 1/6; 12 - Бейсужек 36 1/1; 13 - Бураковский 1/6; 14 - Раздольная 16/4; 15 - Роговская 3/5; 16 - Ольховский 1/13; 17 - Греки I 2/49,56,59, III 1/4; 18 - Лебеди I 3/4, II 5/7, IV 7/7,11, 8/11,49, VI 1/6, 2/1,3,6, 3/6,7; 19 - ПКОС-79 42/2,6, ПКОС-80 48/5; 20 - Олений 2/8, 3/11; 21 - Рассвет 2/3; 22 - Малаи I 9/3, II 1/16; 23 - Пластуновская 52 2/4, 53 6/9; 24 - Красносельский 9 6/12, 10 2/2; 25 - Старонижестеблиевская-86 4/2; 26 - Останний 1/139; 27 - Новотитаровская 14 1/12; 28 - Текучка I 2/12,15; 29 - Белевцы I 1/4; 30 - Украинский 1 8/1; 31 - Динская 4 3/7, 29 1/об.1, 6/8; 32 - Чишхо п.1; 33 - Колос 2 1/10,17; 34 - Ханьков 48/4,7; 35 - Бугундырь VI 4/2; 36 - Общественный I 3/5,9; 37 - Курганная группа №1708; 38 - Анапская 1/8, 10/6; 39 - Натухаевская 4 1/2; 40 - Граничная 1/3; 41 - Адагум 1 7/3, 10 1/5,8,9-13; 42 - Комсомольский 1/1,2; 43 - Старотитаровская 4960Б 4/20, 5/19,24,29, 4962 4/7; 44 - За Родину 98/7, 4885/8; 45 - Советское 29 од.кург./5; 46 - Келермесская 28/1, 31/1,2; 47 - Чернышевская I 4/3,4, 6/2, 5/81,197,274; 48 - Михайловская 11/8, 12/17; 49 - Садовый 4/10; 50 - Серегинский 1/14,15,28; 51 - Зарево 5 1/1; 52 - Уашхиту 1 2/28, 2 2/1; 53 - Дукмасовский 2/2; 54 - Уляп 16/3; 55 - Венцы I 1/5,нах.; 56 - КРОС 616га 6/7; 57 - Челбас 5/3; 58 - Радуга 7/1; 59 - Расшеватский 1 22/14, 23/4, 4 3/6; 60 - Новоалександровск 1/4; 61 - Хоперская 1/10, 2/4; 62 - Терновка 10 2/1; 63 - Южный-84 1/1,3,4; 64 - Красногвардейское од.кург./7; 65 - Птичье 3 5/16, 6/1,8, 7/1, 9/2; 66 - Ипатово 5 3/1; 67 - Тугулук 3 4/2; 68 - курган Ставрополь п.5,15,19; 69 - Каблук 1 4/10; 70 - Коноково I од.кург./8; 71 - Успенский од.кург./5; 72 - Тоннельный 9 2/2; 73 - Сенгилеевский 7 9/2; 74 - Левоегорлыкский 3 1/3; 75 - Калюжный 1 1/1-13, 2/1,2, 3/2,5,6,8; 76 - Новоекатериновская 4 2/7; 77 - Бударка 3 10/2; 78 - Невинномысский 1 13/1-3,5-7, 3 1/2, 4, 4/2, 5/1,4,5, 6/5-8,12, 7/10,8,18,19, 22/2, 4 1/12, VI 1/6; 79 - Каскадный 2 1/3; 80 - Николаевский 3 2/6, 3/5, 5/6; 81 - Кунаковский 3 5/4,5, 6/4; 82 - Воровсколесская 2/6; 83 - Усть-Джегутинский 26/2,3; 84 - Бесленей 6/1, 7/13; 85 - Аликоновка 1/1; 86 - Суворовская 9/1-3, Суворовский 1 1/16, 5/1,3; 87 - Ульяновский 1 1/7, 3/3,5,6; 88 - Петровка I 2/1, 4/1; 89 - Новый Маяк разр.кург./2,4; 90 - Калиновский 1/3,6,7-9, 2/2,3/1,2, 4/1, 5/1, 9/1; 91 - Грушевка II 2/4; 92 - Ореховка 1/3, 2/3,5, 5/3, 6/1, 7/1-3, 8/1-3,5,7, 9/1,4,5, 10/1,2; 93 - Буйвола 1 4/2, 5/3,7; 94 - Александрия 1/1; 95 - Иноземцево 1 1/1,2, 3/1, 7/3-5; 96 - Бородыновка 3 3/16; 97 - Винсады 4 2/7,9; 98 - Константиновский 4 2/1-4, 3/3, Константиновская 10 1/1,17 11 1/2,3,11; 99 - Вонючка 1 1/1; 100 - Незлобная VII 1/2; 101 - Георгиевская станица 6 1/3,4, VII 2/2, VIII 1/5; 102 - Георгиевский 3 1/3, 2/10; 103 - Новозаведенное 3 1/2,6; 104 - Прогресс 2 3/4; 105 - Комсомолец 1 кург./31; 106 - Новосредненское 1 1/5,9,30,36,40; 107 - Черноярская 2/19,20; 108 - Павлодольская 1/2,3; 109 - Троицкое 3/9; 110 - Комарово 7/1; 111 - Терская 2/1; 112 - Галюгаевская-85 1/5, 3/1, 4/2, Галюгаевская-88 1/6; 113 - Мекенская 4/10; 114 - Учебный 1 14/1; 115 - Нальчик кург./18,31; 116 - Заманкул 1/4; 117 - Алхан-Кала 10/1; 118 - Беслан-2006 комп.334,387; 119 - Сунжа-89 2/3, Сунжа-90 4/2/I-III,3-6,10-12; 120 - Бамут-64 1/3,4,5,8, 2/2-4,12, 3/1,2, 8/1, 9/1, Бамут-65 6/9; Бамут-66 2/1,4-7,9,11, 3/2,9, 4/2,4,5,7, Бамутские сады 1/1,2

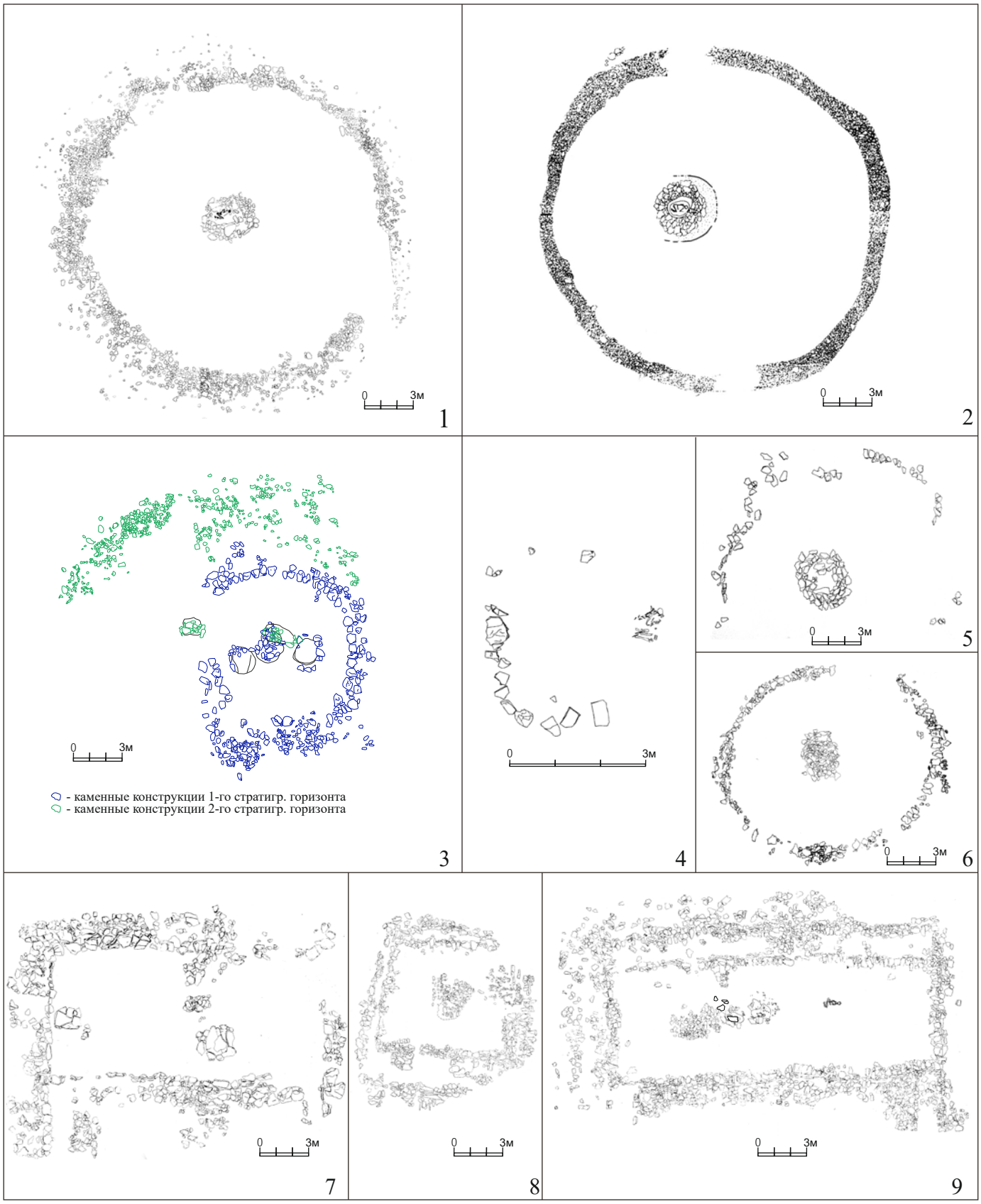
- курганы с основными погребениями

- курганы с погребениями, сопровождавшимися досыпками

Илл. 99. Невинномысская культура.

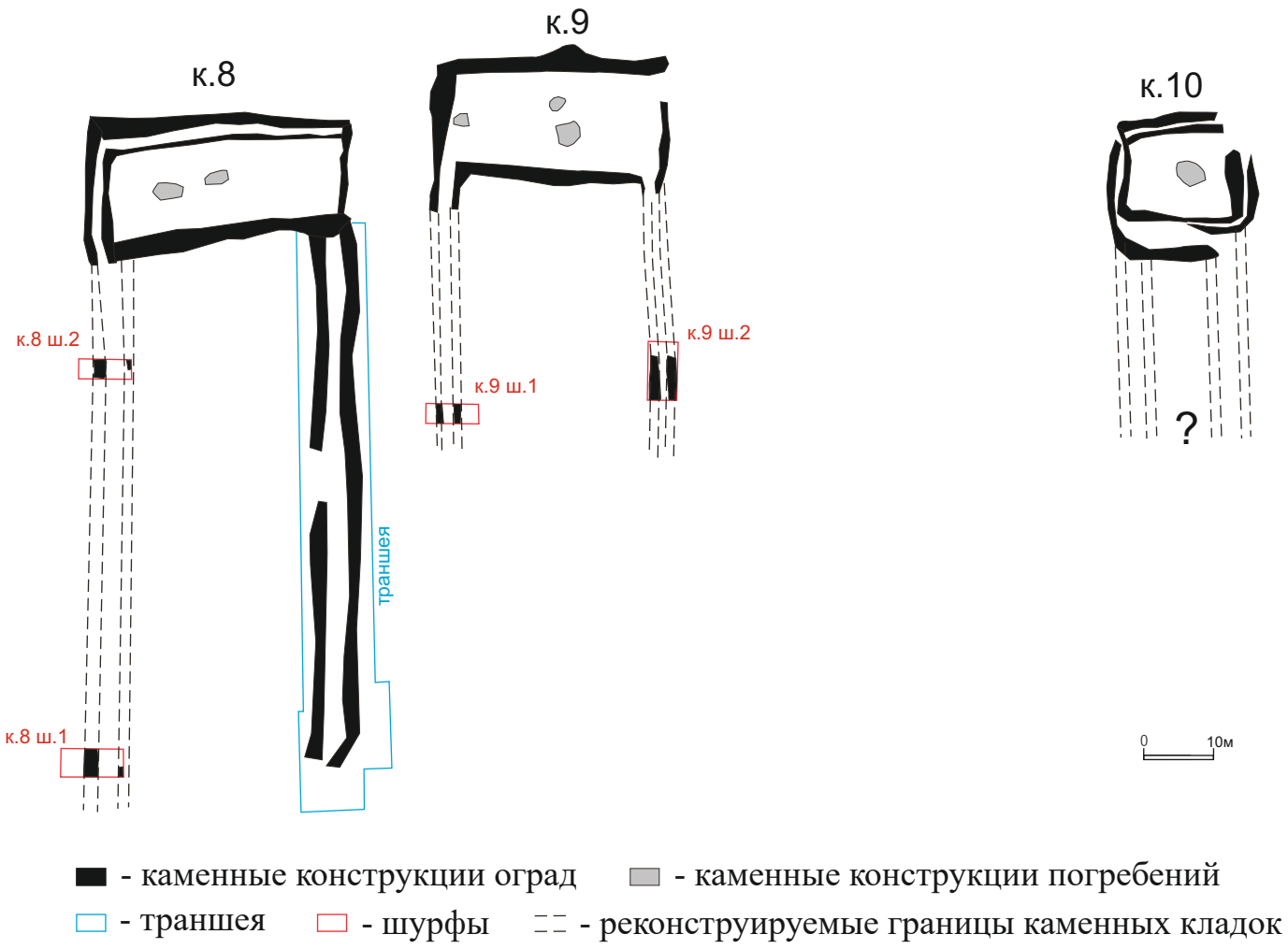
Распространение памятников с собственной курганной архитектурой

1 - Константиновский 4 2/1,2; 2 - Суворовская 9/2; 3 - Петровка I 4/1; 4 - Калиновский 4/1, 5/1, 9/1; 5 - Ореховка 1/3, 5/3, 6/1, 7/1,3, 8/3,7, 9/4,5, 10/1,2; 6 - Невинномысский 1 13/5,6, 3 5/4; 7 - Каскадный 2 1/3; 8 - Калюжный 1 3/8; 9 - Ипатово 5 3/1; 10 - Птичье 3 9/2; 11 - Садовый 4/10; 12 - Новокорсунская 2/1; 13 - Рассвет 2/3

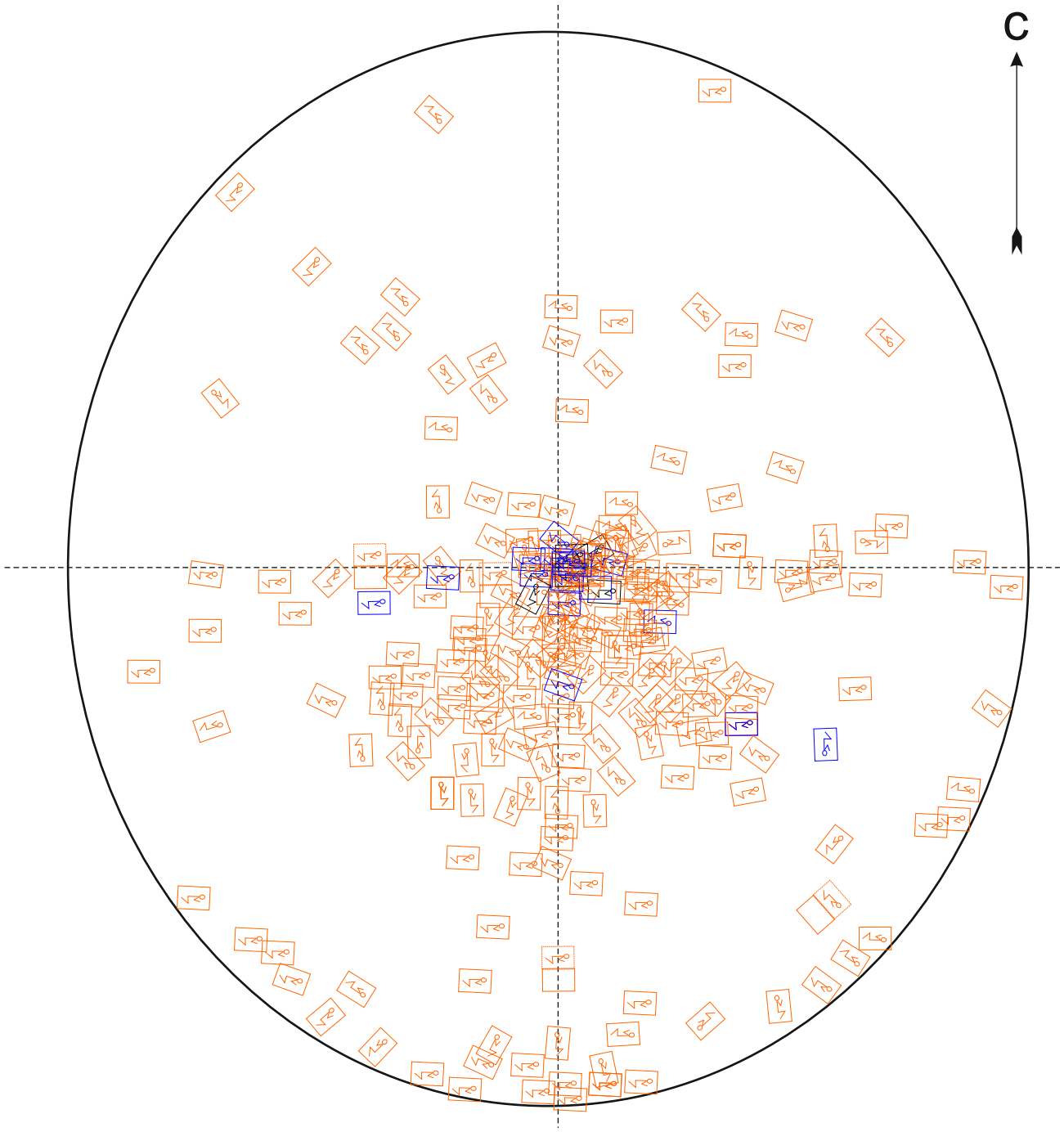

Илл. 100. Невинномысская культура.
Дополнительные конструкции курганной архитектуры

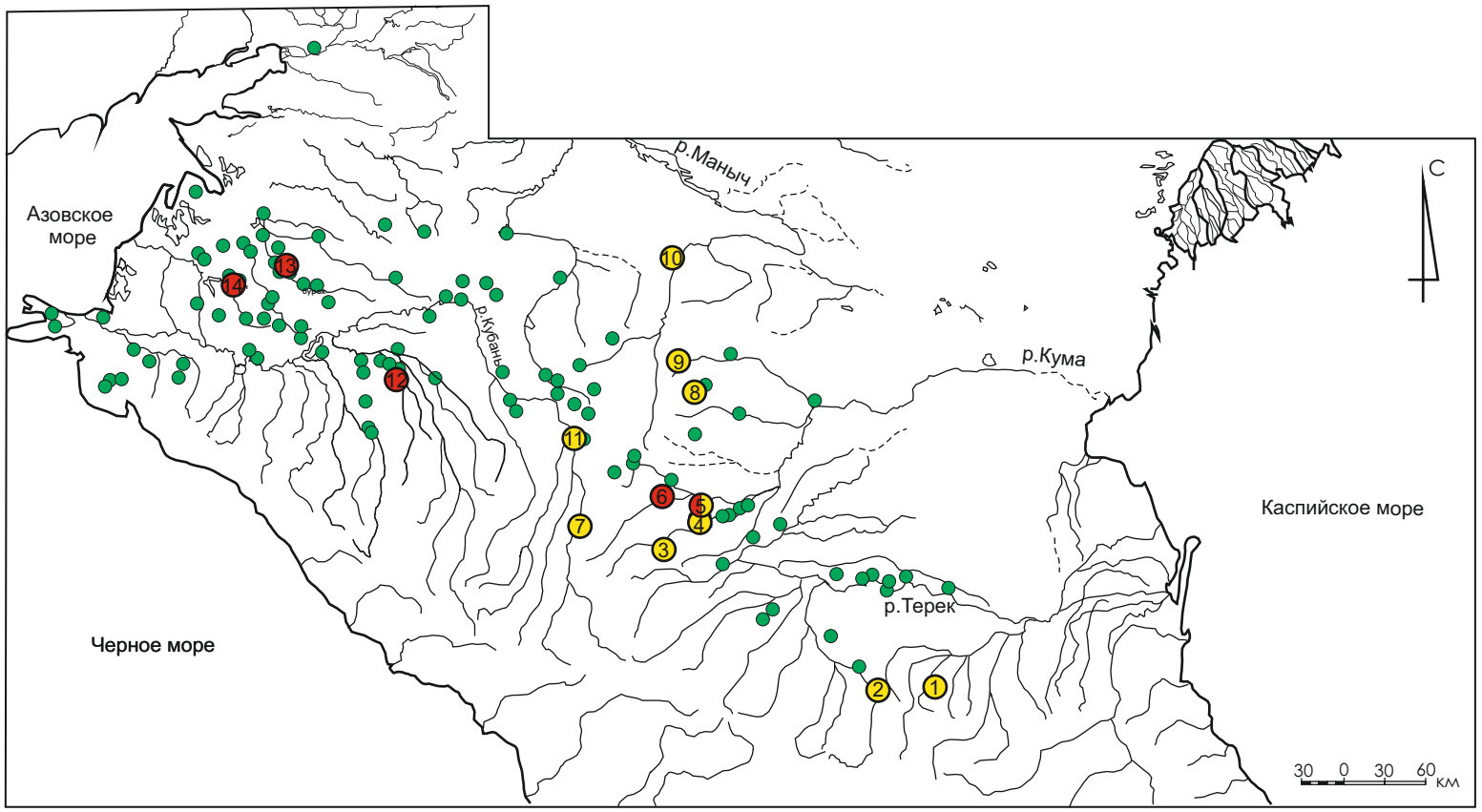
1 - Ипатово 5 к.3; 2 - Калиновский к.4; 3 - Невинномысский 1 к.13; 4 - Калюжный 1 к. 2; 5 - Ореховка к.6; 6 - Ореховка к.5; 7 - Ореховка к.9; 8 - Ореховка к.10; 9 - Ореховка к.8

Илл. 101. Невинномысская культура.
План расположения каменных конструкций к.8-10 мог. Ореховка [Андреева, 1985, рис. 234] и возможная реконструкция погребальных сооружений по данным шурфовки.

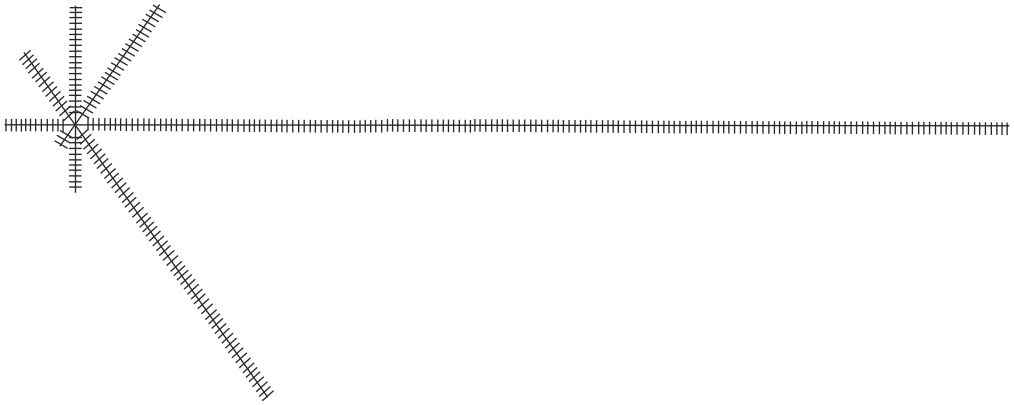

Илл. 102. Невинномысская культура. Схема расположения погребений по основным секторам кургана

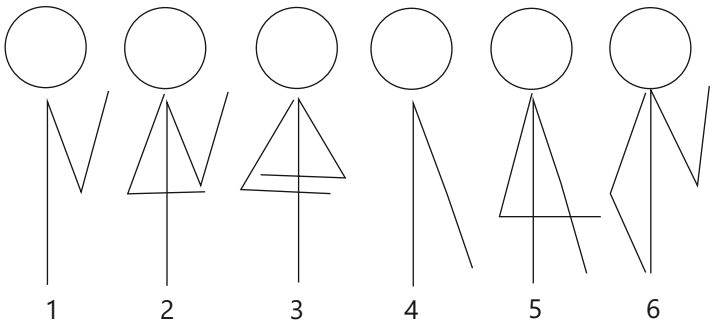

Илл. 103. Невинномысская культура.
Локализация каменных и деревянных погребальных конструкций

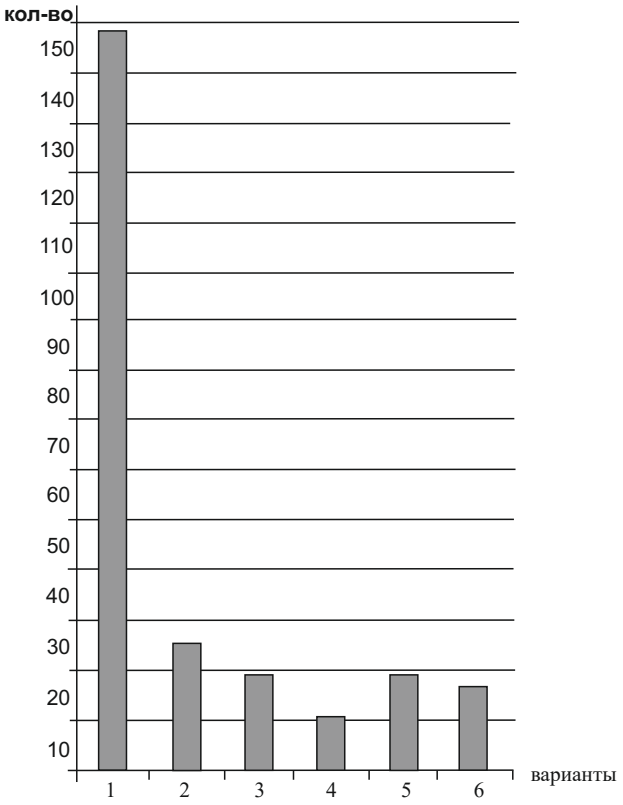
1 - Бамут-66 4/4; 2 - Сунжа-90 4/6,10-12; 3 - Аликоновка 1/1; 4 - Константиновский 4 2/1,2,3, Константиновская 10 1/1; 5 - Инозецево 1 1/1,2, 7/4,5; 6 - Суворовский 1 1/16; 7 - Усть-Джегутинский 26/3; 8 - Калиновский 1/9, 4/1, 5/1, 9/1; 9 - Ореховка 1/3, 2/3, 5/3, 6/1, 8/2,5, 9/1,4, 10/1,2; 10 - Ипатово 5 3/1; 11 - Невинномысский 1 13/2,3,5-7, Невинномысский 3 5/1, 6/12, 7/10; 12 - Чернышевская I 5/81; 13 - Новокорсунская 2/1; 14 - Малаи I 9/3

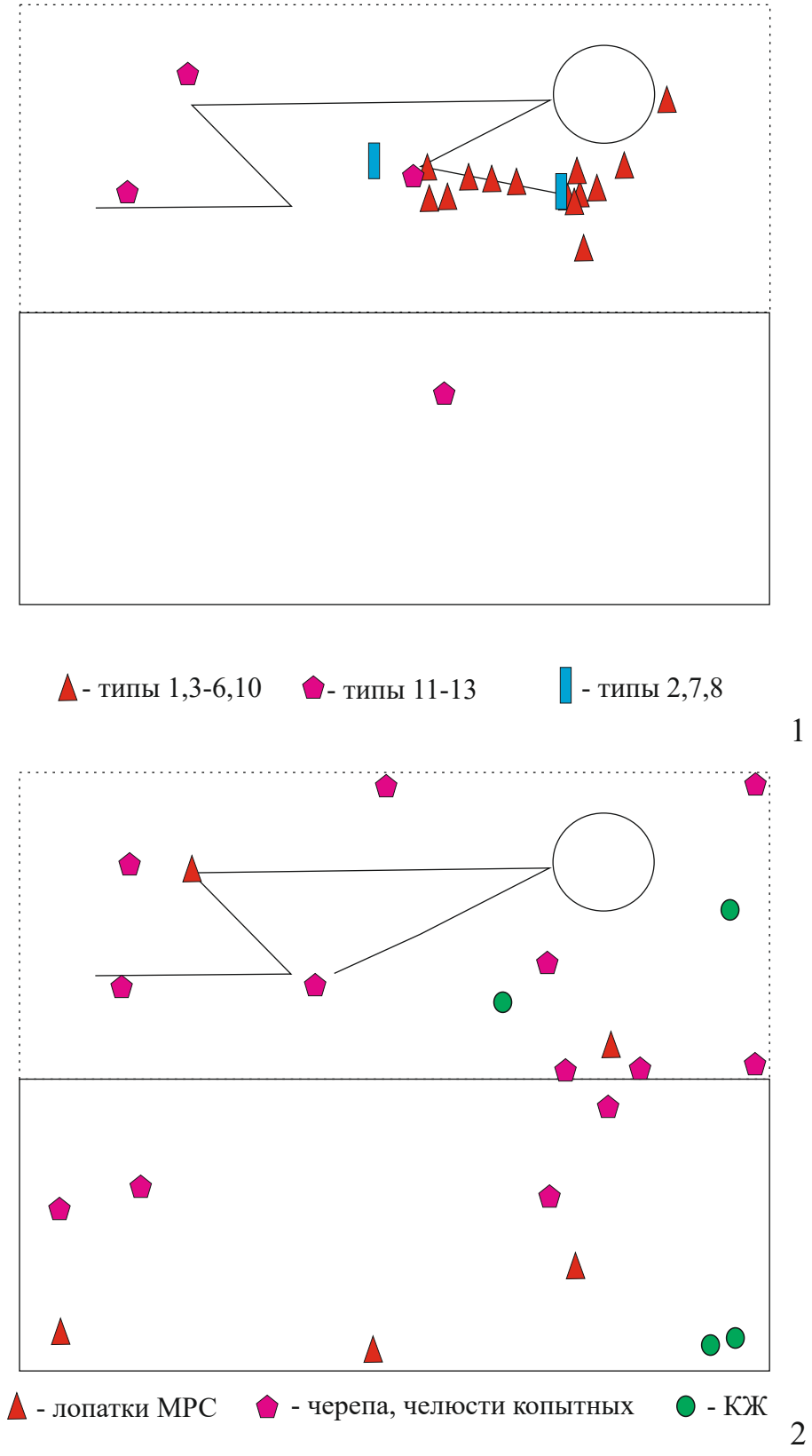
Илл. 104. Невинномысская культура. Ориентировки скелетов

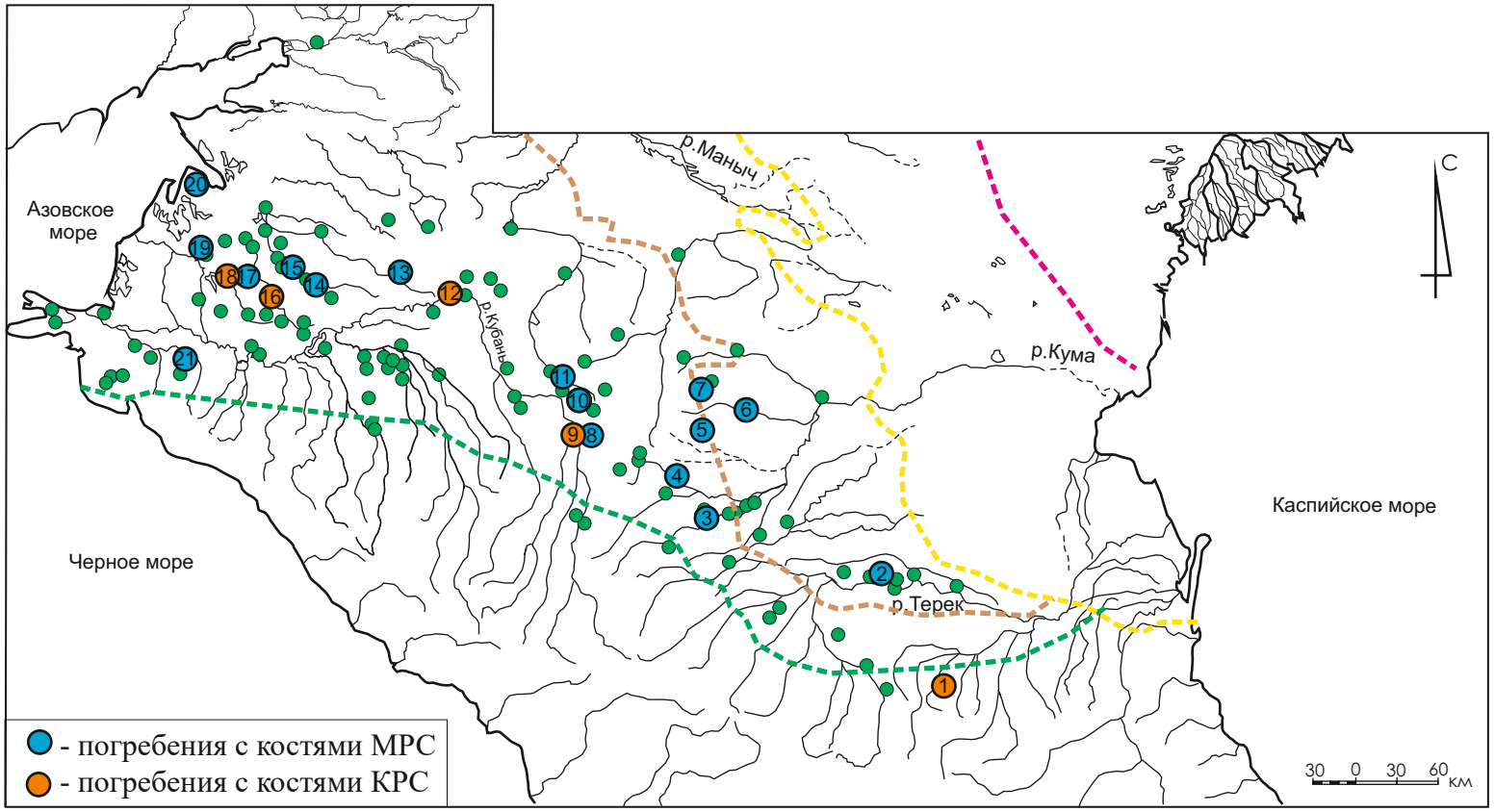
Илл. 105. Невинномысская культура. Варианты положения рук

Илл. 106. Невинномысская культура.
Количественное соотношение комплексов с различными вариантами положения рук

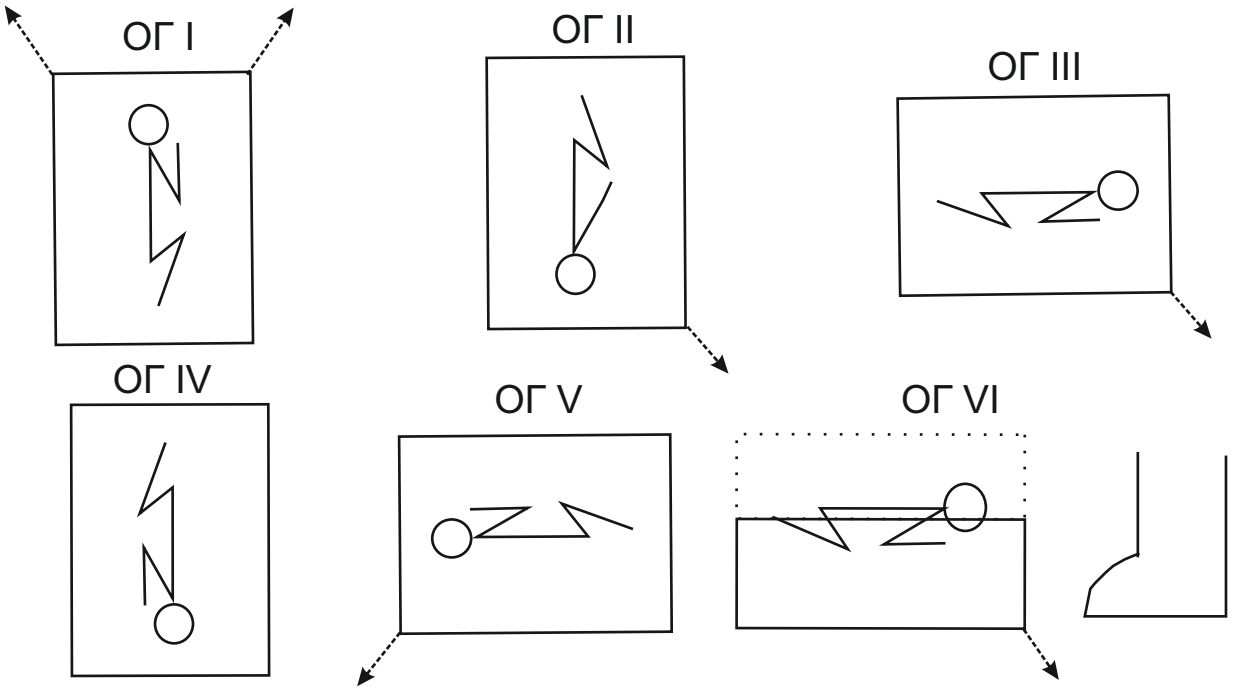
Илл. 107. Невинномысская культура.
Аккумулятивные схемы размещения костей животных в невинномысских и батуринских катакомбных погребениях
1 - невинномысская культура; 2 - батуринская катакомбная культура

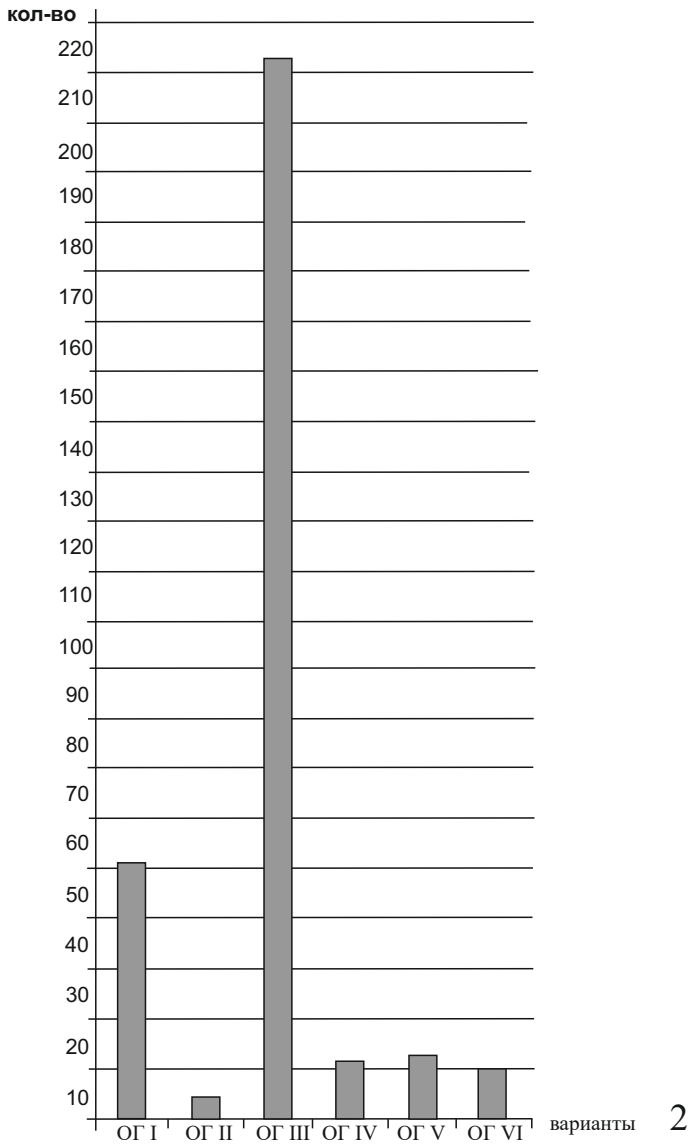
- граница северных пустынь и южных опустыненных степей
- граница южных опустыненных степей и средних сухих степей
- граница средних сухих степей и северных степей
- граница северных степей и лесостепи в предгорной зоне

Илл. 108. Невинномысская культура.
Распространение погребений с костями МРС и КРС

1 - Бамут-66 2/1; 2 - Троицкое 3/9; 3 - Константиновская 11 1/3; 4 - Ульяновский 1 1/7; 5 - Петровка I 2/1; 6 - Новый Маяк п.2; 7 - Калиновский 1/8,9; 8 - Каскадный 2 1/3; 9 - Невинномысский 3 6/5, 7/10; 10 - Новоекатериновская 4 2/7; 11 - Птичье 3 6/1; 12 - Челбас 5/3; 13 - Хоперская 2/4; 14 - Бураковский 1/6; 15 - Новокорсунская 2/1; 16 - Красносельский 9 6/12; 17 - Малаи II 1/16; 18 - Малаи I 9/3; 19 - Лебеди I 3/4, IV 7/7; 20 - Курганная группа 2 насыпи 1/9, Приморско-Ахтарский р-н; 21 - Общественный I 3/9

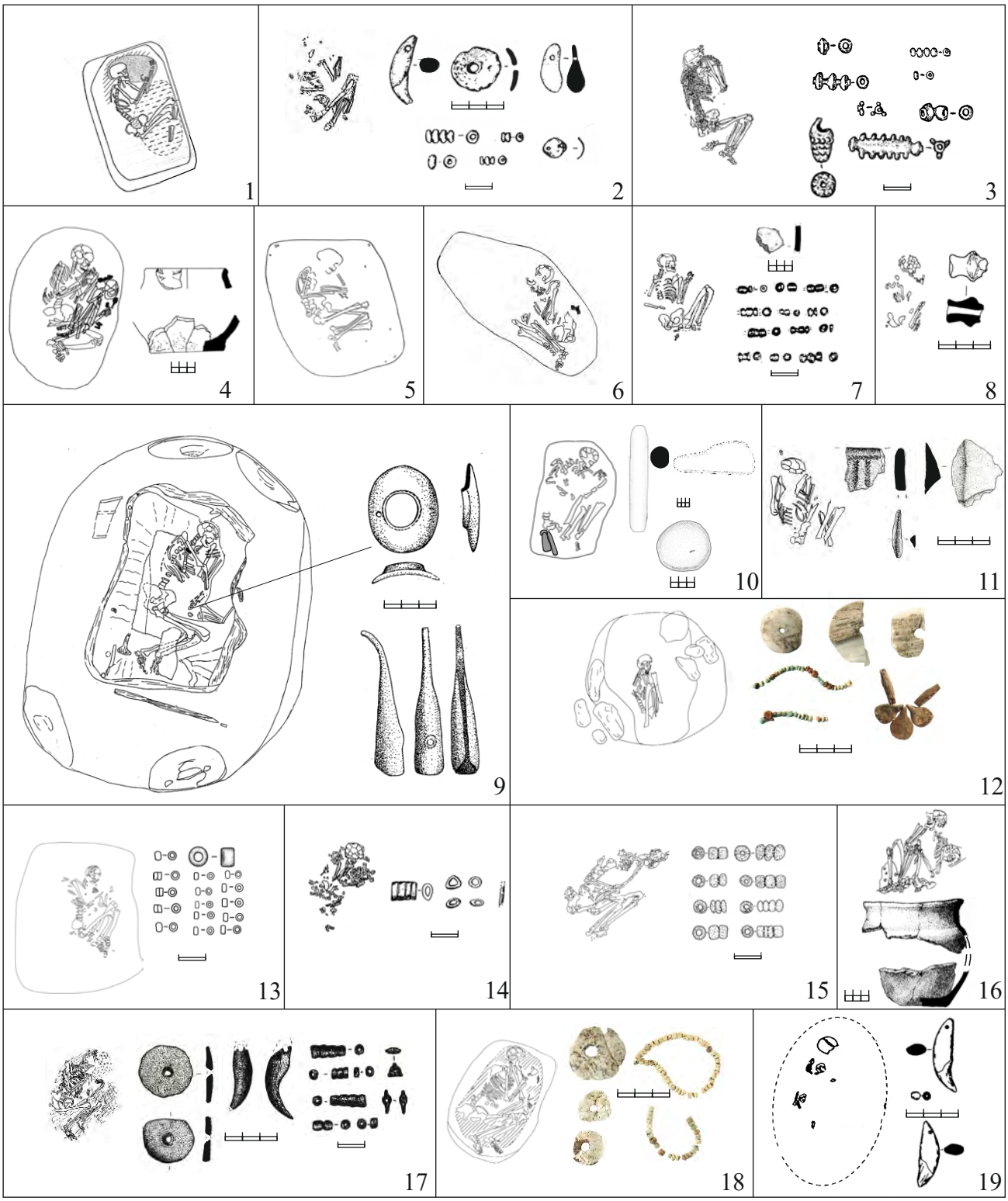

1

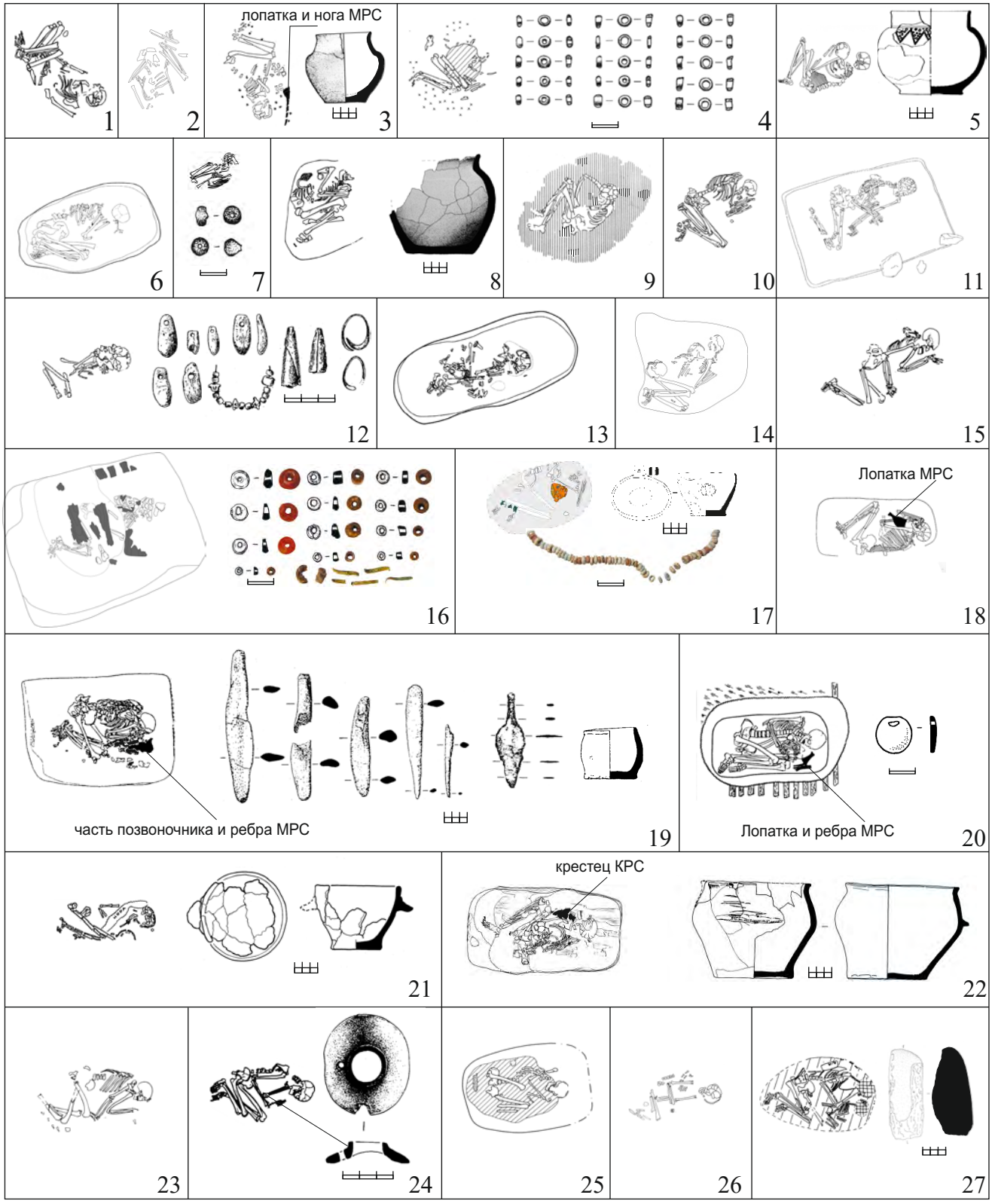
2

Илл. 109. Невинномысская культура. Обрядовые группы (ОГ)
1 - ОГ; 2 - количественное соотношение ОГ

Илл. 110. Невинномысская культура. Погребения ОГ I

1 - Лебеди IV 7/11; 2 - Чернышевская I 5/274; 3 - Уашхиту 1 2/28; 4 - Медведовский 1 9/3; 5 - Сунжа-90 4/6; 6 - Калюжный 1 1/3; 7 - Южный-84 1/3; 8 - Старомышастовская I 1/20; 9 - Садовый 4/10; 10 - Новотитаровская 14 1/12; 11 - Калюжный 1 1/6; 12 - Невинномысский 1 13/7; 13 - Новосредненское 1 1/40; 14 - Серегинский 1/14; 15 - Конококо I од.кург./8; 16 - курган Ставрополь п. 15; 17 - Калюжный 1 1/8; 18 - Невинномысск 3 6/6; 19 - Успенский од.кург./5

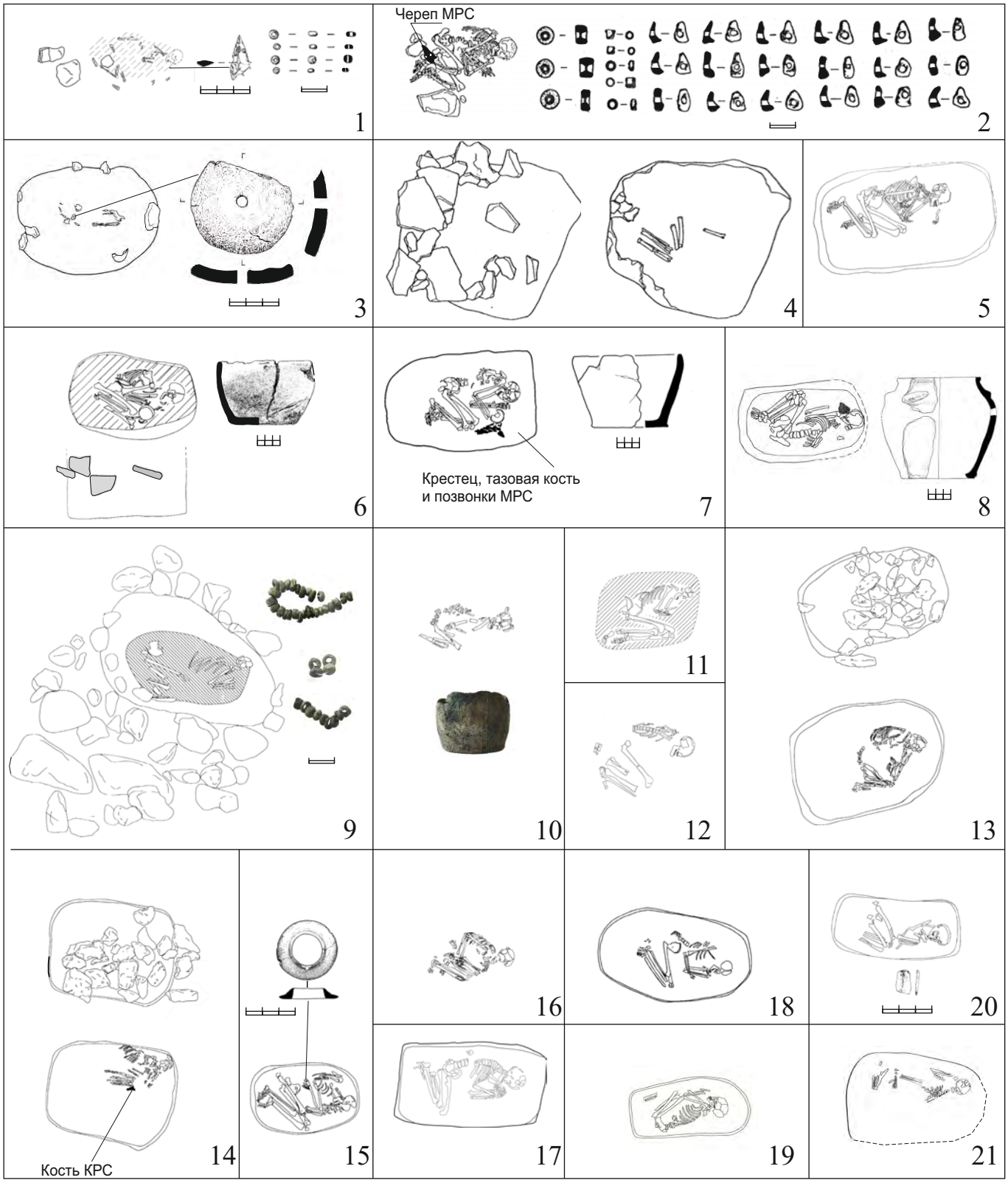

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 111. Невинномысская культура. Погребения ОГ II и III

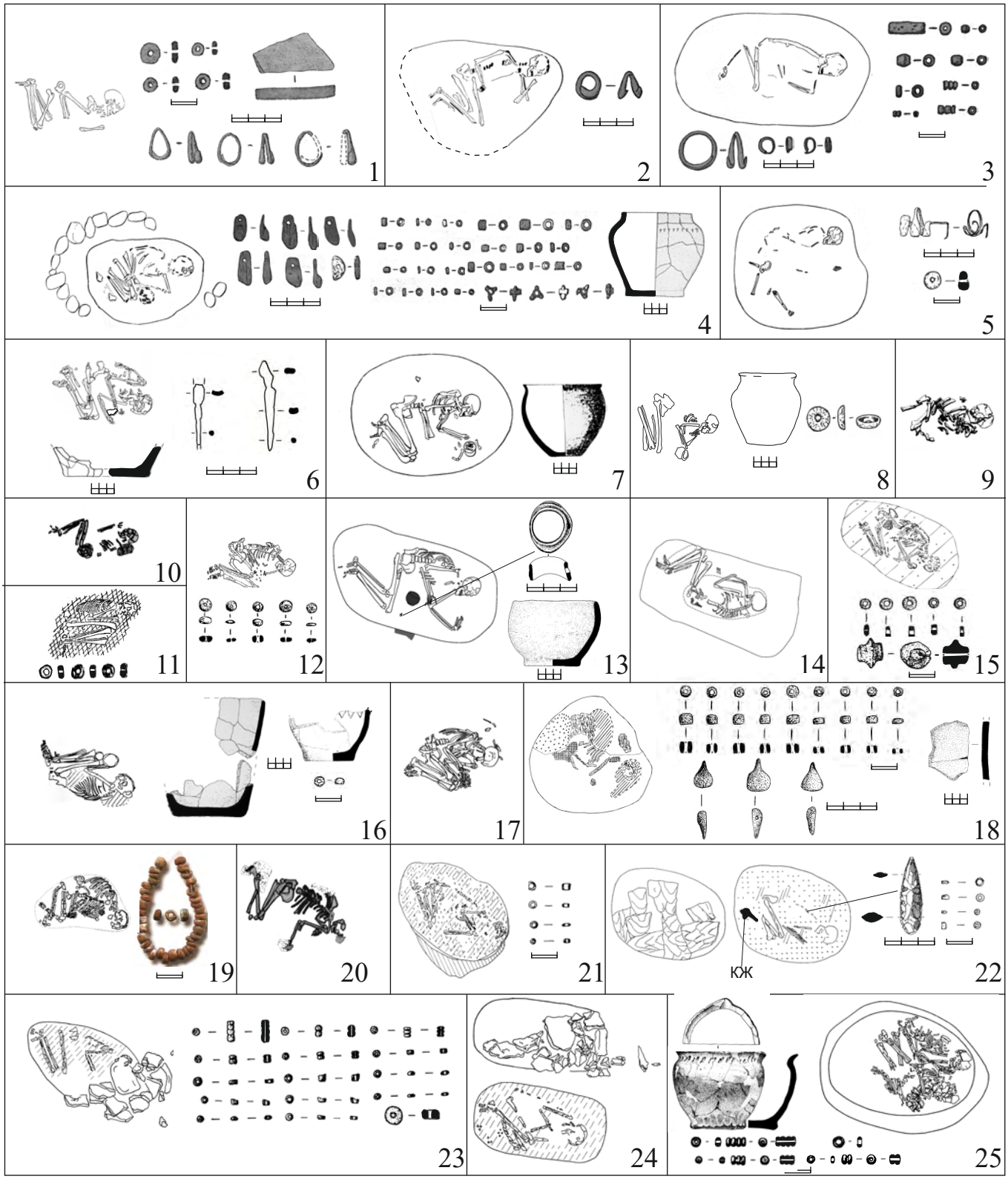
1-3 - ОГ II; 4-27 - ОГ III

1 - Калюжный 1 1/2; 2 - Адагум 10 1/12; 3 - Хоперская 2/4; 4 - Вонючка 1 1/1; 5 - Общественный I 3/5; 6 - Георгиевская станица VIII 1/5; 7 - Калюжный 1 2/1; 8 - Калюжный 1 3/8; 9 - Келермесская 28/1; 10 - курган Ставрополь п. 19; 11 - Невинномысский 3 22/2; 12 - Нальчик кург./31; 13 - Незлобная VII 1/2; 14 - Новосредненское 1 1/36; 15 - Галюгаевская-85 3/1; 16 - Суворовский 1 1/16; 17 - Суворовский 1 5/1; 18 - Общественный I 3/9; 19 - Малаи II 1/16; 20 - Новокорсунская 2/1; 21 - Бугундырь VI 4/2; 22 - Малаи I 9/3; 23 - Александрия 1/1; 24 - Батуринская I 5/2; 25 - Бударка 3 10/2; 26 - За Родину 4885/8; 27 - Винсады 4 2/7

Илл. 112. Невинномысская культура. Погребения ОГ III

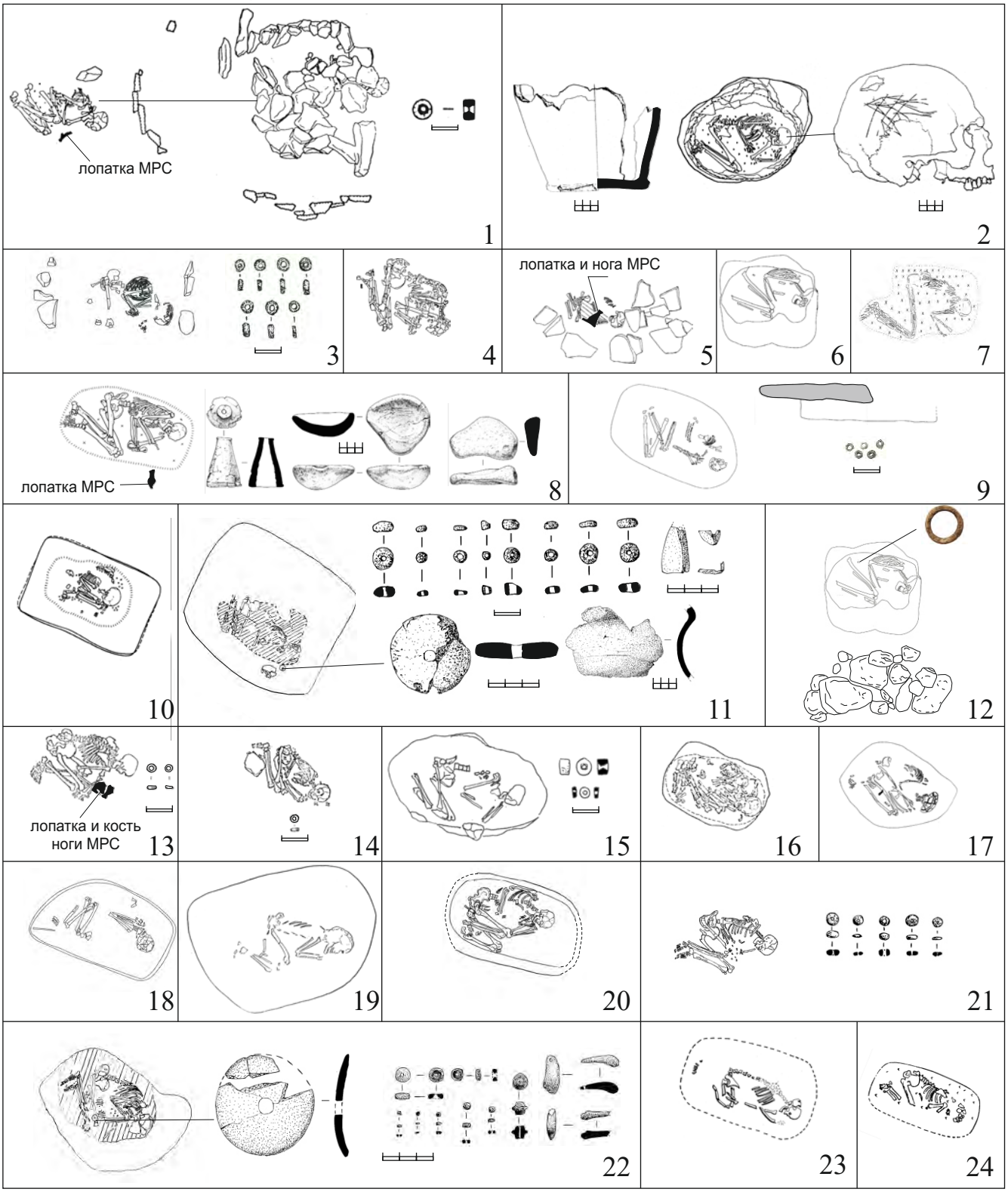
1 - Иноземцево 1 7/4; 2 - Калиновский 1/8; 3 - Калиновский 2/2; 4 - Калиновский 1/9; 5 - Колос 2 1/10; 6 - Константиновский 4 2/2; 7 - Текучка I 2/15; 8 - Медведовский 1 9/12; 9 - Невинномысский 1 13/2; 10 - Невинномысский 3 5/1; 11 - Невинномысский 3 6/7; 12 - Невинномысский 3 6/8; 13 - Невинномысский 3 7/8; 14 - Невинномысский 3 7/10; 15 - Невинномысский 3 7/19; 16 - Невинномысский 3 7/18; 17 - Новозаведенное 3 1/2; 18 - Прогресс 2 3/4; 19 - Старотитаровская 4960Б 5/29; 20 - Старотитаровская 4962 4/7; 21 - Ханьков 48/4

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 113. Невинномысская культура. Погребения ОГ III

1 - Сунжа-89 2/3; 2 - Сунжа-90 4/2; 3 - Сунжа-90 4/10; 4 - Сунжа-90 4/11; 5 - Сунжа-90 4/12; 6 - Текучка 1 2/12; 7 - Троицкое 3/9; 8 - Усть-Джегутинский 26/2; 9 - Черноярская 2/19; 10 - Чернышевская I 4/3; 11 - Южный-84 1/1; 12 - Ульяновский 1 1/7; 13 - Адагум 1 7/3; 14 - Адагум 10 1/11; 15 - Бородыновка 3 3/16; 16 - Винсады 4 2/9; 17 - Галюгаевская-85 4/2; 18 - Георгиевский 3 2/10; 19 - Георгиевская станица VII 2/2; 20 - Зарево 5 1/1; 21 - Иноземцево 1 1/1; 22 - Иноземцево 1 1/2; 23 - Иноземцево 1 7/3; 24 - Иноземцево 1 7/5; 25 - Сенгилеевский 7 9/2

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 114. Невинномысская культура. Погребения ОГ III

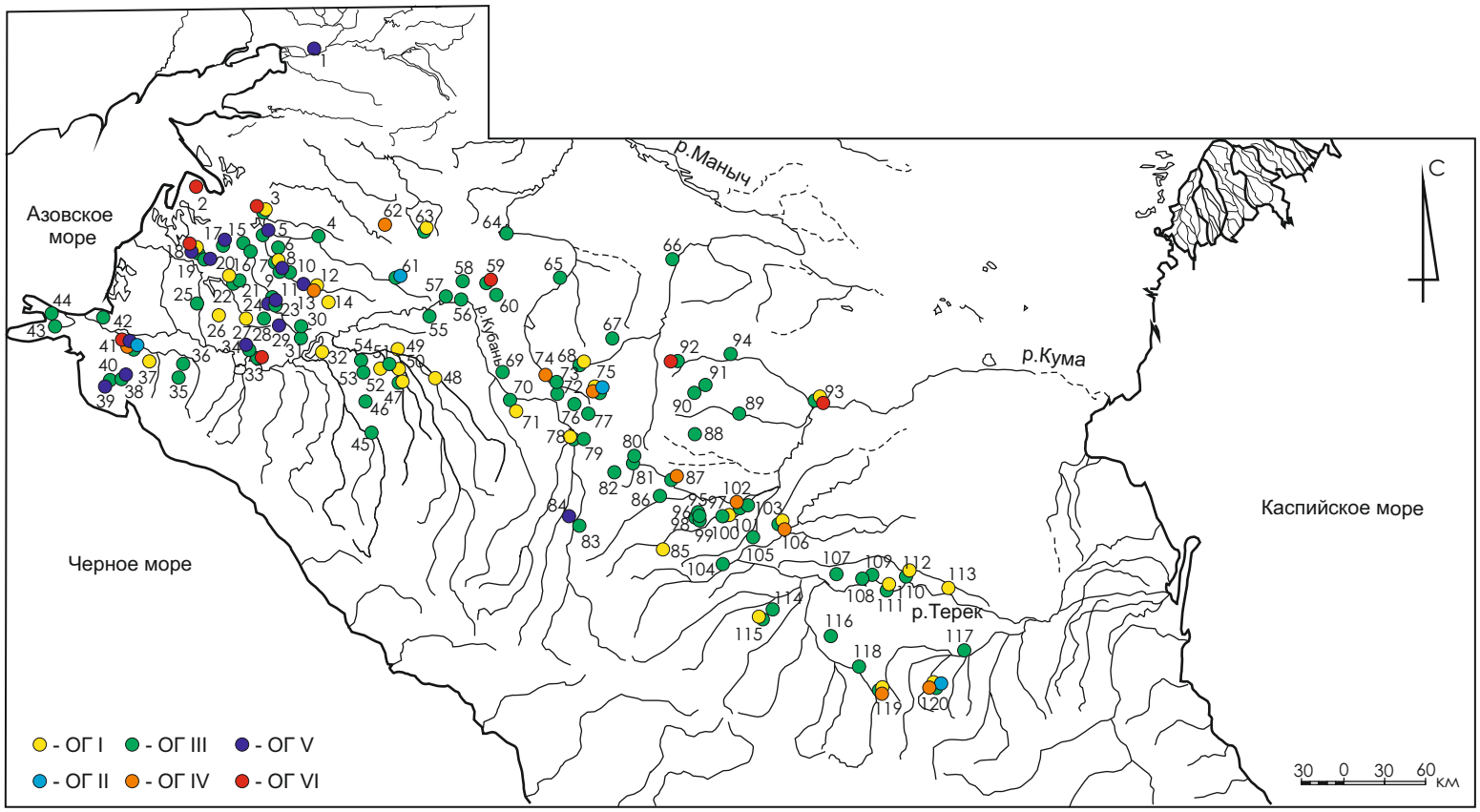
1 - Калиновский 1/9; 2 - Калиновский 4/1; 3 - Константиновский 4 2/3; 4 - Константиновская 10 1/17; 5 - Константиновская 11 1/11; 6 - Невинномысский 1 13/6; 7 - Невинномысский 3 1/2; 8 - Невинномысский 3 6/5; 9 - Невинномысский 3 6/12; 10 - Николаевский 3 5/6; 11 - Николаевский 3 2/6; 12 - Невинномысский 1 13/6; 13 - Новый Маяк разр.кург/2; 14 - Новый Маяк разр. кург./4; 15 - Ореховка 8/5; 16 - Петровка I 4/1; 17 - Полтавская 3 5/4; 18 - Старотитаровская 4960Б 5/24; 19 - Сунжа-90 4/4; 20 - Тугулук 3 4/2; 21 - Ульяновский 1 1/7; 22 - Ульяновский 1 3/5; 23 - Чернышевская I 6/2; 24 - Южный-84 1/4

Илл. 115. Невинномысская культура. Погребения ОГ III-VI, коллективные и «пакеты»

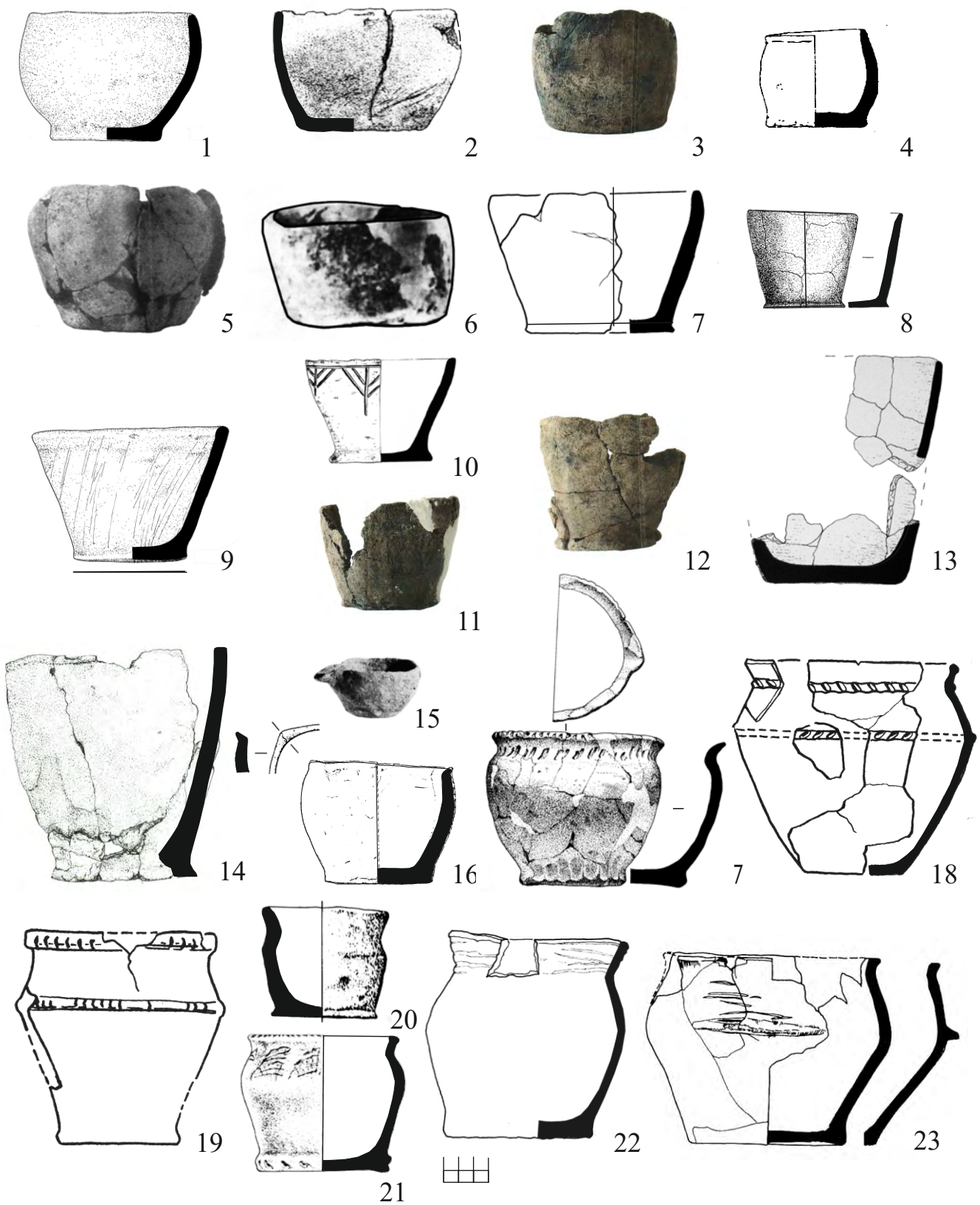
1-5 - ОГ III; 6-15 - ОГ IV; 16-21 - ОГ V; 22-28 - ОГ VI: 29,30 - коллективные; 31,32 - «пакеты»

1 - Каскадный 2 1/3; 2 - Буйвола 1 5/3; 3 - Красносельский 9 6/12; 4 - Красногвардейское од.кург/7; 6 - Адагум 10 1/5; 7 - Адагум 10 1/13; 8 - Бамут-64 1/3; 9 - Бамут-64 1/5; 10 - Георгиевский 3 1/3; 11 - Калюжный 1 1/13; 12 - Левоегорлыкский 3 1/3; 13 - Новосредненское 1 1/9; 14 - Сунжа-90 4/3; 15 - Терновка 10 2/1; 16 - Старомышастовская I 1/20; 17 - Натухаевская 4 1/2; 18 - Пластуновская 52 2/4; 19 - Красносельский 10 2/2; 20 - Брюховецкая I 2/3; 21 - Аликоновка 1/1; 22 - Адагум 10 1/8; 23 - Ореховка 8/7; 24 - Курганная группа (2 насыпи) 1/9, Приморско-Ахтарский р-н; 25 - Колос 2 1/17; 26 - Расшеватский 1 23/4; 27 - Буйвола 1 5/7; 28 - Лебеди II 5/7; 29 - Челбас 5/3; 30 - Невинномысский 1 13/5; 31 - Георгиевская станица 6 од.кург./3; 32 - Ореховка 5/3;

Илл. 116. Невинномысская культура. Распространение погребений разных ОГ.

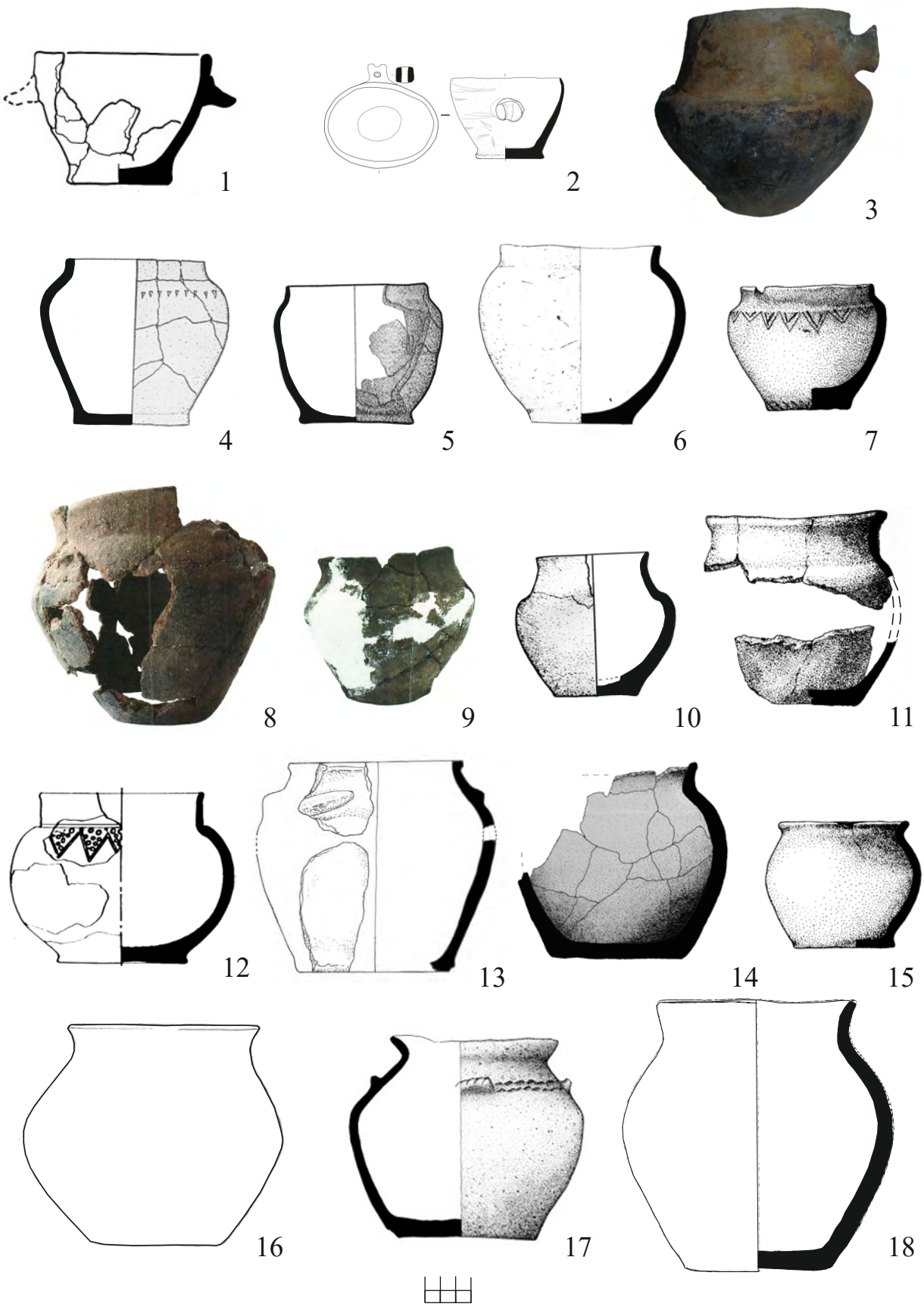
1 - Ростов-Западный 5/3; 2 - Курганная группа (2 насыпи) 1/1,3,7-9, Приморско-Ахтарский район; 3 - Курганная группа (2 насыпи) 1/6, Брюховецкий район; 4 - Полтавская 3 5/4; 5 - Брюховецкая I 2/3, II 1/1; 6 - Батуринская I 3/2, 5/2; 7 - Медведовский 1 9/3,11,12; 8 - Старомышастовская I 1/20; 9 - Курганная группа 9 насыпей (27 насыпей) 19/1; 10 - Новокорсунская 2/1; 11 - Пролетарский 2/7, Пролетарский-86 1/6; 12 - Бейсужек 36 1/1; 13 - Бураковский 1/6; 14 - Раздольная 16/4; 15 - Роговская 3/5; 16 - Ольховский 1/13; 17 - Греки I 2/49,56,59, III 1/4; 18 - Лебеди I 3/4, II 5/7, IV 7/7,11, 8/11,49, VI 1/6, 2/1,3,6, 3/6,7; 19 - ПКОС-79 42/2,6, ПКОС-80 48/5; 20 - Олений 2/8, 3/11; 21 - Рассвет 2/3; 22 - Малаи I 9/3, II 1/16; 23 - Пластуновская 52 2/4, 53 6/9; 24 - Красносельский 9 6/12, 10 2/2; 25 - Старонижестеблиевская-86 4/2; 26 - Останний 1/139; 27 - Новотитаровская 14 1/12; 28 - Текучка I 2/12,15; 29 - Белевцы I 1/4; 30 - Украинский 1 8/1; 31 - Динская 4 3/7, 29 1/об.1, 6/8; 32 - Чишхо п.1; 33 - Колос 2 1/10,17; 34 - Ханьков 48/4,7; 35 - Бугундырь VI 4/2; 36 - Общественный I 3/5,9; 37 - Курганная группа №1708; 38 - Анапская 1/8, 10/6; 39 - Натухаевская 4 1/2; 40 - Граничная 1/3; 41 - Адагум 1 7/3, 10 1/5,8,9-13; 42 - Комсомольский 1/1,2; 43 - Старотитаровская 4960Б 4/20, 5/19,24,29, 4962 4/7; 44 - За Родину 98/7, 4885/8; 45 - Советское 29 од.кург./5; 46 - Келермесская 28/1, 31/1,2; 47 - Чернышевская I 4/3,4, 6/2, 5/81,197,274; 48 - Михайловская 11/8, 12/17; 49 - Садовый 4/10; 50 - Серегинский 1/14,15,28; 51 - Зарево 5 1/1; 52 - Уашхиту 1 2/28, 2 2/1; 53 - Дукмасовский 2/2; 54 - Уляп 16/3; 55 - Венцы I 1/5,нах.; 56 - КРОС 616га 6/7; 57 - Челбас 5/3; 58 - Радуга 7/1; 59 - Расшеватский 1 22/14, 23/4, 4 3/6; 60 - Новоалександровск 1/4; 61 - Хоперская 1/10, 2/4; 62 - Терновка 10 2/1; 63 - Южный-84 1/1,3,4; 64 - Красногвардейское од.кург./7; 65 - Птичье 3 5/16, 6/1,8, 7/1, 9/2; 66 - Ипатово 5 3/1; 67 - Тугулук 3 4/2; 68 - курган Ставрополь п.5,15,19; 69 - Каблук 1 4/10; 70 - Коноково I од.кург./8; 71 - Успенский од.кург./5; 72 - Тоннельный 9 2/2; 73 - Сенгилеевский 7 9/2; 74 - Левоегорлыкский 3 1/3; 75 - Калюжный 1 1/1-13, 2/1,2, 3/2,5,6,8; 76 - Новоекатериновская 4 2/7; 77 - Бударка 3 10/2; 78 - Невинномысский 1 13/1-3,5-7, 3 1/2, 4, 4/2, 5/1,4,5, 6/5-8,12, 7/10,8,18,19, 22/2, 4 1/12, VI 1/6; 79 - Каскадный 2 1/3; 80 - Николаевский 3 2/6, 3/5, 5/6; 81 - Кунаковский 3 5/4,5, 6/4; 82 - Воровсколесская 2/6; 83 - Усть-Джегутинский 26/2,3; 84 - Бесленей 6/1, 7/13; 85 - Аликоновка 1/1; 86 - Суворовская 9/1-3, Суворовский 1 1/16, 5/1,3; 87 - Ульяновский 1 1/7, 3/3,5,6; 88 - Петровка I 2/1, 4/1; 89 - Новый Маяк разр.кург./2,4; 90 - Калиновский 1/3,6,7-9, 2/2,3/1,2, 4/1, 5/1, 9/1; 91 - Грушевка II 2/4; 92 - Ореховка 2/5, 6/1, 8/1,2,5,7, 9/4 10/1,2; 93 - Буйвола 1 4/2, 5/3,7; 94 - Александрия 1/1; 95 - Иноземцево 1 1/1,2, 3/1, 7/3-5; 96 - Бородыновка 3 3/16; 97 - Винсады 4 2/7,9; 98 - Константиновский 4 2/1-4, 3/3, Константиновская 10 1/1,17 11 1/2,3,11; 99 - Вонючка 1 1/1; 100 - Незлобная VII 1/2; 101 - Георгиевская станица 6 од.кург./3, VII 2/2, VIII 1/5; 102 - Георгиевский 3 1/3, 2/10; 103 - Новозаведенное 3 1/2,6; 104 - Прогресс 2 3/4; 105 - Комсомолец 1 кург./31; 106 - Новосредненское 1 1/5,9,30,36,40; 107 - Черноярская 2/19,20; 108 - Павлодольская 1/2,3; 109 - Троицкое 3/9; 110 - Комарово 7/1; 111 - Терская 2/1; 112 - Галюгаевская-85 1/5, 3/1, 4/2, Галюгаевская-88 1/6; 113 - Мекенская 4/10; 114 - Учебный 1 14/1; 115 - Нальчик кург./18,31; 116 - Заманкул 1/4; 117 - Алхан-Кала 10/1; 118 - Беслан-2006 комп.334,387; 119 - Сунжа-89 2/3, Сунжа-90 4/2/I-III,3-6,10-12; 120 - Бамут-64 1/3,4,5,8, 2/2-4,12, 3/1,2, 8/1, 9/1, Бамут-65 6/9; Бамут-66 2/1,4-7,9,11, 3/2,9, 4/2,4,5,7, Бамутские сады 1/1,2

Илл. 117. Невинномысская культура. Сосуды групп 1-3

1-14 - группа 1; 15,16 - группа 2; 17-23 - группа 3

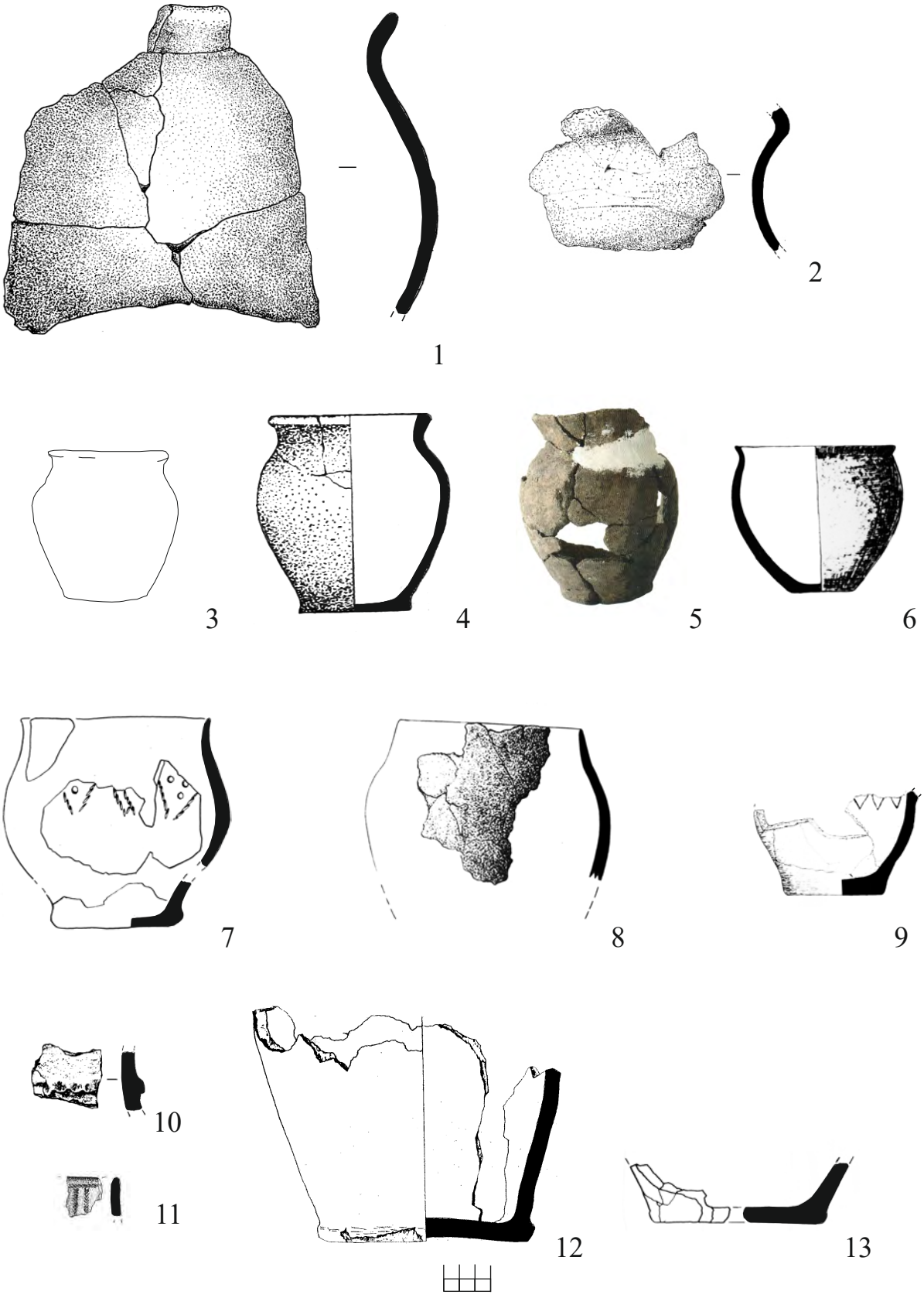
1 - Адагум 1 7/3; 2 - Константиновский 4 2/2; 3 - Невинномысский 3 5/1; 4 - Малаи II 1/16; 5 - Невинномысский 3 7/р.к. 1; 6 - Брюховецкая I 2/3; 7 - Текучка I 2/12; 8 - Старонижестеблиевская-86 4/2; 9 - Адагум 10 1/8; 10 - Терновка 10 2/1; 11 - Невинномысский 1 13/1; 12 - Невинномысский 1 13/5; 13 - Винсады 4 2/9; 14 - Георгиевская станица 6 од.кург./3; 15 - Бамут-66 2/9; 16 - Ореховка 9/5; 17 - Сенгилеевский 7 9/2; 18 - Венцы I 1/нах; 19 - Батуринская I 3/2; 20 - Хоперская 1/10; 21 - Курганная группа (2 насыпи) 1/9, Приморско-Ахтарский р-н; 22 - Белевцы I 1/4; 23 - Малаи I 9/3

Илл. 118. Невинномысская культура. Сосуды групп 4-8

1,2 - группа 4; 3 - группа 5; 4-9 - группа 6; 10-12 - группа 7; 13-18 - группа 8

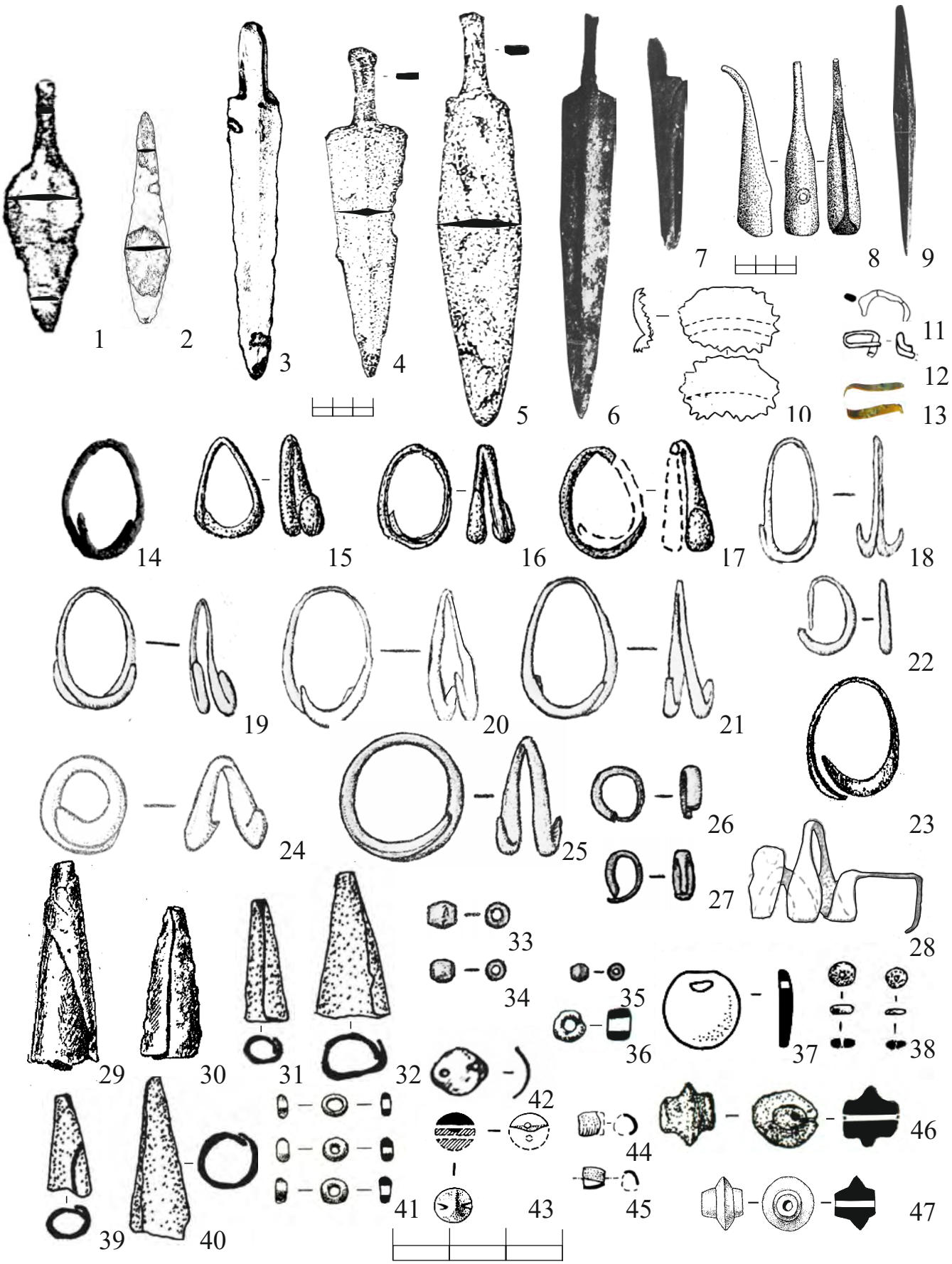
1 - Бугундырь VI 4/2; 2 - Суворовский 1 5/1; 3 - Калюжный 1 1/13; 4 - Сунжа-90 4/11; 5 - Михайловская 11/8; 6 - Чернышевская I 5/81; 7 - Иноземцево 1 7/отд.нах.3; 8 - Невинномысский 3 5/4; 9 - Невинномысский 1 13/р.к.1; 10 - Хоперская 2/4; 11 - курган Ставрополь п. 15; 12 - Общественный I 3/5; 13 - Медведовский I 9/12; 14 - Калюжный 1 3/8; 15 - Расшеватский 4 3/6; 16 - Аликоновка 1/1; 17 - Комсомольский 1/1; 18 - Ореховка 7/3

Илл. 119. Невинномысская культура. Сосуды групп 8-10, жаровни

1,2 - группа 8; 3-6 - группа 9; 7,8 - группа 10; 1,2,12,13 - жаровни

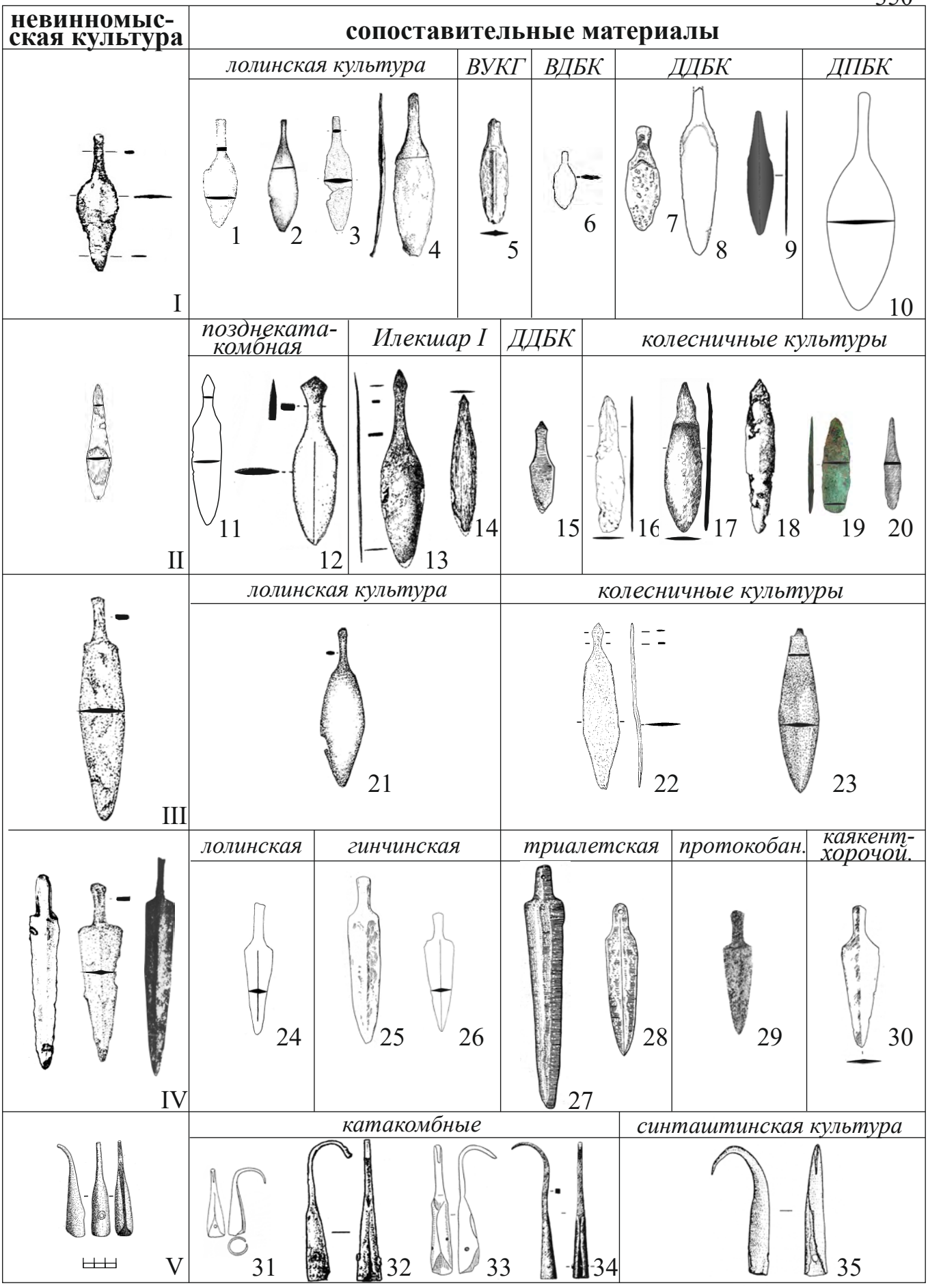
1 - Бураковский 1/6; 2 - Николаевский 3 2/6; 3 - Усть-Джегутинский 26/2; 4 - Суворовская 9/1; 5 - Невинномысский 4 1/12; 6 - Троицкое 3/9; 7 - Брюховецкая II 1/1; 8 - КРОС 616 га 6/7; 9 - Винсады 4 2/9; 10 - Ореховка к.8; 11 - Калюжный 1 1/6; 12 - Калиновский 4/1; 13 - Текучка I 2/12

Илл. 120. Невинномысская культура. Изделия из металла

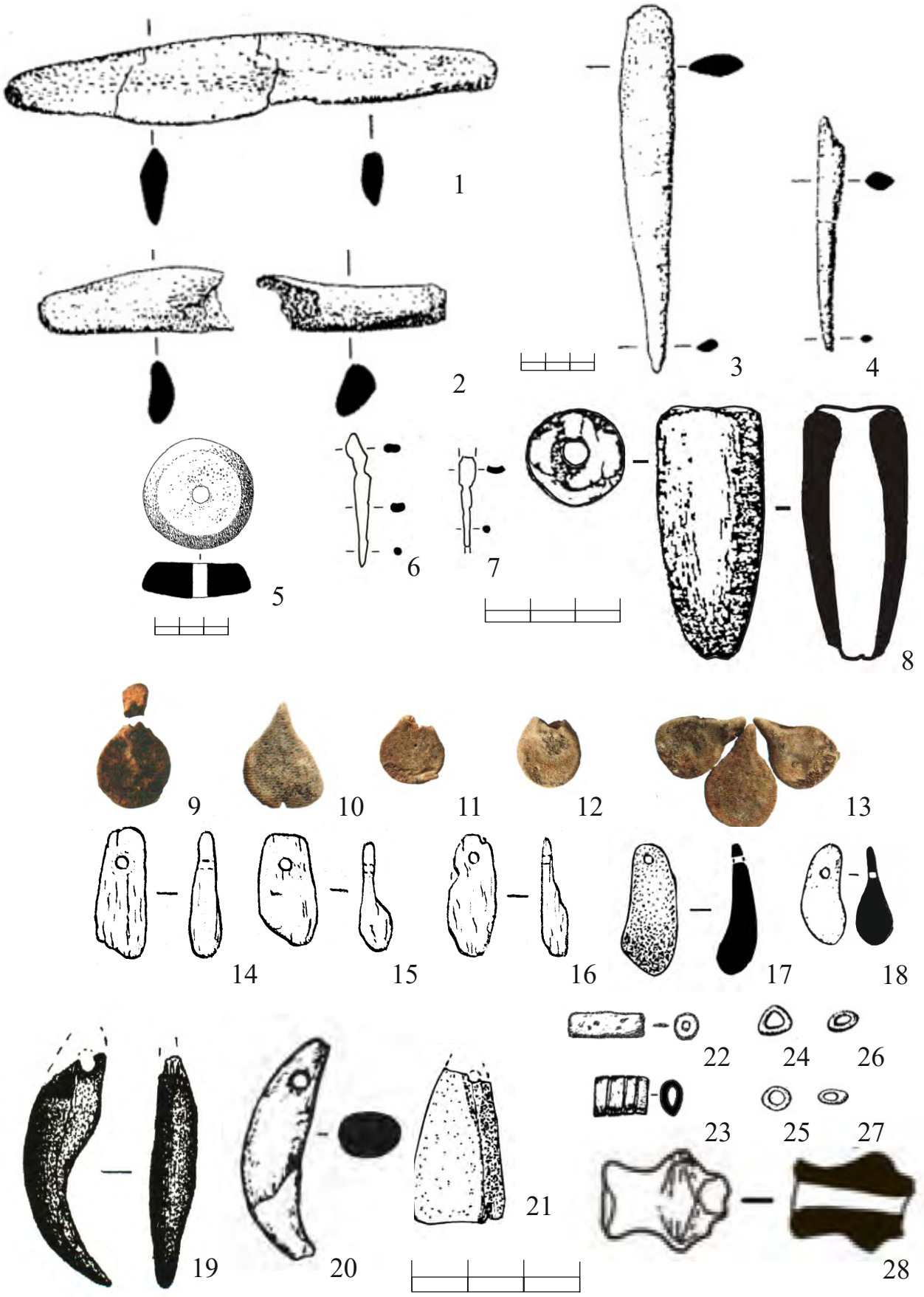
1-37,39,40,43-45 - бронза; 38,41,46,47 - сурьма

1 - Малаи II 1/16; 2 - Динская 29 1/об.1; 3 - Пролетарский-86 1/6; 4,5 - Суворовская 9/2; 6,7,9 - Усть-Джегутинский 26\3; 8,10 - Садовый 4/10; 11 - Суворовский 1 5/1; 12 - Суворовский 1 5/3; 13 - Суворовский 1 1/16; 14 - Бамут-66 2/9; 15-17 - Сунжа-89 2/3; 18-22 - Сунжа-90 4/5; 23,29,30 - Нальчик п.31; 24 - Сунжа-90 4/2; 25-27,33-35 - Сунжа-90 4/10; 28 - Сунжа-90 4/12; 32,33,39,40 - Комсомольский 1 кург/31; 36 - Кунаковский 3 5/5; 37 - Новокорсунская 2/1; 38 - Ульяновский 1 1/7; 41 - Вонючка 1 1/1; 42 - Чернышевская I 5/274; 43 - Ореховка 8/5; 44,45 - Олений 3/11; 46 - Бородыновка 3 3/16; 47 - Ульяновский 1 3/5

Илл. 121. Невинномысская культура.
Орудия из металла и сопоставительные материалы

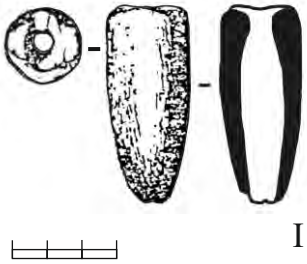
1 - Черноярская 3/10; 2,21 - Цаган-Усн VII 4/27; 3 - Кунаковский 2 3/3; 4 - Кривая Лука II 1/13; 5 - Быково I 15/2; 6 - Верхний Балыклей 4/4; 7 - Николаевка 1/8; 8 - Новоандреевка 3/5; 9 - Пологи 1/2; 10 - Петрово 2/6; 11 - Герасимовка II 6/3; 12 - Первый Ольховатский 1/3; 13 - Илекшар I 5/3; 14 - Илекшар I к.6; 15 - Александровск 1/4; 16 - Грачевка II 3/13; 17 - Потаповка 5/13; 18 - Ново-Яблоновка од. кург/1; 19 - Липецкий 2/1; 20 - Введенский курган п.2; 22 - мог. Березовая Гора; 23 - Кочетное 7/4; 24 - ВМЛБ I 1965 18\2; 25 - Гатын-Кале п.7; 26 - Бельты п.18; 27 - Метехи; 28 - Месхети; 29 - Верняя Рутха; 30 - Тарки; 31 - Первый Власовский 13/2; 32 - Нижняя Барановка 5/9; 33 - Фрунзе 8/2; 34 - Чограй VIII 5/1;35 - Большекараганский 25/9-10

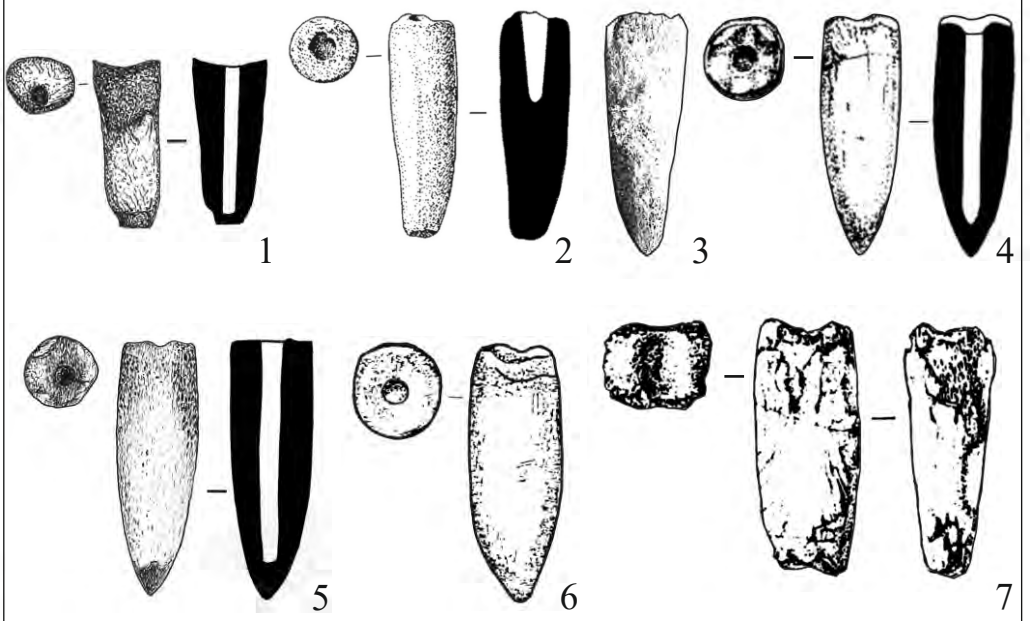

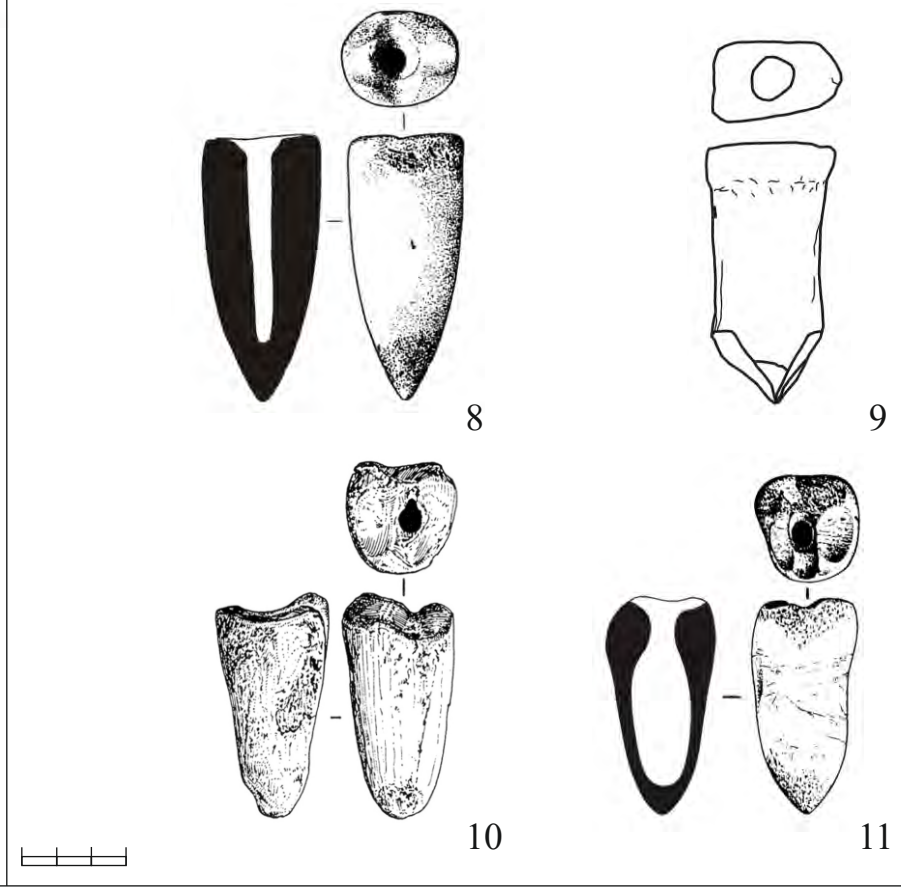
Илл. 122. Невинномысская культура. Изделия из костей и зубов животных

1-4 - Малаи II 1/16; 5 - Лебеди I 3/4; 6,7 - Текучка I 1 2/12; 8 - Калиновский 1/7; 9,10 - Невинномысский 1 13/5; 11-13 - Невинномысский 1 13/7; 14-16 - Сунжа-90 4/11; 17 - Ульяновский 1 3/5; 18,20 - Чернышевская I 5/274; 19 - Калюжный 1 1/8; 21 - Николаевский 3 2/6; 22 - Сунжа-90 4/10; 23-27 - Серегинский 1/14; 28 - Старомышастовская I 1/20

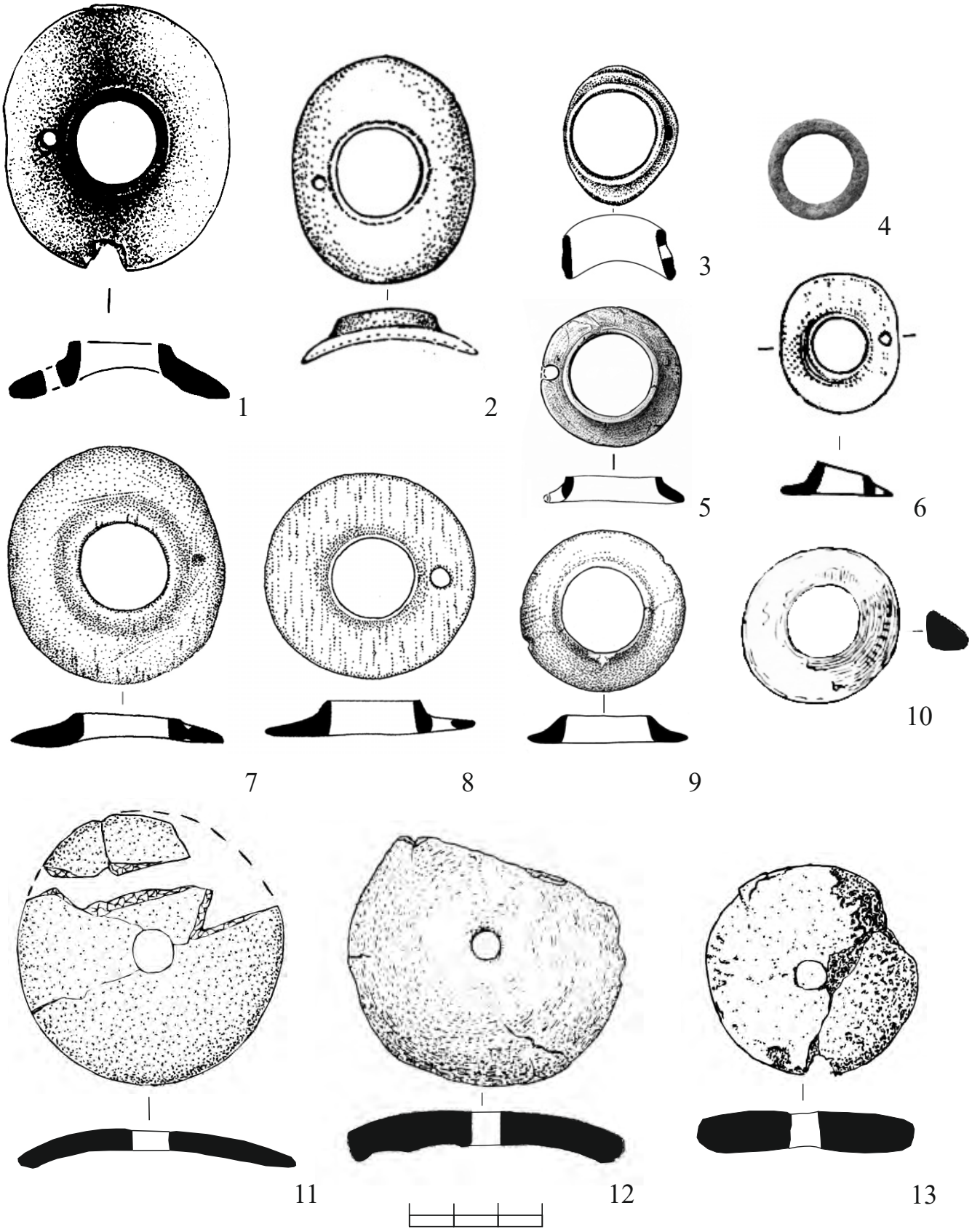
невинномысская культура	сопоставительные материалы
	лолинская культура
	днепро-донская бабинская культура

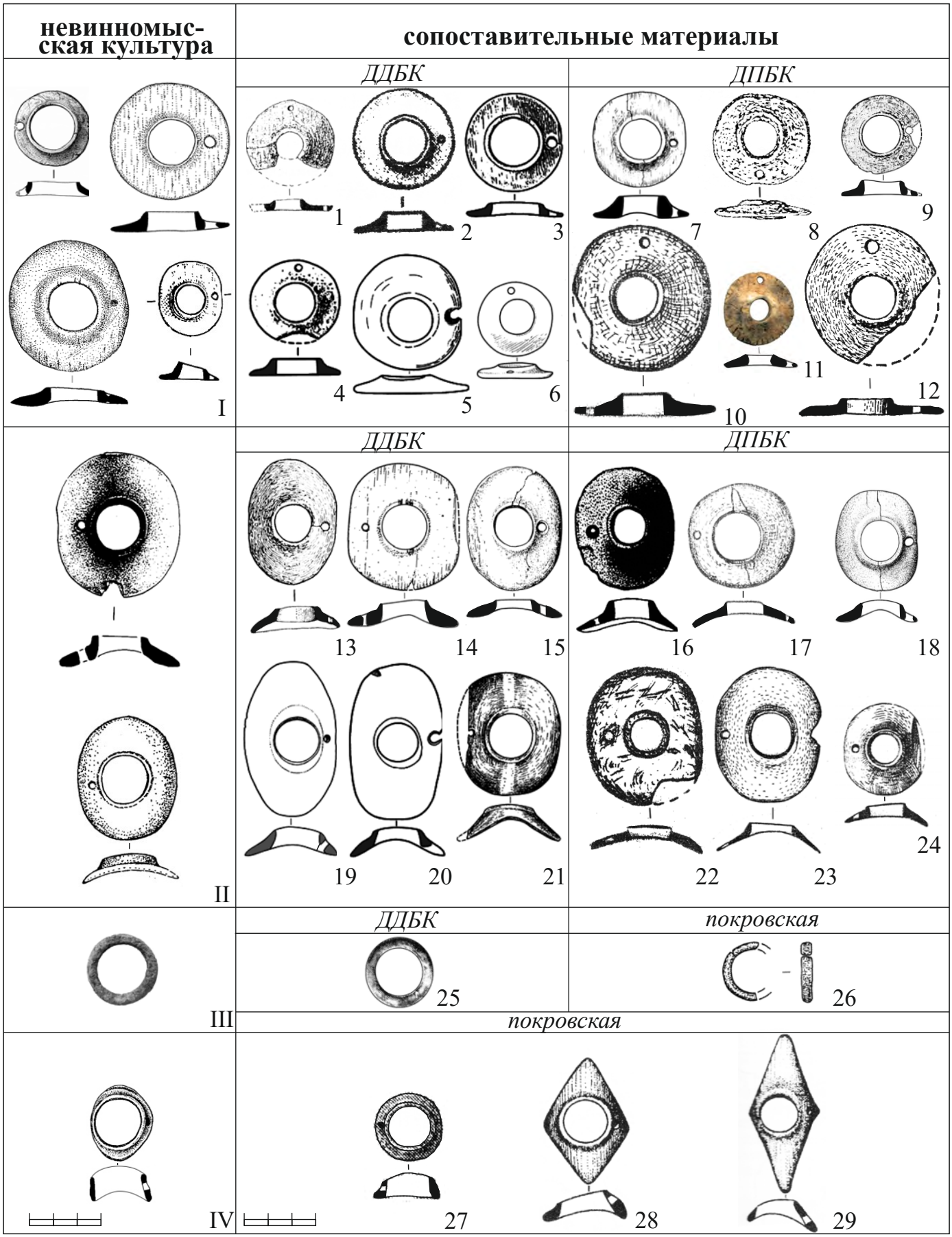

Илл. 123. Невинномысская культура.
Конус (волчок-дзыга) и сопоставительные материалы
I,1,3-11 - кость; 2 - керамика
1 - Первомайский 4 2/3; 2 - Чограй VIII 34/1; 3 - Золотаревка 6 15/6; 4,7 - Золотаревка 3 9/6; 5 - Цаган-Усн III 6/2; 6 - Веселая Роща III 25/2; 8 - Юдинский III 2/7; 9 - Кучугуры; 10 - пос. Раздольное; 11 - Хамуш-Оба 2/8

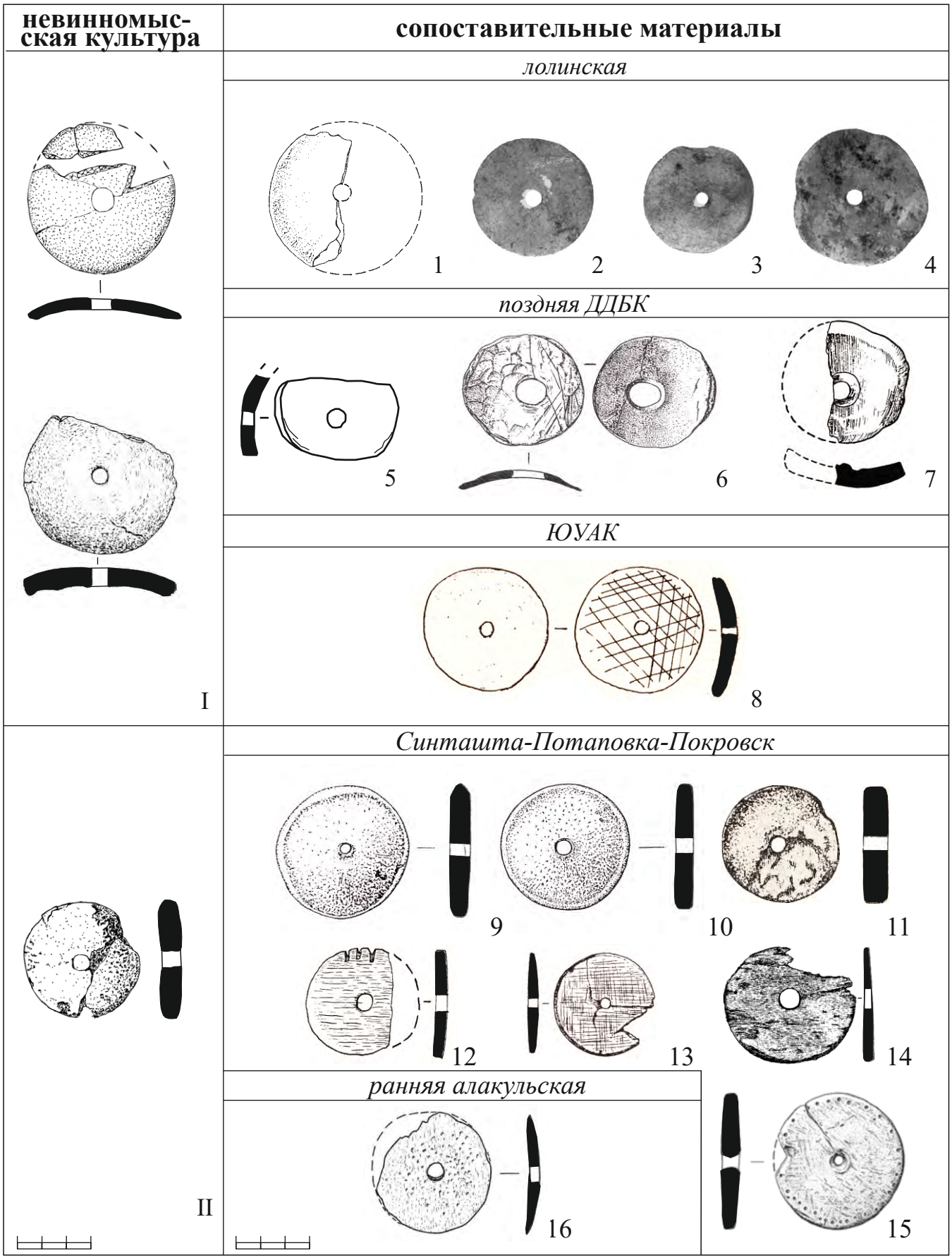
Илл. 124. Невинномысская культура. Костяные поясные пряжки и подвески

1 - Батуринская I 5/2; 2 - Садовый 4/10; 3 - Адагум 1 7/3; 4 - Невинномысский 3 7/19; 5 - Красносельский 10 2/2; 6 - Олений I 2/8; 7 - Колос 2 1/17; 8 - Красносельский 9 6/12; 9 - Невинномысский 1 13/6; 10 - Праздничный к. 1; 11 - Ульяновский 1 3/5; 12 - Калиновский 2/2; 13 - Николаевский 3 2/6

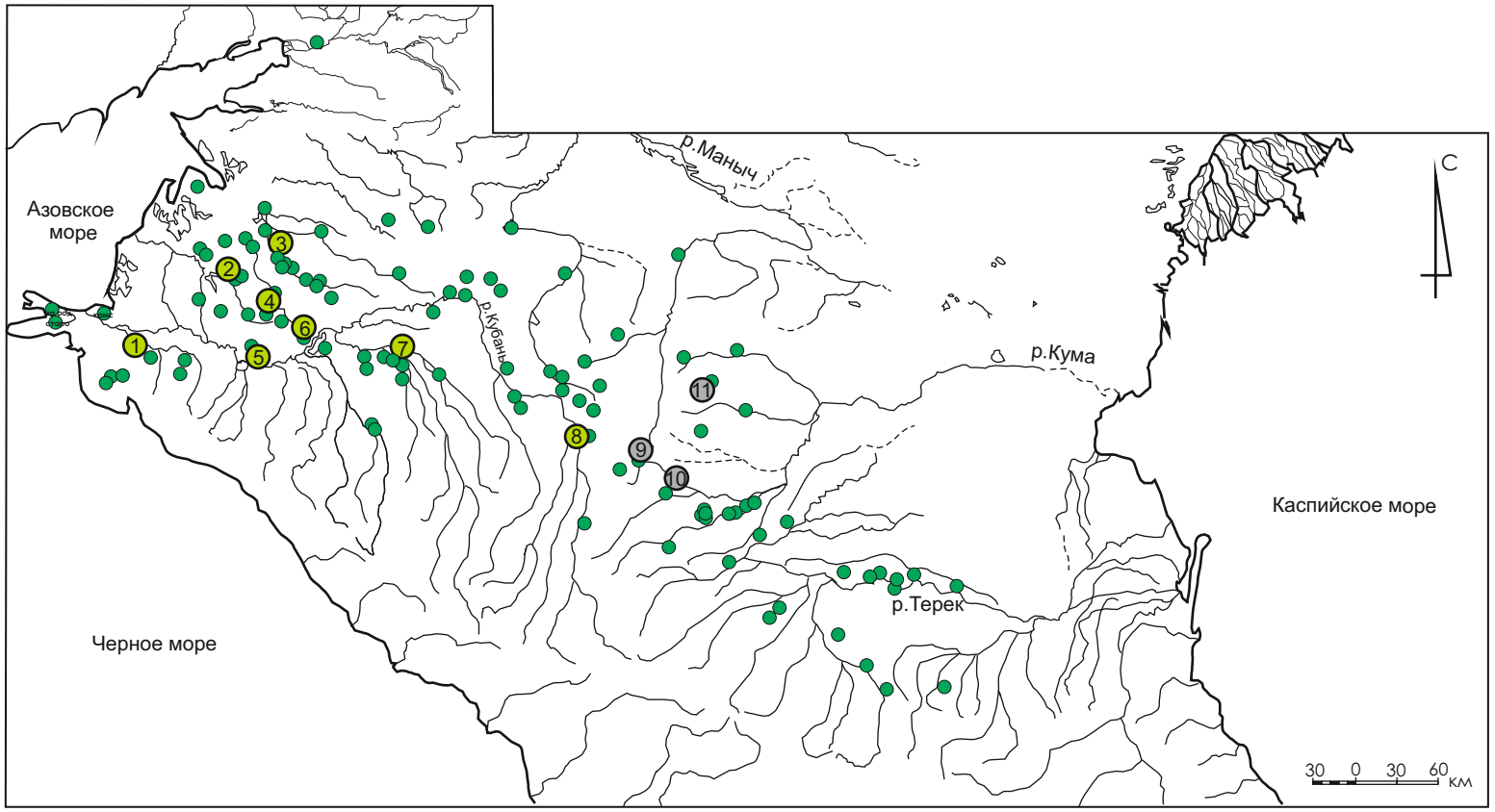
Илл. 125. Невинномысская культура.
Костяные поясные пряжки и сопоставительные материалы

1 - Благовещенка 5/1; 2 - Русский Колодец II 2/7; 3 - Запорожец 1/19; 4 - Вербки II 3/2; 5 - Федоровка II 1/10; 6 - Гиреева Могила п.4; 7 - Лещевка 1/2; 8 - Песчаное 1/14; 9 - Николаевка 3/10; 10 - Турлаки 1/3; 11 - Северіновка 1/4; 12 - Липовец 264/3; 13 - Любарцы 5/2; 14 - Крутенький I 2-3/11; 15 - Сидорово 1/1; 16 - Старая Катериновка 31/4; 17 - Измаил; 18 - Угледар 1/3; 19 - Прядовка V 1/6; 20 - Соколово I 19/2; 21 - Поповка V 1/1; 22 - Бутор I 2/4; 23 - Калфа; 24 - Коржово 1/насыпь; 25 - Кирпичный Бугор п.3; 26 - Лисичанск, ЛЖЗ 3/4; 27 - Чилгир 3/3; 28,29 - Федоровский 1/1

Илл. 126. Невинномысская культура.
Костяные поясные подвески типа Э-К и сопоставительные материалы

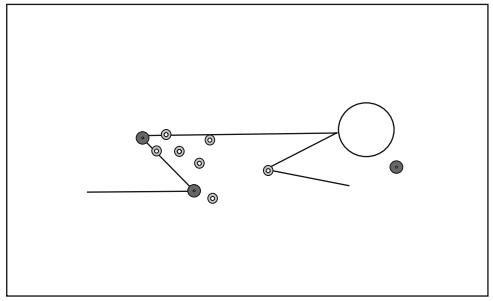
1 - Элиста 6/1; 2 - ВМЛБ I 1965 37/2; 3 - ВМЛБ I 1965 30/1; 4 - ВМЛБ I 1965 32/3; 5 - Кучугуры; 6 - пос. Ильичевка; 7 - пос. Ливенцовка I; 8 - пос. Береговское I; 9 - Большекараганский 25/10; 10 - Большекараганский 25/16; 11 - Потаповка 3/2; 12 - Синташта CI/15; 13 - Новые Ключи III 1/1; 14 - Бестамак п.5; 15 - пос. Малоюлдашево I погр.; 16 - Кулевчи VI 4/3

- погребения невинномысской культуры
- комплексы невинномысской культуры с пряжками бабинско-покровского облика
- комплексы невинномысской культуры с поясными подвесками лолинского облика (тип Элиста-Калиновский)

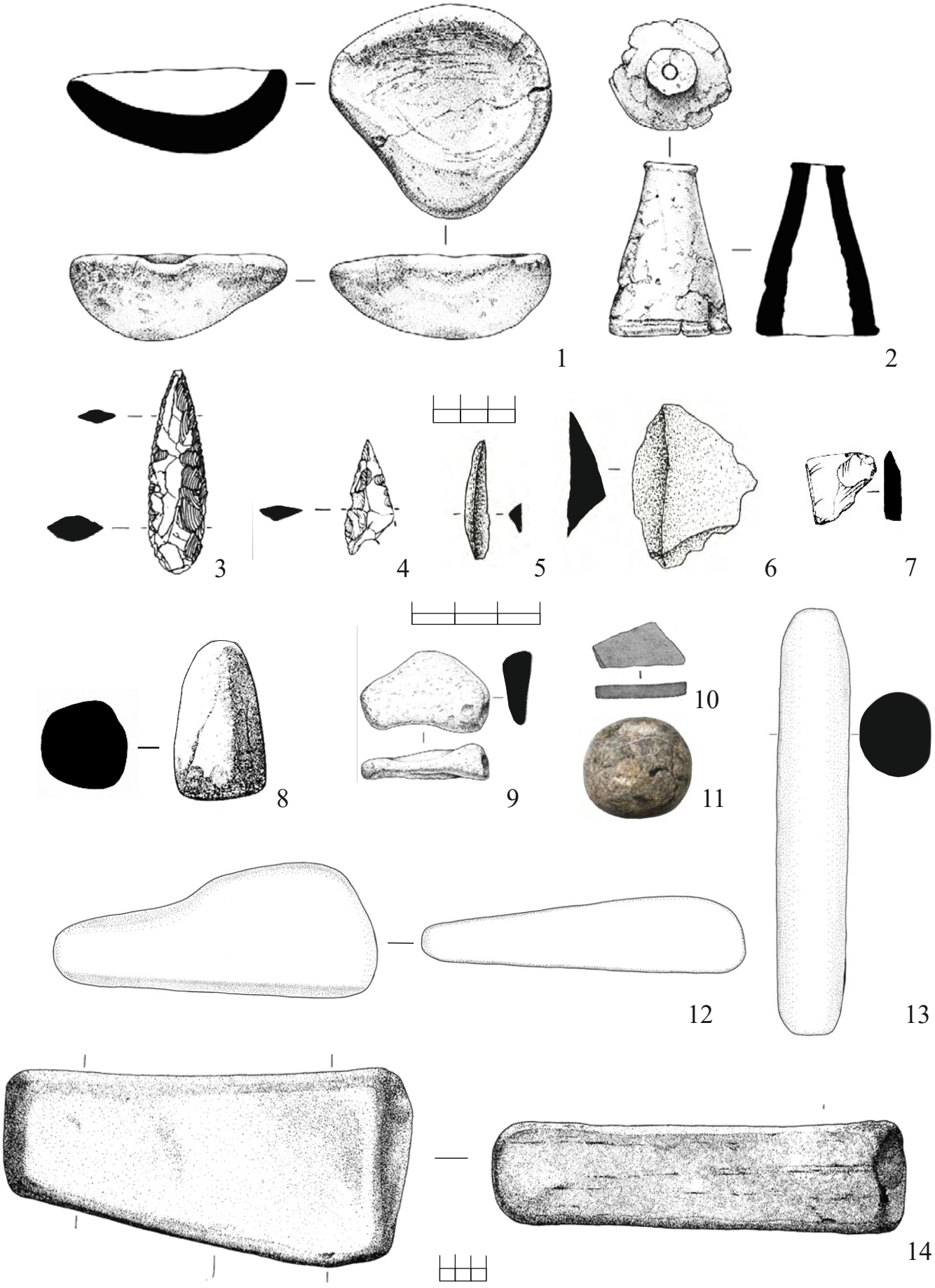
Илл. 127. Невинномысская культура. Комплексы с костяными поясными пряжками и подвесками

1 - Адагум 1 7/3; 2 - Олений I 2/8; 3 - Батуринская I 5/2; 4 - Красносельский 9 6/12, 10 2/2; 5 - Колос 2 1/17; 6 - Праздничный к. 1; 7 - Садовый 4/10; 8 - Невинномысский 1 13/6, Невинномысский 3 7/19; 9 - Николаевский 3 2/6; 10 - Ульяновский 1 3/5; 11 - Калиновский 2/2

- пряжки бабинского и покровского облика
- поясные подвески типа Элиста-Калиновский

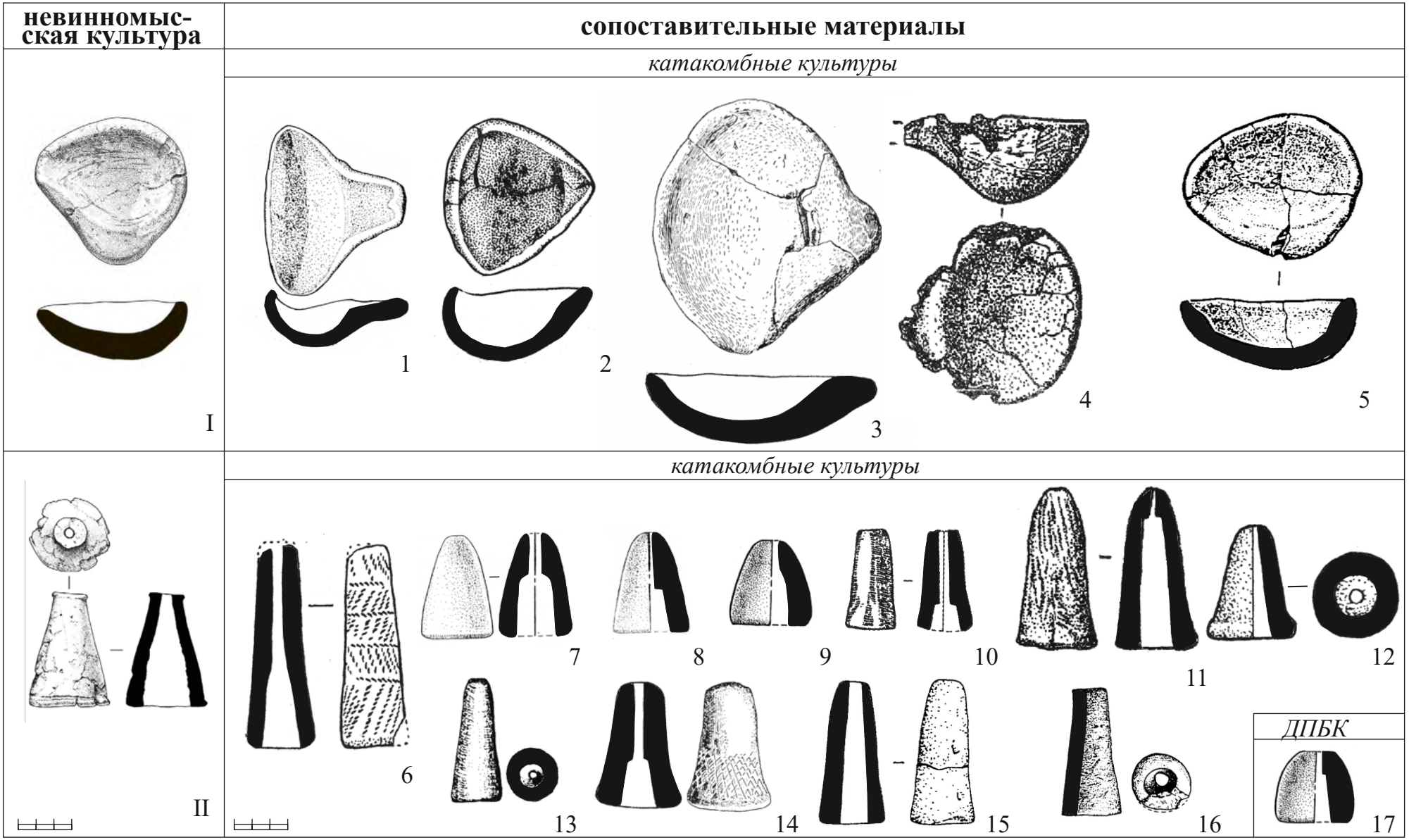
Илл. 128. Невинномысская культура. Аккумулятивная схема размещения поясных пряжек и подвесок в погребениях

Илл. 129. Невинномысская культура. Изделия из камня и глины

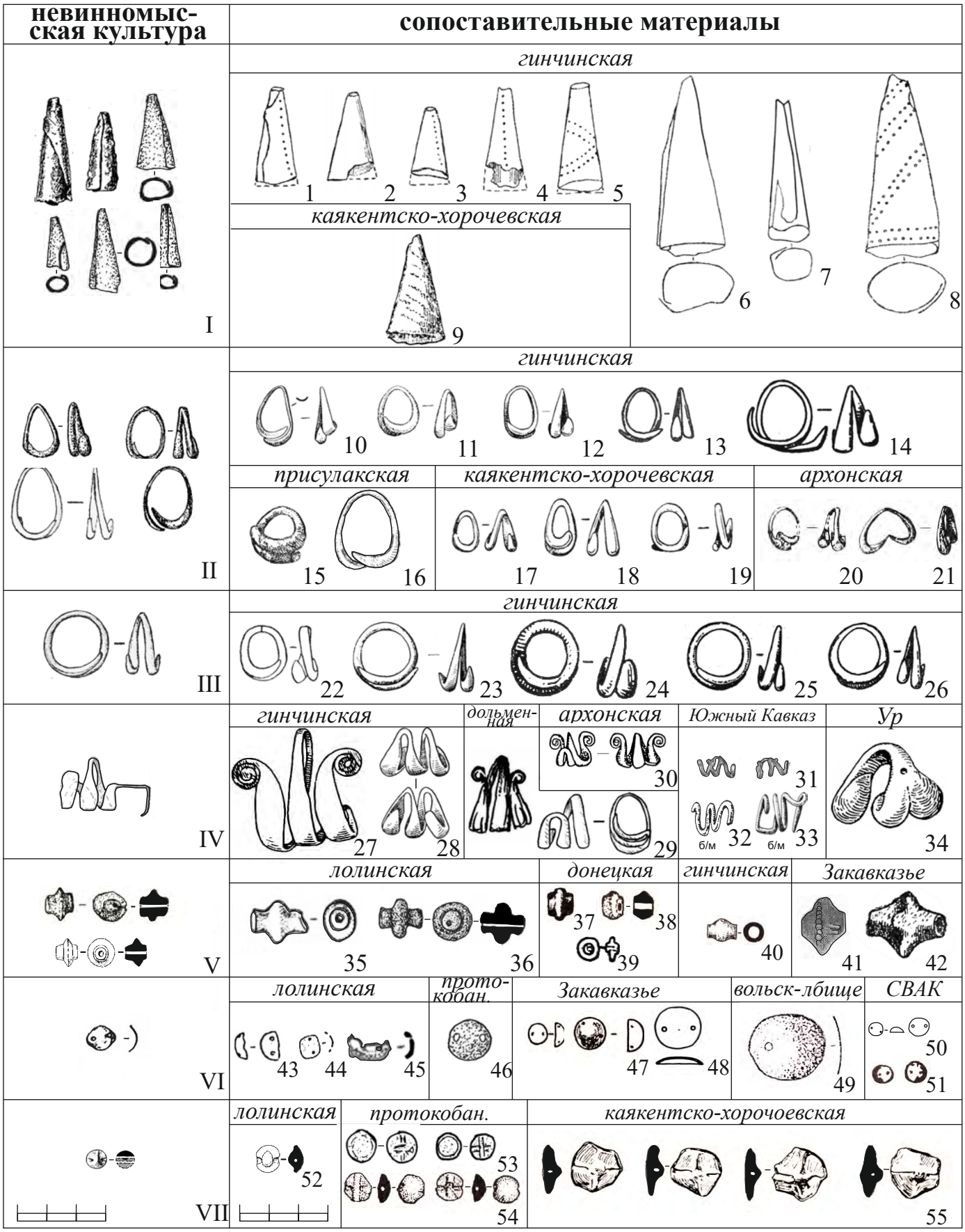
1,2 - глина; 3-14 - камень;

1,2,9 - Невинномысский 3 6/5; 3 - Иноземцево 1 1/2; 4 - Иноземцево 1 7/4; 5,6 - Калюжный 1 1/6; 7 - Ореховка 7/1; 8 - Ореховка 7/3; 10 - Сунжа-89 2/3; 11-13 - Новотитаровская 14 1/12; 14 - Курганная группа 9 насыпей (27 насыпей) 19/1

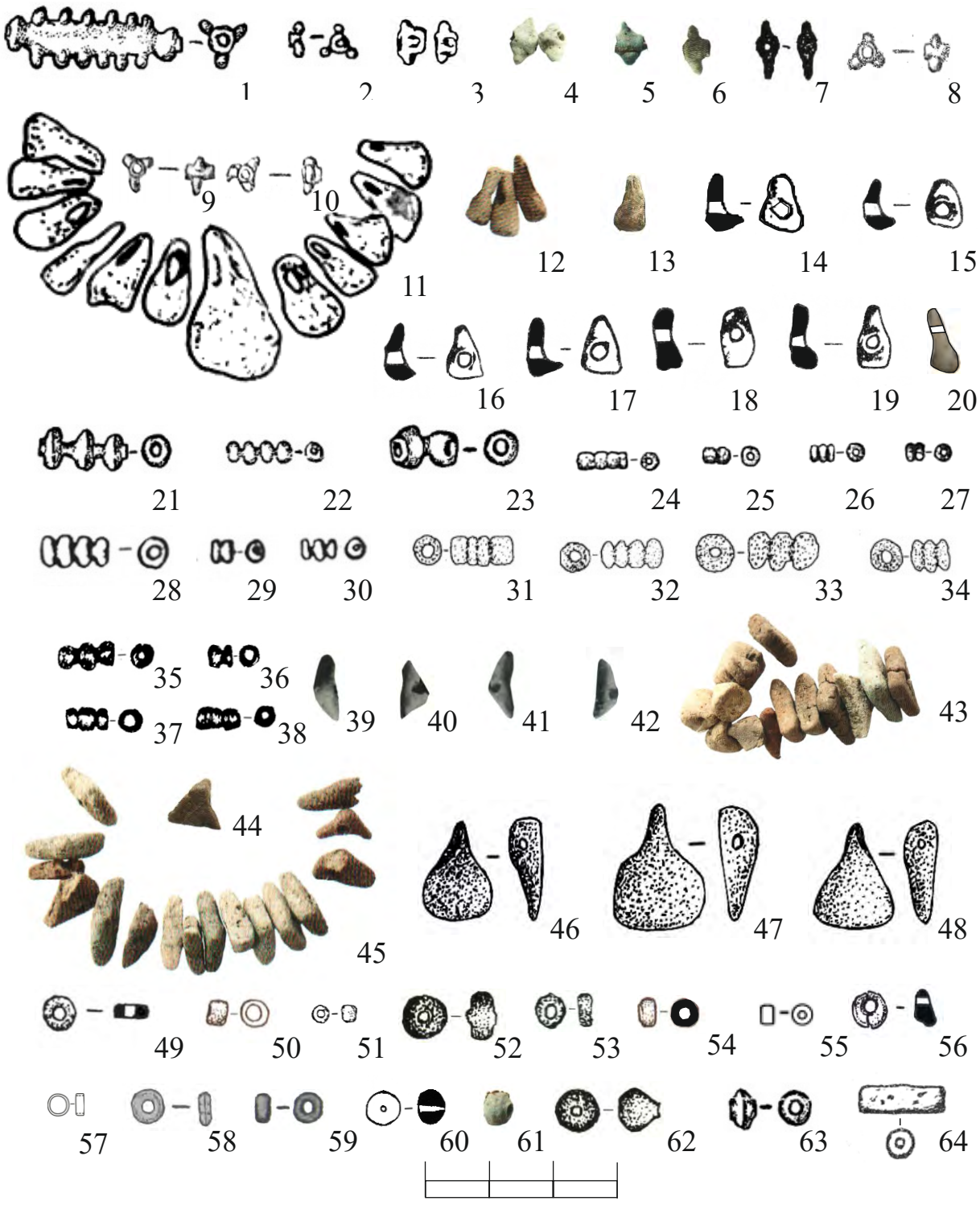
Илл. 130. Невинномысская культура. Орудия литейного производства и сопоставительные материалы

1 - Громовка 1/7; 2 - Воскресенка 1 3/3; 3 - Калиновский 8/42; 4 - Покровка 4/3; 5 - Краматорск 1/1; 6 - Пришиб 1/9; 7 - Каменка 2/7; 8 - Громовка 1/7; 9 - Воскресенка 1 3/3; 10 - Жутово I 21/3; 11 - Покровка 4/3; 12 - М. Терновка 2/7; 13 - ВСХИ 3/16; 14 - Калиновский 8/42; 15 - Бирюково 3/6; 16 - Новоалексеевка 1/6; 17 - Калиновка 1/4

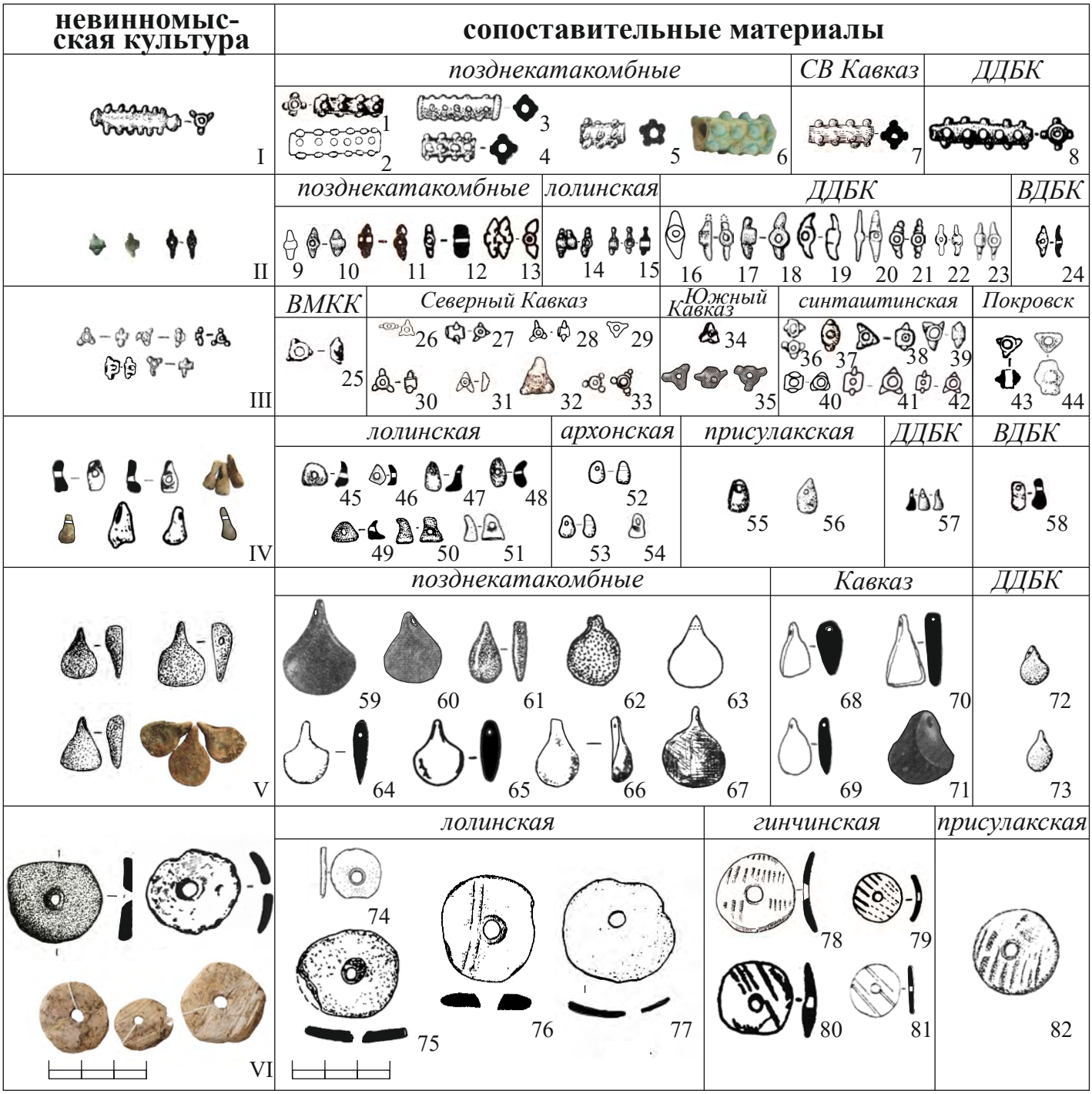
Илл. 131. Невинномысская культура.
Украшения из металла и сопоставительные материалы

1-5 - Бельты разр. погр; 6-8 - Бельты п. 22; 9 - Ведено; 10 - Гатын-Кале п. 7; 12 - Гатын-Кале п. 26; 13 - Малый Харсеной п.5; 14 - Малый Харсеной п.6; 15 - Миатли II 1/1; 16 - Миатли II 2/1; 17-19 - Хорочой п.2,10; 20,21 - Архонская-89 1/3; 22 - Бельты п.20; 23 - Гатын-Кале п.1; 24 - Гатын-Кале п.5; 25 - Малый Харсеной п.3; 26 - Малый Харсеной п.9; 27 - Эгикал склеп 2; 28 - Гатын-Кале п.7; 29 - Шушук дольмен 1; 30 - Архонская-88 2/2; 31 - Триалети к.XIV; 32 - Элар ; 33 - Арич п.44; 34 - Ур III; 35 - Бияш 2/5; 36 - Лола I 7/1; 37 - Астахово 22/4; 38 - Вербовка 5/3; 39 - Колесниковка II 3/3; 40 - Гатын-Кале; 41 - Триалети к.XXXVI; 42 - Кущи п.24; 43 - Кировский IV 7/2; 44 - Новопалестинский II 2/5; 45 - Малаи I 4/4; 46,53 - Верхняя Рутха; 47 - Триалети (б/м); 48 - Квирацховельский могильник п.83; 49 - Пещера Братьев Греве; 50 - Нартасы к.5; 51 - II Виловатский 11/1; 52 - Кунаковский 2 1/1; 53 - Верхняя Рутха; 54 - Кари Цагат п.6; 55 - Хорочой п.2

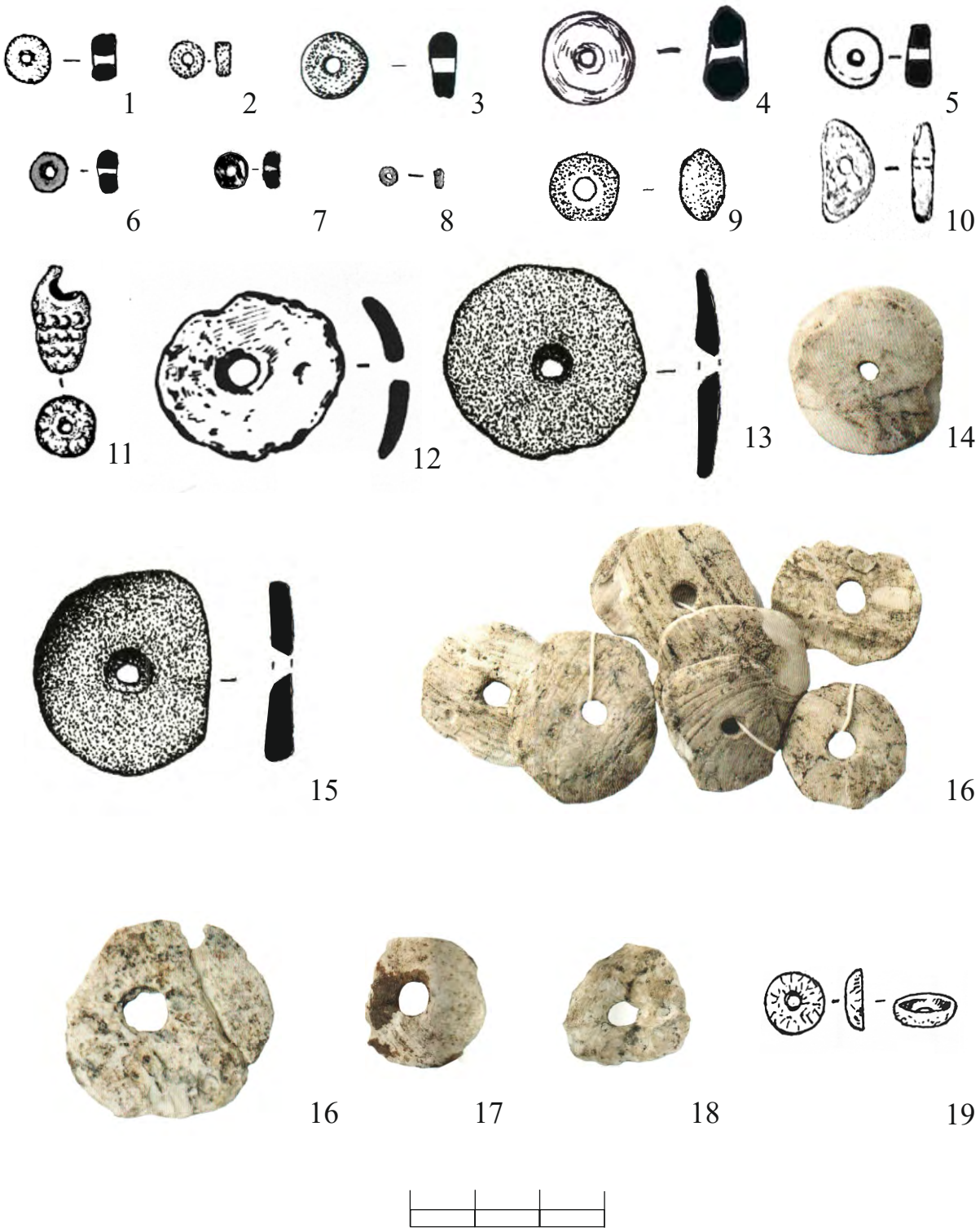
Илл. 132. Невинномысская культура. Фаянсовые и керамические украшения
1-11,15-42,46-63 - фаянс; 12,13,43-45 - керамика

1,2,21-23,63 - Уашхиту 1 2/28; 3,20 - Нальчик кург./31; 4,5,12,,43-45,61 - Невинномысский 1 13/5; 6,13 - Невинномысский 4 1/12; 7 - Калюжный 1 1/8; 8-10 - Сунжа-90 4/11; 11 - Ореховка 2/5; 14-19 - Калиновский 1/8; 24-27 - Иноземцево 1 7/3; 28-30 - Чернышевская I 5/274; 31-34 - Коноково I од.кург/8; 35-38 - Южный-84 1/3; 39-42 - Бамут-66 2/7; 46-48 - Георгиевский 3 2/10; 48 - Бородыновка 3 3/16; 50 - Георгиевская станица VII 2/2; 51 - Иноземцево 1 1/2; 52,62 - Калюжный 1 2/1; 53 - Константиновский 4 2/3; 54 - Невинномысский VI 1/6; 55 - Новосредненское 1 1/40; 56 - Суворовский 1 1/16; 57 - Суворовский 1 5/3; 58 - Сунжа-90 4/5; 59 - Сунжа-90 4/10; 60 - Рассвет 2/3; 64 - Сунжа-90 4/10

Илл. 133. Невинномысская культура. Украшения из фаянса, кости, камня, керамики, раковины и сопоставительные материалы

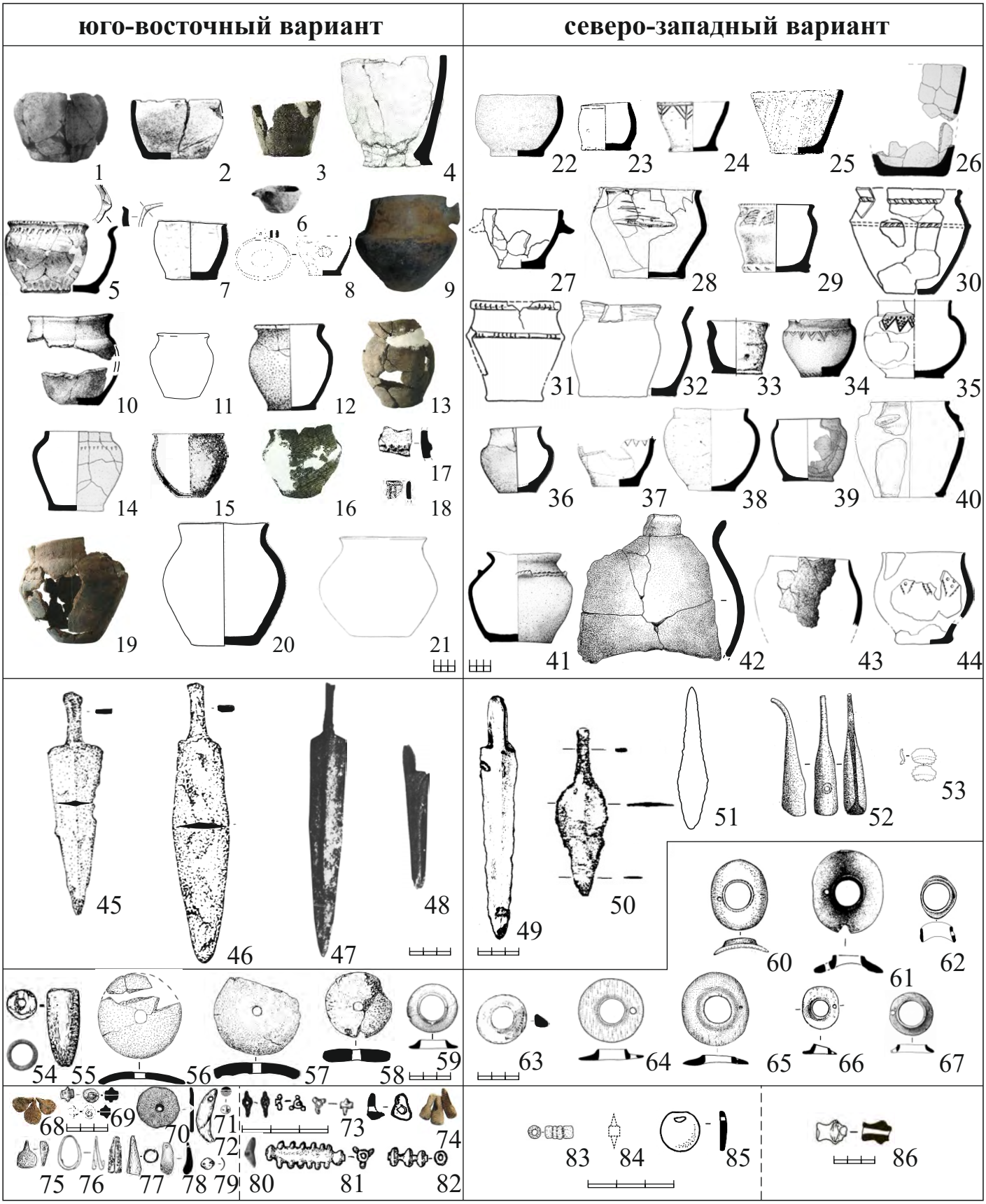
1 - Суворовский 13/10; 2 - Луганск-1929 1/22; 3 - Александровск 1/50; 4 - Говоруха 7/2; 5 - Керчик I 2/9; 6 - Семимаячный III; 7 - Утамыш 1/1; 8 - Соколово 5/11; 9 - Лола I 4/8; 10 - Лола I 12/жертв.; 11 - Веселая Роща III 26/10; 12 - Овата V 1/4; 13 - Пластуновский I 1/22;14 - Островной 6/4; 15 - Вавилон 3 8/8; 16 - Чикмари-II 1/4; 17 - Шахтерск 8/2; 18 - Компанейцы п.261б; 19 - Котовка II 5/9; 20 - Репный I 7/7; 21 - Запорожец 1/16; 22 - Керчик 21/5; 23 - Михайлики од.кург/6; 24 - Писаревка II 10/2; 25 - Цаган-Усн V 1/9; 26 - Бельты п.10; 27 - Бельты п.17; 28 - Бельты п.20; 29 - Гинчи склеп 5; 30 - мог. Нохала-Ад; 31 - Ведено; 32 - Миатли II 2/1; 33 - Каякент п.2; 34 - Триалети к.3; 35 - Триалети к.5; 36 - Синташта СМ/18; 37 - Синташта СI/12; 38 - Кривое Озеро 10/13; 39 - Каменный Амбар 5 4/3; 40,41 - Танаберген II 7/15; 42 - Танаберген II 7/23; 43 - Сторожевка 2/1; 44 - Тростянка I 1/18; 45 - Золотаревка 3 9/13; 46 - Золотаревка 6 15/6; 47,48 - Цаган-Усн VII 2/9; 49 - Манджикины 1 10/2; 50 - Шарахалсун 3 8/2; 51 - Новопалестинский II 2/5; 52,53 - Архонская-88 2/5; 54 - Чикола II 4/3; 55,83 - Миатли II 1/1; 56 - Миатли II 2/1; 57 - Ребриковка II 1/7; 58 - Писаревка II 10/2; 59 - Лола I 6/1; 60 - Лола I 5/4; 61 - Веселая Роща III 25/4; 62 - Бережновка I 32/5; 63 - Архаринский 9/2; 64 - Суворовская 2/1; 65 - Суворовская 3/5; 66 - Суворовская 15/6; 67 - Суворовская 13/7; 68-70 - Гинчи склеп 5; 71 - Триалети к. VIII; 72,73 - Андреевка 1/1; 74 - Новопалестинский II 2/5; 75 - Кривая Лука XXXIV 5/5; 76 - Лысянский I 2/6; 77 - Кировский IV 7/2; 62 - Гатын-Кале п.7; 63 - Малый Харсеной п.1; 80 - Гинчи склеп 1; 81 - Бельты

Илл. 134. Невинномысская культура. Украшения из камня, раковины и зубов рыбы

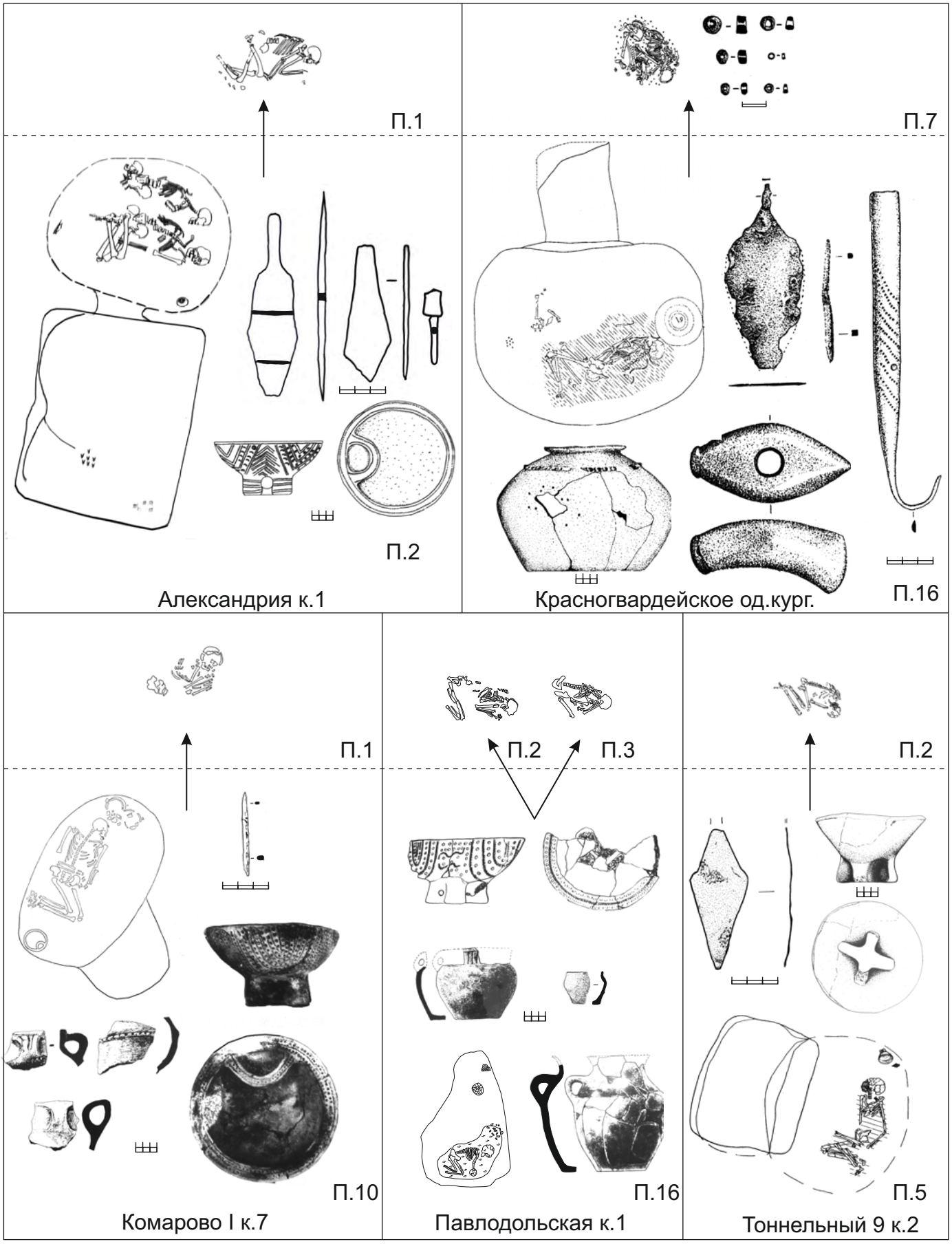
1-6,10 - сердолик; 7 - гешир; 8,9 - гагат; 11-18 - раковина; 19 - зубы ската

1 - Иноземцево 1 7/3; 2 - Константиновская 11 1/2; 3 - Кунаковский 3 6/4; 4 - Суворовский 1 1/16; 5 - Суворовский 1 5/3; 6 - Сунжа-89 2/3; 7 - Южный 1/1; 8 - Сунжа-90 4/5; 9 - Константиновский 4 3/3; 10 - Сунжа-90 4/11; 11 - Уашхиту-1 2/28; 12 - Чернышевская I 5/274; 13,15 - Калюжный 1/8; 14 - Невинномысский 1 13/7; 16 - Невинномысский 1 13/5; 16-18 - Невинномысский 3 6/6; 19 - Усть-Джегутинский 26/2

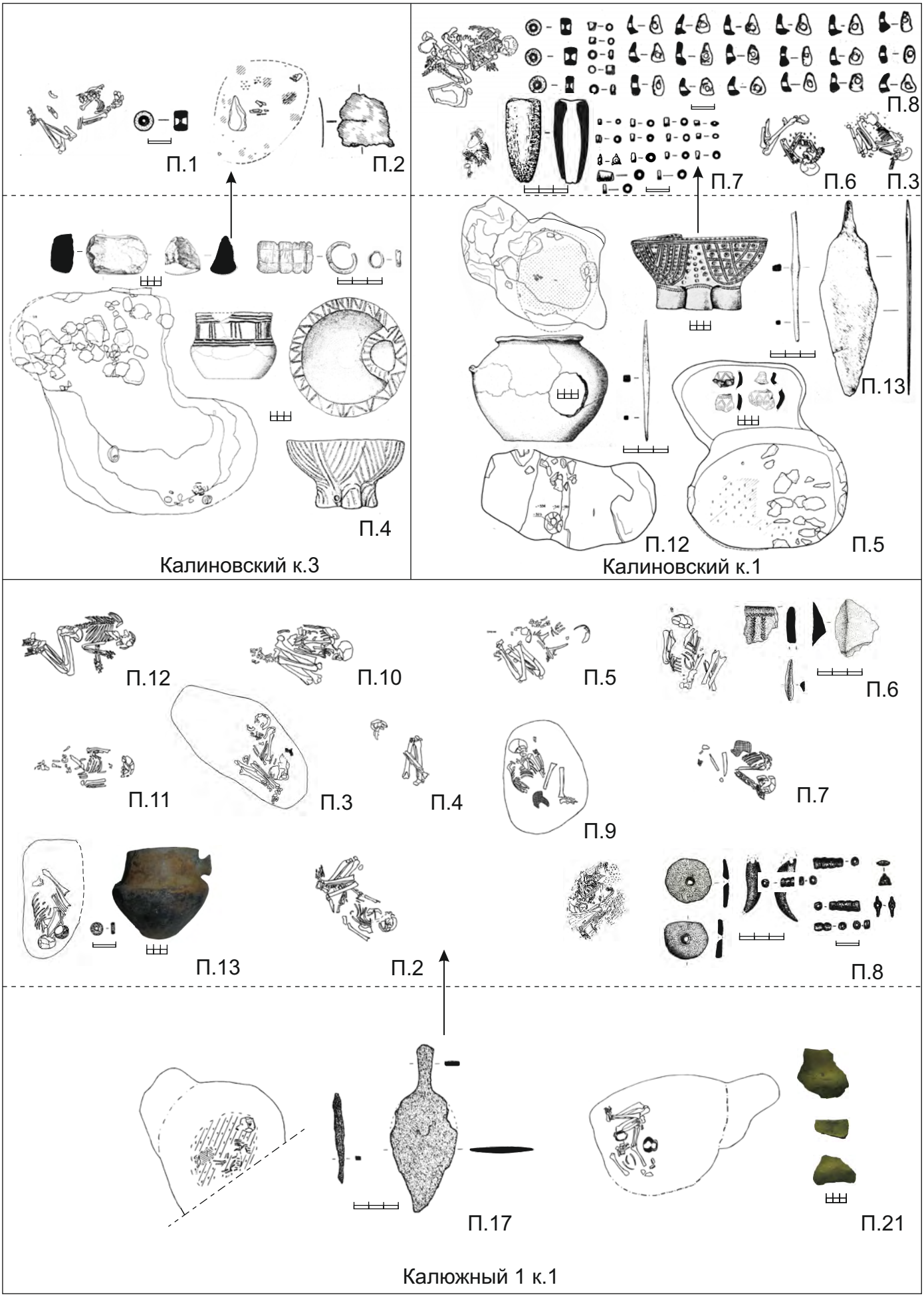
Илл. 135. Невинномысская культура. Инвентарь локальных вариантов

1 - Невинномысский 3 7/р.к. 1; 2 - Константиновский 4 2/2; 3 - Невинномысский 1 13/1; 4 - Георгиевская станица 6 од.кург./3; 5 - Сенгилеевский 7 9/2; 6 - Бамут-66 2/9; 7 - Ореховка 9/5; 8 - Суворовский 1 5/1; 9 - Калюжный 1 1/13; 10 - курган Ставрополь п. 15; 11 - Усть-Джегутинский 26/2; 12 - Суворовская 9/1; 13 - Невинномысский 4 1/12; 14 - Сунжа-90 4/11; 15 - Троицкое 3/9; 16 - Невинномысский 3 5/4; 17 - Ореховка к.8; 18 - Калюжный 1 1/6; 19 - Невинномысский 1 13/р.к.1; 20 - Ореховка 7/я.11; 21 - Аликоновка 1/1; 22 - Адагум 1 7/3; 23 - Малаи II 1/16; 24 - Терновка 10 2/1; 25 - Адагум 10 1/8; 26,37 - Винсады 4 2/9; 27 - Бугундырь VI 4/2; 28 - Малаи I 9/3; 29 - Курганная группа (2 насыпи) 1/9, Приморско-Ахтарский р-н; 30 - Венцы I 1/нах.; 31 - Батуринская I 3/2; 32 - Белевцы I 1/4; 33 - Хоперская 1/10; 34 - Иноземцево 1 7/отд.нах.3; 35 - Общественный I 3/5; 36 - Хоперская 2/4; 38 - Чернышевская I 5/81; 39 - Михайловская 11/8; 40 - Медведовский I 9/12; 41 - Комсомольский 1/1; 42 - Бураковский 1/6; 43 - КРОС 616 га 6/7; 44 - Брюховецкая II 1/1; 45,46 - Суворовская 9/2; 47,48 - Усть-Джегутинский 26/3; 49 - Пролетарский-86 1/6; 50 - Малаи II 1/16; 51 - Динская 29 1/об.1; 52,53,60 - Садовый 4/10; 54 - Невинномысский 3 7/19; 55 - Калиновский 1/7; 56,79 - Ульяновский 1 3/5; 57 - Калиновский 2/2; 58 - Николаевский 3 2/6; 59 - Невинномысский 1 13/6; 61 - Батуринская I 5/2; 62 - Адагум 1 7/3; 63 - Праздничный к. 1; 64 - Красносельский 9 6/12; 65 - Колос 2 1/17; 66 - Олений I 2/8; 67 - Красносельский 10 2/2; 68 - Невинномысский 1 13/7; 69 - Бородыновка 3 3/16, Ульяновский 1 3/5; 70,73 - Калюжный 1 1/8; 71 - Ореховка 8/5; 72,79 - Чернышевская I 5/274; 73 - Калюжный 1 1/8, Уашхиту 1 2/28, Сунжа-90 4/11; 74 - Калиновский 1/8, Невинномысский 1 13/5; 75 - Георгиевский 3 2/10; 76 - Сунжа-90 4/5; 77 - Нальчик кург./31, Комсомолец 1 кург./31; 80 - Бамут-66 2/7; 81,82 - Уашхиту 1 2/28; 83 - Коноково I од.кург/8; 84 - Серегинский 1/28; 85 - Новокорсунская 2/1; 86 - Старомышастовская I 1/20

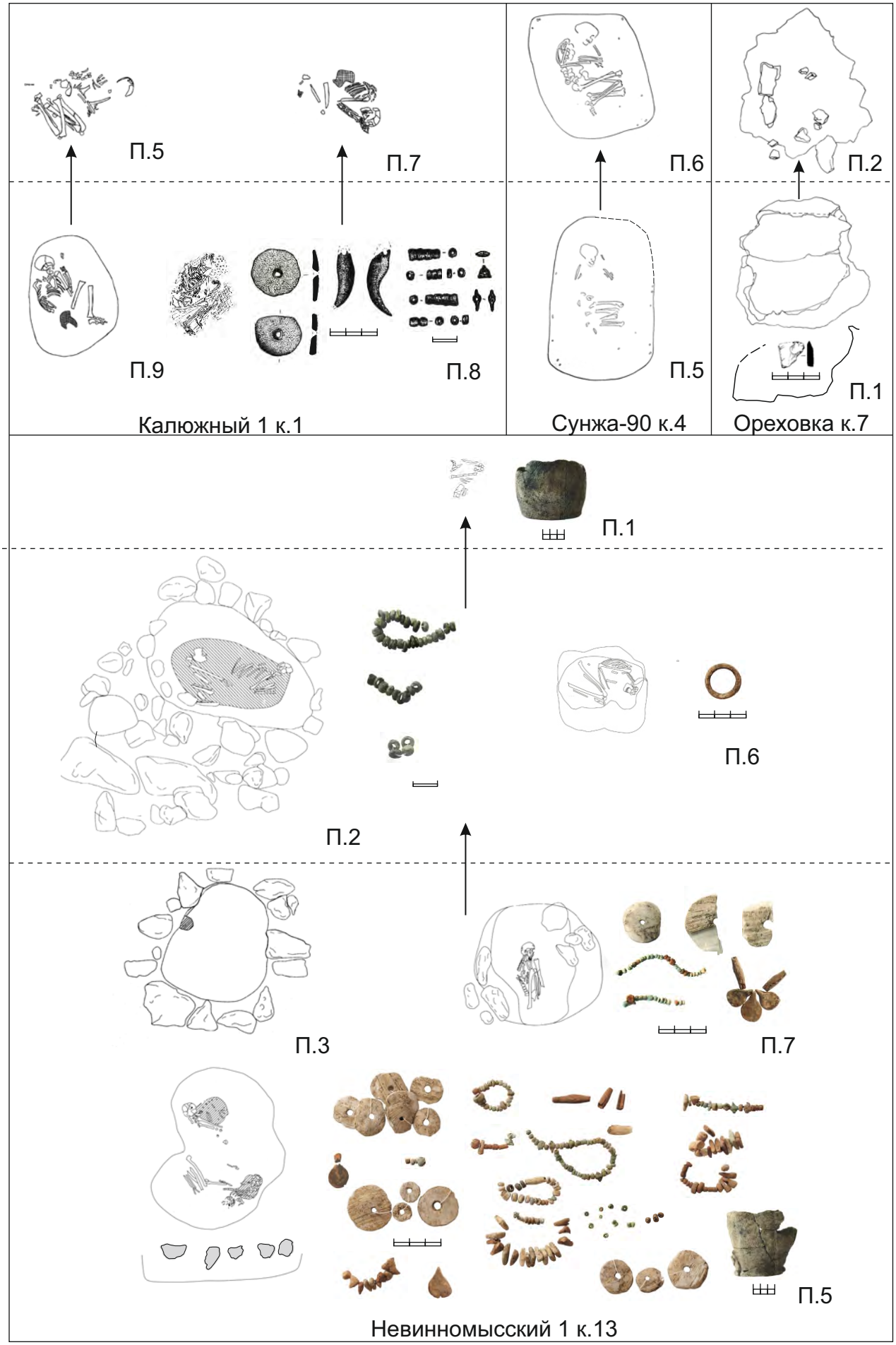
0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 136. Невинномысская культура.
Стратиграфическое соотношение с погребениями ВМКК и ЗМКК

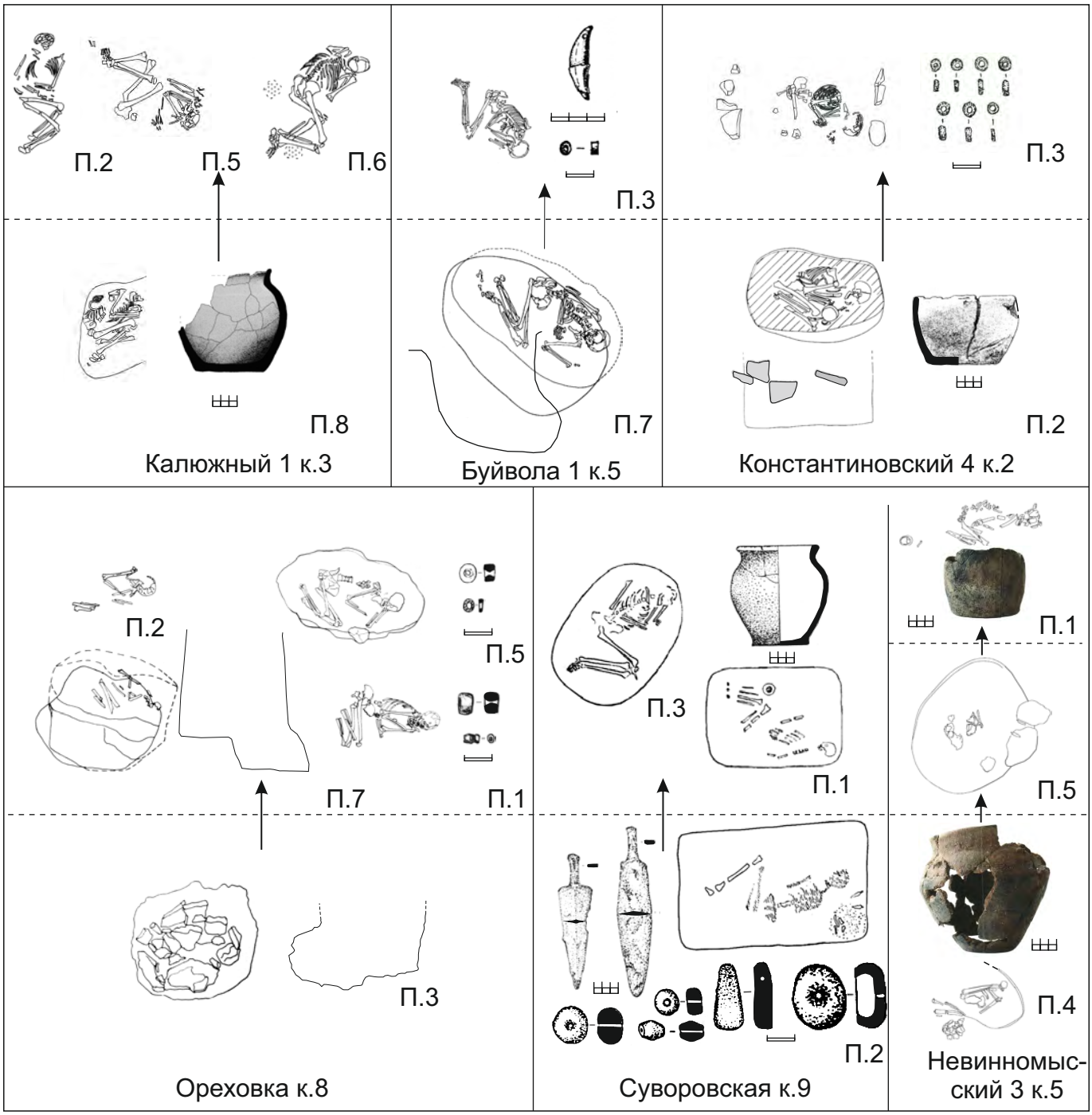

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 137. Невинномысская культура.
Стратиграфическое соотношение с погребениями ВМКК и ЗМКК

Илл. 138. Невинномысская культура.
Стратиграфическое соотношение погребений

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 139. Невинномысская культура.
Стратиграфическое соотношение погребений

ОГ III - П.5 ОГ III - П.7
Калюжный 1 к.1
ОГ I - П.9 ОГ I - П.8

ОГ I - П.6
Сунжа-90 к.4
ОГ I - П.5

ОГ I ? - П.2
Ореховка к.7
ОГ VI - П.1

ОГ III - П.3
Константиновский 4 к.2
ОГ III - П.2

ОГ I - П.2,6 ОГ III - П.5
Калюжный 1 к.3
ОГ I - П.8

ОГ III - П.1 ОГ I - П.3
Суворовская к.9
ОГ III - П.2

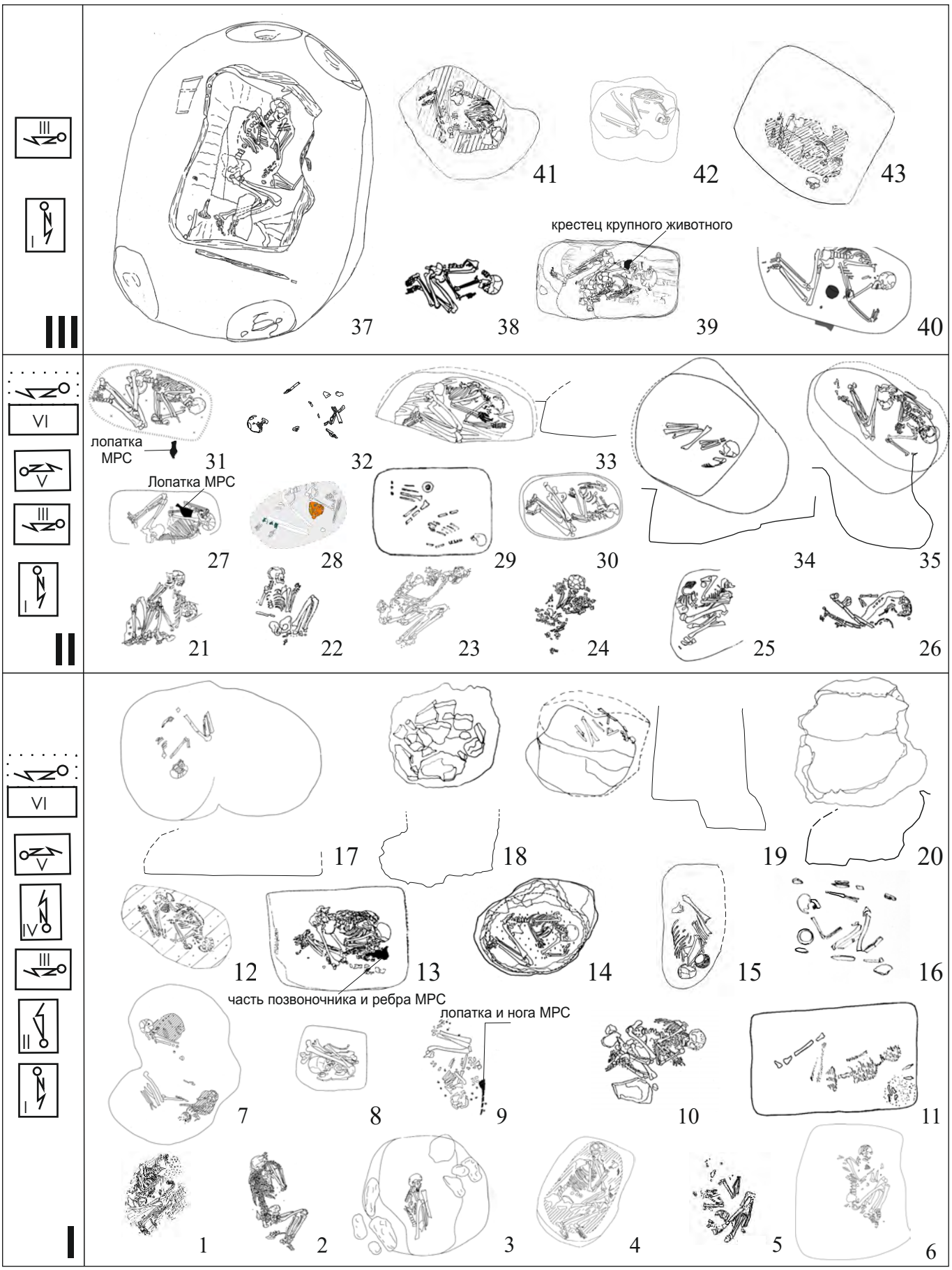
ОГ VI - П.7 ОГ III - П.1,2,5
Ореховка к.8
ОГ VI - П.3

ОГ ? - П.1
ОГ III - П.2 ОГ III - П.6
Невинномысский 1 к.13
ОГ I - П.5 ОГ I - П.7 ОГ I ? - П.3

ОГ III - П.1
ОГ ? - П.5
Невинномысский 3 к.5
ОГ ? - П.4

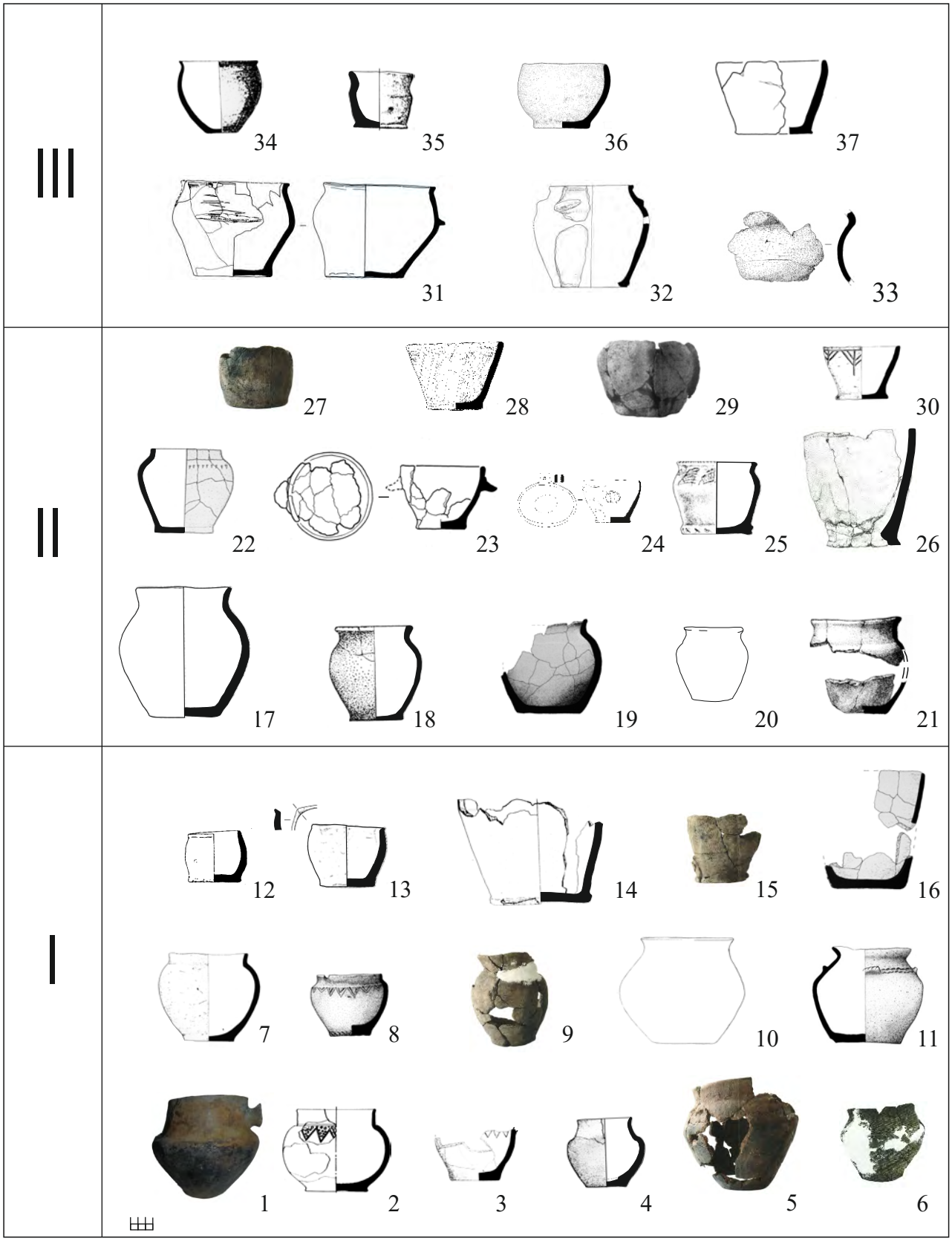
ОГ VII П.3
Буйвола 1 к.5
ОГ VIII Б П.7

Илл. 140. Невинномысская культура. Схема стратиграфического соотношения погребений разных обрядовых групп

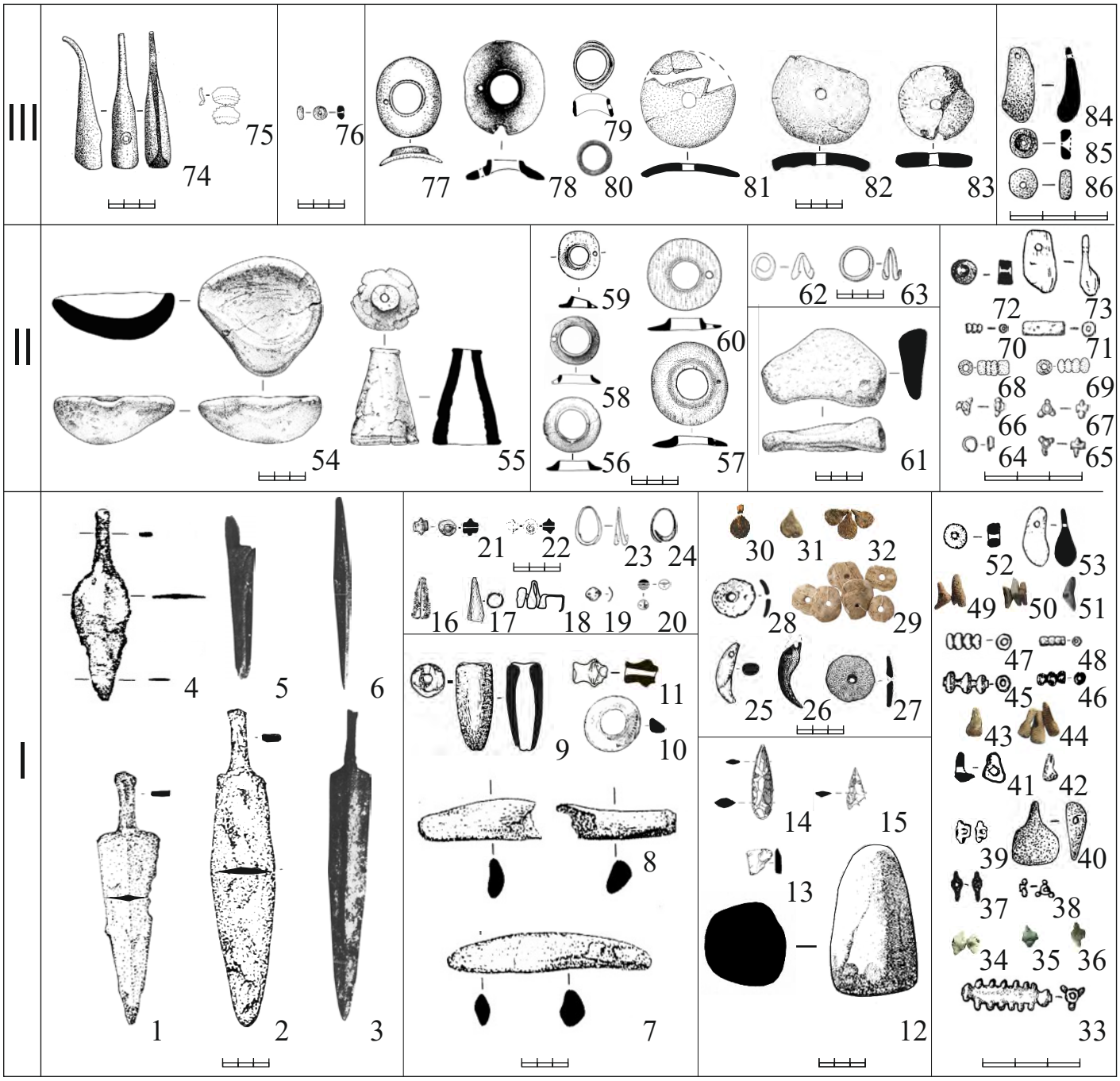
Илл. 141. Невинномысская культура. Периодизация. Обряд

1 - Калюжный 1 1/8; 2 - Уашхиту 1 2/28; 3 - Невинномысский 1 13/7; 4 - Невинномысский 3 6/6; 5 - Чернышевская I 5/274; 6 - Новосредненское 1 1/40; 7 - Невинномысский 1 13/5; 8 - Ореховка 5/3; 9 - Хоперская 2/4; 10 - Калиновский 2/2; 11 - Суворовская 9/2; 12 - Бородыновка 3 3/16; 13 - Иноземцево 1 7/3; 14 - Калиновский 4/1; 15 - Калюжный 1 1/13; 16 - Ореховка 8/3; 17 - Лебеди II 5/7; 18 - Ореховка 8/3; 19 - Ореховка 8/7; 20 - Ореховка 7/1; 21 - курган Ставрополь п. 15; 22 - Южный-84 1/3; 23 - Коноково I од.кург/8; 24 - Серегинский 1/14; 25 - Калюжный 1 3/8; 26 - Бугундырь VI 4/2; 27 - Общественный I 3/9; 28 - Суворовский 1 5/1; 29 - Суворовская 9/1; 30 - Невинномысский 3 7/19; 31 - Невинномысский 3 6/5; 32 - Красносельский 10 2/2; 33 - Колос 2 1/17; 34 - Расшеватский 1 23/4; 35 - Буйвола 1 5/7; 37 - Садовый 4/10; 38 - Батуринская I 5/2; 39 - Малаи I 9/3; 40 - Адагум 1 7/3; 41 - Ульяновский 1 3/5; 42 - Невинномысский 1 13/6; 43 - Николаевский 3 2/6

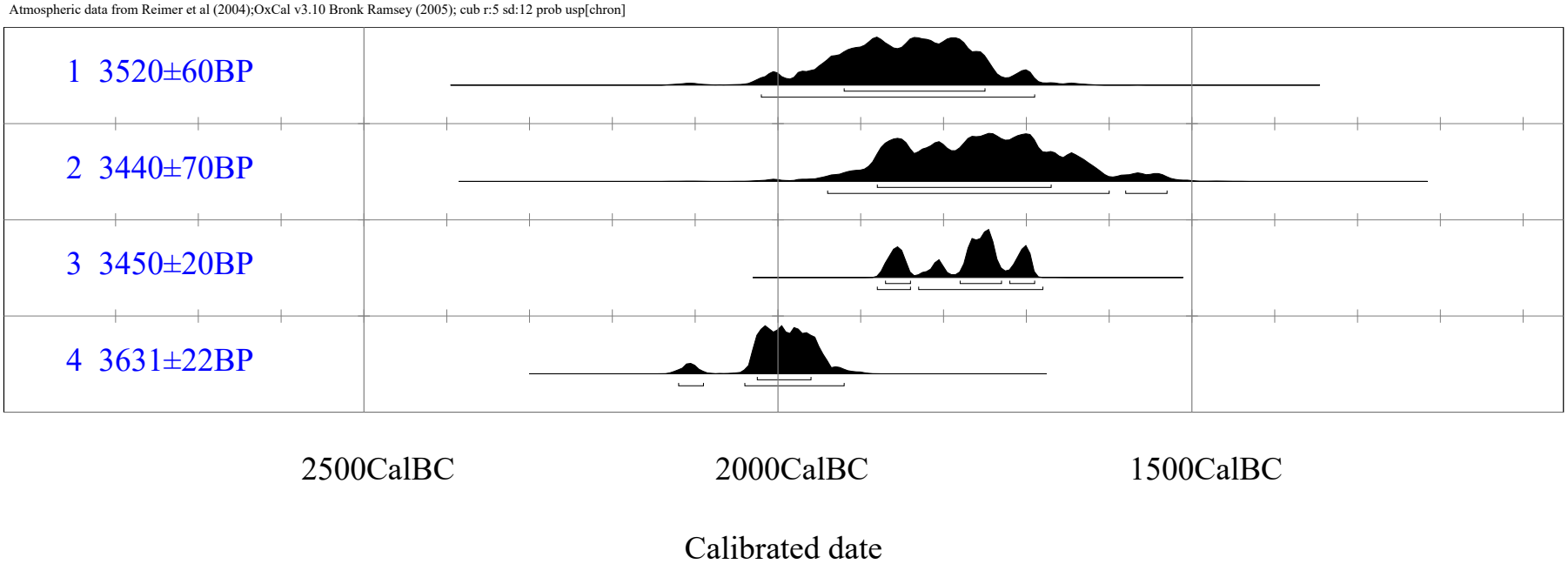
Илл. 142. Невинномысская культура. Эволюция керамического комплекса

1 - Калюжный 1 1/13; 2 - Общественный I 3/5; 3,16 - Винсады 4 2/9; 4 - Хоперская 2/4; 5 - Невинномысский 3 5/4; 6 - Невинномысский 1 13/р.к.1; 7 - Чернышевская I 5/81; 8 - Иноземцево 1 7/отд.нах.3; 9 - Невинномысский 4 1/12; 10 - Аликоновка 1/1; 11 - Комсомольский 1/1; 12 - Малаи II 1/16; 13 - Ореховка 9/5; 14 - Калиновский 4/1; 15 - Невинномысский 1 13/5; 17 - Ореховка 7/я.11; 18 - Суворовская 9/1; 19 - Калюжный 1 3/8; 20 - Усть-Джегутинский 26/2; 21 - курган Ставрополь п. 15; 22 - Сунжа-90 4/11; 23 - Бугундырь VI 4/2; 24 - Суворовский 1 5/1; 25 - Курганная группа (2 насыпи) 1/9, Приморско-Ахтарский р-н; 26 - Георгиевская станица 6 од.кург/3; 27 - Невинномысский 3 5/1; 28 - Адагум 10 1/8; 29 - Невинномысский 3 7/р.к.1; 30 - Терновка 10 2/1; 31 - Малаи I 9/3; 32 - Медведовский I 9/12; 33 - Николаевский 3 2/6; 34 - Троицкое 3/9; 35 - Хоперская 1/10; 36 - Адагум 1 7/3; 37 - Текучка I 2/12

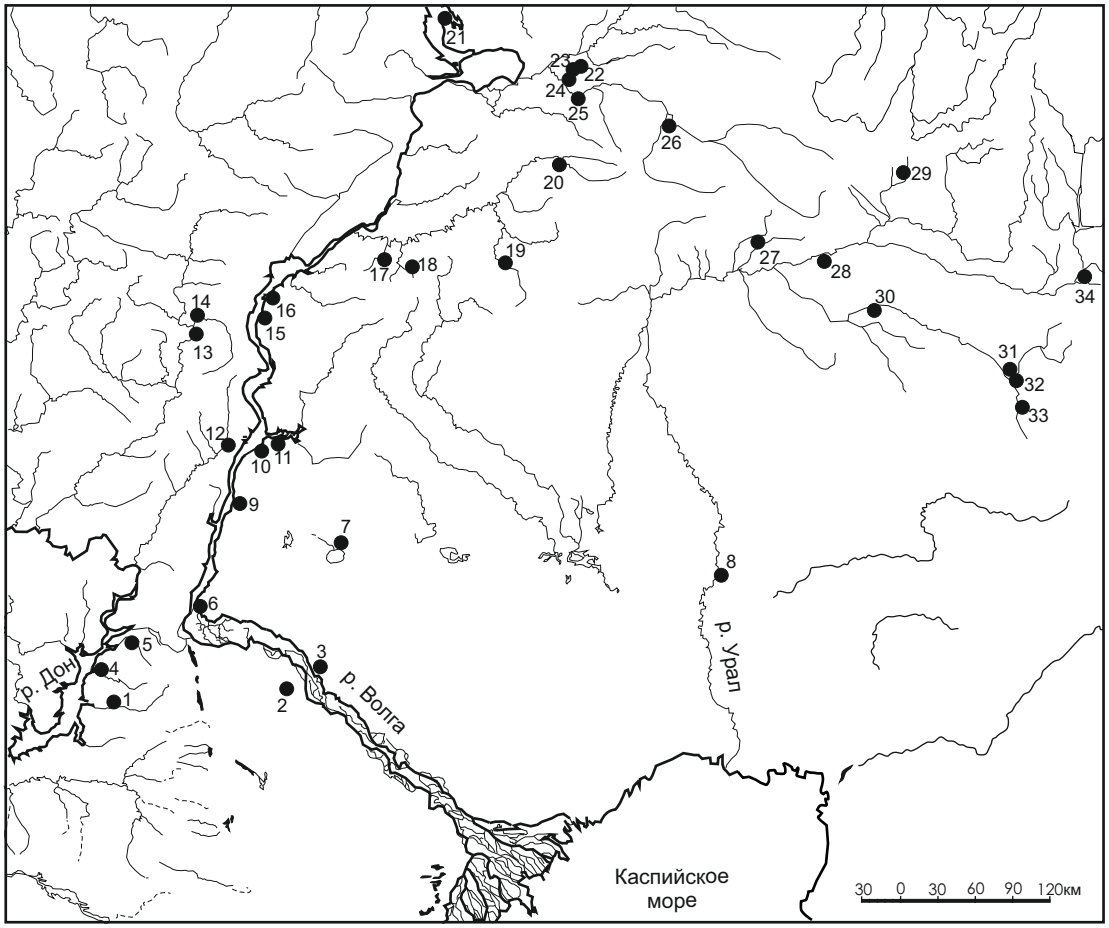
Илл. 143. Невинномысская культура.
Изделия из металла, керамики, кости, рога, камня, фаянса

1,2 - Суворовская 9/2; 3,5,6 - Усть-Джегутинский 26\3; 4,7,8 - Малаи II 1/16; 9 - Калиновский 1/7; 10 - Праздничный к. 1; 11 - Старомышастовская I 1/20; 12 - Ореховка 7/3; 13 - Ореховка 7/1; 14 - Иноземцево 1 1/2; 15 - Иноземцево 1 7/4; 16,24 - Нальчик кург./31; 17 - Комсомолец 1 кург/31; 18 - Сунжа-90 4/12; 19,25,28,47,53 - Чернышевская I 5/274; 20 - Ореховка 8/5; 21 - Бородыновка 3 3/16; 22,82,84-86 - Ульяновский 1 3/5; 23 - Сунжа-90 4/5; 26,27,37 - Калюжный 1 1/8; 29 - Невинномысский 1 13/5; 30,31,34,35,44,49,50 - Невинномысский 1 13/5; 32 - Невинномысский 1 13/7; 33,38,45 - Уашхиту 1 2/28; 36,43 - Невинномысский 4 1/12; 40 - Георгиевский 3 2/10; 41 - Калиновский 1/8; 42 - Ореховка 2/5; 46 - Южный-84 1/3; 48,52 - Иноземцево 1 7/3; 51 - Бамут-66 2/7; 54,55,61 - Невинномысский 3 6/5; 56 - Невинномысский 3 7/19; 57 - Колос 2 1/17; 58 - Красносельский 10 2/2; 59 - Олений I 2/8; 60 - Красносельский 9 6/12; 62 - Сунжа-90 4/2; 63,64,70,71 - Сунжа-90 4/10; 65-67,73 - Сунжа-90 4/11; 68,69 - Коноково I од.кург./8; 72 - Красногвардейское од.кург./7; 74,75,77 - Садовый 4/10; 76,83 - Николаевский 3 2/6; 78 - Батуринская I 5/2; 79 - Адагум 1 7/3; 80 - Невинномысский 3 7/19; 81 - Калиновский 2/2

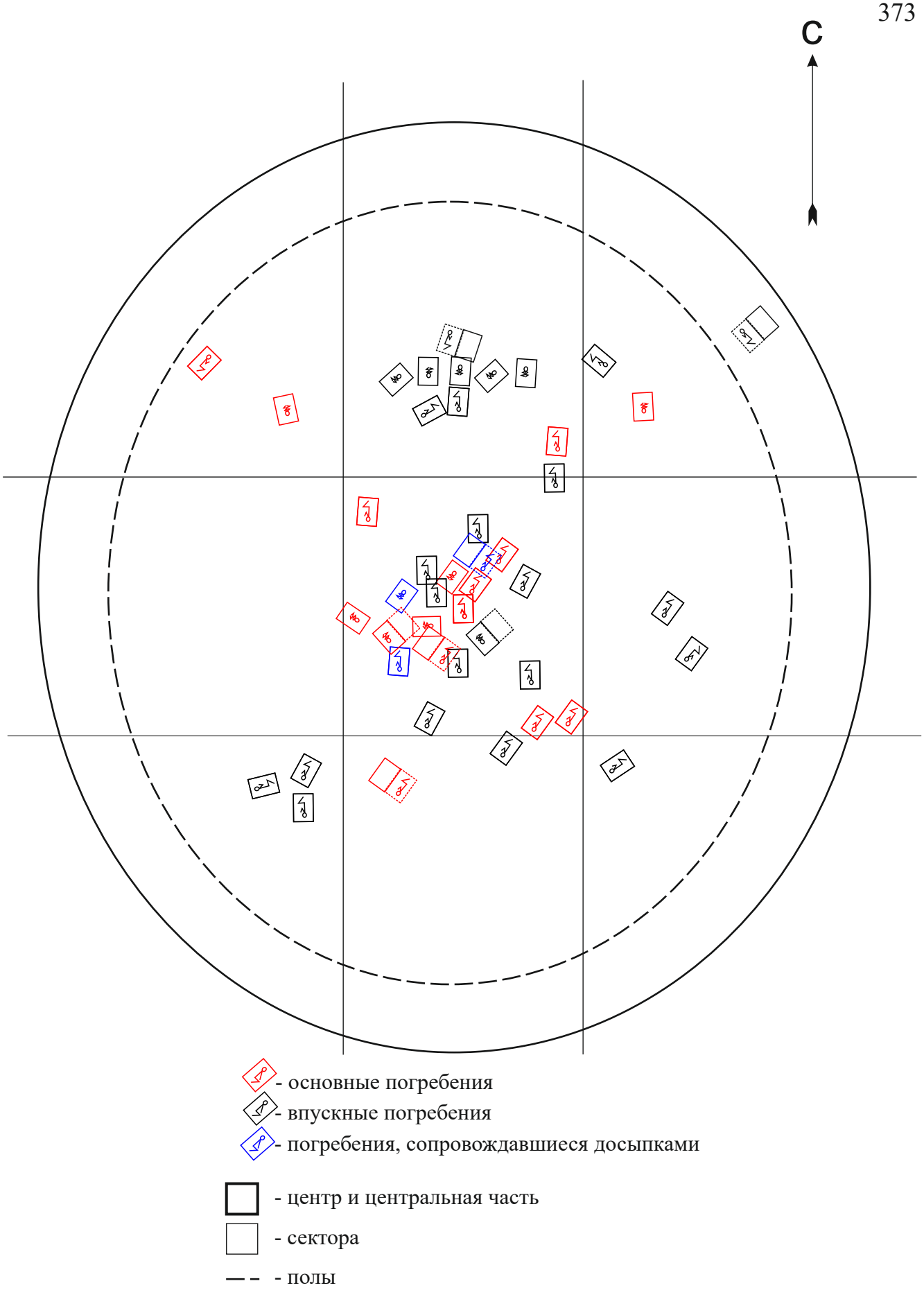
Илл. 144. Невинномысская культура. Радиоуглеродные даты

(нумерация дана в соответствии с табл. 6.2)

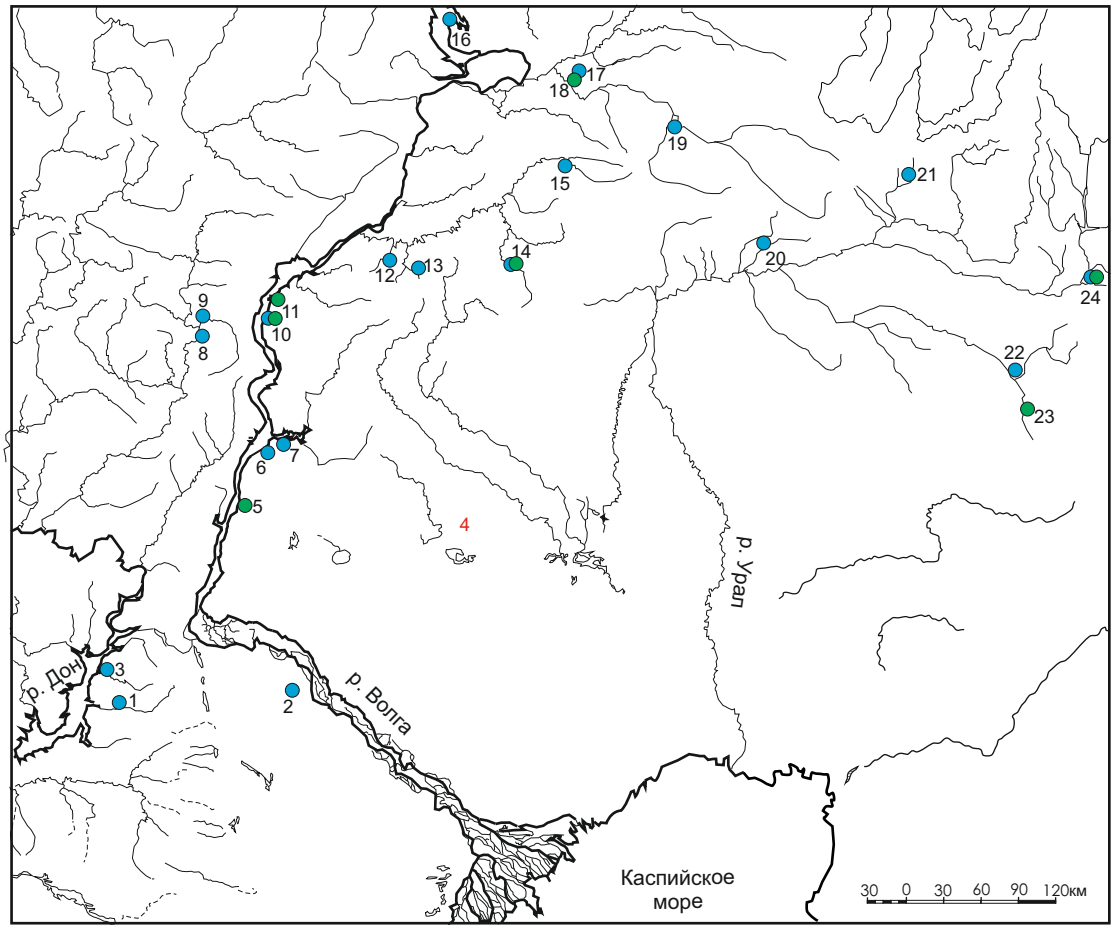

Илл. 145. ВУКГ. Территория

1 - Заливский 1/15; 2 - Кривая Лука XIV 8/5; 3 - Степная IV 2/3; 4 - Первомайский VIII 3/7, X 10/1; 5 - Тихоновка од.кург./5; 6 - Волжский 2/13; 7 - Венгеловка 5/1; 8 - Мамбеталы 5/1; 9 - Быково I 15/1,2, 16/12; 10 - Политотдельское 2/1, 12/18, Политотдельское II 1/2, Политотдельское-89 4/12; 11 - Бережновка I 14/2; 12 - Барановка I 10/4; 13 - Большие Копены 2 2/1; 14 - Горбатый мост 6/11; 15 - Смеловка гр. мог. п. 6, 9,12,20,33,70,128; 16 - Шумейка 2/4; 17 - Караман 3/1; 18 - Курганная группа (14 насыпей) 12/1; 19 - Светлое Озеро 1/1, 7/1; 20 - Журавлиха 1/10; 21 - Хрящевка 2/1,2; 22 - Кутулук III 1/1; 23 - Грачевка II 5/3; 24 - Красносамарский I 1/2, II 1/2; 25 - Утевка I 1/2; 26 - Перевозинка 2/31,32; 27 - Шумаево II 3/2, 6/1; 28 - Пятилетка 5/1; 29 - Имангулово II 5/3; 30 - Тамар-Уткуль VII 4/1-5; 31 - Восточно-Курайли 1 1/1; 32 - Учебный полигон п. 3; 33 - Щилисай II 2/2; 34 - Новый Кумак 25/12,13,14

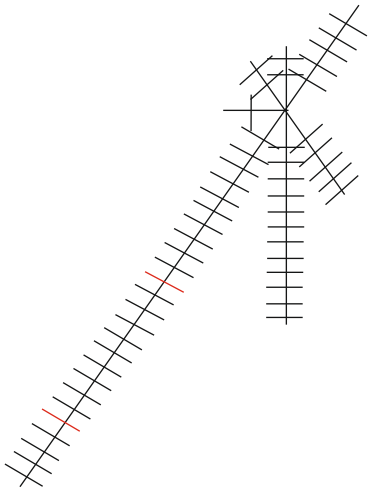
Илл. 146. ВУКГ. Схема расположения погребений по основным секторам кургана

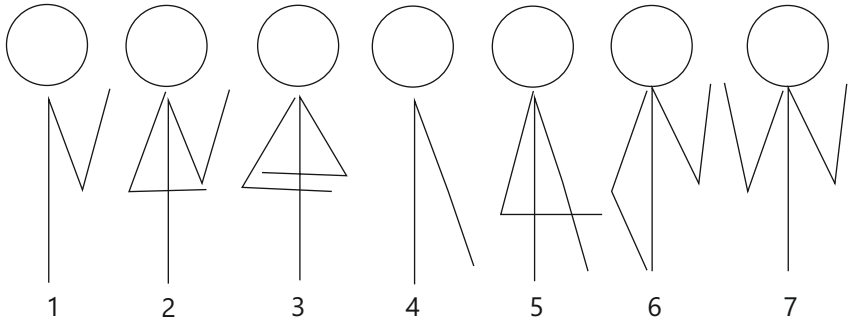
● - могильные конструкции группы А
● - могильные конструкции группы Б

Илл. 147. ВУКГ. Распространение погребений с зафиксированными могильными конструкциями

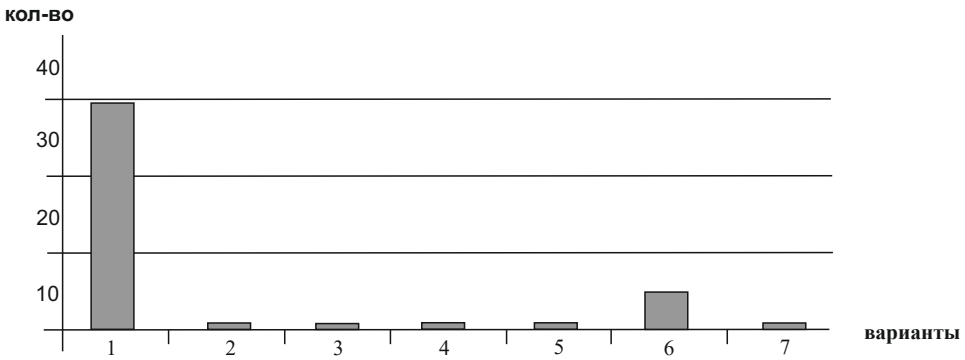
1 - Заливский 1/15; 2 - Кривая Лука XIV 8/5; 3 - Первомайский VIII 3/7, X 10/1; 4 - Мамбеталы 5/1; 5 - Быково I 16/12; 6 - Политотдельское 12/18, Политотдельское-89 4/12; 7 - Бережновка I 14/2; 8 - Большие Копены 2/1; 9 - Горбатый мост 6/11; 10 - Смеловка гр. мог. п. 6, 9, 12, 20, 33, 70, 112, 128; 11 - Шумейка 2/4; 12 - Караман 3/1; 13 - Курганная группа (14 насыпей); 14 - Светлое Озеро 1/1, 7/1; 15 - Журавлиха 1/10; 16 - Хрящевка 2/1, 2/2; 17 - Грачевка II 5/3; 18 - Красносамарский IV 2/3; 19 - Перевозинка 2/32; 20 - Шумаево II 3/2; 21 - Имангулово II 5/3; 22 - Восточно-Курайли 1 1/1; 23 - Щилисай II 2/2; 24 - Новый Кумак 25/12,14

Илл. 148. ВУКГ. Ориентировки скелетов в погребениях

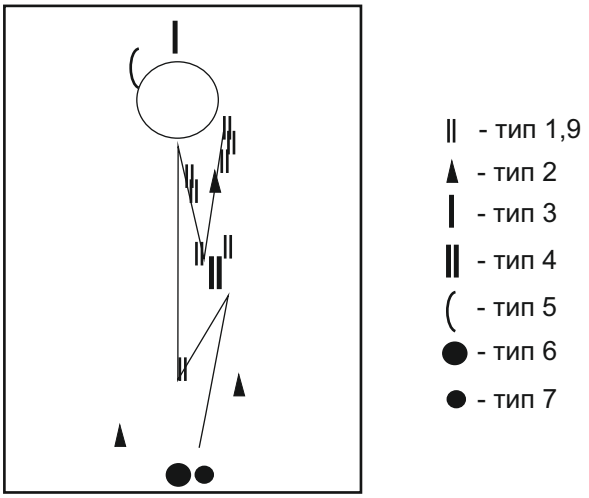

1

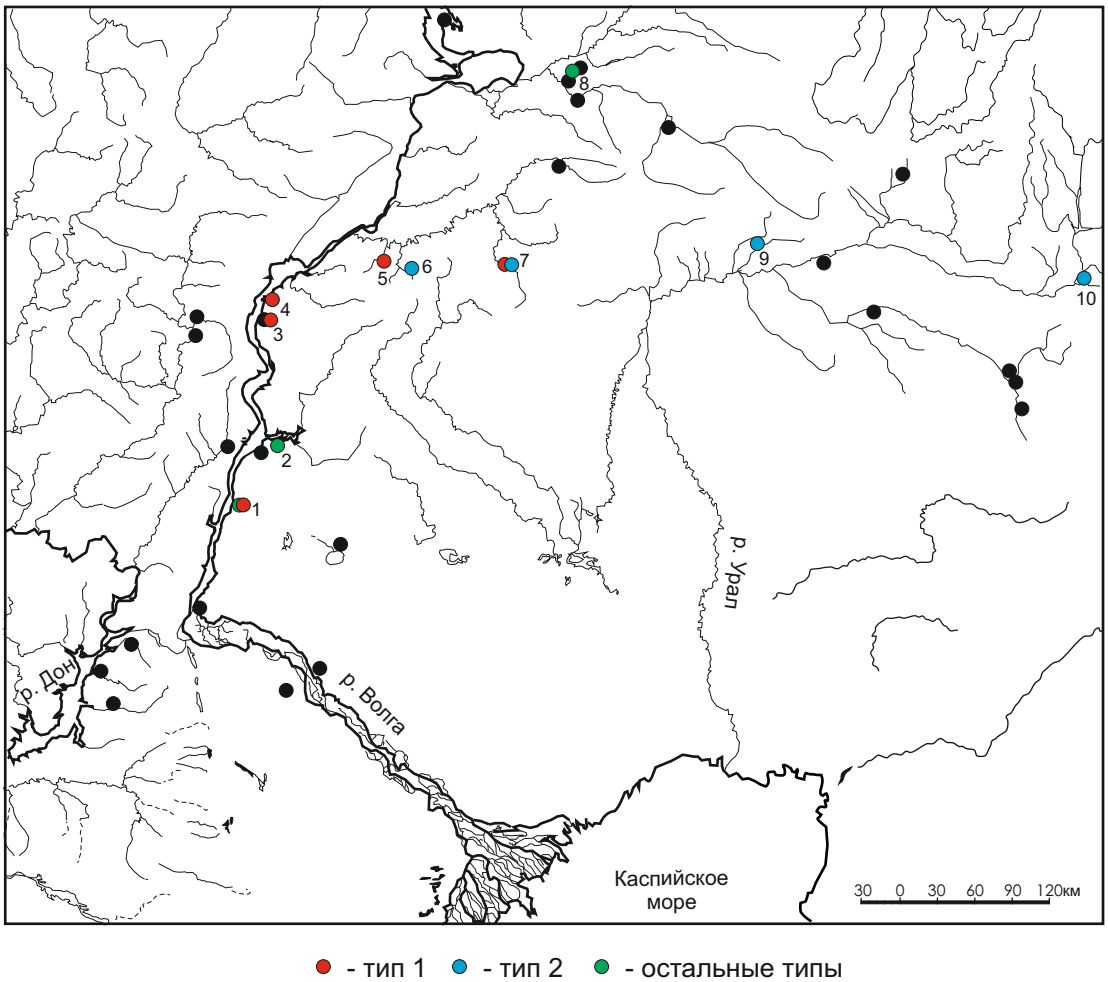

2

Илл. 149. ВУКГ. Положение рук скелетов в погребениях
1 - основные варианты; 2 - количественное соотношение комплексов с различными вариантами положения рук

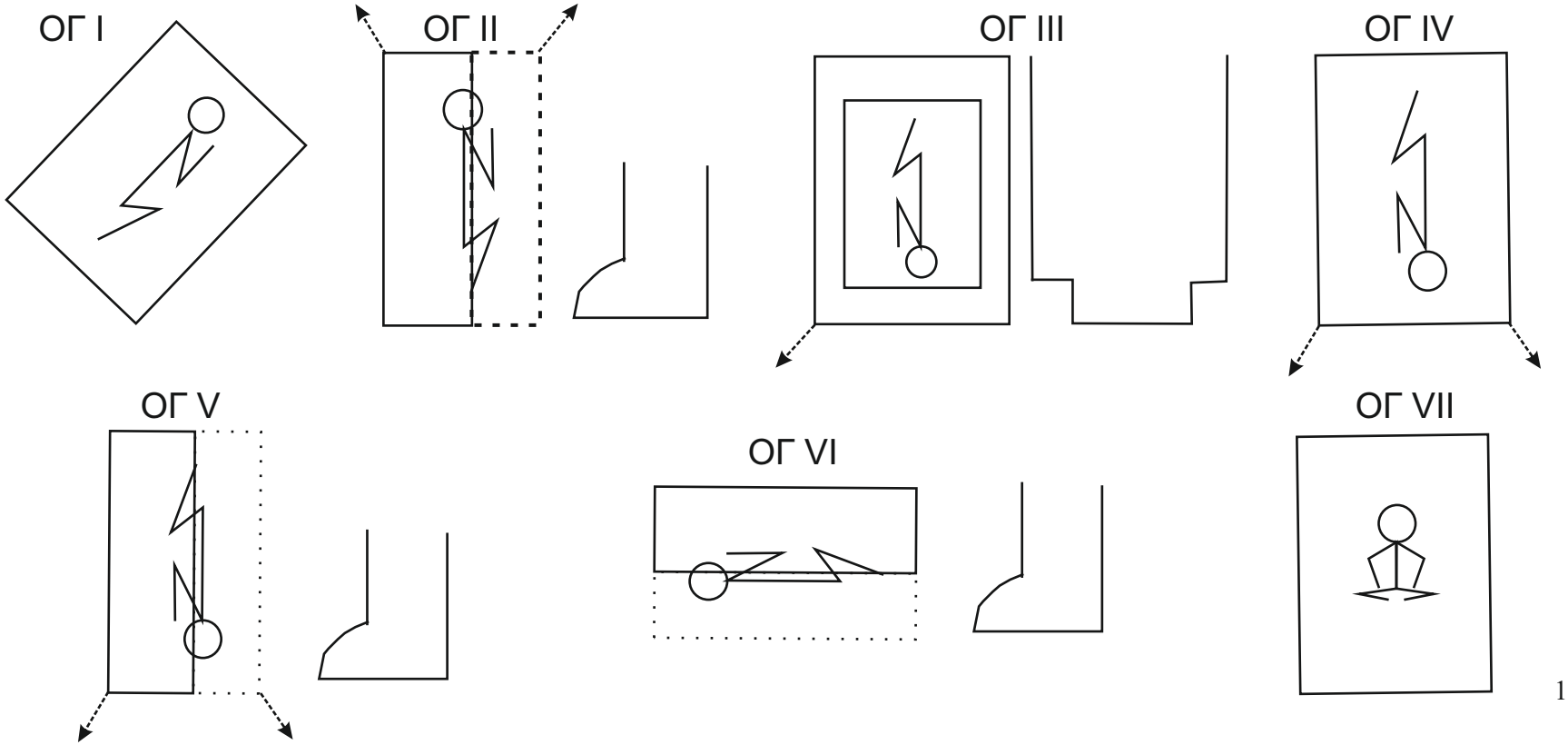

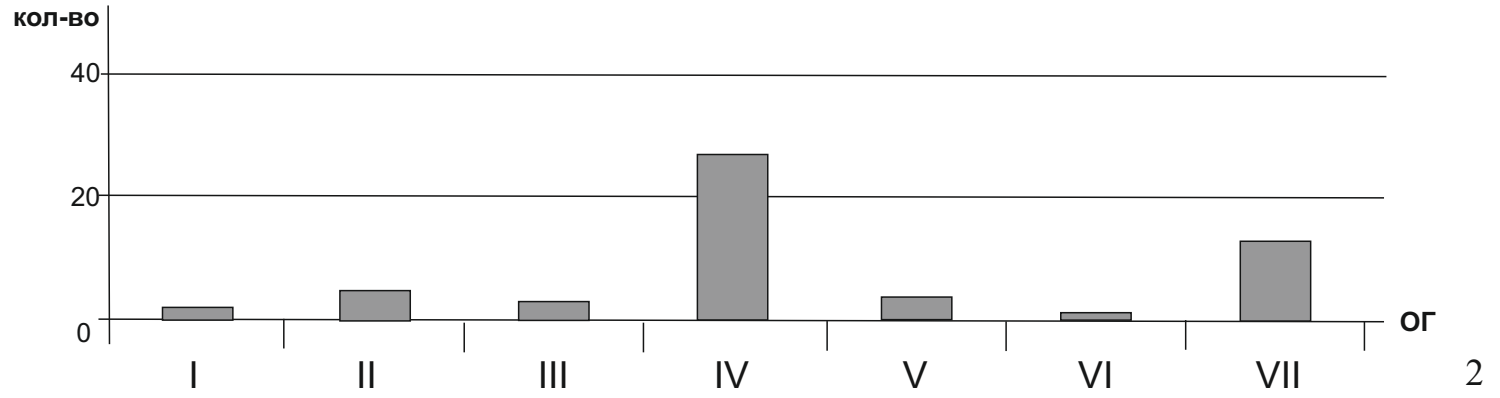
Илл. 150. ВУКГ. Аккумуляционная схема размещения костей животных в погребениях

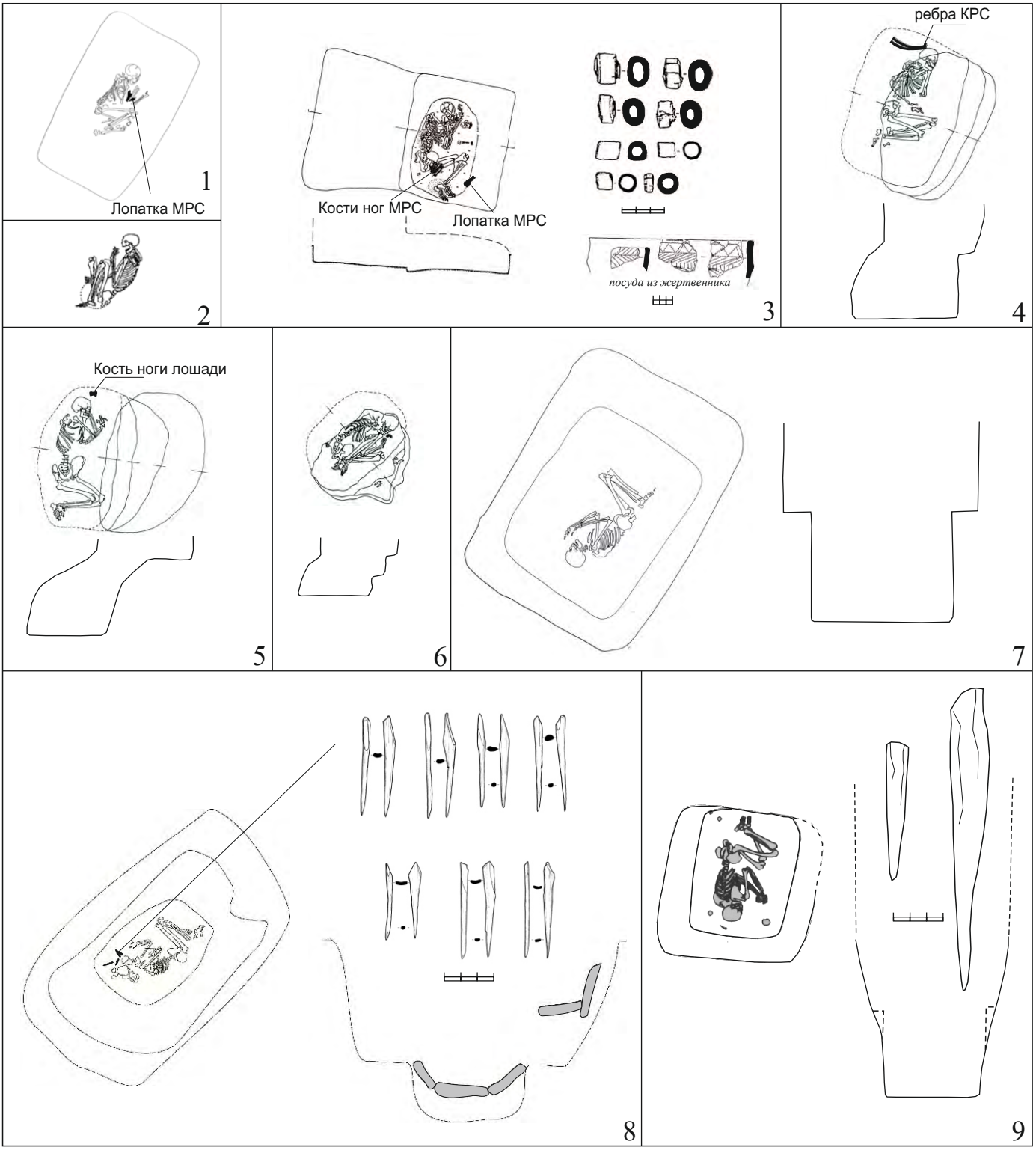
Илл. 151. ВУКГ. Распространение погребений с КЖ

1 - Быково I 15/2, 16/12; 2 - Бережновка I 14/2; 3 - Смеловка гр. мог. п. 9, 12, 20, 33, 70, 112; 4 - Шумейка 2/4; 5 - Караман 3/1; 6 - Курганная группа (14 насыпей) 12/1; 7 - Светлое Озеро 1/1; 8 - Грачевка II 5/3; 9 - Шумаево II 3/2; 10 - Новый Кумак 25/12,13,14

Илл. 152. ВУКГ. Обрядовые группы (ОГ).
1 - ОГ; 2 - количественное соотношение ОГ

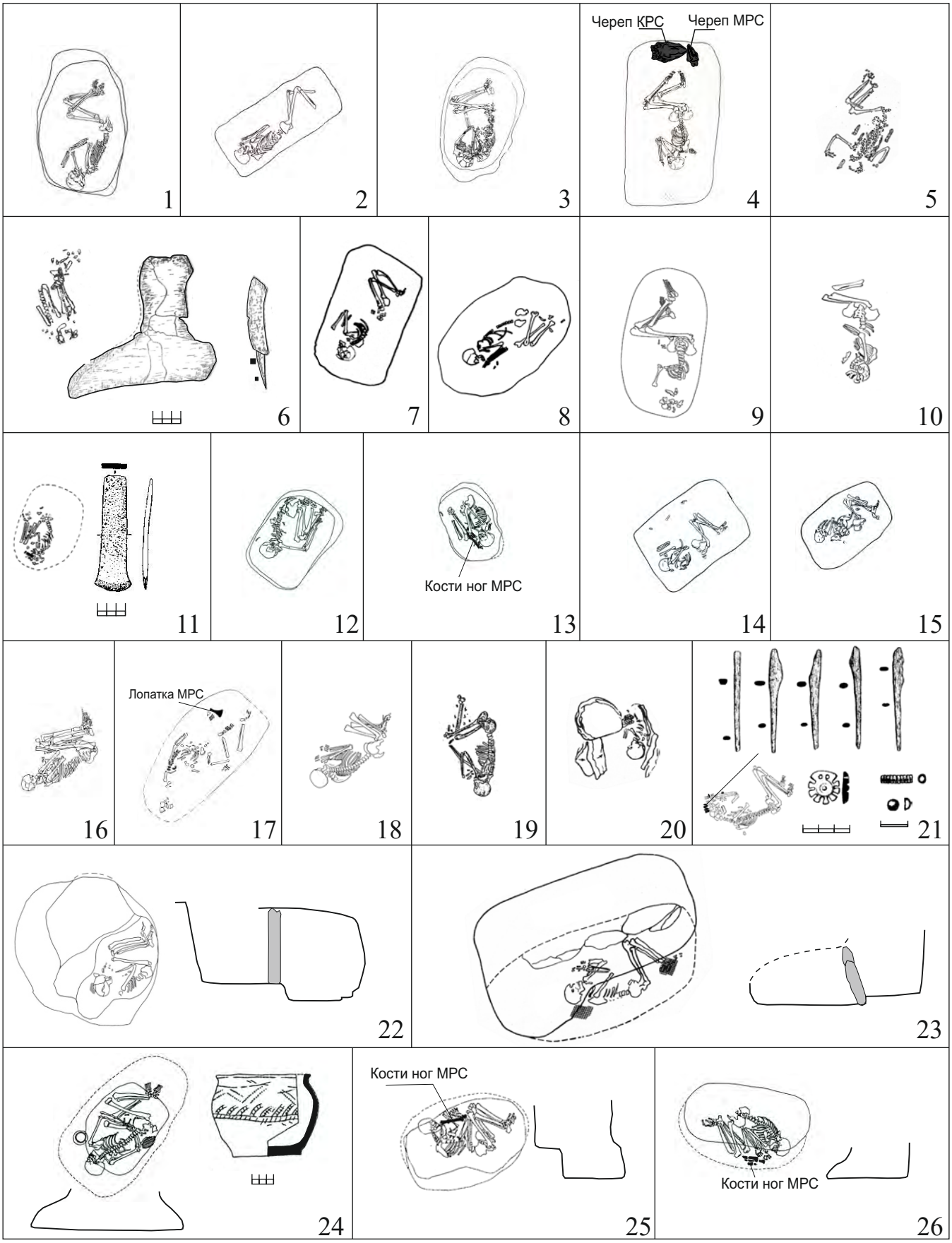

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 153. ВУКГ. Погребения ОГ I-III

1,2 - ОГ I; 3-6 - ОГ II; 7-9 - ОГ III

1 - Курганная группа (14 насыпей) 12/1; 2 - Учебный полигон п. 3; 3 - Светлое Озеро 1/1; 4 - Смеловка гр. мог. п. 9; 5 - Смеловка гр. мог. п. 12; 6 - Смеловка гр. мог. п.33; 7 - Перевозинка 2/32; 8 - Имангулово II 5/3; 9 - Заливский 1/15

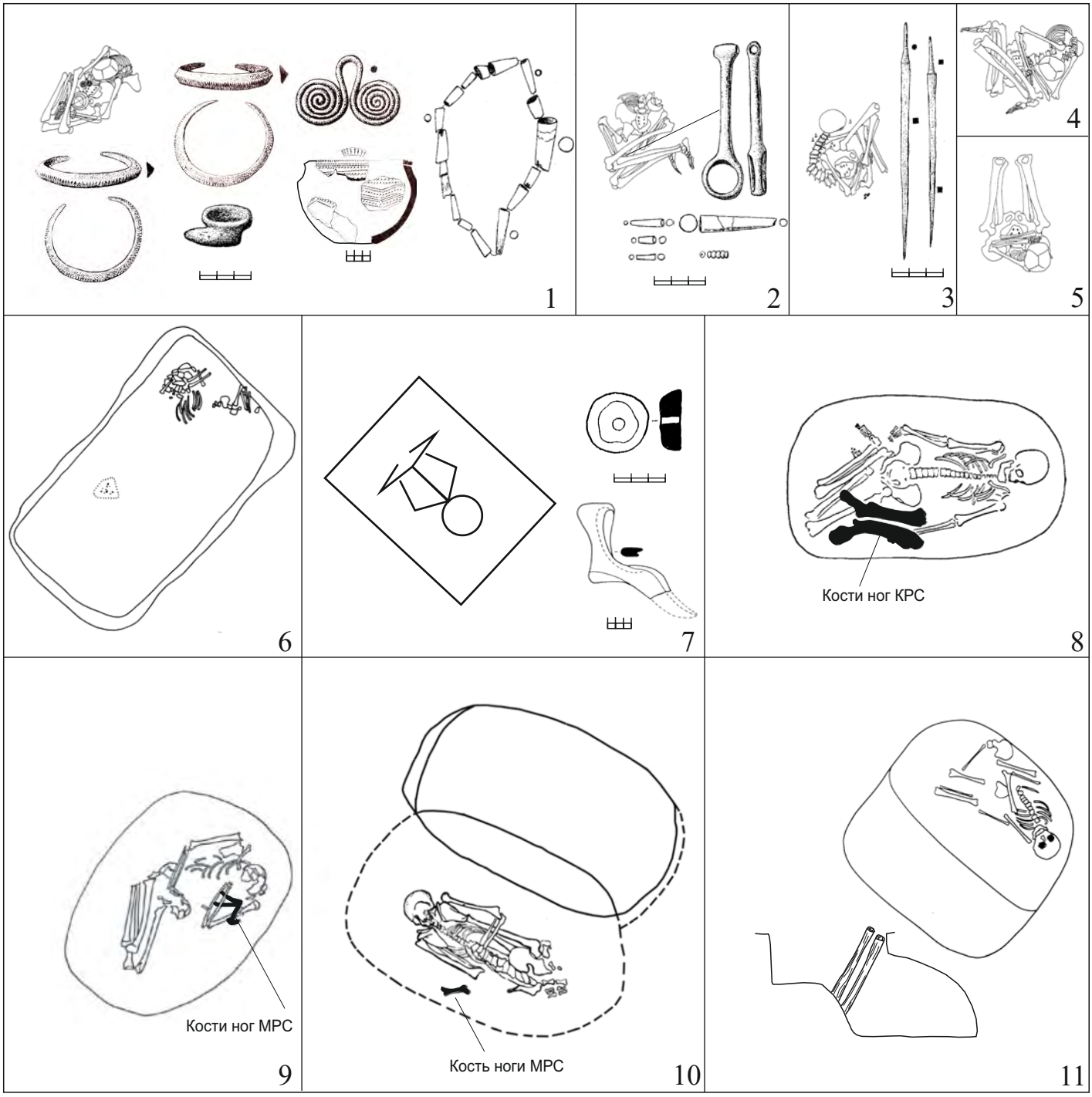

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 154. ВУКГ. Погребения ОГ IV, V

1-21 - ОГ IV; 22-26 - ОГ V

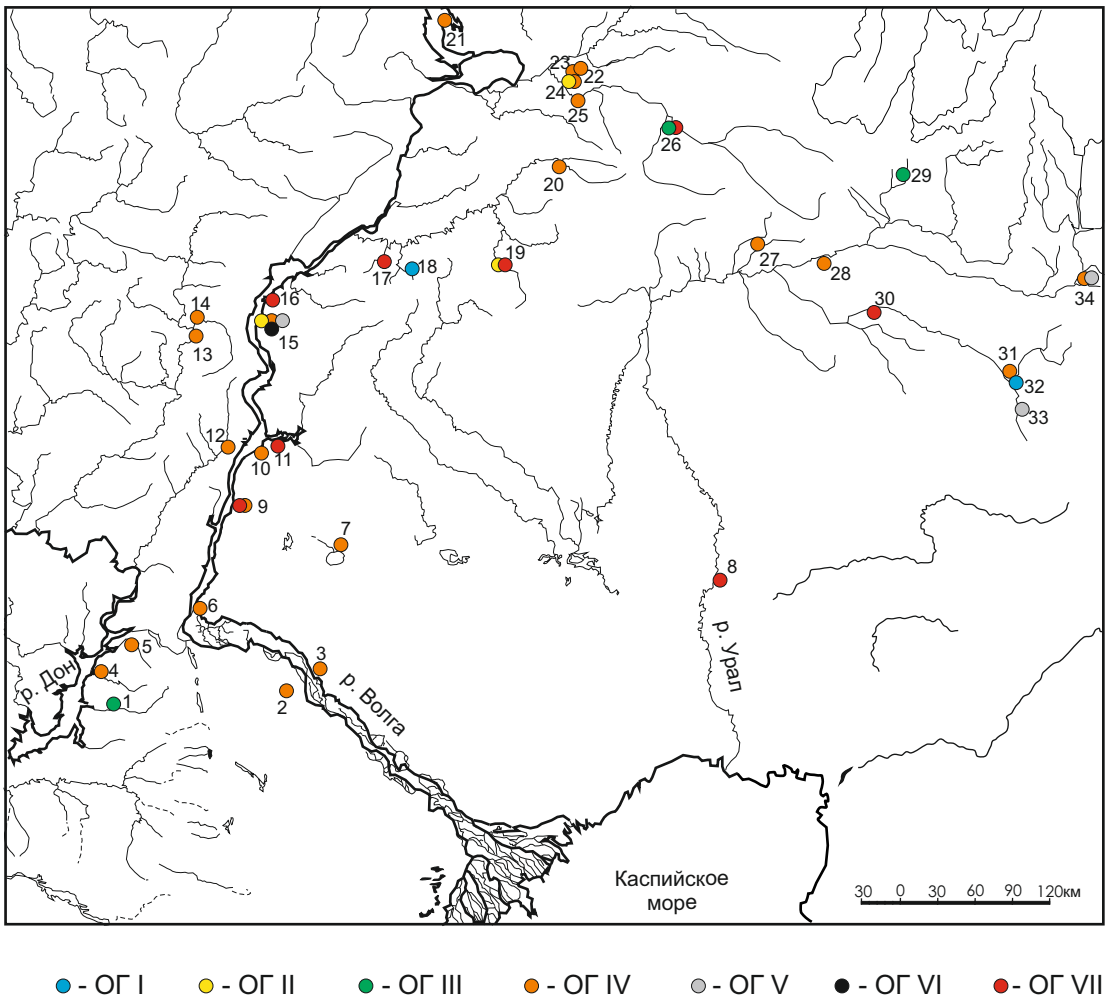
1 - Большие Копены 2 2/1; 2 - Восточно-Курайли 1 1/1; 3 - Горбатый мост 6/11; 4 - Грачевка II 5/3; 5 - Барановка I 10/4; 6 - Красносамарский I 1/2; 7 - Первомайский VIII 3/7; 8 - Первомайский X 10/1; 9 - Политотдельское-89 4/12; 10 - Пятилетка 5/1; 11 - Утевка I 1/2; 12 - Смеловка гр. мог. п. 128; 13 - Смеловка гр. мог. п.112; 14 - Хрящевка 2/1; 15 - Хрящевка 2/2; 16 - Шумаево II 6/1; 17 - Шумаево II 3/2; 18 - Политодельское II 1/2; 19 - Тихоновка од.кург./5; 20 - Новый Кумак 25/12; 21 - Красносамарский II 1/2; 22 - Щилисай II 2/2; 23 - Новый Кумак 25/14; 24 - Смеловка гр.мог. п.6; 25 - Смеловка гр. мог. п.20; 26 - Смеловка гр.мог. п.70

0 50см - масштаб для планов погребений

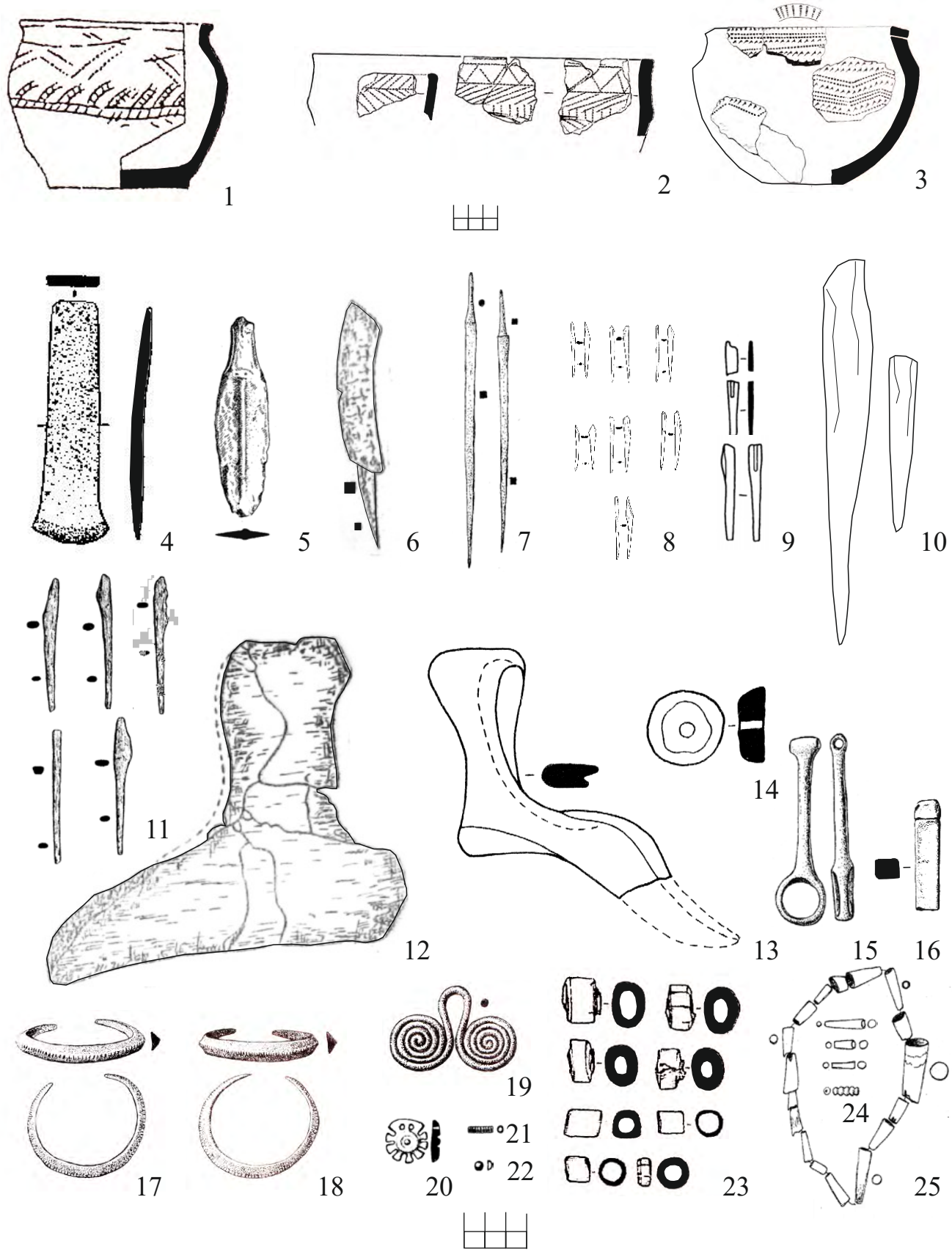
Илл. 155. ВУКГ. Погребения ОГ VII

1 - Тамар-Уткуль VII 4/5; 2 - Тамар-Уткуль VII 4/3; 3 - Тамар-Уткуль VII 4/4; 4 - Тамар-Уткуль VII 4/1; 5 - Тамар-Уткуль VII 4/2; 6 - Светлое Озеро 7/1; 7 - Мамбеталы 5/1; 8 - Бережновка I 14/2; 9 - Караман 3/1; 10 - Шумейка 2/4; 11 - Перевозинка 2/31

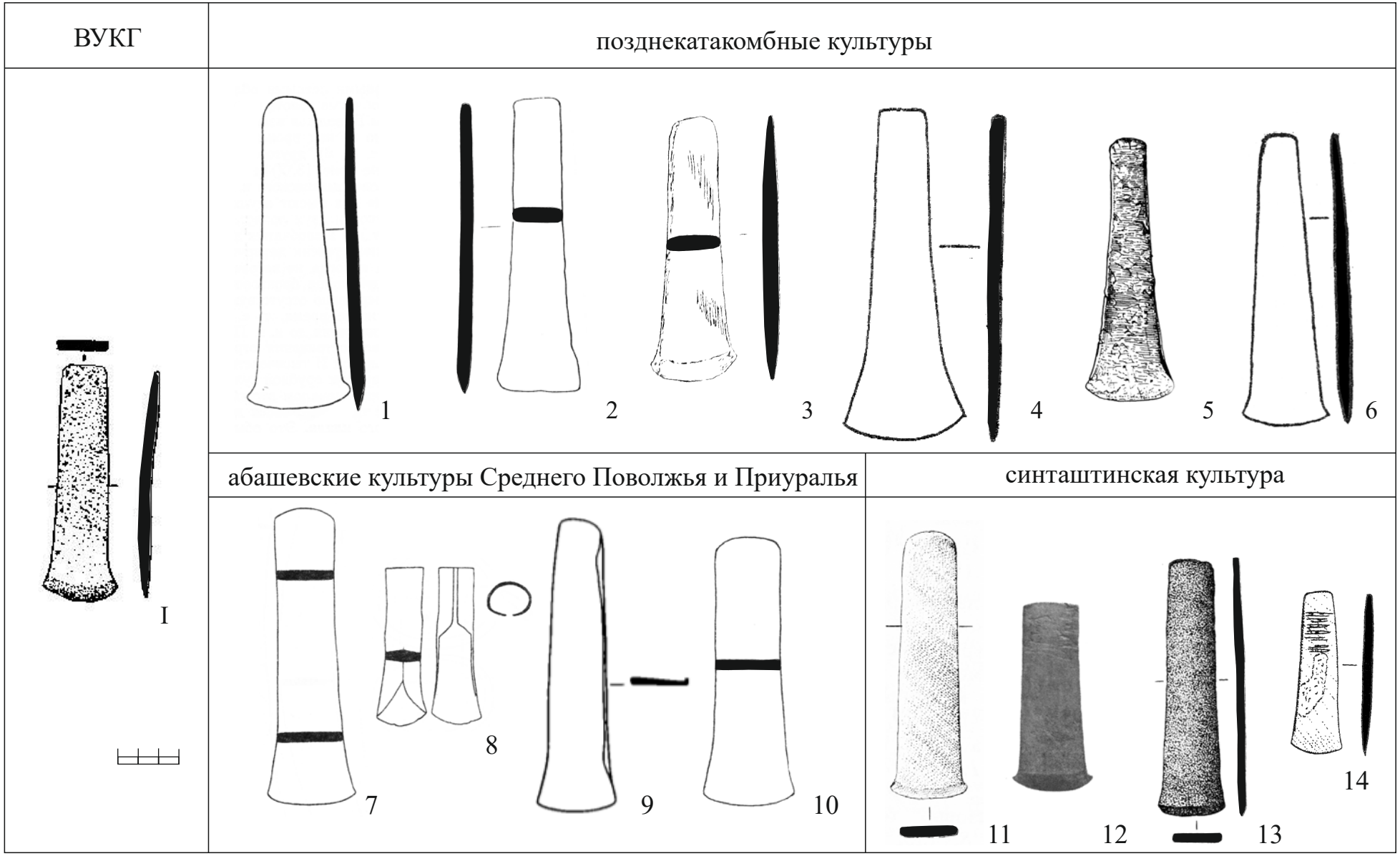
Илл. 156. ВУКГ. Распространение погребений разных ОГ.

1 - Заливский 1/15; 2 - Кривая Лука XIV 8/5; 3 - Степная IV 2/3; 4 - Первомайский VIII 3/7, X 10/1; 5 - Тихоновка од.кург./5; 6 - Волжский 2/13; 7 - Венгеловка 5/1; 8 - Мамбеталы 5/1; 9 - Быково I 15/1,2, 16/12; 10 - Политотдельское 2/1, 12/18, Политотдельское II 1/2, Политотдельское-89 4/12; 11 - Бережновка I 14/2; 12 - Барановка I 10/4; 13 - Большие Копены 2/1; 14 - Горбатый мост 6/11; 15 - Смеловка гр. мог. п. 6, 9, 12, 20, 33, 70, 112, 128; 16 - Шумейка 2/4; 17 - Караман 3/1; 18 - Курганная группа (14 насыпей) 12/1; 19 - Светлое Озеро 1/1, 7/1; 20 - Журавлиха 1/10; 21 - Хрящевка 2/1, 2/2; 22 - Кутулук III 1/1; 23 - Грачевка II 5/3; 24 - Красносамарский I 1/2, II 1/2; 25 - Утевка I 1/2; 26 - Перевозинка 2/31,32; 27 - Шумаево II 3/2, 6/1; 28 - Пятилетка 5/1; 29 - Имангулово II 5/3; 30 - Тамар-Уткуль VII 4/1-5; 31 - Восточно-Курайли 1 1/1; 32 - Учебный полигон п. 3; 33 - Щилисай II 2/2; 34 - Новый Кумак 25/12,13,14

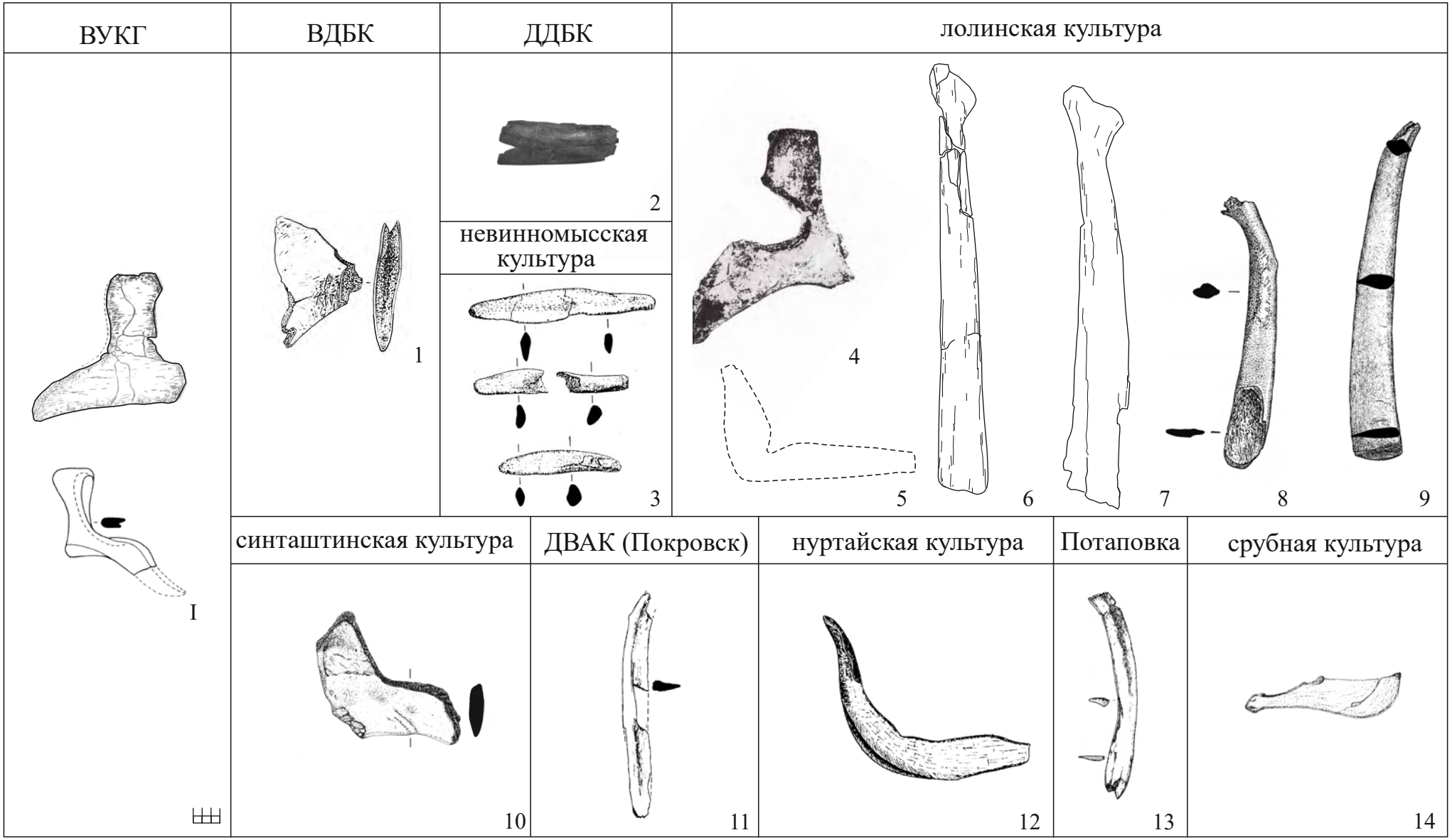
Илл. 157. ВУКГ. Инвентарь

1 - Смеловка гр. мог. п. 6; 2,23 - Светлое Озеро 1/1; 3,17,18,19,25 - Тамар-Уткуль VII 4/5; 4 - Утевка I 1/2; 5 - Быково I 15/2; 6,12 - Красносамарский I 1/2; 7 - Тамар-Уткуль VII 4/4; 8 - Имангулово II 5/3; 9 - Венгеловка 5/1; 10 - Заливский 1/15; 11,20-22 - Красносамарский II 1/2; 13,14 - Мамбеталы 5/1; 16 - Быково I 15/1; 15,24 - Тамар-Уткуль VII 4/3

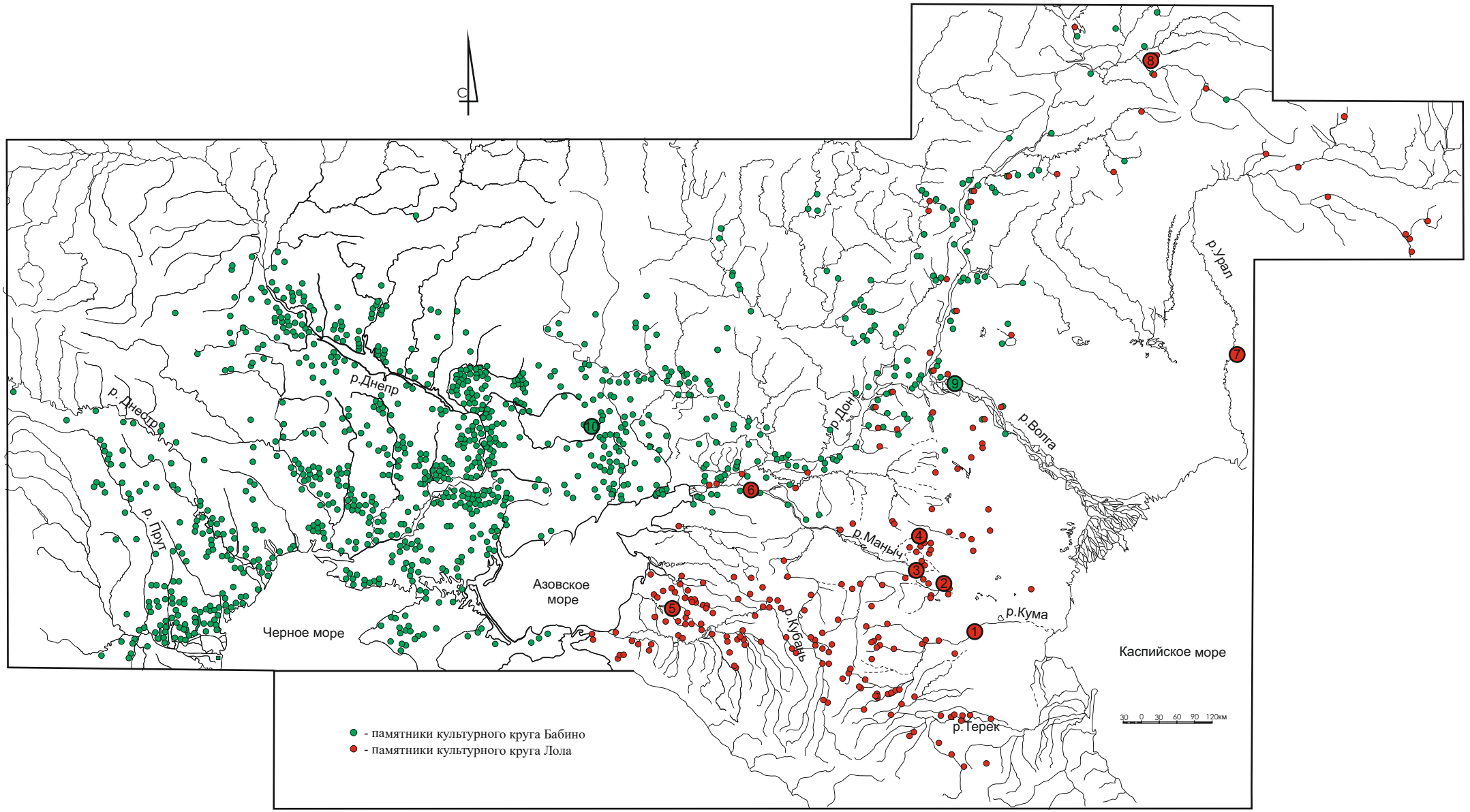
Илл. 158. ВУКГ. Бронзовое тесло и сопоставительные материалы

1 - Царицын 1/2; 2 - Ергени 10/2; 3 - Жаман-Каргала 1 1/7; 4 - Кнышевка; 5 - Шахаевский I 1/10; 6 - Северный I 1/1; 7 - Верхнекизильский клад; 8 - клад у Долгой горы; 9 - Никифоровское лесничество п.7; 10 - Русско-Тангирово; 11 - Синташта CI/14; 12 - Новый Кумак 25/8; 13 - Кривое Озеро 9/1; 14 - Каменный Амбар 5 2/6

Илл. 159. ВУКГ. Костяные тупики-струги и сопоставительные материалы из погребальных комплексов

1 - Царев 66/1; 2 - Калиново 1/8; 3 - Малаи II 1/16; 4 - Колдыри 24/3; 5 - Элиста 6/4; 6 - Зимняя Ставка 1 6/10; 7 - Зимняя Ставка 1 6/11; 8 - Шарахалсун 5 14/1; 9 - Манджикины 1 9/1; 10 - Каменый Амбар 5 к.2; 11 - Селезни 2 1/1; 12 - Нуртай 6/14; 13 - Потаповка 3/4; 14 - Лабазы к. 6

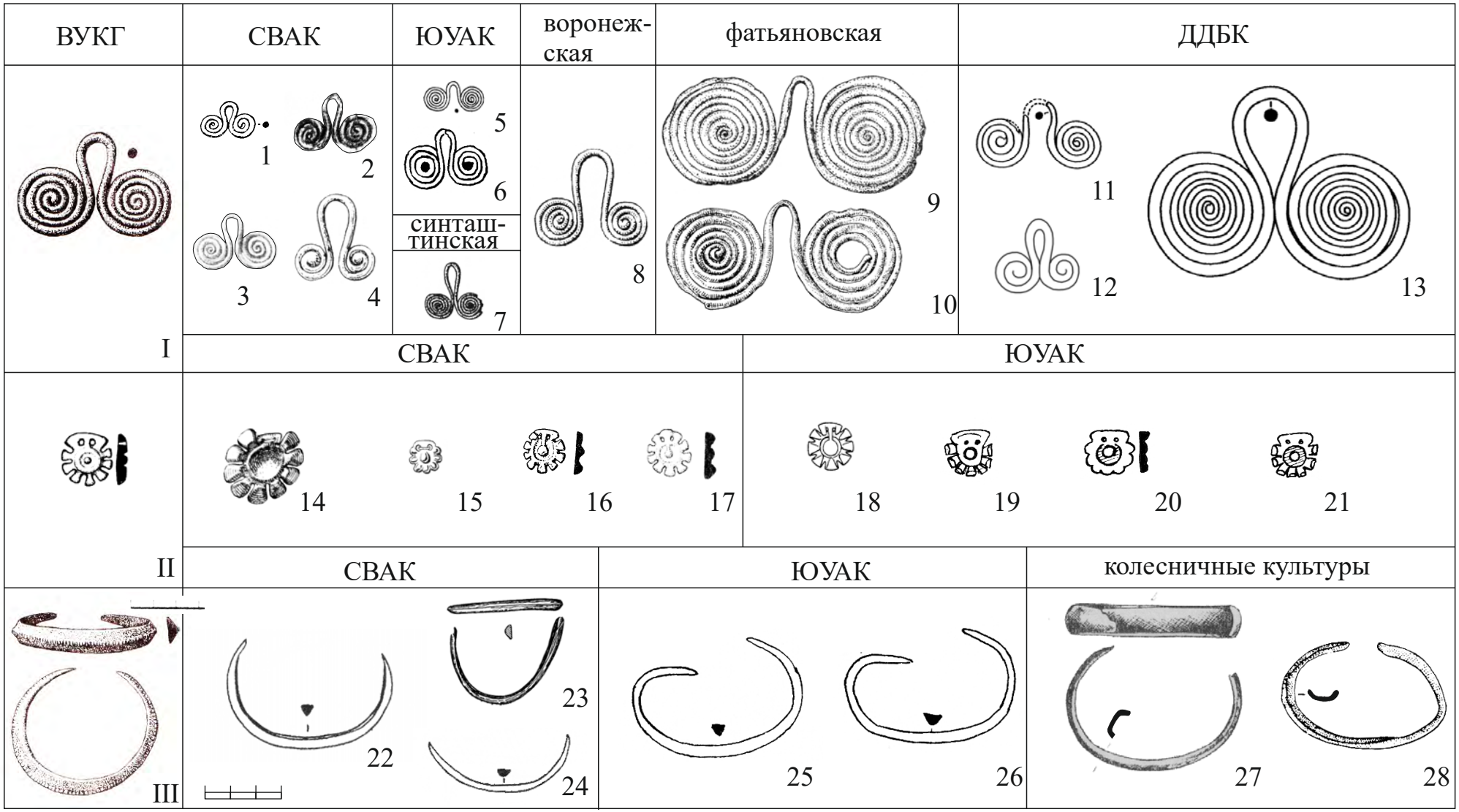
Илл. 160. ВУКГ. Находки крупных костяных кожевенных орудий (тупиков и стругов) в погребениях блока посткатакомбных культурных образований

1 - Зимняя Ставка 1 6/10,11; 2 - Манджикины 1 9/1; 3 - Шарахалсун 5 14/1; 4 - Элиста 6/4; 5 - Малаи II 1/16; 6 - Колдыри 24/3; 7 - Мамбеталы 5/1; 8 - Красносамарский I 1/2; 9 - Царев 66/1; 10 - Калиново 1/8

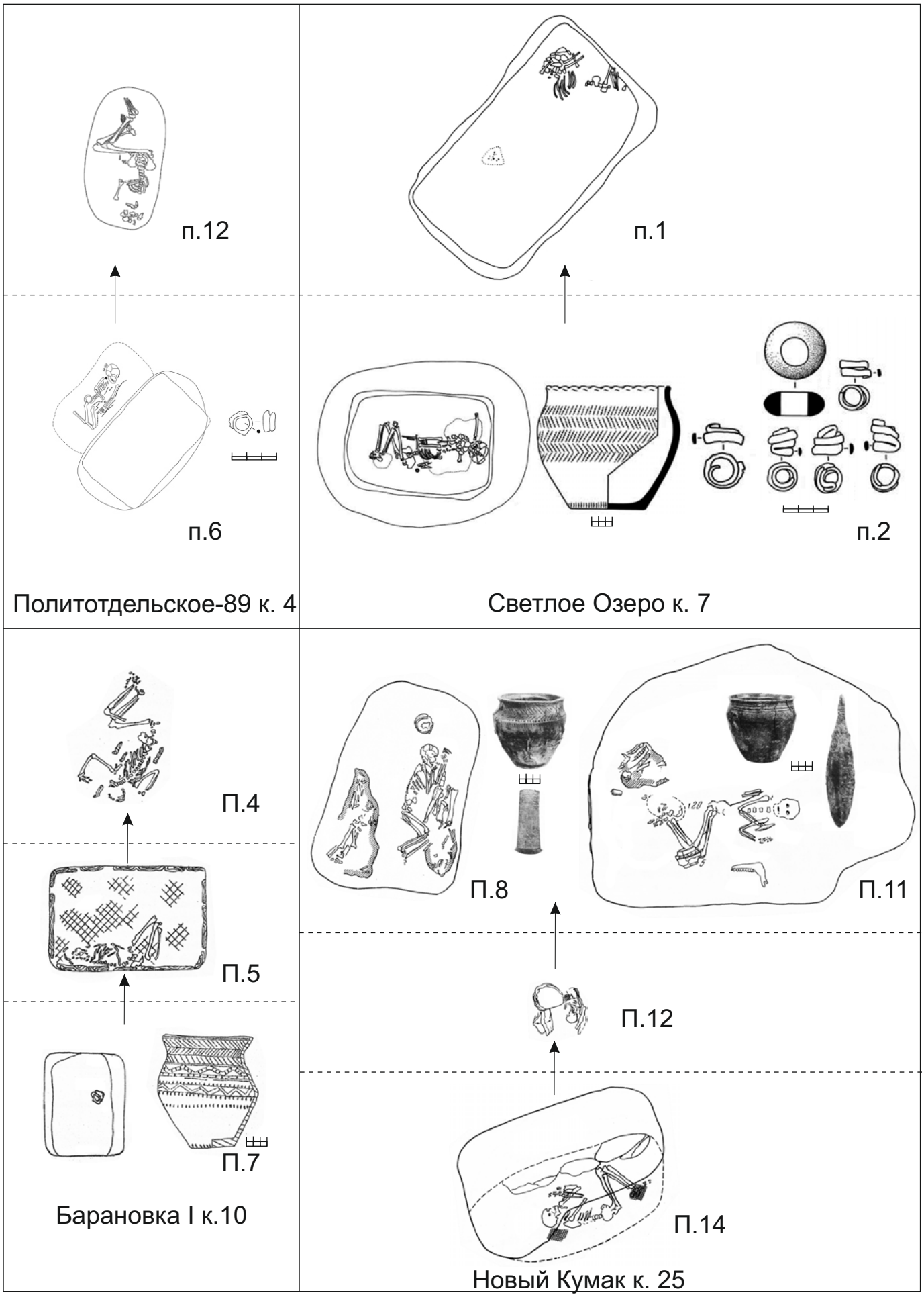
Илл. 161. ВУКГ. Поясная пряжка и сопоставительные материалы

1 - Ильинский 1 1/6; 2 - Ипатово 3 2/13; 3 - Типки I 2/4; 4 - Кривая Лука XXI 1/9; 5,6 - Гатын-Кале п.7; 7 - Гатын-Кале п.30; 8 - Гинчи склеп 2; 9 - Донифарс п.4 (б/м); 10 - соор. 58 пос. Ханлар; 11 - Ханлар 18/1; 12 - Нуртай курган 22 ограда Г; 13 - Ливенцовская крепость п.6; 14 - Алгаши 1/1; 15 - Stanton Harcourt; 16 - Jablonec; 17 - Prag-Libeň; 18 - Mühlhausen; 19 - Schönfeld; 20 - Groß Ammensleben; 21 - Vahldorf; 22 - Melton; 23 - Výčapy-Opatovce; 24 - Троя II

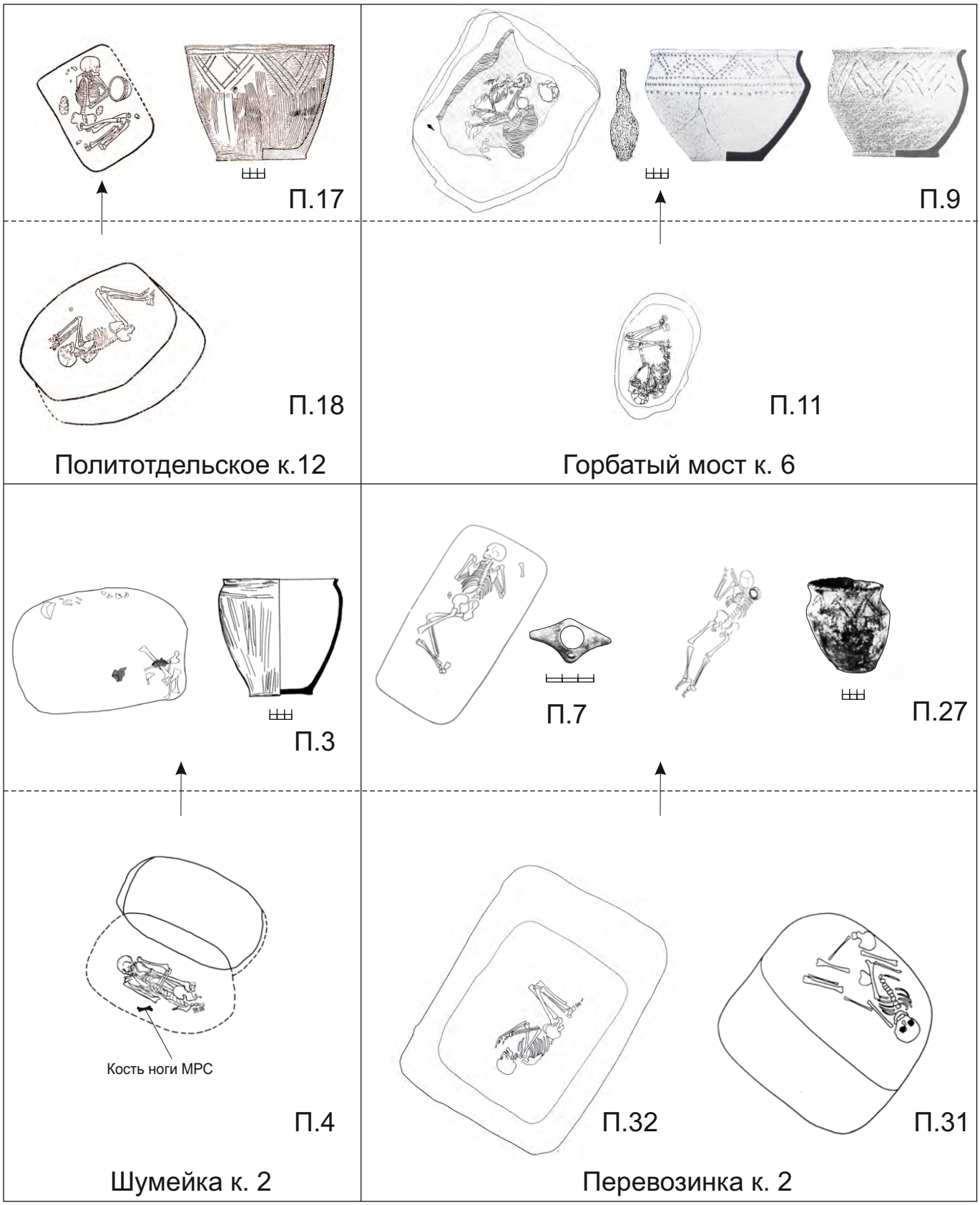

Илл. 162. ВУКГ. Бронзовые украшения и сопоставительные материалы

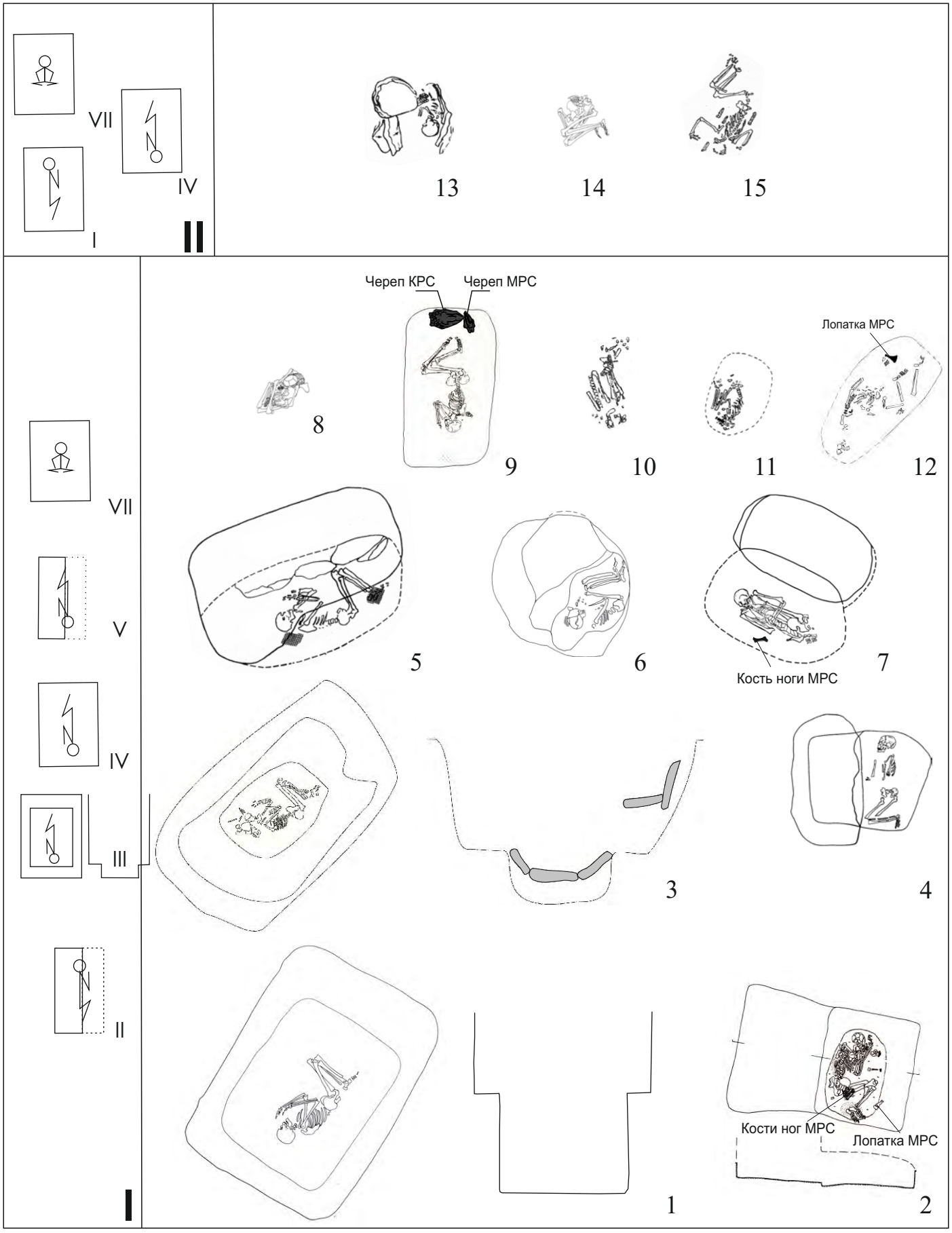
1 - Виловатский II 17/8; 2 - Тауш-Касы 2/2; 3,11 - Алгаши 1/3; 4 - Виловатский II 7/11; 5,14 - Верхнекизильский клад; 6 - Старо-Ябалаклинский к. 73; 7 - Кривое Озеро 10/14; 8 - Хохольский 1/1; 9 - Волосово-Даниловский п. 73; 10 - Никульцинский могильник; 11 - Чикмари II 1/4; 12 - Ново-Филипповка 2/4; 13 - Шахтерск 8/2; 14 - Пепкинский курган; 15 - Тапшерский 1/1; 16 - Виловатский II 14/1; 17 - Никифоровское лесничество п/м; 18 - Старо-Ябалаклинский к. 73; 19 - Чукраклинский к.18; 20 - III Красногорский к.9; 21 - Юкалекулево 1/1; 22 - Пеленгер I 26/3; 23 - Кухмарский к.15; 24 - Пеленгер I 26/2; 25,26 - Юкалекулево 1/2; 27 - Потаповский 3/8; 28 - Синташта CI/12

Илл. 163. ВУКГ. Стратиграфическое соотношение погребений ВУКГ с захоронениями ВДКК, ДДБК и синташтинской культуры

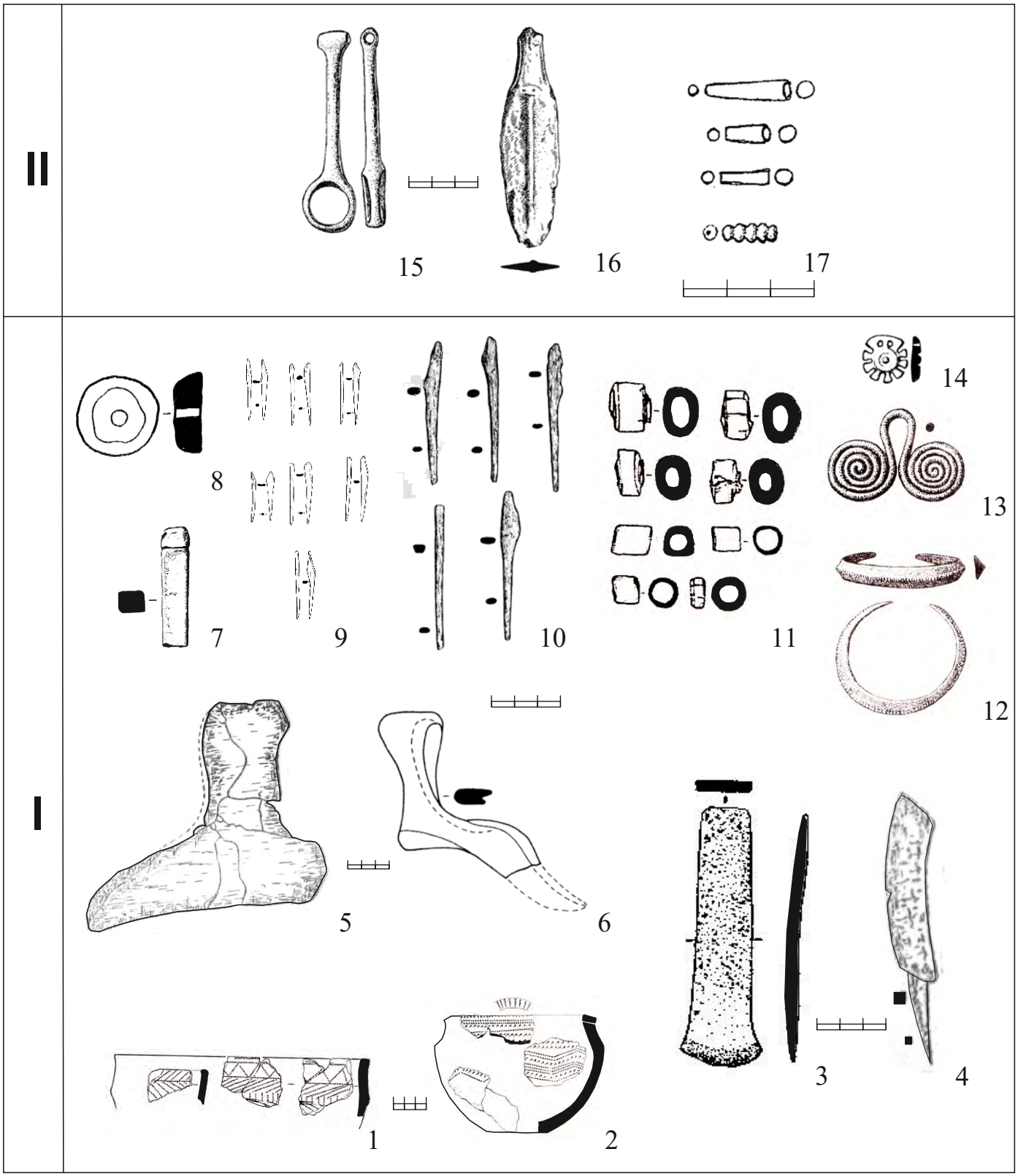

Илл. 164. ВУКГ. Стратиграфическое соотношение погребений ВУКГ с покровскими и срубными захоронениями

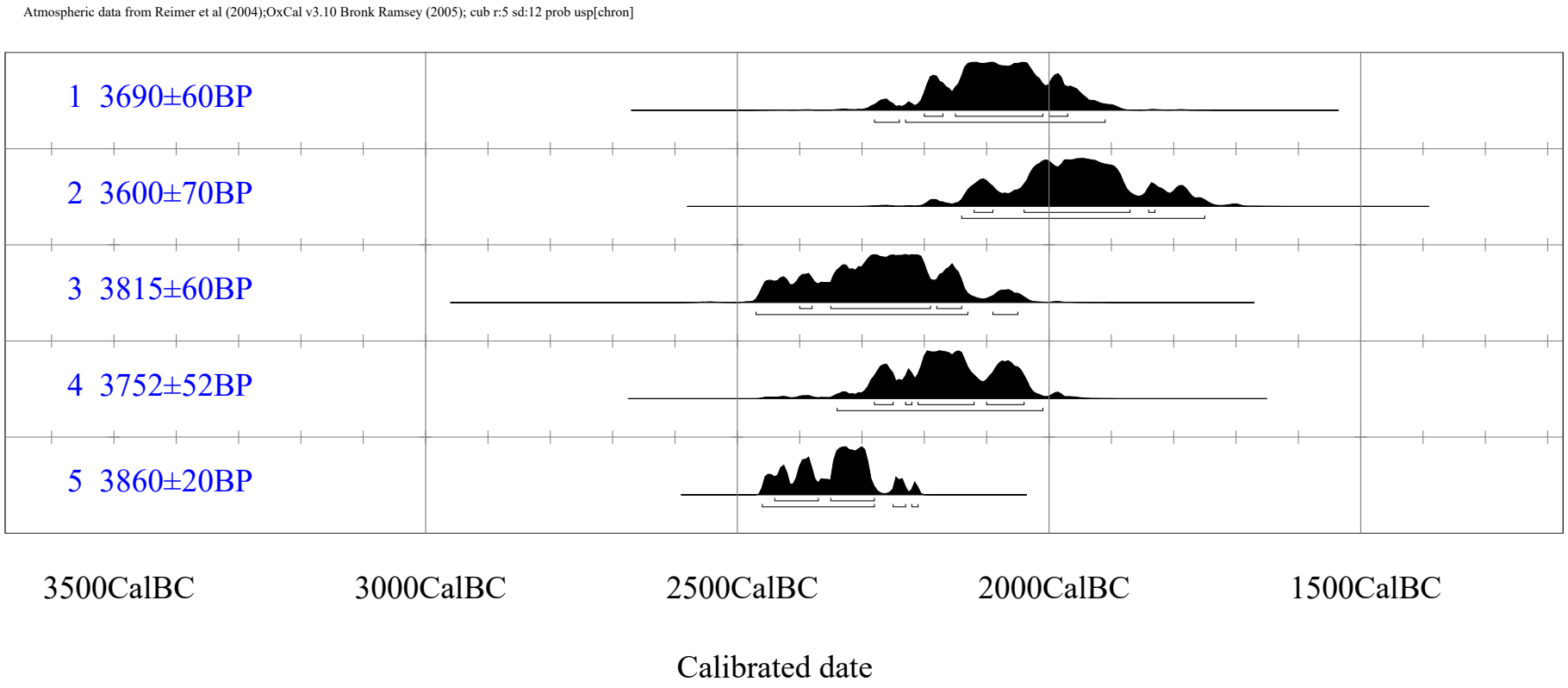
Илл. 165. ВУКГ. Периодизация. Обряд

1 - Перевозинка 2/32; 2 - Светлое Озеро 1/1; 3 - Имангулово II 5/3; 4 - Красносамарский IV 2/3; 5 - Новый Кумак 25/14; 6 - Щилисай II 2/2; 7 - Шумейка 2/4; 8 - Тамар-Уткуль VII 4/5; 9 - Грачевка II 5/3; 10 - Красносамарский I 1/2; 11- Утевка I 1/2; 12 - Шумаево II 3/2; 13 - Новый Кумак 25/12; 14 - Тамар-Уткуль VII 4/3; 15 - Барановка I 10/4

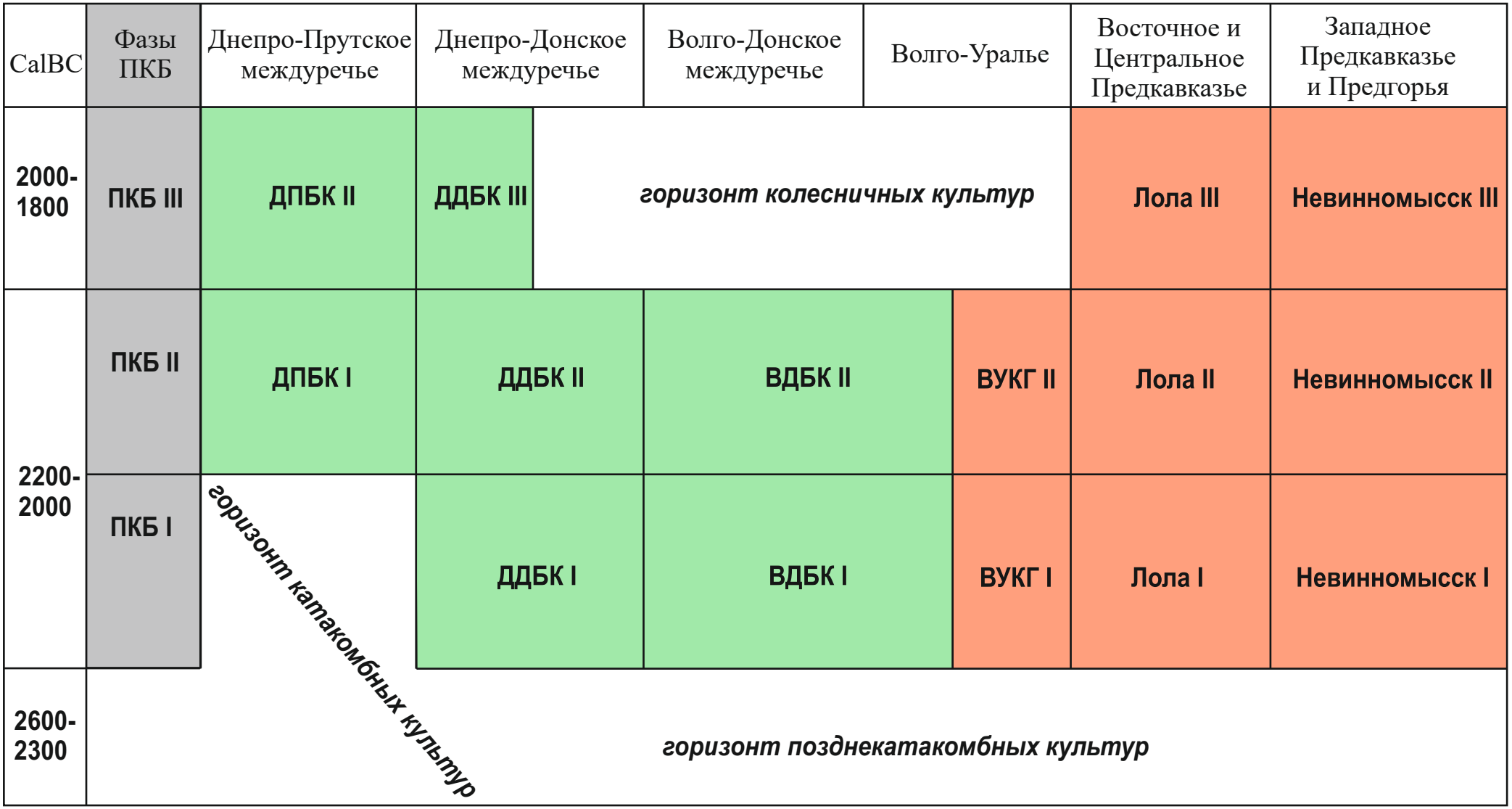

Илл. 166. ВУКГ. Периодизация. Инвентарь

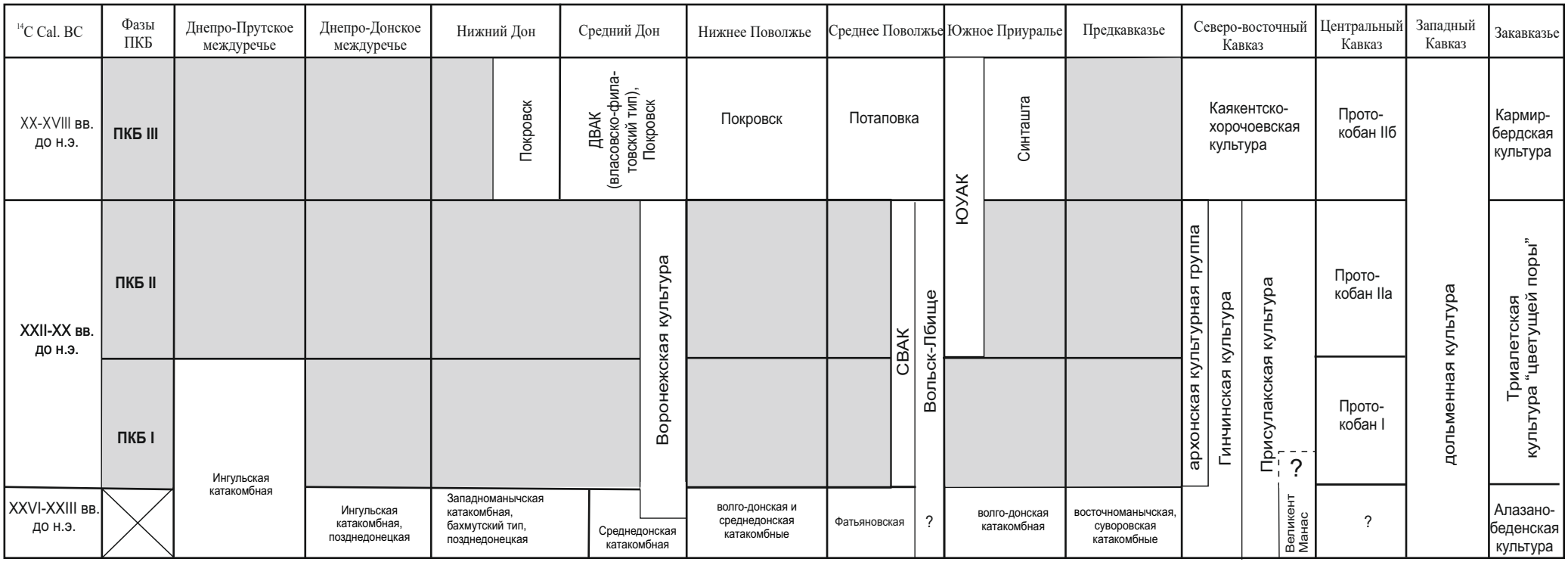
1,11 - Светлое Озеро 1/1; 2,12,13 - Тамар-Уткуль VII 4/5; 3 - Утевка I 1/2; 4.5 - Красносамарский I 1/2; 6,8 - Мамбеталы 5/1; 7 - Быково I 15/1; 9 - Имангулово II 5/3; 10,14 - Красносамарский II 1/2; 15,17 - Тамар-Уткуль VII 4/3; 16 - Быково I 15/2

Илл. 167. ВУКГ. Радиоуглеродные даты
(нумерация дана в соответствии с табл. 6.3)

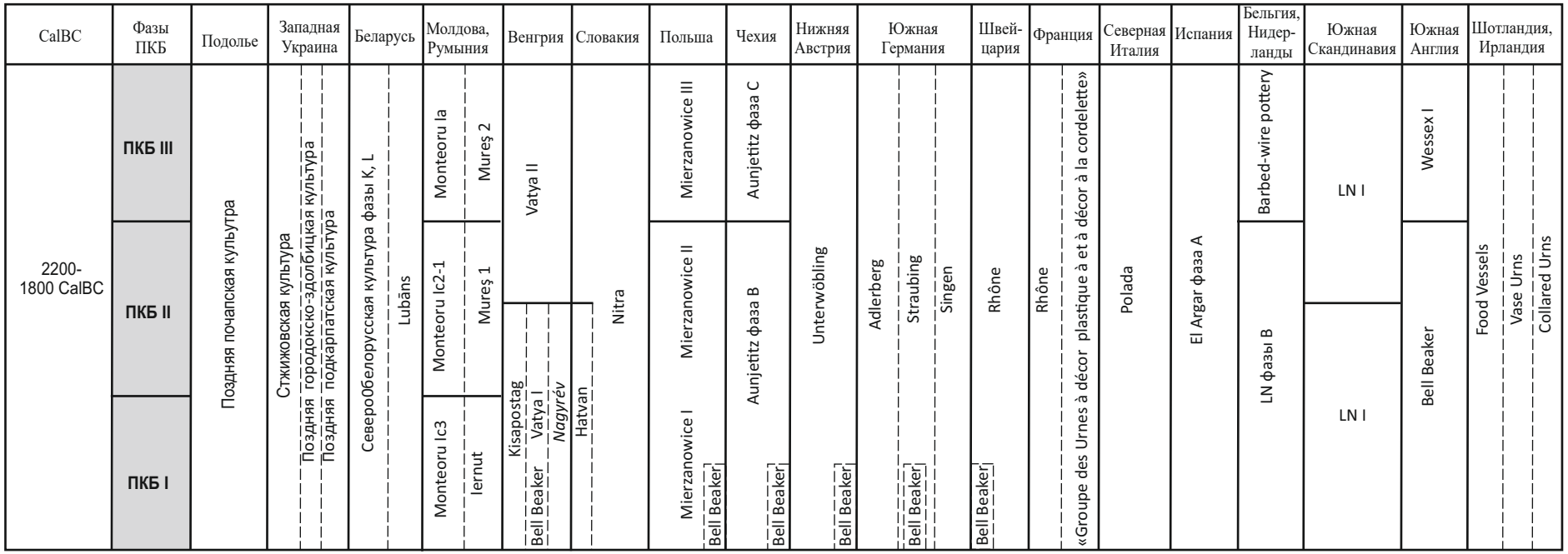

Илл. 168. Хронология. Синхронистическая таблица.
Хронологическое соотношение посткатакомбных культурных образований

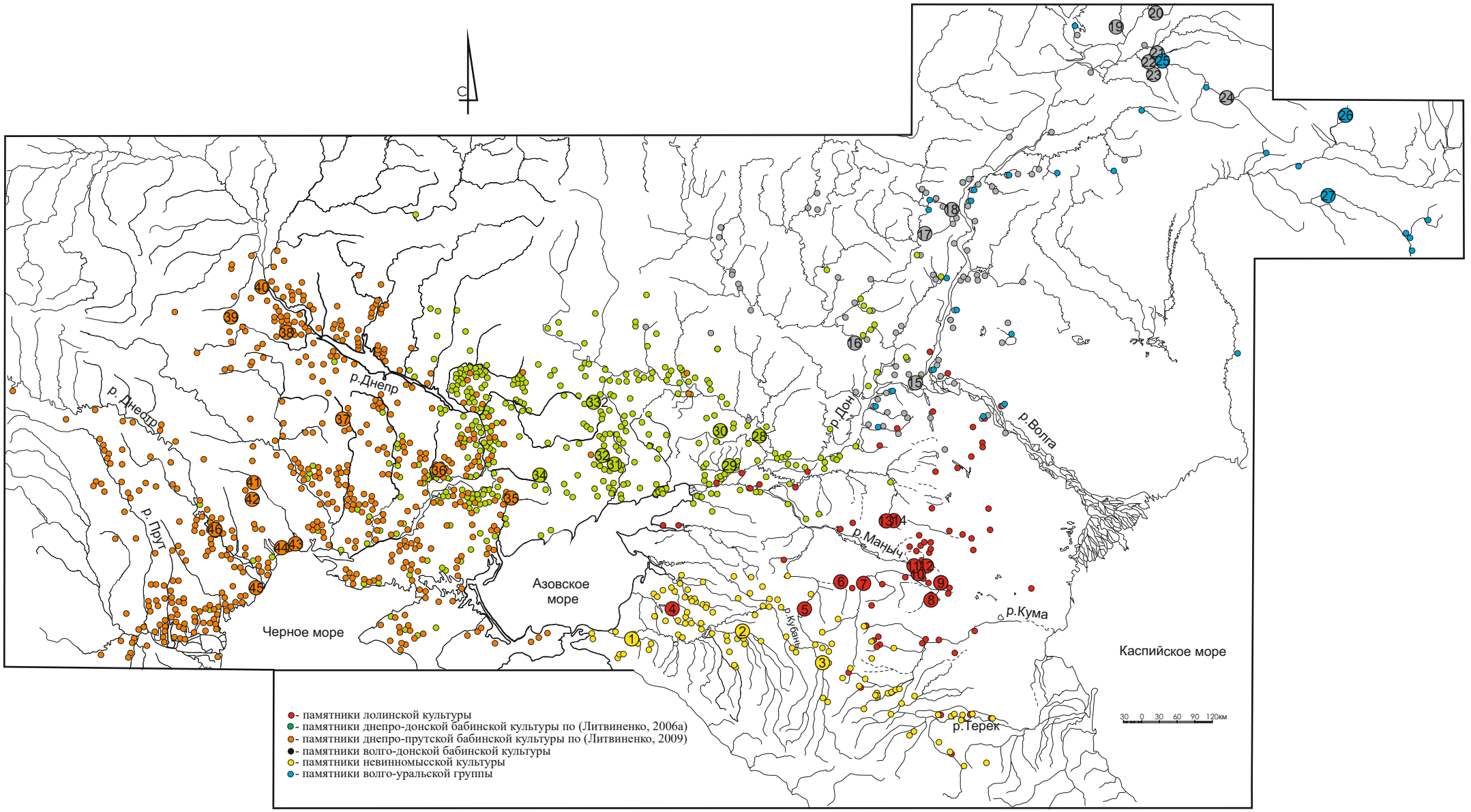

- хронологическая ниша блока посткатакомбных культурных образований

Илл. 169. Хронология. Синхронистическая таблица. Хронологическая позиция блока посткатакомбных культурных образований в системе древностей конца средней - начала поздней бронзы восточноевропейской степи - лесостепи и Кавказа

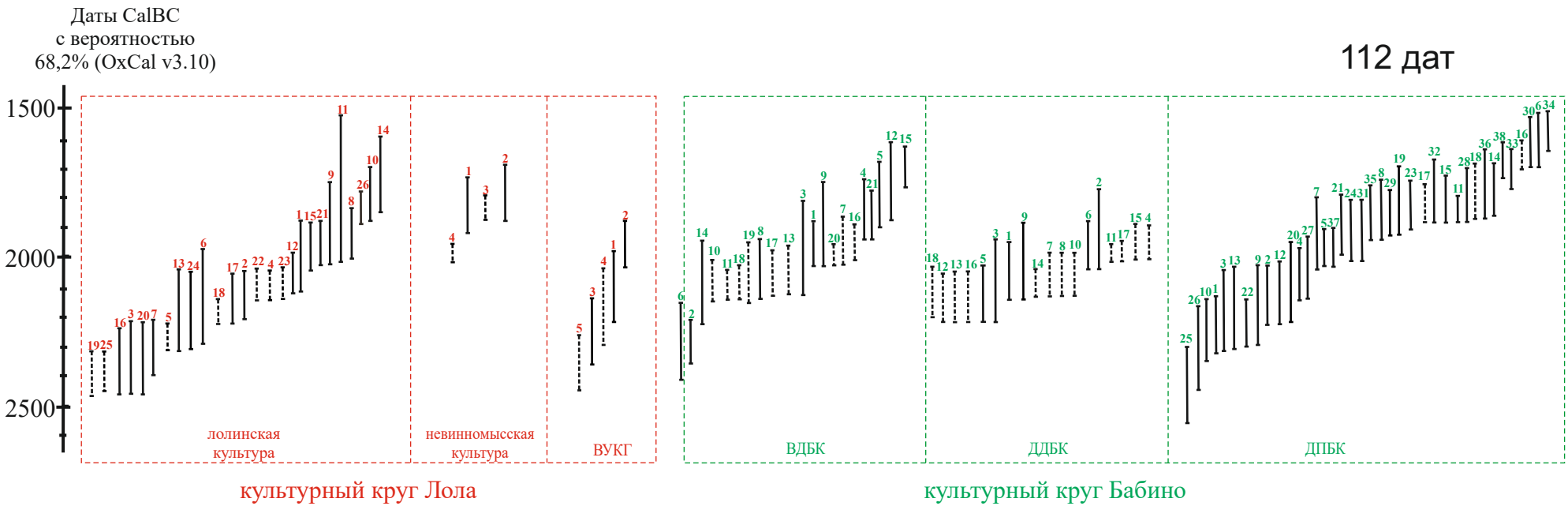

Илл. 170. Хронология. Синхронистическая таблица.
Хронологическая позиция блока посткатакомбных культурных образований в системе европейской хронологии

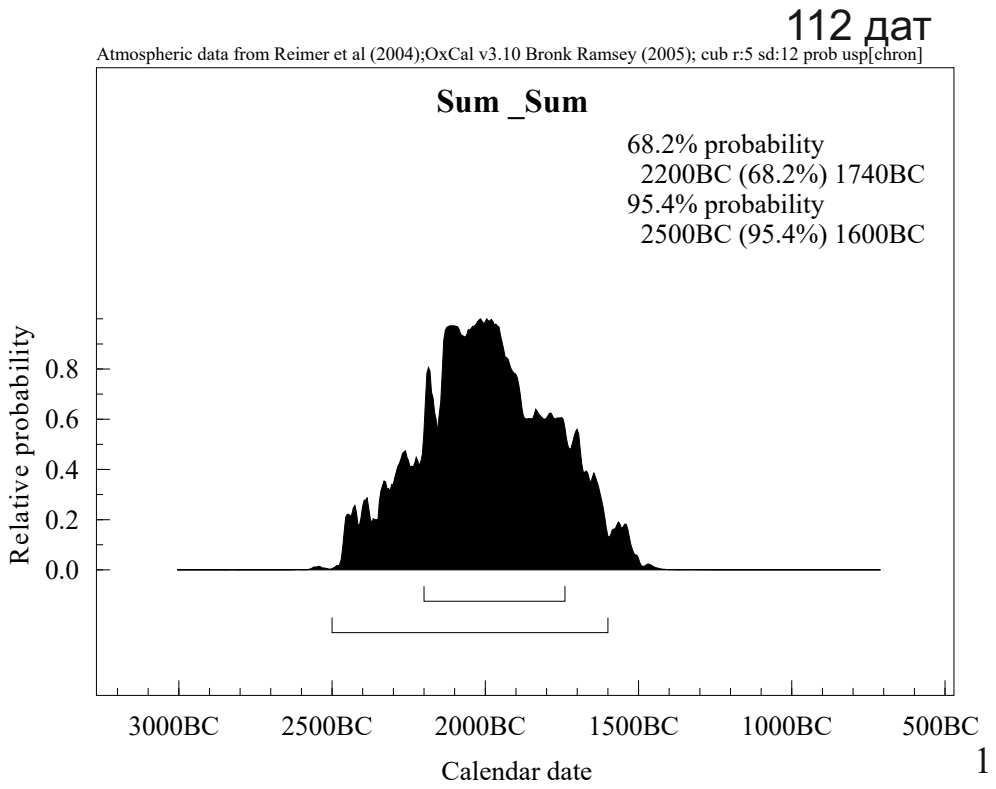
Илл. 171. Хронология. Территория блока посткатакомбных культурных образований и пункты ^{14}C данными

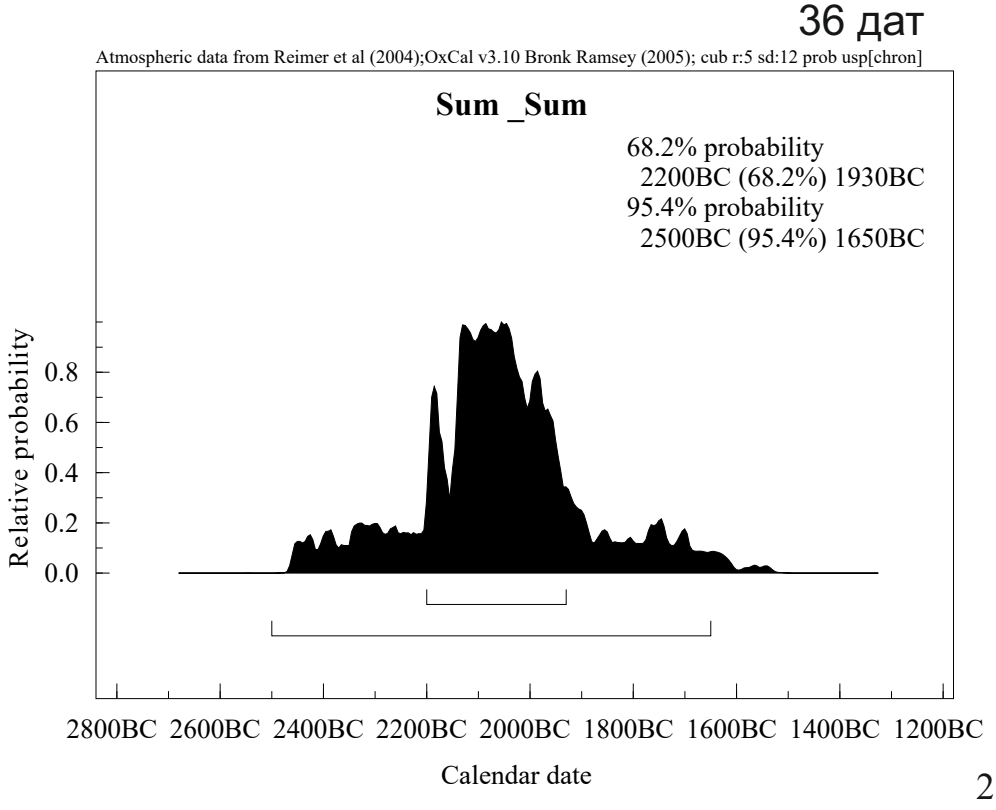
1 - Адагум 1 7/3; 2 - Садовый 4/10; 3 - Невинномысский 3 6/5; 4 - Малаи I 4/4; 5 - Ильинский 1 1/6; 6 - Золотаревка 1 23/1; 7 - Ипатово 3 2/13; 8 - Чограй VIII 34/1; 9 - Манджикины 1 3/4, 4/1, 5/6, 9/1; 10 - Типки 1 2/4; 11 - Островной 6/8,9, 7/7, 3/39; 12 - Кевюды 1 3/5; 13 - Песчаный V 14/3; 14 - Темрта I 2/7; 15 - Ворошиловский участок 1/4; 16 - Евстратовский II 3/2, 4/3; 17 - Линево 6/6, 8/2; 18 - Паницкое 6 4/3; 19 - Николаевка 3 3/4, 5/1; 20 - Калиновский 1/4; 21 - Грачевка I 1/1, II 10/1; 22 - Красносамарский IV 3/10; 23 - Утевка V 4/1; 24 - Скворцовка 5/3; 25 - Грачевка II 5/3; 26 - Имангулово II 5/3; 27 - Тамар-Уткуль VII 4/5; 28 - Ясиновский III од.кург./6,10,13,19, соор.; 29 - Чеботарев III 2/5; 30 - Бургуста 1 к. 5 п. 11; 31 - Хомуш-Оба 2/8; 32 - Викторовка 1/1; 33 - Мариенфельд 2/3; 34 - Пологи 1/2; 35 - Виноградное 3/39; 36 - Черная Могила 3/17; 37 - Сугоклейская Могила п.3,4,25; 38 - Мироновка 7/1, 8/5; 39 - Малоповецкое 3 п.25; 40 - Великая Бугаевка п.109; 41 - Любаша п.9; 42 - Ревова 3/14; 43 - Сычавка 1/18,21; 44 - Вапнярка 4/6; 45 - Аккембетский курган п.11,15,16; 46 - ДОТ 3/8, Сад 1/2,7,13,16,20,27, Водовод 2/2,5,8,10,11, 9/1, 15/1, Клин 1/3,6

- даты посткатакомбных культурных образований, выполненные жидкостным сцинтилляционным методом (Ki, ИГАН/IGAN, Ле/Le, ГИН/GIN, SPb)
- AMS-даты (GrA/Gr, AA, Poz, KIA, $IGAN_{AMS}$, MAMS, D-AMS, PSUAMS)
- культурный круг Лола
- культурный круг Бабино

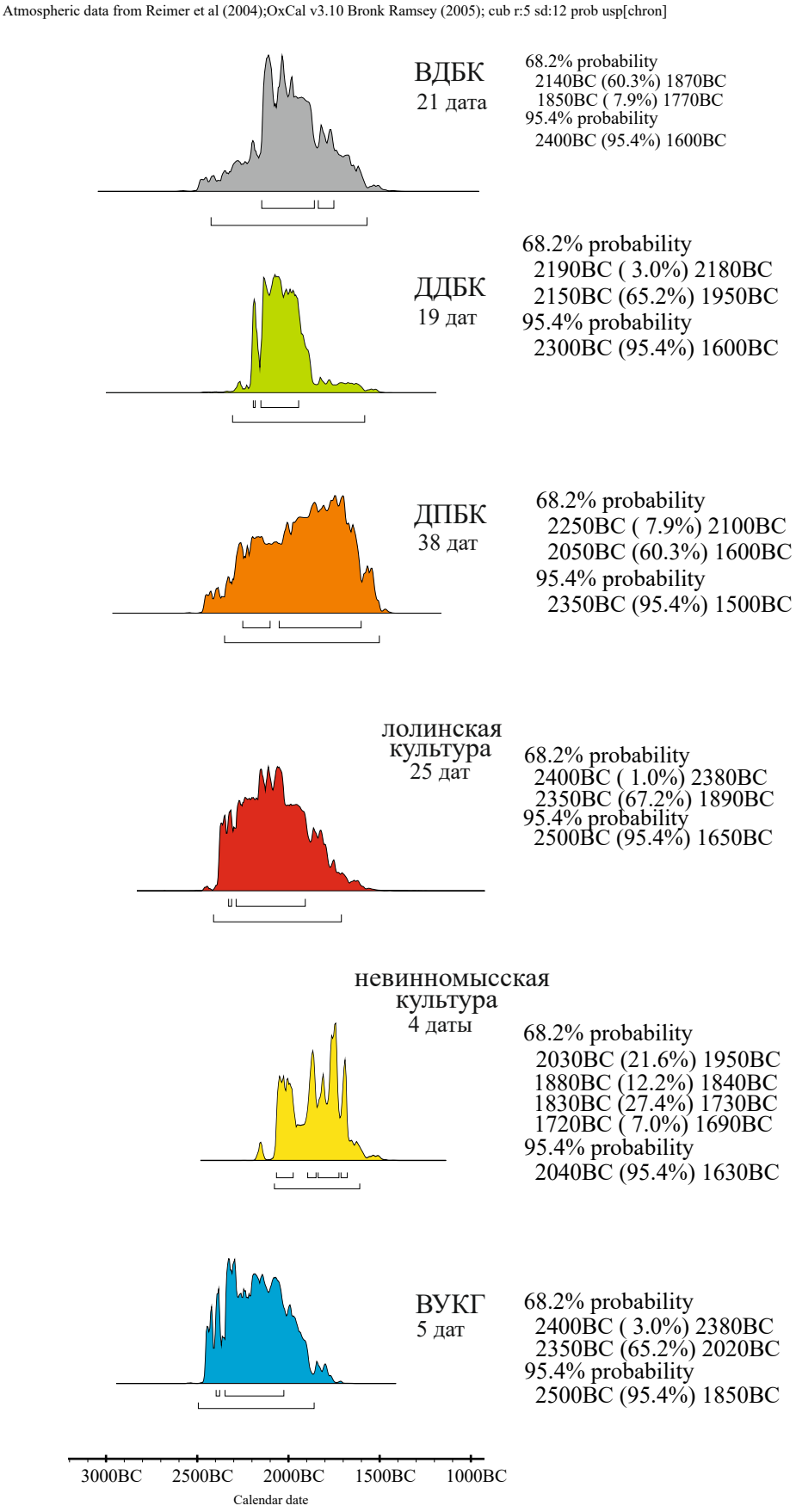
Илл. 172. Хронология. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований (нумерация по табл. 6.1-6.6)

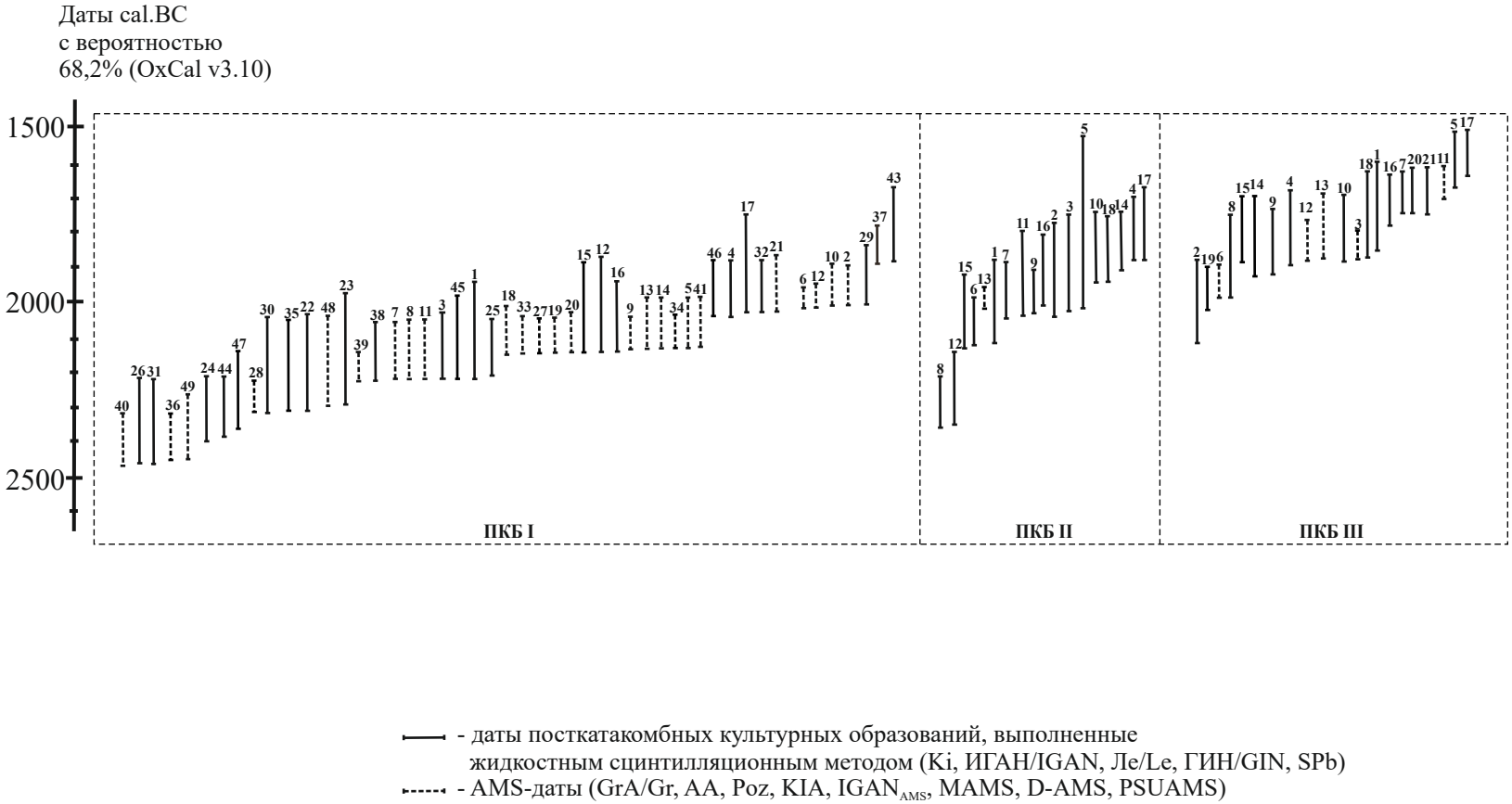

Илл. 173. Хронология. Результаты суммирования (sum_probability) радиоуглеродных дат блока посткатакомбных культурных образований

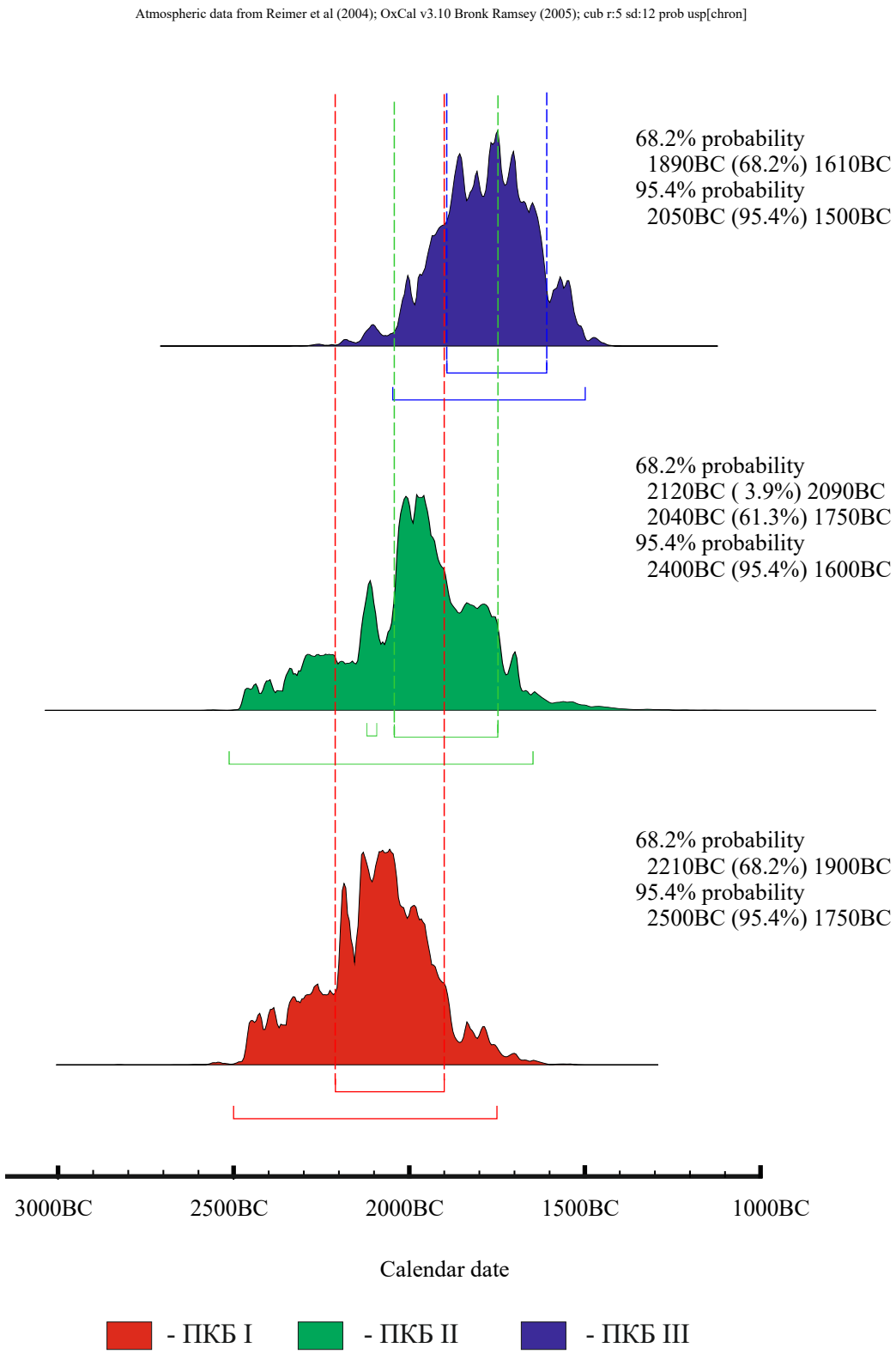
1 – результаты суммирования всех ^{14}C данных; 2 – результаты суммирования только AMS-дат

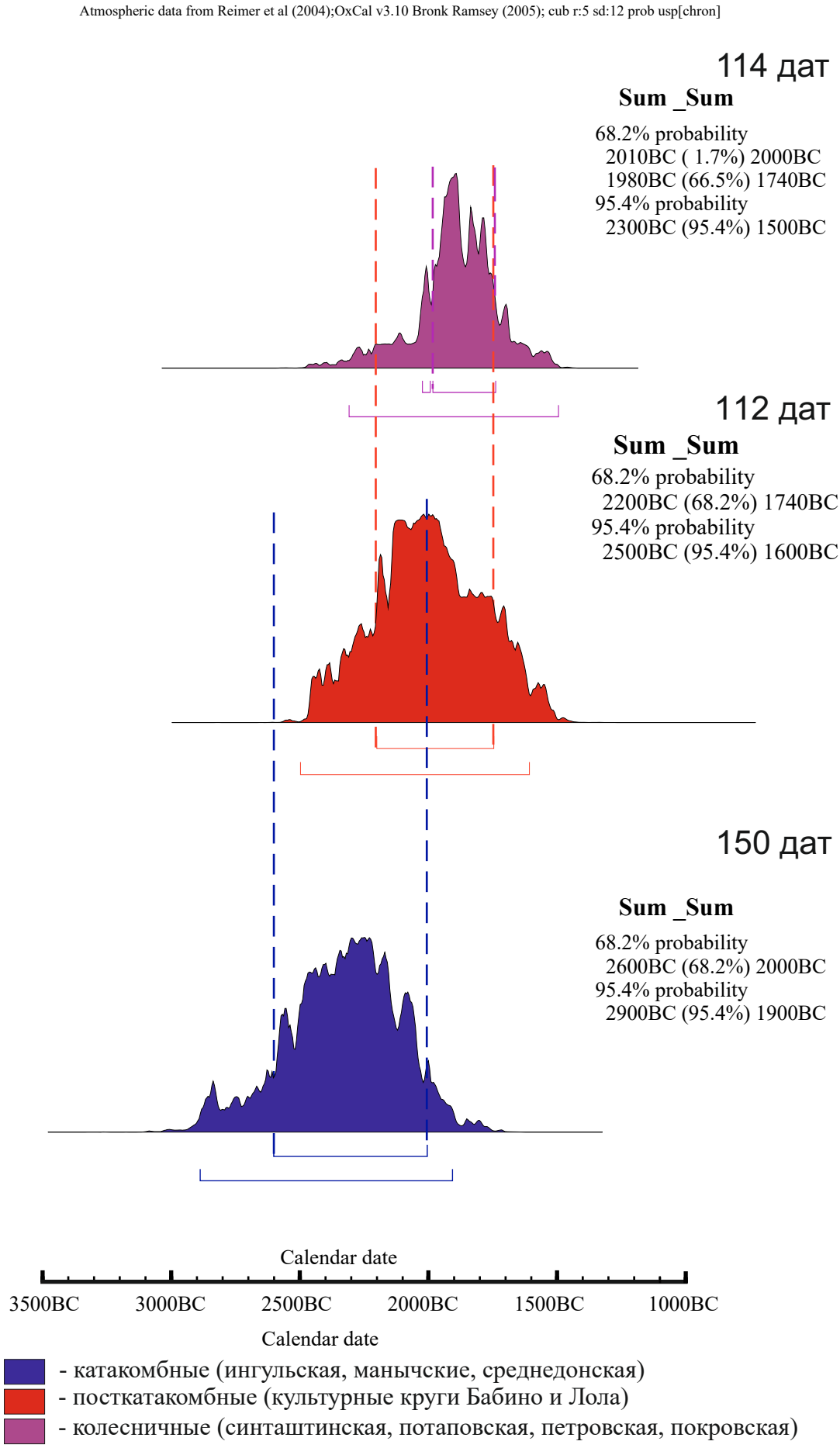
Илл. 174. Хронология. Результаты суммирования (sum_probability) ^{14}C данных посткатакомбных культурных образований

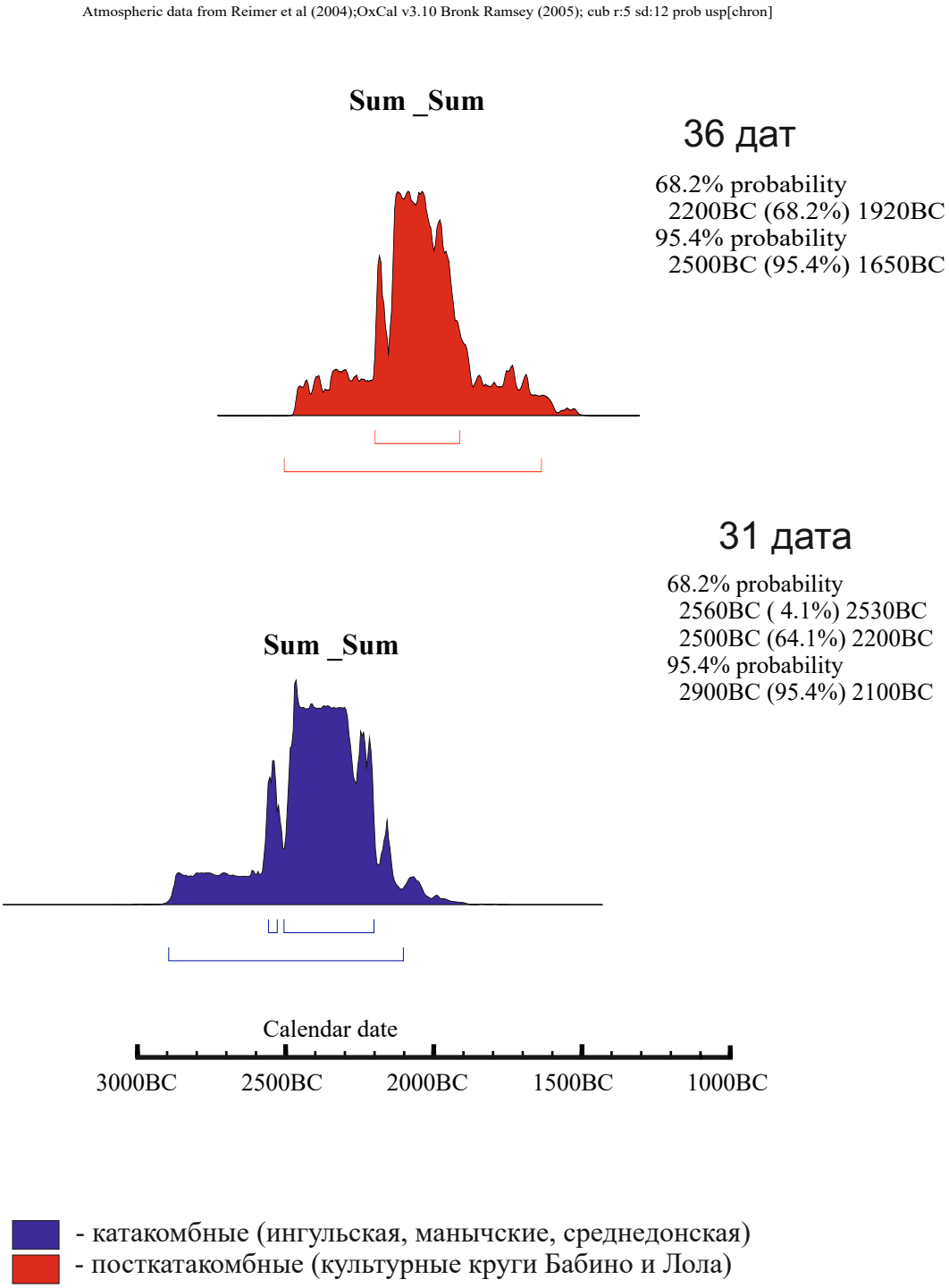
Илл. 175. Хронология. Радиоуглеродные даты погребений ПКБ I, II, III (нумерация по табл. 6.7)

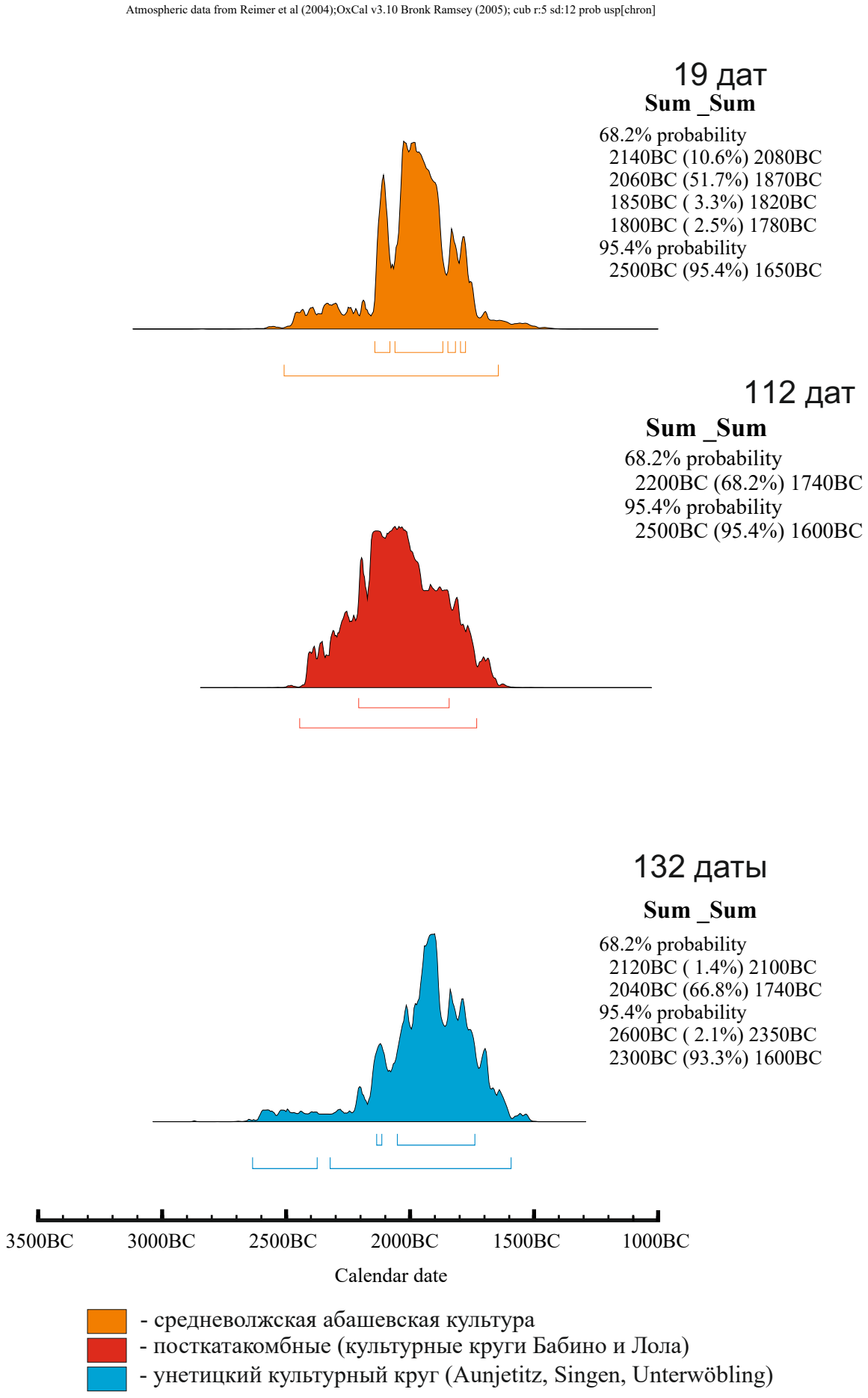
Илл. 176. Хронология. Результаты суммирования радиоуглеродных дат по фазам ПКБ

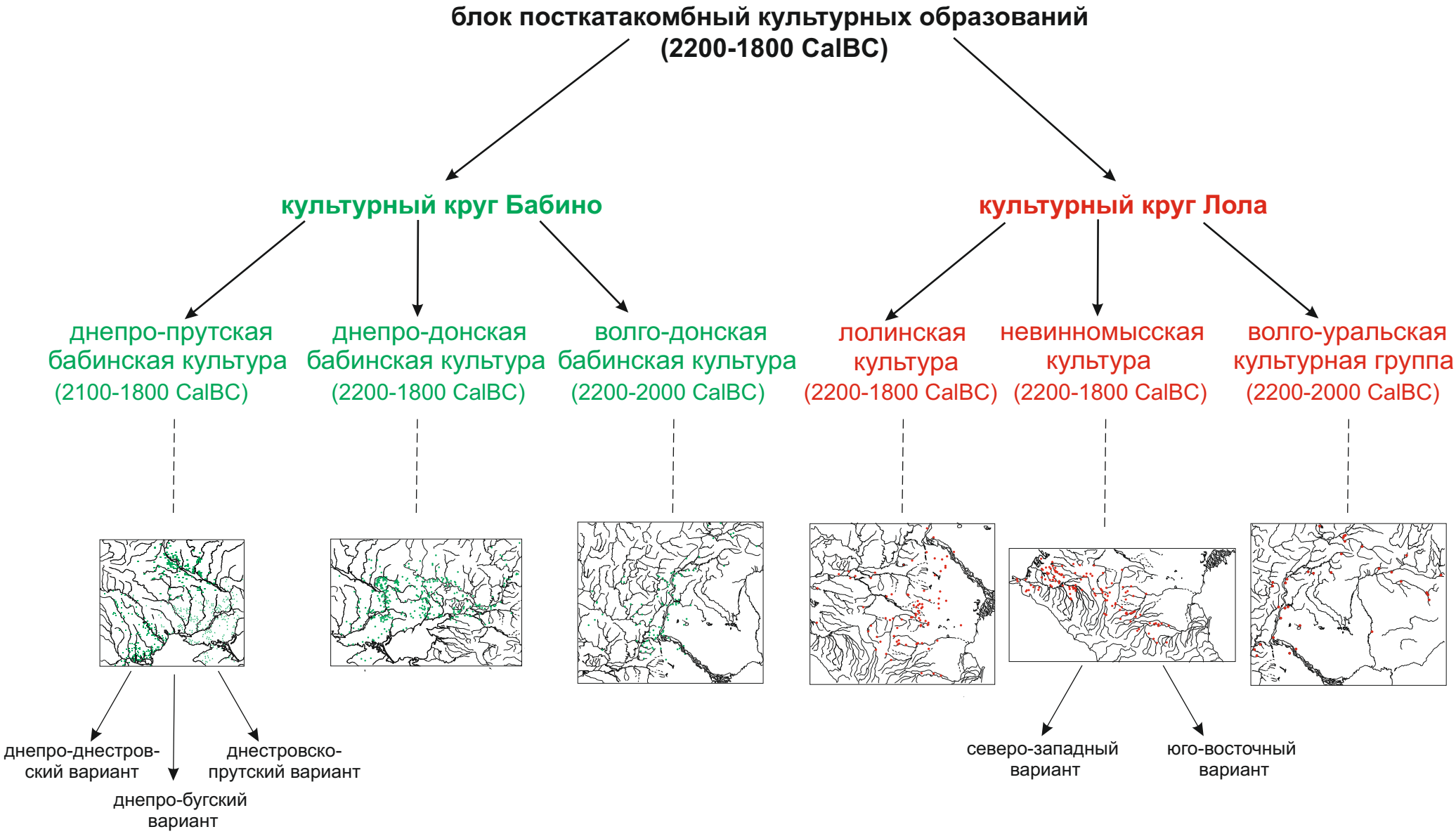
Илл. 177. Хронология. Результаты суммирования (sum_probability) ^{14}C данных катакомбных, посткатакомбных и колесничных культур

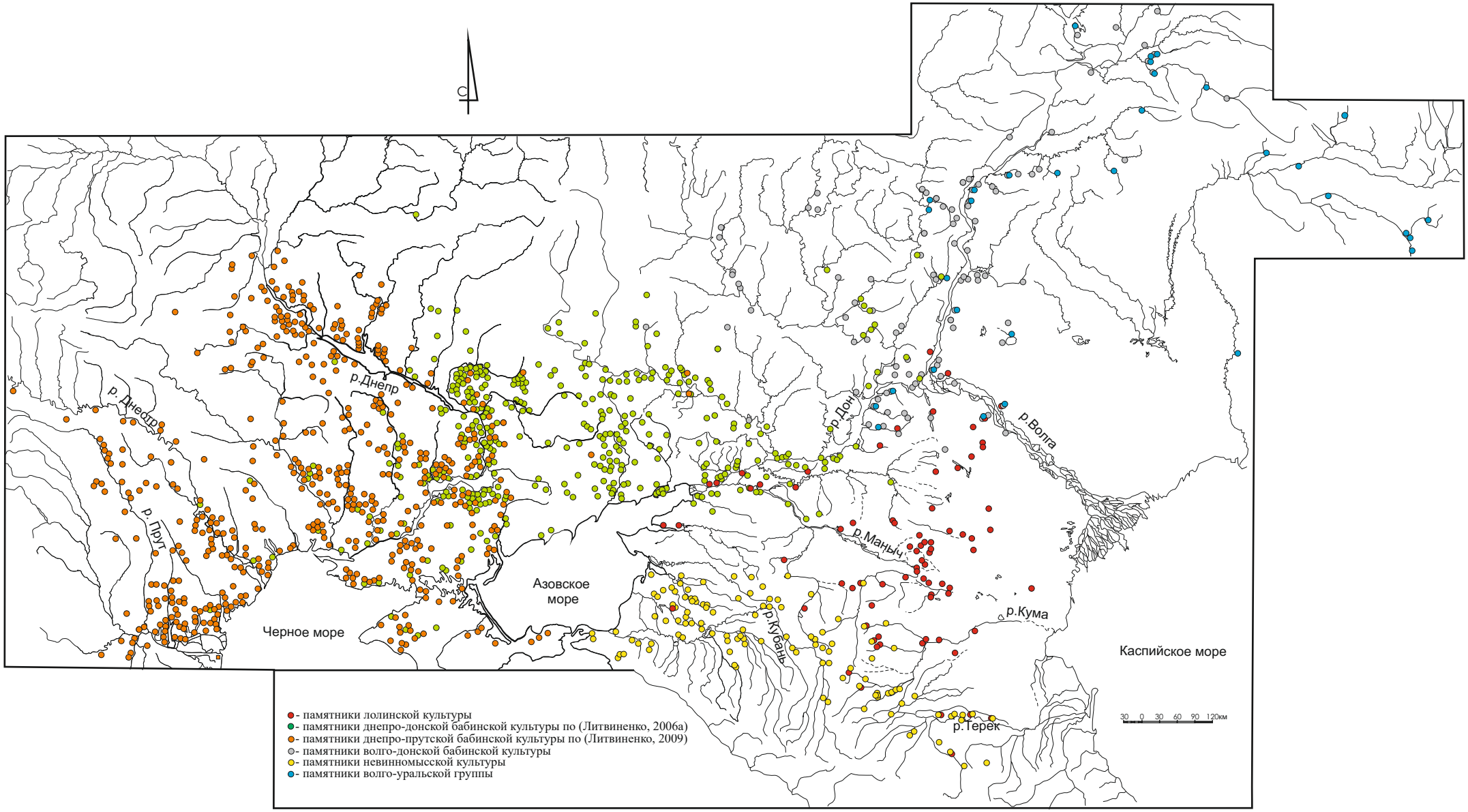
Илл. 178. Хронология. Результаты суммирования ^{14}C AMS-данных катакомбных и посткатакомбных культур

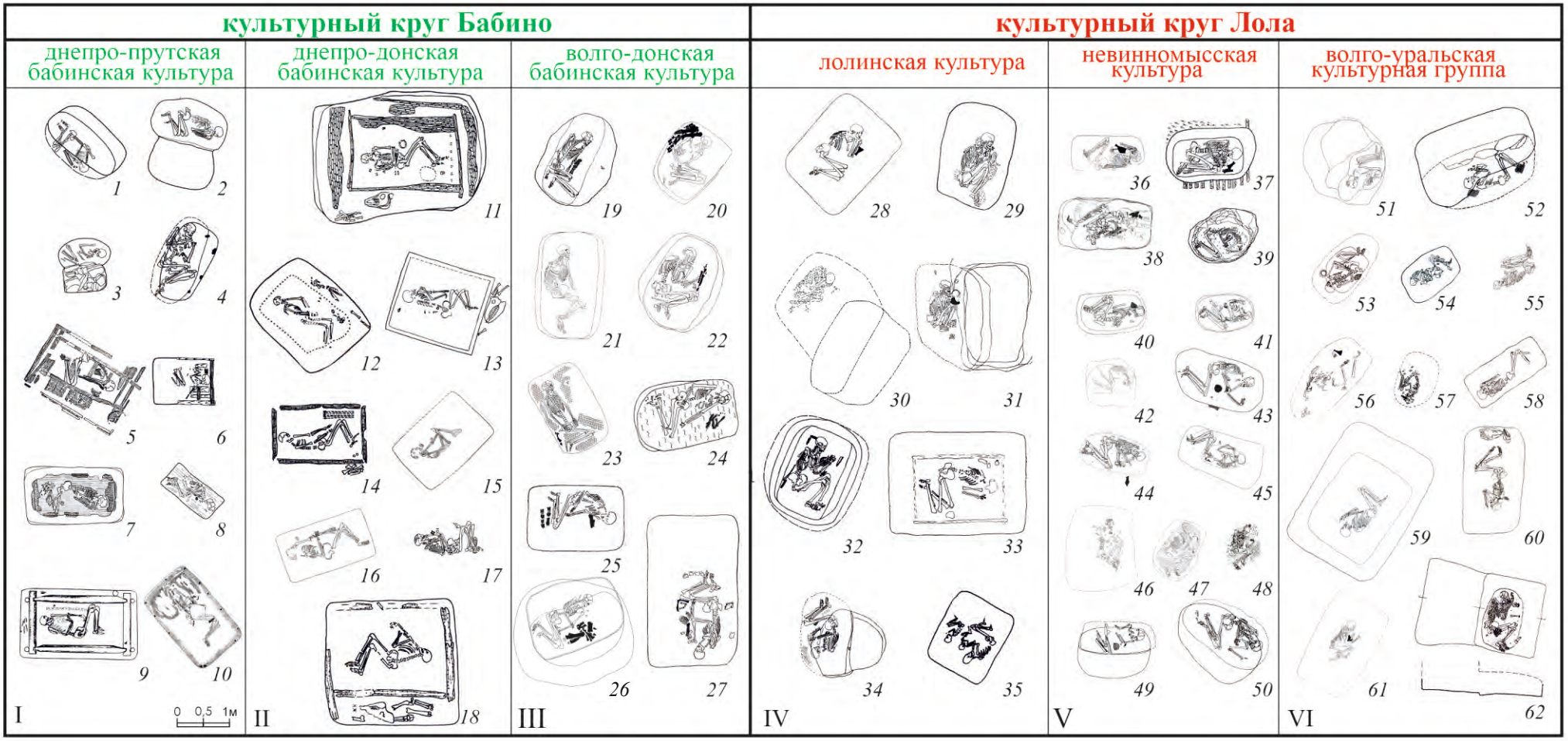
Илл. 179. Хронология. Результаты суммирования ^{14}C данных СВАК, посткатакомбных и унетицких культур

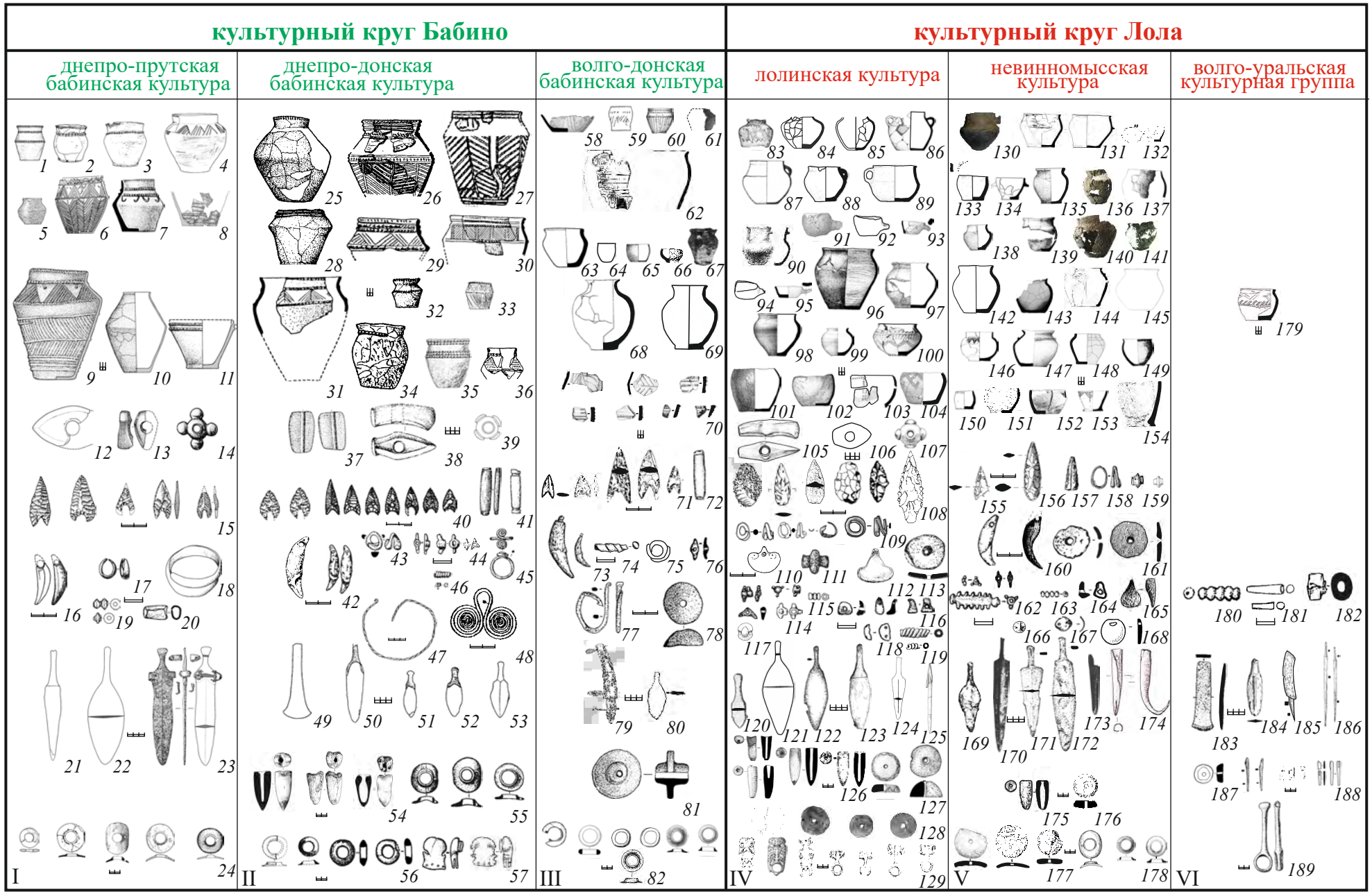
Илл. 180. Культурогенез. Структура блока посткатакомбных культурных образований
(карты ДДБК и ДПБК даны по (Литвиненко, 2009))

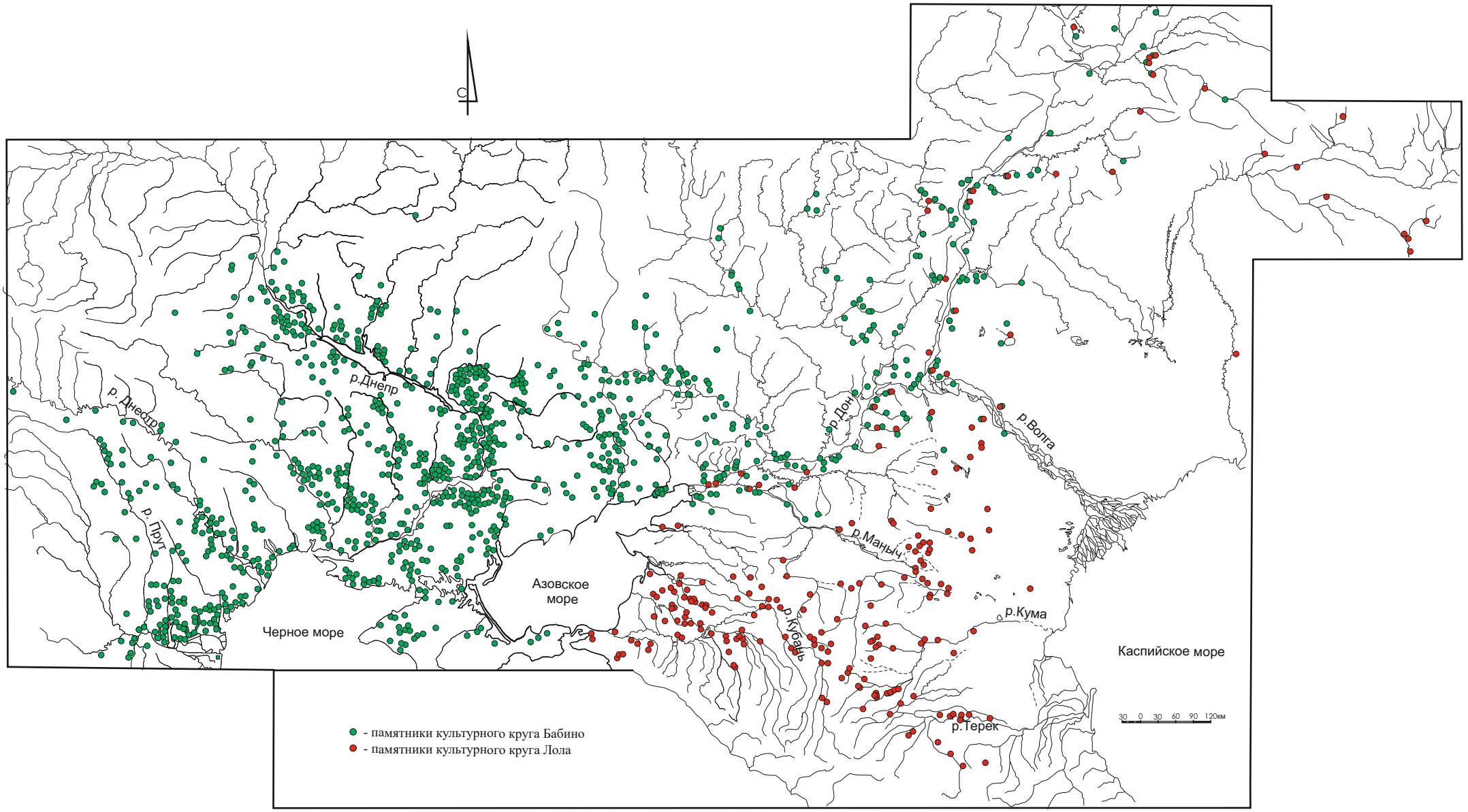
Илл. 181. Культурогенез. Территория блока посткатакомбных культурных образований
(карта ДПБК и ДДБК даны по (Литвиненко, 2009) с моими добавлениями)

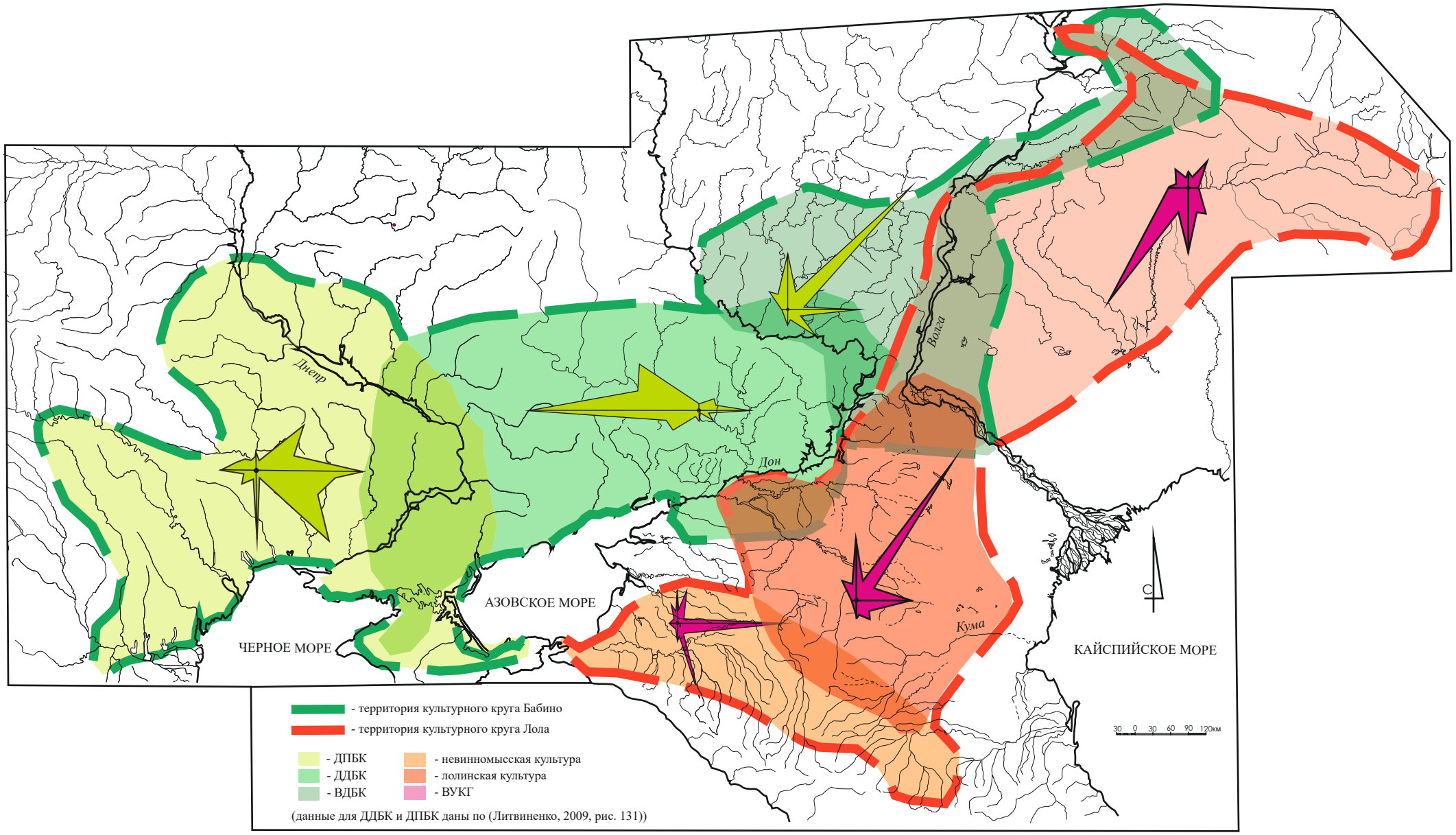
Илл. 182. Культурогенез. Погребальный обряд культурного круга Бабино и культурного круга Лола

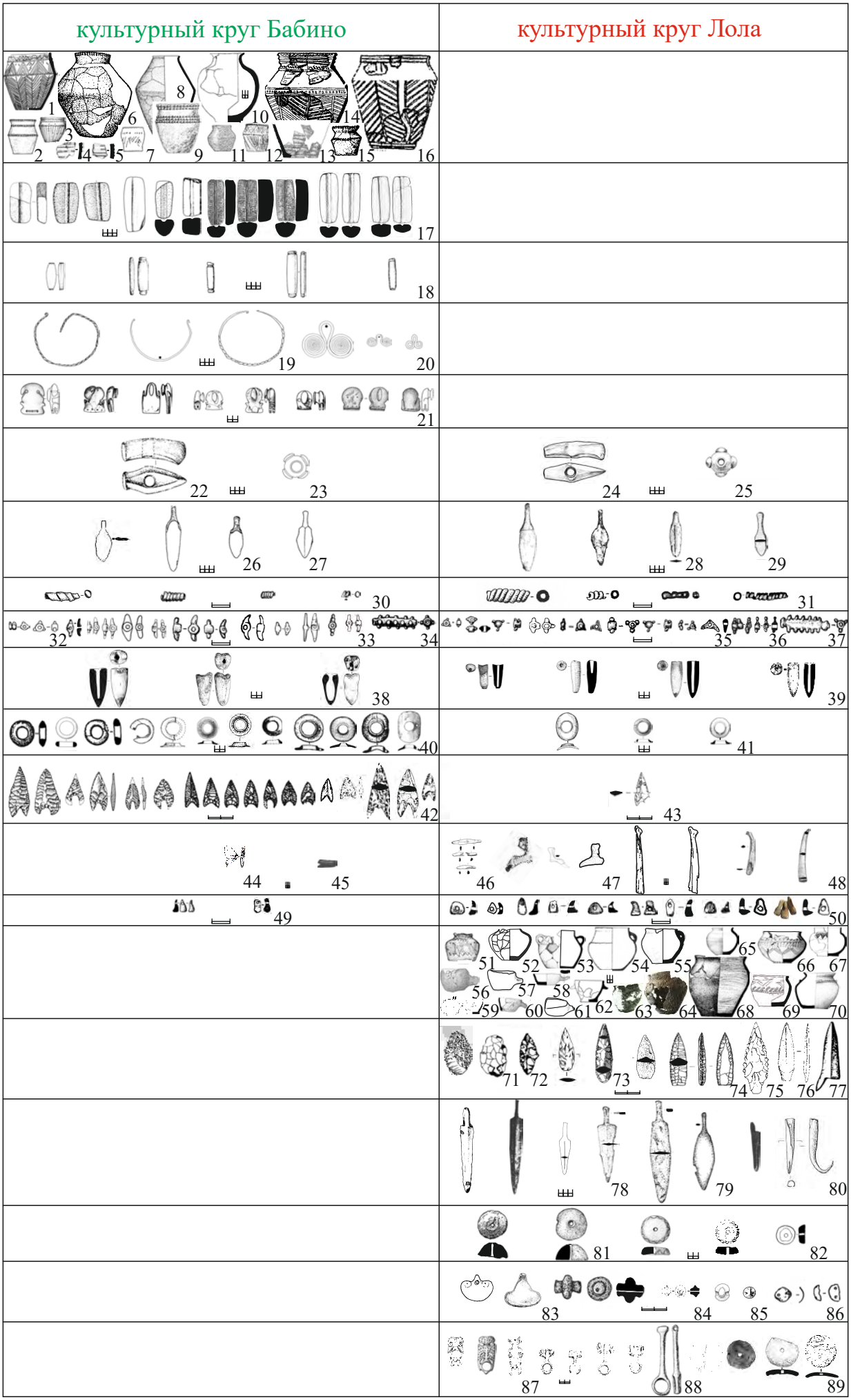
Илл. 183. Культурогенез. Инвентарные комплексы культурного круга Бабино и культурного круга Лола

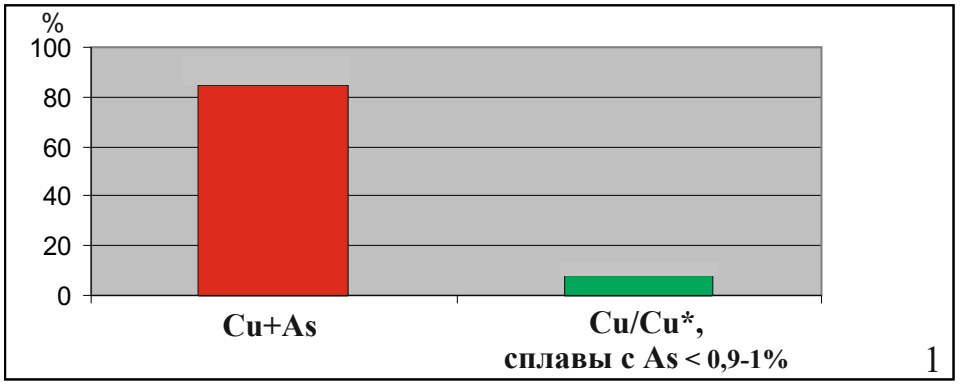
Илл. 184. Культурогенез. Территория блока посткатакомбных культурных образований. Культурный круг Бабино и культурный круг Лола

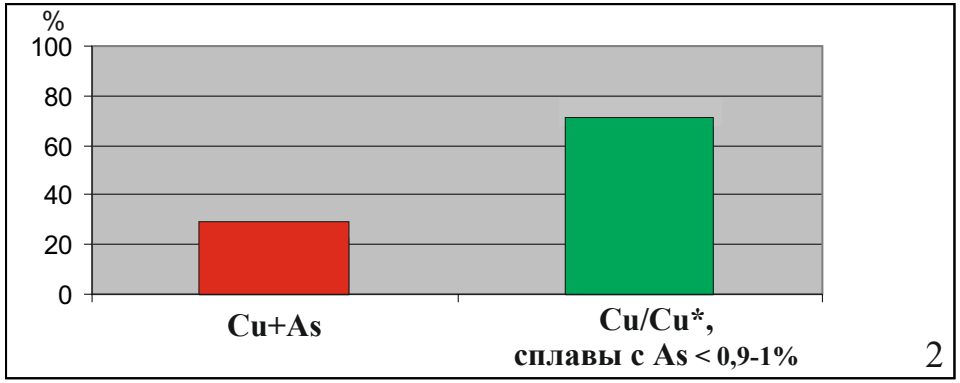

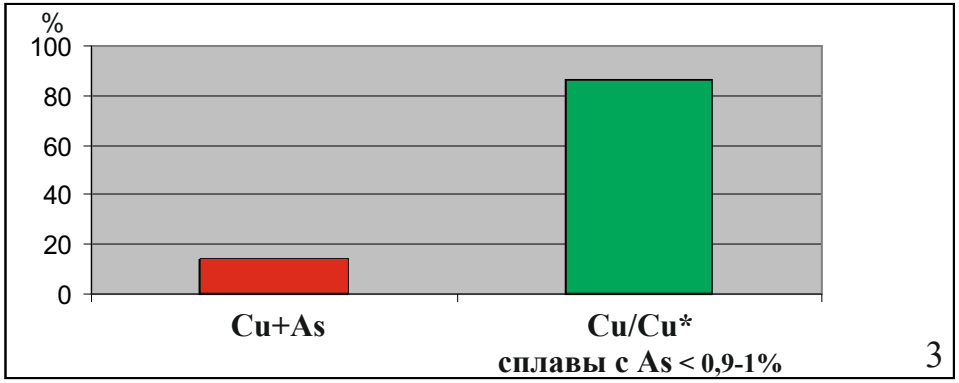
Илл. 185. Культурогенез. Схемы полигонов ориентировок скелетов составляющих посткатакомбного блока (ориентировки для ДДБК и ДПБК даны по (Ливтиненко, 2009))

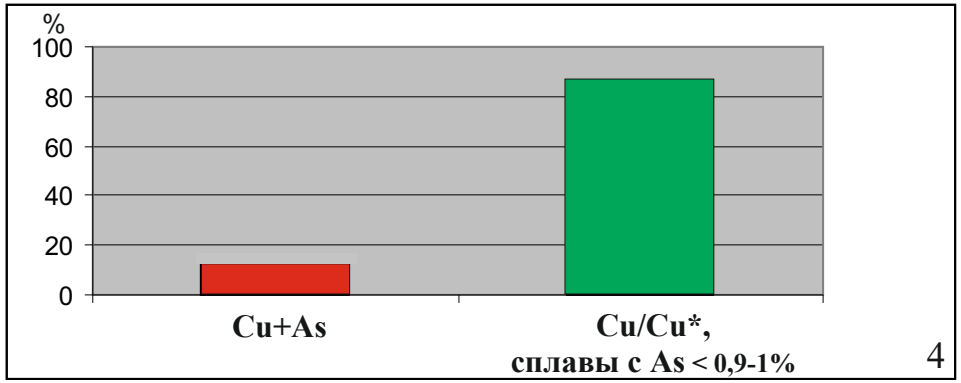

Илл. 186. Культурогенез. Инвентарные комплексы культурного круга Бабино и культурного круга Лола. Сравнительная характеристика.

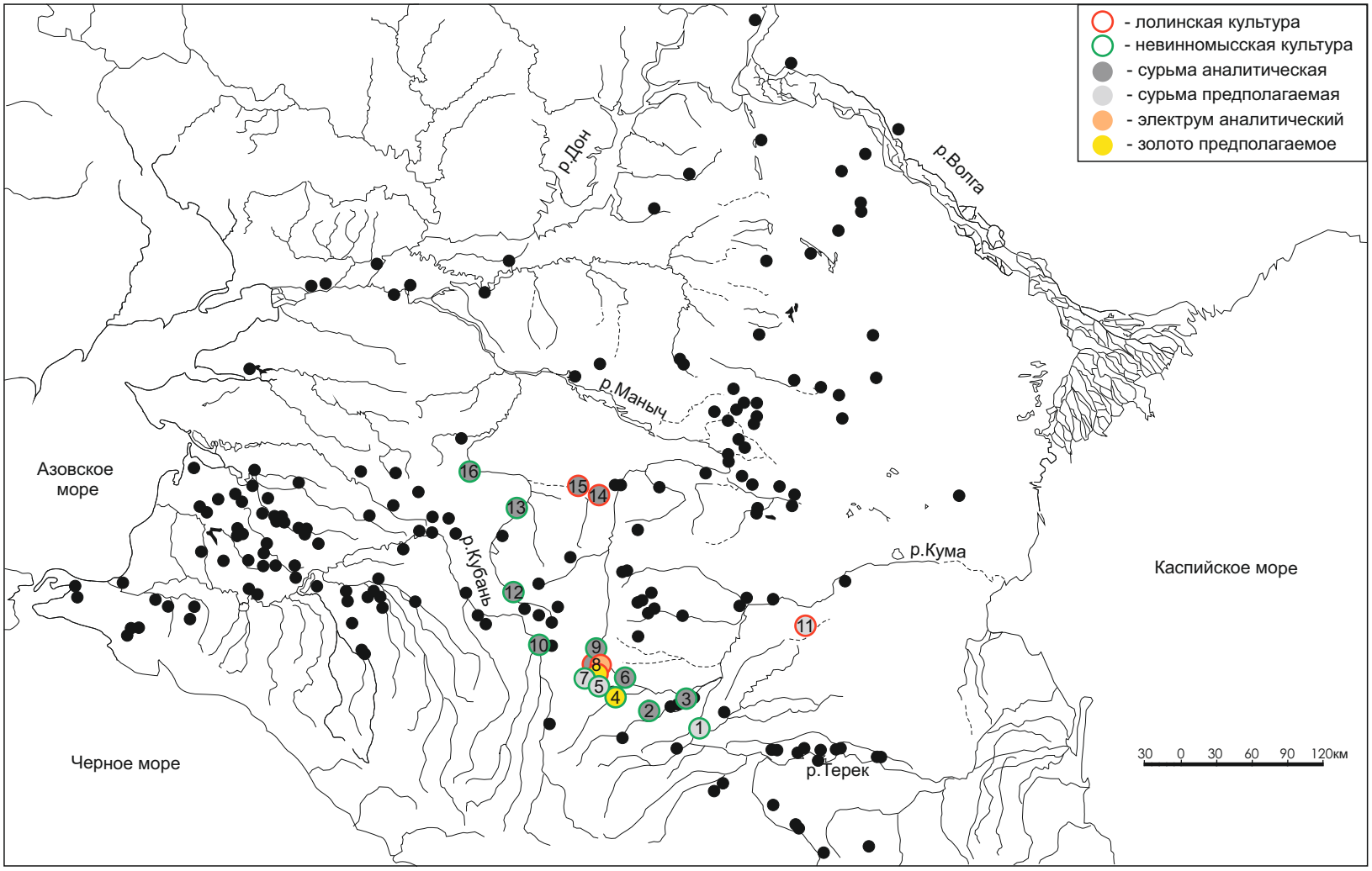

Илл. 187. Культурогенез. Состав металла культурного круга Бабино, культурного круга Лола и СВАК
1 - культурный круг Лола (24 опр.); 2 - культурный круг Бабино (15 опр.); 3 - СВАК (более 80 опр.);
4 - культуры позднего энеолита и периода Bz A Центральной Европы и карпато-дунайского региона (более 260 опр.)

Илл. 188. Культурогенез. Находки изделий из сурьмы и драгоценных металловкультурного круга Лола

1 - Комсомолец 1 п.31; 2 - Иноземцево 1 7/3; 3 - Георгиевский 3 1/3; 4 - Суворовская 9/2; 5 - Вонючка 1 1/1; 6 - Ульяновский 1 1/7, 3/5; 7 - Бородыновка 3 3/16; 8 - Кунаковский 2 1/1, 2/9, 3/3; 9 - Николаевский 3 2/6; 10 - Невинномысский 1 2/2, 3/2,5; 11 - Бияш 2/5; 12 - Сенгилеевский 1 9/2; 13 - Птичье 3 6/8; 14 - Вавилон 2 6/6; 15 - Золотаревка 1 23/1, 26/9, 3 6/3, 9/6,13; 16 - Красногвардейское од.кург./7

Илл. 189. Культурогенез. Категории инвентаря культурного круга Лола и их кавказские соответствия

1, 2 - кольцевидно-планочные костяные и роговые пряжки; 3, 4 - металлические секировидные подвески; 5, 6 - металлические подвески с обратной петлей; 7, 8 - металлические пуговицы; 9,10 - скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями; 11, 12 - металлические спиралевидные пронизи; 13, 14 - бронзовые конусовидные подвески; 15, 16 - бронзовые подвески в 1,5 оборота; 17, 18 - подвески из раковин; 19, 20 - фаянсовые бородавчатые и рожковые бусы

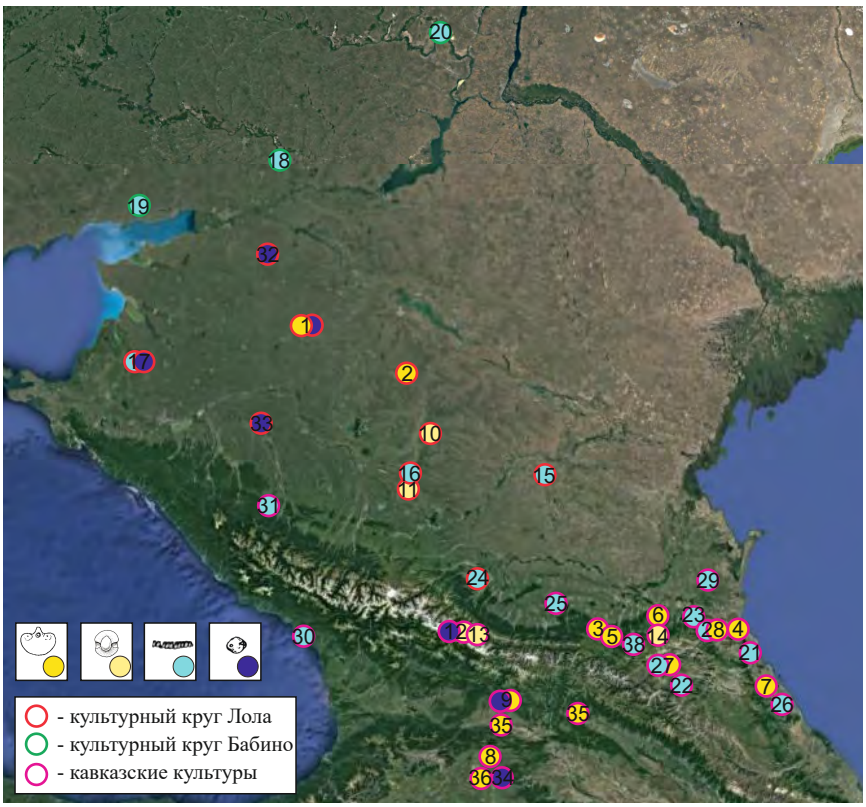
Илл. 190. Культурогенез. Находки кольцевидно-планочных пряжек кавказской традиции

1 - Тамар-Уткуль VII; 2 - Кривая Лука XXI; 3 - Ливенцовская-Каратаевская крепость; 4 - Темрта 1; 5 - Кевюды 1; 6 - Чограй VIII; 7 - Ипатово 3; 8 - Типки I; 9 - Ильинский 1; 10 - Родионов; 11 - Черноярская; 12 - Донифарс; 13 - Гатын-Кале; 14 - Гертма III; 15 - Ирганай; 16 - Гинчи; 17 - Ханлар

Илл. 191. Культурогенез. Находки сурьмяных украшений

1 - Улан-Терге; 2 - Лола I; 3 - Красногвардейское; 4 - Золотаревка 1; 5 - Вавилон 2; 6 - Птичье 3; 7 - Сенгилеевский; 8 - Невинномысск; 9 - Кунаковский 2; 10 - Николаевский, Ульяновский; 11 - Иноземцево 1, Бородыновка; 12 - Георгиевский 3; 13 - Вонючка 1; 14 - Комсомолец; 15 - Верхняя Рутха, Фаскау; 16 - Кари-Цагат, Корца; 17 - Эгикал; 18 - Ведено, Бельты; 19 - Хорочой; 20 - Зандак; 21 - Миатли II; 22 - Манас, Тахиркалинский; 23 - Буйнакск, Ирганай; 24 - Каякент; 25 - Мамай-Кутан; 26 - Великент; 27 - Брильский; 28 - Квасатли; 29 - Самтавро; 30 - Чала; 31 - Кобальский; 32 - Ирганчай; 33 - Артик; 34 - Лчашен; 35 - Редькин Лагерь; 36 - Кедабек

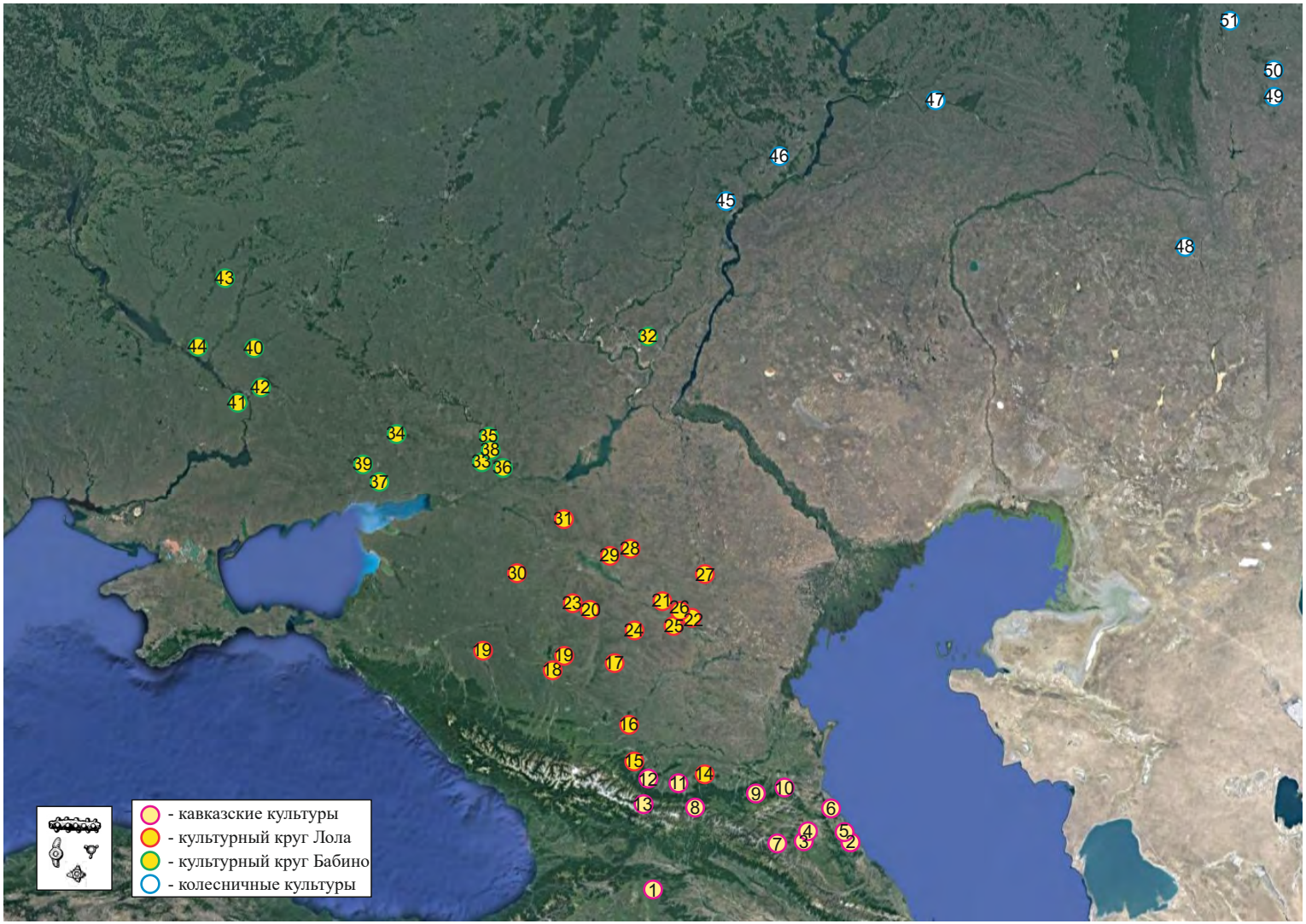
Илл. 192. Культурогенез. Находки металлических украшений кавказского происхождения

1 - Новопалестинский II; 2 - Золотаревка 3; 3 - Гатын-Кале; 4 - Тарнаир; 5 - Малый Харсеной; 6 - Бельты; 7 - Янгикент, Маджалис; 8 - Кущи; 9 - Квирацховельский; 10 - Ореховка; 11 - Кунаковский 2; 12 - Верхняя Рутха; 13 - Кари-Цагат; 14 - Хорочой; 15 - Бияш; 16 - Кунаковский 2; 17 - Малаи; 18 - Керчик; 19 - Запорожец; 20 - Ветютнев; 21 - Манас, Карабудахкент; 22 - Гинчи, Гоно; 23 - Миатли; 24 - Лечинкай; 25 - Экажево II; 26 - Великент; 27 - Галгалатли; 28 - Чиркей; 29 - Геметюбе; 30 - Верхняя Эшера; 31 - Кизинка; 32 - Кировский IV; 33 - Чернышевская I; 34 - Триалети; 35 - Корети; 36 - Сатхе; 37 - Квацхела; 38 - Дай

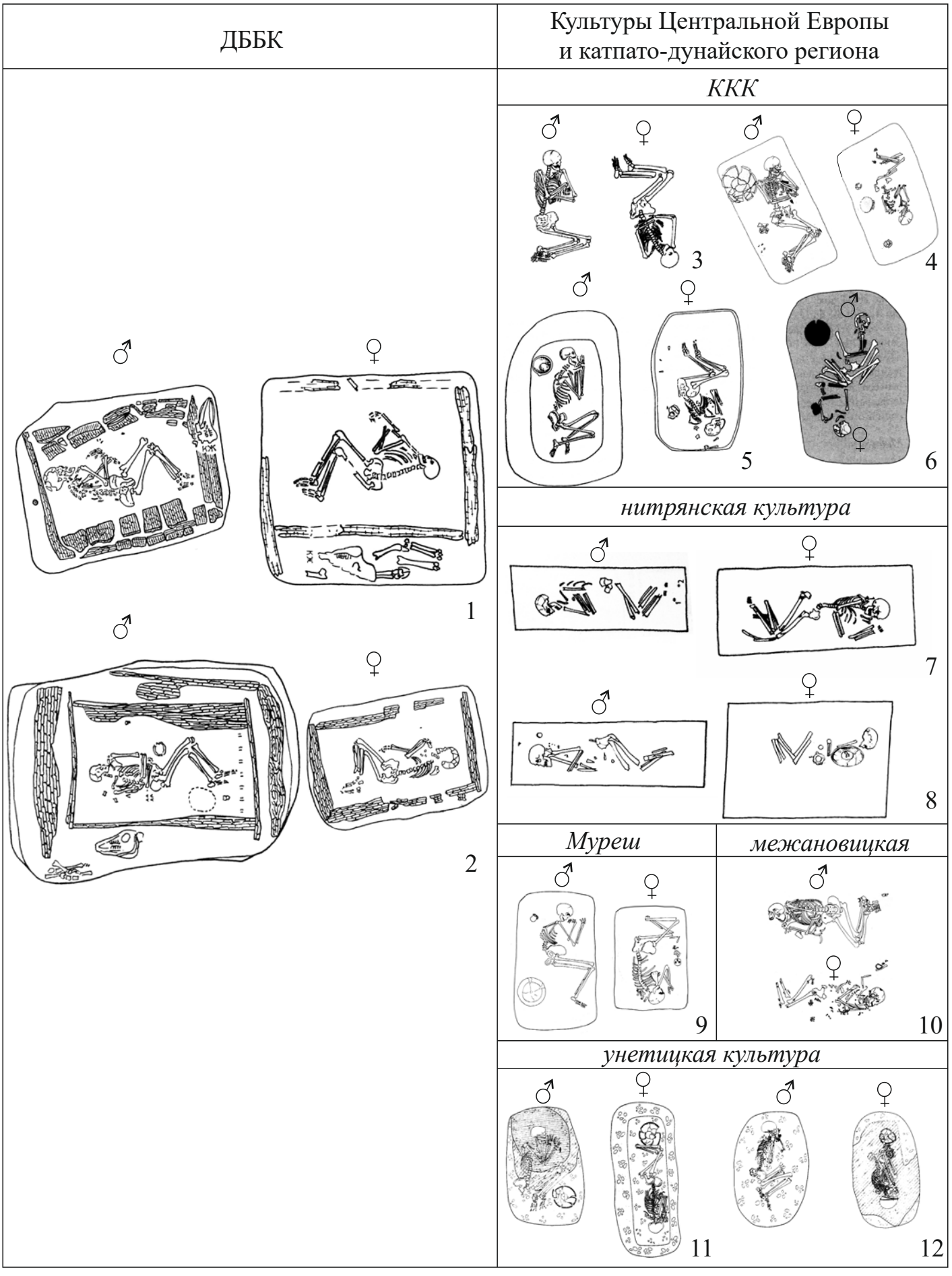
Илл. 193. Культурогенез. Находки подвесок из раковины с центральным отверстием

1 - Кривая Лука XXXIV; 2 - Кировский IV; 3 - Лысянский I; 4 - Новопалестинский II; 5 - Чернышевская I; 6 - Калюжный 1; 7 - Невинномсский 1; 8 - Гатын-Кале; 9 - Бельты; 10 - Курчалой; 11 - Миатли; 12 - Малый Харсеной; 13 - Асланбек-Шерипово; 14 - Ведено; 15 - Гинчи; 16 - Нютюг

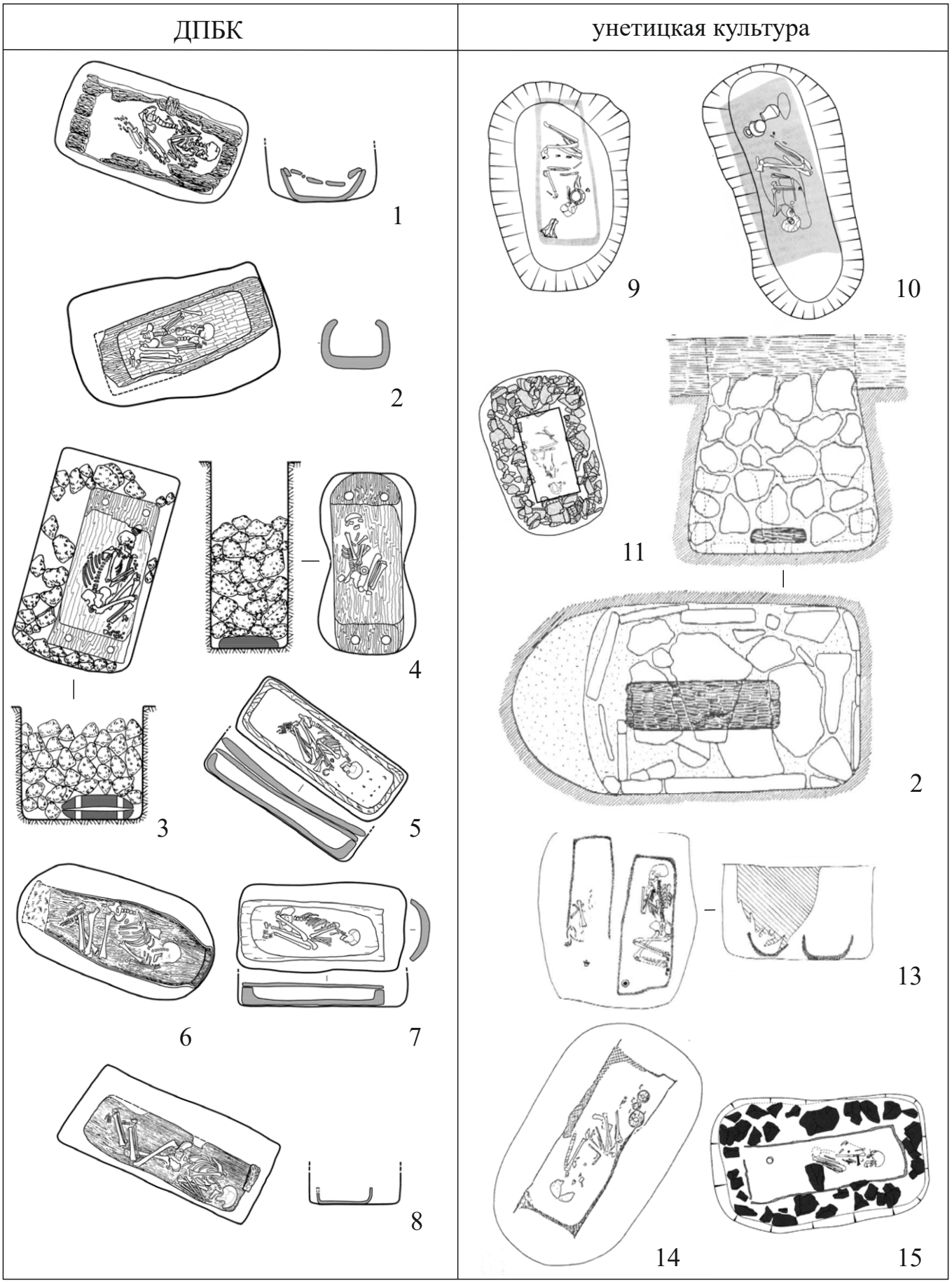

Илл. 194. Культурогенез. Находки фаянсовых и керамических бус с выступами

1 - Триалети; 2 - Великент III; 3 - Чох; 4 - Нохала Ад; 5 - Каякент, Утамыш; 6 - Манас; 7 - Гинчи; 8 - Эгикал; 9 - Ведено, Бельты; 10 - Миатли II; 11 - Архонская, Беслан; 12 - Чикола II; 13 - Верхняя Рутха; 14 - Сунжа-90; 15 - Нальчик; 16 - Комсомолец 1; 17 - Новый Маяк, Калиновский; 18 - Невинномысский 1, 4; 19 - Уашхиту I, Серегинский; 19 - Калюжный 1; 20 - Вавилон 3; 21 - Островной; 22 - ВМЛБ I 1965; 23 - Золотаревка 3; 24 - Шарахалсун 3; 25 - Чограй, од.кург.; 26 - Манджикины 1; 27 - Цаган-Усн VII; 28 - Песчаный V; 29 - Лысянский I; 30 - Новопалестинский II; 31 - Кировский IV; 32 - Писаревка II; 33 - Чикмари II; 34 - Шахтерск; 35 - Репный I; 36 - Керчик; 37 - Запорожец 1; 38 - Бургуста 1; 39 - Викторовка; 40 - Бузовка XXIV, Котовка I; 41 - Новоалександровка I; 42 - Соколово; 43 - Михайлики; 44 - Компанейцы; 45 - Сторожевка; 46 - Дмитриевка 5/2; 47 - Тростянка I; 48 - Танаберген II; 49 - Синташта; 50 - Каменный Амбар 5; 51 - Кривое Озеро

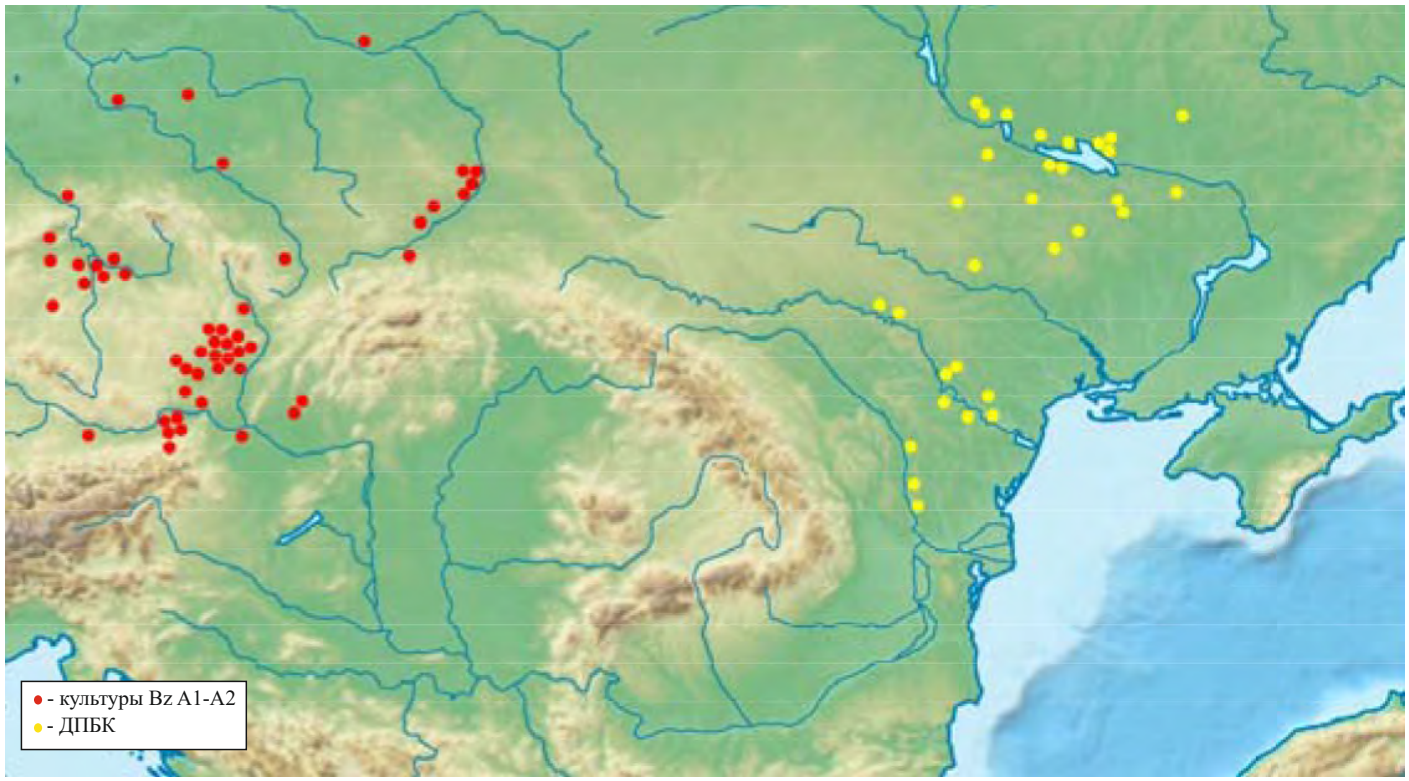
Илл. 195. Культурогенез. Гендерная дихотомия в обряде ДДБК и культур энеолита и Bz A Центральной Европы и карпато-дунайского региона

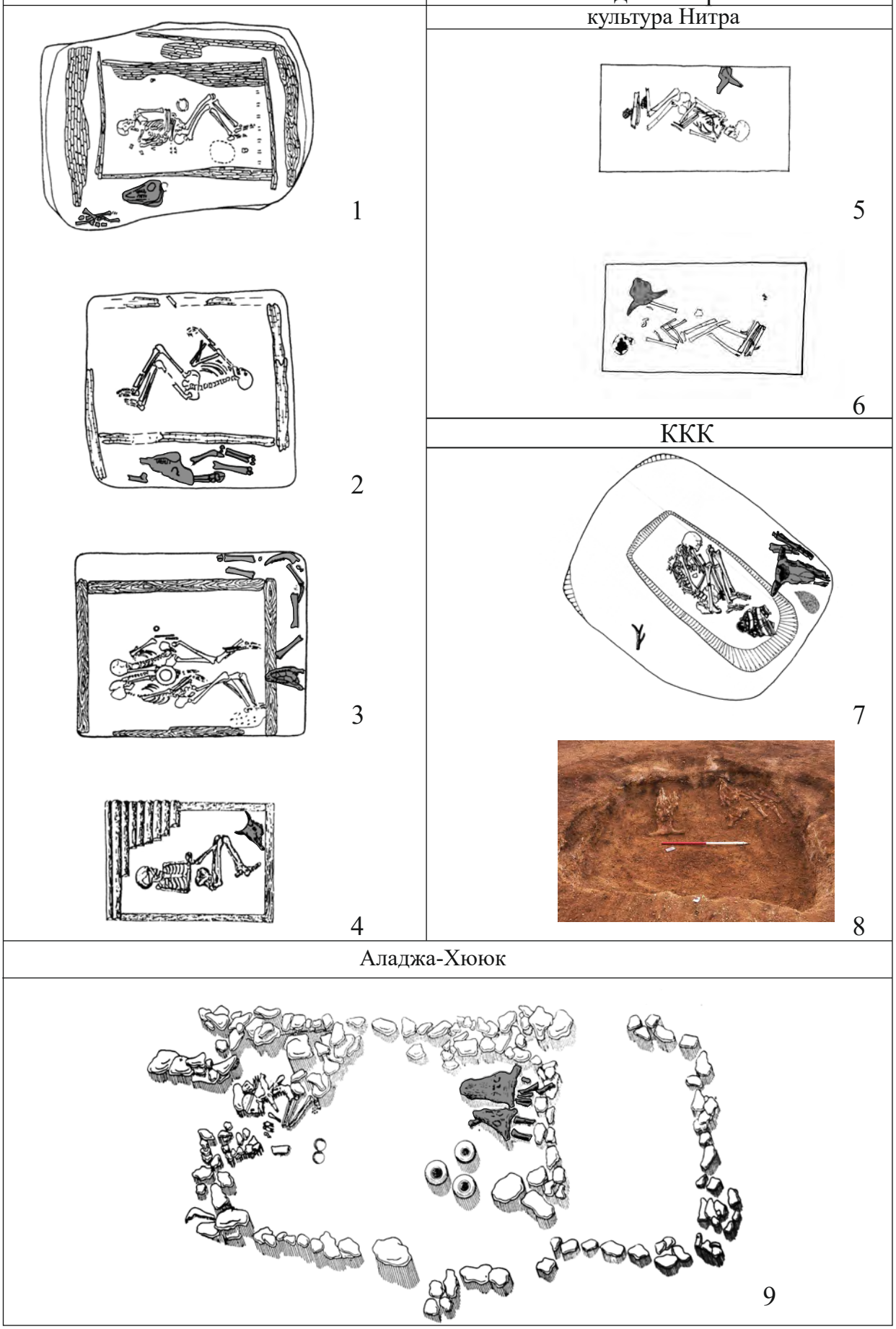
0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 196. Культурогенез. Погребения в гробах-колодах ДПБК и унетицкой культура

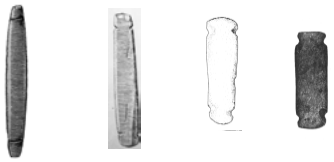
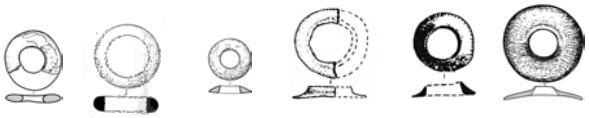
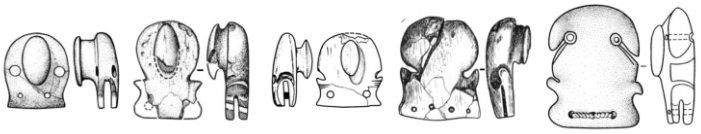
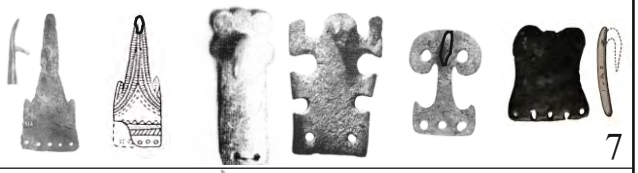
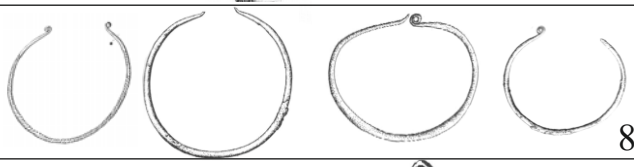
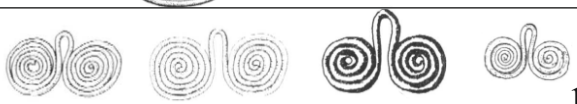
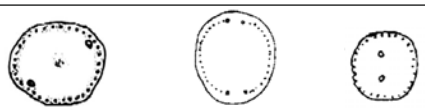
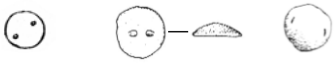
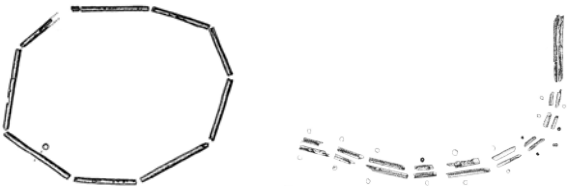
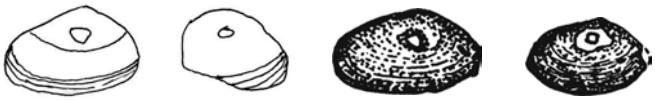
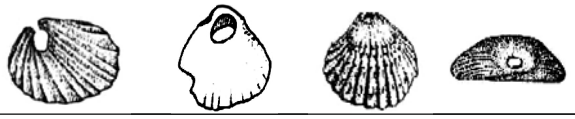
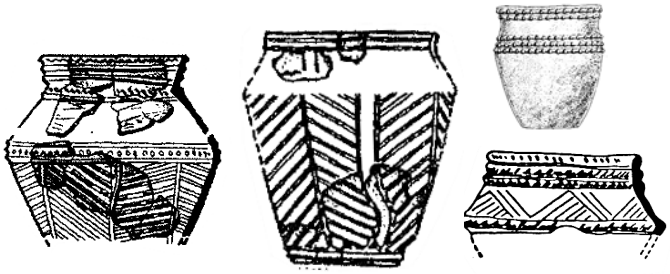
1 - Сугоклейский курган п.25; 2 - Звенигородка X 5/3; 3 - Никольское 7/35; 4 - Никольское 12/8; 5 - Боровковка 1/12; 6 - Дригвалов Сад 7/2; 7 - Головковка III 14/1; 8 - Дригвалов Сад 3/3; 9 - Praha-Miškovice п.20; 10 - Praha-Miškovice п.29; 11 - Praha-Miškovice п.27; 12 - Telnice; 13 - Rebešovice п.192; 14 - Moravské Nové Vsi п.4; 15 - Modřice «Rubniky» п.811

Илл. 197. Культурогенез. Погребения в гробах-колодах в культурах Bz A1-A2 Центральной Европы и ДПБК, фрагмент карты по (Литвиненко, 2020в, рис. 5)

Илл. 198. Культурогенез. Погребения с черепами и костями конечностей КРС.
1 - Беева Могила п. 3; 2 - Михайлики п.1; 3 - Глубиниха II 3/10; 4 - Изюм п. 2; 5, 6 - Holešově; 7 - Hemp Knoll; 8 - Lechlade; 9 - Аладжа-Хююк

культурный круг Бабино	культуры Центральной Европы и карпато-дунайского региона
 1	 2
 4	 5
 6	 7
 7	 8
 9	 10
 11	 12
 13	 14
 15	 16
 17	 18
 19	 20

Илл. 199. Культурогенез. Категории инвентаря культурного круга Бабино и их центральноевропейские и карпато-дунайские соответствия

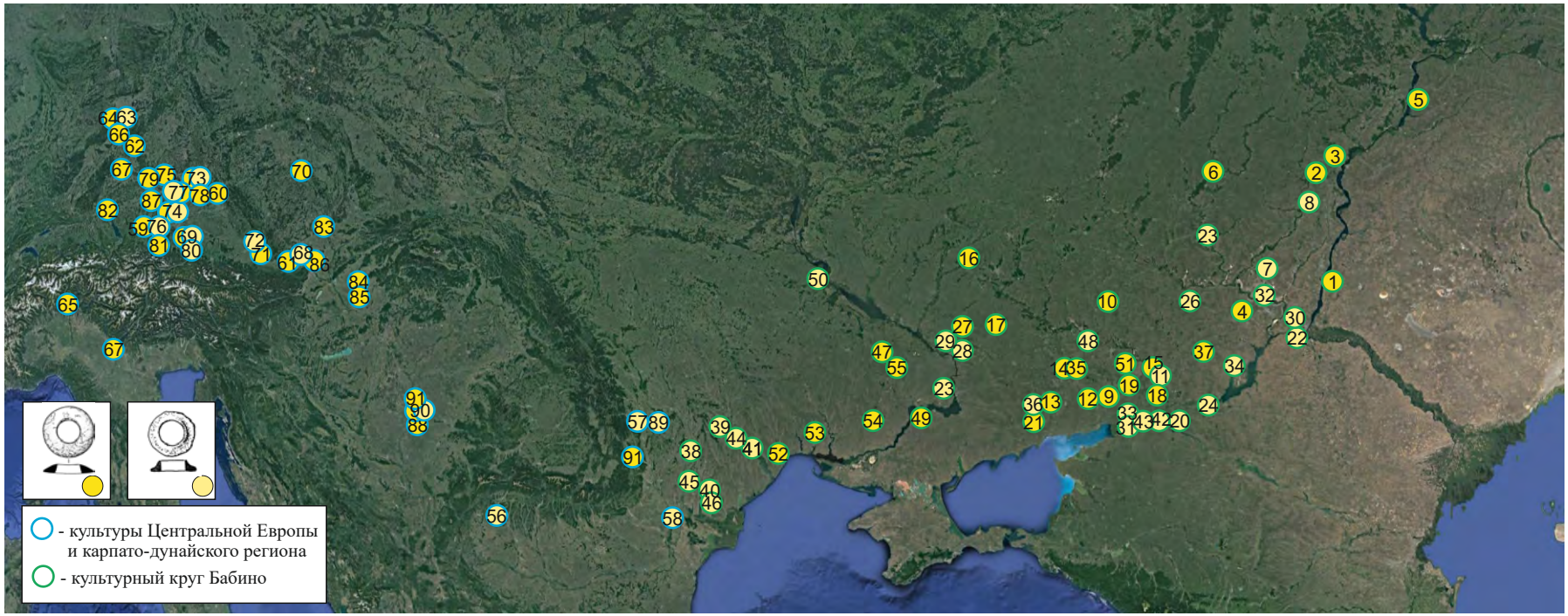
1,2 - каменные бруски с двумя перетяжками; 3,4 - костяные пряжки-подвески; 5,6 - фигурные роговые и бронзовые поясные пряжки; 7,8 - бронзовые гривны; 9,10 - бронзовые очковидные подвески; 11,12 - бронзовые нашивные бляшки с пуансонным орнаментом и отверстиями; 13,14 - бронзовые нашивные скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями; 15,16 - ожерелья из гладких бронзовых пронизей; 17,18 - подвески из раковин; 19,20 - многоваликовая керамика

Илл. 200. Культурогенез. Находки каменных брусков (защита предплечья)
1 - Пологи (Соколовская могила); 2 - Владимировский курган; 3 - Долгая Могила; 4 - Приволье; 5 - Новолакедемоновка; 6 - Жутово I; 7 - Ivanka pri Dunaji; 8 - Holešově п.46,84; 9 - Franzhausen; 10 - Hollenburg; 11 - Gemeinlebarn; 12 - Landau-Süd-Ost, Oberbierbaum, Wintersdorf; 13 - Zamborzec; 14 - Locheice I; 15 - Tišice; 16 - Dolní Věstonice, Pavlov I, Sudoměrice, Turovice; 17 - Šlapanice II, Předmosti, Bedřichovice; 18 - Trieching; 19 - Sulzdorf; 20 - Oberstimm п.1,2, Straubing-Alburg; 21 - Kornwestheim, Mönsheim; 22 - Ilvesheim, Dirmstein, Eschollbrücken, Einhausen, Ladenburg; 23 - Augsburg-Sportgelände; 24 - Коржуэць 6/5; 25 - Mokrin; 26 - Smolin; 27 - Stehelčeves; 28 - Mühlhausen; 29 - Saferstetten; 30 - Tószeg; 31 - Veselé; 32 - Gorzanów, Kyjovice, Kietrz; 33 - Budapest; 34 - Urmitz, Langsur; 35 - Lysolaje; 36 - Žabovřesky; 37 - Dingelsdorf; 38 - Allensbach; 39 - Mülheim-Kärlich; 40 - Mainz, Worms, Albsheim, Darmstadt; 41 - Udelfangen, Holsthum; 42 - Darmstadt-Eberstadt, Selzen, Friedberg-Fauerbach; 43 - Memmingem; 44 - Leihgestern, Bodenheim; 45 - Eppelsheim; 46 - Weimar; 47 - Wrocław; 48 - Kulcs; 49 - Vatya, Budakalász; 50 - Deszk

Илл. 201. Культурогенез. Находки крючково-планочных пряжек европейской традиции
1 - Текстильщик (Донецк), Старомихайловка; 2 - Беева могила; 3 - Новоамвросиевка; 4 - Александровск; 5 - Камышеватая, Приволье; 6 - Долгая Могила; 7 - Новоандреевка, Новотроицкое III; 8 - Новогупаловка; 9 - Новолакедемоновка; 10 - Мариенфельд; 11 - Дмитровка 2701 7/5; 12 - Schneckenberg; 13 - Barca 1; 14 - Gánovce; 15 - Madarovce; 16 - Želiezovce; 17 - Líšeň; 18 - Jaroslavice; 19 - Brašov; 20 - Sedmihradsko; 21 - Renzenbühl-Strättlingen; 22 - Lublaně; 23 - Szöreg; 24 - Izsák; 25 - Fejér; 26 - Gródek Nadbużny; 27 - Laibacher Moor II; 28 - Mošorin; 29 - Pecica; 30 - Beograd-Karaburma; 31 - Dunapentele, Soltvadkert; 32 - Veseli; 33 - Tomeşti; 34 - Tiszafüred

Илл. 202. Культурогенез. Находки кольцевых костяных пряжек и подвесок с одним отверстием и бортиком вокруг него

1 - Верхний Балыклей; 2 - Большая Дмитриевка; 3 - Жареный Бугор; 4 - Евстратовский II; 5 - Дмитриевка; 6 - Власовский I; 7 - Короли; 8 - Линево; 9 - Цимлянка II; 10 - Нижняя Баранниковка; 11 - Ясиновский III; 12 - Калиновое, Новоамвросиевка; 13 - Николаевка; 14 - Бе-ева Могила; 15 - Репный I; 16 - Князево; 17 - Близнюки; 18 - Керчик, Спасское IX, Киреевка 4, Соколовский, Почтовый II, Сторожевой; 19 - Бирюково; 20 - Четыре Брата II, Веселовская, Кудинов; 21 - Хамуш-Оба; 22 - Горный; 23 - Глушица; 24 - Ясырев I; 25 - о. Виноград-ный; 26 - Ейский I; 27 - Пролетарское XXX, XXXIII; 28 - Александровка, Губиниха II; 29 - Приют; 30 - Котлубань III, IV; 31 - Ливенцов-ский I, Высочино V; 32 - Перекопка; 33 - Мехзавод, ТЭЦ; 34 - Лозной I; 35 - Углегорск; 36 - Благовещенка, Павловка III; 37 - Лысиный II; 38 - Румянцево; 39 - Мерень; 40 - Тараклия; 41 - Оланешты; 42 - Ажинов 1; 43- Мухин I, Аглицкий II; 44 - Хаджимус; 45 - Крихана Веке; 46 - Новокаменка; 47 - Головковка; 48 - Желобок; 49 - Мамай-Гора; 50 - Бабина Гора; 51 - Молодогвардейск; 52 - Слободка-Романовка; 53 - Ивановка; 54 - Шарованская могила; 55 - Ремонтирская могила; 56 - Cârceni; 57 - Cândeşti; 58 - Brăila; 60 - Straubing; 61 - Unterwölbling, Gemeinlebarn, Pottenbrunn; 62 - Nordheim, Ilvesheim; 63 - Worms, Westhofen, Esselborn; 64 - Alzey; 59 - Königsbrunn; 65 - Romagnano Sesia; 66 - Ludwigshafen; 67 - Gäufelden-Tailfingen; 68 - Franzhauzen; 69 - München; 70 - Polepy; 71 - Hörsching; 72 - Haid; 73 - Buxheim; 74 - Haun-stetten; 75 - Heroldingen; 76 - Hurlach, Kleinaitingen; 77 - Ingolstadt; 78 - Marching; 79 - Nördlingen-Baldingen; 80 - Poing; 81 - Raisting; 82 - Singen; 83 - Tvořihráz; 84 - Jelšovce; 85 - Branč; 86 - Schleinbach; 87 - Schwabmünchen-Mitellstette; 88 - Mokrin; 89 - Gârceni; 90 - Szöreg; 91 - Bogdănești; 91 - Dszek

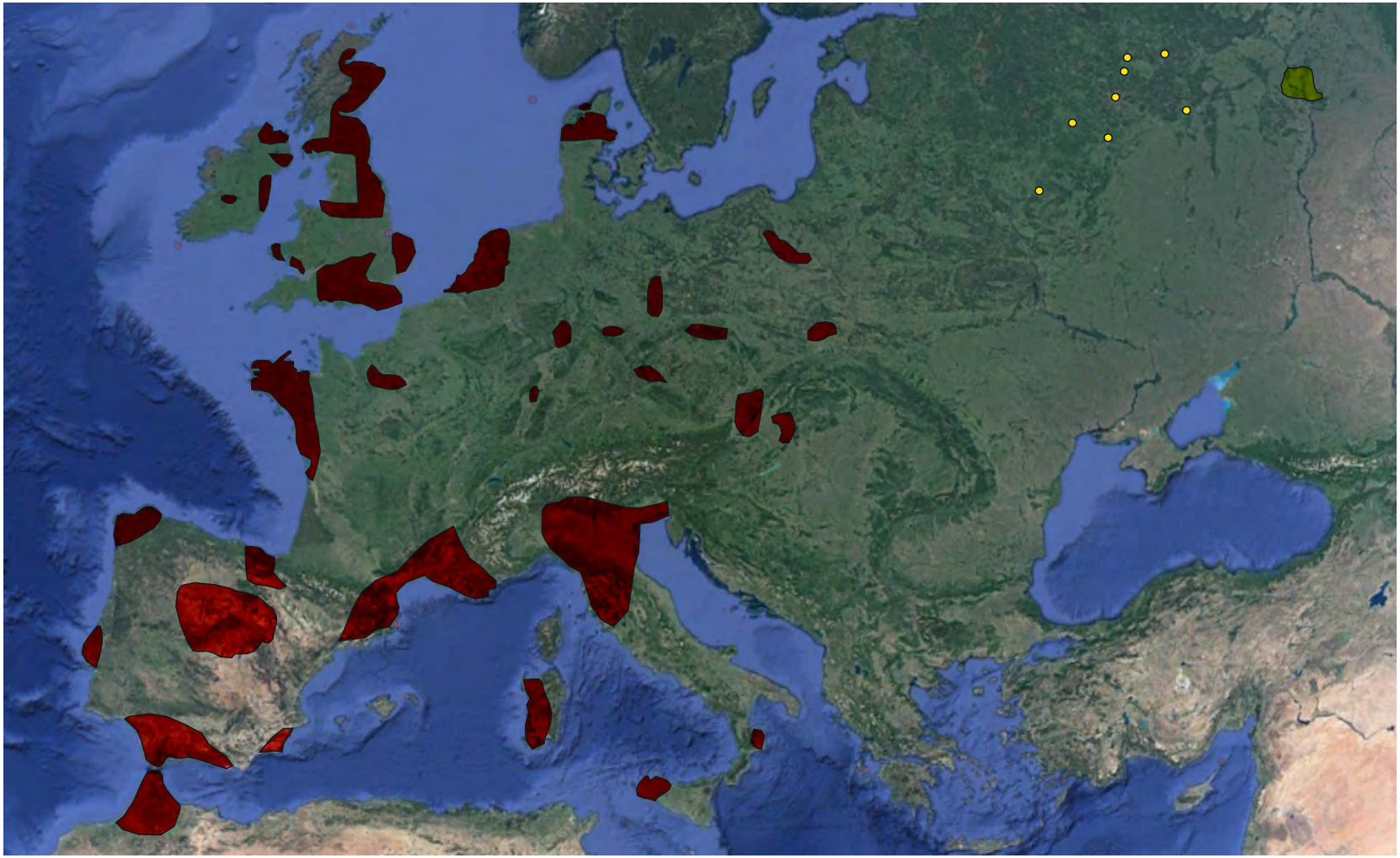
Илл. 203. Культурогенез. Находки медных и бронзовых гривн

1 - Керчик Гать III; 2 - Возрождение 2; 3 - Гнаровское; 4 - Великая Знаменка II; 5 - Vel'ká Lomnica; 6 - Holešově; 7 - Franzhausen, Leobersdorf, Lajtaújfalu, Roseldorf; 8 - Branč; 9 - Počúvadlo, Vinodol; 10 - Rájec-Jestřebi; 11 - Kilb, Gemeinlebarn, Unterwölbling; 12 - Obermarkersdorf; 13 - Szöreg, Obéba, Beda Veche; 14 - Mosonszentjános, Patzmannsdorf; 15 - Gattendorf; 16 - Veľký Grob; 17 - Straubing; 18 - Pusztasárkánytó; 19 - Trucevac; 20 - Bánov-Boncové; 21 - Rusovce; 22 - Wąsosz; 23 - Mokrin; 24 - Vatya; 25 - Göggingen; 26 - Edling-Hochhause; 27 - Seiboldsdorf; 28 - Pillersdorf; 29 - Trstěnice; 30 - Vodňany; 31 - Vodňansko; 32 - Kulcs; 33 - Deszk; 34 - Kleinaitingen

Илл. 204. Культурогенез. Находки медных и бронзовых очковидных подвесок

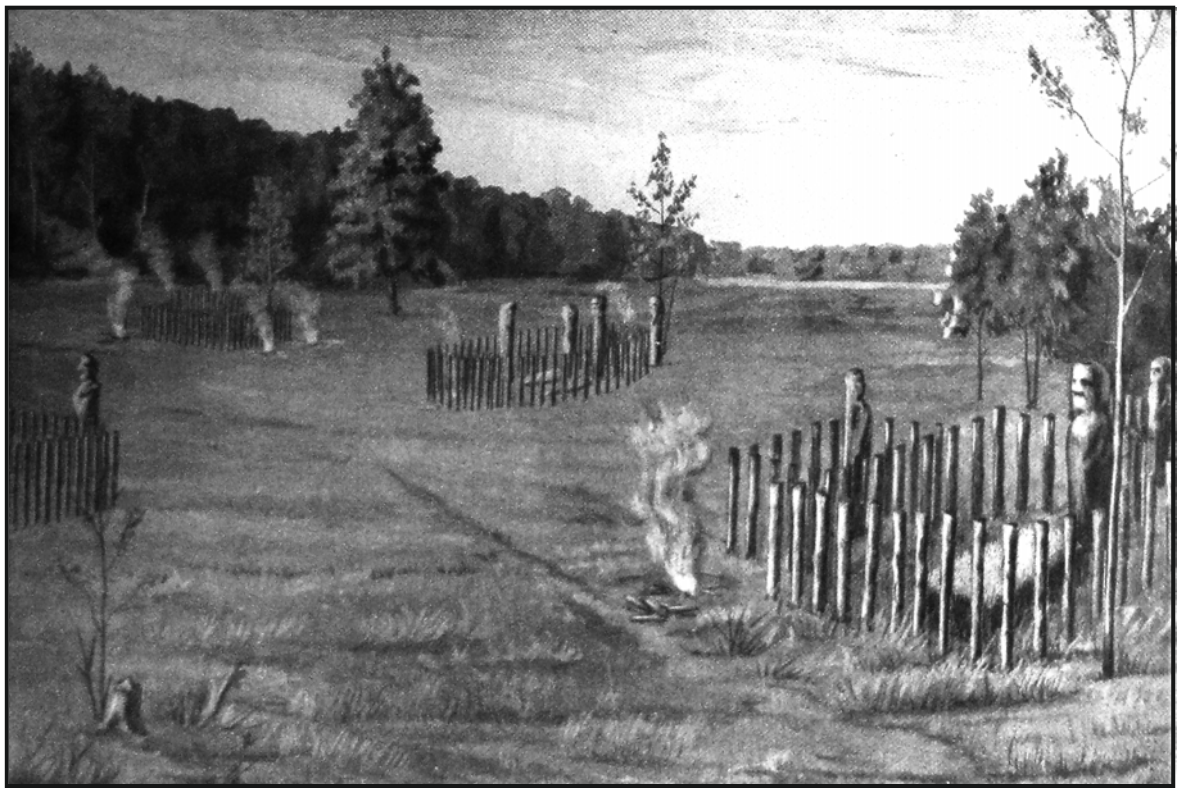
1 - Ребриковка II 1/7; 2 - Бургуста 1; 3 - Чикмари II; 4 - Шахтерск; 5 - Новофилиповка; 6 - Dunaújváros, Kisapostag; 7 - Százhalombatta, Kulcs, Gyúró; 8 - Ampoița - «Peret», Deva; 9 - Gemeinlebarn; 10 - Dolný Peter; 11 - Trucevac; 12 - Straubing; 13 - Stollhof; 14 - Štramberk; 15 - Moravské Lieskové; 16 - Barszów; 17 - Jordanów Śląski; 18 - Mintraching; 19 - Senec; 20 - Hurbanovo; 21 - Mokrin; 22 - Szöreg; 23 - Szerencs; 24 - Vatya; 25 - Franzhausen, Pottenbrunn; 26 - Veľký Grob; 27 - Kulcs; 28 - Deszk; 29 - Csóka; 30 - Kleinaitingen; 31 - Poing; 32 - Rumanová

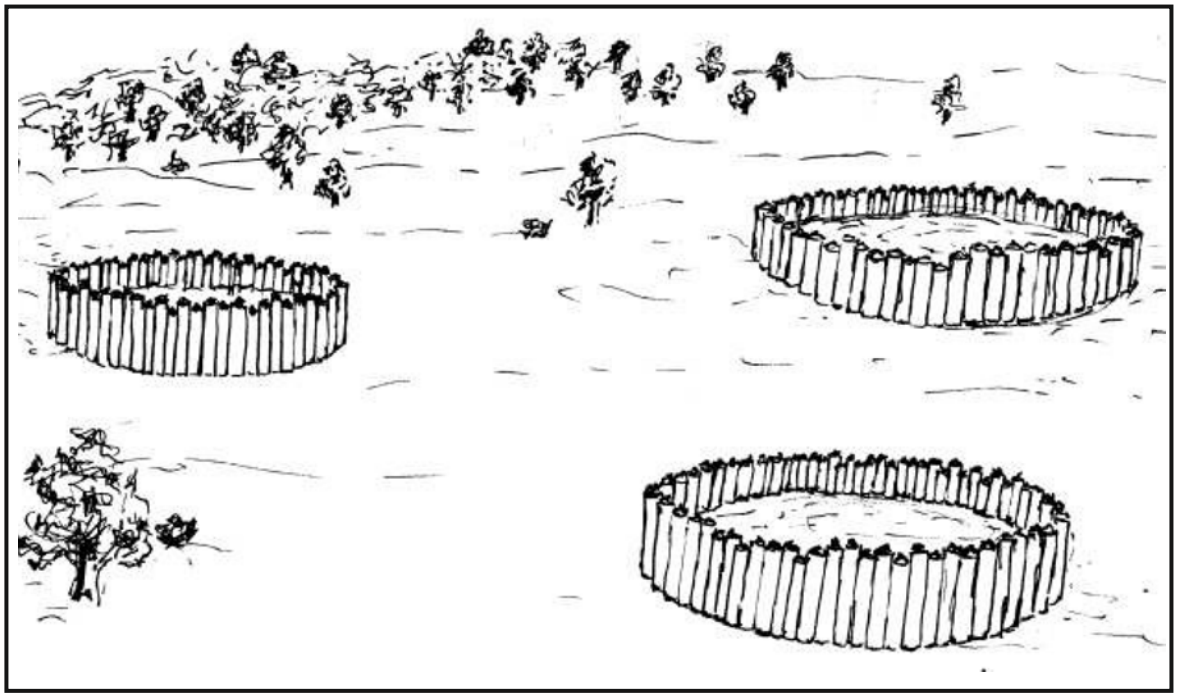
- ККК - СВАК

- отдельные могильники и стоянки СВАК

Илл. 205. Культурогенез. Территориальное соотношение ККК по (Демченко, 2009) и СВАК

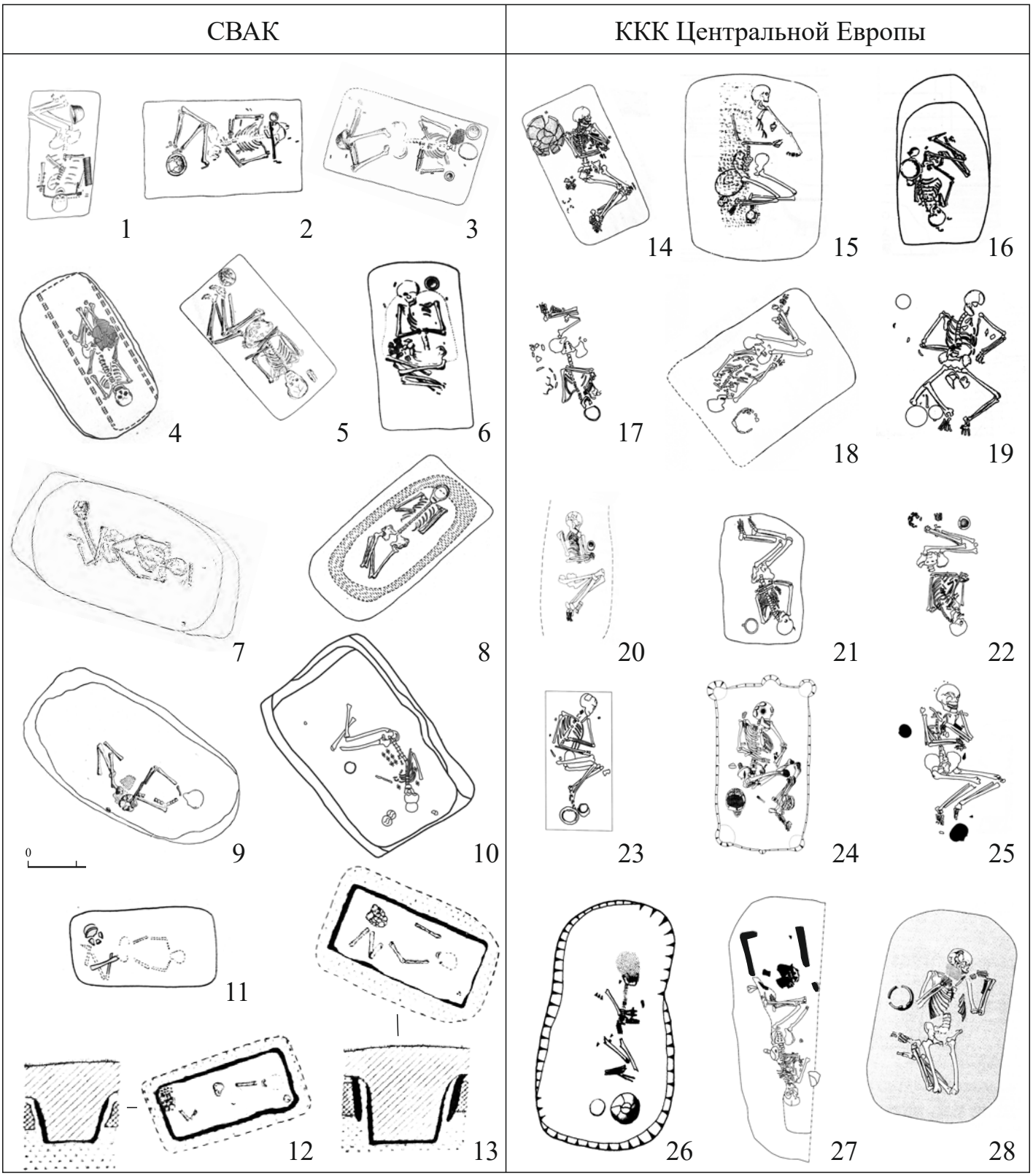
1

2

Илл. 206. Культурогенез. Реконструкции погребальных сооружений со столбовыми конструкциями СВАК и ККК Моравии

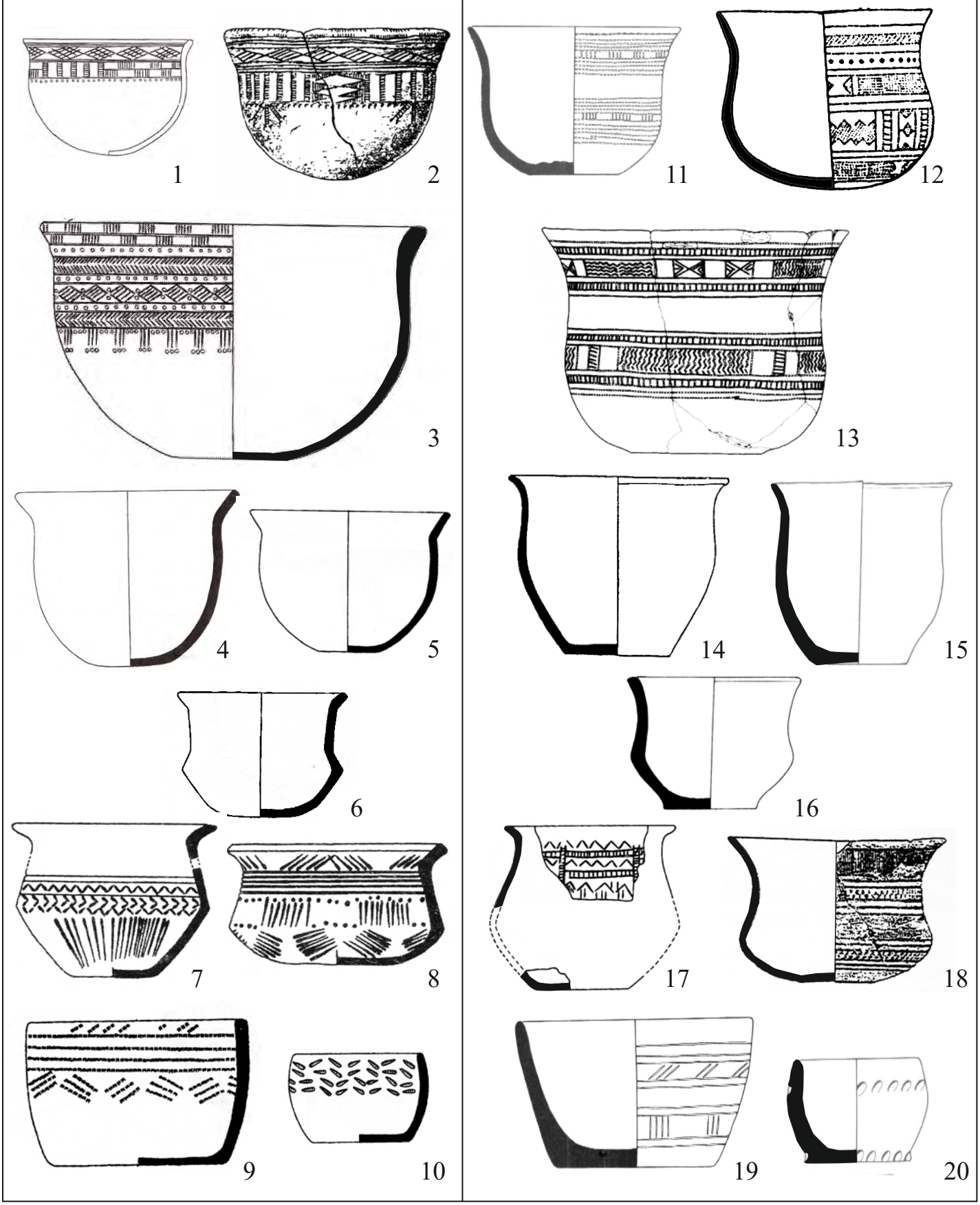
1 - реконструкция по материалам СВАК по (Мерперт, 1961);
2 - реконстукция по материалам ККК Моравии по (Dvorak, Matejickova, Sebela, 2004)

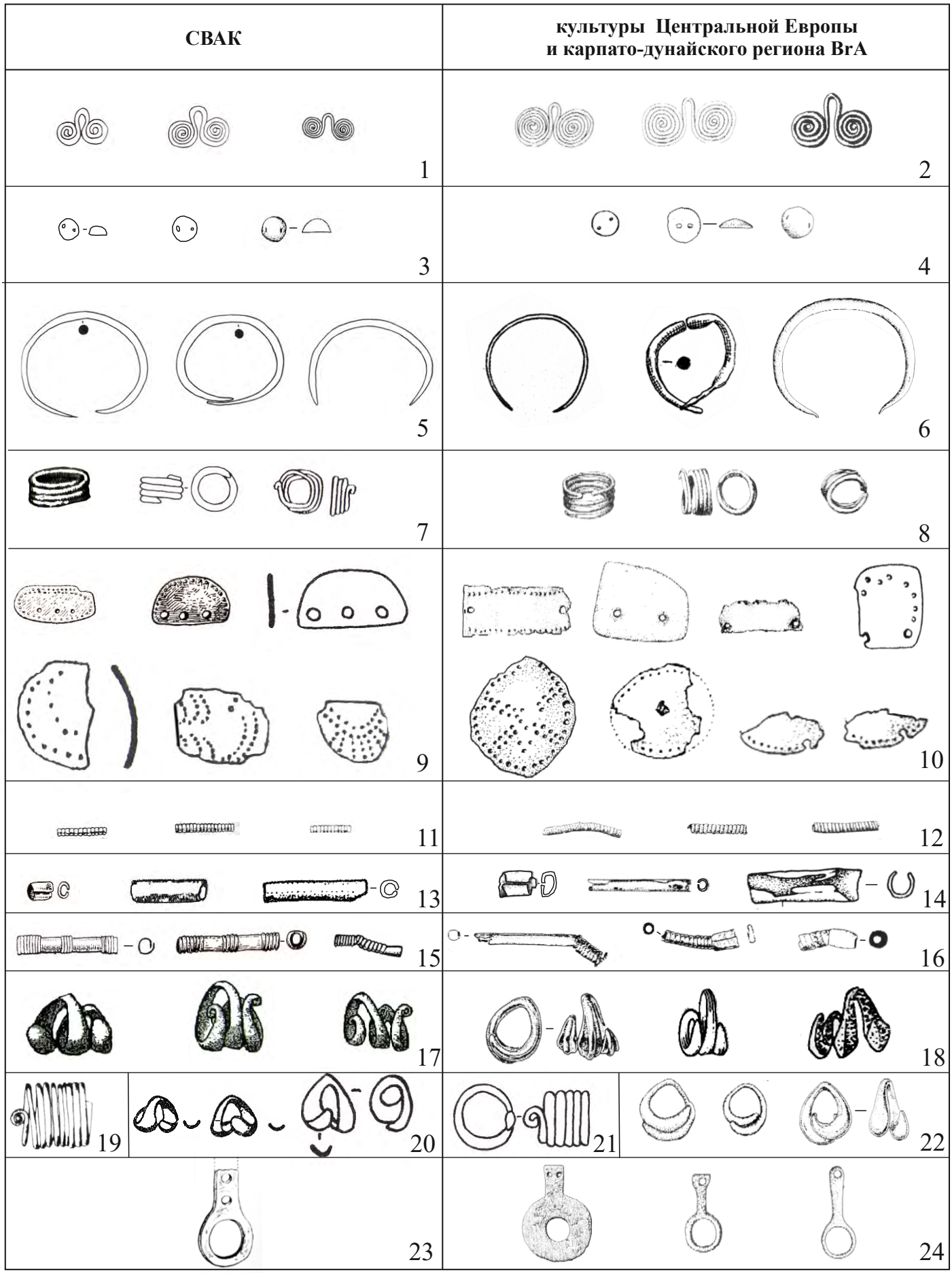
Илл. 207. Культурогенез. Погребальный обряд СВАК и ККК Центральной Европы

1 - Алгаши 1/3; 2 - Алгаши 4/3; 3 - Алгаши 4/1; 4 - Пепкинский курган п.3; 6 - Алгаши 4/2; 5 - Виловатский II 2/3; 7 - Виловатский II 3/1; 8 - Виловатский II 8/1; 9 - Тапшерский 2/2; 10 - Старший Никитский могильник п.12; 11 - Абашево 1/1; 12 - Пикшик 12/3; 13 - Пикшик 15/1; 14 - Oberstimm п.2; 15 - Brandysek I п.71; 16 - Knezeves I п.13; 17 - Bad Nauheim; 18 - Hummetroth; 19 - Samborzec п.III; 20 - Dobre 6 п.XVIII; 21 - Wzgórze Zawichojskie; 22 - Strachów; 23 - Aufhausen; 24 - Holubice п.5; 25 - Landau-SüdOst; 26 - Dvory u Nymburka п.2; 27 - Kölsa п.9; 28 - Kornwestheim

СВАК	поздние фазы ККК Центральной Европы

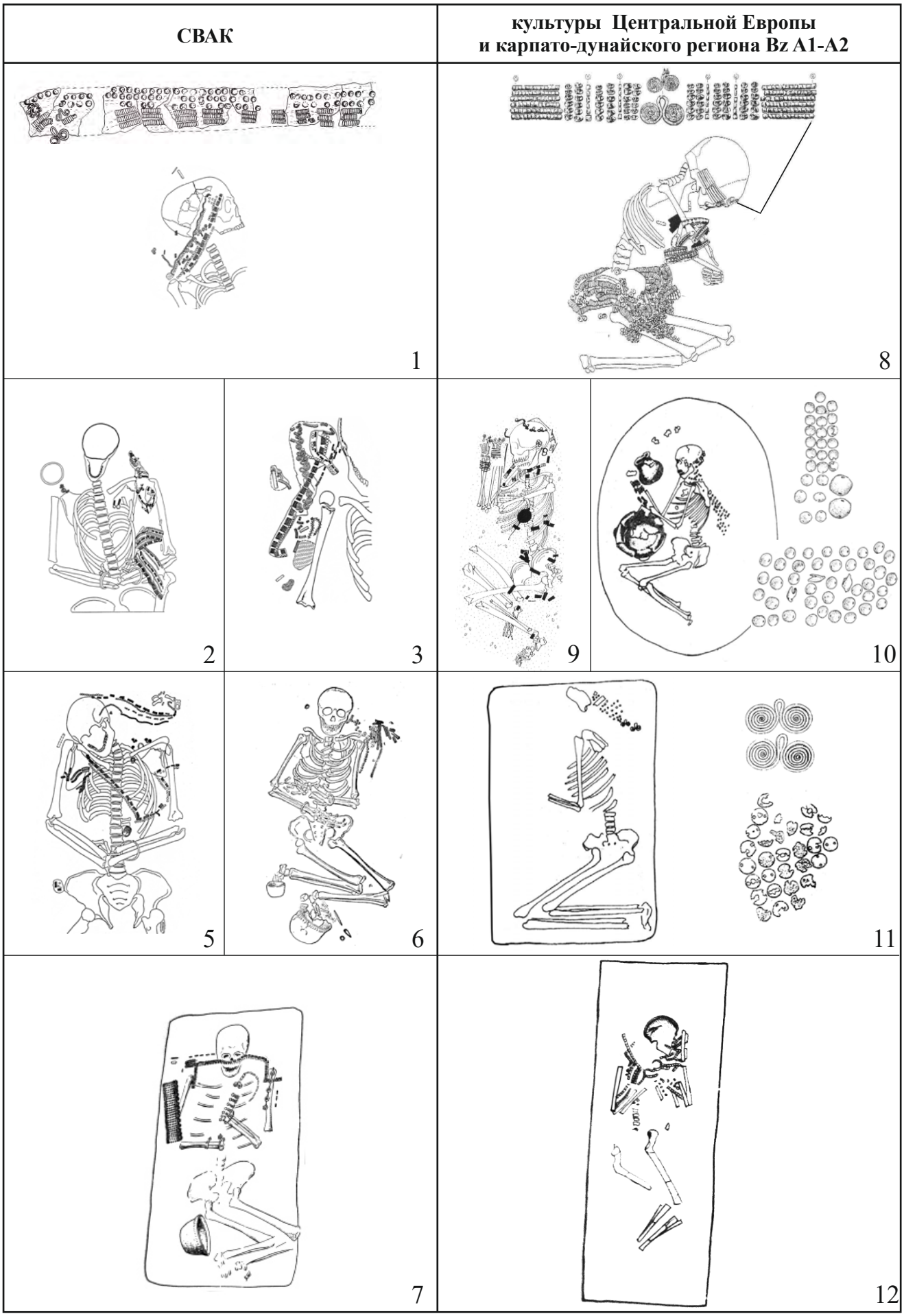

Илл. 208. Культурогенез. Керамические комплексы СВАК и ККК Центральной Европы

Илл. 209. Культурогенез. Украшения из металла и костяные пряжки СВАК и культур Bz A Центральной Европы и карпато-дунайского региона

1, 2 – бронзовые очковидные подвески; 3, 4 – бронзовые полусферические бляшки с двумя отверстиями; 5, 6 – бронзовые браслеты; 7, 8, 19, 21 – бронзовые кольца-перстни; 9, 10 – бронзовые бляшки-накладки с пуансонным орнаментом; 11, 12 – бронзовые спиралевидные пронизи; 13, 14 – бронзовые гладкие пронизи; 15, 16 – бронзовые комбинированные (гладкие и спиралевидные) пронизи; 17, 18 – бронзовые подвески с обратной петлей; 19, 21 - бронзовые спиральные перстни; 20, 22 – бронзовые желобчатые подвески в полтора оборота; 23, 24 – костяные пряжки

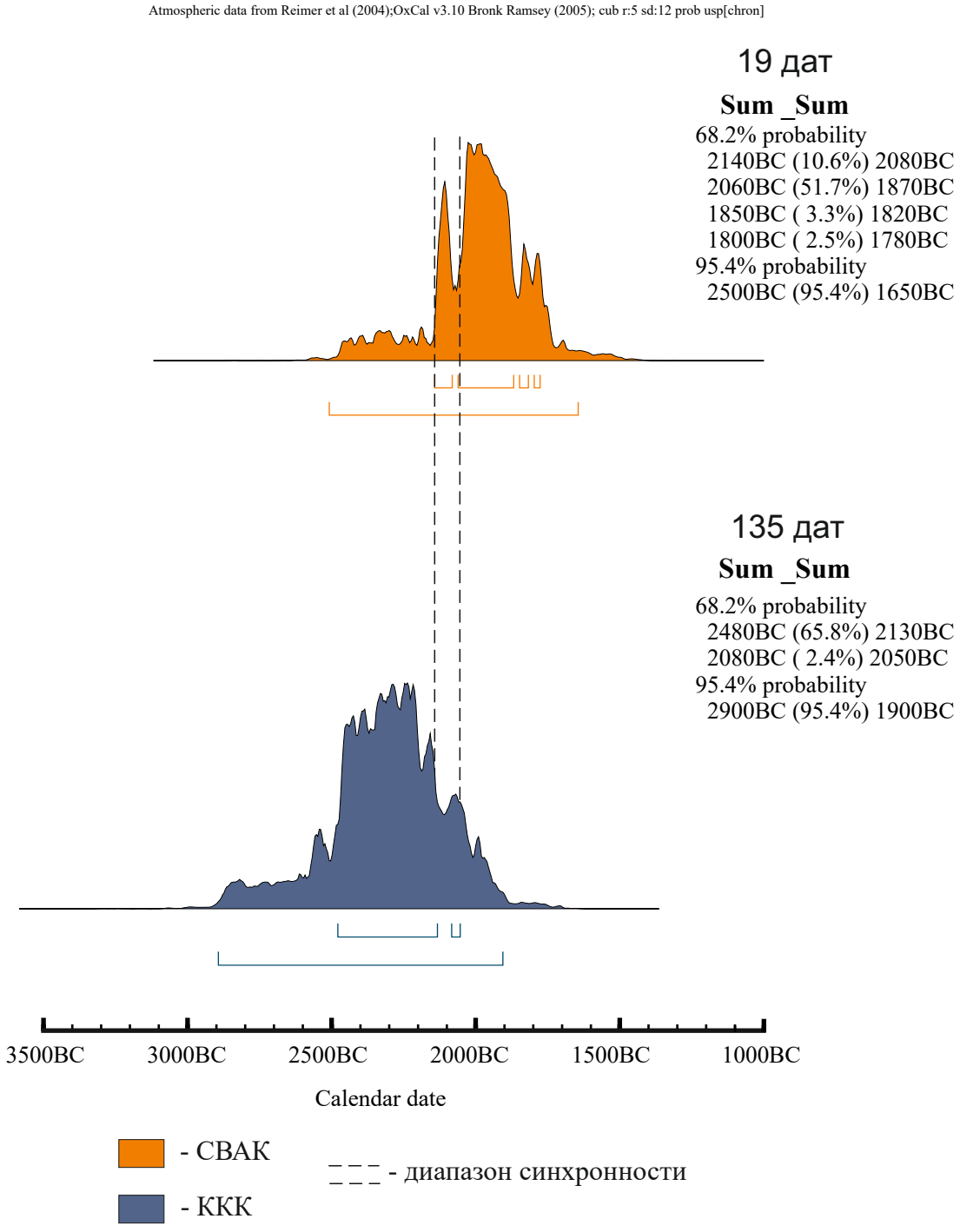
Илл. 210. Культурогенез. Богатое шитьё мелкими бронзовыми украшениями на Средней Волге, в Центральной Европы и карпато-дунайском регионе

1-5 - II Виловатский могильник; 6 - Абашево; 7 - Алгаши; 8 - Круча Замкова; 9 - Францхаузен; 10,11 - Мокрин; 12 - Холешов

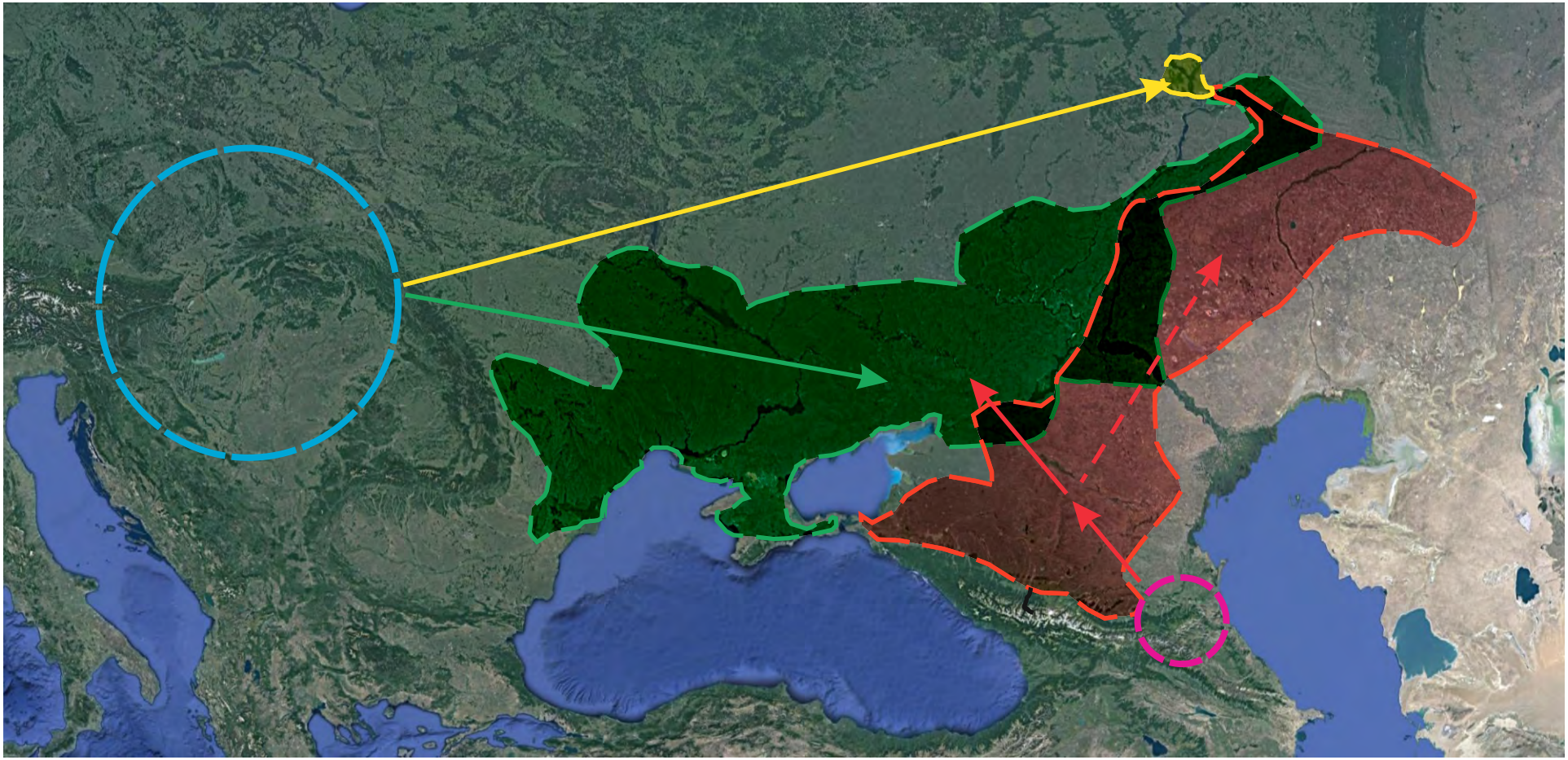

Илл. 211. Культурогенез. Находки костяных узкопланочно-кольцевидных пряжек и богатого шитья с использованием очковидных подвесок и скорлупоковидных бляшек с двумя отвестиями в составе гарнитура украшений

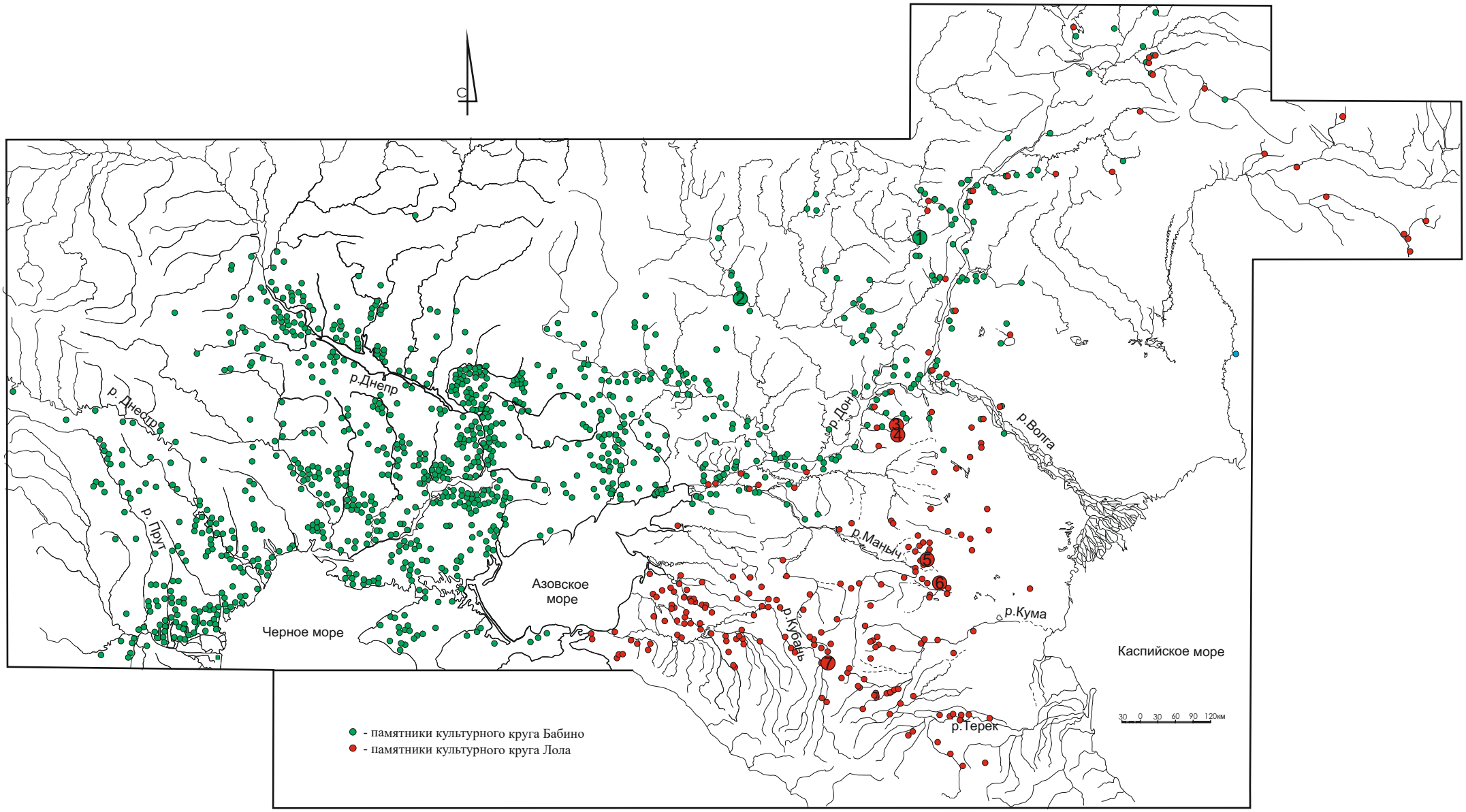
1 - Виловатский II; 2 - Абашево; 3 - Алгаши; 4 - Яндашево; 5 - Катергино, Васюково, Старая Тюрлема; 6 - Вильялы; 7 - Тапшер; 8 - Таушкасы; 9 - Земское; 10 - Бургуста 1; 11 - Krusza Zamkowa; 12 - Jordanów, Śląski; 13 - Franzhausen; 14 - Jelšovce, Branč; 15 - Gurbanovo; 16 - Kulcs, Dunaújváros; 17 - Kisapostag; 18 - Mokrin; 19 - Ďáblice; 20 - Mühlhausen; 21 - Schönefeld; 22 - Groß Ammensleben; 23 - Vahldorf; 24 - Brandýsek; 25 - Stuttgart, Zuffenhausen; 26 - Flomborn; 27 - Heringen; 28 - Zorbau; 29 - Mierzanowice; 30 - Čaňa; 31 - Periam; 32 - Hernádkak; 33 - Dunaharaszti; 34 - Rumanová

Илл. 212. Культурогенез. Результаты суммирования ^{14}C данных СВАК и ККК Центральной Европы

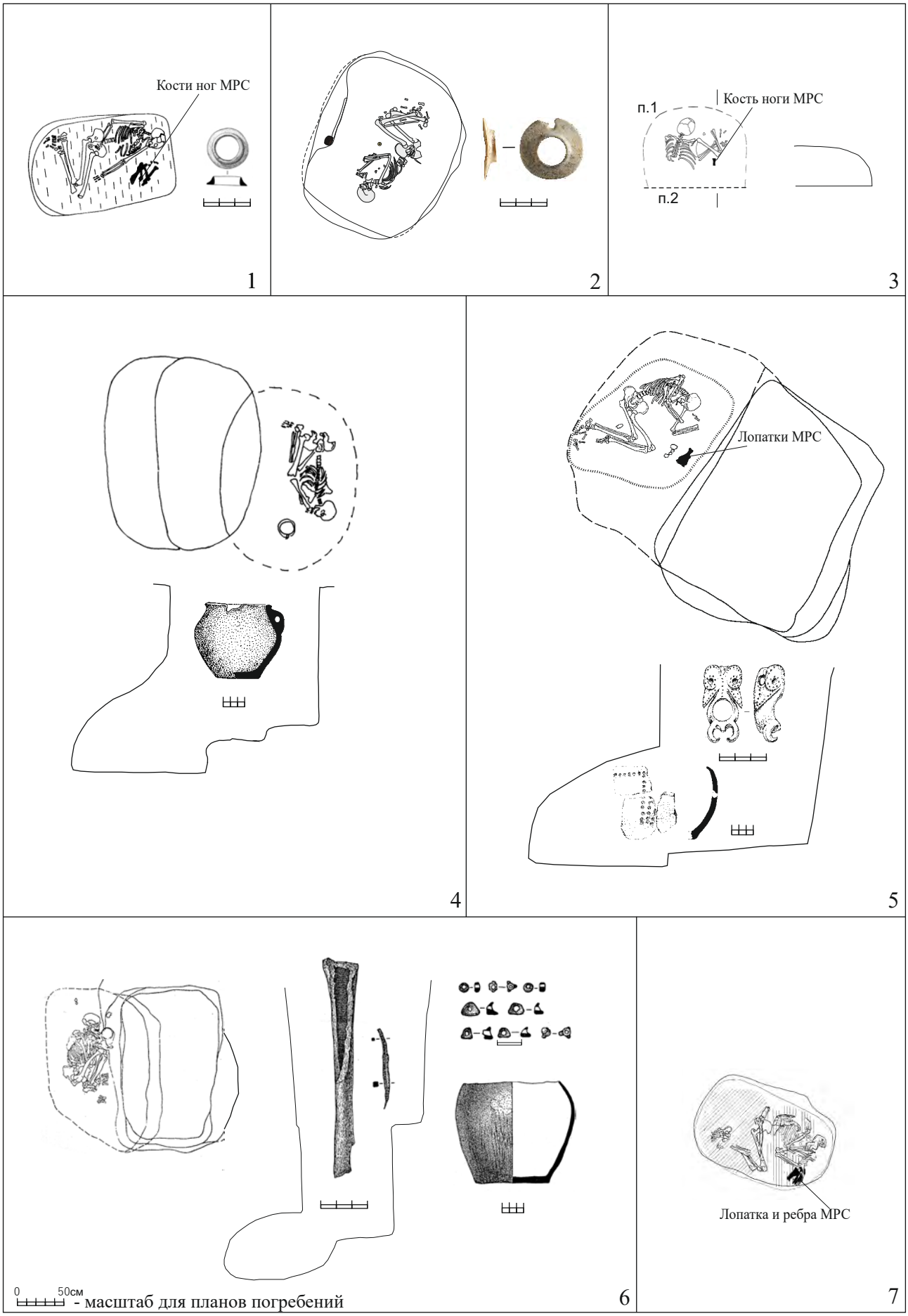

Илл. 213. Культурогенез. Схема миграционных процессов в Восточной Европе на фазе ПКБ I (2200 CalBC, «4.2 ka BP climatic event»)

Илл. 214. Культурогенез. Расположение посткатакомбных курганов с исследованными погребенными почвами

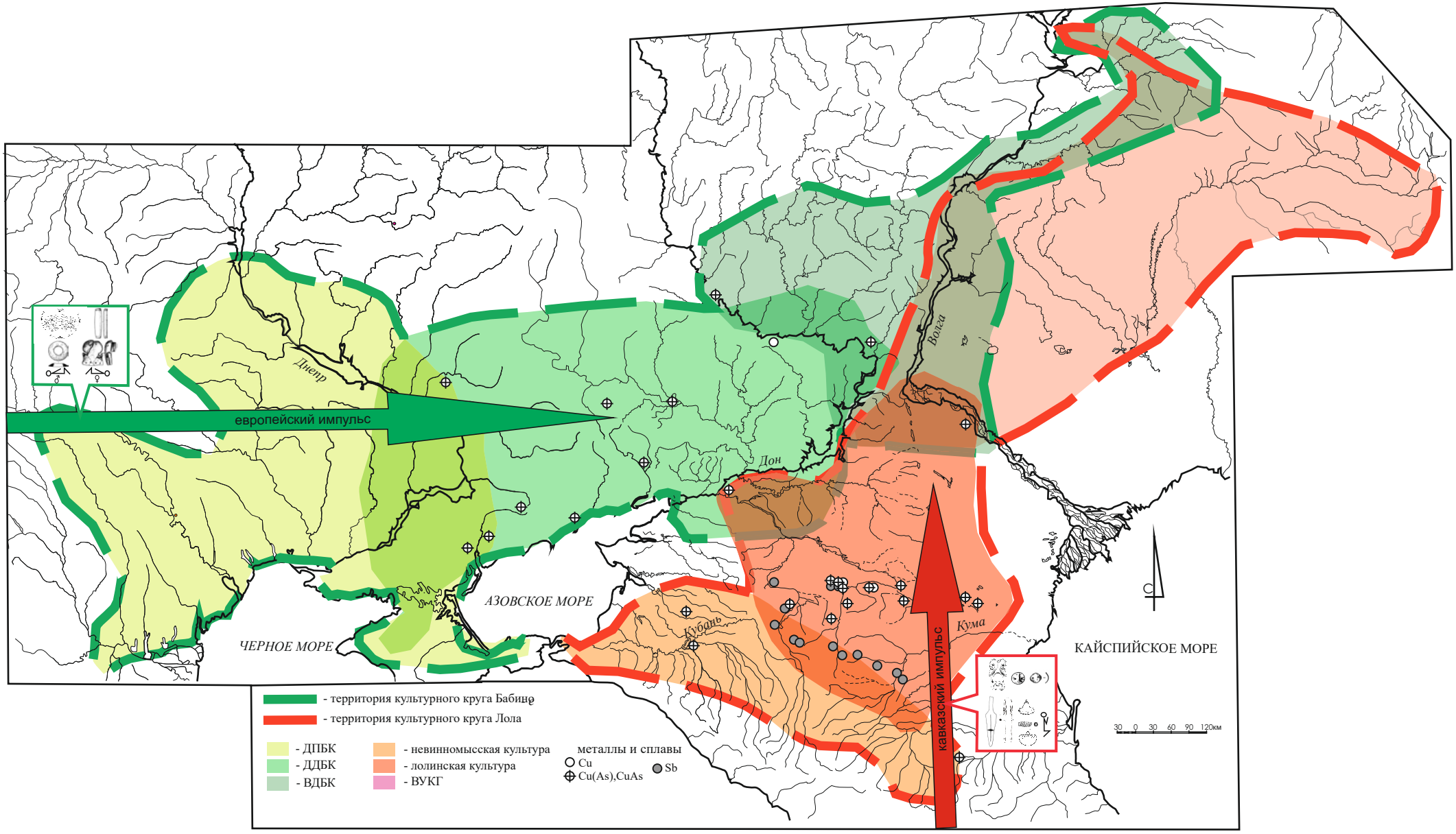
1 - Линево к.6; 2 - Филоновский курган; 3 - Аксай I к.6; 4 - Перегрузное 1 к.7; 5 - Кевюды 1 к.5; 6 - Манджикины 1 к.10; 7 - Каскадный 2 к.1

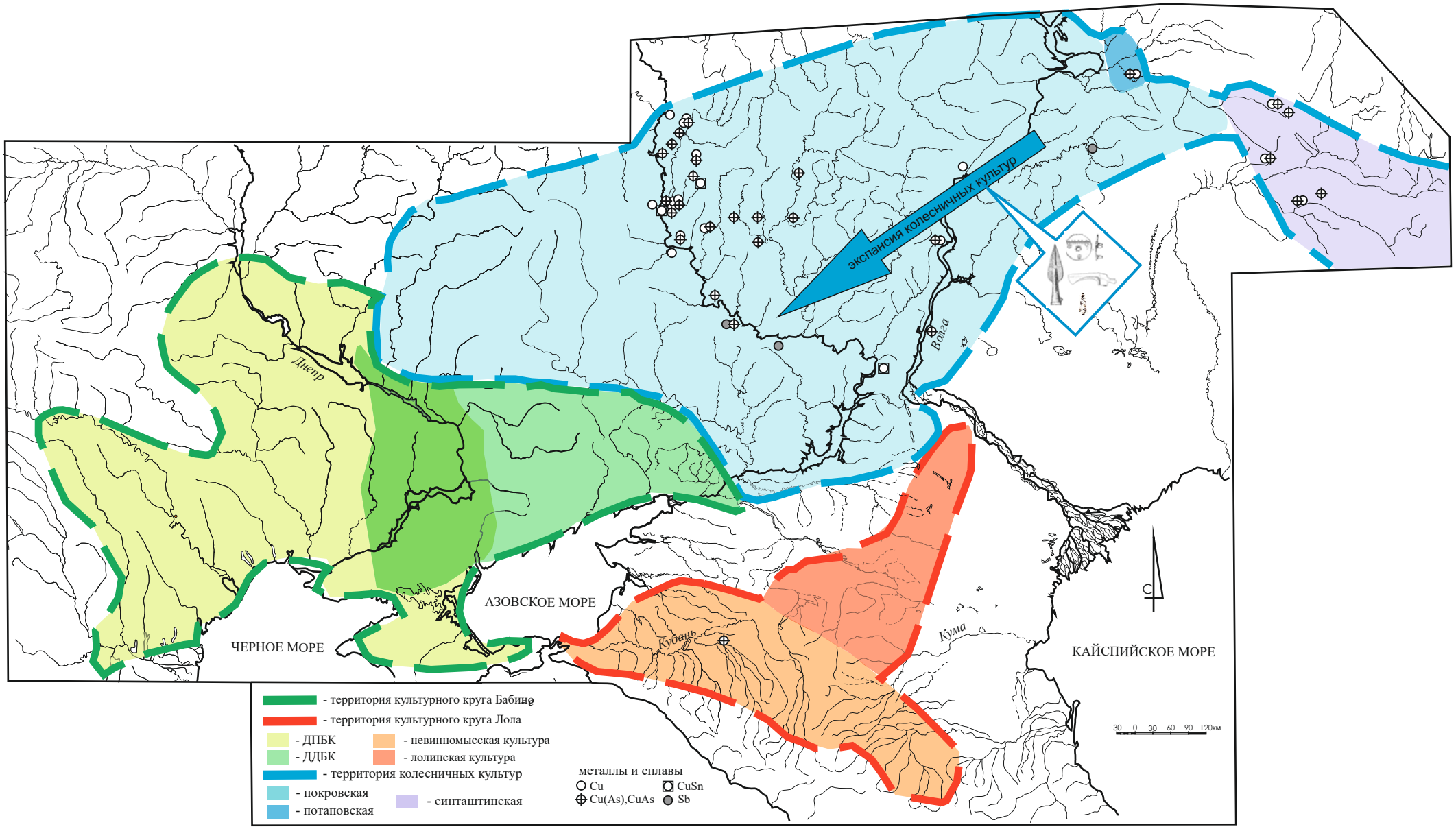
Илл. 215. Культурогенез. Погребальные комплексы посткатакомбных курганов, имеющих палеопочвенные определения

1 - ВДБК; 2 - ДДБК; 3-6 - лолинская культура; 7 - невинномысская культура

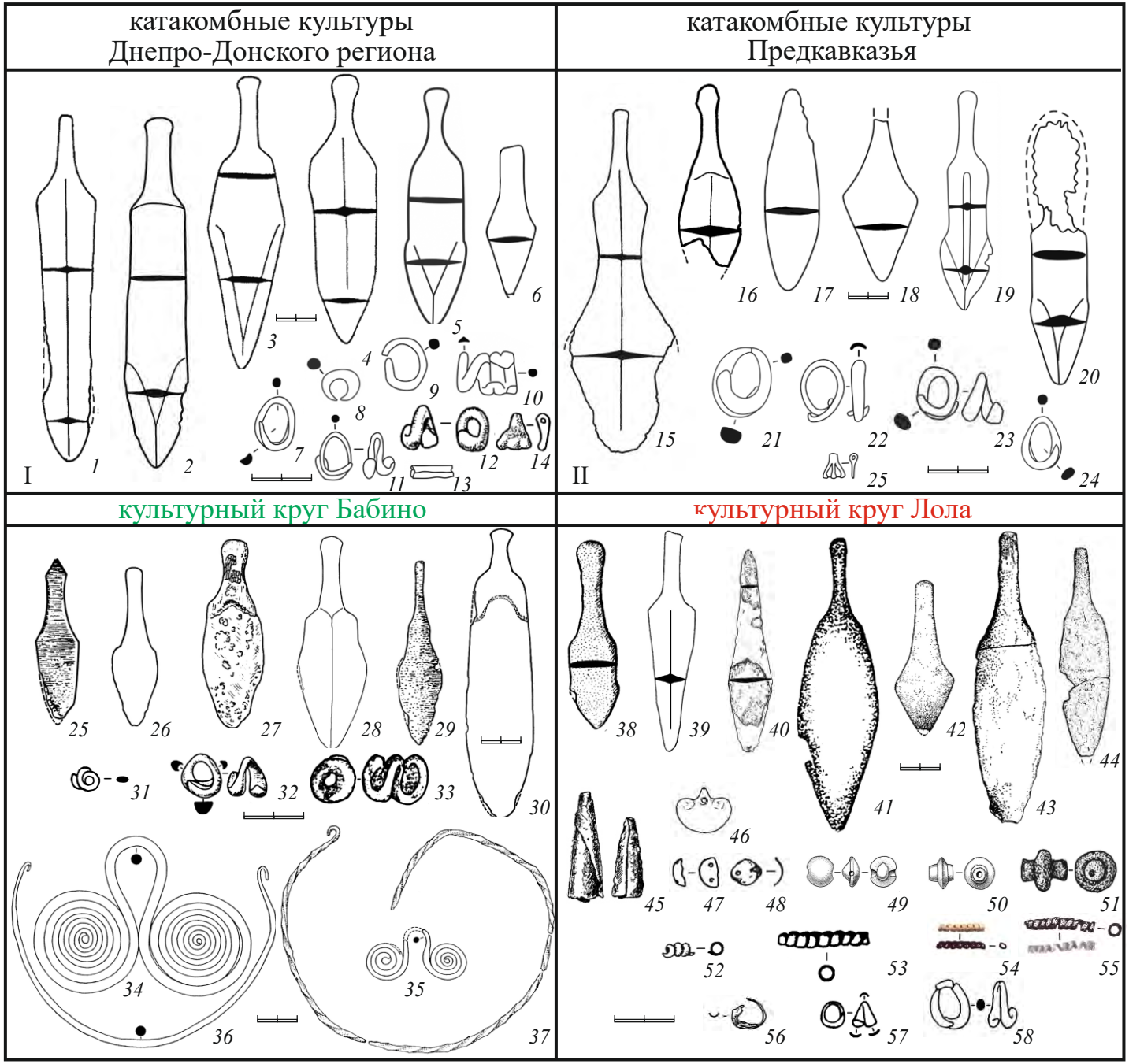
1 - Линево 6/6; 2 - Филоновский курган п. 2; 3 - Перегрузное-1 7/1; 4 - Аксай I 6/3; 5 - Кевюды 1 3/5; 6 - Манджикины 1 10/2;7 - Каскадный 2 1/3

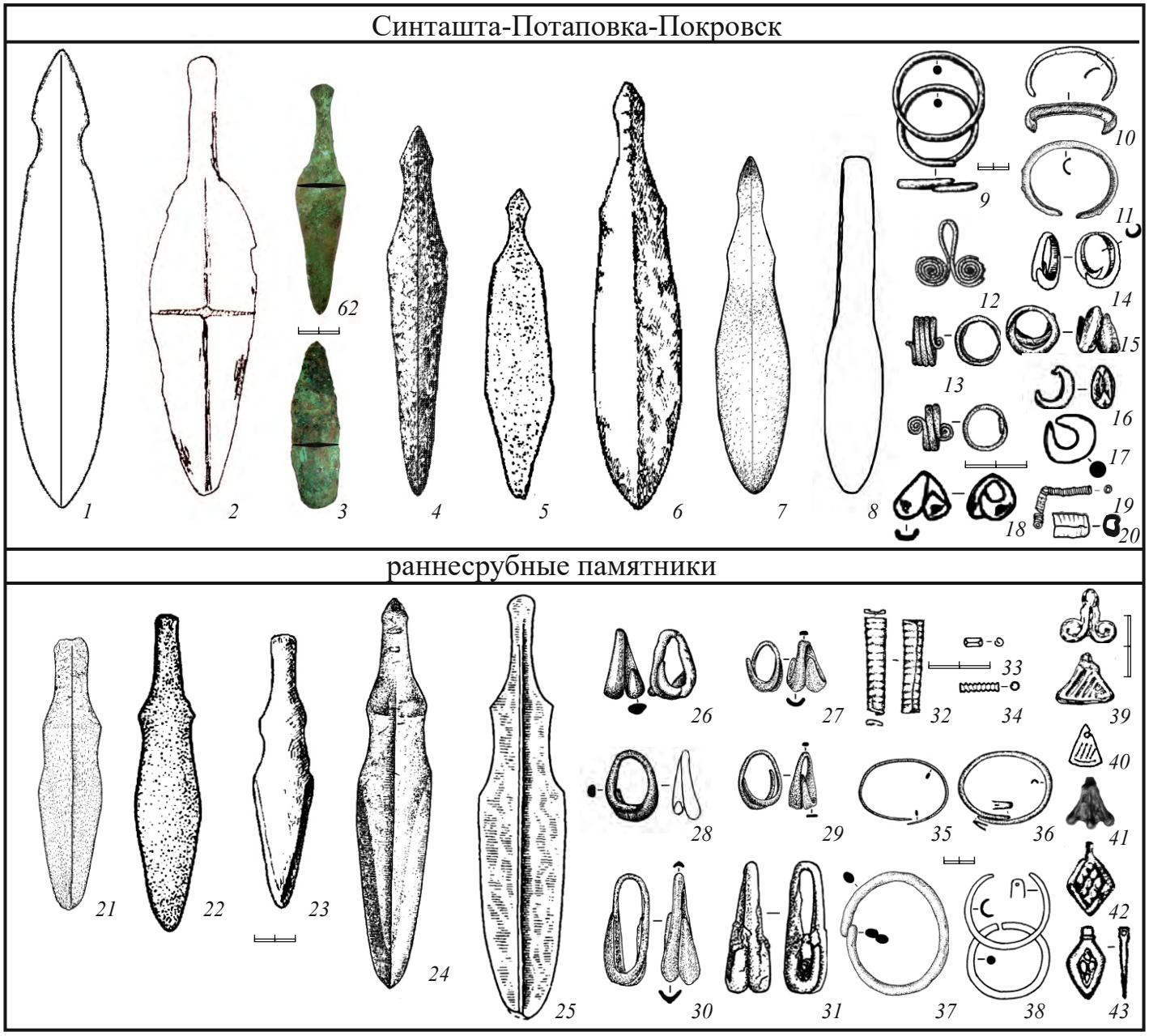
Илл. 216. Культурогенез. Территория блока посткатакомбных культурных образований, фазы ПКБ I и II (2200–2000 CalBC).

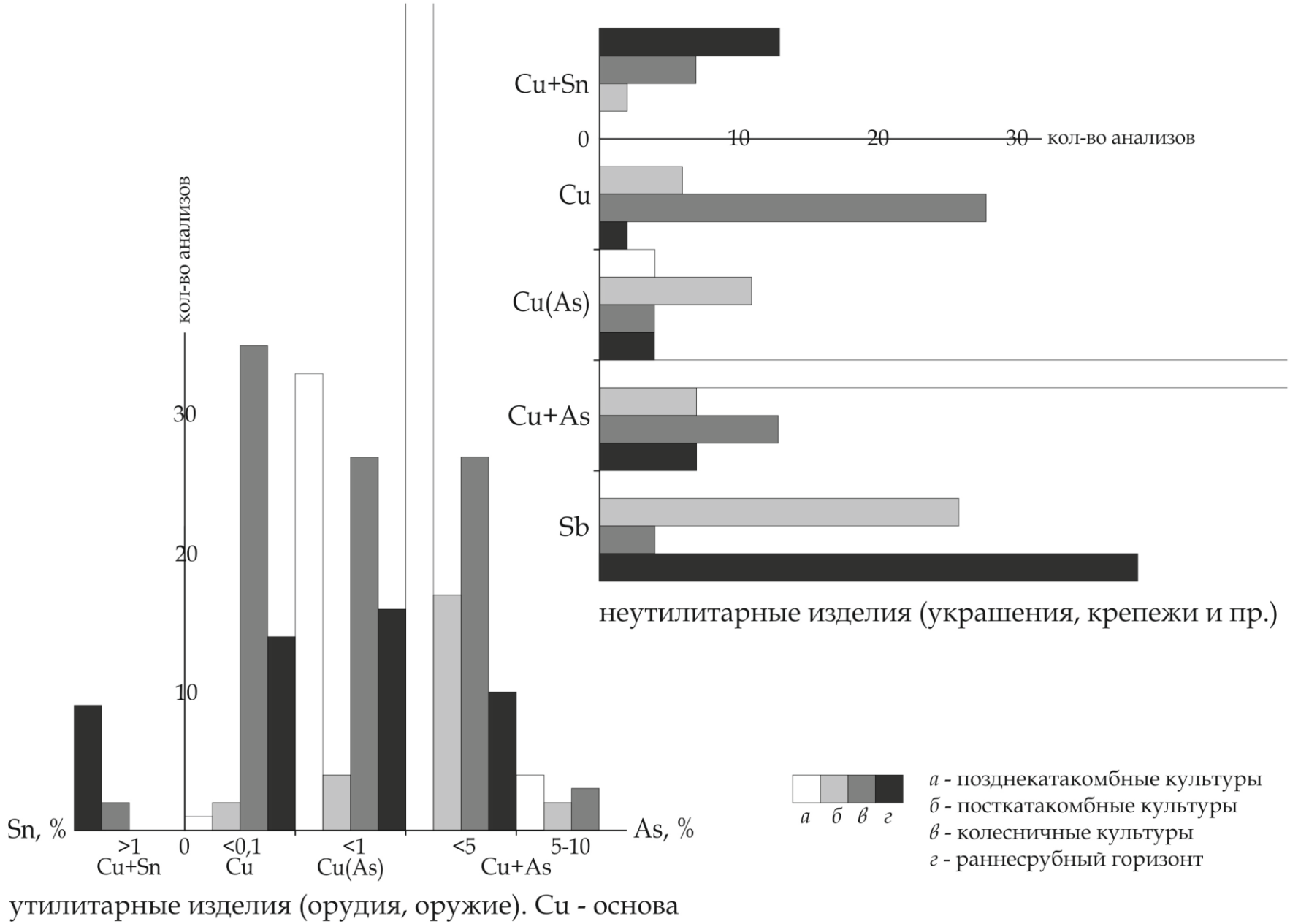
Илл. 217. Культурогенез. Территориальное соотношение посткатакомбного и колесничного блоков, фаза ПКБ III (2000–1800 CalBC). Распространение основных металлов и сплавов

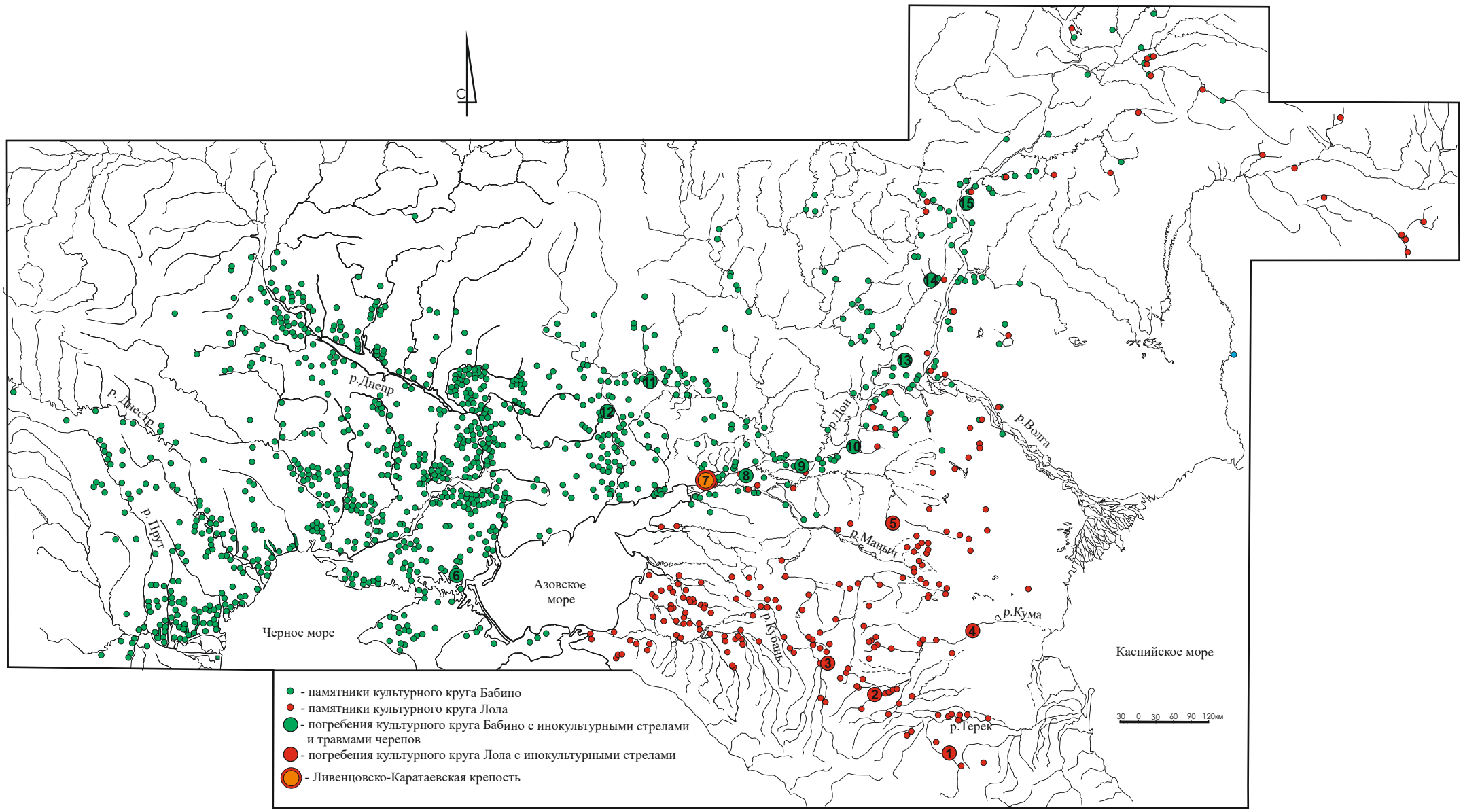
Илл. 218. Культурогенез. Металлокомплексы культурных образований конца СБВ восточноевропейской степи – лесостепи

Илл. 219. Культурогенез. Металлокомплексы культурных образований начала ПБВ восточноевропейской степи – лесостепи

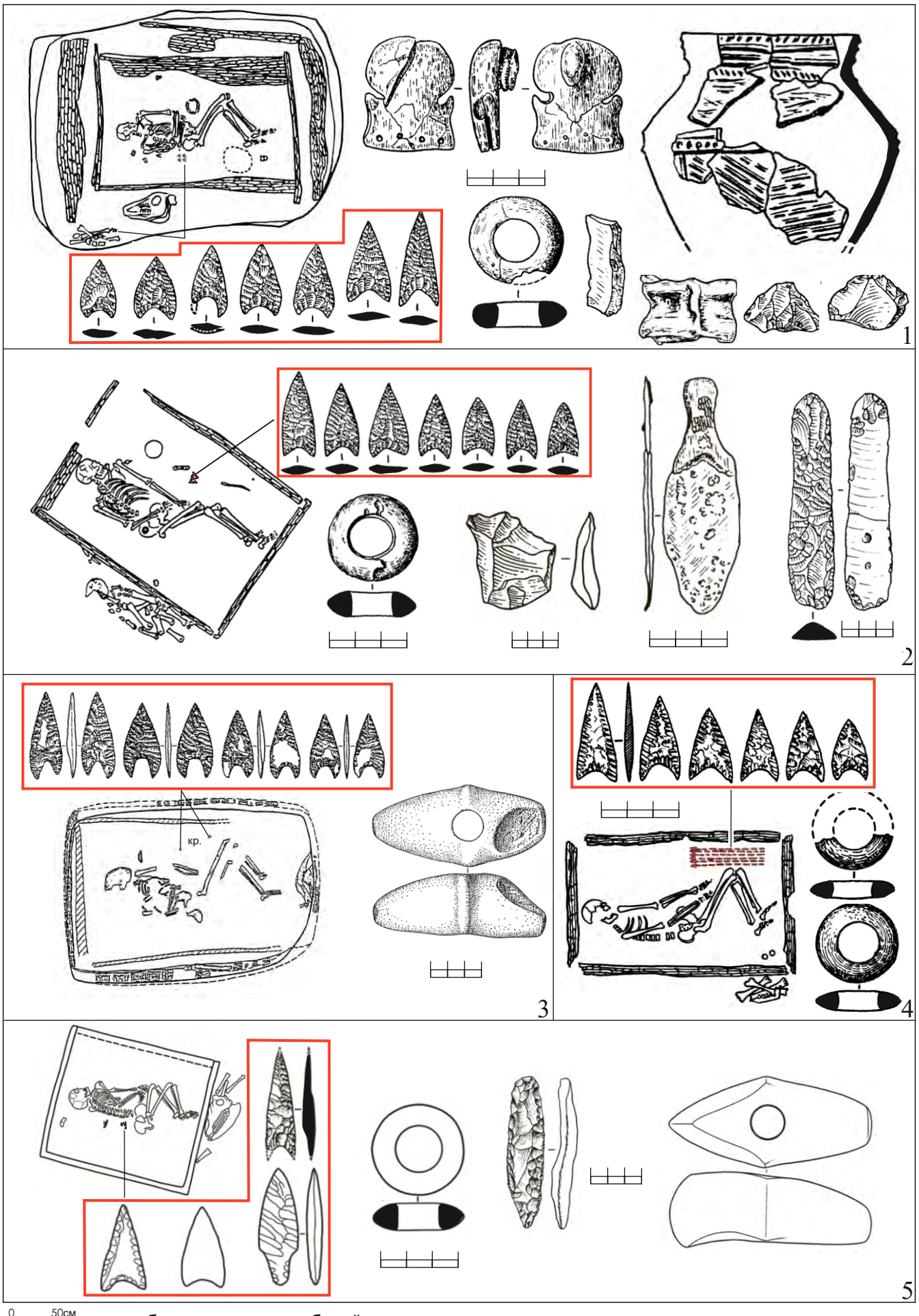

Илл. 220. Культурогенез. Распределение металла разных культурно-хронологических групп конца СБВ – начала ПБВ восточноевропейской степи – лесостепи по функциональным группам инвентаря в зависимости от основы и лигатур (по данным химических анализов)

Илл. 221. Культурогенез. Блок посткатакомбных культурных образований. Комплексы со свидетельствами военных конфликтов

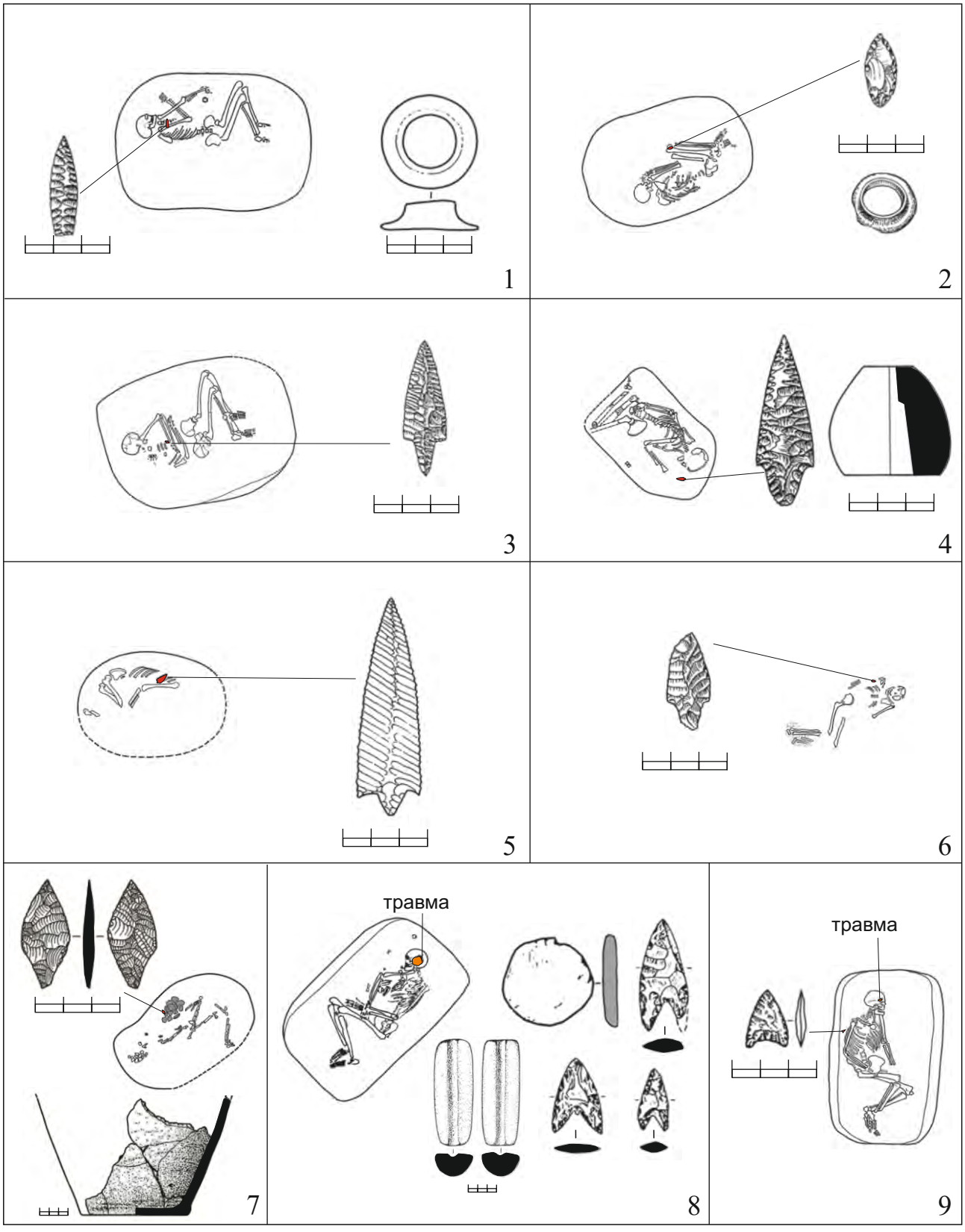
1 - Беслан А/703; 2 - Иноземцево 1 7/5; 3 - Кунаковский 2 3/3; 4 - Зимняя Ставка 1 4/1; 5 - Песчаный V 14/3; 6 - Калиновка 1/4; 7 - Ливенцовско-Каратаевская крепость, Ростов-Западный 5/3; 8 - Елкинский I 1/6; 9 - Ясырев I 8/9; 10 - Нагавский II 4/1; 11 - Высокое 1/1; 12 - Попов Яр 6/3; 13 - Котлубань IV 1/4; 14 - Петрунино II 5/2; 15 - Смеловка 2/3

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 222. Культурогенез. Колчанные наборы в погребениях ДДБК

1 - Беева Могила п. 3; 2 - Николаевка 1/8; 3 - Репный I 7/10; 4 - Князево 1/5; 5 - Близнецы 1/1

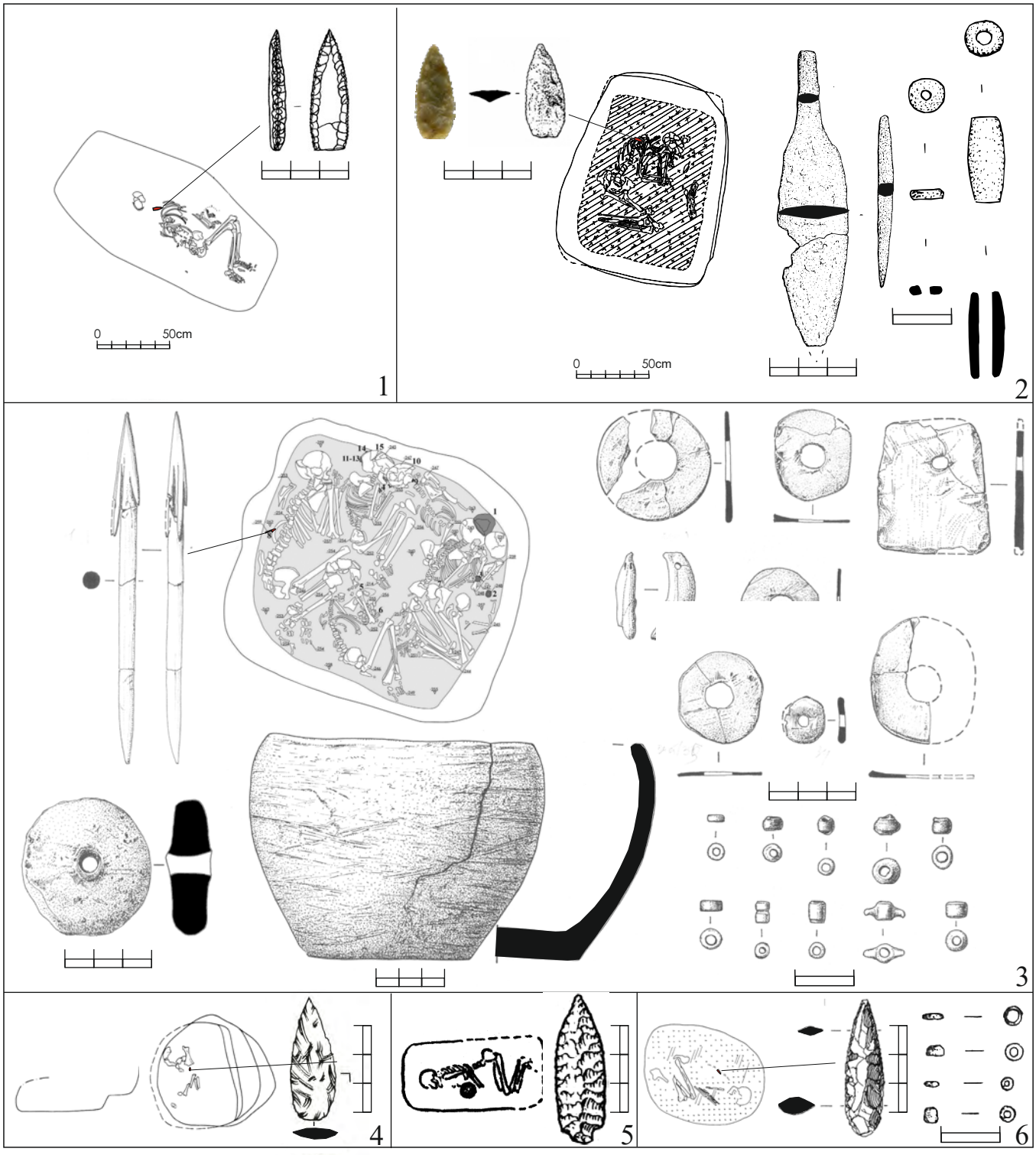

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 223. Культурогенез. Погребения со свидетельствами ранений и убийств в погребениях культурного круга Бабино

1-3,5,6 - ДДБК; 4 - ДПБК; 8,9 - ВДБК

1 - Котлубань IV 1/4; 2 - Ясырев I 8/9; 3 – Попов Яр 6/3; 4 - Калиновка 1/4; 5 - Нагавский II 4/1; 6 - Высокое 1/1; 7- Елкинский I 1/6; 8 - Петрунино II 5/2; 9 - Смеловка 2/3

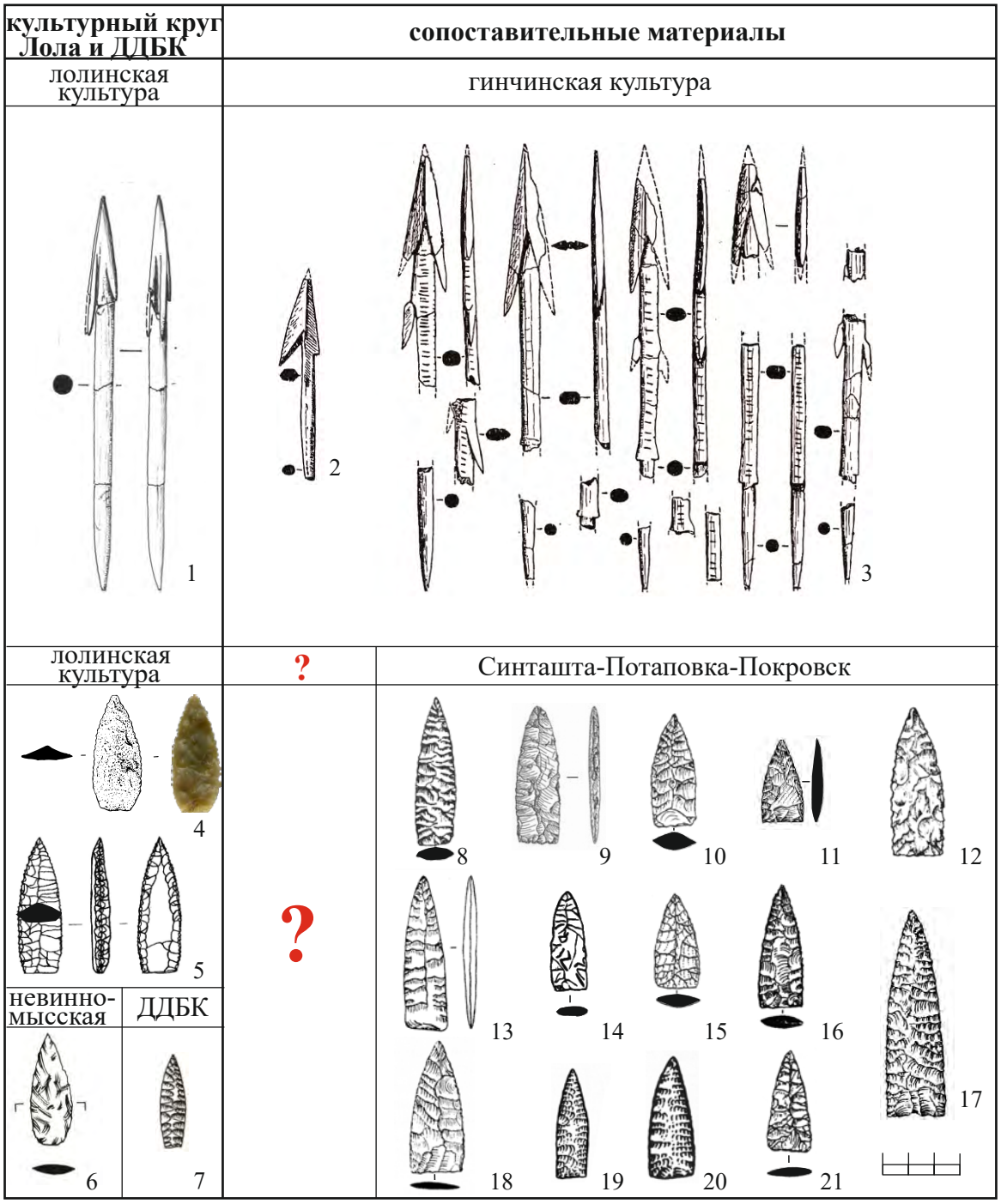
0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 224. Культурогенез. Погребения со свидетельствами ранений и убийств культурного круга Лола

1-4 - лолинская культура; 5,6 - невинномысская культура

1 - Беслан А/703; 2 - Кунаковский 2 3/3; 3 - Песчаный V 14/3;

4 - Зимняя Ставка 1 4/1; 5 - Ростов-Западный 5/3; 6 - Иноземцево 1 7/5

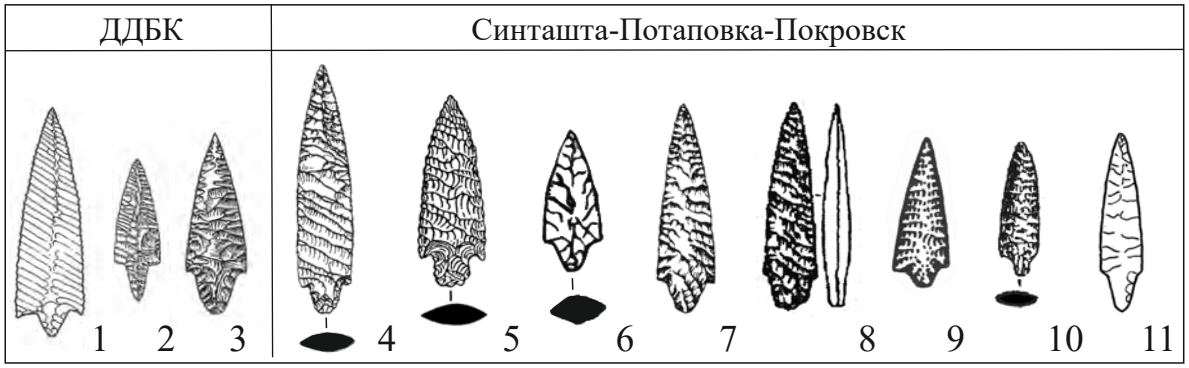
Илл. 225. Культурогенез. Инокультурные наконечники стрел в погребениях культурного круга Лола и ДДБК и сопоставительные материалы

1 - Песчаный V 14/3; 2 - Гични склеп 2; 3 - Ирганай склеп 5; 4 - Кунаковский 2 3/3; 5 - Беслан А/703; 6 - Иноземцево 1 7/5; 7 - Котлубань IV 1/4; 8 - Первый Власовский 16/ 4 ; 9 - Селезни 2 1/2; 10 - Липецкий 2/2; 11 - Халвай III кург/9; 12 - Потаповка 5/8; 13 - Линево 8/3; 14 - Танаберген II 7/15; 15 - пос. Устье; 16 - Дубовый Гай кург./4; 17 - Утевка VI 6/2; 18 - Синташта СМ/12; 19 - Натальино II 14/1; 20 - Покровск (юго-восточная группа) к.12; 21 - Каменный Амбар 5 2/5

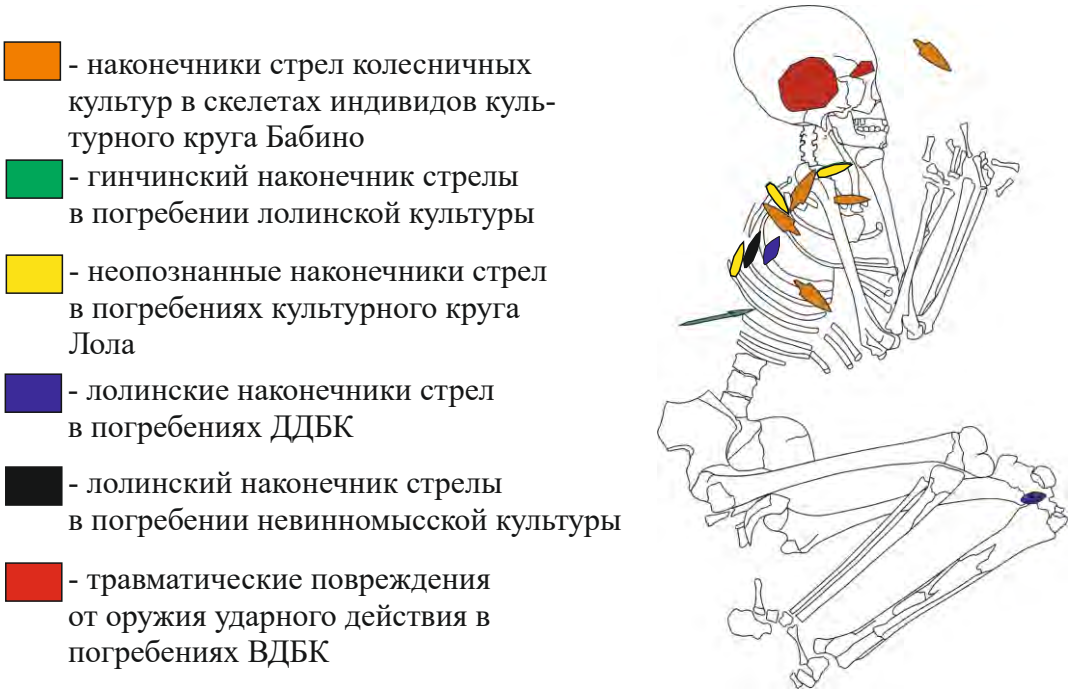
Илл. 226. Культурогенез. Инокультурные наконечники стрел в погребениях ДДБК и сопоставительные материалы (фазы ПКБ I и II)

1 - Ясырев I 8/9; 2 - Манджикины 1 9/1; 3 - Степная IV 3/3; 4 - Цаган-Усн VII 4/27; 5 - Елкинский I 1/6; 6 - каратаевский участок; 7,8 - ливенцовский участок

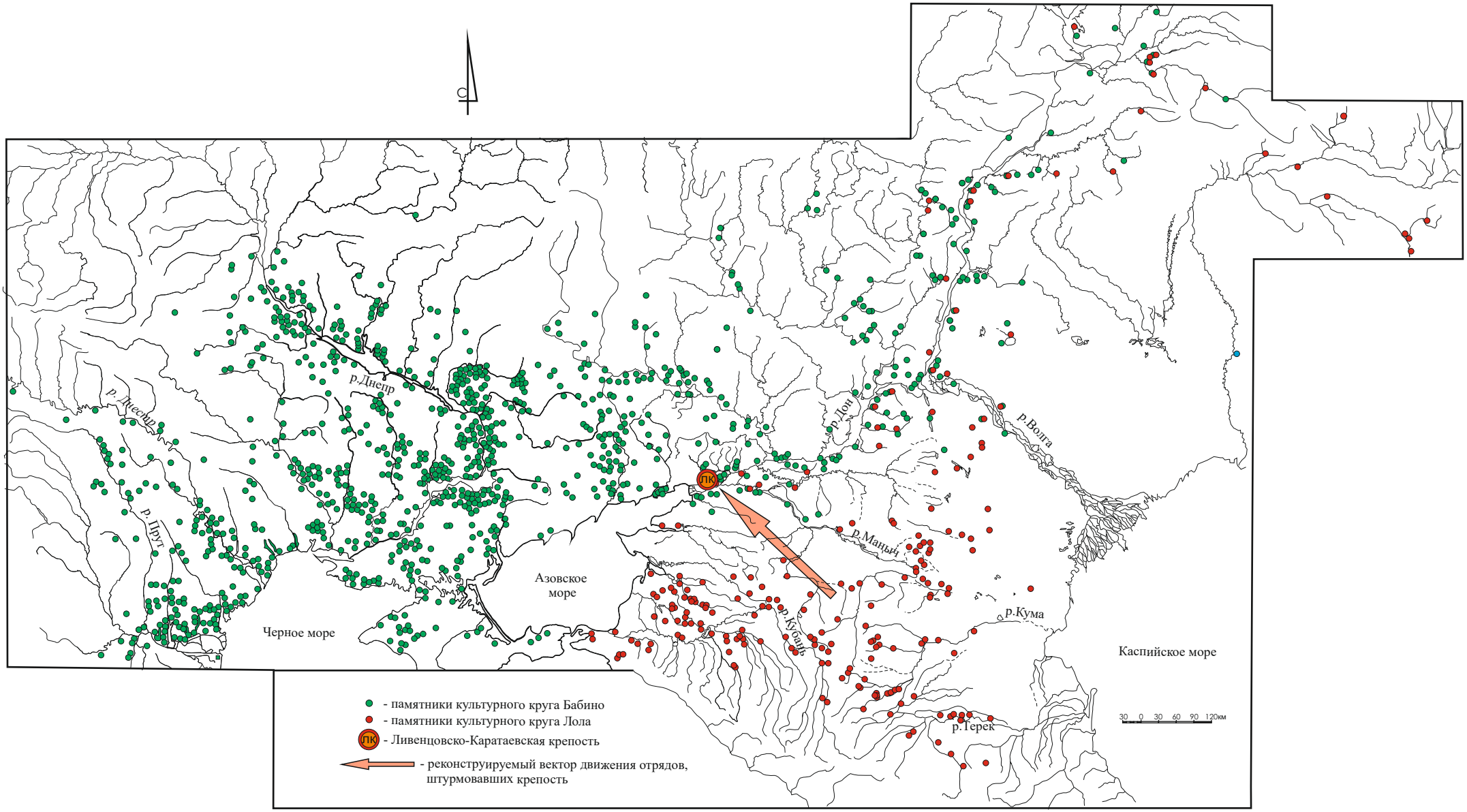

Илл. 227. Культурогенез. Инокультурные наконечники стрел в погребениях ДДБК и сопоставительные материалы (фаза ПКБ III)

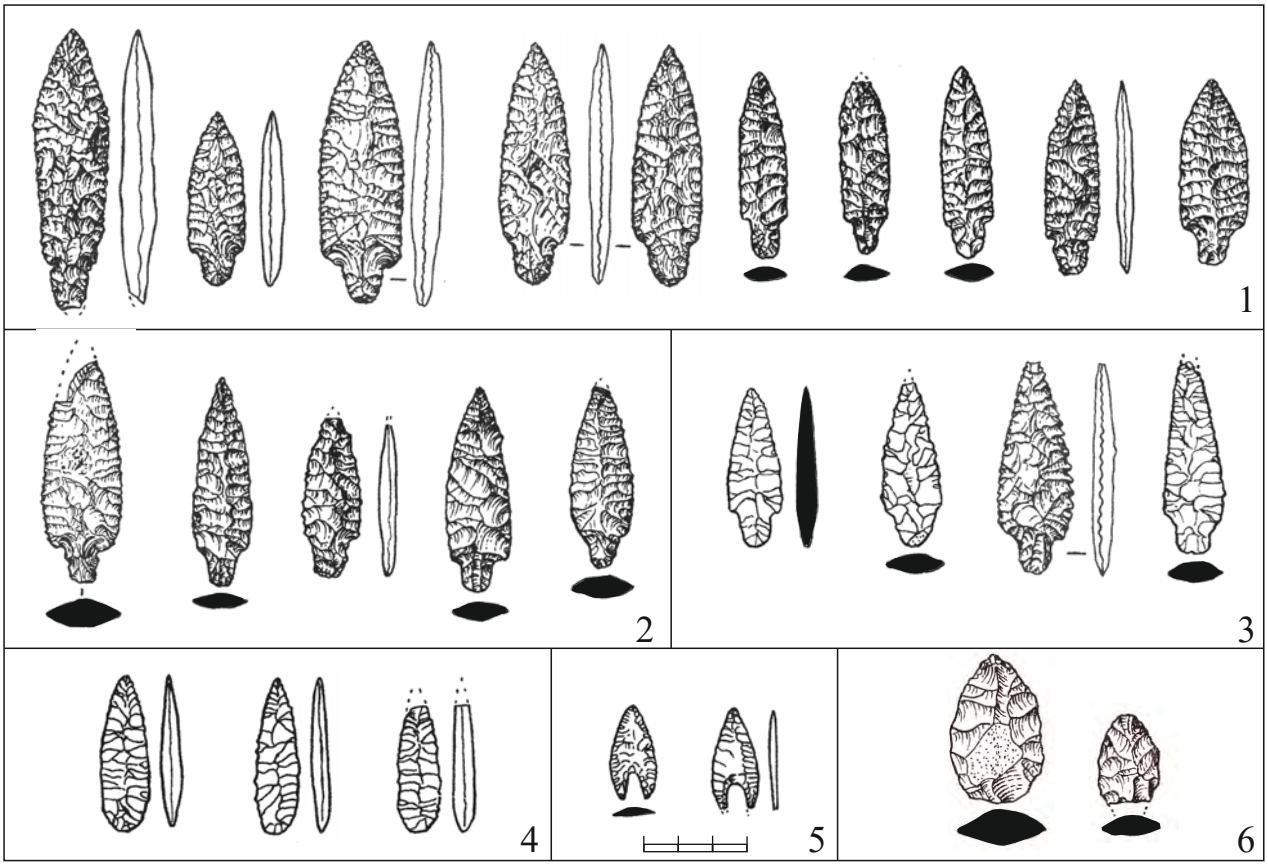
1 - Нагавский II 4/1; 2 - Попов Яр 6/3; 3 - Калиновка 1/4; 4 - Каменный Амбар 5 2/5; 5 - Большекараганский 25/17; 6 - Танаберген II 7/15; 7 - Потаповка 3/4; 8 - Утевка VI 6/4; 9 - Покровск (ЮВ группа) 8/1; 10 - Филатовский кург/1; 11 - Арчадинская 8/4

Илл. 228. Культурогенез. Аккумулятивная схема расположения наконечников стрел (свидетельств ранений и убийств) и травматических повреждений в погребениях культурных кругов Бабино и Лола

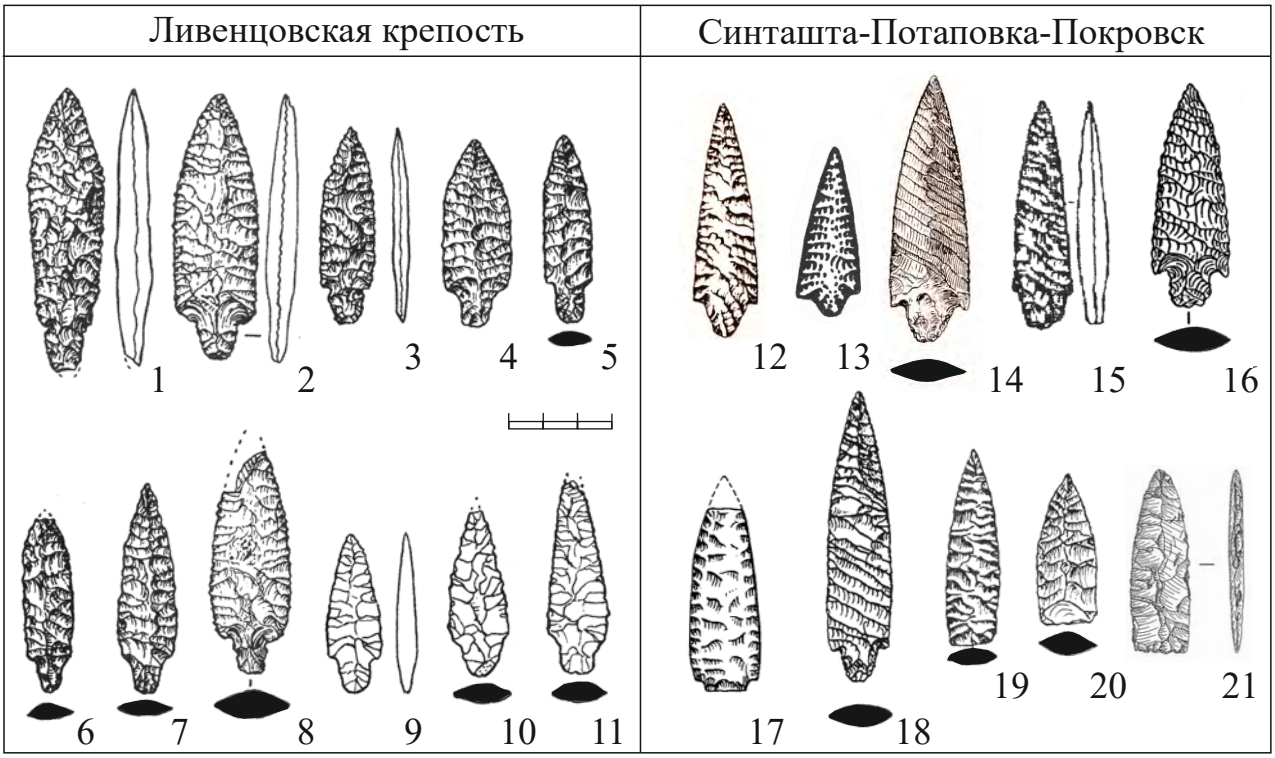
Илл. 229. Культурогенез. Территория блока посткатакомбных культурных образований и расположение Ливенцовско-Каратаевской крепости

Илл. 230. Культурогенез. Типология кремневых наконечников стрел Ливенцовско-Каратевской крепости по (Братченко, 2006)

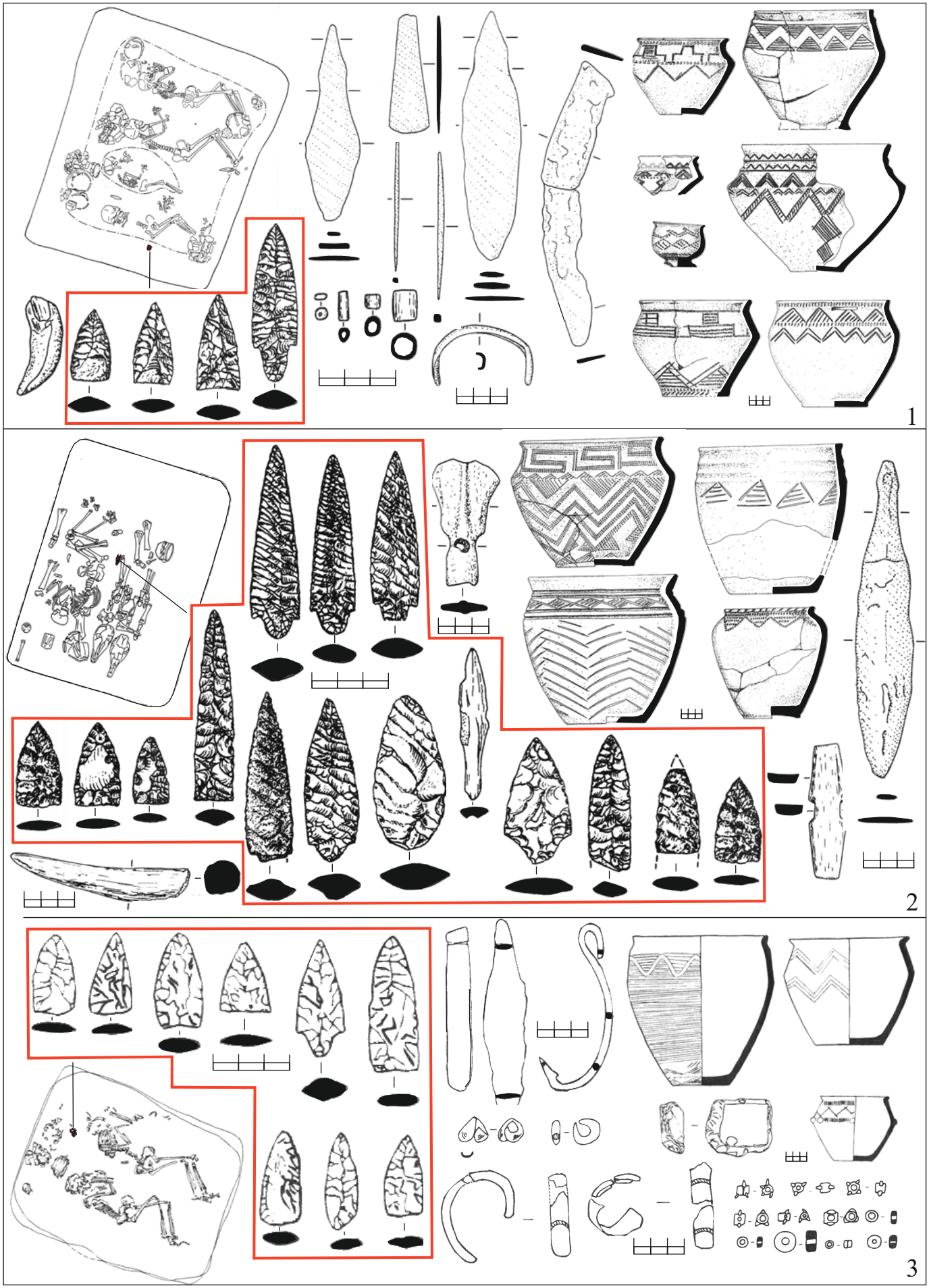
1-5 - ливенцовский участок; 6 - каратаевский участок

1 – черешковые башневидные (166 экз.); 2 – черешковые листовидные (137 экз.); 3 – черешковые треугольно-листовидные (127 экз.); 4 – узкие с овальным основанием (не менее 15 экз.); 5 – выемчатые (11 экз.); 6 – широкие с овальным основанием

Илл. 231. Культурогенез. Наконечники стрел групп, осаждавших Ливенцовско-Каратаевскую крепость, и воинов колесничных культур

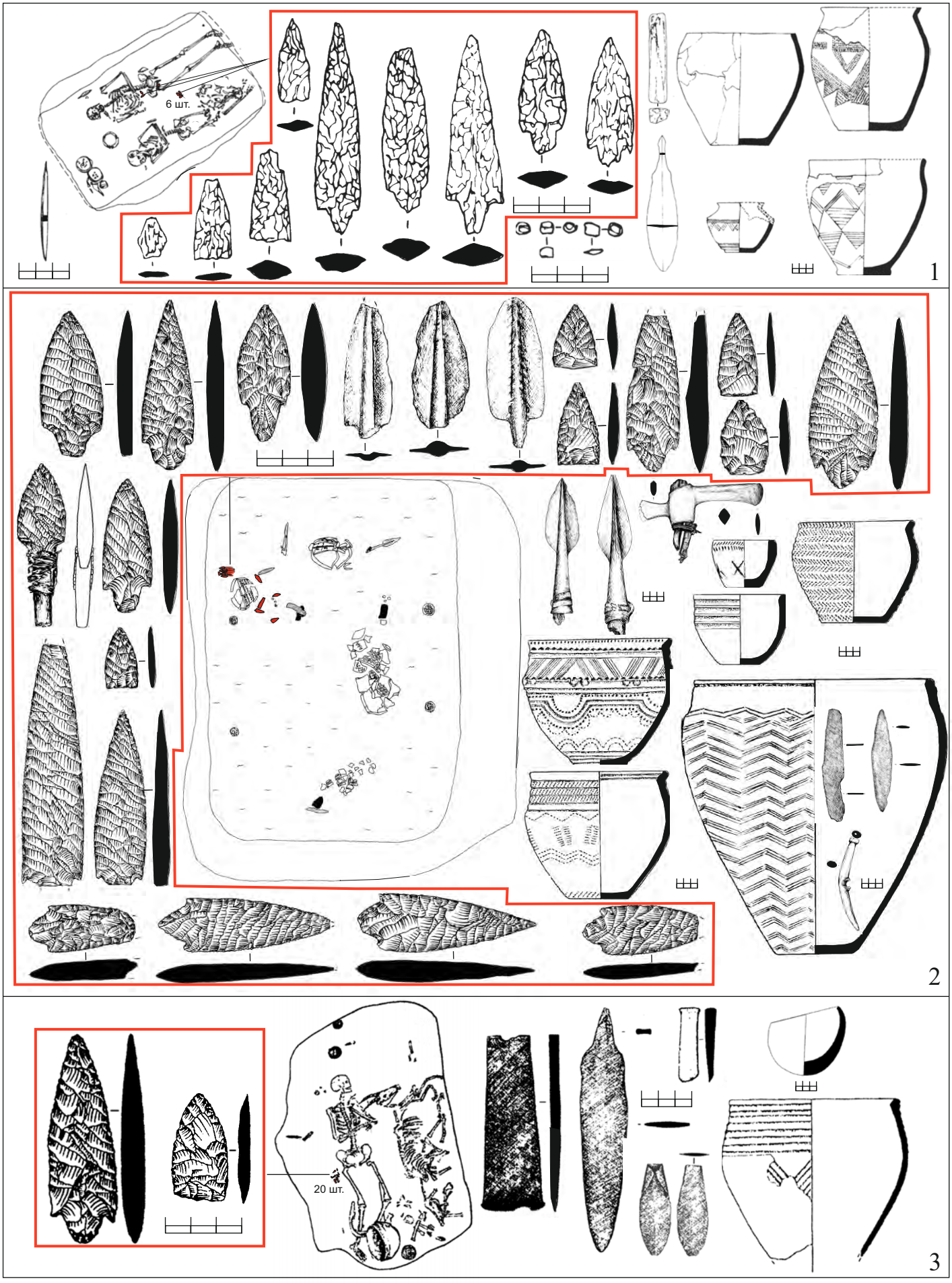
1–6 – черешковые башневидные; 7–8 – черешковые листовидные; 9–11 – черешковые треугольно-листовидные; 12–18 – наконечники «сейминского» или «абашевского»; 19–21 – наконечники «турбинского» или «покровского» типа

0 50см - масштаб для планов погребений

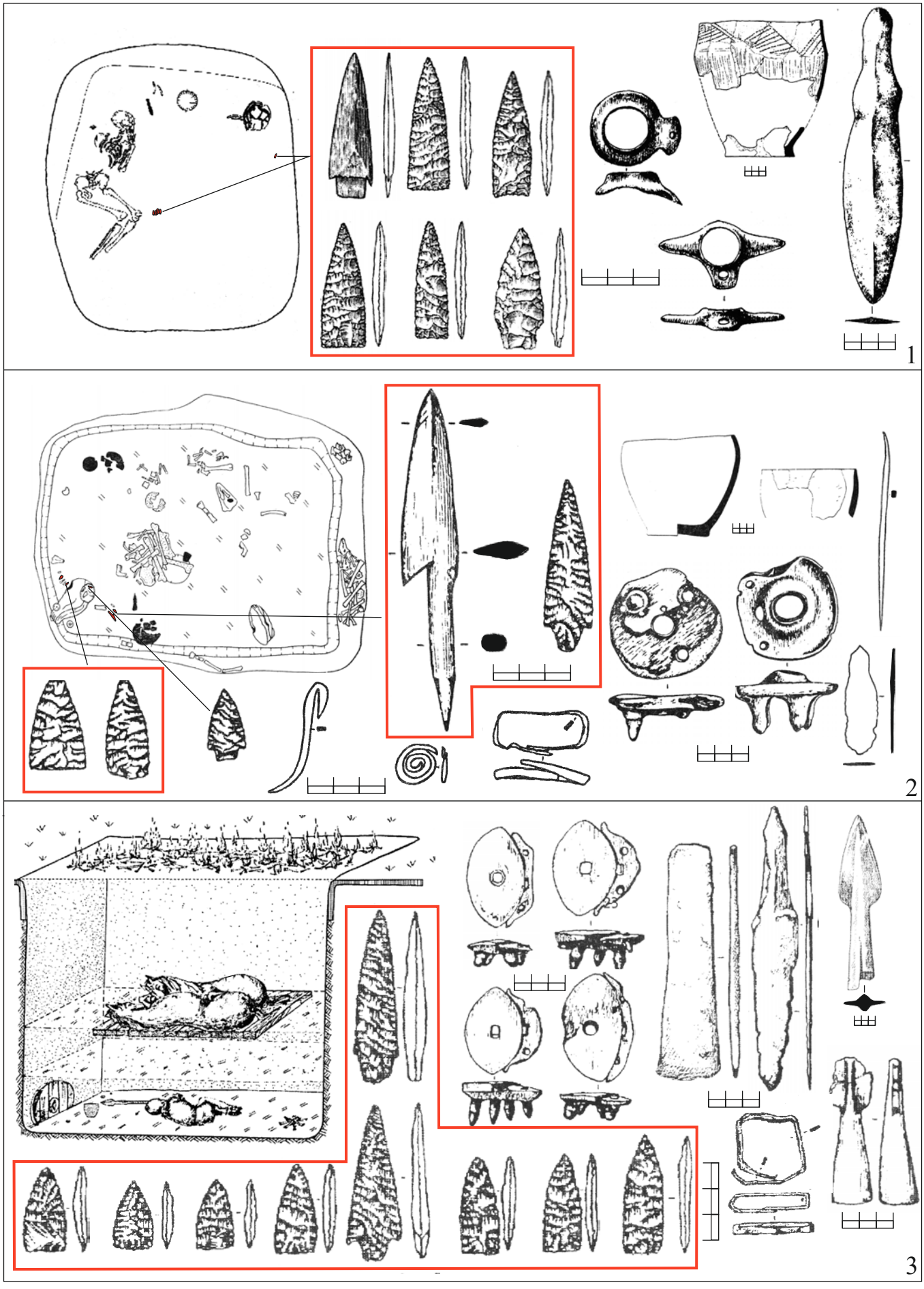
Илл. 232. Культурогенез. Колчанные наборы с наконечниками «покровского/турбинского» и «абашевского/сейминского» типов в синташтинских погребениях

1 - Каменный Амбар 5 2/12; 2 - Каменный Амбар 5 2/15; 3 - Танаберген II 7/15

Илл. 233. Культурогенез. Колчанные наборы с наконечниками «покровского/турбинского» и «абашевского/сейминского» типов в синташтинских погребениях

1 - Танаберген II 7/21; 2 - Халвай III кург./9; 3 - Бестамак п.5

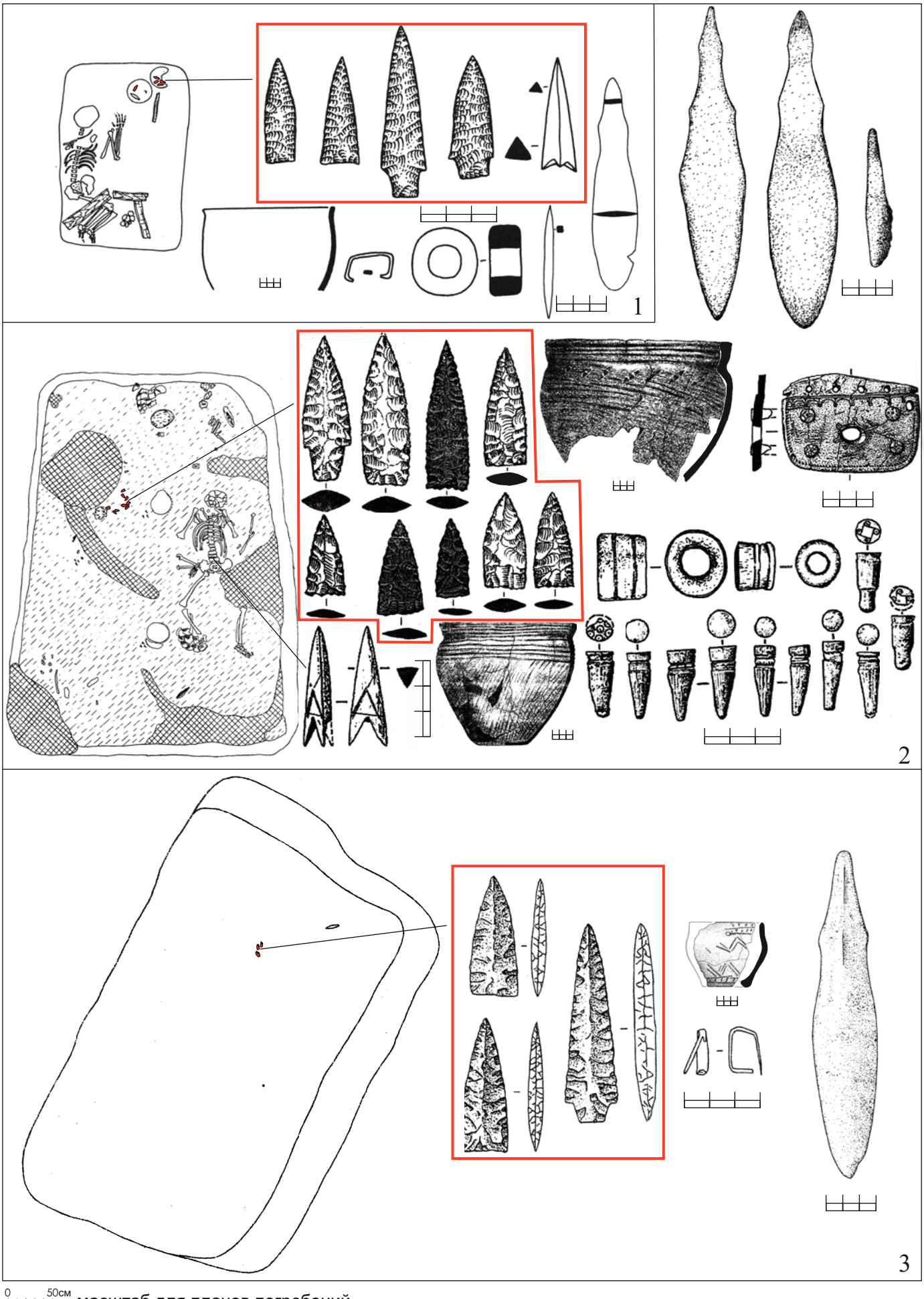

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 234. Культурогенез. Колчанные наборы с наконечниками «покровского/турбинского» и «абашевского/сейминского» типов в покровских и потаповских погребениях

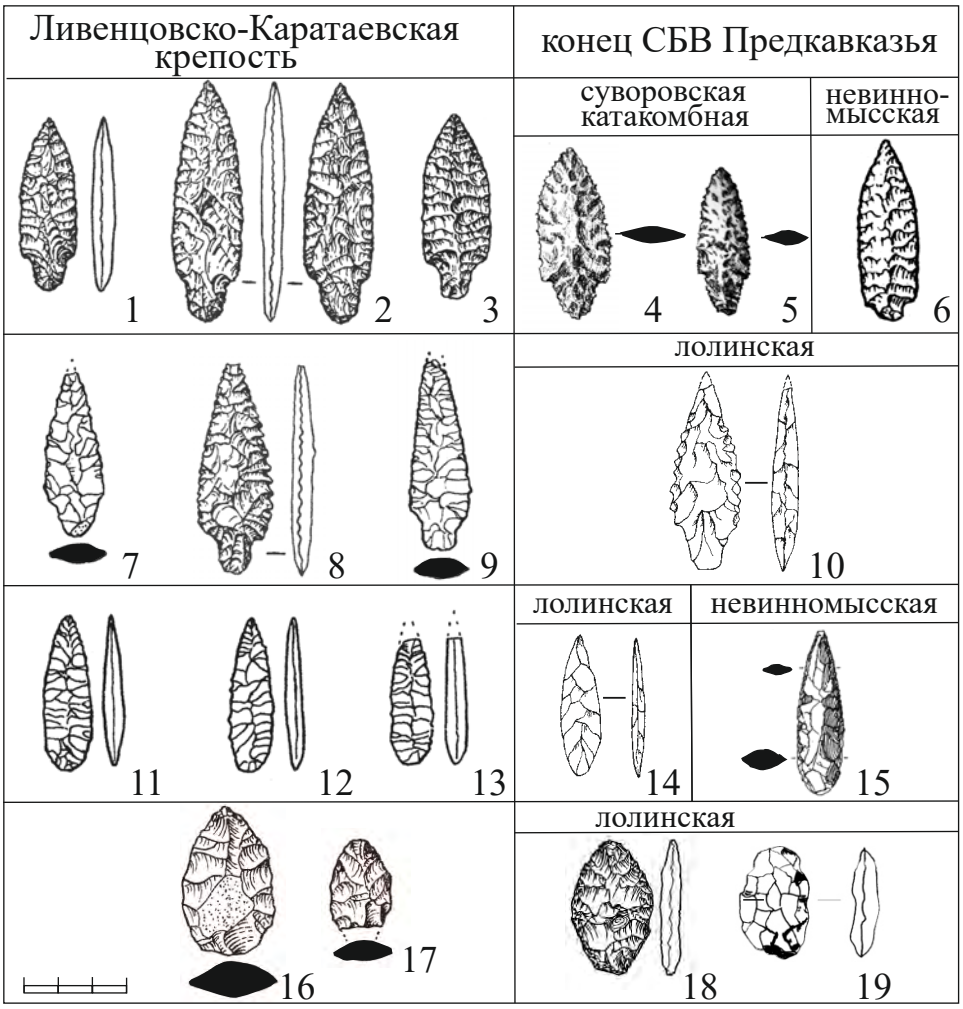
1 - покровская; 2,3 - потаповская

1 - Спиридоновка II 1/1; 2 - Потаповка 3/4; 3 - Утевка VI 6/4

Илл. 235. Культурогенез. Колчанные наборы с наконечниками «покровского/турбинского» и «абашевского/сейминского» типов в покровских погребениях

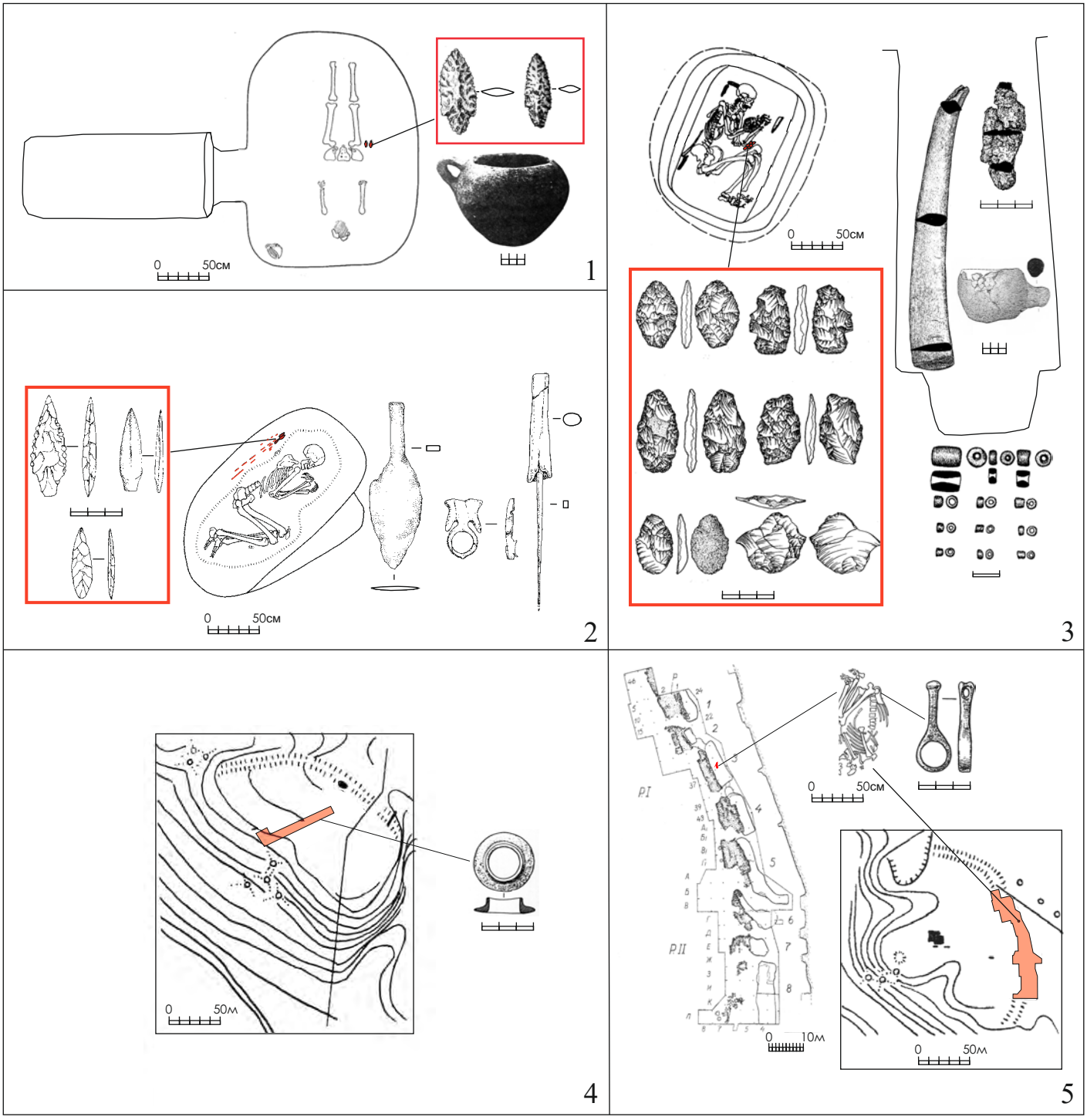
1 - Натальино II 14/1; 2 - Дубовый Гай кург/4; 3 - Неткачево 6/2

Илл. 236. Культурогенез. Наконечники стрел Ливенцовско-Каратаевской крепости
и их предкавказские аналогии

1-3, 7-9, 11-13 - ливенцовский участок; 16,17 - каратаевский участок; 4,5 - Суворовская 10/6; 6 - Ростов-Западный 5/3; 10,14 – Черноярская 3/10; 15 - Иноземцево 1 1/2; 18 – Манджикины 1 9/1; 19 - Степная IV 3/3

1-6 - черешковые башневидные; 7-10 - черешковые треугольно-листовидные; 11-15 - узкие с овальным основанием; 16-19 - широкие с овальным основанием

Илл. 237. Культурогенез. Комплексы с колчанными наборами, комплектом мастера-стрелодела и костяными поясными пряжками из Ливенцовско-Каратевской крепости и Предкавказья

1 - суворовская катакомбная культура; 2,3 - лолинская культура; 4,5 - Ливенцовско-Каратаевская крепость

1 - Суворовская 10/6; 2 - Черноярская 3/10; 3 - Манджикины 1 9/1; 4 - каратаевский участок, пряжка из слоя; 5 - ливенцовский участок, погребение с пряжкой

Илл. 238. Культурогенез. Хронологическое соотношение костяных и роговых пряжек и подвесок культур финала средней – начала поздней бронзы

1 - Беева Могила п.3; 2 - Донецк, Текстильщик 4/19; 3 - Керчик, Гать III 16/5; 4 - Хомуш-Оба 2/8; 5 - Верхний Балыклей 4/4; 6 - Евстратовский II 4/3; 7 - Власовский I 7/1; 8 - Жареный Бугор 3/1; 9 - Темрта 1 2/7; 10 - Чограй VIII 34/1; 11 - Кевюды 1 3/5; 12 - Крепость, ливенцовский участок п.6; 13 - Крепость, каратаевский участок пряжка из слоя; 14 - Ясиновский III од. кург./6; 15 - о. Виноградный п. 22; 16 - Веселовская 3/10; 17 - Благовещенка 5/1; 18 - Русский Колодец II 2/7; 19 - Запорожец 1/19; 20 - Короли 4/3; 21 - Линево 6/6; 22 - Лимаревка 1/20; 23 - Мерень 1/12; 24 - Васильевка 40/4; 25 - Тараклия II 16/1; 26 - Лещевка 1/2; 27 - Песчаное 1/14; 28 - Николаевка 3/10; 29 - Невинномысский 1 13/6; 30 - Красносельский 10 2/2; 31 - Оленний I 2/8; 32 - Ильинский 1 1/6; 33 - Типки I 2/4; 34 - Кривая Лука XXI 1/9; 35 - Тамар-Уткуль VII 4/3; 36 - Любарцы 5/2; 37 - Крутенький I 2-3/11; 38 - Сидорово 1/1; 39 - Старая Катериновка 31/4; 40 - Измаил; 41 - Угледар 1/3; 42 - Ульяновский 1 3/5; 43 - Садовый 4/10; 44 - Адагум 1 7/3; 45 - Элиста 6/1; 46 - ВМЛБ I 30/1; 47 - Филатовский курган/1; 48 - Большая Плавица 1/2; 49 - Покровск 35/2; 50 - Введенский курган/2; 51 - Чилгир 3/3

Илл. 239. Культурогенез. Синхронистическая таблица. Хронологическое соотношение посткатакомбных, колесничных культурных образований и Ливенцовско-Каратаевской крепости

Илл. 240. Культурогенез. Погребальный обряд лолинской культуры (ОГ VII и VIII), ВУКГ (ОГ IV) и синташтинской культуры

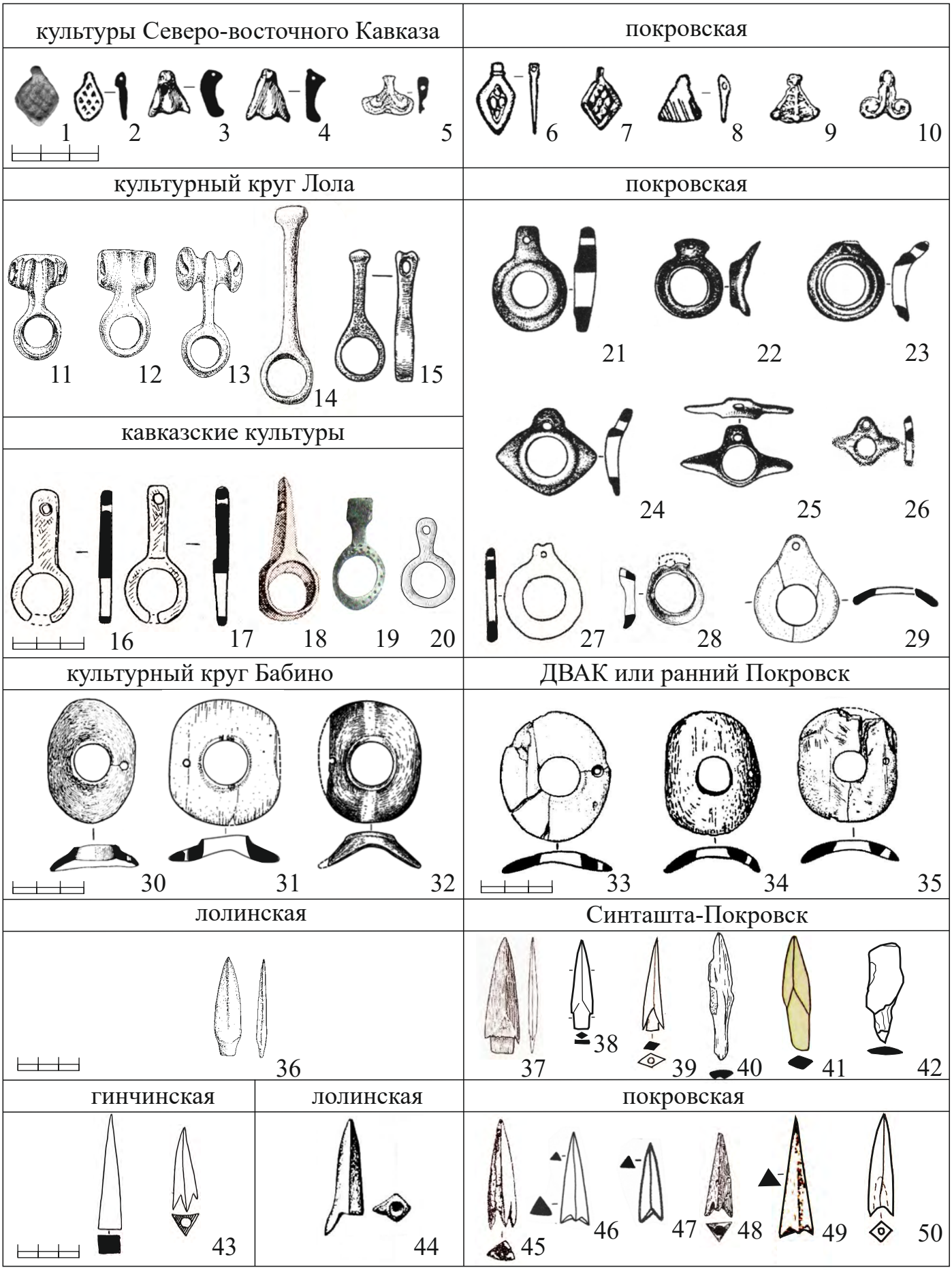
I - погребения волго-уральской посткатакомбной группы; II - погребения лолинской культуры (ОГ VII и VIII); 1- погребения синташтинской культуры
1 - Синташта СII/10; 2 - Танаберген II 7/25; 3 - Танаберген II 7/35б; 4 - Жаман-Каргалы I 1/1; 5 - Каменный Амбар-5 2/15; 6 - Танаберген II 7/23; 7 - Танаберген II 7/33; 8 - Ишкиновка I 3/1; 9 - Большекараганский 25/7; 10 - Танаберген II 7/20

Илл. 241. Культурогенез. Категории инвентаря Северо-восточного Кавказа, Предкавказья и Волго-Уралья

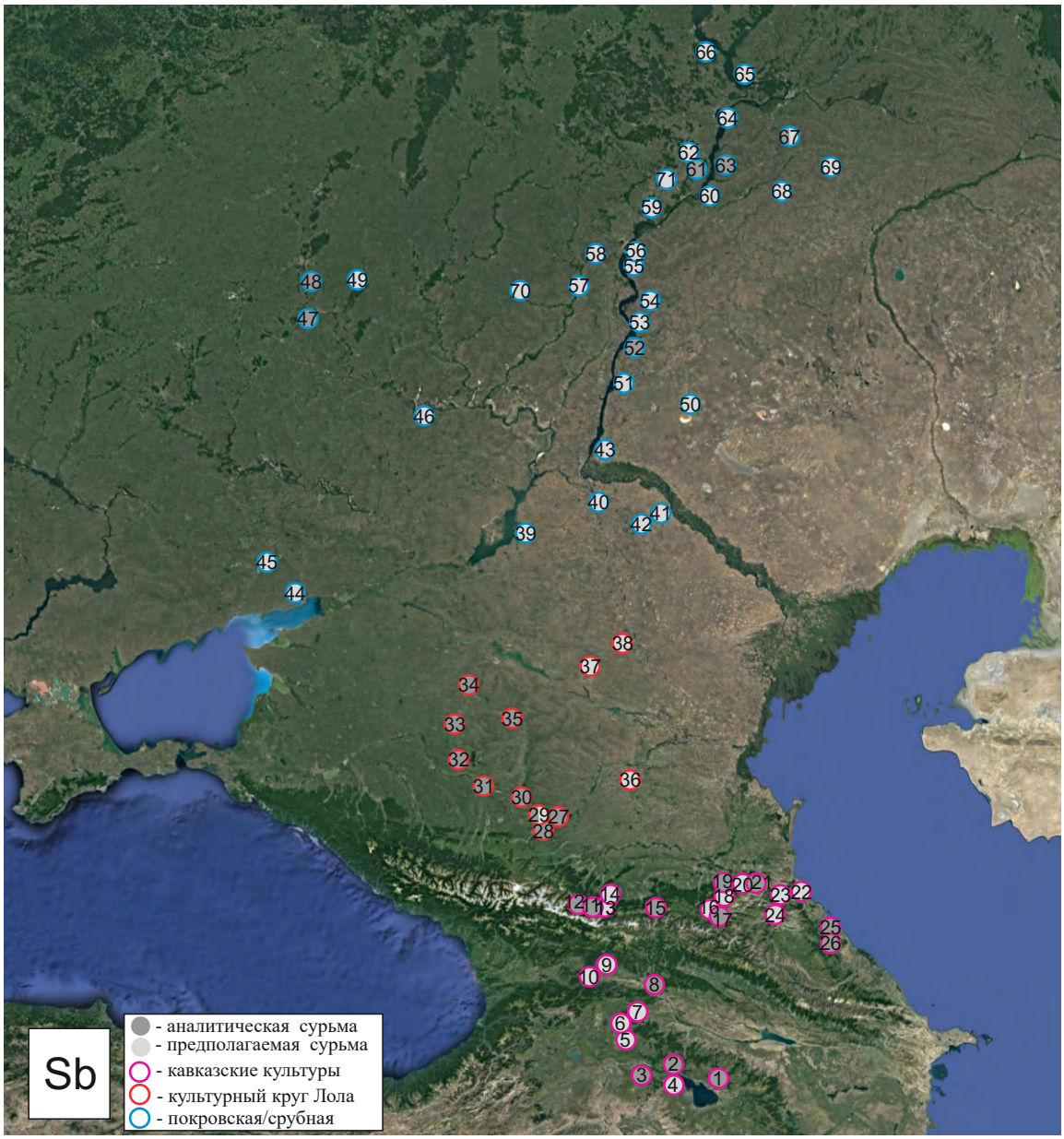
I,IV,VI,XI - культуры СБВ Северо-восточного Кавказа; ***II,V,X*** - лолинская и невинномысская культуры; ***IX*** - волго-уральская группа; ***VIII*** - поздняя ВМКК.

1 - Синташта СМ/18; 2 - Кривое Озеро 10/13; 3 - Танаберген II 7/15; 4 - Каменный Амбар-5 4/3; 5 - Танаберген II 7/15; 6,8 - Танаберген II 7/23; 7 - Кривое Озеро 10/5; 10 - Каменный Амбар 5 4/2; 11 - Синташта СМ/27; 12 - Ишкиновка II 1/3; 13 - Синташта СМ/3; 14 - Кривое Озеро 10/5; 15 - Каменный Амбар-5 4/2; 16 - Танаберген II 7/23; 17 - Жаман-Каргала I 1/6; 18 - Кривое Озеро 10/34; 19 - пос. Аркаим; 20 - Синташта СII/1; 21 - Танаберген II 7/21; 22 - Жаман-Каргала I 23/3; 23 - Большекараганский 25/10; 24,33 - Кривое Озеро 9/1; 25 - Синташта СI/14; 26 - Синташта СII/7; 27 - Большекараганский к.25; 28 - Лопатинский II 2/1; 29 - Потаповский 3/4; 30 - Синташта СМ/30; 31,32 - Большекараганский 25/12; 33 - Большекараганский к.25

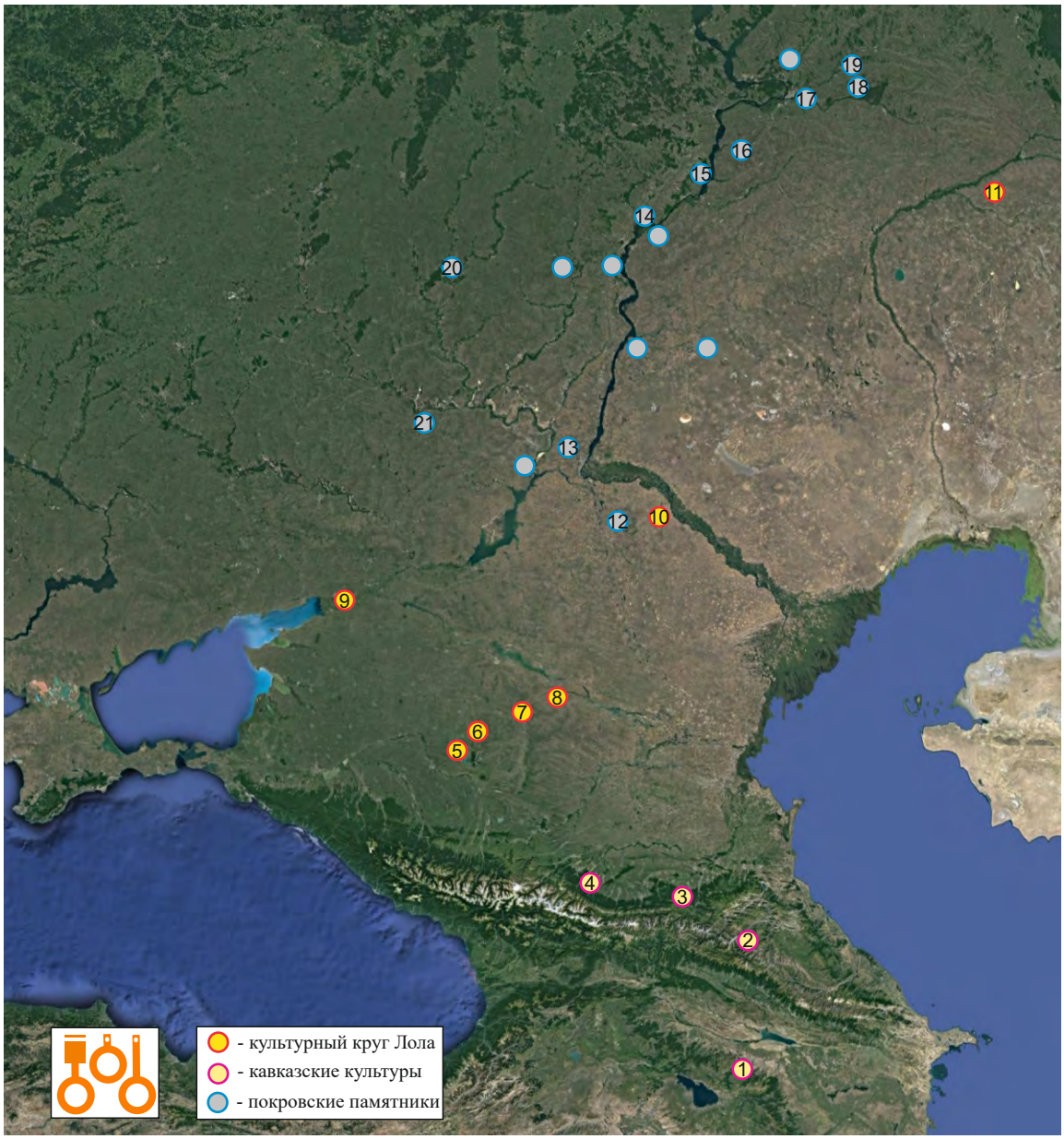
Илл. 242. Культурогенез. Категории инвентаря Северо-восточного Кавказа, Предкавказья, днепро-донского и волго-уральского регионов

1 - Каякент п.16; 2-4 - Хорочой п.2; 5 - Кари-Цагат п.6; 6,8 - Золотая Гора 5/8; 7 - Старая Тойда 1/2; 9,10 - Иловатка 4/2; 11 - Ильинский 1 1/6; 12 - Типки I 2/4; 13 - Кривая Лука XXI 1/9; 14 - Тамар-Уткуль VII 4/3; 15 - Ливенцовская крепость п.6; 16,17 - Гатын-Кале п.7; 18 - Гинчи склеп 2; 19 - Донифарс п.4 (б/м); 20 - соор. 58 пос. Ханлар; 21 - Неприк к.1; 22 - Спиридоновка II 1/1; 23 - Чардым 1/9; 24 - Крутенький II п.3; 25 - Алексеевский I п.66; 26 - Красная Котлубань 3/2; 27 - Чурилово; 28 - Лозовка V; 29 - Большенаполовский VIII 1/7; 30 - Любарцы 5/2; 31 - Крутенький I 2-3/11; 32 - Поповка V 1/1; 33 - Кондрашкинский п.1; 34 - Власовский 16/4; 35 - Введенский 1/1; 36 - Черноярская 3/10; 37 - Спиридоновка II 1/1; 38 - Новоселки 3/2; 39 - Ветлянка IV 14/2; 40 - Каменный Амбар 5 2/15; 41 - Солнце II 3/1; 42 - Танаберген II 7/22; 43 - Бельты; 44 - Царан-Усн VII 4/27; 45 - Чамлык-Никольское 1/1; 46 - Натальино II 14/1; 47 - Покровск 8/1; 48 - Владимировский I 1/1; 49 - Староюрьево 2/1; 50 - Ветлянка IV 14/2

Илл. 243. Культурогенез. Находки сурьмяных украшений конца средней - поздней бронзы

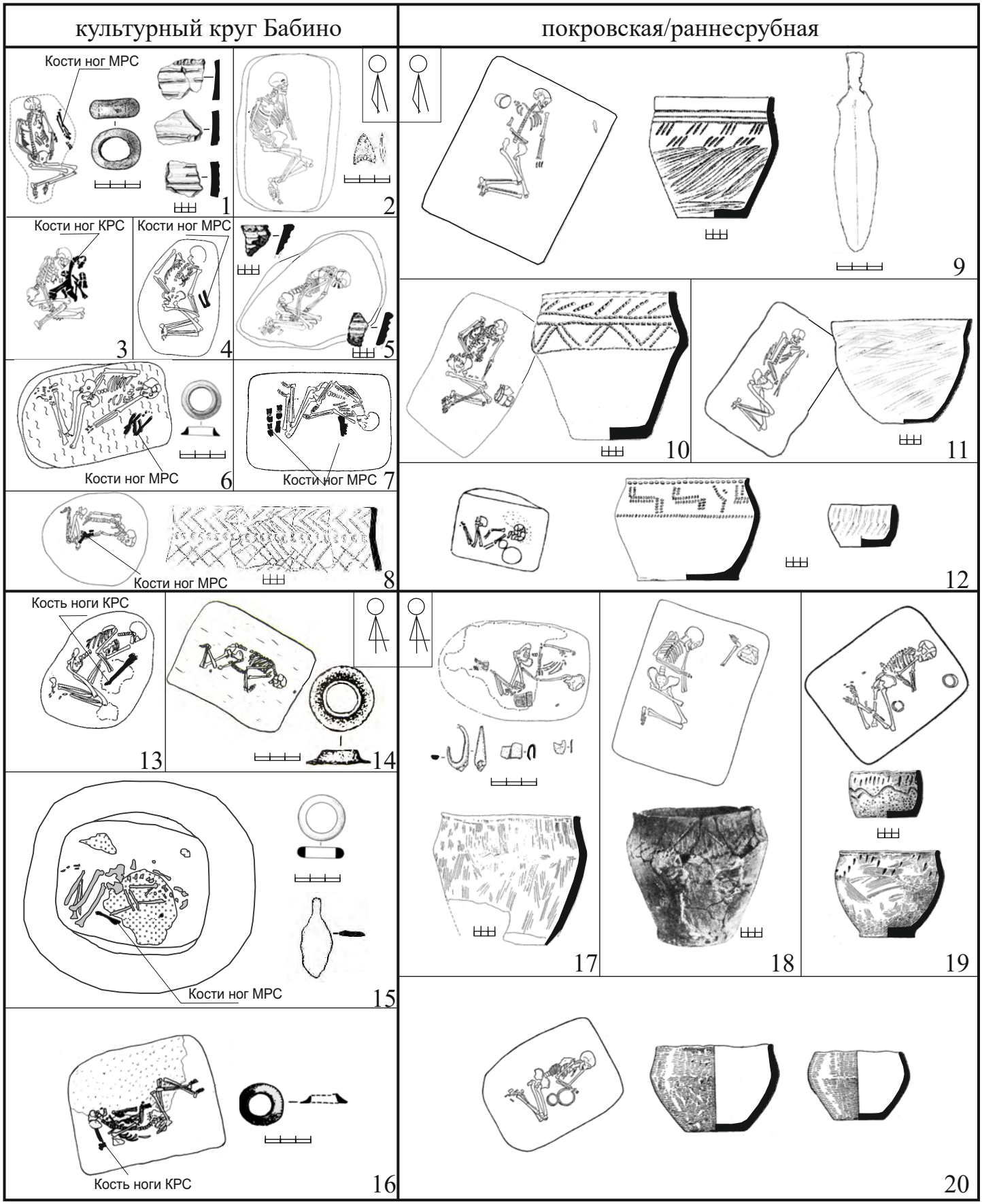
1 - Кедабек; 2 - Редькин Лагерь; 3 - Артик; 4 - Лчашен; 5 - Игранчай; 6 - Кобальский; 7 - Чала; 8 - Самтавро; 9 - Хетагурово; 10 - Брильский; 11 - Кумбулта; 12 - Фаскау; 13 - Кари Цагат; 14 - Корца; 15 - Эгикал; 16 - Дай; 17 - Хорочой; 18 - Ведено; 19 - Бельты; 20 - Зандак; 21 - Миатли; 22 - Манас, Тахиркалинский; 23 - Буйнакск; 24 - Ирганай; 25 - Каякент, Великент; 26 - Мамай-Кутан; 27 - Георгиевский 3; 28 - Иноземцево 1; 29 - Ульяновский 1, Николаевский 3, Бородыновка; 30 - Кунаковский 2; 31 - Невинномысский 1; 32 - Сенгилеевский 7; 33 - Птичье 3; 34 - Красногвардейский; 35 - Золотаревка 1, 3; 36 - Бияш; 37 - Лола I; 38 - Улан-Терге; 39 - Кирпичный Бугор; 40 - Цаца; 41 - Кривая Лука V; 42 - Большой Царын;43 - Волжский II; 44 - Гаевка-Каймакчи XV; 45 - Котовский; 46 - Меркуловский IV, Савельевский; 48 - Советское 2; 49 - Старая Тойда;50 - Венгеловка; 51 - Быково IV; 52 - Молчановка; 53 - Иловатка; 54 - Мурманский I, Мирный; 55 - Узморье, Терновка; 56 - Покровск; 57 - Южный; 58 - Золотая Гора; 59 - Медянниково; 60 - Натальино II; 61 - Алексеевский; 62 - Кулатка; 63 - Александровка; 64 - Кашпирский; 65 - Золотая Нива II; 66 - Новоселок; 67 - Кировский I, Волчанка; 68 - Максютово; 69 - Кошкинский; 70 - Низовка; 71 - Дмитриевка 5/2

покровские памятники без номера даны по карте Р.А. Литвиненко без легенды (Литвиненко, 2001б)

Илл. 244. Культурогенез. Находки узкопланочных кольцевидных пряжек на Кавказе, в погребениях культурного круга Лола и покровских захоронениях

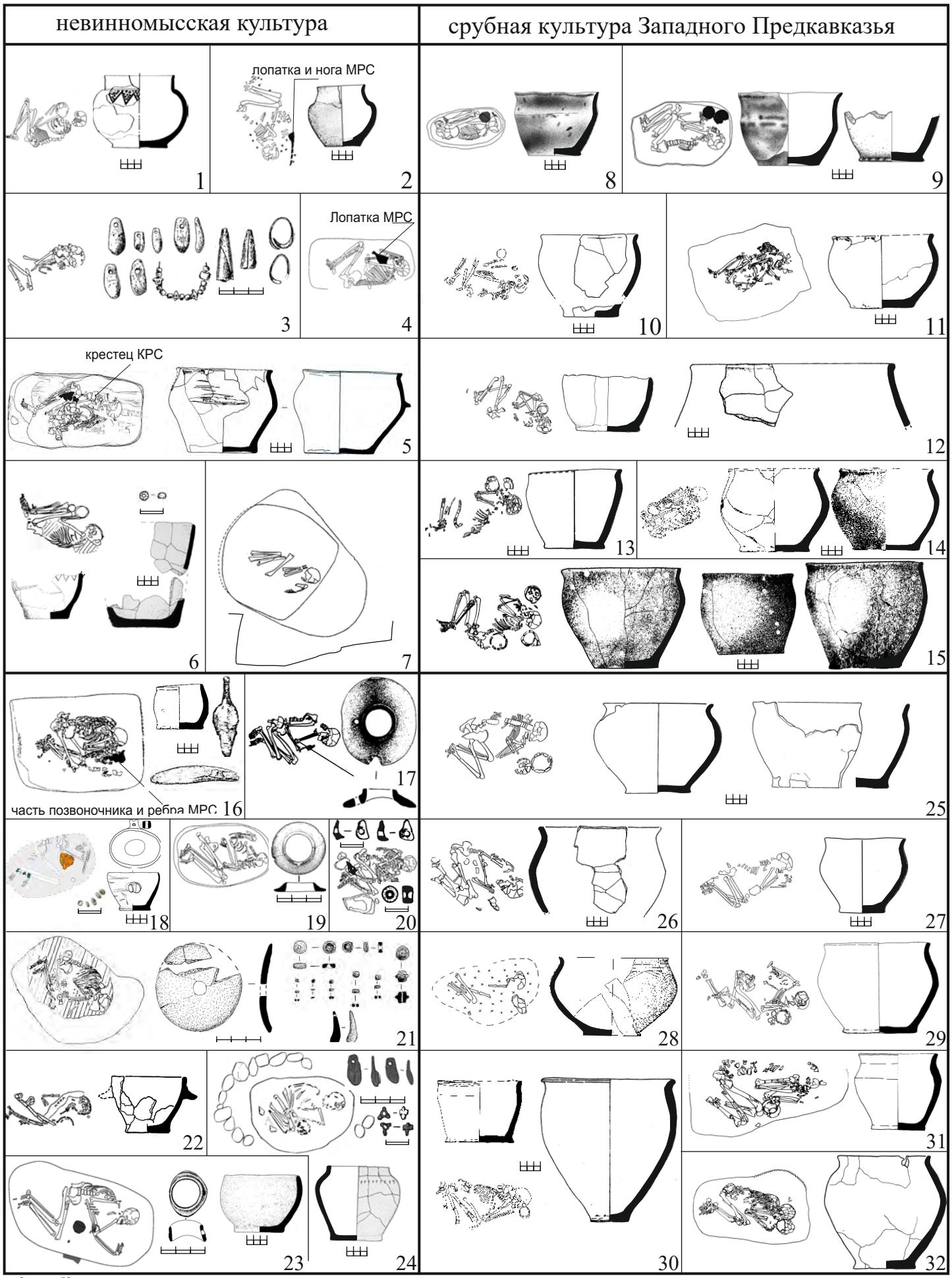
1 - Ханлар; 2 - Гинчи; 3 - Гатын-Кале; 4 - Донифарс; 5 - Родионов; 6 - Ильинский; 7 - Ипатово; 8 - Типки I; 9 - Ливенцовская крепость; 10 - Кривая Лука XXI; 11 - Тамар-Уткуль VII; 12 - Ут; 13 - Красная Котлубань; 14 - Чардым;15 - Алексеевский 1; 16 - Крутенький II; 17 - Спиридоновка II; 18 - Неприк; 19 - Лозовка V; 20 - Чурилово; 21 - Большенаполовский VIII 1/7

0 50см - масштаб для планов погребений

Илл. 245. Культурогенез. Положение рук в посткатакомбных погребениях и комплексах начала поздней бронзы как свидетельства генетической взаимосвязи

1 - Евстратовский II 4/3; 2 - Смеловка 2/3; 3 - Калиновский I 1/4; 4 - Никольское I 1/9; 5 - Гремячий II 1/3; 6 - Линево 6/6; 7 - Скатовка 21/7; 8 - Рунталь 1/1; 9 - Неткачево 1/2; 10 - Большие Копены I 1/3; 11 - Студеновский 2/2; 12 - Дмитриевка 3/11; 13 - Кривая Лука XXXIV 2/2; 14 - Короли 4/3; 15 - Верхний Балыклей 4/4; 16 - Горный 2/4; 17 - Репный I 7/2; 18 - Черебаево 5/3; 19 - Политодельское 11/8; 20 - Политодельское 1/5

Илл. 246. Культурогенез. Погребальный обряд и инвентарь невинномысской культуры и срубной культуры Западного Предкавказья «традиции В»

1 - Общественный I 3/5; 2 - Хоперская 2/4; 3 - Нальчик кург./31; 4 - Общественный I 3\9; 5 - Малаи I 9/3; 6 - Винсады 4 2/9; 7 - Расшеватский 1 23/4; 8 - Панагия п.9 9 - Панагия п.6; 10 - Брюховецкая II 2/1; 11 - Восточномалайский II 6/10; 12 - Кавказский-92 3/3; 13 - Лебеди I 8/13; 14 - Малаи I 7/4; 15 - ПКОС-79 62/2; 16 - Малаи II 1/16; 17 - Батуринская I 5/2; 18 - Суворовский 1 5/1; 19 - Невинномысский 3 7/19; 20 - Калиновский 1/8; 22 - Бугундырь VI 4/2; 23 - Адагум 1 7/3; 24 - Сунжа-90 4/11; 25 - Текучка I 6/1; 26 - Белевцы I 4/4; 27 - Брюховецкая II 2/3; 28 - Динской 4 1/2; 29 - Калининская II 1/2; 30 - Греки V 3/1; 31 - Лебеди I 5/16; 32 - Старомышастовская I 1/19